Всероссийская академия
внешней торговли

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ

Г.В. Гриненко

Хрестоматия по истории мировой культуры

3-е издание

Высшее образование

Г.В. Гриненко

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

3-е издание,
переработанное и дополненное

Рекомендовано УМО по образованию в области историко-архивоведения в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальности 020600 «Культурология»

Москва
Высшее образование
2005

УДК 1/14 ББК87.3я73 Г85

Учебное пособие подготовлено во Всероссийской академии внешней торговли, г. Москва

Гриненко Галина'Валентиновна — доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли (г. Москва), зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Института международных экономических отношений
(г. Химки Московской области)
Гриненко Г.В.

Г85 Хрестоматия по истории мировой культуры: Учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Высшее образование, 2005. — 940 с.
ISBN 5-9692-0019-0

Книга Г.В. Гриненко представляет собой собрание текстов выдающихся мыслителей и ученых, писателей и художников — как прошлых веков, так и наших современников, — раскрывающих суть и природу наиболее значимых явлений мировой культуры. На протяжении многих лет преподавательской и исследовательской работы эти тексты специально отбирались автором из необъятного моря литературы, посвященной той или иной теме. Хрестоматия освещает громадный период развития мировой культуры: от первобытного общества до XX века. Истории культуры России посвящена отдельная глава.

Особым достоинством книги являются комментарии ко всем ее основным разделам. Благодаря им автор в лаконичной, но чрезвычайно насыщенной содержанием форме изложил, по сути, свою оригинальную концепцию истории мировой культуры.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений и всех, кого интересует история мировой культуры.

УДК 1/14 ББК87.3я73

По вопросам приобретения обращайтесь в кнтгото**рг «Юрайт»**

Тел.: (095) 744-00-12. E-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

Покупайте наши книги:

— в нашем офисе: 140004, Московская область, г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, дом 1;

— через службу «Книга-почтой»: 140004, Московская область, г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, дом 1;

— через Интернет-магазин: www.books.urait.ru; e-mail: **books@books.urait.ru.**

© Гриненко Г.В., 2005 ISBN5-9692-0019-0 © ООО«Высшее образование», 2005

Содержание

Предисловие к третьему изданию.....7

Первобытная культура и культура Древнего Мира

Культура первобытного общества.....13

Первобытная культура. Традиционная культура

Культура Древнего Египта.....46

Религия и мифология. Государство и право. Письменность и книги. Литература. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Древней Месопотамии.....75

Религия и мифология. Философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура древних евреев.....105

Религия и мифология. Философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Быт и нравы

Культура Древнего Ирана.....136

Религия и мифология. Государство и право. Письменность.
Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство.
Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Древней Индии.....166

Религия и философия. Буддизм. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Древнего Китая.....'.....209

Религия и философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Древней Греции.....242

Религия и мифология. Философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Древнего Рима.....293

Религия и мифология. Философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура древних цивилизаций Америки.....340

Религия и мифология. Философия. Государство и право. Письменность и книги. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы

Культура Средневековья и Возрождения

Средневековая культура Востока (Индия, Китай, Япония).....378

Индия. Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы. ***Китай.*** Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. ***Япония.*** Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Быт и нравы

Средневековая культура мусульманского мира.....437
Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы
Культура Византии.....479
Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы
Европейская культура Средневековья.....522
Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы
Европейская культура эпохи Возрождения.....581
Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы
Культура Нового времени
Культура эпохи Просвещения.....640
Философия. Наука. Религия и церковь. Государство и право. Школа и обучение. Книги и библиотеки. Газеты и журналы. Литература. Театр и драматургия; Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Быт и нравы
Европейская культура XIX века.....688
Наука и техника. Философия. Религия и церковь. Государство и право. Периодическая печать. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Балет. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство.[1] Кинематограф. Быт и нравы
Мировая культура XX века 729
Наука и техника. Философия. Религия и церковь. Массовое общество и массовая культура. Средства массовой информации. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Кинематограф. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Быт и нравы
История отечественной культуры
Культура средневековой Руси.....852
Религия и церковь. Философия. Государство и право. Книги и библиотеки. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Музыка. Архитектура и строительство. Изобразительное искусство. Научные знания. Быт и нравы
Русская культура Нового времени..... 901
Государство и право. Религия и церковь. Философия. Наука и техника. Книги и периодическая печать. Школа и обучение. Литература. Театр и драматургия. Балет. Кино. Музыка. Архитектура и строительство. Музеи. Изобразительное искусство
Русская культура послеоктябрьского периода.....933

Предисловие к третьему изданию

Прошло уже более пяти лет с тех пор, когда вышло второе издание этой книги. И я уже устала отвечать, что она давно распродана, когда знакомые и незнакомые люди, студенты и преподаватели обращались ко мне с вопросом: где можно найти мою «Хрестоматию по истории мировой культуры»? Наконец-то ситуация изменилась, и теперь я с радостью могу сказать: книга есть во всех книжных магазинах.

За прошедшее время текст «Хрестоматии» был несколько переработан — в основном, в сторону расширения. Небольшие изменения есть во многих разделах книги, но один из них — «Культура XX века» — изменился кардинально, увеличившись в объеме и получив новое осмысление. Эта работа была самой сложной: всегда трудно говорить о культуре, в рамках которой живешь сам. Именно поэтому в данном разделе особенно много моих примечаний, сделанных для того, чтобы читателю было проще разобраться в рассматриваемых проблемах.

На Земле существовало и существует множество народов, каждый из которых обладает своей особой и неповторимой культурой. На эту тему написаны сотни тысяч книг и статей: научных и популярных, основанных на документах и легендах, рассказах путешественников, а то и анекдотах... Чаще всего эти книги весьма интересны, и читатель с удовольствием погружается в необычный и увлекательный мир, в котором жили или живут наши соседи по планете Земля. Но слишком много — это не всегда хорошо, ведь в океане книг можно просто утонуть. Вместе с тем

многие особо интересные книги труднодоступны. Попробуйте отыскать в магазине «Историю» Геродота или, например, «Риг-веду»! Отчасти решить эту проблему помогает «Хрестоматия по истории мировой культуры»: в ней собраны отрывки из десятков книг лучших авторов, писавших по данной теме.

В одной книге невозможно рассказать обо всех культурах, задача этой «Хрестоматии» скромнее: дать общее представление об основных этапах развития человеческой культуры и особо ярких и важных для человечества в целом цивилизациях. Поэтому общий принцип построения «Хрестоматии» — хронологически-типологический. В истории человечества выделяются основные периоды (эпохи): первобытное общество и Древний мир, Средневековье и Возрождение, и, наконец, Новое время.

Но эта периодизация, созданная на базе изучения европейской истории, далеко не всегда подходит для других районов мира. Так, строго говоря, эпоху Возрождения имеет смысл выделять только для европейской культуры, а эпоху Просвещения (в рамках Нового времени) — для европейской и североамериканской. Кроме того, хронологические рамки культур одного типа далеко не всегда совпадают. И при решении вопроса о том, следовать ли в первую очередь собственно хронологии или же типологии культур, предпочтение было отдано типологии. Поэтому доколум-бовы цивилизации Америки рассматриваются в разделе «Древний мир», хотя большинство из них существовало в то время, когда в Европе царило Средневековье. А в разделе «Средневековая культура Востока» рассказ о культурах Индии, Китая и Японии доводится до середины XIX в. и даже начала XX в., т.е. времени, до которого там действительно сохранялся данный тип культуры, но в Европе и Северной Америке давно уже существовала культура Нового времени.

В отдельном разделе очень кратко, даже схематично рассматривается история отечественной культуры. Решение об этом было принято сознательно: ограниченный объем книги не позволил отвести русской культуре столько места, сколько она заслуживала. В то же время по истории отечественной культуры существует большое количество легко доступных читателю книг. Поэтому в «Хрестоматии» даны относительно подробный рассказ о менее известной широкому кругу читателей культуре средневековой Руси, фрагментарный рассказ о русской культуре Нового времени и совсем схематичное изложение культуры послеоктябрьского периода. Общая цель всего этого раздела — скорее, обозначить место русской культуры в истории мировой культуры, а не создать всестороннее представление о ней.

Для удобства читателей (в частности, это поможет студентам при подготовке к экзамену) каждый раздел имеет несколько рубрик: «Философия», «Литература», «Музыка» и т.п. В целом система рубрик единообразна для всех разделов, но некоторые изменения в ней все-таки есть, что зависит от особенностей рассматриваемой в разделе культуры. Понятно, что новые рубрики, такие как «Кино», «Балет» и т.п., появляются только тогда, когда возникают соответствующие явления. В других случаях на смену одним рубрикам приходят другие? Так, если в разделах, посвященных культуре Древнего мира, имеется рубрика «Письменность», то в разделах, относящихся к культуре Средневековья и Возрождения, вместо нее появляется рубрика «Книги и библиотеки», а в разделе «Мировая культура XX века» — «Средства массовой информации».

В «Хрестоматии» фигурируют имена многих богов, культурных героев и прочих персонажей, но ударения не проставлены. В ряде случаев
(особо это относится к культурам Древнего мира) современный уровень науки вообще не позволяет восстановить правильные ударения. В других случаях читатель может узнать, как правильно произносятся эти имена, непосредственно из тех книг, откуда взяты тексты, или из специальных словарей и справочников. Рекомендую для этой цели в первую очередь использовать «Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т.».

В конце каждого текста в «Хрестоматии» приводятся имя автора и название книги, откуда текст взят. Названия этих книг (особенно если бни длинные) даются сокращенно. В конце каждого раздела .имеется список литературы, из которой взяты приводимые в разделе тексты.

Все тексты, напечатанные в «Хрестоматии» мелким шрифтом, написаны автором-составителем.

Одна из особенностей этой Хрестоматии состоит в том, что ее можно читать по-разному: конечно, как и любую другую книгу, ее можно просто открыть на первой странице и читать все подряд до самого конца (и я знаю людей, которые так и поступили и уверяли, что это было интересно!). Но ею можно пользоваться и как справочником, например, перед путешествием в Египет сесть и прочитать раздел «Культура Древнего Египта», чтобы, залезая на пирамиду, заранее знать, куда ты все-таки карабкаешься. А если через два дня предстоит сдавать экзамен по культурологии, то лучше свериться со списком экзаменационных вопросов и сосредоточиться только на тех

культурах, о которых вас могут спросить, все остальное оставив на каникулы. Но кое-кто говорит, что интереснее всего открыть «Хрестоматию» наугад в любом месте и читать до тех пор, пока не отвлекут неотложные дела. Способ чтения выбирайте сами!

Самое приятное для автора в Предисловии — это возможность поблагодарить за помощь хороших людей. Прежде всего большое спасибо моим бывшим студентам за то, что они когда-то уговорили меня написать эту книгу, а нынешним студентам — за то, что они с удовольствием учатся по ней. Правда, некоторые из них, впервые увидев этот объемный том, горестно ахают: «И все это мы должны выучить?» Зато другие (правда, через несколько лет после того, как экзамен уже сдан) вдруг подходят и начинают ее хвалить.

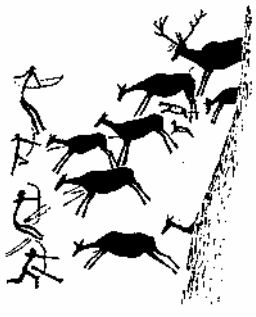
Я по-прежнему храню в душе благодарность всем, кто помогал мне в сборе материалов — прежде всего И. Зюковой, и в работе над рядом тем: по истории кино и фотографии — С. Вельской, В. Возняк, И. Клоповой, по истории русской культуры — Н. Абрамян. Особая благодарность — А. Смирнову, который когда-то в любое время дня и ночи объяснял мне по телефону, на какие кнопки надо нажимать, чтобы сканер сканировал, принтер печатал, а компьютер занимался «Хрестоматией», а не своими личными проблемами.

Громадное «Спасибо!» издательству «Юрайт», которое уже в третий раз выпускает эту книгу, редактору первого и второго издания — Г.Л. Гуртовой и моему нынешнему редактору Е.А. Журко, верстальщику И.В. Соколовой, художнику-оформителю А.В. Мурашеву, а кроме того — руководителю гуманитарного направления В.П. Рогову, который не только курировал работу в целом, но и сделал ряд ценных замечаний по содержанию текста,

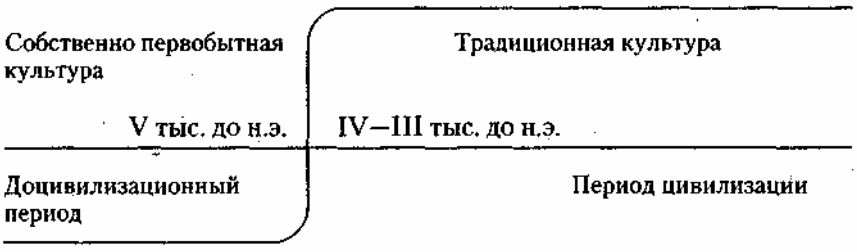
И, наконец, опять, снова и всегда: Светлая память моему отцу В.Т. Гриненко, чье сочувствие, помощь и понимание позволили создать эту книгу.

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО МИРА

КУЛЬТУРА ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА



Исторический очерк История культуры первобытного общества охватывает громадный промежуток времени — от возникновения человека и до сегодняшнего дня, так как и сейчас на земле существуют народы, ведущие первобытный образ жизни. В современной науке принято различать *собственно первобытную культуру,* существовавшую до возникновения цивилизации, т.е. примерно до IV—III тыс. до н.э., и *традиционную первобытную культуру,* существующую одновременно с цивилизациями разного типа и уровня, вплоть до современной.



Первобытная культура во всех ее аспектах изучается археологией, традиционная — этнографией. Все, что мы точно знаем о первобытной культуре, связано только с сохранившимися материальными предметами: орудиями труда, постройками, захоронениями и т.п.

Несомненно, что в эпоху первобытного общества зарождаются основные виды духовной культуры: возникают религиозные представления и мифология, музыка, танцы, театрализованные действия, архитектура и изобразительное искусство. Но за исключением двух последних, обо всем остальном можно только строить догадки. Так, обнаружив, что глиняное изображение медведя носит следы ударов копьем, можно предположить, что здесь имел место магический обряд «заколдовывания» медведя, который должен был обеспечить победу над ним охотников. Нахождение захоронений, где, например, покойник лежит в позе эмбриона, а тело его натерто красной краской, позволяет предположить наличие веры в посмертное существование или в перерожде-

ние. Основной материал для подобных реконструкций дает изучение традиционной культуры, осуществляемое этнографами. Именно ее исследования позволяют во многом понять первобытную культуру, но требуется большая осторожность в перенесении категорий и оценок с традиционной культуры на первобытную. Нельзя забывать, что при всем консерватизме традиционной культуры, она несомненно несколько изменилась за те тысячелетия, которые прошли со времен собственно первобытной культуры. Характерная особенность традиционной первобытной культуры — синкретизм: все стороны духовной культуры существуют в синтезе, и они настолько тесно переплетены, что только условно можно говорить отдельно об изобразительном искусстве, танцах, пении, мифологических и магических представлениях и т.п.

В данном разделе сначала представлен материал о первобытной, а затем о традиционной культуре.

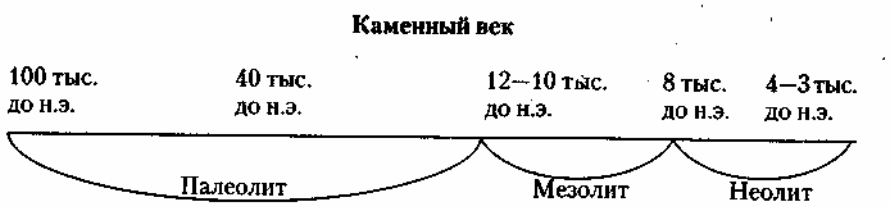
Первобытная культура

По современным данным, время возникновения нашего биологического вида — Homo sapiens (Человека разумного) — относится к периоду от 40 000 до 100 000 лет назад. На основании имеющихся сейчас материалов предполагается, что местом возникновения человека были районы северо-восточной Африки. И оттуда человек постепенно распространился по всей земле. Весь доцивилизационный период развития Homo sapiens называют *каменным веком,* в нем выделяются *три* основных периода (все даты достаточно условны, и споры по этому поводу продолжаются среди ученых и в настоящее время):

палеолит (древний каменный век: *палео* — древний, *лит* — камень) — от возникновения человека и примерно до XII—X тыс. до н.э.; палеолит делится еще на древний (или нижний), средний и верхний (или поздний) палеолит; последний начинается примерно с сорокового-тридцать пятого тыс. до н.э.; верхний палеолит делят еще на две эпохи: *Оринъяк-Солютрейская* — примерно до двадцатого тыс. до н.э. — и *Мадлен* (названия даны по местам первых находок);

мезолит (средний каменный век) — от XII—X до VIII тыс. до н.э.;

неолит (новый каменный век) — от VIII и до IV—III тыс. до н.э.



Уже в эпоху палеолита появляется членораздельная речь, человек овладевает огнем, строит первые жилища, в период позднего палеолита появляется изобразительное искусство — скульптура и живопись.

В эпоху мезолита человек приручает собаку, изобретает лук и стрелы, лодку, осваивает плетение и изготавливает корзины и рыболовные сети.

Важнейшим рубежом в развитии культуры стал переход к неолиту, связанный с так называемой «неолитической революцией». Суть ее состоит в том, что от хозяйства присваивающего типа (собирательство, охота) человек переходит к хозяйству производящего типа, т.е. он не только берет у природы готовые продукты, но и сам их производит: появляется земледелие и скотоводство, прядение, ткачество, гончарное производство и т.п.

В IV—III тыс. до н.э. появляются первые поселения городского типа и начинается развитие цивилизации.

Одежда, украшения, косметика

Невозможно точно указать, когда люди начали пользоваться одеждой, но несомненно, это произошло в древнейшие времена. Первой одеждой служили звериные шкуры, затем человек освоил плетение из стеблей, и некоторые виды одежды (типа юбочек или фартуков) стали изготавливаться из растительных волокон. В период неолита, когда возникло ткачество и прядение, одежда стала изготавливаться как из растительного, предварительно обработанного материала, так и из шерсти животных. Исследования традиционных культур показали, что в этих обществах одежда используется не только для защиты тела от внешней среды (холода, жары, механических раздражителей и т.п.), но и для магической защиты от сглаза и колдовства (в частности, в большинстве традиционных обществ одежда закрывает половые органы человека). Еще одна функция одежды — эстетическая: одежда украшает человека. О важности последней функции для первобытных людей говорят и находки на первобытных стоянках различных украшений — бус, ожерелий, подвесок и т.п. Пользовались наши дальние предки и

косметикой: на некоторых стоянках обнаружены раковины с остатками краски, которую наносили на тело и лицо. Обычай раскрашивания породил татуировки. Синкретический характер первобытной культуры должен учитываться и здесь: любые украшения (в том числе косметические) несли еще и магическую функцию защиты своего владельца от враждебных сил; могли быть знаком социального положения (ожерелье из зубов опасного хищника свидетельствовало об охотничьей доблести); определенный узор мог быть знаком племенной принадлежности или статуса вождя, великого воина и т.п.; татуировки, процедура нанесения которых была чрезвычайно болезненна, свидетельствовали о том, что человек прошел обряд инициации и является полноправным членом общества или о совершении им каких-то подвигов и т.д.

Жилища и архитектурные сооружения Пещера, круглая яма, заслон от ветра, шалаш и землянка являются основными типами жилища первобытного человека во всех частях земного шара.

На низшей и средней ступени варварства разросшиеся родовые организации общества вызвали к жизни сооружение огромных коллективных жилищ типа «длинных домов» ирокезов, пуэбло и больших родовых поселков...

Простейшим и древнейшим типом оборонительного сооружения были ров и земляной вал с частоколом, которыми окружалось поселение-После долгого периода пользования материалами, данными природой готовыми (на юге — тростник, прутья, глина, на крайнем севере —

16

снег и ледяные глыбы), человек постепенно научился добывать строительные материалы и подвергать их более сложной обработке.

Появилось два основных типа конструкций деревянных сооружений: один из вбитых стоймя бревен при круглом или овальном плане, с коническим покрытием, опирающимся на центральный столб, и другой — из бревен, сложенных горизонтально, образующих прямоугольный сруб с двускатным покрытием.

Возникли также постройки с каркасом из опорных вертикальных столбов, промежутки между которыми забирались плетнем, покрытым с обеих сторон толстым слоем глины.

В местности, где строительный лес отсутствовал, либо его было мало, постройки часто сооружались из вылепленного руками, грубо отфор-мированного кирпича-сырца, высушенного затем на солнце...

Древнейшие каменные сооружения возводились из необработанных или грубо отесанных глыб камня, часто достигавших очень больших размеров (мегалиты)...

Можно предположить, что уже в пределах первобытной архитектуры Наметились зачатки двух пространственных концепций: более или менее правильного круглого или овального пространства и более или менее правильного прямоугольного, послуживших основой для большинства сооружений позднейших исторических эпох.

Желание замкнуть круглое в плане пространство толкало к поискам внутреннего решения его при помощи сводчатого перекрытия. Изобретенная человеком система ложного свода, не имеющего бокового распора и образуемого путем кладки камней горизонтальными рядами с небольшим напуском каждого последующего ряда, в дальнейшем привела к ряду интересных архитектурных решений. Внутренние выступы сводчатого потолка обрабатывались в ритмически четком чередовании уступов, а иногда сводились в две плоскости или же в конусообразный свод.

Два различных принципа организации пространства отражены и в больших ансамблях первобытной архитектуры. В одних случаях мы встречаем круговое поселение с центральной площадью.., а в других — планировку по системе пересекающихся под прямым углом улиц (терамары). Возникли также два способа ограждения пространства: сплошной стеной и рядом отдельных ритмически расположенных опор (кромлех).

(Архитектура Древнего мира. С. 15—17)

Стонхендж К наиболее поразительным сооружениям неолита относится Стонхендж (Стоунхендж), известный еще под названием «хоровод великанов». Смысл, назначение, точное время и способ его постройки до сих пор не вполне понятны. Среди мнений на этот счет можно найти даже ссылки на деятельность инопланетян. Находится Стонхендж в окрестностях Солсбери в Англии.

17

В настоящее время на территории всей Евразии и в Америке обнаружены «астрономические обсерватории», состоящие из больших камней, определенным образом расположенных и ориентированных. По размерам и сложности общей конструкции они уступают Стонхенджу, но также явно связаны с вычислением определенных моментов годового цикла времени (чаще всего — солнечного равноденствия и равностояния).

В прошлом Стонхенджа явно различимы несколько этапов строительства, причем некоторые из них отделены друг от друга дистанцией более одного тысячелетия. На самой ранней стадии,

которая датируется примерно 3100 годом до н.э., возникли ров и внутренний вал в форме окружности. Вне этого круга находился так называемый Пяточный камень («пятка бегущего монаха»), а внутри — расположенные по окружности на равном расстоянии друг от друга лунки со следами тру-посожжения. Позднее в пространстве внутри рва двумя концентрическими кругами были установлены так называемые *голубые камни* (тесаные глыбы из долерита зеленовато-голубого оттенка). Но затем их снова переставили, и примерно в 1800 году до н.э. Стонхендж приобрел облик, знакомый нам сегодня: возникло величественное каменное кольцо, образованное огромными тесаными глыбами серого песчаника, перекрытыми поверху плитами из камня. Внутри этого кольца находилось еще одно сооружение подковообразной формы, составленное из глыб большего размера, сгруппированных попарно и перекрытых третьей, — так называемых трилитов. Похоже, что голубые камни за время существования Стонхенджа не однажды переставлялись разными поколениями строителей с места на место. Сейчас некоторые из них образуют как бы небольшую самостоятельную подкову внутри большой подковы из серых песчаниковых глыб, а другие расположились по кругу внутри большого каменного кольца...
Конструктивные принципы, по которым создавался Стонхендж, не назовешь ни примитивными, ни случайными, ибо расположение камней недвусмысленно обнаруживает понимание законов перспективы. В этой связи неоднократно высказывалась мысль, что строители Стонхенджа, судя по всему, обладали незаурядными познаниями в математике, а все сооружение являлось, вероятно, астрономической обсерваторией и служило для предсказаний лунных затмений.
(Атлас чудес света. С. 13)

О погребениях Термином «погребальный культ» принято обозна-**и погребальном** чать совокупность религиозных обрядов, относя-культе щихся к умершим, и связанные с этими обрядами
верования. Широкая распространенность погребального культа общеизвестна. Обряды и верования, связанные с покойниками, занимают более или менее видное место во всех религиях, от самых примитивных до наиболее сложных...

Макс Эберт, видный немецкий археолог, предложил иное объяснение происхождения «культа мертвых». По его мнению, культ этот вначале вовсе не был связан с верой в душу и ее посмертное существование, ибо самого различия души и тела у первобытного человека не существовало, точно так же не было и страха перед умершими, ибо иначе люди не хоронили бы своих мертвецов вблизи жилья или в самом жилье. Корни культа мертвых Эберт видит в том, что первобытный человек не замечал вообще момента наступления смерти и умершего он продолжал считать еще живым, а потому и продолжал заботиться о нем. Связи покойника с его семьей, с домом не прерываются: «крыша грота или хижины еще защищает его, огонь очага согревает, он пьет и ест как прежде». Это есть идея «живого мертвеца». Таким образом, «первоначальный культ мертвых есть не что иное, как продолжение общественных обязанностей за пределами смерти»...
Необходимо с самого начала установить существенное разграничение, которое, к сожалению, обычно в науке не проводится, — необходимо разграничить: 1) погребальный культ (культ умерших), т.е. совокупность религиозно-магических обрядов и представлений, связанных с погребением умерших или с самими умершими, и 2) сами погребальные обычаи, т.е. различные традиционные способы обращения с телом умершего и другие связанные с этим действия, которые могут и не заключать в себе ничего религиозного.
Что это не одно и то же и что погребальные обычаи могут не иметь никакого отношения к религии — это знает всякий; пример — наши современные обычаи, связанные с похоронами; последние могут быть очень торжественными, пышными, сложными, но при этом не связываться ни с какими религиозно-магическими, т.е. суеверными, представлениями. Но когда речь идет о прошлом, и особенно о древнейших памятниках захоронения (эпохи палеолита), то принято думать, что они были непременно связаны с религиозными верованиями. Мало того, обычно принимается за аксиому, что уже самые ранние погребения могли появиться только в результате таких верований. Считается общепризнанным и не требующим доказательств, что наши древнейшие предки хоронили своих мертвецов исключительно в силу суеверных побуждений.
Поэтому само наличие остатков захоронений в эпоху нижнего палеолита (мустьерские погребения) большинством ученых признается бесспорным свидетельством того, что в ту пору существовали уже какие-то религиозно-магические представления. А те исследователи, которые не допускают возможности того, что наши мустьерские предки (неандертальцы) обладали уже религиозными представлениями, пытаются отрицать самый факт существования преднамеренных

захоронений в ту эпоху...
Формы погребения у разных народов настолько разнообразны, что их нелегко привести в определенную систему. Археологический мате-
19
риал не может дать даже отдаленного представления об этом разнообразии. Хотя археологи обычно уделяют большое внимание погребальному обряду, но из всех многочисленных способов обращения с телом умершего они имеют дело, как правило, лишь с двумя: «трупосожже-нием» и «трупоположением» (т.е. зарыванием в землю), — правда, с модификациями в пределах каждого из этих основных способов. Зато этнографическая литература изобилует описаниями самых разнообразных приемов обращения с покойником.
Попытку классификации этих приемов сделал французский этнограф Жорж Монтандон. Он делит способы обращения с умершими на восемь основных типов: 1) оставление, или выбрасывание, 2) водяное погребение, 3) воздушное погребение, 4) зарывание, с двумя разновидностями: а) зарывание в землю и б) пещерное погребение, 5) кремация, 6) мумификация, 7) рассечение, 8) каннибализм. Но это лишь самая грубая разбивка, не учитывающая различных смешанных и более сложных форм погребения.
(Токарев С.А. Ранние формы религии. С. 153—165)

Скульптура и рельеф В начале позднего палеолита появляются гравированные изображения, рисунки, сделанные краской, рельеф и круглая скульптура. Гравированный рисунок на камне, кости и роге исполнялся кремниевым резцом; иногда рисовали просто пальцем на мягком, наносном слое глины на стенах пещеры...
Круглая скульптура создавалась из мягких пород камня, рога, кости, глины и, по всей вероятности, дерева. Рельеф вырезался на отдельных камнях или стенах пещеры, где нередко использовались естествен-, ные поверхности скалы, напоминающие очертания животных. Еще ранее первобытный художник создавал натуральный макет из шкуры и кожи убитых им животных...
(История искусства зарубежных стран. С. 10—11)

О палеолитических «Венерах» Скульптурные изображения женщин эпохи верхнего палеолита недаром привлекают к себе внимание многих исследователей. Они найдены во многих странах, от Франции до Восточной Сибири, и в очень большом количестве, свыше сотни, считая только вполне достоверные находки. Следовательно, перед нами не случайное и единичное, а какое-то типичное и массовое явление. Отличаясь друг от друга по размерам, стилю, частью и по материалу (преимущественно слоновая кость, реже — камень), эти многочисленные пластические фигурки имеют между собой все же немало общего: это всегда обнаженная женская фигура, обычно с редуцированными ногами и руками. Эти статуэтки, относимые к
20
эпохе ориньяка, могут считаться древнейшими в человеческой истории памятниками изобразительного искусства, и уже одно это оправдывает интерес к ним. Но большинство исследователей считает их в равной мере также и памятниками, имеющими отношение к религиозным верованиям и обрядам, и это требует еще более внимательного изучения данного предмета.
Высказывались разные мнения о происхождении и назначении ориньякских женских статуэток. Одни авторы видят в них произведения «эротического» искусства; так смотрит на дело, например, Карел Апсолон. Но такой взгляд — грубая модернизация: палеолитический художник, для которого обнаженное человеческое тело было повседневным бытовым явлением (если и существовала тогда одежда, ее надевали, конечно, лишь в холодное время года), не мог на него смотреть глазами европейца XX в. Другие усматривают здесь след «культа плодородия», о чем будто бы говорят тучные, упитанные тела изображенных женщин с подчеркнутыми признаками материнства. Но такой взгляд разделяется далеко не всеми исследователями.
(Токарев С.А. Ранние формы религии. С. 552—553)

Первобытная живопись В 1868 году в Испании, в провинции Сантандер, была обнаружена пещера, вход в которую был засыпан обвалом. Девять лет спустя испанский археолог Марселино де Савтуола, занимавшийся раскопками в Альтамирской пещере, обнаружил не замеченные им ранее изображения на стенах и потолке пещеры. Это открытие, собственно, принадлежит его дочери, которая обратила внимание на рисунки, покрывавшие темные своды пещеры. Альтамира была первой из многих десятков

подобных пещер, обнаруженных позднее на территории Франции и Испании. Открытие было опубликовано, но материал оказался до такой степени неожиданным и сенсационным, что археологи сочли его подделкой. Почти сразу после своего появления на свет удивительная живопись Альтамиры была забыта. О ней вспомнили лишь в 1897 году, когда французский археолог Эмиль Ривьер сумел доказать подлинность петроглифов, обнаруженных им на стенах пещеры Ла Мут (Дордонь). Их древнее происхождение доказывалось уже тем, что вход в пещеру был завален породами четвертичного периода...

К настоящему времени в результате целенаправленных поисков только во Франции обнаружено около ста пещер с изображениями и другими следами пребывания в них первобытного человека. И все же одно из самых выдающихся открытий было сделано совершенно случайно в сентябре 1940 года. Пещера Ласко во Франции, ставшая еще более знаменитой, чем Альтамира, была обнаружена четырьмя мальчиками, которые, играя, забрались в яму, открывшуюся под корнями

упавшего после бури дерева. Эта пещера, которую называют «доисторической сикстинской капеллой», превращена теперь в первоклассно оборудованный музей. Живопись Ласко принадлежит к числу самых совершенных художественных созданий эпохи палеолита. Ее древнейшие изображения датируются приблизительно XVIII тысячелетием до н.э.

Высокое качество живописи, ее превосходная сохранность позволяют рассматривать этот комплекс как классический образец пещерного искусства. Ознакомление с ним может дать представление о некоторых общих особенностях пещерной живописи: о расположении фигур в отдельных частях пещеры и по отношению друг к другу, об их количестве и размерах, о соотношении сюжетов и т. д. Осмотр начинается с «Большого зала», или «Зала быков», как его еще называют. С левой стороны на некотором расстоянии от входа разворачивается, уходя в глубину пещеры, длинный фриз, состоящий из разномасштабных изображений различных животных. Этот ряд открывается странной фигурой крупного зверя с тупой квадратной мордой и большим отвисшим брюхом. На его корпусе темной краской отчетливо прорисованы широкие овалы, а от лба отходят две длинные прямые линии, напоминающие рога. Сразу за ним следует вереница скачущих диких лошадей, перекрывающая огромное изображение быка, тело которого покрыто мелкими темными пятнами. Прямо напротив него изображен другой бык такого же размера, как и первый (около четырех метров в длину), между ними очень тонко прорисованные фигурки северных оленей с большими ветвистыми рогами.

G правой стороны изображения начинаются на большом расстоянии от входа, в глубине зала. Здесь над всем также доминируют две фигуры быков, среди них самая большая достигает шести метров. Передние ноги быка перекрывают темно-красное силуэтное изображение коровы с теленком. Кроме них здесь еще отчетливо различимы изображения оленей, медведя и лошади.

В продольном направлении «Большой зал» заканчивается узким, постепенно расширяющимся проходом, своды которого сплошь покрыты изображениями диких лошадей, бизонов, баранов. Среди этих изображений, а иногда поверх них нанесены различные схематические знаки: разноцветные волнистые линии, прямоугольники, разбитые на квадраты, стилизованные растительные формы.

Наиболее динамичны и эффектны изображения лошадей, написанные светлой и золотистой охрой с черной контурной обводкой и тонким рисунком, передающим не только отдельные детали, но и перспективу. Интересен также фриз из маленькихтемных фигур низкорослых степных лошадей, напоминающих пони. Над ними четко моделированное объемное изображение коровы, приготовившейся к прыжку через изгородь или яму-ловушку.

Направо от середины «Большого зала» очень узкий и низкий пятнадцатиметровый проход ведет во второе просторное помещение, состоящее из двух частей: основной — так называемый «неф» и боковой — «апсида». Здесь изображения не сливаются в один сплошной фриз, а размещены компактными группами. В начале первой большой группы на левой стене «нефа» полустершиеся небольшие изображения двух лошадей, различимые только благодаря врезанному контурному рисунку. Тут же — фриз из восьми голов каменных баранов, причем четыре головы написаны красной, а другие четыре — черной краской. Интересно, что на противоположной стене такой же фриз образуют пять оленьих голов, причем эта композиция — единственная на длинной левой стене «нефа». Других изображений здесь нет. Зато с правой стороны многочисленные живописные и петроглифические изображения разбросаны по всему своду уходящего в глубь узкого коридора. Среди них особенно примечательна фигура коровы с маленькой головкой, изящно изогнутыми

рогами и огромным раздутым туловищем. Под ее задними ногами три больших прямоугольника, разбитых на цветные квадраты (возможно, изображения ям-ловушек). Громадный темный силуэт коровы с процарапанным контуром перекрывает более мелкие фигуры животных. На той же стене — изображения лошадей, бизонов и различные схематические рисунки, среди которых отчетливо различимы знаки стрелы или копья, нанесенные поверх корпуса животных. Так, например, два силуэта — коня и бизона — имеют по семь знаков стрелы каждый.

Последнее помещение пещеры, так называемая «апсида», представляет углубление в правой части «нефа», которое заканчивается коротким узким проходом. Здесь среди других изображений находится единственная в своем роде сцена, расшифровать которую пытаются многие специалисты. В центре — падающая навзничь фигура мужчины с птичьей головой; прямо перед ней — выставив вперед изогнутые рога, раненый бизон с вываливающимися внутренностями. Место ранения по диагонали пересекает длинное копье. Рядом с падающим человеком изображен длинный предмет с навершием в виде птицы. Слева фигура уходящего носорога, написанная в том же стиле и той же черной краской, что и остальные. Два ряда точек заполняют пространство между фигурой носорога и основной частью композиции, как бы указывая на причастность данного персонажа к изображенной сцене. Все говорит о том, что здесь изображено конкретное событие: гибель человека в результате нападения разъяренного, смертельно раненного бизона. Присутствие носорога, непосредственно не участвующего в действии, заставляет предположить, что художник хотел рассказать о событии, разворачивающемся во времени: между бизоном и носорогом произошел поединок. В то время как победитель-носорог удаляется, появляется охотник, уверенный в надежности своей маскировки, но раненый бизон неожиданно обрушивает на него свою ярость. Неловко брошенное

копье ломается, охотник падает, роняя копьеметалку, украшенную фигуркой птицы.

В палеолитическом искусстве эта сцена не имеет аналогий. Она настолько необычна, что датировку этого изображения можно было бы считать спорной, если бы не его техника и стиль, типичные для одной из ранних стадий мадленского периода...

Пещерное искусство в своем развитии проходит ряд последовательных стадий, начиная с неясных знаков и первых примитивных рисунков, относящихся к самому началу верхнего палеолита. Насчитывают пять основных периодов эволюции пещерного искусства. Каждому из них соответствует группа памятников, имеющая свои стилистические особенности, технику, круг сюжетов.

Первая группа объединяет художественные памятники, относящиеся к периоду, охватывающему около пятнадцати тысячелетий. Среди самых ранних — «негативные» изображения руки, выполненные обводкой по контуру или разбрызгиванием краски, заполняющей открытые участки. Позднее появляется изображение, сделанное отпечатывани-ем руки, смоченной краской. Тем же временем датируются волнистые линии и другие неопределенные знаки, прочерченные пальцами по мягкой глине.

Затем возникают первые неуверенные, суммарные контуры, в которых угадываются фигурки животных. Процарапанные пальцем линии, очерчивающие эти фигуры, — тонкие, неровные и прерывистые. Изображения часто не закончены, детали отсутствуют, пропорции не соблюдены. Такие рисунки сохранились в пещерах Ласко, Фон де Гом, Пеш Мерль, Ла Мут — во Франции, в Альтамире и других пещерах Испании. Контурная линия прочерченных рисунков постепенно углубляется, а красочная — становится шире и уверенней. Поверхность внутри контура иногда заполняется черной или красной краской без детальной разработки (Альтамира, Пеш Мерль, Ласко).

Одновременно с применением в живописи второго цвета делаются первые попытки передачи перспективы.

Тело животного изображается в профиль, а копыта и рога — в фас или в три четверти.

Живопись и петроглифы развиваются параллельно. К концу первого периода появляются изображения, в которых совмещаются обе техники.

Значительный промежуток между первой и второй группами (первым и вторым периодами. — *Сост.)* представлен главным образом небольшими рисунками на кости и камне и анималистической пластикой. В это время, в частности, были созданы барельефы, найденные в Рок де Сер (Франция), которые, как предполагают, составляли один сплошной фриз. Среди типичных для стиля этого времени коротконогих массивных фигур лошадей и бизонов странно выглядит маленькая

сценка, изображающая человека, преследуемого быком. Рельефы, напоминающие по стилю врезанные контурные изображения, сохраняют ощутимую связь с плоской поверхностью камня.
Второй период — XVIII—XV тысячелетия до н.э. ... В живописи, вначале контурной и плоскостной, постепенно намечается переход к детализации: косыми параллельными штрихами изображается шерсть, вводятся дополнительные цвета (различные оттенки желтой и красной охры) для изображения пятен на шкурах быков, лошадей, бизонов. Рисунок на шкуре иногда выскабливается. Линия контура также меняется, обнаруживая стремление к передаче объема, она становится то ярче, то темнее, отмечая светлые и теневые части фигуры, выпуклости сочленений, складки и массы шерсти, например гривы лошадей, массивные загривки бизонов и т.п. В некоторых случаях контуры или наиболее выразительные детали подчеркиваются врезанной линией. Живопись и петроглифы этого времени находятся в пещерах Ласко, Пеш Мерль, Ла Пасьега и др.
В следующем, третьем периоде — XII тысячелетие до н.э. — пещерное искусство достигает своего апогея. В это время были созданы громадные анималистические ансамбли, покрывающие своды самых глубоких пещер, — Руфиньяк, Ньо, Труа Фрер, Монтеспан, поражающие своим реализмом знаменитые изображения бизонов на потолке Альта-мирской пещеры, лучшие произведения в пещерах Ласко, Фон де Гом, Ла Мадлен, Комбарелль, Бернифаль, Марсула и многих других. Об анималистической живописи (этого периода. — *Сост.)* можно было бы сказать, что она достигла самых больших высот развитого реалистического искусства благодаря передаче объема и перспективы, пропорциональности построения фигур, применению полихромии, передаче движения, если бы не отсутствие связи между отдельными предметами, когда фигуры образуют беспорядочные хаотические нагромождения. Лишь изредка делаются слабые попытки изобразить простейшую сценку, объединяющую две, реже — три фигуры...
Уже в конце этого сравнительно короткого периода большое мастерство, идущее от совершенного овладения техникой рисунка и живописи и яркого конкретного образного мышления, постепенно перерождается в техническую виртуозность. Линия рисунка становится более динамичной, но изображение в целом утрачивает живость непосредственного восприятия. Размеры петроглифических изображений уменьшаются, линия среза делается тоньше. Живопись постепенно теряет объемность и становится плоскостной.
Четвертый период отмечен усилением стилизации, хотя порой еще сохраняется моделировка, воспроизводится объем. Больше всего подвержены процессу стилизации наиболее древние традиционные сюжеты: рука, например, изображается теперь только в виде граблей с пятью зубьями...

Пятый и последний период развития палеолитического искусства в Европе характеризуется отсутствием фигуративных реалистических изображений. Франко-кантабрийское искусство как бы возвращается к тому, с чего оно начиналось. На стенах пещер появляются беспорядочные переплетения линий, ряды точек, неясные схематические знаки. Геометрические рисунки на масдазильских гальках являются последней стадией этой многотысячелетней эволюции.
Естественно, что выявление и рассмотрение определенных стилистических периодов в значительной мере условно, так как переход от одного стиля к другому происходит постепенно, и между ними лишь в редких случаях можно провести более или менее четкую границу...
Эта эволюция была прослежена на человеческих изображениях,, которые, как установлено, относятся к четырем типам, соответствующим четырем последовательным периодам.
1. Натуралистические изображения с правильными пропорциями.
2. Фигура, чрезмерно суженная в талии, голова круглая, верхняя часть тела образует треугольник, руки тонкие, ноги мощные и длинные.
3. Голова изображается в профиль, торс суженный и укороченный, ' ноги неестественно больших размеров.
4. Вся фигура и конечности изображаются единообразными тонкими линиями.
Изображения животных значительно меньше подвержены процессу стилизации. Это говорит о том, что стилизация не всегда является неконтролируемым процессом и не может рассматриваться как «ухудшение образца», как прямая.деградация в результате общей утраты мастерства, чувства пропорций и т.д. В данном случае стилизация человеческих фигур отвечает основной цели — изображению действия, движения, массовых сцен...
Эта тенденция развития изобразительных форм от воспроизведения, имитации и осмысления живых, индивидуальных, естественных форм и конкретных ситуаций к явлениям общего порядка,

к общей сухой схеме и в конечном счете к знаку прослеживается повсеместно. Эстетическая, познавательная и другие функции искусства постепенно отходят на задний план, уступая место коммуникативной, идеологической, мемориальной.

С конца неолита искусство обогащается все новыми и новыми сюжетами, вместе с тем его изобразительный язык, становясь более общим, емким, теряет свою выразительность, остроту, эмоциональность. Завершается один из циклов процесса постижения окружающего мира: «Когда дух схвачен, образ отбрасывается». Знак, символ — это уже не живое искусство, а его окаменевший продукт.

(Мириманов В.Б. Первобытное и традиционное искусство. С. 127—184)

26

Традиционная культура

Сведения о традиционной культуре имеются в различных источниках. Так, еще в литературе цивилизаций Древнего мира можно встретить описания первобытных народов: их обычаев, верований, образа жизни. «Записки о галльской войне» Гая Юлия Цезаря — это прекрасный источник сведений о культуре галлов, много информации такого рода содержится в трудах Геродота, Страбона, Плиния Старшего и многих других античных авторов. Второй разряд документов составляют записки или мемуары путешественников, таких как Марко Поло или Афанасий Никитин. Но систематическое изучение традиционных культур началось только в эпоху Великих географических открытий. Первые документы такого рода — это вновь воспоминания путешественников, затем появляются описания, преследующие практические цели: облегчить торговлю с этими народами, подчинить их своей власти и т.п.

Особенно большое внимание описанию первобытных народов уделяли христианские миссионеры. Сам факт существования множества народов, которые и через полторы с лишним тысячи лет после прихода Христа ничего не знали о его существовании, поставил перед церковью проблему новой теодицеи (оправдания Бога): если, скажем, мусульман или иудеев можно было просто обвинить в том, что они отвергли Христа, то об австралийцах, полинезийцах, индейцах и т.п. такого сказать было нельзя. Как бы то ни было, в процессе колонизации вновь открытых земель миссионеры всегда шли рядом, а иногда и впереди завоевателей. Многие миссионеры подробно описали культуру народов, среди которых жили. И так как вторжение европейцев часто приводило к полному исчезновению исконной культуры (а иногда и самих народов — носителей этой культуры), то сейчас эти записки и отчеты являются ценнейшими и часто уникальными источниками знаний.

В XVIII—XIX вв. изучением традиционных культур начинают заниматься ученые, многие из которых провели значительную часть своей жизни среди изучаемых народов (один из примеров — русский этнограф Н.Н. Миклухо-Маклай). В XIX в. этнография стала наукой, особых успехов она достигла в XX в.

Как говорилось выше, традиционная культура носит синкретический характер. Но важнейшую, а может, и определяющую роль играют религиозные представления.

К числу наиболее распространенных ранних форм верований относятся фетишизм, анимизм, тотемизм, шаманизм; к числу древнейших культов — погребальный и культ предков, аграрные, промысловые, эротические, астрально-солярные культы, несколько позднее появляются культы вождей, предков, племенных богов и некоторые другие.

Анимизм — это вера в существование у человека его двойника, т.е. души или нескольких душ, кроме того, анимизм предполагает веру в одушевленность различных природных объектов (эта его форма иногда называется ани-матизмом); тотемизм основан на вере в кровнородственную связь человека с животными; фетишизм связан с поклонением неодушевленным предметам (реже — растениям, животным и даже человеку). Особняком в этом ряду стоит магия, представляющая собой не только определенную систему идей и верований, но также систему практических приемов воздействия на мир.

Ниже приводятся тексты, посвященные религиозно-мифологическим и магическим воззрениям.

27

Анимизм Первым вопросом, с которого начинается разработка нашей проблемы, является учение о человеческой и других душах... По-видимому, мыслящих людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять, во-первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что.составляет причину бодрствования, сна, экстаза, болезни и смерти? Они задавались вопросом, во-вторых, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях? Видя эти две группы явлений, древние философы-дикари, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивающееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе «я». И то и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак показывается людям вдали от него...

По мнению Тайлора, соединение представлений о жизни и о призраке и породило представление о душе.

Понятие о личной душе, или духе, у примитивных обществ может быть определено следующим образом. Душа есть тонкий, невещественный человеческий образ, по своей природе нечто вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли в том существе, которое она одушевляет. Она независимо и нераздельно владеет личным сознанием и волей своего телесного обладателя в прошлом и настоящем, она способна покидать тело и переноситься быстро с места на место. Большей частью неосязаемая и невидимая, она обнаруживает также физическую силу и является людям, спящим и бодрствующим, преимущественно как фантом, как призрак, отделенный от тела, но сходный с ним. Она способна входить в тела других людей, животных и даже вещей, овладевать ими и влиять на них.

(Тайлор Э.Б. Первобытная культура. С. 212—213)

Тотемизм Понятие тотемизма как формы религии одним из первых получило право гражданства в этнографической и в общей литературе. Под этим термином принято разуметь деление племени на группы, связанные родством по женской или мужской линии, причем каждая из таких групп верит в свое таинственное родство с тем или иным классом материальных предметов — «тотемом» группы, чаще всего видом животных или растений; связь с тотемом обычно проявляется в запрете убивать его и употреблять в пищу, в вере в происхождение группы от своего тотема, в магических обрядах воздействия на него и пр.

Самое слово «тотем» (алгонкинского происхождения) впервые попало в европейскую научную литературу в конце XVIII в....

28

Психологической предпосылкой того «специфического отношения между социальной группой и тотемом, чувства единства между обоими», которое составляет самую характерную черту тотемизма, было «отсутствие индивидуализма», тот «коллективизм рода» ..., на почве которого не могло еще развиться представление об индивидуальной душе, почему тотемизм и нельзя выводить из анимистических идей. Психология близости человеческой группы к тотему могла сложиться в условиях того охотничьего быта, при котором человек был наедине со зверями и не обладал высокой техникой, которая бы подняла его над ними; образы хищных или хитрых зверей, с которыми человек боролся, носились перед его сознанием и в часы его досуга. Этот «круг мыслей анимализма» и был... «той питательной почвой, из которой вырос тотемизм».

(Токарев С А. Ранние формы религии. С. 51—53)

Шаманизм Понятие шаманизма (шаманства, «шаманского закона») вошло в литературу очень давно — еще в XVIII в., а о шаманах народов Сибири имеются упоминания в письменных источниках еще более раннего времени: в «отписках» и «доез-дах» русских служилых людей, в ясачных книгах и других документах XVII в., а немного позднее и в сочинениях иностранцев...

Подавляющее большинство исследователей хорошо видело наиболее типичную особенность шаманизма — применение методов экстатического общения со сверхъестественным миром и в связи с этим выделение особых лиц, которым приписывается способность такого общения. Эта бросающаяся в глаза черта шаманизма настолько для него характерна, что шаманские обряды и верования без особых затруднений замечались, описывались и правильно классифицировались исследователями, в какой бы стране, у какого бы народа они ни встречались...

Обычный ритуал действия шамана — это так называемое камлание — исступленная пляска с пением, ударами в бубен, громом железных подвесок и т.д. Камлание рассматривается как способ общения с духами, что достигается двумя путями: или духи вселяются в тело шамана (либо в его бубен), или, напротив, душа шамана отправляется в путешествие в царство духов. В действительности смысл камлания состоит в гипнозе окружающих и в самогипнозе, благодаря которому шаман не только заставляет зрителей верить в свои сверхъестественные способности, но обычно верит в них и сам и во время камлания переживает галлюцинации. По мнению целого ряда наблюдателей, шаманское камлание очень напоминает истерический припадок, да и вообще шаманы обычно нервные, склонные к истерии люди. Цель шаманских обрядов состоит по большей части в лечении людей или животных, а также в борьбе с разными другими несчастьями, в гадании об успехе промысла и т.п.

(Токарев С.А. Ранние формы религии. С. 267—271)

29

Об определении ПОНЯТИЯ «миф» В настоящее время не существует общепринятого определения понятия «миф». Ниже приводится определение, принадлежащее одному из самых авторитетных современных исследователей мифов — Мирна Элиаде.

...Миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные

времена «начала всех начал». Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то все-объемлющая реальность, космос или только ее фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное установление. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, ка-ким-образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков *существования* этого «что-то»... Персонажи мифа — существа сверхъестественные... Миф раскрывает их творческую активность и обнаруживает сакральность (или просто сверхъестественность) их деяния. В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные проявления свя-. щенного (или сверхъестественного) в этом мире. Именно эти проявления явились реальной основой *создания* Мира и сделали его таким, каков он есть сегодня. Более того, именно в результате вмешательства сверхъестественных существ человек стал таким, каков он есть, — смертным, разделенным на два пола, обладающим культурой...

Так как миф рассказывает о *деяниях* сверхъестественных существ и о проявлении их могущества, он становится моделью для подражания при любом, сколько-нибудь значительном проявлении человеческой активности.

(Элиаде М. Аспекты мифа. С. 15—16)

Об африканской мифологии

Во всяком случае, одна из основных целей мифа в его настоящем, первоначальном виде состоит в том, чтобы помочь человечеству включиться в жизнь Вселенной, научить людей использовать силы, порожденные космосом, открыть им путь к божественному и определить вечное циклическое движение их жизни, хронологические законы которого не зависят от мира сего. Мы, оставляя в стороне вопрос о терминологии, обратились к языку теоретиков, потому что сам предмет исследования находится в центре специфической диалектики. И принципиально не столь уже важен факт, что диалектика эта замкнута в очень строгие и узкие логические рамки, ограничивающие возможность индивидуальных умозаключений.

В начале повествования в мифах часто встречается понятие хаоса как ранее существовавшей субстанции. Однако некоторые южноафриканские племена, например басуто, по-видимому, полагают, что мир никогда не был создан, — он находится на своем месте с незапамятных времен, только пастухи и их стада появились позже.

Палеонегритские племена Северного Камеруна считают, что сначала существовал огонь, потом его залила вода, а первые люди появились после потопа. Мифы сенуфо, догонов, коно и бозо первоначальный мир представляют в виде огромного моря грязи. А бамбара, наоборот, думают, что в основе мира находилась непрерывно вращающаяся, вибрирующая пустота. Как видим, различные образы и иносказания прикрывают здесь тайну, недоступную разуму...

Бамбара считают, что во вселенной действуют динамические силы божественного происхождения, но власть над ними имеет человек: он их накапливает и посылает в нужном ему направлении при помощи жертвоприношений. Воспринимаемый нами чувственный мир — третий по счету (четвертый и последний — это мир будущего). Он явился результатом, деятельности творческой энергии зо, которую произвела вибрация — йерейерели — первоначальной пустоты, именуемой гля. От этой безмолвной субстанции по зову «голоса», исходящего при колебаниях, отделился ее звучащий двойник. Их союз породил влажную субстанцию зо сумале. Затем обе гля вступили в борьбу между собой. В результате произошел космический взрыв, который вылил на землю (она еще была в потенции) тяжелую и плодородную материю, а также знаки, предвещавшие зарождавшиеся предметы. После такой подготовки начался сам процесс сотворения. За ним наблюдал дух Йо, который дал рецепт жизни, состоящий из 22 основных элементов. Перемешав-шись с Йо, 22 витка спирали породили — каждый в своей морфологической области — живые существа, растения, предметы. Этот трудоемкий процесс сопровождался различными пертурбациями и последующими воцарениями порядка, причем появление человека отнюдь не улучшило положение дел.

Запутанные рассказы составлены все же как будто по одной схеме: творческий дух Йо породил три божества — Фаро, Телико и Пемба. Первый бог в этом трио — Фаро, властелин слова, построил семь небес, соответствующих семи частям земли, и затем оплодотворил их живительным дождем. Телико — дух воздуха; обращенный в жидкость, он дал живым существам зрение и зачал двух водяных близнецов — первых людей и предков рыбаков бозо. Пемба кружился вихрем семь лет и создал землю с ее горами и долинами, а затем превратился в семя баланза — *Acacia alfida,* как называют это растение ботаники, — из которого выросло дерево — его воплощение. Потом,

смешав свою слюну с пылью, он создал женщину по имени Мусо корони. Он вдохнул в нее одну душу — ни — и вторую — диа — и сделал ее своей женой. Этому браку обязаны своим происхождением все животные и растения. Люди родились от Фаро, но в материальном отношении зависели от Пемба и поэтому почитали последнего. Раньше они были бессмертны: по достижении 59 лет превращались снова в семилетних детей. Они не носили одежды, не имели физических потребностей, не умели говорить и

не работали. Однако Пемба требовал, чтобы все женщины отдавались ему. Мусо корони сошла с ума от ревности и решила вырвать зло с корнем: она объехала страну и покалечила половые органы у мужчин и у женщин. Потому-то и стало обязательным проводить обрезание и совершать эксцизию. Так кончился «золотой век», на людей обрушились болезни и смерть. Мусо корони была непобедимой, она оскверняла землю, ступая по ней. Перед смертью, чтобы искупить свой грех, она научила людей обрабатывать землю и спасла их от голода.

Господство Пемба, который стал тираном и жаждал крови, кончилось, когда люди, научившись владеть огнем, устали и обратились к Фаро. Он был благосклонен и принес им много пользы. В частности, он дал людям для продолжения рода томаты. Как только их проглотишь, они чудодейственным образом превращаются в кровь и в утробный плод. Тут началось время, когда женщины производили на свет близнецов с мягкими конечностями, жизнь стала опять очень длинной, труд был забыт... Но все это продолжалось недолго. Пемба был оскорблен и вернул людям прежнюю жизнь, но в гигантском бою ему пришлось уступить Фаро. Далее Фаро расправился со слишком заносчивым Телико, предпринявшим попытку захватить в свои руки власть над миром. После этого людей, смертных и обладающих подвижными частями тела, чтобы выполнять все работы, необходимые для пропитания, пожалел Фаро. Чтобы утешить людей, он научил их говорить, что, конечно, вызвало новые осложнения. Дети стали рождаться по одному, появление близнецов — редкая благодать.

Устройство мира под эгидой Фаро продвигалось вперед медленно, по этапам, и каждая пертурбация приводила к освоению новых знаний или технических навыков. Современный порядок в мире — тоже только определенная фаза в вечном движении Вселенной. До того как мир достигнет своей последней стадии — состояния такой чистоты и совершенства, какую задумал творческий дух Йо, на землю выльются другие плодотворные воды Фаро, другие слова откроются человечеству, появятся другие цивилизации.

(Оля Б. Боги Тропической Африки. С. 63—67)

Мифология африканского

При некотором упрощении изощренную религиозную систему догонов можно изложить следующим племени догонов образом. Во главе находится создатель мужского рода, по имени Амма. Он сделал своей супругой землю, которую подчинил себе, совершив эксцизию. От этого непостоянного и лишенного любви брака родились двое детей — Йуругу, бледный лис, который пробует свои силы в качестве ученика-создателя, и бессмертная пара близнецов-сверхлюдей номмо. Во время обрядов люди обращаются, кроме того, к кровосмесительным детям Йуругу, известным под названием иебаны, а также к их потомкам — духам ан-

думбулу. Однако главную роль в культах здесь снова играют души умерших предков. Неважно, что теология поместила их на нижнюю ступень, без них не обходится ни одна ритуальная церемония...

Что касается африканских духов, то они в отличие от довольно достойного высшего существа и от в общем серьезных второстепенных божеств обладают непостоянным характером, чреватым неожиданностями; к тому же злобность смешивается у них с чудачеством (последнему, однако, доверяться никогда не следует). Их почитают очень широко и главным образом не для того, чтобы попросить подмоги, а чтобы избежать беды. Сохранить здоровье, дать богатство, послать дождь, обеспечить хороший урожай, вылечить больного или дать возможность зачать бесплодной женщине — все это в ведении того или иного божества, специализирующегося в данной области. Духи же занимаются тем, что делают всякие мелкие неприятности, бродят вокруг деревни, нападают на одиноких прохожих. Их похождения составляют фабулы бесчисленных фольклорных сказок.

Духи-карлики, якобы обитающие в лесах Итури, у бапенде Заира, на обрывистых склонах страны лома, в горах Нимба и Тоняви, а также в низинах, где живут бете, дида и кру, похожи, если верить сказителям, на бледные привидения, прозрачные, как стекло. В водах Убанги водятся существа с

белой кожей, которые проникают в матку купальщиц и оплодотворяют ее; родившиеся после этого дети — бледнокожие, они будут богатыми и счастливыми людьми. Существа эти едят белых кур, яйца, очищенный маниок, жуют белые орехи кола... Все это им приносят, конечно, те, кто обращается к ним с какой-нибудь просьбой.
Эти маленькие существа (видеть их могут некоторые привилегированные люди, да и to лишь в исключительных обстоятельствах) считаются первыми поселенцами в данной местности, древними хозяевами страны. Они первыми использовали огонь и стали кузнецами. Живут они в пещерах или под землей.
В лесах Майомбе в результате активных усилий христианских миссий происходит обеднение традиционной мифологии. Несмотря на это, в представлении местных жителей живет еще множество маленьких божеств, в том числе довольно оригинальных. Мбола мвунгу — горбатый, без носа; находится он в водоемах, устраивает паводки; тем, кто подносит ему жертвоприношения, дарит близнецов, а это ценно; но он может и изуродовать новорожденного; наконец, становясь в позу судьи, он наказывает воров, засылая на них проказу. Здесь бытует также и местный вариант мами-вата Гвинейского залива, ее называют сади-вата и представляют себе в виде белой женщины, любящей душиться и раздающей своим возлюбленным мешки с деньгами, Байомбе боятся также собаку-молнию Нзази.
Иебаны у догонов похожи на людей очень маленького роста, но голова у них огромная и ноги повернуты назад.
33
Абонеси и лилимы у котоколи (Северное Того) — это очень порочные создания, они избрали своим местом жительства кроны высоких деревьев, откуда и набрасываются на проходящих мимо женщин, в результате чего рождаются калеки и альбиносы или происходят выкидыши...
Бойкие и задиристые *гбенегбомбе* считаются у конкомба потомками очень древних, точнее, даже доисторических людей. По словам тех, кто с нами общался, эти существа любят по ночам в лесной глуши смеяться, вопить, танцевать. Когда им встречается человек, то они прыгают ему на плечи и стараются сбить его с пути. Гбенегбомбе — большие любители музыки, они охотно приближаются к деревням, когда слышат, что там играют на трехструнной гитаре. Но они могут и овладеть женщиной, которая начинает тогда биться в истерике и доходит до полного изнеможения. Освободить ее от такого состояния может только заклинатель. Чтобы уговорить гбенегбомбе покинуть тело, которым они завладели, заклинатель преподносит им обильный обед, состоящий из мяса, молока и масла пальмы карите.
Женщины сара боятся духов кой, которые тоже стараются пробраться к ним во влагалище и хитроумным способом их оплодотворить. Чтобы отпугнуть этих духов, женщины носят под набедренной повязкой искусственный мужской половой орган.
В районе Гвинейского залива водятся красные духи. Они очень маленького роста, у них большая белая борода, ходят они пятками вперед (чтобы запутать пешехода) и ловко забираются на деревья. Но если к ним хорошо относиться, то они могут оказывать людям и услуги.
Ашанти, живущие в Гане, боятся примерно таких же тварей: огромная голова у них посажена на туловище, покрытое шерстью. Они очень раздражительны и могут лишить рассудка своего обидчика. Однако в лесах вокруг Кумаси есть и добрые духи женского пола. Ростом они сантиметров в тридцать, ноги у них тоже вывернуты, они не разговаривают, а свистят. Они хорошо разбираются в травах и оказывают большую помощь знахарям...
Охотники манджа на берегах Убанги встречаются иногда с уродливым карликом. В руках у него копье, окружен он собаками; помогает людям отыскивать дичь, но любит и позабавиться, вступая в бой со встречным: обладая сверхчеловеческой силой, он легко его валит с ног.
Но есть духи-гиганты, например шутник-гигант сена. Он очень любит заставлять заблудившихся охотников, горных жителей тура (Берег Слоновой Кости) под страхом смерти съедать его испражнения. Другие духи-гиганты этим не занимаются, они обитают в пещерах и в больших священных барабанах, помогают зарождению детей у сара и прорастанию семян проса, посылают дожди. Если случается, что какой-нибудь сао поселяется в животе человека, то не надо пугаться, потому что он довольно легко поддается уговорам заклинателя...
34
В целом невидимый мир состоит из очень различных существ как с качественной, так и с количественной точки зрения.
Красная ленточка между простым смертным и верховным божеством проходит по восходящей линии следующие уровни:

1) живая этническая группа, которая может быть сведена к простой семейной группировке тотемического типа или, наоборот, принять общенациональные размеры;
2) объединенная масса умерших предков этой группы, распределяющих жизненную энергию и выступающих посредниками между живыми и богами; эти предки — существа метафизические, но не божественные;
3) различные порочные силы человеческого происхождения, включающие так называемые привидения (типа ниама у бамбара) и мстительных «двойников» людей отравленных, убитых на войне, утонувших, сраженных молнией или погребенных без похоронных церемоний. В отличие от членов предыдущей категории, которые приносят пользу, существа этой группы, как бы их ни называли — привидениями, фантомами или хитроумными бестиями, — имеют злой, раздраженный и часто агрессивный характер, они охотно сотрудничают с колдунами — скрытыми преступниками, которых так боятся все живущие;
4) полумифологические и полубожественные создания природы, так же как антропоморфные и зооморфные творения мысли и воображения. В эту группу входят «местные духи» и страшные чудовища — карлики, гиганты, людоеды, оборотни, люди в образе волков и т.д.; в зависимости от обстоятельств они враждебны или доброжелательны;
5) маленькие «настоящие» божества, составляющие необъятный легион посредников. Главное их занятие — гадание, но если им оказывать должным образом почести, то они могут активно воздействовать на человеческие судьбы, на продолжение рода, урожаи, ремесло; поэтому-то им воздаются более или менее постоянно культовые почитания;
6) значительные боги, управляющие различными сферами вселенной, о характере и компетенции которых мы уже достаточно говорили. Их почитают путем жертвоприношений, которые им преподносят или непосредственно или через божеств меньшего ранга, но включенных на постоянных началах в человеческий мир;
7) и, наконец, на самой верхней ступени находится, как правило, безличное, первородное, верховное, далекое божество, которое присутствует почти исключительно в мифах и которому очень редко оказываются культовые почести.
(Оля Б. Боги Тропической Африки. С. 44—59)

О магии Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй — законом соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе). Гомеопатической, или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. Контагиозной магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения...

Магия является искаженной системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения; это одновременно и ложная наука, и бесплодное искусство. Как система природных законов, то есть совокупность правил, которые «определяют» последовательность событий в мире, она может быть названа магией теоретической. В качестве же предписаний, которым люди должны следовать, чтобы достигать своих целей, она может называться магией практической. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытный колдун знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами. Как и большинство людей, он рассуждает так же, как переваривает пищу — в полном неведении относительно интеллектуальных и физиологических процессов, необходимых для мышления и для пищеварения. Короче, магия является для него искусством, а не наукой; сама идея науки отсутствует в его неразвитом уме...

Обе разновидности магии — гомеопатическая и контагиозная — могут быть обозначены единым термином — симпатическая магия, поскольку в обоих случаях допускается, что благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии и импульс передается от одной к другой посредством чего-то похожего на невидимый эфир...

Вероятно, наиболее привычным применением принципа «подобное производит подобное» являются предпринимавшиеся многими народами в разные эпохи попытки нанести вред врагу или погубить его путем нанесения увечий его изображению или уничтожению последнего в полной уверенности, что человек, против которого направлены эти магические действия, испытает при этом те же страдания или умрет. В доказательство широкой распространенности этого обычая во всем мире и его удивительной живучести мы приведем лишь некоторые из очень многих примеров.

Например, когда индеец племени оджибвеев хочет навлечь на кого-то напасть, он изготовляет деревянное изображение своего врага и вго-

няет в его голову (или сердце) иглу или выпускает в него стрелу в уверенности, что стоит игле или стреле пронзить куклу, как враг почувствует в этой части тела острую боль. Если же он намеревается убить врага на месте, он сжигает и хоронит куклу, произнося при этом магические заклинания...

Малайское колдовство заключается в следующем. Берутся обрезки ногтей, волосы, ресницы или слюна намеченной жертвы, так чтобы была представлена каждая часть тела. Затем из воска, добытого в заброшенных пчелиных сотах, изготовляется кукла. В течение семи ночей она медленно сжигается над лампой со словами:

О, я не воск, не воск растапливаю тут,
А сжигаю печень, сердце и селезенку такого-то.

После седьмого раза куклу окончательно растапливают, и жертва «умирает». Это колдовство сочетает в себе принципы гомеопатической и контагиозной магии, поскольку в изображении, изготовляемом по образу и подобию врага, содержатся части тела, некогда бывшие с ним в соприкосновении: ногти, волосы и слюна...

Гомеопатическая магия, прибегающая к посредству изображений, обычно практиковалась со злонамеренной целью отправить на тот свет нежелательных людей. Но она использовалась (хотя куда более редко) и с благожелательными намерениями, например, чтобы оказать помощь ближним...

Вера в симпатическое влияние, которое люди и предметы на расстоянии оказывают друг на друга, является одной из существенных черт магии. Наука может питать сомнение по поводу возможности воздействия на расстоянии, но магия не такова. Один из устоев магии — вера в телепатию...

Дикарь убежден не только в том, что магические обряды оказывают воздействие на людей и предметы на расстоянии, но и в том, что такое же действие могут возыметь простейшие акты обыденной жизни.

Поэтому в особо важных случаях поведение дикаря регулируется более или менее разработанным кодексом правил, пренебрежение которыми, по поверью, может повлечь за собой неудачу и даже смерть отсутствующих друзей или родственников.

Когда отряд мужчин уходит на охоту или на войну, предполагается, что оставшиеся дома родственники будут делать одно и воздерживаться от другого ради того, чтобы сохранить безопасность охотников или воинов, принести им успех. Приведу некоторые примеры позитивной и негативной телепатии.

Когда лаосский охотник на слонов уходит на промысел, он предупреждает свою жену, чтобы в его отсутствие та не стригла волосы и не умащивала тело маслом, ибо в первом случае слон разорвет сети, а во втором — проскользнет через них...

Фундаментальное допущение магии тождественно, таким образом, воззрению современной науки: в основе как магии, так и науки лежит твердая вера в порядок и единообразие природных явлений. У мага нет сомнения в том, что одни и те же причины всегда будут порождать одни и те же следствия, что свершение нужного обряда, сопровождаемое определенными заклинаниями, неизбежно приведет к желаемому результату, если только колдовство не будет сведено на нет более сильными чарами другого колдуна. Маг не упрашивает высшую силу, не ищет благорасположения переменчивого и своевольного сверхъестественного существа, не унижается перед грозным божеством. Но власть его, сколь бы великой он ее ни считал, никоим образом не является властью произвольной и безграничной. Он располагает ею лишь постольку, поскольку строго следует правилам своего искусства или природным законам, как он их понимает. Пренебрегать этими правилами, преступать эти законы (пусть даже в самом малом) — значит навлекать на себя неудачу и даже подвергать крайней опасности свою жизнь.

(Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 20—61)

Культура Полинезии

Полинезийцы не знали обработки металлов и гончарного производства (есть основание считать, что их предкам металлы и керамика были известны). Но это компенсировалось очень высокой техникой обработки камня, дерева, кости, раковин. Главным орудием труда был топор из камня или раковины: им рубили и обтесывали деревья, делали каменные статуи и т.д. Основным орудием земледелия, ведущей отрасли полинезийского хозяйства, была деревянная заостренная палка («о» или «ко»), которой взрыхляли землю. Ямс, таро, батат, тыква, сахарный тростник, бананы — вот главные растения, возделывавшиеся полинезийцами. Кроме того, они выращивали хлебное дерево и кокосовую пальму — единственную «кормилицу» жителей маленьких коралловых атоллов.

Животный мир Полинезии очень беден. Только на Новой Зеландии, где водились крупные птицы, могла существовать настоящая охота. На прочих островах крупных животных не было. Домашних животных также было крайне мало — это собака (разводимая для мяса), курица и свинья...

Зато фауна Тихого океана предоставляла полинезийским морским охотникам и рыболовам самый богатый выбор — от кашалотов и спрутов (которые также шли в пищу) до крохотных рыбешек. Рыбная ловля велась сетями, сачками, копьями (а на Самоа — и при помощи лука).

Преобладала растительная пища, однако ее дополняла мясная и особенно рыбная пища. И мясная и рыбная пища приготовлялась в сосудах из тыквы, кокосового ореха, бамбука или дерева. Любимым лакомством было мясо черепахи. Из муки, полученной из клубней таро после их длительной промывки и подсушивания, приготовлялось любимое

кушанье полинезийцев — пои. Продукты хранили в ямах, выложенных листьями и прикрытых сверху камнями. Огонь добывался при помощи трения.

На многих островах Полинезии существовало людоедство, вызванное не только ритуальными причинами, но и скудостью пищевого рациона. Главным оружием были боевые палицы... копья, дротики, пращи; на Таити и Самоа применялись деревянные мечи. Хотя лук был известен полинезийцам, он никогда не применялся как боевое оружие, а использовался лишь для лучения рыбы, охоты на птиц или как детская игрушка.

Основным материалом для одежды полинезийцев служила тапа — материя из луба фикуса, на которую наносилась художественная роспись. Тапа применялась также при изготовлении ковриков, покрывал, украшений, фитилей для факелов и т.п. Тапу нельзя стирать, поэтому изделия из нее берегли;-как правило, обычная одежда — юбка, передник, набедренная повязка — изготовлялась при помощи плетения растительных волокон. Плетеные циновки использовались полинезийцами как подстилки для сидения и сна, а на Самоа, вероятно под влиянием соседней Меланезии, служили своеобразным всеобщим эквивалентом.

Скудость одежды компенсировалась богатством украшений: их делали из живых цветов, раковин, птичьих перьев, плодов, когтей и зубов животных, рыбьих костей. Но главным украшением полинезийцев была татуировка (это слово, вошедшее во все языки мира, имеет полинезийское происхождение). Татуировка являлась своеобразной «летописью» жизни человека: инициация, брак, убийство врага — все это отмечалось особой татуировкой. У наиболее знатных и заслуженных полинезийцев она покрывала буквально все тело.

Искусство татуировки может быть смело отнесено к одному из видов полинезийского искусства. В Полинезии были также очень популярны танцы, музыка, пение, игры, спортивные состязания, имевшие как ритуальный (например, испытание «короля» на Гавайях или выборы «человека-птицы» на о-ве Пасхи), так и чисто спортивный характер (например, состязание в метании копья на дальность или повсеместно распространенное катание на волнах). Блестящего мастерства добились полинезийские резчики по камню: каменные статуи Раиваваэ, Маркизских островов и в особенности о-ва Пасхи, достигающие 10 и даже 20 м высоты, получили мировую известность. Не менее известны и произве-. дения деревянной пластики — резные человеческие фигуры Маркизских островов, Мангаревы, Новой Зеландии, о-ва Пасхи. На Новой Зеландии великолепной резьбой украшались общинные дома.

Общинные дома существовали (и существуют поныне) в каждой полинезийской деревне. Иногда их длина достигала 100 м (например, на о-ве Пасхи). Длина обычного дома также значительна: 12—20, а порой и 30 м. Особыми памятниками полинезийской архитектуры явля-

ются святилища — мараэ и аху, как правило являвшиеся и местом погребения вождей (на о-ве

Пасхи каменные платформы — аху, в которых хоронили умерших, достигают 60 м длины и 3 м высоты). На Таити, Тонга и других островах имеются святилища, построенные в виде пирамиды. Необычайного искусства достигли полинезийские судостроители. Каждый мастер имел собственный набор инструментов, состоящий из тщательно отбитых и прекрасно отшлифованных тесел и резцов... Полинезийцы рубили деревья как в долинах, так и на возвышенностях; облегчая свой труд песнями и заклинаниями, они тащили отесанные стволы деревьев под плотничий навес. Они раскалывали бревна и придавали им различную форму; одни виды древесины шли на изготовление килей, другие — на доски для корпуса и настила.

Полинезийские мастера строили плоты, одиночные долбленые лодки, лодки с балансиром и двойным балансиром (по обеим сторонам лодки). Но главным средством передвижения были катамараны, которые достигали нескольких десятков метров в длину и вмещали несколько сот человек! Суда полинезийцев, проходившие более 200 км в сутки, по скорости почти в два раза превосходили суда древних египтян, греков, финикиян. И отважные полинезийские мореплаватели пересекали, ориентируясь лишь по звездам, воды величайшего океана планеты, в то время как плавания финикиян, древних греков и римлян происходили преимущественно в водах Средиземного моря...

Сельская община состояла из нескольких больших семей, объединявших, как правило, три-четыре поколения, которые вели свое происхождение от одного общего предка (по мужской линии). Большая семья сообща владела землей, жилищем, лодкой, орудиями труда, вела единое хозяйство, В полинезийском обществе наблюдалась значительная имущественная и социальная дифференциация. На верхней ступени социальной лестницы стояли вожди и их родственники. Эта группа называлась «арики» или «алии», т.е. «благородные». Простые общинники именовались «раатира» (Таити), «рангатира» (Новая Зеландия), «макааи-нана» (Гавайи). И внутри правящей верхушки, и внутри общинников существовало более дробное деление, в зависимости от степени знатности или богатства. В полинезийском обществе существовали особые сословно-кастовые группы жрецов, земледельцев, ремесленников разной специализации (резчиков по дереву, плотников, строителей лодок, татуировщиков и др.)...

Полинезийская космология и космогония весьма сложна. Согласно ее положениям, первоначально мир был подобен яйцу, в котором находились Туму и Папа, Творец и Основание земли (таитянские жрецы впоследствии переосмыслили этот миф и стали утверждать, что мир был порожден богом Таароа — Тангароа, находившимся в раковинах,

внутренняя из которых была Туму, а внешняя — Папа). Вселенная состояла из 10 «верхних» и 10 «нижних» миров. Люди живут на Факахо-ту-Хенуа, Плодообильной Земле, над которой раскинулось Атеа, Пространство. На «второй земле» — Гавайки — обитают души предков... Помимо этих великих богов у полинезийцев имелось огромное количество местных богов, к которым относились и умершие вожди, великие мореплаватели и т.д. Стоит особо отметить первых людей — Тики и Хину — полинезийских «Адама» и «Еву». Мифология полинезийцев, по словам известного советского океаниста С.А.Токарева, была разработана не менее тщательно, чем древнегреческая, и по типу на нее весьма походила. Культ великих небесных богов тоже напоминал религию культурных народов античного мира. Народное мифотворчество перерабатывалось кастою жрецов, которые зачастую выступали и как авторы мифов.

Кроме богов большое место в полинезийской мифологии занимали культурные герои и герои-мореплаватели. Наиболее популярен из них Мауитикитики-о-Таранга, имя которого известно на островах, разбросанных по площади океана, превышающей 20 млн кв. км. Мауи — шутник, Мауи — культурный герой, Мауи — чудесный ловец островов из водных пучин, Мауи — полубог, Мауи — сверхчеловек, Мауи — «герой полинезийского пролетариата и нонконформистов», как называет его гавайская исследовательница К. Луомала, посвятившая мифам о Мауи великолепную монографию.

Образ Мауи, младшего, т.е. «низшего», сына в семье, нарушителя табу и воли богов, полинезийского Прометея, добывшего огонь людям, противопоставлен образу благородного Тафаки, идеалу вождя и вообще члена общины, которого маорийцы называют «самым счастливым человеком в мире»...

Кроме великих богов, местных богов и героев большое место в мифологии и фольклоре полинезийцев занимают демоны. На острове Пасхи их называют аку-аку (каждая местность острова имеет своего охранителя аку-аку); в Новой Зеландии — понатури (днем эти демоны живут в океане, так как свет солнца убивает их, и только по ночам они выходят на сушу), хакатури (слуги Тане, охранители лесов) и пату (невидимки, живущие в лесах и горах); на Гавайях — менехуне, му, ва (или вао), ээпа —

крохотные человечки, подобие европейских гномов и троллей, жители лесов и глубоких долин, неутомимые ночные строители святилищ и каменных водоемов...
(Сказки и мифы Океании. С. 351—356)

Новозеландский миф Все люди произошли от общих предков — от беспредельного Неба, простирающегося над нами, и от лежащей под нами Земли. Предками всего, что существует, были Ранги (Небо) и Папа (Земля). **о происхождении**

41

Сначала Ранги и Папа еще не были разделены и лежали, прильнув друг к другу. Поэтому на земле и на небе была тьма.

Так было и одну часть времени, и другую, и десять частей, и сто, и тысячу. Эти части времени воплощались в ночах, называемых По. И пока длились По, не было света, а была только тьма.

А дети Ранги и Папы вырастали, но никогда не видели света, потому что везде была одна тьма. И дети Неба и Земли думали, что, наверное, есть разница между тьмой и светом.

Наконец дети Ранги и Папы, истомленные вечным мраком, стали говорить друг другу:

— Давайте решим, что нам делать с Ранги и Папой. Убить ли их или отделить друг от друга?

Ту-матауенга, самый свирепый из детей Неба и Земли, сказал:

— Давайте убьем их.

Ему возразил Тане-махута, отец лесов, лесных существ и всех вещей, которые делаются из растений:

— Нет, лучше их разделить. Пусть Небо поднимается высоко над нами, а Земля ляжет у нас под ногами. Пусть Небо отдалится от нас, но Земля останется близкой нам, как наша заботливая мать.

С Тане-махута согласились все братья, за исключением Тафири-ма-теа, отца ветров и бурь. Он не хотел, чтобы Ранги и Папу разлучали.

И тогда встал Ронго-ма-тане, бог и отец возделываемых плодов, и попытался отделить Небо от Земли. Он напряг все силы, но не смог этого сделать.

Затем поднялся Тангароа, бог и отец рыб и гадов, но и он не смог оторвать Небо от Земли.

За ним встал Хаумиа-тикитики, бог и отец дикорастущих плодов, но и ему оказалось не под силу оторвать Ранги от Папы.

Потом это попытался сделать Ту-матауенга, бог и отец воинственных людей, но тоже безуспешно.

И наконец медленно поднялся Тане-махута, бог и отец лесов, птиц и насекомых. Сначала он попробовал оторвать Небо от Земли руками, но это ему не удалось. Помедлив, Тане-махута твердо уперся головой в Землю, а ногами в Небо и мощным усилием оторвал Ранги от Папы. Застонали Небо и Земля, заплакали и сказали в великой скорби:

— За что ты казнишь нас, своих родителей? Ведь разлучить нас так же жестоко, как и убить.

Но Тане-махута не отвечал им. Все глубже и глубже вдавливал он под себя Землю, все выше и выше поднимал Небо. И когда разделились Ранги и Папа, ослабла тьма и возник свет. Лишь после этого появилось множество людей, которых породили Ранги и Папа и которые до сих пор лежали между их телами.

А Тафири-ма-теа, бог и отец ветров и бурь, разгневался и решил начать войну со своими братьями. Бог ветров и бурь страшился того,

42

что мир станет светлым и прекрасным. И Тафири-ма-теа последовал за своим отцом, Ранги, и укрылся в пустотах беспредельного неба. Верный своему отцу, он долго прятался у него и советовался с ним. Ранги слушал сына, и наконец Тафири-ма-теа понял, что ему надо делать.

Тафири-ма-теа и Ранги породили многочисленное потомство — могучие ветры. Бог ветров и бурь разослал их в разные стороны: одного на запад, другого на юг, третьего на восток и четвертого на север. Следом за ними он послал неистовые шквалы, смерчи, густые облака, плотные облака, темные тучи, мрачные тучи, огненные тучи, облака — предвестники урагана, зловещие огненно-черные тучи, облака с багровым отблеском, обложные тучи, дождевые тучи, грозовые тучи и несущиеся облака. А среди всех их мчался сам Тафири-ма-теа.

Тане-махута и его высокие леса стояли, ничего не подозревая, когда на них налетели ураганы, когда их коснулось огненное дыхание Тафири-ма-теа. Затрещали громадные деревья, и вот они рушатся на землю, сучья и ветви ломаются и отлетают в стороны. И вот уже земля усыпана поваленными деревьями, ветвями и сучьями, и все это достается насекомым и червям, все обречено на гниение.

Затем Тафири-ма-теа повернул к морю и обрушил свой гнев на него. По морю заходили огромные волны, закружились водовороты и смерчи. Испугался Тангароа, бог моря и отец его обитателей, и

укрылся в пучине. А потомству Тангароа тоже надо было спасаться. Морской бог породил Пунгу, а Пунга породил двоих детей. Это были Ика-тере, отец рыб, и Ту-те-вехивехи, он же Ту-те-ванавана, отец гадов. И когда Тангароа погрузился в морскую глубину и спрятался там, его потомки начали спорить. Ика-тере крикнул:
— Давайте укроемся в море! А Ту-те-вехивехи сказал:
— Нет, нет, лучше спрячемся на суше!
— На суше тебя и твой народ, — предупредил его Ика-тере, — будут ловить и перед тем, как приготовить, с вас будут счищать чешую пучком сушеного папоротника.
В ответ Ту-те-вехивехи сказал:
— Остерегайся, живя здесь, в море. Когда перед гостем будут ставить корзинку с приготовленными овощами, вас будут класть сверху как самую лакомую приправу.
И они разошлись. Рыбы укрылись в глубине моря, а гады сбежали на сушу и попрятались по лесам и кустарникам.
Разгневался Тангароа, что часть потомков покинула его и укрылась у лесного бога. И с тех пор Тангароа начал воевать с Тане.
И лесной бог тоже воюет с Тангароа. Тане дает людям, потомкам своего брата Ту-матауенга, лодки, копья и рыболовные крючки. Все это делается из дерева. Из других растений люди делают сети и ловят детей морского бога.

В свою,очередь Тангароа губит детей Тане: переворачивает лодки в сильном прибое, смывает деревья и дома и опустошает жадными волнами сжимающие его берега. Тангароа сметает с земли и уносит в беспредельный океан насекомых, птенцов и даже могучие деревья.
Потом Тафири-ма-теа напал на своих братьев Ронго-ма-тане, бога и отца возделываемых плодов, и Хаумиа-тикитики, бога и отца дикорастущих плодов. Но Папа, Земля, укрыла того и другого, чтобы сберечь их потомство для своих детей. И так хорошо она спрятала Ронго-ма-тане и Хаумиа-тикитики, что бог ветров и бурь не смог их найти.
И наконец Тафири-ма-теа набросился на своего последнего брата — Ту-матауенга. Бог ветров и бурь обрушил на него всю свою ярость, но Ту-матауенга, отец воинственных людей, не испугался. Ведь это он один из всех детей Ранги и Папы предлагал их убить. Он показал себя храбрым и свирепым в битвах. Все его братья отступили перед Тафири-ма-теа: Тане со своим потомством был повержен, Тангароа и его дети спрятались в море и на суше, Ронго-ма-тане и Хаумиа-тикитики укрылись в земле. Лишь один Ту-матауенга, человек, не дрогнув, стоял на груди Матери-Земли. И ярость Неба и бога ветров и бурь утихла, Ранги и Тафири-ма-теа успокоились...
С того времени как Ранги оторвали от Папы, над землей стало светло. А многочисленное потомство Ранги и Папы, которое до того было спрятано между их телами, плодится на земле. Первые существа, порожденные Ранги и Папой, не были похожи на людей. Но Ту-матауенга уже был подобен человеку, как и все его братья, а также По, АО, Коре, Те-Кумиханга и Рунуку; так продолжалось до времен Нгаимуи и его поколения, Фиро-те-тупуа и его поколения, Тики-тафито-арики и его поколения, и так продолжается и по сей день...
И сейчас беспредельное Небо отделено от своей супруги Земли. Но их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы.
(Сказки и мифы Океании. С. 561—567)

Похищение подземного огня

Однажды Мауи решил навсегда погасить огонь у своей прародительницы Махуики. Для этого он проделал вот что. Ночью, когда все спали, Мауи утащил из всех домов в деревне тлеющие головешки, которыми поутру в каждой семье разжигали огонь, чтобы готовить пищу. Ранним утром Мауи громко закричал:
— Я голоден, я голоден! Приготовьте мне поесть.
Тут же один из рабов бросился со всех ног к очагу, чтобы приготовить пищу, но не увидел и следа огня. Тогда он стал бегать из дома в

дом в поисках огня, но, обегав всю деревню, не нашел ни одной головешки.
Когда мать Мауи узнала об этом, она крикнула рабов и сказала им:
— Отправляйтесь к моей великой прародительнице Махуике. Расскажите ей, что на земле не осталось огня, и попросите дать его людям снова.
Но рабы испугались и упорно отказывались исполнить поручение, хотя даже старшие, всеми

уважаемые жители деревни повторяли им приказание. Наконец Мауи сказал матери:
— Хорошо, я сам схожу в подземный мир за огнем. Но как мне туда добраться?
Родители Мауи хорошо знали подземный мир и рассказали ему, как туда попасть:
— Иди вот этой широкой дорогой, что лежит перед тобой, и дойдешь до жилища твоей прародительницы. Если она спросит, кто ты, назови ей свое имя. Тогда она поймет, что ты ее потомок. Мы знаем, что твои великие подвиги не похожи на дела обычных людей, но ты любишь обманывать и обижать других. Ты и теперь, наверное, собрался подшутить над своей прародительницей. Так будь осторожен и не делай этого. Не вздумай обмануть ее.
— Нет, я только добуду огонь для людей и сразу вернусь, — ответил Мауи. Он вышел из дому и пошел по дороге, которую ему показала мать.
Наконец он достиг жилища богини огня. Все то, что он там увидел, так удивило Мауи, что он долго не мог сказать ни слова. Но вот он опомнился и обратился к богине:
— Скажи мне, где у тебя хранится огонь. Я пришел попросить немного огня.
Тут старая богиня поднялась и сказала:...
— Уж не ветер ли указал тебе дорогу ко мне? -Да.
— А, значит, ты мой внук! — воскликнула богиня. — Что же ты хочешь?
— Я пришел попросить у тебя огня.
— Добро пожаловать, огонь для тебя найдется.
С этими словами Махуика выдернула из своего пальца ноготь. И как только она сделала это, из ногтя вырвалось пламя. Затем Махуика отдала свой факел Мауи. Увидев, как его прародительница вырвала у себя ноготь, чтобы дать ему огонь, Мауи тут же решил, как ему быть дальше. Он отошел недалеко от Махуики и отбросил в сторону свой пылающий факел. Затем он снова вернулся к богине и сказал ей:
— Твой факел погас, дай мне другой.
Махуика тотчас вырвала у себя еще один ноготь, и он сразу же воспламенился. Затем она снова отдала огонь Мауи.
Мауи отошел немного в сторону и опять выбросил факел. Потом он вновь возвратился к богине:

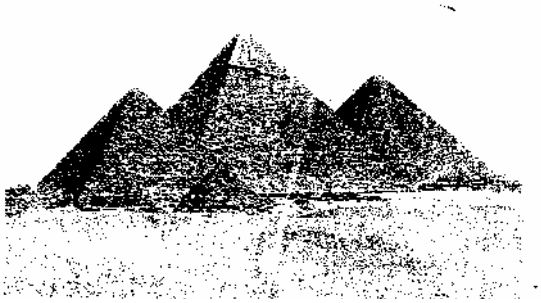
— Дай мне еще огня, потому что факел опять погас.
И так он проделывал до тех пор, пока Махуика не вырвала все ногти на пальцах рук. Затем она принялась за ногти на ногах и выдергивала их один за другим. Наконец, когда у нее остался только один ноготь на большом пальце ноги, старая женщина сказала себе:
— Этот хитрец, конечно, обманывает меня.
Тут она вырвала свой последний ноготь и бросила его на землю. В тот же миг все это место охватило пламя.
— Ну вот, теперь весь огонь — твой! — крикнула Махуика Мауи. Мауи попытался ускользнуть от пламени, он быстро побежал прочь,
но огонь стремительно гнался за ним по пятам. Тогда Мауи обернулся ястребом и быстро полетел подальше от огня, но и тут пламя едва не настигло его. Он ринулся в пруд, но вода была так горяча, что он чуть не сварился. Лес тоже горел, и Мауи негде было скрыться от огня. И земля и море — все было объято пламенем, и Мауи был близок к смерти.
Тогда в отчаянии он стал призывать своих прародителей — Тафири-ма-теа и Фатитири-матакатаку — ниспослать на землю воду, потоки воды.
— О, пусть будет ниспослана мне вода, чтобы я мог погасить этот огонь, преследующий меня по пятам! — восклицал он.
И великие прародители услышали его. Поднялся сильный ветер, началась буря, и на землю обрушился ливень. Махуика бросилась к своему жилищу, но ее смыло водой, прежде чем она достигла его. Погибая от воды, она кричала так же громко, как Мауи, когда его преследовал огонь.
Тафири-ма-теа погасил бушевавшее пламя, и огонь Махуики был теперь полностью уничтожен. Но еще раньше она успела спасти пять искр, схоронив их в дереве каикомако и других четырех деревьях. Там они хранятся до сих пор.
И поныне люди, когда им нужен огонь, берут древесину этих деревьев.
(Сказки и мифы Океании. С. 575—578)

Литература

Архитектура Древнего мира. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1944.
Атлас чудес света: Выдающиеся архитектурные сооружения и памятники всех времен и народов. М.: БММ АО, 1995.
История искусства зарубежных стран: Первобытное общество, Древний Восток, Античность. М.: Изобраз.

искусство, 1981.
Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М.: Искусство, 1973.
Оля Б. Боги Тропической Африки. М.: Наука, 1976.
Сказки и мифы Океании. М.: Наука, 1970.
Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989.
Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980.
Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1995.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА



Исторический очерк Название «Египет» происходит от древнегреческого «Айгюптос», сами египтяне называли свою страну «Та-Кемет», что означает Черная земля (по цвету почвы).

В V тыс. до н.э. климат в Египте был более прохладным и долина Нила была практически полностью заболочена, за ее же границей находятся горы и пустыни. В IV тыс. до н.э. климат стал более жарким, болота в основном высохли, и эта земля была постепенно заселена людьми. Плодородие земель прямо связано с ежегодными разливами Нила, приносящими на поля плодородный ил; по словам Геродота, Египет — это «дар Нила». Стабильные урожаи способствовали росту земледельческих поселений, ряд из которых постепенно превратились в города; начала складываться система *номов* (их было порядка 40) — городов-государств, т.е. городов с прилегающей к ним сельскохозяйственной территорией. Затем наступила эпоха борьбы между номами, которая к концу IV тыс. до н.э. привела к образованию двух больших государств — Верхнего и Нижнего Египта. Борьба между ними окончилась около 3100 г. до н.э. победой Верхнего Египта и возникновением единого государства.

В настоящее время в истории Древнего Египта принято выделять следующие периоды (даты в разных источниках указываются несколько различные):

Додинастический: до 3100 г. до н.э.

В династический период выделяются:

1) Раннее царство: 31—28 вв. до н.э. — I, II династия;
2) Древнее царство: 28—23 вв. до н.э. — III—VI династии;
3) Первый период распада: 23—21 вв. до н.э. — VII—X династии;
4) Среднее царство: 21—18 вв. до н.э. — XI—XII династии;
5) Второй период распада: 18—16 вв. до н.э. — XIII—XVII династии (примерно с 1700 по 1580 г. — время владычества гиксосов в Египте);
6) Новое царство: 1580—1085 гг. до н.э. — XVIII—XX династии;
7) Позднее царство: 1085—332 гг. до н.э. — XXI—XXXII династии.

В период **Позднегб царства** Египет неоднократно оказывается под властью иноземных правителей: в 715г. до н.э. — эфиопских властителей, с 671 по 655 г. до н.э. — под властью Ассирии, с 525 г. до н.э. — Персии. Затем на короткое время следует период самостоятельности (XXVIII—XXXI династии). В 332 г. до н.э. Египет был завоеван Александром Македонским, а после его смерти и распада

державы Александра Египет становится самостоятельным государством под властью сподвижника Александра Птолемея, а затем — его потомков (династия Птолемеев). В 30 г. до н.э. Египет был завоеван римлянами. После раскола Римской империи на Западную и Восточную (395 г.) Египет входит в состав Византии и находится в ней до завоевания арабами в VII в. н.э.

Периодом наибольшего расцвета и политического могущества является Новое царство, когда Египет по праву называют мировой державой.

Религия и мифология

О древнеегипет- ...Древнейшей формой религии Египта... было по-**ской религии** читание местных номовых божеств-покровителей... Каждый ном чтил свое священное животное, связывавшееся так или иначе с местным богом:

последний изображался нередко или в виде этого животного, или в смешанном, зооантропоморфном образе.
Так, в самом южном номе — Элефантине — почитали барана, в Ден-дере — корову, в Сиуте — шакала, в Гермополе — ибиса и павиана, в Файюмском оазисе — крокодила, в Бубастисе — кошку. Покровительницей Нехена, откуда происходило древнейшее объединение Южного Египта, считалась богиня-коршун, а рядом в Нехебе чтили водяную лилию. Древнейший центр объединения Северного Египта — Буто почитал священную змею, а соседняя община Пе — пчелу. Иероглифы, изображающие четыре последних существа, впоследствии стали символизировать объединенный Египет.
...В почитании местных богов покровителей происходил процесс антропоморфизации священных животных... так, кошка превратилась в богиню Бастет, изображавшуюся с кошачьей головой; сокол — в бога Гора. Изображения Тота с головой ибиса, Анубиса с головой собаки, Собека с головой крокодила, богини Сохмет с головой львицы, Хатхор с головой коровы и пр. служат очевидным указанием на происхождение этих зооантропоморфных образов от священных животных...
Когда какой-нибудь ном становился центром государственного объединения Египта, его бог-покровитель делался предметом общегосударственного культа...
Создание общеегипетского пантеона повлекло за собой установление богословско-мифологических связей между отдельными божествами. Так появились известные триады и эннеады божеств, неодинаковые, впрочем, в разных местностях. Фиванская троица — Амон, Мут, Хонсу; мемфисская — Птах, его супруга Сохмет и их сын Нефертум. Из эннеад (девятибожий) наиболее распространена была гелиополь-ская, состоявшая из четырех пар богов во главе с Ра: Ра, Шу и Тефнут, Геб и Нут, Осирис и Исида, Сет и Нефтида...
48
По египетским верованиям, со смертью человека умирает только его тело, тогда как остаются жить другие составные части его существа: имя (рен), душа (ба), вылетающая из тела в виде птицы и уносящаяся в небо, и, наконец, таинственный двойник человека (ка), занимающий главное место во всем этом комплексе верований... Ка не бессмертен, он может погибнуть от голода и жажды, если при погребении покойник не будет снабжен всем необходимым; ка может быть съеден загробными чудовищами, если не защитят его магические формулы. В благоприятном случае, при сохранении мумии или хотя бы статуи умершего, ка может надолго пережить его...
В эпоху Среднего царства складывается и наиболее характерная идея египетского заупокойного культа — идея суда над душами умерших... Судьей душ считался сам Осирис, а помощниками его — боги 42 номов, а также боги Анубис, Тот и адское чудовище, пожирающее осужденные души. На этом страшном суде взвешивается сердце покойника и в зависимости от добрых и дурных дел, совершенных им при жизни, определяется судьба его души.
(Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 299—311)
Но, чтобы быть допущенным до этого взвешивания, ка должен пройти через процедуру «отрицательной исповеди», описанную в 125-й главе Египетской книги мертвых:
1. Я не чинил зла людям.
2. Я не нанес ущерба скоту.
3. Я не совершил греха в месте Истины.
4. Я не [...].
5. Я не творил дурного. б.[.....].
7. "Имя мое не коснулось слуха кормчего священной ладьи.
8. Я не кощунствовал.
9. Я не поднимал руку на слабого.
10. Я не делал мерзкого пред богами.
11. Я не угнетал раба перед лицом его господина.
12. Я не был причиною недуга.
13. Я не был причиною слез.
14. Я не убивал.
15. Я не приказывал убивать.
16. Я никому не причинял страданий.
17. Я не истощал припасы в храмах.
18. Я не портил хлебы богов.
19. Я не присваивал хлебы умерших.
20. Я не совершал прелюбодеяния. 21.Я не сквернословил.

22. Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от нее.
49
23. Я не убавлял от аруры.
24. Я не обманывал и на пол-аруры.
25. Я не давил на гирю.
26. Я не плутовал с отвесом.
27. Я не отнимал молока от уст детей.
28. Я не сгонял овец и коз с пастбища их.
29. Я не ловил в силки птицу богов.
30. Я не ловил рыбу богов в прудах ее.
31. Я не останавливал воду в пору ее.
32. Я не преграждал путь бегущей воде.
33. Я не гасил жертвенного огня в час его.
34. Я не пропускал дней мясных жертвоприношений.
35. Я не распугивал стада в имениях бога.
36. Я не чинил препятствий богу в его выходе.
37. Я чист, я чист, я чист!
(Египетская книга мертвых, 125-я глава. С. 71)

О религиозно-реформе Эхнатона При Аменхотепе III могущество жрецов возросло настолько, что и цари начали их опасаться. Его сын - Аменхотеп IV (1419—1402 гг. до н.э.) сделал смелую и почти беспримерную попытку освободиться от опеки жрецов и сокрушить их мощь. Сначала он попытался опереться, в противовес жрецам Амона, на ге-лиопольское жречество, но, встретив в этом противодействие, перешел к более решительным мерам: он отменил культ всех богов в государстве, приказал закрыть их храмы и выдвинул нового бога — Атона — солнечный диск. Объявив самого себя верховным жрецом этого нового и единственного божества, переименовав себя в связи с этим в Эхнатона (угодный Атону), царь покинул Фивы и перенес свою резиденцию в новый городок Ахетатон (горизонт Атона)... Новый централизованный официальный культ существовал лишь при жизни Эхнатона. Его преемники вынуждены были вновь подчиниться влиянию несломленного фиванского жречества, восстановить культ старых богов и прекратить культ Атона. Само имя царя-еретика было скоро предано проклятию.
(Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 317—318)

Миф о творении Благодаря отмеченной нами изменчивости египетской религии миф о творении принимает многообразные формы.

Самые ранние варианты мифа, позднее видоизмененные теологами Гелиополя и Мемфиса, изображают бога солнца Атума-Ра сидящим на первозданной горе и создающим богов, которые его сопровождают. Но
50
Атум сам изображен возникающим из Нун, изначального океана. В варианте мифа, сложившемся в Среднем Египте в Гермополе, Атум появился в результате действий Огдоады, а созданные им божества мыслились в форме животных: четырех змей и четырех лягушек, являвших собою изначальный хаос. Их имена Нун и его супруга Наунет, Кук и Каикет, Хух и Хаухет и, наконец, Амон и Амаунет. Возникший из вод Атум приводит эти элементы хаоса в порядок, и они появляются в текстах в виде богов действующих в соответствующих сферах. Согласно Текстам пирамид ранний вариант мифа повествует о том, как Атум сам себя оплодотворил и породил Шу и Тефнут — воздух и влагу, от их союза родились Геб и Нут — бог земли и богиня неба. Здесь гелиополитан-ская теология вводит персонажей из круга Осириса: Геб и Нут породили Осириса и Исиду одновременно с Сетом и Нефтидой, завершив таким образом создание гелиополитанской Эннеады («Девятки»).

Другой вариант мифа возник в результате стремления Мемфиса утвердить свое значение столицы Первой династии египетских правителей. Местным богом Мемфиса был Птах, и мемфисская теология, как обычно называют документы, содержащие этот вариант мифа, преобразовала ге-лиополитанскую Эннеаду, передав главенствующую роль в акте творения Птаху. В той части этого примечательного текста, где говорится о творении, Птах отождествлен с Нуном, изначальным океаном, и представлен творящим своим божественным словом Атума и всех других богов гелиополитанской Эннеады. В следующем отрывке кратко суммировано то, что можно назвать символом веры мемфисской теологии: Птах на великом троне, Птах — Нун, отец,

породивший Атума; Птах — Наунет, мать, родившая Атума; Птах Великий, он сердце и язык Эннеады, (Птах), кто породил богов.
В египетском конкретном образе мышления сердце и язык представляют мысль и речь, атрибуты творца. Они обожествляются как Гор и Тот. Своей мыслью и речью Птах порождает богов и создает порядок из хаоса; ...снабжает род людской пищей, делит Египет на провинции и города и устанавливает сферы влияния различных местных богов. Это описание созидательной деятельности Птаха завершается словами: «Итак, Птах почил после того, как сделал все». Фраза, которая не может не натолкнуть на сравнение с заключительными словами жреческого кодекса — рассказа о творении в Первой книге Бытия... Интересно отметить, что создание человека не занимает в египетской мифологии особого места. Существует изображение бога Хнума, создающего человека на гончарном круге, существуют в египетских текстах также и различные упоминания этой особой созидательной деятельности бога Хнума, но... в египетской мифологии созданию человека отводится сравнительно незначительное место.
(Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. С. 61—62)
51
Миф об уничто- ...Когда Ра постарел и почувствовал, что теряет власть жении людей над богами и людьми, он собрал совет богов и, сообщив им, что люди замышляют против него недоброе, попросил совета у Нуна, самого старшего из богов. Нун предложил послать против людей глаз Ра в виде богини Хатхор. Хатхор начала резню и погрязла в крови. Но, по-видимому, Ра не хотел полностью уничтожить род людской, поэтому он придумал изготовить семь тысяч кувшинов и заполнить их ячменным пивом, окрашенным красной охрой и похожим на кровь. Это пиво было вылито на поля слоем в девять дюймов. Когда богиня увидела, как это пиво сияло в лучах утренней зари, отражая ее прекрасное лицо, она, не устояв, выпила его и, опьянев, забыла свой гнев против людей. Так человечество было спасено от полного уничтожения. Текст, в котором сохранился этот миф, по-видимому, использовался в качестве магического заклинания, чтобы защитить тело умершего царя. Возможно, этот миф имеет и этиологическое значение, объясняя происхождение ячменного пива.
(Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. С. 61—63)
Исида и Осирис Миф об Исиде и Осирисе был широко распространен, но в дошедших до нас египетских текстах зафиксированы только его фрагменты. В целом виде он сохранился только в рассказе Плутарха (греческого автора, жившего в конце I — начале II в. н.э.), поэтому именно он здесь и приведен. Для греков и римлян эпохи эллинизма характерно стремление отождествлять по возможности богов других народов со своими, поэтому Плутарх именует в этом рассказе египетского бога Сета Тифоном.
Рассказывают, что, воцарившись, Осирис тотчас отвратил египтян от скудного и звероподобного образа жизни, показал им плоды земли и научил чтить богов; а потом он странствовал, подчиняя себе всю землю и совсем не нуждаясь для этого в оружии, ибо большинство людей он склонял на свою сторону, очаровывая их убедительным словом, соединенным с пением и всевозможной музыкой. Поэтому греки отождествляли его с Дионисом. И говорят, что Тифон в его отсутствие ничего не предпринимал, потому что Исида, обладая всей полнотой власти, очень старательно стерегла его и наблюдала за ним,по возвращении же Осириса стал готовить ему западню... Он измерил тайно тело Осириса, соорудил по мерке саркофаг,.прекрасный и чудесно украшенный, и принес его на пир. В то время как это зрелище вызвало восторг и удивление, Тифон как бы в шутку предложил преподнести саркофаг в дар тому, кто уляжется в него по размеру. После того как попробовали все по очереди и ни одному гостю он не пришелся впору, Осирис вступил в гроб и лег. И будто заговорщики подбежали, захлопнули крышку и, заколотив ее снаружи гвоздями, залили горячим свинцом, затащили гроб в реку и пустили в море у Таниса...
52
Говорят, что Исида, получив весть, тотчас отрезала одну из своих прядей и облачилась в траурное покрывало...
И потом, как рассказывают, она узнала о саркофаге, что море пригнало его к берегу Библа и прибой осторожно вынес его в заросли вереска. А вереск в малое время выросши в огромный и прекрасный ствол, объял и охватил его, и укрыл в себе. Царь удивился разм'ерам растения и, срубив сердцевину, содержащую невидимый взору гроб, поставил ствол как подпорку для крыши. Говорят, что Исида, узнав об этом от божественного духа молвы, явилась в Библ, села у источника, смиренная и заплаканная, и не говорила ни с кем, но только приветствовала служанок царицы, ласкала их, заплетала им косы и навевала от себя на их тело удивительный аромат. Лишь только царица увидела служанок, как в ней возникло влечение к незнакомке, волосам и телу, источающему благовоние. За Исидой послали, а когда она прижилась, ее сделали кормилицей

царского сына-Предание гласит, что Исида выкармливала дитя, вкладывая ему в рот вместо груди палец, а ночью выжигала огнем смертную оболочку его тела; сама же, превращаясь в ласточку, с жалобным криком вилась вокруг колонны — и так до тех пор, пока царица не подстерегла ее и не закричала при виде ребенка в огне, лишив его тем самым бессмертия. Тогда изобличенная богиня выпросила столп из-под кровли; легко освободив его, она расщепила вереск, а потом, закутав его в полотно и умастив миром, вручила царю и царице; и теперь еще жители Библа почитают дерево, положенное в святилище Исиды. И рассказывают, что она пала на гроб и возопила так, что младший сын царя тут же умер, а старшего она якобы забрала с собой и, поместив гроб на судно, отплыла. Но так как река Федр перед зарей выпестовала в себе бурный ветер, она разгневалась и иссушила русло.

И вот в первом же пустынном месте, оставшись наедине с собой, она открыла саркофаг и, припав лицом к лицу, стала целовать и плакать. А когда она заметила ребенка, тихо подошедшего сзади и наблюдавшего это, то оглянулась и бросила на него ужасный и гневный взгляд; мальчик не вынес потрясения и умер. Другие рассказывают не так...

И рассказывают, что потом, когда Исида ушла в Бут к сыну Гору, который там воспитывался, и поместила гроб вдали от дороги, Тифон, охотясь при луне, наткнулся на него и, узнав тело, растерзал его на четырнадцать частей и рассеял их. Когда Исида узнала об этом, она отправилась на поиски, переплывая болота на папирусной лодке. По этой причине будто бы крокодилы не трогают плавающих в папирусных челноках, испытывая или страх, или, клянусь Зевсом, почтение перед богиней. И потому якобы в Египте называют много гробниц Осириса, что Исида, отыскивая, хоронила каждый его член. Иные же отрицают это и говорят, что она изготовила статуи и дала их каждому городу вместо тела Осириса для того, чтобы Тифону, если бы он победил Гора

и стал отыскивать истинную гробницу, пришлось отказаться от этого, так как ему называли бы и показывали много могил. Из всех частей тела Осириса Исида не нашла только фалл, ибо он тотчас упал в реку и им кормились лепидоты, фагры и осетры, которыми гнушаются больше, чем всякой другой рыбой. Исида же, по рассказам, вместо него сделала его изображение и освятила фалл; в честь него и сейчас египтяне устраивают празднества.

Потом, как гласит предание, Осирис, явившись Гору из царства мертвых, тренировал и упражнял его для боя, а затем спросил, что он считает самым прекрасным на свете. Когда тот ответил: отомстить за отца и мать, которым причинили зло...

Что касается сражения, то оно будто бы продолжалось много дней, и победил Гор...

(Плутарх. Исида и Осирис. С. 15—20)

Магические имена и изображения

Египтяне, как и все другие народы Востока, очень большое значение придавали знанию имени. И жи-вым и мертвым было необходимо знать, как исполь-зовать и упоминать имена, обладающие магической силой. Считалось, что, если человек, обращаясь к богу или демону, называет его по имени, тот обязан ответить и сделать все, что он пожелает. Зная имя человека, окружающие могли помочь ему или причинить зло. Имя могло быть проклято, и тогда оно наносило вред владельцу, но если к нему обращали благословение или молитву о благополучии, приносило пользу. Имя для египтян было такой же частью человеческого существа, как душа, двойник (ка) или тело, и такое восприятие его уходит своими корнями в незапамятные времена...

Без имени человек не мог быть опознан на посмертном суде, и подобно тому, как родился он на земле после произнесения своего имени, так и будущую жизнь человек мог обрести только тогда, когда боги загробного мира узнают и назовут его.

...Умерший обращает к семи богам и говорит: «Приветствую вас, семь существ, которые приказывают, которые поддерживают Весы в ночь суда Учат, которые отрезают головы, которые рубят шеи на куски, которые овладевают сердцами и вырывают их, которые заливают кровью Озеро Огня. Я знаю вас, я знаю ваши имена. Узнайте и вы меня так же, как я знаю вас». Умерший, объявив, что семеро богов знают его имя и он знает их имена, больше не опасался, что зло одержит над ним верх.

В царстве Осириса существовало семь залов или домов, через которые умершему надо было пройти, но каждые ворота охраняли привратник, страж и глашатай. Чтобы умерший мог задобрить их и получить возможность пройти, требовались специальные приготовления. Прежде всего нужно было сделать из определенного материала (или нарисовать на папирусе) макеты семи врат и фигурку умершего. Эта фигурка

подносилась по очереди к каждым вратам и устанавливалась перед ними, с декламацией специального обращения, необходимого в этом случае, При этом перед каждыми вратами приносились в жертву бедро, голова, сердце и копыто рыжего быка, а также делались другие подношения, перечислять которые здесь нет необходимости. Но все эти церемонии не помогли бы умершему пройти через ворота, если бы он не знал имен охраняющих их семи привратников, семи стражей и семи глашатаев...

Но кроме этих семи залов он должен был пройти через двадцать один потайной пилон дома Осириса в Елисейских полях. Для этого от него требовалось назвать имя каждого пилона и его привратника и кратко обратиться к ним.

(Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. С. 288—295)

...Считалось, что некоторые боги и демоны могут принимать различные обличья и в каждом из них имеют разные имена, так что для обретения полной власти над таким богом надо было знать все его имена. Так, в «Книге низвержения Апепа» говорится, что надо не только сделать восковую фигурку чудовища, но и написать на ней его имя, чтобы после сожжения фигурки было уничтожено и имя... Но Апеп мог принимать разные обличья и имел много имен, поэтому, пока заклинания не были обращены ко всем этим именам, у него всегда оставалась сила творить зло.

(Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. С. 298—299)

Легенда о строительстве Александрии

Когда было заложено основание города и начали возводиться стены, с моря каждую ночь стали приходить какие-то животные, разрушавшие все, что было построено за день. Были выставлены часовые, но, несмотря на это, каждое утро оказывалось, что сделанное накануне разрушено. После долгих размышлений Александр разработал план, призванный помешать морским чудовищам, и приступил к его осуществлению. Он сделал ящик длиной в десять и шириной в пять локтей. Ящик имел стеклянные стенки, укрепленные в рамах с помощью дегтя, смолы и других подобных материалов. В него сел сам Александр и два искусных рисовальщика, затем ящик закрыли и отбуксировали в море двумя судами на указанное Александром место. Там ко дну ящика прикрепили грузы из железа, свинца и камня и при помощи тросов погрузили его в воду. Поскольку стенки ящика были стеклянными, а морская вода прозрачной, Александр и два его спутника, оказавшись на дне моря, могли наблюдать за морскими чудищами, плавающими вокруг. Они увидели, что чудища эти имеют человеческие тела и головы животных. У одних в руках были топоры, у других — пилы, у треть-

их — молотки, и все они были очень похожи на рабочих. Когда чудища проплывали мимо ящика, Александр и его спутники старательно зарисовывали на бумаге их ужасные морды, фигуры и формы. Когда все было сделано, по сигналу Александра ящик был поднят на поверхность. На берегу Александр приказал своим мастерам сделать из камня и металла изображения морских чудищ, используя в качестве образца сделанные под водой рисунки. Когда работа была закончена, он приказал установить изваяния на пьедесталы вдоль морского берега. Работы по строительству города возобновились. Ночью из моря вновь вышли чудища, но, увидев на берегу свои изображения, повернули назад, и никто их больше не видел. Однако, когда город уже был построен и обжит, морские чудища появились вновь. Каждую ночь исчезали люди. Чтобы прекратить это безобразие, Александр установил талисманы на колоннах... Каждая колонна имела форму стелы высотою 80 локтей и опиралась на медный цоколь. Талисманы были помещены у основания колонн и представляли собой изображения или статуи с соответствующими надписями. Поскольку установка их была осуществлена после тщательных астрономических вычислений, можно предположить, что она возымела действие, на которое рассчитывал Александр.

(Бадж У. Египетская религия. Египетская магия. С. 285—287)

Жертвоприношения

Быки считаются посвященными Эпафу, и поэтому их тщательно исследуют вот каким образом. Если найдут на нем хоть один черный волос, то бык считается нечистым. Исследование же это производит нарочно назначенный для этого жрец, причем животное стоит прямо, а затем лежит на спине. Потом у быка вытягивают язык, чтобы узнать, чист ли он от особых знаков, которые я опишу в другом месте. Жрец осматривает также волосы на хвосте: правильно ли они по природе растут. Если животное окажется чистым по всем статьям, то жрец отмечает его, обвивая папирусом рога, и затем, намазав их печатной глиной, прикладывает свой перстень с печатью, после чего быка уводят. За принесение в жертву неотмеченного животного полагается смертная казнь. Так вот, осмотр животного производится указанным способом. Жертвоприношение же совершается вот как. Отмеченное животное приводят к алтарю, где приносят в жертву, и

возжигают огонь. Затем, совершив возлияние вином над алтарем, где лежит жертва, и призвав божество, они закалывают животное, а после заклания отсекают голову. Тушу животного обдирают и уносят, призвав страшные проклятия на его голову. Если там есть рынок и на нем торгуют эллинские купцы, то голову приносят на рынок и продают. Если же эллинов нет, то голову бросают в Нил. Над головой же они изрекают вот какие заклятия: если тем, кто приносит жертву, или всему Египту грозит беда, то да падет она на эту голову. Обычаи, касающиеся голов жертвенных жи-

вотных и возлияний вина, у всех египтян одинаковые и соблюдаются при каждом жертвоприношении и в силу этого обычая ни один египтянин не может употреблять в пищу головы какого-либо животного.

(Геродот. История. С. 92)

Государство и право

О государстве Свою цивилизацию египтяне изначально считали созданной богами. Согласно хронологии Манефона, основанной на священных текстах, до земных царей Египтом правили боги, затем — полубоги. В «Мемфисском богословском трактате», творении жрецов Птаха, восходящем к эпохе Древнего царства, сказано: «Умиротворился Птах, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, поместил богов в их святилища, учредил их жертвоприношения, основал их храмы, сотворил их тела ради умиротворения их сердец».

Существование государства не мыслилось египтянами без Маат — божественного Порядка и Истины. Боги-творцы уничтожают изначальный хаос, в созданном ими человеческом обществе выступают в роли восстановителей всеобщей гармонии Маат. Подобно богам, царь также должен стремиться утвердить Маат на месте беспорядка. («Тексты пирамид»).

Порядок часто понимался как правопорядок, справедливость: боги и цари — как владыки и учредители законов. Не случайно египетские визири начиная с эпохи Древнего царства выступают в роли жрецов истины, что соответствовало их судейским обязанностям. Понятие «Маат» становится центральным в египетской этике. Одно из древнейших известных нам поучений — «Премудрость Птаххотепа» (V династия) — провозглашает Маат принципом, на котором строятся правильные человеческие взаимоотношения: «Велика справедливость, и превосходство (ее) непоколебимо. Неизменна (она) со времен Осириса, и карают преступающего законы».

...«Поучения гераклеопольского царя» — первое известное нам дидактическое сочинение, составленное от имени царя. В «Поучении» особый акцент делается на нравственные основы власти. Призывая Мерикара с беспощадностью относиться к мятежникам и остерегаться черни, герак-леопольский царь в то же время советует приближать к себе человека за его заслуги, не наказывать несправедливо и творить Маат, заботиться не только о своих вельможах, но и обо всех подданных, ибо все люди — «стадо бога», они — «подобия, вышедшие из его плоти». Увещевая сына следовать мудрым предписаниям предков, он говорит об особой ответственности, которую налагает на царя его сан, и указывает ему, что именно

благие поступки правителя — лучшая память о нем среди людей и залог оправдания на суде богов в загробном царстве, где добродетель ценится выше, чем пожертвованный бык злодея.

(Древние цивилизации. С. 46—50)

Из «Предписания Текст записан на стенах фиванских гробниц верховных **о служебных** сановников. **оюязанностях**

Что касается всего, что будет делать этот санов-**верховного** ник, когда верховный сановник будет слушать в па-

САНОВНИКА

лате верховного сановника, то он будет восседать на седалище со спинкой, на полу будет циновка, на нем плетенка, за его спиной кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка, ...рядом с ним жезл; перед ним разложено 40 кожаных свитков (с законами), по обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу 10 верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него заведующий приемом (?), рядом с ним писцы верховного сановника...

Будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Если пришедший первым скажет: «Рядом со мной нет никого, кого следовало бы выслушать(?)», то он будет схвачен доверенными верховного советника...

Затем он войдет приветствовать владыку, который да будет жив, невредим и здоров. (Он ??) будет

докладывать ему о состоянии обеих (египетских) стран в его доме ежедневно. Он войдет во дворец одновременно с начальником казны. Тот остановится у северного столба для флажков. Затем верховный сановник (выйдет) из двери дворца. Тогда начальник казны встретит его и доложит ему следующее: «Все твои дела в полном порядке, дворец цел и невредим». Тогда (верховный сановник) доложит начальнику казны следующее: «Все твои дела в полном порядке, все учреждения резиденции целы и невредимы. Мне было доложено о закрытии запоров в урочное время и открытии их в урочное время всеми должностными лицами». После ж того, как эти два сановника доложат друг другу, верховный сановник пошлет открыть все двери дворца, чтобы впустить все, что имеет доступ, и выпустить все, что имеет право на выход. Это его доверенный будет заботиться, чтобы (все) было записано...

Что касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе, помимо допроса заведующего пашнями и (такого-то)... присутствия. Он предоставит ему отсрочку на 2 месяца для его пашен в Верхнем и Нижнем Египте. Но что касается его пашен, расположенных по соседству с Фивами и резиденцией, то он предоставит ему отсрочку на 3 дня согласно тому, что

58

стоит в законе. Он будет выслушивать каждого просителя согласно этому закону, что у него в руке.

Далее, это он будет вызывать окружных чиновников и это он будет посылать их, чтобы они докладывали ему дела своих округов. Ему будут доставляться все завещания; это он будет запечатывать их. Это он будет отводить наделы на всех земельных участках.

Что касается всякого просителя, который скажет: «наша граница была передвинута», то посмотрит, что оно (снабжено) печатью соответствующего сановника, и тогда он взыщет взысканное в пользу присутствия, передвинувшего ее...

Ему будут докладывать о каждом просителе, обращающемся к владыке, после того как он изложит (свою просьбу) письменно. Это он будет отправлять всех доверенных дворца, посланных к местным князьям и градоправителям. Это он будет отправлять всех путешественников и все экспедиции дворца.

Это он будет назначать исполняющих должности сановников Верхнего и Нижнего Египта, южной части Верхнего Египта и Тинитской области (к северу от Фив)... Это он будет устанавливать общее количество войска, которое будет двигаться следом за владыкой при путешествиях на север и юг. Это он будет устанавливать недоимки (?), имеющиеся в Фивах и резиденции, согласно сказанному во дворце. К нему будут приводить надзирателя государевой... и войсковое присутствие для дачи им воинского предписания. Пусть, далее, все должностные лица, от первого до последнего, являются в палату верховного сановника приветствовать его.

Это он будет посылать рубить смоковницы согласно сказанному во дворце. Это он будет посылать окружных чиновников проводить обнесенные плотинами каналы во всей стране. Это он будет посылать местных князей и градоправителей по поводу урожая (?) летом (?). Это он будет назначать начальников (чиновников) ш е н т у в палате дворца. Это он будет слушать местных князей и градоправителей, отбывших (?) его именем (?) из (??) Верхнего и Нижнего Египта. Ему будут докладывать все дела. Ему будут докладывать о состоянии крепости юга и каждый арест лица, которое будет грабить... Документ области будет находиться в его палате, чтобы можно было слушать (дела) о любых пашнях. Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастбища, каждого храмового хозяйства, каждого владения (?)...

Это он будет выслушивать жалобу, когда кто-либо пойдет говорить со своим товарищем. Он будет назначать всех подлежащих назначению в судебном присутствии. К нему будут поступать из дворца все дела. Это он будет слушать каждый приказ. Это он будет допрашивать о недостачах каждого храмового хозяйства...

Это он будет слушать все дела. Это он будет взимать подати в пользу (таких-то) управлений... Это он будет составлять списки всех быков,

59

подлежащих внесению в списки... Это он будет слушать о каждом деле судебного присутствия. Местные князья, градоправители и все простолюдины будут сообщать ему обо всех своих податях. Все окружные начальники и все чиновники ш е н т у будут сообщать ему о всяком оскорблении (??), (такие-то лица) будут докладывать ему о потребностях на (?) месяц... Ему будут докладывать восход Сириуса и... Нила. Ему будут докладывать о дожде...

(Предписание о служебном: обязанностях верховного сановника. С. 24—29)

Письменность и книги

Еще в IV тыс. до н.э. в Египте возникает пиктографическое (рисуночное) письмо, а к началу III тыс. до н.э. возникает иероглифика (термин греческого происхождения и означает «священные письменные знаки», египтяне называли свою письменность «священной речью»). Но уже в период Древнего царства начинают использоваться знаки в упрощенном написании, что позднее приведет к возникновению иератического письма, а в I тыс. до н.э. — демотического (скорописи). Первоначально иероглифы обозначали целые понятия, позднее происходит переход к слоговому, а частично даже к фонетическому письму, т.е. отдельные знаки стали обозначать слоги и буквы. После закрытия всех языческих храмов по указу римского императора Феодосия Великого (конец IV в. н.э.) египетская письменность была напрочь забыта. Расшифрована и вновь прочитана она была только в XIX в. благодаря усилиям ряда ученых, и прежде всего французского ученого Жана Франсуа Шампольона.

Из «Прославления писцов»

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохранятся навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.
Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.
Писания становились их жрецами, А палетка для письма — их сыном. Их пирамиды — книги поучений, Их дитя — тростниковое перо,
60
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава.
Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имейа их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна...

(Прославление писцов. С. 102—103)

Чему учил Хата Очень хотел некий Хати, чтобы сын его, Пепи, учил-**своего сына Пепи** ся быть писцом. И, пока добирались они до столицы, поучал мальчика:

— Нет на свете ничего более выгодней и почетней, чем должность писца. Кто поймет эту истину, тот станет подобен птице в небе. Поверь мне! Уж я-то насмотрелся в жизни на разные ремесла, и ни одно из них не могло по выгодности равняться с ремеслом писца. Не слышал разве древнюю мудрость: «Писец в столице подобен мыши в амбаре — никогда с голоду не умрет»?

Да, превыше всех искусств искусство письма! Верю, что немало придется попотеть, покуда освоишь до тонкости это ремесло, но, как научишься отменно писать, так и станешь господином — никто не сравнится с тобой. Взгляни ты на разные ремесла, и сразу поймешь преимущества работы писца.

Взгляни на скульптора, гравера, резчика. Что за мучения несет их труд! Руки ноют от усталости, глаза слезятся, вечный кашель, хрип в груди, не разгибается спина от напряженной позы. Ничуть не лучше работа купца, везущего на барке вниз по Нилу разные товары. Пока доедет он до дельты — весь искусан комарами, устал как осел, измучен поклажей.

А что за муки терпит строитель, вынужденный лазить по стенам, подобно обезьяне, рваный, грязный, в синяках. Немало страдает и садовник, надрывающий свой пуп, таская на себе мешки с землей и сосуды с водой для полива. Тяжко приходится ткачу, с утра до вечера склоняющемуся над станком. В вонище проводит жизнь красильщик, от которого исходит такой смрад, что все сторонятся его. Рыболова то и дело подстерегает крокодил.

Зато что за чудная работа у писца! Нет писца, не имеющего ежедневных подарков, а сколько чести в его труде! Только не зевай и не
61
лень, покуда будешь обучаться в школе, ведь даже обезьяну, птицу можно многому научить. Ты же — человек! Когда же станешь ты учиться, сторонись таких приятелей, кто шлындает по тем местам, где подают вино и пиво. Стоит только увлечься зельем, как станешь ты похожим на корабль со сломанным рулем, на хромоногого осла, на топор без топорища. Гнусней нет зрелища, чем сидящий с девками юнец, пропахший пивом, распустивший слюни, глядя на их нагую срамоту! Погибший человек!
Если не станешь учиться прилежно, то быть тебе простым крестьянином. А что может быть ужасней участи такой? Только и гляди, чтобы половину урожая не сожрали черви, а другую — не потоптали бегемоты. Гоняйся за воробьями, портящими посев, мышами, саранчой. А скоро явятся и сборщики налогов. Если не заплатишь, то палками побьют, вниз рожей бросят в яму с нечистотами. Зато взгляни-ка на писца! Его никто не станет бить — напротив, он будет с листом папируса стоять и наблюдать за тем, как потрошат других, да насмехаться. Налоги писцу незнакомы!
Может быть, ты скажешь, что тебе приятна участь воина? Отнюдь! Побывал бы ты в казарме. Там смрад, нечистота, там лупят палкой беспрерывно. Но вот пошли в поход, так ведь редкий осел вытерпит мучения, выпавшие на плечи воина в походе. Кругом опасности, болезни, так что назад, в Египет, он возвращается полумертвецом. Не позавидуешь!
Да, сынок, если послушаешь меня и выучишься на писца, то станешь благодарить отца всю свою долгую и счастливую жизнь. Писец в Египте, — меня никто не слышит? — поважнее фараона.
(Чему учил Хати своего сына Пепи. С. 59—60)

Литература

Религиозная литература представлена гимнами, молитвами, заклинаниями. Важнейшим и наиболее известным сакральным произведением является книга, которую современные исследователи называют «Египетская книга мертвых», а египтяне называли «Главы о Восхождении к Свету». (Отрывки из этой книги приводились выше.) Тексты книги носили магический характер и были призваны обеспечить душе (ка) умершего достижение царства Осириса и достойную жизнь там. Формирование этого сборника шло на протяжении длительного периода: древнейшие тексты относятся к эпохе Древнего царства (V— VI династии) и были написаны иероглифами на стенах пирамид («Тексты пирамид»), к периоду Среднего и Нового царства относятся «Тексты саркофагов», они написаны упрощенными иероглифами, а позднее — и иератическими символами на стенках саркофагов. «Египетская книга мертвых» в том виде, в котором мы ее сейчас знаем, относится к птолемеевской эпохе: тексты
62
писались на листах папируса, которые помещались на мумию, и на стенках саркофагов иероглифами, иератическими и демотическими символами.
Светская литература Древнего Египта весьма разнообразна по жанрам: здесь имеются сказки, описания путешествий, поучения, любовная лирика и т.п. В основном авторы произведений не указываются, понятие авторства существует только для жанра поучений.

Из «Речения Ипувера» Этот текст представляет собой пророчество о грядущих бедствиях Египта. Предположительно, он был создан в период Древнего царства. Ряд исследователей трактуют его как описание реальных событий, которое позднее было выдано за пророчество.

Судьба, предназначенная вам еще в давние времена, в век Девяти, свершится. Доблестный муж грядет, скорбя о том, что свершается в стране... Грязь по всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в это время. Воистину: земля перевернулась, как гончарный круг. Грабитель стал владельцем богатств; богач превратился в грабителя. Воистину: чужеземной землей стал Египет. Номы разгромлены. Варвары извне пришли в Египет. Нет больше нигде египтян. Воистину: золото, ляпис-лазурь, серебро, малахит, сердолик украшают шеи рабынь. Благородные женщины скитаются по стране. Владычицы дома говорят:- «О если бы имели, что поесть». Тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они молят богов о здоровье того, кто раньше молил сам... Воистину: смех забыт. Он нигде не слышен. То, что можно услышать в стране, — это стенания, смешанные с воплями. Воистину: волосы выпали у всех. Не различается сын мужа от такого, который не имеет отца. Маленькие дети говорят: «О если бы отец не дал бы мне жизнь!» Воистину: детей знатных разбивают о стены. Дети любимые кинуты на холмы. Хнум скорбит из-за бессилья своего. Воистину: те, которые лежали в месте бальзамирования, кинуты на холмы. Тайны бальзамировщиков раскрыты. Воистину: человек, ожесточившись сердцем, говорит: если бы я знал, где бог, то принес бы ему жертву! Воистину:

убивает человек братьев матери своей. Дороги обезлюдели, ибо на путях засады. Воистину: нет человека вчерашнего дня. Страна в бессилии своем, подобно сжатому льняному полю. Воистину: зерно гибнет на всех путях. Едят траву и запивают ее водой, отнимают пойло ото рта свиней. Воистину: закрома разрушены, стражи их повергнуты на землю, люди лишены платья, мази и масла. «Нет ничего», — говорят они. Воистину: расхищены акты великолепной судебной палаты, вскрыты архивы, податные списки, и списки по учету урожая уничтожены, свитки законов выброшены, и ходят по ним на перекрестках. Воистину: великолепная судебная палата стала местом, куда входят и откуда выходят беспрепятственно, бедняки входят в Великие дворцы, а дети вельмож выгнаны на улицу. И невежде кажется прекрасным все совершающееся на его глазах.
63
Смотрите: огонь поднялся высоко; его пламя исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда, казалось, не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Немногие люди, не знающие закона, лишили его власти. Смотрите: в один час разрушена столица и стали известны тайны царей Верхнего и Нижнего Египта. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Тот, кто не мог сделать себе гроба, стал владельцем заупокойного имения, а погребенный соколом лежит на простых носилках, и пустым стоит то, что скрывала раньше пирамида. Смотрите: тот, кто не мог построить себе и хижины, теперь владеет домом, а придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: вельможи ютятся в закромах. Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником ложа. Смотрите: владелец роскошных одеяний теперь в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, теперь владелец тонкого полотна. Смотрите: тот, который никогда не строил себе даже лодки, стал теперь владельцем кораблей. Истинный же собственник взирает на них, но они уже не принадлежат ему. Смотрите: тот, который не имел тени опахала, стал теперь собственником тени. Бывшие же собственники тени охлаждаются только дуновением ветра... Смотрите: та, которая глядела на свое изображение в воде, стала собственницей зеркала. Смотрите: начальники страны спасаются бегством, они не находят даже милостыни. Смотрите: скот разбегается. Нет никого, кто бы его собрал. Каждый приводит его к себе, клеймя своим именем... Смотрите: убивают человека рядом с братом его. Тот оставляет его, чтобы спасти себя... Смотрите: все приближается к гибели. Ремесленники не работают. Похитили враги страны ее ремесла. Смотрите: тот, который собрал жатву, не получает ее. Тот, который не пахал для себя, получает жатву. Жатва созревает, а о ней никто не заботится. Писец сидит в своей канцелярии, руки его бездействуют.
(Речение Ипувера. С. 14—15)

Из -«Песни из дома усопшего царя Антефа, начертанной перед певцом с арфой»

Процветает он, этот добрый властитель,
Прекрасный конец настиг его.
Одни поколения проходят, а другие продолжают существовать
Со времен предков.
Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.
Они строили дома —
Не сохранилось даже места, где они стояли.
Смотри, что случилось с ними.
Я слышал слова Имхотепа и Джедефхора,
64
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли,
Словно никогда их не было.
Никто еще не приходил оттуда,
Чтобы рассказать, что там,
Чтобы поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.
А потому утешь свое сердце,

Пусть твое сердце забудет
О приготовлениях к твоему просветлению.
Следуй желаниям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство.
Не давай обессилить сердцу.
Следуй своим желаниям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья,
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей,
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достояния,
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.
(Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой. С. 100—101)

Музыка О большом общественном значении музыки в Египте говорят многочисленные барельефы и росписи с изображением певцов и инструменталистов, начиная с Древнего царства, 3-е тысячелетие до н.э. ...Музыка сопровождала трудовые процессы, массовые празднества, религиозные обряды, а также действа, связанные с культом богов Осириса, Исиды и Тота; она звучала на торжественных шествиях и во время дворцовых развлечений. С глубокой древности существовало в Египте искусство хейрономии, сочетавшее дирижирование хором и «воздушное» нотное письмо (по-древнееги-

петски — «петь», буквально — производить рукой музыку). Среди изображений часто встречаются ансамбли арф. В период Нового царства (XVI—XI вв. до н.э.) при дворе фараона наряду с местной капеллой вводится сирийская капелла. Развивается военная музыка. В эллинистический период в Александрии, одном из крупнейших культурных центров древности, был сооружен первый орган (гидравлос — водяной орган, III в. до н.э.) Здесь работали ученые Птолемей, Дидим... и др., в трудах которых уделено место теории музыки.
(Энциклопедический музыкальный словарь. С. 165)

Из музыкальных инструментов использовались арфа, лютня, гобой (и двойной гобой), флейта, кларнет, многообразные типы барабанов, шумовой инструмент систр и др.

Архитектура и строительство

Ступенчатая пирамида Джосера

Одним из ранних памятников монументальной каменной архитектуры является заупокойный ансамбль фараона III династии Джосера.

История сохранила имя его создателя — великого зодчего Имхоте-па, прославленного мудреца своего времени, ученого, астронома и медика, отождествленного греками с богом врачевания Асклепием.:.

По сравнению с предшествующими памятниками ансамбль Джосера включает в себя большое количество сооружений, среди которых центральное место занимает ступенчатая пирамида. Данные новейших исследований позволяют выдвинуть гипотезу относительно возведения Имхотепом пирамиды Джосера на месте мастабы его предшественника... В окончательном решении, завершившем длительные конструктивные поиски, Имхотеп пришел к прямоугольной форме основания пирамиды, выложенного из каменных блоков. Пирамида имеет шесть ступеней. Каждая последовательно возводившаяся была меньше предыдущей. Каменные блоки устанавливались с наклоном к центральной оси, что способствовало большей прочности сооружения ввиду отсутствия связующего раствора. Вход в пирамиду располагался с северной стороны. Под основанием в скалистом грунте были высечены подземные кулуары и шахта, на дне которой помещалась погребальная камера с мумией фараона.

Помимо усыпальницы на территории комплекса находилась южная гробница — кенотаф (ложная гробница) — и примыкавшая к ней молельня с карнизом, увенчанным уреями.

Расположение основных помещений было обусловлено требованиями заупокойного культа. Среди них важнейшая роль принадлежала хеб-седному (обряд восстановления физической мощи фараона) дво-

ру, предназначавшемуся для ритуального бега фараона. Большая роль в ансамбле Джосера отводилась декоративному оформлению. Система декора отличалась предельной простотой: в отделке наружной стены зодчий использовал традиционный мотив светотеневого контраста выступов и ниш. Характерной особенностью строительной техники является имитирование в камне приемов деревянных конструкций и тростниковой плетенки и перевязи — рифленая поверхность полуколонн входной галереи напоминает связки папирусов. В орнаментике фризов и в капителях колонн использованы стилизованные изображения бутонов лотоса, раскрытых цветов папируса и пальм, а также мотивы иероглифических знаков и уреи.

Великие пирами- Три великие пирамиды Гизе, фараонов Хуфу (Хе-**ды Гизе** опса), Хафра (Хефрена) и Менкаура (Микерина),

имеют правильную геометрическую форму. В отличие от ступенчатой пирамиды Джосера в основании их лежит квадрат.

Первой была построена самая высокая пирамида Хеопса, определившая пропорциональную соразмерность всего ансамбля гизехских пирамид вместе с прилегающими заупокойными храмами и гигантским сфинксом фараона Хефрена. Все пирамиды довольно точно ориентированы по сторонам света. Центры первых двух расположены по одной диагонали, проходящей через северо-западный угол меньшей из них. Вершины юго-восточных углов всех трех пирамид лежат на одной линии. Пропорции, объединяющие весь ансамбль, основаны на «золотом сечении».

Строительство пирамиды Хеопса связано с именем зодчего Хемиу-на, племянника фараона. В памятнике продумано все до мельчайших деталей: от выбора места сооружения до астральной символики, согласно которой гробница вписывалась в орбиту космоса. Вход в пирамиду находился в северной стороне, откуда можно спуститься в подземную камеру, ориентированную по световому лучу на альфу созвездия Дракона, являвшуюся во времена строительства пирамид полюсом мира... Основу расчета конструкции пирамид составляли пропорции «золотого сечения», с помощью которых устанавливались основные размеры, включая и углы наклона граней.

Внешние размеры пирамиды соответствовали построению внутреннего пространства, представляющего собой сложную систему помещений... Погребальная камера облицована гранитом. Из того же материала сделан и массивный саркофаг, который уже первые исследователи застали пустым. Исчезла не только тяжелая крышка, но и мумия фараона.

В решении внутреннего пространства пирамиды поражают и отдельные хитроумные технические находки, к числу которых следует отнести разгрузочную камеру над погребальным покоем, предназначавшуюся для равномерного распределения давления. Удивление вызывает и техника

сооружения пирамиды, сложенной из 2 300 000 блоков известняка, средним весом до 2,5 тонн, держащихся силой собственной тяжести без связующего вещества. Время изменило внешний облик пирамид, не сохранилась наружная облицовка граней, придававшая им гладкую поверхность. Только у вершины пирамиды Хефрена можно видеть оставшийся кусок облицовки, выцветшей под палящими лучами солнца.

В ансамбль гробниц входили заупокойные храмы...

Внутреннее убранство храма фараона V династии Сахура в Абуси-ре отмечено использованием целого ряда новых элементов. Здесь впервые применяются колонны с растительными капителями в форме бутонов лотоса и папируса, а также пальмовидные колонны с гладким стволом, в то время как папиро- и лотосообразные имитировали связку стеблей. Декоративность общего решения усиливалась цветными рельефами, покрывавшими стены храма...

Солнечные храмы К числу самых замечательных из них (солнечных храмов фараонов V династии. — *Сост.)* принадлежит

храм Ниусирра в Абидосе. Центральное место в этом ансамбле отводилось каменному обелиску, служившему главным объектом солярного культа. Его игла, покрытая золоченой медью, отражала солнечные лучи. Обелиск, как и весь комплекс храма, включавший открытый двор и крытые молельни, установлен на возвышении в виде террасы, обнесенной стеной. Он невелик, но массивен по пропорциям. Внешний вид его символизировал священный камень Бен-Бен, на который, по преданию, взошло солнце, родившееся из бездны. Создание формы обелиска принадлежит Древнему царству, хотя на том этапе обелиски входили только в ансамбль солнечных храмов.

Неотъемлемую часть единого комплекса храмов и гробниц составляли пластика и росписи.

(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. С. 223—231)

Фиванские В течение нескольких веков строились и достраива-

храмы лись знаменитые фиванские храмы Амона-Ра — современные Карнакский и Луксорский. Если древняя пирамида с ее спокойной целостной формой уподоблялась горе, то эти храмы напоминают дремучий лес, где можно затеряться.

От Луксора к Карнаку вела длинная, почти в два километра, прямая магистраль — аллея сфинксов. У входа во двор храма высились обелиски:.., мощные пилоны образовывали портал, возле пилонов стояли скульптурные колоссы. Из открытого солнцу двора, обнесенного колоннадой, путь вел в сумрачный гипостильный зал, а затем в полутемное святилище. Здесь-то и был настоящий лес: чаща колонн (в одном только гипостильном зале Карнака их было 144), папирусообраз-

68

ных, лотосовидных, пальмовидных — иные из них таковы, что ствол колонны не могли бы обхватить пять человек. Нижние части стен украшались растительным узором, а потолок расписывался золотыми звездами на темно-синем фоне, — видимо, храм символически изображал нильские заросли звездной ночью. В храме помещалось множество статуй: стены, пилоны, обелиски, иногда и колонны были покрыты вязью рельефов и испещрены иероглифами.

Замечательным памятником фиванской архитектуры XVIII династии является заупокойный храм царицы Хатшепсут в долине Деир-эль-Бах-ри. Хатшепсут, царствовавшая в конце XVI — начале XV в. до н.э., была единственной в истории Египта женщиной-фараоном. Ей воздавались все подобавшие фараонам божеские почести, ее изображали, как полагалось, с атрибутами Осириса, с привязанной под подбородком бородой.

(Дмитриева Н.А., Виноградова НА. Искусство Древнего мира. С. 26-28, 49-50)

Изобразительное искусство

Древнеегипет- ...Здесь уже проявляется характерный прием изоб-**ский канон** ражения фигуры на плоскости — совмещение профильных и фасных элементов, где при профиле головы и ног плечи и торс развернуты в фас...

Помимо условного приема передачи человеческой фигуры на плоскости в «палетке Нармера» формируется еще ряд специфических признаков, характерных для памятников древнеегипетского искусства: фри-зообразность композиции — расположение сцен по регистрам, разномасштабность фигур, пропорциональная соразмерность и замкнутость композиционных построений — все эти черты свидетельствуют о сложении системы древнеегипетского канона. Канон — это свод художественных правил, способствующий выявлению локальных черт в изобразительном искусстве, присущих именно данной системе культуры, и закреплению их в памятниках. Применение отдельно взятых приемов еще не есть канон. Канон древнеегипетского искусства включал в себя широкий круг понятий, объединяя композицию памятников, иконографию образов и художественных средств их воплощения. Среди разнообразных компонентов, входивших в понятие канона, пропорциональные соотношения составляли главную его сущность, ибо система пропорций являлась той основой, которая обеспечивала органичный синтез всех видов искусства: архитектуры, скульптуры, живописи — и приводила в соответствие все элементы внутри одной композиции.

(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. С. 207—213)

69

Скульптура Скульптура, имевшая ритуальное назначение, связана с культом мертвых. Представление о вечной жизни предполагало не только существование бессмертной души, но и нетленного тела. Это привело к появлению обряда мумификации и к обилию в погребениях статуарных изображений, которые являлись как бы двойником умершего — его «ка». ...Ритуальные портретные статуи «ка» предназначались для воспроизведения невидимого в зрительном образе, становясь вещественным олицетворением двойника умершего. Необходимым условием этого являлось портретное сходство...

В статуарных композициях вырабатываются определенные приемы исполнения: фронтальность позы, симметричное построение относительно вертикальной оси. Обязательным условием было изображение фигуры целиком, что соответствовало требованиям религиозного ритуала...

Среди них наибольшее распространение получили стоящие фигуры с выставленной вперед левой ногой, сидящие на троне или коленопреклоненные статуи и специфическая композиция писца, встречающаяся исключительно в круглой скульптуре. Каноничность этих типов определялась выработавшейся в процессе художественной практики системой пропорций, соответствий между размером всей фигуры и отдельными элементами. Пропорциональные величины, следуя в установленном порядке для аналогичных типов композиции, фиксировали местоположение глаз, носа, рта, размер головы, уровень плеч, подмышек и т.п. С помощью системы пропорций египтяне

органично сочетали в одном изображении элементы человеческой фигуры и животного. Знаменитый египетский сфинкс настолько естественен, что кажется рожденным самой природой с головой человека и туловищем льва.
(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. С. 233—238)

Научные знания

Развитие хозяйства, экономические и культурные связи с соседними народами, наблюдения над природой привели к постепенному накоплению знаний, которые носили в значительной степени прикладной характер. Таковы, например, древнейшие знания в области математики, которые были связаны с практической жизнью и должны были облегчить работы землемеров и строителей. В гробницах сохранились рисунки, изображающие обмер земли при помощи особой землемерной веревки. О развитии математических знаний в Древнем Египте говорят сохранившиеся на папирусах математические тексты, в частности «Московский математический папирус». (Название папирусам обычно дается современными исследователями на основании авторства, содержания, а иногда и места хранения. Слово «Московский» в назва-

нии папируса показывает, что папирус принадлежит коллекции московского Музея Изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. — *Сост.)* Судя по содержанию задач, сохранившихся в этих текстах, знания в области арифметики и геометрии использовались для определения площади поля, объема кучи зерна или вместимости амбара. Некоторые знания в области геометрии позволяли составлять схематические карты местности и очень примитивные чертежи. Математика была необходима и в строительном деле: многочисленные грандиозные здания и в особенности пирамиды можно было воздвигнуть лишь при точных вычислениях.
Одним из крупных достижений в области математики было некоторое развитие десятичной системы счисления. В письменности были приняты особые знаки для чисел 1, 10, 100, 1000, 10 000, 100 000 и даже миллиона, обозначавшегося фигуркой человека, поднявшего руки в знак удивления. Существовали особые слова и письменные знаки для обозначения мер длины, поверхности, веса и мер зерна. Показателем конкретного мышления египтян является использование некоторых частей человеческого тела в качестве единиц длины: палец, ладонь, ступня и локоть. Однако математические знания были еще весьма примитивны, например, громоздкий способ вычисления четырех простых арифметических действий.
Значительного для того времени развития достигла геометрия, имевшая практическое значение. Египтяне умели определять поверхность прямоугольника, треугольника, в частности равнобедренного, трапеции и круга, принимая величину я равной 3,16. В «Московском математическом папирусе» сохранились решения трудных задач на вычисление объема усеченной пирамиды и полушария. Некоторые элементарные знания египтяне имели в области алгебры, умея вычислять уравнения с одним неизвестным, которое они называли словом «куча» (очевидно, зерна).
Шло накопление и астрономических знаний. Наблюдая за небесными светилами, они могли отличать планеты от звезд и пытались в общих чертах набросать карту звездного неба. Египтяне разработали особый календарь. Египетский календарный год делился на 12 месяцев, содержавших по 30 дней каждый. К концу года добавлялось 5 праздничных дней, что давало в общей сложности 365 дней в году. Таким образом, египетский календарный год отставал от тропического года приблизительно на четверть суток. Эта ошибка в течение 1460 лет становилась равной одному году.
Значительное развитие получили в Древнем Египте медицина и ветеринария. В текстах времени Среднего царства сохранился перечень рецептов для лечения разных болезней. Используя множество эмпирических наблюдений, египетские врачи еще не могли полностью отрешиться от древней магии. Вскрытие трупов при мумификации облегчало изучение человеческого тела и давало возможность врачам зна-

комиться со строением человеческого организма. В некоторых медицинских сборниках предлагалась и своеобразная методика лечения, требующая от врача осмотра больного, определения симптомов, установления диагноза и способа лечения. Существовала и врачебная этика, требовавшая от врача, чтобы он заранее сказал больному о возможности его выздоровления, применив одну из трех возможных формул: 1) «Это болезнь, которую я могу вылечить»; 2) «Это болезнь, которую я, может быть, смогу вылечить»; 3) «Это болезнь, которую я не смогу вылечить».

Большого развития достигла хирургия. В одной гробнице Древнего царства сохранились изображения различных операций на конечностях. В хирургическом тексте описываются повреждения различных частей тела: черепа, носа, подбородка, ушей, губ, горла, гортани, ключиц, плеч, грудной клетки, позвоночника. Достижения древнеегипетской медицины были широко заимствованы другими народами.
(История Древнего Востока. С. 87—89)

Быт и нравы

Из «Поучений Птахотепа»

1
Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых —
И неискушенных совета ищи.
Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин
мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово,
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно. 2
Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь
Как почетный гость иль брат, —
Обходи с опаской женщин!
Не к добру сближенье с ними,
Раскусить их мудрено.
Тьмы людей пренебрегли
Ради них своею пользой.
Женских тел фаянс прохладный ослепляет,
обольщает,
Чтобы тотчас превратиться в пламенеющий
сардоникс.
72
Обладанье ими — краткий сон, Постиженье их — подобно смерти!
3
Если ты склонен к добру, заведи себе дом. Как подобает, его госпожу возлюби. Чрево ее насыщай, одевай ее тело, Кожу ее умащай благовонным бальзамом, Сердце ее услаждай, поколе ты жив! Она — превосходная пашня для своего господина.
(Поучения Птахотепа. С. 95—96)

Египетские обычаи

Теперь я хочу подробно рассказать о Египте, потому что в этой стране более диковинного и достопримечательного сравнительно со всеми другими странами. Поэтому я должен дать более точное ее описание. Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы при тканье толкают уток кверху, а египтяне — вниз. Мужчины [у них] носят тяжести на голове, а женщины — на плечах. Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина [у них] не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества, мужчины же [могут быть жрецами] всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания.

В других странах жрецы богов носят длинные волосы, а в Египте они стригутся. В знак траура у других народов ближайшие родственники, по обычаю, стригут волосы на голове, египтяне же, если кто-нибудь умирает, напротив, отпускают волосы и бороду, тогда как обыкновенно стригутся. Другие народы живут отдельно от животных, а египтяне — под одной крышей с ними; другие питаются пшеницей и ячменем, в Египте же считается величайшим позором употреблять в пищу эти злаки. Хлеб там выпекают из полбы... Тесто у них принято месить ногами, а глину руками. Собирают они также и навоз. Половые части другие народы оставляют, как они есть; только египтяне (и те народности, которые усвоили этот обычай от них) совершают обрезание. Каждый мужчина носит у них две одежды, а всякая женщина — одну.

Египтяне — самые богобоязненные люди из всех, и обычаи у них вот какие. Пьют они из бронзовых кубков и моют их ежедневно, при этом именно все, а не только некоторые. Они носят льняные одежды,
73
всегда свежевыстиранные; об этом они особенно заботятся. Половые части они обрезают ради чистоты, предпочитая опрятность красоте. Каждые три дня жрецы сбривают волосы на своем теле, чтобы при богослужении у них не появилось вшей или других паразитов. Одеяние жрецы носят только льняное и обувь из [папирусного] лыка. Иной одежды и обуви, им носить не дозволено. Дважды днем и дважды ночью они совершают омовение в холодной воде и, одним словом, соблюдают еще множество других обрядов. Конечно, жрецы получают и немалые выгоды. Из своих средств им ничего не приходится тратить, так как они получают [часть] «священного» хлеба и каждый день им достается довольно большое количество бычьего мяса и гусятины, а также и виноградного вина. Напротив, употреблять в пищу рыбу им не дозволено. Бобов же в своей стране египтяне вовсе не сеют и даже не едят: и дикорастущих ни в сыром, ни в вареном виде. Жрецы не терпят даже вида бобов, считая их нечистыми плодами. У каждого бога там, впрочем, не один, а много жрецов. Из них один — верховный жрец. Когда какой-нибудь жрец умирает, то ему наследует сын...

Образ же жизни египтян вот какой. Желудок свой они очищают каждый месяц три дня подряд, принимая слабительные с детства, и сохраняют здоровье рвотными и клистирами. Ведь по их мнению, все людские недуги происходят от пищи. Вообще же египтяне, исключая ливийцев, самый здоровый народ на свете, что зависит, по-моему, от климата (ведь там нет смены времен года)... Вино, которое они пьют, изготовляется из ячменя, потому что в этой стране нет виноградной лозы. Рыбу же египтяне едят частью в сыром виде вяленой на солнце, частью просоленной в рассоле. Из птиц употребляют в пищу в соленом виде перепелок, уток и мелких птичек. Птицу и рыбу всех других пород, кроме, конечно, почитаемых священными, они едят жареной или вареной.

На пиршествах людей богатых после угощения один человек обносит кругом деревянное изображение покойника, лежащего в гробу. Изображение представляет собой расписную фигуру величиной в один или два локтя с чертами покойника. Каждому сотрапезнику показывают эту фигуру со словами: «Смотри на него, пей и наслаждайся жизнью. После смерти ведь ты будешь таким!» Таковы обычаи египтян на пиршествах... У египтян есть еще и другой обычай, сходный с эллинским, именно лакедемонским, вот какой. При встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест. Напротив, следующий египетский обычай не похож на обычай какого-нибудь эллинского племени: на улице вместо словесного приветствия они здороваются друг с другом, опуская руку до колена.

Египтяне носят на теле льняные, обшитые по подолу бахромой хитоны... Поверх этих рубах они надевают внакидку белые шерстяные плащи. Однако в шерстяных одеждах они не вступают в храм и в них не погребают покойников. Это считается нечестивым...
74
Затем египтяне придумали еще вот что. Каждый месяц и день [года] посвящены у них какому-нибудь богу. Всякий может предугадать заранее, какую судьбу, какой конец и характер будет иметь родившийся в тот или иной день. Это также заимствовали у египтян эллинские поэты.

Предзнаменованиям и чудесам они придают гораздо больше значения, чем все другие народы. Так, если произойдет какое-нибудь чудо, египтяне внимательно следят за его последствиями и отмечают их. В подобном же случае, по их мнению, в будущем результаты будут одинаковы...

Плач по покойникам и погребение происходят вот как. Если в доме умирает мужчина, пользующийся некоторым уважением, то все женское население дома обмазывает себе голову или лицо грязью. Затем оставив покойника в доме, сами женщины обегают город и, высоко подпоясавшись и показывая обнаженные груди, бьют себя в грудь. К ним присоединяется вся женская родня. С другой стороны, и мужчины бьют себя в грудь, также высоко подпоясанные. После этого тело уносят для бальзамирования.

(Геродот. История. С. 91-92, 103-105)

Литература

Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. М.: Искусство, 1976.
Бадж Уоллис. Египетская религия. Египетская магия. М.: Новый Акрополь, 1995.
Геродот. История. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
Дмитриева Н.А., Виноградова НА. Искусство Древнего мира. М.: Дет. лит., 1986.
Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989.
Египетская книга мертвых // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Ху-дож. лит., 1973.
История Древнего Востока/ Под ред. В.И.'Кузищина. М.: Высшая школа, 1979.
Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Плутарх. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996.
Поучения Птахотепа // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.

Предписание о служебных обязанностях верховного сановника // Хрестоматия по Древней истории / Под ред. акад. В.В. Струве: В 2 т. М.: Учпедгиз, 1936.
Прославление писцов // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Речение Ипувера // Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. М.: Просвещение, 1994.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.
Хук С. Г. Мифология Ближнего Востока. М.: Наука, 1991.
Чему учил Хати своего сына Пепи // Всемирная галерея: Древний Восток. СПб.: Терция, 1994.
ШтейнпрессБ.С.,Ямполъский И.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Исторический очерк

Первые поселения на территории Месопотамии существовали еще в эпоху палеолита. В эпоху неолита, в VII-VI тыс. до н.э., происходит заселение речных долин сначала Северной, а затем в V тыс. до н.э. и Южной Месопотамии. Этнический состав населения неизвестен. В начале IV тыс. до н.э. на юге появляются *шумеры,* которые постепенно заняли территории до места наибольшего сближения Тигра и Евфрата.

На рубеже IV—III тыс. до н.э. возникают первые города-государства — У р, Лагаш, Урук, Ларса, Ниппур и др. Они ведут между собой борьбу за преобладающее положение в Шумере, но объединить страну никому из их правителей не удалось.

С начала III тыс. до н.э. на севере Месопотамии *жили-семитские племена* (их'язык называется аккадским). В течение III тыс. до н.э. они постепенно продвигались на юг и заняли значительную часть Месопотамии. Около 2334 г. до н.э. царем Аккада — древнейшего семитского города в Месопотамии — стал Саргон Древний (по-аккадски — Шуррукен, что означает «Истинен царь»). По легенде он был не знатного происхождения и сам говорил о себе: «Мать моя была бедна, отца я не знал... Зачала меня мать, родила тайно, положила в тростниковую корзину и пустила по реке». При нем и его наследниках власть Аккада распространяется на большую часть Месопотамии. В этот период создается крупная ирригационная сеть по всей Южной Месопотамии, ведется строительство дорог, портов, создается общегосударственная[1] система мер и весов, во главе шумерских городов ставятся правительственные чиновники вместо прежней родовой знати. Но шумеро-аккадское государство просуществовало чуть более ста лет. В начале XXII в. до н.э. страну захватывают ди-кие кочевники кутии, чья власть длилась около ста лет. После их изгнания настуиила эпоха господства Ура (III династия), павшего в 2003 г. до н.э. под ударами эламитов (см. раздел «Культура Древнего Ирана»), На этом история собственно шумеров заканчивается, хотя многие достижения шумерской цивилизации оказали значительное влияние на культуру всех народов, населявших территорию Месопотамии на протяжении II—I тыс. до н.э.

В конце III тыс. до н.э. в страну началось проникновение кочевников — западно-семитских племен *(амореев)* и ряда других народов. Амореи около

XIX в. до н.э. создали несколько своих государств, самое знаменитое из них — со столицей в Вавилоне, которое сыграло важнейшую роль в истории Месопотамии. Расцвет вавилонского государства (Старый Вавилон) связан с деятельностью царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.). В XVI в. до н.э. Вавилон был захвачен хеттами, затем касситами,' власть которых над страной продержалась почти четыре столетия.

С начала III тыс. до н.э. на севере Месопотамии существовал город Аш-шур, по названию которого вся страна стала называться Ассирией. В конце II — начале I тыс. до н.э. Ассирия постепенно становится самым крупным и могущественным государством Ближнего Востока.

Начиная с IX в. до н.э. в жизни Вавилонии важную роль начинают играть *халдеи.* В VII в. до н.э. происходит новое возвышение Вавилона (Новый Вавилон), которому вместе со своими союзниками (в частности — индийцами) удалось нанести поражение Ассирии. Мидийцы захватили большую часть коренной территории Ассирии и создали там свое государство (Мидию).

В 539 г. до н.э. *персы* (см. раздел «Культура Древнего Ирана»), победившие ранее мидян, захватили Вавилон, и он навсегда утратил свою независимость.

Религия и мифология

Характерной чертой религии Древней Месопотамии является политеизм (многобожие) и антропоморфизм

(человекоподобие) богов. Для Шумера типичным является культ местных богов, и прежде всего бога-покровителя города. Так, в Ниппуре поклонялись Энлилю (Эллилю) — богу воздуха, который позднее получит статус верховного бога в шумерском пантеоне; в Эре-ду — Энки (богу подземных пресных вод и богу мудрости); в Ларсе — Уту (богу Солнца); в Уруке почитались АН (бог неба) и Инанна (богиня любви и войны) и т.п. Богиней загробного мира, находившегося под землей («Страна, откуда нет возврата»), считалась Эрешкигаль, а ее супругом был бог войны Нергал. Люди были созданы богами, чтобы служить им. После смерти человека его душа навечно оказывалась в загробном мире, где ее ожидала весьма «невеселая» жизнь: хлеб из нечистот, соленая вода и т.п. Сносного существования удостаивались только те, для кого жрецы на земле совершали специальные обряды, единственное исключение делалось для воинов и многодетных матерей. В Ассирии главным богом был бог войны Ашшур.

Шумерский миф О Думузи и Инанне

Существуют различные варианты мифа об Инанне и ее супруге Думузи (боге растительности), причем в одних вариантах Инанна спускается в подземный мир, чтобы спасти Думузи, в других — именно по ее вине он там оказывается. Ниже приводится второй вариант. Богиня небес Инанна решает спуститься в преисподнюю, в «страну, откуда нет возврата», которой правит ее сестра, богиня Эрешкигаль, по-видимому, чтобы подчинить себе подземный мир.

На случай какой-нибудь беды, которая может постигнуть ее в преисподней, Инанна велит своему советнику Ниншубуру, чтобы он, если она не вернется через три дня, совершил погребальный обряд и от-

правился поочередно к трем высшим богам — Энлилю в Ниппур, Наине, богу Луны, в Ур и Энки, вавилонскому богу мудрости, в Эриду, и молил их защитить ее и не дать умертвить ее в преисподней. Затем Инанна облачается в царскую одежду и драгоценности и приближается к воротам подземного мира. Там ее встречает привратник семи врат Нети. По приказу Эрешкигаль и в соответствии с законами подземного мира с Инанны, когда она проходит через семь врат, перед каждыми вратами снимают какую-либо часть одеяния или украшение, после чего она предстает перед Эрешкигаль и аннунаками — семью судьями подземного царства. Они смотрят на нее «смертоносным взглядом», и она становится бездыханным телом, которое подвешивают на крюк. По прошествии трех дней Инанна не возвращается, и Ниншубур поступает так, как она ему велела. Энлиль и Наина отказываются вступиться за Инанну, но Энки совершает некие магические действа, которые возвращают Инанну к жизни. Он выковыривает из-под ногтей грязь и создает из нее два бесполых существа: *кургарру* и *калатурру* — значение этих наименований неизвестно — и посылает их в преисподнюю, снабдив пищей жизни и водой жизни. Им приказано шестьдесят раз посыпать тело Инанны «пищей» и столько же раз окропить его «водой». Они проделывают все, что им предписано, и возвращают богиню к жизни. Согласно закону преисподней никто не может вернуться оттуда, не оставив кого-либо вместо себя. Поэтому миф повествует о возвращении Инанны в страну живых в сопровождении демонов, которые должны доставить в подземный мир того, кого она пошлет вместо себя. Демоны требуют сначала Ниншубура, потом Шару, бога Уммы, а потом Латарака, бога Бад-Тибиры, но Инанна спасает всех троих.

...Инанна вместе с сопровождающими ее демонами возвращается в свой город Урук и находит там своего мужа Думузи. В отличие от тех троих, кого Инанна отстояла, он не проявляет по отношению к ней покорности, и она выдает его демонам, чтобы они забрали его в преисподнюю. Думузи молит бога солнца Уту спасти его, и на этом фрагмент обрывается.

(Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. С. 13—14)

Позднее были обнаружены новые фрагменты этого мифа, из которых стало известно, что демоны уносят Думузи в преисподнюю, но его сестра, богиня растительности Гештинанна, решила помочь ему, и с тех пор они попеременно проводят в подземном мире по полгода.

Когда вверху... (Энум-Элиш)

Словесное содержание древних мифов не передает и в принципе не может передать полностью их содержание:

(Вавилонский миф

текст произносился во время сакрального ритуала, и пол-

0 сотворении мира и людей)

ный текст мифа —это содержание всего ритуала. «Когда вверху» исполнялся каждый год во время празднования вавилонского Нового года. Цель такого исполнения — возвращение к «началу времен» и исправление недостатков, накопившихся в мире.

Первая табличка начинается описанием первозданного состояния вселенной, когда не существовало ничего, кроме океана пресной воды Апсу и океана соленой воды Тиамат. От их союза родились боги. Первая пара — Лахму и Лахаму... породила Аншара и Кишар, интерпретируемых... как круглые горизонты неба и земли. В свою очередь Аншар и Кишар породили Ану — небо и Нудиммуда, или Эйю, — бога земли и воды. Тут возникает разрыв с шумерской традицией.

Энлиль... заменяется богом Эйей, или Энки, который в вавилонской мифологии — бог мудрости и источник магической силы. Затем Эйя порождает героя вавилонской версии мифа Мардука. Но еще до рождения Мардука происходит первый конфликт между старшими богами и теми, кого они породили.

Тиамат и Апсу раздражены производимым младшими богами шумом, и спрашивают Мумму, советника Апсу, как их уничтожить. Тиамат не склонна уничтожать свое потомство, но Апсу и Мумму составляют план. Их намерения становятся известны богам и вызывают у них тревогу, но всеведущий Эйя составляет в противовес их плану свой: он насылает на Апсу сон, убивает его, связывает Мумму и продергивает веревку через его нос. Затем он строит себе священную обитель, называет ее «Апсу» и пребывает в глубоком покое. В этой обители рождается Мардук, и далее следует описание его красоты и устрашающей силы. Первая табличка кончается рассказом о конфликте между старшими, изначальными богами и младшими. Остальные дети упрекают Тиамат за ее пассивность в момент уничтожения Апсу и побуждают ее предпринять что-нибудь, чтобы сделать возможным уничтожение Ану и его сподвижников. Она делает своего первенца Кингу предводителем похода, вооружает его и снабжает таблицами судьбы. Затем она порождает полчища чудовищ, таких как человек-скорпион или кентавр, изображение которых мы находим на вавилонских печатях и пограничных камнях. Тиамат ставит Кингу во главе этого воинства и готовится отомстить за Апсу.

Во второй табличке рассказывается, как совет богов воспринял известие о готовящемся нападении. Аншар взволнован и в отчаянии ударяет себя по бедрам. Он напоминает Эйе о его былой победе над Апсу и призывает его так же расправиться и с Тиамат, но Эйя то ли отказывается выступить, то ли терпит поражение —. в этом месте табличка разбита и что происходит с Эйей, не ясно. Затем совет богов посылает от своего имени Ану, чтобы он заставил Тиамат отказаться от ее замысла, но он тоже возвращается ни с чем. Тогда в совете богов встает Аншар и предлагает поручить борьбу с Тиамат могучему герою Мардуку. Отец Мардука Эйя советует ему взяться за это дело, и Мардук соглашается при условии, что совет богов наделит его полной властью и что его слово будет неотвратимо вершить судьбы. На этом кончается вторая табличка.

Третья табличка начинается с повторения рассказа о решении богов и кончается описанием пира, на котором Мардука наделяют той властью, которую он требовал.

Четвертая табличка начинается с возведения Мардука на царский престол и его облачения в атрибуты царской власти. Боги требуют от него доказательства того, что он обладает достаточной мощью для выполнения возложенного на него задания. Мардук заставляет свое одеяние исчезнуть и вновь появиться. Боги довольны и провозглашают: «Мардук царь». Мардук вооружается для боя. Его оружие — лук и стрелы, булава, молния и сеть, которую держат за углы четыре ветра. Наполнив свое тело пламенем и создав семь бушующих ураганов, Мардук восходит на свою грозовую колесницу и выступает против Тиамат и ее воинства. Вызвав Тиамат на поединок, Мардук забрасывает свою сеть, чтобы захватить ее, а когда она раскрывает рот, намереваясь поглотить его, загоняет в ее разверстую пасть злой ветер, который не дает ей сомкнуть челюсти, и пронзает стрелой ее сердце. Демоны из свиты Тиамат бегут, но попадают в сеть и оказываются связанными. Их предводитель Кингу также пойман и связан. Мардук отбирает у него таблицы судьбы и прикрепляет их себе на грудь, тем самым утверждая свое главенство среди богов. После этого он рассекает тело Тиамат на две половины и закрепляет одну из них над землей в виде неба, заперев его на засов и приставив к нему стражу, повелев ей сторожить воды, не давая им уйти. Затем он строит Эшарру, обиталище великих богов, наподобие Апсу, жилища Эйи, и велит Ану, Энлилю и Эйе поселиться там. На этом кончается четвертая табличка.

От пятой таблички сохранились лишь отдельные фрагменты, поэтому невозможно восстановить рассказ о первых шагах Мардука в устроении вселенной. Но ее первые строки показывают, что он начал с создания календаря (надзор за календарем составлял одну из главных обязанностей вавилонского царя). В поэме говорится, что Мардук установил течение года и порядок смены месяцев в соответствии с изменениями луны. Он также установил три небесных «пути»: путь Энли-ля в северных небесах, путь Ану в зените и путь Эйи на юге. Наблюдать за небесным порядком он поставил планету Юпитер.

В шестой табличке описывается создание человека. Мардук объявляет о своем намерении создать человека, чтобы он служил богам. По совету Эйи он решает, что для того, чтобы стало возможным появление человечества, должен умереть предводитель мятежников Кингу. Поэтому Кингу убивают, а из его крови создают человечество, которое будет служить богам и «освободит их»,

иначе говоря, будет выполнять физические работы, необходимые для совершения храмового ритуала, и обеспечивать богов пищей. Затем боги строят для Мардука великий вавилонский храм Эсагилу с его зиккуратом. По приказу Ану провоз-
80
глашаются пятьдесят великих имен Мардука — описанию этой церемонии и посвящена заключительная часть поэмы.
Таков в общих чертах вавилонский миф о творении, в котором легко проследить лежащие в его основе шумерские элементы. Но в *Энума элиш* разбросанные во многих шумерских мифах мотивы соединены и спаяны в единое целое.
(Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. С. 34—37)

О молитвах ...Когда человек чувствует себя прекрасно, полон жизни, наслаждается богатством и душевным покоем, он объясняет это завидное состояние ума и тела присутствием сверхъестественных сил, которые либо наполняют его тело, либо охраняют. Наоборот, всякого рода несчастья, болезни и неудачи объясняются отсутствием такой защиты. В молитвах и других текстах человек просит великих богов, чтобы «добрые» духи находились возле него, заботились и защищали от врагов — людей, колдунов или демонов — и тем самым обеспечивали бы физическое благополучие, успехи и удачу во всех предприятиях.
(Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. С. 157—158)

Об изображениях богов Божество, как правило, считалось присутствующим в своем изображении, если оно обладало определенными специфическими чертами и атрибутами, и ему поклонялись так, как было установлено и освящено традицией данного храма. Если изображение выносили из святилища, с ним вместе удалялся и бог, выражая таким образом свой гнев против города или страны.
...Богов облачали в пышные одежды особого стиля, дополнявшиеся тиарами и нагрудными украшениями (пекторалями). Одежды сменялись во время специальных церемоний в соответствии с требованием ритуала.
...Мы знаем из месопотамских и египетских источников, что изображения богов ваялись и подновлялись в специальных мастерских при храме; после этого они подвергались сложному и совершенно тайному ритуалу освящения, который должен был превратить безжизненную материю в сосуд божественного присутствия. Во время ночных церемоний они наделялись «жизнью», их глаза и рты «отверзались», чтобы идолы могли видеть, слышать и есть; затем над ними совершался ритуал «омовения рта», придававший им, как считалось, особую святость. Похожие обычаи были приняты и в Египте, где идолы божеств наделялись традиционно необходимыми качествами с помощью магических актов и формул. Тем не менее сам процесс изготовления идолов вручную, по-видимому, во всех религиях, где подобные изображения обладали культовой или священной функцией, ощущался как некая нелов-
81
кость, на что указывают часто встречающиеся легенды и религиозные сказания, подчеркивающие чудесное происхождение наиболее знаменитых изображений богов.
...Богам в храме Урука еда подавалась два раза в день. Первая и основная трапеза приходилась на утро, когда храм открывался, вторая — на вечер, очевидно, на время непосредственно перед закрытием дверей святилища... Каждая трапеза состояла из двух блюд, называемых «основное» и «второе». Блюда различались между собой, по-видимому, скорее по количеству, чем по составу продуктов. Церемониал, характер и число блюд, входивших в божественную трапезу, приближаются к человеческим меркам, вообще характерным для месопотамских богов.
(Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. С. 146—149)

Философия

В Древней Месопотамии философия как самостоятельная область деятельности человеческого духа не сформировалась. Но здесь можно говорить о возникновении предфилософии, поскольку отдельные литературные тексты можно оценить как имеющие философский характер. К их числу относится и приводимый ниже «Разговор господина с рабом», в котором обсуждается проблема человеческой деятельности и ее последствий.

Разговор господина с рабом И сказал господин рабу: — Повинуйся мне, раб!
И раб отвечал:
— Повинуюсь!
— Запряги поскорей колесницу, чтоб мне ехать к царю во дворец! — приказал господин, и раб поклонился ему:
— Поезжай поскорей! Там ты сможешь снискать особую милость! Но покачал головой господин:
— Раб, не спеши! Не хочу я ехать к царю! И откликнулся раб:
Да, зачем тебе ехать! Может царь поручить опасный поход, и будешь ты в тяжком походе страдать днем и ночью...
И сказал господин рабу:

— Повинуйся мне, раб! И раб отвечал:
— Повинуюсь!
— Задумал я, раб, жениться. Наследниками пора обзавестись! — сообщил господин, и раб поддержал:
82
— Что ж, хорошее дело! Тот, кто имеет детей, может быть спокоен о том, что когда помрет, найдется человек, приносящий жертву!
— Нет, раб! Вздор я говорю — с какой стати мне жениться? — засомневался господин.
— А и верно! — поддержал господина раб. — Жениться — это что голову в петлю сунуть. Да и дети-то родятся бог весть какие — кривые да хромые! Не женись, мой господин — дом свой в целости сохранишь, ей-богу!
* * *
И сказал господин рабу:
— Повинуйся мне, раб! И раб отвечал:
— Повинуюсь!
— Задумал твой господин учинить разбой! Что скажешь?
— Что ж, дело неплохое! — отвечал господину раб. — Разбоем добудешь ты себе богатство.
— Нет, раб, я передумал — не пойду я на разбой! — изменил свое решение господин.
— А и не ходи, мой господин, не ходи! Чего доброго убьют тебя, с живого снимут шкуру, в темницу бросят! Не учинишь разбоя — жить долго будешь!
* * *
И сказал господин рабу:
— Повинуйся мне, раб! И раб отвечал:
— Повинуюсь!
— Решил я свершить для отчизны великое доброе дело! И так ему раб отвечал:
— Что ж, господин, сверши задуманное — ты и у царя в почете будешь, да и боги тебя не забудут.
— Нет, раб, не хочу я делать добрые дела для моей отчизны! — И господин решительно взмахнул рукой.
— А и правда, господин, что проку в них? Пойди на кладбище да погляди на кости — разве угадаешь ты, кто из умерших был усерден к благу государства, а кто ему вредил?
(Разговор господина с рабом. С. 102—104)

Государство и право

Правители первых шумерских государств носили титул «лугаль» («большой человек») или энси; последний титул связан с должностью жреца, что свидетельствует о том, что правитель был также главой жрецов. Позже во всей Месопотамии утверждается идея божественности царей и царской власти.
83
О царской Жители Месопотамии признавали только одно уч-
реждение в современном смысле этого слова — царскую власть. Именно она прежде всего являлась признаком цивилизованной жизни и считалась поэтому божественного происхождения... Святость царя подчеркивается (особенно в ассирийских текстах) сверхъестественным и внушающим страх сиянием (аурой), которое, судя по данным религиозной литературы, характерно для всех божеств и всех вещей божественного происхождения.
...Ассирийский царь в качестве жреца был или действующим лицом, или объектом поклонения в многочисленных и сложных ритуалах, детально описанных в некоторых текстах. Его тщательно охраняли от бо-лезней и особенно от вредных магических влияний, так как от его благополучия зависело процветание страны. Поэтому ассирийские цари... окружались толпой предсказателей и лекарей. Все знамения рассматривались и истолковывались прежде всего в связи с тем, какое влияние они окажут на особу царя. Существовали сложные ритуалы — они помогали отвести от царя предсказанное зло. Известен по крайней мере один случай в Ассирии, когда для того, чтобы помешать исполнению предсказания о грозящей смерти царя, пошли на хитрость — другое лицо на сто дней объявили царем (его назвали «подменный царь»), а зачем убили и похоронили с почестями. Таким образом, предсказание «роде бы сбылось, а судьба же была обманута и настоящему царю сохранили жизнь.
(Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. С. 78—80)
О законах Хаммурапи ...В судебнике выделяются три группы людей по их правоспособности: полноправные, мушкенум и рабы.
Каждая из них по-разному отвечала за те или иные поступки. Так, за ущерб, нанесенный какому-либо мушкенуму, штраф был меньше, чем за ущерб полноправному. Что же касается раба, то он «стоил» еще дешевле, а за правонарушения, совершенные им, применялись наиболее строгие меры и жестокие наказания. Вообще рабы, если иметь в виду частных, считались собственностью хозяев — беглых ловили, укрывателей наказывали. Но при всем том раб имел и определенные

права — на семью, хозяйство, имущество. Что касается мушкенумов, то это были, как упоминалось, зависимые царские люди, которые могли иметь хозяйство, рабов, а подчас и должность, и достаточно высокий административный статус.
Группа статей, касающихся собственности, — едва ли не самая большая в судебнике. Признавая собственность как институт (воры и укрыватели либо покупатели краденого наказывались), законы вместе с чем основную свою цель видели в ее регулировании и ограничении. Прежде всего они строго запрещали отчуждение в любой форме пожа-

лованных царем наделов, особенно наделов воинов. Статьи обстоятельно регламентировали условия найма и размер платы за наемный труд; скрупулезно рассматривались все случаи аренды и норма арендной платы, условия залога имущества.
Наибольшего внимания заслуживают те из статей, которые касались условий кредита и ростовщичества. Все они были направлены на ограничение произвола заимодавцев и стремились дать должнику максимальные шансы. При неурожае его долг откладывался. Если за долг человек был вынужден отдать в долговое рабство кого-либо из своей семьи, кредитор нес ответственность за приобретенного таким образом раба-должника: в случае, если от дурного обращения последний умирал, кредитор наказывался. В любом случае срок долгового рабства не должен был превышать трех лет — после этого срока должник освобождался, а долг считался погашенным. Был установлен и размер долгового процента — он не должен был превышать 20% при денежном и 30% при натуральном займе.
Наказания за серьезные преступления были суровыми, часто преступник карался смертью. Основной принцип назначения наказаний — талион, т.е. воздаяние по принципу «око за око», «рука за руку», «сына за сына», «раба за раба».
(Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. С.94—95)

Из законов Хаммурапи

195. Если сын ударил своего отца, то ему отрежут руки.
196. Если кто-нибудь повредил глаз у сына мужа (т.е. свободного человека), то повредят глаз ему [самому].
197. Если он сломал кость у сына мужа, то сломают кость ему.
199. Если он повредил глаз у чьего-нибудь раба или сломал кость у чьего-нибудь раба, то он уплатит половину его стоимости.
202. Если кто-нибудь ударил по щеке лицо высшего положения, то его на суде ударят шестьдесят раз плетью из воловьей кожи.
203. Если сын мужа ударил по щеке сына мужа одинакового положения, то уплатит мину серебра.
216. Если врач сделал кому-нибудь тяжелый разрез бронзовым ножом и излечил [этого] человека или же снял с чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом и вылечил глаз [этого] человека, то он получает десять сиклей серебра.
218. Если врач сделал кому-нибудь тяжелый разрез бронзовым ножом и причинил смерть [этому] человеку или же снял с чьего-нибудь глаза бельмо бронзовым ножом и повредил глаз [этого] человека, то ему отсекут руки.
229. Если строитель построил кому-нибудь дом и сделал свою рабо-, ту непрочно, так что построенный им дом обвалился и причинил смерть домохозяину, то строитель предается смерти.

230. Если он причинил смерть сыну домохозяина, то предадут смерти сына строителя.
231. Если он причинил смерть рабу домохозяина, то отдает домохозяину раба за раба.
(Законы Хаммурапи. С. 54—55)

Письменность и книги

Клинопись

Месопотамская письменность в своей древнейшей, пиктографической форме появляется на рубеже IV—III тыс. до н.э. По-видимому, она сложилась на основе системы «учетных фишек», которую вытеснила и заменила. В VI—IV тыс. до н.э. обитатели ближневосточных поселений от Западной Сирии до Центрального Ирана использовали для учета различных продуктов и товаров трехмерные символы — маленькие глиняные шарики, конусы и т.п. В IV тыс. до н.э. наборы таких фишек, регистрировавшие какие-то акты передачи тех или иных продуктов, начали заключать в глиняные оболочки размером с кулак. На внешней стенке «конверта» иногда оттискивали все фишки, заключаемые внутрь, чтобы иметь возможность вести точные подсчеты, не полагаясь на память и не разбивая опечатанных оболочек. Необходимость в самих фишках, таким образом, отпадала — достаточно было одних оттисков.

Позже оттиски были заменены процарапанными палочкой значками — рисунками. Такая теория происхождения древнемесопотам-ского письма объясняет выбор глины в качестве писчего материала и специфическую подушко- или линзообразную форму древнейших табличек. Полагают, что в ранней пиктографической письменности было свыше полутора тысяч знаков-рисунков. Каждый знак означал слово или несколько слов. Совершенствование древнемесопотамской системы письма шло по линии унификации значков, сокращения их числа (в нововавилонский период их осталось чуть более 300), схематизация и упрощения начертания, в результате чего появились клинописные (состоящие из комбинаций клиновидных оттисков, оставляемых концом трехгранной палочки) знаки, в которых почти невозможно узнать исходный знак-рисунок. Одновременно происходила фонетизация письма, т.е. значки стали употреблять не только в первоначальном, словесном значении, но и в отрыве от него, как чисто слоговые. Это позволило передавать точные грамматические формы, выписывать имена собственные и т.п.; клинопись стала подлинной письменностью, зафиксированной живой речью...

86

Сфера применения клинописи расширяется: помимо документов хозяйственной отчетности и купчих появляются пространные строительные или закладные надписи, культовые тексты, сборники пословиц, многочисленные «школьные» или «научные» тексты — списки знаков, списки названий гор, стран, минералов, растений, рыб, профессий и должностей и, наконец, первые двуязычные словари.

Шумерская клинопись получает широкое распространение: приспособив к нуждам своих языков, ее с середины III тыс. до н.э. используют аккадцы, семитоязычные жители Центральной и Северной Месопотамии и эблаитяне в Западной Сирии. В начале II тыс. до н.э. клинопись заимствуют хетты, а около 1500 г. до н.э. жители Угарита на ее основе создают свою упрощенную слоговую клинопись, которая, возможно, повлияла на формирование финикийского письма. От последнего берут начало греческий и соответственно более поздние алфавиты.

...При школах-академиях (эддубба) создавались библиотеки по многим отраслям знания, существовали и частные собрания «глиняных книг». Крупные храмы и дворцы правителей также нередко имели кроме хозяйственно-административных архивов большие библиотеки. Самая известная из них — библиотека ассирийского царя Аш-шурбанапала в Ниневии, обнаруженная в 1853 г. при раскопках холма возле деревни Куюнджик на левом берегу Тигра. Собрание Ашшур-банапала было не только крупнейшим для своего времени; это едва ли не первая в мире настоящая, систематически подобранная библиотека. Царь лично следил за ее комплектованием; по его приказам писцы по всей стране снимали копии с древних или редких табличек, хранившихся в храмовых или частных собраниях, или же доставляли в Ниневию оригиналы.

...Пространные тексты составляли целые «серии», включавшие иногда до 150 табличек. На каждой такой «серийной» табличке стоял ее порядковый номер; заглавием служили начальные слова первой таблички. На полках «книги» размещались по определенным отраслям знаний. Здесь были собраны тексты «исторического» содержания («анналы», «хроники» и др.), судебники, гимны, молитвы, заговоры и заклинания, эпические поэмы, «научные» тексты (сборники примет и пред-сказаний, медицинские и астрологические тексты, рецепты, шумеро-аккадские словари и т.п.), сотни книг, в которых «отложились» все знания, весь опыт древкемесопотамскои цивилизации. Большая часть того, что мы знаем о культуре шумеров, вавилонян и ассирийцев, была получена при изучении этих 25 тыс. табличек и фрагментов, извлеченных из руин дворцовой библиотеки, погибшей при разрушении Ниневии.

(Древние цивилизации. С. 113—116)

87

Школа и обучение

Школа называлась в Месопотамии «эдубба», что означало «дом табличек», директора называли «отец дома табличек», а учителей — «старшие братья»; были в школах и надзиратели, которых называли «владеющие хлыстом», что иллюстрирует некоторые особенности метода обучения. Ученики осваивали письменность путем копирования сначала отдельных знаков, а затем целых текстов. Обучение происходило с раннего утра до позднего вечера и длилось много лет. Учиться было трудно, но профессия писца была выгодной и почетной.

Школа в Шумере С пяти-семи лет и до двадцати он учился в школе (э-дуб-ба — «дом табличек»), которая в те далекие времена была одновременно и школой, и университетом. Школа представляла собой большое помещение, разгороженное на две части. В первой части находился класс, состоявший из ряда скамеек. Ни столов, ни парт не было. Ученики сидели, держа глиняную табличку в одной руке, а тростниковый стиль в правой. Во второй части помещения стоял

большой чан с глиной для производства новых табличек. Помимо учителя в классе присутствовал надзиратель, нещадно бивший учащихся за любую провинность, а за перегородкой находился помощник учителя, изготовлявший новые таблички. Обучение начиналось с письма и заучивания различных слов. При школах составлялись большие тематические списки знаков. Нужно было не только уметь правильно их писать, но и знать наизусть все их значения. Затем учили переводу с шумерского языка на аккадский и обратно. После начального обучения, которое легко давалось отнюдь не всем, приступали к более сложным предметам. Как явствует из экзаменационного текста, записанного в самом конце шумерской истории, выпускник школы должен был хорошо владеть словами арго различных профессий (языком жрецов, пастухов, моряков, ювелиров) и уметь перевести их на аккадский язык. В обязанность ему вменялось знание тонкостей певческого искусства и вычисления.

До нас дошло большое количество математических задач из шумерской школы, по которым видно, что ученик мог умножать, подсчитывать итоги, межевать поля, вычислять коэффициенты. Интересно, что на табличке записаны только условие задачи и ее решение, но сам ход мысли в процессе решения всегда утаен. Это показывает, что для школы важен был результат познания, но не его метод и не процесс обдумывания материала. В головы учащихся большими порциями вбивались результаты чужого опыта, а самостоятельность вывода или решения не поощрялась.

По окончании школы ученик получал звание писца (дуб-сар) и распределялся на работу. Он мог стать либо государственным, либо храмовым, либо частным писцом или писцом-переводчиком. Государственный писец состоял на службе во дворце, он составлял царские надписи, указы и законы. Храмовый писец вел хозяйственные расчеты, но мог
выполнять и более интересную работу, например записывать из уст жрецов различные тексты богослужебного характера или вести астрономические наблюдения. Частный писец работал в хозяйстве крупного вельможи и на какое-то интересное для образованного человека дело рассчитывать не мог. Писец-переводчик ездил по самым разным работам, нередко бывал и на войне, и на дипломатических переговорах.

Некоторых выпускников оставляли при школе учителями, и основной их работой помимо ведения уроков было составление композиций из текстов, бытовавших в устной традиции. Содержание этих текстов менять было нельзя, но их форма могла подвергаться любому воздействию.

Благодаря школьным (и отчасти храмовым) писцам до нас дошли бесценные памятники шумерской литературы. Профессия писца давала человеку хорошее жалованье (роль денег в то время выполняли серебряные слитки и мешки с зерном), уважение в обществе и относительную независимость от обычной «судьбы человека». Каждый писец понимал, что сохраненное им слово останется на земле даже после того, как имя его будет забыто.

(Емельянов В.В. Древний Шумер. С. 107—109)

Из «Труда писцов, собратьев моих...»

Труд писцов, собратьев моих, тебе не по нраву! А ведь они по десять гуров зерна приносят! Молодые люди! Любой из них десять
гуров зерна отцу приносит,
Зерно, шерсть, масло, овец ему приносит!
Как уважаем такой человек!
Рядом с ним — ты не человек!
Да и можешь ли ты так же трудиться?
Мальчишка! Трудится и стар и млад!
Даже мне порой не угнаться за ними,
А уж моя голова повыше твоей!
Кто еще так недоволен сыном?
Среди моих собратьев не было таких!
Скажи-ка это родичам моим!
Побойся или постыдись!
Соученики твои и товарищи —
Не пример тебе?! Почему им не следуешь?
Друзья твои и сверстники — не пример тебе?!
Почему им не следуешь?
И со старших бери пример,
Да и с младших бери пример!
Мудрые люди, что средь нас живут,
С тех пор как Энки всему названье дал,

Столь искусной работы, как дело писца, что я избрал,
Не могут назвать! Коль не умеешь петь,
89
До середины песни, как до морского берега,
Не добредешь! Так и дело писца!
Ты не думаешь о деле моем,
Уж не говорю — о деле отца моего!
Энлиль уготовил людям судьбу,
С тех пор как всему название дал!
Сын да наследует дело отца!
А не то — ни почета ему, ни привета!
(Труд писцов, собратьев моих... С. 140—141)

Литература

Литература Древней Месопотамии отличается многообразием форм и жанров. К древнейшим текстам относятся списки богов, некоторые мифы и гимны, царские надписи, позднее появляются эпические произведения, рассказывающие о богах и героях, складывается жанр исторической литературы, появляется публицистика, записываются сказки, пословицы и поговорки и т.п. По-видимому, самым знаменитым произведением является «Эпос о Гиль-гамеше».

Гильгамеш — реально существовавший исторический персонаж, царь Урука в XXVII—XXVI вв. до н.э. Еще в древности он стал героем ряда поэм, и позднее на этой основе сформировался цельный эпос. Версия, отрывок из которой здесь приводится, была записана на двенадцати табличках и хранилась в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала в Ниневии.

Из «Эпоса О Гильгамеше»

Поэма начинается с того, что Гильгамеш царствует в Уруке, притесняя жителей. Они молят богов найти управу на него. Боги создают дикого человека Энкиду, который равен по силам Гильгамешу. Они становятся друзьями и вместе совершают ряд подвигов. Затем богиня Иштар влюбляется в Гильга-меша, но он отвергает ее. Разгневавшись, она делает так, что Энкиду умирает. Смерть друга заставила Гильгамеша задуматься о бренности человеческого существования и начать поиск бессмертия. Он узнал, что его дальний предок Утнапишти — единственный из всех людей — получил от богов бессмертие. После долгих странствий Гильгамеш находит Утнапишти.

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти: Гляжу на тебя я, Утнапишти, Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты, И сам ты не чуден — таков, как и я, ты. Не страшно мне с тобой сразиться; Отдыхая, и ты на спину ложишься — Скажи, как ты, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем? Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
90
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я...
...Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещались отец их Ану, Энлиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.
Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
Но хижине он их слово поведал:
Хижина, хижина! Стенка, стенка!
Слушай, хижина! Стенка, запомни!
Шурриппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое.
Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан, покрой его кровлей!»
Я понял и вещаю Эа, владыке:
То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню...
Едва занялось сияние утра,
По зову моему весь край собрался...
...Всех мужей я призвал на повинность —

Дома сносили, разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряженье носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотою,
По сто двадцать локтей края его верха.
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделил ими,
Его дно разделил на девять отсеков...
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали — он был тяжелым,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети...
Нагрузил его всем, что имел я, Нагрузил его всем, что имел серебра я, Нагрузил его всем, что имел злата я, Нагрузил его всем, что имел живой я твари, Поднял на корабль всю семью и род мой,
91
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял...
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь увидел я воочью.
Я взглянул на лицо погоды —
Страшно глядеть на погоду было.
...Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган — потом прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
...При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах...

Боги раскаялись, что погубили людей, и дали Утнапишти и его жене бессмертие, но Гильгамешу и всем остальным людям оно недоступно. Но в утешение Утнапишти рассказывает Гильгамешу, как тот может найти хотя бы цветок молодости, и Гильгамеш его добывает. Но когда Гильгамеш, устав в пути, остановился на отдых, к нему подползла змея, проглотила цветок и омолодилась. А Гильгамеш с пустыми руками возвращается в Урук и начинает заниматься ремонтом городских стен.

(«О все видавшем» со слов Син-лека-уннинни, заклинателя. С. 211—216)
92

Музыка

Данные раскопок, литературные памятники, изображения на рельефах и печатях указывают на значительную роль музыки в общественной жизни Шумеро-Вавилонии. В честь музыкальных инструментов совершались даже жертвоприношения. По представлению шумерийцев их боги были не только любителями музыки, но и музыкантами. В государственной иерархии музыканты стояли непосредственно за богами и царями. Именами музыкантов обозначалось летоисчисление. В более поздних источниках говорится о большом развитии придворных ансамблей, выступавших и с публичными концертами. Отдельные меценаты содержали ансамбли певцов и исполнителей на инструментах, доходившие до 150 человек.

Исторические источники позволяют говорить о богатом, разнообразном и сравнительно совершенном музыкальном инструментарии уже к началу III тысячелетия до н.э.

Наряду с изображениями музыкальных инструментов найдены и остатки самих инструментов: многочисленные разновидности ударных (преимущественно барабанов и систров); из духовых — архаическая продольная флейта, близкая древнеегипетской; язычковые — типа гобоя; из струнных встречаются знакомые уже по Древнему Египту ар-фообразные лиры, арфы, лютни.

В ансамблях Шумеро-Вавилонии ударные инструменты сочетаются со струнными и с духовыми.
(Грубер Р.И. Всеобщая история музыки. С. 58)

Архитектура и строительство

Шумерский город Типично шумерский город (и, вероятно, большинство городов, созданных в позднейший период) состоял из трех частей. Прежде всего — из самого города... Это была окруженная стеной территория, на которой находились храм или храмы, дворец с резиденциями придворных и жилища горожан. Центр управления городом находился у «ворот» (в больших городах их было несколько), где происходили собрания горожан или собрания жителей данного квартала и отправлял свои обязанности градоправитель. К каждым «воротам» был приписан определенный квартал города. Далее шел «пригород», по-шумерски «внешний город», где находились дома, пастбища, поля и сады, обеспечивавшие город продуктами питания и сырьем... Третьей частью города был район пристани (kar — в шумерском и karu — в аккадском). Он являлся центром коммерческой деятельности, в особенности той, которая была связана с внешней торговлей. Та-
93
ким образом, кару соответствовал не только по функции, но и по названию порту (portus) раннего средневековья. Кару был административно независим и имел собственный юридический статус, что было важно для горожан, которые вели там дела. В кару жили чужеземные торговцы; у них были свои лавки, а питались они в портовой таверне.
(Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. С. 92)

Храм, дворец, Каждому богу-покровителю посвящался централь-дом ный храм города, который по мере обветшания достраивался и перестраивался, но почти никогда не переносился на другое место. Храм становился центром города-государства, при нем имелось свое усадебное хозяйство, в котором работали свободные и рабы, а позднее исключительно рабы. Такой тип поселения, характерный для Двуречья, складывается окончательно к концу IV — началу III тыс. до н.э.... В Двуречье вообще стремились строить на возвышенных местах, что в какой-то мере предохраняло от частых, временами катастрофических наводнений, поэтому храм стоял на высокой платформе, к которой с двух сторон вели лестницы или пандусы. Святилище храма, обычно прямоугольной, иногда овальной формы, было сдвинуто, как правило, к краю платформы и имело открытый внутренний дворик. В глубине святилища находилась статуя божества, которому и был посвящен храм. До начала III тыс. доступ во все части храма был свободным, но позднее в святилище, равно как и в окружающий святилище дворик, непосвященные не допускались. Главным и почти единственным элементом декора было членение наружных и внутренних стен узкими прямоугольными нишами. Возможно, что храмы расписывались изнутри, но во влажном климате Двуречья росписи не могли долго сохраняться. Единственный храм раннего времени с росписями, который пока нам известен, — храм в Телль-Укайре: алтарь храма, его внутренние стены и колонны входа были покрыты по-лихромной росписью (конечно, не фреской — стены просто были раскрашены посуху) с геометрическими узорами и изображениями животных в мягкой красновато-коричневой гамме.

Своеобразно и нетипично здание, обнаруженное в Уруке. Как и большинство памятников

шумерской архитектуры, оно дошло до нас в развалинах. Век сырцовой постройки недолог, а глина, точнее, сырцовый кирпич, формованный из нее, часто с примесью рубленой соломы или тростника, был единственным строительным материалом в Двуречье. Деревянными были балки перекрытия и двери, причем привозное дерево ценилось так дорого, что переезжающий из одного дома в другой обычно увозил с собой деревянные части дома. Здание представляло собой обширный замкнутый двор, обнесенный колоннами и полуколоннами с площадкой-эстрадой на одном конце двора и ведущими к ней боковыми лестницами. Колонны и полуколонны были украшены трехцветной крас-
94
но-бело-черной мозаикой: каменные или глиняные конусы раскрашивались и втыкались в сырцовый массив стены, имитируя узор тростникового плетения. Уникальность этой постройки, видимо, связывается с ее общественным назначением — перед нами, по всей видимости, помещение для народных собраний, что характерно для периода первобытнообщинной демократии (весьма недолгого в истории Двуречья).

К концу III тыс. в Двуречье засвидетельствован еще один тип храма (в действительности он, видимо, появился раньше), который мог быть результатом развития храма первого типа — храм на нескольких платформах — так называемый «зиккурат». Может быть сыграл свою роль обычай возводить храмы главному божеству на одном и том же месте или сказалась необходимость постоянно обновлять легко рушащиеся постройки, безусловно, к этому присоединились и идеологические побуждения: обычно с размерами зиккурата связывались представления о древности поселения; постепенно зиккурат становится главным храмом (в то время, как нижний храм обязательно строится рядом) и до конца эпохи древности остается наиболее типичным для культовой архитектуры сооружением...

Огромный холм осыпавшегося трехступенчатого зиккурата в Уре до сих пор возвышается на 20 м. Верхние, сравнительно невысокие ярусы, опирались на громадную, в плане прямоугольную, усеченную пирамиду (43 на 65 м), высотой около 15м. Плоские ниши расчленяли наклонные поверхности и смягчали впечатление массивности здания. Процессии, двигавшиеся по широким и длинным сходящимся лестницам (на площадке сходилось три марша), казалось исчезали в месте их соединения. Сплошные сырцовые террасы имели разные цвета: низ- — черный (обмазка битумом), следующий ярус — красный (облицовка обожженным кирпичом) и верхний — выбеленный. Возможно, иногда террасы озеленялись. В более позднее время, когда стали строить семиэтажные зиккураты, вводились желтые и голубые цвета. Таким образом, элементы раннего шумерского храма — лестницы, ведущие к центральному святилищу, открытый внутренний дворик в храмике и членение наружных объемов чередующимися нишами и выступами — сохранились и в зиккурате.

С середины III тыс. до н.э. правители Двуречья начали строить себе дворцы со многими внутренними дворами, иногда с отдельной наруж- ной крепостной стеной. Один из ранних дворцов такого типа — так на- зываемый «дворец А» в Кише. Это первый образец соединения в шумер- ском строительстве светского здания и крепости — система обводных стен защищала дворец не только от врага, но и от жителей города...

Жилые дома лепились вокруг центрального храмового, а позднее, дворцового комплекса. Застройка производилась стихийно, между до- мами были немощеные кривые и узкие переулки и тупики. Дома в ос- новном были прямоугольными в плане, без окон, освещались через дверные проемы. Обязателен был внутренний дворик. Снаружи дом
95
окружался глинобитной стеной. Во многих зданиях была канализация. Поселение обычно обносилось снаружи крепостной стеной, достигавшей значительной толщины.

(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. С. 54—57)

Описание Вави- Построен Вавилон вот как. Лежит он на обширной **лона у Геродота** равнине, образуя четырехугольник, каждая сторона которого 120 стадий длины. Окружность всех четырех сторон города составляет 480 стадий. Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю. Прежде всего город окружен глубоким, широким и полным водой рвом, затем идет стена шириной в 50 царских локтей, а высотой в 200_t царский же локоть на 3 пальца больше обыкновенного.

Здесь я должен рассказать, куда употребили землю, вынутую из рва, и как была возведена стена. Лишь только выкопали ров, то взятую оттуда землю стали употреблять для выделки кирпича.

Изготовив достаточное количество сырых кирпичей, обжигали их в печах. Вместо цемента строители пользовались горячим асфальтом и через каждые тридцать рядов кирпича закладывали между камнями камышовые плетенки. Сначала таким образом укрепили края рва, а затем и саму стену. На верху стены по краям, возвели по две одноэтажные башни, стоявшие друг против друга. Между башнями оставалось пространство, достаточное для проезда четверки лошадей. Кругом на стене находилось 100 ворот целиком из меди (в том числе их косяки и притолоки). Есть и другой город в восьми днях пути от Вавилона по имени Ис. Там протекает небольшая река также под названием Ис. Впадает она в реку Евфрат. Эта-то река Ис выносит своим течением комочки асфальта. Отсюда и был доставлен асфальт для постройки вавилонской стены.
Таким-то образом были возведены стены Вавилона. Город же состоит из двух частей. Через него протекает река по имени Евфрат, берущая начало в Армении. Эта большая, глубокая и быстрая река впадает в Красное море. По обеим сторонам реки стена, изгибаясь, доходит до самой реки, а отсюда по обоим берегам идет стена из обожженных кирпичей. Город же сам состоит сплошь из трех- и четырехэтажных домов и пересечен прямыми улицами, идущими частью вдоль, а частью поперек реки. На каждой поперечной улице в стене вдоль реки было столько же маленьких ворот, сколько и самих улиц. Ворота эти были также медные и вели к самой реке.
Эта [внешняя] стена является как бы панцирем города. Вторая же стена идет внутри первой, правда, ненамного ниже, но уже нее. В середине каждой части города воздвигнуто здание. В одной части — царский дворец, окруженный огромной и крепкой стеной; в другой — святилище Зевса Бела с медными вратами, сохранившимися еще до наших дней (Зевсом Геродот называет Мардука. — *Сост.).*
96
Храмовый священный участок — четырехугольный, каждая сторона его длиной в 2 стадии. В середине этого храмового священного участка воздвигнута громадная башня, длиной и шириной в 1 стадию. На этой башне стоит вторая, а на ней — еще башня, в общем восемь башен — одна на другой. Наружная лестница ведет наверх вокруг всех этих башен. На середине лестницы находятся скамьи, должно быть, для отдыха. На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин.
Эти жрецы утверждают (я, впрочем, этому не верю), что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе. То же самое, по рассказам египтян, будто бы происходит и в египетских Фивах. И там в храме Зевса Фиванского также спит какая-то женщина. Обе эти женщины, как говорят, не вступают в общение со смертными мужчинами...
Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоит большой золотой стол, скамейка для ног и трон — также золотые. По словам халдеев, на изготовление всех этих [вещей] пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков. На большом алтаре халдеи ежегодно сжигают 1000 талантов ладана на празднике в честь этого бога. Была еще в священном участке в то время, о котором идет речь, золотая статуя бога, целиком из золота, 12 локтей высоты. Мне самому не довелось ее видеть, но я передаю лишь то,.что рассказывали мне халдеи. Эту-то статую страстно желал Дарий, сын Гистаспа, но не дерзнул захватить ее. Однако Ксеркс, сын его, похитил статую, повелев умертвить жреца, который не позволял [прикасаться к статуе] и двигать ее с места. Так роскошно украшен этот [храм] и священный участок, где также есть много посвятительных даров от частных лиц.
(Геродот. История. С. 67—69)

Изобразительное искусство

Шумерская скульптура

Количество храмовой скульптуры Двуречья возрастает в первой половине III тыс. до н.э., но это все еще не монументальная скульптура. Памятники представляют собой небольшие, размером до 35—40 см, статуэтки, выполненные из мягких пород камня.
97
...Большинство статуэток ставилось в храме для того, чтобы молиться за поставившего их туда человека. Поэтому нет фигуры как таковой; есть поза, жест — «молю тебя, не откажи!», нет лица как такового, есть выражение, взгляд — всевидящее, всеслышащее существо. Огромные уши у многих фигурок, видимо, также следует понимать, как символ всеобъемлющей мудрости (по-шумерски слова «мудрость» и «ухо» обозначаются одним и тем же словом — «нгештук»). У многих-фигурок на спине была надпись — «такой-то такому-то богу свою статую поставил и посвятил». Позднее излагалась и

просьба, с которой адорант обращался к божеству.
...Антропоморфное божество, наделенное сверхъестественными свойствами, отнюдь не воплощалось в облике телесно гармоническом и совершенном. ...Вплоть до конца III тыс. до н.э. единый канон так и не был выработан, хотя некоторые общие правила и существовали: брови и глаза почти всегда инкрустированы, борода и прически передаются при помощи незначительно варьирующихся, но в общем однообразных приемов, подчеркиваются глаза и уши.
(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева И. Искусство Древнего Востока. С. 64)

Барельеф Ур-Нанше Изображения людей на рельефах обобщены, фигуры их обычно очень приземисты, формы угловаты, голова и ноги человека повернуты в профиль, плечи изображены в фас. Бог или правитель города-государства всегда изображался на рельефах значительно большего размера, чем все остальные персонажи. Одним из интересных произведений раннешумерской скульптуры является мемориальный рельеф с изображением Ур-Нан-ше, правителя города-государства Лагаша. Он, по-видимому, находился на двери храма, к которой был прикреплен при помощи деревянного или каменного болта. В верхней части барельефа Ур-Нанше изображен со строительной корзиной на голове — эта сцена символизирует строительство храма. В нижней части правитель показан пирующим. Его фигура превосходит своими размерами окружающих, и этим подчеркивается его главенствующее положение. Барельеф Ур-Нанше исполнен в характерной для раннешумерско-го искусства технике невысокого рельефа с суммарной трактовкой деталей, с изображением людей с неестественно большими глазами и клю-вообразными носами.
(Лувр. Париж: Скульптура. С. 2)

Стела Хаммурапи Произведений изобразительного искусства Древнего Вавилона до нас дошло немного. К числу лучших относится «Стела Хаммурапи». Она была найдена в 1901 году в Сузах французскими археологами.
98
Этот монумент является одним из замечательных произведений искусства и одним из первых документов в области права. Высеченный на нем свод законов дает возможность изучить административный и хозяйственный строй Вавилона. Большая часть пространства стелы занята клинописным текстом, в верхней же ее части помещен барельеф. На барельефе представлена сцена вручения земному владыке Хаммурапи знаков власти от бога.
Изображение царя вместе с богом имело огромное политическое значение, так как наглядно проповедовало идею божественного происхождения царя. Хаммурапи стоит перед богом солнца и правосудия Шамашем. Его поза выражает полное смирение. Он одет в платье, мягкими складками ниспадающее вниз, голову его венчает... тюрбан... Бог изображен сидящим на троне, поставленном на пьедестал. Он вручает Хаммурапи символы власти — магическое кольцо и жезл. Из-за плеч Шамаша поднимаются языки пламени, они как бы свидетельствуют о всемогуществе главного бога Вавилона.
(Лувр. Париж: Скульптура. С. 11)

Искусство Ассирии ...В искусстве Ассирии в I тыс. до н. э. появляется жесткий канон. Канон этот не религиозен, как не религиозно было все официальное ассирийское искусство, и в этом принципиальное отличие ассирийских памятников от памятников предшествующего времени. Он и не антропометричен, как античный канон, который исходил из человеческого тела как единицы измерения. Его, скорее, можно назвать каноном идеалистско-идеологиче-ским, ибо он исходил из представления об идеальном владыке, воплощенном в образе могучего мужа. Попытки создать идеальный образ могучего повелителя встречались уже и раньше, в аккадском искусстве и в период III династии Ура, но они не воплощались столь последовательно и законченно и не были так оторваны от религии, как в Ассирии. Ассирийское искусство было чисто придворным искусством, и, когда погибла ассирийская держава, оно исчезло. Именно канон явился тем организующим началом, благодаря которому ассирийское искусство достигло такого небывалого совершенства. Образ царя становится в нем моделью и образцом для подражания, он создается всеми возможными средствами: чисто изобразительными — облик физически совершенного, могучего человека в подчеркнуто пышном убранстве — отсюда монументальная статичность фигур и внимание к мелким деталям убранства; живописно-повествовательными — когда и в искусстве, и в литературе выделяются темы, восхваляющие воинскую мощь страны и ее создателя, «владыки всех стран»; описательными — в виде анналов ассирийских царей, славящих их подвиги. Некоторые описания в ассирийских анналах производят впечатление подписей под изображениями, более того — тексты царских
99
надписей с рассказами о царских боевых подвигах помещаются прямо на рельефах, пересекая

изображение правителя, что при стандартизованном, лишенном всякой индивидуальности изображении было весьма существенно и являлось дополнительным орнаментоподобным украшением плоскости рельефа. Становление канона и выработка твердых правил при изображении царской персоны, равно как и идеологическая тенденциозность всего придворного искусства способствовали сохранению высоких художественных норм при ремесленном воспроизведении образцов и не сковывали творческих возможностей художников-мастеров, когда речь шла не о царской персоне. Это видно по той свободе, с которой ассирийские художники экспериментируют в области композиции и в изображениях животных.
(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева И. Искусство Древнего Востока. С. 124—125)

Научные знания

...Определенных успехов достигла математика. Шумеры создали шестидесятиричную систему счета, в основе которой лежали числа 1, 60, 600, 3600. В дальнейшем возникла десятеричная система — с числами 1, 10, 100 в основе. Употреблялась также смешанная, соединявшая элементы этих двух, система счисления. Древние жители Месопотамии знали четыре правила арифметики, дроби, умели решать алгебраические уравнения с возведением в квадратную и кубическую степень, с извлечением корней. Знакомы они были с началами геометрии, знали число «л», умели вычислить длину окружности, площадь круга, объем усеченной пирамиды, соотношение между сторонами прямоугольного треугольника. Была выработана метрическая система и система мер и веса. В последней выделялись как максимальная мера — талант (30,3 кг), так и минимальная — шеум (зерно — 0,046 г).

Значительного развития в Месопотамии достигла астрономия, тесно связанная с астрологией. Ведение астрономических наблюдений стимулировалось не только практическими потребностями, но и верой в зависимость судьбы человека и государства от расположения светил на небе. Результаты этих наблюдений, в течение тысячелетий осуществлявшихся жрецами с вершин зиккуратов, тщательно фиксировались и привели к важным астрономическим открытиям. Создан был лунный календарь, в котором каждый месяц имел 29 или 30 дней, а год состоял из 12 месяцев и 354 дней. Расхождение лунного календаря с солнечным ежегодно составляло 11 дней, поэтому каждые 3 года требовалась вставка дополнительного, тринадцатого месяца. Год начинался с марта — апреля (месяц «нисан»). В III тыся-

челетии до н.э. в каждом шумерском городе имелся свой календарь, где большая часть месяцев называлась по характеру хозяйственных работ. Были месяцы «сева», «жатвы», «полбы», «праздника вкушения ячменя», «укладки кирпичей в форму» и т.п. На рубеже III — II тысячелетий до н.э. календарь унифицировали, взяв за основу ниппурскую систему. Велись наблюдения за движением Солнца («путь Солнца»), Луны («путь Луны»), Венеры и других планет. Предсказывались и фиксировались солнечные и лунные затмения, отмечались появления комет, метеоритов, землетрясения. Известны были эклиптика и знаки Зодиака, положение Солнца в системе этих созвездий, менявшееся раз в 2000 лет. Пользовались солнечными и водяными часами (гномоном и клепсидрой, как их впоследствии называли греки). День начинали не с восхода, а с захода солнца. Он делился на 12 частей по 2 часа каждая, дни складывались в 7-дневную неделю. Античные авторы сохранили имена древних вавилонских астрономов Набуриманни (VI в. до н.э.), Ки-динну (IV в. до н.э.), сведения о существовании специальных школ «звездочетов». В библиотеке Ашшурбанапала сохранилась копия древнего учебника «Руководство по астрономии».

Медицина в Месопотамии не достигла столь высокого развития, как в Египте, возможно потому, что здесь не делали вскрытия трупов для их бальзамирования. Медицина была тесно связана с магическими действиями. Болезнями «ведали» демоны подземного мира, главой которых был бог чумы Ирра, распоряжавшийся 60 недугами. Но имелись и боги врачевания и здоровья, покровители и спасители страждущих: Энки (Эа), Ниназу, Нингиззида. Издревле больных подвергали лечению магическими средствами. В Лагаше, например, практиковалось возложение тяжелобольного на «тростник бога Энки». Но в городе имелись и врачи — «знающие воду», как называли их в Месопотамии. Кстати, из Лагаша до нашего времени дошла ваза «энси» Гудеа с символическим изображением бога здоровья в виде змей, обвивающих жезл, — эмблема, заимствованная современной медициной.

В Древней Месопотамии были терапевты, хирурги, акушерки, ветеринары. Они лечили многие болезни: снимали катаракту с глаз, вскрывали нарывы, сращивали переломы, помогали при заболеваниях печени, желудка, кишечника, умели выявлять симптомы, поставить диагноз. Сохранились медицинские справочники, пособия (одно из них на 40 табличках), рецептурные

сборники. Одним из наиболее древних является «Ниппурский справочник врача» (XXIV в. до н.э.), содержащий 15 рецептов, среди которых есть весьма сложные припарки, мази и микстуры. При приготовлении лекарств использовались разнообразные растительные, животные и минеральные вещества.

В Древней Месопотамии появились зачатки знаний в области природоведения. Сохранились классификационные списки животных, растений, минералов. При царских дворцах в Вавилоне, Ашшуре созда-

101

вались знаменитые «висячие сады», зверинцы, где содержались экзотические растения и животные. Агрономические сведения древних шумеров можно найти в ряде литературных и мифологических произведений. Особенно интересны шумерский «Календарь земледельца», где изложен весь цикл земледельческих работ, начиная с затопления полей и кончая молотьбой собранного зерна, и так называемые «Садоводческие книги» вавилонского царя Мардук-апла-иддина.

Древние жители Месопотамии знали на практике некоторые законы физики, об этом свидетельствует техника судостроения, наведения понтонных мостов, использования надутых бурдюков как средства переправы. Знали они и ряд химических реакций, проявлявшихся при приготовлении вина, пива и лекарств, умели изготовлять краски из металлов и минералов, делать искусственные камни, глазурь, стекло, определять чистоту металлов и их подделку.

Определенных успехов достигла география. Составлялись списки городов, стран, рек, гор, каналов, перечни завоеванных стран и провинций, податные реестры, проводилась перепись населения. Создавались планы и карты городов: Вавилона, Ниппура, Сиппара. Известна даже карта мира времен Саргона Аккадского, дошедшая до нас в нововавилонской копии, с изображением на глиняной табличке круга Земли, обвитого «Горькой рекой» и пересеченного рекой Евфрат, кружков, обозначающих местоположение крупных городов, треугольников, символизирующих отдаленные страны.

(История Древнего Востока. С. 185—187)

Быт и нравы

Одежда, прически, **украшения**

Шумерские памятники сохранили для нас тип самой древней мужской одежды, так называемый каунакес, который непосредственно пришел на смену коже животных. Самые древние каунакес имитировали мех, напоминая его длинными тканными волосами. Любовь к меху сохранилась и в позднейшей одежде ассирийцев, которые культивировали примитивную одежду шумеров. Их плащи, украшенные шарфами и накидками, первоначально также были отделаны мехом, который впоследствии стали заменять напоминающей его бахромой... На настенной живописи и рельефах чаще всего ясно виден только верхний плащ — слабо прилегающий, с короткими рукавами до локтя. Он достигал обычно до половины икр (у женщин он бывал и длиннее), часто его подпоясывали плетеным пояском. Длина плаща и его украшения зависели от общественного положения лица. Высшие слои носили плащи длинные, по самую щиколотку, плащи богов и правителей были украшены ши-

102

роким поясом и бахромой. Низшие общественные слои и воины носили короткий и менее украшенный плащ...

Ассирийцы уделяли большое внимание оформлению головы, а именно — прическе, усам, бороде и бакенбардам... Правители носили длинные волосы, часто собранные в пучок, которые украшались вплетенными золотыми нитями. Они отращивали бороду и усы. Усы над верхней губой тщательно завивали, а волосы на подбородке подстригали до определенной длины и поочередно заплетали их в косички. (Низшие слои носили неухоженные более короткие бороды.) ...Известно, что уже в XIII веке до н.э. специальным распоряжением женщинам предписывалось ходить с открытым лицом. Для торжественных случаев, так же, как и в Египте, одевалась белая тиара с «инфулеми», которая предназначалась для королей. Головные уборы в виде фески с рогами зверей были атрибутами богов либо составной частью церковных церемониальных шествий. Короли по большей части были изображены босыми, но их одежда богато украшена вышивкой и драгоценностями: серьгами, браслетами, диадемами, мотивом розочки-маргаритки, известной уже в то время.

(Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. С. 47)

Об одежде вавилонян

Одеяние же у вавилонян вот какое. [На теле] вавилонянин носит льняной хитон, доходящий до ног, а поверх — другой шерстяной. Затем поверх накидывает еще тонкую белую хламиду. Обувь у них —

общепринятая [в этой стране], похожая на беотийские сапоги. Отпуская длинные волосы, вавилоняне повязывают на голове тюрбаны и все тело умащают миррой. У всякого вавилонянина есть перстень с печатью и посох искусной работы. На каждом посохе вырезаны яблоко, роза, лилия, орел или что-либо подобное. Носить посох без такого изображения у них не принято.
(Геродот. История. С. 73)

Наряд Инанны в шумерской поэме

На ее голове — венец Эдена «Шугур».
На ее челе — налобная лента «Прелесть чела».
В ее руках — знаки владычества и суда.
Ожерелье лазурное обнимает шею.
Двойная подвеска украшает груди.
Золотые запястья обвивают руки.
Прикрыты груди сеткой «Ко мне, мужчина, ко мне».
Прикрыты бедра повязкой, одеяньем владычиц.
Притираньем «Приди, приди» подведены глаза.
(С великих небес к великим недрам... С. 144—145)

103

Пища

Значительная часть страны культивировала в древности финиковую пальму (Страбон говорит, что в древности знали 360 полезных ее свойств), фиговое дерево, виноградную лозу, яблоню и другие фруктовые деревья... Из культурных растений в основном разводили зерновые (ячмень, полба, просо), технические (сезам или кунжут, лен), огородные (лук, чеснок, огурцы, баклажаны, тыква), а также бобовые (чечевица, фасоль, горох).
Фауна в древние времена была очень богатой. Реки изобиловали рыбой. В камышовых зарослях, на болотах, водилось много птицы. Дикие быки, ослы, свиньи, газели, зайцы, страусы... и другие животные обитали в степях и приречных зарослях.
(История Древнего Востока. С. 93)

Семья и брак Семья была в основном моногамная. По законам Хамму-рапи для совершения законного брака заключался брачный контракт, имущество матери наследовали ее дети. Возможен был развод, но для женщины получить его было труднее, чем для мужчины. За измену мужу жену наказывали утоплением, но если муж ее прощал, то и она, и ее соблазнитель освобождались от наказания. За измену жене муж не наказывался — его могли наказать только за соблазнение жены свободного человека.
Если жена плохо вела домашнее хозяйство (ленилась, тратила слишком много денег и т.п.), муж имел право жениться на другой, а прежнюю жену сделать служанкой в доме.
Отец не имел права лишить сыновей наследства, если только они не совершили какого-либо преступления. Отец обязан был обучить сыновей своему ремеслу.

Вавилонские обычаи

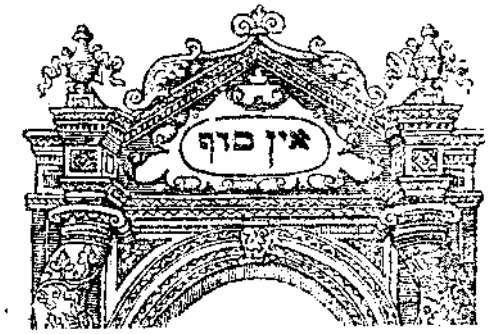
Самый же позорный обычай у вавилонян вот какой. Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!» Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девуш-

104

ка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай. И действительно, иные должны оставаться в святилище даже по три-четыре года.
Афродитой Геродот называет Иштар. Ряд современных историков полагает, что этот обычай описан Геродотом неправильно: храмовой проституцией занимались только жрицы богини Иштар (принадлежавшие к знатнейшим семействам Вавилона), а не все девушки-вавилонянки.
Есть у вавилонян еще и другой весьма разумный обычай. Страдающих каким-нибудь недугом они выносят на рынок... Прохожие дают больному советы [о его болезни] (если кто-нибудь из них или сам страдал подобным недугом, или видел его у другого). Затем прохожие советуют больному и объясняют, как сами они исцелились от подобного недуга или видели исцеление других. Молча проходить мимо больного человека у них запрещено: каждый должен спрашивать, в чем его недуг.

(Геродот. История. С. 74) Литература
Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. М.: Искусство, 1976.
ВасильевЛ.С. История Востока: В 2 т. М., 1993.
Геродот. История. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
Грубер Р.И. Всеобщая история музыки. М.: Музыка, 1965.
Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989.
Емельянов В.В. Древний Шумер. СПб.: Изд. «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2003.
Законы Хаммурапи // Хрестоматия по Древней Истории: В 2 т. / Под ред. акад. В.В. Струве. М.: Учпедгиз, 1936.
История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1979.
Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия, 1988.
Лувр. Париж: Скульптура. М.: Изобраз. искусство, 1984.
«О все видавшем» со слов Син-лека-уннинни, заклинателя / Пер. И. Дьяконова // Поэзия и проза древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Оппетейм А. Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1990.
Разговор господина с рабом // Всемирная галерея: Древний Восток. СПб.: Терция, 1994.
С великих небес к великим недрам // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Труд писцов, собратьев моих // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М.: Наука, 1991.
Штейнпресс Б. С., Ямпольский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ЕВРЕЕВ



Исторический Древней период истории евреев известен нам в основном **очерк** по Библии и небольшому количеству сохранившихся исторических трудов (в первую очередь по книгам Иосифа Флавия). Ряд событий этой истории (примерно с сер. II тыс. до н.э.) подтверждаются еще и по историческим источникам других народов, а также археологическими раскопками. Древние евреи были одним из семитских племен, обитавших на территории Древней Месопотамии и граничащих с ней областей.

Согласно Библии история собственно еврейского народа начинается с патриарха Авраама, которому явился Бог Яхве и заключил с ним *союз (завет),* по которому Авраам и все его потомки должны поклоняться Яхве (в знак чего над всеми мужчинами совершается обряд обрезания), а Яхве сделает их *избранным народом* и приведет в *Землю Обетованную.* Несколько столетий потомки Авраама, продолжая вести образ жизни скотоводов-кочевников, скитались по различным землям. Согласно Библии однажды (ориентировочно в XVI в. до н.э.), когда евреи находились недалеко от Египта, началась страшная засуха, и, спасаясь от нее, евреи пришли в Египет. Спустя несколько поколений (ок. XIV— XII вв. до н.э.) египетские фараоны изменили отношение к евреям и стали использовать их на тяжелых работах (испугавшись их плодовитости), а некий фараон приказал убивать всех еврейских младенцев мужского пола.

Именно к этому времени относится рождение *Моисея,* который почитается как подлинный основоположник *иудаизма* — религии евреев. Новорожденного Моисея родители сначала прячут, а затем подбрасывают в корзинке в Нил, в то место, куда часто приходила одна египетская царевна. Царевна забирает ребенка с собой и усыновляет его. Когда Моисей был уже взрослым, он однажды в гневе убивает египетского надсмотрщика, избивавшего тяжело работавшего еврея, и в страхе бежит из Египта в Мидиан. Там он женится на дочери жреца и проводит долгие годы. Там же, в пустыне, близ горы Харив (на Синайском п-ове), к нему является ангел — посланец Яхве и сообщает волю Бога: Моисей должен вернуться в Египет и вывести из плена свой народ. Моисей наделяется способностью творить чудеса. После многочисленных отказов, Моисей все-таки соглашается это сделать. Явившись к фараону, Моисей просит отпустить его народ в пустыню для совершения там жертвоприношений. Чудеса, творимые Моисеем, наконец убеждают фараона, и евреев отпус-

кают. После долгих скитаний по пустыне Моисей приводит свой народ к горе Синай. Взойдя на гору, он

получает от Яхве десять заповедей и ряд частных предписаний религиозного, юридического и морального характера, а во время следующего восхождения он получает указания об устройстве культовых объектов (ковчега завета, скинии и т.п.). За время отсутствия Моисея евреи, оставшиеся в лагере, совершают отступничество: из золота изготавливается статуя тельца *(золотой телец),* и ему начинают поклоняться. Вернувшись, Моисей сурово наказывает особо провинившихся и разбивает скрижали, на которых были записаны рукой Яхве заповеди; позднее он получает от Яхве новые. За свои грехи Моисей наказан тем, что ему не суждено войти в Землю Обетованную.

Уже после смерти Моисея под предводительством *Иисуса Навина* евреи вторгаются на территорию Палестины и захватывают ее. Постепенно совершается переход от кочевого к оседлому образу жизни, возникает государство, достигшее расцвета при *царе Соломоне* (ок. 965—928 гг. до н.э.), при нем же строится знаменитый *Иерусалимский храм* — Храм Соломона. После смерти Соломона государство распадается на два самостоятельных — Израиль и Иудею (со столицей Иерусалимом). Ок. 722 г. до н.э. Израиль захвачен Ассирией, в VI в. до н.э. вавилонский царь Навуходоносор, разбивший Ассирию, вторгается в Палестину и захватывает ее. Иерусалим был взят и разрушен ок. 587 г. до н.э. Большое количество евреев было угнано в плен *(Вавилонское пленение),* длившийся около 50 лет. Кир Персидский, захватив в 538 г. до н.э. Вавилон, отпускает евреев из плена и приказывает восстановить разрушенный вавилонянами Иерусалимский храм (отсюда начинается период Второго Храма). В IV в. до н.э. (ок. 334—332 гг. до н.э.) Александр Македонский, победивший персов, становится владыкой персидских владений на Ближнем Востоке и в том числе — Палестины. После его смерти Палестина оказывается во власти Птолемеев — правителей Египта, но Иудея обладает при этом самоуправлением. Ок. 200 г. до н.э. Селевкиды (Персия) отбирают Палестину у Птолемеев. В конце I в. до н.э. Палестина завоевана римлянами. В 66—70 гг. н.э. происходит первое иудейское восстание против римлян, в 132—135 гг. — второе и третье. В результате Иерусалим был разрушен, большое количество евреев покинули Палестину, начался период *диаспоры* (рассеяния), который продолжился до XX в., когда после Второй мировой войны было создано государство Израиль.

Религия и мифология

В истории религии древних евреев можно выделить несколько периодов. Для *древнейшего периода* (до Моисея) был, по-видимому, характерен культ родовых богов-покровителей (о родовых идолах — терафимах — упоминается, например, в рассказе об Иакове), имело место поклонение источникам, деревьям, горам; можно предположить, что древние евреи поклонялись и богам других народов, особенно тех, на территории которых проживали.

Второй период — это время распространения веры в единого Бога *(монотеизма),* что связано с деятельностью Моисея. Моисей (по библейской легенде) вырос при дворе египетского фараона, а именно в Египте фараоном Эхнатоном (XIV в. до н.э.) была впервые проведена реформа по утверждению

единобожия, и память об этой реформе наверняка сохранилась. До периода Вавилонского пленения культ Яхве хотя и был распространен среди евреев, но Яхве скорее выступает как племенной (национальный) бог, кроме него древ-ние евреи поклоняются и другим богам. В 621 г. до н.э. иудейский царь Иосия проводит религиозную реформу. По легенде во времена правления Иосии в храме была найдена Книга Второзакония (последняя в Пятикнижии Моисеевом), и в согласии с ней были предприняты меры по утверждению монотеизма и централизации культа Яхве: из Иерусалимского храма были удалены предметы культа всех других богов, кроме Яхве; запрещены жертвоприношения Яхве везде, кроме Иерусалимского храма, и т.п.

В *третий* — послепленный *период* (период Второго Храма) иудаизм складывается окончательно: утверждается монотеизм, проводится строгая централизация культа, производится отбор и редактирование священных книг (Ветхого Завета). Происходит становление церковной организации: возглавляет жречество Синедрион (собрание старейшин), а главой всего жречества является первосвященник. В этот же период в иудаизме усиливается идея *богоизбранности евреев.* Известно, что в I в. до н.э. — I в. н.э. в среде евреев существуют различные секты и направления: фарисеи, саддукеи, зелоты, ессеи, терапевты; среди представителей трех последних направлений получило широкое распространение учение об Учителе милосердия, многие черты этих вероучений сходны с христианскими.

Проживание в центрах эллинистической культуры и знакомство с греческой философией привело к попыткам философского осмысления и рационального истолкования священных текстов. В римский период широкое распространение получает *вера в мессию* — спасителя еврейского народа. В Талмуде (III—V вв.)появляется идея загробной жизни, райского блаженства, конца света и т.п. На формирование этих идей несомненно большое влияние оказал зороастризм — религия древних персов (учение о Боге и его антагонисте Сатане, учение о посмертной судьбе души, картины рая и ада, учение о приходе Спасителя и многие другие идеи талмудического иудаизма прямо восходят к зороастризму).

Уже в эллинистический период у евреев, проживавших вне Палестины, стали возникать синагоги — молитвенные дома и одновременно центры общинного самоуправления, которые получат всеобщее распространение в эпоху диаспоры, когда у евреев не осталось традиционного культового центра.

О сотворении мира В начале сотворил Бог небо и землю. **и грехопадении** Земля же была безвидна и пуста, и тьма над без**людей** дною, и Дух Божий носился над водою. И

сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.
И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.
И был вечер, и было утро: день один.
И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. (И стало так.)
И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом. (И увидел Бог, что *это* хорошо.) И был вечер, и было утро: день второй.
И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. (И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.)
И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо.
И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию *ее),* и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.
И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду (и по подобию) ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его (на земле). И увидел Бог, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.
И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли и) для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо.
И был вечер, и было утро: день четвертый.
И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. (И стало так.)
И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что *это* хорошо.
И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.
И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.
И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо.
И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.
И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.
И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами

морскими (и над зверями,) и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею,) и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.
И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам *сие* будет в пищу;
а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому (гаду,) пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, *дал* Я всю зелень травную в пищу. И стало так.
И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.
Так совершены небо и земля и все воинство их.
И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.
Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,
и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая

еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли;
но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.
И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.
И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.
И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.
Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.
Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;
и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.
Имя второй реки Гихон (Геон): она обтекает всю землю Куш.
Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.
И взял Господь Бог человека, (которого создал,) и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.
И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть;
а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.
И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.
ПО
Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.
И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.
И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.
И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.
И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа (своего).
Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть.
И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.
Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?
И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,
только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.
И сказал змей жене: нет, не умрете;
но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.
И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.
И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.
И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.
И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: (Адам,) где ты?
Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся.
И сказал (Бог): кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?
Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.
И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.
И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей;
и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.

Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.
Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;
терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою;
в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.
И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.
И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.
И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.
И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.
И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.
(Бытие. Гл. 1—3//Библия)

О потопе Как сейчас установлено, библейский миф о потопе восходит к аналогичному месопотамскому (см.:« Культура Древней Месопотамии»). Данный рассказ приводится в литературном переводе.

И вот, увидев, как много на земле зла человеческого и что все помыслы человеческие — одно лишь каждодневное зло, Господь пожалел, что сотворил на земле человека, и опечалился в сердце своем, и сказал:
— Сотру я с лица земли человека, которого сотворил, всех сотру, от людей до скотов, до гадов ползучих и птиц небесных, потому что мне жаль, что я сотворил их.
А Ной нашел милость у Господа. Вот родословие Ноя: Ной был в своем поколении человек праведный, беспорочный, о боге помнящий, и родил трех сыновей — Сима, Хама и Яфета. Но земля стала в глазах Бога растленна и полна кривды. И вот, увидав, что земля растленна, потому что всякая плоть извратила свой путь на земле, Бог сказал Ною:
— Пришел для меня конец всякой плоти, потому что из-за них земля наполнилась кривдой. Что ж, я погублю их вместе с землей. Сделай себе ковчег из крепкого дерева, устрой в нем отсеки и осмоли его внутри и снаружи. И ковчег сделай вот какой: длиной в триста локтей, шириной в пятьдесят локтей, а высотой в тридцать локтей. И сделай его сводчатым, с отверстием в один локоть вверху. И дверь в ковчег сделай сбоку, и сделай в нем три яруса: нижний, средний и верхний. А я налу-

щу на землю воды потопа, чтобы истребить под небесами всякую плоть, в какой только ни есть дыхание жизни, и погибнет все, что есть на земле. Но с тобою заключу я союз, и ты войдешь в ковчег, и с тобою войдут в него твои сыновья, твоя жена и жены твоих сыновей. И в ковчег ты возьмешь по паре от всяких животных и от всяческой плоти, чтобы они уцелели вместе с тобой, и пусть будут они мужского пола и женского. Ты возьмешь с собою по паре от каждого рода птиц, и от каждого рода скота, и от каждого рода гадов, что ползают по земле, чтобы они уцелели вместе с тобой. И всяческой пищи, какую только ни едят, возьмешь ты с собой и сложишь ее у себя, чтобы было чем кормиться тебе и им.
И Ной сделал все; как велел ему Бог, так он и сделал.
И Господь сказал ему:
— Ты и твои домочадцы — войдите в ковчег, потому что тебя я нашел праведным передо мной в этом поколении. Из всякого чистого скота возьми с собой по семи голов мужского и по семи женского пола, а из нечистого по две мужского и по две женского. Так же из птиц небесных чистых возьми по семи, а из нечистых по две, самцов и самок, чтобы сохранить семя для всей земли, потому что ровно через семь дней я буду лить на землю дождь сорок дней и сорок ночей и сотру с лица земли все сущее, что я создал.
И Ной сделал все, что ему наказал Господь. А было Ною шестьсот лет, когда полились на землю воды потопа. И, спасаясь от вод потопа, Ной вошел в ковчег с сыновьями, женой и женами сыновей. И парами чистый скот и нечистый, и птицы, и всякие твари, что ползают по земле, мужского пола и женского, взошли к Ною в ковчег, как велел ему Бог. И когда миновали семь дней, полились на землю воды потопа.
На шестисотом году жизни Ноя, в семнадцатый день второго месяца отворились все колодцы великой бездны и ставни неба открылись, и был на земле ливень сорок дней и сорок ночей. В тот самый день и

вошел в ковчег Ной, и Сим, и Хам, и Яфет, сыновья Ноя, и три жены его сыновей. Они и всякого рода звери, всякого рода скот, всякого рода гады, что ползают по земле, всякого рода птицы и всякая тварь летучая и крылатая — по паре, самец и самка, от всякой плоти, в какой только ни есть дыхание жизни, вошли к Ною в ковчег, как наказал ему Бог. И Господь затворил за ними ковчег снаружи. И сорок дней был потоп на земле, и вода, прибывая, подняла ковчег высоко над землей. И вода все прибывала и так поднялась на земле, что ковчег поплыл по воде. И вода поднялась на земле так, что покрыла все высокие горы подо всем небом. На пятнадцать локтей поднялась она над горами, покрыв их. И погибла всякая плоть, какая движется по земле, — и птицы, и скот, и звери, и все гады, что ползают по земле, и все люди. Умерло все, в чем было на суше дыхание жизни. Так стер он все сущее на земле. От человека до скота, до гадов ползучих, до птиц небесных — все было стерто с лица земли, и остался лишь Ной и те, что с ним были в ковчеге. И поднималась вода на земле сто пятьдесят дней.

113

Но вспомнил Бог о Ное и обо всем зверье и скоте, обо всех птицах и гадах ползучих, какие с ним были в ковчеге, и пустил ветер на землю, и вода стала спадать. И затворились колодцы бездны и ставни неба, и перестал ливень с небес. И стали воды уходить и возвращаться с земли, и когда миновало сто пятьдесят дней, схлынули воды. И в седьмом месяце в семнадцатый день месяца остановился ковчег на горах Араратских. А вода все уходила и спадала до десятого месяца. А в десятом месяце в первый день месяца стали видны вершины гор. А когда прошло сорок дней, Ной открыл окно ковчега, которое он сделал, и выпустил ворона, и тот вылетел и летал туда и обратно, покуда не высохла вода на земле. И он выпустил голубя от себя, чтобы узнать, сошла ли вода с земли. И голубь, не найдя опоры, на которую он мог бы ступить, возвратился к нему в ковчег, потому что вода покрывала еще всю землю. .И он протянул в руку, взял голубя и внес его к себе в ковчег. И, подождав еще семь дней, он снова выпустил голубя из ковчега. И голубь вернулся к нему под вечер, и вот — в клюве его свежая ветка маслины. И Ной узнал, что воды сошли с земли. И, подождав еще семь дней, он снова выпустил голубя, но тот больше не вернулся к нему. Итак, на шестьсот первом году жизни Ноя, в первый день первого месяца спала вода с земли. И Ной открыл крышку ковчега и видит: обсохло лицо земли. А во втором месяце, в двадцать седьмой день месяца земля высохла вовсе.

И тогда Бог сказал Ною такие слова:

— Выйди из ковчега — ты, и твоя жена, и твои сыновья, и жены твоих сыновей вместе с тобой. Всех зверей, какие с тобой, и всякую плеть из птиц и скота, и всяческих гадов, что ползают по земле, выведи вместе с собою, и пусть кишат по земле, и пусть плодятся и размножаются.

И Ной вышел, и его жена, и его сыновья, и жены его сыновей вместе с ним. И все звери, весь скот, все птицы и всякие гады, что ползают по земле, вышли из ковчега, все по родам своим. А Ной построил жертвенник Господу, взял по толике от всякого чистого скота и от всех чистых птиц и сотворил всесожжение на жертвеннике. И Господь почуял приятный запах, и сказал Господь про себя:

— Не буду я больше проклинать землю из-за человека, потому что помыслы человека с юности его злы. Не стану я больше поражать все живое, что я сотворил. Покуда земля стоит, не прекратятся посев и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь.

(Бытие // Поэзия и проза Древнего Востока. С. 551—554)

Из «Книги Иова» *Книга Иова* была создана, по-видимому, в послепленный период — V—IV вв. до н.э., хотя в религиозной традиции считается много древнее. Ниже из нее приводятся отрывки, в которых описываются *представления о загробном существовании.* Текст дается в литературном переводе.

114

Был человек в земле У ц, и звался он Иов; и человек этот был прост, и праведен, и богобоязнен, и далек от зла.

И родилось у него семеро сыновей и трое дочерей; имения же было у него семь тысяч овец, и три тысячи верблюдов, и пятьсот пар волов подъяремных, и пятьсот ослиц, и челяди весьма много. И был человек этот велик между всеми сынами земли восточной...

Далее рассказывается о том, как Сатана (Противоречащий) пришел к Богу, и Господь спросил:

«Приметило ли сердце твое
раба моего,
Иова?
Ведь нет на земле мужа, как он:
прост, и праведен,
и богобоязнен, и далек от зла!»

И ответствовал Господу Противоречащий, и сказал:

«Разве не за мзду богобоязнен Иов?
Не Ты ли кругом оградил его,
и дом его,

и все, что его?
Дело рук его Ты благословил,
разошлись по земле его стада.
Но — протяни-ка руку Твою,
дотронься до всего, что есть у него;
разве не похулит он Тебя
в лицо Тебе?» .
И сказал Господь Противоречащему:
«Вот — все, что его, в руке твоей;
лишь на него не простри руки твоей!»
Сатана губит всех детей Иова и все его богатства. Но и тогда не возроптал Иов. Далее Сатана по соизволению Бога поражает тело Иова страшными язвами.
После этого отверз Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов, и сказал:
«Да сгинет день, в который рожден я,
и ночь, что сказала: «зачат муж»!
День тот — да будет он тьма,
Бог с высот да не взыщет его,
да не сияет ему свет!..
Зачем не умер я при исходе из чрева
и не сгинул, выйдя из недр?
Зачем колени держали меня,
к чему питали меня сосцы?
115
Как недоноску, не жить бы мне,
как младенцам, что не зрели свет!
Тогда лежал бы я, дремля,
спал бы и был в покое,
среди царей и советных вельмож,
что зиждут себе строенья гробниц,
среди князей, у которых злато,
полнящих серебром домы свои.
Там кончается ярость злых,
там отдыхает, кто утомлен;
узники в кругу своем не знают тревог,
не слышат голоса палача;
малый и великий там равны,
пред господином волен раб.
На что Он дает страдальцу свет
и жизнь тому, кто душой удручен,
кто хочет смерти, и нет ее,
кто рад бы добыть ее, как клад,
до восторга бы возликовал
и восхитился, обретя гроб, —
мужу, чей путь скрыт,
кому поставил преграду Бог?..
Да, для дерева надежда есть,
что оно, — и срубленное, оживет
и побеги станет пускать вновь;
пусть одряхлел в земле корень его
и обрубок ствола омертвел в пыли —
чуть дохнет влагой, зеленеет оно,
как саженец, выгоняет ветвь в рост.
А человек умирает — и его нет;
отходит — и где его искать?
Если воды в озере пропадут,
иссякнет и высохнет ручей;
так человек — ложится, и не встанет вновь,

не проснется до скончания небес,
не воспрянет от своего сна.
О, пусть бы Ты в преисподней сокрыл меня и прятал, покуда не пройдет твой гнев, на время — а потом вспомнил меня! Но будет ли по смерти жив человек?
(Книга Иова. С. 554-583)

116

Философия

Строго говоря, в древнееврейской культуре, так же как и в древнемесопо-тамской, древнеегипетской и многих других, философии в подлинном смысле слова еще не существовало. Так, относительно Библии можно говорить только о зачатках философского мышления; к наиболее философским по своему характеру текстам Библии относятся Книга Иова (см. выше) и Экклесиаст (Екклесиаст), отрывки из которого представлены ниже. В эпоху эллинизма большое количество евреев поселяется в центрах эллинистической культуры, в частности, в Египте. Так, в Александрии существовала многочисленная колония евреев. Знакомство с греческой культурой неизбежно привело ряд образованных евреев к попытке применить идеи и методы греческой философии для лучшего понимания и истолкования иудаизма. Среди древнееврейских философов особенно известен Филон Александрийский (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.), предложивший метод аллегорического истолкования Библии (Ветхого Завета) и оказавший большое влияние на формирование христианской философии. В первые века н.э. в еврейской среде зарождаются религиозно-мистические учения — гностицизм и каббала, последняя получила особое развитие в эпоху Средневековья.

Из «Книги Экклесиаста»- Как считают современные ученые, *Книга Экклесиаста* (Проповедника) написана около III в. до н.э., об авторе ее ничего не известно.

Слова Проповедующего в собрании, сына Давидова, царя в Иерусалиме:
Суета сует, — сказал Проповедующий, — суета сует: все суета. Что пользы человеку от всех его трудов, над чем он трудится под солнцем?
Род уходит, и род приходит, а Земля остается навек. Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает, Чтобы там опять взойти;
Бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своем ветер,
И на круги свои возвращается ветер; Бегут все реки в море, — а море не переполнится, К месту, куда реки бегут, — Туда они продолжают бежать; Все — одна маята, и никто рассказать не умеет, — Глядят, не пресытятся очи, слушают, не переполнятся уши. Что было, то и будет, и что творилось, то творится, И нет ничего нового под солнцем. Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость! А уже было оно в веках, что прошли до нас. Не помнят о прежнем — так и о том, что будет, — О нем не вспомнят те, кто будут позднее.
117
Я, Проповедующий, царил над Израилем в Иерусалиме,
И предал я сердце тому, чтобы мудростью изучить и изведать
Все, что делается под небесами:
Тяжкую задачу дал бог решать сынам человека!
Видел я все дела, что делаются под солнцем,
И вот — все это тщета и ловля ветра:
Кривое нельзя расправить, и чего нет, нельзя исчислить!
Сам себе промолвил я так:
Вот я мудрость свою умножил более всех,
Кто был до меня над Иерусалимом,
И много видело сердце мое и мудрости и знанья.
Так предам же я сердце тому, чтобы мудрость познать,
Но познать и безумье и глупость, —
Я узнал, что и это — пустое томленье,
Ибо от многой мудрости много скорби,
И умножающий знанье умножает печаль.
(Книга Экклесиаст. С. 638-639)

Кабала (каббала) Кабала — это учение о причинно-следственной связи духовных источников, соединяющихся по постоянным и абсолютным законам в одну высокую цель — постижение Творца созданиями, существующими в этом мире...
Материя в своем многообразии видов и форм (минералы, растения, человек, краски, звуки и т.д.) — это лишь разные количества желания насладиться. Свет, идущий от Создателя, оживляет и наполняет материю. И первоначально — оба желания — насладиться (называемое сосуд) и насладить (называемый Свет) соответствовали по величине друг другу, то есть сосуд (желание

насладиться) получал максимальное наслаждение.
Но по мере уменьшения желания они оба (сосуд и наполняющий его Свет) постепенно сокращаясь, как бы удаляются от Создателя, пока не достигают наинизшего уровня, где желание насладиться окончательно материализуется. Разница между остальными мирами и нашим миром лишь в том, что в нашем мире сосуд, то есть желание получить наслаждение, находится на своей самой низшей ступени, называемой материальным телом.
До окончательной материализации сосуд проходит 4 уровня, делящиеся на 10 сфирот (ступеней): Кетэр, Хохма, Вина, Хэсэд, Гвура, Ти-фэрэт, Нэцвх, Ход, Ясод, Малхут, которые представляют собой фильтры, задерживающие идущий от Творца к созданиям свет. Их задача — ослабить свет настолько, чтобы населяющие наш мир могли его воспринять.
И хотя свет, находящийся в теле, уменьшен настолько, что человек не чувствует его источника, но, исполняя данные ему Создателем оп-
118
ределенные, изложенные в Торе правила, он, очищаясь, постепенно поднимается через все миры в обратном направлении. И по мере постижения более высших уровней, он получает и больше порции света, пока не достигает уровней, где может получить весь свет (абсолютное, бесконечное наслаждение), предназначенный ему еще с начала творения.
(Лайтман М. Кабала. Тайное еврейское учение. С. 18—23)
Кабалистические методы основываются преимущественно на особенностях еврейского алфавита, и, чтобы понять их, мы должны прежде всего начать с некоторых замечаний относительно еврейских букв. Еврейский алфавит состоит из 22 букв, которые в сущности все согласные; гласные обозначаются точкой под буквою. Но в древних писаниях нет этих гласных точек; отсюда следует, что различные слова обозначаются часто теми же самыми буквами (согласными), между тем как их произношение и смысл зависят от того, какие гласные буквы присоединяются к ним. Эта особенность, разумеется, очень помогала желанию кабалистов находить в словах новый смысл. Другое важное обстоятельство заключалось в том, что не было никаких особых знаков для чисел. Впрочем, в этом отношении еврейский язык сходен с большей частью языков древности; римские цифры тоже буквы, имевшие вместе с тем и определенное числовое значение. Подобным же образом пишутся цифры и на еврейском языке; каждая отдельная буква имеет определенное числовое значение, откуда и вытекает основной кабалистический закон: всякое слово есть число и всякое число есть слово. При кабалистических замещениях этот закон получил тем большее значение, что различные слова могли иметь одно и то же числовое значение; таким образом, если из двух таких слов подставить одно на место другого, то, в сущности, не произойдет никакого изменения, так как число будет то же самое, хотя смысл получится совершенно иной.
Метод замены буквенного значения числовым применен, как известно, один раз в Апокалипсисе, где в гл. XIII, ст. 18 говорится:
«Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Число 666 стоит здесь вместо одного имени, которое не должно быть названо, но может быть найдено, если подставить буквы, сумма которых имеет то же самое числовое значение. Предполагают, что скрытое имя в данном случае есть имя императора Нерона.
Наконец, заметим еще, что одни и те же буквы не всегда пишутся одними и теми же знаками: так буквы К, М, Н, П и Ц в конце слова пишутся иначе, чем в начале или в середине.
Кабалистические методы, с которыми мы хотим ближе познакомиться, мы разделим на три части: GMTRIA — гематрия; NVTRIQVN — нотарикон и ThMYRH — тамура.
119
Гематрия основывается на упомянутом уже числовом значении, которое имеет каждое слово; она состоит в том, чтобы одно слово заменять другим, равным ему по числовому значению. Такой прием распространяется также и на целые предложения.
Так, например, буква шин (ш) имеет числовое значение 300; можно получить то же самое число, если сложить числовые значения букв в словах РВХ АЛХЮМ, руах элэгхим, т.е. «дух Господа». Поэтому буква «ш» признается символом «духа Господа». Этот образец счета легко выводится с помощью таблицы: Р = 200, В = 6, Х = 8, А = 1, Л = 30, Х = 5, Ю = 10, М = 40; сложивши эти числа получим 300. Таким точно образом слова АХД, эход, т.е. единство, и АХВХ, агув, т.е. любовь, каждое по сумме числовых значений равно 13, почему одно из этих слов употребляется вместо другого. Дальнейшим примером может служить попытка посредством гематрии найти имена трех ангелов, посетивших Авраама в роще мамврийской. В первой книге Моисея (XVIII, 2) имеется: ВХНХ ШЛШХ, «вейенна шэлигла», т.е. «я вижу трех мужей». Сумма числовых значений этих

двух слов составляет 701, и то же самое число получается сложением числовых значений следующих букв: АЛВ МОКАЛ ГБРЮАЛ ВРПАЛ, Эло Михаэл Гавриэл вэ Рэфуйэл, которые означают: «они есть Михаил, Гавриил и Рафаил». Мы привели здесь пример того, какая глубокая тайна — в данном случае имена ангелов — может быть скрыта в словах, по-видимому, совершенно простых. Этих примеров довольно, чтобы показать сущность и значение гематрии.
(Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. С. 98—99)
Нотарикон — это метод развертывания слова в предложение, когда каждая буква исходного слова понимается как первая буква слова в составляемом предложении. Тамура — это метод замены одних букв в слове другими по определенной системе.

Государство и право

Период становления централизованного государства носит название «эпоха судей» (примерно XII—XI вв. до н.э.): в это время каждое из двенадцати колен Израилевых управлялось своими старейшинами, но выше авторитета старейшин был авторитет судей, которые считались боговдохновенными. Монархия возникает около 1000 г. до н.э., первым царем был Саул, следующим — Давид, а затем его сын — Соломон (ок. 965—928 гг. до н.э.), при котором государство достигло своего расцвета.
Источником законов, как и в других древних культурах, считался Бог: Моисей получает от Яхве скрижали, с записанными на них рукой Бога законами; в Торе выделяются 10 заповедей и 613 законов.
120
Десять заповедей И изрек Бог к Моисею все слова сии, говоря:
Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.
Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим.
Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.
Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,
И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.
Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.
Помни день субботний, чтобы святить его.
Шесть дней работай, и делай в них всякие дела твои;
А день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих.
Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмый почил.
Посему благословил Господь день субботний и освятил его.
Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.
Не убивай.
Не прелюбодействуй.
Не кради.
Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего...
Законы Кто ударит человека так, что он умрет, да будет пре-
дан смерти.
Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце.
А если кто с намерением умертвит ближнего коварно и прибежит к жертвеннику, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.
Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.
Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.
Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти.
Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,
Обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.
Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его: пусть отпустит их на волю за глаз.
121
И если выбьет зуб рабу своему или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.

Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями, и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват.
Но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, был извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти.
Всякий скотоложник да будет предан смерти.
Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен.
Пришельца не притесняй и не угнетай его; ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской.
Ни вдовы, ни сироты не притесняйте;
Если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их,
И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами.
Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста.
Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, — до захождения солнца возврати ее,
Ибо она есть единственный покров у него; она — одеяние тела его: в чем будет он спать? Итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу; ибо Я милосерд.
Судей не злословь и начальника в народе твоем не поноси.
Не медли приносить Мне начатки от гумна твоего и от точила твоего; отдавай Мне первенца из сынов твоих;
То же делай с волом твоим и с овцою твоею. Семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмый день отдавай их Мне.
(Исход. Т.1.С.94-97)

Письменность и книги

Древнееврейская письменность возникла на основе западно-семитского письма. На раннем этапе оно носило иероглифический характер, затем становится слоговым (без обозначения гласных), затем были введены точки как особые знаки для указания на гласные. Писали справа налево, записи делали обычно на папирусе, дереве, коже, иногда — на глиняных табличках (скрижалях).
В новозаветное время наряду с папирусом широко использовался пергамент, кроме того, книги иногда изготавливались в виде кодекса. Кодекс соответствует современной форме книги, в ней отдельные листы, исписанные с обеих сторон, соединялись в один том. Свитки представляли собой склеенные друг с другом папирусные листы, обычно число их доходило до 20, каждый длиной 25 см. Самый длинный из известных свитков насчитывал 41м.
(Большой путеводитель по Библии. С. 254)
122

Школа и обучение

Уже в период Второго Храма, когда происходят отбор и редактирование священных книг, возникает необходимость в книжниках — ученых людях, знатоков текстов. В начале периода диаспоры (III—V вв.) в ряде мест, и прежде всего в Персии (Вавилон и соседние территории), возникают центры ев- , рейской учености. Позднее изучение священных книг (и в особенности Торы) превращается в религиозную обязанность каждого еврея. Приводимые ниже тексты относятся к эпохе гораздо более поздней, чем древний мир, но подобное отношение к знаниям и вероучению зарождалось еще в древности.
Р(ава) Иегуда Несия сказал: Нельзя отвлекать детей от школы даже для постройки храма. Реш-Лакиш прибавляет: Вот что дошло до меня по преданию от предков моих: город, в котором дети не посещают школ, должен быть предан проклятью...
Рава сказал р(аве) Самуилу с(ыну) Шилата: До шести лет не принимай (в школу); с этого возраста и далее принимай и корми его (мальчика) учением, как быка; когда же наказываешь дитя, то наказывай только башмачной завязкой; если он учится, пусть учится; если же не учится, то подсади его товарищем к другому...
Рава сказал: число учеников у первоначального учителя должно быть двадцать пять, а если их 50, то следует взять двух учителей, если же их 40, то надо назначить помощника и дать ему пособие от города...
Р. Элеазарх сказал: Кто не дает ученому пользоваться из своего достояния, тот никогда не увидит проку в последнем...
На всяком Израильтянине лежит обязанность учиться закону; бедный и богатый, наслаждающийся здоровьем и одержимый недугом, юноша и дряхлый, изможденный старик, даже такой, который питаясь милостыней, ходит по миру, или вообще человек, обремененный семейством — всякий обязан посвящать известное время дня и ночи на изучение закона...
Доколь еврей обязан учиться закону? По день смерти своей...
(Мировоззрение талмудистов. С. 124—128)

Литература

В литературе древних евреев, как и других древних народов, можно выделить литературу сакральную и профаническую. Древние сакральные тексты (XII—V вв. до н.э.) в период Второго Храма были сведены в единую книгу — *Ветхий Завет* (в христианской традиции являющуюся первой частью Библии) и отредактированы. Сердцем Ветхого Завета является Тора (Закон) — в христианской традиции называемые Пятикнижием Моисеевым, поскольку авторство этих книг приписывается Моисею.

В III—II вв. до н.э. в Александрии по приказу Птолемея для проживавших там евреев (забывших еврейский язык) был сделан перевод этих священных

123

книг на греческий язык. Перевод получил название «Ссптуапшта» (Семьдесят): по преданию, над переводом работало 72 человека (по шесть от каждого из 12 колен Израиля); согласно легенде они все работали по отдельности, но когда сверили переводы — они совпали буква в букву. Септуагинта легла в основу христианского текста Ветхого Завета, она содержит ряд книг, которые не вошли в еврейский канон (Палестинский канон).

Позднее — в III—V вв. н.э. — сформировалась еще одна книга, признанная священной, — *Талмуд*. Эти книги высоко почитались, постоянно переписывались и поэтому сохранились. Кроме того, в наше время случайно были найдены священные книги секты ессеев *(Рукописи Мертвого моря)*. Из светской литературы сохранились книги крупнейшего еврейского историка Иосифа Флавия.

О Ветхом Завете Состав еврейской Библии установлен Ямнийским собором раввинов ок. 100 г. Этот так называемый палестинский канон делится на три группы: книги закона (Бытие, Исход, Числа, Левит и Второзаконие), книги пророков (ранние: Иисуса Навина, Судей, Царств; поздние: Исайи, Иеремии, Иезекииля, книга двенадцати малых пророков) и писания (Псалтирь, книги Иова, Притчей, Плачей, Руфь, Песни песней, Екклесиаста, Есфирь, Даниила. Езд-ры, Неемии и Паралипоменон). В установление раввинов заложены два критерия. Во-первых, в каноне должны находиться только переданные на еврейском языке книги и, во-вторых, они должны ограничиваться, по замыслу, временем откровения и восстановления еврейской общины в Иерусалиме после вавилонского плена при Ездре и Неемии.

[vi]

(Большой путеводитель по Библии. С. 72)

Из «Песни песней» Тексты, вошедшие в Ветхий Завет, создавались на протяжении многих веков. Они весьма различны и по содержанию, и по языку. Среди них есть тексты поэтические, прозаические и написанные ритмизованной прозой. Так как в предыдущих разделах приводилось много текстов религиозно-философского характера, то здесь мы даем отрывки из, пожалуй, самого удивительного для священной книги текста -*Песни песней.*

Как полагают исследователи, Песнь песней представляет собой собрание свадебной лирики, возникшее не ранее IV в. до н.э., хотя часть ее текстов много древнее. В религиозной традиции авторство ее приписывается царю Соломону. В иудейском богословии она трактуется как песнь о любви между Яхве и его богоизбранным народом, в христианстве — как песнь о любви Христа и Христианской церкви. Текст приводится в литературном переводе.

— Как прекрасна ты, милая,
как ты прекрасна —
твои очи — голубицы
Из-под фаты,
Твои волосы — как козье стадо,

124

что сбегает с гор гилеадских,
Твои зубы — как постриженные овцы,
возвращающиеся с купанья,
Родила из них каждая двойню,
и нет среди них бесплодной,
Как багряная нить твои губы,
и прекрасен твой рот,
Как разлом граната твои щеки
из-под фаты,
Как Давидова башня твоя шея,
вознесенная ввысь,
Тысяча щитов навешано вкруг, —
все щиты бойцов,
Две груди твои — как два олененка,
как двойня газели, —

Они блуждают меж лилий.
Пока не повеет день,
не двинутся тени,
Я взойду на мирровый холм,
н,а гору благовоний, —
Вся ты, милая, прекрасна,
и нет в тебе изъяна...
— Милый бел и румян,
отличен из тысяч:
Лицо его — чистое золото,
кудри его — пальмовые гроздья,
черные, как ворон,
Очи его, как голуби
на водных потоках,
Купаются в молоке,
сидят у разлива,
Щеки его, как гряды благовоний,
растящие ароматы,
Губы его — красные линии,
капающие миррой текучей,
Руки его — золотые жезлы,
унизанные самоцветом,
Живот его — слоновая кость,
обрамленная темно-синим каменьем,
Ноги его — мраморные столбы,
поставленные в золотые опоры,
Облик его — как Ливан,
он прекрасен, как кедры,
125
Небо его — сладость,
и весь он — отрада!
Таков мой милый,
таков мой друг,
Девушки Иерусалима!..
— Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!
Ибо любовь, как смерть, сильна,
Ревность, как ад, тяжка,
Жаром жжет, —
Божье пламя она —
И не могут многие воды любовь погасить,
Не затопить ее рекам, —
Кто ценою своего достояния станет любовь
покупать,
Тому заплатят презреньем.
(Песнь песней. С. 630—637)

О Талмуде С четвертого по двенадцатый век нашей эры в самом сердце империи Сасанидов — бывшей Парфии, еще раньше Селевкии, еще раньше Персии, а еще раньше Вавилонии — процветали три уникальных центра еврейского образования — в Суре, Пумбедите и Нехардее. Эти аристократические иешивы, или академии, сыграли в еврейской жизни ту же интеллектуальную роль, какую Оксфорд, Гарвард и Сорбонна играют сегодня в жизни Запада... Здесь еврейское мышление выкристаллизовалось в свод знаний, известный ныне под названием Талмуд («Учение»)...

Талмудическое образование, или талмудизм, достигло трех результатов: оно изменило понимание Яхве; оно изменило природу еврейства; оно преобразовало характер еврейского самоуправления. Пророки трансформировали Яхве в Бога справедливости и нравственности, в Бога милосердия и праведности. Талмудисты же ввели Бога в повседневную жизнь, потребовав, чтобы все поступки

евреев были согласованы с пророческим представлением о Нем...
Семена талмудизма взошли незаметно. Его идея берет начало в пятом веке до нашей эры, когда два персидских еврея, Эзра и Нехемия, канонизировали Пятикнижие Моисеево. Тем самым они положили конец всем дальнейшим откровениям. В сущности, они предположили, что Бог и Моисей уже сказали все, что хотели, и поэтому никакие новые Божественные законы появиться не могут...
Толкование Торы возникло случайно и непреднамеренно. Эзра и Нехемия постановили, что во время чтения Торы в синагоге специальные толкователи должны объяснять слушателям трудные и непонят-
126
ные места. Трудности, однако, возникли вовсе не там, где их предполагала эта пара еврейско-персидских реформаторов. Слушатели не стали докапываться, что означает то или иное слово или фраза. Они допытывались, как применить устаревшие указания Пятикнижия к текущим, изменившимся потребностям жизни.
Кто может устоять перед искушением прослыть мудрецом? Польщенные похвалами уму, который им приписывали, толкователи Закона начали искать ответы на выдвигавшиеся перед ними вопросы. Самые искусные становились самыми популярными. Подобно своим современникам — греческим философам IV—V вв. до н.э., — толкователи Торы стали состязаться друг с другом на рынке идей, стремясь завоевать внимание слушателей. Они не отговаривались тем, что Пятикнижие не рассчитано на запросы повседневной жизни. Напротив, они стали утверждать, что Тора не только содержит все ответы, но даже предвидит все возможные вопросы. Нужно только как следует порыться в заповедях, чтобы понять Божественную мудрость.
(Даймонт М. Евреи, Бог и история. С. 211—216)
...Талмуд — огромный кодекс религиозно-юридических правил житейской и вероисповедной мудрости. Талмуд был составлен в III—V вв. в среде вавилонских и палестинских евреев. Он состоит из двух основных частей: более ранняя Мишна — обширное «повторение», т.е. толкование, закона — и позднейшая Гемара — толкование толкования. То и другое распадается в свою очередь на Галаху (свод законов и ритуальных правил) и Агаду (легенды, притчи, юридические казусы и пр.). Мишна написана на древнееврейском языке, Гемара — на арамейском, который в то время был разговорным языком восточных евреев. Талмуд сохранился в двух параллельных редакциях: иерусалимской (Иеру-шалми) и вавилонской (Бабли). Позже, в VI—X вв., к Талмуду были добавлены еще различные комментарии — Мидраши.
(Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 374—375)
Из «Агады» О Еве
«И Господь образовал Еву из ребра Адама».
Рассудил Господь так:
— Не сотворю ее из головы его, дабы она не была высокомерной; не из глаза его — чтобы она не была любопытной; не из уха — чтобы не подслушивала; не из уст — чтобы не была болтливой; не из сердца — чтобы завистливой не была; не из рук — чтобы не была любостяжатель-ной; не из ног, — чтобы не была праздношатающейся.
Из ребра — скромной и скрытой части тела — сотворил Господь женщину и, по мере образования каждого из членов тела ее, приговаривал: «Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!»
127
Однако же ни от одного из пересчитанных недостатков несвободна женщина...
* * *
— Ваш Бог — вор, — сказал кесарь рабан Гамлиелю, — усыпил Адама и у сонного ребро украл.
— Позволь мне, отец, — сказала дочь р. Гамлиеля, — ответить вместо тебя.
И, обращаясь к кесарю, продолжала:
— Я требую правосудия: прошлой ночью к нам забрались воры и, похитив серебряный кубок, оставили нам кубок из чистого золота.
— О, если бы каждый день посылали нам боги подобных воров! — воскликнул кесарь.
— Так дурно ли было для Адама, что взамен ребра ему дана была женщина?
Овине
Посадил Ной первую виноградную лозу. А Сатана пришел и спрашивает:
— Что будет из этой посадки?
— Виноградник, — ответил Ной.

— Не желаешь ли взять меня в компаньоны?
Ной согласился. Что же сделал Сатана? Привел к винограднику овцу, льва, обезьяну и свинью и, заколов их, поочередно полил виноградник их кровью.
Человек, пьющий вино, обнаруживает поочередно же природные свойства всех названных тварей: вначале он кроток как овечка, потом становится отважным как лев, по мере опьянения начинает кривляться как обезьяна, и, наконец, валяется в грязи подобно свинье.
Все это произошло и с праведным Ноем.

Юмористические рассказы

Некий афинянин, находясь в Иерусалиме, дал ребенку несколько мелких монет и сказал:
— Иди, купи и принеси мне такого кушанья, чтобы я поел, насытился и, что останется, мог взять в дорогу.
Ребенок пошел и принес ему соли.
— Вот, — сказал он, — то, что ты велел купить: клянусь, ты и поешь, и насытишься и чтобы в дорогу взять останется.
* * *
— Зашей, — сказал афинянин портному-иудею, подавая расколотую ступку.
— Скрути нитку, — ответил портной, высыпая перед ним горсть песку.
(Агада. С. 13,21,181-182)

128

Иосиф Флавий *Иосиф Флавий* (I в. н.э.) — крупнейший древнееврейский историк. Две его сохранившиеся книги — «Иудейская **лима римлянами** война» и «Иудейские древности»— это практически единственный (кроме Библии) литературный источник по истории еврейского народа. Иосиф Флавий был не только очевидцем, но и участником первого иудейского восстания против римлян.

О **взятии Иеруса-**

Внутри города тем временем происходил спор партий, не соглашавшихся между собой относительно дальнейшего образа действий: одним казалось лучше всего отдать город Помпею, другие же, именно приверженцы Аристовула, советовали запереться в городе и воевать, так как Аристовула держат под стражей. Затем последние предупредили первых, заняли храм и уничтожили мост, который ведет от него к городу; они решились вполне выдержать осаду. Прочие жители впустили (римское) войско и передали Помпею город и царский дворец.
Тогда Помпеи послал своего военачальника Пизона с войском для занятия города и дворца и для того, чтобы укреплять дома вблизи и около храма. Сперва он еще предложил заключившимся в храме мирные переговоры, когда же те не приняли его предложения, он окружил стеной все окрестности храма, причем Гиркан охотно помогал ему во всем. Помпеи между тем на заре расположился лагерем вблизи северной части святилища, там, где его легче всего можно было взять. Впрочем, и здесь воздымались огромные башни и был проведен ров по ту сторону глубокого ущелья. Сторона, направленная к городу, представляла из себя крутой обрыв, после того как был разрушен мост, около которого расположился Помпеи, и вал ежедневно подвигался лишь туго вперед, причем римлянам приходилось вырубать окрестные леса. После того как вал достиг достаточной вышины и глубокий ров был более или менее засыпан, Помпеи придвинул привезенные из Тира осадные орудия и снаряды и, поместив их (на валу), стал осыпать святилище градом камней. Если бы закон наш не повелевал нам не работать по субботним дням, то вы не достиг бы своей вышины, потому что этому воспрепятствовали бы осажденные; дело в том, что закон разрешает отражать наступление и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предприятию неприятелей.
Когда римляне заметили это, то они по субботам перестали обстреливать иудеев или вступать с ними в бой, но занимались насыпанием валов и сооружением башен, либо придвигали осадные орудия, чтобы на следующий день иметь их под рукой в полной исправности. В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утром и около девятого часа, приносили свои жертвы на алтаре и не прекращали этих своих жертвоприношений даже в тех случаях, когда в деле защиты храма от нападений иудеи терпели какую-нибудь не-

129

удачу. Так, например,... в то время, как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители тем не менее не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов...

Когда вследствие ударов подведенного тарана рушилась величайшая башня и образовалась некоторая брешь, враги толпой влились (за стену)... Тогда все преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом, погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного-Сильное поругание постигло тогда и святилище, которое до этого было закрыто и невидимо. Дело в том, что туда проникли Помпеи и немалое число его товарищей, и узрели то, что не было разрешено видеть никому, кроме первосвященников. Несмотря на то, что он нашел здесь золотую трапезу со светильником, жертвенные чаши и множество курений, да, кроме того, в казне еще около двух тысяч талантов священных денег, он, в силу своего благочестия, ничего этого не тронул, но поступил так, как того и следовало ожидать от его добродетели...
Иерусалим он заставил платить дань римлянам, те же города Келе-сирии, которые прежде находились в зависимости от жителей Иерусалима он занял сам и подчинил их своему собственному полководцу, народ же весь (иудейский), дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он втиснул обратно в пределы его страны.
Виновниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристовул, ссорившиеся между собой. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам, теперь нам пришлось поневоле вернуть сирийцам страну, которую мы отняли у них силой нашего оружия; кроме того, римляне в короткое время получили с нас более десяти тысяч талантов, а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из простонародья.
(Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2. С. 57—59)

Музыка

В древнееврейской культуре музыка занимала важное место. В Библии сохранился ряд текстов, которые в свое время пелись, — это прежде всего Песнь песней, Псалмы и т.п. Известно, что в храмах было много певцов и музыкантов.

130

О музыкальных В храме находились сохранившиеся со времен Мо-инструментах исея следующие предметы:

в Храме Соломона Лоза. У входа в Святилище стояла, подвязанная на тычинки золотая лоза виноградная, и каждый, кто жертвовал в храм золотые изделия в виде листка, ягоды или целой кисти, вешал свой дар на эту лозу.

По преданию от раби Елазара бераби Садок — тяжесть этой лозы дошла до того, что когда встретилась надобность сдвинуть ее с места, для этого потребовались усилия трехсот священников.

Флейта из тонкого, отполированного тростника. Флейту эту царь приказал покрыть золотой отделкой, после чего она потеряла чистоту звука; сняли золото — и флейта стала звучать мелодично по-прежнему.

Колокольчик медный, прекрасного звука. Слегка попорченный, он отдан был в починку лучшим александрийским мастерам, но после этого потерял чистоту звука; уничтожили сделанные исправления — и звук стал чист по-прежнему.

Ступка медная, употреблявшаяся при образовании состава священных фимиамов. После починки ее теми же мастерами, состав фимиа-мов стал получаться хуже прежнего; уничтожили исправления — и ступка стала действовать по-прежнему.

Было еще в храме музыкальное орудие магрефа, род органа с набором из десяти труб, каждая из коих звучала на десять различных тембров, так что в общем орган звучал на сто тембров.
(Агада. С. 167-167)

Архитектура и строительство

Самым знаменитым архитектурным сооружением древних евреев был Иерусалимский храм — Храм Соломона, известный в основном только по описаниям. Строительство храма началось в 961 г. до н.э. и продолжалось семь лет. В 587 г., когда Иерусалим был захвачен халдеями (вавилонянами), по приказу царя Навуходоносора храм был разрушен. После того как евреи были отпущены из вавилонского плена персидским царем Киром, храм был восстановлен (538 г. до н.э.); в 515 г. до н.э. этот храм (Второй храм) был освящен. В 19 г. до н.э. по приказу царя Ирода Великого это здание было снесено, а на его месте возведен новый — Третий храм (строительство окончено только в 64 г. н.э.). В 70 г., во время первого иудейского восстания, когда римляне захватили Иерусалим, храм был частично разрушен; окончательно он был разрушен в 135 г., во время второго иудейского восстания. В эпоху Средневековья на его фундаменте была выстроена существующая до сих пор мусульманская Мечеть Скалы.

Храм Соломона Он был воздвигнут на том месте, где Давид после переписи народа принес жертву Господу... По преданию, это место соответствует горе Мориа, где Авраам должен был

принести в жертву своего сына Исаака. Мусульмане также считают это место святым (сегодня Храмовая гора является мусульманской святыней), так как, по их преданию, Мухаммед вознесся на небо со скалы, на которой Авраам хотел принести в жертву Исаака-Храм Соломона был около 31м длиной, 10 м шириной и 15 м высотой, его общие размеры, включая пристройки, составляли 52 м в длину и 27 м в ширину. Храм был с трех сторон обнесен трехъярусным ограждением, в котором находились помещения для хранения ценностей, утвари и продовольствия. Сам храм выступал над ограждением таким образом, что были видны маленькие окна с железными решетками. Плоская крыша была изнутри облицована кедром. Храм в целом состоял из притвора, дома Божьего и Святого святых. В доме Божьем стояли жертвенник или Золотой алтарь, по обеим сторонам — по 5 золотых светильников и по 5 столов с хлебами предложения. В Святом святых хранился ковчег завета, украшенный двумя позолоченными херувимами резной работы. Их крылья смыкались над ковчегом. Перед этим величественным сооружением... находились 2 передних двора; во внешний двор мог войти каждый, тогда как расположенный немного выше внутренний двор предназначался исключительно для священников. Во внутреннем дворе стояли медный жертвенник, медное море (для омовения священников), десять передвижных омывальниц и два медных столба, справа и слева от входа в храм. Во времена царя Соломона этот храм был главной святыней Израиля и Иудеи.
(Большой путеводитель по Библии. С. 452—453)

Иерусалимский По западную сторону в храмовой стене было четве- храм, построен- ро ворот, одни из которых выходили в сторону цар-ный Иродом ского города, находившегося по другую сторону до-
Великим (в лины, двое других — на предместье и, наконец, че-
описании Носи- рез четвертые можно было войти непосредственно в фа Флавия) город. Люди спускались в долину и поднимались из
нее при помоши большого количества ступеней. Город, находившийся внизу прямо против храма и ограниченный с юга глубоким ущельем, создавал впечатление театра. В середине южной части храмовой стены находились ворота и тройной царский портик, протяженность которого была ограничена размерами долины с запада на восток. Кроме того, на самой вершине холма был воздвигнут зал огромной высоты. Он был настолько высок, что всякого, кто пытался, находясь на его крыше, охватить взором долину, простиравшуюся внизу, охватывало головокружение, прежде чем его взгляд достигал дна. Прямо против зала по всей его длине были сооружены четыре ряда колонн. Четвертый ряд колоннады был встроен в каменную стену. Толщина каждой колонны была настолько велика, что трое людей, взявшись за руки, едва могли ее обхватить. Высота колонны достигала

27 футов, причем каждая опиралась на двойную базу. Всего колонн было 162. Капители были выполнены в коринфском стиле и представляли собой истинное произведение искусства... Фронтоны были украшены инкрустированными в дерево скульптурами; средний фронтон был выше двух других. Спереди на капителях находился каменный аттик, украшенный маленькими колоннами и отполированный настолько, что всякий, кто его ни разу не видел, и представить себе не мог, насколько он прекрасен, а тот, кто видел его впервые, застывал на месте от изумления. Таким образом, было устроено первое наружное ограждение храма. Внутри, недалеко от первого, находилось второе ограждение, куда можно было подняться по ступеням. Оно представляло из себя каменную стену, на которой была надпись, гласившая, что всякого чужака, вошедшего туда, ожидает смерть. В этом внутреннем ограждении храма было трое равноудаленных друг от друга ворот, выходивших на северную и южную стороны, и большие ворота, выходившие на восток, через которые имел право пройти вместе со своей женой всякий чистый мужчина. Однако ни при каких обстоятельствах женщины не имели доступа к святилищу, находившемуся там. Наконец, было еще третье внутреннее помещение, куда имели доступ только священники. Здесь собственно и находился храм, а перед ним алтарь, на который мы приносили Богу жертву всесожжения.
(Большой путеводитель по Библии. С. 454)

Изобразительное искусство

Изобразительного искусства у древних евреев практически не существовало, так как по религиозным соображениям запрещалось любое изображение живых существ («Не сотвори себе кумира!»). Этот запрет обычно связывается с поклонением золотому тельцу (см. Исторический очерк).

Быт и нравы

Жилище После завоевания Палестины и перехода к оседлому об-
разу жизни древние евреи строят себе дома такого же типа, что и у завоеванного хананейского населения. Деревянные дома строились редко; преобладали глинобитные или сырцовые постройки, причем форма кирпича была весьма разнообразной. Жилые дома имели обычно невысокий каменный фундаментдля защиты стен от почвенной сырости. Обычный план хананейских до-
133
мов черезвычайно близок плану домов в Двуречье: жилые и хозяйственные постройки располагались вокруг внутреннего двора...

Полы жилых домов делались обычно глинобитными, в редких случаях они выкладывались из каменных плит. В центральной комнате с отверстием в потолке устраивался очаг, а в более бедных домах простая яма для варки пищи; иногда, кроме того, и хлебная печь. В больших помещениях перекрытия поддерживались, помимо стен, еще сырцовой или деревянной опорой. Как и в Египте, в жаркое время года крыши обычно служили в качестве террасы.

Небольшая постройка освещалась через двери. Дома с несколькими помещениями имели окна; одним из признаков богатого дома или дворца были большие окна. «Верхние комнаты», т.е. вторые этажи, имелись только во дворцах и наиболее зажиточных домах Ханаана.

(Всеобщая история архитектуры. Т. 1. С. 121)

Семья Из Библии мы знаем, что во времена патриархов и много
позднее у евреев имело место многоженство. Известно, что у царя Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Трудно сказать точно, когда брак стал моногамным, но уже в середине I тыс. до н.э. единобрачие провозглашалось как наилучшая форма брака.

Брак не носил религиозного характера и был частным делом двух породнившихся семей. Обычно отец выбирал своему сыну невесту, за которую ее отцу отдавалась условленная плата. Невеста получала от своего отца приданое, которое оставалось ее собственностью, так же как и подарки, полученные ею от жениха. Смысл брака видели прежде всего в детях — особенно мужского пола. Многодетность считалась благословением Божьим, бездетность — несчастьем, позором и наказанием.

Ради Торы

Р(абан) Акиба подарил своей жене золотое запястье. Увидала это жена рабан Гамлиеля и, мучимая завистью, пришла и рассказала о запястье своему мужу.

— Друг мой, — заметил ей рабан Гамлиель, — а подражала ли ты жене р(абан) Акиба в то время, когда она косы свои отрезывала и продавала, чтобы дать возможность мужу спокойно заниматься изучением Торы?

(Агада. С. 230)

Пища В иудаизме имеют место множество предписаний отно-
сительно дозволенной и недозволенной пищи. Один из самых строгих запретов относился к употреблению в пищу крови: есть разрешалось только обескровленное мясо. В основном предписания перечисляются в книгах Левит (Глава XI) и Второзаконии (Глава XIV). Некоторые из них приводятся ниже.
134

И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря им:

Скажите сынам Израилевым: вот животные, которые можно вам есть из всего скота на земле:

Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на копытах глубокий разрез, и который жует жвачку, ешьте;

Только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас.

И тушканчика, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены; нечист он для вас;

И зайца, потому что он жует жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечист он для вас;

И свиньи, потому что копыта у нее раздвоены и на копытах разрез глубокий, но она не жует жвачки, нечиста она для вас;

Мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь; нечисты они для вас.

Из всех животных, которые в воде, ешьте сих: у которых есть перья и чешуя в воде, в морях ли, или реках, тех ешьте...

Потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришлец, живущий между вами, не должен есть кровь.

Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечеть крови ее и покрыть ее землею.

Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его; всякий, кто будет есть ее, истребится.

(Левит. Т. 1. С. 133, 140)

Литература
Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. М: Раритет, 1993.
Архитектура древнего мира / Под ред. В.Н. Владимирова, М.Я. Гинзбурга, И.Л. Маца, С.И. Сахарова. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1944.
Большой путеводитель по Библии. М.: Республика, 1993.
Бытие // Библия. М.: Изд-во Московской патриархии, 1990.
Бытие // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Второзаконие // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Г. Доре: В 2 т. Л.: Изд. объединение «АККА», 1990.
Даймонт Микаэлъ. Евреи, Бог и история. М.: Изд-во Библиотека-Алия, 1994.
Иллюстрированная история суеверий и волшебства / Сост. д-р Леманн. Киев: Украина, 1993.
Иосиф Флавий. Иудейские древности: В 2 т. М.: Крон-Пресс, 1996.
Исход // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Г. Доре: В 2 т. Л.; Изд. объединение «АККА», 1990.
Книга Иова // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
135
Книга Экклесиаст // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит.,
1973.
Лайтман М. Кабала. Тайное еврейское учение (Основные положения в доступном пересказе). Новосибирск: Интербук и ассоциация «Спешите делать добро», 1993.
Левит // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Г. Доре: В 2 т. Л.: Изд. объединение «АККА», 1990.
Мировоззрение талмудистов. Свод религиозно-нравственных поучений в выдержках из главнейших книг раввинской письменности. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994.
Песнь песней // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ИРАНА

Исторический очерк

В конце IV — начале III тыс. до н.э. на территории западного Ирана зародилась древнейшая в данной местности цивилизация *эламитов,* народа, язык которого родствен протодравидскому языку, т.е. языку народов, живших в Индостане. Позднее сюда проникают народы индоиранской языковой группы, называвшие себя *ариями.* Отсюда и происходит само название «Иран» — сокращенная форма от «Ариянам» (страна ариев).

На протяжении III тыс. до н.э. Элам то оказывается в зависимости от ме-сопотамских государств (Аккада, Ура), то обретает независимость, и эламиты сами вторгаются в Двуречье, подчиняя себе его государства. В XIV в. до н.э. Элам был завоеван Вавилоном, но около 1180 г. до н.э. вавилоняне были изгнаны, а эламиты совершили победоносный поход в Вавилонию, разграбив ее и увезя в числе добычи и знаменитую стелу с законами Хаммурапи (она была найдена современными археологами в Сузах). Затем (в XII—IX вв. до н.э.) Элам опять оказывается под властью Вавилона и в дальнейшем выступает в качестве союзника Вавилона в борьбе против Ассирии. В 639 г. до н.э. ассирийцы разгромили и захватили Элам, а около 596 г. до н.э. Элам опять был захвачен Вавилоном (при Навуходоносоре II).

В VIII в. до н.э. Элам захватывают *мидийцы.* Около 672 г. до н.э. мидийцы создали самостоятельное государство, но им пришлось (с переменным успехом) бороться с киммерийцами, скифами и ассирийцами, в союзе с вавилонянами они в 612 г. до н.э. разгромили Ассирию.

Персы появились на территории Ирана еще в XII—XI вв. до н.э., но уже в начале I тыс. до н.э. распространились по всей его территории. В VII в. до н.э. персы заняли территорию на юге и юго-западе Ирана (эламские земли). Примерно с 600 по 559 г. до н.э. у персов царствовал Камбиз I (из рода Ахеменидов), находившийся в зависимости от царей Мидии. В 558 г. до н.э. царем персов становится сын Камбиза и его жены (дочери мидийского царя Манданы) — Кир II. В 550 г. до н.э. войска Кира захватили Мидию, в 549 г. до н.э. — всю территорию Элама и еще нескольких государств, в 547 г. до н.э. — Лидийское царство,

несколько позднее — греческие города Малоазийского побережья, а в 539 г. до н.э. — Вавилон. В 530 г. до н.э. Кир погибает. При его сыне — Кам-бизе II — персы в 525 г. до н.э. захватывают Египет, где Камбиз II был провоз-
137
глашен фараоном и стал основателем XXVII династии. Дальнейшие походы в Нубию и Ливию не имели успеха.
В марте 522 г. до н.э. в Иране началось восстание против Камбиза II, возглавляемое магом (т.е. мидийским жрецом) Гауматой. Камбиз направился в Иран, но в пути при загадочных обстоятельствах умер. В сентябре 522 г. до н.э. Гаумата был убит заговорщиками, а царем персов был выбран Дарий (тоже из рода Ахеменидов). Дарию удалось подавить множество восстаний покоренных народов и укрепить власть персов на захваченных территориях (об этом свидетельствует, в частности, надпись Дария на Бехистунской скале). В 518 г. до н.э. войска Дария захватывают северо-западную часть Индии, в 517 г. до н.э. — о. Самос Эгейского моря, в 516 г. до н.э. — ряд греческих городов южного побережья Черного моря. Поход против скифов (которые применили тактику выжженной земли) успеха не имел. В V—IV вв. до н.э. с переменным успехом проходят греко-персидские войны, но в общем победа оказалась на стороне греков.
К 330 г. до н.э. войска Александра Македонского разгромили войска Дария III и захватили всю территорию Персии: она стала частью *империи Александра.* После смерти Александра его империя распалась, и Иран вошел в состав империи сподвижника Александра — Селевка и его потомков (династия Селевкидов).
Около 250 г. до н.э. от империи Селевкидов отпадает Бактрия, где возникает греко-бактрийское царство, просуществовавшее почти сто лет. Затем там возникает Кушанская держава, присоединившая к себе северо-западную Индию и некоторые другие территории. В III в. н.э. она терпит поражение от са-санидской державы.
Около 256 г. до н.э. в качестве самостоятельного царства возникает и Пар-фия. При царе Митридате I (17.1 — 138 гг. до н.э.) парфянцы захватывают Мидию, а затем и всю Месопотамию, свергнув династию Селевкидов. При Митридате II *в Парфию* входит вся *территория Ирана.* В дальнейшем главным противником Парфии на западе станет Рим, борьба с которым будет вестись с переменным успехом. Около 224 г. н.э. власть захватывает Арташир Сасанид из Персиды. Сасанидский период длится с III по VII в. н.э. — до арабского завоевания.

Религия и мифология

Религия Элама Религия Элама представляла из себя характерный для древнего мира политеизм: во главе пантеона стояла Пи-некир (великая богиня), которая считалась матерью всех богов; кроме того, эламиты поклонялись Иншушинаку — покровителю Суз и богу подземного мира, богу солнца Наххунте, богу луны Напиру и др.
Древнеиранские • Религия ираноариев сохранила многие черты, присущие верования религии времен древнеарийской общности, и родственна
тем самым религии индоариев. Иранцы поклонялись древним божествам природы: богине воды и плодородия Анахите, божеству солнца Митре и др.
138
Иранцы считали, что существует закон природы, согласно которому солнце движется равномерно, происходит смена времен года и тем самым обеспечивается порядок всего существующего в мире. Этот закон был известен индоарийцам как рта (в авестийском языке ему соответствует слово аша). Молитвы и жертвоприношения, совершаемые людьми, ощущались как принадлежность этого естественного порядка вещей, но и сами они способствовали поддержанию аша — усиливали действия самих милосердных богов и укрепляли мир, населенный людьми. Понятие «аша» имело и этический смысл. Считалось, что аша руководит поведением человека. Истина, справедливость, верность и смелость — качества, присущие человеку. Добродетель — естественный порядок вещей, а порок и зло — его нарушение. Таким образом, слово «аша» перевести трудно, различные понятия соответствуют ему в разных контекстах: «порядок» — там, где речь идет о вещественном мире, или же «истина», «справедливость», «праведность» — там, где говорится о нравственности. Ложь и искажение истины, которые противопоставлялись аша, назывались по-авестийски друг (в санскрите друх). Согласно нравственным представлениям, все люди делились на ашаван — «праведных», которые придерживаются аша, и другвант — «приверженцев зла»...
Одно обстоятельство, которому законодатели и жрецы, по-видимому, придавали огромное значение это святость данного человеком слова. Слово должно было вызывать почтение как жизненно важное выражение аша. Признавались, очевидно, два рода обязательств. Во-первых, торжественная клятва, называвшаяся варуна (возможно, от индоевропейского корня вер — «связывать»), по которой человек обязывался делать или же не делать что-либо, совершать или не совершать какой-то поступок. Во-вторых, это было соглашение или договор, называвшийся митра (возможно, от индоевропейского мей — «меняться»), по которому две стороны совместно

договаривались о чем-то. В обоих случаях считалось, что сила таится в произнесенной клятве. Эта сила считалась божеством, которое будет содействовать и поддерживать человека, верного своему слову, но оно же поразит жестоко лжеца, нарушившего слово.

В ордалиях — испытаниях людей, давших клятву, — эта месть проявлялась. Случалось, человека обвиняли в том, что он не держал данного слова, но он отрицал это. Тогда несчастного подвергали испытанию водой (если речь шла о клятве) или огнем (если дело касалось договора), чтобы он мог доказать свою правоту. Один из примеров испытания водой описывается в санскритском тексте Яджнавалкйя... Обвиняемый должен был погрузиться под воду, держась за ноги стоящего рядом человека. Погружаясь, он произносил следующие слова: «Воистину защити меня, Варуна!» В этот момент стреляли из лука, и быстрый бегун бросался вслед за стрелой. Если бегун возвращался со

стрелой до того, как обвиняемый под водой погиб, это означало, что Варуна, бог клятвы, щадил и оправдывал его. Если же несчастный умирал, значит, он был виновен, и на этом дело заканчивалось. Одно из испытаний огнем заключалось в том, что обвиняемый должен был пробежать по узкому проходу между двумя пылающими поленницами. Если он оставался живым, значит, Митра, бог договора, провозглашал его невиновным. В огненных ордалиях использовали и расплавленную медь, которую выливали на обнаженную грудь обвиняемого.

(Бойс М. Зороастрийцы. С. 15—16)

Зороастризм С середины I тыс. до н.э. широкое распространение получает зороастризм (основоположником его был Заратушт-ра, в греческом произношении — Зороастр: отсюда и название религии). В период правления Дария I зороастризм становится официальной религией империи. Но из сохранившихся документов известно, что персы отличались исключительной веротерпимостью и на завоеванных территориях покровительствовали местным древним культам. Сам зороастризм, возникший как религия Откровения, впитал в себя ряд индоиранских представлений и культов, в частности культ Анахиты и Митры. Митра, первоначально, по-видимому, бог договора, постепенно приобрел черты бога-воина и бога-Солнца. В конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. поклонение Митре вышло далеко за пределы иранского мира, возникает митраизм — религия, широко распространенная среди римских легионеров, разнесенная ими по всему римскому миру и долгое время соперничающая с ранним христианством. Зороастризм сохраняет свое значение официальной религии в Иране вплоть до арабского завоевания, после чего он был вытеснен исламом. В настоящее время существуют лишь небольшие общины зороастрийцев в Иране и Индии.

Как бы ни датировать откровение Заратуштры — от середины II до . середины I тысячелетия до н.э. (а наиболее вероятной датой следует считать, видимо, рубеж II — I тыс. до н.э.), — в двух вещах сомневаться не приходится: Заратуштра реально жил, а его проповедь дошла до нас в том виде, как он произносил ее перед своими первыми приверженцами...

После бесчисленных толкований имени Заратуштра большинство иранистов приходят все же к соглашению, что наиболее вероятным исходным значением следует считать буквально «Старо-верблюдый», «Тот, чьи верблюды стары»..-. Подобные имена относятся к так называемым «именам-оберегам», защитным, охранительным именам, непривлекательность которых рассчитана на то, чтобы отвлечь от ребенка враждебные силы...

Заратуштра жил где-то на востоке области, населенной иранскими племенами... Согласно одной очень ранней легенде, Заратуштра был единственным в мире ребенком, который рассмеялся, когда родился на свет. Это было первым совершенным им чудом, и эта красивая легенда хорошо отражает радостный и жизнеутверждающий характер

вероучения, провозглашенного древнеиранским пророком. Как и все великие люди и пророки («нет пророка в своем отечестве»), Заратушт-ра не был понят и принят на своей родине и после многолетних скитаний нашел прибежище при дворе восточноиранского царя Кави-Виштаспы, вероятно где-то на территории нынешнего Афганистана и Средней Азии. Жена Виштаспы, царица Хутаоса, его родственники и придворные стали первыми, кто принял новую веру. Погиб Заратуштра, согласно легенде, в возрасте 77 лет — ему нанес удар в спину кинжалом враждебный жрец, противник новой веры, в то время, когда пророк молился.

Его имя было позднее переиначено греками на «Зороастр», стало ассоциироваться с греческим «астрон» (звезда), и в античных источниках Заратуштра изображается мудрецом-астрологом и звездочетом. Его вероучение называется с тех пор «зороастризмом», а его последователи — «зороастрийцами»...

Исходя из содержания Гат («Песни», «Песнопения» — текстов, созданных самим Заратуштрой. — *Сост.),* большинство ученых все же склоняются к тому мнению, что Заратуштра призывал в своих

проповедях не к соблюдению традиционных ритуалов, а к следованию нравственным и духовным идеалам, важнейшим из которых считает замену множества божеств одним Верховным Богом — Ахура-Маздой (примерный дословный перевод — «Господь Мудрость»). Ахура-Мазде с присущим ему Святым Духом противостоит Анхра-Манью («Злой Дух»)...

Благо-мыслие, благо-словие и благо-деяние и соответственно зломыслие, зло-словие и зло-деяние пронизывают жизнь каждого верующего, от постоянного накопления добрых мыслей, слов и поступков зависит посмертная судьба души — соединится ли душа покойного в райской обители (Доме Хвалы) с душами других праведников и благими божествами, перед лицом Ахура-Мазды вкушая сплошное блаженство в ожидании грядущего воскресения, или же душа сгинет в аду вместе со злыми демонами-даэва и Анхра-Манью, ожидая в жестоких мучениях Последнего Суда и уничтожения.

Нравственные понятия воплотились в шести Амэша-Спэнта (Бессмертных Святых), которых Ахура-Мазда создал первыми из всего благого творения... Во главе с Ахура-Маздой они образуют «семерку единосущных», покровительствующих всем семи благим творениям соответственно: человеку, скоту, огню, земле, небу, воде и растениям... Идеи о суде над каждым человеком, о рае и аде, о посмертном воздаянии и наказании, о будущем воскресении, о пришествии Спасителей, о Последнем Суде над всеми и вечной жизни вновь соединившихся души и тела, высказанные Заратуштрой, оказали большое влияние на религиозные искания человечества, были восприняты другими религиями.

(Авеста. С. 3-9)

141

Творение и три эры

Другой аспект отношений между осязаемым и неосязаемым, содержащийся в учении Зороастра («известном лучше по сочинениям на пехлеви), заключается в том, что Ахура-Мазда совершил акт творения в два этапа. Сначала он создал все свободным от телесных оболочек, то есть в «духовном, нематериальном»... виде. Затем он придал всему «материальный» вид... Материальное бытие было лучше, чем предшествующее нематериальное, потому что совершенные творения Ахура-Мазды получили в нем благо в форме чего-то цельного и ощутимого. Два эти этапа вместе составляют акт творения, называемый на пехлеви Бундакишн («Сотворение основы»). Тогда, когда творение стало материальным, началось сражение со злом, потому что, в отличие от не-материального бытия, материальное творение оказалось уязвимым для сил зла. На него сразу же набросился Злой Дух (Ангра-Маинйу. — *Сост.).* Согласно мифу, излагаемому в сочинениях на пехлеви, Ангра-Маинйу яростно ворвался в мир через нижнюю сферу каменного неба и погубил его совершенство. Он вынырнул из воды, сделав большую ее часть соленой, и ринулся к земле, и там, куда он проник, образовались пустыни. Затем Злой Дух иссушил растение, убил единотворного быка и первого человека. В конце концов он напал на седьмое творение, на огонь, и испортил его дымом и, таким образом, нанес материальный вред всем благим творениям.

Тогда божественные существа объединились. Амэрэтат («Бессмертие») взяло растение и истолкло его (так, как толкут хаому для богослужения), а прах рассыпало по миру с тучами и дождем, чтобы вырастить повсюду больше растений. Семя быка и человека, очищенное Луной и Солнцем, породило еще больше скота и людей. ...Бессмертные Святые, обладая святой силой, сумели обратить его злодеяния на пользу мира — и к этому же должны постоянно прилагать усилия все благие творения.

«Творение» — первое из трех периодов, или эр, на которые делится история мира. Нападение Ангра-Маинйу ознаменовало начало второй эры — «Смешения»..., на протяжении которой этот мир больше не является полностью хорошим, но представляет смесь добра и зла. Когда цикл жизни был пущен в ход, Ангра-Маинйу продолжил свои нападения на мир вместе с демонами-даэва и другими силами зла и тьмы, которые он сотворил, чтобы противиться благим божествам. Они не только причиняли материальный ущерб всему миру, но и вызывали все нравственные пороки и духовное зло, от которых страдают люди. Для того чтобы противостоять их нападкам, человек должен почитать Ахура-Мазду и шесть Амэша-Спэнта, и настолько полно принять их всем своим сердцем, чтобы не осталось в нем больше места для пороков и слабостей. Он должен также поклоняться всем благим божествам-язата, некоторые из

142

них, подобно двум младшим ахурам (к ним Зороастр дважды обращается в Гатах), помогут человеку в его нравственной борьбе, в то время как другие, такие, как Солнце и Луна, окажут содействие для сохранения материального мира прочным и согласным с истиной-аша.

По новому откровению, полученному Зороастром, человечество имеет с благими божествами общее предназначение — постепенно победить зло и восстановить мир в его первоначальном, совершенном виде. Замечательный миг, когда это совершится, называется Фрашокэрэти..., что, вероятно, означает «Чудоделание, чудотворство». На этом вторая эра закончится, так как начнется третья — «Разделение»... Тогда добро будет снова отделено от зла, а поскольку последнее будет окончательно уничтожено, то «Разделение» продлится вечно, и все это время Ахура-Мазда, благие божества-язата, мужчины и женщины будут жить вместе в полном спокойствии и мире. Обосновав таким образом не только начало, но и конец человеческой истории, Зороастр полностью порвал с предшествующими представлениями, согласно которым жизнь, однажды начавшись, продолжалась бы до тех пор, пока люди и боги выполняют свои обязанности. Старая идея сотрудничества божеств и молящихся, необходимая для поддержания в мире порядка в соответствии с истиной-аша, в учении Зороастра сохраняется. Но он придал этому сотрудничеству новое значение, видя в нем не только средство сохранения мира таким, каков он есть, но открыв, что оно имеет своей конечной целью восстановление идеала. Это открытие придавало человеку новое достоинство, так как получалось, что он создан быть союзником бога и трудиться вместе с ним для достижения победы над злом, победы, которой страстно желают оба — и бог, и человек. Учение о трех эрах —. «Творении», «Смешении» и «Разделении» — делает историю в определенном смысле циклической, так как материальный мир восстанавливается во время третьей эры в том же совершенстве, которым он обладал во время первой. А пока все печали и трудности в настоящую эру «Смешения» — часть битвы против Злого Духа. Зороастр, таким образом, не только указал благородное назначение человечества, но и разумно объяснил те страдания, которые переносит человек в своей жизни, видя в них бедствия, происходящие от Злого Духа, а не зависящие от воли всемогущего Творца страдания его тварей.
(БойсМ. Зороастрийцы. С. 35—37)

Об Ахура-Мазде иАнгра-Манью

Есть два духа первичных, два близнеца, враждою славных. Мыслью, словом и делом — лучший и злой. Из двух благодатный правильно выбирает, но не злодей. Когда эти два духа впервые сошлись, то создали бытие и не-бытие, и в самом конце худшее бытие будет для лживых, а праведному — лучшая обитель. Из двух этих духов выбрал лживый

худшие дела, но Истину, одетую в крепчайшую твердь, выбрал Дух Святейший и те, кто ублаготворяет Ахура-Мазду истинными поступками...
(Ясна. С. *5)*

Символ веры (Фраваране)

1. Проклинаю дэвов. Исповедую себя поклонником Мазды, зороаст-рийцем, врагом дэвов, последователем Ахуры, славословящим Амэша-Спэнта, молящимся Амэша-Спэнта. Доброму, исполненному блага Ахура-Мазде я приписываю все хорошее, и все лучшее — ему, носителю Арты, сияющему, наделенному Хварно; его [творение] — скот и Арту, и свет, чьими лучами наполнена обитель блаженных.
2. Я выбираю для себя святую, добрую Армайти; пусть она будет моею. Отрекаюсь от хищения и захвата скота, от причинения ущерба и разорения маздаяснийским селениям.
3. Я обеспечиваю свободное движение и свободную жизнь тем хозяевам, которые содержат на этой земле скот. С поклоном Арте и приношениями я даю обет: отныне я не буду ради своего тела и жизни причинять ущерб и разорение маздаяснийским селениям.
4. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартов-скими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми зловонными, самыми вредными из всех существ, [отрекаюсь] от дэвов и их сообщников; от тех, кто насильничает над живыми существами. Отрекаюсь в мыслях, в словах, в знамениях [делах]. Отрекаюсь от всего друдже-
ского.
U1U.
5. Именно так, как Ахура-Мазда учил Заратуштру на всех беседах, и всех встречах, на которых Мазда и Заратуштра говорили между собой.
6. Именно так, как Заратуштра отрекался от сообщества с дэвами на всех беседах, на всех встречах, на которых Мазда и Заратуштра говорили между собой, — так и я, поклонник Мазды, зороастриец, отрекаюсь сообщества с дэвами, как отрекся праведный [артовский] Заратуштра.
7. Согласно тому выбору (между Добром и Злом), какой сделали воды, растения, скот-благодетель, какой сделал Ахура-Мазда, когда создал скот и артовского человека; какой сделали Заратуштра, Кави-Виштаспа, Фрашаоштра и Джамаспа [...] согласно этому выбору я являюсь

маздаяснийцем.
8. Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем [настоящей] клятвой и исповеданием. Клятвой обязуюсь вершить добрую мысль, обязуюсь вершить доброе слово, клятвой обязуюсь вершить доброе деяние.
9. Клятвой обязуюсь быть верным маздаяснийской Вере, [которая учит] прекратить военные набеги, сложить оружие, заключать браки
144
между своими; артовской [Вере], которая из всех существующих и будущих [вер] величайшая, лучшая и светлейшая, которая — ахуровская, заратуштровская. Признаю, что Ахура-Мазде [принадлежит] всякое добро. Сия есть присяга Вере маздаяснийской.
(Литература Древнего Востока. С. 9—10)

О судьбе души после смерти I

1. Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: «Ахура-Мазда, Дух Святейший, творец миров телесных, праведный! Когда умирает праведник, где в ту ночь находится душа его?»
2. И сказал Ахура-Мазда: «Около головы она восседает, произнося Гату Уштаваити, взывая о блаженстве: "Блажен тот, блажен, которому вольноцарствующий Ахура-Мазда пожалует [оба вечные могущества и т.д.]"- В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько все [удовольствие, испытываемое] живым миром».
3. «Во вторую ночь, — где в эту ночь находится душа его?»
4. И сказал Ахура-Мазда: «Около головы она восседает, произнося Гату Уштаваити, взывая о блаженстве: "Блажен тот, блажен, кому вольноцарствующий Ахура-Мазда пожалует [оба вечные могущества и т. д.]. В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько все [удовольствие, испытываемое] живым миром"».
5. «В третью ночь, — где в эту ночь находится душа его?»
6. И сказал Ахура-Мазда: «Около головы она восседает, произнося Гату Уштаваити, взывая о блаженстве: "Блажен тот, блажен, кому вольноцарствующий Ахура-Мазда пожалует [оба вечные могущества и т.д.]. В эту ночь столько удовольствия испытывает душа, сколько все [удовольствие, испытываемое] живым миром"».
7. По истечении третьей ночи, на рассвете, душа праведника носится перед растениями и благовониями. Ей навстречу является ветерок, веющий с южной страны, с южных стран [каршваров], благовонный, благовоннее иных ветров.
8. И воспринимая тот ветер ноздрями, душа праведника рассуждает: «Откуда этот ветер веет, самый благовонный [из всех], какие я когда-либо воспринимал?»
9. В сопровождении этого ветра является собственная его Вера, с телом девицы прекрасной, блестящей, белорукой, плотной, стройной, статной, великорослой, с выдающимися грудями и славным станом, благородной, с сияющим лицом, пятнадцатилетней по возрасту, и столь прекрасной телом, как прекраснейшие из созданий.
10. И ей сказала, спрашивая, душа праведника: «Кто ты, о девица, которую я узрел прекраснейшею по телу из девиц?»
145
11. А ему ответила его собственная Вера: «Я, о юноша благомыслящий, в настоящем [ее] виде. Всякий любил тебя за такое величие, доброту, красоту, благоговорение, победоносную силу и противоборство [дэвам], какие ты замечаешь во мне.
12. Ты меня любил, о юноша благомыслящий, благоговорящий, благо-действующий, благов'ерный за такое величие, доброту, красоту, благовоние, победоносную силу и противоборство [дэвам], какие я замечаю в тебе.
13. Когда ты видел, как другой совершал сожжение [мертвых тел] и идолопоклонство, и притеснял, и срубал деревья, — ты сидел тогда, произнося гаты, чествуя благие воды и Огонь Ахура-Мазды, и стараясь удовольствовать праведников, изблизка приходящих и издалека.
14. И Меня, бывшую милой: — [ты сделаешь еще] более милой, бывшую прекрасной — более прекрасной, бывшую вожделенной — более вожделенной, и сидевшую на высоком месте ты посадил на [еще] более высокое место, этими [твоими] добрыми мыслями, этими добрыми словами, этими добрыми делами. А впоследствии люди будут чествовать меня и Ахура-Мазду, давно чествуемого и призываемого».
15. Первый шаг сделала душа праведника, и стала на Хумате [добрых мыслях]; второй шаг сделала душа праведника, и стала на Хухте [добрых словах]; третий шаг сделала душа праведника, и стала на Хвар-ште [добрых делах]; четвертый шаг сделала душа праведника, и стала на вечных

светилах.
16. Ей сказал, спрашивая, праведник, прежде умерший: «Как, о праведник, умер ты? как, о праведник, вышел ты из обиталищ, полных скотом, и от птиц, понимающих друг друга? из телесного мира в духовный мир, из тленного мира в нетленный мир? Сколь долговременно будет твое блаженство!»
17. Сказал Ахура-Мазда: «Не спрашивай его, кого спрашиваешь, прошедшего ужасный, страшный, гибельный путь: рознь тела и души.
18. Да поднесут ему пищу из желтоватого масла! Вот пища для юноши благомыслящего, благоговорящего, благоденствующего, благовер- . ного после смерти. Вот пища для женщины очень благомыслящей, очень благоговорящей, очень благодействующей, очень благоверной, наученной добру, покорной супругу, праведной после смерти».
П
19. Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: «Ахура-Мазда, Дух Святейший, творец телесных миров, праведный! Когда издыхает грешник, где в ту ночь находится душа его?»
20. И сказал Ахура-Мазда: «Там же, праведный Заратуштра, около головы она шатается, произнося Гату Кам-немой-зам: "В какую направлюсь я страну, о Ахура-Мазда. Куда пойду обратиться?" В эту ночь столько неудовольствия испытывает душа, сколько весь живой мир».

21. «Во вторую ночь, — где в эту ночь находится душа его?»
22. И сказал Ахура-Мазда: «Там же, праведный Заратуштра, около головы она шатается, произнося Гату Кам-немой-зам: "В какую направлюсь я страну, о Ахура-Мазда. Куда пойду обратиться?" В эту ночь столько неудовольствия испытывает душа, сколько весь живой мир».
23. «В третью ночь, — где в эту ночь находится душа его?»
24. И сказал Ахура-Мазда: «Там же, праведный Заратуштра, около головы она шатается, произнося Гату Кам-немой-зам: "В какую направлюсь я страну, о Ахура-Мазда. Куда пойду обратиться?" В эту ночь столько неудовольствия испытывает душа, сколько весь живой мир».
25. По истечении третьей ночи, праведный Заратуштра, на рассвете, душа грешника носится над ужасами и зловониями. Ей навстречу является ветерок, веющий с северной стороны, из северных стран (кар-шваров], зловонный, зловоннее иных ветров.
26. И, воспринимая этот ветер ноздрями, душа грешника рассуждает: «Откуда этот ветер веет, самый зловонный [из всех], какие я когда-либо воспринимал?»
27—32. И потом дева, на девиц вовсе не похожая, идет ей навстречу. Говорит душа грешника скверной деве:* «Ты *кто, сквернее и отвратительнее которой я на свете никогда не видал скверной девы ?» И ему в ответ говорит эта скверная дева: «Яне дева, я — злые твои дела, о грешник зломыслящий, злоговорящий, злодействующий и зловерный. Ибо когда ты видел на свете, что служат Богу, ты сидел тогда, поклоняясь дэвам. И когда ты видел, что доброму мужу, пришедшему издалека или изблизи, дают пристанище, оказывают гостеприимство и дают милостыню, тогда ты доброго мужа унижал и обижал, и не давал милостыни, а запирал дверь. И когда ты видел, что творят правосудие, не берут взяток, дают верное свидетельство и говорят правдивые речи, ты сидел тогда, творя несправедливостъ,лжесвидетелъствуя и ведя дурные речи. На! я — твои злые мысли, злые речи и злые дела, которые ты мыслил, говорил и делал. И, бывшая без чести, я чрез тебя еще более обесчещена; бывшая презренной, я чрез тебя сделалась еще более презренною, и сидевшая на позорном месте, я чрез тебя еще более опозорена». Потом [душа], шатаясь, подается вперед, делая первый шаг...*
33. Первый шаг сделала душа грешника, и стала на Душмат [злые мысли]; второй шаг сделала душа грешника, и стала на Дужухт [злые речи]; третий шаг сделала душа грешника, и Сталина Дужварешт [злые дела]; четвертый шаг сделала душа грешника в беспредельный мрак.
34. Ей сказал, спрашивая, грешник, прежде издохший: «Как, о грешник, издох ты? как, о друдж, вышел ты из обиталищ, полных скотом, и

* Эти строфы утрачены в подлиннике и выпущены во всех рукописях, но довольно точый их пересказ сохранился в пазендском «Меног-и Храт», где читается текст, выделенный далее курсивом.

от птиц, понимающих друг друга? из телесного мира в духовный мир, из тленного мира в нетленный мир? Сколь долговременно будет твое мучение?»
35. Сказал Анхра-Манью: «Не спрашивай его, кого спрашиваешь, прошедшего страшный, ужасный, гибельный путь: рознь тела и души».
36. Да поднесут ему пищу из яда и вонючего яда! Вот пища юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного после издыхания. Вот пища для бабы очень зломыслящей, очень

злоговоря-щей, очень злодействующей, очень зловерной, наученной злу, непокорной супругу, грешной, после издыхания».
(Авеста в русских переводах. С. 408—412)

Манихейство В III в. н.э. в Иране (в период господства Сасанидской династии) наряду с зороастризмом получает распространение новая религия — манихейство. Ее основоположником был иранский религиозный реформатор *Мани* (216—277 гг.). Этимология имени не ясна, и по этому поводу существует ряд версий («сумасшедший», «маньяк», но и «драгоценный камень» и др.). Согласно ряду источников Мани умер мученической смертью: с него была заживо содрана кожа, которую набили соломой и повесили на царских вратах, а сам он был обезглавлен.

По учению Мани истина неоднократно провозглашалась в мире пророками (такими пророками были Адам, Енох, Ной, Сим, Авраам и др.), но более всего — Заратуштрой, Буддой и Иисусом Христом. Но все они несли истину (частичную и неполную) только ограниченному кругу людей, тогда как сам Мани — апостол всего последнего поколения людей и последнее звено в цепи небесных посланников. Манихейство представляет из себя синкретическую религию, и его вероучение включает в себя элементы зороастризма (исходный дуализм Добра и Зла, Света и Тьмы, учение о современной эпохе как смешении Света и Тьмы и др.), буддизма (идея кармы и метемпсихозы), христианства (приход мессии и образ Иисуса Христа), гностицизма (учение о пленении частиц света тьмою, о первочеловеке, и понимание освобождения как осознание истины и деятельность по отделению элементов света от тьмы).

О вознесении Мани

[4] Подобно властелину, который оруж.ие и одежду снимает и другую царскую одежду надевает, так и [5] Апостол света снял нательные боевые доспехи, и воссел в корабль Света, и воспринял божественное одеяние, диадему [10] Света и прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами Света, что сопровождали его справа и слева, при звуках чанга и [15] радостной песни полетел с божественной мощью, словно молния быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу восхода [20] Света и Луносфере, к месту божественного сборища, и остался у отца Ормузд-бога.
(Поэзия и проза Древнего Востока. С. 533-534)

148

Из Дабистан-иМазахиб

В одном месте из книги «Диснад» Маздак (Мани. — *Сост.)* говорит: «Бытие имеет два начала: шид и тар, то есть свет и тьма, и истолковывает их как Йаздан и Ахриман». И еще говорит: «Действия света осуществляются по свободной воле, а действия тьмы — случайно. Свет — знающий и чувствующий, тьма безрассудна. Соединение света и тьмы случайно, и освобождение света от тьмы также [будет] случайно, не по свободной воле. Все это, что есть в мире доброго, исходит от света, а зло и порок — от тьмы. Когда частицы света отделятся от тьмы, соединение распадется, — это и есть "воскресение"».

Еще в той же книге Маздак говорит:

«Начальных стихий и основ три: вода, земля и огонь; и когда они смешиваются вместе, из их смешения появляется двигатель добра и зла: то, что возникает из его чистоты, есть двигатель добра, а то, что поднимается из его нечистоты, есть двигатель зла»...

«То, что не согласуется со светом, и все то, что согласно с тьмой, есть ненависть, борьба и распря. И большей частью причиной к столкновениям у людей бывает имущество и женщины: следует сделать женщин свободными от запрета и имущество доступным, и всех людей сделать сотоварищами в отношении богатства и женщины, подобно тому как они являются сотоварищами в отношении огня, воды и травы»...

Маздак сказал:

«Это недостойно и несправедливо, что один обладает высоким саном, а другой неимущ и беден: является обязательным для благочестивого мужа разделить свое богатство (деньги, золото) поровну с единоверцем и — а также считает и обычай Зардушта — послать ему свою жену, чтобы он не остался без участия в удовлетворении чувственного желания. Но если единоверец окажется неспособным в накоплении богатства и расточительным, злодеем или помешанным, его следует заключить в доме и уделять ему необходимое из еды, одежды и постельных принадлежностей. Каждый человек, не согласный с этим положением, является, следовательно, носителем зла: следует, чтобы они брали у него силой».
(Дабистан-и Мазахиб. С. 186—188)

Государство и право

О государстве Наряду с верховным правителем, который носил **и праве эламитов** титул суккалмах («великий посланец») и пребывал в Сузах (столице), государством управлял его заместитель, обычно младший брат царя, который назывался суккалом («по-

149

сланец») Элама и Симаша и имел резиденцию в Симаше..., а после смерти верховного правителя занимал престол в Сузах. На третьей ступени государственной иерархии стоял наместник или царь города Суз, который становился суккалом Элама и Симаша в случае смерти последнего...
Более мелкими областями управляли «отцы»... подчинявшиеся верховной власти суккалмаха. После смерти кого-либо из них власть переходила к племянникам по материнской линии, т.е. сыновьям сестры.
Для царских семей Элама характерны браки на сестрах и левират, согласно которому после смерти царя его брат и преемник женился на вдове умершего и тем самым получал право на престол.
(История Древнего Востока. С. 279)
Поэтому цари и наследники престола в Эламе издревле носили титул «сыновья сестры»...
По верованиям эламитов,законы были установлены богами, и нарушение их каралось богом Солнца Наххунте... Для эламского права были характерны жестокие наказания преступников. Например, за ложную клятву отрезали руку и язык или топили в реке. Нередко нарушители контракта тоже приговаривались к смертной казни.
(Древние цивилизации. С. 136—137)
Легенда о Кире У Астиага (мидийского царя. — *Сост.)* родилась **(по Геродоту)** дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь вопросил снотолкователей-магов [о смысле] сновидения. Когда маги точно разъяснили ему [значение] сна, царь понял и устрашился. Затем, когда пришла пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина.
Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гар-пага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян,
150
управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: «Гар-паг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Манда-на, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно». Гарпаг же отвечал: «Царь! ...Если у тебя такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить».
...Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: «Что же ты теперь будешь делать?» Гарпаг отвечал: «... безопасности ради надо умертвить этого младенца, и убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди».
Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу... Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: «Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: "Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь"»...
Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город... Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: «Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было'никогда случиться у наших господ. ...Увидел младенца, трепещущего и кричащего... и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. ...Гарпаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. ... Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца... Смотри, вот он!»

...Жена... решила снова обратиться к нему с такими словами: «Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых».
Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету...
151
Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как... Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть «оком царя», другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят — участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром... Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном: «Царь, — сказал он, — вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!» И при этом он показал плечи своего сына [со следами побоев]. Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев'], приказал послать за волопасом и его сыном... Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: «Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?» Мальчик же ответил так: «Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!»
После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен на съедение [диким зверям] его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика... Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему... Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.
После признания пастуха Астиаг... перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: «Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца — сына моей дочери, которого я тебе передал?» Гарпаг... сказал вот что: «Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить... Я грозил пастуху страшными карами за ослушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных
152
мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью...
Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. «Я очень страдал, — сказал, между прочим, царь, — из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь... пришли твоего сына [поиграть к нашему «новопришлому» внуку. Сам же ты приходи ко мне на пир»...
...Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына... и велел ему исполнить все приказания царя. ...Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить... Гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей — рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял

самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему [должно быть мило]. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.
Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участи Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: «Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребятишки выбрали его царем...Что же это предвещает, по вашему мнению?» Маги отвечали: «Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла..., то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем...» Астиаг же отвечал так: «Я, маги, такого же мнения: раз мальчик ...уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться...»
А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав, [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умерщвлен)...
Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием
153
отомстить Астиагу, также старался войти в доверие к Киру... Сперва Гарпаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира...
Когда мидяне выступили в поход и начали битву с персами, то сражалась лишь одна часть войска, не причастная к заговору, другая добровольно перешла на сторону персов, большинство же воинов, изменив своему долгу, трусливо обратилось в бегство...
Астиаг же, узнав о поражении, грозно воскликнул: «Все равно! Не сдобровать же Киру!» Затем царь велел сначала посадить на кол снотолкователей-магов, которые убедили его пощадить Кира, а потом велел, чтобы все оставшиеся в городе мидяне — стар и млад — взялись за оружие. С этим войском Астиаг сам выступил против персов, но в битве потерпел поражение. Сам царь при этом взят в плен, а мидийское войско уничтожено.
Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол.
(Геродот. История. С. 45—129)

Реформы Дария Для создания эффективного аппарата управления столь разнородными областями около 519 г. до н.э. Дарий I приступил к осуществлению своих знаменитых административно-финансовых реформ. Государство было разделено им на двадцать административно-податных округов, которые назывались сатрапиями. Во главе их стояли сатрапы. ...Дарий же ограничил власть сатрапов, установив четкое разделение функций между ними и военачальниками. Теперь сатрапы превратились в гражданских наместников. Они стояли во главе администрации своей области, осуществляя там судебную власть, следили за хозяйственной жизнью, поступлением податей и выполнением повинностей. Армия была в ведении военачальников, независимых от сатрапов и подчиненных непосредственно царю...
В состав обширных сатрапий могли входить и страны, которые пользовались автономией во внутренних делах...
В связи с осуществлением новых реформ был создан большой центральный аппарат во главе с царской канцелярией. Центральное государственное управление находилось в Сузах — административной столице Ахеменидской державы...
Официальным языком Ахеменидской державы был арамейский, который применялся для общения между государственными канцеляриями всего государства...
Для управления сатрапиями была налажена регулярная почтовая служба. На крупных дорогах существовали специальные пункты с
154
постоялыми дворами, которые были расположены на расстоянии дневного перехода и охранялись государством...
Для сообщения срочных вестей применялась также сигнализация огнем.
Около 519 г. до н.э. Дарий I-ввел новую систему государственных податей. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, что устанавливалось с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности...
Дарий I ввел единую для всей державы монетную единицу, составлявшую основу ахеменидской денежной системы, а именно золотой дарик весом 8,23 г. ...Обычным средством обмена служил серебряный сикль весом 5,6 г с примесью не более 5%.

(Древние цивилизации. С. 145—149)

Высшие должности в гарнизонах, на основных стратегических пунктах, крепостях и т.д. обычно находились в руках персов. Армия состояла из конницы и пехоты. Кавалерия набиралась из знати, пехота — из земледельцев. Комбинированные действия кавалерии и лучников обеспечили персам победы во многих войнах. Лучники расстраивали ряды противника, а после этого кавалерия уничтожала его. Главным оружием персидской армии был лук. Вооружение всадника состояло из железного панциря, бронзового щита и двух железных копий...

Костяком армии являлись 10 тыс. «бессмертных» воинов, первая тысяча которой состояла исключительно из представителей персидской знати и была личной охраной царя.

(История Древнего Востока. С. 300—301)

Письменность

Эламская письменность Около 3000 г. до н.э. эламиты создали пиктографическое письмо (протоэламское. — *Сост.).* Однако пока эламское • пиктографическое письмо остается нерасшифрованным. Во второй половине III тыс. до н.э. появилось эламское слоговое письмо. Оно имело около 80 знаков, и им можно было записать не только хозяйственные, но также политические и религиозные тексты. Но вскоре оно было заменено шумеро-аккадской клинописью.

Персидская письменность Одним из великих ее (персидской цивилизации. — *Сост.)* достижений является древнеперсидская клинопись, в которой насчитывается всего 43 знака в отличие от аккадской клинописи с ее 600 знаками. Однако персидская письменность употреблялась в основном для царских торжественных надписей, которые украшали гробницы правителей, стены и колонны дворцов или вырезались на металлической посуде, оружии, каменных

155

вазах и печатях. Самой знаменитой из этих надписей является Бехис-тунская, рассказывающая о событиях конца правления Камбиза и первых годах царствования Дария I.

Высота ее вместе с рельефом составляет 7,8 м, ширина — 22 м... Трехъязычный текст надписи высечен на Бехистунской скале, ...на высоте 105 м над дорогой, которая в древности связывала Вавилонию с Мидией и другими странами к востоку от нее.

(Древние цивилизации. С. 157)

Авестийская письменность *Авеста* — это единственное в мире произведение, записанное авестийским алфавитом.

Древние иранцы считали письмо изобретением Злого Духа — Анх-ра-Манью, а потому совершенно непригодным для записи священных изречений. Все священные тексты читались наизусть и передавались из уст в уста по памяти.

...Под конец правления Сасанидов.,. была создана специальная письменность на основе использовавшегося в то время пехлевийского (сред-неперсидского, происходящего от арамейского) алфавита, и этой письменностью было записано наконец священное писание зороастризма, получившее название Авеста.

(Авеста. С. 3—6)

Школа и обучение

Детей с пяти — до 20-летнего возраста они (персы) обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости.

(Геродот. История. С. 55)

Использование письменности неизбежно требовало обучения профессии писца, но ничего специфического, характерного именно для Древнего Ирана в этом отношении неизвестно.

Литература

К древнеиранской литературе в первую очередь относятся дошедшие до нас книги и фрагменты зороастрийских (I тыс. до н.э.) и манихейских (III— VI вв.) сакральных текстов.

Об Авесте Точное значение слова «Авеста» не известно, возможно, оно означает «наставление» или «восхваление». Древнейшая дошедшая до нас рукопись Авесты датируется 1288 г.

Авеста, священная книга зороастрийской религии, дошла до нас в двух основных редакциях (вариантах).

156

Первая редакция представляет собою сборник молитв на так называемом авестийском языке, записанных особым, авестийским алфавитом... Сборник имеет одноименное с основной его частью персидское название — «Вендидад-садэ» («чистый Вендидад», т.е. не сопровождаемый переводами и комментариями). Кроме того, в него входят «Весперед» и «Ясна». Все три части

расположены вперемежку, в особом, канонизированном порядке.
Вторая редакция представляет собою в основном собрание тех же частей, но расположенных в ином порядке, имеющем целью не чтение при богослужении, а систематическое изучение. Кроме того, авестийский текст в этой редакции, разбитый по книгам, главам и строфам, сопровождается комментированным переводом на среднеперсидском языке, записанным не авестийским, а пехлевийским алфавитом. Этот перевод-комментарий именуется «Зенд». Поэтому вторая редакция Авесты называется в отличие от первой «Авеста и Зенд» (в смысле «текст и толкование») или иначе (неточно) «Зенд-Авеста».
(Авеста в русских переводах. С. 22)
Из «Видевдата» 1. Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: «Ахура-Маз-да, Дух Святейший, Творец плотского мира, истинный, с кем впервые из смертных говорил ты, Ахура-Мазда, кроме меня, Заратуштры? Кого наставлял ты вере ахуровской, заратуштровской?»
2. И так молвил Ахура-Мазда: «С Йимой прекрасным, владетелем добрых стад, о праведный Заратуштра. С ним первым из смертных говорил я, Ахура-Мазда, кроме тебя, Заратуштры. Его наставлял я вере ахуровской, заратуштровской».
3. Так сказал ему, о Заратуштра, я, Ахура-Мазда: «Стань для меня, о Йима прекрасный, сын Вивахванта, хранящим и несущим Веру!» Но так ответил мне на это Йима прекрасный, о Заратуштра: «Не создан я и не обучен хранить и нести Веру». И тогда ему, о Заратуштра, сказал я, Ахура-Мазда: «Если ты не станешь для меня, о Йима, хранящим и несущим Веру, то ты мне мир приумножай, ты мне мир взращивай! Ты стань мира защитником, хранителем и наставником!»
5. И так ответил мне на это Йима прекрасный, о Заратуштра: «Я тебе мир приумножу, я тебе мир взращу, я стану мира защитником, хранителем и наставником. Не будет при моем царстве ни холодного ветра, ни знойного, ни боли, ни смерти».
6. И тогда два орудия дал ему я, Ахура-Мазда: золотой рог и кнут, украшенный золотом.
7. Йиме принадлежат два царства.
8. И вот царству Йимы триста зим настало. И тогда эта земля наполнилась мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находилось места для мелкого и крупного скота и людей.
157
9. И тогда я оповестил Йиму: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, наполнилась эта земля мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и красными горящими огнями. Не находят места мелкий и крупный скот и люди».
10. Тогда Йима выступил к свету в полдень на пути Солнца. Он этой земле дунул в золотой рог и провел по ней кнутом, говоря: «Милая Спэнта-Армайти, расступись и растянись вширь, чтобы вместить мелкий и крупный скот и людей!»
11. Вот так Йима эту землю раздвинул на одну треть больше прежнего, и нашли себе здесь пристанища мелкий и крупный скот и люди по своему желанию и воле, как им хотелось...
J-V
В 12—19 рассказывается, как Йима еще дважды аналогичным образом раздвигает землю.
20. Собрание устроил Творец Ахура-Мазда вместе с небесными божествами на славном Арианам-Вайджа у Вахви-Датии. Собрание устроил Йима великолепный, владетель добрых стад, вместе с лучшими смертными на славном Арианам-Вайджа у Вахви-Датии.
21. На это собрание пришел он, Творец Ахура-Мазда, вместе с небесными божествами...
22. Так сказал Ахура-Мазда Йиме: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, на этот плотский злой мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод. На этот плотский злой мир придут зимы, и сначала тучи снега выпадут снегом на высочайших горах на глубину Ардви.
23. Третья часть же, о Йима, скота останется в живых в ужаснейших местах, которые на вершинах гор или в долинах рек в крепких жилищах.
24. Перед зимой будут расти травы этой страны, потом из-за таяния снегов потекут воды, и чудом, о Йима, для плотского мира покажется, если увидят где след овцы.
25.'И ты сделай Вар размером в бег на все четыре стороны и принеси туда семя мелкого и крупного скота, людей, собак, птиц и красных горящих огней. Сделай же Вар размером в бег на все четыре стороны для жилья людей и размером в бег на все четыре стороны для помещения скота.
26. Там воду проведи по пути длиною в хатру, там устрой луга, всегда зеленеющие, где поедается нескончаемая еда, там построй дома, и помещения, и навесы, и загородки, и ограды».
27. Туда принеси семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. Туда принеси семя всех родов скота, которые на этой земле величайшие, лучшие

и прекраснейшие.
28. Туда принеси семя всех растений, которые на этой земле высочайшие и благовоннейшие. Туда принеси семя всех снедей, которые на этой земле вкуснейшие и благовоннейшие. И всех сделай по паре, пока люди пребывают в Варе.
29. Пусть там не будет ни горбатых спереди, ни горбатых сзади, ни увечных, ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни
158
больных, ни кривых, ни гнилозубых, ни прокаженных, чья плоть выброшена, и ни с другими пороками, которые служат отметинами Анх-ра-Манью, наложенными на смертных.
30. В переднем округе [Вара] сделай девять проходов, в среднем — шесть, во внутреннем — три. В проходы переднего [округа] принеси семя тысячи мужчин и женщин, среднего — шестисот, внутреннего — трехсот. Сгони их в Вар золотым рогом и закрепи Вар дверью — окном, освещающимся изнутри».
31. Так подумал Иима: «Как же я Вар сделаю, о котором сказал мне Ахура-Мазда?» И тогда сказал Ахура-Мазда Йиме: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта, топчи землю пятками и мни руками так, как люди лепят намокшую землю».
32. И вот Йима так сделал, как хотел от него Ахура-Мазда...
41. И одним днем казался год. После сорока лет от двух людей, два человека рождались, пара — самец и самка, и так же от других родов скота. И эти люди жили прекраснейшей жизнью в этом Варе, который построил Йима»...
(Авеста. С. 77-81)

Из Гимна Мы почитаем Митру...

Митре Всесильного владыку, Дающего блага, Речистого, высокого, К молитвам благосклонного, Возвышенного, мудрого, Божественное Слово Вместившего в себе, Могучего воителя, Благого, мощнорукого.
Что разбивает дэвов Башки и наказует Неверных договорам Безжалостно людей; Губящего колдуний, Что всю страну приводит К благому превосходству, Когда ему не лгут, Что всю страну приводит К победе наивысшей, Когда ему не лгут.
Страну же непокорную С пути прямого сводит, От счастья отвращает,
Победности лишает, Наносит беззащитным Он мириад ударов, Всеведущий, могучий Чьих мириад очей, Которому не лгут...
Даешь ты жен пригожих И добрые повозки, Постели и подушки Домам великим, Митра, И добрые повозки, Постели и подушки Даешь домам высоким, Где праведный с молитвой, Твое зовущей имя, Свершая возлиянья, К тебе взывает, Митра...
(Авеста. С. 276-278)
159
«Антидэвов- Когда я стал царем, было среди стран, которые выше екая» надпись упоминаются (такая, где было), волнение. Потом Ксеркса (486— Ахура Мазда мне помог. По воле Ахура Мазды, эту 466 гг. до н.э.) страну я сокрушил и поставил ее на место. И среди этих стран была (такая), где прежде дэвы почитались. Потом, по воле Ахура Мазды, я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: «Дэвов не почитай». Так, где прежде поклонялись дэ-вам, там я совершил поклонение Ахура Мазде вместе с Артой в Браз-мане (?).
И другое было, что делалось дурно, я сделал, чтобы было хорошо. Все, что я совершил, я совершил по воле Ахура Мазды. Ахура Мазда мне помог, пока я не выполнил дело. Ты, который со временем подумаешь: «Чтобы мне быть счастливым при жизни и чтобы мне после смерти быть приобщенным к Арте», следуй тому закону, который установлен Ахура Маздой, чти Ахура Мазду вместе с Артой в Бразмане. Человек, который следует тому закону, который установлен Ахура Маздой, и чтит Ахура Мазду вместе с Артой, в Бразмане, он при жизни будет счастлив и по смерти приобщен к Арте. Говорит Ксеркс-царь: «Меня да хранит Ахура Мазда от [всякой] скверны, и мой дом, и эту страну. Об этом я прошу Ахура Мазду. Это мне Ахура Мазда подаст».
(Литература Древнего Востока (Иран, Индия, Китай). С. 44)

Плач Баствара «Поэма о сыне Зарера», откуда взят этот фрагмент, была **над трупом отца** написана на парфянском языке, посвящена борьбе за торжество зороастрийской веры, имеет форму героического эпоса. В переработанном виде ее сюжет вошел в «Шах-наме».

Опора жизни моей! Теребит ветер,
Кто твою силу похитил?! И твое чистое тело топчут,
Доблестный мой отец! И пыль села на твой затылок.
Кто твою кровь пролил?! Что же мне делать сейчас?

Кто Симургу подобного
Коня твоего похитил?!
Ты хотел сражаться
Рядом со мною, —
Теперь убитым лежишь,
Лишенным дыханья.
Твои волосы и бороду

Если я опущусь на землю
И обниму твою голову,
О отец мой,
И пыль оботру с затылка,
Ведь тогда на коня
Я вскочить не успею!
(Поэма о сыне Зарера. С. 520—521)

О манихейской
Канон манихейской церкви включает в себя семь про-литературе
изведений, составленных самим Мани на арамей-
ском (сирийском языке), и тексты традиционной передачи его учения учениками. Из сирийских подлинников семи произведений Мани ничего не сохранилось, а выдержки, приводимые из
160
них мусульманскими и христианскими авторами, обрывочны и кратки. Первое из этих семи произведений — «Евангелие Мани», состоит из двадцати двух глав, отрывки из которых сохранились на иранских языках... Вторая книга — в персидской передаче названия известна как «Нийани зиндагап» («Сокровищница жизни»). Третья книга известна по китайскому названию как «Книга тайн», по восточноиран-ским источникам она также называлась «Разан» («Тайны»). Наконец, «Книга о гигантах» («Каван»). Остальные — это «Эпистолы», «Книга псалмов».
(Брагинский И. С. Иранская литература. С. 501—502)

Из «Притчи
об обманчивости
Вот врата глаз, когда видением обманчивым они ошибаются, как человек, что в пустыне видит и го-пяти чувств» род, и деревья, и воду, и еще многое. А это дэв ему показывает все это и губит его.
Или как замок на скале, к которому враги и подступиться-не в силах. Тогда они устраивают зрелище: песен не поют и пляшут. И вот те, что внутри замка, зрелищем этим прельстились, а враги уж подходят с тыла — и замок захвачен.
Вот врата ушей. Как человек, что шел столбовою дорогой со множеством сокровищ. Тогда два вора стали у его уха и завлекали его красивыми речами. Они отвели его в укромное место, убили его и сокровище унесли.
Или как девушка красивая, что в замке была заперта, и человек лживый у подножия стены столь красивую песню пел, что девушка та умерла от горя. .
Вот врата обоняющего носа. Это как слон, что с вершины горы по запаху цветов учуял шахский сад и ночью с горы свалился и погиб.
(Притча об обманчивости пяти чувств. С. 533)

О Земле Света
Земля Света — самосущая, вечная, чудотворная; высота ее непостижна, глубина ее неподвластна взгляду. Никакому врагу, никакому злоумышленнику по этой земле не пройти. Ее божественная поверхность — из алмазного вещества, которое никогда не разрушится. Все прекрасное порождено землею: холмы, нарядные, красивые, сплошь покрытые цветами обильными; деревья, плоды которых не падают, нетниют и не знают червоточины; ключи, вечно точащие божественную влагу, исполняющую все царство света, луга и рощи; бесчисленные дома и дворцы, тропы и ложа, которые существуют бесконечно, от века и до века.
(Фрагмент о Земле Света. С. 533)
161

Музыка

В Эламе музыканты участвовали в религиозных церемониях и были, по-видимому, жрецами.
Основы персидской музыкальной системы в виде 7-ступенных ладов складываются в эпоху Сасанидов (226—651). В этом период развивается придворная и культовая музыка... С древних времен существовали военные оркестры, состоящие из национальных духовых инструментов карна (карнай), сурна (зурна), наккара.
(Штейнпресс Б. С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 195—196)

Архитектура и строительство. Изобразительное искусство

Столица Мидии Денок воздвиг большой укрепленный город — нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго — черные, третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракового цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого —

позолоченные.
(Геродот. История. С. 43)

Персеполь Самый выдающийся памятник эпохи Ахеменидов,

Персеполь, начал создаваться около 520 г. до н.э. В его строительстве ежегодно участвовало не менее трех тысяч человек, в том числе сотни военнопленных. Комплекс был возведен на высокой (более 12м) искусственной платформе. Каменные детали сделаны из великолепного светлого песчаника. Весь этот ансамбль бы воздвигнут с единственной целью: весной, в день празднования иранского Нового года (Ноуру-за), ежегодно или, может, даже один раз в жизни каждого царя — при его торжественной коронации — в этот город-храм собирались вельможи государства, гвардия и представители разных народов, чтобы во главе с царем и его двором совершить торжественные ритуалы... Поднявшись по

парадной каменной лестнице на платформу, кортеж проходил через здание-храм, которое называлось «Ворота всех стран». При входе в здание высились огромные, более 10м, человекобыки. Затем вся процессия подходила к подножию так называемой «ападаны Дария-Ксеркса».

Кортеж поднимался на террасу дворца по лестнице с двумя маршами, которую также украшали рельефы. К первому маршу знать и придворные подходили с двух сторон, и слева они видели изображенную на рельефах армию «царя царей». В трех регистрах шли абсолютно одинаковые, сделанные как бы по трафарету, солдаты эламских полков с копьями, луками и колчанами, персидские «бессмертные» с копьями и щитами, мидийцы с короткими мечами-акинаками и луками. За эламской гвардией в верхнем регистре изображены воины, которые несут царский трон, ведут царских коней и царские колесницы. Справа на рельефах показано шествие народов, которые входили в империю Ахеменидов. Главу каждой группы ведет вельможа в парадном персидском платье с высокой тиарой — глава провинции, назначавшийся только из числа персов знатного рода. «Народы» изображены приблизительно в том же порядке, в котором перечисляются царства, входившие в империю, в официальных ахеменидских надписях. Здесь мидийцы со своими знаменитыми «нисийскими» конями, несущие золотые вазы, кубки и гривны, эламитяне с прирученными львицами и золотыми кинжалами, негры с окапи, вавилоняне с быками, армяне с конями, вазами и ритонами, арабы с верблюдами и другие народы.

...Рельефами украшены и другие дворцы, расположенные на террасе Персеполя... Рельефы имели вставки из бронзы и были раскрашены в яркие цвета: кое-где сохранились красная, зеленая, синяя и желтая краски-Рельефы Персеполя — это связный рассказ, но совсем не остросюжетный... Это медленное, назойливо ритмичное, торжественное и пышное шествие сотен персидских и мидийских солдат, сотен вельмож, чиновников и жрецов, сотен представителей подвластных народов. Все это шествие как бы застыло внезапно, и понятие «последовательность» выражено не отдельными фигурами, а комплексом фигур и сцен. Мастерство скульпторов доведено до совершенства — немногие дошедшие до нас образцы прикладного искусства эпохи Ахеменидов при сравнении их с изображениями на рельефах показывают предельную точность в мельчайших деталях. На одежде Дария на рельефе западных дверей ападаны, например, гравировкой изображена кайма с процессией львов. Точно такая же кайма, вытканная из шерсти, с точно такими же фигурами была найдена в одном из Пазырыкских курганов.

Все сцены созданы по одному канону, и лишь очень детальное сравнение позволяет, например, установить, что гвардейцев в ападане изображали по крайней мере восемь различных бригад скульпторов одновременно. Рельефы особенно ярко демонстрируют эту основную черту искусства Ахеменидов — строжайшую канонизацию, доходящую даже до монотонности, стремление к симметрии, к зеркальному повторению одних и тех же сцен.

Каноны, созданные еще при Дарий, не нарушаются почти ни в чем и на более поздних памятниках в Персеполе, — в сущности, почти невозможно проследить значительную эволюцию. Эти каноны — те же, что и на рельефах, украшающих скальные гробницы персидских царей, и на памятниках торевтики (чеканки) V—IV веков, и даже в глиптике (резьба по камню).

В Персеполе создается тот «имперский ахеменидекий стиль», который впоследствии будет господствовать на всей территории, подвластной Ахеменидам...

К монументальному искусству эпохи Ахеменидов относятся и колоссальные скальные гробницы ахеменидских царей. Самый впечатляющий комплекс этих памятников (гробницы Дария, Ксеркса, Артаксеркса II и Дария II) расположен... в нескольких километрах от Персеполя. Все они едины по плану — на недоступной высоте, в скале высечены квадратные камеры, в которых когда-то стояли саркофаги. Центр колоссального крестообразного фасада гробницы представляет собой как бы

вход в парадный царский дворец — имитацию крыши-портика поддерживают колонны с точно такими же капителями, как и колонны Персеполя или Суз. Наверху, над дверью, помещалась скульптурная композиция, в сущности, повторяющая тронные композиции Персеполя, — на ступенчатом пьедестале изображен владыка, опира-ющийся на лук, с рукой, протянутой в сторону алтаря огня. Над владыкой «парит» символ Ахура Мазды.

...Символом Ахура Мазды был выбран символ верховного бога ассирийцев — Ашшура. При этом даже не потребовалось серьезной иконографической переделки: на позднеассирийских печатях Ашшур тоже изображался в виде фигуры царя между двух распахнутых крыльев, в солнечном диске, а на эламских цилиндрах — почти так же как затем у Ахеменидов — в зубчатой короне. Появившись, видимо, при Дарий, символ Ахура Мазды не претерпевает затем никаких иконографических изменений.

Порталы дворцов Персеполя и главные сцены на лестницах венчало изображение солнечного диска с крыльями — символа, широко распространенного в Египте, но, вероятно, истолкованного как символ иранского бога Митры.

(Афанасьева В., Луконин В., Померанцева И. Искусство Древнего Востока. С. 186—187, 190—196)

Научные знания

Народы Древнего Ирана располагали примерно теми же научно-практическими знаниями, что и другие древние народы. Ни о каких особых достижениях в этой области эламитов и древних персов неизвестно.

164

Быт и нравы

Самым большим праздником признается день рождения у каждого человека. В этот день они считают нужным устраивать более обильное, чем в другие дни, угощение. Люди богатые тогда подают на стол целиком зажаренного в печи быка, коня, верблюда или даже осла, а бедные выставляют лишь голову мелкого рогатого скота. Обеденных яств у них немного, зато в изобилии подаются десертные блюда одно за другим. Поэтому персы утверждают, что эллины встают из-за стола голодными, так как у них после обеда не подают ни одного стоящего блюда. Если бы у эллинов подавался десерт, то они бы ели не переставая. Персы — большие любители вина. В присутствии других людей у них не принято извергать пищу и мочиться. Эти обычаи персы строго соблюдают. За вином они обычно обсуждают самые важные дела. Решение, принятое на таком совещании, на следующий день хозяин дома, где они находятся, еще раз предлагает [на утверждение] гостям уже в трезвом виде. Если они и трезвыми одобряют это решение, то выполняют. И наоборот: решение, принятое трезвыми, они еще раз обсуждают во хмелю.

При встрече двух персов на улице по их приветствию легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста. Если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц. Наибольшим почетом у персов пользуются (разумеется, после самих себя) ближайшие соседи, затем — более отдаленные... Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете, остальные же люди, как они считают, обладают доблестью в зависимости от отдаленности: людей, живущих далее всего от них, они считают самыми негодными...

Персы больше всех склонны к заимствованию чужеземных обычаев. Они носят ведь даже мидийскую одежду, считая ее красивее своей, а на войну надевают египетские доспехи. Персы предаются всевозможным наслаждениям и удовольствиям по мере знакомства с ними. Так, они заимствовали от эллинов любовное общение с мальчиками. У каждого перса много законных жен, а, кроме того, еще больше наложниц. Главная доблесть персов — мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей. Тому, у кого больше всех сыновей, царь каждый год посылает подарки. Ведь главное значение они придают численности...

До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин. Это делается для того, чтобы в случае смерти ребенка в младенческом возрасте не доставлять отцу огорчения.

Я одобряю этот обычай, хвалю также и тот, что у них даже и сам царь не имеет права казнить человека за один определенный просту-

165

пок, да и вообще никто из персов не может казнить своих слуг за единичное преступление. Только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него. По утверждению персов, у них не было случаев убиения родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или

подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын.
О том что им запрещено делать, персы даже и не говорят. Нет для них ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее — по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать... В реку персы не мочатся и не плюют, рук они и сами не моют в реке и никому другому не позволяют этого делать. К рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением.
...Сведения о погребальных обрядах и обычаях персы передают как тайну. Лишь глухо сообщается, что труп перса предают погребению только после того, как его растерзают хищные птицы или собаки.
(Геродот. История. С. 54—56)

Литература

Авеста в русских переводах (1861—1966). СПб.: Изд-во Русск. Христ. гум. ун-та, 1997.
Авеста: Пер. И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1992.
Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство Древнего Востока. М.: Искусство, 1976.
Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М.: Наука, 1988.
Брагинский И.С. Иранская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Геродот. История. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972.
Дабистан-и Мазахиб // Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1961.
Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989.
История Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1979.
Литература Древнего Востока (Иран, Индия, Китай): Тексты. М., 1984.
Поэма о сыне Зарера // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Притча об обманчивости пяти чувств // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Фрагмент о Земле Света // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Штейнпресс Б.С., Ямпольский И.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
Ясна // Авеста в русских переводах (1861—1966). СПб.: Изд-во Русск. Христ. гум. ун-та, 1997.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Исторический очерк

Древнейшие земледельческие поселения в долине р. Инд возникли еще в V—IV тыс. до н.э. В III тыс. до н.э. в долине Инда возникает *цивилизация,* условно называемая *Индской,* или *культурой Хараппы,* — по современному названию местности, где был найден ее крупнейший центр, другой ее значительный центр был обнаружен в Мохенджо-Даро («холм мертвых»). Расцвет этой цивилизации датируется примерно 2300—1700 гг. до н.э. Во второй половине II тыс. до н.э. она по непонятным причинам постепенно приходит в упадок.
В конце II — начале I тыс. до н.э. с севера на территорию Индии проникают арийские племена кочевников, постепенно переходящие к земледелию, производится освоение долины Ганга. Период до середины I тыс. до н.э. называется *«ведическим»* — по названию священных книг — вед. В этот период на племенной основе складываются многочисленные мелкие государства.
В середине I тыс. до н.э. на территории Индии насчитывалось несколько десятков небольших государств и около 16 крупных (как с монархической, так и республиканской формами правления). В конце VI в. до н.э. Персия захватывает ряд северо-западных районов Индии (по течению Инда). Наиболее крупными и могущественными государствами Индии в это время были государства Кошала и Магадха, расположенные в долине Ганга. Именно между ними разгорелась борьба за власть, в начале V в. до н.э. она закончилась победой Магадхи, которая стала ядром *государства Нандов,* в IV в. до н.э. объединившем все государства в долине Ганга и, возможно, часть районов Центральной Индии.
В 327 г. до н.э. Александр Македонский, разгромив персидскую империю и захватив ее территории, вторгается в глубь Индии. Ряд мелких государств ему подчинился добровольно, другие оказали

ожесточенное сопротивление. Сразиться с могущественной империей Нандов он не решился и в 325 г. уходит из Индии, оставив свои гарнизоны в завоеванных областях. Но уже в 317 г. до н.э. они вынуждены были покинуть страну.

Борьбу против греко-македонских захватчиков, а затем и против династии Нандов (свергнутой в том же 317 г. до н.э.), по преданию, возглавил Чан-драгупта, основавший новую *династию Маурья.* Завоевательные походы Чан-драгупты и его сына привели к возникновению громадной империи, включав-

шей в себя почти всю территорию Индии (кроме крайнего юга, где существовали самостоятельные государства). Своего расцвета эта империя достигла при внуке Чандрагупты — царе Ашоке (268—231 гг. до н.э.). После его смерти начинается постепенное ослабление империи и ее распад. Около 180 г. до н.э. последний представитель этой династии был свергнут и убит своим военачальником, основавшим новую *династию Шуша.* И Маурья, и Шунга приходилось вести постоянные войны с Греко-Бактрийским царством; во II—I вв. до н.э. ряд территорий северо-западной Индии был под властью греков, скифов, а позднее — парфян.

В I в. н.э. на севере Индии возникла громадная *Кушанская империя,* захватившая часть территории Афганистана, Средней и Центральной Азии. Наиболее известный кушанский правитель — это полулегендарный царь Каниш-ка, бывший ревностным покровителем буддизма. Но власть кушан над индийскими землями была недолгой, и уже к III в. н.э. кушанам принадлежали только незначительные области по среднему течению Инда.

В IV в. н.э., как и ранее при Нандах и Маурья, Магадха становится ядром нового государственного образования — *империи Гуптов,* просуществовавшей до середины VI в. н.э. На юге Индии в I—V вв. н.э. существовал ряд самостоятельных государств, но сведений о них мало.

Религия и философия

Ведийская религия

Древнейшая известная нам религия Индии — *ведийская,* это *религия ариев,* корни которой уходят в глубину веков — во времена индоевропейской праобщности. В ряде ее черт прослеживается сходство не только с религией ираноариев (зороастризм в его древнейших пластах), но и с религией древних греков, славян. Несомненно, что за сотни лет существования и развития на территории Индии она впитала в себя и ряд местных верований, которые далеко не всегда можно выявить. Само название «ведийская» происходит от названия *священных книг — вед* (тот же корень, что и в русском слове «ведать», т.е. знать). Веды же являются практически единственным источником сведений об этой религии на ее древнейшем этапе: так как жертвоприношения совершались на открытом месте как приношения огню (Агни), который должен был отнести их другим богам, то не существовало ни храмов, ни изображений богов, которые могли бы быть дополнительным источником информации об этих верованиях. Веды представляют собой *сборники гимнов (самхит),* древнейшие из которых относятся ко II тыс. до н.э. В течение многих столетий они существовали исключительно в устной форме и должны были заучиваться наизусть, причем изучение их было не только делом жрецов — брахманов, но и всех дваж-дырожденных, т.е. еще и кшатриев, и вайшьи (см. разделы «Государство и право», «Школа и обучение» и «Быт и нравы»).

Согласно традиции выделяются четыре веды: Ригведа, Самаведа, Яджур-веда и Атхарваведа. В своей канонической форме они сложились по-видимому в первой половине I тыс. до н.э. Древнейшей и наиболее почитаемой является *Ригведа.* Она состоит из десяти книг (мандал — «кругов») и в целом содержит 1028 гимнов. Гимны по своему предназначению — это не рассказы о

богах, а обращение к богам с какой-то просьбой от молящегося; чтобы получить просимое, боги восхваляются — гимн рассказывает или хотя бы упоминает о каких-то подвигах этого божества, его могуществе, власти и т.п. (Именно поэтому, чтобы восстановить миф о каком-либо божестве в целом, приходится обращаться ко всем гимнам, содержащим его упоминание.) Гимн, произносимый человеком, — это дар божеству, но чтобы он был принят (и бог одарил просителя), гимн должен быть правильно произнесен — со всеми нужными инто- • нациями, паузами и т.п. Именно поэтому и возникает *Самаведа,* в которой повторяются ригведийские гимны, но с указаниями о том, как их правильно исполнять. Для того чтобы произнесение гимна оказалось эффективным, оно должно сопровождаться жертвоприношением, а точнее — включаться в структуру церемонии жертвоприношения. Ведийский ритуал описывается в *Яджурведе.* Таким образом,- первые три веды тесно связаны между собой. Несколько особняком от них стоит *Атхарваведа,* представляющая собой сборник заговоров и заклинаний, которую из-за этого иногда даже не включают в число вед.

Ведийская религия является политеистичной — в ней много богов, основных — 33, но иногда упоминаются 3339 богов. В мире выделяются *три основные сферы: небо, воздух и земля,* причем самой важной считается воздух. В соответствии со «сферой обитания» делятся и боги. К важнейшим богам неба относятся Сурья (солнце), Ушас (заря) и Варуна (божество вод и мирового порядка); земли — Агни (жертвенный огонь) и Сома (священный хмельной напиток — аналог зороастрийской хаомы); воздуха — Ваю (ветер), Рудра-Шива (гроза) и Индра (молния, гром и т.п.). Индра именуется «царем богов» и возвышается над всеми богами ведийского пантеона, он совершает множество подвигов, и самый известный из них — схватка с Вритрой (заградителем небесных вод), победа над ним позволяет Индре освободить воды и оросить ими землю.

Необходимо отметить еще две взаимосвязанные особенности ведийских богов: во-первых, почти не существует описания их физического облика и характерных атрибутов; а во-вторых, именно божество, к которому обращен гимн, называется самым могущественным из всех богов. Как предполагают исследователи, это связано с представлением о том, что все боги являются проявлением единого божественного принципа.

В середине I тыс. до н.э. на первый план в ведийском пантеоне выдвигается триада богов: *Брахма* (творец мира) — *Шива* (разрушитель мира) — *Вишну* (хранитель мира).

Дальнейшее развитие и оформление ведийских верований происходит в брахманах, араньяках и упанишадах, литературе смрити и примыкающей к ней (см. раздел «Литература»).

Уже десятая мандала Ригведы содержит определенные философские идеи, но, как принято считать, зарождение собственно древнеиндийской философии связано с упанишадами (древнейшие относятся к VIII—VI вв. до н.э.). В них разрабатываются понятия Атмана и Брахмана и проблема их тождества, идеи метампсихозы (переселения душ) и кармы (судьбы, создаваемой для себя человеком его поведением во всех его рождениях) и многие другие.

Победа Индры над Вритрой

Пришло время, и Тваштар создал из сомы и огня страшное чудовище — гигантского дракона Вритру. Безногий и безрукий, возлег огромный змей на горах, свернувшись в девяносто девять колец. Он закрыл пути тече-

нию рек, поглотил все их воды и заключил их в своем чреве. «Расти», — сказал ему Тваштар, и он стал расти с необычайной быстротой, оттеснял Западный и Восточный океаны и пожирая несметное количество пищи; за день он вырастал в каждую сторону на длину полета стрелы и грозил поглотить всю вселенную, и богов, и все живые существа.

Боги устрашились и воззвали к Индре. Они просили его встать во главе небесного воинства и повести его на дракона. Сам Брахма воззвал к Индре, побуждая его на битву со змеем, а Шива подарил ему для боя непробиваемые доспехи. И вот во главе с могучим Индрой боги устремились на Вритру, чтобы убить его. Завидев нападающих, дракон испустил устрашающее шипение и дохнул на них пламенем из своей огромной пасти. Тогда трепет объял богов, и они бежали стремглав от его губительного дыхания. Как бессильные старцы, отступили боги перед Вритрой, покинув Индру на поле боя. Только храбрые Маруты, сыновья Рудры, остались с Индрой, и еще остался с ним Вишну. «Бей, о владыка! Рази! Яви свое мужество!» — восклицали Маруты. И бесстрашный Индра ринулся один на дракона.

И тогда разверз Вритра свою чудовищную пасть и в мгновение ока проглотил Индру. После этого он заснул — никто больше не осмеливался напасть на него. Но тогда Шива подослал к нему Зевоту, и Вритра зевнул во сне, и царь богов тотчас, выбрался из его чрева. Вишну вложил силу в оружие Индры. Широко размахнувшись, отважный победитель асуров нанес Вритре страшный удар своей сокрушительной вадж-рой и рассек ему голову. Небо содрогнулось от рева смертельно раненного дракона. Самого Индру объял страх, и он бежал без оглядки за девяносто девять рек, на самый край света, и там, не зная еще, поразил ли он своего врага насмерть, спрятался в озере, в стебле лотоса. И все боги попрятались в страхе, и никто не смел приблизиться к дракону. Наконец Индра послал Марутов разведать, жив ли Вритра, и те пошли и увидели, что Вритра, мертвый, лежит, распростершись на земле. Воды, плененные в его чреве, вырвались на свободу и устремились к океану...

Это был величайший подвиг Индры.

(Темкин Э.Н., Эрман ВТ. Мифы Древней Индии. С. 37—38)

Из Ригведы

Гимн к Индре

Не (оставь) нас, о щедрый, в этой опасности в боях!
Ведь не достигнуть конца твоей мощи!
Ты заставил шуметь реки, (раскачал) громко скрипящие деревья.
Как людям не сгрудиться вместе от страха?
Пой могучему, могущественному, полному могущества! Возвеличивая, славь прислушивающегося Индру,

Который дерзкой силой покоряет оба мира, Мужественный бык — (своей) мужественной природой.
Пропой небу высокому ликующее слово —
Ведь у него, отважного, отважный дух самовластен.
Асура с высокой славой, ревностно созданный,
(Встал) впереди двух буланых коней: ведь бык этот — колесница.

Ты потряс вершину высокого неба.
Ты сам храбро разрубил Шамбару,
Когда (ты) храбро боролся под действием пьянящего (сомы)
С лапой поверженного колдовского (демона), острой как дротик.
Только тот царь — господин сущего (или) человек процветает, Кто, принося жертвенные возлияния, соблюдает предписание, Или кто принимает хвалебные песни с подарком. Влага неба набухает книзу для него.
Несравненна власть (его), несравненна мудрость.
Те из пьющих сому пусть будут впереди (всех) со (своим) делом,
Кто у тебя, дарителя, Индра, укрепляет
Великую власть, прочную и мужественную.
Ведь только для тебя эти обильные выдоенные камнями
(соки сомы),
Сидящие в чане, чаши, выпиваемые Индрой.
Дорвись, утишь страсть к ним,
Затем настрой мысль на дарение добра!
Возложи на нас блеск, увеличивающий счастье, Великую власть, сильную, о Индра, покоряющий людей! Храни наших покровителей, защищай богатых жертвователей И содействуй нам в богатстве, прекрасном потомстве,
жертвенной пище!
(Ригведа. I.С. 70-71)

Гимн к Агни

Вашего вестника вездесущего,
Относящего жертвы, бессмертного,
Я превозношу в (своей) песне как лучшего жертвователя.
Это он знает вместилище добра,
Великий (знает) подъем на небо.
Пусть привезет он сюда богов!
171
Этот бог знает как привлечь
Богов в дом для того, кто любит закон.
Он дает самые излюбленные блага.
Он хотар, и он также движется
Между (обоих миров), разбираясь в службе вестника,
Зная подъем на небо.
Да будем мы теми, кто (всегда) почитал
Агни дарами жертвенных возлияний,
Кто его зажигает и выращивает!
(Только) те завоеватели далеко прославились
(Своим) богатством, те — прекрасными мужами,
Кто приносил почитание Агни.
К нам день за днем пусть стекаются
Богатства, очень желанные!
К нам пусть движутся награды!
Этот вдохновенный пронзает, превосходя
Силой, (силу) народов, людей,
Словно спускаемым,(луком).
(Ригведа. IV. С. 369-380)

Гимн о сотворении мира

Не было не-сущего и не было сущего тогда, Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Что двигалось туда и сюда? Где? Под чьей защитой? Что за вода — глубокая бездна? Не было ни смерти, ни бессмертья тогда, Не было ни признака дня (или) ночи
Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно, И не было ничего другого, кроме него. Вначале на него нашло желание. Это было первым именем мысли. Откуда родилось, откуда это творение? Далее боги (появились) посредством сотворения этого мира. Тот, кто надзирает над этим (миром) на высшем небе, — Только он знает или же не знает.
(Ригведа. X. С. 32-33)

Из Атхарваведы На *приобретение мужа*

Да придет, о Агни, к нашей благосклонности сват -К этой девушке вместе с нашим счастьем! Мила она женихам, изящна на праздниках. Пусть будет тотчас же удача ей с мужем!
172
Эта женщина, о Агни, пусть найдет мужа! Сам царь Сома пусть создаст ей счастливую долю! Рожая сыновей, пусть станет она главной женой! Пойдя к мужу, пусть правит она счастливая!
(Атпхарваведа. С. 179)

Против проклинающего

Кто нас проклянет непроклинающих И кто проклинающих нас проклянет — Сразите его, как дерево — молнией! Да высохнет он от корня!
(Атпхарваведа. С. 141)

Против кашля

Как мысль с помощью представлений Стремительно улетает прочь, Так пролети ты, кашель, По просторам мысли!

Как хорошо отточенная стрела Стремительно улетает прочь, Так пролети ты, кашель, По склону земли!

Как лучи солнца Стремительно улетают прочь, Так пролети ты, кашель, Вслед за отливом океана!
(Атпхарваведа. С. 65—66)

Ведийская религия в своем развитии испытала ряд внешних влияний и к началу нашей эры трансформировалась в религию, которая называется инду^ измом. Индуизм и в настоящее время является религией большинства населения Индии. Но уже с середины I тыс. до н.э. в Индии возникает целый ряд новых религиозных и тесно связанных с ними — или отталкивающихся от них — философских учений. Это и учение адживиков, которое исчезло еще в древности, и учение джайнизма, которое существует до сих пор, но распространено лишь в отдельных районах. Но самым значительным из них, превратившимся позднее в мировую религию, был буддизм.

Школы индий- Согласно традиционным принципам классифика-**ской философии** ции, принятым большинством ортодоксальных индийских мыслителей, школы и системы индийской философии разделяются на два обширных лагеря — ортодоксальные...
173
и неортодоксальные... К первой группе принадлежат шесть главных философских систем: миманса, веданта, санкхья, йога, ньяя и вайшешика. Они считаются ортодоксальными ...не потому, что допускают наличие бога, а потому, что признают авторитет вед. Так, например, хотя школы мимансы и санкхьи отрицают существование бога как творца мира, они все же считаются ортодоксальными, так как признают авторитет вед. Перечисленные выше шесть систем относятся к главным ортодоксальным системам. Кроме них, имеются еще и менее важные ортодоксальные школы, как, например, грамматическая, медицинская и другие... К числу неортодоксальных систем относятся главным образом три основные школы — материалистическая (типа чарвака), буддийская и джай-нская. Их называют неортодоксальными... потому, что они не признают авторитет вед.
(Чаттперджи С.,ДаттпаД. Индийская философия. С. 18—19)

Буддизм

Буддизм, по-видимому, возник в VI в. до н.э. Первоначальный буддизм — это скорее философско-этическое учение, но уже вскоре после смерти Будды оно трансформируется в религию.

BIII в. до н.э. при царе Ашоке буддизм становится государственной религией. Около I в. до н.э. в буддизме оформляются два основных направления — *хинаяна* (Малая колесница, или Узкий путь спасения) и *махаяна* (Большая колесница, или Широкий путь спасения). Хинаяна на первое место ставит достижение личного спасения индивида, и возможно это только на пути монашества. В махаяне же считатся, что достичь нирваны можно и оставаясь в миру. Высшая цель здесь — спасение максимально большого количества людей. В связи с этим в махаяне появляется учение о бодхисаттвах — святых, которые могли бы уйти в нирвану, но остаются с людьми, чтобы вести их по восьмеричному пути. Будда обожествляется, появляется учение о множестве будд.

Жизнь Будды

Ученикам, а через них и всему миру странствующий проповедник Га-утама известен под именем Будды — «знающего», «просвещенного». Будда родился около 567 года до н.э. Его собственное имя — Сиддхарт-ха, то есть «Достигший своей цели»; его родовое имя — Гаутама, имя его отца Шуддходана, имя матери — Майя. Он был наследным принцем царства Шакья и был воспитан в Капилавасту, столице царства Шакья, второй женой Шуддходаны, Махаяпати, так как мать Гаутамы умерла через семь дней после его рождения. Передают, что он женился на своей двоюродной сестре Яшодхаре и имел от нее сына Рахулу, который позже стал его учеником. Уже рано тяготы и тайны этого непонятного мира стали довлеть над ним с большой силой. В нем

вызывали тревогу прехо-дящесть и изменчивость жизни; он остро почувствовал, в каких черных
174
пучинах гибнет множество человеческих существ, став жертвою темноты и греха. Суть рассказа о четырех знамениях, встреченных Гаутамой на дороге в Капилавасту, — старике, согбенном годами, больном, измученном лихорадкой, умершем, за которым шли плакальщики, рыдая и вырывая у себя волосы, и нищенствующем монахе, — сводится к тому, что несчастья этого мира поразили впечатлительную натуру Будды. Одного вида несчастий было достаточно для того, чтобы пробудить в нем сознание векового бремени, тяготеющего страшнее всего над невинными и угрожающего погубить даже лучшие стремления человека. Отдельные случаи страдания для Будды были иллюстрациями всеобщей проблемы. Все, что в нем было твердого, было потрясено, и он содрогнулся, видя, как ужасна жизнь.

Подавленный пустотой чувственных вещей, он отказался от довольства, могущества и богатства жизни во дворце, чтобы размышлять о вечном и найти для своих собратьев людей спасение от низости жизни и плотских иллюзий. В те дни искатели истины, преследуемые и одержимые духовным беспокойством, становились странствующими отшельниками. Искатель света должен начать свои поиски отвержением всех благ мира. В соответствии со старинным обычаем Будда ушел из дома и стал аскетом. Он отказался от своего сана, одел желтый плащ и стал просить милостыню, странствуя по дорогам мира в поисках света и покоя. Это великое отречение от мирских благ он осуществил в возрасте 29 лет. Он пытался найти духовный покой в философском размышлении и некоторое время странствовал в одиночестве по морям чужой мысли, но не добился при этом большого успеха. Утонченная диалектика не дает излечения от духовного беспокойства. Другое средство ухода от жизни состояло в суровых лишениях, которым подвергалось тело. Гаутама с пятью верными друзьями отправился в уединенное место в джунглях Урувелы, где всячески умерщвлял свою плоть и усердно постился, стремясь обрести душевный мир с помощью сурового аскетизма. Ему не удалось получить какое-либо утешение, ибо истина была так же далека, как всегда. Он начал приходить в отчаяние и однажды ночью чуть не умер, потеряв сознание от усталости и просто от истощения. Но истина все еще оставалась проблемой, а жизнь стояла под знаком вопроса.

После целых шести лет сурового аскетического послушания Будда пришел к убеждению, что этот метод совершенно бесплоден. Он взвесил на весах пустоту богатства, мудрость школ и суровость аскетизма и нашел, что они не нужны. Очистив тело воздержанием, усовершенствовав ум смирением и укрепив сердце одиночеством, он стал искать мудрости в пустыне. Он обратился к вещам, созданным богом, надеясь узнать истину в красоте утра, великолепии солнца и пышности природы и жизни. Он занялся размышлениями и молитвами.... Сидя под деревом бо (индийской смоковницей...) на травяном ложе, Гаутама постоянно и неподвижно смотрел на восток, и его ум был устремлен к
175
одной цели: «Я не сдвинусь с места, пока не достигну высшего и абсолютного знания». Он провел под деревом семь недель. ... Однажды, когда он все еще был предан глубоким размышлениям, отдыхая под деревом, которому его приверженцы дали имя Бодхинанды, или трона разума, его ум озарился новым светом. Он овладел тем, чего искал.

Когда он обрел просветление после многих лет постоянных поисков и размышлений, он счел своей обязанностью рассказать обреченным толпам о пути к вечному счастью. Миру, идущему по неверному пути, он стал проповедовать благую весть о четырех благородных истинах и восьмеричном пути. Не беспокоясь о тонкостях метафизики, он проповедовал этический путь, желая спасти массы людей, живших в грехе и позоре. Ясность и кротость его лика, красота и достоинство его жизни, серьезность и энтузиазм его любви, мудрость и красноречие его проповеди завоевывали сердца равно мужчин и женщин. В качестве своих первых учеников он избрал пятерых из своих товарищей по аскезе. Для них он произнес свою первую проповедь о... «приведении в движение Колеса Закона». Его товарищи приняли его учение и первыми были должным образом посвящены в члены буддистского ордена, или Сангхи. Число учеников постепенно увеличивалось. По всем направлениям были разосланы миссионеры для обучения новой дхарме... Тысячами вступали люди в ученики Будды... Когда Будда посетил отца через двенадцать лет после того, как он его оставил, он сделал это только для того, чтобы обратить в свое учение отца и мать, жену и сына.

Когда после миссионерской деятельности, продолжавшейся примерно сорок лет, он понял, что приближается время для него отказаться от своего тела и достигнуть парининрваны, он потратил

последние часы жизни на советы и наставления Ананде и собравшимся монахам... Передают, что он умер в возрасте восьмидесяти лет. Великий Будда навсегда олицетворяет душу Востока с ее напряженным спокойствием, мечтательным благородством, тихим покоем и глубокой любовью. Будда известен под несколькими именами, в том числе Шакьямуни — мудрец из Шакьев и Татхагата — достигший истины.

(Радхакришнан С. Индийская философия. С. 295—298)

Буддийское учение

Будда был главным образом учителем этики и реформатором, но не философом. Знакомство с его просветлением указывает человеку путь в жизни, который ведет к освобождению от страдания... Самая настоятельная задача — положить конец несчастьям. Тот, кто посвящает себя теоретическим умствованиям о душе и мире, изнывая в то же время от страданий, поступает как глупец, который, вместо того чтобы попытаться немедленно извлечь вонзившуюся в его бок отравленную стрелу, размышляет о том, как была сделана эта стрела, кто ее сделал и кто ее пустил...

176

Будда всегда стремился просвещать людей по самым важным для них вопросам: о страдании, его происхождении и прекращении, а также о путях, ведущих к прекращению страдания. «Это, — говорит Будда, — приносит пользу, способствует святости жизни, приводит к отвращению от всего земного, к уничтожению страстей, к прекращению страдания, к успокоению, по знанию высшей мудрости, к нирване».

Ответы на эти четыре вопроса составляют... сущность просветления Будды, которым он стремился поделиться со всеми ближними. Они стали известны под названием «четырех благородных истин»... 1) жизнь в мире полна страданий, 2) есть причина этих страданий, 3) можно прекратить страдания, 4) есть путь, ведущий к прекращению страданий...

Происхождение зла объясняется Буддой с помощью особой концепции естественной причинной связи... Согласно этой теории, нет ничего не обусловленного — все зависит от определенных условий. Так как каждое событие порождается некоторыми условиями, должно существовать нечто, бытие которого порождает страдание...

Вот вкратце формула причинной зависимости: 1) страдание жизни обусловлено рождением; 2) рождение — стремлением к жизни; 3) стремление к бытию — умственной привязанностью к объектам; 4) привязанность — жаждой, желанием вещей; 5) жажда — чувственным восприятием; 6) чувственный опыт — чувственным соприкосновением с объектами; 7) чувственное соприкосновение — шестью органами познания; 8) шесть органов познания — эмбриональным периодом развития организма (состоящего из разума и тела); 9) эмбрион не может развиться без первоначального сознания; 10) первоначальное сознание обусловлено впечатлениями прошлой жизни; 11) эти впечатления обусловлены двенадцатым звеном цепи — 12) неведением истины...

Указанный Буддой путь состоит из восьми ступеней, или правил, и поэтому носит название восьмеричного благородного пути... Этот путь открыт для всех — и монахов и непосвященных. Этот благородный путь состоит в приобретении следующих восьми добродетелей.

1. Правильные взгляды

Так как неведение с его последствиями — заблуждениями ... о я и о мире — является коренной причиной наших страданий, то естественно, что для нравственного совершенствования нужно иметь прежде всего правильные взгляды, познать истину. Правильнее взгляды — это правильное понимание четырех благородных истин.

2. Правильная решимость

Одно знание истин было бы бесполезно без решимости преобразовать жизнь в соответствии с ними. От стремящемся к моральному совершенствованию требуется поэтому отрешение от всего земного (привязанности к миру), отказ от дурных намерений и вражды к другим людям. Эти три условия и представляют собой основу правильной решимости.

177

3. Правильная речь

Правильная решимость не должна оставаться лишь «религиозным желанием», а должна воплощаться в действие. Правильная решимость прежде всего должна иметь возможность направлять и контролировать нашу речь. Результатом будет правильная речь — воздержание от лжи, клеветы, жестоких слов и фривольных разговоров.

4. Правильное поведение

Правильная решимость, не ограничиваясь просто выработкой правильной речи, должна наконец воплотиться в правильное действие, хорошее поведение. Правильное поведение заключается

поэтому в отказе от уничтожения живого, от воровства, от неверного удовлетворения этих чувств.
5. Правильный образ жизни
Отвергая дурную речь и плохие поступки, следует зарабатывать средства на жизнь честным путем. Необходимость этого правила заключается в показе того, что даже для поддержания жизни нельзя прибегать к недозволенным средствам — надо'трудиться в соответствии с доброй решимостью.
6. Правильное усилие
Когда человек пытается изменить свою жизнь, руководствуясь правильными взглядами, решимостью, речью, поведением и образом жизни, его постоянно совращают с правильного пути как глубоко укоренившиеся в нем старые вредные идеи, так и постоянно приобретаемые новые идеи. Прогресс нельзя закрепить, если стремящийся к нирване не будет постоянно искоренять старые дурные мысли и препятствовать их появлению вновь. Поскольку ум не может оставаться пустым, его надо постоянно стремиться заполнять хорошими идеями, стараясь закрепить их в уме.
7. Правильное направление мысли
Необходимость постоянной бдительности — таково дальнейшее развитие того правила, согласно которому ищущий должен постоянно помнить о том, что уже изучено. Он постоянно должен рассматривать тело как тело, ощущение — как ощущение, ум — как ум, душевное состояние — как душевное состояние. Обо всем этом он не должен думать: «это — я» или «это — мое»... Например, рассматривая тело, надо помнить и думать о том, что оно является лишь соединением четырех элементов (земли, воды, огня и воздуха), что оно наполнено всеми видами отвратительной материи: мясом, костями, кожей, внутренностями, нечистотами, желчью, мокротой, кровью, жиром и т.д. На кладбище можно увидеть, как мертвое тело разлагается, пожирается собаками и грифами, а затем, постепенно смешиваясь с элементами материи, исчезает. Благодаря такому усиленному размышлению стремящийся может вспомнить о том, что реально есть тело: как оно отвратительно, тленно и преходяще! «Он отбросит все фальшивые чувства и привязанность к телу, телу своему и

телу других». Простым усилением размышлений об ощущениях, уме и пагубных душевных состояниях стремящийся освобождается от привязанности ко всему этому и печали по поводу их утраты. Окончательным результатом этого четырехстороннего напряженного размышления будет отрешенность от всех объектов, которые привязывали человека к миру.
8. Правильное сосредоточение
Тот, кто успешно ведет свою жизнь согласно указанным семи правилам и с их помощью освобождается от всех страстей и злобных мыслей, достоин пройти шаг за шагом четыре стадии все более и более глубокого сосредоточения, которые постепенно ведут его к конечной цели длинного и трудного путешествия — к прекращению страданий. Он сосредоточивает свой чистый и невозмутимый ум на осмыслении... и исследовании... истин. На этой первой стадии глубокого созерцания... он наслаждается радостью и свободным порождением отрешенности и чистого мышления.
Когда достигается такое сосредоточение, то вера в четырехстороннюю истину рассеивает все сомнения и необходимость в рассуждениях и исследованиях отпадает. Так возникает вторая стадия сосредоточения, на которой радость, покой и внутреннее спокойствие порождают усиленное невозмутимое размышление. Это — стадия осознания такой радости и покоя. На следующей стадии делается попытка перейти к состоянию безразличия, то есть способности отрешиться даже от радости сосредоточения, так возникает третья, более высокая стадия сосредоточения, когда ищущий испытывает совершенную невозмутимость и освобождается от ощущения телесности. Но он еще сознает это, освобождение и невозмутимость, хотя и безразличен к радости сосредоточения.
Наконец, ищущий пытается избавиться даже от этого сознания освобождения и невозмутимости и от всех чувств радости и воодушевления, которые он ранее испытывал. Тем самым он достигает четвертой стадии сосредоточения — состояния совершенной невозмутимости, безразличия и самообладания, без страдания и освобождения.
Таком образом, он достигает желанной цели — прекращения всякого страдания. На этой стадии ищущий достигает архатства, или нирваны...
Результатом этого беспрепятственного сосредоточения на истине является совершенное провидение, высшая мудрость, перед которой раз и навсегда ясно раскрывается тайна существования. Неведение и желания искореняются, и источник страдания исчезает. Следовательно, совершенная мудрость, совершенная добродетель, совершенная невозмутимость — полное

избавление от страдания — все это одновременно может быть достигнуто в нирване.
(Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. С. 121—136)
179

Государство и право

В Древней Индии, как и в других древних цивилизациях, сложившаяся социально-политическая организация общества и формы правления объяснялись космическим порядком *(рита)* и волей богов (отдельные идеи такого рода содержатся уже в ведах). Так, в частности, в Ригведе происхождение и различное предназначение варн (каст) объясняется мифом о Пуруши — пер-вочеловеке, из которого возник весь мир: при принесении его в жертву жрецами из его уст возникли брахманы, из рук — кшатрии (воины), из бедер — вайшьи (земледельцы, ремесленники, торговцы), из ног — шудры (слуги). Вне каст находились рабы. Дальнейшее развитие такого рода идеи получают в упа-нишадах, где разрабатывается *идея дхармы* — долга, который должны выполнять люди каждой касты, и в многочисленных правовых сборниках — *дхар-уашастрах* и *дхармасутрах.*

Наиболее выдающимися памятниками политико-правовой мысли являются «Законы Ману», написанные во II в. до н.э., и «Артхашастра».

С критикой кастового деления выступает буддизм, с позиции которого достижение высшей цели — нирваны — зависит исключительно от усилий личности и не связано с принадлежностью к какой-либо касте. Понимание жизни как страдания, от которого надо как можно скорее избавиться, не стимулировало интереса к социально-политическим идеям, буддийское понимание дхармы (дхаммы) требует от индивида (независимо от его социального положения) определенных форм поведения, связанных с восьмеричным путем спасения.

Из законов Ману После смерти отца и матери братья собираются и делят между собой в равных долях отцовское имущество, потому что они не имеют право на него при жизни родителей.

(Мудрецы) заявляют: поле принадлежит тому, кто вырубил лес, а лань тому, кто ранил ее.

Те, кто не имеют собственного поля, но имеют посевное зерно и сеют его в чужую почву, — не получают зерна от урожая.

Существует семь законных способов приобретения имущества: наследование, находка или дружеский подарок, покупка, завоевание, гю лучение взаимообразно под проценты, выполнение работы и получение в дар от достойных людей.

Имущество, приобретенное ученым трудом или в виде дара от друга, а также свадебный подарок неделимы.

Ученый труд, механические ремесла, работа за заработанную плату, служба, скотоводство, торговля, сельское хозяйство, довольство малым, милостыня, получение процентов за деньги — вот десять способов существования.

По зрелому размышлению государь должен всегда устанавливать в своих владениях пошлины, налоги таким образом, чтобы ему самому и человеку, который будет заниматься этим делом, это было выгодно.

Государь является первейшим из всех сотворенных существ.
(Законы Ману. С. 113-118)
180

Из «Артхашастры» *«Артхашастра»* («Наука политики» или «Руководство к достижению полезного») — уникальный памятник
древнеиндийской мысли. Автором его считается Каутилья, но кем был этот человек и в какое время он жил, можно только предполагать, разброс вероятных дат — от IV в. до н.э. до III в. н.э. Книга состоит из 16 отделов, содержащих 180 разделов. В ней охвачен широкий круг вопросов, связанных с проблемами государственного управления: это и вопросы хозяйствования, и устройство царского жилища, обеспечивающее максимальную безопасность царя, и проблемы войны и мира, отношения с союзниками, в ней подробно описывается как готовить и использовать шпионскую сеть для слежки за возможными врагами (в том числе за собственными министрами и даже собственным сыном — царевичем-наследником) и многое другое.

Испытание честности и нечестности министров посредством хитростей

Совместно с главным советником и домашним жрецом царь, назначив министров на должности, пусть испытывает их хитростями.

Пусть царь (для вида) сменит домашнего жреца, который, получив приказ принести жертву для недостойного лица или обучить его ведам, проявит (для вида) неудовольствие. Пусть домашний жрец через шпионов, дающих клятву, подговаривает одного за другим министров следующим образом: «Этот царь беззаконник, поставим же на его место другого царя, справедливого или из его родных, заключенного (в темницу), родовитого, чтимого, или вассала, или вождя лесного племени, или правителя пригорной страны. Все с этим согласны, а ты как?». В случае отказа он чист. Это хитрость закона.

Военачальник, (для вида) отставленный за покровительство недостойным людям, пусть через шпионов подговаривает министров одного за другим на убийство царя предложением подкупа, причем говорится: «Все на это согласны, а как ты». Отказавшийся чист. Это хитрость выгоды.
Отшельница, приобретшая доверие в царском тереме, чтимая, пусть подговаривает главных сановников одного за другим такими словами: «Главная жена царя любит тебя, она приняла меры для свидания с тобой. Предстоит тебе и большая материальная выгода». Отказавшийся чист. Это хитрость любви.
Пусть один из министров под предлогом увеселительной поездки пригласит всех министров. (Для вида) смущенный этим, царь пусть заключит их в темницу. Шпион под видом ученика, перед тем заключенного в тюрьму, пусть этих министров, лишенных имущества и почести, одного за другим подговаривает: «Нехорошо поступает этот царь, убьем же его немедленно и поставим (на его место) другого. Все с этим согласны, а как ты?» Отказавшийся чист. Это хитрость страха.
Из испытанных таким образом министров пусть он чистых по хитрости закона поставит на дела судебные и уголовные, чистых по хит-
181
рости выгоды пусть ставит на дела сбора поступлений, на должности сборов податей и счетные, чистых по хитрости любви пусть ставит на дела по охране увеселений внутри дворца и вне его; чистых по хитрости страха пусть ставит на дела в непосредственной близости царя. Чистых по всем хитростям пусть сделает советниками; нечистых по всем пусть пошлет в рудники, в строевые леса, леса заповедники слонов и в мастерские.
(Артхашастра. С. 25—27).

Об идеале государя

Основными элементами государства являются: государь, министр, сельская местность, укрепленные города, казна, войско и союзники.
При этом идеал государя является следующим: он должен быть высокого рода, со счастливой судьбой, обладающим умом и положительными качествами, обращающим внимание на (совет) старых и опытных людей, справедливым, правдивым, не изменяющим своему слову, благодарным, щедрым, в высшей степени энергичным, не имеющим обыкновения медлить, господином своих вассалов, с сильной волей, не имеющим в своем окружении лиц негодных и охотно принимающим наставления. Вот качества, которыми он привлекает к себе людей.
(Он должен обладать) любознательностью, способностью учиться, воспринимать, удерживать в памяти, познавать, размышлять по поводу познанного, отвергать негодное и проникать в истину. Вот качества ума (которые должны быть свойственны ему).
(Он должен обладать) храбростью, настойчивостью, быстротой и ловкостью. Это суть качества, характеризующие его деятельность.
Он должен быть красноречивым, находчивым, обладающим памятью, сметливостью и физической силой, быть высокого образа мыслей, легко обуздываемым, искусным, действующим военной силой в случае притеснения (со стороны врагов), видимым образом воздающим за добро и зло, стыдливым, принимающим меры против бедствий или для охраны подданных, дальновидным, обращающим главное внимание на правильное применение людей в надлежащее время и в подобающем месте, искусным при выборе мира, войны, послаблений, крутых мер, верности договорам или использовании слабых мест врагов, сдерживающимся, веселым, смеющимся, имеющим прямой и не хмурый взгляд, свободным от страстей, гнева, жадности, надменности, рассеянности, вспыльчивости и наклонности к клевете. Он должен говорить приятное, в разговоре улыбаться и вместе с тем держать себя достойно и поступать согласно наставлениям опытных людей. Вот положительные качества государя как личности.
(Артхашастра. С. 284-285).
182

Из «Дхаммапады» *«Дхаммапада»* (Стезя закона) — это часть священной книги буддизма «Трипитаки» (см. раздел «Литература»). Дхамма (дхарма) — это закон, долг и т.п.

Он ведет других, не прибегая к насилию, в соответствии с дхаммой, бесстрастно. Охраняющего дхамму, мудрого называют «соблюдающим дхамму».
Я называю брахманом того, кто не совершил зла ни телом, ни словом, ни мыслью — кто сдерживает себя в трех вещах.
Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман.
Я называю брахманом того, кто не убивает и не заставляет убивать, кто не поднимает палку на живые существа, трусливые они или храбрые.

(Дхаммапада. С. 44, 62—63)

Письменность и книги

У жителей Хараппы и Мохенджо-Даро была своя письменность. Надписи делались на керамике, металлических вещах и на печатях. Эта письменность содержала около 400 рисуночных знаков, знаки писались справа налево. Письменность до сих пор не расшифрована, более того, неизвестен даже язык, на котором она сделана, наиболее вероятно предположение, что на древнейшем дравидском.

Древнейшие прочитанные надписи относятся к III в. до н.э. (это буддийские тексты — надписи царя Ашоки), написанные слоговым письмом брахми, запись велась слева направо. На его основе позднее сложились три основные ветви индийской письменности: северная, южная и юго-восточная. Чаще всего записи производились на пальмовых листьях.

Надпись царя Ашоки

В прошлом, в течение многих столетий, все учащались случаи лишения жизни, дурного обращения с живыми существами, плохих отношений между родственниками, неуважительного поведения по отношению к браминам и аскетам. Но в настоящее время, благодаря благочестию царя Пиада-си, любимого богами, барабанный бой стал сигналом благочестия, показывающим народу небесные колесницы, слонов, праздничные костры и другие небесные видения. Благодаря насаждению благочестия царем Пиадаси, которого любят боги, в настоящее время наблюдается в размерах, которых не бывало в течение многих столетий, воздержание от лишения жизни, воздержание от дурного обращения с живыми существами, хорошее отношение между родственниками, хорошее поведение по отношению к браминам и аскетам, послушание отцу и матери, послушание старшим. В такой и разных других формах усиливается проявление благочестия, и царь Пиадаси, любимый богами, хочет

183

сделать так, чтобы это еще больше усиливалось. Поэтому сыновья, внуки и правнуки царя Пиадаси, любимого богами, будут до бесконечных времен усиливать проявления благочестия. Твердые в своем благочестии и нравственности, они будут внедрять благочестие, ибо наилучший образ действия — это внедрение благочестия: у безнравственных людей благочестие не встречается. Таким образом, и в этом отношении усиление, а не ослабление его является благом. С этой целью написано сие здесь для того, чтобы благочестие усиливалось среди людей и чтобы не допускать ослабление его. Это написано царем Пиадаси, любимым богами, принявшим посвящение 12 лет тому назад.

(Надпись царя Ашоки. С. 119)

Школа и обучение

Обучение для всех «дваждырожденных» состояло в изучении священных текстов (и прежде всего — вед) и обрядов. В дописьменный период оно начиналось как запоминание детьми на слух текстов, произносимых учителем (гуру). С появлением письменности возникла необходимость учиться читать и писать. Так как санскрит считался в ведической религии священным языком, то после превращения его в мертвый язык дети должны были его изучать. Буддизм не признавал санскрит священным языком, и проповедь велась на всех диалектах живого разговорного языка.

Начало ученичества отмечалось особым *обрядом упанаяны,* возникшим в глубокой древности. Период обучения, кроме упанаяны, отмечался еще следующими санскарами (обрядами): изучение алфавита; начало изучения вед; бритье бороды; окончание обучения. В течение всего времени обучения никакая плата не вносилась, после окончания учебы семья ученика преподносила учителю подарки (в зависимости от своего состояния).

Представления индийцев основывались на том, что человеку необходима определенная культура, чтобы войти в общину и пользоваться всеми ее правами и привилегиями. Без упанаяны никто не мог называться дваждырожденным. Кто не проходил этой санскары, считался исключенным из общества дваждырожденных и лишенным всех привилегий. Посвящение открывало доступ к сокровищам литературы индийцев. Без него нельзя было жениться на девушке из варн дважды-рожденных. Таким образом, индийский идеал сделал всеобщее образование необходимым испытанием и отличительным признаком всего общества. Наиболее замечательным фактом в связи с упанаяной является то, что благодаря ее совершению посвященный считался пережившим второе рождение-Учеников принимали, если они удовлетворяли условиям, указанным учителем. «Это знание не следует передавать неверующему, нечистому и порочному»... Ученики жили и питались в доме своего гуру..-,

184

а взамен оказывали ему разные личные услуги, например присматривали за его коровами и поддерживали жертвенный огонь... Кроме того, ученик также помогал своему учителю собирать милостыню... Обычный период ученичества продолжался от 12 до 24 лет, но встречаются

упоминания и о большей длительности. Возраст, когда начиналось ученичество, и период, проводимый в доме у учителя, могли быть различны в зависимости от индивидуальной склонности и способностей... Учитель пользовался большим уважением. Считалось, что почтение к учителю необходимо для высшего рода знания...
(Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. С. 112—114)

Литература

Ведийская литература Ведийская литература чрезвычайно богата по своему составу и содержанию. Основной корпус литературы делится на шрути (слышание) и смрити (запоминание). *Литература шрути* — это священные тексты, полученные, как считается, от богов (посредством мудрецов-поэтов риши, вдохновленных богами). Первое место здесь занимают *четыре веды.* Следующий слой литературы шрути — это *брахманы* («объяснения Брахмана») — прозаические тексты, содержащие предписания и объяснения, относящиеся к ведийским гимнам (X—VII вв. до н.э.). В составе Брахманов выделяют, как особую группу *книг,аранъяки* («араньяка» — «лесная книга») — это книги, предназначенные для отшельников. И к ним тесно примыкают *упанишады* (сидение (у ног) учителя) — книги, в которых излагаются учения, передаваемые от учителя к ученику. Каноническими признаются 108 упанишад, время их создания от VIII в. до н.э. и до XIV—XV вв. н.э. Упанишады часто называются ведантой, т.е. «конец вед».

Литературы смрити — это многочисленные трактаты, посвященные проблемам ритуала, законодательства и науки. Обычно они относятся к жанру *сутр* («нить»). К литературе смрити примыкает *эпическая поэзия.* Две наиболее известные поэмы Древней Индии — «Ма-хабхарата» и «Рамаяна». В первые века н.э. возникают авторская проза, поэзия и драматургия.

Из «Брихадарань-яка-упанишады»

1. Вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши. Он оглянулся вокруг и не увидел никого кроме себя. И прежде всего он произнес: «Я есмь». Так возникло имя «Я». Поэтому и поныне тот, кто спрошен, отвечает сначала: «Я есмь», а затем называет другое имя, которое он носит. Перед началом всего этого он сжег все грехи, и поэтому он пуруша. Поистине, знающий это, сжигает того, кто желает быть перед ним.

185

2. Он боялся. Поэтому [и поныне] тот, кто одинок, боится. И он подумал: «Ведь нет ничего кроме меня, — чего же я боюсь?» И тогда боязнь его прошла, ибо чего ему было бояться? Поистине, [лишь] от второго приходит боязнь.

3. Поистине, он не знал радости. Поэтому тот, кто одинок, не знает радости. Он захотел второго. Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга. «Поэтому сами по себе мы подобны половинкам одного куска», — так сказал Яджнявалкья. Поэтому пространство это заполнено женщиной. Он сочетался с нею. Тогда родились люди.

4. И она подумала: «Как может он сочетаться со мною после того, как произвел меня из самого себя? Что же — я спрячусь». Она стала коровой, он — быком и сочетался с ней; тогда родились коровы. Она стала кобылой, он — жеребцом; она ослицей, он — ослом и сочетался с ней; тогда родились однокопытные. Она стала козой, он — козлом; она — овцой, он — бараном и сочетался с ней; тогда родились козы и овцы. И так то, что существует в парах, — все это он произвел на свет, вплоть до муравьев.

5. Он узнал: «Поистине, я есмь творение, ибо я сотворил все это». Так он стал творением. Кто знает это, тот находится в этом его творении...

9. И говорят: «Если люди считают, что благодаря знанию Брахмана они станут всем, то что же такое знал Брахман, благодаря чему он стал всем?»

10. Поистине, в начале это было Брахманом. Он узнал себя: «Я есмь Брахман». Поэтому он стал всем [сущим]. И кто из богов пробудился [к этому знанию] тот стал таким же. То же произошло с риши, то же с людьми. Видя это, риши Вамадева понял: «Я был Ману и Сурьей». Так и поныне — кто знает: «Я есмь Брахман», тот становится всем [сущим]. И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их Атманом. Кто же почитает другое божество и говорит: «Оно — одно, а я — другое», тот не обладает знанием. Он — как животное перед богами. Ведь, поистине, как многие животные приносят пользу человеку, так и каждый человек приносит пользу богам. Даже когда бывает взято одно животное, это причиняет неудовольствие, — чего же говорить о многих? Поэтому, им [богам] неприятно, когда люди знают это.
(Упанишады. С. 73-75)

Из «Брахман» **Миф о потопе**

Однажды утром принесли Ману воды для омовения, как и теперь ее приносят, чтобы омыть руки. А когда он омывался, в руки его попала рыба.
186
Рыба сказала: «Вырасти меня, и я спасу тебя». — «От чего же ты спасешь меня?» — «Будет потоп, который унесет с собой все живое. От него я тебя спасу». — «Как же тебя вырастить?»
Она ответила: «Пока мы малы, нам отовсюду грозит гибель: рыба пожирает рыбу. Помести меня сначала в кувшин с водою, а когда он станет мне тесен, выкопай яму и содержи меня в ней. Когда же и она станет тесной, пусти меня в море. Тогда не страшна мне будет никакая опасность».
Вскоре она выросла и стала громадной рыбой, потому что росла очень быстро. Она сказала: «В такой-то и такой-то год будет потоп. Потому снаряди корабль и жди меня. А когда потоп начнется, взойди на корабль, и я тебя спасу».
Вырастив рыбу, как она его о том просила, Ману отпустил ее в море. И в тот самый год, какой она назвала, он снарядил корабль и стал ее поджидать. Лишь только потоп начался, взошел Ману на корабль, и тогда приплыла к нему рыба. К рогу ее он привязал веревку от своего корабля, и так привела его рыба к Северной горе.
Рыба сказала: «Я спасла тебя. Теперь привяжи корабль к дереву; а когда будешь на горе, смотри, чтобы тебя не смыло водою. Лишь только вода начнет спадать, и ты сходи вслед за нею». И вот шаг за шагом Ману сошел вниз... Тем временем потоп унес с собой все живое, и Ману остался на земле один.
Желая иметь потомство, он жил, восхваляя богов и предаваясь покаянию. Однажды он замешал на воде топленое масло, кислое молоко, сметану и творог и принес жертву. Спустя год из этой жертвы восстала
девушка-Потом эта девушка стала его женой и от них пошел весь род человеческий.
(Потоп. С. 399-400)

Из «Махабхараты» *«Махабхарата»* — это грандиозная эпическая поэма, посвященная борьбе за власть двоюродных братьев.

Эпос складывался постепенно на протяжении всего I тыс. до н.э., записана же поэма была, по-видимому, только в первые века н.э. Она содержит множество вставных историй, ведийских мифов и философских размышлений. Махаб-харату часто называют пятой ведой. Ее наиболее знаменитой частью является *«Бхагаватгита»,* отрывок из которой приводится ниже.

Арджуна сказал:
При виде моих родных, пришедших для битвы, Кришна, Подкашиваются мои ноги, во рту пересохло. Дрожит мое тело, волосы дыбом встали, Выпал из рук Гандива, вся кожа пылает;
Стоять я не в силах, мутится мой разум. Зловещие знаменья вижу, не нахожу я блага
187
В убийстве моих родных, в сраженье, Кешава.
Не желаю победы, Кришна, ни счастья, ни царства;
Что нам до царства, Говинда, что в наслажденьях, в жизни?
Те, кого ради желанны царство, услады, счастье,
В эту битву вмешались, жизнь покидая, богатства:
Наставники, деды, отцы, сыны, внуки,
Шурины, тести, дяди — все наши родные.
Их убивать не желаю, Мадхусудана, хоть и грозящих смертью,
Даже за власть над тремя мирами, не то, что за блага земные.
О Джанардана, после убийства сынов Дхритараштры,
Что за радость нам будет? Мы согрешим, убивая грозящих оружьем.
Не надлежит убивать нам кровных сынов Дхритараштры,
Ведь погубив свой род, как можем счастливыми быть, Мадхава?
Хоть и не видит греха их ум, пораженный корыстью,
В уничтожении рода, вероломстве преступном,
Как не понять постигающим зло поражения рода,
Что нам, Джанардана, от такого греха отрешиться надо?
С гибелью рода погибнут непреложные рода законы;
Если же законы погибли, весь род предается нечестью,
А утвердится нечестье, Кришна, — развращаются женщины рода.
Женщин разврат приводит к смешению каст, Варшнея!
Если смешение будет, в ад попадут и весь род, и убийцы рода;

Ниспадают их предки, лишаясь возлияний и жертвенных клецек.
Преступленье губителей рода, смешавших касты,
Упраздняют законы народа, семьи вековые устои.
Люди, поправшие родовые законы, о Джанардана,
Должны обитать в аду, так указует Писанье!
Горе, увы, тяжкий грех мы совершить замышляем:
Ради желания царских услад погубить своих кровных.
Если меня, безоружного, без противленья, сыны Дхритараштры
С оружьем в руках убьют в сраженье, мне будет отрадней...
Шри-Бхагаван сказал:
Ты мудрую речь говоришь, а сожалеешь о тех, кому сожаленья не надо: Познавшие не скорбят ни о живых, ни об ушедших, Ибо Я был всегда, также и ты, и эти владыки народов, И впредь все мы пребудем вовеки.
Как в'этом теле сменяется детство на юность, зрелость и старость, Так воплощенный сменяет тела; мудрец не смущается этим. Касания плоти, Каунтея, приносят страдание, радость, жар, холод, Непостоянны они: приходят — уходят; противостань им, Бхарата! Лишь человек, не колеблемый ими, тур Бхарата, В страдании, радости равный, стойкий, готов для бессмертья. Небытие не причастно бытию, бытие небытию не причастно;
188
Граница того и другого ясна для постигших Правду. Неуничтожимо То, чем этот мир распростерт; постигни; Непреходящее уничтожимым сделать никто не может. Эти тела преходящи; именуется вечным носитель тела, Непреходящим, неисследимым; итак, сражайся, Бхарата!
(Бхагаватгита. С. 81—85)

Буддийская литература

Священной книгой буддизма является *«Трипитаки»* (на палийском языке — Типитаки) — в буквальном переводе «Три корзины (учения)». Согласно легенде, после смерти Будды его ученики собрались вместе, и трое из них изложили три части учения Будды, позднее записав их на пальмовых листьях, которые и сложили соответственно в три корзины. Отсюда и названия этих трех частей: Виная-питака, Абхидхамма-питака и Сутта-питака (питака — это корзина), каждая из этих книг в свою очередь подразделяется еще на ряд разделов. К наиболее интересным текстам относятся Джатаки и Дхаммапада, входящие в состав Сутта-питаки (а точнее — в состав Кхуддака-никаи — последней из пяти книг, составляющих Сутта-питаку). Джатаки — это сборник рассказов о предшествующих рождениях Будды (их в сборнике около 550). Дхаммапада (Стезя учения) — это сборник изречений, приписываемых Будде и охватывающих широкий круг вопросов буддийского учения.

Из «Дхаммапа-

У него уничтожены желания, и он не привязан к пище; его удел — освобождение, лишенное желаний и условий. Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания.
Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют.
Пусть он сначала себя приведет в надлежащее состояние. Потом можно поучать и другого. Мудрый не собьется с пути.
Лучший из путей — восьмеричный; лучшая из истин — четыре слова; лучшая из дхамм — уничтожение страстей; лучший из двуногих — тот, кто прозорлив.
Кто говорит ложь, а также тот, кто сделав, говорит: «Я не делал», — попадают в преисподнюю. Ведь и тот и другой после смерти равны; люди низких деяний равны в том мире.
Желание беспечно живущего человека растет, как малува. Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод.
Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобожден, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости.
(Дхаммапада. С. 18,28,45,50,54,55)
189

Джатака о тигри-

Джатака рассказывает о том, как однажды Будда принял рождение в брахманском роде, и, хотя достиг поразительной славы, богатства и почета, он удалился в лес и стал отшельником. Однажды он гулял в сопровождении своего ученика.
И увидел он в пещере горной тигрицу молодую, которая пришла в изнеможенье полное от мук родильных и двигаться была не в силах.
От голода ее глаза ввалились, бока запали у нее глубоко; и даже на своих столь маленьких детенышей она смотрела как на пищу.
И с жаждой молока ее сосцов к ней приближались дети доверчиво, без страха, как к матери, — она же, как врагам, грозила им раскатами ужаснейшего рева.

Бодхисаттва, увидав ее, как ни был тверд он духом, от сострадания в великой скорби задрожал, как от землетрясения дрожит царь гор.
Какое это чудо, что милосердные душой, способные твердость полную хранить в страданиях великих личных, — дрожат при виде самых незначительных страданий ближних!
И Бодхисаттва, в волненье повторяя слова, тут обратился к своему ученику с такою речью, проникнутой великим состраданьем и проявившей чудесное величие его природы: «Милый! Милый! Смотри, как лишена достоинств всех сансара! Животное ведь это от голода готово съесть и собственных детей, закон любви тем преступая!
Увы! О сколь ужасна себялюбия жестокость, из-за которой даже мать своих детей пожрать готова! Да как же можно воспитать врага такого, как себялюбие, если из-за него мы можем сделать шаг к подобным действиям?
Пойди ж скорей и поищи где-нибудь что-либо, чем утолить ей муки голода прежде, чем она успеет погубить своих детей и самое себя. Я в это время постараюсь удержать ее от безумного поступка». И тотчас же тот ученик послушно отправился на поиски пищи. А Бодхисаттва, под этим предлогом отослав ученика, так стал размышлять:
«Зачем искать мне мяса у кого-нибудь другого, если мое все тело пригодно для этой цели? Удастся ли ему добыть что-либо, от случая зависит, а я возможность потеряю долг исполнить свой». К тому же:
Ведь бренно, тленно и бессильно наше тело; оно является источником страданий, оно неблагодарно и всегда нечисто. И кто не рад его употребить на благо ближних, тот недостоин называться мудрым.
Мы можем мимо проходить и не заметить ближнего страданий, либо когда привязаны мы слишком к наслажденьям личным, либо когда нет сил помочь. Но не могу я счастлив быть, когда страдает ближний; и если у меня возможность есть помочь, зачем стою я равнодушно?
Когда бы равнодушным я остался к горю даже злодея, погруженного в страдания, меж тем как у меня была б возможность облегчить их,

то по свершении такого злодеянья огнем великим бы горело мое сердце, как'сухой кустарник!
И потому падением с утеса лишу я жизни свое ничтожнейшее тело; и тем от пожирания детей тигрицу я избавлю, а детей — от матери голодной. И более того:
Примером будет то для всех, кто жаждет блага мира, и поощрень-ем пламенным для слабосильных; радостью для тех, кто сам способен на великие жертвы; для благородных сердец же — призывом увлекательным.
Это вызовет уныние огромных полчищ Мары и радость светлую у тех, кто добродетель Будды любит; то будет посрамленьем всех, погряз-нувших в делах своекорыстных, себе несущих гибель себялюбием и вожделеньем.
Поднимет это веру приверженцев лучшей колесницы и в изумление повергнет тех, кто глумится над самоотверженностью; расчистит путь широкий к небу на радость тем, кто сам стремится к самоотречению.
«Когда же я смогу принесть добро какое-либо ближним и телом собственным моим?» — таково страстное мое желанье было; и вот теперь столь близко осуществление его и достиженье совершенной мудрости. К тому же:
Если истинно то, что решение мое проистекает не из самолюбия, не из желанья славы, не из стремления достигнуть неба иль земного царства и не из жажды вечного блаженства для себя, а только из стремленья к благу ближних.
То пусть чрез это у меня не иссякает сила в одно и то же время уничтожать страданья мира и счастье дать ему, подобно солнцу, что рассеивает тьму и миру свет дарует!
Войду в преданья я и обо мне рассказывать повсюду будут, когда увидят добродетели мои; творить я вечно буду благо миру и к счастию
вести его».
Решив так, он радости исполнился, что и кончиною своей он может ближним благо принести, и, тело бросив вниз, привел тем в изумленье даже спокойные сердца богов.
Шум от падения тела Бодхисаттвы возбудил любопытство и гнев тигрицы, и она, перестав думать х>б умерщвлении своих детей, стала озираться по сторонам. Увидев бездыханное тело Бодхисаттвы, она быстро подскочила к нему и стала его пожирать. Когда же ученик его, так и вернувшийся без мяса, не видя своего учителя, стал оглядываться вокруг, он увидел бездыханное тело Бодхисаттвы, которое пожирала молодая тигрица. И хотя он был поражен великой горестью и скорбью, однако удивление перед величием необычайного подвига оттеснило эти чувства...
Потом он поведал о случившемся своим соученикам.

Тогда его ученики, лица которых просияли удивлением пред подвигом его, а также и гандхарвы, якши, наги и цари богов покрыли землю, на которой кости драгоценные его покоились, венками, украшениями, одеждами, дождем из порошка сандала...
(Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы. С. 17—22)

Ашвагхоша — **философ, поэт, драматург**

«Имя «Ашвагхоша» означает «Голос коня». И свящ-ние в бою, как топот копыт скакуна, енный напев Ашвагхоши могуч, как конское ржа-мерный и быстрый. И есть предание, Будда однажды проходил, беседуя с учениками, в саду. Соловей увидал его лицо пленился и запел. Будда, растроганный, сказал: «Пусть же, в новом воплощении, он будет человеком». Этот человек нравом своим участвовал в горячей природе коня и в певучей природе птицы. Он назывался — Ашвагхоша» (К. Бальмонт).

Ашвагхоша происходил из брахманского рода, получил традиционное образование; судя по его сочинениям, он прекрасно знал священные ведийские тексты. Время жизни Ашвагхоши устанавливается весьма приблизительно. Наиболее авторитетные исследователи относят его к первой половине I в. Тексты позднехинаянской школы Сарвастива-да связывают Ашвагхошу с известным кушанским царем Канишкой (II в.)... Согласно китайским и тибетским преданиям, Ашвагхоша жил при дворе Канишки и был обращен в буддизм советником царя по имени Паршва... Следует иметь в виду, что индийская традиция часто связывала с могущественными правителями деятельность прославленных поэтов, писателей и философов... Благодаря буддийским источникам, соединившим воедино Ашвагхошу и Канишку, имя великого поэта и драматурга стало известно не только в огромном буддийском мире — от Индии до Японии, но и далеко за его пределами...

В предисловии к переводу Бальмонта 1913 г. Сильвэн Леви — первый переводчик на европейский язык нескольких песен «Буддачари-ты» — связывал с Ашвагхошей семь сочинений: музыкальное произведение ...«Покровитель царства», махаянские тексты ...«Пробуждение махаянской веры», ...«Алмазная Игла», сборник поучительных рассказов ... «Украшение проповедей», поэмы ...«Сундара и Нанда», драмы... «Драматическое сказание о Шарипутре» и «Буддачарита» («Жизне-описание Будды»). По мнению английского буддолога Э. Джонстона, только три последних сочинения безусловно принадлежат Ашвагхо-ше. Остальные были приписаны ему позднее.

Если тибетские и китайские тексты рисовали Ашвагхошу блестящим поэтом, одаренным музыкантом, умелым полемистом и страстным проповедником буддийского учения, то после археологических раскопок начала XX в. в Центральной Азии открылась новая сторона его творчества — искусство драматурга...

Хотя сохранилась лишь небольшая часть сочинения, ему свойственны некоторые общие черты раннеиндийских драм; герои Ашвагхоши в зависимости от социального положения говорят на санскрите и разных пракритах («народных наречиях»), проза перемежается стихами. Эти особенности были восприняты более поздними драматургами, в том числе Бхасой и Калидасой. Действует в драме и видушака (веселый друг монаха) — этот персонаж в образе царского шута стал затем одной из центральных фигур в драмах Шудраки и Калидасы. Сюжет драмы — обращение в буддизм двух юношей, Маудгальяяны и Шари-нутры, самых преданных Будде учеников, — содержится в более ранних палийских текстах.

Театр Ашвагхоши стал одним из проводников буддийского вероучения...

В XII в. на Руси была популярна «Повесть о Варлааме и Иоасафе, царевиче индийском». Перевод на древнерусский и на другие славянские языки делался с греческой версии, восходящей в конечном итоге к индийской легенде о жизни Будды и именно к «Буддачарите». Имя Иоасаф искаженное индийское «бодхисаттва» (через персидско-арабскую форму Будасф). Иоасаф был даже причислен к лику святых. Повесть пользовалась широкой популярностью. Знал ее Симеон Полоцкий, при Петре устраивались театральные представления, основанные на сюжете «Повести».
(Бонгард-Левин Г. Проповедник, поэт, драматург. С. 36—40)

Из поэмы Ашвагхоши «Жизнь Будды»

В поэме рассказывается о всей жизни Будды — от рождения и до смерти. Ниже приводится один эпизод из нее. Когда Сиддхартха осознал, что путь аскезы не есть истинный путь избавления от страданий, он уселся под деревом бо и решил не сходить с места, пока не постигнет истину. Тогда злой бог Мара решил совлечь его с этого пути, три прекрасные дочери Мары пытались соблазнить Сиддхартху, но он не обратил на них никакого внимания. Тогда Мара призвал себе на помощь свое воинство:

Голова одних свиная, Лик один, но много глаз...
У других как будто рыбья, Безголовые там были,
Те — коням подобны быстрым, Те безгруды, те безлики,

Те — подобные ослам.
Лик иных был лик змеиный,
Лик быка, и облик тигра,
И подобные дракону,
Львиноглавые скоты.
На одном, иные, теле
Много шей и глав носили,
Глаз один на лицах многих,
Две ноги, а тел не мало,
Лики пепельней золы...
Те еще — сосут дыханье,
Те еще — крадут тела.
Эти с воплями танцуют,
Эти пляшут, сжавши ноги,
Эти бьют один другого,
Эти вьются колесом.

193

Эти скачут меж деревьев,
Эти воют, эти лают,
Те — вопят охриплым вопом,
Те — пронзительно кричат.
Дрожь идет в Земле великой
От смешения злых шумов,
Окружила древо Бодхи
Та бесовская толпа.
С четырех сторон уродство.
Над собою изогнувшись,
Тело рвут свое на части,
Эти жрут его сполна.
С четырех сторон окрестных
Изрыгают дым и пламя,
Вихри, бури отовсюду,
Сотрясается гора.
Пар, огонь и ветер с пылью
Тьму, как деготь, созидают,
Смоляные дышат мраки,
Все невидимо кругом...
Но безгласный Бодхисаттва
Между них сидел спокойный,
И лицо его сияло, Прежний блеск не изменив... Ярче дьявольское войско Распалялось силой злобы, Хвать за камень — не поднимут, Схватят камень — не швырнуть. Их летающие копья, Стреловидные орудья, Зацепляются за воздух, Не хотят спуститься вниз. Гневный гром и тяжесть ливня, Град, несущий раздробленье, Превращались в пятицветный Нежных лотосов цветок. Между тем как яд отвратный И драконова отрава Обращались в благовонный Сладко-свежий ветерок. И ущерб нанесть бессильны, Те несчетные творенья, Не коснулись Бодхисаттвы, Только ранили себя.

(Ашвагхоша. Жизнь Будды. С. 141—143)

Театр и драматургия

Театр возник в Древней Индии во второй половине I тыс. до н.э. Прослеживается определенное сходство между ним и древнегреческим театром, что дает основание как для гипотезы о том, что индийский театр зародился под влиянием греческого, так и для обратной — о влиянии индийского театра на греческий.

Наиболее полно теория индийского театра, так же как и теория музыки, танца, поэзии и литературы, из всех сохранившихся произведений изложена в трактате Бхараты «Натьяшастра», написанном где-то между II и IV вв. н.э. Натья, т.е. театральное искусство, включало в себя сценическую игру, музыку и танец. В произносимом актерами тексте органически сочетались проза и поэзия.

В дальнейшем произошла дифференциация танцевальных жанров. Различают *танец «натъя»* — театральное представление и сольный танец, среди которых в свою очередь выделяются: танец -*анритта»,* т.е. танец как таковой, преследующий чисто эстетические цели, и танец *«критъя»,* имеющий смысловую нагрузку: мимика лица, позы тела и особенно жесты рук (мудры) позволяют актеру передавать, а зрителю читать тексты целых поэм.

Сюжеты древнейших театральных представлений черпались первоначально из мифологии и эпической поэзии. Древняя Индия породила целый ряд выдающихся драматургов, самым знаменитым из которых является Калидаса.

194

Калидаса В Индии и сейчас почти каждому знакомо идущее из глубины веков старинное изречение:

«Из всех видов поэзии — драма,
Из драм прекраснейшая — "Шакунтала"».
Так народная мудрость подарила бессмертие великому поэту и драматургу Калидасе, который жил пятнадцать столетий назад, но навеки оставил о себе память и в Индии, и далеко за ее пределами. Его имя окутано множеством легенд и преданий. Уже в древности Калидаса считался одной из девяти «жемчужин» при дворе знаменитого царя династии Гуптов Чандрагупты II (380—413), носившего впечатляющий титул — «Солнце могущества». Талант поэта и драматурга был высоко оценен мудрецами, прославленными сказителями, авторами трактатов по поэтике и драматургии, ему приписывались различные по времени сочинения разных жанров. Имя Калидасы «присваивали» себе писатели; многочисленные города Индии спорили о праве называться родиной Калидасы. Создавался собирательный мифический образ мастера слова, учителя поэтического и драматургического искусства...
Но Индия знала и реального Калидасу, автора трех драм («Маля-вика и Агнимитра», «Шакунтала» или «Узнанная по кольцу Шакунтала» и «Урваши» или «Мужеством добытая Урваши»), трех поэм — двух эпических («Род Рагху» и «Рождение Кумары») и одной лирической — «Мегхадута» («Облако-вестник»)...
Уже в средние века поэмы Калидасы вышли за пределы Индии, были переведены на ряд языков Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии.
(Бонгард-Левин Г. Калидаса и его судьба в России. С. 285—286)

Из «Шакунта- В пьесе рассказывается история любви земного царя и **лы» Калидаса** небесной девы Шакунталы, жестокая судьба разлучила их, но после ряда чудесных событий царь прибывает в небесную страну, где встретит любимую и сына. Ниже приводится сцена его появления в небесной стране.

Царь (с благоговением). Я не могу пропустить столь благой случай. Да не проследую дальше, пока смиренно не обойду вокруг святого.
Мотали Это достойная мысль, о царь.
Колесница спускается. • Мы коснулись земли. *Царь* (удивленный). Матали, Колеса крутятся безмолвно, И пыль под ними не встает; Земли касаяся без стука, Мы словно в воздухе скользим.
195
Матали Такова чародейность колесницы, которая подчиняется Индре и тебе. *Царь* В каком направлении находится обитель сына Брамороженного Маричи? *Матали* Смотри:
Вон там стоит подвижник этот строгий,
В огромной муравьиной куче он,
Змеиной кожей грудь он препоясал,
На шее цепь из высохших лиан,
На голове — венок, то — грубый волос,
Что колется, спускаясь до плеча,
Свершая искус, он глядит на Солнце,
Не отводя усталых глаз своих,
И, как скала, стоит так неподвижно,
Что птицы гнезда свили в волосах.
Царь (пристально смотря). Великий почет тому, кто умерщвляет плоть столь страшным способом... *Матали* (останавливая колесницу). Сходи, о царь. *Царь* (сходя). Но как же будешь ты?
Матали Колесница повинуется слову приказания. Я тоже сойду. (Сходит.) Перед тобой, о царь, те рощи, где самые святые отшельники ведут самоотреченную жизнь. *Царь* Я смотрю с изумлением на их простоту и на то, чем они
могли бы услаждаться.
В лесу, где что ни дерево, то чудо,
Лишь ветер — пища им всегда,
Молитвенно свершают омовенья,
Смывая золото цветов,
Погружены в глубинность размышлений,
Хоть всюду яхонты горят,
И соблюдают святость воздержанья,
Хоть девы неба возле них,

Чего другие жаждут, то, имея,
Свершая подвиг, не берут. *Матали* Великие умы всегда выше...
(Калидаса. Шакунтала. С. 452—458)

Музыка

Для индийской музыки характерно обилие местных вариантов. Преобладает одноголосие... Применяются 7-ступенные лады, допускающие хроматические изменения. Типичная особенность индийской

196

музыки — наличие интервалов менее полутона (шрути). Главные национальные инструменты: вина, ситар, тамбура (щипковые), раванастр, саранги, саринда (смычковые), табла, бания (ударные)... Классическая индийская музыка имеет в своей основе широко разработанную систему par — ладово-ритмических образований, которым приписывается определенное психологическое и этическое воздействие... Исключительно разнообразна в индийской музыке ритмика.
(Штейнпресс Б.С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 167)'

Слово «рага» в буквальном переводе с санскрита означает «страсть, цвет и привязанность», т.е. нечто, что способное «окрасить» сердца людей в определенный цвет, который создается исполнителем. Каждая рага связана с определенным временем суток или года и должна вызывать у человека состояние, соответствующее состоянию природы в этот период. Суточный цикл par начинается с предрассветной поры: с момента встречи тьмы и света. Основные утренние раги носят строгий и молитвенный характер, так как утро — это время для молитв и медитации. Дневные раги более светлые. Послеполуденные раги ассоциируются с лучами света, пробивающимися сквозь листья деревьев. Во второй половине дня, в период максимальной жары, раги знойны, с заходом солнца они сменяются спокойными и умиротворяющими. От захода солнца до полуночи раги светлые и романтичные, ночные раги полны магии и тайны. Кроме того, есть раги сезона дождей, весенние раги и т.п.

По древним поверьям, музыка не только может укрощать змей или разъяренных слонов, но даже вызывать пожар. Сохранилась легенда р том, что некий музыкант по приказу своего господина исполнил такую песню и сгорел заживо, хотя и стоял при этом по горло в воде.

Архитектура и строительство

Поселения Хараппы и Мохенджо-Даро Поселения в Хараппе и Мохенджо-Даро представляли собой города площадью около 2,5 кв. км, обнесенные мощными стенами. Застройка велась по плану, улицы пересекались под прямым углом. На холме возвышалась цитадель, в Мохенджо-Даро в цитадели обнаружены фундаменты зданий, в которых находились зернохранилище (по-видимому — общественное), дворец правителя, крытый рынок и бассейн, скорее всего предназначавшийся для религиозных омовений. Основной строительный материал — сырцовый или обожженный кирпич. Жилые дома были в основном двух- и трехэтажные, примыкавшие друг к другу, в домах были внутренние дворики, где находился очаг для приготовления пищи. В городах имелась система канализации, по которой грязная вода отводилась за пределы города. Интересно отметить, что не обнаружены остатки никаких зданий, которые можно было бы принять за храмы.

В ведийский период строительство велось в основном из дерева, поэтому никаких остатков строений этого времени не сохранилось.

197

Столица Маурьев О столице Маурьев, Паталипутре, имеются сведения грека Мегасфена, отправленного туда в качестве посланца Селевком Никатором (ок. 302 г. до н.э.) и позднее опубликовавшего ее описание под названием «Индика», явившееся первым датированным сообщением об этом времени. К сожалению, оно дошло до нас лишь в фрагментах, в цитатах историков более позднего времени. Судя по этому описанию, город Паталипутра, занимавший площадь в два квадратных километра, был обнесен укрепленной, массивной деревянной оградой и окружен широким рвом, наполненным водой. Его охраняли семьдесят дозорных башен, а войти в него можно было через одни из шестидесяти четырех ворот. Дворец властителя, по свидетельству Мегасфена, был также построен из дерева. По его мнению, этот дворец значительно превосходил дворцы Ахеменидов в Сузах и Экба-тане. Археологические раскопки, к сожалению, дают слишком мало, однако подтверждают, что в качестве строительного материала в Паталипутре действительно использовалось дерево (найдены были только остатки укрепленной стены). Важнее, однако, то обстоятельство, что здесь, правда в более позднее время правления Маурьев, впервые в Индии был использован камень и в строительстве и для создания больших скульптур (возможно, в подражание традициям Западного Ирана и Передней Азии). Так, например, в Кумрахаре (в настоящее время деревня, а когда-то часть города Паталипутры) раскопки обнаружили остатки дворцовой'колоннады. Колонны сделаны из полированного гранита. Это большое сооружение — зал со ста колоннами — напоминает зал дворца царя Дария из династии Ахеменидов в Персеполе.

Создается впечатление, что властители династии Маурьев сознательно перенимали у Ахеменйдов определенную символику величия царской власти, нашедшую свое отражение и в искусстве.
(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 27—28)

Ступы и чайтьи Важнейшие памятники архитектуры в первые три столетия до нашей эры и в три последующих столетия — это большие буддийские монастыри, а также жилые и культовые постройки джайнских монахов и приверженцев других более мелких сект. Основной тип буддийских культовых памятников — сложенный из кирпичей купол «ступа». В раннем буддийском сочинении «Дштханикая» о нем сказано: «И ступу надо воздвигнуть для Будды на том месте, где сходятся четыре дороги, и тому, кто у этой ступы положит венок, или что-либо благоуханное, или что-либо разноцветное, или же только почтительно склонится, тому это на долгие времена послужит к здоровью и счастью».

К самым древним из сохранившихся архитектурных сооружений принадлежит ступа в Санчи, обозначаемая как ступа 1, перестроенная из более древней и меньшей ступы. Она представляет собой полусфе-

198

рический купол, сложенный из крупного кирпича. Он стоит на круглом цоколе диаметром в 31 метр с террасой, служившей для культового обхода; с южной стороны на террасу поднимаются лестницы. Вокруг ступы прямо по земле идет массивная каменная ограда, лишенная всяких украшений...; по четырем сторонам света в ней сделаны ворота, богато украшенные скульптурой. На полусферическом куполе находится в настоящее время дополненная найденными фрагментами хармика — надстройка с квадратным основанием в форме балкончика, а над ней возвышается проходящий через весь купол до его основания стержень с навершием в виде трех каменных зонтов. Стержень уподоблялся мировой оси, хармика - горе Меру, зонты означали три неба. Балюстрада и ворота первоначально были выкрашены в красный цвет, а наружная облицовка самой ступы была белой...

Наряду с большими ступами, стоящими под открытым небом, существенную роль в раннебуддийском искусстве Индии играют культовые и жилые пещеры, прорубленные в каменных склонах гор, представляющие собой подчас целые монастыри, состоящие из длинного ряда пещер, расположенных друг за другом. Подобные памятники зодчества не только являются с этих пор характерными образцами индийского искусства, но поскольку ими пользуются также и небуддийские религиозные школы (индуистская, джайнская и различные мелкие секты), то они одновременно становятся носителями и посредниками художественного творчества как в области скульптуры, так и в области живописи, древнейшие индийские образцы которой сохранились только здесь...

Основное место расположения скальных храмов, точнее чайтьий и вихар — Западная Индия, где они вырубались в склонах Западных Гат для буддийских монахов. Здесь находится, например, датируемый еще II веком до н. э. скальный монастырь в Бхадже, в чайтье которого стоит высеченная из скалы гладко отполированная ступа. Небольшой вестибюль храма украшен крупным настенным рельефом, а на наружной стороне скалы высечен узор, изображающий многоярусное здание. Такого рода имитация наружной архитектуры характерна для подобных скальных храмов и сохраняется вплоть до периода Гуптов, претерпевая, однако, изменения в частностях. То же самое можно сказать и о большом, так называемом буддийском окне в форме подковы, служившем единственным источником света в пещерном храме. Гладкие, отполированные колонны, поддерживающие свод бочкообразного покрытия, образуют как бы боковые нефы, которые служат «тропой» для ритуальной процессии, обходящей ступу. Колонны и покрытие в действительности лишь имитируют наземные строения, судя по конструкции, выполнявшиеся из дерева и потому до нас не дошедшие, — в пещерах они не имеют конструктивного значения.
(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 38—49)

199

В первые века н.э. появляются индуистские наземные храмы-башни, архитектура которых восходит к буддийским храмам. Но' подлинный расцвет строительства индуистских храмов наступит позднее — в эпоху Средневековья.

Изобразительное искусство

Искусство Хараппы Произведения искусства малых форм, такие как мелкая скульптура из обожженной глины или расписные гончарные изделия, имеются уже на раннеземледельческой ступени развития культуры

Хараппы (XXVIII—XXIII вв. до н.э.). В городах, кроме того, были найдены небольшие скульптуры из камня и бронзы, а также множество печатей с резными изображениями высокого художественного достоинства. Все это дает возможность говорить об искусстве Хараппы как об особой ступени в развитии древнеиндийского искусства...

В пластических изображениях людей, дошедших до нас, к сожалению, в очень незначительном количестве (камень, бронза, терракота), замечается та же тенденция: наряду с очень выразительными фигурами с тщательно моделированной поверхностью здесь можно также найти абстрагированные схематические изображения. Примерами могут служить изображения животных на печатях, бронзовая фигурка танцовщицы, фрагмент каменной статуэтки мужчины в богато украшенных одеждах из Мохенджо-Даро, каменный торс мужчины, найденный в Хараппе, а также фигурки из терракоты.

На плечах каменного мужского торса из Хараппы имеются отверстия — пазы, приготовленные для прикрепления рук. Необычно только, что этих отверстий — две пары. Вероятно, они предназначались для двух пар рук. В этой связи заметим, что в дальнейшем развитии индийского искусства проявится характерная тенденция указывать на определенные качества и функции, приводящая к преувеличению и преображению естественных форм, первоначально изображавшихся близко к натуре. Эта тенденция обусловит создание в более позднем индийском искусстве диковинных образов божества, наделенных множеством голов, рук и ног, а в области композиции — тяготение к ритмизации и декоративному умножению отдельных фигур в целые группы.

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 16—20)

Ведийский период В ведийский период, по-видимому, не существовало ни храмов (жертвоприношения совершались на открытом месте как приношения огню — Агни, который должен был доставить их соответствующему божеству на небо), ни изображений богов.(

200

Буддийское искусство Древнейшие дошедшие до нас произведения буддийского искусства — стелы и капители царя Ашоки.

Техника обработки камня, замечательная полировка, сохранившаяся до наших дней, характерна также и для знаменитых каменных колонн, на которых высечены эдикты Ашоки. Следы такой полировки можно распознать и на стенах искусственных пещер, вырубленных в скалах в Гайе, наиболее древние из которых относятся ко времени правления Маурьев.

Каменные колонны более десяти метров высотой завершаются необычайной красоты капителями, верхняя часть которых обычно представляет собой изображение животного — льва, быка, слона или лошади. Знаменитейшая Львиная капитель в Сарнатхе, изображе-ние которой можно встретить на индийских марках как герб молодого независимого индийского государства, представляет собой скульптурную группу из четырех львов, сидящих спиной друг к другу, с подробно разработанной передней частью туловища, задняя часть которого сливается с туловищами остальных львов. Эта скульптурная группа венчает капитель, возвышаясь над высеченным из камня плоским кругом, края которого украшены горельефом, изображающим четырех животных — быка, слона, льва и лошади, — всякий раз отделенных друг от друга колесом со спицами — буддийским «колесом учения» («дхармачакра»). Под этим каменным кругом находится еще один плоский каменный круг несколько меньших размеров — абака, — и все это сооружение поддерживается капителью в виде цветка лотоса с чашечкой, обращенной вниз наподобие колокола.

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 28—29)

Индийский идеал красоты Законченный индийский идеал телосложения, от-раженный в скульптуре... Тело зрелой, чувствен-ной, пышно сложенной женщины становится эталоном индийской скульптуры. «Широкие, массивные, тяжелые бедра, которые поддерживают пояс, глубокий пупок, лишенное волос лоно, округлые, твердые груди, расположенные вплотную друг к другу, и шея, пересеченная тремя складками, — вот что приносит блаженство и радость». Так написано в «Брихатсамхите» об идеале женщины. Этот идеал сохраняется вплоть до второй половины II тысячелетия...

Этот идеал распространяется даже на формы мужского тела, которое изображается не как мускулистая фигура героя, а по своим мягким, пухлым формам, скорее, напоминает женское тело.

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 45—46)

201

Об изображениях Будды Существует довольно широко распространенная гипоте-за о том, что

на формирование образа Будды (особенно — стоящего) оказала воздействие греческая скульптура (Греко-Бактрийского царства), и в первую очередь — изображения стоящего Аполлона. Индийские же искусствоведы отстаивают точку зрения о самобытности буддийской скульптуры и корни ее усматривают в древних скульптурных изображениях якши.

Тот удивительный факт, нередко вызывавший споры и дискуссии, что в раннем буддийском искусстве не встречается фигура самого Будды, тем не менее остается фактом. В раннем рельефе это изображение заменено в зависимости от содержания изображаемого то цветком лотоса, то священным деревом Бодхи, окруженным оградой, то колесом со спицами («колесом учения»), то ступой. Эти символы изображают священный путь Будды, то есть его рождение, его первые шаги по распространению своего учения, проповеди в Сарнатхе, его вхождение в нирвану... ,

Создается впечатление, что мы имеем дело не с запретом на иконное изображение, как это имело место в иудаизме или исламе, так как люди, боги и священные животные всегда изображались в Индии с большой любовью. Будда же, если бы его с самого начала буддийского искусства изображали в человеческом образе, едва ли мог бы восприниматься как совершенно особенный человек. Не будь он наделен особыми символами, его, скорее, приняли бы за обыкновенного монаха. Только уже после того как буддийское учение получило широкое распространение в народе и священный путь Будды был хорошо известен каждому, стало возможным его изображение в человеческом образе, причем определенные этапы его священного пути выражались через так называемые мудры, то есть через специфические положения рук, ладоней, пальцев. Например, Будда поучающий изображался держащим руки перед грудью, как бы приводящим в движение «колесо учения». С I века н.э. это изображение Будды в человеческом образе возникает во многих больших художественных школах Индии. Не существует единого ответа на вопрос, где оно возникло впервые.

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. С. 49—51)

Аджанта На протяжении первого тысячелетия н.э. создавался грандиозный комплекс пещерных храмов в Аджанте. Начало строительства специалисты датируют по-разному: от I до III в. н.э., окончание — of VII до IX в., но несомненно, что основная работа по строительству и оформлению проходила в эпоху Гуптов (IV—VI вв.). В целом комплекс состоит из 29 пещер — это чайтьи и вихары, богато украшенные скульптурой и росписью.

Это был уже не один храм или небольшой комплекс, а целый огромный пещерный город, вырубленный в горах, пролегающих вдоль

живописной долины реки Вагхора. Аджантские пещеры выполнялись много лет разными поколениями мастеров и соответствовали разным назначениям. Здесь был и своего рода университет, где обучались монахи, и центр паломничества, и своеобразный музей, на стенах которого нашли широкое отражение картины жизни индийских людей разных времен и эпох, буддийские, брахманские, мифологические сюжеты, архитектурные мотивы. Пять из пещер аджант-ского монастыря были чайтья, а двадцать четыре представляли собой монастырские залы — вихара, окруженные монашескими кельями.

Фасады пещер, относимые к периоду Гупта, пышно декорировались скульптурой. Многочисленные статуи Будды и буддийских божеств заполняли все углубления стен, прятались за колоннадой фасада. Но кроме буддийских образов, в скульптуре и рельефах были широко представлены и более древние божества. Из сумрака пещерных ниш возникали фигуры гибких, как растения, красавиц, таинственных духов природы, змей-нагинь, могущественного змеиного царя Нагараджи в облике человека, увенчанного грозным ореолом семиглавой кобры, распустившей свой клобук. Скульптурные образы Аджанты развивают традиции прошлого, но они гораздо многообразней по своему содержанию, зрелее и совершенней по своему мастерству, более свободны в своих движениях и выражениях лиц. Новое понимание искусства, достигнутое на предшествующем этапе открыло мастерам пути, которые были неведомы более раннему наивному и жизнерадостному миропониманию. Оно помогло сделать все образы многосторонними, дало большую свободу переживаниям человека.

Внутренние помещения аджантских пещер почти сплошь, включая потолок, покрывались монументальными росписями, в которых их создатели безвестные мастера — воплощали свои переживания и раздумья о мире вымысла и действительности. В них рассказаны легенды из жизни Будды в бытность его земным царевичем, показаны города с удивительными зданиями, торжественные процессии, шествия слонов, придворные сцены. Потолки — воплощение мира небес покрыты изображением нежных и ярких цветов, среди которых летают прекрасные птицы. Боги, люди и звери — все проникнуто поэзией, любовью к природе. Сочные теплые краски

нанесенные на покрытый гипсом камень стены, создают с помощью зеркал, улавливающих свет, ощущение живой осязаемой жизни, точные и отчетливые контуры с мягкой подцветкой выявляют объемность форм. Реализм и выразительность выполненных в столь далекие времена живописных образов удивляют и захватывают людей и сегодня.
(Дмитриева НА., Виноградова НА. Искусство Древнего мира. С. 166—170)
203

Научные знания

К особо важным достижениям древнеиндийской науки необходимо отнести разработку лингвистики. Так как письменность появилась в Индии относительно поздно, то для сохранения священных текстов и их правильного произношения производился анализ языковых текстов, что позволило выявить целый ряд законов и закономерностей языка. Наиболее известной работой в этой области является трактат Панини «Аштадьяи» («Восьмикнижие»). Многие идеи древнеиндийской лингвистики оценены по достоинству только в наше время.
Высокого уровня достигла в Древней Индии и медицина — аюрведа (наука о долголетии), популярная ныне в мире тибетская медицина во многом опирается на ее приемы и методы. Уникальные методы были еще в древности разработаны и в сфере психотренинга (особенно в йоге).
Древние индийцы заложили основы математики и механики. Они измеряли земельные участки, подразделили год, составляли карту неба, при помощи созвездий Зодиака прослеживали путь солнца и планет, анализировали строение материи, изучали птиц и животных, растения и семена. «Каковы бы ни были наши выводы о первоначальном источнике ранних астрономических идей, получивших распространение в мире, вполне возможно, что изобретение алгебры и ее применение к астрономии и геометрии восходит к индусам. От них перешли к ара-. . бам не только первые представления об алгебраическом анализе, но также неоценимые цифровые символы и десятичная система исчисления, применяемые ныне во всей Европе, которые оказали громадную услугу-прогрессу арифметики». «Тщательные наблюдения индусов за движением луны и солнца были столь успешны, что их определение синодического обращения луны является более точным, чем у греков. Они разделили эклиптику на 27 и 28 частей, что, по-видимому, было подсказано периодом обращения луны в днях и является их собственным изобретением. В частности, индусы были хорошо знакомы с наиболее яркими из основных планет; период обращения Юпитера (в соединении с периодами обращения солнца и луны) был учтен ими при составлении календаря в виде цикла в 60 лет, что было общим у них с халдеями».
Теперь общепризнано, что уже в очень ранний период индийцы закладывали основы двух наук — логики и грамматики — и их развивали. ...В области медицины, как и в области астрономии и метафизики, индусы некогда шли наравне с наиболее просвещенными народами земного шара. Задолго до того, как благодаря открытиям современных ученых нам стала известна анатомия, индусы достигли в медицине и хирургии такого же искусства, как и всякий другой народ, чьи достижения известны, насколько это было осуществимо...
(Радхакришнан С. Индийская философия. С. 18—19)
204

Выдающимся достижением индийской науки было создание десятиричной системы исчисления, которой ныне пользуются во всем цивилизованном мире... Для первых нумераций использовались цифры письменности кхарошти (записывались справа налево), а начиная с III в. до н.э. стали употреблять цифры письменности брахми (слева направо). В обеих нумерациях было немало общего: для обозначения чисел до сотни применялся принцип сложения, а для больших чисел он сочетался с принципом умножения. Особенностью системы брахми, ставшей основой создания современной нумерации, было наличие специальных знаков для первых десяти цифр.
Одновременно в Индии широко применялась словесная система обозначения чисел, этому способствовал богатый по своему словарному запасу санскритский язык, имеющий много синонимов. Нуль, например, назывался словами «пустое», «небо», «дыра»; единица — предметами, имеющимися только в единственном числе: луна, земля; двойка — словами «близнецы», «глаза», «ноздри», «губы» и т.д. В текстах III—IV вв. число 1021 передавалось как «луна-дыра-крылья-луна».
(Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. С. 221 -222)

Быт и нравы

Уже в древние времена сформировались не только кастовая система, но и представления о должном поведении людей различных каст. И по-видимому, уже в период Упанишад сложилось представление о четырех этапах в жизни каждого мужчины, принадлежащего к трем высшим кастам. Это ученичество, жизнь домохозяина (главы семьи), жизнь отшельника и странствующего аскета.

О правилах Закон для брахмана — учение, обучение, жертво-

поведения приношения для себя и для других, раздача даров и их получение. Закон для кшатрия — учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ. Закон для вайшьи — учение, жертвоприношение, раздача даров, земледелие, скотоводство и торговля. Закон для шудры — послушание и ведение хозяйства в повиновении у дваждырожденных, ремесло и актерство. Закон для домохозяина — добывание средств к жизни соответствующей ему работой, брак в равной"семье, но с разными предками, (после брака) половые сношения в установленное время, раздача даров богам, предкам, гостям, слугам и поедание остатков от жертвоприношений. Закон для ученика — учение, поддерживание священного огня, омовения, обет нищенства, служение учителю до конца жизни, после его

смерти — сыну учителя или соученику. Закон для удалившегося в лес — половое воздержание, ложе на земле, ношение косы, одевание в анти-лоповую шкуру, поддержание жертвенного огня, омовения, почитание божеств, предков, гостей и лесная пища. Закон для странствующего отшельника — обуздание чувств, прекращение (всяких) действий, отсутствие собственности, прекращение общения с людьми, принятие милостыни, жизнь в лесу в разных местах, чистота внешняя и внутренняя. Закон для всех — отсутствие насилия, правдивость, чистота, независтливость, незлобивость, прощение и терпение. Соблюдение (каждым) своего закона ведет на небо и к вечности. При его нарушении мир погибает от смешения каст.

Поэтому пусть царь не допускает нарушения своего закона живыми существами, ибо соблюдающий свой закон радуется здесь и после смерти. Ведь мир с твердо установленными разграничениями между ариями, при установлении каст и ступеней жизни, охраняемый тремя ведами, процветает и не гибнет.

(Артхашастра. С. 18)

Семья В Древней Индии были известны как полигамия (многоженство), так и полиандрия (многомужество), причем в последнем случае имела место женитьба на одной женщине нескольких братьев. Распространенной была и моногамная семья (один муж — одна жена). Браки обычно заключались внутри своей варны, но допускались и межкастовые, чаще всего это был брак мужчины более высокой касты с девушкой более низкой касты. Браки между близкими родственниками запрещались, допустимы были браки только при родстве в третьем-четвертом поколении. По-видимому, с начала н.э. получают распространение детские браки. К браку относились как к религиозной обязанности, так как он позволял уплатить долг предкам, произведя детей. Людей, не вступивших в брак, презирали, их считали непригодными для религиозных действий.

В Древней Индии признавалось существование 8 способов вступления в брак; первые два в приведенном ниже списке осуждались, следующие два допускались, последующие четыре одобрялись; в целом список построен по принципу: от худшего к лучшему, т.е. худший — первый способ, а наилучший — последний.

1. ...Когда мужчина тайком овладевает девушкой, которая спит, находится и бессознательном состоянии иЛи опьянении, то это называется способом пайшача...
2. ...Увод девушки силой, в то время как она кричит и плачет, сопровождаемый убийством... ее родственников, называется браком ракшаса...
3. ...Добровольный союз девушки и жениха, любострастный, происходящий из желания, называется гандхарва...
4. ...Выдача дочери, когда жених дает имущество родственникам и невесте, столько, сколько может, и добровольно, называется формой брака асура. Главным основанием этого вида брака были деньги, он был в большей или меньшей степени куплей...

5. Праджапатья. Само название праджапатья указывает, что супруги вступают в торжественный союз для освобождения от своих долгов Праджапати, т.е. ради рождения детей.
6. Арша. Согласно этой форме, отец невесты получал от жениха пару коров или две пары для целей, предписанных дхармой, т.е. для совершения жертвоприношения. С упадком практики жертвоприношений эта форма брака вышла из употребления.
7. Дайва. ...По этой форме отец отдавал девушку с украшениями жрецу, совершающему жертвоприношение. Эта форма существовала в основном у трех высших варн. Люди считали похвальным отдавать своих дочерей замуж за жрецов...
8. Брахма. Наиболее похвальной формой брака считалась брахма... Она называлась так потому, что была подобающей для брахманов. При этой форме девушку выдавал отец, давая столько украшений, сколько мог, мужчине, обладающему характером и ученостью, которого он сам приглашал по своей воле и принимал с почетом, не беря ничего взамен.

...Какова бы ни была форма совершения брака, нужны были религиозные церемонии, чтобы сделать брак действительным...
Религиозная идея была главной в жизни индийцев. Не так важно было, как пара соединялась, но если соединялась, то узы должны были быть освящены и таким образом союз сделан продолжительным. Предполагалось, что свадебная церемония придает святость брачным узам. Считалось необходимым, чтобы она совершалась в любом случае.
Требования к жениху:
Первым требованием к жениху было завершение его ученичества... Прежде всего надо обратить внимание на возраст, а потом уже на другие качества. Какой толк от других качеств мужчины, если он миновал брачный возраст? Жених должен быть смиряющим свой гнев и веселым. Во внимание принимались также богатство, красота, ученость, разум, положение семьи. Последнее было самым главным... Среди недостатков жениха перечислялись старость и уродство.
Требования к семье жениха и невесты:
Всегда следует заключать брачные союзы с теми, которые чисты благодаря их делам, совершенным в соответствии с предписаниями шрути и смрити, происходят из хороших семей и твердо соблюдают благочестие, связаны родственными отношениями с благородными семействами и достигли возвышения, которые довольны, благородны, приятны, безгрешны и справедливы, лишены алчности, пристрастности, ненависти, гордыни и ослепления, которые не подвержены гневу и всегда спокойны... Из некоторых семей по моральным и физическим причинам не рекомендовали выбирать невесту. Следует избегать следующих десяти семейств, как бы они ни были богаты: ...Пренебрегающих исполнением обрядов, лишенных мужчин, в которых не изучаются веды, (члены которых) волосаты, подвержены геморрою, чахотке, плохому пищеварению, падучей, белой и черной проказе. Следует
207
также избегать семейств, страдающих от заразных болезней или зараженных... Моральные препятствия следующие: ...Следует старательно избегать тех семейств, среди которых есть воры, обманщики, импотенты, неверующие, живущие незаконными средствами, уроды, склонные к ссорам, государственные преступники, кормящиеся на похоронах, пастухи, люди с дурной репутацией; семейств, женщины которых или бесплодны, или рожают только девочек и убивают своих мужей. Причиной особой заботы, уделяемой испытанию семейства, было прежде всего желание получить наилучшее потомство...
Возраст невесты:
...Тридцатилетний мужчина должен жениться на двенадцатилетней девочке, а двадцатичетырехлетний на восьмилетней девочке, и немедленно, если дхарма терпит ущерб, вероятно, этот стих может рассматриваться как высказывание в пользу ускорения свадьбы даже с несовершеннолетней девочкой. Но в более поздние периоды, ...безусловно, предписывались детские браки... Добродетельному чистому мужу следует отдавать девочку еще незрелую, а если она достигла зрелости, не следует отказывать даже недостойному мужчине. ...Девушку также следует отдавать замуж еще ребенком: ...Отец пусть отдает свою дочь красивому мужу, когда она еще ребенок. А если не отдает, на него падет грех. Любым способом пусть выдает замуж свою дочь в возрасте от четырех до десяти лет. Ее следует отдавать замуж, пока она не знает женской стыдливости и играет в песочек. А если не выдает, отец совершает грех...
Требования к невесте:
Ману (111,10) говорит: «Надо брать в жены женщину, свободную от телесных недостатков, имеющую приятное имя, походку лебедя или слона, нежные волосы на теле или голове, красивые зубы, нежные члены»... «Не следует брать в жены девушку рыжую, имеющую лишний член, болезненную, безволосую, слишком волосатую, болтливую, красноглазую» (Ману, III, 8). «Вишну-пурана»... перечисляет и другие телесные недостатки невесты: «Не следует жениться на женщине, у которой растут борода и усы, на мужеподобной, с хриплым голосом, на^звительной. Умный человек пусть не берет в жены девушку, чьи веки не опускаются, подслеповатую, чьи бедра волосаты, чьи лодыжки слишком торчат, чьи щеки впалы, увядшую, страдающую от желтухи, чьи глаза красны, руки и ноги слишком тонкие. Пусть не женится на девушке, которая слишком низкая или слишком высокая, которая не имеет бровей, у которой зубы редки и рот безобразный». Неуклюжее и неблагоприятное имя также являлось отрицательным качеством девушки...
(Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. С. 146—174)
Санскары (обряды Вся жизнь индийца сопровождалась обрядами (таин-**или таинства)** ствами), которыми отмечались важнейшие моменты его
земного существования. Важнейшими из этих обрядов

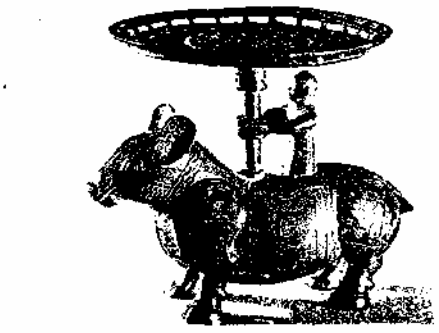
были следующие.

1. Санскары, совершаемые до рождения ребенка: а) обряд, должный обеспечить успешное зачатие ребенка; б) обряд, должный обеспечить зачатие мальчика; в) обряд разделения волос.
2. Санскары детства: обряд в связи с рождением ребенка; в наречение имени; первый вынос ребенка; первое кормление; обряд стрижки; обряд прокалывания ушей.
3. Санскары обучения.
4. Свадебные церемонии.
5. Похороны.
(Изложено по: Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды)

Литература

Артхашастра. М.:Наука, 1993.
Атхарваведа: Избранное / Пер. Т.Я.Елизаренковой. М.: Наука, 1977.
Ашвагхоша. Жизнь Будды // Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы. М.: Худож. лит., 1990.
Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация: Философия. Наука. Религия. М.: Наука, 1980.
Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М.: Наука, 1993.
Бонгард-Левин Г. Калидаса и его судьба в России // Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы. М.: Худож. лит., 1990.
Бонгард-Левин Г. Проповедник, поэт, драматург //Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы. М.: Худож. лит., 1990..
Бхагаватгита// Философские тексты «Махабхараты». Вып. 1 Кн. 1. Ашхабад: ЫЛым, 1978.
Джатаки, или сказания о подвигах Бодхисаттвы. СПб.: Изд-во Чернышева, 1993.
Дмитриева НА., Виноградова НА. Искусство Древнего мира. М.: Дет. лит., 1986.
Дхаммапада/ Пер. В.Н. Топорова. Рига.: Угунс, 1991.
Законы Ману // Хрестоматия по древней истории: В 2 т. / Под ред. акад. В.В. Струве. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1936.
Калидаса. Шакунтала // Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы. М.: Худож. лит., 1990.
Моде Х. Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Искусство, 1978.
Надпись царя Ашоки // Хрестоматия по древней истории: В 2 т. / Под ред. акад. В.В. Струве. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1936.
Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М.: Высшая школа, 1990.
Потоп // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973.
Радхакришнан С. Индийская философия. М.: МИФ, 1993.
Ригведа: Мандалы I—VI / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989.
Ригведа, X, 129 // Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М.: Наука, 1993.
Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М.: Наука, 1982.
Упанишады: В 3 т. / Пер. А.Я. Сыркина. М.: Наука, 1992.
Чаттерджи С.,ДаттаД. Индийская философия. М.: Селена, 1994.
Штейнпресс Б.С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО КИТАЯ



Исторический Уже с V тыс. до н.э. на территории Китая появляются по-**очерк** селения. Древнейшие города-государства возникают во II тыс. до н.э., важнейшее место среди них занимает *«Великий город Шан»,* которому удалось объединить значительные территории. Династия Шан в XVII в. до н.э. получила название Инь. Правитель носил титул «вон», был верховным жрецом и верховным военачальником. Его власть была ограничена советом знати и народным собранием.

На рубеже II—I тыс. до н.э. государство Шан было завоевано чжоусцами, пришедшими с запада. Созданная ими цивилизация носит название *Западного Чжоу,* это было еще не единое государство, а совокупность отдельных, более или менее крупных государств. Из-за частых военных конфликтов с полукочевыми племенами жунов (родственных чжоусцам), которые особенно обострились в начале VIII в. до н.э., правитель Пин-ван переносит столицу государства в 770 г. до н.э. на восток, и этот период получил название *Восточное Чжоу.*

В IV—III вв. до н.э. обостряется борьба за власть между различными царствами. В результате в 230 г. до н.э. *царство Цинъ* наносит сначала серьезное поражение царству Хань и захватывает его территорию, а в 228—221 гг. до н.э. захватывает и другие царства (Чжао, Вэй, Чу и т.д.). Государство Цинь было первой централизованной империей на территории Китая. В его эпоху были осуществлены многочисленные реформы: деление страны на административно-территориальные округа, создание централизованных органов управления, унификация монет, мер и весов, упорядочение письменности и многие другие. В этот же период начинается строительство *Великой китайской стены.*

Империя Цинь просуществовала только 14 лет, а затем пала в результате народного восстания. Один из отрядов повстанцев возглавлял мелкий чиновник Лю Ба. В 207 г. до н.э. его отряд захватил столицу, Циньская династия была свергнута. В междоусобной борьбе между руководителями повстанцев в конечном счете одержал победу Лю Ба, в 206 г. до н.э. он получил титул «вана Хань» и стал основателем новой династии Хань, просуществовавшей до 220 г. н.э.

Религия и философия

Сведения о религии китайцев эпохи династии Шан и более древнего периода очень скудны. Сохранилось большое количество лопаток животных и черепашьих панцирей с гадательными надписями. На основании задаваемых вопросов можно считать, что уже в это время сложились представления о богах (по-видимому, племенных). В названиях племен прослеживаются и следы тотемизма, так как встречаются названия «племя лошади», «племя собаки» и т.п. В шанскую и чжоускую эпоху совершались массовые человеческие жертвоприношения богам, духам предков и природы, в жертву в основном приносились пленные. Богатые захоронения знатных людей позволяют сделать вывод о существовании веры в загробную жизнь: помимо различного инвентаря, одежды, пищи и т.п. в погребениях людей даже среднего достатка обнаружены и останки похороненных вместе с ними их слуг или рабов, которые должны были сопровождать своего господина на тот свет.

В чжоускую эпоху складываются религиозно-философские учения — *даосизм* и *конфуцианство,* которые довольно быстро трансформировались в ре-
лигии.

Миф о Панъгу Как же в конце концов были отделены земля и небо, как создавалась вселенная? В китайской мифологии есть ответ и на этот вопрос. Согласно преданиям, в то время, когда еще земля и небо не отделились друг от друга, вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нем зародился наш первопредок Паныу. Он вырос и заснул, тяжело дыша, в этом огромном яйце. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он проснулся. Приоткрыл глаза, чтобы осмотреться, но увы! ничего не увидел: вокруг него был сплошной черный и липкий мрак, и сердце его наполнилось тоской. Не найдя выхода из этого яйца, Паньгу схватил невесть откуда взявшийся огромный топор и с силой ударил им мрак перед собой. Раздался оглушительный грохот, какой бывает, когда трескаются горы, — хуа ла! — и огромное яйцо раскололось. Все легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Паньгу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он и стоял, изменяясь вместе с ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан и Паньгу вырастал на один чжан. Прошло еще восемнадцать тысяч лет — небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, а тело Паньгу также выросло необычайно. Какого же роста стал Паньгу? Говорят, что его рост равнялся девяноста тысячам ли. Как высочайший столб, стоял великан Паньгу между небом и землей, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Так стоял он, один одинешенек, под-

держивая небо и упираясь в землю, и не заметил за этой тяжелой работой, как прошли целые эпохи. Наконец небо и земля, видимо, стали достаточно прочными, и Паньгу мог более не опасаться, что они соединятся вновь, ему ведь тоже надо было отдохнуть. В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вздох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос- громом, левый глаз солнцем, правый луной, туловище с руками и ногами четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь реками, жилы дорогами, плоть почвой, волосы на голове и, усы звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы совершенно бесполезный, превратился в капли дождя и росу. Одним словом, Паньгу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным. Существуют и другие предания о волшебной силе и превращениях Паньгу. По одной версии, слезы, вытекшие из его глаз, превратились в реки, вздох в порывы ветра, голос в раскаты грома, блеск глаз в молнии.

Рассказывают, что ясная погода бывает тогда, когда Паньгу радуется, а стоит ему рассердиться, как небо заволакивается тяжелыми дождевыми тучами...
Но как же появились люди на земле? Сравнительно ранней версией о появлении людей является версия о том, что люди, как об этом уже говорилось раньше, произошли в результате взаимодействия двух великих духов Инь и Ян...
Согласно более позднему преданию, люди произошли из паразитов, ползавших по телу Паньгу, когда он «лежал на смертном одре», а ветер их развеял повсюду. Эта версия, разумеется, еще более возвеличивала заслуги Паньгу, однако одновременно она ущемляла человеческую гордость и поэтому также не получила широкого распространения...
Еще существует удивительное и прекрасное сказание о том, как небесные божества сообща создали людей: Хуан-ди разделил людей на мужчин и женщин, Шанпянь сделал уши, глаза, рот и нос, Сашшнь — руки и ноги...
(Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 34—35)
Миф о десяти Однажды, как говорит предание, во времена прав-солнцах ления Яо на небе появились сразу десять солнц. На
земле началась страшная засуха. И опечалился тогда великий правитель.
Зной сжигал посевы и так накалил землю, что плавились камни и металлы. В жилах людей чуть не закипала кровь, было невозможно дышать, иссякли съестные припасы. Люди страдали от жестокого голода. Десять солнц были детьми Сихэ — жены восточного небесного божества Ди-цзюня. Они жили в Тангу — Кипящей долине за Восточ-
212
ным морем... Десять солнц обычно омывались в море, поэтому вода там бурлила и клокотала, как кипяток. В бурлящем море росло громадное дерево фусан в несколько тысяч чжанов высотой и толщиной в тысячу чжанов.
На этом дереве жили десять сыновей-солнц... Они появлялись на небе по очереди: когда одно солнце возвращалось, другое заменяло его. Они ездили в колеснице, которой правила сама Сихэ. И хотя солнц было десять, люди видели на небе всегда лишь одно. Вероятно, такой порядок был установлен родителями солнц.
Сияние, исходившее от солнц, было умеренным и приятным... Вслед за золотым петухом кричали каменные петухи знаменитых гор и потоков, затем и все петухи Поднебесной. После этого с рокочущим шумом начинался морской прилив и появлялось очередное, чисто вымытое солнце. Его мать, Сихэ, правила колесницей, запряженной шестью драконами, быстрыми, как вихрь...
Десять сыновей-солнц под наблюдением матери каждый день по очереди выходили совершать свой строго определенный путь. Порядок не менялся со времени его возникновения, и все сыновья чувствовали материнскую заботу. Но путь повторялся изо дня в день в течение многих лет и всем надоел. Однажды вечером сыновья-солнца собрались на ветвях дерева фусан и стали шептаться. На следующее утро они вылетели вместе, не желая садиться в надоевшую колесницу. Радостно резвясь, сыновья-солнца разлетелись по всему безбрежному небосводу. Мать, сидя в колеснице, в волнении кричала на них, однако озорные и непослушные сыновья не обращали внимания на крики матери. Собравшись вместе, пользуясь неограниченной свободой и предаваясь необузданному веселью, они установили для себя новый порядок. Каждый день они поднимались вместе, больше не желая разлучаться.
Можно себе представить, какой был яркий свет, когда землю освещали сразу десять солнц, которые, наверное, считали, что на обожженной земле им тоже радуются. Они не предполагали, что все живые существа ненавидели их всей душой. Голодные, страдающие от жары люди не могли больше переносить ужасный зной десяти солнц, каждый день поднимающихся на небосводе...
В это время правитель Яо жил в простой тростниковой хижине, питался неочищенным рисом и отваром из диких трав и, по-видимому, как и все люди, страдал от голода. Яо испытывал не только физические, но и моральные мучения. Он любил свой народ, как своих детей, и думал, как избавить его от нестерпимых страданий. Эта задача легла тяжким бременем на плечи Яо. Но что он мог сделать, как и все остальные, с этими ужасными светилами? Ничего, кроме молитв и обращений к Верховному владыке...
Молитвы Яо, конечно, достигали ушей верховного божества Ди-цзюня. Вероятно,, Ди-цзюнь запретил своим детям выкидывать злые
213
шутки. Но могли.ли слова остановить их, ведь его сыновья обладали божественной силой и

привыкли к озорству! Наказывать их по законам небесного царства ему было жалко, на свободе они могли натворить множество бед. Небесному царству сыновья Ди-цзюня не могли причинить много зла. Однако молитвы, доносившиеся с земли, начинали надоедать богам, и Ди-цзюнь наконец понял, что люди находятся в тяжелом положении. Недовольство началось даже в самом небесном царстве. Тогда Верховный владыка послал на землю к людям искусного стрелка по имени И. Ди-цзюнь надеялся, что И усмирит сыновей и поможет Яо избавить страну от бедствия... Можно предположить, что И должен был отнестись снисходительно к сыновьям-солнцам. Ему следовало попугать их и лишь в крайнем случае проучить, легко ранив одного-двух. Ди-цзюнь, конечно, не хотел, чтобы искусство И принесло несчастье его детям...

Яо ...повел И и его жену показать, как живут люди. Палящие лучи десяти солнц продолжали обжигать несчастных. Многие из них умерли, а остальные были на грани смерти...

И посочувствовал людям, проникся жалостью к ним и возненавидел солнца... Несмотря на повеление небесного правителя, он решил как следует проучить его сынков, чтобы раз и навсегда положить конец неприятностям.

Стрелок вышел на середину площади, снял из-за спины красный лук, вынул из колчана белую стрелу, натянул тетиву до отказа, прицелился в огненный шар на небе и выпустил стрелу. Вначале ничего не было заметно, но прошло мгновение — и огненный шар в вышине беззвучно лопнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые перья. Что-то сверкающее с треском упало на землю. Люди подбежали и увидели огромную трехногую золотую ворону, пронзенную стрелой. Это и было одно из солнц... Стало прохладнее... Стрелок И решил довести до конца начатое дело. Он вновь и вновь без устали натягивал лук, и стрелы летели в солнца, которые, дрожа от страха, разбегались в разные стороны... Все небо было заполнено струями пламени, в воздухе парили бесчисленные золотые перья, и на землю падали трехногие вороны. Ликующие крики людей звучали на всей земле, радуя сердце стрелка.

Яо... вдруг... понял, что нельзя убивать все солнца. Тогда он послал человека, чтобы тот потихоньку вытащил одну из десяти стрел из колчана И. Так на небе осталось одно солнце.

(Юань Кэ. Мифы древнего Китая. С. 139—144)

Посещение В осень ты предкам приносишь могучих быков, **храма** С лета им брус деревянный кладут вдоль рогов;

Белый один, красно-рыжая жерсть на другом.

Жертвенный кубок прекрасен, налитый вином.

214

Тут поросенок, и мясо, и чистый отвар, Стол в деревянных сосудах, назначенных в дар. Танцы, все время меняяся, радуют взгляд. Внукам почтительным предки награду дарят. В блеске своем ты, всегда процветая, живешь, Да долголетен ты бучешь и будешь хорош! Будет хранима восточная эта страна, Лускому княжеству вечность да будет дана! Нет ей ущерба, утесы ее не падут, Не задрожит, не падет она в ужасе смут! Три долголетия князю, да вечно живет, Точно возвышенный холм или горный хребет!

(Шицзип.С.301)

Вера в загробную Изображения на шелке из погребения Мавандуй 1 **жизнь и суеверия** проливают свет на традиционные представления ханьцев о том, что происходит с человеком после его смерти. Несомненно, уже в ханьское время сложились основные черты культа тела покойника, существовавшего в Китае на протяжении многих последующих веков... Самой страшной казнью считалось обезглавливание и тем более четвертование — этим наносился непоправимый ущерб душе умершего, которая продолжала существовать в его телесном облике. Поэтому же во время погребения принимались.раз-нообразные меры, чтобы уберечь тело от разложения. Детали этого сейчас практически неизвестны, однако письменные источники свидетельствуют, что в ряде случаев удавалось сохранить погребенного на протяжении длительного времени. Так, Ли Дао-юань в своем «Комментарии к "Трактату о реках"» приводит сообщение о том, что в конце правления Хуан-чу (225 или 226 г.) местные жители раскопали могилу правителя наследственного владения Чанша У Жуя, скончавшегося в 201 г. до н.э. Тело его сохранилось настолько, что лицо казалось живым. «Как вы похожи на правителя Чанша У Жуя! — сказал после этого один из участвовавших во вскрытии могилы некоему У Гану, — только вот уши у вас немного короче». Впоследствии выяснилось, что У Ган был потомок У Жуя в шестом поколении...

Помимо всего прочего для предотвращения нежелательного воздействия на тело покойника со стороны потусторонних сил гроб разрисовывали магическими изображениями. В погребении Мавандуй 1 один из гробов покрыт росписью, основным мотивом которой является борьба со

змеями. Главное действующее лицо — чудовище с головой оленя и длинным хвостом, в человеческой одежде...
Вполне естественно, что древние китайцы переносили на подземное царство картину взаимоотношений между людьми в реальной действительности... Поэтому в гроб чиновника иногда клали официаль-
215
ное письмо, адресованное соответствующим властям в мире теней, например: «В 4-м году, в дополнительном девятом месяце, в день синь-хай, Чжан Янь, удафу из Пинли, докладывает ...подземному владыке: "Я, моя одежда и предметы, а также то, с помощью чего приносятся жертвы, готовы в соответствии с законом..."»
Многочисленные суеверия были связаны с календарными датами. Считалось, что различным родам человеческой деятельности соответствуют специальные «счастливые» дни и, напротив, дни, когда то или иное занятие могло причинить человеку зло.
Так, существовало поверье, что мытье головы в день цзы делает человека привлекательней, в если голову моют в день мао, то от этого появляются седые волосы... В несчастливый день нельзя было шить одежду и начинать строительство дома... Сооружавшему кровлю в пятом месяце грозило облысение...
(Крюков М.В., Переломов Л. С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 260—263)

Конфуцианство Конфуций [Кун Цзы, Кун Чжунни] (551—479 гг. до н.э.), в литературе чаще всего именуется Кун-цзы — учитель Кун, древнекитайский философ, основатель конфуцианства. Родился в обедневшей семье аристократов-чиновников и военных. В 22 года начал обучать, прославившись как самый знаменитый педагог Китая...
В 50 лет Конфуций начал свою политическую деятельность, став высоким сановником в Лу. Уйдя со службы вследствие интриг, в течение 13 лет путешествовал по другим китайским государствам, не найдя, однако, в них применения своим идеям. В 484 г. вернулся в Лу и, помимо преподавания, занимался собиранием, редактированием и распространением «Шицзина», «Шуцзина», «Ицзина», «Юэцзина» и «Лицзи», а также первой в истории Китая погодной хроники «Чунь-цу»... Главным источником сведений об учении Конфуция является «Лунь юй» («Беседы и суждения») — записи высказываний и бесед Конфуция, сделанные его учениками и их последователями. Конфуций похоронен на кладбище, специально отведенном для него, его потомков, ближайших учеников и последователей; его дом превращен в храм Конфуция, ставший местом паломничества.
Характерной чертой учения Конфуция является антропоцентризм. Его почти не интересуют проблемы космогонии, он уделяет мало внимания духам и потустороннему миру..., хотя и считает небо не только частью природы, но и высшей духовной силой в мире, а жертвоприношения предкам — важнейшим выражением почтения к ним. Однако в центре его внимания — проблемы человека, его умственного и нравственного облика. Конфуций первым разработал концепцию идеального человека (цзюнь-цзы), благородного мужа — не по происхожде-
216
нию, а благодаря воспитанию в себе высоких нравственных качеств и культуры, — который прежде всего должен обладать *жэнъ* — гуманностью, человечностью, любовью к людям; проявления жэнь — справедливость, верность, искренность и т.д. Особое место занимала концепция *сяо* — сыновней почтительности, уважения к родителям и старшим вообще; Конфуций считал сяо основой жэнь и других добродетелей и самым эффективным методом управления страной (ибо страна — это большая семья). Наконец, Конфуций придавал большое значение *юе* — музыке, лучшему средству изменения плохих нравов и обычаев, а главенствующую роль отводил *ли* — этикету, т.е. правилам благопристойности, регулирующим поведение человека в разных жизненных ситуациях. Исходной точкой учения Конфуция о четком иерархическом разделении обязанностей в обществе была концепция *чжэн мин* — выпрямления (исправления) имен, т.е. приведения вещей в соответствие с их названием...
Конфуцианство заняло господствующее положение при императоре У-ди (140-87 гг. до н.э.), когда Дун Чжуншу предложил ликвидировать другие учения и сделать единым объектом почитания Конфуция. Дун Чжуншу соединил конфуцианство с учением о космических силах инь и ян и пяти первоэлементах (у-син). Природу человека он определял как врожденную, полученную от неба. В ней содержится как человечность (жэнь), так и алчность, отражающие действия в небе сил инь и ян. Чувства (источники зла) — также часть природы человека; посредством воспитания она становится доброй и завершенной. Воспитывать людей должен правитель, выполняя этим волю

неба... Такая трактовка отношений между правителем и подданными, развитая далее в концепцию «трех связей»: правитель — подданный, отец — сын, муж — жена, где первые компоненты соответствуют доминирующей силе ян и являются образцом для вторых, соответствующих подчиненной силе инь, позволила использовать ее для оправдания авторитарной власти императора.

(Философский энциклопедический словарь. С. 278)

В этот же период оформляется канон конфуцианской литературы — «пятикнижие» (позднее — в эпоху Средневековья — он расширяется до «тринад-цатикнижия»). Знание «пятикнижия» составляло необходимый минимум всякого образованного человека, и именно по ним проводились государственные экзамены для получения чиновничьих рангов.

В канон входили книги, редактированием или написанием которых занимался сам Конфуций. Это — Шицзин (Книга песен и гимнов), Шуцзин (Книга истории), Ицзин (Книга перемен), Лицзи (Книга ритуала), Юэцзин (Книга о музыке), тексты которых были собраны и отредактированы Конфуцием, и, наконец, Чуньцу (Весны и осени) — хроника царства Лу, написание которой приписывается самому Конфуцию (хотя, возможно, он ее тоже только отредактировал). Уже ко времени создания канона Юэцзин была утрачена, а оставшиеся книги и образовали «пятикнижие».

217

После смерти Конфуция конфуцианство распалось на восемь школ, наиболее интересными из которых являются *идеалистическая школа Мэн-цзы* и *материалистическая Сюнъ-цзы.*

Мэн-цзы утверждает идею об изначальной доброте человека, врожденности у него таких качеств, как человеколюбие, справедливость, благородство и т.п. А зло есть результат того, что человек не следует своей природе, и его можно преодолеть, выявляя истинную природу человека путем образования.

Сюнъ-цзы считал, что первоначалом мира является ци — первоматерия, обладающая двумя формами — инь и ян, мир существует и развивается в соответствии с естественными закономерностями. Человек по природе зол, и его необходимо воспитывать, чтобы он стал добродетельным.

Идеи Сюнь-цзы оказали большое влияние на ученых эпохи Хань (206— 220 гг.), а в дальнейшем вытеснены учением Мэн-цзы.

***Из* «ЛГг/нъюм*-**

Луньюй (Суждения и беседы) — один из основных источников наших знаний об учении самого Конфуция. Эта книга была составлена его учениками в V в. до н.э. и содержит запись бесед учеников с Конфуцием.

Учитель говорил:

— Достойный муж в еде не ищет сытости, в жилье не ищет удобства. Он усерден в делах и сдержан в речах. Общаясь с людьми добродетельными, себя по ним исправляет — вот о ком можно сказать, что он ревностен в учении!

Мэн И-цзы спросил, в чем состоит сыновний долг. Учитель сказал:

— Не нарушать положенного.

Фань Чи правил колесницей, и Учитель поведал ему:

— Мэн Сунь спросил у меня в чем состоит сыновний долг. Я ему ответил: не нарушать положенного.

— А что это значит? — спросил Фань Чи. И Учитель сказал:

— Пока родители живы — служить им, как положено. Когда умрут — похоронить, как положено, и приносить положенные жертвы.

Учитель говорил:

— Если человек не человечен, что он понимает в обрядах? Если человек не человечен, что он поймет в музыке?

Учитель говорил:

— Лишь истинно человечный человек способен любить и способен ненавидеть.

Учитель говорил:

— Если ученый муж стремится к истине, но при этом стыдится бедной одежды и грубой пищи, то с ним и говорить не стоит.

Фань Чи спросил, что следует считать разумным.

— Служить народу, как подобает, ответил Учитель, — почитать духов и богов, но держаться от них подальше — вот что можно назвать разумным.

218

Учитель говорил:

— Будьте тверды в своей верности и усердны в учении, до конца держитесь истинного пути. В страну, где неспокойно, не ходите. В стране, где смута, не живите. Когда в Поднебесной царит справедливость, будьте на виду. Когда справедливости нет, уйдите от мира. Когда в стране справедливость, стыдно быть бедным и ничтожным. Когда справедливости нет, стыдно быть богатым и знатным.

Учитель говорил:

— Побольше укоряйте самих себя и поменьше других. Этим отдалите от себя людскую неприязнь.
Учитель говорил:
— Достойный муж спрашивает с самого себя, мелкий человек спрашивает с других.
Цзыгун спросил:
— Существует ли одна-единственная заповедь, которой можно следовать всю жизнь?
— Будь великодушен, — сказал Учитель. — Не делай другим того, чего себе не желаешь.
(Луньюй.С.31-45)

Даосизм *Основателем даосизма* был *Лао Цзы* (Старый учитель, Старый ребенок), собственное имя Ли Эр (Ли Боян, Лао Дань). По преданию, родился в 604 г. до н.э., однако историчность его личности вызывает сомнения. Его краткая биография изложена в «Исторических записках» основоположника китайской историографии Сыма Цань (II в. до н.э.). Согласно этой биографии сведения о жизни Лао Цзы весьма недостоверны, так как мудрец предпочитал жить «не оставляя следов»: он несколько раз менял имя, многие годы провел отшельником. В ней же сказано, что он был историографом-архивариусом при Чжоуском дворе, где была богатейшая библиотека; будучи уже стариком, встретился с Конфуцием; жил якобы 160 или 200 лет.

По легенде, когда Лао Цзы однажды решил окончательно покинуть Срединное царство (Китай) и уйти на Запад (одни считают, что он шел в Персию к знаменитым магам, другие — в Индию, причем кое-кто связывает рождение там Будды с приходом Лао Цзы, третьи полагают, что он шел в Шамбалу) и проходил через пограничную заставу, ее начальник, который тоже шел путем духовного совершенствования, уговорил Лао Цзы оставить частицу своей мудрости Китаю. Лао Цзы согласился, задержался там на некоторое время и написал «Дао дэ Цзин», состоящую всего лишь из 5000 иероглифов. Самая древняя рукопись Дао дэ Цзин относится ко II в. до н.э.; она была найдена при раскопках княжеского захоронения и Несколько отличается от традиционного текста.

К основным идеям даосизма относятся следующие: *Дао* — это невидимый вездесущий естественный закон природы. Дао бездействует, тем самым порождая все, оно вечно и безымянно, пусто и неисчерпаемо. В соответствии с Дао взаимодействуют два противоположных начала — *инь* и *ян,* достигая своего предела, они переходят друг в друга.

Во II в. даосизм оформляется организационно, начало чему положила школа «Путь небесных наставников», основанная полулегендарным Чжан Лином (Чжан Даолином). Возник миф о новом пришествии Лао Цзы в 145 г. и его откровении своему наместнику на земле — Чжан Даолину. Сформировалось представление о пантеоне, возглавляемом триадой: Шан ди (Яшмовый владыка), Лао Цзы и творец мира Паньгу. Религиозная организация строится по иерархическому принципу, важную роль играют монахи и жрецы. В начале V в. оформляются ритуал и вероучение, даосизм становится государственной религией, затам распадается на множество сект и направлений.

Дао Дэ Цзин состоит из 81 чжана. Эта книга принадлежит к числу труднейших для понимания, поэтому второй чжан приводим в трех различных переводах: первые два — научные, а третий — это литературное переложение текста.

Из <?*Дао** *Дэ* ***Цзин»-. Второй чжан

В Поднебесной всегда, узнав о красоте, начинают осуществлять красивое.
И вот — уже безобразное.
Всегда, узнав о совершенствовании, начинают осуществлять совершенствование.
И вот — уже не-совершенствование.
Причинность:
В контакте наличия и отсутствия происходит рождение.
В контакте трудного и легкого происходит становление-завершение.
В контакте длинного и короткого появляется форма.
В контакте высокого и низкого происходит потеря равновесия.
В контакте звука и голоса осуществляется согласие.
В контакте переднего и заднего появляется следование.
Это дает:
Человек мудрости пребывает в осуществлении отсутствия.
Таково его дело.
Совершает действия без пояснений словами.
Таково его учение.
Все мириады сущностей совершают работу,
а нет оформления в словах.
Происходит рождение,
а нет обладания.
В осуществлении нет отождествления.
При успешном завершении нет пребывания в этом.

А коли нет пребывания в этом,
то нет и исчезновения.
(ДаоДэ Цзин//Антология даосской философии- С. 23—24)
Когда все в Поднебесной узнали, что красота — это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро — это добро, появилось и зло.
220
Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, *до* и *после* друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием.
(Дао Дэ Цзин // Из книг мудрецов. С. 72)
Когда узнали, что красивое красиво
Появилось безобразное
Когда узнали, что доброе хорошо
Появилось зло
Поэтому бытие и небытие порождают друг друга
Трудное и легкое создают друг друга
Длинное и короткое сравниваются
Высокое и низкое соотносятся
Звуки образуют мелодию
Начало и конец чередуются
Потому-то мудрый совершает бездействие
Учит безмолвно вызывает перемены безучастно
Творит бескорыстно, начинает без усилий
Завершая, не гордится
Не гордится, и его не избегают
(Дао Дэ Цзин. С. 2)
Из «Чжуан-цзы» Книга названа по имени древнекитайского философа *Чжуан Чжоу,* или Чжуан-цзы (кон. IV — нач. III в. до н.э.) — одного из виднейших представителей даосизма. Книга составлена, по-видимому, его учениками.
Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались как-то по мосту над рекой Хао. И Чжуан-цзы сказал:
— До чего же привольно резвятся ельцы — какая это для них радость!
— Ты же не рыба, — возразил Хуэй-цзы, — откуда тебе известно, в чем ее радость?
— Ты же не я, — сказал Чжуан-цзы, — откуда же тебе известно, что я не знаю, в чем радость для рыбы?
— Да, я не ты, — сказал Хуэй-цзы, — и, конечно же, тебя не знаю. Но ты-то уж, точно, не рыба и уж никак не можешь знать, в чем ее радость.
— Позволь вернуться к началу, — сказал Чжуан-цзы. — Ты ведь сказал так: «Откуда тебе известно, в чем радость для рыбы?» Значит, ты уже знал, нто это мне известно, — потому так и спросил. Я же про это узнал, прогуливаясь по мосту над Хао...
У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакать. А Чжуан-цзы, сидя на корточках, стучал по глиняной корчаге и распевал песни.
221
— Ты прожил с нею жизнь, — сказал Хуэй-цзы, — нажил детей. А теперь, когда она, состарившись, умерла, не только не плачешь — а еще и колотишь в посудину, распеваешь песни. Это уж слишком!
— Нет, ты не прав, — сказал Чжуан-цзы. — Когда она умерла и я остался один — мог ли я не печалиться? Но вот я задумался над ее началом — когда она еще не родилась; не только не родилась — еще не обладала телом; не только телом — но и эфиром-ци. Растворенная в мутном Хаосе, она стала преображаться — в ци; ци преобразилось — и возникло тело; тело преобразилось — и возникла жизнь. А ныне вновь преображение — и смерть. Все это следует одно за другим, как времена года: за весною — лето, за осенью — зима. Так зачем же теперь, когда она покоится в Мироздании, провожать ее плачем и воплями? Ведь это значит — не понимать велений Судьбы. Вот я и перестал плакать.
(Чжуан-цзы. С. 94-95)

Государство и право

Конфуцианство — Князь Ай-гун спросил: из «Луньюй» — Как заставить народ повиноваться?

Учитель Кун ответил ему так:
— Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, народ повиноваться не будет...
Цзыгун спросил, как нужно управлять государством.
— Обеспечить в достатке пищей, — ответил Учитель, — обеспечить в достатке оружием и чтобы народ тебе доверял.
— А если бы, — спросил Цзыгун, — пришлось вдруг от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?
— От оружия, — сказал Учитель.
— А если бы, — спросил Цзыгун, — пришлось вдруг еще от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?
— От пищи, — сказал Учитель. — Ведь издревле повелось, что люди так и так умирают. А вот когда народ не доверяет — государству не устоять.
Учитель отправился в Вэй, и Жань Ю правил повозкой.
— Как здесь многолюдно! — сказал Учитель.
— А если их много, — сказал Жань Ю, — то что еще следует сделать для этих людей?
— Дать им разбогатеть, — сказал Учитель.
— А когда разбогатеют, — сказал Жань Ю, — то что бы еще для них сделать?
— Воспитать их, — сказал Учитель.
(Лунъюй.С.31-43)
220
Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, *до* и *после* друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием.
(ДаоДэ Цзин//Из книг мудрецов. С. 72)
Когда узнали, что красивое красиво
Появилось безобразное
Когда узнали, что доброе хорошо
Появилось зло
Поэтому бытие и небытие порождают друг друга
Трудное и легкое создают друг друга
Длинное и короткое сравниваются
Высокое и низкое соотносятся
Звуки образуют мелодию
Начало и конец чередуются
Потому-то мудрый совершает бездействие
Учит безмолвно вызывает перемены безучастно
Творит бескорыстно, начинает без усилий
Завершая, не гордится
Не гордится, и его не избегают
(ДаоДэЦзин.С.2)
Из «Чжуан-цзы» Книга названа по имени древнекитайского философа *Чжуан Чжоу,* или Чжуан-цзы (кон. IV — нач. III в. до н.э.) — одного из виднейших представителей даосизма. Книга составлена, по-видимому, его учениками.
Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались как-то по мосту над рекой Хао. И Чжуан-цзы сказал:
— До чего же привольно резвятся ельцы — какая это для них радость!
— Ты же не рыба, — возразил Хуэй-цзы, — откуда тебе известно, в чем ее радость?
— Ты же не я, — сказал Чжуан-цзы, — откуда же тебе известно, что я не знаю, в чем радость для рыбы?
— Да, я не ты, — сказал Хуэй-цзы, — и, конечно же, тебя не знаю. Но ты-то уж, точно, не рыба и уж никак не можешь знать, в чем ее радость.
— Позволь вернуться к началу, — сказал Чжуан-цзы. — Ты ведь сказал так: «Откуда тебе известно, в чем радость для рыбы?» Значит, ты уже знал, нто это мне известно, — потому так и спросил. Я же про это узнал, прогуливаясь по мосту над Хао...
У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакать. А Чжуан-цзы, сидя на корточках, стучал по глиняной корчаге и распевал песни.
221

— Ты прожил с нею жизнь, — сказал Хуэй-цзы, — нажил детей. А теперь, когда она, состарившись, умерла, не только не плачешь — а еще и колотишь в посудину, распеваешь песни. Это уж слишком!

— Нет, ты не прав, — сказал Чжуан-цзы. — Когда она умерла и я остался один — мог ли я не печалиться? Но вот я задумался над ее началом — когда она еще не родилась; не только не родилась — еще не обладала телом; не только телом — но и эфиром-ци. Растворенная в мутном Хаосе, она стала преображаться'— в ци; ци преобразилось — и возникло тело; тело преобразилось — и возникла жизнь. А ныне вновь преображение — и смерть. Все это следует одно за другим, как времена года: за весною — лето, за осенью — зима. Так зачем же теперь, когда она покоится в Мироздании, провожать ее плачем и воплями? Ведь это значит — не понимать велений Судьбы. Вот я и перестал плакать.

(Чжуан-цзы. С. 94-95)

Государство и право

Конфуцианство — Князь Ай-гун спросил: из «Луньюй» — Как заставить народ повиноваться?

Учитель Кун ответил ему так:

— Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, народ повиноваться не будет...

Цзыгун спросил, как нужно управлять государством.

— Обеспечить в достатке пищей, — ответил Учитель, — обеспечить в достатке оружием и чтобы народ тебе доверял.

— А если бы, — спросил Цзыгун, — пришлось вдруг от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?

— От оружия, — сказал Учитель.

— А если бы, — спросил Цзыгун, — пришлось вдруг еще от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?

— От пищи, — сказал Учитель. — Ведь издревле повелось, что люди так и так умирают. А вот когда народ не доверяет — государству не устоять.

Учитель отправился в Вэй, и Жань Ю правил повозкой.

— Как здесь многолюдно! — сказал Учитель.

— А если их много, — сказал Жань Ю, — то что еще следует сделать для этих людей?

— Дать им разбогатеть, — сказал Учитель.

— А когда разбогатеют, — сказал Жань Ю, — то что бы еще для них сделать?

— Воспитать их, — сказал Учитель.

(Лунъюй.С.31-43)

222

Даосизм Исходя из учения о Дао, даосизм предложил оригинальную концепцию наилучшего государственного управления — недеяния: если правитель пребывает в бездействии, то в силу Дао дела сами наладятся. И, так же как и другие философские учения, даосизм осуждает войну.

Наивысший правитель тот, о ком подчиненные знают одно — что он существует. За ним следует тот, кого любят и превозносят. За ним следует тот, кого боятся. А за ним следует тот, кого презирают...

Когда Великий Путь утрачен — появляются «человечность» и «долг». Вместе с остротой ума рождается и великое коварство. Когда шесть родичей не ладят — появляется «сыновья почтительность» и «родительская любовь». Когда в государстве смута — возникают «верноподданные».

(ДаоДэ Цзин// Из книг мудрецов. С. 74)

Чжуан-цзы удил рыбу в реке Пушуй. И вот от чуского царя явились к нему два знатных мужа и сказали:

— Государь пожелал обременить вас службой в своем царстве!

Не выпуская из рук удочки и даже не обернувшись, Чжуан-цзы ответил им так:

— Слыхал я, что есть у вас в Чу священная черепаха: уж три тысячи лет как издохла, а цари берегут ее останки в храме предков, в ларце, под покрывалом. Так что же лучше для черепахи: издохнуть и удостоиться почестей? Или жить, волоча хвост по грязи?

— Лучше жить, волоча хвост по грязи, — ответили сановники.

— Тогда ступайте прочь, -- сказал Чжуан-цзы. — Я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи!

(Чжуан-цзы. С. 93)

Моизм *Моизм* — этико-политическое учение, *основатель* которого *Мо цзы* (Мо Ди) (ок. 468 — 376 гг. до н.э.). Для учения Мо цзы характерен призыв ко всеобщей любви, требование решать все конфликты мирными средствами и т.п.

Монеты были людьми необыкновенными, поражавшими современников полным забвением личного, готовностью жертвовать всем ради общего блага и справедливости. Монет с радостью отдавал свою жизнь за главу школы и мог лишить жизни единственного сына за зло, содеянное постороннему. И пусть большинству современников идеи философа представлялись чуждыми, его приверженцев они сумели сплотить в тесный союз единомышленников, превосходившей организацией все другие школы. Своей дисциплиной, аскетизмом, взаимопомощью членов, беспрекословным подчинением авторитету главы, особыми установлениями и, наконец, увлечением математикой монеты имеют

223

только одно соответствие в истории древнего мира — пифагорейский союз, существовавший в Южной Италии приблизительно в это же время...

(Из книг мудрецов. С. 207)

Из -«Мо-цзы»

Мо-цзы сказал: «Чтобы навести порядок в стране, необходимо знать причину беспорядков. Если знаешь причину беспорядков, то, устранив ее, приведешь страну к процветанию и спокойствию; если же не знаешь причины беспорядков, то не сможешь навести порядок в стране... Когда проникаешь в истоки беспорядков, видишь, что они возникают там, где люди не любят друг друга, и слуга и сын непочтительны к государю и отцу. В чем же суть беспорядка? Она в том, что сын любит себя, но не любит отца и готов ради своей выгоды нанести ему ущерб; она в том, что младший брат любит лишь себя и, не любя старшего брата, наносит ущерб брату своему, дабы обеспечить выгоду себе... Ныне правителям ведома любовь лишь к своему царству, и, не любя другие царства, они изыскивают любой предлог для нанесения удара по ним. Ныне почтенным отцам ведома любовь лишь к своей семье, и, не любя другие семьи, они не брезгуют ничем, чтобы разграбить всей семьей семью ближнего.... Если между людьми отсутствует взаимная любовь, непременно появляется взаимная ненависть; если правитель и его подчиненные не питают взаимной любви, им не следует ждать милости и верности; если между отцом и сыном нет взаимной любви, то нет речи и о почитании родителей; если между братьями нет взаимной.любви, то между ними нет и согласия; если же между людьми Поднебесной не будет взаимной любви, то сильный непременно подчинит слабого, богатый оскорбит бедного, знатный станет кичиться перед простолюдином, хитрый обманет простодушного...»

(Мо-цзы. С. 208)

Легизм *Легизм* — этико-политическое учение, возникшее в Древнем Китае в VI—III вв. до н.э. В центре внимания легиз-ма — проблема управления государством. Легисты считали, что политика несовместима с моралью и главные средства управления — поощрение и наказание, причем последних должно быть намного больше. Легисты разработали концепцию деспотического государства, где все равны перед законом. Единственное исключение — это правитель, являющийся творцом законов.

Легисты считали необходимым систематическое обновление чиновничества, причем назначение на посты должно производиться за заслуги, а не по принципу наследования. Внутри чиновничества должна существовать жесткая иерархия и должен действовать единый принцип присвоения рангов знатности, наград и поощрений. Чиновники должны нести личную ответственность за выполняемую работу, над их деятельностью должен осуществляться жесткий цензорский надзор.

224

Виднейшие представители легизма — это *Шан Ян, Гуань Чжун, Цзы Чань, Ли Куй, Шэнь Бухай* и *Хань Фэй.* Начиная с III в. до н.э. начинается процесс слияния легизма с конфуцианством, в результате уже в эпоху Хань легизм прекращает свое самостоятельное существование.

Закон не должен потворствовать знатным, отвес не должен подделываться под кривизну. Там, где действует закон, умный не может его обойти, храбрый не смеет ему противиться; наказания за проступки не минуют и сановников, награды за добрые дела не обходят и простолюдинов. Вот почему ничто не сравнится с законом, когда надо исправить проступки знати и покарать преступления простолюдинов, усмирить мятеж и осудить заблуждение, избавиться от излишеств и устранить нелепость, установить единые правила для всего народа. И ничто не сравнится с наказаниями, когда надо подхлестнуть чиновников и устрашить народ, искоренить разврат и леность, пресечь ложь и коварство. Когда наказания суровы — знать не смеет обижать простолюдинов, когда законы в почете — знать уважают и не посягают на ее права. Когда знать уважают и не посягают на ее права, тогда и положение государя прочно и он располагает должной

властью. Вот почему прежние государи почитали законы и передавали их один другому. Когда же государь отбрасывает законы и действует по собственному произволу — исчезают различия между верхами и низами...

Дун Яньюй был правителем Нагорной области в Чжао. Однажды, проезжая по горам Шиишань, он увидал там ущелье в сотню жэней глубиной, с крутыми, как стены, склонами. И спросил у жителей окрестных селений:

— Люди когда-нибудь туда спускались?

— Нет, никогда, — ответили жители.

— Может, спускались туда несмышленые дети? Помешанные? Слабоумные?

— Нет, никогда, — ответили жители. — А может спускались коровы, лошади, свиньи, собаки?

— Нет, никогда, — ответили жители.

И Дун Яньюй, глубоко вздохнув, сказал:

— Вот теперь я могу управлять. Если мои законы будут столь же безжалостны, как это ущелье, где.каждого смельчака ждет погибель, — никто не посмеет их нарушать. Почему бы тогда не править?

(Хань Фэй-цзы. С. 237)

Письменность и ^ниги

Древнейшие китайские тексты, гадательнЦе надписи, нацарапанные на бараньей лопатке или черепаховом панцире, относятся к III—II тыс. до н.э.:

225

такой панцирь или лопатка помещались в огонь, и ответ на заданный вопрос «вычитывался» по форме и расположению образовавшихся трещин.

Во II тыс. до н.э. появляются надписи на ритуальных бронзовых сосудах, а с начала I тыс. до н.э. для письма стали использоваться бамбуковые планки, скрепленные шнуром, текст писался вдоль планки по вертикали. На одной такой планке вмещалось около 40 иероглифов, так что даже небольшая по содержанию книга имела значительный объем. В III в. до н.э. китайцы начали применять в качестве материала для письма шелк, но он был очень дорог. В I в. до н.э. — начале I в. н.э. китайцы изобрели бумагу, что способствовало широкому распространению письменности. Уже на бамбуковых планках (а позднее — на шелке и бумаге) писали с помощью кисти тушью, изготавливаемой из каменного угля или из сажи от сжигания сосновых дров. Ошибки исправлялись путем подчистки ножом, поэтому выражение «нож и кисть» стало метафорой для обозначения чиновников.

Распространение письменности и возрастание ее общественной роли потребовало унификации начертания иероглифов. Первый известный опыт кодификации китайской графики — это список иероглифов Ши Чжоу пянь, написанный придворным историографом *Ши Чжоу* (IX—VIII вв. до н.э.). Затем в эпоху Цинь и Хань происходят реформы письменности, приведшие в результате к появлению стандартного стиля письма — «кайшу» (уставное письмо), которое сохранилось вплоть до реформы китайской письменности в 1956—1959 гг. В иероглифическом письме всегда используется большое количество знаков, для чтения книг конфуцианского канона необходимо знать около 10 000 иероглифов, в современных китайских словарях содержится порядка 100 000 иероглифов.

Каллиграфия считается в Китае видом искусства и высоко ценится, живописные полотна часто украшаются каллиграфическими надписями.

Китайская письменность еще в древности широко распространилась по всей Юго-Восточной Азии.

Школа и обучение

Конфуцианство В школе самого Конфуция преподавались четыре дисциплины: мораль, политика, язык и литература, излагаемые на основе книг «Шицзин», «Шуцзин», «Лицзи» и «Юэцзин»...

Учитель сказал:

— По природе все люди сходны между собой, привычки и воспитание делают людей отличными друг.от друга... Лишь высшая мудрость и крайняя глупость неизменны.

Учитель сказал:

— Я подражаю старине, а не сочиняю, верю в старину и люблю ее. Начинают образование с поэзии, закрепляют изучением правил ли

и завершают обрядовой музыкой. Конфуций сказал:

— Высшее знание — это врожденное знание. Ниже знания, приобретенные учением. Еще ниже знания, приобретенные в итоге одоления

226

трудностей. Наиболее ничтожен тот, кто не желает извлекать поучительного урока из трудностей.

Конфуций сказал:

— Послушай, Ю, я хочу научить тебя правильно относиться к знаниям. О том, что ты знаешь, говори, что знаешь. А о том, чего не знаешь, говори, что не знаешь. Только такое отношение к

знаниям мудрое.
(Луньюй. С. 194-195)

Даосизм ...Мудрец действует недеянием и учит молчанием...
(ДаоДэЦзин. С. 72)

Моизм Способность к знанию — это прирожденный дар, благодаря которому приобретают знания, но это еще не само знание, подобно тому как видят солнце, обладая способностью видеть...

Виды знания: воспринятое от людей — услышанное знание; знание, достижение которого не ограничено временем и местом, — разумное знание; полученное личным наблюдением — непосредственное знание. То, чем называем [вещь], есть имя. То, что называем, есть действительность. Связь имени и действительности есть отношение. [Связь] воли с деятельностью есть поступок.
(Мобянъ. С. 220)

Литература

Древнейшая дошедшая до нас библиография китайской литературы принадлежит *Бань Гу* (32—92 гг. н.э.). В своей работе «Описание искусств и словесности» (являющейся частью его же «Истории династии Хань»), он выделяет основные имеющиеся виды литературы: канонические философские книги (включая исторические), стихи и поэмы, сочинения по военной науке, книги по астрологии, медицинские книги.

Говоря о поэзии Древнего Китая, можно отметить, что наиболее древними дошедшими до нас памятниками ярляются фольклорные поэтические произведения, собранные в Шицзин (одну из книг конфуцианского «пятикнижия»). В конце I тыс. до н.э. в Китае развивается авторская поэзия, в основном в двух жанрах: песни и поэмы, причем последние писались ритмической прозой и были предназначены для скандирования. Наиболее известными поэтами древности (по словам Бань Гу) являлись Сюнь Цин, Цуй Юань, Сян Юй, Тап Лэ, Мэй Шэн, Сыма Сян-жу и Ян Сюн.

Из прозаических сочинений (кроме философских трактатов) необходимо особо отметить исторические труды. Они интересны не только сами по себе, но и потому, что жанр жизнеописаний, присутствующий уже у «отца китайской историографии» *Сыма Цяня* (II в. до н.э.), повлиял на создание пове-
227
ствовательной прозы, зарождающейся, по-видимому, в I—II вв. н.э. Еще одним источником этой прозы были так называемые «малые (пустячные) речения» — уличные рассказы, которые специально записывались особыми чиновниками для доклада государю, чтобы он мог знать об умонастроении народа. Эти рассказы практически не сохранились.

Из «Шицзин» *Шицзин* — это древнейшее в Китае собрание песен и гимнов, созданных с XII по V вв. до н.э. Как сказано в биографии Конфуция в «Исторических записках» Сыма Цяня: «В древности стихотворений «ши» было более трех тысяч. Конфуций отбросил негодные и взял то, что соответствует правилам и должному». По указу императора текст этой книги был в 175 г. до н.э. вырезан на каменных барабанах, поэтому он сохранился до наших дней. Тексты Шицзин представляют из себя четырехсложные стихи с постоянной рифмой, которые исполнялись на определенные мелодии, а часто и вместе с танцем.

Поучение царю I

Ладно сработанный лук, вделанный в рог на концах, Если отпустишь — концы вновь разойдутся легко! С братьями дружно живи, со всею по женам родней. Лучше ты с ними, о царь, не расходись далеко.

II

Будешь далек от родни, в ней не почуешь оплот, Станет чураться тебя собственный твой же народ. Ты наставляешь народ, ты образец и закон — Знай же: как ты поступил, так же поступит и он.

III

Если и тот и другой братья друг к другу добры, Великодушия в них хватит с избытком на всех. Если и тот и другой между собой недобры, Будут друг другу они точно болезнь или грех.

IV

Нет и в народе добра, если — так кажется мне — Тянут и тот и другой каждый к своей стороне! Чин получает иной, только в нем скромности нет, Смотришь: и чин утерял сам, по своей же вине. Старый коняга не прочь стать молодым жеребцом, Впрочем, последствий сего этот одер и не ждет!
228
Всякий, кто ест без конца, должен насытить живот; Чарку за чаркою пьешь? — слишком упьешься винцом!

VI

Ты обезьян не учи лазать на ветви дерев! К грязи ли грязь прибавлять, чувство стыда одолев? Если

пойдешь, государь, сам ты стезею добра, Люди с тобою пойдут, сгинут и злоба, и гнев.

VII

Падает хлопьями снег, густ и обилен кругом, Тает, однако, и снег с солнечным первым лучом, Царь не желает лжецов ни прижать, ни изгнать — Злобная гордость растет, с каждым сгущается днем.

VIII

Падает хлопьями снег, как он обилен, смотри! С солнечным первым лучом все же растаял давно... Стали как варвары мы, стали мы как дикари! Сердце мое оттого скорбью великой полно.

(Шицзин. С. 206-207)

Песня о воине, изнемогшем в походе

Желтая иволга песню поет,
Села она у излучины скал:
«Путь нам далекий, далекий лежит, —
Как поступить мне — я слаб и устал?»
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?
Желтая иволга песню поет,
Села у края холма на логу:
«Смею ль бояться походных трудов?
Страшно, что быстро идти не смогу».
Дайте воды, накормите его,
Дайте совет, научите его!
Кто же обозным приказ передаст,
Скажет: «В повозку возьмите его»?
Желтая иволга песню поет, Села внизу у холма на пути: «Смею ль бояться походных трудов?

229

Страшно, что мне до конца не дойти». Дайте воды.накормите его, Дайте совет, научите его! Кто же обозным приказ передаст, Скажет: «В повозку возьмите его»?

(Шицзин. С. 212)

Скромный пир

Вижу, трепещут, трепещут на тыкве листы, Ты соберешь их и сваришь, подашь их гостям. Друг благородный, есть и вино у тебя — В чарку его наливаешь и пробуешь сам.
Есть у хозяина заяц, да только один — Зайца поджаришь на угольях прямо в шерсти. Друг благородный, есть и вино у тебя — Ты разольешь его в чарки, гостям поднести.
Есть у хозяина заяц, да только один — Зайца изжаришь, как надо, гостям на обед. Друг благородный, есть и вино у тебя — Гости хозяину налили чару в ответ.
Есть у хозяина заяц, да только один — Зайца изжаришь, как следует быть, над огнем. Друг благородный, есть и вино у тебя — Снова гостям наливаешь, и снова мы пьем!

(Шицзин. С. 214-215)

Из «Исторических На сорок шестом году правления (782 г. до н.э.) **записок» Сыма** Сюань-ван скончался, и на престол вступил его сын **Цянь** Гун-шэн, принявший титул Ю-вана. На втором
году правления Ю-вана (780 г. до н.э.) в Западном Чжоу в районе Трехречья произошло землетрясение. Бо Ян-фу сказал: «Чжоу ожидает гибель! [Известно, что] взаимодействие сил Неба и Земли не теряет своего порядка, если же этот порядок нарушается, то народ восстает. [Когда] сила ян повержена и не в состоянии выйти [наверх] и, будучи подавлена силой инь, не в состоянии воспарить, тогда случается трясение земли. Ныне в районе Трехречья произошло землетрясение, и это означает, что сила ян утратила присущее ей место и подавлена силой инь. [Когда] сила ян теряет [свое место] и находится под давлением силы инь, истоки [рек] обязательно закупориваются; если же истоки закупорятся, то государство непременно гибнет. Когда вода и земля [должным образом] взаимодействуют, народ пользуется этим,

230

а когда земля не взаимодействует [с водой], у народа недостает всего необходимого, чего же тогда ожидать, кроме гибели? В прошлом, когда реки Ишуй и Ло-шуй обмелели, погиб [дом] Ся. [Когда] обмелела река [Хуан]хэ, погиб [дом] Шан. Ныне добродетели [дома] Чжоу в таком же [состоянии], как в конце тех двух династий. К тому же истоки рек вновь закупорены, а закупорка обязательно

приведет к их обмелению. Ведь [существование] страны всегда зависит от гор и рек, [когда же] горы рушатся, а реки мелеют — это признак гибели государства. Обмеление рек непременно приводит к обвалу гор. Что же касается государства, оно гибнет на протяжении не более десяти лет, такова основа [большого] счета. То, что отвергается ,Небом, не просуществует более этого срока». В том году обмелели три реки и случился обвал в горах Цишань.
На третьем году правления (779 г. до н.э.) Ю-ван страстно полюбил Бао-сы. Бао-сы родила ему сына Бо-фу, и Ю-ван решил отстранить [законного] наследника престола. Мать наследника, дочь Шэнь-хоу, была старшей женой Ю-вана. Когда же Ю-ван взял к себе Бао-сы и полюбил ее, он хотел убрать государыню из рода Шэнь и вместе с ней устранить старшего сына И-цзю, чтобы сделать Бао-сы старшей женой, а Бо-фу — наследником.
(Сыма Цянь. Исторические записки. С. 200—201)

Музыка

Китайская музыка — одна из древнейших в мире. Она насчитывает много местных вариантов. В китайской музыке преобладает одноголосие. В основе ее 5-звуковая система (пентатоника), но встречаются образования, построенные на 7-ступенных ладах. Музыкальные инструменты: цисяньцинь, пипа, хуцинь или эрху, ди, шэн... Изучением китайской музыки занимались древние китайские философы, богословы, математики. Конфуций отводил в своем учении большое место музыке, занимался собиранием народных песен, Сыма Цянь создал теорию китайских ладов, Хэ Чэнь-тянь занимался вопросами равномерной темперации и др. Содержание профессиональной китайской музыки определялось придворным церемониалом и религиозным культом.
(Штейнпресс Б.С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 225)

Из «Луныой» Если Учителю случалось заплакать, в этот день он уже не пел.
Когда Учитель был в Ци, он услыхал там мелодию «Шао», после чего три месяца не знал, каков вкус мяса. И сказал так: — Даже не думал, что из-за музыки дойду до этого!
(Луньюй. С. 36)

231

Из «Исторических записок» Сыма Цянь

Император воскликнул: «О сановники, сановники! Вы — мои ноги и руки, глаза и уши. Я хочу во всем помочь своему народу, и вы содействуйте мне в этом. Я хочу видеть рисунки древних, солнце и луну, звезды и созвездия вышитыми на одеждах, вы хорошо разберитесь в них. Я хочу слышать шесть полутонов лю-люй, пять основных тонов у-шэн и и звуки восьми музыкальных инструментов, чтобы проверять [с их помощью], как управляется страна, чтобы передавать мои слова и принимать слова [народа]. Вы послушайте! Если я поступлю неправильно, воспротивьтесь и поправьте меня. Вы не должны льстить [мне] в лицо, а удалившись, поносить меня...»
Юй сказал: «Правильно! Если император будет действовать не вовремя, ставить в одинаковое положение добрых и злых, то успеха не будет...»
Затем Куй заиграл на музыкальных инструментах, [на звуки которых] явились [души] предков. Все князья стали уступать друг другу, птицы взлетели, а звери пустились в пляс; когда же на свирелях была исполнена мелодия шао в девяти вариациях, торжественно прилетели фениксы. Все животные пустились в пляс, а среди чиновников установилось доверие и согласие.
(Сыма Цянь. Исторические записки. С. 160—162)

Архитектура и строительство

Великая Китайская стена

Великая Китайская стена — одно из самых боль-ших и искусных строительно-технических сооружений всех времен. Ее строили примерно десять лет начиная с 220 года до н.э. при императоре Цинь Шихуанди. Некоторые участки оборонительной стены были построены еще до того в разных воевавших друг с другом маленьких царствах на севере. Цинь Шихуанди набрал целую армию из крестьян, солдат, преступников и политических заключенных, чтобы обновить поврежденные места и соединить эти участки. Так возник сплошной крепостной вал, идущий через горы вдоль границы его империи. Стена была задумана как укрепление против набегов воинственных кочевников-монголов с севера, а также, по всей вероятности, как доказательство власти и величия императора...
Стена извивалась вверх и вниз по горам, шла через пустыни и болота/Она была сооружена на каменном фундаменте и возведена из земли и кирпича. С ее сторожевых башен при помощи дымовых сигналов, а ночью — с помощью сигнальных огней — можно было распространять информацию по всей стране с никогда дотоле невозможной скоростью.

232
Около 300 000 человек трудились в поте лица над возведением этой стены. Только сама организация и обеспечение такой массы рабочей силы была исключительным достижением. Легенда рассказывает, будто один маг предсказал Цинь Шихуанди, что стена только тогда может быть завершена, когда в ней будет погребен «Ван» или 10 000 человек. В конце концов император нашел человека по имени Ван, приказал убить его и захоронить в стене. По всей вероятности, было так, что многие тысячи людей, умерших во время строительных работ, были замурованы в стене. Стену называли также *Самым длинным кладбищем мира* или *Стеной слез.*

Военное значение стены, когда она бывала укомплектована войсками соответственно своей длине, становилось огромным. С течением столетий, однако, она была заброшена и разрушилась. В 607 году н.э. при династии Суй сооружение было реконструировано. В этот период на строительстве был занят миллион рабочих, причем половина из них погибли. Наконец, в XV веке в годы правления династии Мин (1368— 1644 гг.), стена обрела свой сегодняшний облик...

Данные относительно ее общей длины варьируются. Стена поворачивает и изгибается, в некоторых местах параллельно ей идут другие крепостные валы, которые могут входить в подсчеты. Данные о длине очень разные: прямая линия между двумя конечными точками составляет 2450 километров, а стена со всеми ответвлениями и изгибами, должно быть, равна от 6000 до 6500 километров...

Стена была не только крепостным валом, но и дорогой. Ее ширина — 5,5 метра; это позволяло маршировать рядом пяти пехотинцам или скакать рядом пяти кавалеристам. Еще и сегодня ее высота в среднем составляет девять метров, а высота дозорных башен — двенадцать метров. *(Атлас чудес света. С. 87)*

Город, усадьба, погребение Четкость и упорядоченность планировки характеризуют главные центры Ханьского государства

Лоян и Чанъань, выстроенные по установленным в трактатах правилам. Город, отражавший представления о правильной структуре мироздания и порядке, господствующем в Поднебесной, мыслился как завершенная в своих очертаниях крепость, обнесенная стенами и рвом с высокими деревянными дозорными башнями и расположенными строго друг против друга массивными воротами.

План богатых усадеб повторял в миниатюре очертания столицы... Замкнутые в прямоугольник стен, ориентированные фасадом на юг, они состояли из ряда построек, обращенных окнами в глубь двора, расчлененного посредине стеной и входом на две части — жилую и хозяйственную. Типы планировки усадеб сводились к двум: сань-хэюань, в котором двор обрамлялся тремя павильонами и воротами, и сы-хэю-ань, в котором его ограждали четыре павильона.

233
Не менее продуманными по своей структуре были и погребальные склепы знати. В связи с тем что культ усопшего стал одним из важнейших священнодействий, покойника должны были окружать все прижизненные почести и оберегающие знамения.

Богатых людей хоронили, по обычаям древности, в подземных сооружениях, к которым подводила аллея духов — охранителей могилы, обрамленная скульптурами крылатых львов и каменными входными пилонами. В комплекс входили и небольшие наземные святилища — цытаны. Применение камня и кирпича способствовало усложнению планировки подземных гробниц, пространство которых расчленялось стенами и колоннами на ряд помещений.... Каменные двери орнаментировались фигурами стражей, колонны завершались резными капителями в виде фигур драконов. В погребениях обнаружено множество расписных глиняных моделей усадеб, многоэтажных домов и башен, зеркала, курильницы, светильники, ткани, бронзовые и глиняные сосуды, а также глиняные фигурки танцовщиц, музыкантов, слуг, животных, полные динамики живой непосредственности. Ведущая роль принадлежала заполнявшим стены гробниц фризообразно расположенным рельефам из каменных (на севере страны) и кирпичных (на юге) плит.

...Дворец Вэйангун в Чанъане (столице Ханьской империи) занимал по периметру 11 км и состоял из 43 зданий. Основным строительным материалом в это время по-прежнему служило дерево, но крыши уже делались из черепичных желобов, украшенных на концах рельефными изображениями зверей-охранителей. Тяжелые и массивные, они опирались на балки и колонны, капителями которых служили узорные кронштейны — доугуны, облегчающие вес и давление кровли. Дворцы... строились из различных пород ценного дерева. Внутренние покои украшались стенными росписями и пропитывались ароматическими благовониями, каменные полы инкрустировались драгоценными самоцветами.

(Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. С. 25—26, 198—199)

Изобразительное искусство

Древнекитайские Тяжеловесные бронзовые сосуды, служившие для **бронзовые сосуды**
жертвенных возлияний духам — покровителям **III—II тыс. до н.э.** племени, особенно ярко
отражали сумму сложившихся к тому времени представлений о действительности. О том, какой
важный смысл придавался изготовлению бронзовых изделий, свидетельствует виртуозное
мастерство их литья. Огромные сосуды весом свыше 600 кг обрабатывались с такой же
234
тщательностью, как и маленькие. Геометрический узор отличался графической точностью,
разнообразием ритмических сочетаний. Тесно сплетенные между собой культ мертвых и культ
земледелия определили характер орнамента, его расположение, смысл и систему образов.
Огромные, зачастую почти неподвижные в силу своей массивности сосуды, испещренные
магическими знаками узора, на фоне которою выделяются рельефные головы реальных и
мифических животных, имеют яркий, ни с -чем не сравнимый облик. Каждый из ритуальных
сосудов, будь то кубок для вина — гу — или гигантский чан для варки жертвенной пищи — дин,
— повествуя о силах природы, не только составлял часть ритуального комплекса, но сам являлся
комплексом, олицетворяя своеобразную модель мира.

Важнейшими изобразительными мотивами становятся уже не стилизованные луна и солнце, а
воплощающие стихии неба и воды птица и дракон, цикада, предвещающая урожай, сулящие
людям благополучие бык и баран. Подчас изображенные существа приобретают собирательный
облик, обобщая, подобно условной маске таоте, черты важнейших животных-покровителей —
тигра, барана, дракона.

Предназначенные для привлечения к человеку добрых знамений, сосуды зачастую сами
принимали форму зверей или птиц — оберегов. Функции охранительной магии во многом
определяли эстетический облик иньских бронзовых изделий...

Разделенные узорчатыми ребрами сосуды ориентированы по четырем направлениям света, каждая
их часть включает в себя систему изображений и знаков, сопоставляющихся со стихиями неба,
гор, земли и воды. В торжественной уравновешенности монументальных форм олицетворено
сочетание рациональных и стихийных начал, составившее специфику изобразительного языка
искусства Китая...

(Виноградова НА., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. С. 19—20)

Искусство Наряду с бронзовыми сосудами разного типа и на-
I тыс. **до н.э.** значения появилось и множество других изыскан-
ных ритуальных и бытовых предметов: круглые бронзовые зеркала, инкрустированные с
оборотной стороны серебром и золотом, украшенные росписью музыкальные инструменты и
мебель, яркая расписная лаковая утварь, предметы из резного дерева и камня. В гибких плетениях
их узоров отразилось более многоплановое осмысление мироздания, воспринимаемого как стихия
бесконечного космического движения и противоборства света и тьмы. Другими стали принципы
орнаментации, отличающейся от прошлого большей свободой и живописностью...

Для живописи, выделившейся к этому времени в самостоятельный вид искусства (о чем
свидетельствует обнаруженная также в погребе-
235
нии близ Чанша самая ранняя в Китае картина), впервые используется шелковая ткань. Ее
нейтральная поверхность отождествляется с пространством неба, где противоборствуют
властвующие над жизнью человека стихийные силы природы, воплощенные в облике дракона и
феникса, летающих над женской фигурой. Начертанная тонкими штрихами туши, эта еще
достаточно схематичная картина вместе с тем за-ключала в себе развитые в дальнейшем принципы
китайской живописи.

(Виноградова НА., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. С. 20—24)

Искусство Погребения обнаружены в разных провинциях Ки-
I—III **вв. н.э.** тая. Но наиболее богаты по содержанию рельефы
Шаньдуна и Сычуани. Они отражают изменения, которые произошли в представлении древних
китайцев о миропорядке в первых веках нашей эры. Многообразные по темам и многозначные по
символике рельефы погребения Улянцы в Шаньдуне, восходящие ко II в. н.э., гораздо более
широко, чем прежде, повествовали о соотношении жизни людей со светилами, странами света,
царствами воды и воздуха. Развивая ряд тем, намеченных в узорах древней бронзы, они включали
их в новые более сложные многофигурные композиции. Плоские, едва выступающие над

поверхностью каменных плит рельефные фризы погребения Улянцы указывают на строгое соответствие всех изобразительных мотивов культовому назначению. Три небольших прямоугольных в плане святилища отражали представления о стране бессмертия богини Запада Сиванму, царстве божества Востока Дунвангуна, сферах неба, земли и воды. Важное место было отведено назидательным легендам. В качестве животных — охранителей стран света в рельефах, как и на пилонах аллеи духов, фигурировали феникс, тигр, дракон и черепаха. Емкие и многозначные по своему символическому смыслу, их изображения отождествлялись не только с югом, западом, востоком и севером, но и с пятью элементами, составляющими основу мира, — огнем, металлом, деревом, водой и землей. Их символика сплеталась и с культами плодородия, светилами, как бы связывая человеческую судьбу многочисленными нитями с мирозданием...

Вселенная уподобляется структуре государства, разделенного на сферы Запада и Востока, управляемые могущественными владыками; четыре стороны света, созвездия и планеты отождествляются с конкретными животными, воплощаются в облике антропоморфных духов и божеств, образуют полные жизни жанровые сценки. Так, бог грома изображен высекающим молотом гром из змеи-радуги, божество Большой Медведицы выезжает на небо в повозке — ковше из семи звезд. Легендарные первопредки Нюйва и Фуси изображаются полулюдьми-полузмеями, но в то же время наделяются атрибутами установления земных порядков — циркулем и угольником.

236

Назидательные сцены отличаются еще большей повествовательнос-тью. Здесь представлены целые серии рассказов о верных женах, сыновних добродетелях. Каждая сцена отделяется от другой вертикальной табличкой с надписью, уточняющей сюжет. Ритм движения наполняет все сцены жизнью, придает плоским силуэтам многообразие. В назидательных сценах он исполнен плавного спокойствия. В сценах борьбы стихий, напротив, движение показано неразрывным и слитным. В изображениях животных и людей выработаны четкие каноны. Выявляются не характеры, а условные типы, подчеркиваются не эмоции, а действие... Для выражения ужаса и гнева, почтения и смирения употреблены стереотипные приемы — вставшие дыбом волосы, согбенные спины. И вместе с тем при стилистической общности ханьских рельефов в каждом погребении они по-своему неповторимы... В каждом погребении канонизируются ритмические приемы, помогающие усилить эмоциональное впечатление. Красота и завершенность контура, найденность позы, точность жеста помогали выявить гармонию мира...

Древний период, завершившийся в Китае вместе с падением Хань-ского государства, сметенного восстанием рабов в III веке н. э., положил начало длительной художественной традиции китайского искусства.

(Виноградова НА., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. С. 26—30)

Об одном из них (знаменитых художников. — *Сост.),* Мао Янь-шоу (конец I в. до н. э.), рассказывали, что он владел искусством портрета в такой степени, что мог передавать не только красоту лица, но и возраст человека. Как-то император приказал ему написать портреты наложниц из своего гарема и удостаивал своим вниманием лишь тех из них, которые выглядели под кистью художника наиболее привлекательными. Многие наложницы подкупали Мао Янь-шоу, чтобы он несколько приукрасил их; только Чжао-цзюнь не захотела пойти на обман, и поэтому император так и не видел ее. Когда же пришлось отправить невесту сюннускому шаньюю, император решил выбрать для этого Чжао-цзюнь. Перед отъездом свадебного поезда Чжао-цзюнь была принята императором, который вдруг обнаружил, что в действительности она самая красивая из всех его наложниц. Разгневанный император приказал казнить художника, приукрасившего посредственность и тем самым оставившего в тени истинную красоту.

(История Древнего Востока. С. 429)

Научные знания

Показателем общего подъема культуры Древнего Китая эпохи Чжань-го было также развитие научных знаний, прежде всего математики. Прогресс в этой области науки определялся ее прикладным характером.

237

Составленный во II в. до н.э. трактат «Математика в девяти книгах» подобно «Началам» Евклида содержит компендиум математиче-ских знаний, накопленных предшествующими поколениями ученых. В этом трактате зафиксированы правила действий с дробями, пропорции и прогрессии, алгоритм Евклида, теорема Пифагора, применение подобия прямоугольных треугольников, формулы для пифагоровых чисел, решение системы линейных уравнений и многое другое.

«Математика в девяти книгах» была своего рода руководством для землемеров, астрономов, чиновников...
С развитием математики были тесным образом связаны значительные достижения древних китайцев в области астрономии и календаря. В «Исторических записках» Сыма Цяня одна из глав раздела «Трактаты» специально посвящена проблемам небесных светил. Аналогичная глава содержится и в «Ханьской истории» Бань Гу, где приводятся названия 118 созвездий (783 звезды). В сочинении астронома и математика II в. н.э. Чжан Хэна упоминаете^ уже о 124 созвездиях (2500 звезд). Большое внимание уделялось в это время наблюдениям за планетами. В I в. до н.э. древним китайцам было известно, что период обращения Древесной звезды (Юпитера) составляет 1*1,92* года. Это почти совпадает с результатами современных наблюдений.
В 104 г. до н.э. было вычислено, что.продолжительность года составляет 365,25 дня. Принятый в этом году новый календарь использовался вплоть до 85 г. н.э. По этому календарю год состоял из 12 месяцев; дополнительный месяц добавлялся в високосном году, который устанавливался один раз в три года.
Солнечно-лунный календарь древних китайцев был приспособлен к нуждам сельскохозяйственного производства. Календарю уделялось значительное внимание в тех научных трактатах, которые обобщали важнейшие достижения земледельческой техники (например, в сочинении ученого Фань Шэн-чжи, жившего в конце I в. до н.э.).
Весьма значительное развитие получила в Древнем Китае медицина. Древне-китайские врачи еще в IV-III вв. до н.э. стали применять метод лечения, получивший впоследствии широкое применение в традиционной китайской медицине — иглоукалывание, или акупунктура.
Чрезвычайно интересны рукописи медицинских сочинений, найденные недавно в одном из ханьских погребений начала II в. до н.э. Они включают трактат по диетологии, руководство по лечебной гимнастике, пособие по лечению методом прижиганий и, наконец, сборник различных рецептов. Последний содержит 280 предписаний, предназначенных для лечения 52 болезней (в том числе судорог, нервных расстройств, лихорадки, грыжи, глистных заболеваний, женских и детских болезней и т.д.). KIII в. относится применение знаменитым врачом Хуа То местной анестезии при полостных операциях.
(История Древнего Востока. С. 429—430)
238

Быт и нравы

Пища Основу рациона древних китайцев составляло зерно. Не случайно в могилу с умершим в ханьское время клали миниатюрные модели зерновых амбаров: в загробном мире души усопших нуждались в хорошей привычной еде. В надписях на таких моделях указывалось, какое именно зерно хранилось в них. В счет ежемесячного довольствия солдатам и их семьям выдавались пшеница, ячмень, просо, чумиза, гаолян.
Вареная пшеница составляла основу повседневного рациона простолюдинов. Принимая гостей, их нередко потчевали вареной чумизой: «резать кур и варить чумизу» было общепринятым выражением, обозначающим хлопоты хозяйки перед приходом гостей. Рис, как и раньше, считался дорогим угощением.
В ханьское время основным способом приготовления риса и иных круп была варка на пару. Помимфтого применялся и способ варки зерна в воде. Так готовилась жидкая кашица, которой питались во время траура по умершим родственникам или во время неурожая. Из муки варили лапшу, причем это блюдо продавалось в готовом виде на рынке.
В число «шести видов домашних животных», чье мясо в ханьское время употреблялось в пищу, входили коровы, бараны, свиньи, собаки и куры. Кроме того, нередко готовили блюда из рыбы и дичи.
Супы готовили двух основных видов. Первый из них — «основной суп» варился из мяса без добавления соли и овощей, второй — «светлый суп» заправлялся различными овощами и подсаливался.
К «пяти вкусовым ощущениям» древние китайцы относили острое, кислое, соленое, горькое и сладкое; важнейшими приправами, позволяющими придавать кушаньям соответствующий вкус, считались: имбирь, уксус, соль, вино и патока. Однако фактически набор приправ и специй был гораздо шире...
«В зимние дни пьют горячий отвар, а в летние дни пьют воду» — этот древнекитайский обычай... имел распространение на всем протяжений ханьской эпохи.
Широкой популярностью пользовались опьяняющие напитки, которые условно можно объединить

под названием «вино». Вино в древнем Китае приготовлялось из зерна и представляло собой нечто вроде браги. Сорта вин различались главным образом по срокам выдержки: молодое вино было готово к употреблению через 3—4 дня, а выдержанное должно было простоять не менее месяца. Кушанья подавались на маленьких столиках... в деревянных каст- -рюлях с крышками. Последние ставились обычно на блюдо круглой или прямоугольной формы. Вино подавалось в больших бочкообразных сосудах на трех ножках, а затем разливалось по кружкам. Непременной составной частью набора столовой посуды были ковшееобраз-

239

ные сосуды, в которых подавался суп. Важным предметом настольного прибора в ханьское время были, как и сегодня, палочки для еды.

(Изложено по: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 200—211)

Одежда Известными нам предметами одежды в древнем Китае были: рубашки, штаны, плахты (ноговицы), куртки, халаты, безрукавки, передники, набрюшники, чулки, туфли, сапоги, мужская и женская одежда была практически одинаковой. Халаты были двубортные с запахом направо, халаты с запахом налево применялись только как похоронная одежда. Длина халата варьировалась: обычно он на несколько см не доходил до земли, но, скажем, солдаты носили халаты и длиной до колена, а знатные женщины носили халаты, которые полностью закрывали ноги и при ходьбе волочились по земле. Рукава халата были широкие и длинные — опускались ниже кончиков пальцев примерно на 25—30 см. Но на всю длину рукава распускались только в танце, обычно же они присобирались. Поверх халата носился пояс из ткани или кожи.

Необходимым элементом китайского костюма была обувь, чаще всего туфли шились из сыромятной кожи, солдаты носили и обувь, плетенную из пеньковых бечевок. Признаком богатства и знатности были шелковые туфли. В ханьское время впервые возникает обычай носить еще и чулки: сзади они имели разрез, к которому крепились матерчатые тесемки, ходить в незавязанных чулках считалось неприличным, непристойным считалось же и просить постороннего человека завязать чулки.

Древние китайцы не стригли волос, а укладывали их на голове, скрепив шпилькой. Реконструируются по крайней мере два типа причесок. Волосы заплетали в одну или в три косы и закручивали на затылке или в верхней части головы правее макушки. Поверх узла волос одевался головной убор в виде согнутого под острым углом куска кожи (?), который закреплялся под подбородком лентой. Кроме того, обнаружены шапочки в виде прямоугольного мешочка из легкой и прозрачной шелковой материи.

(Изложено по: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 185—200)

О жилище В ханьском доме почти не было мебели. Основным предметом внутренней обстановки были циновки, которыми застилалось все жилое помещение.

На аудиенции во дворце сановники сидели на циновках и лишь император — на топчане. На низеньких деревянных топчанах сидели и спали.

240

Рядом с сиденьем в зале ставили ширму, отгораживавшую часть жилого пространства. Ширмы делали из ткани, натянутой на раму, или из дерева, нередко покрывавшегося лаком и расписывавшегося. Спали, подложив под голову подушку в форме валика.

Так как, находясь в доме, человек большую часть времени проводил непосредственно на полу, застеленном циновками, входящий снимал обувь. Право подчиненных подниматься во дворец, не оставляя у дверей меча и не снимая туфель, жаловалось императором за особые заслуги. Однако если находиться в помещении босиком считалось нормой, то показаться без туфель на улице было неприличным и унижало человеческое достоинство. Поэтому снять туфли вне дома означало то же, что снять головной убор: это было равнозначно признанию себя преступником. Древние китайцы четко противопоставляли себя народам, не знавшим обуви. Большое значение они придавали и манере сидеть. Как и в более раннее время, единственно приемлемой позой считалось подогнуть под себя ноги, как бы становясь на колени и опуститься на пятки. В такой же позе в ханьское время сидели и на топчане. Сидеть, свесив ноги вниз, считалось неприличным. Совершенно недопустимым считалось сидеть, скрестив ноги или вытянув их вперед.

(Изложено по: Крюков М.В., Переломов Л. С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 212—222)

Семья Брачным возрастом мужчины считалось достиже-

ние им 30 лет, а женщиной — 20, фактически это правило постоянно нарушалось... Так, император Хуань-ди женился в 16 лет..., а Лин-ди и Сянь-ди — даже в 15... Нередки были и случаи, когда девушки выходили замуж в 13 лет... Распространившаяся в обществе практика заключения ранних браков встречала осуждение со стороны поборников ортодоксального конфуцианства.

Решение о вступлении в брак принималось родителями, причем инициатива чаще всего принадлежала отцу жениха. Сделав выбор, будущий свекор сам или через посредника обращался к родителям девушки за согласием на ее брак. Иногда, впрочем, бывало и наоборот.

Выбор невесты определялся в ханьское время несколькими критериями: внешним обликом, происхождением, богатством и т.д.

Когда выбор был сделан, начиналась подготовка к свадьбе. Прежде всего полагалось послать подарки родителям невесты. Соображения престижа требовали, чтобы подарки были обильны и разнообразны. Если глава семейства занимал чиновничью должность, он преподносил тридцать различных предметов, включавших мясо, вино, шелк и пр. Каждый подарок завертывался отдельно и снабжался специальной благопожелательной надписью.

Вслед за поднесением подарков родственники жениха осведомлялись об имени невесты: его они до этого могли и не знать. Узнать, как

зовут девушку было немаловажно, потому что по имени с помощью гадания устанавливали, нет ли препятствий к браку. Затем по гороскопу определялась дата свадьбы, после чего семья невесты снова получала подарки.

Тщательно готовились к церемонии проводов невесты из отчего дома. Тем временем в доме жениха собирались гости, пришедшие поздравить молодых. Для собравшихся устраивалось богатое угощение с мясом и вином, требовавшее огромных расходов. Нередки были случаи, когда родителям жениха приходилось залезать в долги, лишь бы пригласить на свадьбу «полную залу гостей».

(Крюков М.В., Переломов Л. С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. С. 242—243)

Литература

Атлас чудес света. М.: БММ АО, 1995.

Виноградова Н.А., Николаева Н.С. Искусство стран Дальнего Востока. М.: Искусство, 1979.

ДаоДэ Цзин. Дубна: Свента, 1994.

Дао Дэ Цзин If Антология даосской философии / Сост.: В.В. Малявин, Б.Б. Виногродский. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1994.

ДаоДэ Цзин // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

Дмитриева НА., Виноградова НА. Искусство Древнего мира. М.: Дет. лит., 1986.

Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

История Древнего Востока/ Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1979.

Крюков М.В., Переломов Л. С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.

Лунъюй // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

Мобянь // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969.

Мо-цзы I/ Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

Сына Цянь. Исторические записки (Ши цзи). М.: Наука, 1972.

Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.

Хань Фэй-цзы // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

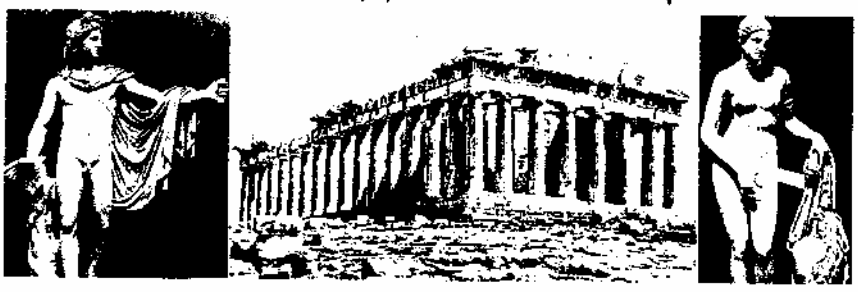
Чжуан-цзы // Из книг мудрецов: Проза Древнего Китая. М.: Худож. лит., 1987.

Шицзин. М.: Худож. лит., 1987.

Штейнпресс Б. С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ



Исторический Уже в III тыс. до н.э. на Балканском полуострове и остро-**очерк** вах

Эгейского моря зарождаются первые очаги государ-
ственности (у народов, этническая принадлежность которых не установлена), но развитие их в материковой Греции было прервано пришедшими с севера примерно в XXII в. до н.э. греческими племенами, которые называли себя *ахейцами* или *данаями.* Нашествие первоначально не повлияло на островные цивилизации, самой высокой из которых была *критская.*

Государственность возникает на Крите, по-видимому, на рубеже III—II тыс. до н.э. Наиболее впечатляющими остатками этой цивилизации являются дворцы, поэтому она называется «дворцовой». Различаются *эпоха «старых дворцов»* - начиная примерно с XX и по XVII в. до н.э., когда старые дворцы были разрушены (по-видимому, в результате природных катаклизмов), и *эпоха «новых дворцов»* - XVI-XV вв. до н.э. В конце XV в. до н.э. недалеко от о. Крит происходит грандиозное извержение вулкана (на о. Тир), в результате чего большинство поселений на Крите погибло. Воспользовавшись этим, на Крит вторглись ахейцы и захватили его.

Расцвет ахейской цивилизации происходит в XV—XIII вв. до н.э., ее важнейшими центрами были Микены, Тиринф, Пилос, Афины, Фивы. В целом эту культуру часто называют *крито-микенской* или *эгейской.* Во второй половине II тыс. до н.э. ахейские племена активно занимаются колонизацией: заселяют острова Родос и Кипр, создают колонии на Сицилии, в Южной Италии, в Малой Азии. Именно в этот период (XIII в. до н.э.) и происходит знаменитая осада Трои, увековеченная Гомером в «Илиаде».

В конце XIII в. до н.э. ахейская цивилизация погибает, по-видимому, в результате нового нашествия с севера - в том числе и греков-дорийцев, которые позднее расселились на территории материковой Греции.

XI—IX вв. до н.э. ученые часто называют «темными веками» в истории Греции, так как происходившие события не вполне понятны, а поскольку этот период известен в основном по поэмам Гомера (хотя сам Гомер жил скорее всего в VIII в. до н.э.), его еще называют *гомеровским.* Период с VIII по VI в. до н.э. часто называют *архаическим.* В целях упрощения изложения весь период с XII по VI в. до н.э. мы будем называть доклассическим. В конце этого периода происходит, по-видимому, становление этнического самосознания

греков, которое происходит на основе единства языка, религии, нравов. Основная форма государственности — это город-государство, т.е. полис. Греция никогда не была в древности самостоятельным единым государством, как, скажем, Египет; то, что имеется в виду, когда говорят о Древней Греции, — это множество отдельных государств-полисов.

VI—V вв. до н.э. — *классический период,* время расцвета древнегреческой культуры и искусства, это тот период, который в первую очередь и имеется в виду, когда говорят о культуре Древней Греции. Именно в это время в Греции появляются философия, живопись, возникает классическая греческая скульптура, возникают театры, стадионы, возводятся великолепные храмы. Важнейшими политическими событиями этой эпохи были греко-персидские войны, в которых (в конце концов) греки одержали победу, и Пелопонесская война — между двумя союзами греческих городов: во главе одного союза стояли Афины, а во главе второго — Спарта, общий перевес в этой войне оказался на стороне Афин и их союзников.

Период с IV в. до н.э. по V в. н.э. носит обобщенное название *«эпоха эллинизма»*-. Он начинается с завоеваний Александра Македонского и заканчивается, как и весь период Античности, с захватом Рима варварами. Империя Александра охватывала весь Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Малую Азию, Египет, всю Переднюю Азию, южные районы Средней Азии и часть Центральной Азии — до нижнего течения Инда. Хотя империя Александра просуществовала недолго и распалась после его смерти, но сам факт ее существования оказал сильнейшее воздействие на все последующее развитие культуры. Самостоятельные государства, которые образовались после смерти Александра из осколков его империи, в целом соответствовали более древним государственно-территориальным образованиям, но во главе их стояли греки-македоняне, имелись греческие гарнизоны, правители приглашали греческих мастеров и т.п. И, хотя правители чаще всего уважали местные верования, обычаи и нравы, многое перенимали, но и влияние греческой культуры постепенно распространялось, особо надо отметить значимость *греческого алфавитного письма,* которое стало основой при создании ряда систем письменностей, греческой скульптуры и архитектуры, а также философии и научных знаний. Уже в начале эллинистического периода возникает множество новых культурных центров, самыми важными из которых были Александрия, Антиохия и Пергам.

Во II в. до н.э. Греция была захвачена римлянами и с этого момента входит в состав римского государства, а после распада Римской империи на Западную и Восточную (Византию) входит в последнюю — вплоть до падения Византии в XV в. н.э. Греческая культура оказала столь значительное воздействие на римскую, что многие исследователи отказывают римской культуре в самостоятельности, считая ее во всех основных аспектах подражательной. Но, по-видимому, точнее говорить о возникновении своеобразного сплава греческой и римской культур, к которому в целом и относится название эллинистической культуры.

Религия и мифология

Отдельные черты древнегреческой религии восходят к индоевропейской праобщности: так, имя Зевс этимологически близко к санскритскому

Дьяус, Уранос — к Варуна. Определенное влияние на древнегреческую религию оказали верования крито-микенцев: в расшифрованных надписях встречаются имена богов, сходные с именами Артемиды,

Посейдона, Гермеса, Геры, Зевса и некоторых других. Но в целом о религии крито-микенцев известно немного. Широко распространенным объектом поклонения была двойная секира, которая, предположительно, была атрибутом бога грозы; судя по изображениям, существовал культ змей, быка, возможно — голубя и некоторые др. Отдельные культовые здания не обнаружены.

В развитии собственно древнегреческой религии принято выделять *до-олимпийский* и *олимпийский периоды* (когда сложился общегреческий пантеон с богами-олимпийцами во главе).

К наиболее архаичным пластам верований доолимпийского периода относятся сохранившиеся следы тотемизма (миф о происхождении мирмидо-нян от муравьев, миф о змееногом Кекропе — основателе Афин, миф о превращении людей в рыб на Посейдоновом озере; связь богов с различными животными: Аполлон носит название «волчьего» и «мышиного», Гера — волоокая, Афина — совоокая; Зевс при похищении Европы превращается в быка, Дионис, похищенный пиратами, — в медведицу). К древнейшим слоям верований относится культ мертвых и погребальные обряды, на их основе еще в доклассический период формируется культ героев, которые первоначально были, по-видимому, духами-покровителями отдельных родов (общегреческое распространение получил, в частности, культ Геракла). С возникновением полисов на первый план выходит культ богов-покровителей полисов, который получает статус государственной религии.

Общегреческий пантеон олимпийских богов сложился постепенно, и образ каждого бога, вошедшего в него, пережил длительную эволюцию. Ниже приводятся отрывки из произведений различных древнегреческих авторов, рассказывающие мифы о происхождении богов. Причем необходимо заметить, что в Древней Греции не произошло становление канона священных текстов, т.е. не была сформирована единая книга, священные тексты практически вообще не записывались и известны нам только по отдельным примерам. Поэтому древнегреческая мифология и верования восстанавливаются учеными не по собственно религиозным, а по литературным текстам: поэзии Гомера, Гесиода и более поздних поэтов, прозаиков и драматургов, в том числе и по сатирическим произведениям. В качестве примера такой реконструкции в данном разделе приводится «Пять веков человечества». Отсутствие общего свода мифов о богах ощущалось, возможно, как недостаток уже в самой Древней Греции, поэтому литераторы и пытаются ее создать, опираясь на весь известный им комплекс мифов. Древнейшая известная попытка такого рода — это поэма Гесиода «Теогония» («Происхождение богов»), в качестве другого примера — уже систематизаторской деятельности эпохи эллинизма — приводится отрывок из «Мифологической библиотеки» Аполлодора.

Рождение первых богов — по Гесиоду

Гесиод (вторая половина VIII — начало VII в. до н.э.) — древнегреческий поэт, прославился своими поэмами «Теогония» и «Труды и дни».

245

Прежде всего во Вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких, И, между вечными всеми богами прекраснейший, — Эрос. Сладкоистомный — у всех он Богов и людей земнородных Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.

Ночь же Эфир родила и сияющий День, или Гемеру:

Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью

Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду

И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных...

(Гесиод // Антология мировой философии. С. 265)

Рождение Зевса — по Гесиоду

Рея, поятая Коном, детей родила ему светлых, —

Деву Гестию, Деметру и златообутую Геру,

Славного мощью Аида, который живет под землею,

Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея; И промыслителя-Зевса, отца бессмертных и смертных, Громы которого в трепет приводят широкую землю. Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени Новорожденный младенец из матери чрева святого: Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана Царская власть над богами другому кому не досталась. Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана, Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном, Как он сам ни могуч, — умышленьем великого Зевса. Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся, Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе. Но, наконец, как родить собралась она Зевса-владыку, Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея, К Гее великой, Земле, и к звездному Небу-Урану, — Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши, Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейство Крону-владыке, детей поглотившему, ею рожденных. Вняли молениям дщери возлюбленной Гея с Ураном... Земля-великанша... на руки взявши младенца, Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере, На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой, Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель В руки завернутый

камень схватил и в желудок отправил...
Промчались года за годами,
246
Перехитрил он (Зевс. — *Сост.)* отца, предписаний послушавшись Геи: Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков, Хитростью сына родного и силой его побежденный, Первым извергнул он камень, который последним пожрал он. Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил В многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом, Чтобы всегда там стоял он, как памятник, смертным на диво. Братьев своих и сестер Уранидов, которых безумно Вверг в заключенье отец, на свободу он вывел обратно. Благодеянья его не забыли душой благородной Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей Молнией: прежде в себе их скрывала Земля-великанша. Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.
(Гесиод//Хрестоматия по античной философии. С. 70—71)
Новое поколение *Аполлодор* (ок. 180—109 гг. до н.э.) — древнегреческий **богов — по Апол-** ученый, родившийся в Афинах, но долгое время живший **ЛОДОру** и работавший еще и в Александрии и Пергаме. Занимал-
ся исследованиями в области истории, географии и мифологии. «Мифологическая библиотека», авторство которой было ему приписано еще в древности, представляет из себя компиляцию, созданную в первые века н.э. Для «Мифологической библиотеки» характерно стремление учесть все известные мифы и их версии, а также проследить все возможные взаимосвязи между богами, отсюда и нагромождение имен и деятелей.
Зевс вступил в брак с Герой, и от этого брака родились Геба, Эйли-тия, Арес. Сходился он и со многими смертными женщинами и богинями. От Фемиды, дочери Урана, родились у Зевса дочери Оры — Эйрена, Эвномия и Дика, затем Мойры — Клото, Лахесис и Атропос. От Дионы родилась Афродита; от Эвриномы, дочери Океана, — Хари-ты: Аглая, Эваросина и Талия; от Стикс — Персефона; от Мнемоси-ны — Музы: первая Каллиопа, затем Клио, Мельпомена, Эвтерпа, Эрато, Терпсихора, Урания, Талия, Полимния...
Гера, миновав супружеское ложе, родила Гефеста: но согласно Гомеру и этого она родила от Зевса. Последний низверг его с небесных высот за то, что он помог связанной Гере, которую Зевс подвесил на высотах Олимпа. Причиной наказания было то, что Гера ниспослала бурю на флот Геракла, когда он после взятия Трои возвращался домой. Гефеста же, упавшего на остров Лемнос и покалечившего себе ноги, спасла Фетида.
Зевс сошелся с Метидой, принимавшей различные образы, чтобы избежать его любви. Когда она оказалась беременной, Зевс проглотил ее прежде, чем она родила, ибо она обещала, после того как вначале родит деву, произвести на свет сына, который станет властителем неба. Испугавшись этого, Зевс и пожрал ее. Когда же наступило время ро-
247
дов, Прометей ударил Зевса по голове топором (некоторые называют и Гефеста). Из головы выскочила в полном вооружении Афина, и это произошло у реки Тритона-Богиню же Лето, сошедшуюся с Зевсом, Гера преследовала по всей земле, пока та, придя на остров Делос, не родила вначале Артемиду, а с помощью Артемиды она затем родила Аполлона. Артемида, занявшись охотой, оставалась девой, Аполлон же, научившись искусству прорицания у Пана, сына Зевса и Гибрис, прибыл в Дельфы, где тогда давала предсказания богиня Фемида. Так как охранявший вход в прорицали-ще дракон Пифон не давал ему проникнуть к расщелине, он убил его и овладел оракулом.
(Аполлодор. Мифологическая библиотека. С. 6—7)
Пять веков человечества
Некоторые отрицают, что Прометей создал людей или что люди выросли из зубов дракона. Они говорят, что земля родила людей как лучшие из ее плодов именно в Аттике и что первым человеком был Алалкоменей, который вырос у Копаидского озера в Беотии еще до того, как появилась луна, Он давал советы Зевсу, когда тот ссорился с Герой, и воспитывал Афину, когда та была еще совсем девочкой.
Эти люди звались Золотым поколением и поклонялись Крону. Жили они без забот и трудов, питаясь желудями, дикими фруктами и медом, который капал прямо с деревьев, пили овечье и козье молоко, никогда не старели, танцевали и много смеялись. Смерть для них была не более страшна, чем сон. Из них уже никого не осталось, но их духи еще существуют: они стали благостными демонами, дарителями удачи и защитниками справедливости.
Затем были люди Серебряного века, которые питались хлебом, тоже имеющим божественное происхождение. Эти люди во всем подчинялись своим матерям и не смели ослушаться их, хотя и жили до ста лет. Они были сварливы и невежественны и никогда не приносили жертвы богам, но

хороши уже тем, что не воевали друг с другом. Зевс уничтожил их всех.
Затем пришли люди Медного века, ни в чем не схожие с прежними; все они были вооружены медным оружием. Ели мясо и хлеб, любили воевать, были грубы и жестоки. Черная смерть взяла их всех.
Четвертыми людьми были тоже люди меди, но от своих предшественников они отличались благородством и добротой, поскольку являлись детьми богов и смертных матерей. Они покрыли себя славой при осаде Фив, во время путешествия аргонавтов и во время Троянской войны. Стали они героями, и «острова населяют Блаженных».
Пятыми стали нынешние железные люди, недостойные потомки четвертого поколения. Они ожесточились, стали несправедливыми, злобными, нечестивыми к родителям и лживыми.
(Грейвс Р. Мифы Древней Греции. С. 22)
248
Аид — по Гомеру По приказу Цирцеи Одиссей спускается ко входу в Аид, чтобы узнать у прорицателя Тиресия о своей судьбе, о том, как ему вернуться домой, там же он встречается со многими душами умерших, вышедшими к нему из Аида. Ниже приводится рассказ Одиссея о его встрече с матерью и Ахиллом.
К крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область,
Аида? здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может Сам»...
Тень Ахиллеса, Пелеева сына, потом мне явилась...
Тень быстроногого внука Эакова, став предо мною,
Мне, возрыдавши, крылатое бросила слово: «Зачем ты
Здесь Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дело замыслил?
Как проникнул в пределы Аида, где мертвые только
Тени отшедших, лишенные чувства, безжизненно веют?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я: «... Ты же
Между людьми и минувших времен и грядущих был счастьем
Первый: живого тебя мы как бога бессмертного чтили;
Здесь же, над мертвыми царствуя, столь же велик ты, как в жизни
Некогда был; не ропщи же на смерть, Ахиллес богоравный».
Так говорил я, и так он ответствовал, тяжко вздыхая:
«О Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвымй.царствовать мертвый».
(Гомер. Одиссея. С. 134-135,142)

Философия

Философия зарождается в VII в. до н.э. как попытка рационального осмысления мира, приходящего на смену прежнему — мифологическому. Само слово «философия» (любовь к мудрости) было впервые употреблено Пифагором, который говорил, что мудрость присуща только богам, а человек может только стремиться к мудрости, любить ее.
В *доклассический период* (философов этого периода называют еще досок-ратиками) центральной проблемой была проблема первоначала мира и устройства космоса. Отталкиваясь от мифологического представления о мире, многие досократики предполагали, что одна из стихий — вода, воздух, огонь и земля (или все вместе — Эмпедокл) — и есть первооснова всего бытия. Но в то же время *Пифагор* учил, что основой бытия являются числа, *Демокрит* —
249
»
атомы, *Анаксагор* — гомеомерии и т.п. Особо надо выделить *элейскую школу* (Ксенофан, Парменид, Зенона), где впервые логическими средствами конструируется образ умопостигаемого мира, который признается истинным миром и который представляет из себя сплошной неподвижный шар.
В *классический период* важнейшую роль играют три великих философа — *Сократ* (469—399 гг. до н.э.), *Платон* (427—347 гг. до н.э.) и *Аристотель* (384— 322 гг. до н.э.), а также *софисты.* Софисты — платные «учителя мудрости» прославились своим умением доказывать все, что угодно. Жизнь и трагическая смерть Сократа, приговоренного своими согражданами к смерти по обвинению в нечестии, его отказ бежать — все это оказало глубочайшее влияние на всю античную культуру. В центре внимания Сократа находится уже не космос, а человек, и его философия носит по преимуществу этический характер. Ученик Сократа Платон —

создатель системы объективного идеализма. Опираясь на идею элейской школы о существовании двух миров — умопостигаемого и чувственного, он приходит к выводу, что подлинной реальностью является царство идей, все существующие в нашем телесном мире объекты существуют только в силу сопричастности миру идей и являются его бледными копиями. Аристотель, ученик Платона, приходит к дуализму, считая наш мир единством двух равноправных первоначал — материи и формы.
В *эллинистический период* возникает и развивается целый ряд философских школ, важнейшими из которых являются: *платонизм и неоплатонизм, неопифагореизм, стоицизм, скептицизм, эпикуреизм, кинизм.*

Элейская школа ***Из «Насмешливой поэмы» Ксенофана***

Ксенофан — это греческий философ, живший в VI в. до н.э., основоположник элейской школы. Свои философские идеи изложил в поэме «О природе», кроме того написал «Насмешливую поэму», от той и другой сохранились только отдельные отрывки.

Что среди смертных позорным слывет и клеймится хулою — То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули. Красть, и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.

Если бы руки имели быки, или львы, или кони,
Если б писать, точно люди умели они что угодно, —
Кони коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле сопричислен.

(Ксенофан. Насмешливая поэма. С. 84)

Гераклит Эфесский

Этот космос, тот же самый для всех, не создал никто из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами разгорающимся и мерами погасающим.

250

Протагор

Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют.

Демокрит

(Атомы. — *Сост.)* ... носятся в бесконечном пустом пространстве, в котором вовсе нет ни верха, ни низа, ни середины, ни конца, ни края...

(Антология мировой философии. С. 275,316,329)

О возникновении Когда-то наша природа была не такой, как теперь, **людей — по Платону** а совсем другой. Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогины... Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, — так же как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо, если торопился, шел колесом, занося ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед. А было этих полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский — от Земли, а совмещавший оба этих — от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала... Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов...

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, — тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с Таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:

— Кажется, я нашел способ и сохранить, людей, и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они и после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я, сказал он, рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке.

Сказав это, он стал разрезать людей пополам, как разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском. И каждому, кого он разрезал, Аполлон, по приказу Зевса, должен был повернуть в сторону разреза лицо и половину шеи, чтобы, глядя на свое увечье, чело-

251

век становился скромней, а все остальное велено было залечить. И Аполлон поворачивал лица и,

стянув отовсюду кожу, как стягивают мешок, к одному месту, именуемому теперь животом, завязывал получавшееся посреди живота отверстие — оно и носит ныне название пупка. Разгладив складки и придав груди четкие очертания, — для этого ему служило орудие вроде того, каким сапожники сглаживают на колодке складки кожи, — возле пупка и на животе Аполлон оставлял немного морщин, на память о прежнем состоянии. И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь. И если одна половина умирала, то оставшаяся в живых выискивала себе любую другую половину и сплетясь с ней, независимо от того, попадалась ли ей половина прежней женщины... или прежнего мужчины. Так они и погибали. Тут Зевс, пожалев их, придумывает другое устройство: он переставляе-т вперед срамные их части, которые до того были у них обращены в ту же сторону, что прежде лицо, так что семя они изливали не друг в друга, а в землю, как цикады. Переместил же он их срамные части, установив тем самым оплодотворение женщин мужчинами, для того чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с мужчиной — достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах. Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу.

Итак, каждый из нас — это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину...

(Платон. Пир. С. 116-118)

Кинизм — по Лукиану

Диоген, который описывается здесь Лукианом, есть Диоген Синопский (ок. 400—323 гг. до н.э.), сын менялы с сомнительной репутацией, сидевшего в тюрьме за порчу монет, один из основоположников школы киников. Известен тем, что жил в бочке.

Покупатель: Ты откуда, милейший? Диоген: Отовсюду. — Что ты говоришь? — Ты видишь перед собой космополита, гражданина мира. — Каково же твое ремесло? — Я освободитель человечества и враг страстей, а в общем хочу быть пророком правды и свободы слова. — Каким образом ты будешь воспитывать меня? — Прежде всего я сниму с тебя изнеженность... заставлю тебя работать, спать на голой земле, пить воду и есть что попало. Богатства свои ты бросишь в море. Ты не будешь

заботится ни о браке, ни о детях, ни об отечестве... Оставив дом отца своего, ты будешь жить или в склепе, или в покинутой башне, или в глиняном сосуде. Котомка твоя пусть будет полна бобов и свертков, исписанных с обеих сторон. Ведя такой образ жизни, ты назовешь себя более счастливым, чем великий царь... Надо быть грубым и дерзким и ругать одинаковым образом и царей и частных людей...Стыд, чувство приличия и умеренности должны отсутствовать; способность краснеть навсегда сотри со своего лица... На виду у всех смело делай то, чего другой не сделал бы и в стороне.

(Лукиан. Продажа жизней. С. 149)

Государство и право

Основная форма государства в архаический период — полис, город-государство, возникающий первоначально как объединение ряда сельскохозяйственных общин. По мере развития полисов в них разворачивается борьба за власть между прежней родо-племенной знатью (аристократами — «лучшими людьми»), новыми богачами (олигархами) и народом (демосом — всеми свободными взрослыми уроженцами полиса). Эта борьба приводила к установлению различных форм правления, причем кроме аристократии, олигархии и демократии существовали и многие другие: тирания, монархия и т.п. Социально-политические идеи архаического периода нашли свое отражение в поэмах Гомера и Гесиода, в законотворческой работе политических деятелей (особенно интересны в этом отношении законодатель Спарты — Ликург и законодатель Афин — Солон), а с возникновением философии — и в учениях философов, в частности Гераклита и Пифагора.

В классический период социально-политическая проблематика занимает важное место в учениях софистов, Демокрита, Сократа, Платона и Аристотеля, а в эллинистический период — у Эпикура и стоиков, а также у Полибия.

Законодательство

Из многих преобразований, введенных Ликургом, **Ликурга** первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии), который, сдерживая в известных границах царскую власть и в то же время пользуясь одинаковым с нею числом голосов при решении важнейших вопросов, служил, по

выражению Платона, и якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир... Двадцать восемь старейшин становились на сторону царя во всех тех случаях, когда следовало дать отпор демократическим стремлениям. С другой стороны, они в случае необходимости оказывали поддержку народу в его борьбе с деспотизмом.

Вторым из преобразований Ликурга, и самым смелым из них, было деление им земель... Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела — богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владе-

ния землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, — отдавая пальму первенства одним нравственным качествам. Неравенство, различие одного от другого должно было выражаться только в порицании за дурное и похвале за хорошее...

Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, он желал разделить движимое имущество, но, видя, что собственнику будет тяжело лишиться своей собственности прямо, пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять одну железную, но и она была так тяжела, так массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконии исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и которая даже разбитою в куски не годилась ни на что? ... Железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними,., чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых или серебряных дел, — там не было денег. Таким образом, роскошь, не имея больше того, что могло поддерживать.ее, давать ей средства к существованию, постепенно исчезла сама собой. Богач не имел никакого преимущества перед бедным, так как богатством нельзя было похвастаться публично — его следовало хранить дома, где оно было мертвым.

С целью еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург.установил третье, во всех отношениях прекрасное учреждение, совместные трапезы, сисситии, — для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушания, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами... предаваясь всякого рода порочным наклонностям и излишествам, долгому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, нуждаясь ежедневно в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство... не было ни на что годно... Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом... Точно так же запрещено было являться на сисситии сытыми, пообедав.дома...

Воспитание продолжалось до зрелого возраста. Никто не имел права жить так, как он хотел, напротив, город походил на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни и занятия, которые имели в виду лишь благо всех. Вообще спартанцы считали себя принадле-

жащими не себе лично, но отечеству... Землю обрабатывали им илоты, плативщие определенный оброк...

Вместе с деньгами исчезли в Спарте, конечно, и всякие тяжбы. Ни корысти, ни бедности там не стало больше места, вместо них явилось равное распределение достатка, простота же жизни имела своим следствием беззаботность. Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в народных собраниях поглощали все их время, когда они не были в походе...

Криптия состояла в следующем. Время от времени спартанское правительство посылало нескольких молодых людей, выдававшихся своими умственными способностями, за город без всякой цели. С ними и было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью — выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них...

Спартанцы обращались с ними (илотами) всегда сурово и жестоко... Тот, кто говорит, что в Спарте свободные пользуются высшей мерой свободы, а рабы — рабы в полном смысле этого слова,

хорошо понимает разницу между ними. Но, мне кажется, такими бесчеловечными спартанцы сделались после, тогда в особенности, когда у них произошло страшное землетрясение, во время которого илоты восстали, говорят, вместе с мессенцами, вконец разорили страну и довели государство до края гибели.
(Плутарх. Ликург. С. 96—121)

Законодательство ...Сперва он взял на себя управление государствен-Солона ными делами с некоторым колебанием: боялся ко-
рыстолюбия одних и наглости других... Все приняли его с удовольствием: богатые — как человека зажиточного, а бедные — как честного. Говорят, еще до этого в народе ходило его крылатое слово, что равноправие войны не производит, а оно нравилось как состоятельным людям, так и неимущим: первые ожидали равноправия, основанного на заслугах и личных достоинствах, вторые — равноправия по мере и числу...

Итак, Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве; он сделал это ввиду жестокости их и строгости наказаний: почти за все преступления было назначено одно наказание — смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни, и укравшие овощи или плоды несли то же наказание, как и святотатцы и человекоубийцы... Солон... направил сограждан к занятию ремеслами и издал закон, по которому сын не обязан был содержать отца, не отдавшего его в обучение ремеслу.

255

...Внушил уважение к ремеслам и вменил в обязанность Ареопагу наблюдать, на какие средства живет каждый гражданин, и наказывать праздных.
(Плутарх. Солон. С.173, 178)

Взяв дела в свои руки, Солон освободил народ и в данное время и на будущее, запретив ссуду денег под условием кабалы, издал законы и произвел отмену долгов как частных, так и государственных, что называют сисахфией (снятием бремени), потому что как бы стряхнули бремя...

На основании имущественного ценза он разделил народ на 4 класса, как было и раньше, — на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов (батраков). Притом все вообще должности предоставил исправлять гражданам из пентакосиомедимнов, всадников и зевгитов ...каждому предоставляя должность сообразно с величиной имущественной оценки. Тем же, кто принадлежит к классу фетов, дал только участие в народном собрании и судах...
(Аристотель. Государство Афинян. С. 178—179)

О государстве *Гераклит Эфесский:* Народ должен бороться за закон, как за свои стены.
(Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. С. 359)

Ликург: Когда кто-то стал требовать, чтобы он (Ликург) ввел в государстве демократию, он сказал: «Введи сперва демократию у себя в доме».
(Плутарх. Ликург. С. 111)

Фразимах (софист, V в. до н.э. — *Сост.):* Справедливым я называю не что иное, как полезное сильнейшему... Всякая власть дает законы, сообразные с ее пользою... Дав же законы, полезные для себя, она объявляет их справедливыми для подданных и нарушителя этих законов наказывает как беззаконника и противника правде...
(Платон. Государство. С. 106—107)

Государство... возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом...

Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства...
(Платон. Государство. С. 145)

256

Но самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться.
(Аристотель. Политика. С. 547)

Письменность и книги

Древнейший вид письменности, которую можно отнести к греческой, — это критская, обнаруженная на о. Крит и в материковой Греции. В ее развитии различают два этапа — иероглифическое письмо (около 2000 г. до н.э.) и линейное (появилось около 1700—1500 гг. до н.э.), исчезнувшее после разрушения дорийцами центров крито-микенской культуры (XIII в. до н.э.). Различаются линейное письмо А и В, письмо А еще не

расшифровано.
Собственно греческая письменность — *алфавитная,* возникшая, по-видимому, на основе финикийской в IX—VIII вв. до н.э., древнейшие известные надписи относятся к VIII—VII вв. до н.э. Принципиальное отличие греческой письменности от всех предшествующих систем состоит в том, что в ней появляются отдельные знаки для обозначения гласных.
Существовало два основных варианта письма: *восточно-греческое,* из которого развилось классическое древнегреческое, позднее и византийское письмо, а затем оно же легло основу коптского, кириллического, а также армянского и отчасти грузинского письма; и *западно-греческое* письмо, которое легло в основу этрусского, латинского и древнегерманского рунического.
Классический общегреческий алфавит из 27 букв сложился в V—IV вв. до н.э., направление письма — слева направо. Древнейшие надписи делались на камне, металле, керамике, с IV в. до н.э. — на папирусе, со II в. до н.э. — на пергаменте (специально выделанной коже, этот материал был изобретен в городе Пергаме, откуда и его название). Листы папируса, или пергамента, склеивались вдоль и скручивались в трубку (свиток), которая при чтении разворачивалась по мере надобности. Хранились свитки (поставленные вертикально) в ведрообразных сосудах. Особо ценные «книги» хранились в специальных цилиндрических футлярах — цистах. Листы пергамента иногда разрезали на прямоугольные куски, которые сшивались вместе, как тетрадь, — это был уже прообраз современных книг. Черновые записи делались на восковых табличках (деревянных дощечках, покрытых слоем воска).

Школа и обучение

В Древней Греции можно выделить две основные системы обучения — афинскую и спартанскую, наиболее распространенной была афинская.

Афинское воспитание ...Обучение было всеобщим.., неграмотных в Афинах не было. Мальчики под надзором своих «педагогов» (то есть дядек, почтенных рабов) шли в школу грамматиста, кифариста и в палестру. В первой они под благослове-

нием Музы, статуя которой стояла у стены, учились читать, писать и считать (на то у них были восковые таблички), но, главным образом, Гомеру; язык последнего был очень не похож на аттический тех времен, но для всех греков он имел значение как бы церковного языка, так как на нем и Дельфы издавали свои оракулы. Его учились понимать и крупными отрывками заучивали наизусть. За Гомером шли Гесйод и Феогнид ради их нравоучительных сентенций, и Солон ради его значения для Афин, а также и басни Эзопа. У кифариста учились играть на лире, незнакомство с которой считалось признаком необразованности, и исполнять под ее аккомпанемент как староафинские гимны в честь Паллады, так и поэмы Стесихора и Симонида. Палестра, наконец, обучала мальчика под надзором Гермеса бегу, прыжку, борьбе, метанию диска и т.д.; а так как она требовала для своих упражнений не скромной комнаты, а широкого двора с колоннадами, то туда охотно приходили и родители посмотреть на своих сыновей, да и другие лица. Там же охотнее всего и философы вроде Сократа находили свою аудиторию. К этим трем средствам воспитания следует прибавить и хорею, к которой они готовили все три; образованные люди, по Аристофану, — это те, которые «воспитаны в палестрах, в хороводах и в мусическом искусстве»...
Девочки учились у матери, и эта наука была довольно сложна: кроме хозяйства в нее входила и вся домашняя медицина, так как уход не только за детьми; но и за челядью обоего пола лежал на обязанности хозяйки. Их второй воспитательницей была опять-таки хорея, которая и их наравне с отроками требовала к службе родным богам... Завершалось ее образование мужем, который по греческому обычаю был значительно старше своей жены.
Но к этому низшему образованию в нашу эпоху прибавляются уже элементы высшего. Сюда относится, во-первых, так называемая эфе-бия — совместное обучение, физическое и духовное, юношей шестнадцати лет и старше под надзором постановленных государством по народному выбору «софронистов» и «космето в»; а затем и вольное прохождение курса высших наук (математических, естественных и особенно этико-политических) у философов (софистов, Платона, Антисфе-на, Аристотеля) и риторов (Исократа).
(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 128-129)

О воспитании спартанцев Воспитание ребенка не зависело от воли отца: он приносил его в «лесху», место, где сидели старшие
члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей кидали в «апотеты», пропасть возле Тайгета. ...Кормилицы... не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему во-

обще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать... Все дети, которым только исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды, «агелы». Они жили и ели вместе и приучались играть и проводить время друг с другом. Начальником «агелы» становился тот, кто оказывался понятливее других и более смелым в гимнастических упражнениях. Остальным следовало брать с него пример, исполнять его приказания и беспрекословно подвергаться от него наказанию, так что школа эта была школой послушания. Старики смотрели за играми детей и нередко нарочно доводили до драки, ссорили их, причем прекрасно узнавали характер каждого — храбр ли он и не побежит ли с поля битвы. Чтению и письму они учились, но по необходимости, остальное же их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать. С летами их воспитание становилось суровее: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. На тринадцатом году они снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не брали теплых ванн и никогда не умащались; только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они... на постелях, сделанных из тростника, который собирали на берегах Эврота, причем рвали его руками, без помощи ножа. Зимою клалась под низ подстилка из «ежовой ноги». Это растение примешивалось и в постели, так как считалось согревающим.

...«Иренами» назывались те, кто уже более года вышел из детского возраста... Двадцатилетний ирен начальствовал своими подчиненными в примерных сражениях и распоряжался приготовлениями к обеду. Взрослым они приказывали сбирать дрова, маленьким — овощи. Все, что они ни приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь выказать вполне свою хитрость и осторожность. Попадавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора.

...Их с малых лет приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан... В ответе должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой, сжатой форме. У отвечавшего невнимательно ирен кусал в наказание большой палец...

В это время воспитание молодых людей становилось уже не таким строгим — им позволяли ходить за своими волосами, украшать оружие и платье. Радовались, когда они, как кони, горделиво выступали и рвались в битву... В походах гимнастические упражнения молодежи были не так трудны, да и жизнь ее в остальном была не так строга: с них спрашивали меньше отчету, поэтому они были единственным народом, для которого поход мог считаться отдыхом после военных упражнений.

(Плутарх. Ликург. С. 107-115)

259

Литература

Начальным этапом древнегреческой литературы, так же как и у любого другого народа древности, можно считать *устное литературное творчество,* религиозные гимны, бытовые и обрядовые песни, а также мифы и предания, исполнявшиеся профессиональными сказителями — аэдами. В VIII в. до н.э. появляются *рапсоды* — сказители, которые созданные ранее тексты перерабатывали, составляя.эпические поэмы, представляющие из себя композиционное и художественное целое. Таким рапсодом был, по-видимому, и Гомер. Письменный период древнегреческой литературы начинается с записи поэм Гомера на ионийском диалекте. Широкое распространение этих поэм привело к тому, что ионийский диалект стал основным литературным языком вплоть до классического периода. В конце VIII — начале VII в. до н.э. творил беотий-ский поэт Гесиод, работавший в жанре дидактического эпоса. В VII—VI вв. до н.э. начинает развиваться *лирическая поэзия,* зарождается *басня* как особый жанр, в поэтической же форме излагаются и философские идеи.

В классический период центром литературной — как и в целом духовной — жизни становятся Афины, где на первый план выдвигается *драма* (в форме трагедии и комедии). В классический же период в Греции зарождается историография и появляется *историческая проза.* У ее истоков были так называемые логографы, записывавшие различные предания и мифы. «Отцом истории» по праву называют Геродота (490/480—430/424 гг. до н.э.), который объехал большую часть известного тогда грекам мира и описал в своей «Истории» то, что видел своими глазами и слышал от надежных (с его точки зрения) информаторов (значительные фрагменты текста Геродота приведены в разделах, посвященных культуре Египта, Месопотамии и Ирана). Другие крупнейшие историки — Фукидид и Ксенофонт. Публичное обсуждение народным собранием всех важнейших проблем стимулировало *развитие риторики,* и речи ораторов представляют из себя своеобразный литературный жанр. Наиболее известными ораторами были Лисий, Исократ и Демосфен. Особое место в литературе классического периода занимает философская проза, в работах Платона и Аристотеля закладываются и основы теории литературы и *основы лингвистики* (наука о языке).

В эпоху эллинизма центрами литературной деятельности становятся Александрия, Пергам и другие столицы новых государств. В этот период появляются сначала *любовная новелла,* а потом и *роман,* возникает интерес к описанию реальных и выдуманных подвигов героев и царей. В римский период известнейшее произведение в этом жанре — «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (II в. н.э.). Получает развитие сатирический жанр, в частности, в произведениях Лукиана.

Доклассический период

Из «Одиссеи» *Гомер* — полулегендарный древнегреческий эпический Гомера поэт, по преданию, жил в VIII до н.э., принадлежал к школе рапсодов с о. Хиос, считался автором поэм «Илиады», «Одиссеи» и «Батрахомиомахии», а также сборника гимнов и других сочинений.

260

Рубище сбросив поспешно с себя, Одиссей хитроумный,
Прянул, держа свой колчан со стрелами и лук, на высокий
Двери порог; из колчана он острые высыпал стрелы
На пол у ног и потом, к женихам обратяся, воскликнул:
«Этот мне опыт, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня,
Выбрал теперь; и в нее угодить Аполлон мне поможет»,
Так говоря, он прицелился горькой стрелой в Антиноя.
Взяв со стола золотую с двумя рукоятями чашу,
Пить из нее Антиной уж готов был вино; беззаботно
Полную чашу к устам подносил он; и мысли о смерти
Не было в нем. И никто из гостей многочисленных пира
Вздумать не мог, чтоб один человек на толпу их замыслил
Дерзко ударить и разом предать их губительной Кере,
Выстрелил, грудью подавшись вперед, Одиссей, и пронзила
Горло стрела; острие смертоносное вышло в затылок;
На бок упал Антипой; покатилася по полу чаша,
Выпав из рук; и горячим ключом из ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнул от себя он
Стол и его опрокинул; вся пища (горячее мясо,
Хлеб и другое), смешавшись, свалилася на пол. Ужасный
Подняли крик женихи, Аптиноя узрев умерщвленным...
Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей богоравный:
«А! Вы, собаки! Вам чудилось всем, что домой уж из Трои
Я не приду никогда, что вольны беспощадно вы грабить
Дом мой, насильствуя гнусно моих в нем служанок, тревожа
Душу моей благородной жены сватовством ненавистным,
Правду святую богов позабыв, не страшася их гнева
Их, вы от смертных людей за дела беззаконные мести!
В сеть неизбежной погибели все, наконец, вы попали».
Так он сказал им, и были все ужасом схвачены бледным;
Все, озираясь, глазами искали дороги для бегства.
Тут Евримах, сын Полибиев, бросил крылатое слово:
«Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившийся в дом свой,
Праведны все обвиненья твои. Беззаконного много
В доме твоем и в твоих областях совершилось; но здесь он,
Главный виновник всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежит...
Ныне судьбой он постигнут; а ты, Одиссей, пощади нас,
Подданных; после назначишь нам цену, какую захочешь
Сам, за вино, за еду и за все, что истрачено нами;
То, что здесь стоят откормленных двадцать быков, даст охотно
Медью и золотом каждый из нас, чтоб склонить на пощаду
Гнев твой; теперь же твой праведен гнев; на него мы не ропщем».

261

Мрачно взглянув исподлобья, сказал Одиссей благородный: «Нет, Евримах, — и хотя бы вы с вашим сполна все богатства Ваших отцов принесли мне, прибавя к ним много чужого, — Руки мои вас губить не уймутся до тех пор, покуда Кровию вашей обиды моей дочиста не отмою. Выбор теперь вам один: иль со мной, защищался, бейтесь, Или бегите отсюда, спасаясь от Кер и от смерти, — Знайте, однако, что Керы вас всех на пути переловят».

(Гомер. Одиссея. С. 270-272)

Из басен Эсопа *Эсоп* (Эзоп) (VI до н.э.) — полулегендарный поэт, который, по преданию, считается творцом басен, к нему возводились сюжеты всех басен, известных в античности. Геродот (V в. до н.э.)

сообщает, что Эсоп был рабом на о. Самос и погиб в Дельфах. Ко II в. до н.э., когда было составлено его жизнеописание, биография Эсопа обросла массой недостоверных подробностей.

Ворон и лисица

Удалось Ворону раздобыться куском сыру, взлетел он на дерево, уселся там и попался на глаза Лисице. Задумала она перехитрить Ворона и говорит: «Что за статный молодец ты, Ворон. И цвет-то твоих перьев самый царственный! Будь только у тебя голос — быть тебе владыкой всех пернатых!» Так говорила плутовка. Попался Ворон на удочку. Решился он доказать, что у него есть голос, каркнул во все воронье горло и выронил сыр. Подняла Лисица свою добычу и говорит: «Голос, Ворон, у тебя есть, а ума-то не бывало».

Не верь врагам — проку не выйдет.

Бедняк

У бедняка была деревянная статуя бога. «Сделай меня богатым», — молился он ей, но молитвы его оставались напрасны, и он сделался еще беднее. Зло взяло его. Схватил он божка за ногу и ударил о стенку головой. Вдребезги разлетелась она, и из нее высыпалась горсть червонцев. Собрал их счастливец и говорит: «Низок же и глуп ты, по моему мнению: почитал я тебя — ты не помог мне, хлопнул об угол — послал великое счастье».

Кто обращается с негодяем ласково — останется в убытке, кто поступает с ним грубо — в барыше.

(Хрестоматия античной литературы. С. 87)

Из лирики Сапфо *Сапфо* (Сафо) (нач. VI в. до н.э.) — самая известная греческая поэтесса, происходила из аристократической семьи с о. Лесбос. По преданию, она покончила с собой (бросившись в море со скалы) из-за любви к красавцу Фаону.

262

По мне, — тот не смертный, а бог безмятежный,
Кто может спокойно сидеть пред тобой
И слушать твой голос пленительно-нежный
И смех восхитительный твой.
От этого счастья в предведенье муки
Мне душу теснит уж испытанный страх.
Тебя лишь увижу, о Лесбия, — звуки
В моих замирают устах.
Язык мой немеет, в крови моей пышут
'Бегучими искрами струйки огня,
В глазах лишь потемки, и уши не слышат,
Немолчным прибоем звеня

(Хрестоматия античной литературы. С. 101)

Классический период

Пиндар «Острова *Пиндар* (518-438 гг. до н.э.) родился близ Фив, учился блаженных» музыке в Афинах. Один из наиболее прославленных по-
этов своего времени.

...О, если бы знал человек грядущее!
Если бы знал он,
Как миновавши смерть,
Презренные души тотчас постигаются карами!
За вину в этом царстве Зевса
Некто в преисподней изрекает роковые приговоры.
Лишь достойные мужи
Обретают беструдную жизнь
Там, где под солнцем вечно дни — как ночи и ночи как дни.
Силой рук своих
Они не тревожат ни землю, ни морские воды,
Гонясь за прожитком;
Радостные верностью своей,
Меж любимцев богов
Провожают они беспечальную вечность;
А для остальных —
Муки, на которые не подъемлется взор.
Но те, кто трижды
Пребыв на земле и под землей,

Сохранили душу свою чистой от всякой скверны,
Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона.
Остров Блаженных
Овевается там веяниями Океана;
263
Там горят золотые цветы,
Возникая из трав меж сияющими деревьями
Или вспаиваемые потоками...
(Пиндар. Острова блаженных. С. 17—18) Симонид <f *Фермопильские надписи**
T\ f* O {*(*!£ 1TЙ
Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне, Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.
Лев на могиле Леонида
Между животными я, а между людьми всех сильнее Тот, кого я теперь, лежа на камне, храню. Если бы, Львом именуясь, он не был мне равен и духом, Я над могилой его лап не простер бы своих.
(Античная лирика. С. 178)
Эвен Лучшая мера для Вакха — без лишку, ни много, ни мало;
Поросский Иначе к буйству он нас или к унынью ведет.
Любит он с нимфами смесь, если три их и сам он четвертый;
Больше всего и к любви он расположен тогда.
Будучи ж крепким, он духом своим отвращает эротов
И нагоняет на нас сходный со смертию сон.
(Античная лирика. С. 189)
Историческая Афинские тираны, да и большинство их в осталь- проза — из Фуки- ной Элладе (которая уже ранее долго находилась дида под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами. Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей. Однако уже издревле город управлялся хорошими законами и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества, они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян (персов. — *Сост.)* с афинянами при Марафоне. А на десятый год после нее Варвар снова пошел великом походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на
264
корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара, немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же и лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. Этот военный союз, правда, сохранялся недол-го. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.
Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления. Афиняне же со временем заставили союзников (кроме сиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать. Поэтому-то их боевая мощь перед этой войной возросла даже больше, нежели в ту пору, когда союз еще находился в расцвете...
(Фукидид. История. С. 12-13)
Эпоха эллинизма
Из «Характеров» Бестактность — это неумение выбрать подходящий **Теофраста** момент, причиняющее неприятность людям, с которыми обращаешься, а бестактный вот какой человек. К занятому человеку он приходит за советом и врывается с толпой бражников в дом своей возлюбленной, когда та лежит в лихорадке. К уже пострадавшему при поручительстве он обращается с просьбой быть его поручителем. Когда

предстоит выступать свидетелем, он является в суд уже по окончании дела. На свадьбе начинает поносить женский пол. Человека, который только что пришел домой усталый, он приглашает на прогулку. Он способен к продавшему что-нибудь привести покупателя, который предлагает более высокую цену. В собрании, когда все уже знают и поняли сущность дела, он встает и начинает рассказывать все сначала. Он усердно предлагает свою помощь в деле, которое начавший его хотел бы прекратить. За причитающимися ему процентами он является как раз после того, как его должник потратился на жертвоприношение. Когда раба наказывают ударами бича, он стоит тут же и рассказывает кстати, как у него как-то один раб повесился после бичевания. В третейском суде он старается поссорить сто-

роны, желающие примириться. Пускаясь в пляс, тащит за собой соседа, который еще не пьян. *(Теофраст. Характеры. С. 19)*

Аполлон и Гермес *Аполлон.* Чего ты смеешься, Гермес?

Гермес. Ах, Аполлон, потому что видел такое смешное!

Аполлон. Расскажи-ка, — я сам хочу посмеяться.

Гермес. Гефест поймал Афродиту с Аресом и связал их вместе на ложе.

Аполлон. Как же он это сделал?..

Гермес. Я думаю, он знал об их связи уже давно и следил за ними; и вот сегодня, прикрепив к ложу невидимые сети, он ушел в свою кузницу. Пришел Арес, думая, что никто его не заметил, но Гелиос его видел и донес Гефесту. Тем временем Арес с Афродитой легли на ложе и только что принялись за дело, как попали в сети и почувствовали себя крепко связанными. Тогда явился Гефест. Афродита, совсем обнаженная, не знала, чем прикрыть свою наготу, а Арес сначала пытался было бежать, думая, что ему удастся разорвать сети, но вскоре, поняв, что это невозможно, стал умолять освободить его.

Аполлон. Что же? Освободил их Гефест?

Гермес. Нет, он созвал богов поглядеть на их прелюбодеяние; они, оба обнаженные, совсем пали духом и лежали связанные вместе, краснея от стыда. Они представляют, кажется мне, приятнейшее зрелище: ведь у них почти что вышло дело...

Аполлон. И наш кузнец не стыдится показывать всем позор своего брака?

Гермес. Клянусь Зевсом, он стоит над ними и хохочет. А мне, правду говоря, показалась завидной судьба Ареса: не говорю уже о том, чего стоит обладание прекраснейшей из богинь, но и быть связанным с ней вместе — тоже хорошее дело.

Аполлон. Ты, кажется, не прочь дать себя связать на таких условиях?

Гермес. А ты, Аполлон? Пойдем туда, и, если ты их увидишь и не пожелаешь того же, я преклонюсь перед твоей добродетелью.

(Лукиан. Разговоры богов. С. 66)

Из «Дафниса Никаких сведений о жизни и судьбе *Лонга* не имеется. и Хлои» Лонга На основании стилистических особенностей его роман можно отнести ко II—III вв. Это один из лучших романов всей античной литературы. Два пастуха находят брошенных младенцев: один мальчика — Дафниса,-а другой девочку — Хлою, воспитывают их как родных детей. Подростки, живущие недалеко друг от друга, вместе пасут свои стада, вместе работают и играют. Незаметно для себя они влюбляются друг в друга и не могут понять, что с ними происходит.

И войдя вместе с Хлоей в пещеру нимф, где ручей был, (Дафнис. — *Сост.)* отдал Хлое стеречь свой хитон и сорочку, а сам, став у ручья, омывал свои кудри и тело. Кудри его черные, пышные, тело же смуглым сделал от солнца загар, и можно было бы подумать, что тело окрашено тенью кудрей. С восхищением Хлоя смотрела — прекрасным казался ей Дафнис, и, так как впервые прекрасным он ей показался, причиной его красоты она купанье считала. Когда спину и плечи ему омывала, то нежная кожа легко под рукой поддавалась, так что не раз украдкой она к своей прикасалась, желая узнать, которая будет нежней. Солнце было уже на закате, тогда свои стада домой они погнали; и с тех пор ни о чем не мечтала уже более Хлоя, лишь о том, что хотела вновь увидеть, как купается Дафнис. С наступлением дня... Дафнис играл на свирели... А Хлоя... чаще на Дафниса взор направляла. И вновь, на свирели когда он играл, прекрасным он ей показался, и опять причиной его красоты звуки песен считала она, так что, когда он кончил играть, она и сама взялась за свирель, надеясь, что, может быть, станет сама она столь же прекрасной. ...Вновь увидала его во время купанья и, увидевши, к нему прикоснулась и пришла опять в восхищенье, и восхищенье это было началом любви. Каким она мучилась чувством, — не знала юная дева: ведь

она воспиталась в деревне, ни разу она не слыхала, никто не сказал ей, что значит слово «любовь». Томилась ее душа, и взоры ее рассеянны были, и часто и много она говорила о Дафнисе. Есть перестала, по ночам не спала, о стаде совсем забывала, то смеялась, то горько рыдала, то засыпала, то вновь подымалась, лицо у нее бледнело, то вновь, как зарево, ярко горело... И раз, одна когда осталась она, такие вот речи пришли ей на ум:

«Сколько раз терновник царапал меня, и я не стонала, сколько пчел меня жалило, и я мед есть продолжала. То же, что теперь мне сердце ужалило, много сильнее всего. Дафнис красив, но и цветы красивы; прекрасно звучит его свирель, но так же прекрасно поют соловьи, а ведь о них я не думаю. О, если б его свирелью была я сама, чтобы дыханье его в меня входило. Или козой у него, чтобы пас он меня. О злой ручей! Ты только Дафниса сделал прекрасным, я же напрасно купалась в тебе. Гибну я; милые нимфы, но и вы не даете спасенья девушке, вскормленной здесь на ваших глазах! Кто же вас венками украсит, когда я умру, кто будет кормить моих бедных ягнят, кто будет ходить за моей цикадой болтливой? Ее я поймала с большим трудом, чтобы возле пещеры меня усыпляла пеньем своим, но Дафнис теперь лишил меня сна, и напрасно поет цикада».

(Лонг. Дафнис и Хлоя. С. 236)

267

Театр и драматургия

Здание театра Театр... включал три составные части: «скену», «орхестру» и «театров», круто поднимавшийся по склону холма. На «скене» играли актеры. «Орхестра» служила для выступлений хора, игравшего ведущую роль в трагедиях и комедиях древних авторов. «Театрон» — это места для зрителей. «Орхестра» имела круглую форму, в других случаях ей придавались полукруглые в плане очертания.

Крупным театром Древней Греции в IV в. до н.э. был театр Диониса в Афинах, расположенный на южном склоне Акрополя, построенный в мраморе и рассчитанный на 17 тыс. человек. Он начал строиться еще в предыдущем столетии. Интересны выполненные из мрамора кресла для почетных посетителей, расположенные в первых рядах театра. Они передают нам с необычайной точностью образцы греческой мебели того времени.

(История искусства зарубежных стран. С. 137)

Трагедия и комедия класси-

Драматические состязания происходили два раза в году; каждый раз допускалось к агону по двенадцать ческого периода трагедий (включая «сатирическую драму») и от трех до пяти комедий. А так как повторение старой драмы разрешалось только в виде почетного исключения, то можно себе представить, какая огромная драматическая литература была создана в течение обоих столетий аттического периода... Далеко не вся она сохранилась к следующей эпохе... нам же от нее осталось, не считая отрывков, только тридцать три трагедии и одиннадцать комедий.

Из трагических поэтов Фриних... писал еще по-ионийски, но это было последней данью аттической музы своей старшей сестре; со времени его преемника аттический язык царствует на аттической сцене. Этим преемником был Эсхил Элевсинский, законодатель аттической трагедии (525—456 годы до Р.Х.). Возникший до него спор из-за первенства между серьезной трагедией и веселой сатирической драмой... он решил в том смысле, чтобы каждый поэт ставил по три трагедии и, в виде заключения, по одной сатирической драме. Эти трагедии вначале и у него были лирико-эпическими кантатами, без драматической фабулы и без характеристик действующих лиц; но, ставя каждый раз по три таких кантаты, он получил возможность изображать в них три следующих друг за другом момента одной и той же фабулы («трилогиче-ский принцип»),... главные действия предполагаются происшедшими в промежутках между трагедиями, в самих же трагедиях изображены лишь отдельные моменты — прием, свадьба, суд. Дальнейшее развитие трилогии заключается в том, что действие чем далее, тем более из этих промежутков переносится в сами трагедии. Так, в последней три-

268

логии Эсхила, «Орестее» (сохранилась вся), мы имеем уже обратное отношение: в первой трагедии, «Агамемнон», изображено возвращение героя из-под Трои и его убийство его женой Клитемнестрой, во второй, «Хоэфоры» (то есть «Приносительницы возлияний» на могилу убитого царя), — месть за него его подросшего сына Ореста и погоня за матереубийцей разгневанных Эриний, в третьей — «Эвменидах» — блуждания Ореста в Дельфы и Афины и его оправдание судом ареопага. Все действие сосредоточено в самих трагедиях, ни одно сколько-нибудь важное событие не предполагается происходящим в промежутки. Параллельно с развитием действий развивается и характеристика; в «Орестее» поэт достиг уже замечательного совершенства, но

только в одной области: все его характеры суровы и в своей добродетели, как Орест, и в своей преступности, как Клитемнестра. Вообще Эсхил прежде всего — величавый поэт... Располагая только двумя актерами, — причем второго он ввел сам, — Эсхил был лишен возможности выводить одновременно более двух действующих лиц. Зато выдающейся была роль корифея (то есть предводителя хора); обыкновенно появляющиеся действующие лица вступают в разговор с ним...

Первым по времени из крупных преемников Эсхила был Софокл (496—406 годы до Р.Х.), уроженец афинского предместья Колона. Изменяя трилогическому принципу своего предшественника и учителя, он обособил отдельные трагедии своих трилогий, давая каждой самостоятельную завязку и развязку; он же расширил шкалу характеристик, прибавив к унаследованным от Эсхила суровым характерам и нежные, и мягкие в различных оттенках. Добившись введения третьего актера, он получил возможность обогатить и осложнить диалог; правда, он воспользовался этой возможностью очень сдержанно, сведя диалог трех лиц к последовательным диалогам двух из них... Такая сдержанность (в отличие от оживленности комедии) считалась приличествующей трагической торжественности и была сохранена и преемником Софокла Еврипидом. Вместе с тем мы должны признать, что в лице Софокла трагедия как драма достигла своего апбгея; средствами, которые нам кажутся очень простыми при небольшом числе действующих лиц и сравнительно незначительном объеме трагедий, он достигает потрясающего действия... Сам поэт был настоящим воплощением лучших сторон эллинства: прекрасный собой, сильный, здоровый, замечательно разносторонний в своих дарованиях и обаятельный в обращении, он во всеоружии своих духовных сил дожил до девяностолетнего возраста, написал около ста двадцати драм и имел счастье умереть накануне разгрома своего отечества...

О IV веке мы ничего сказать не можем; поэтов было много, и некоторыми из них очень увлекались, но ни драм, ни наглядных известий о них нет... С годом разгрома Афин пелопоннесцами кончается и творческая эпоха аттической трагедии...

269

Возникла она (другая крупная отрасль афинской драмы — комедия. — *Сост.)* из двух корней — обличительных песен ряженых против своих обидчиков (это и есть комедия в первоначальном смысле, как песнь ко-мос, то есть подгулявшей компании) и бытовой сценки, которая, однако, кроме человеческого быта могла задеть и божий, забавно пародируя соответствующие мифы. Эта бытовая сценка в своем самобытном виде встречается во многих местах — в Сиракузах она даже имела очень крупного поэта, современника Эсхила Эпихарма, и под именем «мима» продолжала существовать во все эпохи Античности; но в Афинах она соединилась с упомянутой обличительной песнью и стала тем, чем ее знает V век до Р.Х., — политической комедией. Ее главными представителями были: Кратин, современник и враг Перикла, и Евполид с Аристофаном, современники пелопоннесской войны. Нам только от последнего сохраj нены комедии, числом одиннадцать, и это наследие - едва ли не самый оригинальный дар всей античной литературы. Никогда впоследствии свобода обличительного слова не была столь полной; поражаешься силой афинской государственности, что она могла сносить в течение целых двух поколений на всенародной сцене такую беспощадную критику.

(Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. С. 171—175)

Из «Ореста» Еврипида

Предводительница хора

Орест Строфа 1

Электра

(Эписодий пятый)

Эксод

Из дома выходят Орест и Электра. В дверях видны тела Клитемнестры и Эгиста.

Идут, идут... Пропитанные кровью Их матери зарезанной... О, вид Трофея их победы нечестивой...
Нет дома, нет несчастнее тебя, Дом Тантала... злосчастней и не будет...
О матерь-земля, и ты, о небо, о стражи! О смертных зоркие стражи! О, вот вам два трупа —
Кровавое дело десницы моей. Расплата за муки Ореста...
О, тяжек грех, но он не твой, а мой: Я на нее, родимую, напала, Враждой палимая.

Хор

Увы! О мать, как лют удел Носившей и убитой.

270

Орест Антистрофа 1

Электра
Хор
Орест Строфа 2
Хор
Орест Антистрофа 2
Хор
Орест Строфа 3
.Ты в море слез погружена — Пускай права была их месть — Детей родных руками, мать.
О Феб-Аполлон, твой глас карать повелел мне.
На свет исчадия мрака
Воззвал ты, о вещий...
И, кровью десницу его загрязнив,
Изгнанье судил ты Оресту...
О, кто же, кто, праведный, даст мне
Приют, убившему мать?
Увы! Увы! Куда пойду теперь? Подруги, где и кто Электру примет На ложе брачное?
О, как покорна сердцем ты Дыханью ветра, дева... Так святы стали помыслы Теперь твои. Увы, давно ль На зло толкала брата ты?
Видал ты, как горькая из-под одежды Достала грудь, чтоб у убийцы дрогнул нож? Увы, увы! Как мне она, Там, на коленях ползая, терзала сердце!
О, сколько мук ты вытерпел, увы, Внимая стонам нежных уст Родимой матери!
Она, к лицу убийцы руки протянув, Рыдала там: «О, сжалься надо мной, дитя», И шею так в мольбе она Мне обняла, что уронил и меч убийца...
Несчастная! Как этот страшный вид Ты снес ее предсмертных мук, Убийца матери?
Меж складками плаща лицо я спрятал,
И меч тогда занес,
И в грудь ей погрузил клинок.
271
Электра Звала тебя, толкала я,
С тобою меч вздымала я...
Хор О, горе вам, преступные!
Орест Сестра, набрось лоскут на это тело
Антистрофа 3 И раны ей закрой.
К трупу
Убийц своих носила ты...
Электра Любимая, постылая...
Покойся ж под плащом моим.
Хор Конец тебе, о славный дом!
(Еврипид. Орест. С. 57—59)

Музыка

Древнегреческая музыка известна нам в основном по литературе. О музыке и ее влиянии на людей, богов и природу рассказывали мифы. Греки заложили основы музыкальной теории, разработали учение о мелодии, ладах, ритме; для обозначения звуков использовались буквы алфавита. Обучение музыке входило в систему воспитания детей.

Миф об Орфее От Каллиопы и Ойагра родился... и певец Орфей, введший в пение сопровождение на кифаре: от его пения приходили в движение деревья и скалы. Когда жена его, Эв-ридика, умерла от укуса змеи, он спустился в Аид с целью увести ее оттуда и стал просить Плутона вернуть ее на землю. Плутон обещал Орфею исполнить его просьбу, если он, ведя свою супругу на землю, не взглянет на нее прежде, чем придет в свой дом. Орфей же, не послушавшись, обернулся и взглянул на супругу, и та вновь вернулась в Аид.

(Аполлодор. Мифологическая библиотека. С. 6—7)

О музыке спартанцев На хоровое пение обращалось столько же внимания, как и на точность и ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспламенявшее мужество, возбуждавшее порыв к действию и призывавшее на подвиги. Слова их были просты, безыскусственны, но содержание серьезно и поучительно. Некоторые из них (песен. — *Сост.)* призывали к смелым деяниям, другие хвалились прошлыми — смотря по возрасту детей. Нахожу не
272
лишним привести для примера одну из таких песен. В праздник были три хора разных возрастов. Хор стариков начинал и пел:

Когда-то были мы могучи и сильны. Им отвечал хор мужчин средних лет:
А мы сильны теперь — коль хочешь, испытай! Третий хор, детский, пел:
Но скоро станем мы еще сильнее вас.
Вообще, если заняться внимательней спартанскими песнями, из которых некоторые сохранились еще до сих пор, затем вспомнить, что спартанцы шли на неприятеля под звуки флейт, мерным шагом, нельзя не согласиться с Терпандром и Пиндаром, которые видят тесную связь между храбростью спартанцев и музыкой в их войсках...
(Плутарх. Ликург. С. 113—114)

Архитектура и строительство

Крито-микенский период Архитектура, изобразительное искусство в период «новых» дворцов (1700—1450 гг. до н.э.) достигают высшего расцвета.

На фундаментах старых дворцов воздвигаются новые, гораздо более масштабные, с богатым внутренним убранством... Стены дворцов на некоторых участках сложены из правильных квадратов камня, частично из рваного камня, кирпича, колонны деревянные с большой, дорического типа капителью на каменной базе. Внутренние стены помещений украшаются росписями по штукатурке, оформляется система освещения дворца световыми колодцами, отделывается женская половина дворца. Устраиваются хозяйственные помещения, кладовые, мастерские и другие подсобные помещения, укрепляются входы во дворец и сооружается зрелищная площадка с местами для зрителей в виде лестницы.

Кносский дворец, так называемый Лабиринт (от слова лабрис — двуострая секира, священный на Крите предмет), теперь занимает площадь около 10 000 кв. м и насчитывает несколько сотен помещений. Центром дворца был большой мощеный двор (50 х 28 м), деливший строение на восточную и западную половины. Вокруг двора группировалось множество помещений. В западной части находились тронный зал, дворцовое святилище, 22 большие кладовые. В восточной половине были комнаты царицы, парадный зал с изображением на стенах двойных секир. Дворец имел два этажа, водостоки, комнату омовений — ванную.
(История искусства зарубежных стран. С. 97)

273

Микенская архитектура Судя по огромному количеству украшений и предметов из драгоценных металлов, находящихся в шахтовых могилах, Микены были очень богаты. Рост их материального благополучия позволил позднее владыкам Микен предпринять грандиозную перестройку крепостных стен. Громадные по высоте и особенно по толщине стены были выложены из огромных глыб камня, частью неправильной формы: такая именно кладка называется циклопической. Часть стен у ворот сложена также из больших, но правильных по форме квадров, уложенных ровными рядами. Справа от входа в главные ворота была устроена большая защитная башня. Ворота сложены из двух колоссальных плит, вертикально поставленных и перекрытых третьей громадной плитой. Для облегчения нагрузки на горизонтальную плиту над нею было оставлено пустое пространство; ряды кладок сходятся над перекрывающей плитой выше, образуя свободный треугольник, закрытый огромной, также треугольной плитой с рельефным изображением двух львиц. Два сильных хищника оперлись передними лапами на пьедестал, на котором возвышается колонна эгейского типа, идентичная критской, суживающаяся книзу. Над колонной изображена часть перекрытия из крупных в сечении балок. Львицы как бы охраняют вход во дворец. «Львиные ворота» — первый известный нам пример в агейском искусстве монументальной скульптуры. Фигуры животных выполнены реалистически, со знанием породы зверя.
(История искусства зарубежных стран. С. 100)

Доклассический период VII в. до н.э. характерен ростом городов, расширением масштабов строительства. С середины столетия начинают появляться монументальные пост-,ройки из камня, главным образом известняка мягких пород. Основным видом этих сооружений были храмы, которые являлись не только культовыми, но отчасти и общественными зданиями. В VII в. до н.э. вырабатываются различные типы храмов, а также устанавливается определенный порядок в отношении частей здания, система сочетания декоративных и собственно конструктивных частей, получившая название ордера.

Самый простой и, видимо, самый ранний тип храма — храм в антах, возникший из мегарона микенского времени. Главный фасад в этом случае оформляется торцами боковых стен, называемых антами, между которыми находятся две колонны, например в сокровищнице сики-онцев в Олимпии начала VIII в. до н.э.

Так называемый простиль имеет на фасаде колонны, расположенные впереди антов; обычно этих колонн четыре. Амфипростиль содержит колонны и на переднем и на заднем фасадах. Самый распространенный тип храма — периптер, в котором колонны располагаются по

всему периметру сооружения. Чаще всего на главном фасаде их бывает шесть. Такие храмы называются гексастильными периптерами. Наиболее сложный тип храмового здания — диптер, который включает два ряда колонн, окружающих храм.
Сама целла храма делится на три помещения: переднее, служащее преддверием, пронаос, центральное, самое обширное, наос (или целла, собственно святилище) и опистодом — для хранения даров — со входом с заднего фасада.
Греческий архитектурный ордер состоит из следующих основных элементов: трехступенного стилобата как цокольной части храма, колонн, включающих базу, ствол (фуст) и капитель, и антаблемента — перекрывающей части сооружения, делящегося в свою очередь на архитрав (балку), фриз и карниз. Выше антаблемента находится треугольной формы фронтон, ограниченный сверху двумя скатами крыши.
В процессе формирования греческой архитектуры возникли два основных стиля: дорический и ионический...
Дорическая архитектура отличалась простотой и мужественностью своих форм, ионическая легкостью, стройностью, изяществом и относительно большей декоративностью. Названные выше ордерные части применялись в обоих стилях и различались лишь в деталях...
Оба стиля возникли еще в деревянно-сырцовых постройках, и позднее формы их были переведены, лишь с небольшими изменениями, в камень. В деревянно-сырцовых сооружениях основные архитектурные элементы составляли насущно-необходимые конструктивные части. В ранних каменных постройках многие из них превратились в сугубо декоративные элементы, лишь в силу традиции воспроизводившиеся в новом твердом материале. Ордерная система, оправданная конструктивно и архитектурно, оказалась очень устойчивой и была использована без существенных изменений строителями последующего времени.
(История искусства зарубежных стран. С. 107)

Классический период — Афинский акрополь V в. до н.э. ознаменовался великолепными архитектурными постройками в разных городах Греции. В это время создаются наиболее совершенные в архитектурно-художественном и строительно-техническом отношениях комплексы. После разрушений во время персидский войны восстанавливаются города и отдельные памятники. Много было воздвигнуто храмов с богатыми скульптурными украшениями... В 447 году до н.э. начались большие работы по восстановлению и реконструкции после окончания греко-персидских войн центрального комплекса древнегреческой архитектуры Афинского акрополя... под общим художественным наблюдением скульптора Фидия. В строительстве принимали участие выдающиеся зодчие того времени Иктин, Кал-ликрат, Мнесикл и другие.
275
Акрополь, представляющий собой естественную скалу, возвышающуюся на 150 метров над уровнем моря и находящуюся примерно в 5 километрах от порта Пирея (размеры по горизонтали: около 300 м в длину и 130 м в ширину), издавна (еще во 2 тысячелетии до н.э.) являлся крепостью жителей этого района...
Пропилеи (входные ворота), сооруженные с 437 по 432 г. до н.э. архитектором Мнесиклом, являлись фактически общественным зданием. Высота колонн западного шестиколонного дорического портика сооружения 8,57 м; ионические колонны, расположенные за ними по сторонам центрального прохода, несколько выше, их размеры составляют 10,25 м. Помимо западного и примыкающего к нему восточного портиков, через которые проходили поднимавшиеся на акрополь, в состав Пропилеи введены боковые, примыкающие к ним крылья. Левое, северное — пинакотека служило для собрания произведений живописи, а в правом, южном, помещалось хранилище рукописей (библиотека). В целом возникла асимметричная композиция, уравновешиваемая небольшим храмом Нике Аптерос (бескрылой богини победы Нике), возведенным архитектором Калликратом...
Наиболее крупное сооружение акрополя — Парфенон воспринималось от Пропилеи в три четверти — зрители видели не какой-либо один из фасадов, а весь объем сооружения и сразу же получали общее представление о всей его объемной композиции...
Другой храм Афинского акрополя — Эрехтейон, посвященный двум главным божествам города Афин — Афине Полиаде и Посейдону, был построен в период с 421 по 407 г. до н.э. архитекторами Архилохом и Филоклом...
Акрополь как бы парит над Афинами, его силуэт формирует силуэт города. Здесь, в этом замечательном ансамбле, греческими строителями было проявлено удивительное умение художественно связать сооружения между собой и в то же самое время органически ввести их в

природную среду, окружающий пейзаж.
(История искусства зарубежных стран. С. 119—121)
На акрополь есть один только вход; второго нет, так как весь акрополь — отвесная скала и обнесен он крепкой стеной. Пропилеи имеют крышу из белого камня и по красоте и величине камня до сих пор нет ничего лучшего. Относительно изображений всадников я не могу точно сказать являются ли они фигурами сыновей Ксенофонта или просто сделаны для украшения. Направо от Пропилеи находится храм бескрылой Победы... Налевб от Пропилеи находится здание с картинами; на тех, которым время не судило еще стать неузнаваемыми, изображены Диомед и Одиссей; последний на Лемносе похищает лук Филокте-та, а первый уносит из Илиона изображение Афины. Тут же (на карти-

нах) изображен Орест, убивающий Эгисфа, и Пилад, убивающий сыновей Навпплия, пришедших на помощь Эгисфу...
Уже у самого входа в акрополь находится Гермес, которого называют «Пропилейским», и Хариты, которые, говорят, сделал Сократ, сын Софрониска, о котором Пифия свидетельствовала, что он самый мудрый из людей...
При входе в храм, который называют Парфеноном, «Храмом девы», все, что изображено на фронтонах, так называемых «орлах», — все относится к рождению Афины; задняя же сторона изображает спор Посейдона из-за этой земли. Сама же статуя сделана из слоновой кости и золота. Посредине ее шлема сделано изображение сфинкса... по обеим же сторонам шлема сделаны изображения грифов.
(Павсаний. Описание Эллады. С. 60—66)
Эллинистический Построенный в середине IV в. до н.э. мавзолей **период.** в Галикарнасе (архитекторы Сатир и Пифей)
Галикарнасский был замечателен не только большими размерами **мавзолей** (35,6 х 26,8 м в плане; высота достигала 50 м), но
прежде всего новизной и смелостью своего композиционного решения, а также синтетическим взаимодействием архитектуры с богатым скульптурным убранством. В композиции мавзолея сочетались черты восточной и греческой архитектуры. Сама идея подобного монумента и композиционный строй возникли в результате усиления в зто время влияния восточной культуры; архитектурно-пластические формы были взяты из греческого зодчества. Мавзолей представлял собой высокое призматическое сооружение, расчлененное на два яруса и увенчанное пирамидальным завершением. В первом ярусе, решенном как подиум ионической колоннады, оформлявшей второй ярус, находилось погребение, выше, над ним — заупокойный храм.
(История искусства зарубежных стран. С. 137—138)

Изобразительное искусство

Крито-микенский Замечательны настенные росписи (фрески) в Кнос-**период** се, в Агиа-Триада. Критские фрески представляют
собой скорее раскрашенный локальными тонами рисунок: светотени отсутствуют, нет переходов из цвета в цвет посредством полутонов. В изображении человека имеют место условные черты — при профиле лица глаз рисуется в фас.
Мужская фигура раскрашивается в коричневый, женская — в светлые тона. Иногда же фигура человека дана фантастическим цветом, как

это видно на фреске «Собиратель цветов». Юноша оливкового тона наклонившись рвет цветы — гвоздики, крокусы.
На критских фресках много изображений различных растений. Всегда точно переданы структура цветка, куста, колебание ветки от ветра и т. п. Так написаны кусты плюща и цветы на фреске с кошкой и фазаном из виллы близ Агиа-Триада и лилии на знаменитой вазе из Кносса.
Особое развитие в период «новых» дворцов получают сюжеты на фресках и вазах из жизни моря. Точно переданы характерные движения летающих рыб на фреске из Филакони (остров Мелос) и на вазе с рыбой из Феста и осьминогом из Гурнии..., являющиеся весьма яркими образцами «морского» стиля XVI в. до н.э. Отдельные детали тела животного схематизированы, но поразительно живо схвачены движения морского хищника...
В XVI — начале XV в. до н.э. в росписях начинает главенствовать человек...
(История искусства зарубежных стран. С. 98)
Доклассический Поиски более убедительной формы, выражающей период
эстетический идеал прекрасного, сильного, здоро-

вого телом и духом гражданина полиса, характеризуют искусство архаики.
Творческие усилия художников VII—VI вв. до н.э. направлены на овладение правильным построением фигуры человека, его пластической анатомией, передачей движения. Правда, последняя задача была наиболее трудной. Архаическим мастерам удавалось запечатлеть только позу, изображающую то или иное движение...
Наиболее типичными образами архаической пластики являлись юношеская обнаженная атлетическая фигура — курос и женская одетая — кора. Так могли изображаться и простые смертные, и боги, и богини. Эти образы сохраняют свое место в греческом искусстве во все последующие столетия, лишь видоизменяясь в стиле.
Первые шаги в развитии монументальной греческой скульптуры были сделаны во второй половине VII в. до н.э. на острове Крит, где, по преданию, работал когда-то легендарный скульптор Дедал.
(История искусства зарубежных стран. С. 109—110)
Классический История изобразительного искусства V в. до н.э. **период** раскрывается перед нами в многочисленных под-
линниках мраморной скульптуры, на римских копиях с образцов греческих оригиналов, в греческих расписных вазах, бронзовых и терракотовых статуэтках. О живописи, монументальной и станковой, можно судить по литературным источникам.
278
Главная задачажкусства... была в правдивом изображении человека: живого, подвижного, сильного, энергичного и вместе с тем полного достоинства и равновесия душевных сил: надо было прославить бойца и победителя, свободного гражданина города-государства, осознавшего превосходство своего строя, своей культуры над старыми культурами Востока и варварским миром. Эти задачи требовали развития реалистической формы, совершенного знания пластической анатомии, умения передать любое движение, выразительный жест. Для воплощения новых идей и образов необходим был и подходящий материал.
В мраморе исполнялись скульптурные украшения храмов, фронтоны, метопы, фризы, посвятительные и надгробные рельефы и такие статуи, которые изображали либо фигуры в длинной одежде, либо прямостоящую с опущенными руками обнаженную фигуру. Изваять обнаженную фигуру с опорой на одну ногу со свободно отставленной другой (не говоря уже об изображении какого-либо движения) из мрамора без особой подпорки было очень трудно. Только бронза позволяла греческим скульпторам придавать фигуре любое положение. Поэтому бронза в V в. до н.э. стала главным материалом, в котором работали все великие мастера, когда брались за создание круглой скульптуры. Мраморная скульптура (круглая статуя, рельеф, украшения архитектурных сооружений) по-прежнему раскрашивалась. Теперь чаще встречается раскраска волос желтой краской. В бронзовой статуе инкрустировали из стекловидной пасты и цветного камня глаза, а губы, прически-или украшения делали из бронзового сплава другого оттенка...
В искусстве V в. до н.э. создается новый идеал красоты, тот новый классический тип, который существовал и в следующие столетия, изменяясь лишь в частностях, наполняясь новым содержанием. Уже к 470 г. до н.э., как показывает фрагмент статуи — голова атлета с Афинского акрополя, так называемый «Белокурый юноша»..., в греческом искусстве сложился определенный, новый тип лица: продолговатый, но округлый овал, прямая переносица, прямая линия лба и носа, плавная дуга бровей, выступающая над миндалевидной формы глазами, губы, довольно пухлые, красивого рисунка, без улыбки; общее выражение лица спокойное и серьезное...
Полиглот
Греческое искусство второй четверти V в. до н.э. формировалось под влиянием величайглего греческого живописца Полигнота. Этот мастер с поразительной художественной силой выразил в грандиозных композициях пафос греческих побед. Его монументальные росписи в храмах и общественных зданиях Платей, Дельф и Афин утрачены безвозвратно, но сохранившиеся подробные античные описания его картин, а также художественные произведения разного рода, сделанные под его влиянием, позволяют определить характер творчества
279
этого гения. Деятельность его продолжается в период от 470 до 440 г. до н.э....
Его рисунок был выразителен и красив. Полигнот, кроме точно охарактеризованного движения, делал первые попытки передать и мимику лица. Он смог посредством жеста и мимики достаточно убедительно показать свох героев в печали, скорби и отчаянии, ужасе и изумлении. Полигнот умел ярко охарактеризовать возраст человека и даже такое состояние, как умирание.

Полигнот разработал развитие группы — фигуры объединены не только действием, но и общим настроением. Он стал все больше вводить в картину пейзаж и, главное, показывать почву под ногами действующих лиц. Особенной заслугой его является новое решение многофигурной композиции: старое размещение фигур в виде фриза стесняло развитие реалистических приемов. Полигнот стал размещать фигуры на разных уровнях плоскости картины, как бы на склоне горы; сохраняя общий масштаб для всех фигур, посредством изображения неровной линии почвы объединял фигуры в отдельные сцены. Некоторые фигуры были частью скрыты возвышением почвы, что тоже было новостью в греческом искусстве. Композиционные приемы Полигнота, богатейшее разнообразие художественных мотивов и положений отдельных фигур были неисчерпаемым источником для последующих поколений художников. Письменные источники указывают, что Полигнот пользовался четырьмя красками: черной, белой, желтой, красной; из них можно было составить множество тонов. Но живопись Полигнота скорее можно назвать монументальным раскрашенным рисунком.

Мирон

Около середины V в. до н.э. творил выдающийся греческий скульптор... Мирон, творчество которого известно нам только по римским копиям, работал в бронзе и был мастером круглой пластики. Скульптор великолепно владеет пластической анатомией и передает свободу движения, преодолевая ту некоторую скованность, которая еще существовала в скульптурах Олимпии. В «Дискоболе» Мирон выбрал смелый художественный мотив — кратчайшую остановку между двумя сильными движениями, тот момент, когда сделан последний взмах руки перед броском диска. Вся тяжесть тела падает на правую ногу, даже пальцы которой напряжены, левая нога свободна и едва касается земли. Левая рука, касаясь колена, как бы удерживает фигуру в равновесии. Прекрасно тренированный атлет красиво и свободно выполняет выученное движение. При таком сильном напряжении всего тела лицо юноши удивляет зрителя своим совершенным спокойствием. Передача мимики лица, соответствующей напряжению тела, могла бы исказить красоту атлета, образ которого воплощает свободного, прекрасного и доблестного греческого гражданина...

Фидий

В художественной жизни времен Перикла центральное место занимал аттический скульптор Фидий. Огромное значение этого величайшего греческого художника подчеркивают многие античные авторы; его именем теперь называют целый период истории искусства — период расцвета классического стиля V в. до н.э.

Фидий родился около 500—490 гг. и умер около 431 г. до н.э. Его учителями считаются скульптор Гегий и живописец Полигнот. Фидий воплотил в своих произведениях высокие идеи гражданственности, создал образы, полные поэзии и красоты, образы, прославляющие свободного грека, его человеческое достоинство и высокую душевную культуру. Самыми знаменитыми в древности считались его колоссальные статуи: Афина Парфенос и Зевс в Олимпийском храме... и Афина Про-махос из бронзы, стоящая на площади Афинского акрополя. Эти произведения ныне безвозвратно утрачены, и лишь литературные описания и уменьшенные римские копии дают слабое представление о былом великолепии этих прославленных скульптур. Для строящегося нового храма Афины Парфенона Фидий в 438 г. до н.э. окончил двенадцатиметровую статую богини. Основу статуи составляла деревянная, очень тщательно вырезанная фигура, на лицо и обнаженные части тела которой были наложены тонкие пластинки слоновой кости; одежда и вооружение были выполнены из золота, которого пошло на это около 2000 килограммов. Все золотые части были съемные, и каждые четыре года проверялся их вес, так как одежда богини представляла собой золотой фонд государства. Бледное воспоминание о Парфенос сохранилось в небольшой мраморной копии II в. н.э....

Афина Парфенос, одетая в длинный пеплос, с эгидой на груди, в шлеме, увенчанном тройным гребнем со сфинксом и грифонами, с фигурой богини Нике, щитом и копьем в руках, производила впечатление величия, непоколебимости и мощи. Строгость складок одежды не скрадывала формы стройного сильного тела; классически правильное прекрасное лицо богини, обрамленное локонами, оживлено было легкой нежной улыбкой. Нащечники шлема, щит, находившийся у ног богини; пьедестал были украшены рельефами на мифологические темы. На щите Афины были прочеканены с наружной стороны сцены амазоно-махии, а с внутренней — гигантомахии. Мраморный фрагмент, хранящийся в Британском музее, копия со щита Парфенос, показывает, что в расположении фигур Фидий следовал композиционному приему Полигнота, то есть обозначал

почву под ногами. На этом щите Фидий изобразил себя в виде пожилого лысеющего мужчины с энергичным лицом в короткой одежде ремесленника с секирой в руках, нападающего на амазонку. Рядом с Фидием находится Перикл в шлеме, но жестом правой руки он почти закрывает лицо, так что трудно судить о его портрете.

281

Статуя Зевса в храме этого божества в Олимпии высотой 14 метров, превосходившая в древности славу Парфенос, изображала верховное греческое божество сидящим на троне с Нике в руке. Огромный пьедестал был также богато украшен рельефами и живописью.

Плутарх сообщает о том, что после изготовления статуи Афины Парфенос Фидий был обвинен сначала в воровстве золота, отпущенного на изготовление одежды богини, а затем, после того как это обвинение было опровергнуто, — в святотатстве, так как изобразил Перикла и себя на щите богини. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Поликлет

Ярчайшим представителем пелопоннесской школы V в. до н.э. был Поликлет...

Поликлет — мастер бронзовой скульптуры — был не только ваятелем, но и теоретиком искусства. Он написал сочинение «Канон» (известное нам лишь по более поздним источникам) о пропорциях человеческого тела. Согласно его пропорциональной системе голова составляла $^{1}/_{7}$ всего роста, лицо и кисть руки $У_{10}$, ступня 'Д. Корпус его фигур был широким, массивным, общие пропорции приземистые... Воплощением его правил была статуя юноши копьеносца «Дорифор»...

Скопас и Пракситель

Величайшими скульпторами второй четверти и середины IV в. до н.э., новаторами искусства, определившими характер пластики этого периода, были Скопас и Пракситель.

Мастеров, столь разных по темпераменту, характеру творчества, выбору сюжета, индивидуальных в образах и композиционных решениях, объединяет стремление раскрыть внутренний мир человека. Скопас показывает глубокие патетические чувства, энергичные действия, драматические ситуации. Пракситель изображает эмоции легкие, приятные человеку, тонкие лирические настроения, мечтательность, воспевает красоту человеческого тела. Оба мастера оказали огромное влияние на своих современников; в их стиле работали отдельные мастера и целые школы в течение нескольких столетий...

Ставя перед собой задачу раскрыть духовный мир человека, Скопас искал новые художественные средства. Героев его творений отличает иной тип лица: широкий овал, довольно низкий, перерезанный горизонтальной складкой лоб, выступающие надбровные дуги, опущенные к наружному краю глаза. Своеобразный рисунок глубоко лежащих глаз создает впечатление направленного вверх взгляда. Напряженные лобные мышцы, складки около рта, придающие скорбность выражению лица, усиливают экспрессию. Эти приемы трактовки позволяли разнообразить выражение лиц и показывать чувства большой силы, то открыто страстные, то глубоко затаенные...

282

Второй великий художник IV в. до н.э. афинский скульптор Пракси-тель, сын Кефисодота Старшего, работал между 370—340 гг. до н.э. Древние источники называют сорок его произведений, из которых сохранилась одна только статуя — Гермес из Олимпии, часть же его остальных работ известна нам по римским копиям.

(История искусства зарубежных стран. С. 121—142)

Научные знания

О научных знаниях крито-микенской и гомеровской эпох мы практиче-ски не располагаем достоверной информацией, с VII в. до н.э., т.е. с возникновения философии, научные знания включаются в состав философии (в нее входит и математика, и физика, и метеорология и т.п.). И только в эпоху эллинизма можно говорить о существовании относительно самостоятельных научных дисциплин. Причем это уже не простой набор эмпирических знаний и приемов решения конкретных задач, а именно попытка теоретического осмысления мира, что сыграло решающую роль для дальнейшего развития мировой науки.

Самой утешительной стороной тогдашней жизни эллинистических государств является, несомненно, научное движение, которое никогда ни до, ни после не было таким стремительным. Содействовало ему в значительной степени создание новых научных центров. Образцами послужили те, которые возникли в Афинах IV века до Р.Х.: Академия Платона и Лицей Аристотеля; к ним присоединились к концу этого века «сад» Эпикуре и Стоя Зенона. Благодаря Деметрию Фалерскому (ученику Аристотеля), который в 317—308 годах до Р.Х. управлял Афинами в качестве наместника македонского царя Кассандра, Лицей получил значение так называемого «юридического лица», то есть: право владения имуществом как учреждение; это право было затем

присвоено и остальным из названных философских школ. ...Деметрий Фалерский, будучи в 308 году изгнан Деметрием Полиоркетом, принял приглашение Птолемея I Сотера поселиться у него в Александрии; он внушил ему мысль основать и у себя научное учреждение наподобие афинских. Так возник александрийский Мусей (Museion, то есть «святыня муз»), совмещавший в себе наши академию, университет и библиотеку (но не музей в нашем смысле слова). Благодаря щедротам первых двух Птолемеев этот Мусей далеко оставил за собой афинские учреждения. Особенно славной была его библиотека, в которой насчитывалось уже при Птолемее II Филадельфе без малого пятьсот тысяч «книг»; в I веке при Клеопатре число книг достигло семисот тысяч... Математика, зародившаяся в школе Пифагора и развитая еще в IV веке до Р.Х. Евдоксом Книдским, получила своего первого систематизатора в Александрии в лице Евклида, члена Мусея еще при Птоле-

283

мее I Сотере; его «Начала»... в XIII книгах... стали для всей древности руководством элементарной математики, его «аксиомами» и «теоремами», его терминологией и методами доказательств мы пользуемся и поныне. Насколько он сам двинул науку, этого мы, за неимением сочинений его предшественников, определить не можем; во всяком случае, он был основателем александрийской математической школы, из которой вышли Эратосфен, систематизатор теории чисел, и величайший математик древности — Архимед Сиракузский. Архимед изобрел цифровую систему, давшую ему возможность выразить какое угодно число («число песка морского»,... как он шутливо его назвал в сочинении того же названия); он же первый, определив отношение окружности к диаметру (число р), построил на его основании стереометрию круглых тел. ...Аполлоний Пергский, создал теорию конических сечений; за ними Гиппарх (около 150 года до Р.Х.) открыл сферическую, а Герои Александрийский (около 100 года до Р.Х.) — плоскую тригонометрию.

Успехи математики не замедлили отразиться на пограничных дисциплинах естественных наук, прежде всего математической географии и астрономии. Попытку, очень несовершенную, определить окружность земли сделал еще перипатетик Дикеарх; ее возобновил с решающим успехом вышеназванный Эратосфен...

Что касается космографии, то уже пифагорейцы... оставили геоцентрическую систему в пользу гипотезы центрального очага... но так как эта гипотеза не имела научного основания, то Аристотель вернулся к геоцентризму как наиболее убедительному при состоянии астрономической науки в его время. Но уже его ученик Гераклид Понтийский, открывший также вращение земли вокруг своей оси вследствие наблюдений над путями планет (особенно над их кажущимися регрессиями), пришел к заключению, что Меркурий и Венера — спутники Солнца, а не Земли; путем более точных вычислений Аристарх Самосский... убедился, что и Земля вращается вокруг Солнца, то есть он впервые сделал то открытие, которое через 1800 лет вторично сделал Коперник и подтвердил Галилей. Сходство состояло и в том, что и Аристарх был обвинен в безбожии... Но разница времен сказалась в том, что это обвинение не произвело никакого действия, и Аристарх продолжал свои гениальные работы в обсерватории александрийского Мусея. Там же столетием спустя Гиппарх, величайший астроном Античности, путем наблюдений над фазами Луны и затмениями Солнца вычислил расстояние Земли от обоих светил и составил первый научный звездный атлас, в котором нашло свое место до тысячи звезд...

Для физической географии IV век был очень плодотворным: путешествия Пифея Массалийского познакомили греков с северным побережьем Европы вплоть до «крайней Фулы»... с ее полуночным солнцем; походы Александра и сопутствовавшие им ученые экспедиции и исследования... — со всей передней Азией и ее сказочными морями. Эти

284

последние подтвердили гипотезу Анаксимандра... о кругоземном океане; когда поэтому полководец Селевка, Патрокл, предпринял по его поручению путешествие по Каспийскому морю, он не достиг его северного берега, будучи заранее убежден, что это море — залив кругозем-ного океана. Результаты подвел для начала III века до Р.Х. вышеназванный Дикеарх, автор первого научного сочинения о географии; его усовершенствовал позднее Эратосфен, заключивший знакомый грекам мир в изобретенную им систему меридианов и параллелей — ту же, которой пользуемся и мы. Третьим в числе великих географов был тоже уже знакомый нам Гиппарх. Придатками географии были, во-первых, геология, интерес к которой был создан особенно вулканическими явлениями. Их Посидоний Родосский (I век до Р.Х.) объяснял сжатыми под земной корой газами. Затем зоология и ботаника: Птолемеи заводят в Александрии первый зоологический сад; Александр Великий интересуется флорой завоеванного им мира и посылает ее

экземпляры в Лицей, где ими воспользовался Теофраст. Но в дальнейшем зоологическая система Аристотеля и ботаническая Теофраста не были превзойдены, если не считать успехов фармакопеи, нераздельной с медициной...

С математикой граничит и физика в нашем смысле, для которой... Стратон из Лампсака установил важность эксперимента. Пограничную область мы называем механикой. Основание ей положил еще Аристотель, открывший закон параллелограмма сил; но своего расцвета она достигла в лице гениального Архимеда Сиракузского, открывшего центр тяжести и систему рычагов («Дай мне точку опоры, и я сдвину землю», — говаривал он), механическое значение наклонной плоскости («Архимедов винт»), гидростатику и удельный вес (венец Гиерона и знаменитое... «эврика»). Эти открытия и дали ему возможность изумлять осаждавших Сиракузы римлян все новыми и новыми «машинами». Открытую Архимедом гидростатику развил столетием спустя Ктесибий, изобретший гидравлический оргбн (первообраз нашего духового), водяные часы и пожарный насос; его современник Герон, прославившийся также своими автоматами, открыл давление воздуха и пара, что дало ему возможность изобрести сифон и паровую турбину... До локомотива уже было недалеко, и он был бы изобретен, если бы не упадок наук, начинающийся с I века до Р.Х....

Из прочих отраслей физики акустика была основана... еще Пифагором...; коренной закон, что проводником звука является воздух, был открыт Аристотелем. В дальнейшем своем развитии акустика переходила в теорию музыки, которую особенно тщательно обработал ученик Аристотеля Аристоксен... Параллельная же оптика только теперь была поставлена на научную высоту... Из отделов оптики наиболее симпатичной грекам, вследствие своей математической ясности, была катоптрика, то есть учение об отражении лучей; ее главный закон о ра-

285

венстве углов падения и отражения известен уже Евклиду, а Архимед открыл теорию кривых зеркал — даже если считать легендой сообщаемое нам об его исполинских кривых зеркалах, посредством которых он зажигал римские корабли. Очень жаль, что параллельная диоптрика (о преломлении лучей) не нашла себе такого же гениального исследователя: зажигательное стекло (лупа) было известно уже в V веке до Р.Х., но им пользовались для фокусов, между тем как научное исследование его явлений повело бы к изобретению микроскопа и телескопа. Химия существовала издавна в виде металлургии, то есть чисто прикладного умения добывать чистые металлы из руд и сплавов. Свое название (...по-египетски «чернокнижие») она получила, однако, не от этой техники, а от темной практики египтян, которые как раз в нашу эпоху бились над задачей подделывать золото. Наружу они всплывают лишь в эпоху империи...

(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 216—222)

Быт и нравы

Одежда и прически. Костюм мужчин был прост и состоял из набедрен-**Крито-микенская** ной повязки, пояса и головного убора... И только **культура** на знаменитом клинке так называемого «меча

Миноса», инкрустированного золотом (сцена охоты на львов), на трех охотниках (с кольями) изображены не набедренные повязки, а короткие, подобные современным мужским трусам штаны. Костюм женщины аристократки поражает больше, чем все искусство в целом. Это прекрасно разработанный крой, подчеркивающий все характерные особенности женской фигуры: пышную грудь, тонкую талию, округлые широкие бедра. Роскошные распущенные волосы кри-тянок поддерживала драгоценная диадема или венец. На большинстве изображений женщин (и особенно на статуэтках богинь) узкий лиф платья оставлял грудь совершенно обнаженной. В основных чертах силуэт оставался неизменным, но существовало множество вариантов платья: то цельнокроеное, то юбка украшенная поперечными полосами, то сплошь состоящая из оборок. Каждый из перечисленных вариантов служил одной цели — подчеркнуть женственность.

Доклассический На аттических вазах VI века до н.э. древние греки **период** изображали первые драпированные одежды. Набед-

ренная повязка еще остается, но носят и широкий «хитон» с короткими рукавами, иногда отделанный каймой, с поясом на талии и заложенный складками. Хитон обязательно надевали под

286

доспехи, а в остальное время чаще носили только плащ, состоящий из прямоугольного куска ткани, в который можно было полностью завернуться. Прямоугольный плащ имел название «гиматий» или «гимати-он»... Одежду делали из шерстяных, льняных или смешанных (лен с шерстью) тканей, изготовленных на вертикальном станке. Устойчивость нитей основы внизу

создавалась с помощью небольших металлических грузиков, поэтому ткани были рыхлые, несколько напоминающие современный креп. Из таких тканей можно было создавать любые драпировки, в этом искусстве греки не имели и не имеют себе равных...
Иным был ионийский костюм. Передвижение и переселение различных племен и народов на восточном побережье Эгейского моря (как и на западном), длившееся в течение многих веков, не могло пройти бесследно. Каждый народ, даже каждое племя, сливаясь с другим, обязательно приносит что-то из своих традиций и обычаев. Так, от восточных народов к грекам перешли длинные мужские одежды. Под влиянием сидонян и персов у них широко распространилась орнаментация тканей, хотя характер орнамента был иной.
Классический период Гладкие одноцветные, чаще всего белые или натуральные цвета; шерстяные и льняные ткани по-
прежнему были основным материалом, хитоны без рукавов, короткие, выше колен. Покрой отсутствовал; прямоугольный кусок ткани (1 х 1,80 м) складывали пополам в долевом направлении сшивали его долевые стороны, верхние края скрепляли двумя застежками «фибулами», подшивали низ (неподшитый низ был знаком траура или рабства). Для большей свободы движений во время гимнастических и военных упражнений отстегивали пряжку на правом плече. Хитон носили всегда с поясом, а иногда и с двумя. Ремесленники, рабы и крестьяне, то есть те, кому приходилось физически трудиться во время работы носили еще более простую одежду «экзо-мис» кусок грубой ткани (ок. 2,30 х 1,40 м), который закладывали долевыми складками в середине и покрывали им левое плечо. Чтобы ткань не спускалась на руку, ее поддерживала с правой стороны специальная повязка. В талии экзомис укрепляли поясом. Голову покрывали остроконечным колпаком-«пилосом». Пастухи, охранявшие стада на горных пастбищах, носили одежду из козьих и овечьих шкур, или из толстой валяной ткани, а на голове «кинэ» — кожаный или меховой колпак, подобный шлему...
Одеж/в для путешествий... состояла из прямоугольного плаща-хламиды, шляпы «петас» с загнутыми полями, сандалий или коротких сапожков с оторгнутыми, как петушьи гребешки, голенищами. Обычно хламиду скрепляли фибулой на правом плече, но существовали и другие формы плаща.
287
Основной же верхней одеждой древних греков остается гиматий значительно увеличенный в размерах (2,90 х 1,80 м). На всех народных собраниях, на всех торжественных шествиях греки появлялись в гиматиях, которые теперь драпировали установившимся определенным образом. Лучистые, асимметричные драпировки и глубокие подвижные складки создавали живописную игру светотеней и выделяли, подчеркивали пластику человеческого тела в движении...
До совершеннолетия (16 лет) юноши носили довольно длинные волосы, после совершеннолетия и в зрелом возрасте — короткие. Люди преклонных лет могли не так часто стричь волосы, если они у них сохранялись. Борода у греков, особенно у спартанцев, считалась признаком мужества. Обычай брить бороду возник только в эпоху Александра Македонского (IV век до н.э.).
Женский костюм От архаического периода сохранилось изображение двух видов женских костюмов. Первый: сверх хитона-рубашки надета узкая длинная юбка из плотной орнаментированной ткани и короткая свободная кофточка без рукавов...
Победа остается за плиссированным или крепированным хитоном, сверх которого носили перекинутый через плечо шарф — «фарос».
...Ионийский хитон чаще всего имел широкие длинные рукава. В классический период (V век до н.э.) появилась новая форма хитона — из двух кусков ткани, шириной до запястья горизонтально вытянутых рук. На плечах и до запястья перед и спинка хитона соединялись зас-' тежками, по линии талии и под грудью опоясывались крестообразно, ткань между поясами драпировали в своеобразный буф — «колпос». Верхней женской одеждой, как и мужской, был гематий.
Среди жительниц материковой Греции были распространены хитоны и гематии из шерстяных тканей ярких тонов — голубые, лиловые, желтые, пурпуровые, шафрановые, а для парадного торжественного костюма — со сложным тканным узором.
Самой древней женской дорийской одеждой был «пеплос» — кусок прямоугольной ткани (2 х 1,80 м), сложенный в долевом направлении и отогнутый по верхнему краю на 50—70 см. Верхний сгиб на плечах застегивали фибулами, на груди драпировали. Несшитые, долевые края пеплоса, отделанные каймой, падали сбоку красивыми складками, которые плавно переходили в драпировку отворота — «диплоидия», также украшенную каймой. При ходьбе несшитая сторона пеплоса распахивалась и были видны обнаженное правое бедро и нога.

От яркого солнца или в непогоду, в знак печали или желая остаться незамеченной, женщина могла прикрыть голову диплоидием...
В обычной жизни при выходе на улицу женщины драпировались в гиматий, покрывая им и голову. Во время летней жары сверх покрывала прикрепляли еще и шляпу из соломки «фолию»...
288
Сандалии у женщин были более мягкие и изящные, чем у мужчин. Кроме сандалий гречанки носили шнурованные башмаки из красной кожи, плотно облегавшие ноги...
Форма и линии древнегреческой женской прически всегда гармонировали с одеждой... Поднятые на затылке волосы поддерживались повязкой или сеткой, от чего шея казалась длиннее и тоньше, пряди волос спереди низко закрывали лоб (высокий лоб у женщин греки не считали признаком красоты) и поднимались к узлу на затылке, создавая изящную линию формы головы.
Украшения... диадемы, шпильки и сетки для волос из золота, серьги, браслеты, ожерелья, застежки-фибулы, кольца из золота и сплава золота с серебром...
(Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. С. 62—86)

Образ жизни ...Слово «согражданин» не было тогда еще пустым звуком, но налагало очень важные и подчас тяжелые обязательства. Скифские полицейские существовали буквально только для того, чтобы «тащить» ... ослушников по приказанию властей; там, где требовался нравственный авторитет для пресечения обиды, гражданин взывал к согражданам — и никто не считал себя вправе проходить мимо. ... На каждой прогулке гражданина мог остановить обижаемый с требованием быть свидетелем или понятым, а если он был из числа почтенных — то и третейским судьей...
Но откуда же, можно спросить, брали афиняне время на все это? Объяснением служит их крайняя неприхотливость в отношении пищи, одежды и обстановки: пища была преимущественно растительная — хлеб и приправы (оливки, порей и т.д.); мясо предполагало жертвоприношение и, следовательно, угощение. Одежда, возбуждающая ныне зависть скульпторов, состояла из двух кусков шерстяной материи, хитона и гиматия. Обстановка подавно была несложна; вообще лозунгом афинян было приводимое Периклом дивное... «мы любим красоту, соединенную с дешевизной» — в противоположность тяжелой восточной пышности... А при этих условиях и работа была не особенно обременительна; нормальным был шестичасовой рабочий день. Грек остроумно вычитал это правило на своих солнечных часах: следующие за первыми шестью часами (от А до Е) буквы давали слово, которое переводится как «живи»...
(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 133—134)

«Домострой» Ксенофонта *Ксенофонт* (ок. 430—354 гг. до н.э.) — древнегреческий писатель и полководец, ученик Сократа. В своем «Домострое» рисует портрет идеального хозяйства. Построена книга как диалог Исхомаха с Сократом.
289

Воспитание жены Исхомахом

А что она могла знать, Сократ, когда я ее взял? Когда она пришла ко мне, ей не было еще и пятнадцати лет, а до этого она жила под строгим присмотром, чтобы возможно меньше видеть, меньше слышать, меньше говорить. Как, по-твоему, разве я мог удовольствоваться только тем, что она умела сделать плащ из шерсти, которую ей дадут, и видела, как раздают пряжу служанкам? Что же касается еды, Сократ, она была уже превосходно приучена к умеренности, когда пришла ко мне: а это, мне кажется, самая важная наука как для мужчины, так и для женщины...
Конечно, я счел нужным прежде всего показать ей принцип устройства дома. В нем нет лепных украшений, Сократ, но комнаты выстроены как раз с таким расчетом, чтобы служить возможно более удобными вместилищами для предметов, которые в них будут, так что каждая комната сама звала к себе то, что к ней подходит. Спальня, расположенная в безопасном месте, приглашала самые дорогие покрывала и домашние вещи, сухие части здания — хлеб, прохладные — вино, светлые — работы и вещи, требующие света. Убранство жилых комнат, указывал я ей, состоит в том, чтобы они летом были прохладны, а зимой теплы. Да и весь дом в целом, указывал я ей, фасадом открыт на юг, так что совершенно ясно, что зимой он хорошо освещен солнцем, а летом — в тени. Затем я указал ей, что женская половина отделена от мужской дверью с засовом, чтобы нельзя было выносить из дома, чего не следует, и чтобы слуги без нашего ведома не производили детей: хорошие слуги после рождения детей по большей части становятся преданнее, а дурные, вступив в брачные отношения, получают больше удобства плутовать. После этого осмотра, говорил он, мы стали уже разбирать домашние вещи по группам. Прежде всего мы начали собирать предметы, нужные для жертвоприношений. После этого стали отделять женские праздничные наряды, мужскую одежду для праздников и для войны, покрывала в женской

половине, покрывала в мужской половине, обувь женскую, обувь мужскую. Отдельную группу вещей составило оружие, отдельную — инструменты для пряжи шерсти, отдельную — принадлежности для печения хлеба, отдельную — посуда для приготовления кушанья, отдельную — принадлежности для мытья, отдельную — вещи для замешивания теста, отдельную — столовая посуда. Мы положили в разные места также вещи для повседневного употребления и вещи, нужные только в праздники... В экономки мы выбрали после тщательного обсуждения женщину, самую воздержанную, на наш взгляд, по части еды, вина, сна и общения с мужчинами, которая кроме того, обладала очень хорошей памятью, боялась наказания от нас в случае небрежности и старалась угодить нам и за то получить от нас награду. Мы приучили ее даже относиться к нам с участием: делились с нею радостями, когда радовались, а в печальные минуты приглашали делить горе. Мы старались также заинтересовать ее в увеличении нашего богатства: посвяща-
290
ли ее во все дела и делали участницей нашего благосостояния. Мы старались привить ей также любовь к честности: честные пользовались у нас большим уважением, чем бесчестные, и мы указывали, что честные живут богаче бесчестных, что жизнь их более похожа на жизнь свободных людей, и ее самое относили к числу таких людей. После всего этого, Сократ, я сказал жене, что от всего этого не будет никакого толку, если она сама не будет заботиться, чтобы каждая вещь всегда сохраняла свое место.

...Я как-то увидал, что она сильно набелена... и сильно нарумянена... и что на ней башмаки на высокой подошве... Скажи мне, жена, спросил я: когда ты считала бы меня, как владельца общего с тобою состояния, более заслуживающим любви, — если бы я показал тебе, что есть в действительности: не хвастался бы, что у меня больше, чем есть, и не скрывал бы ничего, что есть, или же если бы вздумал обмануть тебя; рассказывал бы, что у меня больше, чем есть, показывал бы серебро поддельное, цепочки с деревом внутри, пурпурные одежды линючие и выдавал бы их за настоящие? Она сейчас же сказала в ответ: «Что ты, что ты! Я не хочу, чтоб ты был таким...» Так, когда, по-твоему, я заслуживал бы больше любви, находясь в телесном общении с тобою, — если бы, отдавая тебе свое тело, я заботился, чтоб оно было здорово и сильно и чтобы благодаря этому у меня был действительно хороший цвет лица, или же если бы я показывался тебе, намазавшись суриком и наложивши краску под глазами, и жил бы с тобою, обманывая тебя и заставляя смотреть на сурик и касаться его вместо моей собственной кожи? Мне меньше удовольствия было бы, — отвечала она, — касаться сурика, чем те-бя...Так, и я, сказал Исхомах, уверяю тебя, жена, меньше люблю цвет белил и румян, чем твой собственный...

(Ксенофонт. Домострой. С. 218—232)

...Целомудренная супруга... должна показываться на людях не иначе как с мужем, а когда он в отъезде, оставаться невидимой, сидя дома.

...И жена невыносима такая, что хмурится, когда муж не прочь с ней поиграть и полюбезничать, а когда он занят серьезным делом, резвится и хохочет: первое означает, что муж ей противен, второе — что она к нему равнодушна.... жене следует своих чувств не иметь, но вместе с мужем и печалиться, и веселиться, и тревожиться, и смеяться.

...Заводить собственных друзей жена не должна; хватит с нее и друзей мужа. Но самые главные и могущественные из них — это боги, а потому только тех богов супруге подобает чтить и признавать, коим поклоняется муж...

(Плутарх. Наставление супругам. С. 348—351)

291

Семья и брак Девушки должны были для укрепления тела бегать, в Спарте бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их бу-
дущие дети были бы крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко благодаря крепости своего тела. Он запретил им баловать себя, сидеть дома и вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий без платья и плясать и петь на некоторых праздниках в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, с другой стороны, прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи горячее соревнование и честолюбие... В наготе девушек не было ничего неприличного. Они были по-прежнему стыдливы и далеки от соблазна, напротив, этим они приучались к простоте, заботам о своем теле. Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету.

Уже все то, о чем мы говорили до сих пор, служило побудительною причиною к браку, — я имею

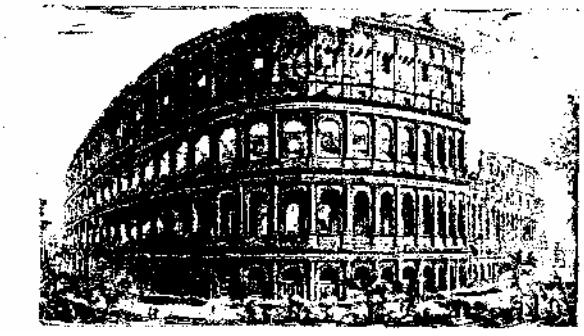
в виду торжественные шествия девушек, их наготу, их упражнения в борьбе перед глазами молодых людей... но холостяки подвергались, кроме того, некоторого рода позору...
Невест похищали, но не таких, которые были еще малы или слишком молоды для брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки подруги невесты.
Внесши в отношения супругов скромность и порядок, Ликург изгнал такими же решительными мерами и глупую женскую ревность...
(Плутарх. Ликург. С. 106—107)

Литература

Античная лирика. М.: Худож. лит.,1968.
Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1969.
Аполлодор. Мифологическая библиотека. М.: Наука, 1993.
Аристотель. Государство Афинян // Хрестоматия по древней истории: В 2т.Т. 1.М.: Учпедгиз, 1936.
Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1984.
Гесиод. О происхождении богов // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1.М.: Мысль, 1969.
Гесиод. О происхождении богов // Хрестоматия по античной литературе. М.: Просвещение, 1965.
Гомер. Илиада. М.: Московский рабочий, 1981.
Гомер. Одиссея. М.: Московский рабочий, 1982.
Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
Еврипид. Орест // Еврипид. Трагедии: В 2 т. М.: Худож. лит., 1980.

Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб.: Марс, 1995,
История искусства зарубежных стран: Первобытное общество, Древний Восток, Античность / Под ред. М.В. Доброклонского и А.П. Чубовой. М.: Изоб-раз. искусство, 1981.
Ксенофан. Насмешливая поэма // Хрестоматия по античной литературе. М.: Просвещение, 1965.
Ксенофонт. Домострой // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
Лонг. Дафнис и Хлоя // Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирикон. Апулей. Золотой осел. М.: Худож. лит., 1969.
Лукиан. Продажа жизней // История философии: В 2 т. / Под ред. Г.Ф. Александрова и др. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.
Лукиан. Разговоры богов // Лукиан. Избранное. М.: Худож. лит., 1987.
Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Т. 1. М.: АО «Академия моды», 1993.
Павсаний. Описание Эллады. М.: Ладомир, 1994.
Пиндар. Острова блаженных: Ферону Акрагантскому, сыну Энесидама, на победу в колесничном беге, Год — 476 // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980.
Платон. Государство // Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1970.
Платон. Пир // Платон. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.
Плутарх. Ликург // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987.
Плутарх. Наставление супругам // Плутарх. Сочинения. М.: Худож. лит., 1983.
Плутарх. Солон // Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М • Правда, 1987.
Теофраст. Характеры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.
Фукидид. История. М.: Наука, 1993.
Хрестоматия по античной литературе / Сост. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. М.: Просвещение, 1965.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО РИМА



Исторический Согласно преданию Рим был основан 21 апреля 753 г. до **очерк** [Н]-Э- Ромулом и Ремом, их предком был Эней, покинув-
ший Трою после ее падения. Долгое время это считалось легендой, но археологические раскопки подтверждают связь Древнего Рима с троянской культурой и тот факт, что первые поселения на территории Рима появились в VIII в. до н.э.

На становление римской культуры большое влияние оказали многие соседние с ними народы, прежде всего этруски, а также греки, с которыми контакты поддерживаются начиная с микенской эпохи, и карфагеняне, с которыми был заключен договор уже в 508 г., италики и ряд др.

Первоначально в Риме установилась *царская власть,* причем царь выполнял также функции законодателя, верховного жреца, военачальника и судьи, но важнейшие вопросы, и в том числе выборы царя, решало народное собрание. Земля считалась государственной собственностью и раздавалась в пользование гражданам.

В 510 г. до н.э. последний царь — Тарквиний Гордый был изгнан восставшими, и устанавливается *аристократическая республика;* двумя основными сословиями были патриции и плебеи (позднее появится еще одно сословие — всадники). Высшим органом власти был сенат, в состав которого входили только патриции, в руках патрициев были все высшие должности в государстве, в том числе и должности консулов — правителей государства. В V в. до н.э. ожесточается борьба патрициев и плебеев, проходящая на фоне постоянных войн Рима с его соседями. В 494 г. до н.э. во время войны с латинами плебеи отказались воевать и удалились на Священную гору, и, только получив право избирать народных трибунов, защищающих права плебеев, они согласились вернуться. Следующей победой плебеев в этой борьбе стала запись одобренных народом законов «12 таблиц». В 341 г. до н.э. принимается закон, по которому консулы могут выбираться и из плебеев. В результате этих и последующих побед плебса Рим превратился в *республику,* где все граждане обладали равными политическими и гражданскими правами, где важнейшие решения принимались народным собранием.

В 390 г. до н.э. галльские племена вторглись в Италию, захватили и разграбили Рим (кроме Капитолия, гарнизон в котором продержался 7 месяцев до

294

ухода галлов). В IV в. до н.э. римляне ведут успешные войны на территории Италии, они захватывают всю Этрурию, покоряют все города Великой Греции (на юге Италии). Важнейшим этапом в развитии Древнего Рима стали *Пунические войны* (сер. III — сер. II в. до н.э.), закончившиеся победой Рима и разрушением Карфагена. В результате этих войн Рим вышел за пределы Италии, захватил Сицилию, Сардинию, Корсику, Испанию, территории Карфагена в Северной Африке. Во II в. до н.э. римляне захватывают Грецию, из нее вывозится колоссальное количество произведений искусства. В Риме возникает интерес к греческой культуре, изучается греческий язык, греческая литература, философия, по греческому образцу устраиваются театральные представления и игры. Богатые римляне посылают своих сыновей учиться и Афины и другие центры образованности. Но в Риме возникает и оппозиция, защищающая «нравы предков» против разлагающего влияния греческой культуры, ее виднейшим представителем был Катон Старший, превозносивший староримский уклад жизни, в котором отсутствует изнеживающая роскошь.

Во II в. до н.э. обостряется борьба между различными социальными слоя-ми, происходит ряд восстаний рабов (крупнейшее — в 138 г. до н.э. в Сицилии). Основной силой римской армии была пехота, в которой служили крестьяне, а массовое разорение крестьянских хозяйств из-за захвата общественных земель богачами, имевшее место к этому времени, подрывало и силу армии. Назрела необходимость в реформах, *ряд* из которых был проведен братьями Тиберием и Гаем Гракхами, погибшими в этой борьбе.

В I в. до н.э. проведена военная реформа, по которой в армию могут вступать все желающие независимо от ценза, однако теперь уже не каждый гражданин обязан быть воином, армия приобретает характер наемного 'войска. Кроме жалованья и части добычи воины, отслужившие 20 лет в армии и вышедшие в отставку, получали право на земельные наделы (обычно — на вновь завоеванных территориях). Армия становится новой и самой могущественной силой в государстве. В 91—'88 гг. до н.э. в Италии идет Союзническая война — война Рима с его итальянскими союзниками, в результате ее все жители Италии, проживающие южнее реки По, получили римское гражданство, с этого момента Рим — это уже не единственный город, а только столица римского государства, народное собрание в Риме утрачивает свою роль. В середине I в. до н.э. обостряется борьба оптиматов (аристократы и нобилитеты) и популяров (плебс). Корнелий Сулла, который по поручению сената воевал на востоке с Митридатом, победив в этой войне, возвращается в Италию и захватывает Рим. Он жестоко расправляется со всеми своими противниками, их имущество распродается и раздается сторонникам Суллы. После смерти Суллы начинаются новые смуты. В 74—71 гг. до н.э. произошло восстание рабов под предводительством Спартака, в конце концов жестоко подавленное.

В конце I в. до н.э. римские войска захватывают Египет, Иудею, Галлию, часть Британии и ряд других территорий. Но между самими римлянами идет длительная гражданская война. В конце концов побеждает Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н.э.), который становится единоличным правителем. После убийства Цезаря сторонниками республики, в результате очередной гражданской войны к власти приходит племянник Цезаря, назначенный им своим наследником, — Октавиан Август (27 г. до н.э. — 14 г. н.э.), *на смену республике приходит империя.* На престоле сменяется несколько династий. В 212 г. император Каракалла издает эдикт, по которому всему населению Римской им-

295

перии даруется римское гражданство. Император Константин переносит столицу империи на восток в город на берегу Босфора — Византа, которому дает название Константинополь, освящение города произошло в 330 г. Император Феодосии Великий (378—395 гг.) завещает западную часть империи своему сыну Гонорию, а восточную — Аркадию. С этого момента Западная и Восточная Римская (Византия) империи существуют

как самостоятельные государства. Гонорий переводит столицу своего государства из Рима в Милан.
В IV в. усиливается *натиск варваров* на Римскую империю. Император Валентиниан I (363—375) отдал готам придунайские провинции, Феодосии Великий принял готов в свое подданство и стал принимать их в свою армию; в конце IV — начале V в. германцы составляют значительную часть римской армии. В начале V в. в Северную Италию вторгаются вестготы во главе с Ала-рихом, в 410 г. они захватывают Рим.
В 407 г. римляне покинули Британию, в 409 г. Испания захвачена вандалами, в 415 г. Галлия захвачена готами, в 429 г. римляне утрачивают Африку, таким образом Западная Римская империя занимает теперь только территорию Италии. В середине V в. в Италию вторгаются гунны во главе с Аттилой («Бич божий»), но они были разбиты римлянами в 451 г.
В 476 г. Рим захватывают германцы во главе с Одоакром, и именно этот год считается годом падения Западной Римской империи и концом античного мира; осуществилось предсказание, данное Ромулу, о двенадцати веках славы Рима.

Религия и мифология

Для древнейшего периода римской истории особенно характерен *культ семейно-родовых духов-покровителей.* К ним в первую очередь относились маны — души умерших предков; древние римляне верили в существование загробного мира, куда отправляются души умерших, — это Орк (подобный Аиду) и Элизиум (поля блаженных). Также почитались пенаты — духи-покровители дома и лары, являвшиеся духами-покровителями с более широкими функциями: известны упоминания о ларах перекрестков, дорог, мореплавания и т.п. Важное место занимал и культ огня домашнего очага, олицетворенный в богине Весте. В древнейших верованиях прослеживаются и следы тотемизма (например, легенда о волчице, вскормившей Ромула и Рема), имели место и аграрные культы.
Позднее некоторые родовые боги превратились в объекты *государственного культа,* став богами-покровителями города-государства. По-видимому, к древнейшим богам можно отнести Юпитера, Марса и Квирина (Ромула). Мифология практически отсутствовала (известен только миф о Ромуле — основателе Рима), отсутствовали и изображения богов — поклонялись символам богов (символом Весты был огонь, Марса — копье и т.п.). Важное место в жизни римлян занимали гадания. После завоевания Греции происходит некоторая трансформация образа римских богов и их сближение с греческими: Юпитер — Зевс, Веста — Гестия, Юнона — Гера, Минерва — Афина, Венера — Афродита, Марс — Арес, Нептун — Посейдон, Меркурий — Гермес и т.п.
Практицизм римлян проявлялся и в их отношениях к богам. Так, вместо того чтобы принести в жертву столько-то голов скота, римляне жертвовали

им столько же головок чеснока. Перед тем как начать войну с каким-либо народом, римляне пытались переманить на свою сторону богов этого народа, обещая этим богам все необходимые жертвоприношения. Жрецы богов считались должностными лицами, в позднереспубликан-ский период они выбирались. Особенно большим уважением пользовались жрицы Весты — весталки. Весталками были девушки из знатных фамилий, их было всего шесть, становились весталками в детском возрасте и оставались на этой службе 30 лет.
Примерно со II в. до н.э. начинается проникновение в Рим культов восточных богов, что сначала вызывало резкое сопротивление.
В императорский период постепенно утверждается *культ гениев императоров* — сначала посмертный, а затем и прижизненный. Первым был обожествлен (посмертно) Юлий Цезарь, Калигула же при жизни объявил себя богом.
В I в. н.э. в одной из провинций Римской империи *зарождается христианство,* сыгравшее важнейшую роль в истории мировой культуры.

Из «Энеиды» Вергилия

Поэма *Вергилия Публия Марона* (70—19 гг. до н.э.) — одного из крупнейших римских поэтов — в поэтической форме излагает миф о предках римлян — троянцах, она рассказывает о скитаниях троянцев во главе с Энеем после падения Трои, об их приходе в Италию и основании ими там первого города — Лавиния. Ниже приводится фрагмент, в котором Юпитер, в ответ на упреки Венеры (матери Энея), предвещает великую судьбу потомкам Энея.

Ей улыбнулся в ответ создатель бессмертных и смертных Светлой улыбкой своей, что с небес прогоняет ненастье, Дочери губ коснулся Отец поцелуем и молвил: «Страх, Киферея, оставь: незыблемы судьбы троянцев. Обетованные — верь — ты узришь Лавиния стены, И до небесных светил высоко возвеличишь Энея Великодушного ты. Мое неизменно решенье. Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает Сердце твое, — и тайны судеб разверну пред тобою: Долго сраженья вести он в Италии будет, и много Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет, Третье лето доколь не узрит, как он Лацием правит, Трижды зима не пройдет со дня, когда рутул смирится. Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне, — Илом он был, пока Илионское царство стояло), Властвовать будет, доколь обращенье луны не отмерит Тридцать великих кругов; перенесши из мест лавинийских Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу. В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.

После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый, Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
297
Он возведет, и своим наречет он именем римлян. Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона, Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
(Вергилий. Энеида. С. 129-130)

Легенда о Ромуле Потом царствовал Прока. От него родились Нуми-**и Реме по Титу** т0р и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал **Ливию** старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержа-
ла верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий. К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его Рею Сильвию, под почетным предлогом — избрав в весталки — обрек на вечное девство.

Но... судьба предопределила и зарождение столь великого города, и основание власти, уступающей лишь могуществу богов. Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса — то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, — меньшее бесчестье. Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, — нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи... Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что облизала детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции. Иные считают, что Ла-ренция звалась среди пастухов «волчицей», потому что отдавалась любому, — отсюда и рассказ о чудесном спасении. Рожденные и воспитанные, как описано выше, близнецы, лишь только подросли, стали, не пренебрегая и работой в хлевах или при стаде, охотиться по лесам. Окрепнув в этих занятьях и телом и духом, они не только травили зверей, но нападали и на разбойников, нагруженных добычей, а захваченное делили меж пастухами, с которыми разделяли труды и потехи... Разбойники, обозленные потерей добычи, подстерегли юношей, увлеченных праздничною игрой: Ромул отбился силой, Рема же разбойники схватили... Рема передают Нумитору для казни.
298
Фавстул и с самого начала подозревал, что в его доме воспитывается царское потомство... но он не хотел прежде времени открывать эти обстоятельства — разве что при случае или по необходимости. Необходимость явилась первой, и вот, принуждаемый страхом, он все открывает Ромулу. Случилось так, что и до Нумитора, державшего Рема под стражей, дошли слухи о братьях-близнецах, он задумался о возрасте братьев, об их природе, отнюдь не рабской, и его душу смутило воспоминанье о внуках. К той же мысли привели Нумитора расспросы, и он уже был недалек от того, чтобы признать Рема...

Нумитор, ...увидав, что... юноши приближаются к нему с приветствиями, тут же созывает сходку и объявляет о братниных против него преступленьях, о происхождении внуков — как были они рождены, как воспитаны, как узнаны...

...Ромула и Рема охватило желанье основать город в тех самых местах, где они были брошены и воспитаны... Но в эти замыслы вмешалось наследственное зло, жажда царской власти, и отсюда — недостойная распря, родившаяся из вполне мирного начала. Братья были близнецы, различие в летах не могло дать преимущества ни одному из них, и вот, чтобы боги, под чьим покровительством находились те места, птичьим знамением указали, кому наречь своим именем город, кому править новым государством, Ромул местом наблюдения за птицами избрал Палатин, а Рем — Авентин.

Рему, как передают, первому явилось знамение — шесть коршунов, — и о знамении уже возвестили, когда Ромулу предстало двойное против этого число птиц. Каждого из братьев толпа приверженцев провозгласила царем: одни придавали больше значения первенству, другие — числу птиц. Началась перебранка, и взаимное озлобление привело к кровопролитию; в сумятице Рем получил смертельный удар. Более распространен, впрочем, другой рассказ — будто Рем в насмешку над братом перескочил через новые стены, и Ромул в гневе убил его, крикнув при этом: «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены». Теперь единственным властителем остался Ромул, и вновь основанный город получил названье от имени своего основателя.
(Тит Ливии. История Рима от основания города. С. 12—15)

Христианство BI в. н.э. в Палестине — на окраине Римской империи —
В Римской империи возникает христианство, и уже во времена Нерона (вторая пол. I в.) в Риме существует христианская община.
В течение I—III вв. христианство распространяется по всей Римской империи и за ее пределами. Императорские власти с подозрением относились к христианам, приписывая им человеконенавистничество, так как христиане того времени не только ждали, но и призывали Конец света и Страшный Суд, а также и нелояльность, так как христиане отказывались совершать официальные жертвоприношения перед статуями государственных богов (в том числе императоров). Это привело к многочисленным гонениям на христиан, на-
299
чало которым положил Нерон, с особой силой они проходили при императорах Домициане, Трояне, Марке Аврелии, Деции, Диоклетиане.
Но, не взирая на все преследования, христианство продолжало жить и распространяться и к IV в. становится силой, с которой вынуждены считаться и сами императоры. В 313 г. императоры Константин и Лициний издают Миланский эдикт, по которому провозглашается равноправие всех религий — в том числе и христианства, а в 325 г. император Ко'нстантип объявляет христианство государственной религией. По указу Феодосия Великого в 395 г. были закрыты все языческие храмы, с этого момента христианство становится единственной официальной религией Римской империи.
Уже в конце I — начале II в. были записаны на греческом языке Евангелия («Благая весть»), написаны Послания и Деяния апостолов, а также Апокалипсис, т.е. книги, которые составили Новый Завет. Для обсуждения и решения сложных теологических вопросов (и в первую очередь — для борьбы с арианской ересью), горячо обсуждаемых тогда христианами, по указу императора Константина в 325 г. в г.Никее был созван собор, ставший первым из семи Вселенских соборов христианской церкви.
Из «Евангелия Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, от Матфея» собрали на Него весь полк
и, раздев Его, надели на Него багряницу;
и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и пбвели Его на распятие.
Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.
И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить. Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий; и, сидя, стерегли Его там;
и поставили над головою Его надпись, означающую вину Его: Сей есть Иисус, Царь Иудейский.
Тогда распяты с Ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую.
Проходящие же злословили Его, кивая головами своими и говоря: Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста.
Подобно и первосвященники с книжниками и старейшинами и фарисеями, насмехаясь, говорили: других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израи-лев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо он сказал: Я Божий Сын.
300
Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его. От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама' савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили: Илию зовет Он. И тотчас побежал один из них, взял губку,, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить;
а другие говорили: постой, посмотрим, придет ли Илия спасти Его. Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух... И вот, завеса в храме разорвалась надвое, сверху донизу; земля потряслась; и камни расселись;
и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли; и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим. Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий.
Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведее-вых.
Когда же настал вечер, пришел богатый человек из Аримафеи, именем Иосиф, который также учился у Иисуса;

он, придя к Пилату, просил тела Иисусова. Тогда Пилат приказал отдать Тело;
и, взяв тело, Иосиф обвил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился.
Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба.
На другой день, который следует за пятницею, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну;
итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, при-'дя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого.
Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать. По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые;
301
Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого;
Его нет здесь — Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, «и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам.
и, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его;
когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему;
тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня.
Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем.
И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам
и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали;
и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим.
Они, взяв деньги, поступили, как научены были; и пронеслось слово сие между иудеями до сего дня.
Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус;
и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле:
итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Свя-таго Духа,
уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.
(Евангелие от Матфея. С. 1011—1013)

Философия

Римская философия возникает под влиянием древнегреческой. Как и в целом в философии эпохи эллинизма, здесь имеют место *школы стоицизма* (крупнейшие представители — Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий), *скептицизма* (Секст Эмпирик), *эпикуреизма* (Лукреций Кар), *неоплатонизма* (Плотин, Порфирий, Ямвлих, Прокл) и т.д. Особо широкое распространение получило в Риме учение стоиков, органично сочетающееся с древнеримскими представлениями о добродетелях и долге гражданина.
302
Во II-III вв. начинается *становление христианской философии* в форме апологетики и патристики (особое влияние на них оказали стоицизм и неоплатонизм). Термин «апология» переводится с греческого как «заступничество», «оправдание». Возникшее христианство выступает как соблазн для иудеев, безумие для эллинов и как недозволенная религия для правительства. Отсюда стремление христиан перевести истины откровения на язык разума и доказать правительству свою лояльность. К виднейшим апологетам относятся Кодрат, Иустин-философ, Татиан, Тертуллиан, Ориген и др. Патристика — это учение отцов церкви, развивающих и защищающих идеи христианского вероучения.
В христианстве изначально существовало двойственное отношение к философии: одни, как, например, Тертуллиан, ее полностью отрицали, как «эллинскую премудрость», как соблазн, уводящий человека от Бога, другие же считали, что философия — это один из путей познания Бога. На формирование христианской философии оказал большое влияние александрийский еврей Филон (ок. 20 г. до н.э. — ок. 40 г. н.э.), который использовал идеи платонизма и стоицизма для развития *концепции Единого Бога* (Ягве),

серьезный вклад в развитие христианской философии внесли Ориген (185—254 гг.), Климент Александрийский (ок. 150—215 гг.) и многие др. Но о возникновении *собственно христианской философии* можно, по-видимому, говорить только в связи с Аврелием Августином, которому удалось создать органический синтез платонизма (а точнее — неоплатонизма) и христианства.

Стоический идеал мудреца

Мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Многие, Луцилий, толкуют эту мысль превратно — изгоняют мудреца отовсюду и заставляют его замкнуться в своей скорлупе. Между тем следует разобраться, много ли обещает это изречение и что обещает. Мудрому довольно самого себя для того, чтобы жить блаженно, а не для того, чтобы жить. Для жизни ему многое потребно, а для блаженства только высокий и здоровый дух, презирающий фортуну. Я хочу сослаться на Хрисиппа, какое он принимает разделение. Он говорит, что мудрец ни в чем не терпит нужды, хотя потребно ему многое, глупому же ничего не требуется, потому что он ничем не умеет пользоваться, зато нужду он терпит во всем. Мудрецу нужны и руки, и глаза, и еще многое, без чего не обойтись в повседневной жизни, а нужды он не терпит ни в чем. Ведь нужда — это необходимость, а для мудрого необходимости нет. Значит, хотя мудрец и довольствуется дамим собой, в друзьях он все же имеет потребность и хочет иметь их как можно больше, но не для блаженной жизни, — ведь жить блаженно может он и без друзей. Высшее благо не ищет орудий вовне: оно создается дома и возникает только само из себя... Но, хоть мудрец и любит как никто друзей, хотя он ставит их наравне с собой, а часто и выше себя, — все же он будет верить, что все его благо в нем самом, и повторит слова Стильпона, того самого, на которого нападает в письме Эпикур. Когда родной город Стильпона был захвачен, когда он потерял жену, потерял детей, а сам

303

вышел из охватившего все пожара один, но по-прежнему блаженный, Деметрий, прозванный из-за множества уничтоженных им городов Полиоркетом, спросил его, потерял ли Стильпон что-нибудь, и тот ответил: «Все мое благо со мною!»

Вот человек смелый и решительный! Он победил даже победившего врага. Он сказал: «Я ничего не потерял», — и заставил того сомневаться в собственной победе. «Все мое со мной» — со мной справедливость, добродетель, разумность, сама способность не считать благом то, что можно отнять... Видишь, насколько легче победить целый народ, чем одного человека? Его речь — это речь стоика, который тоже проносит свое благо нетронутым через сожженные города. Ведь никто, кроме него самого, ему не нужен, — таковы для него пределы счастья...

(Сенека. Нравственные письма кЛуцилию. С. 47—48)

Тертуллиан О философии

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — ок. 220 гг.) — римский писатель, теолог, ритор и юрист, один из крупнейших апологетов христианства.

Все это учения людские и демонские, льстящие слуху и рожденные изобретательностью языческой мудрости, которую Господь называет глупостью: немудрое мира избрал Он для посрамления даже самой философии. Она, конечно, есть материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. Как раз от философии сами-то ереси и получают подстрекательство... Тот же предмет обсуждается у еретиков и философов, те же вопросы повторяются: откуда зло и почему? откуда человек и каким образом? и, что недавно предложил Валентин, откуда Бог? Конечно, от мысли и преждевременных родов. Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику — искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую. Отсюда их нескончаемые россказни и родословия, и бесплодные вопросы, и словеса, ползучие, как рак...

Итак: что Афины — Иерусалиму? что Академия — Церкви? что еретики — христианам? Наше установление — с портика Соломонова, а он и сам передавал, что Господа должно искать в простоте сердца. Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины — после Евангелия. Раз мы верим [во что-то], то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего, и нет ничего более, во что мы должны бы поверить.

(Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков. С. 109—110)

304

Из «Исповеди» Аврелия Августина

Аврелий Августин (354—430 гг.) был родом из Северной Африки, отец его был язычником, мать — христианкой.

Он получил хорошее образование, сам много лет работал преподавателем риторики, был знаком со всеми основными философскими учениями своего времени. В

387 г. принял крещение, в 396 г. избирается епископом Гиппона, где и оставался до конца жизни. Там же он написал свои главные произведения: «Исповедь» и «О Граде Бо-жием».

«Исповедь» Аврелия Августина— это .потрясающий по силе документ, предельно обнажающий душу автора, это рассказ о скитаниях души в поиске истины. Ниже приводятся два фрагмента из книги: первый — о том, как совершился в душе автора окончательный перелом, приведший его к Богу; второй дается как пример философских рассуждений.

Глубокое размышление извлекло из тайных пропастей и собрало «перед очами сердца моего» всю нищету мою. И страшная буря во мне разразилась ливнем слез. Чтобы целиком излиться и выговориться, я встал — одиночество, по-моему, подходило больше, чтобы предаться такому плачу — и отошел подальше от Алипия; даже его присутствие было мне в тягость. В таком состоянии был я тогда, и он это понял; кажется, я ему что-то сказал; в голосе моем уже слышались слезы; я встал, а он в полном оцепенении остался там, где мы сидели. Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и дал волю слезам: они потоками лились из глаз моих — угодная жертва Тебе. Не этими словами говорил я Тебе, но такова была мысль моя: «Господи, доколе? Доколе, Господи, гнев Твой? Не поминай старых грехов наших!» Я чувствовал, что я в плену у них, и жаловался и вопил: «Опять и опять: "завтра, завтра!". Почему не сейчас? Почему этот час не покончит с мерзостью моей?»

Так говорил я и плакал в горьком сердечном сокрушении. И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Я изменился в лице и стал напряженно думать, не напевают ли обычно дети в какой-то игре нечто подобное? Нигде не доводилось мне этого слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова как божественное веление мне открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадется. Я слышал об Антонии, что его вразумили евангельские стихи, на которые он случайно наткнулся: «Пойди, продай все имущество свое, раздай бедным и получишь сокровище на Небесах и приходи, следуй за Мной»; эти слова сразу же обратили его к Тебе. Взволнованный, вернулся я на то место, где сидел Алипий; я оставил там, уходя, апостольские Послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: «Не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти». Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений.

305

Я отметил это место пальцем или каким-то другим знаком, закрыл книгу и со спокойным лицом объяснил все Алипию. Он же объяснил мне таким же образом, что с ним происходит; я об этом не знал. Он пожелал увидеть, что я прочел; я показал, а он продолжил чтение. Я не знал следующего стиха, а следовало вот что: «Слабого в вере примите». Алипий отнес его к себе и открыл мне это. Укрепленный таким наставлением, он без всяких волнений и колебаний принял решение доброе, соответственное его нравам, которые уже с давнего времени были значительно лучше моих. Тут идем мы к матери, сообщаем ей: она в радости. Мы рассказываем, как все произошло; она ликует, торжествует и благословляет Тебя, «Который в силах совершить больше, чем мы просим и разумеем». Она видела, что Ты даровал ей во мне больше, чем она имела обыкновение просить, стеная и обливаясь горькими слезами. Ты обратил меня к Себе: я не искал больше жены, ни на что не надеялся в этом мире. Я крепко стоял в той вере, пребывающим в которой Ты показал ей меня много лет назад: «Ты обратил печаль ее в радость», гораздо большую, чем та, которой она хотела; более ценную и чистую, чем та, которой она ждала от внуков, детей моих по плоти.

О сущности Бога-Слова

Так зовешь Ты нас к пониманию Слова-Бога, пребывающего с Богом; извечно произносится оно и через него все извечно произнесено. То, что было произнесено, не исчезает чтобы произнести все, не надо говорить одно вслед за другим: все извечно и одновременно. Иначе существовало бы время и изменяемость — не настоящая вечность и не настоящее бессмертие.

Знаю это, Господи, и благодарю Тебя; знаю это, исповедую Тебе, Боже мой, и вместе со мной знает это и благословляет Тебя каждый, кто не остается неблагодарным, узнав несомненную истину. Мы знаем, Господи, знаем, что не быть тем, чем был, и стать тем, чем не был, — это своего рода смерть и рождение. А в Слове Твоем ничто не исчезает, ничто не приходит на смену: оно бессмертно и вечно. И поэтому Словом, извечным, как Ты, Ты одновременно и вечно говоришь все, что говоришь; возникает все, чему Ты говоришь возникнуть; Ты создаешь только Словом, и, однако, не одновременно и не от века возникает все, что Ты создаешь Словом.

Почему же, спрашиваю я, Господи Боже мой? Я как-то это вижу, но не знаю, как выразить. Может

быть, все, что начинает быть и перестает быть, тогда начинает быть и тогда перестает, когда должно ему начаться и перестать, и это известно вечному разуму, в котором ничто не начинается и не перестает быть. Этот разум и есть Слово Твое, а Он есть начало, как нам и сказано. Так говорит Он в Евангелии голосом плоти; эти слова прозвучали во внешнем мире для людских ушей, чтобы им поверили, стали бы искать их в сердце своем и нашли в вечной истине,
306
где Он, добрый, единый Учитель, поучает всех учеников Своих. Там слышу я голос Твой. Господи, говорящий мне: ибо Он говорит с нами, Он, кто учит нас; кто же не учит, тот, если и говорит, не для нас говорит. А кто же учит нас, кроме незыблемой, недвижной истины? Даже когда нас наставляет и существо изменчивое, его уроки все-таки ведут нас к недвижной истине, где мы и учимся по-настоящему: стоим и слушаем мы его, «радостью радуемся, слыша голос жениха», и возвращаемся туда, откуда мы сами. Потому-то Он и есть «Начало»: если бы Он не пребывал, пока мы блуждали, нам некуда было бы вернуться. Когда мы возвращаемся от заблуждений, мы, конечно, возвращаемся потому, что узнали их, а узнавать их и учит нас Он, ибо Он Начало и говорит нам.
(Аврелий Августин. Исповедь. С. 210-211,287-288)

Государство и право

История развития Нам представляется необходимым показать проис-римского права хождение и развитие самого права. Так вот, в начале нашего государства народ сперва решил действовать без определенного закона, без определенного права, все управлялось царями по произволу. Впоследствии, когда государство до известной степени увеличилось, сам Ромул, по преданию, разделил народ на тридцать частей; эти части он назвал куриями..., потому что он выполнял тогда заботу... о государстве при посредстве подачи мнений этих частей. И таким образбм он сам предложил народу некоторые куриальные законы; предлагали их и последующие цари... Затем, по изгнании царей, по трибунскому закону, все царские законы вышли из употребления, и римский народ опять стал больше пользоваться неопределенным правом и обычаем, чем предложением законов, и он терпел почти шестьдесят лет. Впоследствии, чтобы этого не было дольше, с общего согласия было решено поставить десять лиц, чтобы через них просить законов у греческих государств и обосновать законами римское государство. Эти законы, записанные на таблицах из слоновой кости, были поставлены пред ораторской кафедрой, чтобы их можно было яснее воспринимать. Упомянутым 10 лицам были даны на тот год высшие права в государстве, чтобы они, если понадобится, и исправляли законы, и толковали, и чтобы на них, как на остальных должностных лиц, не было йрава апелляции. Они сами заметили, что упомянутым первым законом кое-чего недостает, и потому на следующий год прибавили к старым еще две таблицы. Таким образом, от прибавки, получилось название законов двенадцати таблиц... По внесении этих законов начало быть необходимым обсуждение их формуле (как естественно и обычно бывает, что толкование законов вызывает авторитет людей
307
мудрых). Это обсуждение и это право, которое без записи является составленным мудрецами, называется общим именем гражданское право. Потом из этих законов почти в то же время были составлены иски..., чтобы на основании их люди могли спорить между собой на суде. Чтобы народ не устанавливал этих исков по своему желанию, было выражено желание, чтобы они были определенными и торжественными. И эта часть права называется исками по законам, т.е. законными исками. Таким образом, эти три права возникли почти одновременно: законы двенадцати таблиц, из них начало вытекать гражданское право, из них же составлены иски по закону... Знание их всех и умение толковать и иски были у коллегии понтификов, которые устанавливали, кто и в каком году будет ведать частными (делами), и народ почти сто лет пользовался этим обыкновением. Впоследствии... писец Гней Флавий, сын вольноотпущенника, передал похищенную книгу народу... Эта книга, которая содержит иски, называемые Флавиевым гражданским правом... С последующим ростом государства, так как некоторых родов (судебного) иска недоставало, Секст Элий составил другие (судебные) иски и книгу передал народу, которая называется Элиевым правом. Далее, когда в государстве были закон двенадцати таблиц и гражданское право, были и (судебные) иски по закону: случилось, что у плебеев возник раздор с патрициями, плебеи удалились из Рима и установили себе права. Эти права именуются решениями плебса. Затем, когда плебеи были призваны обратно, так как из-за этих решений плебса возникало много раздоров, то постановили, на основании закона Гортензия соблюдать и эти решения, как законы. В результате между решениями плебса и законом разница была только в способе

установления, а власть их была одна и та же. Затем, так как плебеи с трудом начали приходить к согласию, а с народом, при такой массе людей, это было во всяком случае гораздо труднее, то в силу необходимости, забота о государстве перешла к сенату. Таким образом сенат начал вступаться в дела и всякое постановление его принималось во внимание; это право называлось постановлением сената. В то же время и должностные лица выполняли права, и чтобы граждане знали, какое право выскажет всякий о каждом деле и предохранит себя, они выставляли эдикты. Эти эдикты преторов составили почетное право. Почетным же оно именуется, так как явилось от преторского почета.

После ознакомления с возникновением и развитием права, следует ознакомиться с названиями должностных лиц и их возникновением, потому что, как изложено нами выше, исполнение дела становится возможным через тех, кто заведует провозглашением права. А в какой степени быть праву в государстве, если бы не было лиц, которые могли бы руководить правами? Что касается должностных лиц, то известно, что в начале этого государства всю власть имели цари. Известно, что в это же время был и «начальник быстрых». А это было то лицо, которое начальствовало конницей и занимало, так сказать, второе место после

царей. Затем, после изгнания царей были поставлены два консула и был внесен закон, чтобы в их руках находилось наивысшее право. Названы они были от того, что усиленно заботились ...о государстве. Во избежание того, чтобы они не присвоили себе во всем царскую власть, то был внесен закон, установивший, что на них допускается апелляция и что они не могли без приказу народа карать смертью римского гражданина. За ними было установлено только то, что они могли налагать арест и приказать отвести в общественную тюрьму. Далее, впоследствии, когда, в течение значительного промежутка времени, надо было производить перепись... и консулы также не удовлетворяли этой обязанности, были поставлены цензоры. Потом, с умножением народа, когда стали возникать частые войны и некоторые более ожесточенные стали объявляться соседями, иногда, по требованию обстоятельств, решали ставить должностное лицо с еще большей властью. Таким образом появились диктаторы, на которых не было права апелляции и которым дана была возможность приговора к смертной казни. Это должностное лицо, так как оно обладало наивысшей властью, нельзя было удерживать долее шести месяцев. К этим диктаторам придавались начальники конницы так же, как и царям начальники «быстрых». Эта обязанность приблизительно была такова, как ныне у начальников императорской гвардии, но все же они считались законными должностными лицами. В то же время, когда плебеи ушли от патрициев, почти на семнадцатом году изгнания царей, они выбрали себе на священной горе трибунов, чтобы это были плебейские должностные лица. Трибунами они названы потому, что некогда народ был разделен на три части, из каждой выбиралось по одному... Потом, когда народная казна стала умножаться, были поставлены квесторы, чтобы были лица для управления ею и заведывания деньгами; квесторами они были названы оттого, что были избраны для изыскивания... и хранения денег. И так как, согласно сказанному нами раньше, консулам не было законом позволено произносить приговор о казни римского гражданина без повеления народа, то поэтому квесторы ставились народом для заведывания уголовными делами; они назывались следователями по убийству, об них упоминает также закон двенадцати таблиц. И когда решено было внести (новые) законы, народу было предложено, чтобы все должностные лица сложили с себя должность, имея в виду избрание децемвиров для написания законов. Поставленные, таким образом, децемвиры на следующий год продлили свою должность, исполняли ее несправедливо и не хотели затем сдавать ее прежним должностным лицам, желая иметь государство постоянно занятым собой и своей партией. Чрезмерным и суровым господством они довели дело до того, что войско отложилось от государства... С согласия народа децемвиры были отправлены в тюрьму, отчасти в изгнание, отчасти умерщвлены в тюрьме. Таким образом республика опять вернулась к своему старому положению. Потом, когда несколько лет спустя после издания две-

надцати таблиц плебеи стали бороться с патрициями и хотели выбирать консулов и из своего состава, а патриции отказывались, в результате были избраны военные трибуны с консульскою властью, отчасти из плебеев, отчасти из патрициев. Они были поставлены в неодинаковом количестве, именно, иногда их было шесть, иногда больше, временами меньше. Затем, когда решено было выбирать консулов также из плебеев, их начали ставить из того и другого сословия. Тогда, чтобы иметь нечто другое для большей силы патрициев, решено было поставить двоих из числа патрициев для устройства игр. Таким образом были созданы курульные эдилы. Так как

консулов отзывали из столицы заграничные войны и в государстве не было лица, которое могло бы отправлять правосудие, то в силу этого был избран также претор, названный городским, потому что он отправлял правосудие в городе. Потом, спустя несколько лет, этот претор оказался недостаточным, так как в государство прибывала также большая толпа чужеземцев. Поэтому выбрали также другого претора, который был назван чужеземным оттого, что чинил суд между чужеземцами. Затем, когда стало необходимым должностное лицо, чтобы стоять во главе дел с копьем (символом законной собственности), были поставлены децемвиры для разбора тяжб, а в то же время четыре лица для попечения о дорогах, равно три лица монетчиков, чеканщиков меди, серебра и золота и уголовные триумвиры для охраны тюрьмы и содействия устроению казни. И так как должностным лицам в вечернее время не подобало выходить на улицу, были поставлены пять лиц по сю и по ту сторону Тибра, чтобы иметь возможность замещать должностных лиц. Потом, с взятием Сардинии, затем Сицилии, также Испании, потом Нарбонской провинции, было избрано столько протекторов, сколько провинций попало под власть, отчасти для заведования столичными делами, отчасти провинциальными. Затем Корнелий Сулла учредил общественные судилища, например о подлоге, об убийстве, о ножовщиках, и прибавил четырех преторов, потом Гай Юлий Цезарь поставил двух преторов и двух эдилов, чтобы они заведовали продовольствием и от Цереры именовались це-реальными. Так были избраны двенадцать преторов, шесть эдилов. Далее божественный Август установил шестнадцать преторов.
(Юстиниан. Дигесты. С. 169-174)

Письменность и книги

Латинское письмо возникло на основе западно-греческого, древнейшие надписи относятся к VII в. до н.э. Латинское письмо лежит в основе письменности большинства западноевропейских народов. Материалы для письма и книги носят тот же характер, что и в Древней Греции (см. 'раздел *Культура Древней Греции).*
310

Школа и обучение

В древний период родители сами обучали своих детей. Примерно во II в. до н.э. начинает складываться система образования: начальная школа, где обучали письму и счету, а также заучивали некоторые законы; средняя школа — «грамматиков» и высшая — «риторов».

Читать учились по складам. Сначала дети выучивались называть буквы, потом складывать их по слогам, потом разбирать целые слова, конец, связные предложения. Для письма употреблялись навощенные - дощечки и заостренная палочка (стиль), которой выцарапывались буквы. Ребенок приносил с собой из дому эти принадлежности, иногда их нес сопровождавший его раб. При обучении письму сначала водили руку ребенка, или же учитель писал образцы, по которым тот уже наводил; позднее ученика заставляли копировать слова и предложения. Счету учились, распевая громко: один да один — два и т.д.; затем упражнялись в умении считать по пальцам, также на счетах, в заключение производили арифметические действия на дощечках, в этом, с прибавлением некоторых текстов и нравственных изречений,... заключались основы первоначального обучения.

Среднеучебный курс проходился в школе грамматика. Ребенок, поступивший в первоначальную школу около семи лет, переходил к грамматику лет в 12—13... Главным предметом обучения в школе грамматика было чтение и толкование поэтов, письменные и устные упражнения в греческом и латинском языках. ...Но, по Мере того как в Риме распространялось употребление греческого языка, греческих авторов стали читать в подлиннике... Предметами преподавания были: грамматика, метрика, чтение, комментарий и критика текста и литература в собственном смысле...

...Юноша лет в 16 переходил к ритору, хотя часто,уже и грамматик вторгался в область последнего. Целью ритора было дать своим ученикам ряд указаний, которые приготовили бы их к практической деятельности политического и судебного оратора, Ввиду этого задаваемые им сочинения не представляли собой развития какой-нибудь общей идеи; их заставляли писать нечто вроде обвинительной речи против определенного какого-нибудь преступления или порока: против игры, гордости, святотатства или тирании...

Ученики ритора не ограничивались писанием подобных речей, они, кроме того, произносили их в присутствии товарищей и учителя, который делал при этом свои замечания, касающиеся столько же произношения, позы, жестов оратора, сколько и внутреннего смысла и стиля его речи. Рвение учеников подстрекалось маленькими триумфами, которые устраивались молодому оратору его снисходительными товарищами, мечтавшими и сами получить когда-нибудь одобрительные рукоплескания, а также тщеславными родителями, которые присутство-

вали при этих школьных состязаниях и даже приводили с собой своих друзей...
Кроме дней отдыха, ленивые ученики находили еще и другие поводы не ходить в школу: они притворялись больными, принимая при этом томный и изнуренный вид. Такие ученики рисковали подвергнутся наказанию, на что школьные учителя были очень щедры, если верить Горацию, сохранившему весьма неприятные воспоминания о своем страшном учителе Орбилии. Пощечины, удары линейкой, розгой, плетью или ремнем играли весьма существенную роль в несколько суровой системе древнего воспитания. В виде наказания задавались также особые уроки или задачи, которые нужно было сделать письменно.
(Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. С. 84—89)
Во времена империи государство начало вмешиваться в дело образования, императоры начали покровительствовать школам и учителям и частично финансировать их. Император Веспасиан открывает в Риме первый государственный университет. Для средней школы устанавливается система из 7 изучаемых дисциплин, которая существовала не только до конца античности, но и все Средневековье: в первом классе — грамматика, во втором — диалектика, в третьем — риторика, в четвертом — музыка, в пятом — арифметика, в шестом — геометрия, в седьмом — астрономия. Языком обучения был на востоке греческий, на западе — латинский язык.

Квинтилиан об учителях и учениках

Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35 г. — ок. 96 г.) — римский оратор и учитель красноречия, профессор открытого Веспасианом университета в Риме, учитель и воспитатель наследников императора Домициана. Главное сочинение — «Воспитание оратора», где не только дается полный курс теории риторики, но и рассматривается вся система образования.

Пусть учитель прежде всего постарается относиться к своим ученикам как отец; пусть он смотрит на себя, как на заступающего место тех, кто доверил ему своих детей; пусть он не терпит никакого порока ни в себе, ни в других; в его строгости не должно быть мрачной злобы, и кротость его не должна переходить в распущенность;-первое может привести к ненависти, второе — к пренебрежению. Пусть он почаще беседует о добром и честном, так как чем больше он будет увещевать, тем меньше придется наказывать. Ни в коем случае не поддаваясь гневу, он не должен смотреть сквозь пальцы на что бы то ни было, заслуживающее исправления. Он должен быть простым в преподавании, трудолюбивым и усердным, но в меру; он должен охотно отвечать на вопросы, а тех, кто молчит, выспрашивать сам. В одобрении работ своих учеников он не должен быть ни слишком скуп, ни слишком щедр на похвалы, так как первое может внушить отвращение к работе, второе — беспечность. Исправляя их ошибки, он воздержится от горьких упреков и брани, ибо многие отвращаются от учения, если бранят с ненави-

стью. Напротив, пусть каждый день он говорит побольше такого, что может запечатлеться в сердцах его слушателей. Хотя в книгах заключается немало хороших примеров, но ничто не действует так, как живое слово, особенно слово учителя, к которому хорошо воспитанные дети не могут не чувствовать привязанности и уважения. Невозможно описать, насколько сильно в нас желание подражать тем, кого мы любим.
Не нужно позволять ученикам вскакивать со своего места для выражения одобрения, как это делается в большинстве школ: даже юноши должны уметь выражать свои чувства сдержанно... И слушатели, и говорящий должны смотреть в глаза учителю: по ним они узнают, следует ли хвалить их или порицать; таким образом, один научится хорошо писать, остальные верно судить... Сам учитель должен довольствоваться тем, что слушают внимательно и сдержанно: он должен стараться прийтись по вкусу ученикам, а наоборот, ученики должны стараться, чтобы понравиться учителю. Во всяком случае, он должен по возможности стараться внимательно следить за тем, кто, как и за что хвалит; и если заметит, что ученики одобряют то, что действительно хорошо, он должен радоваться больше за них, чем за себя.
(Квинтилиан. Наставление оратору. С. 96—97)

Литература

О золотом веке ...Нашли правильный путь поэты века Августа, **римской литературы** имена которых соединены с представлением о расцвете римской поэзии. Это были, главным образом, в хронологическом порядке: драматург Варий (75 год до Р.Х. — 14 год до Р.Х.), эпик Вергилий (70 год до Р.Х. — 19 год до Р.Х.) и лирик Гораций (65 год до Р.Х. — 8 год до Р.Х.), знаменитый триумвират... Вергилий Марон, ласковая, но пассивная натура, охотно подчинял свое творчество указаниям извне: его первый покровитель, Азиний Полли-он, приохотил его написать..., свои десять «эклог» и среди них — таинственную четвертую, которая в Средние века была понята как

пророчество о Спасителе и доставила своему автору славу и пророка, и чародея. Затем второй покровитель, Меценат, внушил ему мысль возобновить дело Гесиода... и дать римлянам на более широком основании поэму о земледелии («Georgica» в четырех книгах), которая бы посодействовала желанию государя воскресить эту столь нужную деятельность в загубленной латифундиями Италии; наконец, сам Август потребовал от поэта национального эпоса, и Виргилий, соединяя «Илиаду» и «Одиссею», написал свою поэму о странствиях и войнах Энея, косвенного основателя Рима... и родоначальника Юлиев Цезарей. Эта
313
«Энеида» стала венцом римской поэзии: никогда ни до, ни после не услышали такого звучного и сильного стиха, чарующего еще до проникновения в его смысл. Самостоятельнее и разнообразнее была деятельность Горация Флакка... Его лирика объективнее... и в то же время разнообразнее: гражданские оды чередуются с философскими, застольными, любовными; дивный язык, выражающий наибольшую полноту содержания при наименьшем количестве слов, приправлен неподражаемой мелодичностью стиха. В преклонном возрасте поэт вернулся к гекзаметру и написал свои «Послания»... на моральные и литературные темы...;
Рядом с этим триумвиратом ново-классической поэзии мы видим ряд даровитых поэтов, продолжающих творить в духе александриниз-ма; из них выдаются Тибулл, Проперций и особенно Овидий. Первые два — исключительно элегические поэты; содержание их элегий — преимущественно любовь... Но известнее обоих Овидий Назон (43 год до Р.Х. — 17 год по Р.Х.), всеобщий любимец благодаря легкости своего стиха, который кажется восковым в сравнении с мраморным стихом Вергилия. И он вначале был элегическим поэтом; ...он возымел дерзкую мысль оставить в назидание потомству саму «Науку любви» — легкомысленной и сладострастной. Этим он навлек на себя немилость Августа; тщетны были его попытки восстановить свое доброе имя более серьезными поэмами: эпическими «Метаморфозами» в пятнадцати книгах, в которых он нанизывает миф на миф, прослеживая мотив превращения (героя или героини в зверя, птицу, растение, скалу и т.д.) чуть ли не через всю греческую мифологию, и элегическим «Месяцесловом»..., в котором он дает поэтическое описание римских праздников и памятных дней...
Таково было поэтическое наследие века Августа; но и позднее поэзия не иссякала... Домициан нашел достойного поэта в лице Марциа-ла, превзошедшего в лести все слышанное до тех пор; и все же нельзя отказать этому вечно заискивающему клиенту в сильном поэтическом таланте, благодаря которому его «эпиграммы» — одна из самых интересных книг, завещанных нам древностью, поныне непревзойденный образец этой трудной и взыскательной отрасли поэзии.
Последним крупным римским поэтом нашей эпохи был Ювенал, писавший при Траяне свои сатиры, содержание которых, однако, навеяно пережитым им тяжелым домициановским гнетом...
Значительно богаче развитие прозы, и притом на обоих языках. ... «Золотой век» римской прозы, начавшийся при Цицероне, продолжается при Августе и дает своего последнего представителя в лице Тита Ливия (59 год до Р.Х. — 17 год по Р.Х.), автора первой художественной истории Рима ad urbe condita (от основания города. — *Сост.)* до его эпохи в ста сорока двух книгах (сохранились 1—10 и 21 —45)... После смерти Августа начинается «серебряный век» римской прозы, отме-
314
ченный красочностью и эффектностью стиля; его лучшим представителем был при Траяне гениальный стилист и психолог Корнелий Тацит (55—120 годы). Из его сочинений самыми крупными были «Annales» (то есть история прошлого, шестнадцать книг) и «Historiae» (то есть история современности, около четырнадцати книг); нам от первого сохранено около двух третей, от второго — около одной трети... Сказанное об историографии этой эпохи вообще... относится также и к Тациту, он дает преимущественно историю императоров и окраинных войн; но при изложении первой он обнаруживает столько проникновенности и знания человеческого сердца, что мы забываем об остальном. Мы поныне смотрим на историю ранней империи его глазами, а глаза у него были зоркие, проницательные и, что бы ни говорили его критики, беспристрастные... Его стиль — прямая противоположность цицероновскому: сжатый, намеренно несимметричный, богатый пленительными недоговоренностями и красноречивыми умолчаниями; его создал гнет домициановской эпохи, так же как стиль Цицерона — республиканское свободоречие...
После Тацита историография быстро падает. С Адриана начинается как возрождение эллинизма, так и «бронзовый век» в римской литературе. На его пороге стоит еще Светоний с его биографиями двенадцати императоров до Домициана; все же он обнаруживает более интереса к скандальной хронике двора, чем к серьезной истории. Следующие императоры (с Адриана до

конца смуты) представлены в еще более жалких биографиях...
Философская проза, как это естественно, еще более истории запечатлена морализмом; особую деятельность проявляют школы стоическая и академическая. Там мы имеем так называемый новый стоицизм исключительно этического характера, представленный очень крупными писателями — Сенекой, Эпиктетом и Марком Аврелием; из них первый писал по-латыни...., оба других — по-гречески... От Марка Аврелия мы имеем его размышления «Наедине с собой», величавый памятник этой величавой души, строгой к себе и ласковой к другим, всецело проникнутой самоотвержением истинно царского служения долгу. Академическая школа, хотя и не афинская, дала нам Плутарха Херонейского, многочисленные трактаты которого, дышащие духом гуманности, дают нам прекрасное отражение и благородной души своего автора, и всей его мягкой,и участливой эпохи. Моралист по призванию, Плутарх остается моралистом и в роли историка; его вышеназванные биографии, числом пятьдесят, разбирают в попарном сопоставлении деятелей греческой и римской старины (Тесея и Ромула, Фемистокла и Кориолана, Александра и Цезаря, Демосфена и Цицерона и т.д.), освещая должным светом их и добрые и злые деяния...
(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 333—338)
315
Из «Любовных *Овидий Публий О. Назон* (ок. 43 г. до н.э. — 18 г. н.э.) зна-элегий» Овидия менитый римский поэт, навле'к на себя гнев Октавиана Августа своей любовной поэзией, что шло вразрез с желанием Августа возродить староримскую семью. В 8 г. н.э. был сослан в г. Томы (современный г. Констанца в Румынии), где и умер.
Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилег,
Ставня одна лишь закрыта была, другая —• открыта,
Так что была полутень в комнате, словно в лесу, —
Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лайда, любовь знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала, —
Скромница из-за нее все же боролась со мной.
Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
Как были груди полны — только б их страстно сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?.. Все было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
Прочее знает любой... Уснули усталые вместе,
О, проходили бы так чаще полудни мои!
(Овидий. Любовные элегии. С. 30)
Ораторская проза. Что же касается остальных предметов — истории, **«О назначении** знакомства с государственным правом, изучения **оратора» Цицерона** древностей и подбора примеров, — я, по мере их пользы и своей надобности, позаимствую все это у превосходного человека и знатока, друга моего Конга. И я не стану возражать против твоего совета этим молодым людям — все читать, ко всему прислушиваться, быть знакомым со всеми благородными науками; но право же, по-моему, у них не так уж много свободного времени, Красе, на исполнение твоих предписаний, если они и пожелали бы им следовать и осуществлять их; твои законы, мне кажется, уж чересчур строги для их возраста, хотя, пожалуй, и необходимы для достижения
316
того, к чему они стремятся. Ибо и учебные выступления без подготовки на заданные темы, и обдуманно подготовленные рассуждения, и упражнение с пером в руках, которое ты справедливо

назвал творцом и наставником красноречия, требуют большого труда; точно так же и сравнение своей речи с чужими сочинениями, и произносимое без подготовки суждение о чужом сочинении в виде похвалы или порицания, одобрения или опровержения требуют немалого напряжения как и для памяти, так и для воспроизведения...

Пусть зовется оратором тот, кто умеет своей речью убеждать... Но пусть этот оратор ограничится повседневными и общественными нуждами сограждан, пусть он отстранится от других занятий, как бы ни были они значительны и почтенны; пусть он, так сказать, денно и нощно усердствует в единственном своем деле, взяв за образец того, кто бесспорно владел самым могучим красноречием — афинянина Демосфена. Ведь это у Демосфена, говорят, было такое рвение и такая работоспособность, что он первым делом преодолел упорным трудом и старанием свои прирожденные недостатки; будучи настолько косноязычен, что не мог произнести первую букву названья своей науки, он добился путем упражнений того, что по общему приговору никто не говорил более чисто; затем, так как у него было слишком короткое дыхание, он научился говорить, не переводя духа, и достиг таких успехов, что, как видно из его сочинений, порой в одном речевом периоде заключались у него по два повышения и понижения голоса; к тому же, как известно, он приучил себя, вложив в рот камешки, произносить во весь голос и не переводя дыхания много стихов подряд, и при этом не стоял на месте, но прохаживался и всходил по крутому подъему.

(Цицерон. Об ораторе. С. 127-128)

Историческая проза.

Стараясь убедить римлян, что нигде ему не бывает так хорошо, как в Риме, Нерон принимается

Корнелий Тацит об устраивать пиршества в общественных местах и в императоре Нероне этих целях пользуется всем городом, словно своим домом. Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином, и я расскажу о нем, избрав его в качестве образца, дабы впредь освободить себя от необходимости описывать такое же расточительство. На пруду Агриппы по повелению Тигеллина был сооружен плот, на котором и происходил пир и который все время двигался, влекомый другими судами. Эти суда были богато отделаны золотом и слоновою костью, и гребли на них распутные юноши, рассаженные по возрасту и сообразно изощренности в разврате. Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб — от самого Океана. На берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гетеры. Началось с неприс-

тойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями. Сам Нерон предавался разгулу, не различая дозволенного и недозволенного; казалось, что не остается такой гнусности, в которой он мог бы выказать себя еще развращеннее; но спустя несколько дней он вступил в замужество, обставив его торжественными свадебными обрядами, с одним из толпы этих грязных распутников (звали его Пифагором); на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец все, что прикрывает ночная тьма и в любовных утехах с женщиной.

Вслед за тем разразилось ужасное бедствие, случайное или подстроенное умыслом принцепса — не установлено (и то и другое мнение имеет опору в источниках), но во всяком случае самое страшное и беспощадное изо всех, какие довелось претерпеть этому городу от неистовства пламени. Начало ему было положено в той части цирка, которая примыкает к холмам Палатину и Целию... Стремительно наступавшее пламя, свирепствовавшее сначала на ровной местности, поднявшееся затем на возвышенности и устремившееся снова вниз, опережало возможность бороться с ним и вследствие быстроты, с какою надвигалось это несчастье, и потому, что сам город с кривыми, изгибавшимися то сюда, то туда узкими улицами и тесной застройкой, каким был прежний Рим, легко становился его добычей. Раздавались крики перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей... Под конец, не зная, откуда нужно бежать, куда направляться, люди заполняют пригородные дороги, располагаются на полях; некоторые погибли, лишившись всего имущества и даже дневного пропитания, другие, хотя им и был открыт путь к спасению, — из любви и привязанности к близким, которых они не смогли вырвать у пламени...

Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Пон-тий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал

себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры
318
диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона.
(Корнелий Тацит. Анналы. С. 295—298)

Светоний об импе- Его управление государством некоторое время раторе Домициане было неровным: достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока, наконец, сами достоинства не превратились в пороки — можно думать, что вопреки его природе жадным его сделала бедность, а жестоким — страх.

Зрелища он устраивал постоянно, роскошные и великолепные, и не только в амфитеатре, но и в цирке... Травли и гладиаторские бои покрывал он даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины, но и женщины. На квесторских играх, когда-то вышедших из обычая и теперь возобновленных, он всегда присутствовал сам и позволял народу требовать еще две пары гладиаторов из его собственного училища: они выходили последними и в придворном наряде... Показывал он и морские сражения, и сам на них смотрел, невзирая на сильный ливень; в них участвовали почти настоящие флотилии, и для них был выкопан и окружен постройками новый пруд поблизости от Тибра.

После междоусобной войны свирепость его усилилась еще более. Чтобы выпытывать у противников имена скрывающихся сообщников, он придумал новую пытку: прижигал им срамные члены, а некоторым отрубал руки. Как известно, из видных заговорщиков помилованы были только двое, трибун сенаторского звания и центурион: стараясь доказать свою невиновность, они притворились порочными развратниками, презираемыми за это и войском и полководцем. Свирепость его была не только безмерной, но к тому же изощренной и коварной... А чтобы-больнее оскорбить людское терпение, все свои самые суровые приговоры начинал он заявлением о своем милосердии, и чем мягче было начало, тем вернее был жестокий конец...

Имущества живых и мертвых захватывал он повсюду, с помощью каких угодно обвинений и обвинителей: довольно было заподозрить малейшее слово или дело против императорского величества. Наследства он присваивал самые дальние, если хоть один человек объявлял, будто умерший при нем говорил, что хочет сделать наследником цезаря.

К умерщвлению его народ остался равнодушным, но войско негодовало... Сенаторы, напротив, были в таком ликовании, что наперебой сбе-
319
жались в курию, безудержно поносили убитого самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем.
(Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. С. 276—287)

Аммиан Марцеллин *Аммиан Марцеллин* (нач. 30-х г. IV в. — кон. IV в.) — **О гуннах**

римлянин, но грек по происхождению, солдат и историк, автор знаменитой «Римской истории», продолжающей книги Тацита (Марцеллин начинает свою книгу с 96 г., которым заканчиваются «Анналы» и «История» Тацита). Особой ценностью обладает его описание событий, свидетелем и участником которых был он сам. Ниже приводится его знаменитое описание гуннов, нашествие которых потрясло Рим-скую империю.

Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо сделанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуж-

даются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя
320
на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути.

(Аммиан Марцеллин. Римская история. С. 491)

О христианской литературе Христианская литература активно развивается в I—V вв., важное место в ней занимают апокрифы — книги, описывающие жизнь и смерть Иисуса Христа, Девы Марии, апостолов и других персонажей Священной истории, и хотя авторство многих из этих книг приписывалось апостолам и книги эти пользовались широкой популярностью, но они не относятся собственно с священным текстам христианства и не были включены Вселенскими соборами в состав Нового Завета. В это же время зарождается новый литературный жанр — агиография, т.е. жития святых.

Из «Евангелия детства» (Евангелия от Фомы) Я, Фома израильтянин, рассказываю, чтобы вы узнали, братья среди язычников, все события детства Господа нашего Иисуса Христа и Его великие деяния, которые Он совершил после того как родился в нашей стране. Начало таково. Когда мальчику Иисусу было пять лет, Он играл у брода через ручей, и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом. И размягчил глину, и вылепил двенадцать воробьев. И была суббота, когда Он сделал это. И было много детей, которые играли с Ним. Но когда некий иудей увидел, что Иисус делает, играя в субботу, он пошел тотчас к Его отцу Иосифу и сказал: Смотри, твой ребенок у брода, и он взял глину и сделал птиц, и осквернил день субботний. И когда Иосиф пришел на то место и увидел, то он вскричал: для чего делаешь в субботу то, что не должно?! Но Иисус ударил в ладоши и закричал воробьям: Летите! и воробьи взлетели, щебеча. И иудеи дивились, увидев это, и ушли, и рассказали старейшинам, что они видели, как Иисус свершил сказанное.

Через несколько дней юноша колол дрова по соседству, и топор упал и рассек ему стопу, и столько вытекло крови, что он совсем умирал. И когда раздались крики и собрался народ, Иисус также прибежал туда, и пробрался сквозь толпу, и коснулся раненой ноги, и тотчас исцелил ее. И Он сказал юноше: встань теперь, продолжай рубить и помни обо Мне. И когда толпа увидела, что произошло, они поклонились Иисусу, говоря: истинно, Дух божий обитает в этом ребенке.
321
И вот во время сева мальчик вместе с отцом пошел сеять пшеницу в их поле. И пока Его отец сеял, Иисус тоже посеял одно пшеничное зерно. И когда Он сжал и обмолотил его, оно принесло сто мер, и Он созвал всех бедняков поселения на гумно и роздал им пшеницу, а Иосиф взял остаток зерна. Было Ему восемь лет роду, когда он совершил это чудо.

(Евангелие детства. С. 142—145)

Театр и драматургия

Римский театр В Древнем Риме театральные представления состоялись впервые в 240 г. до н.э., когда Ливии Андроник сочинил для общегородских игр трагедию и комедию, написанные по греческим образцам. И в дальнейшем драмы ставились на каких-либо играх — официальных, устроителем которых было государство в лице эдилов (выборных лиц, следивших за общественными зданиями и порядком в городе), либо частных, которые давали богатые граждане

в честь одержанных ими воинских побед или в память о знатном предке... В отличие от Древней Греции, где актерское мастерство ценилось очень высоко..., в Риме, вплоть до I в. до н.э.... ремесло актера не считалось почетным. Во время римской империи показ цельных спектаклей все больше уступал место исполнению отдельных монологов и вокальных сцен из классических драм (в том числе и древнегреческих). Большое распространение получили также малые театральные жанры — мимы и пантомимы.

(Античная культура. С. 295—296)

Тит Ливии о зарождении театра в Риме

И в этот, и в следующий [364 г. до н.э.] год... мор не прекращался... Но поскольку ни человеческое разумение, ни божественное вспоможение не смягчали беспощадного мора, то суеверие возобладало в душах и тогда-то, как говорят, в поисках способов умилостивить гнев небес были учреждены сценические игры — дело для воинского народа небывалое, ибо до тех пор единственным зрелищем были бега в цирке. Впрочем, как почти всегда бывает в начале, предприятие это было скромное, да к тому же иноземного происхождения. Игрецы, приглашенные из Этрурии, безо всяких песен и без действий, воспроизводящих их содержание, плясали под звуки флейты и на этрусский лад выделывали довольно красивые коленца. Вскоре молодые люди стали подражать им, перебрасываясь при этом шутками в виде нескладных виршей и согласовывая свои телодвижения с пением. Так переняли этот обычай и от частого повторения он привился... теперь они уже не перебрасывались, как прежде, неуклюжими и грубыми виршами... теперь

322

они ставили «сатуры» с правильными размерами и пением, рассчитанным на флейту и соответствующие телодвижения.

Несколько лет спустя Ливии первым решился бросить сатуры и связать все представление единым действием, и говорят, будто он, как все в те времена, исполняя сам свои песни, охрип, когда вызовов было больше обычного, и испросил позволения рядом с флейтщиком поставить за себя певцом молодого раба, а сам разыграл свою песню, двигаясь много живей и выразительней прежнего, так как уже не надо было думать о голосе.

(Тит Ливии. История Рима от основания города. С. 324)

Из «Эдипа» Сенеки

Сюжет трагедии Сенеки (как и у большинства римских драматургов) позаимствован из греческой мифологии, он был использован еще Эсхилом. Эдип — сын царя Фив Лая и его жены Иокасты. При рождении Эдипа было предсказано, что ему суждено убить родного отца и жениться на родной матери. Царь Лай, узнав о предсказании, приказывает унести ребенка в лес и убить. Но вельможа, которому это поручено, не решается убить ребенка и просто оставляет его в лесу, где его и подобрал пастух, усыновивший Эдипа. Став взрослым, Эдип узнает о предсказанной ему судьбе и, считая своих приемных родителей родными, в страхе уходит из дома, чтобы не совершить ужасное преступление. В дороге он встречает царя Лая и случайно убивает его, затем судьба приводит его в Фивы, где он разгадывает загадку Сфинкса, а значит, как предсказано, должен стать новым царем Фив; там его женят на овдовевшей царице, т.е. его родной матери. На Фивы обрушивается страшная эпидемия чумы, оракул сообщает, что причина эпидемии — преступления Эдипа. Наказывая себя за свою невольную вину, Эдип ослепляет себя. Ниже приводится отрывок из заключительной сцены трагедии.

Хор Нас ведет судьба: не противьтесь судьбе!
Суета забот не изменит вовек Непреложный закон ее веретен. Все, что терпим мы, смертный род, на земле, Все, что делаем мы, свыше послано нам, И Лахеза блюдет предрешенный ход Пряжи, и никому эту нить не развить. Первый день нам дает и последний наш день. Не в силах бог ни один изменить Роковой череды, сцепленья причин: Для любого решен свой порядок: его Не изменит мольба. Пред судьбою страх Многим пагубен был: убегая судьбы, К своей судьбе приходили они. Чу, стукнула дверь. Вот выходит он, Не видя дня, не ведомый никем Трудным шагом бредет.

323

(Входит *Эдип.)*

Эдип Все кончено ко благу: отдан долг отцу.
Как тьма Отрадна! Кто из небожителей, Смягчившись, мраком мне окутал голову? Кем я прощен? Бежал я дня-свидетеля, Но не своей руке обязан: свет меня Бежит. Вот лик, Эдипу подобающий.

(Входит *Иокаста.)*

Хор Смотри, как Иокаста исступленная
В беспамятстве летит, как мать кадмейская, Когда с сыновней головой оторванной Опомнилась. Заговорить с поверженным И хочет, и боится. Гонят беды стыд, Но слово медлит.

Иокаста Сыном ли назвать тебя?
Колеблешься? Ты сын мой! Стыдно сыном быть? Молчать не надо! Что глазницы полые Ты

отвращаешь?
Эдип Кто мне вновь дает глаза
И отнимает'тьму? То голос матери!
Все, что свершил я, тщетно. С ней встречаться вновь —
Нечестье. Пусть нас разделит, преступников,
Пучина, пусть под нашим обращенный вниз
К другим светилам, к солнцу бездорожному
Безвестный мир укроет одного из нас...
(Сенека. Эдип. С. 379-380)

Из комедий Теренция *Теренций Публий* (195—159 гг. до н.э.) — знаменитый древнеримский драматург, автор многих комедий, сюжеты которых представлют из себя в основном переработку древнегреческих комедий. Тексты Теренция считались образцом латинской речи и использовались в системе римского образования. Многие выражения из комедий Теренция стали крылатыми и вошли в обиход.

— Жена твоя сварлива, да?
— Тебе-то что?
— А все-таки?
— Противно вспомнить! Стоит мне Домой вернуться, сесть, сейчас же целовать Безвкусно лезет.
— Что ж дурного? Правильно:
Чтоб все, что выпил ты вне дома, выблевал.
(Ожерелье)

— Точно ль женщина рожает на десятом месяце?
— Точно так; и на девятом, на восьмом и на седьмом.
(Ожерелье)
Уже до дыр сносил я бедность горькую.
(Подкидыш)
Надежде я не верю: слишком медленна!
(Дардан)
Послушать глупость я готов, а слушаться не буду.
(Примета)
(Теренций. Комедии. С. 505—511)

Музыка

Народная музыка древних римлян имела давние традиции, но профессиональную музыкальную культуру римляне переняли от греков. Как и в Греции, поэзия была тесно связана с музыкой. Оды Горация, эклоги Вергилия пелись. В трагедии вводили... музыкальные вставки... В цирках и театрах выступали громадные хоры и оркестры, богатые римляне содержали капеллы и оркестры.
(Штпейнпресс Б.С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 166)

Военные оркестры Труба, букцина и разновидности рожков составляли военный оркестр римской армии. Разумеется, оркестра в нашем понимании не было, но каждый инструмент выполнял особую функцию. К сожалению, сейчас крайне сложно, а зачастую просто невозможно реконструировать музыкальную партитуру военной жизни в полном объеме, ибо свидетельства источников по этому вопросу страдают естественными дефектами...

Интересно, что когда 27 сентября 14 года произошло лунное затмение и страх перед неведомым обуял римских солдат, то для придания себе храбрости они стали оглашать воздух бряцанием оружия «и звуками туб и корну». Ведь совместное звучание труб, букцин и рожков ассоциировалось в сознании солдат с мощью легионов, которой можно защититься не только от земных врагов, но и от грозных и непонятных явлений природы.

Совместное звучание всего ансамбля военных инструментов иногда применялось и тогда, когда нужно было устрашить противника. Многие источники буквально переполнены свидетельствами о том, что жуткое звучание всех инструментов римской армии наводило ужас на противника. Конечно, в первую очередь такое ощущение было связано

с общеизвестной силой римских легионов. Но не последнюю роль здесь играл и сам характер звучания инструментов: некая смесь гнусавых гудений с «завываниями» в различных регистрах. Такими звучаниями устрашались не только сопротивляющиеся враги, но и поверженные. Плутарх сообщает, что Сулла со своими войсками вступил в Афины в полночь под рев многочисленных труб и рожков. Совершенно очевидно, что это было заранее продуманное «звуковое давление» на

уже побежденных афинян. Легко представить себе состояние жителей города, сидящих ночью в своих домах, слышащих, как по улицам проходят легионы безжалостного диктатора в сопровождении духовых инструментов.
(Герцман Е.В. Музыка древней Греции и Рима. С. 241—244)

Архитектура и строительство

Форум Романум Центр Рима сложился в пределах болотистой равнины, ограниченной тремя холмами — Капитолием, Палатином и Квириналом, где и образовалась центральная площадь Древнего Рима — Римский форум (форум Романум). Форум имел назначение торговой и общественной площади, облик его сложился уже ко II в. до н.э. В дальнейшем еще пять форумов примкнули к первому (императорские форумы Цезаря, Августа, Веспасиана, Нервы и Траяна). Форум Романум приобрел в результате постепенной, разновременной застройки асимметричный характер. Отдельные постройки, возникавшие на сэободных участках, теснились одна около другой... У подножия скалистого Капитолия в 80-х гг. I в. до н. э. было построено здание Государственного архива — Табуляриума, на фасаде которого впервые из дошедших до нас сооружений была применена римская архитектурная ячейка (ордерная аркада) — типично римская архитектурная система, совмещающая два взаимопротивоположных принципа перекрытия — архитравный (балочный), связанный своим происхождением с Грецией, и сводчатый, воспринятый римлянами у этрусков.

Перед Табулярием в разное время возникли храмы — богини Кон-кордии (Согласия) и Веспасиана (конец I в. н. э.). На юго-западной стороне форума был построен храм Сатурна, рядом с ним большая базилика Юлия и далее — храм легендарных близнецов Диоскуров — Кастора и Полукса. Противоположная, северо-восточная сторона форума ограничивалась более ранней по времени постройки базиликой Эмилия. Торцовые узкие части форума завершались ораторскими трибунами — ростpами. Главная трибуна находилась на стороне Капито-

лия. Справа от нее возвышалась триумфальная арка Септимия Севера начала III в. н.э.

Сооружения Древнего Рима периода республики свидетельствуют о полном овладении греческими архитектурными ордерами. Монументальные сооружения этого времени строились главным образом из каменных пород — известняка, туфа, частично из мрамора.

Среди сохранившихся памятников монументального зодчества периода республики наиболее известны три круглых храма богини Весты, построенные во II—I вв. до н.э....

Жилые дома Жилое строительство шло по линии как возведения частных домов типа особняков (домусы), так и многоэтажных доходных домов (инсулы). Последние заполняли собой центральную часть Рима.

Многочисленные жилые дома — домусы сохранились в Помпее. В них синтезировались черты этрусских домов и домов эллинистического типа. От первых в римский жилой дом перешел атриум — центральное помещение официальной части жилого дома, от эллинистических зданий — перистильный двор, который являлся центром жилой, интимной части дома, располагавшейся за официальной частью...

«Золотой дом» При> Нероне был построен в 50 г. н.э. архитектором **Нерона** Рабирием дворец, занимавший вместе с садами ко-лоссальные участки на холмах — Палатине и Эск-вилине.

Грандиозное императорское поместье в центре города включало, кроме дворца, группы строений, термы, фонтаны, акведуки, разнообразные увеселительные павильоны; парки, большое озеро, рощи и виноградники, сады были наполнены многочисленными статуями.

Внутреннее убранство дворца отличалось сказочным великолепием: например, вращающийся потолок столовой был выложен пластинками слоновой кости, во время пира потолок раздвигался, и оттуда сыпались цветы. Стены комнат были облицованы различными сортами мрамора и так обильно украшены позолотой, что и дворец получил название «Золотого». Дворец был разрушен почти целиком при Флавиях, на его месте были построены Колизей и термы Тита и Траяна.

Колизей Ко времени правления Флавиев относится возведение грандиозного сооружения, так называемого Колизея... Колизей — самый большой амфитеатр Древнего Рима, имеющий овальную в плане форму. Амфитеатр этот был рассчитан на 56 тысяч зрителей, наблюдавших здесь бои гладиаторов, травлю диких зверей и всевозможные пантомимы. Архитектурная система Колизея построена на применении кирпично-бетонных субструкций, поддержи-

вающих облицованные в свое время мрамором места для зрителей. Снаружи Колизей представляет собой трехъярусную систему, основанную на применении римской архитектурной ячейки. Три ордера, расположенные поярусно (внизу — тосканский, выше — ионический и в третьем ярусе — коринфский), дополнялись высоким аттиком, завершавшим всю композицию. Внешне диаметры Колизея составляли 188 и 156 метров, а диаметры арены соответственно равнялись 86 и 54 метрам. Высота внешней, ограждающей стены после надстройки ее аттиковым этажом достигала 48,5 метра.

Гигантская, постепенно разворачивающаяся, окованная травертином стена Колизея, поярусно разработанная системой арок, производит поистине потрясающее впечатление и сейчас — через многие века, когда фактически осталась лишь часть сооружения, когда оно утратило в обработке фасада свою скульптуру, располагавшуюся в пролетах арок, многие детали. Не сохранились и места для зрителей, в свое время облицованные мрамором. Можно представить себе, как выглядело это титаническое сооружение во времена императоров.

Форум Траяна, Во времена Траяна в Риме работает крупнейший **Пантеон** архитектор Аполлодор Дамасский — наиболее значительный представитель римской архитектуры. Аполлодором Дамасским был воздвигнут самый крупный архитектурный ансамбль Древнего Рима — форум Траяна. В отличие от более ранних форумов — Цезаря, Августа, Веспасиана и Нервы, которые в основном включали один перистильный двор, форум Траяна состоял из нескольких частей. По сторонам главной прямоугольной площади, за сквозными колоннадами, находились так называемые лавки Траяна, представлявшие собой два мощных полукружия, обращенные в сторону главной площади. Правое полукружие было пятиярусным и размещалось на склоне холма Квиринал.

Следующим компонентом форума Траяна была пятинефная базилика Ульпия — крупнейшая в Древнем Риме. За базиликой, по главной оси форума, располагался небольшой перистильный двор, в центре которого находилась мемориальная колонна Траяна высотой 38 метров, построенная из мрамора, ствол которой был обвит спиральной лентой с рельефами, изображающими военные подвиги Траяна. По сторонам колонны располагались две библиотеки — греческой и латинской литературы, с крыш которых можно было рассматривать рельефы верхней половины колонны. За двором с колонной Траяна находился другой двор, завершавшийся храмом Траяна. Форум Траяна выделялся не только своими размерами и разнообразием композиционного решения, но и богатством отделки.

• К 125 году н.э. относится связанное с именем Аполлодора Дамасского крупнейшее сооружение римского зодчества — Пантеон (храм во имя

всех богов). Пантеон был перестроен из круглого нимфеума — бассейна, входившего в состав терм Агриппы. Гигантский цилиндриче-ский объем перекрыт сферическим куполом, диаметр которого равен 43,2 м. В центре его девятиметровое осветительное отверстие. Пантеон, так же как и другие римские сооружения, был построен из обожженного кирпича в сочетании с бетоном. Купол его по своим размерам не имеет себе равных в античной архитектуре. Внутри сооружение в отличие от других римских построек сохранило почти полностью свою внутреннюю отделку полихромным мрамором.

Пантеон — одна из вершин архитектурного мастерства римлян, наиболее полно выражающая их строительные и композиционно-эстетические принципы. Сооружение отличается исключительной монументальностью. Впечатление огромной силы, незыблемости и спокойной величавости определяется не только масштабами здания и всех составляющих его элементов — наружного колонного портика, потрясающих размеров чаши купола, «опрокинутой» над внутренним пространством храма, но прежде всего необычайной простотой основных объемов, их четкой пропорциональностью и поразительной выверенностью, «взвешенностью» и безукоризненностью выработки всех деталей внутренней отделки.

Многое в архитектуре Пантеона строится на сильном контрасте между очень простым и даже суровым внешним обликом и изумительной по совершенству внутренней отделкой. Вошедшего в храм поражает прежде всего раскрывающийся перед ним огромный зал, смелый разворот одетых в коричневато-охристые полированные мраморы стен и совершенно особое, специфическое распределение света, проникающего в зал через круглое отверстие — «глаз Пантеона» — в зените колоссального кессонированного купола. Поток света, направленный сверху вниз, создает ощущение глубокого и обширного пространства, оформленного посредством применения ордеров, совершенных по рисунку архитектурных деталей и скульптур.

Аполлодор Дамасский построил также мост через Дунай и большую гавань Траяна в городе Остии, служившем морским портом города Рима.

Термы Каракаллы В начале III в. н.э. в Риме были построены термы Каракаллы, вторые по размеру в Риме (на первом месте были термы Диоклетиана, сохранившиеся хуже). Сооружение представляло собой сложный комплекс многообразных помещений. Помимо бассейнов и ванн, в них находились палестры — площадки для спортивных упражнений, многочисленные помещения, предназначенные для отдыха, библиотечные помещения, магазины и пр. Термы вмещали до 1800 человек одновременно. По конструктивному решению и сложному санитарно-техническому оборудованию термы выделялись среди прочих римских сооружений. Они являются своеобразной энциклопедией архитектурно-художественных и конструктивных при-

329

емов, применявшихся в римском строительстве... Комплекс терм состоял из огромного прямоугольного здания, помещавшегося в парке и замкнутого с четырех сторон двухэтажными корпусам'и. Общие размеры терм Каракаллы составляли в плане 353 х 335 м.

Основные помещения главного здания размещались по его оси: бассейн с холодной водой (фригидарий), большой зал, являвшийся центральным помещением терм (тепидарий), и круглый бассейн с горячей водой (кальдарий). Фригидарий в термах Каракаллы вовсе не был перекрыт, тепидарий завершен тремя мощными крестовыми сводами, кальдарий же имел купольное перекрытие. По сторонам основных помещений — фригидария, тепидария и кальдария — находились палестры, окруженные помещениями меньшего размера.

Подобно другим крупнейшим сооружениям Римской империи, термы производили огромное впечатление на современников. Колоссальные размеры перекрытых куполами и сводами залов, палестры, обширные партеры, окружавшие главное здание, галереи и павильоны, превосходная отделка помещений, мозаики и скульптуры восхищали всех, кто входил в пределы терм.

(История искусства зарубежных стран. С. 161—183)

Изобразительное искусство

Римская скульптура Древнейшим произведением первых десятилетий республики является знаменитая бронзовая капитолийская волчица..., памятник,'ставший на долгие века символом Рима. Превосходная техника бронзового литья и характер трактовки животного говорят, что это работа этрусских мастеров.

...Сохранились также терракотовые украшения храмов VI—V вв. до н.э., рельефные декоративные фризы и фрагменты фигур от фронтонных композиций, исполненные еще всецело в этрусском стиле.

Согласно сложившемуся культу предков знатные римляне чтили умершего старшего в роде. Они заказывали скульптурные изображения покойного либо в виде стелы, которую ставили на могилу, либо в виде портретных бюстов, так называемых имагинес, которые хранили дома в особых шкафах. Изображения умершего делались из глины, дерева, камня, реже из бронзы и воспроизводили только бюст. На похоронах кого-либо из членов рода несли изображения предков, тем самым создавалось впечатление, будто бы в погребении участвуют все предки.

Раннереспубликанских скульптурных портретов сохранилось очень немного. Мастера Г в. до н.э., работая над портретом, точно следовали натуре, часто, вероятно, уже по мертвому лицу, ничего не изменяя, сохраняя все мелкие подробности...

330

Характерными для республиканского портрета являются небольшие размеры бюста, захватывающего половину плеч и срезанного прямо под ключицей. Портреты этой группы преследуют прежде всего одну задачу — как можно точнее передать физиономические особенности изображаемого лица. Однако лучшие портреты воскрешают перед нами образы суровых стойких республиканцев — государственных деятелей, завоевателей, создателей грандиозной державы...

Под влиянием греческого психологического портрета... появляются портреты более одушевленные: живое выражение передается движением бровей, напряжением мышц лба, выразительным взглядом. Живость образу придает и легкий поворот головы. Таков, например, портрет Юлия Цезаря из Тускулума, где этот выдающийся государственный деятель и полководец представлен уже пожилым энергичным человеком с умным взглядом и спокойным выражением лица...

С развитием общественной жизни, с ростом значения полководца-завоевателя, государственного деятеля, законодателя появляется в Риме не только надгробная, но и почетная статуя римлянина, закутанного в тогу, так называемый тогатус. Большой широкий плащ-тога надет поверх туники и драпируется всегда одинаково; перекинутая через плечо тога образует три группы округлых складок: на груди, у пояса, у колен и внизу... Такой же рисунок драпировки, только более мягкий, сохраняется и

на статуях I—II вв. н.э....
Живопись портретная и повествовательная известна нам по литературным свидетельствам. Плиний упоминает живописные портреты, которые размещались на нарисованном родословном дереве. Когда появились такого рода живописные портреты, сказать точно нельзя, но о тематической живописи Рима мы можем говорить более определенно уже с конца IV в. до н.э. Главным источником наших сведений о римской живописи с этого периода и до начала III в. до н.э. являются письменные данные..,
Военные победы римлян требовали своего воплощения в искусстве. Во II—I вв. до н.э. в Риме создаются картины с изображением битв и триумфов. Батальные картины должны были точно воспроизводить местность, где происходила битва, и расположение войск. Такие картины везли в триумфальных шествиях и выставляли в общественных местах для всеобщего обозрения. На картинах писались и портреты триумфаторов в белых тогах с пурпурной каймой, шествовавших во главе войска или на колеснице. Под влиянием греческого искусства стали изображать в виде аллегорических фигур побежденные города, а позже даже завоеванные реки и горы.

Христианское искусство

В III в. н.э. появляется христианское искусство в виде росписей катакомб в Риме. По своему сюжету росписи связаны с представлениями христианской религии — библейские сцены, образы Христа и Богоматери, но по сво-

ей художественной форме они стоят на уровне античных росписей III в. н.э. Особенно интересны по своеобразной манере росписи христианские гробницы и катакомбы Петра и Марцелины с изображением Сусанны. Широкие, как бы небрежно положенные мазки следуют уверенно пластической форме. Подчеркиваются только главные объемы, плотные темные линии резко обозначают глаза, брови, нос. Волосы даны общей массой. Форма строится на контрастах света и тени, схематично, без детализации, но экспрессивно и точно, что характерно для нового направления. Живописцы работали в исключительно трудных условиях, глубоко под землей, при свете факела или светильника; тем более вызывает удивление их уверенное мастерство.
(История искусства зарубежных стран. С. 185)

Научные знания

В республиканский Период научные знания, которыми располагали римляне, носили в основном прикладной характер (агрикультура, металлургия и т.п.). Но и после знакомства с греческой культурой научные теории в области математики и естествознания не вызывали особого интереса. Под влиянием греков в Риме развивается филология, историография, философия и риторика.
В императорский период можно отметить деятельность в области астрономии и географии римлянина *Птолемея Клавдия* (ок. 100—178 гг.), жившего и работавшего в Александрии, астрономия которого была общепризнанной в Европе на протяжении всего Средневековья; в области математики — римлянина (по происхождению *грека) Диофанта Александрийского* (III в.), которого можно считать отцом современной алгебры; у *Сенеки* имеется ряд работ по естествознанию (в основном — по метеорологии); кроме того, необходимо отметить книгу *Плиния Старшего* (23—79 гг.) «Естественная история», представляющую из себя собрание выписок по вопросам естествознания из 2000 книг различных авторов.
Широкое распространение получает в это время астрология.
...Придворный астролог становится непременным членом императорского штата наравне с придворным врачом... Наконец, астрология подчиняет себе и другие науки, выставляя теорию о таинственной связи между знаками зодиака и отдельными землями (астрогеография), животными (астрозоология), растениями (астроботаника), минералами (астромине-ралогия; из нее потекло живучее поныне суеверие относительно «счастливых камней на каждый месяц»), частями человеческого тела (астромедицина) и т.д. Вот эти-то фантастические системы, распространяемые в особых руководствах, отняли мало-помалу почву у соответствующих здравых, но гораздо менее действующих на воображение наук. Относительно медицины, впрочем, нужна оговорка: она и в нашу эпоху, наравне с кудесниками, производит и серьезных ученых, со ела-

вой поддерживающих заветы Гиппократа. Таков был в особенности пер-гамский врач-философ Гален (II в.), прилежный практик и неутомимый писатель, многочисленные сочинения которого пользовались, наравне с сочинениями Гиппократа, огромным авторитетом в новой Европе вплоть до XVI века (а в мусульманском мире и поныне). Правда, препарирование трупов, а тем более вивисекция были... запрещены; но их с успехом заменили гладиаторские бои, и для врача-исследователя не было более завидного положения, чем положение гладиаторского врача.
Положительно полезной была протекция астрологии для одной... науки; это была химия... Таинственные и чудесные превращения веществ наводили на признание их мистической связи с планетными божествами; по понятным причинам золото было сроднено с солнцем, серебро — с луной, сверкающий электр (сплав золота и серебра, принимаемый первоначально за отдельный

металл) — с Юпитером, вялый свинец — с Сатурном, добываемая на Кипре медь (cuprum) — с Кипри-дой-Венерой, воинственное железо — с Марсом, плавкое олово — с Меркурием (позднее, когда характер Электра как сплава был установлен и была открыта ртуть, этот подвижный металл отошел к Меркурию, и олово стало, что было довольно бессмысленно, металлом Юпитера). Соединения веществ рассматривались как браки, то по склонности, то насильственные, над каждым актом витал соответственный дух, ублажение которого было необходимо для успеха опыта: химия соприкасается с демонологией, с которой она соединяется в (еврейской) каббалистике. При этом с замечательной силой интуиции высказывается уверенность в высшем единстве всех природных веществ...; ищут возможности превращения каждого из них в это всерастворяющее сверхвещество — правда, отчасти с практической целью: чтобы из этого раствора получить его обратно в виде золота...

Вообще в области гуманитарных наук наша эпоха важна не как эпоха созидания, а как эпоха распространения знания. Благодаря богатой сети низших, средних и высших школ наука становится достоянием всего общества, проникая в него и вширь, и вглубь. Это всеобщее стремление к образованию имеет естественным последствием расцвет филологии в обеих половинах империи: составляются издания лучших писателей с объяснительными комментариями (так называемыми «схолиями»), обстоятельные словари, всякого рода пособия; устанавливаются законы языка...

(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 326—329)

Из «Естественной При принцепсе Нероне в Капподокии был найден истории» Плиния камень с твердостью мрамора, белый и просвечива-Старшего ющий, даже в тех местах, где попадаются желтые прожилки, названный по этому признаку фенгитом. Из него Нерон построил храм Фортуны, которую называют Сеяновой,

333

посвященной царем Сервием, включив его в Золотой Дворец. Поэтому даже при закрытых дверях днем там было сияние дня, не так, как при слюдяных окнах, словно свет не проникал, а был заключен внутри. Юба сообщает, что в Аравии тоже есть прозрачный наподобие стекла камень, который используют для окон вместо слюды.

Цицерон передает, что написанная на тонком пергаменте Илиада, поэма Гомера, умещалась в ореховой скорлупе. ...Калликрат сделал из слоновой кости Муравьев и другие существа такими крохотными, что никто другой не мог разглядеть их части. Некий Мирмекид прославился такого же рода искусством, сделав из того же материала Квадригу, которую покрывала крылышками муха, и Корабль, который скрывала крылышками пчелка.

(Плиний Старший. Естествознание. С. 140, 151)

Быт и нравы

Одежда *Мужской костюм:* Основной одеждой римских граждан и символом гражданского достоинства была тога. Римлянин, совершивший преступление, прежде всего лишался права носить тогу. Нравственный уровень римлян был настолько велик, что закон о запрещении носить тогу был особенно почитаем римскими гражданами...

Уже в I веке до н.э. тога достигла максимальных размеров, которые она сохранила в период империи (приблизительно до середины II века). Классическая римская тога (из шерстяной ткани) имела форму овала или эллипса — (5,60 х 2 м); тога не имела швов, ее ткали целиком. Способ драпировки тоги был очень сложным. Предварительно тогу складывали в долевом направлении так, что ее верхняя часть была меньше нижней на одну треть. Затем закладывали в верхней части, около линии сгиба, несколько складок, накидывали тогу на левое плечо, спуская спереди один конец в одну треть всей длины. Этот конец покрывал левую руку и падал почти до земли. Вторым концом покрывали спину по диагонали, на бедре драпировали группу складок, называвшуюся «проценктура», довольно плотно прижимали ее к телу; свободно падающую ткань у правого бедра закладывали полукружием, затем оставшийся конец перекидывали через левое плечо. Полукруглая драпировка носила название «синус», она была самой подвижной частью тоги, и правильному расположению ткани на ней римляне придавали большое значение. Наконец наступал последний момент драпировки тоги. Из ткани, первоначально расположенной на левом плече, вытягивали небольшой кусок, закладывали из него пучок складок, и эта драпиров-

334

ка — «умбо» — своим направлением перекликалась с синусом, создавая определенный ритм в движении всей ткани. Часть тоги, из которой создавался синус, можно было накинуть на голову —

в таком виде римляне совершали жертвоприношения, обычно же они ходили с непокрытой головой.
Существовало еще несколько способов драпировать тогу, но в любом из них, как и в описанном нами, не было застежек или булавок. Складки и драпировки были рассчитаны так мастерски, что ткань держалась сама собой. Цвет тоги был главным образом белый, траурные одежды были коричневого цвета...
Домашней одеждой римлян была туника, близкая по покрою к греческому хитону, из шерстяных и льняных тканей различных цветов, с рукавами короткими или длинными. Рядовые граждане носили тунику до колен и далеко не всегда надевали тогу. Чаще всего они довольствовались небольшим плащом типа гиматия, а для путешествий или в непогоду носили «пенулу» — плащ в виде вытянутого овала с круглым вырезом для головы, к которому пристегивали капюшон. Пенулу обычно делали из плотных шерстяных тканей типа валяного сукна.
Общественное положение римлян сказывалось в их костюме. На белых туниках и тогах должностных выборных лиц были пурпуровые
полосы...
Женская одежда: Их драпированная одежда состояла из трех частей: нижняя туника делалась из более тонкой ткани, верхняя — «стола» — из более плотной и третья — «палла» — покрывало, подобное греческому гиматию. Если туника имела рукава, то надевали столу без рукавов, и, наоборот, к тунике без рукавов полагалась стола с рукавами. Понизу столы пришивали широкую густую оборку — «институ». Паллу носили при выходе на улицу и покрывали ею голову.
С течением времени римские женщины отступают от древних, освященных преданием обычаев и попадают под все большее влияние эллинистического Востока и Греции. Уже в конце республиканской эпохи плотные шерстяные ткани не удовлетворяют их вкус. Чем тоньше была ткань, тем выгоднее она оттеняла красоту римлянок, тем интереснее можно было создавать из нее одежду... Изобретенные Востоком благовонные мази, притирания, косметические средства наводняют Рим. Возможность посещать общественные места используется богатыми женщинами для того, чтобы, соперничая друг с другом, выставлять для всеобщего обозрения драгоденности.
От завоеванного Египта римляне заимствуют эллинистический египетский женский костюм, и на какое-то время он распространяется в Риме. Знатные римлянки увлекались египетскими украшениями...
Влияние Востока начинает сказываться и в том, что тяжелые шелковые ткани, затканные цветным рисунком или металлическими нитями, привлекают внимание женщин и сменяют тонкие прозрачные

египетские материи, из которых уже в период поздней империи делают главным образом вуали.
Римские женщины.чтобы сохранить стройность, бинтуют специальной тканью («зона») грудь и бедра. Пояс носят высоко, под грудью, зрительно удлиняя тем самым ноги и фигуру. Башмаки из тонкой кожи так плотно облегают ноги, что они кажутся обнаженными. Особенно большое внимание уделяется прическе. В эпоху Римской империи, во II и III веках, они становятся настолько сложными, что превращаются в парики.
(Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. С. 106—120)

Христиане об одежде и украшениях

Киприан указывает, что украшение противно чистоте и воздержанию христианских женщин, и потому прилично только бесчестным женщинам, что Богу внешним, ложным украшением причиняется оскорбление, и обезображивается человек как создание Божие.
У Климента Александрийского еще больше свидетельств о том, что всякая одежда у христиан должна служить для прикрытия телесной наготы, и одежда мужчин должна отличаться от одежды женщин, а украшения и блеска в одеждах не должно быть, равно как в обуви.
Он требовал от христиан и во всем прочем одной простоты, а потому считал запрещенными все искусства женщин украшать тело, мазать и изменять волосы, подкрашивать щеки, брови и волосы, убирать себя золотом и драгоценными камнями, употреблять различные благовонные мази и носить на голове венки, сплетенные из цветов. А мужчинам, для сохранения величественного вида, запрещалось сбривать бороду, стричь волосы и подражать всякому языческому наряду.
(Поведение древних христиан. С. 64—65)

Семья

Брак в Риме был строго эндогамичен; для его законности требовалось, чтобы брачующиеся обладали так называемым conubium, которого до 445 года до Р.Х. не имели даже плебеи в отношении патрициев. Вторым условием было согласие отцов, а

позднее и самих брачащихся, третьим — соблюдение известных обрядов, в своей совокупности составлявших свадьбу. Эти обряды были различны в зависимости от того, желательно ли было установить власть (manus) мужа над женой или нет. Первая форма была более древней; в патрицианскую эпоху она состояла в так называемой confarreatio, то есть совместном торжественном приношении пирожка из полбы — символа обусловленной хлебопашеством оседлости. Когда в conubium были приняты плебеи, место недоступной для них религиозной confarreatio заняла coemptio, то есть (фиктивная) купля жены мужем. Но в по-
зднереспубликанскую эпоху обе формы, как ведущие к manus, стали

редкими, и их сменила такая, при которой жена оставалась во власти отца, который и мог в случае недовольства зятем расторгнуть брак. Отсюда обычность разводов в эту эпоху и особая хвала жене, пребывающей до конца жизни в том же браке.

Положение жены в доме мужа было очень почетным; она называ-, лась matrona, mater familias, участвовала в званых обедах и могла свободно принимать гостей, не только женщин, но и мужчин. Знатные матроны могли иметь влияние на политику...

(Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. С. 249)

Пир времен импе- Мы уже достигли триклиния, в передней полови-**рии (по Петронию)** не которого домоуправитель проверял отчетность. Но что особенно поразило меня в этом триклинии — так это пригвожденные к дверям дикторские связки с топорами, оканчивавшиеся внизу бронзовыми подобиями корабельного носа...

Надпись освещалась спускавшимся с потолка двурогим светильником, а по бокам ее были прибиты две дощечки: на одной из них, помнится, имелась нижеследующая надпись:

III ЯНВАРСКИХ КАЛЕНД И НАКАНУНЕ НАШ ГАЙ ОБЕДАЕТ ВНЕ ДОМА.

На другой же были изображены фазы луны и ход семи светил, и, равным образом, показывалось, посредством разноцветных шариков, какие дни счастливые и какие несчастные. Достаточно налюбовавшись этим великолепием, мы хотели войти в триклиний, как вдруг мальчик, специально назначенный для этого, крикнул нам:

— Правой ногой!

Мы, конечно, несколько смутились, опасаясь, как бы кто-нибудь из нас не нарушил обычая...

Когда, наконец, мы возлегли, александрийские мальчики облили нам руки ледяной водой; за ними последовали другие, омывшие наши ноги и старательно остригшие ногти. Причем каждый занимался своим делом не молча, но распевая громкие песни. Я пожелал испробовать, вся ли челядь состоит из поющих? Попросил пить: услужливый мальчик исполнил мою просьбу с тем же завыванием, и так — все, что бы у кого ни попросили.

Пантомима с хорами какая-то, а не триклиний почтенного дома!

Между тем подали совсем невредную закуску: все возлегли на ложа, исключая только самого Трималхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом. Посередине закусочного стола находился ослик коринфской бронзы с тюками на спине, в которых лежали с одной стороны черные, с другой — белые оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям которых были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на припаянных к ним перекладинах лежали (жареные) сони, обрызганные маком и медом. Были тут также

и кипящие колбаски на серебряной жаровне, а под сковородкой — сирийские сливы и гранатовые зерна.

Мы наслаждались этими прелестями, когда появление Трималхиона, которого внесли на малюсеньких подушечках, под звуки музыки... [что] вызвало с нашей стороны несколько неосторожный смех...

— Друзья, сказал он, — ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, — не было еще моего желания выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я пренебрег всеми удовольствиями. Но позвольте мне окончить игру.

Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто весьма (изящное и) утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные денарии. Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки, нам, еще во время закуски, подали первое блюдо с корзиной, в которой, расставив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же под-бежади два раба и, под звуки неизменной музыки, принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлинья яйца, они роздали их пирующим.

Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:

— Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца. И, ей-богу, боюсь, что в них уже

цыплята вывелись. Попробуемте-ка, съедобны ли они.
Мы взяли по ложке, весившей не менее селибра каждая, и вытащили яйца, сработанные из крутого теста. Я едва не бросил своего яйца, заметив в нем нечто в роде цыпленка. Но затем я услыхал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:
— Э, да тут что-то вкусное!
И я вытащил из скорлупы жирного винноягодника, приготовленного под соусом из перца и яичного желтка.
Трималхион, кончив игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всем, кто хочет, требовать еще медового вина. В это время, по данному знаку, грянула музыка, и поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе (со стола) упало большое (серебряное) блюдо; один из отроков его поднял, но заметивший это Трималхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся раб стал выметать серебро вместе с прочим .сором за дверь. Затем пришли два молодых эфиопа, оба с маленькими бурдюками в роде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином. Воды никому не подали.
(Петроний Арбитр. Сатирикон. С. 76-81)

О нравах древних христиан При императоре Максимине случился ужасный голод вместе с моровой язвой, так и те, кто не умирал от голода, погибал от заразы. В то время... попечение и любовь христиан известны стали всем язычникам. Только хри-

стиане показали делом сострадание и человеколюбие, постоянно продолжали заботиться и погребать умерших; собирали также из целого города в одно место всех изможденных голодом и раздавали им хлеб. Этот поступок христиан такое произвел действие, что все прославили Бога христианского, а самих христиан признали благочестивыми людьми»...
Во время жестокой язвы, опустошавшей Александрию при императоре Валериане... христиане показали беспримерные опыты любви к своим гонителям тем, что они только помогали несчастным. Бедствие достигло высшей степени, и нужда во взаимной помощи была самая крайняя. Но язычники не чувствовали в себе никакого сострадания. Каждый из них думал только о себе и собственном спасении. Они оставляли без всякого призрения тех, кто заболевал, — и оставляли не только чужих, но и своих родственников и друзей. Полумертвых выбрасывали на улицы; а мертвые оставались без погребения.
Как же христиане смотрели на общее бедствие? Тогда как язычники были в ужасе и отчаивались, христиане спокойно смотрели на несчастье, как на испытание их со стороны Божественного промысла. В пламенной любви к своим несчастным братьям они не думали о себе, а заботились о страждущих, выносили больных на своих руках, а выброшенных мертвых предавали земле, и с самоотвержением спокойно подвергали опасности за них жизнь свою. Христиане ходили не только за своими, но и за язычниками, больными и умершими, подвергали себя вместе с ними смерти, так что пресвитеры, дьяконы и лучшие из мирян умирали, и число духовных значительно сократилось в Александрии».
(Поведение древних христиан. С. 64—65)

Литература

Аврелий Августин. Исповедь. М.: Renaissance, 1991. *Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб.: Алетейя, 1996. Античная культура: Словарь-справочник. М.: Высшая школа, 1995. *Апулей.* Золотой осел. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. *Вергилий.* Энеида // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1971.
Герцман Е.В. Музыка древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995.
Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995.
Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб.: Марс, 1995.
Евангелие детства // Апокрифы древних христиан. М.: Политиздат, 1989.
Евангелие от Матфея // Библия. М.: Изд-во Московской патриархии, 1990.
История искусства зарубежных стран: Первобытное общество, Древний Восток, Античность / Под ред. М.В. Доброклонского и А.П. Чубовой. М.: Изоб-раз. искусство, 1981.
Квинтилиан. Наставление оратору // Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995.
Корнелий Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Л.: Наука, 1969.

Макарий, архимандрит. Поведение древних христиан в отношении к язычникам или примеры благочестия среди соблазнов. Ростов н/Д, 1996.
Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: В 2 т. Т. 1. М.: АО «Академия моды», 1993.
Овидий. Любовные элегии // Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М.: Худож. лит., 1983.
Петроний Арбитр. Сатирикон. М.—Л.: Государственное издательство, 1924.

Плиний Старший. Естествознание // Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.: Ладомир, 1994.
СветонийГай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988.
Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо 9 // Сенека. Письма к Луцилию. Трагедии. М.: Худож. лит., 1986.
Сенека. Эдип // Сенека. Письма к Луцилию. Трагедии. М.: Худож. лит., 1986.
Теренций. Комедии. М.: Худож. лит., 1985.
Тертуллиан. О прескрипции [против] еретиков // Тертуллиан. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994.
Тит Ливии. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989.
Хрестоматия по древней истории: В 2 т. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1936.
Цицерон. Об ораторе // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972.
ШтейнпрессБ.С.,ЯмполъскийИ.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
Юстиниан. Дигесты // Хрестоматия по древней истории: В 2 т. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1936.

КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ АМЕРИКИ

Исторический очерк В настоящее время считается, что заселение Америки происходило 20—30 тыс. лет назад через перешеек, соединявший тогда берега Берингова пролива. В конце XV в., когда Америка была открыта Колумбом, проживающее в ней население вело в основном первобытный образ жизни. И только на небольшой территории (она получила название Срединная Америка, и в ней выделяется две зоны: на севере — Мезоамерика, а на юге — Андская область) существовало несколько самобытных цивилизаций. Наиболее удивительная особенность древних цивилизаций Америки в том, что они достигли весьма высокого уровня развития без важнейших технических достижений, т.е. они не знали колеса и гончарного круга, плужного земледелия, выплавки железа, они не разводили тягловых и вьючных животных и т.п.
В истории древнеамериканских цивилизаций много непонятного и загадочного, в основном она восстановлена пока только в общих чертах. Большинство ученых считают, что древнейшей на территории Америки является *цивилизация ольмеков* (южное побережье Мексиканского залива), зародившаяся в конце II тыс. до н.э. Уже в середине I тыс. до н.э. появляются ритуальные центры, сооружаются пирамиды (из самана и глины), устанавливаются резные каменные монументы, наиболее распространенным изображением на них является фигура пухлого плачущего ребенка с чертами ягуара. К наиболее ярким и впечатляющим изделиям культуры ольмеков относятся гигантские каменные головы (антропоморфные), вес некоторых из них достигает 20 тонн. К началу нашей эры ольмеки создали письменность.
В начале I тыс. н.э. на территории современной Мексики возникает государство, столицей которого был г.Теотихуакан. Исследования показали, что.в период расцвета (ок. 600 г.) население в нем достигало 60—120 тыс. человек. Центр города был застроен по плану, улицы ориентированы по сторонам света; среди построек выделяются пирамиды Солнца и Луны, храм Пернатого Змея (Кецалькоатля) и т.п. В конце VII в. город погибает в пожаре, возможно, он пал под натиском варварских племен чичмеков, пришедших с севера. В конце IX — начале X в. в результате слияния чичмеков с местным населением возникает *государство толыпеков* — Толан (Толлан), но уже в конце XII в.

новые волны пришельцев с севера сокрушают Толан. Среди этих пришельцев были и ацтеки. Согласно легенде, они шли по указанию своего племенного бога Уицилопочтли, этот же бог определил и место для будущей столицы — г.Теночтитлана, который был основан в 1325 г. на островах озера Тескоко. К моменту прихода испанцев ацтекская империя охватывала громадную территорию с населением около 6 млн. человек. В 1521 г. после ожесточенной борьбы испанцы во главе с Кортесом захватывают Теночтитлан.
С I по XVI в. на юге Мексики и севере Гондураса существовала *цивилизация майя,* в развитии которой выделяются два периода: классический — с I по IX в. и постклассический — с X по XVI в. В классический период существовали три основные культурно-географические области с многолюдными городами, но в IX—X вв. цветущие города по непонятной причине были заброшены. В X в. сюда проникают с севера тольтеки, оказавшие влияние на культуру майя. Испанцы застали около двух десятков постоянно воюющих

между собой майянских государств.
В Андской области можно отметить существование в конце II — начале I тыс. до н.э. *культуры Чавин,* по ряду признаков близкой к культуре ольмеков. В этом районе уже во II тыс. до н.э. существовала металлургия, обрабатывались золото, серебро, медь и их сплавы. В начале нашей эры на севере в прибрежной зоне Перу возникает *культура Моника,* а на юге — *культура Наска,* чуть позже в горах Боливии и Южного Перу возникла *культура Тиаунако.* После X в. на севере возникает *государство Чиму,* достигшее высокого уровня культуры и оказавшее большое влияние на соседние народы. Позднее в горах возникает еще ряд мелких государств, одно из них — *государство инков Куско* — начиная с XV в. стало быстро развиваться, всего за столетие государство инков превратилось в громадную империю. Но эта империя была захвачена испанцами во главе с Писарро. Убийство испанцами верховного правителя — инки Атауальпы в 1532 г. можно считать концом государства инков.

Религия и мифология

Древние верования индейцев Центральной Америки известны плохо, судить о них можно только по иконографическому материалу. Наиболее распространенный образ — это так называемая «Богиня с косами» — богиня неба и земли, плодородия, дождя, она же дала людям кукурузу (основной источник питания). У нее есть сын — «Толстый младенец», по-видимому, олицетворение пищи, бог кукурузы и т.п. У ольмеков широкое распространение имел культ ягуара, одна из росписей передает сюжет, в котором прародитель ольмеков сочетается с ягуа-рихой. У многих племен Центральной Америки существует миф, по которому некий бог (обычно — Кецалькоатль) достал из горы зерна кукурузы, которые были там спрятаны. У ольмеков подобный миф изображается на горельефах на алтарях: божество в виде мужчины выносит из недр земли младенца (олицетворение кукурузы). В религиозных системах древних цвилизаций Америки много богов с далеко не всегда понятными функциями.
К главным богам тольтеков можно отнести Кецалькоатля (пернатый змей), Тецкатлипока (дымящееся зеркало) — олицетворение губительного солнца, Тлалоку (бога дождя). В религии ацтеков можно выделить три главных бога:

Кецалькоатль, Тецкатлипока (их культ был, по-видимому, унаследован от тольтеков) и Уицилопочтли (колибри левой стороны или колибри-левша) — первоначально племенной бог ацтеков, затем бог войны и солнца. В религии майя верховным богом был Итцамна — мифический основатель города Итца-маля, предок правителей города, бог неба; важную роль играл Кукулкан (аналог Кецалькоатля), бог ветра Хурукан и многие др. У инков главным богом был бог солнца.

Кецалькоатль (Из мифологии тольтеков, ацтеков и майя)

Кецалькоатль («змея, покрытая зелеными перьями» или «драгоценный близнец»), в мифологии индейцев Центральной Америки одно их трех главных божеств, ...правитель столицы тольтеков Тол-

лана... В I—VI вв. н.э. культ Кецалькоатля распространился по всей Центральной Америке... Он стал верховным богом, творцом мира, создателем людей... и основателем культуры. Кецалькоатль добывает людям пищу: превратившись в муравья, он проникает в муравейник, где спрятаны зерна маиса, выкрадывает их и передает людям. Кецалькоатль научил людей находить и обрабатывать драгоценные камни, строить, создавать мозаики из перьев, следить за движением звезд и вычислять даты по календарю. В тот же период у Кецалькоатля появляются и функции покровителя жречества: по мифу он является установителем жертвоприношений, постов и молитв. В последующий период Кецалькоатль вступает в борьбу со своим антиподом Тескатлипокой. Тескатлипока соблазняет старого Кецалькоатля, и тот нарушает свои же запреты: пьянствует, вступает в общение с сестрой. С его подданными — тольтеками происходят несчастья, вызванные тем же Тескатлипокой. Огорченный Кецалькоатль покидает Тол-лан и удаляется в добровольное изгнание в страну Востока, где умирает, а тело его сжигают. По одному из мифов ацтеков, Кецалькоатль после поражения в Толлане удалился на плоте из змей в восточную заморскую страну... обещав через некоторое время вернуться из-за океана. Поэтому, когда бородатые испанские завоеватели высадились на восточном побережье Мексики в год, посвященный Кецалькоатлю, то первоначально ацтеки приняли предводителя испанцев Кортеса за возвратившегося Кецалькоатля.
Кецалькоатль изображался в виде бородатого человека в маске, с огромными губами, или в виде змеи, покрытой перьями...
(Серов С.Я. Кецалькоатль. С. 646)
По некоторым источникам, год высадки отряда Кортеса был не просто одним из регулярно повторяющихся в календаре годов, посвященных Кецалькоатлю, а именно тот конкретный год и день, который сам Кецалькоатль назвал как время своего возвращения — дель 1 Тростник, год 1 Тростник (См.: *Аргуэльес Х. Фактор майя.* С. 26).

О мифологии ацтеков В легенде рассказывается, что в одном из храмов, расположенном на холме Коатепек по направлению к Туле, женщина по имени Коатликуэ, что означает «носящая юбку из змей», занималась уборкой помещения. Вдруг она увидела, как с неба упало роскошное перо. Закончив работу, она не обнаружила находки, так как перо улетело. В эту минуту она забеременела, хотя и была в течение многих лет вдовой.

Ее старшая дочь по имени Койольшауки, что означает «луна», узнав о беременности матери, сочла это оскорблением и рассказала обо всем своим братьям — южанам Сенцон Уицнауакам — бесчисленным звездам — и убедила их убить мать, чтобы отомстить за оскорбление.

Коатликуэ очень опечалилась и укрылась в храме в ожидании сыновей и собственной смерти. Однако один из них, Кууитликак, предал остальных и собирался рассказать матери об их замыслах, о том, как к ней подойдут сыновья, чтобы убить удивительное существо, Уицилопочтли, находящееся во чреве у Коатликуэ и советовавшее Кууитли-каку сообщать обо всем матери.

В тот момент, когда Койольшауки и ее братья — южане поднялись на вершину храма, родился Уицилопочтли и надел... одежду воина. Один из его помощников поджег словно факел змею, носившую имя Шиукоатль. Этой змеей, словно мечом, Уицилопочтли отрубил голову Койольшауки, которая покатилась по склону «Холма Змеи»..., а тело дочери осталось обезглавленным. После этого Уицилопочтли начинает преследовать разбегающихся сыновей и не прекращает преследования до полной победы. Затем он надевает знаки их военной доблести. Так он спасает мать и превращается в солнце и бога войны.

Смысл легенды заключается не только в этом. Она символизирует также вечное течение времени: среди прочих титулов Коатликуэ считается богиней земли. Каждое утро она рождает Уицилопочтли, Солнце, которое передвигается по небесному своду благодаря Шиукоатлю, или огненной змее. В этот момент оно побеждает луну и звезды, ее братьев, и победоносно правит в течение дня. С наступлением сумерек Солнце укрывается науалем, подобием маскировочного костюма, и осматривает потусторонний мир, а утром снова появляется на свет благодаря своей матери-земле.

Ацтеки... назначили себя избранниками, отвечающими за существование Солнца. Однако поскольку солнце одновременно было богом войны и нуждалось в человеческой крови, ацтеки превратились в воинственный и кровожадный народ, требовавший многочисленных человеческих жертвоприношений.

(Соди Д. Великие культуры Месоамерики. С. 186—187)

344

О верованиях и жертвоприношениях майя У них было множество идолов и храмов, пышных на свой лад, и даже, кроме общих храмов, сеньоры, жрецы и знатные люди имели молельни и идолов в доме для своих частных молитв и жертв...

В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, раз-резывая уши кругом лоскутками и так их оставляли в знак [жертвы]. В других случаях они протыкали щеки или нижнюю губу, или надрезали части своего тела, или протыкали язык поперек с боков и продевали через отверстие соломинку с величайшей болью. Или же надрезывали себе крайнюю плоть, оставляя ее, как и уши...

В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершали, собирались в храме, где, став в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав [это], они продевали [через них] возможно большее количество шнурка, сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; также они смазывали кровью всех этих членов [статую] демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным. Их сыновья с детства начинали заниматься этим, и ужасная вещь как склонны они были к этому...

И они приносили в жертву другие вещи, которые имели. У некоторых животных вырывали сердце и его приносили в жертву, других целыми, одних живыми, других мертвыми; одних сырыми, других вареными. Они делали также большие приношения хлебом и вином и всеми видами кушаний и напитков, которые они употребляли...

Кроме праздников, на которых, чтобы их отпраздновать, приносили в жертву животных, также из-за какого-либо несчастия или опасности жрец или чиланы приказывали им принести в жертву людей. В этом участвовали все, чтобы купить рабов; или же некоторые по набожности отдавали своих детей, которых очень услаждали до дня и праздника их [жертвоприношения] и очень

оберегали, чтобы они не убежали или не осквернились каким-либо плотским грехом. Между тем их водили из селения в селение с танцами, они помогали жрецам, чиланам и другим должностным лицам.

Когда наступал день, они собирались во дворе храма, и если его надлежало принести в жертву стрельбой из лука, его раздевали догола, мазали тело лазурью, [и одевали ему] убор на голову. Приблизившись к демону, народ исполнял торжественный танец с ним, все с луками и стрелами, вокруг столба, и, танцуя, поднимали его на нем и привязывали, все время танцуя и все смотря на него. Поднимался нечистый жрец, одетый и со стрелой; была ли это женщина или мужчина, ранил его в скромную часть, извлекал кровь, спускался и смазывал ею лицо демона, сделав определенный сигнал танцующим. Они начинали пускать в него стрелы по очереди, когда танцуя проходили с быстротой; сердце же его было отмечено белым знаком, и таким образом они превращали всю его грудь в мишень, [выглядевшую], как щетина из стрел.

345

Если должны были ему вырвать сердце, его приводили во двор с большой пышностью, в сопровождении народа, вымазанного лазурью и в его головном уборе. Затем его приводили к круглому возвышению, которое было местом принесения жертв. Жрец и его служители мазали этот камень в голубой цвет и изгоняли демона, очищая храм. Чаки брали несчастного, которого приносили в жертву, с большой поспешностью клали его спиной на этот камень и хватали его за руки и за ноги все четыре, так что его перегибали пополам. Тогда након-палач подходил с каменным ножом и наносил ему с большим искусством и жестокостью рану между ребрами левого бока, ниже соска, и тотчас помогал ножу рукой. Рука схватывала сердце, как яростный тигр, и вырывала его живым. Затем он на блюде подавал его жрецу, который очень быстро шел и мазал лица идолам этой свежей кровью.

В других случаях это жертвоприношение совершали на камне наверху лестниц храма и тогда сбрасывали тело уже мертвое, чтобы оно скатилось по ступенькам. Его брали внизу служители и сдирали всю кожу целиком, кроме рук и ног, и жрец, раздевшись догола, окутывался этой кожей. Остальные танцевали с ним, и было это для них делом очень торжественным.

Этих принесенных в жертву сообща они имели обычай погребать во дворе храма или иначе съедали их, разделив среди тех, кто заслужил, и между сеньорами, а руки и ноги и голова принадлежали жрецу и служителям.

Этих принесенных в жертву они считали святыми. Если они были рабами, взятыми в плен на войне, их сеньор брал кости, чтобы извлекать во время танцев как трофей в знак победы.

В других случаях они бросали живых людей в колодец Чичен-Ицы, полагая, что они выйдут на третий день, хотя они никогда более не появлялись.

(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 152—155)

Диего де Ланда — испанский священник, занимавшийся обращением индейцев в христианство. По его приказу были уничтожены многие древние рукописи майя. Но он же оставил подробное описание образа майя, являющееся на сегодняшний день основным источником информации о майя.

О «Колодце смер- К жертвенному колодцу (сеноту) Чичен-Ицы па-**ти» в Чичен-Ице** ломники приходили еще долгое время после того, как город «Пернатого змея» был покинут обитателями. «Колодец смерти» сделал Чичен-Ицу тем, чем город был в действительности, — самым большим, самым прославленным и самым святым местом паломничества во всей индейской Америке... Центр Чичен-Ицы, где возвышается «Пирамида "Пернатого змея"», соединяла с жертвенным сенотом дорога длиной 274 метра и шириной 10 метров...

346

...Жизнь всякого индейца зависела от воды, которая на известняковом Юкатане удерживается лишь в таких вот сенотах; поэтому считалось, что Юм-Каш (бог полей и лесов) обитает прямо здесь — на дне «Колодца смерти». Паломники молили «хозяина» жертвенного колодца даровать им животворную влагу. И в уплату за воду и дождь ир~иноси-ли ему прекраснейших девушек и роскошные драгоценности...

Я стою перед сенотом. Глубина его примерно 60 метров. Водная гладь на 20—25 метров ниже края колодца. В конце священной дороги, по которой я пришел к сеноту, стоит до сих пор хорошо сохранившееся маленькое святилище, где отобранные девушки прежде, чем стать невестами Юм-Каша, подвергались ритуальному очищению. Рядом со святилищем на краю сенота я нахожу остатки каменной жертвенной площадки. Очевидно, отсюда после очищения в «Святилище последнего обряда», как назвал этот маленький храм Томпсон, жрецы сбрасывали девушек в глубокий колодец... >,

(Ститл М. Тайны индейских пирамид. С. 136—137)

О вере в загроб- Эти люди крайне боялись смерти, и это они обна-**ную жизнь у майя** руживали во всех служениях, которые они совер-. шали своим богам и которые были не для другой цели и не ради другого дела, а только чтобы они даровали им здоровье, жизнь и пищу. Но когда приходила смерть, нужно было видеть сожаление и плач их по своим покойным и общую печаль, которую это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и очень горестными криками, и печально было слышать их. Они ходили удивительно грустными много дней; соблюдали воздержание и посты по покойному, особенно муж или жена, и говорили, что его унес дьявол, ибо они думали, что от него приходит к ним все дурное и особенно смерть.

Умерших они завертывали в саван, набивая им рот размолотой кукурузой, которая служит им пищей и питьем и которую они называют к'ойем, и с ней несколько камешков, из тех, что они употребляют как монеты, чтобы в другой жизни у них не было недостатка в пище.

Они погребали [умерших] внутри своих домов или позади их, помещая им в могилу несколько своих идолов; если это был жрец, то несколько книг,, если колдун, то его колдовские камни и снаряжение. Обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения. Иначе было, когда в нем жило много людей, в чьем обществе они отчасти теряли страх, который вызывал у них мертвец...

Знатные люди делали для своих отцов деревянные статуи, у которых оставляли отверстие в затылке; они сжигали какую-нибудь часть тела, клали туда пепел и закрывали его; затем они сдирали у умерших кожу с затылка и прикрепляли ее там, погребая остальное по обычаю. Они сохраняли эти статуи с большим почитанием между своими идолами.

347

У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой и делали их очень похожими [на таких], какими они были [при жизни]. Они держали их вместе со статуями с пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, покоились их души и пользовались их дарами.

Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы, хотя не имел такой культуры. Ибо они верили, что была после смерти другая жизнь, более хорошая, которой наслаждались души, отделившись от тела. Эта будущая жизнь, говорили они, разделяется на хорошую и плохую жизнь, тягостную и полную отдыха. Плохая и тягостная, говорили они, для [людей] порочных; хорошая и приятная для тех, кто хорошо жил по своему образу жизни. Наслаждения, которых, по их словам, они должны были достичь, если были хорошими, заключались [в том, чтобы] идти в место очень приятное, где никакая вещь не причиняла им страдания и где было изобилие очень сладостной пищи и дерево, которое они называли там Яшче, то есть сейба, очень прохладное и с большой тенью, под ветвями которого, в тени, они отдыхали и веселились все время.

Наказание за дурную жизнь, которое, по их словам, должны были получить злые, состояло [в том, чтобы] идти в место более низкое, чем [какое-либо] другое, — они его называют Метналь, что означает ад, — и в нем подвергаться истязаниям демонов и мукам голода, холода, усталости и печали. Они считают, что в этом месте находится демон, князь всех демонов, которому они все подчиняются, и называют его на своем языке Хун Ахау...

Они говорят, что эти жизни, хорошая и плохая, не имеют конца, ибо не имеет его душа...

(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 163—164)

Описание преиспод- *Пополъ-Вух (Книга народа)* — один из немногих уце-**ней из Пополь-Вух** левших литературных памятников коренного населения Америки. Это сборник мифов и преданий народа киче (языковая семья майя), созданный неизвестным автором (или авторами) еще до испанского вторжения.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое — это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

348

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной невыносимый ветер дул внутри.

Третье — было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, «Домом летучих мышей», называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри

этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.
Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению (всего находящегося) здесь, в этом доме. *(Пополъ-Вух. С. 37-38)*

Миф о сотворении Это — рассказ о том, как все было в состоянии немира **и людей** известности, все холодное, все в молчании; все без-**из Пополь-Вух** движное, тихое; и пространство неба было пусто.

Это — первый рассказ, первое повествование. Не
было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.
Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.
Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе.
Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.
В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только мол-
ТЬГА
чание.
Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах. Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями, и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался.
Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещаясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.
И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотво-

рение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.
Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес.
Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об (их) пище и пропитании...
Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» — воскликнули они, и немедленно она была сотворена...
Затем они создали малых диких животных, лесных человечков, духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ...
Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать (существа, способные) почитать их...
Затем (существо) было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали (человеческую) плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума у нее не было. Она быстро намокла в воде и не могла стоять.
И тогда Создательница и Творец сказали: «Давайте попытаемся снова, потому что эти (создания) не способны ни ходить, ни размножаться. Давайте обдумаем это!» — сказали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание...
Так говорили они тогда и сказали истину: «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле».
«Да будет это так!» — ответили (Создательница и Творец).
И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица

подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли.
Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех (ногах).
Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли. Это было не больше, чем проба, чем попытка (создать) человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой.
350
Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.
Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.
Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.
Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий...
Так совершилась вторая гибель людей сотворенных, людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены...
(Пополъ-Вух. С. 10-18)

Затем боги создали людей (четырех мужчин) из кукурузы. Это были совершенные люди, но богам не понравилось, что эти люди были слишком умные и всезнающие. Тогда боги навели туман на людей, и люди утратили мудрость и способность к всеведению. Пока люди спали, боги создали для них четырех женщин, ставшими их женами. Эти четыре пары людей и стали прародителями всех ныне живущих.

Миф о происхож- Наш отец Солнце направил с неба на землю одного **дении инков** сына и одну дочь из своих детей, чтобы они наста-
вили бы их на путь познания нашего отца Солнца, чтобы они стали бы поклоняться ему и восприняли бы его, как своего бога, и чтобы они дали им заветы и законы, с которыми они жили бы как здравомыслящие и благовоспитанные люди, чтобы они жили в населенных селениях и домах, умели бы обрабатывать землю, выращивать растения и злаки, растить скот и пользоваться им и плодами земли, как разумные люди, а не как звери. С этим приказом и поручением оставил наш отец Солнце этих двух своих детей в лагуне [озера] Тити-кака, которая находится в восьмидесяти лигах отсюда, и сказал им, чтобы они шли куда хотят и там, где им захочется поесть или поспать, они [должны] попытаться вогнать в землю золотой жезл длиною в половину вары и толщиною в два пальца, и там, где он войдет в землю с первого же броска, что для них послужит его знаком и указанием, там наш отец Солнце желал, чтобы они остановились бы и устроили свое местопребывание и королевский двор. Напоследок он сказал им: когда вы приведете этих людей к нашему служению, защищайте разум и справедливость, с сочувствием, милосердием и благодушием выполняя во всем обязанности почтительного отца к своим нежным и любимым детям, подражая и уподобляясь мне, приносящему всему миру добро, ибо я даю вам мой свет и ясность, чтобы вы увидели и создали бы свои богатства, а я обогрею вас, когда будет холодно, и взращу ваши пастбища и посевы, заставлю деревья приносить плоды и приумножу ваши ста-
351
да, своевременно пошлю дождь и чистое [небо] и каждый день заботливо буду я пролетать над миром, чтобы видеть возникающие на земле нужды, и удовлетворять их, и приходить на помощь, как защитник и благодетель людей; я хочу, чтобы вы подражали этому примеру, как мои дети, посланные на землю только ради наставления и на благо этих людей, которые живут как животные. И с этого момента я объявляю и назначаю вас королями и господами всех людей, которых вы сумеете так наставить своим разумом, творением и правлением. Объяснив своим двум детям свою волю, наш отец Солнце отпустил их от себя. Они вышли из [озера] Тити-кака и зашагали к северу и на всем пути там, где они останавливались, они пытались воткнуть золотой жезл [в землю], но он ни разу не вошел в нее...
Первая остановка, которую они сделали в этой долине была на холме Вана-каури, на юг от этого города. Там он попытался воткнуть в землю золотой жезл, который с большой легкостью ушел в нее с первым же броском, который они сделали; больше они не увидели его. Тогда сказал наш инка своей сестре и жене: в этой долине приказывает наш отец Солнце остановиться и устроить наше местопребывание и жилье, чтобы этим выполнить его волю. Поэтому, королева и сестра, нужно, чтобы каждый из нас пошел созывать и привлекать этих людей, чтобы наставить их и сделать добро, которое приказал нам наш отец Солнце...
(Инка Гарсиласо де ла Бега. История государства инков. С. 43—51)

О религии инков Индейцы, поверив убеждениям инки, а еще больше тем благодеяниям, которые он им принес, и видя собственными глазами свои заблуждения, стали почитать Солнце своим богом, единым, не присоединяя к нему ни отца, ни брата.

...Они построили ему невообразимо богатые храмы, и хотя они считали Луну сестрой и женой Солнца и матерью инков, они не поклонялись ей, как богине, не приносили ей жертвы, не возводили [в ее честь] храмы; они относились к ней с великим почтением, как к всеобщей матери, однако в своем идолопоклонстве они не пошли дальше. Грозу, гром и молнию они считали слугами Солнца, как дальше мы увидим это по помещению, которое им было отведено в доме Солнца в Коско, однако богами они их не считали...

Инки-амауты считали, что человек состоит из тела и души и что души были бессмертным духом, а тело было сделано из земли, ибо они видели, как оно превращалось в нее..

Они верили, что после этой существует другая жизнь — со страданиями для плохих и покоем для хороших [людей]. Они делили вселенную на три мира: небо они называли Ханан Пача, что означает высокий мир, куда, говорили они, уходили хорошие [люди], награждаемые за свои добродетели; они называли Хурин Пача этот мир зарождения и

352

разложения, что означает низкий мир; они называли Уку Пача центр земли, что означает низший мир там внизу, в котором, говорили они, остаются плохие, а чтобы дать ему более крепкое имя, они называли его по-другому, а именно Супайпа Васин, что значит дом дьявола... Они говорили, что покой в высоком мире означал жить жизнью спокойной, свободной от работы и обид, которые имеют место здесь. А в противоположность [этому миру] жизнь низшего мира, который мы называем адом, была полна всяких болезней и страданий, забот и работы, которыми здесь мучаются без отдыха и какого-либо удовлетворения... Среди услад другой жизни они не упоминают телесные наслаждения, и другие пороки, а только спокойствие души, беззаботность и покой тела от телесных работ.

Точно так же инки признавали всеобщее воскрешение, [но] не ради славы или страданий, а для этой же самой временной жизни, ибо их сознание не поднималось выше этой настоящей жизни...

Многие и разнообразные предметы приносились инками в жертву Солнцу, как-то: крупные и мелкие домашние животные... множество питья, которое сами употребляли, приготовленного из воды и кукурузы, а во время обычных трапез, когда им приносили питье после окончания еды (ибо во время еды они никогда не пили), они окунали в первые сосуды кончик среднего пальца и, глядя на небо со смирением, отделяли от пальца каплю приставшего к нему питья (словно давая щелчок), преподнося ее Солнцу в знак благодарности за то, что оно давало им пить, а губами они целовали два или три раза воздух, что, как мы говорили, среди тех индейцев считалось знаком поклонения. Совершив это подношение из первых сосудов, они пили [потом] без всяких церемоний столько, сколько желали...

Они отличались лишь тем, что не приносили в жертву ни мясо, ни кровь человека путем [его] умерщвления; скорее они прокляли это и запретили, например, пожирать его...

(Инка Гарсиласо де ла Бега. История государства инков. С. 70—89)

В настоящее время известно, что в исключительных случаях, например при болезни правителя, в жертву все-таки приносили и людей (обычно — женщин и детей).

Философия

О философских идеях инков Только в философии морали они проявили усердие, как в ее обучении, так и в применении законов и

обычаев, которые они соблюдали [и] не только среди вассалов, как им следовало обращаться друг с другом в соответствии с естественным законом, но так же, как им следовало вести себя в

353

послушании, служить и поклоняться королю и старшим и как королю следовало править и оказывать благодеяния куракам и остальным вассалам и низшим подданным. В применении этой науки они проявляли, столько усердия, что никакая похвала не может поставить точки над «i», ибо их опыт заставлял их идти дальше, усовершенствуя ее день ото дня, от хорошего к лучшему; этого опыта им не хватало в других науках, ибо они не могли управлять ими столь материально, как [нормами] морали, да и они сами не умели должным образом заниматься умозрительными построениями, как [другие науки] требуют того, ибо они удовлетворялись естественной жизнью и законом, подобно людям, которые по своим природным данным более склонны не причинять зла, чем приносить добро.

(Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. С. 134)

Государство и право

О законах майя Обиды, которые они причиняли друг другу, приказывал удовлетворить сеньор селения обидчика. Но это был повод и средство для больших раздоров. Если [обидчик] был из того же селения, их разбирал судья в качестве посредника, устанавливал убытки и назначал удовлетворение. Если [обидчик] не был в состоянии возместить [убытки], ему помогали родственники и друзья. Обычным поводом для возмещения было случайное убийство кого-либо или когда муж или жена повесились по какому-либо поводу, вызвавшему этот случай, если кто-либо причинил пожар дому или имению, ульям или посевам кукурузы. Другие обиды, причиненные со злым умыслом, удовлетворялись всегда кровью и дракой...

Индейцы не разрешали дочерям наследовать вместе с братьями, кроме как по благосклонности или по доброй воле — тогда им давали что-либо [в наследство]. Остальное делили братья поровну, но тому, кто помог наиболее значительно увеличить имущество, давали соответственное возмещение. Если были только дочери, то наследовали двоюродные братья или ближайшие родственники.

(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 145—146)

О государстве Инка Манко Капак, заселяя свои селения, вместе с **и праве инков** обучением своих вассалов возделыванию земли, и строительству домов, и проведению оросительных каналов, и другим остальным вещам, необходимым для человеческой жизни, обучал их благовоспитанности, содружеству... и братству, которые они должны были проявлять в отношениях друг с другом, в соответствии с тем, чему учили их разум и закон природы, весьма успеш-

354

но убеждая их, что для того чтобы между ними царил бы вечный мир и согласие и не рождались бы гнев и страсти, следует для другого делать то, что ты желаешь для себя, ибо нельзя позволять себе для себя хотеть один закон, а для других — другой. В особенности он приказал проявлять всеобщее уважение в отношении к женщинам и дочерям, потому что касательно женщин у них царили самые варварские из всех пороки. Он ввел смертную казнь для прелюбодеев, убийц и воров. Приказал иметь не более одной жены, и чтобы женились они среди своих, не смешивали бы роды, и чтобы женились после двадцати лет и старше, чтобы они уже могли бы [сами] управлять своими домами и работать в своих поместьях... Для каждого селения или племени, которые он подчинил, он избрал курак, т.е. господина вассалов...

(Инка Гарсиласо дела Бега. История государства инков. С. 56—57)

О системе государственного устройства инков Чтобы заложить начало и фундамент своего правления, инки придумали закон, который, как им казалось, поможет им предупредить и предотвратить зло, которое могло бы родиться в их королевствах. Для этого они приказали, чтобы в больших и малых селениях их империи все жители были бы зарегистрированы в декуриях по десять [человек] и чтобы один из них, которого назначали декурионом, руководил бы девятью [другими]. Пять декурий каждая по десять [человек], имели другого высшего декуриона, который руководил пятьюдесятью [остальными]. Две декурий по пятьдесят [человек] имели другого старшего, наблюдавшего за сотней [человек]. Пять декурий по сто [человек] были подчинены другому капитану-декуриону, который заботился о пятистах [людях]. Для двух рот по пятьсот [человек] требовался генерал, который имел власть над тысячей [человек]; и декурий не превышали тысячу жителей, потому что они говорили: чтобы один [человек] хорошо разбирался бы в своих делах, достаточно было поручить ему тысячу человек...

Декурионы десятка были обязаны нести две службы в отношении [людей] своей декурий или отделения: в одном случае он должен был выступать их прокуратором, чтобы помогать им своими заботами и просьбами по возникавшим у них нуждам, сообщая о них губернатору или любому другому министру, в обязанности которого входило их обеспечение, как-то просить семена, если их не хватало для сева или для питания, или шерсть для одежды, или перестройку дома, если он развалился, или сгорел, или в случае любой другой большой или малой нужды; другая служба обязывала его быть, прокурором и обвинителем в случае любого преступления, которое совершал любой из [людей] его отделения; каким бы незначительным [начальником] он не был бы, он был обязан сообщить о случившемся старшему декуриону, ко-

355

торому надлежало наказать за это преступление, или [сообщить] другому, еще более старшему, ибо соответственно с серьезностью преступления имелись судьи, одни старше других, а другие [старше] этих, чтобы всегда имелся бы [судья], который быстро наказал бы [виновного], и не было

бы нужды идти один и много раз по каждому преступлению к старшим судьям с апелляцией, а от них — к верховным судьям королевского двора... Поэтому у них было предусмотрено, чтобы в каждом селении был судья, который выносил окончательное решение по делам, которые возникали между жителями, исключая те, которые возникали между одной и другой провинциями о пастбищах или об их границах, для решения которых инка направлял специального судью, как мы скажем об этом дальше.

Любой из младших или старших начальников, который был недостаточно внимателен для хорошего несендя службы прокуратора, навлекал на себя наказание и наказывался за это более или менее строго, соответственно нужде, которой благодаря его небрежности не бы ла оказана помощь. А тот, кто не выдвинул обвинения в связи с преступлением подчиненных, запоздав с ними хотя бы на один только день без достаточной причины, превращал чужое преступление в свое, и его наказывали за две вины, один раз за плохое выполнение своей службы, а другой — за чужое преступление, которое за то, что он умолчал о нем, становилось его собственным. И, поскольку каждый из них, будь то начальник или подчиненный, имел [над собою] прокурора, который следил за ним, они старались со всем вниманием и прилежанием хорошо исполнять свою службу и выполнять свои обязанности. И отсюда не было у них бродяг и бездельников, [и] никто не решался совершать дела, которые не следовало [делать], потому что рядом находился обвинитель, а наказание было строгим, в большинстве своем — смертная казнь, каким бы легким не было бы преступление, ибо они говорили, что наказывали их не за совершенное ими преступление, не за чужую обиду, а за нарушение приказа и слова инки, которого они уважали, как бога... Судья не имел права по своему усмотрению выбирать наказание, которое предусматривал закон, а только применял его со всей строго-стью-под страхом смерти за нарушение королевского приказа.

...Из этого получалось, что в течение года совершалось едва лишь одно преступление, которое подлежало наказанию во всей империи инков, ибо вся она, имея тысячу триста лиг в длину и такое разнообразие народов и языков, управлялась одними и, теми же законами и правилами, словно она была только единым домом. Для того чтобы те законы выполнялись бы с любовью и уважением, имело также большое значение то, что они считали их божественными.

(Инка Гарсиласо де ла Бега. История государства инков. С. 96—99)

356

Об организации Завоевав любое королевство или провинцию и ус-хозяйственных тановив в соответствии со своей языческой верой и работ у инков законами правление в селениях и жилищах обитателей [этих районов], инка приказывал увеличить обрабатываемые земли, под которыми понимались земли, дающие кукурузу, для чего он приказывал доставить туда мастеров по орошению водой, [и] были среди них знаменитейшие, о чем мы можем судить сегодня по их работам, а также по тем работам, которые разрушены, [но] их остатки все еще видны, как [видны] их работы, находящиеся в действии. Мастера выкапывали необходимые оросительные каналы, согласно [характеру] тех земель, которые следовало использовать...

После строительства оросительной системы они выравнивали поля и делили их на квадраты, чтобы они хорошо усваивали бы орошение. На холмах и склонах гор, покрытых хорошей почвой, они строили платформы, чтобы выровнять их [эти возвышения], как и сегодня их можно увидеть в Коско и во всем Перу...

Расширив [пахотные] земли, они делали промер всех земель, имевшихся в провинции, по каждому селению отдельно, и делили их на три части: одна — для Солнца, другая — для короля и другая — для местных жителей. Деление на эти части всегда производилось с таким расчетом, чтобы местные жители получили бы достаточное [количество земли] для посевов, чтобы у них скорее была бы в излишке [земля], нежели бы ее недоставало. А когда количество людей в селении или провинции вырастало; для вассалов отнимали [землю] от части, [принадлежавшей] Солнцу, и от части инки; таким образом, король не забирал [землю у населения] для себя и для Солнца, а [брал] земли, которые должны были остаться пустынными, без хозяина. Платформы в большей своей части принадлежали Солнцу и инке, поскольку он приказывал построить их...

В обработке и культивации земель также имелся порядок и согласие. Первыми обрабатывались [земли] Солнца, затем — вдов и сирот и паралитиков по причине старости или из-за болезни: всех их считали бедняками, и поэтому инка приказывал, чтобы им обрабатывали бы земли [здоровые люди]...

Земли солдат, занятых делами войны, также обрабатывались по указанию [властей], как земли вдов, сирот и бедняков, ибо, пока мужья находились на военной службе, в связи с их отсутствием жены зачислялись в счет и в список вдов. И так им оказывалась эта помощь как людям

нуждающимся. Дети тех, кто умирал на войне, окружались огромной заботой вплоть до того [времени], когда они вступали в брак.
Окончив обработку земель бедняков, каждый обрабатывал свой [участок], помогая друг другу, как говорится, взаимно. Затем обрабатывались [земли] курак, которые должны были быть последними из обрабатываемых земель каждого селения или провинции... Последними обрабатывались земли короля: они обрабатывались сообща...
357
Внутри, в городе Коско, на склонах холма, где стоит крепость, имелась большая платформа [величиной] во многие фанеги земли, и сегодня она еще сохраняется, если ее не застроили домами: она называется Колькам-пата. Квартал, где она находится, принял имя собственное платформы, считавшейся особой и главной жемчужиной Солнца, потому что она была первой из тех, которые были ему посвящены во всей империи инков. Эту платформу обрабатывали и трудились на ней [люди] королевской крови, и только инки и пальи могли на ней работать и никто другой. Делалось это с величайшими торжествами, особенно пахота: инки одевались во все свои главные парадные одежды и украшения. Эпические сказания, которые они рассказывали в честь Солнца и своих королей, слагались вокруг значения этого слова хайльи, что на всеобщем языке Перу означает триумф, словно бы триумф добывался из земли, и что, вспахивая её и извлекая ее внутренности, они добивались триумфа. В эти сказания они вплетали изящные рассказы об осмотрительных возлюбленных и храбрых солдатах, связывая их с триумфом земли, которую они возделывали; и, таким образом, во всех куплетах игра слов строилась на слове хайльи, повторявшемся много раз, [столько], сколько было необходимо, чтобы попадать в ритм определенного переменного шага, который получался при вспахивании Земли, когда они вгоняли и вырывали [палку-соху], чтобы она взлетала и легче раскалывала бы [землю]...
(Инка Гарсиласо дела Вега. История государства инков. С. 245—272)

Письменность и книги

Мы не можем пока сказать уверенно, где и когда зародилась письменность в Месоамерике. Но ко времени испанского завоевания народы ее уже обладали по крайней мере тысячелетней письменной традицией. Истоки ее еще неизвестны. Большинство исследователей сходятся во мнении, что письменность появилась в южной части Месоамерики, где-то в полосе от Оахаки и центральной части штата Веракрус до юго-восточной Гватемалы... По нашему мнению,... письменность Месоамерики возникла у ольмеков и была затем заимствована другими народами. Наиболее завершенную форму она приобрела у майя классического периода.
Далеко не все письменные памятники этого периода дешифрованы...
Испанские хронисты в один голос говорят о многочисленных иероглифических рукописях индейцев, о специальных архивах, где они хранились. Но те же завоеватели и уничтожали их, и весьма энергично. До нашего времени дошло немногим более десятка кодексов с Мексиканского плато и из Оахаки, четыре рукописи майя, одна рукопись куи-
358
катекского происхождения. Все остальное было сожжено на аутодафе или уничтожено каким-либо другим образом. Остатки кодексов, Hail-денных позднее археологами в погребениях, пока невозможно восстановить.
(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 21—22)

О письменности Как многие другие народы Мексики, имели свою ацтеков
письменность и ацтеки. Завоеватели, в частности
Берналь Диас, часто упоминают о домах, школах и храмах,- где «жрецы и мудрецы хранили множество книг, сложенных наподобие кастильских тканей», т.н. «гармошкой». Письменность эта, как уже говорилось, была создана задолго до ацтеков народами Оаха-ки. В основе своей она была пиктографической и идеографической: так, понятие «взятие города» передавалось рисунком горящего храма, «пу--тешествие» — цепочкой следов человеческой ноги, изображение цветка означало «жертвенную кровь». Животные, растения, рельеф местности передавались пиктограммами...
Большое значение имел цвет, в который окрашивалось то или иное изображение. Так, человеческая фигура желтого цвета означала непременно женщину, фиолетовая окраска указывала на верховного пра'ви-теля. Символика цвета играла особенно важную роль в культовых рукописях; синий цвет связывался с югом, сочетание черного и красного цветов означало понятия «мудрость» и «письмо». Не меньшее значение имела и чисто календарная символика. Но ацтеки несколько усовершенствовали унаследованную ими письменность и ввели в нее элементы,

передававшие уже фонетические значения. Правда, эти виды знаков встречаются главным образом при передаче названий местностей, этнонимов и собственных имен....
Таким образом, у ацтеков дело шло к развитию алфавитного письма. Однако после завоевания латиница быстро вытеснила ацтекскую письменность...
(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 21)

О письменности майя Письменность майя также восходит к ольмекской письменности. Письменность майя — это наиболее развитая система письменности из всех возникших на американском континенте. Расшифрована она была только недавно, важнейший вклад в ее дешифровку был внесен русским ученым Ю. Кнорозовым.
Как становится теперь ясным, дешифровка иероглифики майя затруднялась тем, что в принципах этой письменности была заложена художественная каллиграфия, т.е. стремление передать иероглифический знак возможно красивее. Подобное явление, как известно, можно наблюдать и в китайской, и в японской письменных системах. Писец
359
майя создавал знак, произвольно меняя очертания и форму его ведущих смысловых компонентов. Поэтому различные написания (аллографы) знаков иногда трудно распознать, они могут на первый взгляд выглядеть совершенно различно...
(*(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 31)*

Школа и обучение

О школах и обучении у ацтеков Несовершенство ацтекской письменности вело к тому, что передача памятников литературы от поколения к поколению носила устный характер. Запоминание текстов составляло основу воспитания и обучения; об этом свидетельствуют почти все ранние испанские хронисты. Жрец, учивший своих воспитанников, произносил наизусть миф или легенду и заставлял их так же выучивать текст наизусть. Комплексы идеограмм в письменных источниках-рукописях служили ему лишь как своеобразные опорные пункты для цитации определенных строф. Естественно поэтому, что все тексты имели метрический характер и определенную просодию, помогающую легче запоминать сказанное. Неудивительно, что почти все дошедшие до нас тексты доиспанского времени облечены в поэтическую форму...
(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 24)

О школах у инков Этот инка (Пача-кутек, т.е. реформатор мира. — *Сост.)* прежде всего обогатил и расширил большими почестями и благами школы, которые основал в Коско король Инка Рока; он увеличил число их наставников и учителей; он приказал, чтобы все господа вассалов, капитаны и их сыновья, поголовно все индейцы вне зависимости от их службы, солдаты и подчиненные пользовались бы языком Коско и чтобы управление, владения [землями] или высокое положение доставались лишь тем, кто очень хорошо им владеет. И, чтобы столь полезный закон не был бы принят впустую, он назначил прекрасно разбирающихся в делах индейцев-учителей для детей начальников и знатных людей, не только проживавших в Коско, но также и во всех провинциях своего королевства, в которые он направил учителей, чтобы они обучили бы языку Коско всех полезных для государства людей, в результате чего случилось так, что все королевство Перу говорило на одном языке...
Все индейцы, которые, подчиняясь этому закону, до сих пор сохраняют [знание] языка Коско, отличаются большей воспитанностью и более способны к ремеслам; остальные же не такие восприимчивые.
(Инка Гарсиласо дела Вега. История государства инков. С. 421)
360

Литература

О литературе ацтеков В ацтекской литературе не только мифы и легенды, но и, казалось бы, такие сугубо прозаические произведения, как исторические хроники, различного рода дидактические наставления и даже руководства по отдельным ремеслам, оказались облеченными в поэтическую форму. Впрочем, аналогичные явления можно проследить и в других древних литературах, начиная от древнеегипетской гномики и произведений-поучений народов Двуречья и кончая литературой Древней Греции, где даже сезонный календарь земледельца принял эпическую форму (поэмы Гесиода «Труды и дни»).
По-видимому, так же обстояло дело и с лирической поэзией, хотя до нас не дошло ни одного текста произведения, записанного при помощи ацтекской системы письма. Однако на это указывают следующие строки неизвестного ацтекского поэта:

Я пою по рисункам в книге.
Я вижу, как они развертываются.
Я — чудесная птица!
Ибо только я заставляю говорить книги
В доме письмен.
(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 24—25)

У ацтеков был широко распространен жанр исторической хроники, некоторые рукописи такого содержания сохранились до наших дней. В них излагается история передвижения соответствующих племен и войн, генеалогия правителей. Но большинство рукописей такого типа погибло. Первый раз они целенаправленно уничтожались самими ацтеками — по приказу правителя Теночтитлана Ицкоатля в 1428 г., это произошло после того, как ацтеки достигли гегемонии в своем районе, и, по-видимому, для того, чтобы стереть память об их прошлых поражениях и унижениях. Второй этап — это • уничтожение книг по приказу католического духовенства. Так, первый епископ Мехико Хуан де Сумаррага сжег на своих аутодафе несколько тысяч
рукописей
рукописей.

О литературе До наших дней сохранились майянские надписи (около **майя** 5 тысяч) на стеллах, алтарях, рельефах и т.п., но всего
четыре рукописи.

В результате упорного многолетнего труда он (Ю. Кнорозов. — *Сост.)* перевел все четыре иероглифические рукописи. Хотя, по свидетельствам испанских хронистов, у майя имелись рукописи исторического содержания, все сохранившиеся относятся к области мифологии и ритуалов, т.е. являются чем-то вроде жреческих требников. Вот, на-
361
пример, отрывок из древнейшего из имеющихся «Дрезденской рукопи-
си»...:

13. Принимает жертву (бог смерти) Маш, грозящий гибелью, подстерегают беды.
2 дня до VI.
14. Принимает жертву бог-ягуар Чак-Болай, ныне, при посещении, питающийся семенами.
3 дня до IX числа.
(Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. С. 31—32)

О поэзии инков В поэзии они достигли также немногого, ибо умели слагать короткие и длинные стихи со слоговым стихотворным размером; в них они вкладывали свои любовные песни с различными мелодиями, как об этом говорилось. Они также слагали стихи о подвигах своих королей, и других знаменитых инков, и главных курак, и они обучали им по традиции своих потомков, чтобы они помнили о добрых делах своих предков и подражали бы им. Стихи были короткими, чтобы память [легче] хранила бы их, однако они были весьма содержательны, словно цифры. Они не пользовались рифмой, а [сочиняли] все свободным стихом.

...Скажем дальше об инках, об их законах и правлении и способностях, одной из которых было умение сочинять в прозе так же, как и в стихах, короткие и емкие благодаря поэтической форме сказки, чтобы заключить в них моральную доктрину или хранить некоторые традиции своего идолопоклонства или знаменитые деяния их королей и других великих мужей.
(Инка Гарсиласо дела Вега. История государства инков. С. 131—135)

Театр и драматургия

О тетрализован- Индейцы имеют очень приятные развлечения; в осо-**ных представле-** бенности комедианты представляют с большим изя-**ниях майя** ществом, настолько, что испанцы нанимали их для
того, чтобы они видели шутки испанцев с их служанками, супругами и с самими [индейцами] по поводу хорошего или плохого прислуживания, и затем они это представляли с таким искусством, как настоящие испанцы.
(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 143)
362

О театре и драма- У амаутов, которые были философами, не было **тургии у инков** недостатка в умении сочинять комедии и трагедии, которые в дни торжественных праздников представлялись перед их королями и господами, которые посещали королевский двор. Исполнители были не из низших [сословий], а инками и благородными людьми, детьми курак и самими кураками и капитанами, даже мастерами боя, ибо аллегорические сюжеты трагедий воспроизводились точно, [а] их содержание всегда касалось военных событий, триумфов и побед, подвигов и величия прошлых королей и других героических мужей. Содержание комедий касалось деревенской жизни, поместий, домашних и семейных дел. Исполнители, как только заканчивалась комедия,

занимали свои места в соответствии со своим рангом и занятием. Они не сочиняли непристойных, гнусных и низких интермедий: все они были о серьезных и благородных делах, с сентенциями и изяществом, допустимыми в таком месте. Того, кто выделялся в изяществе даваемых [в честь королей] представлений, они одаривали драгоценностями и весьма ценимыми милостями.
(Инка Гарсиласо дела Бега. История государства инков. С. 131)

Музыка

О музыке и танцах У них есть маленькие барабаны, по которым бьют **у майя** рукой, и другой барабан из полого дерева с низким
и унылым звуком. По нему бьют довольно длинной палкой с набалдашником из смолы одного дерева на конце. У них были трубы, длинные и тонкие, из полого дерева, с длинными и кривыми тыквами на конце. У них был еще инструмент из панциря целой черепахи, очищенного от мяса. По нему били ладонями рук, и звук его заунывный и печальный. У них были свистки из берцовых костей оленей и больших раковин и флейты из тростника. На этих инструментах аккомпанировали танцорам.
Два танца были особенно мужественны и достойны внимания. Один — это игра с тростником, почему они его называют коломче, что и значит «тростник». Чтобы его исполнить, собирается большой круг танцоров вместе с музыкантами, которые им аккомпанируют. Следуя ритму [музыки], из круга выходят двое, один с пучком стеблей и танцует с ними, держась прямо, другой танцует на корточках, оба согласно ритму круга [танцоров]. Тот, который со стеблями, бросает их изо всей силы в другого, а последний с большой ловкостью отбивает их с помощью небольшой деревяшки. Кончив бросать, они возвращаются, следуя ритму, в круг, и танцуют другие, делая то же самое.
363
Есть другой танец, когда танцуют восемьсот и больше или меньше индейцев с небольшими флажками, с военными широкими шагами и звуками. Среди них нет ни одного, кто бы нарушил ритм.
В своих танцах они тяжелы, ибо в течение целого дня не перестают танцевать, и им приносят есть и пить. Мужчины не имели обыкновения танцевать с женщинами.
(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 143—144)

О музыке инков В музыке они познали некоторые аккорды, которыми умели пользоваться индейцы кольа или те, кто жил в их области, когда играли на некоторых инструментах, сделанных из трубок тростника — четыре или пять трубок, связанных парами; каждая трубка звучала на ноту выше наподобие органа. Этих связок трубок было четыре; они отличались одна от другой. Одни из них звучали на низких нотах, а другие — на более высоких, а другие — выше и выше, как четыре природных голоса: сопрано, тенор, контральто и контрабас. Когда один индеец играл на одной связке трубок, ему отвечали созвучно пятой или любой другой [нотой] и затем другой в другом созвучии, и другой в другом, и одни из них поднимались к высоким нотам, а другие опускались к низким, всегда в такт. Они не умели играть вариации с полунотами; все они были полными и в одном ритме. Исполнителями были индейцы, обученные исполнять музыку для короля и господ вассалов, однако, поскольку музыка была такой тяжелой, она не была общим [явлением] и ее изучали и осваивали каждый своим собственным трудом. У них были флейты четырех или пяти нот, как пастушечьи; они не были созвучны друг с другом, а каждая звучала сама по себе, ибо они не умели настраивать их на один лад. Для них они сочиняли свои песни, сложенные на размерные стихи, которые в своей большей части были о любовных страстях, либо о наслаждении, либо о страданиях, о милости или немилости дамы.
Каждая песня имела свой известный самостоятельный мотив, и, нельзя было петь две разные песни на один мотив. И было это так, потому что влюбленный кавалер, играя ночью музыку на своей флейте, своей мелодией говорил даме и всему миру о радости или печали своей души в соответствии с милостью или немилостью, которую она ему оказывала. А если бы пелись две различные песни на один мотив, не было бы известно, какую из них хотел исполнить кавалер. Таким образом, можно сказать, что он разговаривал флейтой...
Песни, которые они слагали о своих войнах и подвигах, они не сопровождали игрой [на инструменте], потому что их не нужно было петь дамам или с помощью флейты давать им знать о них. Они пели их на своих главных праздниках, после своих побед и триумфов, в память своих героических дел...
364
В мои времена голоса индейцев не использовались, потому что они не были столь хорошими — причиной тому могло быть то, что, не умея петь, они не упражняли их, — и, наоборот, было много

метисов с очень хорошими голосами.
(Инка Гарсиласо де ла Бега. История государства инков. С. 129—130)

Архитектура и строительство

Теотихуакан Основное ритуально-административное ядро Теотихуакана, сложившееся уже к I в. н.э., было тщательно спланировано вокруг двух пересекающихся под прямым углом и ориентированных по странам света широких улиц-осей: с севера на юг проспект Дорога Мертвых длиной свыше 5 км, а с запада на восток — безымянный проспект длиной до 4 км.

Интересно, что на северном конце Дороги Мертвых находится гигантский массив Пирамиды Луны (высота 42 м), сложенный из сырцового кирпича и облицованный нетесаным вулканическим камнем. По своей конструкции и внешнему виду она — точная копия своей старшей сестры Пирамиды Солнца, расположенной на левой стороне проспекта и представляющей собой грандиозное пятиярусное сооружение с плоской вершиной, на которой стоял когда-то храм. Высота колосса — 64,5 м, длина сторон основания — 211, 207, 217 и 209 м, общий объем — 993 тыс. куб. м. Предполагается, что для строительства пирамиды потребовался труд не менее 20 тыс. человек в течение 20—30 лет.

У пересечения с поперечным проспектом Дорога Мертвых упирается в обширный комплекс построек, возведенных на одной гигантской низкой платформе... В этом ансамбле изящных построек выделяется храм в честь бога Кецалькоатля — Пернатого Змея, покровителя культуры и знаний, бога воздуха и ветра, одного из главных божеств местного пантеона. Само здание храма полностью разрушено, но зато прекрасно сохранилось его пирамидальное основание, состоящее из шее- , ти постепенно уменьшающихся каменных платформ, поставленных друг на друга.

Фасад пирамиды и балюстрада парадной лестницы украшают скульптурные головы самого Кецалькоатля и бога воды и дождя Тла-лока в образе бабочки. При этом зубы голов Пернатого Змея были расписаны белой краской, а глаза бабочек имели вставные зрачки из дисков обсидиана...

Стены зданий сложены из адобов или камня, оштукатурены и часто либо окрашены в какой-либо яркий цвет, либо (особенно внутри) имеют красочные фресковые росписи. Наиболее выдающиеся образцы фресковой живописи Теотихуакана представлены также в Храме Земле-

делия, в группах Тетитла, Атетелько, Сакуала и Тепантитла. Они изображают людей (представителей элиты и жрецов), богов и животных (орлов, ягуаров и т. д.). Своеобразную черту местной культуры составляют также антропоморфные (видимо, портретные) маски из камня и глины (в последнем случае — с многоцветной раскраской)...
(Древние цивилизации. С. 457—459)

Архитектура Архитектура в центральной части любого крупного города майя I тыс. н.э. представлена пирамидальными холмами и платформами различных размеров и высоты. Внутри они обычно сооружены из смеси земли и щебня и облицованы снаружи плитами тесаного камня, скрепленными известковым раствором. На их плоских вершинах стоят каменные здания: небольшие постройки из одной — трех комнат на высоких башнеобразных пирамидах-основаниях (высота некоторых из таких пирамид-башен, как, например, в Тикале, достигает 60 м). Это, вероятно, храмы. А длинные многокомнатные ансамбли на низких платформах, обрамляющих внутренние открытые дворики, скорее всего резиденции знати или дворцы, поскольку перекрытия этих зданий сделаны обычно в виде ступенчатого свода, стены их очень массивны, а внутренние помещения сравнительно узки и невелики по размерам. Единственным источником света в комнатах служили узкие дверные проемы, поэтому внутри уцелевших храмов и дворцов царят прохлада и полумрак. В конце классического периода у майя появляются площадки для ритуальной игры в мяч — третий тип основных монументальных построек местных городов. Основной единицей планировки в городах майя были прямоугольные мощеные площади, окруженные монументальными зданиями. Очень часто важнейшие ритуально-административные постройки располагались на естественных или искусственно созданных возвышениях...

Рядовые жилища строились из дерева и глины под крышами из сухих пальмовых листьев и были, вероятно, похожи на хижины индейцев майя XVI—XX вв., описанные историками и этнографами. В классический период, как и позднее, все жилые дома стояли на невысоких (1—1,5 м) платформах, облицованных камнем. Отдельно стоящий дом — явление, редкое у майя. Обычно жилые и подсобные помещения образуют группы из 2—5 построек, расположенных вокруг

открытого внутреннего дворика (патио) прямоугольной формы. Это — резиденция большой патрилокальной семьи. Жилые «патио-группы» имеют тенденцию объединяться в более крупные единицы — наподобие городского «квартала» или его части...
Совершенно по-иному определяется сейчас и назначение некоторых пирамидальных храмов в городах майя. Если прежде они считались святилищами важнейших богов пантеона, а сама пирамида — лишь высоким и монолитным каменным постаментом для храма, то за по-

следнее время под основаниями и в толще ряда таких пирамид удалось обнаружить пышные гробницы царей и членов правящих династий.
(Древние цивилизации. С. 461—462)

Теночтитлан — столица «империи» — Теночтитлан — со временем столица ацтеков превратился в огромный город, площадь которого составляла около 1200 га, а количество жителей, по разным оценкам, достигало 120—300 тыс. человек.
С материком этот островной город был связан тремя большими каменными дорогами-дамбами, имелась и целая флотилия лодок каноэ. Подобно Венеции, Теночтитлан был прорезан правильной сетью каналов и улиц. Ядро города образовывал его ритуально-административный центр: «священный участок» — обнесенный стенами квадрат длиной 400 м, внутри которого находились главные городские храмы (Тем-пло Майор — храм со святилищами богов Уицилопочтли и Тлалока, храм Кецалькоатля и др.), жилища жрецов, школы, площадка для ритуальной игры в мяч. Рядом располагались ансамбли пышных дворцов ацтекских правителей — «тлатоани». По словам очевидцев, дворец Монтесумы (точнее, Моктесумы) II насчитывал до 300 комнат, имел большой сад, зоопарк, купальни...
Общее впечатление о великолепной ацтекской столице хорошо передают слова очевидца и участника драматических событий конкисты — солдата Берналя Диаса дель Кастильо из отряда Кортеса. Стоя на вершине высокой ступенчатой пирамиды, конкистадор с изумлением взирал на странную и динамичную картину жизни огромного языческого города: «И мы увидели огромное количество лодок, одни приходили с различными грузами, другие... с разнообразными товарами... Все дома этого великого города... находились в воде, а из дома в дом можно было попасть только по висячим мостам или на лодке. И видели мы... языческие храмы и часовни, напоминавшие башни и крепости, и все они сверкали белизной и вызывали восхищение».
Теночтитлан был захвачен Кортесом после трехмесячной осады и ожесточенной борьбы в 1521 г. И прямо на руинах ацтекской столицы, из камней ее дворцов и храмов, испанцы построили новый город — Мехико...
(Древние цивилизации. С. 464—465)

О храме Солнца у инков

...Короли придавали городу какое только можно великолепие роскошными зданиями и королевскими домами...
Среди них был дом и храм Солнца, над которым они особенно усердствовали, ибо они украсили его невообразимыми богатствами, приумножавшимися каждым инкой, стремившимся превзойти своего предшественника...

Оно построено из ровных, превосходных и великолепно отшлифованных монолитных камней... Большой алтарь (назовем его так, чтобы было понятно, хотя те индейцы не умели делать алтари) находился на востоке; крыша была из длинных бревен, чтобы там гуляли бы сильные воздушные потоки; кровлей служила солома, ибо они не знали черепицу, Все четыре стены были сверху донизу покрыты пластинами и брусками из золота. На фасаде, который мы назовем большим алтарем, стояла фигура Солнца, выполненная из золотой пластины, которая была в два раза толще тех, что покрывали стены. Фигура [Солнца] со своим круглым ликом, и со своими лучами, и с языками пламени была вся сделана из одного слитка — точно такая, какой ее рисуют художники. Она была такой огромной, что занимала от стены до стены весь фасад храма...
По одну и по другую сторону изображения Солнца в порядке старшинства находились тела мертвых королей, как сыновей этого Солнца; будучи забальзамированы [неизвестно как], они казались живыми. Они восседали на своих золотых креслах, поставленных на золотые толстые брусья, на которых они имели привычку восседать. Лица их были направлены в сторону народа...
Главная дверь храма... была устремлена на север; помимо нее, имелись другие, меньшие двери для служб храма. Все они были обшиты золотыми пластинами в форме порталов. С внешней стороны храма по верхней части его стен шел золотой бордюр из бруска шириною с вару, охватывавший

храм в виде короны.
К храму примыкала крытая галерея в виде четырехугольника; одной из ее стен был храм. Сверху по всей длине галереи лежал сплошной бордюр из золотого бруска толщиною более чем с вару, служивший венцом галереи; испанцы в память о прошлом приказали сделать вместо него другой белый бордюр из гипса такой же толщины; я застал его на стенах, которые были целы и [еще] не обрушились. Галерею окружали пять приемных залов или больших квадратных лож, стоявших отдельно и не соприкасавшихся друг с другом; они имели покрытия в виде пирамиды; ложи образовывали остальные три стены фасада галереи.
Один из тех приемных залов являлся ложем Луны, жены Солнца; именно он был ближе всего расположен к главной молельне храма; зал и его двери были целиком обшиты серебряными пластинами, чтобы по белому цвету было бы видно, что то было ложе Луны. Там, как и у Солнца, находились ее образ и портрет, сделанные и нарисованные на толстом слитке серебра в виде женского лица. Они восходили на то ложе, чтобы посетить Луну и заручиться ее покровительством, ибо они считали ее сестрой и женой Солнца и матерью инков и всего их поколения и поэтому они называли ее Мама Кильа, что означает Мать Луна; они не приносили ей жертв, как Солнцу. По одну и по другую руку от изображения Луны находились тела покойных королев, — расположенные в порядке старшинства...
368
Другое из тех лож, самое близкое к Луне, было предназначено для звезды Венеры, и семи Плеяд, и всех остальных звезд вместе взятых... Это ложе было обито серебром, так же как Луны, и портал был из серебра; весь верх потолка был усеян большими и малыми звездами наподобие звездного неба. Другое ложе, рядом с ложем звезд, было посвящено молнии, грому и удару молнии...
Другое ложе (которое было четвертым) они предназначили радуге, ибо они постигли ее происхождение от Солнца, и поэтому короли инки сделали ее своим девизом и геральдическим знаком, ибо они похваля-лись своим происхождением от Солнца. Это ложе было сплошь украшено золотом. На одном из его фасадов прямо на золотых пластинах была нарисована радуга, очень похожая на натуральную [и] такая огромная, что расположилась вдоль всей стены всеми своими живыми цветами. Они называют радугу куйчи, и поскольку они относились к ней с таким почтением, то, когда видели ее на небе, закрывали рот и клали на него ладонь, ибо считали, что, если перед радугой обнажить зубы, они разрушатся и сгниют. Они верили в эту и другие подобные наивности, не объясняя их смысл. Пятое и последнее ложе было предназначено для верховного жреца и для других жрецов, которые занимались службами храма; все они должны были быть инками королевской крови. Они пользовались тем ложем не для сна или еды в нем; оно было присутственным залом для устройства жертвоприношений, которые необходимо было свершить, и для всего остального, что составляло службу храма. Это ложе, как и остальные, было сверху донизу украшено золотом.
(Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. С. 186—188)

Изобразительное искусство

Об изобразитель- В VI—IX вв. майя достигли наивысших успехов в **ном искусстве** развитии различных видов неприкладного искусст-**майя** ва, и прежде всего в монументальной скульптуре и
живописи. Скульптурные школы Паленке, Копана, Йашчилана, Пьедрас-Неграс добиваются в это время особой тонкости моделировки, гармоничности композиции и естественности в передаче изображаемых персонажей (правителей, жрецов, сановников, воинов, слуг и пленных).
Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в. н.э., представляют собой целое историческое повествование: сложные ритуалы и церемонии, сцены набега на чужие селения, жертвоприношение пленных, празднество, танцы и шествии сановников и вельмож...
(Древние цивилизации. С. 462)
369
О золотом саде Тот огород, который сейчас служит для обеспече-**инков** ния монастыря овощами, во времена инков являл-
ся садом из золота и серебра — такие сады имелись в королевских домах королей; в них находилось множество трав и цветов различного происхождения..., множество малых растений и больших деревьев, множество больших и малых, свирепых и домашних животных и пресмыкающихся, которые ползают, как змеи, большие и маленькие ящерицы и улитки, бабочки и птицы и другие более крупные воздушные пернатые — каждая вещь стояла так и на том месте, которое более всего делало ее схожей с изображаемой ею натурой.

Было [там] большое кукурузное поле и растение, которое они называют кинуа, и другие овощи и фруктовые деревья со своими плодами, целиком из золота и серебра, повторявшие натуру. В доме имелись также повторенные в золоте и серебре груды дров, как те, что находились в королевском доме; [там] были также большие фигуры мужчин, и женщин, и детей, отлитые из того же самого [металла], и много житниц и амбаров, которые они называют пирва, — все для украшения и большего величия дома своего бога Солнца. Поскольку каждый год на всех главных праздниках, которые проводились в его [честь], они подносили ему так много золота и серебра, которое полностью использовалось для украшения его дома, что изобретали каждый день новые [символы] величия; все золотых дел мастера, которые находились на службе Солнцу, не занимались иными делами, кроме как изготовлением и повторением [в металле] названных вещей. Они изготовляли бесконечное множество посуды, которую держали в храме для своей службы, включая горшки, кувшины, маленькие и большие сосуды. В целом в том доме не было вещи, которой пользовались для какой бы то ни было службы, чтобы она не была бы сделана целиком из золота и серебра, включая [инструменты], служившие киркой или маленьким заступом для очистки садов. По этой причине с большим основанием и точностью они называли храм Солнца и весь дом [инки] Кориканча, что означает золотой квартал.

(Инка Гарсиласо дела Вега. История государства инков. С. 194)

Научные знания

О научных знаниях инков

Так случилось, что они угадали, что очищение [организма] путем кровопускания и промывания желудка было полезным и даже необходимым делом, и поэтому они пускали кровь из рук и ног, не умея применять кровопускания и не зная расположения вен, которые следует вскрыть при том или ином заболевании, а вскрывали ту, что находилась ближе все-

370

го к больному месту, причинявшему страдания. Когда они испытывали сильную головную боль, они пускали кровь из [места] соединения бровей над носом. Ланцетом служил каменный наконечник, который они вставляли в расщепленную палочку и завязывали, чтобы он не выпадал, и тот наконечник они ставили на вену и сверху давали по нему щелчок, и так они вскрывали вену с меньшей болью, чем обычным ланцетом...

Обычно они очищали желудок, когда чувствовали себя отяжелевшими и наполненными, и делалось это чаще у здорового, нежели у больного. Они принимали (помимо других трав, которые служили слабительным) белые корни, подобные маленьким репам...

О геометрии они знали много, потому что она была необходима им, чтобы измерять свои земли, уточнять и делить их между собой, но это делалось материально, не по высоте градусов или по какому-либо другому умозрительному счету, а с помощью своих шнуров и камушков, которыми они ведут свои счета и [передают] сообщения, о которых я, поскольку я не решился посвятить себя им, расскажу лишь то, что знаю о них. Географию они знали хорошо; каждый народ рисовал и создавал макеты и чертежи своих селений и провинций, ибо это было тем, что они видели... Я видел макет Коско и часть его провинции с ее четырьмя главными дорогами, сделанную из глины, камушков и палочек, вычерченную с помощью их счета и размеров, со своими маленькими и большими площадями, со всеми своими широкими и узкими улицами, со своими городскими кварталами и домами вплоть до самых забытых, с тремя ручьями, которые бегут по нему; вид его вызывал восхищение...

Об арифметике они знали много и восхитительным образом, ибо узелками, завязанными на нитях различных цветов, они вели счет всему тому, что имелось в королевстве инков по обложению и освобождению от налогов и контрибуций. Они суммировали, вычитали и умножали теми узелками, а чтобы знать, что приходится на каждое селение, они осуществляли деление зернами маиса и камушками, [и] таким образом у них получался точный счет. И, поскольку по каждому делу в мире и на войне, по вассалам, налогам, скоту, законам, церемониям и всему остальному, что требовало счета, у них имелись самостоятельные счетчики, и они занимались в своих министерствах и со своими счетами, они с легкостью вели [счет], потому что счет каждого из тех предметов [cosa] находился в самостоятельных нитях и связках [нитей], словно в отдельных тетрадях, и, если даже один индеец отвечал бы [как старший счетчик] за два, или три, или более предметов, счет по каждому предмету велся бы отдельно. Дальше мы дадим более подробное сообщение о способе счета, и как они понимали друг друга с помощью нитей и узлов.

(Инка Гарсиласо де ла Бега. История государства инков. С. 125—130)

371

Быт и нравы

Внешность

Быт и нравы майя. Индейцы Юкатана — люди хорошо сложенные, высокие, быстрые и очень сильные, но обычно криво-

и одежда ногие, ибо в детстве матери переносят их с места на место, посадив верхом на бедра. Они считают изящным быть косоглазыми, что делают искусственно их матери, подвешивая им, еще совсем маленьким, к волосам шарик из смолы, который спускается у них между бровей, доходя до глаз. Так как он постоянно двигается там, качаясь, они становятся косыми. У них головы и лбы сплющены с детства, что также дело их матерей. Они имеют уши, проколотые для серег и очень изрезанные из-за жертвоприношений. Они не носят бороды и говорят, что их матери им прижигают в детстве лица горячими тряпками, чтобы у них не появлялись волосы. Сейчас они носят бороды, хотя очень жесткие, как конский волос.

Они носят волосы, как женщины; на макушке они выжигают как бы большую тонзуру, поэтому [волосы] ниже [ее] растут сильно, в то время как волосы тонзуры остаются короткими. Они их заплетают и делают из них гирлянду вокруг головы, оставляя позади хвостик наподобие кисточки. Мужчины все пользуются зеркалами, но не женщины. Также они говорят о рогатом, что жена поставила ему зеркало в волосы над затылком. Они мылись часто, не заботясь прикрыться перед женщинами, кроме того, что можно прикрыть рукой. Они любители хороших запахов и поэтому употребляют букеты цветов и пахучих трав, оригинально и искусно составленные. Они имели обыкновение красить в красный цвет лицо и тело; это придавало им очень дурной вид, но считалось у них очень изящным.

Их одеждой была лента шириной в руку, которая им служила шароварами и чулками. Они ею обвертывали несколько раз поясницу таким образом, что один конец спускался спереди, а другой сзади; их жены тщательно отделывали им эти концы узорами из перьев. Они носили плащи длинные и квадратные, и их завязывали на плечах; носили сандалии из тростника или кожи оленя, жестко выделанной, и не употребляли другой одежды...

Они татуировали себе тела и чем больше [татуировались], тем более считались храбрыми и мужественными, ибо татуировка была большим мучением и делалась следующим образом: татуировщики покрывают часть, которую хотят [татуировать], краской, а затем они надрезывают осторожно рисунок, и, таким образом, от крови и краски на теле остаются следы. Это делается понемногу из-за сильной боли. Они даже становятся после [этого] больными, ибо татуированные места воспаляются и выступает жидкость. Несмотря на это, они насмехаются над теми, кто не татуируется.

372

О внешности женщин майя ...Они не безобразны. Они не белые, но смуглого цвета, больше по причине солнца и беспрерывного купанья, чем по своей природе. Они не подправляют лица, как наш народ, и это считают бесстыдством. У них есть обычай подпиливать себе зубы, оставляя их как зуб пилы, и это они считают изящным; занимаются этим ремеслом старухи, подпиливая их с помощью определенных камней и воды. Они прокалывали ноздри через хрящ, чтобы вставить в отверстие камень янтарь, и считали это нарядным. Они прокалывали уши, чтобы вставить серьги, подобно своим мужьям. Они татуировали себе тело от пояса вверх, кроме грудей из-за кормления, более изящными и красивыми рисунками, чем мужчины. Они купались очень часто в холодной воде, как мужчины, но они не делали это с достаточной скромностью, ибо им случалось обнажаться догола у колодца, куда они приходили за водой для этого. У них был еще обычай купаться в горячей воде с паром, но это редко и больше для здоровья, чем для чистоты.

Они имели обычай натираться красной мазью, как мужья, а те, кто имел возможность, добавляли пахучую камедь, очень липкую; я считаю, что это жидкий янтарь. Этой камедью они смазывали особый брусок, вроде мыла, украшенный изящными узорами; им они смазывали груди, руки и плечи и делались нарядными и надушенными, как им казалось; он сохранялся у них много [дней], не выдыхаясь, соответственно качеству мази.

Они носили очень длинные волосы и делали и делают [сейчас] из них очень изящную прическу, разделив на две части, и заплетали их для другого рода прически. Заботливые матери имеют обыкновение ухаживать за девушками брачного возраста столь усердно, что я видел многих индианок с такими редкими прическами, как у испанских модниц. У девочек, пока они не выросли, они заплетаются в четыре или в два рожка, что они считают красивым.

Индианки побережья и провинции Бак'халаль и Кампече более приличны в своей одежде, ибо кроме покрывала, которое они носят от середины [туловища] вниз, они прикрывают груди, связывая их двойной накидкой, пропущенной под мышками. Все остальные не носят более одной одежды наподобие мешка, длинного и широкого, открытого с обеих сторон; он доходил у них до

бедер, где был в обтяжку. У них не было иной одежды, кроме накидки, *с* которой они всегда спят; они имели обыкновение, когда шли в дорогу, носить [ее] сложенной вдвое или скатанной и так ходили.

(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 159—160)

Пища и питье у майя Главной пищей является кукуруза, из которой они делают различные кушанья и напитки. При этом напиток, как они его пьют, служит им [одновременно] пищей и питьем. Индианки кладут кукурузу на ночь размокать в

373

воду с известью; утром она там делается мягкой и наполовину сваренной и таким образом отделяется шкурка и корешок. [Затем] они ее размалывают между камнями. Они дают ее наполовину размолотой рабочим, спутникам и мореплавателям большими комками и [целыми] ношами. Она сохраняется несколько месяцев и только скисает. Они берут комок и растворяют его в сосуде из скорлупы плода, растущего на дереве, с помощью которого бог снабдил их сосудами. Они пьют эту жидкость и съедают остаток. [Это] вкусная и важная пища. Из более [мелко] размолотой кукурузы они выжимают молоко, сгущают его на огне и делают как бы кашу на утро. Ее пьют теплой, а то, что осталось от утра, заливают водой, чтобы пить днем, ибо у них не принято пить чистую воду. Они также варят кукурузу, размалывают и разводят водой и, примешивая туда немного индейского перца или какао, получают очень освежающий напиток. Они делают также из кукурузы и размолотого какао особую пену, очень вкусную, с которой справляют свои празднества. Они добывают из какао масло, напоминающее коровье, и из этого масла и кукурузы делают другой напиток, вкусный и ценимый. Они делают [еще] другой напиток из вещества размолотой кукурузы, очень .освежающий и вкусный.

Они делают разного рода хлеб, хороший и здоровый, но его .плохо есть, когда он'холодный. Поэтому индианки занимаются его приготовлением два раза в день. Не удается приготовить [из кукурузы] муку, которую можно было бы месить, как пшеничную, и если иногда делается хлеб, как пшеничный, ничего не получается.

Они тушили овощи и мясо крупной дичи и птиц, диких и домашних, которые многочисленны, и рыбу, которой много. Таким образом, они имеют хорошую пищу, особенно после того, как стали разводить свиней и птиц из Кастильи.

Утром они пьют теплый напиток с перцем, как это было сказано, днем пьют другие, холодные, а ночью едят тушеное мясо. Если нет мяса, они делают соусы из перца и овощей. У них нет обычая мужчинам есть с женщинами; они едят отдельно на земле или в лучшем случае на циновке в качестве стола. Они едят много, когда имеют [пищу]; когда же нет, очень хорошо выносят голод и обходятся очень немногим. Они моют руки и рот после еды.

Семья и брак у майя В древности они вступали в брак в 20 лет; сейчас — [в возрасте] от 12 до 13. Поэтому сейчас они разводятся более легко, так как женятся без любви, не зная брачной жизни и обязанностей супругов. Если отцы не могли их уговорить возвратиться к женам, то они искали им новых и новых. С такой же легкостью бросают своих жен мужчины, имеющие детей, не боясь, что другие возьмут их в жены или что они позднее возвратятся к

374

ним. При всем этом они очень ревнивы и не переносят спокойно, когда их жены неверны. Сейчас, когда они видели испанцев, убивающих за это своих [жен], они начали грубо обращаться [с женами] и даже убивать их. Если дети еще маленькие, когда они разводятся, они их оставляют матерям; если большие, то юноши [идут] с отцами, а девушки с матерями...

Индианки воспитывали своих детей очень сурово, ибо четырех или пяти дней от роду новорожденного клали растянутым в маленькую кровать, сделанную из прутьев, и там, [повернув] ртом вверх, они ему клали голову между двумя дощечками, одна на затылке, другая на лбу, между которыми ее сжимали с силой, и держали его там в мучениях, пока, по прошествии нескольких дней, голова его не становилась сплющенной и деформированной, как это у них было в обычае. Было столько неудобства и опасности для бедных детей, что некоторые рисковали погибнуть; автор этой [книги] видел, как у одного голова продырявилась сзади ушей, и так должно было происходить со многими.

(Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. С. 140—161)

Быт и нравы инков. ...Инка Манко Капак, а потом и его потомки, под-Внешность ражая ему, ходили стриженными, оставляя волосы и украшения инков лишь в палец [длиной]; они стриглись каменными ножами, скобля волосы сверху вниз, сохраняя указанную длину. Они

пользовались каменными ножами, потому что не сумели изобрести ножницы; стрижка стоила им большого труда, как любой может себе это представить; поэтому, когда позднее они увидели, с какой легкостью и мягкостью стригут ножницы, один инка сказал нашему соученику по письму и чтению: «Если бы испанцы, ваши отцы, принесли бы нам только лишь ножницы, зеркала и расчески, мы отдали бы им все золото и серебро, которое мы имели на своей земле». Кроме того, что они ходили стриженными, они проделывали отверстия в тех местах ушей, где обычно женщины делают дырочки для серег, увеличивая искусственным путем эти отверстия... до удивительной величины, невероятной для тех, кто их не видел, потому что кажется невозможным, что такое малое количество мяса, которое имеется под ухом, могло так растянуться, что оказывалось возможным вмещать туда ушное украшение... размером и формой с гончарный круг, ибо украшения, которые они вставляли в те петли, которые делали из [мочек] ушей, были подобны [гончарному] кругу; если же случалось, что петли эти разрывались, то выяснялось, что они были длиною в большую четверть вары, а толщиною в половину пальца...

Инки в качестве украшения носили на голове плетеную тесьму; они делали ее из нитей многих цветов шириною в палец и немного меньшей толщиной. Этой тесьмой они повязывали голову и делали четыре или пять витков, и она свисала, как гирлянда.

(Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. С. 58)

375

Семья и брак у инков

...Каждый год или через два года в такое-то время инка приказывал собрать всех юношей и девушек брачного возраста, которые имелись в городе Кос-ко [и принадлежали] к его роду. Девушки должны были быть от восемнадцати до двадцати лет, а юноши двадцати четырех и более, и им не разрешалось жениться раньше, потому что они говорили, что для этого необходимо иметь [подходящий] возраст и здравый смысл, чтобы управлять домом и хозяйством, ибо, при женитьбе в более раннем возрасте, все это превратилось бы в ребячество-Дома для жилья жениха и невесты, которые являлись инками [и] о которых мы [сейчас] рассказываем, строили индейцы тех провинций, в обязанности которых входило их строительство, в соответствии с распределением, которое имелось в отношении каждого дела. Приданое, каковым являлись предметы домашней утвари, собирали родственники, каждый из которых приносил свою вещь, и не было других церемоний или жертвоприношений...

При бракосочетаниях простых людей советы каждого селения были обязаны построить дома для своих молодоженов, а приданым их обеспечивала родня. Им не был дозволен брак между одной и другой провинциями, ни одного селения с другим; все они [женились] в своих селениях и внутри своей родни (как племена израильтян), чтобы не смешивать род и не перемешать бы народы одни с другими...

Как правило, жизнь простых замужних женщин сводилась к постоянному пребыванию в своих домах; в холодных землях или занимались пряжей и ткачеством шерсти, а в жарких — хлопка. Каждая из них делала пряжу и ткала для себя, и для своего мужа, и своих детей. Они шили мало, ибо одежда, которую они носили, как мужчины, так и женщины, требовала немного шитья. Все, что они ткали, [делалось из] крученой [нити], как'шерстяной, так и хлопковой. Все полотна, какими бы они ни были, имели четыре кромки. Их делали точно такой длины, которая требовалась для плаща или рубахи. Одежда была не обрезной, а цельнотканой, [размером] с вытканную ткань, ибо, прежде чем ткать, ей придавали ширину и длину, которую она более или менее должна была иметь.

Среди тех индейцев не было ни портных, ни башмачников, ни сапожников. А что до тех вещей, которые имеются здесь, то они в них не нуждались, потому что обходились без них! Женщины заботились об одежде для [обитателей] своих домов, а мужчины — об обуви...

(Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. С. 209—218)

Литература

Аргуэльес Х. Фактор майя. Томск: Зодиак, 1994. i

Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.: Ладомир, 1994.

Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: Мысль, 1989.

376

Инка Гарсиласо дела Дега. История государства инков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974.

Кинжалов Р.В. Орел, Кецаль и крест. СПб.: Наука. СПб. отд-ние, 1991. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М: 1987. *Пополь-Вух.* Родословная владык Тотоникапана. М.: Ладомир, 1993. *Серое СЯ.* Кецалькоатль // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1987.

СодиД. Великие культуры Месоамерики. М.: Знание, 1985. *Стингл М.* Тайны индейских пирамид. М.: Прогресс, 1982.

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА ВОСТОКА (ИНДИЯ, КИТАЙ, ЯПОНИЯ)

Для культур Востока хронологические рамки Средневековья значительно отличаются от европейских культур, грани между эпохами более размыты. И если переход от культуры Древнего мира к культуре Средневековья можно условно связать с падением определенных династий — Гуптов в Индии и Хань в Китае (что соответствует примерно времени падения Рима и началу европейского Средневековья), то в периодизации дальнейшей истории логичнее идти от событий, происходивших в самих рассматриваемых странах, не подгоняя их под схему западноевропейской истории. Так, для восточных цивилизаций нельзя без натяжек говорить об эпохе Возрождения, а начало культуры Нового времени нельзя отнести ранее чем к середине XIX в.

О культуре Востока в гораздо меньшей степени можно говорить как о чем-то цельном, нежели о культуре христианского или мусульманского мира. Так, о средневековом Востоке (даже если речь идет только о трех рассматриваемых странах — Индии, Китае и Японии) нельзя сказать, что это «мир буддизма». И если христианство (в форме православия или католицизма) и мусульманство были господствующими религиями в своих регионах, то относительно третьей мировой религии — буддизма — этого не скажешь: в Индии буддизм в эпоху Средневековья был полностью вытеснен индуизмом, в Китае сосуществовали три религии (конфуцианство, даосизм и буддизм), в Японии сосуществовали синтоизм и буддизм. Не имелось для всего Востока и единого связующего языка — языка религии и науки, каким был в мусульманском мире арабский, а в католическом — латынь. (Правда, для Японии и Китая имеется некоторая языковая общность, так как японцы позаимствовали китайскую письменность, и в определенные периоды китайский язык был языком литературы и религии в Японии.) Именно поэтому культура трех крупнейших стран Востока рассматривается не в единстве — как культура всего Востока, а по отдельности. При этом, поскольку Древней Индии и Древнему Китаю были посвящены самостоятельные разделы, то здесь будут в основном только фиксироваться средневековые новации, японская же культура, которая представлена в этом разделе впервые, будет описываться подробнее.

379

Индия

Исторический очерк

В средневековой истории Индии можно выделить три основных периода:

1. VI—XI вв. — период самостоятельного развития индийской культуры;
2. XI—XVI вв. — период мусульманского владычества;
3. XVII — сер. XX в. — период колониальной зависимости (от Великобритании).

Начало Средневековья в Индии обычно связывается с падением династии Гуптов, империя которых погибла в VI в. под натиском кочевников (гуннов-эфталитов). В результате на территории Индии возникло множество мелких государств, враждующих между собой. В целом *средневековые индийские государства* можно поделить по географическому признаку на две группы: *северные и южные.*

Уже в начале VIII в. на Индию обрушиваются мусульманские нашествия: в 713 г. арабы захватывают Синдх и Пенджаб. В XI в. в Северную Индию вторгаются войска султана Махмуда Газневи (1008—1026 гг.), который захватил Северную Индию и дошел до Декана. Разграбив завоеванные территории, Махмуд

Газневи вернулся к себе в Кабул, уведя в плен большое количество мастеров (а также танцоров и музыкантов). В XII в. произошло окончательное завоевание Северной и, частично, Центральной Индии — при султане Мухаммаде ГурИ (1175—1206 гг.), которому разобщенные индийские княжества не смогли дать должный отпор. Сам Муххамад Гури не пожелал остаться в Индии, и наместником в ней сделал своего тюркского раба Кутб-уд-дина Айбека, которому удалось захватить еще ряд индийских территорий, а после смерти Мухаммада Гури стать самостоятельным владыкой — первым индийским султаном (1206—1210 гг.) — и основателем династии Мамелюков (рабов). В XIII—XIV вв. происходит частая смена мусульманских династий, тем не менее мусульманам удалось распространить свое владычество даже на часть Южной Индии (до Мадурай). Периодически, в результате внутренней борьбы, от империи отделялись какие-то ее районы, становясь самостоятельными мусульманскими государствами, враждующими между собой (особенно много их было в XV—XVI вв.).

В 1398 г. Тимур со своими войсками напал на Индию, захватил и разграбил Дели. В конце XVI в. моголам (ведущим свое происхождение от Тимура) удалось опять образовать единое индийско-мусульманское государство, объединяющее большую часть районов Северной и Центральной Индии. Свой расцвет государство Великих Моголов пережило при шахе Акбаре (1556— 1605 гг.). В XVII в. возникает английская Ост-Индийская компания, и Англия постепенно захватывает все большую власть в Индии. В 1858 г., после подавления Великого восстания, последний мусульманский властитель Дели был вынужден уступить свое место английской короне. И только в 1947 г. Индия добилась независимости.

На протяжении рассматриваемой эпохи ряд индийских территорий сохраняли свою независимость от мусульманских владык, это в первую очередь районы крайнего юга, которых не коснулось в свое время и арийское нашествие, и районы Центральной и Северо-Западной Индии (федерация государств Раджпутов).

Религия и церковь

Если в период государства Маурья и Кушанов (III в. до н.э. — II в. н.э.) государственной религией был буддизм, то уже при Гуптах брахманизм (индуизм) начинает постепенно вытеснять буддизм (к настоящему времени буддизма в Индии практически не существует). Но и в самом брахманизме произошли серьезные изменения. На первый план среди богов выдвинулась триада: Брахма—Вишну—Шива; где Брахма — это создатель мира, Вишну — хранитель, а Шива — разрушитель (кроме<гого, Шива есть воплощение сил плодородия, сексуальной энергии). Возникло учение об аватарах (воплощениях) богов, одним из наиболее популярных богов делается Кришна (одна из аватар Вишну), выступающий в качестве бога-спасителя людей, а на юге функции бога-спасителя приобретает Рама (герой эпоса Рамаяна). На почве почитания тех или иных богов в индуизме *возникают различные секты и направления.* Сформировались два основных направления — шиваизм и вишнуизм, где в качестве главного божества почитаются соответственно Шива или Вишну (образ Брахмы всегда оставался достаточно расплывчатым, и особый культ Брахмы не появился). Возникают эротические культы, связанные с почитанием женского начала — шакти; ряд почитателей Шивы создает оргиас-тические изуверские культы, связанные с поклонением богам любви и смерти, главным из которых была Кали (Дурга) — супруга Шивы. Так, приверженцы одной из самых изуверских сект — тхуги (душители) — приносили в жертву Кали случайных людей (через удушение). Общим для всех индуистов является признание авторитета Вед, учение о карме и переселении душ (ме-темпсихоз), вера в божественное происхождение каст.

В конце XV в. в Индии возникает своеобразная секта сикхов, ее основоположник Нанак пытался объединить в одну религию не только всех индуистов, но и мусульман. На протяжении нескольких столетий сикхи вели борьбу с иностранными владыками — сначала мусульманами, а потом англичанами. С древнейших времен в Индии сохраняется (хотя и немногочисленная) *секта джайнистов,* существуют приверженцы йоги и многих других древних учений.

В Средневековье в Индию проникает христианство (определенные его идеи оказали влияние на формирование образа и биографии Кришны), но оно не получает широкого распространения даже в эпоху колониальной зависимости, когда оно насаждалось англичанами.

Кришнаизм В XV—XVI вв. в Индии начинается реформаторское дви-
жение, центральным в котором стало понятие «бхак-ти» — благоговейная любовь к богу, являющаяся средством спасения, в которой все люди равны (впервые это понятие встречается в Бхагават-гите). Последователи этого учения назывались «бхакты». Именно среди бхактов получило особое распространение поклонение Кришне как воплощенного Бога (широкое распространение в Индии имело и почитание Бога без воплощения). Идея бхакти получает свою теоретическую разработку в трудах таких философов, как Чайтанья, Раманужда, Валлабхачарья.

По преданию, Шри Валлабхачарья при посещении Браджа (район, где по преданию родился и вырос Кришна) имел видение Кришны, на месте этого

чуда он в 1499 г. заложил храм Шри Натха (окончательно достроенный в 1519 г.). Позднее в Брадже создается еще ряд храмов. Браджа становится центром почитания Кришны. Но кришнаизм не был единым течением, внутри него также можно выделить ряд направлений и сект.

Из древних упоминаний о Кришне наибольшего внимания заслуживает Бхагават-гита (вставная поэма в Махабхарате), где Кришна предстает в виде возничьего — Арджуны (см. Культура Древней Индии).

Биография Кришны излагается в пуранах.

Кришна Кришна (др.-инд. krsna, буквально «черный», «темный», «темно-синий»), в индийской мифологии сын Васудевы и Деваки, аватара Вишну. Образ Кришны многозначен; по-видимому, в нем слились различные мифологические и, может быть, даже исторические прототипы.

Предполагают, что «чернота» Кришны — свидетельство южноиндийского, дравидского происхождения его образа. Цвет тела Кришны — темно-синий или темно-лиловый (реже он изображается совсем черным, темно-зеленым или темно-коричневым) и сравнивается с цветом дождевой тучи, несущей освобождение от смертоносной жары. Кришна по природе своей — прежде всего защитник, избавитель. Но для индийца в слове «Кришна», «Черный», есть также что-то недоброе, зловещее; это же имя носят (в ведах и позже) различные демоны-асуры...

В городе Матхара правил неправедный царь Канса. Чтобы избавить от него землю, Вишну решает родиться в человеческом облике. Канса слышит предсказание, что он умрет от руки восьмого сына своей двоюродной сестры Деваки, и убивает всех рождающихся у нее от Васудевы сыновей. Спасается лишь седьмой сын, Баларама, а восьмого сына, Кришну, едва тот родился, Васудеве чудесным образом удается переправить на другой берег реки Ямуны, где он воспитывается в семье пастуха Нан-ды и его жены Яшоды. Канса, узнав об исчезновении новорожденного, приказывает убить всех младенцев в Матхуре. Детство Кришны, его шалости (похищение масла у Ящоды, одежд у купающихся пастушек и др.) и подвиги (убийства демонов, которых подсылает Канса, поглощение пламени лесного пожара и спасение от него воров и пастухов, победа над повелителем змей Калией; поднятие над головой горы Говардха-на, чтобы прикрыть от дождя пастухов, пастушек и их скот, и др.) — излюбленные темы индийской поэзии. Еще более популярная тема — любовь пастушек к отроку Кришне. Заслышав свирель пастуха Кришны, пастушки, бросая мужей и домашние дела, бегут к нему и танцуют с ним в экстазе на берегу Ямуны. Пастушки и их влечение к Кришне трактуются индусами как символ человеческих душ, устремленных к слиянию с богом. Но бог неуловим и недостижим: в конце концов, Кришна покидает пастушек, чтобы выполнить свой долг — убить Кансу. Убийством тирана завершается юность Кришны. Из пастуха он превращается в воина и политика: восстанавливает справедливую власть в Матхуре

и защищает город от демонов, мстящих за Кансу. При этом Кришна переводит всех жителей Матхуры — ядавов в Двараку, новый город, который по его приказу строится за одну ночь. Совершая дальнейшие подвиги, Кришна обретает сначала восьмерых жен (первая из них Рукмини), а затем еще 16100 жен. Обладая чудесной способностью пребывать одновременно со всеми женами, Кришна производит многочисленное потомство. После битвы при Курукшетре, которая завершает круг земных дел Кришны-Вишну, Кришна, решив вернуться в божественные сферы, сначала уничтожает весь город ядавов, а затем и сам погибает от стрелы охотника, принявшего его за оленя.

В средневековой индийской культуре наибольшую популярность приобрел образ Кришны-любовника (при этом на первый план выдвинулась одна из пастушек — Радха, хотя в некоторых сектах и областях Индии преобладает культ Рукмини)...

Сходство некоторых моментов в мифе о Кришне и в преданиях о жизни Иисуса Христа, а также фонетическая близость имен («Кришна», а в другом произношении «Кристна», «Христос») давали основания некоторым исследователям видеть в Кришне видоизмененный образ Христа, некогда занесенный в Индию кочевыми племенами. Однако эта гипотеза не подтверждена сколько-нибудь убедительно.

(Серебряный С.Д. Кришна. С. 15—18)

Философия

В Индии продолжают существовать и развиваться те же, что и в древности, шесть ортодоксальных и три неортодоксальные школы (в том числе и буддийская). После окончательного вытеснения буддизма (примерно в XIV в.) исчезают и буддийские философские школы.

Государство и право

О суде Простой народ в Индии хотя и легкомыслен, тем не менее честен и заслуживает уважения. В денежных делах индийцы бесхитростны и в отправлении правосудия внимательны к людям. Они боятся возмездия в будущих воплощениях души и равнодушны к земным делам. Индийцы не допускают обмана или предательства и верны данной клятве или обещанию. В управлении у них царит удивительная честность, а во всем

поведении мягкость и любезность. Уголовных преступников или бунтовщиков в Индии мало, и они лишь иногда доставляют беспокойство. Когда имеет место нарушение закона или покушение на власть государя, то дело тщательно
383
расследуется и виновного в преступлении заключают в тюрьму. Телесных наказаний при этом не применяют, а человека перестают считать существующим и не заботятся, умрет он или будет жить. Когда же имеется преступление против собственности или справедливости или когда человек виновен в неверности или в непочтении к родителям, то за это обрезают нос или уши, или обрубают руки или ноги, или изгоняют из страны, или прогоняют в безлюдную пустыню. За другие проступки, кроме указанных выше, взимают небольшой денежный штраф, и это освобождает от иного наказания, если обвиняемый упорно отрицает свою вину, или, несмотря на наличие вины, старается оправдать себя, то для установления истины и принятия приговора применяют четыре рода ордалий: водою, огнем, взвешиванием, ядом.
(Описание Индии китайским путешественником Сюан Цзаном. С. 155-156)

Книги и библиотеки

На востоке, в Бенгалии и Ориссе, существовали буддийские школы живописи, которые в период династии Палов иллюстрировали буддийские рукописи, а также украшали драгоценным фигурным и декоративным узором деревянные обложки рукописных книг на пальмовых листах. Существовали также джайнские школы живописи в Гуджарате и Раджастхане, оформлявшие фигурными украшениями джайнские рукописи, от которых сохранились как отдельные фрагменты (начиная с XIII в.), так и полные экземпляры. Здесь, как видно, первоначально также использовались для рукописей пальмовые листы. Однако вскоре, по-видимому, богатые джайнские купцы, которые финансировали и поддерживали преуспевающие джайнские общины, ввели в употребление бумагу и даже стимулировали ее производство в Индии. Отдельные листы бумаги склеивались вместе, так что получался твердый картон.
(Моде Х. Искусство Южной и Юго-восточной Азии. С. 131—133)

Школа и обучение

О Наландском Жрецы, которых здесь несколько тысяч, — люди вы-**университете** соких способностей и талантов. Их известность в настоящее время очень велика. Имеется много сотен таких, чья слава быстро распространилась в отдаленные области. Их поведение чисто и непорочно. Они строго следуют предписаниям морального закона. Правила, существующие в их монастыре, суровы, и
384
все жрецы обязаны выполнять их. Все области Индии уважают их и следуют за ними. Дня недостаточно, чтобы спросить и ответить на глубокие вопросы. С утра и до самой ночи они заняты рассуждениями. Старые и молодые взаимно помогают друг другу. Те, кто не способен разбираться в Трипитаке, мало уважаются и из-за стыда вынуждены прятаться. Вследствие этого множество ученых из разных городов, желающих быстро приобрести славу умеющего вести споры, приходят в Наланду, чтобы разрешить свои сомнения, после чего поток их мудрости распространяется во всех направлениях. По этой причине неко-торые присваивают себе имя наландского ученого и в результате пользуются уважением, где бы ни появлялись.
(Описание Индии китайским путешественником Сюан Цзаном. С. 159-160)

Литература

Индийская средневековая литература представляет собой весьма пеструю картину как с точки зрения жанров и конфессий, так даже и с точки зрения языка. В начале II тысячелетия санскрит стал мертвым, книжным языком. Поэтому наряду с литературой на санскрите появляется богатая *литература на новых языках и диалектах.*
По конфессиональной принадлежности можно различать литературу индуистскую, буддийскую, джайнистскую, суфийскую и т.п. Светская литература также несет отпечаток религиозных верований.
Из прозаической литературы на санскрите особенно известна Панчатан-тра (Пять книг), первый вариант которой появился еще в эпоху Гуптов. Особенностью ее является использованный еще в Махабхарате и Рамаяне прием «обрамленного», или «рамочного», рассказа, когда один рассказ находится внутри второго, второй — внутри третьего. Еще в Средневековье Панчатан-тра была частично переведена на арабский, персидский, сирийский, греческий, латинский, другие языки и оказала большое влияние не только на индийскую, но и на мусульманскую и европейскую литературу.
Из крипшаист- *Сур Дас* (XVI в.) — первый поэт знаменитого поэтиче**ской поэзии** ского объединения «Союз восьми благословенных», про-**Сур Даса** существовавшего до 1585 г. По преданию, в 1510 г. Сур Дас впервые встретился с Валлабхачарьей, а в 1519 г. при открытии кришнаистского храма Шри Натхаджи Сур Дас

уже выступал как первый поэт и музыкант этой кришнаистской секты. В «Житие» Сур Даса рассказывается, что он был из рода брахманов, родился слепым, но обладал способностью к ясновиденью.
Сердца Кришны и Радхи впервые любовь открыла. Поговорили их очи, и тайное стало явью.
385
Кришна сказал: «Приходи в деревню к нам, к дому Нанды.
У двери меня позови — все меня кличут Канхейей.
Ты скажешь мне: далеко! Но приходи, я услышу!
Клянусь: если выйдешь утром, вечером будешь дома!
С тобою, такой чистосердечной, хотел бы всегда быть рядом!»
Сур Дас: Вот и Радха-гопи лукавому верит Кришне!
* * *
Рядом с любимым Кришной Радха блистает дивно,
Словно иссиний тамаль рядом с желтым цветком.
Как благолепна телом! Синей чарует одеждой! —
Подобно осенней луне, скрытой за облаками.
Ярко в носу колечко в нимбе от ожерелья.
Все перемешаны краски с желтою — от куркумы.
Сур: Расцветает сочно рядом с Кришною прелесть, радуя Камадева.
(Нет жизни без Кришны. С. 67, 73)

Из индийской лирики X—XII вв.

Не так он был счастлив, отдавшись ласкам
При первой тайной их встрече,
Как увидев на другой день
Смущенные ее глаза.
* * *
Кто другой испытает такое блаженство — Обнять твои круглые бедра? Золотой шнурок достигает величья Варуны и Хутавахи.
* * *
Огонь, спаливший питейный дом, Не щадит и священной ограды. Так и людей: удачливых или нищих — Погребальный костер, не минует.
* * *
Она верная тебе жена, А я неверная, милый. Зачем растрачивать семя? Сыночка, похожего на тебя, не будет.
* * *
Все у меня сгорело,
А в сердце — радость,
Потому что взял он во время пожара
Кувшин из моей руки.
(Индийская лирика II—X веков. С. 78— 79)
386

Из книги «Трид-монахах»-

Кто хочет, обходя обет, **дать два рассказа**
Заполучить чужой обед, **о**
Тот пострадает, как старик,
Таскавший сахарный тростник.
Жил в деревне Малланака монах Ниссанга, что значит «тот, кто не принадлежит к общине». Под конец жизни таким добродетельным стал, что ни у кого ничего не просил — разве что принимал подарки. Однажды, выйдя за город, набрал он на поле сахарного тростника. Очень захотелось ему отведать сладких стеблей тростника, и тогда сказал он, к полю обращаясь:
— О поле, поле, разреши мне взять три-четыре стебля. — И сам же вместо поля себе ответил: — Возьми пять-шесть.
Вот он, сам себе разрешение дав, сорвал пять-шесть стеблей и ушел. Понравился монаху Ниссанге тростник, и стал он приходить за ним каждый день.
Однажды проведал про это хозяин поля.
— Как зовут того негодяя, который таскает у меня сахарный трост ник? Спрячусь-ка я сегодня и выслежу вора.
Решил он так и хорошенько укрылся в тростнике.
Вот пришел монах и, как обычно, стал поле спрашивать. Выскочил хозяин из засады и крикнул на монаха так, как на слонов кричат. Монах тотчас же забормотал:
— О, не гневайся, не гневайся! Я всегда, прежде чем сорвать хоть один стебель, разрешения спрашиваю.

Удивился хозяин:
— Как это ты делаешь?
И монах в точности повторил все, как он делал обычно. Разгневанный хозяин крепко связал монаха, притащил его к колодцу и спросил:
— Колодец, а колодец, скажи, сколько раз.этого дурня окунуть — раза три-четыре? — И сам ответил: — Раз пять-шесть.
Так хозяин поля помучил изрядно беднягу, а потом уже отпустил его, наказав никогда больше так не делать.
(Бхаратакадватриншати. Тридцать два рассказа о монахах. С. 348—349)

Музыка

В эпоху Средневековья в Индии продолжают существовать и развиваться множество школ и музыкальных стилей. Одно из основных различий между северной и южной музыкой в том, что на севере она испытала влияние мусульманской музыки, на юге же продолжалось развитие брахманистских традиций.
387

Архитектура и строительство

Основная масса скальных и наземных храмов в VII веке была сосредоточена в южных районах Индии. Таковы выросшие в городе Ма-хабалипураме на морском побережье близ Мадраса в период расцвета государства Паллавов пять небольших сооружений — ратх. Высеченные целиком из огромных валунов вместе с дополняющими их статуями, они образовали совершенно новый тип ансамбля. Стоящие на открытом пространстве и представляющие взору скульптурные изображения на своих стенах, эти храмы были не столько произведениями архитектуры, сколько огромными скульптурными монументами, обработанными с ювелирной тщательностью и большой художественной фантазией. В этих «моделях» домов все внимание уделялось внешней отделке фасадов с пилястрами, нишами, колоннами, портиками. Внутреннее пространство было незначительным или отсутствовало вовсе. Каждая из ратх была названа именем божества или легендарного героя эпоса «Махабхарата» и имела свой неповторимый облик. Дхарма-раджаратха представляла собой кубическую в основании, ступенчатую пирамиду, увенчанную по углам и сторонам ярусов кровли нарядными шлемовидными шатрами; Арджунаратха воспроизводила тип сельской хижины; Бхимаратха — тип двухэтажной постройки со сводчатым перекрытием. Но все они и по своим ритмам и по компактности нарядных форм[1] дополнял и друг друга... Свободно поставленные ратхи как бы составляли часть вольного мира. Этому ощущению помогали и крупномасштабные статуи быка, льва и слона, высеченные из тех же валунов и расположенные рядом со святилищами. Исполненные живой наблюдательности, непосредственности и правдивости, они выглядели так, будто случайно забрели на территорию храма. Особенно остро чувство единения с природой проявилось и в дополняющем ансамбль огромном скальном рельефе Махабалипурама. Посвященный мифу о нисхождении священной реки Ганга на землю к людям, этот рельеф предназначался для увековечивания места храмовых торжеств и сезонных празднеств... Огромный (9 метров в высоту и 27 в длину) рельеф, выбитый на скале под открытым небом... На нем изображены все стихии и сферы небес и земли, толпы людей, духов, небожителей и животных, в едином радостном порыве устремившихся к месту, откуда низвергался с небес водный поток. Это место в скале обозначено естественной впадиной, по которой в период дождей и в самом деле стекала вода. В расщелине изображены богини-змеи, извивающиеся хвосты которых как бы помогали создать подлинное ощущение движения воды и низвержения потока. Легенда и живые жизненные наблюдения сплетаются воедино в этой грандиозной панораме, проникнутой мощным движением. Здесь и аскеты, и небесные музыканты, и лани, и величественные слоны, ведущие на водопой своих слонят... Такого объедине-
388
ния фигур в едином безудержном движении, такого огромного собрания легенд на поверхности каменного массива не ведала вся предшествующая история индийского искусства...
В целом система индуистского храма была несложной. Ядро храма составляло кубическое по форме святилище — вимана с небольшим внутренним пространством — гарбха-гриха («чрево храма»), где помещалась главная святыня, недоступная взорам толпы. Вимана увенчивалась башнейшикхара и была самой высокой частью храма. За ней следовал притвор и многоколонный зал или галерея — мантапа, место собрания молящихся.
На рубеже IX—X веков уже отчетливо выявились и характерные различия между северными и южными типами построек. Северный тип отличался мягкими, криволинейными, словно набухающими очертаниями своих высоких башен, увенчанных каждая символическим коль-цом-

амалака («плод лотоса») наверху. Южные храмы увенчивались многоярусной пирамидальной башней, прообразами которой являлись ступенчатые кровли ратх VII века Махабалипурама, а затем и стройные, вытянутые вверх башни Прибрежного храма того же Махабалипурама, возведенного уже в VIII столетии.

Бурное развитие храмового зодчества потребовало и новых строительных приемов. КIX веку уже изжила себя трудоемкая техника вырубания храма из цельной скалы. Вместо нее активно внедрилась в жизнь техника кладки из тесаного камня. Строительный камень (на севере — известняк, на юге — песчаник, мрамор и гранит), которым изобиловали горы Индии, добывался в скалах, резался на месте на крупные блоки и доставлялся к храму. Каменные блоки скреплялись либо деревянными клиньями, забиваемыми в отверстия, либо металлическими скобами. Камень стали соединять с кирпичом или деревом.

(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 110—113, 119—120)

Храм Кайласанатхи в Эллоре... находится посреди вырубленного из скалы двора, площадью 58 х 51 метр и более чем на 33 метра уходящего в глубь скалы, и представляет в плане большой прямоугольник, размером 55 х 36 метров. Этот храм, как ратхи в Махабалипураме, вырублен из скалы вместе со всеми своими фигурными и декоративными украшениями...

Высшую точку архитектуры Ориссы представляет собой большой храм Сурьи (бога солнца) в Конараке, один из самых больших храмов во всей Индии. Он был построен примерно в середине XIII века, сейчас же представляет собой необычайно впечатляющие развалины. Основное здание храма в Конараке с огромными колесами на наружных стенах отвечает мифологическим представлениям о колеснице солнца, запряженной гигантскими конями. Фигурные украшения храма в Ко-

389

нараке знамениты своими эротическими скульптурами, отличающимися грубой откровенностью. Существует много толкований этих изображений. Одно из них, возможно наиболее вероятное, связывает их с искусством танцовщиц, обычно состоявших при храмах такого рода в качестве невест божества и одновременно «служивших» святым паломникам, что не вызывало осуждения в глазах общества...

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-восточной Азии. С. 91—92)

Индийско-мусуль- После завоевания Индии мусульманами возникает но-**манская архитек-** вый тип архитектуры, представляющий собой сплав му-**тура** сульманских и индийских традиций. К ним относятся традиционные для ислама мечети, минареты и медресе, но также крепости и мавзолеи.

Довольно обособленно стоит знаменитейший ныне памятник архитектуры Индии — Тадж-Махал в Агре, выстроенный Шах Джаханом в память своей любимой жены Мумтаз-Махал. Этот мавзолей хотя и имеет планировку, восходящую к персидским образцам, и, по преданию, был сделан по эскизу персидского архитектора, однако по своему впечатляющему архитектурному образу, носящему характер фантастически-ирреальный, который отличает индийские памятники такого рода от всех неиндийских, является типичным для Индии архитектурным произведением. Тадж-Махал расположен посреди большого парка, из которого открывается с разных точек зрения памятник с его башнями, похожими на минареты.

(Моде Х. Искусство Южной и Юго-восточной Азии. С. 139)

Изобразительное искусство

Скульптура Техника строительства и мастерство обработки кам-

ня достигли в Эллоре небывалого совершенства. Массивные пухлые колонны имели капители и базы, покрытые сложными скульптурными узорами. Скульптура заполняла и все внутреннее пространство храмов, составляя неразрывное целое с их стенами. Суровые и гневные каменные божества, взирающие на зрителей из таинственного полумрака, изображались в битве со злом или в готовности к подвигу. Гигантские их тела, поражающие как бы бьющей через край жизненной силой, были выполнены в смелых ракурсах, резких поворотах. Стремясь передать щедрость и изменчивость природных сил, которые отлицетворяли божества Вишну и Шива, мастера придавали им фантастический облик многоголовых и многоруких существ. Особенно популярным стало изображение многорукого Шивы — царя танцев, мощными ритмами своих движений осуществляющего круго-

390

вращение Вселенной. Новые черты времени с особой наглядностью проявились и в монументальной фигуре трехликого Шивы, составляющей композицию пещерного храма на острове Элефанта. Величественный бюст трехликого божества, одновременно воплощающего

силы разрушения, созидания и покоя, словно вырастал из каменной глыбы. Поражает огромность масштабов этой статуи. Высота одних только голов достигает шести метров, тогда как грандиозность будто скрытого в камне туловища может только домысливаться воображением зрителей. Ощущение необычайной внутренней силы, какой-то космической мощи заключено в чрезмерно выпяченных крупных губах, тяжелом подбородке, сурово сдвинутых бровях и грозном выражении ликов, смотрящих на три стороны света. Это ощущение сверхчеловеческого могущества отличает образ Шивы из храма на острове Элефанта от исполненных радостного приятия жизни или задумчивой нежности образов древних богов, соразмерных людям своими масштабами.
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 109—110)

Наиболее знамениты и гораздо более значительны с художественной точки зрения не каменные фигуры храмов периода Чолов, а многочисленные бронзовые статуи, которые представляют собой характерные образцы индийского искусства в период расцвета южноиндийских государств. В настоящее время стало известно, что самые значительные произведения бронзовой пластики сохранялись в больших южноиндийских храмах и лишь недавно стали доступны для обозрения. На первом месте стоит шиваитская пластика: сам Шива, его супруга Парвати-Ума и божества индуистского пантеона. Таков танцующий Шива, он и поныне являет собой образец индийской бронзовой скульптуры этого периода.

Все они отличаются очень грациозными позами, композиционной законченностью и высоким совершенством объемного изображения.

Такие бронзовые статуи, очевидно, попали в свое время и в страны Юго-Восточной Азии, где оказали заметное влияние на развитие местного искусства. В Шри Ланке было найдено большое количество бронзовых статуй, относящихся к периоду завоевания этой страны династией Чолов. Как показывает уже сама статуя танцующего Шивы, культовый танец переживает здесь, в Восточной Индии, период своего расцвета. Рельефы изображают многочисленные вариации поз танцовщиц и музыкантов. Среди них и знаменитые баядеры — индийские танцовщицы, которые исполняли при храме культовые функции. Их высокое искусство, запечатленное в пластическом изображении, обрело в XIX и XX веках вторую жизнь в классическом индийском танце: изображенные старинные танцевальные па были освоены молодежью, и еще и по-

ныне индийский танец пользуется мировой известностью как высочайшее достижение танцевального искусства. Особенно богаты изображениями танцующих стены храма Чидамбарама, демонстрирующие огромное множество вариаций танца. Они еще и в наши дни служат индийским танцорам для изучения позиций классической индийской танцевальной системы (Бхарата Натьяма).
(Моде Х. Искусство Южной и Юго-восточной Азии. С. 109—110)

Научные знания

В 1760 г. во время войны с англичанами индийский принц Хайдар Али вооружил специальный отряд численностью 1200 человек ракетами с дальностью действия около 1,6 км и разгромил английскую колониальную армию. Его сын в несколько раз увеличил численность своего ракетного корпуса и несколько раз наносил серьезные поражения английским войскам.

Быт и нравы

Описание городаи Города и села имеют ворота. Стены у них широкие **жилища** и высокие. Их улицы и переулки запутанные, а до-

роги извилистые. Главные улицы грязные. Торговые ларьки на этих улицах стоят по обеим их сторонам и имеют соответствующие знаки. Мясники, рыбаки, танцоры, метельщики и подобные им люди живут вне города. На улицах эти люди обязаны держаться левой стороны, пока не дойдут до своего дома. Их жилища окружены невысокими стенами и образуют предместья города.

Так как земля здесь обычно сыроватая и глинистая, то городские стены большей частью делаются из кирпича и черепицы. Башни на стенах делаются из дерева или из бамбука. Дома имеют деревянные балконы и террасы. Стены домов обмазаны глиной или известкой и имеют черепичные крыши. Имеются строения такого же вида, что и в Китае, т.е. покрыты камышом, сухими ветвями деревьев, черепицей или тесом. Стены обмазываются глиной и известью, смешанными для чистоты с коровьим пометом.
(Описание Индии китайским путешественником Сюан
Цзаном.С. 153-154)

Описание обычаев Когда индийцы сидят или отдыхают, они исполь-**и одежды** зуют циновки. Члены царской семьи, знатные лица

и чиновники пользуются циновками, украшенными разнообразными рисунками, но по величине одинаковыми. Трон государя широкий, высокий, богато украшен драгоценными камнями
392
и называется львиным троном... Трон покрыт тончайшей тканью. Скамеечка для ног государя украшена самоцветами...
Одежду индийцы не кроят и не шьют. Они очень любят белые ткани и мало ценят цветные или украшенные рисунком... Свое платье индийцы делают из каушейи и из хлопка. Каушейя производится диким шелковичным червем. У них имеются платья из кшаумы, или особого вида конопли. Одежда делается также из так называемого камбала, вытканного из тонкой козьей шерсти, и из карала, вырабатываемого из тонкой шерсти дикого животного. Ткань, именуемую карала, выткать нелегко, и поэтому она очень ценится и считается высокосортной...
(Описание Индии китайским путешественником Сюан Цзаном.С.153-154)

Китай

Исторический очерк Для Китая начало Средневековья большинство ученых связывают с падением династии Хань в IV в. И до VI в. длится период раздробленности, называемый обычно *Южные* и *Северные династии.* На Севере наиболее сильным государственным образованием было царство Северная Вэй (386—535 гг.), а на юге — экономическим и духовным центром стал город Цзянькан.
Уже в конце VI в. происходит объединение Севера и Юга под властью *династии Суй* (589—618 гг.), в VII в. возникает могущественная *Танская империя* (618—907 гг.). За падением Танской династии последовала новая 50-летняя эпоха раздробленности, затем произошло еще одно объединение — уже при *династии Сун* (960—1279 гг.). Эпохи Тан и Сун — это время наиболее яркого расцвета средневековой китайской культуры.
В конце XIII в. Китай был завоеван монголами, основавшими *династию Юань* (1280—1368 гг.), впервые в истории Китая он оказался подчиненным чужеземцам. Однако китайцам удалось «китаизировать» своих захватчиков, которые в значительной степени переняли не только нравы и обычаи, но и систему государственного управления, законодательство. Столицей Юань-ской империи стал Пекин (Дала).
В конце XIV в. китайцам удалось освободиться от иностранного владычества, начинается *период Мин* (1368—1644 гг.). В XVI—XVII вв. ситуация в стране была очень сложной, одно за другим следовали массовые крестьянские восстания. После того, как одним из восставших удалось захватить столицу, правители были вынуждены обратиться за помощью к маньчжурам, признав свою вассальную зависимость от них. Минская династия пала, воцарилась маньчжурская *династия Цин* (1644—1911 гг.).

Религия и церковь

В Китае с древности сохранились конфуцианство и даосизм. В I в. в страну проникает буддизм (в форме хинаяны), но не получает особого признания,
393
с V в. начинается проникновение буддизма в форме махаяны. Его широкому распространению способствовало то, что буддизм допускает неограниченное расширение своего пантеона за счет включения в него местных богов, а для махаяны характерно еще и то, что местные божества сливаются при этом с персонажами буддийской мифологии. Так, например, очень популярная в Китае богиня милосердия Гуань-инь стала считаться аватарой будды Авало-кетешвары. Таким образом, на протяжении всего Средневековья в Китае сосуществуют три религии — конфуцианство, даосизм и буддизм; их называли «три истины». Подавляющее большинство верующих выполняют обряды всех трех религий: так, для лечения больных или для изгнания злых духов чаще приглашают даосских монахов, для совершения погребальных обрядов — буддийских.
Со стороны государственных властей отношение к этим религиям в различное время менялось: в целом признавая их все как истинные, отдельные правители и династии часто отдавали предпочтение одной из них. Так, буддизм пользовался особым покровительством императоров династий Суй и Сун, а конфуцианство — Юань и Цин (т.е. иноземных правителей). В VI— VIII вв. в Китае зарождается такое своеобразное и интересное направление буддизма как чань-буддизм (более известный под японским названием «дзэн-буддизм»). В эпоху Цин в стране появляется шаманизм, принесенный маньчжурами: его элементы включаются в придворный культ.
В VI—IX вв. в Китай проникает зороастризм и манихейство. С X в. начинается проникновение в Китай ислама (в настоящее время число приверженцев его доходит до нескольких миллионов). Проникло в Китай и христианство, но точное время его появления установить трудно, и широкого распрос-транения оно не имеет.
транения оно не имеет.
Чань-буддизм Китайское название «чань» восходит к санскритскому слову «дьхяна» — медитация. Ежедневная медитация, продолжающаяся несколько часов, — основа религиозной практики чань. Однако основоположники чань, развивая тезис махаяны о тождестве сансары и

нирваны, отказывались противопоставлять медитативное состояние прочим формам человеческой деятельности. «Обыкновенное сознание — это и есть истина» — гласит один из главных постулатов чань. По преданию чань основана выходцем из Индии патриархом Дамо (Бодхидхарма), прибывшим в Китай во второй четверти VI в. и обосновавшимся в монастыре Шаолиньсы (провинция Хэнань). Бодхидхарма считается 28-м по счету преемником мудрости Будды, передававшейся непосредственно от учителя к ученику. Наряду с идеей «передачи истины от сердца к сердцу» другой отличительной особенностью чаньской традиции стало учение о «внезапном просветлении»... Последнее было развито 6-м (и последним) патриархом чань Хуэйнэном (638—713)... Различаются четыре основных принципа чань: «Не твори письменных поучений», «Передавай традицию вне наставлений», «Прямо указывай на человеческое сердце», «Прозревай природу и становись Буддой». В отличие от прочих школ китайского
394
буддизма в монастырях чань большое значение придавалось совместному физическому труду. В монастыре Шаолинь сложилась самобытная школа воинского искусства. Чань оказал глубокое влияние на литературу и искусство позднесредневекового Китая.
(Малявин В.В. Чань. С. 270-271)

Философия

В Китае средневековая философия развивается в основном в русле конфуцианства, даосизма и буддизма. Периодом расцвета философской мысли можно считать эпоху Сун. В этот период развивается метафизика конфуцианства. Центральной проблемой, вокруг которой шла особенно напряженная борьба между различными философскими школами, была проблема соотношения идеального закона (ли) и материального первоначала (ци). В эту же эпоху разрабатываются такие понятия, как «Великий предел», «Великая гармония» и др.

Государство и право

Из «Синь Тан шу> *Синь Тан шу* (Новая Танская история) была написана в XI в. под руководством известного государственного деятеля, писателя и историка Оуян Сю. Особую ценность ей придает большое количество включенных в нее выдержек из документов: указов императоров, докладов сановников, донесений с мест.

Когда утверждалась династия Тан и Гаоцзу вступил в столицу [618г.], он провозгласил законы из 12 основных пунктов. Согласно им, наказанию смертной казнью подлежали только лица, виновные в убийстве, грабеже, дезертирстве и в измене...

Во второй год [619 г.] был опубликован новый закон (гэ) из 53 пунктов, на основании которых в случае амнистии не подлежат помилованию чиновники, которые брали взятки, лица, которые совершили кражу, а также люди, которые обманом или с помощью подлога присвоили казенное имущество. В дни, когда запрещался убой скота, а также в 1 -и, 5-й и 9-й месяцы смертные приговоры не должны были приводиться в исполнение.

В четвертый год [621 г.] Гаоцзу лично проверил приговоренных к заключению. В связи с тем, что множество людей нарушило закон во время смуты, многие были помилованы. Среди них люди, совершившие разбой, но не ранившие при этом хозяина, солдаты, убежавшие из войска, и чиновники, преступившие закон.

Затем император приказал пушэ Пэй Цзи и другим (всего 15 человекам) заново составить свод законов (люйлин), который состоял из
395
500 люй (статей) с приложениями из 53 параграфов. Все три категории наказаний ссылкой были увеличены по расстоянию на тысячу ли, а срок ссылки уменьшен с 3—2,5 лет до одного года. Остальные положения [о ссылке] остались без изменений.

Вступив на престол, Тайцзун [627—649 гг.] приказал Чансун У-цзи, Фан Сюань-лину и другим опять восстановить старый закон. Было установлено, что лица, приговоренные к смертной казни через повешение, и прочие 50 категорий —. все должны быть избавлены от смерти, но подвергнуты наказанию отсечением пальца правой ноги. Потом [император] жалел, что этим калечат людей, сказав приближенным сановникам: «С давнего времени уже отменено наказание отсечением частей тела, ныне опять отсекаем у людей палец ноги. Я не могу этого вынести!»

Ван Гуй, Сяо Юй, Чэнь Шу-да ответили ему: «Человек, приговоренный к смертной казни, остался живым. В этом случае разве боится он потерять один палец правой ноги? Отсечение пальца правой ноги преследует цель — предостеречь других. Замена смертной казни отсечением пальца — это большое снисхождение!» Император сказал: «Вы еще раз это обдумайте!»
(Синь Тан шу. С. 63—64)

Книги и библиотеки

В VII в. в Китае изобретается ксилографический способ книгопечатания,
а
в XI в. — печать с помощью разборного шрифта.

Школа и обучение

Из «Синь Тан шу» В VIII в. была введена система государственных экзаменов, требующих от претендентов на должность чиновника знания не только конфуцианского канона, но и поэзии, искусства и каллиграфии.

По этой системе [отбора ученых] главным образом имелось три пути. Все те, кто приходил из школы, назывались шэнту (ученики), а те, кого выдвигали в областях и уездах, назывались сянь гун. И первые и вторые являлись к местным начальникам, чтобы быть выбранными или отвергнутыми...

По этой системе устанавливались следующие категории: сюцай (выдающийся талант), минцзин (знаток канонических книг), цзюнынпи (даровитый ученый)[1], цзиньши (выдающийся ученый), минфа (знаток законов), минцзы (знаток письменности), минсуан (знаток математики),

иши (одна история), саньши (три истории, т.е. Шицзи, Ханьшу и Хо-уханьшу), Кайюаньли (знаток книги «Обряды Кайюань»), даоцзюй (рекомендуемый провинцией) и тунцзи (способный подросток)...

То, что Сын неба издавал указы и лично проводил отбор, имело целью привлечение наивысших талантов и называлось чжицзю (императорский отбор).

Школ всего было 6. Они подчинялись Гоуцзыцзянь (Государственная школа).

Школа Гоуцзысюэ имела учащихся 300 человек. Учащимися могли быть сыновья и внуки гражданских и военных чиновников в 3-м ранге и выше или правнуки чиновников во 2-м ранге второй категории и выше, а также сыновья заслуженных чиновников во втором ранге, сыновья обладателей титула «сянь гун» и сыновья столичных чиновников в 4-м ранге при даровании по заслугам им 3-го ранга.

Школа Тайсюэ имела учащихся 500 человек. Учащимися могли быть сыновья и внуки чиновников в 5-м ранге и выше, родственники чиновников, которые по закону должны носить траур в течение года, или правнуки чиновников 3-го ранга, а также сыновья заслуженных чиновников 3-го ранга, если им даровали титул.

Школа Сымэньсоэ имела учащихся 1300 человек. В том числе: 500 человек из сыновей заслуженных чиновников 3-го ранга и выше без титула и 4-го ранга с титулом, а также гражданских и военных чиновников 7-го ранга и выше, 800 человек из среды выдающихся простолюдинов (шуминь).

Школа Люйсюэ имела учащихся 50 человек. Школа Шусюэ имела учащихся 30 человек. Школа Суаньсюэ имела учащихся 30 человек. Учащимися последних трех школ могли быть сыновья чиновников 8-го ранга и простые люди, -хорошо знающие названные предметы.

(Синь Тан шу. С. 64—65)

Методы обучения «Стиль Дзэн» или «традиция», сложившиеся в по-**в чань(дзэн)-** следний период истории Дзэн, — такие выдающи-**буддизме** еся и необыкновенные, что они сделали Дзэн заме-

чательной и необычной формой буддистского учения, беспрецендентной в любой другой области философии или религии.

Что же такое «стиль Дзэн»? Вкратце, стиль Дзэн состоит из непонятного языка, сбивающего с толку поведения и удивительных методов, которые Дзэн-буддисты применяют в своих поучениях и своей практике.

Например, монах спросил: «Что означает приход Бодхидхармы с Запада?» (иначе говоря: «Что такое истина?») Мастер ответил: «Кипарис во дворе». На тот же вопрос заданный другому Мастеру, был от-

вет: «Зубы доски растят волосы». Можно истолковать эти ответы как подразумевающие вездесущность Реальности, потому что Истина везде и всепроникающа. Кипарисовое дерево иди дующий ветер, воющая собака или даже доска, которая растит волосы, — все они полны жизни в настоящем «здесь и сейчас». Смысл прихода Бодхидхармы с Запада — разъяснить эту универсальность Истины. Можно также истолковать настоящую цель ответа «Зубы доски растят волосы», как намерение со стороны Мастера выбить ученика из колеи привычного логического мышления и привести его прямо к запредельному состоянию с помощью заведомо нелогичного и

неуместного ответа. Можно даже пойти дальше и сказать, что Мастер Дзэн не имел намерения отвечать на вопрос: он просто прямо и непосредственно выразил то, что он видел и чувствовал в тот момент. В этом возвращающем на землю «простом чувстве» в его первозданном, подлинном и естественном состоянии заключена вся тайна Дзэн. Это чувство простое и чудесное — самая заветная основа Дзэн, иногда описываемая как... мгновенная мысль. Раз она мгновенна, из нее никогда не возникло бы искусственности, концептуализации или дуалистичной идеи. В ней для этого нет места. Только через реализацию такого «мгновенного ума» освобождаются от всех уз и страдания. Никогда не отходя от этой вечной «мгновенности», Мастер Дзэн видит все как великое Дао — от кипарисового дерева до палки сухого навоза. Таким образом, Мастер не делал усилий, чтобы дать уместный ответ, он просто излагал то, что видел и чувствовал в этот момент:..
— Что такое Дао?..
— Обычный ум есть Дао...
— Как можно к нему приблизиться?
— Если ты хочешь приблизиться к нему, то ты, конечно, его упус
тишь...
шь...
— Если ты к нему не приблизишься, откуда ты знаешь, что это Дао?
— Дао — не предмет знания и не предмет незнания. Знать — обман чивый способ мышления, а не знать — вопрос бессмысленности. Если кто-то может представить Дао безошибочно, его ум будет как большое пространство — огромное, пустое и ясное. Тогда как можно считать это правильным, а то неправильным?..
Вот интересный рассказ, показывающий, как Дзэн может стать бессмысленной глупостью в руках неправедных (в наши дни это не очень редкий случай).
Монах назвался «Мастером Молчания». На самом деле он был обманщиком и не имел истинного понимания. Чтобы продавать свой мошеннический Дзэн, он имел двух красноречивых монахов-прислужников, отвечавших на вопросы за него, но сам он никогда не произнес ни слова, как будто для того, чтобы показать свой непроницаемый «Безмолвный Дзэн». Однажды, во время отсутствия двух своих прислуж-

ников, к нему пришел странствующий монах и спросил: «Учитель, что есть Будда?» Не зная, в смятении, что делать и как отвечать, он мог только в отчаянии смотреть вокруг во всех направлениях — на восток и на запад, туда и сюда, высматривая своих отсутствующих рупоров. Странствующий монах, явно удовлетворенный, спросил его тогда: «Что такое Дхарма?» На этот вопрос он также не мог ответить, поэтому он сначала посмотрел на потолок, а затем На пол, призывая на помощь небо и ад. Монах снова спросил: «Что такое Сангха?» Тут «Мастер Безмолвия» ничего не мог сделать, кроме как закрыть глаза. Наконец, монах спросил: «Что такое благословение?» В отчаянии «Мастер Безмолвия» беспомощно протянул руки к вопрошавшему в знак капитуляции. Но странствующий монах был очень доволен и удовлетворен этим интервью. Он покинул «учителя» и отправился путешествовать дальше. По дороге пилигрим встретил обоих монахов-прислужников, когда они возвращались домой, и начал с энтузиазмом рассказывать им, какое Просветленное существо «Мастер Безмолвия». Он сказал: «Я спросил его, что такое Будда. Он тут же повернул лицо к востоку, затем к западу, подразумевая, что люди всегда ищут Будду здесь и там, но в действительности Будду не надо искать ни на востоке, ни на западе. Потом я его спросил, что такое Дхарма. В ответ на этот вопрос он посмотрел вверх и вниз, подразумевая, что истина Дхармы — это целостность равности, причем, нет различия между высоким и низким, тогда как в них можно найти и чистоту и нечистоту. В ответ на мой вопрос, что такое Сангха, он просто закрыл глаза и ничего не сказал. То был ключ к известной поговорке: «Если кто-то может закрыть глаза и крепко спать в глубоких нишах облачных гор, то он великий монах». Наконец на мой последний вопрос: «Что такое благословение?» он протянул свои руки и показал мне обе руки. Подразумевалось, что он протягивал свои помогающие руки, чтобы проводить живые существа со своими благословениями. О, какой Просветленный Мастер Дзэн! Как глубоко его учение!» Когда монахи-прислужники вернулись, «Мастер Безмолвия» ругал их так: «Где вы были все это время? Некоторое время назад я был страшно смущен и почти уничтожен назойливым пилигримом!»
(Чжап Чжэнь-Цзы. Практика Дзэн. С. 12—31)

Литература

Китайская средневековая литература чрезвычайно богата по содержанию. Высокая оценка литературы в

самой китайской культуре сказывается уже в том, что в государственных экзаменах на должность чиновника требовалось в первую очередь знание классической литературы. Большое влияние на китайскую литературу оказали религиозные идеи конфуцианства и даосизма, а позднее и буддизма, особенно чань-буддизма.
Китайская беллетристика воз-
399
нйкает в III—VI вв. в форме так называемых «рассказов о чудесном» — жанре, который был ведущим в эпоху Тан, и в дальнейшем пользовался большой популярностью. В эпоху Сун в Китае возникает *повесть,* для эпохи Юань характерен *раирет драматургии,* в эпоху Мин достигает расцвета повествовательная проза в форме эпопеи и романа. К наиболее выдающимся произведениям этой эпохи относятся романы «Троецарствие» Ло Гуаньчжун (1310—1385 гг.), «Путешествие на Запад» У Чэнъэнь (15067-1582? гг.), «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» — автор неизвестен, его псевдоним «Насмешник из Ланьлина» (XVI в.?).
Главенствующее место в китайской литературе всегда занимала *поэзия,* поэтому даже проза всегда насыщается стихами, которые, по мнению китайцев, лучше'всего могут выразить человеческие чувства.

Из рассказа Ван Ду Ван Ду — писатель Танской эпохи, его рассказ приво-**«Древнее зеркало»** дится как пример танской новеллы из жанра «рассказы о чудесах».

Рассказ начинается с того, что герой получает в подарок древнее зеркало, которое, как потом выяснилось, обладало различными волшебными свойствами.

Зеркало это было восьми цуней в поперечнике. Ручка его имела вид лежащего единорога. Вокруг ручки на исподней стороне зеркала были изображены черепаха, дракон, феникс и тигр, согласно четырем странам света. Ниже их шли кругом восемь триграмм, еще ниже двенадцать созвездий в образе животных. По самому ободу зеркала вились двадцать четыре знака. Написаны они были как будто почерком ли, начертания их хорошо сохранились, но в книгах таких знаков не сыщешь. Как разъяснил мне Хоу Шэн, они означали двадцать четыре времени года. Стоило подержать зеркало на солнечном свету, как изображения на исподней его стороне проступали совершенно отчетливо. И даже если потом это зеркало помещали в темноту или тень, таинственные знаки не исчезали. Стоило ударить по зеркалу, как раздавался мерный, протяжный звон, и потом не затихал целый день. О, это было удивительное зеркало! Один его вид наводил на мысль о его необыкновенных свойствах, словно оно само говорило о своей сверхъестественной природе...

[Я] добрался до горных склонов Чанлэ, где и заночевал в семействе некоего Чэн Сюна. Незадолго до этого он взял в дом служанку необыкновенной красоты и прелести. Звали ее Ин-у. Вот почему, не успев даже распрячь свою лошадь, я начал поправлять на себе шляпу и туфли. Мне захотелось поглядеть в зеркало, и я вытащил его из дорожного мешка. Но едва Ин-у издали заметила это зеркало, как принялась отбивать земные поклоны, да с такой силой, что в кровь расшибла себе лоб. Она повторяла с отчаянием: «Не жить мне теперь на свете, не жить!»

400

Я вызвал хозяина, чтобы спросить у него о причинах такого поступка. Вот что он мне сообщил:

— Месяца два назад прибыл ко мне с востока один постоялец с этой вот служанкой. В дороге она занемогла, и гость попросил разрешения оставить ее у меня в доме, пообещав непременно за нею вернуться. Боль ше он не появлялся. Почему она так ведет себя, право, не знаю.

Я стал подозревать, что служанка эта — нечистый дух, и вытащил зеркало, желая изгнать беса. Но Ин-у взмолилась:

— Пощадите меня, я приму свой истинный облик. Прикрыв зеркало, я ответил:

— Прежде расскажи о себе, потом уж меняй обличье. В награду я отпущу тебя.

Служанка, отвесив двойной поклон, поведала мне:

— Я лисица, явилась на свет под сосной у храма Владыки горы Хуа тысячу лет назад. Беспрестанно меняя обличье, мно'гих морочила я, и за эти проделки суждена мне была смерть. Но, не дожидаясь, пока Владыка горы до меня доберется, я укрылась в дальних землях между реками Вэй и Хэ. Там некто Чэнь Сыгун, уроженец Сягуя, удочерил меня, жена его, из рода Чжэн, всячески пеклась обо -мне и заботилась. Мои приемные родители отдали меня замуж за своего земляка Чай Хуа. Но мы с ним не поладили, и я убежала от него на восток. Едва покинув пределы Ханьчэна, попала я в руки одного бродяги по имени Ли Цао, человека невежественного и жестокого. Он принуждал меня всюду следовать за ним. Мы бродяжничали несколько лет, пока, совсем недавно, не попали сюда, где он вдруг оставил меня. И надо ж мне было нежданно-негаданно наткнуться здесь на Небесное зеркало! Теперь мне уж не скрыть от людей, кто я на самом деле.

— Значит, по-настоящему, ты лисица. А скажи-ка, не затем ли ты приняла человеческий облик, чтобы чинить людям зло?

— Человеком я стала, чтобы служить людям, а не вредить, — отвечала она. — Но смена обличья

есть нарушение божественного порядка, вот почему меня ожидает смерть.
— Несчастная,-как мне спасти тебя? — воскликнул я.
— Не стою я вашей доброты и все же никогда ее не забуду. Но я поймана лучом Небесного зеркала, и нет мне спасения. Слишком долго была я человеком, пришла пора принять прежний облик. Но прошу вас, спрячьте зеркало в шкатулку. Хотелось бы мне выпить немного вина, а там я и умереть готова.
— А ты не убежишь, если я спрячу зеркало в шкатулку? — спросил я. Ин-у улыбнулась:
— Только что вы говорили мне такие прекрасные слова! Хотели спасти меня. А теперь боитесь, что я убегу, едва спрячете зеркало в шкатулку. Разве могу я отплатить вам черной неблагодарностью. И зачем? От Небесного зеркала нигде не укроешься. Я прошу у судьбы лишь

несколько мгновений, чтобы вкусить последнюю радость, оставшуюся мне в этой жизни.
Я тотчас же спрятал зеркало в шкатулку и распорядился подать вина. Затем позвал Сюна с семьей и с соседями, и мы вместе принялись веселиться и пировать. Охмелев от вина, Ин-у оправила на себе платье и начала плясать. При этом она пела:
Блеснуло зерцало древних времен, И вот мне приходит конец. А сколько долгих веков на земле Я в чужом обличье жила! Сулит мне много радостей жизнь, Но смерть я охотно приму. Зачем любить этот бренный мир И напрасно оттягивать срок?
Кончив петь, она дважды поклонилась и вдруг стала седой, старой лисицей. В следующий миг лисица уже была мертва. Все, кто это видел, так и вскрикнули от изумления.
(Ван Ду. Древнее зеркало. С. 7—9)

Возмездие

Хуанфу Мэй: Случился в Лоши великий голод. Вздорожало зерно. Трупы-простолюдинов валялись непогребенными в канавах и на межах полей. Ко времени выкормки шелкопряда листва на многих тутах была уже изглодана червем. Цзинь (мера веса. — *Сост.)* тутовых листьев вздорожал до одного хуаня. А у крестьянина Ван Гун-чжи... листва на нескольких десятках тутов выросла на редкость густая и сочная.
Говорит как-то Гун-чжи жене:
— В такой недород, когда и самим-то есть нечего, что попусту надрываться, о шелкопрядах заботиться. Выкормим, а почем знать, в прибыли будем или убытке. Вот я и думаю: лучше продать тутовые листья по дорогой цене. Глядишь, выручим тысяч сто монет. Купим зерна на месяц, той порой и пшеница созреет. А не то и с голоду помереть недолго.
— И то верно, — согласилась жена.
Взял Гун-чжи заступ, вырыл яму, ссыпал личинки в кормушку, да и зарыл. На другой день, едва забрезжило, взвалил он на плечи корзины с листьями и зашагал в город. Там продал их, выручил три тысячи монет, купил кабанью ногу, лепешек и пошел домой.
Дошел до ворот Хуайань. Видит стражник: мешок весь в крови. Сочится из него кровь на землю... Остановил он Гун-чжи и стал его строго допрашивать. Гун-чжи говорит:
— Продал я листья тута, купил лепешек и мяса, сложил все в мешок. Ничего другого в нем нет.

— И просит стражника, чтобы он сам посмотрел. Развязал тот мешок, а в метке рука человека, будто лишь сейчас отрублена. Сбежалась стража, Гун-чжи схватили и повели в караульню. Начальник стражи велел доставить его в окружное управление Хэ-нани. Правителем округа был тогда Ван Гун-нин из Ланъе. Он повелел произвести дознание. На допросах установили, что Гун-чжи закопал личинки, продал листья, купил мяса и возвращался домой. Никого не убивал. Гун-чжи умолял проверить его слова. Правитель приказал чиновнику по судебным делам вместе с секретарем посетить деревню и осмотреть яму, куда были закопаны Личинки шелкопряда. Чиновники прибыли в деревню вместе с Гун-чжи и прежде всего собрали его ближайших соседей. Они подтвердили слова обвиняемого: да, они знают, что Гун-чжи закопал личинки, это верно, а иных провинностей за ним нет. Тогда в присутствии толпы крестьян и самого Гун-чжи разрыли яму. Нашли кормушку. В ней лежал труп человека, левая рука у него была отрублена. Достали руку из мешка, приложили к телу, в точности подходит. Вновь предстал Гун-чжи перед правителем округа, и тот сказал:
— Ван Гун-чжи никого не убивал. Он лишь зарыл личинки шелкопряда. В этом его вина. По законам его можно бы и помиловать, и все же он не заслуживает снисхождения. Ведь из всех червеобразных, населяющих землю, лишь один шелкопряд священен. В нем сокрыто начало нити, дающей шелк. Вот почему уничтожить его личинки столь же преступно, как убить человека. Виновного следует сурово покарать, дабы пресечь и в будущем подобные злодеяния.

И повелел бить Гун-чжи до смерти на базарной площади. Потом послали осмотреть яму, где лежал труп человека, и не нашли его: он превратился в кучку полусгнивших личинок шелкопряда.
(Хуанфу Мэй. Возмездие. С. 311-313)

Из книги «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин Мэй»

В романе рассказывается о похождениях богатого и безнравственного торговца Симынь Цин, который благодаря своим деньгам и умело даваемым взяткам получает все, что хочет, в том числе должность чиновника.

Хозяйка усадила гостей на почетные места. Тем временем слуги заваривали чай, готовили закуски, накрывали стол, зажигали фонари и свечи. Переодевшись, Гуй-цзе вышла из своей комнаты и села вместе со всеми. Это заведение было настоящим гнездом любовных утех, где иволги в цветах порхают. Не обошлось, конечно, и без Гуй-цин, старшей 'сестры Гуй-цзе. Обе они наливали вино в золотые чарки, играли на лютнях, пели и ухаживали за гостями.

В разгар пира Симынь обратился к Гуй-цин:

— Мне давно говорили, что твоя сестренка знает южные мелодии. Можно ее попросить спеть в честь этих господ?

— Не смеем вас беспокоить, — заметил Ин Бо-цзюэ, обернувшись к Гуй-цзе, — но с удовольствием прочистим уши, чтобы насладиться вашим дивным пением.

Гуй-цзе продолжала сидеть и лишь улыбалась. А надобно сказать, что Симынь имел свою цель — провести с Гуй-цзе ночь. У хозяйки глаз был наметанный, и она сразу поняла, к чему Симынь Цин клонит. Тут заговорила Гуй-цин:

— Наша Гуй-цзе с детства избалована и очень застенчива. Не так легко уговорить ее петь любовные песни.

Тогда Симынь Цин позвал Дай-аня, вынул из кошелька слиток серебра в пять лянов и положил на стол.

— Это Гуй-цзе на пудру и румяна. А в ближайшие дни пришлю еще парчовые одежды.

Девушка поднялась с места и поблагодарила Симыня. Потом она велела служанке отнести подарки, тряхнула юбкой и, не торопясь, слегка поправила рукава. Из одного рукава у нее выглядывал серебристо-красный платочек, похожий на плывущий по реке лепесток. Такой же красивой оказалась и ее песня на мотив «Лечу на облаке»:

Достоинства мои — пример для вас,
О жительницы расписных террас. <
Походка, речь и все мои манеры
О вкусе говорят, о чувстве меры.
Чуть шелохнусь, чуть поведу рукою т-
Струится тонкий аромат рекою.
Едва ли не за каждое движенье
От всех приемлю знаки поклоненья,
И вся моя осанка говорит,
Что и в грязи — прозрачен, чист нефрит.
Как долго б эта песня ни звучала —
Пленила бы гостей и чаровала.
И каждый бы твердил здесь неустанно
«Ну, чем не грезы самого Сян-вана!..»

(Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. С. 157—158)

Театр и драматургия

В эпоху монгольского владычества (Юань) возникает классическая китайская драматургия. У ее истоков, как и в других странах, -- фарс и другие ранние драматические формы; выступления в театре считались недостойными занятиями. Ведущими жанрами в драматургии были комедия и драма, хотя известно и несколько трагедий. Монологи и диалоги писались прозой, тексты песен (арий) — стихами.

Музыка

В VIII в. в Китае была создана первая школа музыки и танца — «Консерватория грушевого сада».

В XIV в. складываются северная и южная школы музыки, причем для северной школы более характерна героическая тематика, а для южной — лирическая.

В XVII в. возникает опера

Архитектура и строительство

После проникновения в Китай буддизма начинается строительство буддийских храмов, это прежде всего скальные храмы и пагоды.

Храм Юньган состоял из многих ниш, крупных и малых пещер от двух до двадцати метров высотой, вырезанных в зернистом песчанике... Пещеры Юньгана, обычно неправильной формы, приближающиеся в плане к квадрату или полукругу, высекались без определенного порядка в толще порой неприступных горных откосов, которые прежде соединялись между собой висячими галереями и переходами. При этом архитектура, скульптура и природа выступали в неразрывном единстве. Поражает богатство фантазии, вложенной в эти сооружения. Мастера изваяли из камня целые повести и притчи из жизни Будды и его учеников, добавив свои жизненные наблюдения, свое понимание событий, мотивов орнамента, отделки архитектурных деталей... Потол- ки храмов покрыты фигурами летящих небесных музыкантов и танцов- щиц (по индийским мифологическим представлениям населяющими небеса), угловатых, но порывистых и стремительных в своих движениях. Здесь и поныне можно увидеть самых разнообразных персонажей индийской мифологии — священную птицу Гаруду, змеиных царей, монахов-аскетов, предающихся молитве, буддийских святых, задумчивая нежность и одухотворенная красота которых были чертами совершенно новыми в искусстве Китая. Основное пространство крупных гротов заполняли гигантские тринадцати-, пятнадцати- и семнадцатиметровые изваяния Будды, расположенные прямо против входа. Тяжеловесные, застывшие в своих строго фронтальных сидящих позах, эти колоссы воплощали идеи всего сверхчеловеческого и божественного. Издалека можно было видеть эти, словно выросшие из массива скал, фигуры. Бесстрастные лица с застывшей полуулыбкой и устремленным в пространство взглядом не видящих ничего земного глаз как бы призывали к праведной жизни, отрешению от земных благ... Огромная фигура божества устойчивой, полной величия позой напоминает буддийскую скульптуру Индии. Но заимствованные извне черты осмыслены уже по-другому, подвергну-

ты творческой переработке. Объемность тела в этой статуе выявлена гораздо меньше, чем в индийских, одежды прочерчены строгими, ровными линиями складок, а черты лица отмечены значительной угловатостью...

Архитектуре Танского государства присущ дух ясной гармонии, праздничности и спокойного величия форм. Столичные города Лоян и Чанъань (современный Сиань) имели в плане четкие прямоугольные очертания, были обнесены стенами с башнями и делились внутри на такие же четкие административные кварталы — фаны. Город вмещал в северной части огромный ансамбль императорского дворца с садами, парками и водоемами, а в южной — дворцы и храмы, жилые и ремесленные кварталы. В период Тан окончательно сформировался тип жилой и храмовой китайской постройки, одновременно простой и нарядной. Дворцы и храмы возводились из дерева по единому принципу, на глинобитных, облицованных камнем платформах. Основой зданию служил каркас из опорных столбов, покрытых красным лаком, поперечных балок и сложных узорчатых резных кронштейнов — доугун, которые, опираясь на балки, облегчали давление двойных и тройных крыш на здание. Широкие черепичные крыши с плавно изогнутыми и приподнятыми вверх краями не только защищали здание от зноя и проливных дождей, но и придавали ему красоту и легкость. По выражению самих зодчих, эти сооружения парили над городом, как распластанные крылья птицы. Недаром на углах крыш помещали керамические лепные фигурки, изображающие птиц и крылатых зверей-охранителей.

В городах и близ монастырей, за их пределами, строились также величественные кирпичные и каменные буддийские башни-пагоды, отличающиеся геометрической строгостью и ясностью членений. Самая знаменитая из танских пагод — Даяньта («Большая пагода диких гусей») выстроена в Чанъане. Квадратная в плане шестидесятиметровая кирпичная башня, высящаяся над окрестным ландшафтом, напоминает крепость. Ее благородная простота повествует о величавом духе зодчества этого времени. Впечатление большой легкости достигается благодаря четкому ритму уменьшающихся кверху пропорций семи одинаковых ярусов, арочных окон и конической крыше, венчающей здание. Наружные украшения из строгих ступенчатых кирпичных карнизов крайне скромны.

Сунская архитектура соответствовала более сложной атмосфере времени. В XI столетии, когда Северосунское государство переживало подъем, еще оживлённее стали города с массивными въездными воротами, магистралями, превращенными в торговые улицы. В многолюдном Бяньляне (современном Кайфыне), где движение не прекращалось даже ночью, были уничтожены внутригородские стены фанов, а через обсаженные деревьями каналы перекинулись изящные арочные мос-

ты. Пристальное внимание к орнаментации, архитектурным деталям, к разнообразному соединению зданий с природой отличает зодчество этого времени.

Видоизменились в своих конструкциях и пагоды. Они стали выше, усложнились в своих планах и

декоративном убранстве.
(Каптерева Т.Ц., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 142—149)

Изобразительное искусство

Живопись В X в. при императорском дворе была создана Академия | живописи, где художники заняли почетные места.

Мир природы, рано ставший предметом философских размышле-ний в Китае, определил направление художественных поисков средне вековья. Тонкое понимание природы помогло зодчим продумать прин-ципы размещения зданий в самых живописных местах, а художникам выработать приемы живописи, обобщающие ее законы. В процессе дол-гих поисков ими была определена своеобразная форма картин — свитков, помогающих показать мир во всем его многообразии. Свитки не были постоянным украшением комнаты. Они хранились в драгоценных шкатулках и вынимались только в торжественных случаях. Гори-зонтальные свитки нужно было разматывать в руках подобно ленте, чтобы вникнуть в их содержание. Подобные свитки-повести перемежались подчас красивыми каллиграфическими текстовыми вставками, раскрывающими и дополняющими смысл живописи. Вертикальные свитки вешались для обозрения на стену, позволяя взгляду разом охватить изображенные на них просторы.

Китайские живописцы уже в VIII веке, наряду с прозрачными водяными минеральными красками, стали применять богатую оттенка-ми черную тушь. Тогда же сложились и разные манеры письма: одна — тщательная «гун-би» («прилежная кисть»), фиксирующая все детали и показывающая зрителю мельчайшие подробности картины, другая — свободная и как бы незавершенная «се-и» («живопись.идеи»), позво-ляющая зрителю по воле своей фантазии додумать то, что скрыл от него художник. В сочетаниях светлого, ничем не заполненного фона, гибкой, всегда очень точной линии и пятна таился секрет выразитель-ных приемов китайской живописи. Поверхность бумажного или шел- кового фона картины, легко впитывающая влажные краски и тушь, понималась живописцами то как пространство воздуха, то как спокойная гладь озера, то как туманная даль. Китайские пейзажные картины никогда не писались прямо с натуры. Они создавались по памяти и вби- рали в себя все самые характерные черты природы, самые верные ее

приметы. Отсюда и название, данное пейзажу в средние века, — «шань-шуй», то есть «горы-воды». Гора еще в древности олицетворяла светлые, активные, мужественные силы природы — «ян», а вода связывалась с темным, мягким и пассивным женственным началом — «инь». Так в самом названии пейзажа воплотились важнейшие понятия древней натурфилософии.

Мир, увиденный китайским мастером в его огромности, диктовал и особые законы построения пространства. В средневековых китайских пейзажах применялась не линейная, а так называемая рассеянная перспектива. Живописец смотрел на открывающийся вид словно с высокой горы, отчего горизонт поднимался перед ним на необыкновенную высоту. Вытянутая форма свитка способствовала передаче огромного пространства. Для того чтобы создать впечатление дальних и ближних расстояний, художник делил картину на несколько планов, высоко поднятых один над другим... Планы связывались туманной дымкой или водным пространством, как бы отдаляющими на огромное расстояние дальние предметы.
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 136—138)

Научные знания

За период от зарождения цивилизации и примерно до XII в. в Китае было сделано больше открытий и изобретений, чем в любой другой стране, а может быть, даже и больше, чем во всем остальном мире.
К важнейшим открытиям Средневековья относится (X—XIII вв.) изобретение пороха и компаса.

Япония

Исторический очерк Древнейшие поселения людей на территории Японии относятся к IV тысячелетию до н.э. В начале новой эры в

Японии идет процесс становления государственности,и в VI в. образуется централизованное государство. В японской историографии принято выделять в ранний период *эпохи Асу-ка* (552-645 гг.) и *Нара* (645-794 гг.).

В VIII в. усиливается тенденция к раздробленности страны. В 794 г. столица переносится в Хэйан-ке (современный Киото), отсюда новая *эпоха* получает название *Хэйан* (794—1185 гг.). Столица была перенесена на земли могущественного рода Фудзивара, которым удалось захватить фактическую власть в стране; представители этого рода считались регентами при императорах (микадо).

Во второй половине XII в. разгорается борьба за власть между двумя могущественными родами — Тайра и Минамото. Одержав победу, Минамото Ери-томо провозгласил себя сегуном — правителем страны. Микадо

был сохранен его титул и функции верховного жреца синтоизма. Началась эпоха правления военного сословия (самураев), которая в соответствии с тремя сегунскими династиями делится на три основных периода: *Минамото-Ходзе (*1185—1333 гг.), *Асикага* (1335-1572 гг.) и *Токугава* (1615-1868 гг.). В 1868 г. в результате «переворота Мейдзи» светская власть микадо была восстановлена.

Религия и церковь

В Японии на протяжении всего Средневековья существовали две основные религии — синтоизм и буддизм, кроме того в культуре прослеживается некоторое влияние идей конфуцианства и даосизма.

Термин *«синтоизм»* используется в европейских языках и происходит от китайского «син-то», что является буквальным переводом японского «ками-но-мити», т.е. «путь (местных) богов».

Древнейшая стадия развития синтоизма известна плохо, знания о мифологии черпаются в основном из двух сборников «Кодзики» и «Нихонсеки» («Нахонги», «Нихонги»), составленных в VII—VIII вв. По-видимому, для этой стадии характерно было почитание семейно-родовых и племенных духов и богов-покровителей — ками (буквальный смысл — верхний, начальник). Не ясно, являются ли ками душами умерших предков или же духами земли и стихий. Изображений ками древние японцы не делали, их олицетворением и воплощением считалось само определенное пространство или предмет. Местами почитания ками были обычно возвышения, окруженные каменными оградами (ивасака), иногда там стоял камень-божество (иваку-ра) или засыпанный галькой и огороженный веревкой алтарь. В древнейший же период возникают первые синтоистские храмы, копирующие форму амбара на сваях.

В VI в. в Японии появляются переселившиеся из Кореи *последователи буддизма.* После создания централизованного государства (эпоха Асука — VII в.) власти начинают усиленно насаждать в Японии буддизм. Буддизм оказал большое влияние не только на всю культуру Японии в целом, но и на синтоизм в частности. Под влиянием буддизма начали строиться синтоистские храмы, появляются изображения богов, синтоистский пантеон стал пополняться буддийскими божествами и т.п. В свою очередь и в буддизме ряд ками стали отождествлять с буддийскими богами, в буддийских храмах стали отводить специальное место для ками. В IX в. возникают секты, в вероучении которых синтоизм и буддизм сливаются.

Большинство верующих японцев (аналогично китайцам) в своей повседневной жизни выполняли обряды обеих этих религий.

В XII в. в Японию из Китая проникает чань-буддизм (получивший здесь название дзэн-буддизма), оказавший большое влияние на различные стороны духовной культуры японцев, а в XIX—XX вв. его идеи широко распространяются среди европейской и американской интеллигенции.

409

В XVI в. в страну проникают католические миссионеры, которых стали поддерживать некоторые крупные феодалы, но в 1614 г., в порядке проведения политики изоляции страны от всех иностранных проникновений, христианство было запрещено.

Когда в результате «переворота Мейдзи» в 1868 г. была восстановлена светская власть императора, синтоизм был объявлен государственной религией, и власти попытались запретить буддизм, но из этого ничего не вышло. Позднее была предпринята попытка «очистить» синтоизм от элементов буддизма (из синтоистских храмов приказано было удалить изображения буддийских богов, предметы буддийского культа и т.п.), но и это не получилось: слишком тесно срослись обе эти религии. В 1889 г. в Японии была объявлена свобода вероисповедания.

Синтоизм: мифы В японской мифологии нет единого творца — зачи-**о происхождении** нателя мироздания, демиурга. Все начинается не с **мира** хаоса, а с самопроизвольного установления самого

первоначального и элементарного порядка, одновременного появлению богов-ками. Первых ками было трое... В отличие от последующих поколений богов, являющихся парами, они не имеют пола и каких-либо внешних признаков. За этой троицей появляются еще четыре ками-одиночки. Они уже менее абстрактны и связаны с теми или иными природными объектами. Двое из них ...были рождены в лоне земли, которую можно отождествить с Японией (поэтическое название Японии в мифах... «тростниковая равнина — срединная земля»). Следом рождается бог, навечно утвердившийся на земле, и бог обильных облаков над равнинами — последние боги-одиночки. Бог всплывающей грязи и его младшая сестра богиня осаждающегося песка открывают список богов, являющихся парами.

Завершение космогонического процесса приходится на долю пятой пары богов Идзанаки и Идзанами. Ко времени их появления «земля еще не вышла из младенчества» и, подобно плавающему жиру, носилась по морским волнам, поэтому высшие небесные боги поручают этим богам обратить жидкую землю в твердь, что они и совершают, мешая воду копьем.

Затем, заключив брак, они рождают острова, составляющие Японию, а потом — богов-духов, которые должны эту страну населить. Мир постепенно обретает свой обычный вид: являются горы и деревья, равнины и ущелья, туманы в ущельях и темные расщелины, а хозяевами всех предметов и явлений окружающего мира становятся рожденные здесь ками. Старшая дочь Идзанаки,

Аматэрасу, получает во владение «равнину высокого неба» и становится главным божеством пантеона, покровительницей земледелия.
(Пинус ЕМ. Японская мифология. С. 685)
410
Из «Кодзики» — *Кодзики (Запись мифов)* — это древнейший японский **Миф о сокрытии** литературный памятник, созданный в 712 г. по приказу **В гроте богини** императора, он содержит основные мифы о богах синто-**Аматэрасу** истского пантеона.
Богиня Аматэрасу (великая священная богиня, сияющая на небе) является богиней Солнца и плодородия, она — глава синтоистского пантеона и прародительница японских императоров. По легенде она родилась из воды, которой бог Идзанаки омывал свой левый глаз во время очищения. Миф рассказывает, что Сусаноо (младший брат Аматэрасу — бог равнины моря, родившийся из капель воды, которой Идзанаки омывал свой нос во время очищения) начинает буйствовать.
Надеялась богиня Аматэрасу, что образумится после слов ее брат Сусаноо, но не тут-то было. Не уняла глубокочтимая богиня буйства брата своего меньшего, и не видно было его буйству ни конца, ни края. Раскрыл бог Сусаноо кровлю священной ткацкой, где пребывала богиня вместе с небесными жрицами, что ткали одежды небесным богам, и метнул в отверстие тушу жертвенного пегого коня, освежеванного вопреки воле богов заживо, да еще от хвоста к морде.
Отпрянули в испуге в сторону небесные жрицы — накололись потаенным местом на ткацкие челны и скончались.
Приподняла-открыла тогда удрученная этим вконец богиня дверь-заставу небесной усыпальницы, выложенной камнем, и замкнулась-скрылась за ее стенами. Тотчас погрузилась Такахамага-хара (Равнина Вышнего Неба) в кромешный мрак. Непроглядная мгла окутала землю предков Асихара-но-накацу-куни (Срединную страну тростниковой равнины), и воцарилась на ней беспросветная ночь.
А посему заполнилось все пространство гудением неисчислимых злых божеств, подобным жужжанию назойливых майских мух, и повсюду стали приключаться неисчислимые беды.
Стали боги держать совет, как вызволить Аматэрасу из небесной усыпальницы и вернуть свет. И, совершив гадание и все нужные приготовления, поручили Амэ-но-удзумэ (Мятежной деве Неба) испол-'нить свой магический танец. Отогнула-подвязала она ниспадающие рукава своего кимоно лозой небесного тенелюбивого кустарника... переплела-скрепила свою прическу венцом из лозы небесного вьющегося эвонимуса, убрала-украсила запястья букетами из веточек шуршащего низкорослого бамбука садзи... Перевернула-поставила Мятежная дева Неба перед усыпальницей богини Солнца пустую кадку вверх дном, взобралась на это возвышение, а затем принялась потешно петь-танцевать и, притоптывая, производить неимоверный грохот. Постепенно убыстрялся ритм ее вдохновенного танца-песни. Видно, снизошли на нее вышние боги Неба. Одержимая священным безумием, открыла-обнажила она свои белые груди и ослабила-приспустила с бедер тонкий пояс своей юбки ниже потаенного места — истока жизни, дабы обратить вспять темных
411
злых божеств смерти. И сотряслась Равнина Вышнего Неба от раскатов дружного смеха неисчислимого сонма небесных божеств. Проникли его звуки сквозь каменные стены усыпальницы богини Аматэрасу, пришла она в изумление, приподняла-приоткрыла дверь-заставу своей небесной каменной усыпальницы и стала грозно вопрошать через узкую щель:
— Отчего танец-пение богини Мятежной девы Неба рассмешил неисчислимых небесных богов всех до единого? Ведь сокрывшись в небесной усыпальнице, задумала-загадала я, что воцарится мрак-безмолвие и на Земле — Срединной стране тростниковой равнины.
И молвила в ответ Мятежная дева Неба:
— Появилось у нас божество, что превосходит тебя, богиня, своими достоинствами. Вот и смеемся-веселимся мы в танцах-песнопениях.
Тем временем боги Амэ-но-коянэ (Небесный малый кров) и Амэ-но-футотама (Несравненные дары Неба) приподнесли ей приготовленное заранее священное зеркало и дали ей поглядеться в него. И чем дольше любовалась она своим отражением, тем больше поражало ее необычное видение и тем больше невольно влекло ее к себе. Стоило только богине Солнца поднять дверь-заставу своей небесной усыпальницы, выложенной камнем, как притаившийся около нее бог Амэ-но-тадзикара-о (Могучая рука Неба) крепко схватил ее за руку и силой вывел на Равнину Вышнего Неба.
(Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. С. 331 —333)
Из Нихонги *Нихонги* — это первая официальная летопись Японии,

(буддизм в Япо- она была составлена в 720 г. В ней описываются собы-**нии)** тия начинающиеся со «времен богов» и до времени правления императрицы Дзито (687—696). Составителями сборника являлись принц Тонэри и сановник двора Ясумаро. Нихонги была записана по-китайски, за исключением песен, которые фонетическим методом записаны китайскими иероглифами, но на японском языке.

Зимой в 10-ю луну 1-го года правления Киммэй [552 г.] государь Пэкче послал некоего Киси и двух других человек из западной провинции с изображением Будды Сяка из сплава золота и меди, несколько священных хоругвей, балдахинов и несколько свитков священных сутр в дар государю Ямато.

Кроме того, была преподнесена также особая грамота, восхваляющая рвение к религиозному учению, проникшему из соседней страны. В ней говорилось: «Это учение среди всех учений самое лучшее, но его трудно объяснить и трудно понять...

Учение это может привести к почитанию и воздаянию без меры и границ и ведет к полному достижению высокой мудрости...

Всякий молящийся получает удовлетворение и ничего более не желает.

412

Из отдаленной Индии это учение распространилось и во владении трех Хань, и там не осталось никого, кто бы с благоговением не воспринял проповедь этого учения...

Тэнно (государь. — *Сост.)* опросил друг за другом своих приближенных, промолвив: «Должны ли мы принять буддизм, занесенный к нам из Западной страны?»

Сога-но оми, Инамэ-но сукунэ ответил: «Все западные страны приняли буддизм, так почему только страна Ямато должна отказываться?» Окоси Мононобэ-но омурадзи и Камако Накатоми-но мурадзи молвили: «Государи нашей страны всегда заботились о поддержании культа 180 божеств Неба и Земли весной, летом, осенью и зимой и культа божества зерна. Если вместо них мы станем поклоняться чужеземным богам, то разгневаем собственных богов»...

Вскоре вспыхнула эпидемия чумы, от которой умирало множество народа. Положение становилось все хуже и хуже и не было никакого лекарства. Окоси Мононобэ-но омурадзи и Накатоми-но мурадзи обратились с жалобой к государю: «Ты не внял советам твоих слуг и из-за этого ныне гибнет народ. Если ты сумеешь быстро и до конца искупить свою вину, то обретешь счастье в будущем».

Государь ответил: «Пусть будет по-вашему», — и тогда слуги взяли и сбросили в воды канала Нанива изображение Будды. Затем они подожгли храм так, что ничего от него не осталось. И хоть на небе не было ни облачка и ветер не дул ниоткуда, внезапно вспыхнул пожар, и дворец Будды был уничтожен.

(Нихонга. С. 127-128)

Дзэн(дзен)-буддизм В Японию дзэн (дзен)-буддизм проникает в XII в. из Китая и широко распространяется среди самурайского сословия. Позднее предпринимаются попытки распространения дзэн среди простого народа, для чего отказывались от китайского языка в пользу японского. Дзэн оказал сильное влияние на эстетические вкусы и традиции японцев, с дзэн теснейшим образом связаны такие виды национального искусства, как монохромная живопись, каллиграфия, поэзия, драма Но, чайная церемония, икебана, разбивка садов, а также ряд воинских искусств.

Философия

В Японии на протяжении всего рассматриваемого периода можно говорить только о религиозной философии — о теоретическом осмыслении идей конфуцианства, даосизма, буддизма и синтоизма. К наиболее оригинальным и интересным принадлежат философские идеи дзэн-буддизма.

413

О философии ...Эта школа уникальна во многих отношениях, ее **дзэн-буддизма** доктрины в теоретическом виде не могут показаться спекулятивным мистицизмом, но они представлены таким образом, что только посвященные, посредством долгой тренировки действительно достигшие прозрения на этом пути, могут понять их подлинный смысл. Для тех, кто не обрел этого проникновенного знания, то есть для тех, кто не испытывает дзена в повседневной деятельной жизни, его учение, или скорее изречения принимают непонятный и даже загадочный смысл. Такие люди расценивают дзен так или иначе с точки зрения понятий, считают его абсолютно абсурдным и бессмысленным или намеренно запутанным с целью скрыть его глубокие истины от непосвященных. Однако последователи дзена говорят, что его кажущиеся парадоксы не придуманы специально для того, чтобы их авторы могли скрываться за ширмой обскурантизма, эти парадоксы возникли потому, что язык человека является очень плохим средством для

выражения глубочайших истин дзена. Истины эти не могут быть превращены в предмет, вмещающийся в узкие рамки логики. Они должны быть пережиты в бездонной глубине души, после чего они впервые станут осмысленными, фактически же, нет более ясных, более откровенных выражений, которыми когда-либо пользовались люди для выражения своих внутренних переживаний. «Уголь черный» — это довольно ясно, но дзен протестует: «уголь не черный» — и это тоже довольно ясно, и даже яснее, чем первое утверждение. Но чтобы понять это, нужно углубиться в суть вопроса. В связи с этим личный опыт в дзене — это все. Никакие идеи непонятны тем, у кого они не подкреплены личным опытом. Это ясно, как божий день..
Сущность дзен-буддизма состоит в том, чтобы научиться по-новому смотреть на жизнь...
Если нас почему-то не удовлетворяет эта жизнь, если в нашем обычном способе жизни есть нечто такое, что лишает нас свободы в самом высшем смысле, мы должны стремиться найти то, что даст нам чувство совершенства и удовлетворения. Дзен предлагает сделать это для нас и заверяет, что мы приобретаем другое мировоззрение, в котором жизнь примет более свежий, более глубокий и более удовлетворяющий аспект. Такое приобретение, однако, является — действительно и естественно — величайшим умственным катаклизмом, с которым только может встретиться человек в своей жизни. Это нелегкая задача. Она представляет собой своего рода «крещение огнем», при котором человек должен пройти сквозь бури, землетрясения и горные обвалы...
Сатори можно определить как интуитивное проникновение в природу вещей, в противоположность аналитическому или логическому пониманию этой природы. Практически это означает открытие нового мира, ранее неизвестного смущенному уму, привыкшему к двойствен-
414
ности. Иными словами, «сатори» представляет нам весь окружающий мир в совершенно неожиданном ракурсе.
Это — таинство и чудо, но, по словам учителей дзена, оно происходит каждый день. Таким образом, познать сатори можно, только один раз испытав его.
(Судзуки Т. Наука Дзен — УмДзен. С. 16—46)

Государство и право

Из «Нихонги» Закон из 17 статей был составлен по приказу ре-**Закон из 17 статей** гента Сетоку тайси [принц Умаядо, 572—621 гг.]. Он известен как ревностный защитник буддизма. Ему приписывается также введение табели о рангах.
Летом 12-го года правления Суйко [604 г.] в 4-й луне Тайко обнародовал законы 17-ти статей.
1. Гармония — превыше всего, и всякого поощрения и похвалы достойно пресечение любого неправедного неповиновения.
Взгляды всех людей зависят от того, к какому кругу они принадлежат. Лишь некоторые из них мудры...
Некоторые не подчиняются своим господам и отцам и уходят в соседние селения.
Однако, когда наверху царит гармония, то и внизу все спокойно и при обсуждении дел достигаются согласие и верный взгляд. Тогда все оказывается возможным и нет ничего, что не могло бы быть сделано.
2. Велико почитание трех сокровищ. Три сокровища — суть Будда, Закон и Монашество, являющиеся окончательным прибежищем существ четырех рождений, конечной целью веры во всех странах.
Что за человек и в каком возрасте может он начать почитать закон? Некоторые люди плохи, их можно' научить следовать закону. Но если они не прибегают к трем сокровищам, что же тогда поможет выправить их неверный путь?
3. При получении приказа государя следует ему полностью повиноваться.
Небо — господин, а Земля — слуга; Небеса покрывают сверху, а Земля поддерживает. Так следуют в определенном порядке четыре времени года и духи природы проявляют свое могущество.
Когда Земля стремится покрыть сверху, Небеса постигает бедствие.'
Вот почему, когда господин говорит, подчиненный слушает, когда высший действует, низший дает согласие.
При получении приказа государя следует его исполнять полностью.
4. Сановники и чиновники должны соблюдать надлежащие правила поведения, ибо главное в управлении народом заключается в соблюдении основных норм поведения.
415
Если высший не следует этому правилу, низшие впадают в смуту.

Когда господин и подчиненные соблюдают нормы, ранги не смешиваются. Когда народ ведет себя надлежащим образом, государство управляется как должно.

5. Долг чиновника — справедливо, не поддаваясь соблазну обжорства и алчности, рассматривать жалобы, ему подаваемые.

За один день народ приносит до тысячи просьб. Раз их столько скапливается за один день, насколько же больше их должно быть за несколько лет?

Когда при рассмотрении жалобы пренебрегают причиной и рассчитывают на выгоду [взятку], тогда жалоба богатого подобна камню, брошенному в воду, а жалобы бедняка — воде, сомкнувшейся над камнем.

При таких обстоятельствах бедняк не может знать, как поступить. Долг чиновника привести все в соответствие.

6. Одно из добрых правил древности заключалось в наказании дурного и поощрении хорошего. Поэтому не скрывай то хорошее, что видишь у людей, и не упускай возможности исправить дурное.

Льстецы и обманщики — острое оружие, подрывающее государство, отточенный меч, нацеленный на пагубу народа. Льстецы любят указывать высшим на проступки их подчиненных, а перед низшими они порицают высших. Всем подобным людям недостает верности своему господину и надлежащей любви к народу. Отчего в народе и происходит великая смута.

7. Каждый человек должен выполнять свой долг, и не следует смешивать обязанности разных людей.

Когда мудрый человек занимает должность чиновника, кругом раздаются похвалы, когда чиновник — человек развращенный, пренебрегающий своим долгом, — неурядицы и смута умножаются.

В мире рождается мало людей, обладающих знаниями; мудрость достигается путем серьезного размышления.

8. Сановники и чиновники должны являться ко двору рано утром и покидать службу поздним вечером. Государственные дела не терпят. нерадивости. Дня едва хватает для их завершения. Если спешат приступить к выполнению долга, затруднений нет, но когда рано оставляют службу, дела остаются незавершенными.

9. Истина заключается в доверии. В каждом явлении заложены одновременно хорошее и дурное. Когда господин и подчиненный живут в доверии друг к другу, что тогда является для них неосуществимым? Если же меж ними нет доверия, любое дело постигнет крах.

10. Не следует допускать злобы в душе и смотреть с гневным видом. Не следует также таить зло и обиду, если другие люди отличаются по положению и убеждениям. Ибо все люди имеют сердце и в каждом серд-

це свои убеждения. То, что верно для другого, — неверно для меня, и, наоборот, то, что правильно для нас, для них — неправильно. Мы не мудры, безусловно, также как и они не абсолютно невежественны и глупы. Все мы — обыкновенные люди, никто не может установить мерила для определения мудрости или невежества. Все мы подобны кругу, лишенному концов. Поэтому, хотя иные и дают волю гневу, нам следует, наоборот, страшиться своих ошибок, и, хотя бы я один и знал истину, поступать надо, следуя воле большинства.

11. Следует быть проницательным при оценке заслуг и проступков и воздавать по заслугам, награждая и карая.

В то время как в эти дни заслуги не получают награды, а провинности не караются должным образом, долг высших сановников, ведающих государственными делами, навести порядок в отношении наград и наказаний.

12.Куни-но моти — чиновники провинций и куни-но мияцуко — местная знать не должны быть алчными.

В провинции не могут быть два господина, народ не может иметь двух хозяев. Народ всей земли имеет одного государя. Все чиновники, получившие должность от государя, ему подвластны. Как же осмеливаются они наряду с правительством облагать народ тяжкой податью?

13. Всем чиновникам, занимающим определенные должности, следует выполнять свои обязанности. В случае болезни чиновника или его отлучки допускается невыполнение порученного. Но если условия обычны и чиновник может являться в должность, он обязан выполнять свой долг, как и прежде, и ему не следует откладывать дела государства ради своих личных дел.

14. Министрам и чиновникам не следует быть завистливыми. Мы завидуем людям, а они завидуют нам. Зло, которое приносит зависть, не знает предела. Когда другой превосходит нас умом, мы не рады этому, если же он превосходит нас талантом, это вызывает зависть.
15. Отвернуться от личных интересов — вот путь чиновников. Человек, движимый личными интересами, обязательно испытывает чувства обиды и не может быть в дружеских отношениях с другими людьми; в этом случае он непременно жертвует делами государства ради своих интересов.
Когда поднимается злоба, она сталкивается с порядком и наносит ущерб закону.
В статье 1 сказано: «Высшие и низшие должны жить в мире». Смысл ее подобен настоящей статье.
16. Народ следует заставлять работать в соответствии с временами года. Это — древнее и доброе правило.
Поэтому заставляйте народ работать в зимние месяцы, когда крестьяне свободны. Но с весны по осень, когда они заняты на полевых работах или уходом за тутовником, их не следует загружать, ибо что
417
станут они есть, если оторвать их от полевых работ, или из чего станут они делать платье?
17. Одному человеку не следует разрешать важные дела. Их непременно надо обсуждать со многими. Менее важные дела обсуждать с большим числом людей не обязательно, только если возникают трудности и опасность неудачного разрешения, следует прибегнуть к опросу других, чтобы прийти к правильному решению дела.
(Нихонга. С. 129-132)

Книги и библиотеки

Уже к IV—V вв. относится использование в Японии отдельных китайских иероглифов. Древнейшие литературные памятники Японии — Кодзики (712 г.) и Нихонга (720 г.) были записаны по-китайски. Китайские иероглифы использовались для записи собственных японских имен, а также обрядовых формул. Вместе с китайскими иероглифами заимствовалось их чтение, но постепенно оно подверглось фонетическим изменениям, кроме того, иероглифы получали и подходящее по смыслу японское чтение (кун). Отдельные иероглифы были изобретены в самой Японии и имели только чтение кун Фонетическое использование иероглифов привело к изменению их начертания и постепенной выработке японских систем письменности; особое распространение получили две — катакана и хирагана (известны с X в.). Направление письма — сверху вниз и справа налево, иногда встречается горизонтальное написание.

Из -«Повести Гэндзи»

Картины к Повести о старике Такэтори принадлежали кисти Косэ-но Ооми, а текст написал Ки-но Цураюки. Свитки были сделаны из бумаги «канья», подбитой китайским шелком, имели красновато-лиловое обрамление и сандаловые валики — словом, ничем особенным не отличались...

Скоропись на превосходной китайской бумаге была великолепна, но еще более восхитительной, поистине несравненной показалась принцу каллиграфия в спокойном «женском» стиле, прекрасно сочетающаяся с корейской бумагой, плотной и мягкой, необыкновенно нежных оттенков. Принц почувствовал, что на глазах у него вскипают слезы, словно спеша соединиться с размывами туши. Невозможно было оторвать глаз от этих прекрасных строк... А вот яркие листы цветной бумаги «канья», на которых министр в причудливой манере свободной скорописью записал разные песни, — трудно представить себе что-нибудь более совершенное. Этими столь привлекательными в своем своеобразии листами можно было любоваться бесконечно, и на другие работы смотреть уже не хотелось.
(Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. С. 145,163)
418

Литература

Как уже выше говорилось, древнейшими литературными произведениями Японии были сборники мифов, исторических хроник, записей ритуалов и т.п. — «Кодзики» и «Нихонга». В VIII в. создается обширный свод произведений древней поэзии — «Манъсею» («Мансъю»), а в X в. сборник Кокин-сю. В эпоху Хэйан девизом художественного творчества становятся слова «грустное очарование вещей», навеянные буддийской идеей об иллюзорном и преходящем характере всего существующего. В эту эпоху возникает жанр *«моногатари»* и создается «Исэ-моногатари» (X в.), в этот же период происходит удивительный расцвет «женской» придворной литературы: Мураса-ки Сикибу (978—1014 гг.) создает поразительный по тонкости переживаний роман «Повесть о Гэндзи», Сэй Сенагон (966—1017 гг.) — «Записки у изголовья», несколько позднее, в XIV в., еще одна выдающаяся женщина — Нид-зе создаст свою «Непрошенную повесть». В этот же период основным жанром в поэзии становится *танка* — маленькое стихотворение в пять

строчек, состоящее из 31 слога, составленное по определенным правилам. В период господства самураев возникает новый жанр в литературе — историческая повесть *гута.*

Из Предисловия к сборнику "Кокин-сю"

Эта песня живет с тех пор, как появились земля и небо. Но те песни, которые поют и теперь в этом мире, созданы были впервые на простертом извечно небе богиней Ситатэру-химэ, а на земле, насыщенной металлом, они начались с бога Сусаноо.

Так появились лепестки речи — слова, говорящие о любви к цветам, о зависти к птицам, о сожаленьи при виде тумана, о грусти при взгляде на росу... много разных слов появилось.

Как дальний путь, что начинается с одного шага и длится потом месяцы и годы; как высокая гора, что начинается с пылинки подножья и простирается ввысь до тропы небесных облаков, — такая была песня.

Песни Нанивадзу... они начались с Микадо. Лепестки речи — слова о горе Асака... их распевают со времени шутки-забавы придворной прелестницы. И эти две песни, словно мать и отец прочих песен... Те, кто учится песням, с них начинают.

Ныне же весь этот мир пристрастился лишь к внешнему блеску, сердце обуяло тщеславие, и потому стали слагаться лишь пустые, забавные песни! Оттого и в домах, где блеск этот любят, песнь что зарытое древо, никому не известна; а там, где люди серьезны, там эта песня что цветущий тростник, не дающий, однако, колосьев.

Ах, если бы вспомнили о том, как началась песня, то этого не могло бы случиться.

(Ки-но Цураюки. Предисловие к поэтической антологии X в. Кокинсю. С. 127)

419

Из стихов Ки-но Цураюки

И днем и ночью
Любовался я...
О сливы лепестки, когда же вы успели,
Не пожалев меня, так быстро облететь, Что не заметил я печальной перемены? * * *
Ах, каждый раз, когда идет весенний дождь
И я сушу потом любимого одежды, — Их блекнет цвет.
Зато блестят сильней
Зеленые поля, пропитанные влагой!
Деревья, травы, что кругом растут,
Погружены зимой в глубокий сон,
Но снег пошел...
И вот уже цветут
Весны не знающие белые цветы!

(Собрание древних и новых песен Ямато. С. 138)

Из «Исэ моногатари»

В давние времена кавалер и дама жили в провинции глухой. Кавалер был должен ко двору на службу отправляться и, о разлуке сожалея, ушел.

Прошел так год, другой и третий — и все не возвращался он, так что дама, ждать его устав, с другим — человеком к ней относившимся весьма заботливо и нежно — сегодня в вечеру быть вместе сговорилась, и как раз явился тот кавалер. «Дверь мне открой!» — стучал он, но, не открывая, она, стихи сложив, ему проговорила:

«Сменяющихся лет — уж целых три я жду, и ждать тебя устала... И только в ночь сегодня я ложе новое делю...»

Так ему сказала, а он в ответ:

«Лук "адзуса", лук "ма",
лук "цуки", — их много...
Ну, что ж... Люби
его, как я
любил тебя все эти годы».

Сказал он и собрался уходить, но дама:

«Лук "адзуса"... — Натянешь иль нет его, но все же —

420

с начала самого душа моя, как прежде, тебе принадлежит».

Хоть и сказала так, но кавалер ушел обратно. В большом горе дама за ним вслед побежала, но настигнуть не удалось ей, и у ручья с водою чистой ниц она упала. Там на скале кровью, с пальца взятой, она написала:

«Того, кто не любит, кто ушел от меня, удержать я не в силах!

Настал, видно, миг, когда жизнь уж исчезнуть должна...» Написала она, и не стало ее.
(Исэ моногатари. С. 62—63)

Из «Повести о Гэндзи» Муросаки Сакибу

Настала ночь, а спорящие так и не пришли к единому мнению. Но вот наконец левые извлекли последний из оставшихся у них свитков — свиток с видами Сума, и сердце Гонтюнагона затрепетало.

Первые тоже оставили напоследок свой лучший свиток, но что могло сравниться с замечательным творением Гэндзи, этого удивительного мастера, который, очистив сердце от суетных помышлений, сумел в движения кисти вложить сокровенные движения души. Все, начиная с принца Сети, были растроганы до слез.

Когда Гэндзи был в изгнании, многие печалились и сочувствовали ему, но мог ли кто-нибудь вообразить?.. Только теперь, глядя на свиток, люди словно переносились на пустынный морской берег, проникали в мысли и чувства изгнанника. Кисть Гэндзи с величайшей точностью запечатлела место, где жил он долгие годы: никому неведомый залив, дикие скалы... Надписи, сделанные китайскими скорописными знаками и каной, перемежались трогательными песнями, которых не найдешь в настоящих суховато-подробных дневниковых записях, — словом, хотелось смотреть и смотреть без конца. Показанные прежде картины были забыты, и внимание растроганных и восхищенных зрителей целиком сосредоточилось на свитке с видами Сума. Все остальное уже не имело значения, и стало ясно, что победа на стороне левых.
(Муросаки Сакибу. Повесть о Гэндзи. С. 151)

Из "Записок у изголовья» Сэй Сенагон

Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом — все равно в императорский дворец стекается толпа

чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства. Откуда им знать, что юные насмешницы после безжалостно передразнивают и вышучивают их?

— Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! — просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

Мужчины, что ни говори, странные существа. Прихоти их необъяснимы.

Вдруг один, к всеобщему удивлению, бросит красавицу жену ради дурнушки...

Если молодой человек хорошо принят во дворце или родом из знатной семьи, он вполне может выбрать из множества девушек красивую жену себе по сердцу.

Предположим, избранница недоступна, так высоко она стоит. Но все равно, если в его глазах она совершенство, пусть любит ее, хотя бы пришлось ему умереть от любви.

Бывает и так. Мужчина никогда не видел девушки, но ему наговорили, что она — чудо красоты, и он готов горы своротить, лишь бы заполучить ее в жены.

Но вот почему иной раз мужчина влюбляется в такую девушку, которая даже на взгляд других женщин уж очень дурна лицом? Не понимаю.

Я помню, была одна дама, прекрасная собой, с добрым сердцем. Она писала изящным почерком, хорошо умела слагать стихи. Но когда эта дама решилась излить сердце в письме к одному мужчине, он ответил ей неискренним ходульным письмом, а навестить и не подумал.

Она была так прелестна в своем горе, но мужчина остался равнодушным и пошел к другой. Даже посторонних брал гнев: какая жестокость! Претил холодный расчет, который сквозил в его отказе...

Мужчина, однако, ничуть не сожалел о своем поступке.
(Сэй Сенагон. Записки у изголовья. С. 166-168,204-205)

Из «Записок от скуки» Кэнко-Хоси

Кэнко-хоси — монашеское имя *Урабэ Канэеси* (1283—1350 гг.), в молодости он двадцать лет прослужил при дворе, затем постригся в монахи, но продолжал заниматься литературой. «Записки от скуки» написаны им в монашеской хижине, которую он построил себе у подножия горы в провинции Ига.

Мужчина, который не знает толк в любви, будь он хотя семи пядей во лбу, — неполноценен и вызывает такое же чувство, как яшмовый ку-

бок без дна. Это так интересно — бродить, не находя себе места, вымокнув от росы или инея, когда сердце твое, боясь родительских укоров и мирской хулы, не знает и минуты покоя, когда мысли мечутся то туда, то сюда; и за всем этим — спать в одиночестве и ни единой ночи не иметь спокойного сна!
При этом, однако, нужно стремиться к тому, чтобы всерьез не потерять голову от любви, чтобы не давать женщине повода считать вас легкой добычей.
Если бы жизнь наша продолжалась без конца, не улетучиваясь, подобно росе на равнине Адаси, и не уносясь, как дым горой Торибэ, ни в чем не было б очарования. В мире замечательно именно непостоянство.
Посмотришь на живущих — нет никого долговечнее человека. Есть существа вроде поденки, что умирает, не дождавшись вечера, и вроде летней цикады, что не ведает ни весны, ни осени. Достаточно долог и год, если его прожить спокойно.
Если ты жалеешь, что не насытился жизнью, то, и тысячу лет прожив, будешь испытывать чувство, будто это был сон одной ночи. Что станешь делать в мире бесконечной жизни, дождавшись, когда облик твой станет безобразным! «Если жизнь длинна, много примешь стыда», поэтому лучше всего умереть, не дожив до сорока лет.
Когда переступаешь этот возраст, перестаешь стыдиться своего вида; стремясь смешаться с толпой, на закате дней печешься о потомках, хочешь жить до тех пор, когда увидишь их блестящее будущее; лишь мирскими страстями одержима твоя душа, а сам ты перестаешь постигать очарование вещей — это ужасно.
(Кэнко-Хоси. Записки от скуки. С. 214)
Из -«Непрошеной Государыне предстояло разрешиться от бремени в **повести» Нидзе** восьмую луну. В ожидании родов она переехала в Угловой павильон. Во дворце все очень тревожились, ибо государыня была уже не так молода и к тому же предыдущие роды проходили у нее тяжело, неудачно. Поэтому служили молебны, непрерывно возносили молитвы, общеизвестные и самые сокровенные; молились целителю Якуси во всех его семи ипостасях, богу Фугэну, продлевающему жизнь, защитнику веры Конгододзи, богу Айдзэну и Пяти Светлым богам — Фудо, Гундари, Конго-ся, Годзандзэ и Дайи-току. По заведенному обычаю, молебны богу Фудо совершались на средства края Овари, но на сей раз мой отец, правитель Овари, пожелал проявить особое усердие и взял на себя также устройство молебнов богу Конго-додзи. Для заклятия злых духов во дворец пригласили праведного монаха из храма Вечная Обитель — Дзедзюдзи.
Двадцатого числа поднялся переполох — начались роды. Мы ждали, что ребенок вот-вот родится, но миновал день, другой, третий... Не

описать всеобщего беспокойства! Тут сообщили, что состояние роженицы, непонятно почему, внезапно резко ухудшилось. Доложили об этом государю, он распорядился, чтобы заклинатель творил молитвы в непосредственной близости от роженицы, как можно ближе к ней, отделенной только переносным занавесом. Кроме него к государыне призвали праведного священника из храма Добра и Мира, Ниннадзи, он расположился совсем рядом, с внутренней стороны занавеса.
— Боюсь, она совсем безнадежна... — обратился к нему государь. — Что делать?!
— Будды и бодхисаттвы властны изменять даже закон кармы, они торжественно в том поклялись, — ответил ему святой отец. — Ни о чем не тревожьтесь, все завершится благополучно! — И он начал читать молитвы. Одновременно по другую сторону занавеса заклинатель молился перед рисованным изображением бога Фудо — если не ошибаюсь, то было прославленное изображение, к которому взывал праведный монах Секу, когда бог Фудо, воплотившись в него, сохранил ему жизнь. Перебирая четки, заклинатель вещал:
Каждого, каждого карма ведет,
судьбы изначальной нить.
Много превратностей в жизни ждет,
но карму как изменить?
Ты в моленьях усердье удвой, утрой,
о спасенье вечном радей —
и тогда заслужишь в жизни земной
перемену кармы своей!
— С детских лет я проводил в молитвах все ночи, продолжал заклинатель, — а возмужав, долгими днями подвергал свою плоть суровым испытаниям. Стало быть, светлый бог не может не внять моим молитвам! — говорил он, и казалось, государыня вот-вот разродится, а заклинатель еще

усерднее раздувал ритуальный огонь, так что клубы дыма вздымались к небу...
(Нидзе. Непрошеная повесть. С. 25—26)

Из буддийской Ама-но Цукай Миномэ жила на втором проспекте, **литературы.** девятой улице левой части столицы Нара. У нее

Слово о нищенке, было девять детей, бедна она была неслыханно и **разбогатевшей** средств на жизнь не имела. Год почти молила она о **благодаря** богатстве тысячерукую [Каннон] в храме Анахо. Во

почитанию тыся- время правления государя О-хи, зимой седьмого го-**черукой Каннон** да эрэ Тэмпе-хо-дзи, десятого дня десятой луны десятого года Зайца, к ней нежданно-негаданно пришла ее младшая сестра и принесла кожаный сундучок. Оставила его и

424

ушла. Ножки [сундучка] были испачканы конским навозом. [Сестра] сказала: «Я скоро вернусь, а эта вещь пусть побудет у тебя».

[Миномэ] ждала [сестру], но та не приходила. Тогда она отправилась к младшему брату и стала расспрашивать его. Брат отвечал: «Ничего не знаю». Исполнившись сомнений, [Миномэ] открыла сундучок и нашла там сто кан монет. Купив, по обычаю своему, цветов, благовоний и масла для светильников, она совершила приношения Тысячеру-кой и тут увидела, что ноги ее — в конском навозе. Тогда она догадалась, что деньги были дарованы бодхисаттвой.

Прошло три года. Обнаружилось, что из денег на строительство храма Тысячерукой исчезло сто кан. Тогда уразумели: монеты в кожаном сундучке были из тех денег. Верно говорю — Каннон одарила ими [Миномэ].

В похвале говорится: «Добродетельна была мать из семьи Ама-но Цукай. Утром она видела голодных детей и обливалась кровавыми слезами, а вечером возжигала благовония и молилась Каннон. [Каннон] откликнулась, и деньги вошли в дом. Окончились печали бедности, святая [Каннон] исполнила молитвы и даровала счастье, заструился источник благополучия, стало на что детей накормить и одеть». Верно говорю — сострадательная [Каннон] пришла на помощь [Миномэ], вознаградив ее за купленные ею благовония. В сутре «Нэханге» говорится в подтверждение: «Мать, любящая своих детей, да возродится на небе Бонтэн». Такие вот чудеса.
(Нихон Рейки. Японские легенды о чудесах. С. 152—153)

Театр и драматургия

В XIV в. в Японии возник театр Но, позднее — в XVII в. возникают театр Кабуки и театр кукол Дзерури. Предтечами театра Кабуки и Дзерури был площадной фарс, театры Кабуки и Дзерури работали прежде всего для горожан, пьесы ставились на исторические и бытовые темы. В театре Кабуки актеры выступали без масок, но применяли символический грим (так, красные полосы на лице символизировали гнев). Драматургия театра Дзерури берет начало от народного эпоса, ведущая роль принадлежит рассказчику, выступающему под аккомпанемент сямисэна (трехструнной гитары).

Театр Но Известно, что театр приходит на смену обряду, ма-

гическому действу. В искусстве Но получили новое рождение, преобразовавшись на театральный лад, народные культовые танцы, синтоистские ритуальные пляски и пантомимы (кагура), увеселительные песни и танцы (кабу), песни под музыку (кае), народные представления, земледельческие обряды, исполняемые во время полевых работ (дэнгаку). Театр называли саругаку-Но. Вначале — это ко-

425

мические сценки, балаганные трюки для увеселения публики. Монастыри привлекали прихожан игрой бродячих актеров, которых приглашали после служб или в дни религиозных празднеств. Театрализованные танцы, музыка, пение, обрядовая магия воплощали связь с родными богами — ками.

От танца богини, которая выманила из грота скрывшуюся в нем богиню Солнца Аматэрасу, берет начало искусство японского танца, так же как от танка бога Сусаноо — искусство поэзии....

Итак, что такое искусство Но? Оно должно уравновешивать сердца всех людей, воздействовать на чувства высоких и низких, быть источником долголетия и счастья, продления жизни. Все пути (седо), и каждый по-своему, ведут к долголетию, счастью, продлению жизни, однако искусство Но более, чем что-либо, способствует процветанию Поднебесной, счастью, долголетию, продлению жизни...

Все взаимосвязано в этом мире: неправильное действие может неожиданным образом отозваться на судьбах других, неудачная игра актера принести беду. Поскольку между сценическим действом и положением дел в стране усматривали прямую связь, то за плохую игру актера могли приговорить к харакири или отправить в ссылку на отдаленные острова. Такая участь постигла в

старости и Сэами... Известны случаи, когда актеру за хорошую игру могли пожаловать титул дайме и назначить губернатором провинции...
Их (мастеров Но. — *Сост.)* задачей было оживить прошлое, дать старой литературе — хэйанским повестям, старинным рассказам (сэцуви), гункам — новую жизнь. Ритмическая проза (соробун) перемежается со стихами классических антологий, и все овеяно духом дзэн. Но, беря готовый материал, мастера Но создавали нечто новое, чтобы «уравновешивать сердца всех людей, воздействовать на чувства высоких и низких, быть источником долголетия и счастья, продления жизни»...
Одним из средств воздействия была техника мономанэ (подражания вещам)...
Мономанэ не случайно имеет двойное иероглифическое начертание: «изучение вещей» (моно — не только «вещь» в физическом смысле, не только предмет сам по себе, но и состояние души) и «подражание вещам», то есть имитация духа, эмоциональных состояний. Так что мономанэ не имеет ничего общего с реализмом. В нашем понимании это способ передать невидимое, недоступное взору (душу вещей) через определенную манеру игры, красоту внешнего облика. Со временем игра в Но становится все более условной: чтобы лучше увидеть, нужно дальше отойти; по-настоящему поймешь смысл вещей, когда отвлечешься от внешнего вида. Японцы издревле понимали, что Истина (микото) не открыта взору, глубоко скрыта, поэтому не искали ее во внешнем. Должно быть, и маска в театре Но играет эту роль — отвлечь внимание от «здешнего» (зряшнего). И лицо актера без маски, по Сэами, не должно выражать никаких эмоций, ибо душа познается не внешним подо-
426
бием, а жестами и музыкой. Он пишет об этом в разделе «Без маски». Не так просто играть без маски, хотя, казалось бы, куда проще играть с открытым лицом. Но именно роль без маски требует от актера полного сосредоточения, особого мастерства, интуиции. Здесь нет предписаний, которым должен следовать актер, и он легко может сбиться с пути, впасть в вульгарность, если захочет передать чувства, меняя выражение лица. Мономанэ достигается при неизменном выражении лица.
(Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. С. 330—340)

Музыка

На формирование японской музыки в древности оказала большое влияние китайская и корейская музыка. Самобытные особенности японской музыки связаны с народными мелодиями, а также со спецификой японских музыкальных инструментов. Музыка всегда была тесно связана со словом и танцем. В древности музыке приписывался сакральный характер.

Указ об исполнении принцессой перед императрицей танца госэти

Согласно великому повелению государеву
так изрекается:
«Известились мы, что государь великий, мудрец, о коем молвят с трепетом, что правил великой страной восьми островов из дворца Киемихара в Асука, желая Поднебесную обустроить и выровнять, дабы между верхами и низами царила
стройность и согласие, и они без сдвигов резких спокойно жили, помыслил божественной сутью своей, что надобно две вещи разом учредить — ритуал и музыку, чтобы ровно и долго длились они.
И тогда танец этот изволил он затеять
и создать.
И известивши о том, повелели мы: пусть, как деянию непрестанному, что вместе с Небом-Землей впредь
передается и исполняется, наша принцесса наследная тому обучится
и то усвоит, и перед государыней нашей почтительно
исполнит.
(Государевы указы. С. 398)
427

Из «Повести о Гэндзи»

Никакими знаниями нельзя овладеть вполне, не отдавая учению всех душевных сил. Поскольку на каждой стезе существуют свои наставники и свои способы обучения, постольку все ученики, усваивая те или иные приемы, могут достичь уровня своих учителей. И здесь не имеет значения, стремятся ли они проникнуть в глубины или предпочитают оставаться на поверхности. Только искусство кисти и игра в го, как ни странно, требуют от человека в первую очередь особой предрасположенности духа. Даже какой-нибудь неуч может научиться неплохо писать или играть

в го, ежели есть у него к тому склонность. Так что же говорить о детях благородных родителей? Среди них еще больше таких, которые, обнаруживая необыкновенные дарования, легко достигают успехов на любом поприще. Покойный государь с удивительным рачением воспитывал своих детей, внушая им знания, приличные полу каждого. Вас же он любил более других, а потому уделял вашему обучению особое внимание, и, как видно, не зря. «Значение книжных премудростей не подлежит сомнению, — изволил наставлять нас государь, — но если говорить о прочем, то прежде всего вам следует овладеть искусством игры на китайском кото кин, а затем освоить продольную флейту, бива и кото со». Остальные придерживались того же мнения, поэтому я всегда считал живопись просто забавой для кисти в часы досуга. Мог ли я предполагать, что вам удалось достичь такого совершенства? Боюсь, что даже прославленные старые мастера разбегутся кто куда, увидев ваше творение. «Ну не дурно ли это?» — говорит захмелевший принц Соти, и Гэндзи вдруг так живо вспоминается ушедший государь, что он не может сдержать слез. Впрочем, не хмель ли тому виною?

На небо выплывает двадцатидневный месяц, и, хотя свет его еще не достиг места, где расположились придворные, все вокруг озаряется чудесным сиянием. Распорядившись, чтобы из Книжного отделения принесли музыкальные инструменты, государь вручает Гон-тюнагону японское кото. Ведь что ни говори, а в игре на кото мало кто может с ним сравниться. Принц Соти берет кото со, министр — кин, а бива отдают госпоже Сесе. Отбивать такт поручают придворным, обладающим превосходным чувством ритма. Получается великолепно!

(Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. С. 152)

Архитектура и строительство

Хэйанские усадьбы представляли собой целый комплекс деревянных построек. Главный парадный павильон — синдэн, давший название хэйанскому архитектурному стилю («синдэн-дзукури»), располагался в центре. Это было покрытое древесной корой, приподнятое стол-

бами прямоугольное помещение с ничем не разделенным, единым внутренним пространством. По мере надобности его разгораживали ширмами. Позади него размещались постройки для слуг и семьи хозяина. Впереди,,охваченная с двух сторон галереями, простиралась открытая песчаная площадь, непременно завершенная пейзажным садом...

В архитектуре периода Муромати парадный дворцовый стиль «син-дэндзукури» постепенно уступил место более камерному и интимному стилю «сеин», отличительным признаком которого стали не только большая простота и утилитарность, но и более тесная связь с природой. Постройки включали в себя несколько небольших комнат. Появились раздвижные наружные стены — седзи и скользящие внутренние перегородки — фусума, которые позволяли легко соединять и разъединять разные части дома. В комнатах впервые выделилась специальная ниша — токонома со свитком и букетом-икэбана. Зодчие продумали множество новых точек зрения из дома на сад и из сада на дом, что позволяло сосредоточить взгляд на разных картинах природы. Признаки новых веяний особенно ясно видны в облике загородных резиденций правителей, живописно раскинувшихся вокруг столицы. Важной их частью стали небольшие легкие павильоны, предназначенные для занятий музыкой и поэзией. Одним из таких был Кинкакудзи («Золотой павильон»), выстроенный в конце XIV века и сохранившийся от комплекса загородного дворца сегуна Асикага Есимицу. Тонкий слой листового золота, покрывающий стены и столбы, подчеркивал особую светящуюся легкость этого небольшого, трехэтажного сооружения. Лишенный парадной площади перед фасадом, простой и ясный в своей конструкции, этот павильон воспринимался как часть большого тенистого сада. Искусно продуманный озерно-островной ландшафт с тонкими деревцами был непосредственным продолжением самого здания, отражающегося в спокойной глади пруда. Еще полнее единение дома с садом ощущается в сооруженном в XV веке здании Гинка-кудзи («Серебряный павильон»), входивший в ансамбль дворца сегуна Асикага Есимицу. Этот скромный двухэтажный не окрашенный деревянный дом как бы широко открывался в сад благодаря открытой веранде, не отделенной от комнат порогом и низко нависающей над прудом. Край этой веранды, обрывающийся у воды, делал для сидящего в комнате человека почти неощутимой границу между домом и природой. Камни, вода, заросший деревьями пригорок — все, что видел из дома человек, казалось большим и таинственным, хотя в действительности было миниатюрным. Внутреннее пространство Гинкакудзи благодаря раздвижным стенам можно было беспрерывно менять, превращая то в одну, то в несколько комнат.

(Каптерева Т.П., Виноградова Н.А. Искусство средневекового Востока. С. 204—218)

Изобразительное искусство

Скульптура Подъем, переживаемый государством, отразился на создании монументальных, героизированных образов. Об этом говорит главная святыня монастыря Тодайдзи — шестнадцатиметровая бронзовая статуя светозарного космического Будды — Русяны. Огромная и торжественная фигура этого божества воплотила идеалы периода Нара и предстала как подлинное чудо, света. Она объединила все виды искусства и все техники художественной обработки металла — литье, чеканку, ковку. Лучезарная красота этой статуи подчеркивалась не только драгоценным сиянием нимба, но и раскраской, позолотой, тончайшей гравировкой, покрывающей одежду и пьедестал. Гигантскую статую Русяны отливали много лет поколения мастеров, в ее создании принимала участие вся страна. Создание этой статуи потребовало огромных ресурсов золота и меди, строительных дорог, кораблей и шахт. Достаточно сказать, что для статуи потребовалось около 520 тонн меди и 450 килограммов зрлота. Статуя Русяны стала главным событием культурной жизни Японии VIII века.

• *(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 200—202)*

О живописи Поэтические устремления времени с еще большей полнотой смогли выявиться в живописи. В XI—XII веках в ней ярче всего проявились национальные особенности. Не случайно она получила название «ямато-э» («японская живопись») в отличие от «кара-э» («живопись Китая»). «Ямато-э» — живопись водяными красками — выполняла многие функции. Она украшала висячие ширмы бебу, разграничивающие внутреннее пространство в павильонах типа «синдэн»; употреблялась при росписи вееров, буддийских сут (священных текстов). Но главным ее назначением было иллюстрирование литературных произведений. Именно с бурным развитием художественной прозы — романов, дневников, путевых заметок — связано в период Хэйан и появление «эмакимоно» (свитков-повестей). В них выразились все особенности поэтического мировосприятия времени, в них воплотилось поклонение красоте и природе, которые составляли духовную основу жизни хэйанской знати. Живописные повести как бы давали свое художественно-зрительное толкование текста, который присутствовал рядом в виде дополнения.

Поэтической силой чувств отмечены иллюстрации к самому главному произведению эпохи — роману писательницы Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари» («Повесть о принце Гэндзи»). Они созданы художником Фудзивара Такаеси на сто лет позднее самой книги. Повесть о Гэндзи состоит из множества новелл, рассказывающих о жизни императорского сына, его приключениях, радостях и горестях, интригах

во дворце. Но значение имело не столько развитие действия во времени, сколько выявление душевного состояния героев, поступки которых, как бы заранее предопределенные судьбой, окрашены настроением поэтической печали. Чутко уловив главные интонации романа, живописец на первый план также выдвинул не повествовательную сторону, а характер настроений. В длинных лентах свитков, где иллюстрации перемежались с текстом, проявились новые черты японской живописи. Все сцены показаны сверху, будто зритель видит их через снятую крышу. Взгляд, таким образом, проникает не только в глубь дома, но и в глубь интимных переживаний героев. Четко очерченные силуэты людей кажутся замершими, будто они прислушиваются к неведомым звукам. Лирическая настроенность каждой сцены раскрывается цветом. Бирюзово-зеленые, ржаво-коричневые и охристые тона создают эмоциональную тональность произведения. Мерцающие блески серебра и золота придают им таинственную праздничность...

Монохромные пейзажи периода Муромати внесли в японскую живопись новые эпические ноты..Они расширили ее возможности, обогатили собственную японскую живописную школу, указали мастерам «ямато-э» новые пути. Уже в начале XVI века придворные художники школы Кано, подхватив эстафету дзэнских мастеров, нашли способы приблизить китайскую манеру к японской и соединить воздушность «суйбоку-га» с декоративной праздничностью и цветовой насыщенностью живописи «ямато-э»...

С развитием монументального дворцового зодчества значительно активнее стала деятельность живописцев придворной школы Кано, декоративная манера которых была созвучной стилю парадной архитектуры периода Момояма. Художникам приходилось расписывать большие поверхности не только стен, но и многостворчатых бумажных складных ширм, которые играли в помещении роль и картин, и переносных перегородок... Представители школы Кано наряду с

природными мотивами включали в росписи и новые сюжеты, отражающие жизнь и быт японского города XVI столетия. Сезонные торжества, театральные зрелища и обряды вошли внутрь дворцов, внося дополнительную праздничность. На дворцовых ширмах располагались и монохромные пейзажи. Но в них появилась большая декоративная эффект-
ность.
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 208—227)

Гравюра Нарядная и яркая, дешевая и легко тиражируемая, она явилась одним из важных звеньев в позднесредневековом искусстве, способствующих его обновлению. Центром ее изготовления стала столица Эдо, где уже в конце XVII века сформировались основные жанры этого искусства. Гравюра охватила все сферы жизни горожан. Она служила и театральной афишей, и книжной иллюстрацией, и поздравительной картинкой, и украшением быта. Впервые актеры театра Кабуки, прачки, ремесленники за работой и торговцы в своих лавочках стали героями японского искусства. Изготовление гравюры быстро приобрело широкий размах. Усовершенствовались и технические приемы. В художественном процессе участвовали несколько человек. Художник выполнял рисунок, резчик резал и подготавливал доски (из вишни, груши, японского самшита) для каждого цвета, печатник вручную делал оттиски, подбирая и проверяя оттенки. Коллективность творчества так же, как и виртуозность выполнения каждого штриха, общей композиции, четкость и ясность силуэтов, изысканная и звучная гамма чистых цветов роднили гравюру и с живописью «ямато-э», и с миром декоративных искусств.
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 231—232)

Быт и нравы

Об одежде Я сопровождала государя и ехала с ним и одной карете. На этот раз я надела тройное длинное одеяние — цвет изменялся от желтого к светло-зеленому — и поверх еще одно из легкого алого шелка на лиловом исподе, а так как после назначения наследника все женщины при дворе стали носить парадную китайскую накидку, я тоже набросила поверх моего наряда парадное красное карагипу...

С наступлением утра послали людей за Сайгу — карету, слуг, стражников. Для встречи с Сайгу государь оделся с особым тщанием: надел светло-желтый кафтан на белой подкладке, затканный цветочным узором, сверху — длинное бледно-лиловое одеяние с узором цветов горечавки, и такого же цвета, только чуть потемнее, хакама (разновидность шаровар. — *Сост.),* тоже на белой подкладке, все густо пропитанное ароматическими снадобьями...

Госпожа Омияин, в темно-сером парчовом монашеском одеянии с вытканными по нему гербами, в темной накидке, сидела у низенькой ширмы таких же темных тонов. Напротив, роскошное тройное красное кособэ принцессы на лиловой подкладке и поверх него синее одеяние были недостаточно изысканны. Ее прислужница — очевидно, ее любимица — была в пятислойном темно-лиловом кимоно на светло-лилй-вой подкладке, но без парадной накидки.
(Нидзе. Непрошеная повесть. С. 66—67)

О чайной церемонии Чай завезли в Японию из Китая в VII веке. В Китае его ценили как лекарственное растение, помогающее от усталости, болезни глаз, ревматизма, потом как утонченное времяпрепровождение. Но такого культа чая, как в Японии, пожалуй, не было ни в одной стране. С чайной церемонией японцев познакомил японский монах Эйсай (1141—1215), который проповедовал дзэн, основав монастырь в самурайской резиденции Ка-макура и в Киото при поддержке самого императора.

В XVI веке в самурайских кругах вошла в моду игра — «чайное соревнование». Чай привозили из разных мест. Выпивая чашку чая, участники должны были определить его родину. С тех пор чай полюбился японцам, чаепитие вошло в обычай. Появились знаменитые чайные плантации, вроде той, о которой писал Кавабата, — в районе Удзи возле Киото. И теперь лучшими сортами считается чай, собранный в Удзи или в Сидзуока.

По мере знакомства с дзэн японцы убеждались: «Вкус чая и есть вкус дзэн». То и другое очищает душу и тело. С XV века японские монахи осваивают технику чайного ритуала, в XVI веке она достигает совершенства. Одним из первых изложил суть тя-но ю (искусства чая) Мурата Сюко (1423—1502). Это он ввел японскую чайную утварь. До него ею пренебрегали, предпочитая китайскую. Но Сюко, долгие годы практиковавший дзэн, увидел скрытую красоту простой чайной утвари, постигаемую глубинами души.

В год кончины Сюко родился мастер Такэно Дзео (1502—1555). Кажется, он за тем и родился, чтобы продолжить дело Сюко. Дзео считал, что дорогостоящие, особо ценные вещи лишь отвлекают внимание, мешают сосредоточиться, противоречат духу дзэн: «для истинного чая не нужна утварь»... Предметов должно быть как можно меньше. Он же показал красоту «естественного беспорядка», «красоту безыскусного», скажем рассыпанной возле очага золы. К этой кажущейся небрежности, неупорядоченному порядку трудно привыкнуть европейцу. Лишь постигнув изящество Пустоты, он ощутит благость Покоя чайной церемонии или сада Реандзи в Киото.

Учеником Дзео был прославленный мастер Сэн-но Рикю (1521— 1591), придавший чайной церемонии тот вид, который она сохраняет до сих пор. Это Рикю ввел стиль ваби, охарактеризовав его словом со — грубоватости, простоты. Рикю уменьшил размер чайной комнаты от шести до двух татами, сделал низкий вход, как в рыбачьих хижинах .,. — 60 см в высоту и в ширину. Тот, кто входил, должен был согнуться, мысленно «оставив меч за порогом». Рикю изменил токонома, сделал ее глубже, приглушил освещение. Ниша чайной комнаты располагается как раз напротив входа, и свиток, камень или цветок сразу бросаются в глаза, настраивая гостя на определенный лад. Для того он и придал чайной утвари стиль ваби, простоты и естественности, чтобы внеш-

ний блеск, замысловатый узор не отвлекали внимания на себя. Зато каждая придуманная им вещь неповторима.

Мастера чайной церемонии предпочитали иметь дело с простыми формами, чтобы внешний облик не отвлекал внимания. Вещь ведет ум дальше, она как бы вовсе исчезает из пбля зрения, выполнив свою роль, возбудив едзе, то, что «после чувства» или сверхчувство. Нет ни объекта, ни субъекта в мире «единого сердца». Мастер начинает ощущать вещь, как ощущает мать свое дитя под сердцем. Идут сердечные токи, без помех, от одного к другому, соединяя все между собой. Гости, хозяин, чайная утварь — единый организм, подчиненный единому ритму.

Мастера Японии искали не правильные пропорции, не идеал прекрасного, скажем принцип золотого сечения, а стремились к созданию атмосферы беспрепятственного общения, согласия, естественности.

В атмосфере тишины, покоя, благожелательности человек ощущает себя свободно, не скован правилами, даже правилами этикета. Высшее проявление этикета — его отсутствие, когда все само по себе происходит.

Гости (как правило, пять человек) сначала в сопровождении хозяина следуют по дорожке родзи (земля росы) сквозь полумрак сада. Чем ближе к чайному дому (сукия), тем более отдаляются от суетного мира. Подойдя к небольшому бассейну с прозрачной водой, омывают руки и рот. Вход в чайный дом низкий, и гостям приходится буквально вползать через него, смиряя свой нрав. Небольшой по размеру чайный дом разделен на три части: тя-сицу (чайная комната), ерицуки (комната ожидания) и мидзу-я (подсобное помещение). «Низко наклоняясь, один за другим, они проходят в дверь, оставляя обувь на специальном камне. Последний из вошедших задвигает дверь. Хозяин появляется не сразу. Гости должны привыкнуть к освещению комнаты, внимательно рассмотреть картину в токонома, оценить утонченную прелесть единственного цветка, внутренне почувствовать, угадать подтекст церемонии, предлагаемый хозяином. Если в токонома помещен свиток каллиграфии, исполненный методом хи-хаку, то и роспись чашки будет отмечаться такими же свойствами. Отзвуком нежных линий осенних трав в букете окажется тонкая изысканность рисунка на керамическом блюде типа нэдзумисино.

Только после того как гости освоились с обстановкой, появляется хозяин и глубоким поклоном приветствует гостей, молча садится напротив них, у жаровни, над которой уже заранее подвешен котелок с кипящей водой. Рядом с хозяином на циновке расставлены все необходимые предметы: чашка (самая драгоценная реликвия), коробочка с порошком зеленого чая, деревянная ложка, бамбуковый венчик, которым сбивают чай, залитый чуть остуженным кипятком. Тут же стоят керамические сосуды — для холодной воды, для ополаскивания и другие предметы; все старинное, но безукоризненно чистое, и только ковш для воды да льняное полотенце новые, сверкающие белизной».

Входя в чайную комнату, где стоит жаровня для чайника, гость становится на колени перед токонома и вежливо кланяется. Затем, держа перед собой складной веер, выражает восхищение висящим в нише ка-кэмоно (свитком). Закончив осмотр, благодарные гости садятся и приветствуют хозяина.

Все стадии ритуала проходят в строгом порядке. Присев, гости приступают к сладостям. Затем хозяин приглашает их в сад. О начале церемонии возвещает гонг — пять и семь ударов (заметьте, это размер танка).
После гонга гости покидают сад и возвращаются в чайную комнату. В комнате теперь светлее, отодвинута бамбуковая штора за окном, а вместо какэмоно в нише — ваза с цветком. Хозяин вытирает чайницу и ложку специальной тканью — фукуса — и моет мешалочку в горячей воде, которую наливает из чайника ковшом. Затем кладет три ложки порошкообразного зеленого чая в чашу, заливает ковшом горячей воды и взбивает чай мешалочкой, пока чай слегка не загустеет. Крепкий зеленый чай — кои-тя (а именно с него в былые времена начиналась церемония) приготавливался из молодых листьев чайных кустов в возрасте от двадцати до семидесяти и более лет. Главный гость кланяется, ставит чашу на ладонь левой руки, поддерживая правой. Сделав небольшой глоток, оценивает вкус чая; делает еще несколько глотков, вытирает пригубленное место специальной бумагой и передает чашу следующему гостю, который после нескольких глотков отправляет ее дальше, пока, пройдя по кругу, чаша не вернется к хозяину.
(Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. С. 353—363)
Об этике самураев Дайдодзи Юдзана (1639—1730) изложил принципы «Пути самурая»:
«Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить; и умереть, когда правомерно умереть.
— К смерти следует идти с ясным сознанием того, что надлежит делать самураю и что унижает его достоинство.
— Следует взвешивать каждое слово и неизменно задавать себе вопрос, правда ли то, что собираешься сказать.
— Необходимо быть умеренным в еде и избегать распущенности.
— В делах повседневных помнить о смерти и хранить это слово в сердце.
— Уважать правило «ствола и ветвей». Забыть его — значит никогда не постигнуть добродетели, а человек, пренебрегающий добродетелью сыновней почтительности, не есть самурай. Родители — ствол древа, дети — его ветви.
Самурай должен быть не только примерным сыном, но и верноподданным. Он не оставит господина даже в том случае, если число вассалов его сократится со ста до десяти и с десяти до одного.

На войне верность самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на вражеские стрелы и копья, жертвуя жизнью, если того требует долг.
— Верность, справедливость и мужество суть три природные добродетели самурая.
— Во время сна самураю не следует ложиться ногами в сторону резиденции сюзерена. В сторону господина не подобает целиться ни при стрельбе из лука, ни при упражнениях с копьем.
— Если самурай, лежа в постели, слышит разговор о своем господине или собирается сказать что-либо сам, он должен встать и одеться.
— Сокол не подбирает брошенные зерна, даже если умирает с голоду. Так и самурай, орудуя зубочисткой, должен показывать, что сыт, даже если он ничего не ел.
— Если на войне самураю случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой, без унизительной поспешности.
— Будучи смертельно ранен, так что никакие средства уже не могут его спасти, самурай должен почтительно обратиться со словами прощания к старшим по положению и спокойно испустить дух, подчиняясь неизбежному.
— Обладающий лишь грубой силой недостоин звания самурая. Не говоря уж о необходимости изучения наук, воин должен использовать досуг для упражнений в поэзии и постижения чайной церемонии.
— Возле своего дома самурай может соорудить скромный чайный павильон, в котором надлежит использовать новые картины — какэмоно, современные скромные чашки и нелакированный керамический чайник».
(Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. С. 373—374)

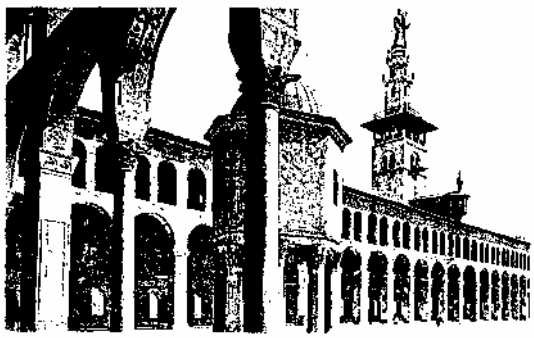
Литература

Бхаратакадватриншати. Тридцать два рассказа о монахах // Индийская средневековая повествовательная проза. М.: Худож. лит., 1982.
Ван Ду. Древнее зеркало // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.). М.: Худож. лит., 1970.
Государевы указы'// Литература Востока в средние века: Тексты / Под ред. Н.М. Сазоновой. М.: МГУ—Сиринъ, 1996.

Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.
Индийская лирика II—X веков. М.: Наука, 1978.
Исэ моногатари. М.: Наука, 1979.
Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. М.: Дет, лит., 1989.
Ки-но Цураюки. Предисловие к поэтической антологии X в. Кокинсю // Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.

Кокуси Сиресю. Когосюй // Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 1 / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1961.
Кэнко-Хоси. Записки от скуки // Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.
Малявин В.В. Чань //Буддизм: Словарь. М.: Республика, 1992.
Муросаки Сакибу. Повесть о Гэндзи // Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.
МодеХ. Искусство Южной и Юго-восточной Азии. М.: Искусство, 1978.
Нет жизни без Кришны. Из средневековой индийской поэзии. М.: МГУ, 1992.
Ныдзе. Непрошеная повесть. М.: Наука, 1981.
Нихонга // Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 1 / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1961.
Нихон Рейки. Японские легенды о чудесах. СПб.: Гиперион, 1995.
Описание Индии китайским путешественником Сюан Цзаном // Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 1 / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1961.
Пинус ЕМ. Японская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1988.
Серебряный С.Д. Кришна// Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Сов. энцикл., 1988.
Синь Тан шу//Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 1 / Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Изд. соц.-полит. лит., 1961.
Собрание древних и новых песен Ямато // Григорьева Т. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993.
Судзуки Т. Наука Дзен - Ум Дзен. КиТв: Преса Украши, 1992.
Хуанфу Мэй. Возмездие // Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VH-IX вв.). М.: Худож. лит., 1970.
Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Худож. лит., 1986.
Чжан Чжэнь-Цзы. Практика Дзэн. Красноярск: Белый остров, 1993.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА



Исторический Основоположником ислама (мусульманства) был *Му*-**очерк** *хаммед* (570—632 гг.). О нем известно, что он родился в
Мекке, там же начинается и его проповедь, но недоброжелательное отношение большинства мекканцев вынудило и его самого, и его сторонников перебраться в г. Йасриб. Мухаммеду удалось сплотить вокруг себя ряд племен бедуинов. Борьба мусульман с мекканцами привела к победе Мухаммеда, и Мекка покорилась ему.

После смерти Мухаммеда главой мусульманской общины (халифом) избирается сподвижник Мухаммеда *Абу-Бакр* (Абу-Бекр). Ситуация была сложной: многие бедуинские племена, ранее принявшие ислам, отказались платить обещанную Мухаммеду дань (на дело веры) и выдвинули своих пророков. Абу-Бакру удалось силой оружия подавить выступления отступников, Аравия объединяется вокруг Медины. Арабы начинают воевать с Ираном (Персией династии Сасанидов) и Византией, в этом время умирает Абу-Бакр и халифом становится *Омар* (634—644 гг.), при котором войны пошли с новой силой; в результате была окончательно разгромлена Персия и захвачена значительная территория Византии (Египет, Сирия, Палестина и др.). Победы были одержаны довольно легко (например, Египет захватил отряд всего в 4000 человек), так как местное население и в персидских, и в византийских владениях жестоко эксплуатировалось властями. Возникает новое государство — *Арабский халифат.*

После неожиданной гибели Омара (заколотого одним из приведенных к нему пленных) халифом становится

Осман (644—656 гг.), принадлежавший к мекканскому роду Омейядов, но в это время власть по сути дела сосредоточивается в руках наместников вновь завоеванных земель, на первый план при этом выдвигается *Муавия (Муавийя)* — тоже из рода Омейядов — наместник Сирии. По приказу Османа были собраны все записи высказываний Мухаммеда, и после работы особой редакционной комиссии был составлен канонический текст Корана. Для многих недовольных это стало поводом для восстания: халифа Османа обвиняли в том, что он препятствует выполнению заповедей Пророка. Сирийские арабы, мекканцы и ряд других провозгласили своим халифом Муавиа; мединцы и восточно-арабские поселенцы выдвинули на эту

роль *Али* — приемного сына Мухаммеда и мужа его дочери Фатьмы (единственной выжившей из всех детей Пророка). Сторонники Али осадили Медину и захватили ее. По преданию, в момент убийства Осман склонился над Кораном, и кровь его обагрила его страницы. Со смертью Османа начинается первая гражданская война (656—661 гг.). Муавия призывает отомстить за смерть Османа, решающее сражение состоялось на границе Сирии на берегу Евфрата. Победа склонялась на сторону *шиитов* (партия Али), но его противники применили хитрость: нанизали на свои копья листы Корана и стали кричать, что их должна рассудить священная книга, т.е. они предложили обратиться к третейскому судье для разрешения спора. Состоявшийся суд призвал низложить Али, вскоре (в 661 г.) Али был убит представителем третьей враждующей партии — *хариджитов.* Реальным обладателем власти стал Муавия, сделавший своей столицей Дамаск. Началась эпоха халифата Омейядов (661—750 гг.), который достиг своего расцвета при халифе *Болиде* (705—715 гг.). На востоке мусульманские войска захватили Самарканд, Хорезм, Ташкент, покорили Афганистан, основали город на берегу реки Инд, дошли до границ Китая; на западе — с помощью берберов (мавров) — захватили Карфаген (последний римский город в Африке) и весь северный берег Африки; в 712 г. они захватывают Испанию, но их дальнейшее продвижение в Европу было остановлено франками, которые в 732 г. разбили мусульманское войско в битве при Пуатье. Несколько раз арабы пытались захватить Константинополь, но это им так и не удалось. В эту эпоху, несмотря на меры, принимаемые властями, ислам широко распространяется у завоеванных народов, а арабский язык становится языком международного общения, науки и литературы.

В 750 г. к власти приходят представители новой *династии — Аббасиды* (возводившие свой род к дяде Пророка — Аббасу). За этим последовал распад халифата: прежде всего отделилась Испания, где правил единственный уцелевший потомок Омейядов, затем отпала вся Северная Африка (здесь возникает ряд самостоятельных государств — на территориях современных Алжира, Туниса, Марокко) и Египет; затем и восточные территории обрели независимость, в IX в. государство Аббасидов свелось в сущности к районам, окружавшим Аравийскую пустыню: Сирия, Ирак, Аравия.

Но хотя единого государства у мусульман больше не было, на громадной территории возник и существовал мусульманский мир, который объединяла единая религия (ислам), единый язык общения, науки и литературы — арабский и ряд других общих черт культуры. Фундаментом для развития средневековой мусульманской культуры стала античная культура, хотя отношение к ней (как и в христианском мире) было двойственным: с одной стороны невозможно было не признать ее высочайших достижений, но с другой — она оценивалась всего лишь как языческая, тогда как мусульмане обладали высочайшей истиной Откровения, данной им Аллахом через Мухаммеда. Тем не менее сначала в X в. в Багдаде, затем в XI в. в Кордове (Пиренейский полуостров), а позднее и в ряде других мест возникают центры мусульманского образования, где активно работают переводчики и переписчики античных текстов (к сожалению, переводы делались в основном с сирийского, а не с греческого языка).

В XI в. из степей Казахстана на запад стали продвигаться *племена тюрков* (собственно уже в IX в. тюрки составляли основную силу в армии Аббасидов,

а в IX—X вв. ислам был распространен среди кочевых тюркских племен). Они завоевали большую часть Передней Азии, захватили Хорезм, Хорасан, Сирию, Ирак и почти всю Персию; сам верховный багдадский халиф, считавшийся духовным главой всех мусульман, вынужден был подчиниться тюркам.

В конце XI в. начинается европейская экспансия на Ближний Восток (Крестовые походы), но после первых поражений (христианам удалось даже захватить Иерусалим) мусульмане изгоняют со своих земель христиан. Выдающуюся роль при этом сыграл знаменитый полководец (позднее — султан) Саладин, которому в 1187 г. удалось отобрать у крестоносцев Иерусалим, кроме того, он же захватывает Египет, подчинив его тюркам, и вводит в Египте суннитское вероисповедание. В XIII в. европейцы уже практически полностью изгнаны из Сирии и Палестины.

В XIII в. начинается новое нашествие — монгольское (при Чингисхане), причем *монголы* шли и на восток (покорили Китай), и на запад (продвинулись в Европу вплоть до Карпат). Из мусульманских районов они захватили прежде всего многие территории в Передней Азии; захват монголами Багдада в 1258 г. означал конец династии Аббасидов. В XIV в. монголы принимают ислам. При потомках Чингисхана в Туркестане возникло самостоятельное государство, ставшее новым центром мусульманской культуры. При Тимуре были объединены Туркестан и Иран, столицей был Самарканд.

В XV в. возникает могущественная *Турецкая империя,* которой (при султане Махмеде II) удалось захватить Византию, турецкие войска неоднократно вторгались в Европу и однажды чуть было не захватили Вену. В это же время на востоке существуют еще два крупных мусульманских государства: империя Сефевидов в

Персии и государство Великих Моголов в Индии. Сохраняются и мусульманские государства в Северной Африке (Египет, Тунис, Марокко). На западе в XV в. христианам удалось одержать победу над мусульманами (маврами), которые были изгнаны из Испании.

В Новое время, особенно при сравнении с бурно развивающимися европейскими странами, культура мусульманского мира может быть охарактеризована как «застойная». В результате в XIX — начале XX в. большинство мусульманских стран оказались в состоянии колониальной или полуколониальной зависимости от европейских стран.

Религия и церковь

О рождении и жизни Мухаммеда (Мухаммада)

Утверждают — согласно рассказам людей, но Аллах лучше знает, — что Амина, дочь Вахба и мать посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — рассказывала, что, когда она носила посланника Аллаха, ей было явление и было сказано: «Ты понесла господина этой общины. Когда он явится на свет, скажи: «Поручаю его покровительству Единого от зла всех завистников», потом назови его Мухаммедом». Когда она понесла его, она увидела, как из нее вышел сноп света, в котором ей стали видны дворцы Босры на сирийской земле. Прошло немного времени, и 'Абдаллах б. 'Абд ал-Мутталиб,

отец посланника Аллаха, скончался, а мать посланника Аллаха еще была тяжела им.

Сказал Ибн Исхак: посланник Аллаха родился в понедельник по миновании двенадцати ночей с начала месяца раби' первого в год Слона...

Когда мать родила его, она послала сказать его деду ' Абд ал-Мутта-либу: «У тебя родился мальчик, приходи посмотреть на него». Тот пришел и посмотрел на него, а она рассказала ему о том, что видела, когда понесла его, что ей было сказано о нем и как было велено назвать. Говорят, что 'Абд ал-Мутталиб взял его, пришел с ним в ал-Ка'бу и встал, призывая Аллаха и благодаря за то, что он даровал ему. Потом он ушел с ним к матери, отдал его ей и стал искать для посланника Аллаха молочных братьев...

(Ибн Хишам. Жизнеописание господина нашего Мухам/лада, посланника Аллаха. С. 12)

Он любил уединяться на горе Хира около родного города Мекки. Его звали Мухаммад сын Абд Аллаха, и было ему тогда, в 610 (или в 608) году, 40 лет.

В одну из ночей месяца рамадан во сне ему явился некто с книгой, завернутой в парчовое покрывало, и сказал: «Читай!», — «Я не умею читать», — ответил он. Явившийся стал душить его завернутой книгой (или свитком), потом отпустил и сказал: «Читай!» — «Я не умею читать». И снова пришедший душил его. Испугавшись за свою жизнь, Мухаммад спросил наконец: «Что же мне читать?» Зазвучало:

Читай, во имя Господа твоего, который сотворил.
Сотворил человека из сгустка.
Читай! И Господь твой щедрейший,
который научил каламом,
научил человека тому, чего он не знал (96:1—5).

Мухаммад повторил это и был оставлен в покое. Потом Он рассказывал: «Я проснулся, и в сердце моем словно сделана надпись».

Он вышел на склон горы, на которой ночевал, и вдруг услышал голос с неба: «О Мухаммад, ты — посланник Аллаха, а я — Джибриль». В небесах, опершись ногами на горизонт, стоял его ночной гость. Куда бы ни оборачивался Мухаммад, он оказывался перед ним. Потом Джибриль исчез.

Так, согласно мусульманскому преданию, началось ниспослание божественных откровений, которые, собранные вместе, составляют Священную Книгу ислама — Коран. Коран (точнее — аль-Куран) означает «чтение», «чтение вслух». Это то, что требовал читать и читал вслух Мухаммаду Один из приближенных к Богу (Аллаху) ангелов — Джибриль, называемый у христиан архангелом Гавриилом. Бог сделал его посредником между собой и человеком, которого избрал пророком и

своим посланником к людям. Мухаммад должен был выслушать слова божьи, запомнить их, повторять их людям и проповедовать веру в то, чему его и их учит Бог.

Город Мекка, где жил Мухаммад, находится в западной части Аравийского полуострова, В гористой местности, называемой Хиджаз. Там Мухаммад родился (около 570 г.) и вырос в доме своего деда Абд аль-Мутталиба. Родителей он потерял очень рано. Как и большинство жителей Мекки, Мухаммад принимал участие в караванной торговле. Он стал распорядителем дел богатой вдовы Хадиджи и скоро женился на ней.

Мекка была важным торговым и религиозным центром. Около нее ежегодно собиралась одна из самых знаменитых ярмарок Аравии — Указская. В самом же городе возвышалась аль-Ка'ба — одно из главных святилищ Аравии... Поблизости от города находилось святилище общеаравийской богини аль-Уззы. Жили в Мекке и люди, исповедовавшие иудаизм и христианство. Были там и так называемые ханифы — праведники, отвергавшие языческое многобожие, но ни к какой из существовавших тогда религий себя не причислявшие. Уединенные размышления, пост, забота о бедных — все это входило в обычаи религиозного быта мекканцев. Мухаммад любил эту сторону жизни сородичей и часто уединялся в окрестностях Мекки, где на горе Хира и было ему первое видение.

Потом их было еще несколько. Мухаммад радовался и боялся... Справиться с сомнениями помогли ему жена Хадиджа и ее двоюродный брат Барака. Они убедили Мухаммада, что с ним происходит то же самое, что некогда происходило с Моисеем, — с ним говорит Бог.

Уверенность росла, и Мухаммад решился на то, чего требовал от него Аллах. Он вышел к людям и стал провозглашать перед ними Коран — слово Божье. Проповедь истинной религии приняла форму простой передачи слов божества. Коран — не рассказ об Аллахе и людях, живших некогда в прошлом, а прямая речь Аллаха. Иногда она обращена к Мухаммаду, иногда прямо к людям, иногда Аллах сам говорит о себе в третьем лице. Однако все это — священные слова, идущие прямо от божества, избравшего для общения' с людьми арабский язык. Коран был проповедью и частью диалога. Он и поучал людей, и отвечал им на их вопросы, возражения и действия, разъяснял то, что они давно знали, но неверно понимали...

Он призывал мекканцев отказаться от веры во множественность божеств, поклоняться только одному-единственному богу — Аллаху... В мире все совершается по воле Аллаха. Он дает людям, и он же берет от них. Он наказывает за гордыню и нечестие, он вознаграждает за смиренность и веру.

Жизнь человечества не бесконечна. Миру придет конец. Тогда все будет перевернуто и уничтожено; все мертвецы воскреснут и будут приведены к Аллаху на суд. С каждого будет спрошено по его делам и каж-

дому будет по ним воздано. Те, кто верил в Аллаха и поступал благочестиво и праведно, будут навечно помещены в райские сады и будут жить там в блаженстве под сенью тенистых деревьев у прохладных ручьев. Тех же, кто был неправеден и верил в языческих богов, ждет огонь геенны, страшные мучения жара и холода.

Эти идеи не были особенно новыми. Единобожие, наказание за грехи проповедовали иудеи и христиане. Христиане красочно рассказывали о конце света, рае и аде. Собственно, Мухаммад и говорил, что его Аллах — тот же бог, что и у иудеев, и у христиан. Только они, получив однажды через своих пророков Мусу (Моисея) и 'Ису (Иисуса) истинные откровения, забыли и исказили их. Мухаммад поэтому полагал, что иудеи и христиане с радостью примут его проповедь, очищающую их религию, увидят в нем долгожданного мессию. Этого, конечно же, не случилось. Отвергли Мухаммада и соплеменники...

Однако постепенно проповедь Мухаммада стала привлекать то одного, то другого... Возникло ядро будущей общины мусульман — людей, предавших себя Аллаху. Разными были эти люди — рабы, вольноотпущенники, безродные бедняки, молодые юноши из знатных меккан-ских родов. Верхушка мекканцев стала ощущать опасность этого небольшого объединения, которое грозило уничтожить одну из основ мекканской торговли — культ аравийских божеств.

Начались споры. Мухаммада громко обвиняли в одержимости, от него с ехидством спрашивали чудес... Постепенно в проповедях все большее и большее место занимают повествовательные элементы — сказания о прошлом. Коран устами Мухаммада доказывал ссылками на прошлое все те главные мысли, которые декларировались прямо... Однако мекканцы... в большинстве не желали верить в Бога Мухаммада, а тем более — признать в нем самом пророка, человека, возвышенного божеством над сородичами. Начались первые гонения. Мусульман прогоняли из общественных мест, били, не давали им собираться и молиться... По решению Мухаммада часть мусульман перебралась из Мекки в Эфиопию. Там правил христианский (т.е. верующий в единого бога) царь. Там они надеялись найти и нашл'и убежище от притеснений мекканцев.

, В Мекке же Мухаммад продолжал проповедовать и бороться... Почти все жители города были членами племени курайш, некогда пришедшего в Мекку из пустыни. Племя делилось на отдельные роды. Род, к которому принадлежал Мухаммад, назывался хашим. На него тоже обратилась вражда мекканцев. Хашимитам даже пришлось однажды выдержать осаду и бойкот со

стороны других курайшитов. Они вышли из этого положения с честью, от Мухаммада не отступились, но и их терпение иссякло.
Уже около десяти лет проповедовал Мухаммад (откровения начались около 610 г.), успеха же все не было... Умерла Хадиджа, родившая
443
ему четырех дочерей и постоянно поддерживавшая его в трудные минуты...
Он решил искать успеха вне Мекки... Неудачей кончилась попытка
проповедовать в городе Таиф. Поклонники почитавшейся там богини Аллат закидали пророка Аллаха камнями... К словам Мухаммада прислушивались люди из лежавшего к северу от Мекки оазиса Йасриб...
Большинство населения Йасриба составляли тогда два племени..., постоянно враждовавшие друг с другом. За долгие годы список взаимных обид стал столь обширным и запутанным, что, даже желая примирения, они не могли договориться. В таком случае был нужен посторонний беспристрастный и авторитетный третейский судья.
Йасрибцы сочли, что Мухаммад для этой роли подходит... согласились признать Мухаммада пророком Аллаха и передать ему в руки управление своим городом...
Йасрибцы заключили с Мухаммадом соглашение, подтвержденное клятвой в местечке 'Акаба, и мусульмане стали постепенно покидать свой родной город и перебираться в Йасриб... Последним покинул Мекку Мухаммад, сопровождаемый своим верным соратником, одним из первых мусульман — Абу Бакром. Отъезд был тайным, ходили слухи, что мекканцы задумали убить пророка.
20 сентября 622 г. Мухаммад прибыл в Йасриб. Произошла его хиджра (переселение), одно из главных событий в истории ислама. От первого дня этого года по лунному календарю ведется мусульманское летосчисление. Йасриб стал потом называться Мадинат ан-наби — Город пророка или просто аль-Мадина — Город.
Был построен дом Мухаммада, около него — первая мечеть. Постепенно сложились обязательные правила благочестивого поведения, права и обязанности мусульман. Законы жизни ниспосылались людям Аллахом... Провозглашались запреты на ростовщичество, азартные игры, пьянящие напитки, на употребление в пищу свинины...
Возникло новое объединение людей, которое скрепляло не родство по крови, но вера в единого бога. Это была мусульманская община — умма. Мухаммад управлял ею по праву пророка, единственного человека, способного общаться с Аллахом и получать от него указания и приказы. Ему было подчинено все население Медины, в том числе язычники, постепенно переходившие в ислам, и иудеи.
Мусульмане совершали регулярные пять молитв в день, постились, произносили формулу символа веры: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Они были обязаны отдавать часть доходов, полученных от торговли, сельского хозяйства и войны, на нужды общины, поддерживать бедняков милостыней. Были отменены выплаты процентов по долгам, взятым до ислама, запрещено взимание процентов с долга вообще. Очередная из столь многочисленных в истории человечества попыток создать справедливое общество
444
равных. Равенство скоро было нарушено, но поначалу оно привлекало многих...
В течение многих лет с переменным успехом шли стычки между мусульманами и мекканцами.
Враждебную позицию заняли и иудейские племена... Мединские иудеи стали открыто издеваться над пророческими претензиями Му-хаммада. Они поднимали на смех его ссылки на Ветхий завет, объявляли его невеждой. Ответом на это был постепенный разрыв. В Коране усилился антииудейский настрой, все сильнее стало подчеркиваться, что последователи Мусы-Моисея исказили его учение... Праотец Иб-рахим-Авраам объявлялся не иудеем и не христианином. Все более осознавалось и выражалось отличие ислама от других видов единобожия, его самостоятельность как отдельной религии.
Другим ответом на вражду иудеев стало усиление аравийского элемента в исламе. В самом начале пребывания в Медине мусульмане при молитве обращались лицом к Иерусалиму. Со второго года Хиджры и навсегда киблой (т.е. направление, которое надо соблюдать при молитве) стала мекканская аль-Ка'ба. Она превратилась в главное святилище ислама. Коран объявил Ибрахима строителем аль-Ка'бы. Паломничество к аль-Ка'бе стало обязанностью мусульманина. Соответственно одной из главных религиозных и политических задач стало освобождение Мекки от господства многобожников и очищение аль-Ка'бы от языческих идолов и ритуалов.
Прямые столкновения с иудеями привели к карательным мерам. В несколько этапов иудеи

Медины были частично перебиты, частично изгнаны.
Мекканцы, поддерживаемые мединской оппозицией, продолжали военное давление на мусульман...
Когда пришла уверенность в победе, Мухаммад в конце 629 г. снова двинулся к Мекке. Мекканская знать, трезво оценив обстановку, поняла неизбежность поражения. Главный враг пророка Абу Суфйан прибыл к нему просить прощения и объявил о своей покорности. Легко и с готовностью в начале 630 г. подчинились и остальные мекканцы.
Мухаммад воспринял эти их действия благосклонно — прощал всех и даже назначал своих соплеменников на важные должности. Лишь несколько человек из особо ярых врагов ислама были казнены. Прежние враги сразу заняли видное место в верхушке мусульманского общества.
Смирилась и приняла ислам аль-Ка'ба. Из нее были выброшены языческие идолы. Спустя некоторое время язычникам запретили совершать к ней паломничество. Через Коран были провозглашены новые, но восходящие к прежним правила хаджа.
Столицей мусульманской общины продолжала оставаться Медина. Мухаммад в Мекку жить не вернулся... Постепенно весь Аравийский полуостров в большей или меньшей степени подчинился Медине.
445
Пророк, полностью уверовавший в грядущее торжество своей миссии, мечтал о расширении власти ислама и далее... Снаряженное для похода на север войско уже стояло наготове около Медины, когда пророк заболел и умер 8 июня 632 г. По преданию, сказалось действие яда, некогда поднесенного ему.
(Пиотровский М.Б. Коранические сказания. С. 9—18)

Вероучение Догматика ислама очень проста. Мусульманин должен твердо верить, что есть только один бог — Аллах; что Мухаммед был его посланником-пророком; что до него бог посылал людям и других пророков — это библейские Адам, Ной, Авраам, Моисей, христианский Иисус, но Мухаммед выше их; что существуют ангелы и злые духи (джинны), впрочем, эти последние, перешедшие в ислам из древнеарабских верований, не всегда злы, они тоже находятся во власти бога и исполняют его волю; что в последний день мира мертвые воскреснут и все получат воздаяния за свои дела: праведные, чтящие бога, будут наслаждаться в раю, грешники и неверные будут гореть в гиене; наконец, что существует божественное предопределение, ибо Аллах каждому человеку заранее назначил его судьбу...
Как проста догматика ислама, так же просты и его практические и обрядовые заповеди. Они сводятся к следующему: обязательная пятикратная молитва каждый день в установленные часы; обязательное омовение перед молитвой и в других случаях, после какого-либо загрязнения; налог (закят) в пользу бедных, фактически в пользу духовенства; ежегодный пост (ураза, в десятом месяце — рамазане) в течение всего месяца; полом-ничество (хадж) в священный город Мекку, который правоверный мусульманин должен по возможности совершить хотя бы раз в жизни.
Каждое из этих предписаний, несмотря на то, что они сами по себе не так уж тяжки и невыполнимы, допускает изъятия и смягчения в затруднительных случаях. Вода для омовения в случае ее отсутствия может быть заменена песком, пылью; соблюдение поста необязательно для больных, для путешественников, они могут и должны отпоститься позже соответствующее число дней; кстати, мусульманский пост, в отличие от христианского, состоит в полном воздержании от всякой пищи и питья от восхода до захода солнца, но зато в остальное время суток можно есть и пить что угодно и предаваться любым удовольствиям.
Мусульмане имеют с иудаистами ряд общих обычаев и запретов: обязательное обрезание мальчиков (но это проделывается не над новорожденными, как у евреев, а над семи-, десятилетними мальчиками); запрет есть свинину; строгое запрещение делать изображения бога, а также и вообще изображать живые существа... Последователям ислама запрещено также пить вино, но этот запрет не везде соблюдается.
Одно из предписаний мусульманской религии состоит в священной войне за веру (джихад)... В Коране это предписание изложено ясно:
446
в течение восьми месяцев в году (ибо четыре месяца считаются «запретными») надлежит воевать с многобожниками, с неверными, истреблять их, захватывать их имущество.
(Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 524—526)

Философия

Мусульманская философия зарождается уже в VIII в. (исходной базой для нее стала античная философия) как попытка рационального осмысления истин Откровения, и ее *первой формой стал калам* (его

сторонников называли мутакалимами), в этом течении было много различных направлений, его виднейший представитель — Аль-Ашари. В X в. на Востоке возникает мусульманский *аристотелизм* — крупнейшие представители: Аль-Кинди, Аль-Фа-раби и Ибн Сина (Авиценна); западный аристотелизм появляется в XII в. — Ибн Баджа, Ибн Туффейль, Ибн Рушд (Аверроис). Еще одно интересное и своеобразное течение мусульманской философии — *суфизм* — носит мистический характер, его виднейшие представители — Аль-Газали и Ибн Араби.

В мусульманском мире проживало большое количество евреев, среди них были свои выдающиеся ученые; многие из них, работая в центрах мусульманской образованности, принимали активное участие в работе над переводами научных и литературных текстов. Среди еврейских философов в первую очередь необходимо отметить Маймонида — сторонника аристотелизма. Кроме того, именно в эту эпоху активно развивается и получает широкое распространение *каббала* (см. о ней в разделе «Культура древних евреев»).

«Об откровении и видении ангелов» — Аль-Фараби

Абу-Наср Мухаммед бну-Мухаммед Фараби (870—950 гг.) — виднейший представитель восточного аристотелизма. У него имеются работы по этике, политике, психологии, естествознанию, музыке, но особенно известны его труды по логике и философии. Ниже приводится отрывок из его философского трактата, интересный как пример рационального объяснения возможности получения человеком Божественного Откровения, пророчества и т.п. Стремление согласовать Знание и Веру, Разум и Откровение присуще всей средневековой философии как в мусульманском, так и в христианском мире.

Это [бывает так]: когда воображающая сила у какого-нибудь человека очень могущественна и совершенна, тогда ощущаемые, приходящие к нему извне, не усваиваются и полностью не поглощаются. В этом случае они также служат мыслящей силе. Более того, она обладает еще, — несмотря на эти две деятельности, — достаточным запасом, который позволяет ей также предаваться этим соответствующим действиям. Состояние ее тождественно тому состоянию, когда она выполняет эти две деятельности, бодрствуя, или когда погрузится в сон; и

447

что она [наконец] представляет данные действующего интеллекта посредством видимых ощущаемых, которые их моделируют, — эти воображаемые предметы вновь приходят и запечатлеваются в чувственной силе. Итак, когда эти образы формируются в общем чувстве, видящая сила пассивно воспринимает их. То, что таким образом сформировалось в видящей силе, вызывает [тогда] воспроизведение этих образов в освещенном воздухе, смежном с глазом и пересекаемом лучом, [исходящим из] глаз. Когда эти образы вырисовываются в воздухе, они возвращаются и запечатлеваются вновь в видящей силу глаза, затем отражаются в общем чувстве и в воображающей силе. Все эти [силы], будучи взаимосвязаны, приводят к тому, что деятельный интеллект становится видимым тому человеку.

Когда воображающая сила моделирует эти данные [действующего интеллекта] посредством ощущений красоты и высшего совершенства, тот, кто видит это, заявляет, что Аллах обладает величием, сильнейшим и удивительнейшим, ибо видит множество удивительных вещей, которые абсолютно не могут быть встречены в других бытиях. Возможно, что человек, воображающая сила которого достигает своего наивысшего предела, получает наяву от действующего интеллекта частицы настоящего или будущего или их чувственные модели таким образом, что видит все моделируемые по отдельности умопостигаемые объекты интеллекции и все прочие благородные создания. Тогда, через посредство умопостигаемых объектов интеллекции, которые он получит, произойдет нечто вроде прорицания божественных предметов. Именно здесь — высочайшая ступень, которой достигает воображающая сила и вершина совершенства, до которой поднимается человек в своей воображающей силе.

(Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей • добродетельного города. С. 299—301)

Суфизм

Суфизм — религиозно-мистическое учение, в котором главной целью является достижение состояния просветления или озарения. С точки зрения суфиев, достичь высшей истины нельзя, следуя только путем рационального познания, необходимо пройти особое обучение, чтобы научить выходить в иную реальность, достичь состояния «мистического опьянения». В суфийской практике психотренинга (так же как и в дзэн-буддизме) особую роль играют стихи, притчи и парадоксы.

Ибн Араби

Ибн Араби (1165—1240гг.) называли Великим шейхом суфизма, в суфийской иерархии почетных титулов он получил высший — «полюс полюсов». Перу Ибн Араби принадлежит от 300 до 500 трудов, но до нас дошло только около 150. Именно ему принадлежит разработка концепции «единого бытия», оказавшей серьезное воздействие на всю суфийскую философию. Суть этой концепции хорошо видна из приводимого ниже стихотворения Ибн Араби.

448

В дыханье Божьем воплотилось все —

Так сумрак пред зарей пропитан светом.
А вот и день; но лишь чрез силлогизм
Тем, кто сонлив, дано узнать об этом.
Дыханье чудное в видении узришь,
Коли моим внимал ты здесь советам,
И пусть «Нахмурился» читаешь нараспев —
Не омрачит печаль чела при этом.
Тому, кто головню пошел искать,
Он, в образе огня, представ, явился,
Ведь Он тот свет, что и государях
И в стражниках ночных предвоплотился.
Мои слова поняв, уж никогда
Не скажешь ты, что от тягот освободился.
А если бы другое он искал?
Ему бы в том Он тотчас же явился.
(Ибн Араби. Геммы мудрости. С. 222)

Суфийская притча

Традиционная суфийская притча... показывает трудности, с которыми сталкиваются даже ученые, пытающиеся изучать суфизм с помощью ограниченных методов познания.

Слон, принадлежащий группе бродячих артистов, оказался неподалеку от города, где никогда раньше слона не видели. Услыхав о таком чуде, четверо любопытных горожан решили добиться разрешения посмотреть на слона раньше других. Поскольку в стойле, где держали слона, не было света, изучение диковинного животного должно было проходить в темноте. Дотронувшись до хобота, один из них решил, что это создание напоминает шланг. Второй ощупал ухо и пришел к выводу, что слон похож на опахало. Третьему попалась под руку нога, которую он мог сравнить только с живой колонной, а четвертый, положив ему руку на спину, был уверен, что слон напоминает собой трон. Никто из них не мог составить полной картины; исходя из того, что он сумел ощупать, каждый ссылался на это, употребляя названия уже знакомых вещей по ассоциативным образам. Результатом экспедиции было недоумение. Каждый был уверен, что прав именно он, но никто из остальных горожан не мог понять, что же случилось и что же в действительности произошло на самом деле с исследователями...

Как считают суфии, одним из важнейших суфийских персонажей в мусульманской культуре является Ходжа Насреддин.

В действительности никто не знает, кем был Насреддин, где и когда жил, и это естественно, так как основной целью было создание образа, не поддающегося характеризации и неподвластного времени. В дан-

ном случае для суфиев важна идея, а не человек. Все это не мешало людям снабдить его не только фальшивым жизнеописанием, но и гробницей. Ученые, в борьбе против педантизма которых Насреддин так часто выходит победителем в своих историях, даже предприняли попытки детально разобраться в «Тонкостях», выискивая соответствующий биографический материал. Одно из этих открытий несомненно согрело бы сердце самого Насреддина. Ссылаясь на слова Насреддина о том, что он живет в этом мире вниз головой, один ученый делает вывод, что мнимую дату смерти Насреддина, высеченную на его «надгробном камне», следует читать не как 386, а как 683. Другой профессор «чувствует», что если правильно переставить арабские цифры этой даты, то они скорее дадут число 274. Он совершенно серьезно пишет, что дервиш, к которому он обратился за помощью по этому вопросу, попросту сказал: «...а почему бы не попробовать впустить в чернильницу паука, а потом вытащить его и посмотреть, какие следы он оставит? Это может указать на правильную дату или показать что-нибудь еще».

В действительности 386 означает 300+80+6. Подставляя вместо полученных цифр арабские буквы, мы получим корень ШУ Ф, от которого образовано слово ШаУаФ — «заставлять кого-нибудь смотреть, показывать что-либо». Как сказал дервиш, паук может что-нибудь «показать».

Если самым беспристрастным образом подойти к некоторым классическим насреддиновским историям, сразу станет ясно, что чисто схоластический подход к делу считают самым непродуктивным:

«Перевозя некоего педанта через бурную реку, Насреддин сказал что-то такое, что показалось тому грамматически неправильным.

— Разве ты никогда не изучал грамматику? — спросил ученый. -Нет.
— Значит, ты потерял полжизни.
Через несколько минут Насреддин обратился к своему пассажиру:
— Учился ли ты когда-нибудь плавать?
— Нет, а что?
— Значит, ты потерял всю жизнь — мы тонем!»...
Люди не знают, как начинается путь к озарению, поэтому неудивительно, что они могут увлечься каким-нибудь культом, который запутает их всевозможными теориями, при этом они будут убеждены в своей неспособности отличать истину от лжи.
Насреддин освещает этот процесс различными способами...
«Как-то раз сосед увидел, что Насреддин ищет что-то, стоя на коленях.
— Что ты потерял, мулла?
— Свой ключ, — ответил Насреддин. Через несколько минут сосед опять спросил:
— А где ты обронил его? Дома.

— Тогда почему ты ищешь его здесь?
— Потому что здесь светлее».
Многие суфии используют эту известную насреддиновскую историю, комментируя с ее помощью действия людей, ищущих экзотические источники озарения.
(ИдрисШах. Суфии. С. 54-76)

Государство и право

Для мусульманского законодательства характерна его тесная связь с исламом. Источником правовых норм являются в первую очередь Коран и Сунна: это и общие морально-религиозные нормы поведения людей, и поведение Мухаммеда в решении конфликтных ситуаций. Другой источник норм — это согласие авторитетных правоведов по проблеме, о которой ничего не говорят священные книги.

Из религиозного Согласно Сунне, совершай два раката, войдя в ме-**законодательства** четь, до того, как сядешь, если уже совершил омовение, или в пятницу, когда имам читает проповедь. Согласно Сунне, молча внимай проповеди, слушай ее, обращай лицо к проповеднику, видишь его или нет, и сохраняй молчание. Ведь Пророк сказал: «Произнесший "тсс!", когда имам читает проповедь, нарушил молчание. А кто нарушил молчание, пятничная молитва того не-действительна». Он [также] сказал: «Заговоривший, когда имам читает проповедь, уподобился ослу, таскающему священные книги». И он [еще] сказал: «Кто заговорил, когда имам читает проповедь, тот получил от пятничной молитвы горсть праха».
Согласно Сунне, следует приветствовать тех, кого встречаешь, входя в мечеть или в другое помещение или когда выходишь.
Не запрещай что-либо из того, что разрешил Аллах — велик он и славен! Ибо совершающий это клевещет на Аллаха, опровергает слова его, противится [ему], совершает несправедливость...
Из того, что [Пророк] повелел и что разъяснено в рассказах с его слов, — поминание Аллаха на местах проживания и во время переездов, например «Во имя Аллаха» в начале омовения.
Усердие в промывании ноздрей водой и в мольбе к богу согласно тому, что передают с его слов об омовении частей тела. Человеку следует начинать омовение частей тела, надевать одежду, туфли, сандалии, всю одежду правой рукой, а снимать — левой. Также [начинать] есть и пить правой рукой, а заканчивать левой. Начинать подмывание левой, а заканчивать правой. Входить в отхожее место с левой ноги, произнося после поминания имени Аллаха: «О Аллах, огради меня от

нечистоты и гадости». Выходить же с правой ноги, произнося: «Слава Аллаху, который отвел от меня беды и защитил».
Выполнять десять [правил], Которые относят к обычной чистоте. Ведь это — сунна отца нашего Ибрахима — мир ему! Пять из них касаются головы, а пять — тела. Те, что для головы: полоскание рта, промывание водой ноздрей, чистка зубов, стрижка усов, расчесывание волос. Те, что для тела: подмывание, обрезание, удаление волос с лобка, стрижка ногтей, выщипывание волос под мышками.
Согласно Сунне, входить в мечеть [следует] с правой ноги и задерживать ее при выходе. Произносить при входе: «О, Аллах, благослови Мухаммада-Пророка и да приветствуй! Прости мне мои прегрешения и открой врата милости твоей». А при выходе [произносить] то же самое, за исключением слов: «Открой мне врата щедрости твоей».
Согласно Сунне, [хранить] степенность и спокойствие при ходьбе, идя на молитву. Человеку не следует щелкать пальцами, когда он собирается молиться, скрещивать руки во время молитвы,

играть [руками] во время нее, оборачиваться, играть перстнем и бородой. Смирение постоянно, взгляд обращен на место поклона. Правую руку класть на левую, как это делал 'Али б. Аби Талиб — да будет доволен им Аллах! — и велел делать так. Громко произносить «Аман» при словах имама «ва-ла-д-даллин» («и не заблудших») и тянуть [аман] голосом.
В мечети часто поминать Аллаха, говорить о [богословской] науке, не пускаться в рассуждения, не сплетничать, не рассказывать о мирской жизни, ибо это осуждается.
(Абу Йусуф Йа'куб. Книга о харадже. С. 90—92)

Из уголовного законодательства

Если кто-нибудь нанес другому такую рану, за которую возможно возмездие путем нанесения обидчику такой же раны, то, если факт будет установлен свидетельскими показаниями, характер нанесенной им раны точно устанавливается и ему отмщается тем же, разве что пострадавший его простит; если же рана такова, что виновнику нельзя отмстить нанесением таковой же, то на него налагается пеня, он подвергается наказанию и длительному заключению в тюрьме, пока не принесет раскаяния, после чего его освободят.
Равным образом, если кто-нибудь совершит такую кражу, за которую полагается отрубить [руку], ее отрубают...
Если на заключение имама будет представлен человек, который умышленно убил мужчину или женщину, причем самый факт будет общеизвестен и несомненен и против этого человека будут представлены соответствующие доказательства, то имам должен войти в рассмотрение (достоверности) этих доказательств; если будет установлена безупречность репутации свидетелей или хотя бы одного из них, то имам отдает этого человека во власть ближайшего родственника уби-

того, который может по желанию убить его или простить. Так же имам поступает в тех случаях, когда убийца добровольно признается в совершенном им убийстве, хотя бы против него и не было представлено [требуемого законом] доказательства...
Возмещение, уплачиваемое женщинам за нанесенные им раны, равно половине того возмещения, которое уплачивается мужчинам за нанесенные им раны, ибо и уплачиваемая за убийство женщины пеня составляет половину той пени, что уплачивается за убийство мужчины...
Если кто-нибудь из торговцев, что живут на базарах, в пригородах и в городских кварталах, прикажет одному из своих работников полить водой дорогу перед жилищами мусульман и кто-нибудь, [поскользнув- , шись], убьется насмерть, то ответственность падает на того, кто дал этот приказ, а если этот торговец приказал наемнику [полить водой дорогу], а тот на дороге совершил омовение, то ответственность [за этот несчастный случай] падает на совершившего омовение, ибо из омовения извлекает пользу совершивший его, а из поливки дороги пользу извлекает отдавший соответственное распоряжение...
Если к имаму приведут кого-нибудь, обвиняемого в прелюбодеянии, и четыре свидетеля, свободных мусульманина, дадут показания против него в совершении им прелюбодеяния и убедительно докажут совершение этого безнравственного поступка, то об этих свидетелях надлежит навести справки; если их безупречная репутация будет установлена и уличенные — не малолетние, то каждый из них, мужчина или женщина, наказывается ста ударами плетью.
Мужчина подвергается наказанию в штанах, стоя, причем удары плетью распределяются по всем частям тела, за исключением лица и половых органов, а как некоторые говорят, и за исключением головы... Женщина же подвергается наказанию сидя, причем ее закутывают в ее одежды так, чтобы не были видны не подлежащие обнажению части тела...
А если кто будет представлен на суд имама за то, что выпил вина, все равно, много или мало, то он должен быть подвергнут хадду, ибо малое или большое количество вина одинаково запретно и влечет за собою хадд; опьянение каким бы то ни было напитком запрещено и влечет за собою хадд...
Рассказывал нам аш-Шайбани со слов Хассана б. ал-Мухарика:
«Какой-то человек, в то время как раз постившийся, сопровождал 'Умара б. ал-Хаттаба в пути; когда он разговелся, то набросился на принадлежавший 'Умару мех, привязанный к [седлу], в котором было финиковое вино, выпил из него и опьянел; 'Умар наказал его ударами [плетью], как того требует хадд. Тогда человек сказал 'Умару: "Ведь я пил из твоего меха". 'Умар ответил: "Я наказал тебя за то, что ты опьянел, а не за то, что ты пил"».
(Абу Йусуф Йа'куб. Книга о харадже. С. 172—186)

О государствен- ном управлении и чиновничестве

В государстве халифов провинции сосуществовали более или менее независимо друг от друга, наподо- бие федеральных штатов (земель),

центральная власть сносилась с ними не через отраслевые министерства, а в обратном порядке, т.е. каждая область имела в Багдаде свое министерство, которое и вершило там ее дела. А каждое министерство состояло из двух отделов: «основного» отдела, который занимался распределением и сбором налогов и, по всей вероятности, заботился о податных сословиях, т.е. занимался административной деятельностью, и отдела «ведомства финансов». Только халиф ал-Мутадид (279— 289/892—902) (здесь и далее приводимые через косую черту даты означают мусульманское/христианское летоисчисление. — *Сост.)* — самый толковый правитель III/IX в. — первый объединил ведомства областей в «ведомство двора» с тремя подотделами: министерством по делам Востока, министерством по делам Запада и министерством по делам Вавилонии. Одновременно все финансовые отделы трех министерств были объединены под одним началом. В 300/912 г. были объединены также и «основные» отделы этих министерств с одним-единственным чиновником во главе, так что в новом столетии имперский административный аппарат состоял из двух отраслевых министерств: внутренних дел и финансов. Этим главным министерствам подчинялся целый ряд ведомств, также именовавшихся «диванами», подобных тем, что обычно имела каждая провинция. Однако поскольку государственный канцлер — глава центральной власти — сам правил провинцией Вавилония, то некоторые представительства этой провинции в Багдаде являлись в то же время и имперскими ведомствами. К четкому разграничению их функций так никогда и не пришли...

Служба связи в империи была весьма высоко развита. Так, правитель Багдада имел возможность послать Ибн Тулуну в Египет туфлю из дома одной из любовниц Ибн Тулуна, о существовании которой знали лишь самые интимные его друзья. Послана она была с угрозой: кто это может, тот и жизнь его держит в своих руках. Чаще всего почтмейстер являлся официальным осведомителем, которому его шпионы доносили все новости. Это византийское наследство. Еще при императоре Константине Великом его коллеги, которые к тому же именовались почтмейстерами, обеспечивали службу информации. И подобно тому как в наше время клика репортеров, так уже и в те времена литераторы добывали себе кусок хлеба, подвизаясь на поприще службы информации...

Уже в III/IX в. в жизни чиновников злую роль стали играть деньги. Все стоило денег, и прежде всего само место, а уплаченные за место деньги приходилось возмещать нечестным путем... Развращенность чиновничьего сословия сказалась в империи халифов также и в профессиональном заболевании — титуломании и в напыщенно-замысловатых формах официальной переписки — бедствий,

которые вспыхнули в IV/X в. и продолжают свирепствовать и по сей день. Весьма большое значение придавалось высокопарной формуле вежливости в адресовке и обращении деловых писем, в то время как подпись в противоположность европейской традиции, к счастью, формулировалась очень кратко...

С упадком феодального государства и *с* ростом бюрократии при первых аббасидских халифах появляется везир. Омейядам эта фигура была еще неизвестна...

Самым примечательным переломом в общественной жизни был тот факт, что в первоначально заложенной по чисто военному образцу империи везир, верховный «писарь», по занимаемому им рангу стоял над всеми военачальниками. Таким образом, мощная чиновничья иерархия более раннего Востока торжествовала в этом явлении свое возрождение...

В начале IV/X в. аббасидские везиры, как, впрочем, и другие чиновники, обычно носили плащ, платье, рубашку и туфли. Официальный цвет одежды был черный. Во время придворных торжеств везир носил платье придворного, кафтан и меч у пояса, сохраняя в качестве единственной части гражданской одежды черную головную повязку. Это одеяние торжественно вручалось ему халифом при вступлении в должность. На этот торжественный акт за будущим везиром следовала целая процессия придворных, военачальников, чиновников, которые по завершении церемонии сопровождали его и на обратном пути. Один историк считает нужным сообщить, что некий везир во время этого торжественного шествия, почувствовав сильную потребность помочиться, остановился в доме одного чиновника, за что впоследствии повысил ему жалованье. Возвратившись к себе, везир обычно принимал поздравления от народа в соответствии с различными рангами поздравлявших; халиф посылал ему деньги, одежды, благовония, яства, напитки и лед.

Располагаем мы также данными о распорядке работы одного ве-зира, жившего около 300/912 г., правда, с оговоркой, что как раз он сохранил свои привычки начальника канцелярии. «Рано поутру

приходили его советники, везир вручал каждому документы по его ведомству и приказывал, что ему нужно было доставить. По вечерам они приносили ему на просмотр готовые работы и оставались у него вплоть до ночи. Когда документы были проверены и ему были представлены бумаги с указанием расходов, распоряжений, составленных документов и оформленных счетов, он прекращал заседание, и все удалялись после того, как он поднимался со своего места». Во время этих заседаний каждый чиновник сидел со своей чернильницей на твердо определенном месте, лицом к везиру, а первый секретарь впереди всех против везира.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 81—94)
455

Книги и библиотеки

Пожалуй, каждая более или менее значительная мечеть имела библиотеку, ибо существовал обычай завещать свои книги мечетям...
Теперь и власть имущие считали для себя величайшей гордостью собирать книги. Так, в конце IV/X в. каждый из трех великих повелителей ислама — в Кордове, Каире и в Багдаде — был книголюбом? Ал-Хакам в Испании имел на всем Востоке своих агентов, которые скупали для него первые списки; каталог его библиотеки состоял из 44 тетрадей по 20 листов каждая, в которые были занесены только заглавия книг...
Более поздние поколения хотели также знать объемы книжных фондов его библиотеки, однако они колеблются (в печатном издании ал-Макризи) между 160 и 120 тыс. томов. По Ибн ат-Тувайру, библиотека имела отделы, разделенные на секции, причем каждая секция запиралась дверью, снабженной петлями и замком; там находилось свыше 200 тыс. книг. Приведем для сравнения данные о наличии книг в западных библиотеках в то же самое время: соборная библиотека в Констанце имела в IX в. 356 томов, в Бенедиктбеурене в 1032 г. — немногим больше 100, а соборная библиотека в Бамберге в 1130 г. — лишь 96. Ал-Мукаддаси ходил как-то по библиотеке 'Адуд ад-Даула с его ка-мерге'ром: «Библиотека помещалась в специальном здании, ведали ею управляющий, библиотекарь и инспектор. 'Адуд ад-Даула собрал там все книги, которые только были сочинены до него по всем отраслям знаний. Библиотека состояла из большого вестибюля и длинного сводчатого зала, к которому со всех сторон были пристроены боковые помещения. Вдоль всех стен как самого зала, так и боковых помещений, он разместил шкафы из накладного дерева высотой и шириной в три локтя, с дверцами, опускавшимися сверху вниз. Книги помещались рядами на полках. Каждая отрасль знания имела свой шкаф и каталог, в который были занесены названия книг. Допуск в библиотеку имели только именитые граждане.
Три самых страстных книголюба III/IX в. — это часто упоминаемый ал-Джахиз, ал-Фатх ибн Хакан, вельможа двора и кади Исма 'ил ибн Исхак. Любую книгу, попавшую в руки ал-Джахиза, какова бы она ни была, он не выпускал до тех пор, пока не прочитывал до конца. В конце концов он взял в аренду лавки книготорговцев, чтобы там — стало быть, заимообразно — читать книги. Более поздний источник даже приписывает ему и смерть библиофила: он имел обыкновение раскладывать вокруг себя целые горы книг, и вот однажды такая стена книг обрушилась и убила его.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 169—171)
456

Школа и обучение

Между тем наряду с библиотеками возникла новая форма научных учреждений, в которой хранение книг сочеталось с обучением или, во всяком случае, с оплатой выполненной в их стенах работы. Поэт и ученый Ибн Хамдан (ум. 323/935), принадлежавший к мосульской знати, учредил в Мосуле «дом науки» с библиотекой, где имелись книги по любой отрасли знаний. Доступ к ним был открыт всякому, кто стремился к знаниям, а неимущим даже выдавалась бумага. Сам учредитель сидел там, читал свои и чужие стихи и диктовал сведения по истории и праву...
Число учеников определяли по количеству чернильниц, которые они ставили перед собой и которые являлись основным орудием студенческого снаряжения. Чернильницами же забрасывали возмущенные слушатели знаменитого ат-Табари, когда он читал что-нибудь неугодное им. Если воитель умирал, то студенты ломали каламы, разбивали чернильницы и, оглашая воздух воплями и жалобами, бродили по городу...
Книги приносили с собой на занятия в сумке, которую со свойственным студентам юмором именовали «бутылкой»...
Раньше диктование считалось высшей ступенью преподавания, и особенно в III/IX в. богословы и филологи диктовали чрезвычайно много...

Однако в IV/X в. филологи отказались от богословской манеры чтения лекций, отказались от диктования и ограничились толкованием произведения, которое читал вслух один из слушателей, «как поясняют компендиумы»...
Видоизмененный метод преподавания создал в свою очередь новые типы учебных заведений, и благодаря преобладанию тадриса (толкования) в это время возникают медресе. Основной причиной их возникновения послужил, кажется, тот факт, что с тадрисом были тесно связаны ставшие с той поры общепринятыми диспуты, а мечеть не была подходящим для них местом. Значит, и в этом отношении IV/X в. создал форму, продолжающую существовать и до нашего времени. Все данные источников указывают на Нишапур, бывший в то время главным средоточием учености Востока, как на родину учебных заведений этого типа...
В больших школах на возвышении сидел помощник учителя, который следил за тем, чтобы было тихо, и передавал слова учителя сидящим далеко. У богословов учитель начинал занятие словами «хвала Аллаху» и славословиями в честь пророка. Затем заставлял какого-нибудь ученика, обладающего хорошим голосом, прочитать несколько стихов из Корана, а когда ученик заканчивал чтение, учитель молился о благоденствии города и учеников. Помощник учителя приказывал соблюдать тишину, произносил «во имя Аллаха» и хвалу пророку, а затем спрашивал учителя: «Да будет милостив к тебе Аллах, кого ты ци-
457
тировал?», — и всякий раз, как встречалось имя пророка или какого-нибудь святого, он произносил вслед за его упоминанием предписываемые формулы благословения... Ученики имели также право вставать во время занятий и задавать вопросы...
...Чтение хадисов все еще являлось своего рода богослужением, требовавшим определенного благолепия. «Рекомендуется, чтобы преподаватель хадисов, прежде чем приступить к преподаванию, совершил омовение, окурил бы себя и расчесал бороду. А сидеть он должен прямо, в благопристойной позе. Если кто-нибудь из слушателей повысит голос, он должен поставить его на место со всей строгостью. И принимать каждого он должен вежливо»...
Преподавание также давало не очень много. Существовало широкое течение среди ученых, как, например, вся школа ханифитского толка, Ахмад ибн Ханбал, Суфйан ас-Саури и другие, которые объявляли вообще недопустимым брать плату за обучение Корану и хадисам. Другие полагали, что брать деньги разрешается, однако ставили превыше всего того преподавателя хадисов, который поучал только «ради небесной награды»...
По окончании такого бесплатного занятия ученик говорил приблизительно так: «Да вознаградит тебя Аллах!», на что учитель отвечал ему: «Да сделает Аллах тебе это на пользу».
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 173—181)

Литература

К священной мусульманской литературе относятся прежде всего Коран и Сунна.

О Коране *Коран,* точнее, аль-Кур'ан, как указывалось выше, означает «чтение», «чтение вслух». Согласно религиозной традиции — это те тексты, которые Аллах непосредственно или через ангела Джибриля сообщил Мухаммеду. По преданию, Коран был создан Аллахом в начале творения — причем на арабском языке. Поэтому ни один перевод на какой-либо язык не может считаться священным. Язык Корана оказал большое влияние на литературный арабский язык.
Коран делится на 114 глав, именуемых сурами, расположенных в порядке убывания длины, за исключением первой суры, фатихи... В свою очередь, каждая сура делится на аяты. Аят — это фраза или фрагмент фразы. Например, фатиха начинается со следующих аятов: (1) «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»; (2) «Хвала Аллаху — Господу миров...» и т. д. Большая часть К. написана рифмованной прозой, т. е. несколько аятов оканчиваются на один и тот же слог...
458
При жизни Мухаммада Коран существовал в устной форме, и было немало людей..., знавших его частично или полностью наизусть. Мусульманские предания и исторические данные свидетельствуют о том, что среди сподвижников Мухаммада были люди, которые записывали отдельные фрагменты Корана, однако сборник текстов Корана еще не был составлен. После смерти Мухаммада возникла угроза постепенной утраты священного текста, и было необходимо собрать все «откровения». При халифе Абу Бакре эту работу выполнил Зайд ибн Сабит, собравший все имевшиеся записи и то, что сохранилось в устной форме. Эти фрагменты он объединил и переписал на отдельных листках. Предание также приписывает создание письменных вариантов К. сподвижникам Мухаммада Убаййу ибн Каабу, Абдаллаху ибн Мас'уду, Абу Мусе аль-Аш'ари. При третьем халифе Османе текст К. был впервые облечен в форму рукописной

книги, которая и считается первым изданием К. В первом веке ислама в халифате еще были в ходу несколько отличающихся друг от друга версий Корана. Вероятно, при Омейядах был окончательно составлен канонический текст Корана, который после этого уже не претерпел значительных изменений. Однако оставалось немало разночтений, обусловленных спецификой арабской письменности, в которой краткие гласные звуки не отражаются на письме, и написанное слово можно трактовать по-разному. Каноническими считаются семь вариантов чтения, из которых сейчас практически используются только два — Асима и Нафи.
(Ислам. Краткий справочник. С. 73—74)

Открывающая книгу (фатиха)

Из Корана Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Хвала — Аллаху, Господу миров, милостивому, милосердному, царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых ты облагодетельствовал, не тех, которые находятся под гневом,
и не заблудших.
(Коран, 1. С. 27)

О сотворении человека И вот, сказал Господь твой ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Разве ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь?» Он сказал: «Поистине. Я знаю то, чего вы не знаете!»
459
И научил он Адама всем именам, и потом предложил их ангелам и сказал: «Сообщите мне имена этих, если вы правдивы».
Они сказали: «Хвала тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине. Ты — знающий, мудрый!»
Он сказал: «О Адам, сообщи им имена их!» И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: «Разве я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?»
И вот, сказали Мы ангелам: «Поклонитесь Адаму!» И поклонились они, кроме Иблиса. Он отказался и превознесся и оказался неверующим.
(Коран. С. 30)
И вот сказал Господь твой ангелам: «Я создаю человека из глины.
А когда я его завершу и вдуну в него от Моего духа, то падите, поклонитесь ему!»
И пали ниц ангелы все вместе,
кроме Иблиса, — он возгордился и оказался неверным.
Он сказал: «О Иблис, что удержало тебя от поклонения тому, что Я создал своими руками? Возгордился ли ты или оказался из высших?»
Он сказал: «Я лучше него: Ты создал меня из огня, а его создал из глины».
Он сказал: «Выходи же отсюда; ведь ты — побиваемый камнями.
И над тобою мое проклятие до дня суда».
Он сказал: «Господи, отсрочь мне до дня, когда они будут воскрешены!»
Он сказал: «Поистине, ты из тех, кому отсрочено
до дня определенного срока!»
Он сказал: «Клянусь же Твоим величием, я соблазню их всех,
кроме рабов твоих среди них чистых!»
Он сказал: «Поистине. Я говорю правду, наполню я гиену тобой и теми, кто последовал за тобой, — всеми!»
(Коран. С. 375-376)

О Сунне *Сунна* — вторая по значимости священная книга в исламе. Само слово «Сунна» в переводе с арабского означает «путь», «пример», «образец». Сунна — это сборник преданий *(ха-дисов)* о жизни, поступках и высказываниях Мухаммеда. По преданию, эти рассказы принадлежали сподвижникам Мухаммеда и сначала существовали только в устной форме. Поэтому для обоснования их подлинности используется интересный прием — *иснад:* цепочка ссылок на рассказчиков *(А* рассказывал, что *В* ему рассказывал, что *С* сообщил и т.п.), возводимая к непосредственным свидетелям соответствующего события. Хадисы были записаны в VIII—IX вв. Тексты из Сунны приведены выше в разделе «Государство и право».
460
Существует шесть общепризнанных суннитами и наиболее авторитетных сборников хадисов, составленных аль-Бухари, Муслимом, Абу Даудом, ат-Тирмизи, ан-Насаи и Ибн Маджа. Кроме

того, существует много тематических сборников и сборников наиболее важных хадисов. Значительная часть хадисов подложка и была создана для оправдания тех или иных новшеств или для поддержки той или иной политической группировки. Однако большинство из них отражает реальные воззрения и практику раннемусульманской общины, а многие — и самого Мухаммада. От термина Сунна происходит название одного из направлений ислама — суннизм. Для суннитов хадисы являются основой всей религиозной и общественной деятельности мусульманина. Другое направление — шиизм — отрицает достоверность большей части хадисов, вошедших в канонические сборники. Шииты строят свои теории на основе собственных сборников; составляющие их рассказы называются ахбар.
(Ислам. Краткий справочник. С. 102)

Поэзия И проза Об обыденной литературе мусульманского мира трудно говорить как о едином явлении: слишком сильны были
национальные традиции народов, принявших ислам. И хотя во всех мусульманских странах творили великолепные прозаики и поэты, но все-таки можно сказать, что наиболее интенсивное развитие литературы происходило в Иране и близких к нему странах. В связи с историческими событиями здесь можно отметить *существование трех литературных языков:* в первый период (династия Омейядов) им был арабский, затем, наряду с арабским, литературным языком становится персидский, а в XIII в. появляется третий — турецкий. Интересно отметить, что в это время главным достоинством арабской литературы считали красноречие, персидской — идейное содержание и остроумие, а турецкой — правдивость и искренность.
Уже ко времени появления ислама у арабов, которые высоко ценили красноречие, выработался литературный язык, появились определенные литературные формы и стихотворные размеры, особо распространенными были ка-сиды (касыды) — стихотворения, в которых прославлялись подвиги героев или осмеивались противники. После захвата арабами Ирана, особенно в IX— X вв., персы вносят большой вклад в развитие литературы на арабском языке. Интересно отметить, что арабы не восприняли античное литературное наследство (в отличие от науки и философии), но на них большее влияние оказала индийская литература в персидской обработке. Так появляется «Калила и Димна» на основе индийской Панчатантры (где используется прием «обрамленного рассказа», который станет ведущим в «1001 ночи»), повесть о «Белаухаре и Будасфе» («Повесть о Варлааме и Иосафе») — одна из версий биографии Будды, восходящая к поэме Ашвагхоши, и ряд других.
.. К наиболее прославленным поэтам и прозаикам Ирана относятся: *Рудаки* (IX— X вв.), прозванный Хорасанским соловьем; *Фирдоуси* (940— 1025 гг.) — автор грандиозной поэмы «Шах-наме»; *Омар Хайям* (1040—1123 гг.), бывший еще крупным ученым — математиком и философом; *Низами* (1141—1211 гг.) — автор знаменитой «Пятерицы» (пяти поэм); *Руми* (1207—1272 гг.) — величайший суфий-
461
ский поэт; *Саади* (1184—1292 гг.) — автор знаменитых поэм «Цветник» и «Плодовый сад»; *Хафиз* (ум. в 1389 г.) — прозванный «Устами сокровенного мира», непревзойденный автор газелей; *Джами* (1414—1492 гг.) — автор эпической поэмы «Семирицы», многих сборников стихов и прозаических произведений.

Рудаки О красавица! Слышал я, что среди забот и нег
Трех рубашек лишился Иосиф за свою жизнь: Одну запятнало кровью коварство, другая была разорвана клеветой,
От аромата третьей прозрел Иаков, чьи глаза ослепли от слез.
Лицо мое подобно первой, сердце мое подобно второй, Выпадет ли мне на долю свидание с тобой, что подобно третьей?
(Литература Востока в средние века. С. 9)

Омар Хайям Чтоб обмыть мое тело, вина принесите, Изголовье могилы вином рросите. Захотите найти меня в день воскресенья, — Труп мой в прахе питейного дома ищите.
* * *
Ты — творец, и таким, как я есть, — я тобой сотворен. Я в вино золотое, и в струны, и в песни влюблен. В дни творенья таким ты создать и задумал меня. Так за что же теперь я в геенне гореть обречен?
* * *
Если труженик, в поте лица своего Добывающий хлеб, не стяжал ничего — Почему он ничтожеству кланяться должен Или даже тому, кто не хуже его?

Низами

Опасайся плениться красавицей, друг! Красота и любовь — два источника мук. Ибо это прекрасное царство не вечно: Поражает сердца и — уходит из рук.
(Хайям Омар. Рубай. С. 60,61,64,93)
В мире не было нас, ты же был в безначальности вечной. Уничтожены мы, ты же в вечности жив бесконечной.
Твоего изволенья коня запасного ведет

Мир в круженье своем, а попону несет небосвод.
462
Мы — бродяги твои, о тебе мы бездомны и нищи,
Носим в ухе кольцо, словно дверь в твоем горнем жилище...
Наше ты упованье, и ты устрашение наше.
Будь же милостив к нам и прости прегрешение наше.
О, подай же нам помощь, помощника мы лишены, — Если ты нас отвергнешь, к кому ж мы прибегнуть должны?
Что же вымолвил я? Что сказал языком я смиренным? Лишь раскаянья смысл в изреченном и неизреченном.
Это — сердце — откуда? Свобода свершенья — отколь? Кто я сам? К твоему всевеличью почтенье — отколь?
Как пустилась душа в этом мире в свой путь скоротечный! Как стремительно сердце впивало источник предвечный!
Тщась познать твои свойства, у нас ослабели умы, Но хадис «О постигшем аллаха» усвоили мы.
Речь незрела у нас, своего мы стыдимся усердья, За незрелость ее да простит нас твое милосердье!
Прибегаем к тебе мы, ничтожнее, нежели прах, Прибегаем к тебе, на тебя уповая, Аллах.
Утешителей друг, ты утешь нас по милости многой!
О, беспомощных помощь, своей поддержи нас подмогой!
Чрез тебя Низами и господство узнал и служенье. Ныне имя его вызывает в любом уваженье.
Дарованью приветствий наставь его скромный язык, Сделай так, чтобы сердцем твое он величье постиг!
(Низами. Пять поэм. С. 31—32)

Из КНИГИ «Ожерелье голубки»

Ибн Хазм (994—1063 гг.) — андалузский писатель и **Ибн Хазма** богослов, автор знаменитого трактата о любви «Оже-релье голубки».

У любви есть признаки, которые проследит понятливый и дойдет до них проницательный, и первый из них — долгий взгляд. Глаза — раскрытые ворота души, и они сообщают ее тайны, открывают ее сокровенные помыслы и изъясняют сокрытое в ней, и ты
463
видишь, как взор, не мигая, движется с движениями любимой, поворачивается, когда она повернется, и направляется туда, куда она направляется, точно хамелеон за солнцем. Я скажу об этом стихотворением, где есть такие строки:
Словно ты из камня бахт, всем на удивленье, Указуешь моему взору направленье, Взор тебе сопутствует, следуя грамматике: Ты определяемое, я определенье.
Еще признак любви: когда начинают разговор, который едва ли обращен к кому-нибудь, кроме любимой, хотя творящий и старается показать, что это не так, — поистине его притворство ясно видно тому, кто его на--блюдает. Другой признак любви: если смолкают, прислушиваясь к речам любимой, когда она говорит, и восторгаются всем, что она сделала, будь это сущая нелепость и нарушение обычаев, и объявляют ее правою, хотя бы она и солгала, и соглашаются с нею, если она и обидела, и свидетельствуют за нее, хотя бы и была она несправедлива, и следуют ей, каким бы она путем ни шла и с какой бы стороны ни понимала сказанное.
К признакам любви относится и то, что спешат к тому месту, где пребывает любимая, и желание сесть вблизи от нее, к ней приблизиться: любимый бросает все занятия, если они препятствуют ему увидеть любимую, пренебрегает всяким важным делом, заставляющим с ней расстаться, и замедляет шаги, уходя от нее...
(Литература Востока в средние века. С. 117)

Музыка

Арабская музыка всегда тесно была связана с поэзией; известно, что, например, такие произведения, как газели, всегда пелись.

Расцвет классической арабской музыки начинается с конца VII в. В средние века богатая светская вокально-инструментальная арабская музыка оказала воздействие на музыкальное искусство Испании, Португалии, на формирование некоторых видов европейских музыкальных инструментов. Высокого уровня достигает арабская музыкальная наука... В основе классической арабской музыки лежат 7-ступенные лады, в которых наряду с основными звуками применяются промежуточные, тонко нюансирующие мелодические интервалы, не укладывающиеся в европейскую музыкальную систему... Классическая арабская музыка носит преимущественно

вокальный характер. Господствующий жанр — вокально-инструментальный ансамбль, в котором ведущая роль принадлежит певцу.
(Штейнпресс Б. С., Ямпольский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 25)
464
К вину полагались пение и танцы. Как еще и в наше время, пирушки сопровождались обычно игрой на четырех музыкальных инструментах. Рабыни пели скрытые за занавесом..., однако для того чтобы оказать гостю наивысший почет, они появлялись и в самом зале... Восприимчивость к пению была очень велика — у многих «улетала душа». Когда певец Мушарик пел посреди Тигра, то все кругом плакали. Он так красиво вздыхал, что радовал этим сердце каждого.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 367)

Архитектура и строительство

Арабская архи- Уже в VII веке сложился тип колонной арабской **тектура — мечети** мечети. Ее внешний вид напоминает крепость, ок-**и минареты** руженную глухими стенами, в которых пробиты
входы, но ни один не выделен в качестве главного. Нередко в ту пору крепостные стены мечети служили защитой городу. Однако стремление к замкнутости пространства здания — одна из главных особенностей арабской средневековой архитектуры. Стены мечети, дворца, медресе, каравансарая, подобно стенам домов и городских укреплений, представляли собой преграду, скрывавшую то, что за ней находилось. Смысл здания сосредоточивался внутри. Особое значение, как основного ядра композиции, приобрел открытый квадратный или прямоугольный двор, обнесенный арочными галереями. В мечетях к одной из сторон этого двора, которая ориентирована в сторону Мекки, примыкала более глубокая, чем на других сторонах, аркада, образующая несколько рядов молитвенного зала. Арки опирались на колонны или столбы. Богато украшенная ниша — мих-раб была расположена в стене, обозначающей направление к Мекке. В отличие от христианского храма, в колонном зале мечети нет центральной оси, которая направляла бы движение молящихся к святилищу. Скорее, наоборот, войдя в зал мечети, нужно остановиться, чтобы охватить взглядом уходящие во все стороны ряды опор, расположенные поперек движения к михрабу.
Мусульманский культ, в котором основные элементы богослужения сводятся к общей молитве, чтению Корана и проповеди, связан с ограниченным набором предметов и церковной утвари. В молитвенном зале мечети рядом с михрабом воздвигался минбар — возвышение для проповедника. Обычно минбар имеет вид очень высокого кресла на постаменте с крутой лесенкой и обшит резными деревянными панелями. Возле михраба располагалась также максура — своего рода отдельная комната или ложа, огороженная решетчатой, украшенной зуб-
465
цами и надписями деревянной оградой. Максура изолировала правителя от толпы молящихся. Низко от пола, на цепях, подвешивались бронзовые и медные светильники, стеклянные расписные лампады; пол мечети, на котором сидели мусульмане, застилали коврами и тростниковыми циновками. Старые массивные Кораны ставились на специальные, красиво украшенные, деревянные подставки.
С древних времен рядом с мечетью воздвигался минарет. Его происхождение восходит к ряду прообразов: сторожевой или сигнальной башне, маяку. Практическое назначение минарета связано с публичным призывом правоверных на молитву, который выполняет специальный служащий при мечети — муэдзин. Минарет непосредственно примыкает к мечети, реже располагается отдельно. Он объединяет мечеть с пространством окружающего мира, с простором неба, с тесно обступающей городской застройкой. В восточном городе вертикали этих башен, то исчезая из поля зрения, то вновь появляясь, играют роль
главных ориентиров.
В различных мусульманских центрах были созданы оригинальные и несхожие между собой формы минаретов. К числу древнейших памятников принадлежат квадратные в плане минареты Сирии, которые произошли от колоколен сирийских христианских церквей, в свою очередь наследовавших традиции эллинистических и римских башенных сооружений. Тип квадратного минарета утвердился в странах Северной Африки и в Андалусии. На Ближнем и Среднем Востоке господствующей стала круглая, слегка сужающаяся кверху форма минарета. Ствол минарета завершался кольцевым балконом, карнизом и легкой надстройкой в виде фонаря. В разных центрах и в разные исторические периоды изменялись размеры этих башен, их пропорции, элементы композиции, характер убранства. Необычным силуэтом отличались минареты

османской Турции, очень высокие, многогранные и многоярусные, напоминающие остро отточенные гигантские карандаши, устремленные в небо...
При Омейядах в Иерусалиме на месте разрушенного римлянами храма библейского царя Соломона в 687—691 годах была воздвигнута в центре большой, вымощенной камнем площади знаменитая мечеть Куббат ас-Сахра («Купол Скалы»). Это центрическое, увенчанное куполом здание образует в плане круг, опоясанный двумя восьмиугольными обходами на аркадах... Культовое здание такого типа основывалось на традиции ранневизантийской архитектуры. Оно было близко христианским храмам Сирии...
Становлению же арабского зодчества более отвечало другое прославленное сооружение. Большая мечеть Омейядов, воздвигнутая по приказу халифа Валида I в 705—715 годах в Дамаске, столице Сирии... была перестроена из большой христианской базилики Иоанна Крестителя, в свою очередь воздвигнутой на месте римского храма Юпитера
466
Дамасского, основанием которому послужило святилище арамейского бога Хадада.
В дамасской мечети были использованы строительные материалы и архитектурные детали предшествующего здания, в частности его стройные мраморные колонны с коринфскими капителями. Однако вытянутый прямоугольный план христианской базилики был решительно переориентирован согласно особенностям арабского зодчества. Внутреннее пространство устремлялось теперь не в глубину, следуя продольному движению колоннады, а в ширину. Три ряда двухъярусных аркад на колоннах пересекли движение к южной стене с михраба-ми. Светлый зал мечети, все части которого равны по высоте, просматривается в разных направлениях. Это уже новый тип здания. Пространство молитвенного зала статично, не имеет четкого центра, может быть продолжено в разные стороны, создает настроение созерцательности. Северная аркада зала (в настоящее время арки забраны деревянными стенами и цветными витражами) открывалась в большой прямоугольный двор с двухъярусными аркадами. Образ мечети Омейядов, щедро и с изысканным вкусом украшенной инкрустациями из мрамора, мозаиками и позолотой капителей колонн, производил ошеломляющее впечатление на современников, вызывал подражания...
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 16—21)

О южноарабских городах Характерной особенностью южноарабского города является компактность застройки и высокие дома.
В Фустате были пяти-, семи- и даже восьмиэтажные дома, причем первый этаж, как правило, был нежилым. Зачастую в одном таком доме жили 200 человек... Иранские города состояли из цитадели, официальной части города, имевшей обычно четверо ворот, и торгового квартала, где находились базары. Каждая из этих трех частей была укреплена своей стеной, а между мединой и наружными кварталами всегда бывали трения. Властители строили себе рядом со столицей отдельные резиденции...
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 377—379)

Дома и дворцы Раскопки в Самарре познакомили нас с типом постройки месопотамского дома III/IX в. Дома Самар-ры построены по определенному плану: крытый вход ведет с улицы или из переулка в просторный прямоугольный двор, спланированный в излюбленной пропорции 2:3. По короткой стороне двора лежит Т-образный главный зал с небольшими комнатами по углам. В остальной же своей части двор окружен рядами прямоугольных жилых и хозяйственных построек. В большинстве домов бывает еще несколько не-
467
больших смежных дворов с хозяйственными помещениями. Во всех домах есть бани и канализация, нередки и колодцы... В ряде случаев бывали открытые беседки с колоннами и подвальные жилые помещения с вытяжными каминами... Все дома были одноэтажными. Там же, где местность была неровная, рельеф искуснейшим образом использовался под террасы. Количество помещений в одном доме доходит до пятидесяти... Окна встречаются, они были застеклены большими цветными круглыми стеклами от 20 до 50 см в диаметре...
Говорят, что персидские шахи отдыхали в часы полуденного зноя в комнате с двойными стенами, между которыми был набит лед. Так же, как передают, обстояло дело и у Омейядов, однако позднее, при ал-Мансуре, появился новый способ добиваться прохлады. Растягивали очень грубый войлок и по нему пускали литься воду, которая, испаряясь давала прохладу. Первое время войлок натягивали поверх палатки, а позднее — над жалюзи. Во дворце 'Адуд ад-Даула в Ширазе войлок непрерывно поливался из укрепленных сверху труб...
К концу III/IX в. стали возникать причудливые затеи, быстро распространявшиеся от одного двора к другому, — они явились как бы предшественницами начинающейся в литературе манерности.

Так, в тулунидском дворце в Египте был устроен пруд из ртути, площадью 50 х 50 локтей. По углам пруда высились столбы из массивного серебра, на которых при помощи серебряных колец были укреплены шелковые шнуры, державшие надутый воздухом кожаный матрац; на этом ложе обычно спал повелитель...

У Тулунида Хумаравайхи эта египетская традиция сочеталась с тюркской страстью к цветам, что сделало его крупнейшим специалистом по садоводству среди мусульманских правителей. На учебном плацу своего отца он велел высадить всевозможные сорта цветов и деревьев. Там имелись экземпляры редкой прививки, например, миндаль был привит на абрикосовые деревья; различные сорта роз, красный, голубой и желтый лотос. Высев цветов производился в виде разных картин и начертаний слов, а садовники обязаны были с ножницами в руках заботиться, чтобы ни один лист не торчал отдельно от других. Пруды, фонтаны, искусственные родники и — как это уже имело место в античном египетском садовом стиле — павильоны, которые оживляли парк.

...Стволы пальм облицовывали вызолоченными металлическими пластинками — вот где сказывались вкусы древнего Востока! Еще персидские цари давали аудиенции в тени платанов, целиком облицованных серебром. Так же и в «новом павильоне» Багдада вокруг пруда из олова стояло 400 пальм, все одинаковой высоты в 5 локтей, стволы которых до самой кроны были облицованы резным тиковым деревом, скрепленным вызолоченными металлическими обручами. *(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 349—353)*

468

Мавританская Основание Альгамбры связано с именем первого эмираГранадыИбналь-Ахмара(1238-1273).Одна- ко дошедшие до нашего времени дворцовые и административные сооружения относятся к XIV веку...

архитектура-

Альгамбра

Дворцовые постройки составляют небольшую часть комплекса, который включал дворцы, крепость, мечети, жилые дома, бани, сады, склады и кладбище. На западном склоне холма расположена его самая старая часть — Алькасаба (от арабского касба — «крепость»)... Алькасаба входит в общую оборонительную систему, плотным кольцом длиной 1400 метров замыкающую холм аль-Сабика. Северная часть сильно укреплена, поскольку здесь расположены дворцовые здания. Башни словно вырастают на гребне обрывистого ущелья. Главенствует могучая квадратная башня Комарес, высотой 45 метров. В крепостную линию Альгамбры включены многие другие башни, с некоторыми из них связаны поэтичные легенды.

Фердинанд Арагонский отдал в 1515 году специальный приказ о сохранении Альгамбры — «столь исключительного и великолепного сооружения». Но уже в 1526 году его внук Карл V начал возводить внутри ансамбля огромный дворец в стиле итальянского Ренессанса. Сооружение тяжеловесной королевской резиденции не смогло все же нарушить единства ансамбля.

В истории дворцового зодчества мусульманского средневековья сохранность Альгамбры, при всех ее невосполнимых потерях и перестройках, вызывает глубокое изумление. Альгамбра — высшее воплощение художественных особенностей мавританского искусства, одно из сокровищ мировой культуры.

Парадной резиденцией гранадских правителей был дворец Комарес, центральную часть которого занимает двор с прямоугольным водоемом, обсаженным по длинным сторонам миртовыми деревьями. На восточной и западной сторонах этого двора, названного Миртовым Двором, тянутся гладкие плоскости побеленных стен с двойными окнами и нишами, а по торцам расположены аркады на стройных невысоких колоннах. С севера возвышается мощная золотисто-розовая башня Комарес, внутри нее помещается великолепный Зал Послов, где находился трон халифа. Зодчий сумел органично объединить башню с легкими, напоенными светом формами открытого двора. Огромная роль здесь принадлежит зеркальной, поднятой почти до уровня пола поверхности водоема. Отражая в изменчивом преломлении башню Комарес и архитектуру Альгамбры, темную зелень мирта и небо, водоем создает чувство простора, расширяет пространство. В архитектуре Миртового Двора преобладают четкие прямые линии, большие гладкие плоскости. Композицию объединяет строгая горизонталь деревянного карниза. Все полно гармонии, благородства и ясного покоя...

469

Прекрасный купол Зала Двух сестер составлен из пяти тысяч сталактитовых ячеек на основе точнейшего расчета и создает совершенно фантастическое впечатление. В слоистой структуре купола есть что-то зыбкое, неуловимое; впечатление подвижности, парения усилено светом из нижних окон. Вдоль изразцовой панели Зала Двух сестер идут включенные в медальоны стихи

придворного поэта Ибн Зумрука. За пышной вычурностью стиля угадывается восхищение поэта красотой дворца, портиков, аркад, двора-сада, капителей колонн, узоров, покрывающих стены как драгоценные ткани, и особенно купола — образа небесного свода.. Включение поэтических строк в убранство Альгамбры наполняет ее покои жизнью звучащего слова. «Говорящие» надписи обращаются нередко к зрителю в первом лице: «Я — сад, который украсила красота, ты познаешь мое существо, если вглядишься в мою красоту», «Когда стемнеет, представь себе, что я мир более высокий, чем все системы звезд». Надписи украшают фонтаны, тонкие сверкающие струи которых оживляют и дополняют вертикальный ритм колонн, а в садах перекидывают через бассейны как бы непрерывную сеть водяных арок (сады Хенералифе). Идущая с гор по мавританским подземным водопроводам холодная и чистая вода снабжает весь дворец, пробегает светлыми ручейками в специальных желобках, устроенных в мраморных плитах пола, и наполняет залы, дворы, сады немолчным журчанием. Архитектура Альгамбры органично включает в себя элементы природы. Горный воздух Гранады, ее свет, которые входят в пространства дворов и проемы окон, голубой свод неба, отраженный плоскостями водоемов, кипарисы и мирты, апельсиновые деревья и вечнозеленые кустарники, множество цветов с сильным душистым запахом образуют особую поэтическую среду. Природа обращена к человеку своим щедрым, благосклонным и прекрасным ликом. Вместе с тем природа в стенах Альгамбры преображена, возведена в ранг искусства, подчинена разумной упорядоченности. Вода заполняет бассейны правильной геометрической формы, падение ее струй точно рассчитано, деревья и кусты подрезаны, маршрут прогулок строго ограничен расположением садовых дорожек.
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 65—70)

Изобразительное искусство

Ислам унаследовал от иудаизма запрет на изображение живых существ, хотя он никогда не был таким строгим, как в иудаизме. Тем не менее (за небольшим исключением) из всех изобразительных искусств в основном получила развитие только орнаменталистика (изображение орнаментов — чаще все-

го растительного характера), которая была тесно связана с каллиграфией. Начиная с XI в. получает развитие книжная миниатюра.

Высоко развитая каллиграфия, которая была письмом не только религии, но и поэзии, философии, науки, расценивалась как искусство, занимая среди других его видов почетное место. Достигнув необычайной изощренности в применении различных усложненных почерков, каллиграфия превратилась в одну из форм орнамента, игравшего ; значительную роль в искусстве мусульманского средневековья.

Бога в странах ислама нельзя было изображать, но можно было обо- ' значать буквами и знаками. Поэтому в искусстве, особенно в оформлении культовых зданий, получил развитие геометрический орнамент, , нередко состоявший из знаков и мотивов, имевших символическое религиозное значение. Например, слово «Аллах» («Бог») обозначалось четырьмя вертикальными линиями, которые схематически выражали ′ буквы этого арабского слова. Составленные в квадрат, они становились символом Каабы. Два пересеченных квадрата образовывали восьми-лучевую звезду — самый распространенный элемент мусульманской орнаментики. Разнообразное умножение квадратов рождало сложный многоугольный рисунок. Треугольник обозначал «око» бога (мотив древних магических представлений). Пятиугольник символизировал пять заповедей ислама (вера в единого бога, пятикратная молитва, милостыня, пост, паломничество в Мекку).
(Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. С. 14)

Научные знания

О науке За греками безусловно признавалось первенство в науке. Переводы с греческого на арабский язык начали появляться очень рано, под влиянием христиан... Несмотря на сближение мусульман с греческой культурой в Александрии и сирийских городах, главная культурная работа, даже в области науки, происходила на берегах Евфрата и Тигра, в Куфе и Басре...

Куфа и Басра сделались средоточием оживленной научной деятель- ности, какой не было в VIII в., по всей вероятности, ни в каком другом городе. Принявшими ислам иноверцами, их учениками и потомками создавалось мусульманское богословие и законоведение; кроме того в обоих городах были школы грамматиков и филологов, соперничавшие между собою, причем и эти создатели науки об арабском языке не все- гда были из природных арабов. Одним из представителей басрийской школы, Халилем ибн Ахмедом, был составлен обширный словарь араб- ского языка, на который всегда ссылается автор составленного в конце

X в. в Хорасане словаря научных и технических терминов (сам Халиль также написал свой труд в

Хорасане). Из этого словаря ясно видно влияние на арабскую науку греческой, между прочим и в классификации наук. Философия разделялась на два основных отдела, теоретическую и практическую; логику некоторые причисляли к теоретической философии, другие создавали для нее особый, третий отдел, третьи называли ее только «орудием философии». Главных отделов теоретической философии три: наука о природе, наука о боге и занимающие среднее место между ними математические науки (греческий термин в этом, случае заменен арабским, имеющим то же значение); четыре последних: арифметика, геометрия, астрономия и музыка, т.е. те из «семи свободных искусств», которые в средневековой Европе составляли так называемый квадрйвиум. Впоследствии математические науки вместе с логикой иногда считались пропедевтическими, т.е. подготовительными для изучения естествознания и богословия или метафизики. Наука о боге... не имела подразделений (впоследствии пытались разделить богословие или метафизику на несколько дисциплин); наука о природе разделялась на несколько отделов, к числу которых принадлежали медицина и химия. Практическая философия разделялась на этику, экономику и политику. Упоминаются и науки, составлявшие в Европе тривиум: грамматика, риторика и диалектика, но не соединяются в одну группу; грамматике посвящена особая глава после законоведения и мусульманского богословия и перед чиновничьим делопроизводством, поэзией и историей; риторика и диалектика упоминаются в главе о логике как отделы последней...

Кроме греческой науки... оказывала влияние индийская, возникшая частью под греческим влиянием, частью, как полагают, самостоятельно. Греческое влияние особенно проявилось в астрономии, самостоятельное творчество индийской науки — в арифметике и алгебре. Индийцами были изобретены цифры, известные в Европе под названием «арабских» и принесенные из Индии на запад двумя путями — через Персию и Египет. Алгебра, почти совершенно неизвестная грекам (исключение представляют только труды александрийского математика Диофанта IV в. н.э.), достигла в Индии значительных успехов; европейцы ознакомились с этой наукой через посредство арабов и приняли ее арабское название (алджебр)...

Научная работа сосредоточивалась в IX и X вв. преимущественно, хотя далеко не исключительно, в бассейне Тигра и Евфрата, частью в старом культурном центре, каким оставалась Басра (Куфа при Абба-сидах постепенно утратила прежнее значение), частью в Харране, куда была перенесена греческая наука из Антиохии, частью в столице халифов, Багдаде...

Известия о первых картах халифата как о первых астрономических вычислениях указывают на Багдад и двор Мамуна. В X в. труд, со-

ставленный уроженцем Балха, учеником Кинди, Абу Зейдом, был переработан уроженцем Фарса Истахри и вторично багдадским купцом, жившим в Северной Африке, Ибн Хаукалем. В арабских географических трудах X в. мы находим подробное описание всех областей тогдашнего мусульманском мира, от Испании до Туркестана и низовьев Инда. Описываются главные города, перечисляются предметы добывающей и обрабатывающей промышленности, даются ясные и точные сведения о распространении культурных растений, из которых некоторые, как хлопчатник, были принесены арабами в Европу (хлопок был принесен арабами в Сицилию и Испанию и обозначается в западноевропейских языках арабским словом), о распределении культурных земель и пустынь. Только благодаря арабским географам современные ученые располагают материалом для суждения о том, как мало изменились климатические и физико-географические условия Передней и Средней Азии за последнее тысячелетие.

(Бартполъд В.В. Ислам и культура мусульманства. С. 67—72)

«О Таваддуд, какие науки ты хорошо знаешь?» — спросил халиф. И девущка отвечала: «О господин, я знаю грамматику, поэзию, законоведение, толкование Корана и лексику, и знакома с музыкой и наукой • о долях наследства, и счетом, и делением, и землемерием, и сказаниями первых людей..., я изучала науки точные, и геометрию, и философию, и врачевание, и логику, и риторику, и изъяснение и запомнила многое из богословия. Я была привержена к поэзии и играла на лютне, узнала, где.на ней места звуков, и знаю, как ударять по струнам, чтобы были они в движении или в покое... Говоря кратко, я дошла до того, что знают лишь люди, утвердившиеся в науке».

(Книга тысячи и одной ночи. С. 13—14)

Быт и нравы

О положении женщин

В семейной морали и во взглядах ислама на взаимоотношения полов отразились понятия патриархально-родового уклада. Женщина — подчиненное существо, созданное Аллахом для услаждения

мужчин. Вместе с тем в Коране признаются человеческие и гражданские права женщины: осуждается излишняя жестокость мужа по отношению к жене, оговариваются имущественные права женщины — право на приданое, на наследство.
(Токарев С А. Религия в истории народов мира. С. 527)
473
В исламе признается многоженство, причем Коран разрешает иметь четыре законные жены и не ограничивает количество наложниц. Но все дети, как от жен, так и от наложниц, считаются законными и имеют право на наследство. Мусульманская женщина не должна показывать свое лицо посторонним мужчинам и поэтому должна носить чадру или паранджу. Жены и наложницы богатых мусульман жили в специальной части дома — гареме, куда не было доступа посторонним, и охранялись евнухами.
В 323/934 г. ханбалиты — крайне консервативное крыло в исламе — ежедневно выступали в столице против безнравственности: они вторгались в дома знатных особ, выпускали вино из бочек, избивали певиц, разбивали их музыкальные инструменты и запрещали мужчинам появляться на улице с женщинами или юношами... Обычаи благочестия вообще весьма неодобрительно относились к тому, чтобы женщина выходила за пределы дома... Повивальные бабки и женщины, занимающиеся обмыванием покойников, должны были доставать себе письменное разрешение... Место (хозяйки. — *Сост.)* за общим столом занимала гетера, причем не какая-нибудь дилетантка, а получившая в высших сферах блестящую подготовку мастерица светской обходительности, вооруженная всеми средствами красоты, образованности и искусства, а также вполне могущая помериться с мужчинами в крайне вольных разговорах. Создается впечатление, что при этом разделении как дом, так и светские запросы были между собой в ладу. Большинство гетер были рабынями, правда, встречались уже и такие, в большинстве своем, конечно, вольноотпущенные, которые за вознаграждение исполняли свою службу...
В то время, т.е. около 300/912 г., должно быть, дали себя знать претензии женщин на более высокие должности, ибо Ибн Бассам поет в своих стихах: «Какое отношение имеют женщины к делам писаря, сборщика податей и проповедника? Это принадлежит нам». В то время уже встречались женщины-богословы, лекции которых усердно слушали и проповедницы. Находились также юристы, объявлявшие, что женщина вполне способна отправлять судейскую должность...
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 333—334)

Нравы Сложные тонкости существовали в порядке обмена скромными подарками между влюбленными. Посылать лимон, например, считалось неприличным, ибо снаружи он красив, а внутри кислый, и тем самым этот подарок может оказаться роковым знаком. Возлюбленная часто посылает яблоко, «на котором отпечатались следы укуса, подобные клешням скорпиона». Это практиковалось еще в древнем'Риме. Или какой-нибудь поэт велит вышить своими стихами кусок драгоценной ткани и дарит его своей любимой певице...
Поскольку сам пророк был сирота, то особую заботу проявляли в отношении сирот, не собирая их, однако, в сиротские дома. В Исфага-
474
не, например, каждый набожный обычно приводил сирот по пятницам к себе домой, чтобы там им умастили головы...
(Мец А, Мусульманский Ренессанс. С. 328—347)

О банях В строительстве многочисленных заведений с горячими ваннами ислам продолжал развивать традицию греко-римского мира. В жизни древнего Востока они не получили широкого распространения. Персидский царь Балаш (484—488 гг. н.э.) навлек на себя гнев своих священнослужителей, когда построил в городах своего царства общественные бани, «ибо купание есть профана-"ция священного начала». Позднее, когда царь Кубад после взятия Амиды пошел в.общественную баню и получил от этого огромное удовольствие, он приказал построить такие заведения во всех городах Персии. А один старый арабский автор сообщает даже, что до ислама персы вообще не имели бань. Однако и у мусульман, строго соблюдавших предписания ислама, бани всегда рождали подозрения. Абу Бакр ас-Сула-ми (ум. 311/923) был не уверен, посещал ли пророк когда-нибудь хам-мам (баню). Муж не должен давать своей жене денег на баню, ибо тем самым он способствует поступку, заслуживающему порицания...
Персонал бани состоял по меньшей мере из пяти человек: банщик, служитель, человек, приготовляющий кизяк, — бани топились главным образом сушеным навозом, — истопник и разносчик питьевой воды.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 354—355)

Об интерьере жилища Входные двери делали из красивого резного дерева, а дверным молотком служило кольцо. Вообще, дерево использовалось широко, причем в домах знати излюбленным было индийское тиковое дерево. Из-за этого интерьеру дома был присущ, вероятно, почти немецкий «уют», как в домах наших крестьян. Такое впечатление производит и выставленная в Каирском музее экспозиция комнаты. Однако комнаты там были пусты, что выгодно выделяло фигуру, движения и одежду человека. Рисунки и расцветки ковров и занавесей имели из-за этого свободу гармонии. Единственной мебелью были лари, в которых хранилась одежда. Шкафы, а также кровати были неизвестны. Стол вносили только на время еды, причем в домах знати III/IX в. для этой цели особенно охотно использовали плиты из оникса. Столы на ножках появились позднее.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 353—354)

Пища Приглашения в компанию должны были удовлетворять требованиям искусства риторики. Как только не изощрялись при этом в совершенно убийственном остроумии! Так, ас-Сахиб Исма'ил ибн 'Аббад писал своему другу: «Мы собрались, о

господин, в компании, где есть все, кроме тебя, всем довольны мы, исключая того, что нет тебя. Здесь раскрылись глаза нарциссов, зардели щеки фиалок, благоухают курильницы цитрусов, открыты коробочки померанцев, заговорили языки лютней и поднялись проповедники струн, повеяли ветерки кубков, открыт базар вежества, встал глашатай веселья, взошли звезды сотрапезников, раскинулось небо амбры. Клянусь моей жизнью, когда ты придешь, мы очутимся в райском саду вечности и ты будешь центральной жемчужиной в ожерелье». К началу IV/X в. за столом везира Ибн ал-Фурата ежедневно собирались девять его тайных советников, и среди них четверо христиан. «Они сидели как по его сторонам, так и против него. Сначала каждому подавали поднос с самыми отборными фруктами всех сортов в соответствии с временами года. Посреди стола ставилось большое блюдо, на котором также лежали все сорта фруктов. Это блюдо предназначалось только для услады взоров. На каждом из небольших подносов лежал ножик, чтобы можно было разрезать айву, персики и груши, а рядом с подносом стоял стеклянный таз для отбросов. Когда они удовлетворяли свою потребность в фруктах, подносы уносили и вместо них приносили тазы и кувшины, и они мыли руки. Затем появлялось блюдо с кушаньем на кожаной скатерти, накрытое крышкой из бамбуковых палочек, поверх которой был наброшен кусок египетского полотна, а кругом лежали салфетки. Когда снимали крышку, присутствующие приступали к еде. Ибн ал-Фурат беседовал с ними, предлагал им кушанья и уговаривал отведать того или другого. Два часа кряду непрерывно подавали и уносили блюдо за блюдом. Затем они переходили в смежную комнату, мыли руки, причем слуги поливали им воду, и тут же стояли наготове евнухи с полотенцами из египетского полотна и флаконами, наполненными розовой водой, чтобы вытереть гостям руки и обрызгать им лица розовой водой». Об этой последовательности в подаче блюд, пожалуй, рассказывается так подробно потому, что это было новшеством. Старый мусульманский обычай требовал, чтобы все кушанья подавались сразу, чтобы каждый мог есть, что ему угодно-Общее мытье рук за столом перед едой было принято повсюду. Обычно это происходило в одном и том же тазу, причем хозяину дома следовало начинать, «чтобы никто не испытал чувства стыда», будто он спешит скорее приступить к еде. Омовение после еды было мытьем в подлинном смысле, во время которого хозяин дома должен был быть последним. Начинали эту процедуру с человека, сидящего слева от хозяина, и шли налево по кругу, так что он оказывался последним. Однако, если кто-либо находился в обществе не равных себе, а в среде более знатных персон, как в приведенном нами случае в компании везира, то гости, как правило, умывались в соседней комнате...

Искусство приготовления пищи пользовалось большим вниманием со стороны литературы. В III/IX в. поварские книги написали: при-

дворный ал-Мунаджжим, эмир-поэт и певец наследника Ибрахим ибн ал-Махди, настоящий поэт ал-Джахиза. Историк IV/X в., библиотекарь Ибн Мискавайхи, также написал между другими сочинение по вопросам диеты, «в котором он рассуждает как о принципах поварского искусства, так и о самых невероятных его ответвлениях»...

Сохранившиеся рецепты более ранних времен свидетельствуют о более тонком вкусе и приберегают розовую воду, мускус и камфару для сладких блюд. Последние являлись апогеем всех праздничных пиршеств, причем и внешне они также приготовлялись с величайшим искусством — из сахара строились целые дворцы, украшавшие столы. Ал-Мутанабби, например,

должен был благодарить за рыбу из сахара и миндаля.
От обычного обеда или ужина резко отличалась веселая пирушка в прямом значении этого слова. Лишь она начиналась среди бокалов, и даже в самые безнравственные времена во время еды никогда не пили вино...
Так же как на античных и византийских пирах, пол той комнаты, где пировали, был усыпан цветами. На головах пирующих красовались венки из цветов...
За вином обычно рассказывали разные смешные истории, короткие анекдоты, в общем изощрялись в искусстве острословия...
В противоположность питающимся рисом индийцам и жителям Восточной Азии почти все городское население мусульманской империи питалось хлебом. Особенно отличались они от первых еще и тем, что все употребляли в пищу молоко. Оба этих основных продукта всякого хозяйства были, таким образом, те же, что и в Европе, с той только разницей, что на Востоке хлеб сохранил форму тонких круглых лепешек, какую ему придавали также и обитатели свайных построек в Европе. И, наконец, виды злаковых культур мусульманских стран одинаковы с европейскими.
(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 361—368,392)
«А каковы установления об еде?» — спросил факих, и девушка отвечала: «Произнесение имени Аллаха, омовение рук, еда сидя на левом бедре и тремя пальцами и вкушение того, что у тебя под рукой». — «Хорошо!» — сказал факих. — «Расскажи мне, в чем пристойность при еде?» И девушка отвечала: «В том, чтобы класть в рот маленькие куски и редко смотреть на сидящего рядом». — «Хорошо!» — сказал факих...
(Книга тысячи и одной ночи. Ночь 443. С. 28—29)
Об одежде Пояса и высокие шапки, которые у арабов-язычников считались принадлежностью одежды персов, ввел при своем дворе уже ал-Мансур (II/VIII в.), что побудило одного придворного к следующим язвительным стихам:

Мы надеялись на прибавку от правителя, а он взял да прибавил к шапкам, Которые сидят на черепах людей, как горшки иудеев, украшенные вуалью...
При ал-Муста'ине (248—252/862—866) шапки вновь стали ниже, только кади сохранили высокие колпаки. Передают, что тот же самый ал-Муста'ин ввел широкие рукава — шириной "в три пяди, которые до этого никогда не были в ходу. Они служили карманом, куда клали все, что нужно, деньги, книги. Математик, когда он намеревался что-нибудь начертить, извлекал из рукава грифель, банкир засовывал в него чек, портной свои ножницы, кади доставал из рукава бумагу, которую публично зачитывал с минбара, а писарь — прошение. Другие пользовались вместо кармана обувью; так, везир ал-Му'тамида извлекал из туфли инвентарную опись казначейств, а придворные уносили домой с обеда во дворце наполненные супом бутылки в туфлях своих рабов.
Мы располагаем сведениями, относящимися к началу, а также и к концу IV/X в., говорящими о том, что порядочному человеку не пристало носить пеструю одежду, что такая одежда для рабов и женщин. Мужчина мог надевать ее в крайнем случае в четырех стенах своего дома, в дни лечения кровососными банками или во время попойки; выходить же в такой одежде на улицу было просто неприлично. Одежда благородного человека должна быть белого цвета, что рекомендуют также и богословы, потому что в раю носят, мол, белые одежды...
Неприличным считалось носить грязное вместе со стираным, новое с уже стираным, полотно или шерсть — с шелком: «самой красивой является одежда, где все подходит друг к другу». Кроме мужчин белые одежды носили разведенные жены, все же прочие женщины должны были избегать этого цвета, за исключением белых шаровар, но одежда должна была быть натурального цвета, а не крашеной. Крашеные одежды носили крестьянки и рабыни-певицы. Голубыми на Востоке были одежды вдов и траурные платья, а в Испании траурные одежды были белого цвета. Шаровары, эта никак не арабская часть туалета, были принадлежностью более дорогой одежды. Все три главные группы государственных служащих отличались также и одеждой: «секретари» носили дурри'а — вырезанную на груди длинную рубаху; богословы — накидку, а военные — короткую персидскую куртку...
Из Китая пришли дождевые плащи из клеенки, которым ничего не делалось даже во время сильного ливня...
Чулки носили как женщины, так и мужчины. Красные туфли считались дурным тоном, потому что носили их греческий император и простые мусульмане, однако при этом щеголь мог себе позволить носить одну желтую и одну черную туфлю, как это делал наследник престола в Византии.

Среди юношей и девушек очень долго держалась мода зачесывать вперед волосы на висках, «подобно букве нун» или наподобие скор-

пиона, «который изогнулся оттого, что подошел слишком близко к пламени щеки». Эта мода была еще сто лет назад воспета Абу Нувасом.

В свое время остготы нагоняли страх на жителей юга Европы своими выкрашенными в зеленый цвет волосами; светлые волосы красили в голубой цвет и фракийцы. Также и на Востоке — как в Аравии, так и в Иране — обычай красить волосы был настолько распространен, что даже богословы спорили, о допустимости этого обычая с точки зрения канонов ислама. Абу Ну'айм (ум. 430/1Q39), например, в своей «Истории Исфагана» в каждой приводимой им биографии точно сообщает, красился ли ее герой или нет. Даже аскет, сорок лет не ложившийся на ложе, красил себе волосы и бороду. Однако в высшем обществе этот обычай, кажется, был редким исключением.

(Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 355—359)

Литература

Ибн Арабы. Геммы мудрости // Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. М: Наука, 1993.
Бартольд В.В. Ислам и культура мусульманства. М.: Изд-во МГТУ, 1992.
Идрис Шах. Суфии. Харьков, 1993.
Ислам. Краткий справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1986.
Абу Йусуф Йа'куб. Книга о харадже // Хрестоматия по исламу. М.: ГРВЛ, 1994.
Каптерева Т.П., Виноградова НА. Искусство средневекового Востока. М.: Дет. лит., 1989.
Книга тысячи и одной ночи: В 8 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1959.
Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986.
Литература Востока в средние века: Тексты / Под ред. Н.М. Сазано-вой. М.: МГУ-Сиринъ, 1996.
Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996.
Низами. Пять поэм. М.: Худож. лит., 1968.
Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1976. •
Аль-Фараби. Трактат о взглядах жителей добродетельного города // Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972.
Хайям Омар. Рубай. Ташкент: Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1982.
Ибн Хишам. Жизнеописание господина нашего Мухаммада, посланника Аллаха // Хрестоматия по исламу. М.: ГРВЛ, 1994.
Штейнпресс Б. С., Ямполъский И.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

Исторический очерк

Временем возникновения Византии можно считать год 395, когда умер император Феодосии Великий, завещав-
ший своим двум сыновьям в качестве самостоятельных владений Западную и Восточную Римскую империю. Название «Византия» происходит от «Визант» — древнего имени греческого города, который под названием «Константинополь» стал столицей империи. Сами византийцы называли себя ромеями (римлянами), название «Византия» утвердилось только в эпоху Возрождения (его использовали итальянские гуманисты).

Византия просуществовала более тысячи лет, почти столько же, сколько и Древний Рим. Время существования Византии довольно точно соответствует хронологическим рамкам Средневековья, что, пожалуй, нельзя сказать ни об одном другом государстве мира. Именно византийская культура может считаться непосредственной наследницей и преемницей античной культуры, и не случайно Константинополь называли «вторым Римом»,^- почти до самого конца Средневековья он был не только крупнейшим городом христианского и мусульманского мира, но и самым богатым и культурным. Именно византийская архитектура, живопись, философия, теология, наука и т.п. в течение длительного времени выступали в

качестве недосягаемого образца для народов как мусульманского (по крайней мере до IX—X вв.), так и христианского мира (для Западной и Центральной Европы — по крайней мере до XII—XIII вв.). При этом надо помнить, что Византия не только хранила, но и развивала культуру, находясь «на перекрестке» Запада и Востока, она создала свою особую культуру, представляющую из себя оригинальный сплав греко-римской и восточной культуры. Кроме того, что может быть важнее всего, именно Византия и сформировавшееся в ней православие стали хранителями идей первоначального христианства. И наконец, для русских людей она имеет особое значение, так как оказала серьезнейшее влияние на всю русскую средневековую культуру; когда возникнет концепция «Москвы — третьего Рима», Москва будет считать себя непосредственной преемницей Константинополя.

Своего *первого расцвета* достигает Византия в *правление* императора *Юстиниана* (518—565 гг.). Его дядя Юстин, избранный императором солдатами, сделал Юстиниана своим соправителем, и после смерти Юстина Юстиниан становится правителем громадной империи. Юстиниан считал своим долгом

480

восстановить прежнюю Римскую империю. Полководцу Юстиниана — Вели-зарию (Велисарию) — удалось разгромить государство вандалов в Северной Африке и присоединить его к Византии. После долгой борьбы византийцы разгромили остготов (восточных готов) и к 555 г. полностью захватили Италию. Одновременно Византия вела войну с вестготами (западными готами) в Испании, там тоже удалось захватить ряд территорий. На востоке с 540 по 562 г. велась тяжелая война с Ираном. С севера на Византию шел постоянный натиск со стороны варваров (авары, готы, славяне и т.д.). Вновь восстановленная империя оказалась непрочной: так, уже в 568 г. лангобарды завоевали Северную Италию, где возникло их королевство.

С севера на империю не прекращался натиск варваров, славяне захватили северную и западную части Балканского полуострова, там начался постепенный процесс слияния греческого и славянского населения. Около 680 г. пришедшие с востока болгары (урало-алтайская или, иначе, тюркская группа), заняли область между Дунаем и Балканами (современная северная Болгария), подчинили местных славян и постепенно смешались с ними.

В VII в. Византия ведет тяжелейшие войны с Ираном, эти войны настолько обескровили оба государства, что они уже не смогли дать достойного отпора арабам-мусульманам. В результате Византия потеряла свои владения в Сирии, Палестине, а затем в Северной Африке и ряде других мест. Несколько раз арабы подступали к самому Константинополю, но не смогли его взять. К 700 г. в составе Византии были только земли вокруг Эгейского моря, на западе — Сицилия и клочки Италии (включая Рим и Равенну, но зависимость их от Константинополя была очень слабой). Оставшиеся территории были в основном областями греческой речи, поэтому латинский язык выходит из употребления (только в армии сохранились воинские команды на латыни).

В 867 г. к власти приходит Василий Македонянин, основатель самой долгой в византийской истории *династии — Македонской* (867—1054 гг.), во время правления которой Византия пережила свой новый расцвет. Василий был родом из армянской семьи, поселившейся в Македонии (отсюда его прозвище). В молодости был захвачен в плен болгарами, когда его выкупили из плена, он сумел — нищий и оборванный — добраться до Константинополя. Обладал большой физической силой, был умелым наездником и укротителем коней. Василий понравился императору Михаилу III, получил должность управителя двора, сумел уничтожить ряд своих соперников, а затем покончил и с Михаилом III и сам стал правителем. Ему удалось наладить финансы, создать прекрасную армию, много внимания он уделял законодательству, сам регулярно присутствовал на судебных разбирательствах, стремясь к тому, чтобы каждый бедняк мог найти защиту у правосудия.

В X в. особую опасность для Византии представляли болгары, которым удалось захватить большую часть Балканского полуострова, Византии пришлось признать за болгарским царем Симеоном императорский титул, Болгария получила особого патриарха, византийский император вынужден был выдать свою дочь замуж за сына Симеона. Регулярные набеги на Византию (зафиксированы с 860 г.) совершали руссы, не раз угрожавшие Константинополю.

В XI в. начинается вторжение турок, которым удалось захватить не только бывшие арабо-персидские земли, но и часть территории Византии, в частности Никею, Антиохию. Во время первого крестового похода*византийцам с помощью крестоносцев удалось вернуть Никею и западную часть Малой Азии. Но вскоре мусульмане под предводительством Саладина нанесли ряд серьезных

481

ударов по завоеванным крестоносцами землям, отвоевали Иерусалим. Во время четвертого крестового похода крестоносцы захватили Константинополь (1204 г.), разграбили его, и на месте Византии была основана *Латинская империя,* но в нее вошла только часть европейских владений Византии: славянское и греческое население, возглавляемое болгарским царем Борисом дало отпор крестоносцам; в малоазийских районах возник ряд мелких самостоятельных государств: Никейская империя, Трапезундская империя, Эпирский деспотат. В 1261 г. Латинская империя пала, была восстановлена (но далеко не в полном объеме) Византийская империя, которую возглавил последний никейский император Михаил VIII Палеолог (1259—1282 гг.); династия Палеологов (с небольшими перерывами) правила империей до ее окончательной гибели.

С конца XIII в. главную опасность для византийцев представляли турки. В 1331 г. они захватили Никею —

последнюю византийскую территорию в Малой Азии, в 1363 г. — Андрианополь и перенесли сюда свою столицу, в 1393 г. они подчинили себе Болгарское царство. В 1422 г. турки пытались взять Константинополь, но из-за внутренних мятежей увели войска. В 1452 г. турки начали новую осаду Константинополя, 29 мая 1453 г. Константинополь был взят и разграблен. Последний император — Константин XI Палеолог погиб в сражении. В Константинополь, переименованный в Стамбул, была перенесена столица турецкой (Османской) империи. Так закончилась тысячелетняя история Византии.

Религия и церковь

Начало формирования христианской церкви (как организации) можно отнести ко II в. До этого существовали лишь отдельные, слабо связанные между собой христианские общины; в их жизни важную роль играли апостолы и пророки, которые переходили с место на место, устно и письменно наставляя верующих. Во II—III вв. идет *процесс образования клира* (священнослужителей), который противопоставляется мирянам (простым верующим). К клиру первоначально относились дьяконы, пресвитеры и епископы (от *греч.* — надзиратели), последние первоначально занимались имуществом и деньгами общины. Уже в конце II в. епископы начинают играть важнейшую роль не только в хозяйственных, но и в идеологических вопросах. В III в. появляются митро- • политы — руководители отдельных церквей, а в IV—V вв. и патриархи — руководители церковных объединений (в Риме патриарх стал называться «папой»). Объединения отдельных общин в епископства, митрополии и патриархии происходили в основном по территориальному признаку и в соответствии с административным делением Римской империи. В начале IV в. выделились Римская, Антиохийская, Александрийская и Иерусалимская патриархии (последняя считалась самостоятельной только в силу священного авторитета), а затем к ним присоединяется еще и Константинопольская. После разделения Римской империи на Западную и Восточную в Западной Римской империи оказывается по сути дела только Римская патриархия, а в Византии — все остальные (хотя вопрос о подчинении различных территорий тому или иному патриарху очень сложен, особенно по отношению к вновь обращенным в христианство народам).

482

В IV в. на востоке *зарождается монашество,* сыгравшее позднее важную роль в сохранении и развитии европейской культуры.

На протяжении всего первого тысячелетия церковь постоянно раздирали и потрясали различного рода *богословские споры,* приводившие к появлению различных сект, направлений и течений в христианстве. У самих церковных историков того времени можно обнаружить упоминания о более чем 150 различных сектах, существовавших только в I—V вв. Для решения этих споров, а также различных церковных проблем собирались соборы, семь из которых признаются (и православными, и католиками) Вселенскими.

К числу самых значительных споров, вокруг которых кипели особенно жаркие страсти, относятся проблема триединства Бога (в частности, вызвавшая к жизни арианскую ересь) и проблема природы Христа. Христологиче- ' ские споры, связанные с последней, привели к первому крупному расколу христианской церкви, от которой отделились *монофизиты,* признающие только одну — божественную — природу Христа, тогда как остальные признали двойственную — и божественную, и человеческую. К монофизитским церквам относятся Эфиопская, Коптская (Египетская) и Армянская (в Армении христианство стало государственной религией еще в 301 г., т.е. раньше, чем в какой-либо иной стране мира).

В VIII—IX вв. Византию потрясла *борьба иконоборцев и иконопочитате-лей;* император Лев Исавр (716—741 гг.) в 726 г. издает свой первый указ против иконопочитания. По его приказу иконы уничтожались, фрески и мозаики замазывались; духовенство и монашество, которое сопротивлялось этому, изгонялось и уничтожалось. Заодно у церквей и монастырей отбирались их богатства и, в частности, громадные земельные наделы, принадлежавшие им. Иконопочитание было восстановлено при Ирине (775— 802 гг.), но гонения на иконопочитателей возобновились при Льве Армянине (813—820 гг.), и окончательно Иконопочитание было восстановлено при Феодоре в 843 г.

В IX—XI вв. обостряются противоречия между константинопольской и римской церквами. В сущности, в основе этих разногласий лежала борьба за главенство в церкви. Кроме того, римская церковь постепенно ввела ряд нововведений (крещение путем обливания, а не погружения, причащение пресным хлебом вместо квасного и т.п.), а самое главное — изменила одну из статей Никео-Цареградского Символа Веры, где к словам о том, что Дух Святой исходит от Бога Отца, было добавлено «и от Сына». В 1054 г. произошел окончательный *разрыв между церквами,* существующий до сих пор. За западной (римской) церковью постепенно утвердилось название «католическая» («вселенская»), а за восточной — «православная» («ортодоксальная»). Перед угрозой турецкого завоевания и в надежде на помощь Запада в 1439 г. была заключена Флорентийская уния, по которой восточная церковь признавала главенство папы римского. Но Запад никакой реальной помощи не оказал, и вскоре уния была разорвана.

Монофизитство Ниже приводится текст, описывающий один из сложнейших периодов становления православного вероучения. Он показывает, как на практике шли богословские споры и к каким реальным последствиям это приводило.

483

Сущность монофизитства состоит в утверждении, что Христос хотя рожден из двух природ или естеств, не в двух пребывает, так как в акте воплощения неизреченным образом из двух стало одно, и человеческая природа, воспринятая Богом-Словом, стала только принадлежностью Его

божества, утратила всякую собственную действительность и лишь мысленно может различаться от божественной. Монофизитство определилось исторически как противоположная крайность другому, незадолго до этого осужденному, воззрению — несторианству, которое стремилось к полнейшему обособлению или разграничению двух самостоятельных природ в Христе, допуская'между ними только внешнее или относительное соединение или обитание одного естества в другом, — чем нарушалось личное или ипостасное единство Богочеловека. Отстаивая истину этого единства против Нестория, главный защитник православия в этом споре, св. Кирилл Александрийский, допустил в своей полемике неосторожное выражение «единая природа Бога-Слово, воплощенная», что было разъяснено в православном смысле самим Кириллом, но после его смерти (444) фанатическими его сторонниками перетолковывалось в смысле исключительного единства Божественной природы, несовместимого (по воплощении) с сохранением действительной человечности. Когда такой взгляд, утвердившийся в Египте, стал проповедоваться и в Константинополе малоученым, но популярным среди монахов и при дворе архимандритом Евтихием, местный патриарший собор осудил это учение как ересь и низложил его упорного поборника (448), о чем патриарх, св. Флавиан, сообщил римскому папе, св. Льву Великому, а Евтихий, после безуспешной жалобы в Рим, нашел себе опору в императоре Феодосии II (через влиятельного евнуха Хрисафия) и в преемнике Кирилла на александрийском патриаршестве — Диоскоре. Созванный императором в Эфесе собор епископов (так называемый разбойничий, 449) осудил Флавиана и оправдал Евтихия. Папский легат, диакон Иларий, заявил формальный протест и бежал в Рим, где папа немедленно объявил Диоскора отлученным от церкви, а все сделанное в Эфесе — недействительным. Диоскор, вернувшись в Александрию, анафематствовал в свою очередь папу Льва. Смерть императора Феодосия II (450) дала делу новый оборот. Императрица Пульхерия и соправитель ее Маркиан выступили решительно против монофизитства и александрийских притязаний. Сторонник Диоскора Анатолий, поставленный им в патриархи на место Флавиана, поспешил изменить своему покровителю и вслед за императором обратился к папе Льву с просьбой о восстановлении церковного порядка. Созванный в Халкидоне вселенский собор осудил монофизит-ство, низложил Диоскора, принял догматическое послание папы как выражение православной истины и в согласии с ним составил определение, по которому Христос исповедуется как совершенный Бог и совершенный человек, единосущный Отцу по божеству и единосущный

нам по человечеству, пребывающий и по воплощении в двух природах неслиянно и нераздельно, так что различие двух природ не устраняет- ся через их соединение, а сохраняется особенность каждой природы при их совпадении в едином Лице и единой ипостаси. Решения Халки- донского собора (451) не были приняты в Египте и Армении, а также отчасти в Сирии и Палестине, и монофизитство доселе отстаивает свою догматическую и церковную самостоятельность в этих странах (яко- виты, армяно-грегориане, копты, эфиопы).

Вернувшись из Халкидона монофизитский монах Феодосии поднял в Палестине народное восстание в пользу осужденной ереси, Иерусалим был взят и разграблен мятежниками; по восстановлении порядка императорскими войсками Феодосии бежал на Синай, откуда продолжал действовать в пользу монофизитства. В Александрии также произошел мятеж, причем отряд воинов был заперт и сожжен восставшей чернью в бывшем храме Сераписа. Поставленный на место Диос-кора православный патриарх Протерий был изгнан народом. Восстановленный военной силой, он был через несколько лет во время нового мятежа убит в церкви (457) и на его место поставлен народом глава противохалкидонской партии Тимофей Элур (Кот). Под впечатлением этих событий император Лев I сделал запрос всем епископам и главным архимандритам империи: следует ли стоять на решениях Халки-донского собора и не возможно ли соглашение с монофизитами (460). Огромное большинство голосов (около 1600) высказал ось за православный догмат; Тимофей Элур был низложен и замещен умеренным и миролюбивым Тимофеем Салофакиалом. Между тем монофизиты стали усиливаться в Сирии, где их глава Петр Суконщик завладел патриаршим престолом, выставил как девиз истинной веры «Бог был распят» и прибавил к трисвятому гимну (Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный) слова «распятый за нас». Сторонником монофизитства оказался император Василиск (474—476), заставивший 500 епископов подписать окружное послание, в котором отвергался Хал-кидонский собор. Василиск был низложен Зеноном, который хотел восстановить церковный мир посредством компромисса между православием и монофизитством. С этой целью им был издан в 482 г. объ-единительный указ — генотикон. Следствием этой затеи был 35-летний разрыв церковного

общения с Западом и усилившиеся смуты на Востоке. В Египте после смерти обоих Тимофеев, несколько раз вытеснявших друг друга с патриаршего престола, такие же отношения установились между умеренным монофизитом Петром Монгом и православным Иоанном Талайя, и сверх того явилась другая партия крайних монофизитов, отказавшихся принять генотикон Зенона и отделившихся от своего иерархического главы Петра Монга, вследствие чего они прозывались акефалами (безглавыми). В Сирии после смерти Петра Суконщика (488) вождем монофизитов выступили иерапольский епис-
485
коп Филоксен, или Ксенайя, который терроризировал население преданными ему шайками фанатических монахов (между прочим православный антиохийский патриарх был замучен до смерти в своем кафедральном храме...)
(Христианство: Энциклопедический словарь. С. 171—172)
В дальнейшем византийское правительство решило вернуться к решениям Халкидонского собора, были восстановлены отношения с Западом (519), монофизитские иерархи низложены. Большинство монофизитов нашли убежище в Египте, среди них произошел ряд расколов и возникло несколько сект. Монофизитство породило также *монофелитство* (учение о единой воле Христа), вокруг которого еще долгое время шли церковные споры.

Философия

Начало тысячелетней истории Византии — это импонирующее зрелище одновременного расцвета неоплатонических философских школ, то языческих, как в Афинах, то религиозно нейтральных, как в Александрии, и споривший с ними, но и учившейся у них христианской патристики. Мы вправе усматривать и там черты упадка; но невозможно отрицать, что культура мысли была очень развитой, а напряжение умственной работы — высоким. Это не продлилось долго. Та хрупкая утонченность, которая дает себя ощущать в филигранной диалектике Прокла и Дамаския или в одухотворенном экстазе Псевдо-Дионисия Ареопагита, не смогла пережить крутой ломки форм жизни. Уже блестящая эпоха Юстиниана I не была благоприятна для философии. Император закрыл в 529 г. Афинскую школу и этим ускорил естественный процесс вымирания языческого неоплатонизма; он же подверг в 553 г. безоговорочному проклятию наследие Оригена и этим отрезал христианскую мысль от ее истоков, еще в IV в. питавших творчество каппадокийского кружка. Столетие спустя Византии, переживавшей острый общественный кризис и защищавшей свое существование от натиска арабов, было просто не до философии.
На фоне этого дичающего времени одиноко возвышается фигура Максима Исповедника, оригинального философа и богослова, в последний раз воплотившего в себе нечто от мыслительной смелости Оригена, тонкости Григория Нисского, системосозидательской широты Псевдо-Дионисия. В 662 г. Максим умер на пути в кавказскую ссылку, перед этим подвергшийся урезанию языка и правой руки за то, что вразрез с очередным поворотом императорской церковной политики учил о реальности человеческой воли Иисуса Христа, в личностном выборе навсегда подчинившего себя божественной воле, но не растворившегося в ней. С его смертью окончательно завершилась эпоха патристики...
486
Но с полной, образцовой определенностью средневековый тип мышления проявился в деятельности Иоанна Дамаскина.
Иоанн родился во второй половине VII в. в Дамаске, тогда — столице халифата Омейядов; его отец был казначеем халифа, сын унаследовал положение при дворе, но затем оставил Дамаск, чтобы стать монахом в обители св. Саввы близ Иерусалима еще до конца VII в.; там он умер в середине следующего столетия. Таким образом, самый нормативный из учителей византийской церкви родился, прожил всю жизнь и окончил ее за пределами Византийской империи, на территории халифата. Источники сохранили арабское имя или прозвище Иоанна — Мансур; однако весьма сомнительно, знал ли Иоанн что-либо об арабской литературе, помимо необходимых ему как христианскому полемисту сведений о Коране. Его культура остается всецело эллинистической в своих основах. Бывший администратор халифа как систематизатор греческой логики и византийской теологии — парадоксальное явление, характерное для той неповторимой ситуации, когда политическая карта Ближнего Востока в корне изменилась из-за стремительной экспансии ислама, но в сфере культуры соотношение сил еще было прежним.
(Культура Византии. С. 36—39)

Государство и право

О государствен- Из всей совокупности проявлений общественной **ной власти** жизни Византийской империи наибольший тради-

ционализм обнаружила система идеологических представлений, в том числе политическая теория, или теория государственной власти. Сознательная, целенаправленная деятельность правящей элиты империи, ее идеологов, политиков, аппарата светской власти и церкви проявилась в этой сфере особенно отчетливо. Рухнули позднеантичные рабовладельческие порядки, в муках, в условиях жесточайшего кризиса и варварских нашествий шел процесс формирования нового общественного строя, а между тем воззрения на происхождение, сущность и цели государственной власти — и прежде всего власти императора — оставались неизменными, какими они сложились и обрели официальный характер в эпоху Юстиниана I. Как никогда ранее, вплоть до середины VII в., застылые в своем величии идеалы божественного всемогущего императора, повелителя ойкумены, и священной, единственной империи, воплощавшей «царство божие» на земле, находились в разительном противоречии с реальной действительностью. Империя напрягала силы в борьбе за собственное существование — пропагандистский же аппарат продолжал утверждать доктрину, согласно которой император имел право на мировое господство...

487

И в титулатуре повелителя империи вслед за этим появились два принципиальных новшества, свидетельствовавших о крупных изменениях в политической доктрине правящего класса империи. В документе от 629 г. Ираклий впервые обозначил себя не «императором ромеев» (римлян), а титулом «василевс». К имени же наследника Ираклия, также Ираклия, стал прилагаться эпитет «новый Константин», что, по всей вероятности, должно было указывать на воплощение в соправителе и сыне василевса добродетелей идеального государя (Константина Великого).

Так имперские идеологи и политики преследовали цель подчеркнуть континуитет и непреходящее величие империи, начиная от ее основателя вплоть до ее нового, достойного своей миссии повелителя...

Теория власти в империи как законченная доктрина сложилась в V—VI вв. и в мало измененном виде жила тысячелетие. Ее важнейший атрибут — образ идеального государя, в основе которого лежало учение Евсевия Кесарийского о добродетелях правителя и так называемая «Речь Юстина», посвященная тому же сюжету.

(Культура Византии. С. 59—65)

О законодательстве Во времена правления Юстиниана в Византии под руководством выдающегося юриста Трибониана была осуществлена грандиозная работа по составлению Свода гражданского права. Он включает в себя Кодекс Юстиниана, Дигесты (Пандекты), Институции, Новеллы (Новые законы). Отрывки из Дигесты приведены в разделе «Культура Древнего Рима».

Кодекс Юстиниана — это собрание всех законов, принятых римским народом, и указов императоров (за исключением устаревших и потерявших силу). Он должен был служить справочником для судей. *Дигесты* — это собрание комментариев, резолюций, мнений 38 виднейших римских юристов по поводу различных римских законов. *Институции* — это руководство для начинающих юристов, составленное по книгам знаменитого римского профессора II в. — Гая, а также Ульпиана, Флорентина и Марциала. *Новеллы* — это сборник законов самого Юстиниана. Римское право и, в частности, его обобщающий документ — Свод гражданского права сыграли важнейшую роль в становлении права всех стран европейской культуры.

В период «темных веков» право и законодательство разделили судьбы византийской культуры:

...правовая жизнь империи в конце VII — первой половине IX в. выглядит как время упадка. В упадок приходит не только императорское правотворчество, но и юриспруденция. С исчезновением в середине VI в. профессоров-антецессоров преподавание права и юридическая наука переходят в руки схоластиков-адвокатов. ...От второй половины и конца VII в. мы, в сущности, не можем назвать ничего достойного внимания...

Такова была в общих чертах историко-правовая ситуация накануне издания в 726 или в 741 г. (вопрос о датировке спорен) первого после

488

Юстинианова Корпуса официального законодательного свода — Эклоги, призванной сыграть выдающуюся роль в истории византийского права.

Возможно, именно плачевное состояние правоведческих знаний подтолкнуло Льва III к идее создания законодательного сборника и обусловило его особенности: чрезмерную лапидарность и явную неполноту юридического материала; оригинальность и самостоятельность структуры памятника, вызванные отсутствием подходящего образца; простоту и лаконичность стиля и языка. По всем этим «параметрам» Эклога знаменует собой радикальный отход от правовых воззрений юристов Юстиниана и их непосредственных последователей. Эклога, основными составителями которой были, конечно же, не императоры, от имени которых она издана, и даже не те

высокопоставленные официальные лица из числа членов учрежденной комиссии, которые были перечислены в преамбуле (квестор, патрикии, ипаты), но именно безымянные юристы-схоластики, скрывавшиеся за безличным «и другие богобоязненные люди», — эта Эклога мыслилась ее создателями как «сокращенная выборка законов из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия».

Не только в заглавии, но и в преамбуле специально обращено внимание на реформаторский характер сборника. Указано, что реформа коснулась прежде всего процессуального права...

По своей структуре труд делился на 18 небольших титулов, охватывающих вопросы семейного и брачного права, дарений, наследственного права, опеки и попечительства, положения рабов, купли-продажи, займа, эмфитевсиса, найма, свидетелей, имущественных отношений стратиотов и других должностных лиц, наказаний за преступления, наконец, вопросы военного права, впервые вводимого здесь в официальное византийское законодательство. Уже в этом расположении материала усматривается отход от классификации частного права согласно прежнему формальному принципу (право личное, вещное, раздел об исках) и его замена другим, более конкретным и упрощенным принципом, согласно которому факты располагаются так, как они представлены в жизнедеятельности человека, начиная с обручения и вступления в брак, где можно найти элементы всех перечисленных прав (личного, вещного, искового).

Совершенно новым и наиболее оригинальным разделом явился знаменитый «пенальный» титул Эклоги. Будучи лишь одним из восемнадцати, из которых состоит сборник, этот титул тем не менее занимает $У_5$ часть всего объема и $'/_3$ часть общего количества глав. Предложенная Эклогой система наказаний во многом отлична от той, которая действовала в прежнем законодательстве. Она предусматривает для различных категорий уголовных преступлений... телесные и членовреди-

тельские наказания: битье палками или плетью, отрезание носа, вырывание языка, отсечение рук, ослепление, бритье головы, выжигание волос и др. И хотя сами по себе такого рода наказания не были, по-видимому, новшеством, масштабы и широта спектра их применимости — это характерная черта именно Эклоги.

Скорее всего, в уголовном праве императоров Исаврийской династии отразилось обычное народное право, согласно которому преступник должен наказываться потерей той части тела, при помощи которой он совершил преступление... В целом же Эклога представляет собой первый законодательный памятник, пенитенциарная система которого ясно и недвусмысленно предусматривала обе основные цели наказания — служить средством возмездия за причиненный вред, или искупления вины, и средством устрашения (превентивная функция наказания).

(Культура Византии. С. 216—218)

Из Судебных постановлений

Иоанн Апокавк (кон. XII — нач. XIII в.) — византийский автор, получивший образование в Константинополе, пос-ле захвата его крестоносцами жил в Эпирскрм деспота-те, в течение долгого времени был митрополитом г. Нав-пакта и одновременно судьей.

Иоанна Апокавка

Сегодня пришли ко мне Константин Папаиоанопулос и Анна... Оба молодые: Константин, роста небольшого, выглядит приблизительно лет на шестнадцать; весь он какой-то худой, то ли от природы, то ли от вынужденного недоедания. По сравнению с Константином Анна — вполне зрелая женщина, старше его годами и, как написано в насмешливой комедии, «надменна, капризна, падка до роскоши, словно Кеси-ра». Вот они пришли и стали просить расторгнуть их брак. Рассказывают, что их благословили, помолвили и обручили несовершеннолетних, когда они были совсем еще дети. С тех пор Константин почт» нисколько не повзрослел, Анна же казалась его матерью, не потому, что постарела, а потому, что, достигнув цветущего возраста, располнела. И ей стал люб другой, она нарушила супружескую верность, ибо тот «младенец» не мог ни содержать ее трудом рук своих, ни выполнять своего мужского дела, а это особенно возбуждает у женщин ненависть к мужчинам, потому они и не могут жить вместе...

Итак, мы порешили дать Константину и Анне развод по той причине, что оба супруга вступили в брак несовершеннолетними, а это — серьезное основание для расторжения брака, о чем гласит и государственный закон, и церковное определение, вынесенное при священной памяти святейшего патриарха господина Иоанна Каматира, когда наше нижайшее ничтожество собственноручно и тотчас записывало церковные постановления. Вот и брак Константина и Анны да будет расторг-нут: Анна пусть выйдет замуж, но, разумеется, не за того развратника,

а за другого человека, чтобы никому не повадно было так или иначе полюбив замужнюю женщину, развратничать с ней и при этом надеяться взять ее в жены. Обручивший же их священник, как того требует истинное человеколюбие, да не будет допущен к священнодействиям, дабы, будучи наставником людей, он не совершал неустановленного церковью и не скреплял священными словами противозаконного. Анна пусть возвратит Константину все его'имущество, оказавшееся у нее. Таково вынесенное по рассмотрении этого дела решение.
(Памятники византийской литературы IX—XIV веков. С. 320—321)

Книги и библиотеки

Книга занимала важное положение в христианском богослужении. Евангельские тексты непосредственно читались священником в процессе литургии. Уже IV век ознаменовался широким распространением кодекса — рукописи, состоящей из отдельных сброшюрованных листов, — который пришел на смену античному свитку. Античная иллюстрация — свободный изобразительный комментарий на полях манускрипта. Кодекс с упорядоченным форматом страницы предъявлял более жесткие требования к композиции миниатюры: она теперь не только комментировала текст, но и украшала рукопись. Обрамление страницы открывало путь к превращению иллюстрации в замкнутое в себе самом произведение, в своего рода картину. В V веке большое распространение получили «пурпурные» кодексы — роскошные манускрипты, выполненные на окрашенном в пурпурный цвет пергаменте. Текст при этом был написан нередко золотом и серебром. Одним из древнейших пурпурных кодексов является Венская Библия. Она была исполнена, вероятно, в Антиохии в середине VI века...

В манускриптах XI столетия установилось новое отношение изображения и текста, предпосылки для которого создало появление в IX веке строчного письма — минускула. Оно изменило облик рукописной страницы. В противовес статичности и монументальности букв маюскула (унциала) пришли более дробные и подвижные ритмы, которые рождались из чередования малых и больших букв, самого характера их начертания. В рукописях последней четверти XI века было достигнуто удивительное равновесие иллюстраций и текста, их образного и графического единства. Помимо страничных иллюстраций возрождались миниатюры на полях, лист дробился на множество мелких сцен и изображений, фигуры вплетались в текст, образовывали очертания букв. Заставки и инициалы воспринимаются на фоне строк, исполненных подчас пурпуром и золотом, как ювелирные изделия на златотканой парче, краски подражают широко распространенным в эту

эпоху драгоценным эмалям. Дробность мелких изображений вносит в искусство черты интимности; декоративное и драгоценное влечет к себе миниатюриста не менее, чем догматическое и духовное.
(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство. Средних веков. С. 40, 90—99) С XI в. для письма в Византии стала использоваться бумага.

Школа и обучение

Унаследованная от греко-римской древности в предшествующие столетия система воспитания и обучения в Византии середины VII— XII вв. в своих общих чертах не претерпела значительных изменений. Античные традиции, игравшие огромную роль в культуре византийского общества, были особенно устойчивы в области просвещения. Здесь не было создано нового типа преподавания. В VII—XII вв. продолжали изучать грамматику, риторику, философию, т.е. те предметы, которые проходили в школах поздней античности и ранней Византии.

Именно изучение этих дисциплин считали необходимым для воспитания образованного члена общества. Знание и понимание классической литературы и античных трудов по философии, математике, астрономии, медицине, умение говорить и писать по-аттически высоко ценились византийцами. К человеку, овладевшему сокровищами наук, по-прежнему относились с глубоким уважением, и он пользовался у современников огромным авторитетом. Источники полны восторженных отзывов о людях, получивших образование. Лица, принадлежащие к разным социальным группам, высказывают подлинное восхищение науками и образованием и подчеркивают необходимость его приобретения.

Даже авторы агиографических памятников непременно отмечают образованность своих героев, считая ее одним из их достоинств...

К неграмотным в Византии относились без всякого уважения, их необразованность постоянно вызывала насмешки. Отсутствие образования рассматривалось как существенный недостаток, как несчастье и даже как отсталость и неполноценность. Византийские тексты полны порицаний невеждам, которые не могли правильно выразить свою мысль и говорили по-деревенски.

Гордившиеся своими знаниями византийцы осуждали даже незаурядные личности, если они не получили должного воспитания и обучения...
Образование не только позволяло подняться вверх по служебной лестнице и занять более почетное положение в обществе, но и гарантировало более сносные условия существования. Даже дети простых и бедных жителей империи, получив образование, могли улучшить свой социальный статус: стать духовными лицами, военачальниками, чиновниками, нотариями, писцами, библиотекарями, учителями и т.п.
492
Чтобы получить образование, способное изменить их судьбу, люди были готовы принести большие жертвы. Один юноша, чтобы платить за свое обучение, вынужден был работать истопником в бане. Родители не щадили себя и не жалели никаких средств, нередко они распродавали свое имущество, лишь бы иметь возможность внести плату за обучение своих сыновей.
При таком отношении к знанию неудивительно, что образование в Византии получали многие, если, конечно, они имели возможность заплатить за свое обучение-Курс обучения, позволяющий, по мнению византийцев, получить всестороннее и законченное образование, следовал плану, выработанному в поздней античности и принятому в школах ранней Византии. Он слагался из дисциплин тривиума и квадривиума. В состав первого входили грамматика, риторика, диалектика, в состав последнего были включены арифметика, геометрия, музыка или гармония, астрономия, а также физика. Преподавание грамматики, риторики, диалектики преследовало цель воспитания культурного человека, хорошо знающего и понимающего классическую литературу. Обучение математическим наукам должно было способствовать развитию познавательных способностей и логического мышления, т.е. содействовать усовершенствованию разума. Отношение византийцев к указанным циклам было неадекватным. Преподавание литературных дисциплин было довольно широко распространено. Они составляли основу занятий в школах Византии. Изучение предметов квадривиума было уделом единиц, и лишь немногие из византийцев овладевали ими. После усвоения арифметики, геометрии, музыки, астрономии и физики приступали к ознакомлению с так называемым чистым знанием или метафизикой с целью исследования природы сущего и познания высшего бытия, высшего единства, высшего блага и т.п. Завершали курс обучения занятия первой философией, под которой в Византии подразумевали богословие...
К занятиям в элементарной школе дети приступали, когда им исполнялось 6—9 лет... В начальной школе дети проходили так называемые вступительные науки: их учили читать, писать и считать, а также основам грамматики...
Методы преподавания оставались прежними. В обучении соблюдался принцип постепенного усвоения материала, оно шло от более простого к более сложному. Кроме чтения и письма и счета, школьников учили петь, а также сообщали самые общие сведения по светской и библейской истории...
В ранней Византии в основу преподавания были положены произведения Гомера и других античных писателей... теперь на первый план выдвигаются книги Священного писания, и прежде всего Псалтирь, из которой заучивали наизусть псалмы...
493
Начальное обучение продолжалось около трех лет. Большинство жителей империи на этом и оканчивало своё образование. Для тех, кто хотел учиться дальше, элементарная школа, снабжавшая своих воспитанников знаниями основ наук, была лишь ступенью для последующего обучения.
В отличие от элементарных школ, которые были повсеместно распространены в Византии, учебные заведения повышенного типа, т.е. школы грамматика, ритора и философа были сосредоточены в основном в Константинополе, который становится в рассматриваемый период центром самого разнообразного обучения, науки и культуры...
Наряду с частными учебными заведениями в Константинополе функционировали называемые иногда «университетами» высшие школы, организуемые либо императорами, либо от их имени регентами. Это были государственные учреждения, возникавшие благодаря покровительству просвещенного правителя, увлеченного науками и стремящегося возродить их изучение. На содержание профессоров, занимавших весьма видное место в столичной иерархии, и студентов выделялись довольно значительные средства. Обучение в них было бесплатным и теоретически было доступным представителям всех социальных слоев в империи. В действительности же здесь получала образование византийская элита, так как поступающие в них должны были обладать определенным Минимумом знаний, приобретаемых на более низких ступенях обучения, большей

частью платных. Число студентов в государственных школах было невелико. Главной задачей, стоящей перед ними, была подготовка чиновников государственного аппарата. Основное внимание уделялось преподаванию семи свободных искусств, являющихся базой обучения. Богословие среди них отсутствовало. Высшие государственные школы имели светский характер на протяжении всей истории своего существования. В штат «университетов» были включены профессора по отдельным дисциплинам, обеспечивающие высокий уровень их преподавания, это отличало их от частных школ, где почти всегда занятия вел один педагог.
(Культура Византии. С. 366—394)

Литература

Литература Византии — черезвычайно сложное и неоднородное явление. К важнейшим ее особенностям можно отнести следующие. Во-первых, она во многом опирается на традиции античной литературы, но в то же время в ней появляются новые жанры и стили, связанные с распространением христианства (так, одним из важнейших прозаических жанров становится *агиография* ~ житийная литература, а поэтических — духовная гимнография). Во-вторых, после утраты Александрии, Антиохии и других центров эллинистической

культуры практически единственным литературным языком становится греческий, и в византийской литературе мы почти не встречаем переводов с других языков. В-третьих, среди византийских литераторов большое количество священников и монахов, с чем связано принижение личностного (авторского) начала.

Из книги «Жизнь *Симеон* еще в молодости обратил свои помыслы к Гос-**и деяния блажен-** поду и, ничего не сказав родителям, ушел из дома и по-**ного Симеона** ступил в монастырь.

Столпника» (VI в.) Родители же Симеона не переставали оплакивать и разыскивать его. Святой жил в монастыре, подчиняясь всем, всеми любимый и исполняя монастырское правило. Однажды он вышел из монастыря и видит у колодца, откуда черпали воду, бадью с веревкой. Отвязав веревку, Симеон идет ^ уединенное место и обвязывает все свое тело этой веревкой, надевает поверх власяной стихарь и, вернувшись в монастырь, говорит братьям: «Я пошел за водой и не нашел на бадье веревки». Братья говорят ему: «Молчи, чтоб не донесли архимандриту». Никто не знал, что он под одеждой обвязался этой веревкой и так ходил с нею год и больше. А веревка въелась в мясо и глубоко ушла в гниющую плоть праведника. И от зло-смрадия веревки никто не мог стать рядом и никто не узнал этой тайны. Постель же Симеона кишела червями, и никто не знал об этом.

Получая еду, святой тайно ото всех отдавал ее нищим. В один из дней какой-то монах выходит из монастыря и застает его за тем, как он раздавал нищим свой хлеб и бобы. Вся братия постилась до вечера, а святой Симеон вкушал только по воскресеньям...

Святой же Симеон непрестанно плакал и молился Богу. Прожив в монастыре три года, он уходит, никому не сказавшись, и идет в пустынное место, неподалеку от которого расположились большие селения, а ближе всех селение, называемое Геласис, и там складывает себе из камней малое подножие и стоит на нем четыре года в снег, в дождь и в зной, и толпы народа стекались к нему. Едой его была моченая чечевица, а питьем — вода. Потом он воздвиг себе столп в четыре локтя и простоял на нем семь лет; и повсюду пошла молва о нем. После этого люди складывают святому Симеону две ограды из камней, с дверкой во внутренней ограде, и столп в тридцать локтей; он просиял на этом столпе пятнадцать лет, уврачевав многих — ведь немало бесноватых приходило туда и исцелялось.

Святой Симеон подражал своему учителю Христу и, призывая его, заставлял хромых ходить, очищал прокаженных, косноязычным возвращал речь, расслабленным — силу бегать, страдающим многолетними недугами возвращал здоровье, увещевая и наставляя каждого: «Если кто-нибудь спросит: "Кто тебя исцелил?", отвечай: "Бог меня исцелил". Не вздумай говорить: "Симеон исцелил", потому что тогда снова

вернется к тебета же болезнь. И вот что я говорю тебе: никогда не лги и не клянись Богом. А если будет нужда поклясться, клянись мной, смиренным, все равно правдиво ли, ложно ли. Ведь великий и страшный грех клясться Богом»...

Послушайте о другом чуде. На горе, где стоял столп, в восточной стороне обитал огромный змий, почему в месте том не всходила даже трава. Когда тот змий выходил охладиться, случилось, что в глаз ему вонзился терн, и долгое время никто не мог выносить того, как змий шипел от приключившейся боли. И вот однажды выползает он из своего логова и у всех на виду ложится в преддверии ограды святого Симеона. Тотчас глаз у змия открылся, и терн вышел из его глаза. Змий оставался в преддверии ограды три дня, пока не нецел ел. И тогда у всех на виду ушел

обратно на свое место, никого не тронув, но пролежав вблизи святого, как смиренная овца, и все невредимыми входили и выходили из ограды.
(Жития византийских святых. С. 75—83)
Из «Любовных «Любовные письма» *Аристенета* (VI в.) — это сборник писем» Аристенета фиктивных писем, каждое из которых представляет из себя маленькую новеллу на любовную тему: Стиль и содержание обнаруживают тесную связь с греческой литературой, эти новеллы рисуют картины повседневной жизни византийцев.
Спевсипп Панарете
Давно молва расписала мне твою привлекательность: ведь все о ней говорят, но впервые она воочию предстала предо мной. И тем больше я восхищен твоей красотой, чем глаза сравнительно со словом дают лучшее представление о предмете. Кто не был пленен твоим танцем? Кто, взглянув, не влюблялся? Полимния и Афродита — у богов, но обеих их ты представляешь нам на сцене, насколько это вообще достижимо, так как они украсили тебя этим даром. Назвать тебя ритором, сказать, что ты живописец? Ведь ты рисуешь события, воплощаешь в движении какие угодно речи; ты — красноречивое отображение всей природы. Но вместо красок и слов ты пользуешься выразительностью своих рук и разнообразными телодвижениями; словно какой-нибудь фаросский Протей, всякий раз, кажется, принимаешь новый образ под звуки сопровождающей танец песни. Слушатели в восхищении встают со своих мест, стройно кричат в знак одобрения, размахивают руками и одеждами потрясают. А после представления садятся где-нибудь, и один объясняет другому шаг за шагом движения твоего бессловесного красноречия, и каждый зритель в своем восторге превращается в пантомима. Ты искусно подражаешь только знаменитому Карамаллу и потому несравненно изображаешь все. Даже вполне серьезному человеку позволительно вкушать от даруемых тобой радостей — ведь забава под-
496
час отдых от серьезного. Как государственному гонцу мне на быстром коне приходилось побывать во множестве городов, в том числе'я посетил и старый, и новый Рим, но такой красавицы ни там, ни здесь не встречал. Счастливы поэтому те, кому судьба даровала Панарету, намного превосходящую всех искусством и красотой!
Гликера Филиппе
Не в добрый час, Филинна, меня выдали замуж за этого ученого ритора Стрепсиада. Ведь всякий раз, когда надо идти ко сну, он до поздней ночи притворяется занятым своими судебными делами, ссылается на то, что обдумывает их, и, приняв вид оратора, машет руками и что-то бормочет себе под нос. Зачем только он женился да еще на девушке в самом расцвете молодости, раз ему совсем не нужно женщины? Может быть, чтобы обсуждать со мной свои процессы, чтобы ночью я вместе с ним рылась в законах? Но если он превращает нашу спальню в ораторскую школу, я скоро оставлю супружеское ложе, хотя мы и недавно в браке, и стану спать одна, а будет жадно хвататься за чужие дела, пренебрегая нашим, ведение моего я тогда поручу другому ритору. Понимаешь, что я хочу сказать? Конечно же: ведь я обращаюсь к тебе, кто по моим кратким словам легко догадается об остальном. Обдумай все хорошенько — как женщина ты, конечно, посочувствуешь женщине, — хотя я из стыда не могу прямо писать о том, чего мне недостает, и постарайся как-нибудь облегчить мою беду. Тебе, моей доброй свахе и вдобавок двоюродной сестре, нужно печься не только о заключении брака, но прийти на помощь теперь, когда все пошатнулось. Я схватила волка за уши; долго мне не удержать его, а отпустить страшно, чтобы сутяга не возвел на меня ложного обвинения.
(Аристенет. Любовные письма. С. 29—33)
Из «Стратегико- *Кекавмен* — византийский писатель XI в., возможно, что **на» Кекавмена** он — одно лицо со знаменитым полководцем Катакало-ном Кекавменом. Стратегикон — это прежде всего наставление по военному искусству, но он также содержит житейские советы, правила разумного поведения, ведения хозяйства и т.п.
О друге, чтобы ему не останавливаться в твоем доме
Если имеешь друга в ином месте и он проезжает городом, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме, но пусть он пристанет в другом месте, а ты посылай ему все нужное, и он еще более будет тебе благодарен. Если же ты остановишь его в своем доме, то послушай, сколько из-за этого родится неприятностей. Во-первых, ни жена твоя, ни дочери твои, ни снохи твои не будут иметь свободы выходить из комнаты своей и распоряжаться в доме как следует. А если уже им будет необходимая нужда выйти, то друг твой вытянет шею и устремит на
497
них свои глаза; когда ты стоишь вместе с ним, то, конечно, он притворно потупит свою голову, но все-таки будет подсматривать, какая у них походка, как они поворачиваются, как подпоясаны и какой у них взгляд; попросту говоря, будет их оглядывать с головы до ног, а после станет передразнивать перед своими домашними и осмеивать. Точно так же он найдет дурными твою прислугу, твой стол, весь порядок. Еще будет расспрашивать о твоем имуществе: есть ли у тебя то, есть ли другое. Но что

много об этом говорить? Если он найдет удобный случай, он будет делать любовные знаки твоей жене, будет на нее смотреть бесстыдными глазами; если может, то и соблазнит ее; если же и нет, то все-таки, когда уйдет, похвастает, чем не следует, а если он не скажет, то враг твой в ссоре с тобой будет о том кричать.

О чтении

Много читай и многому учись. Если не разумеешь, крепись, ибо после частого перечитывания книги даст тебе Бог разуметь и понять ее. Если не знаешь чего, .спроси о том людей сведущих и не гордись. Ведь из-за этого, из-за нежелания спрашивать и учиться, люди остаются невеждами. Когда кто-нибудь говорит, дай ему кончить; если это добрая наука, ты .получишь пользу,, если нет — то И тогда получишь пользу, презрев ее. Исследуй писания, как повелел Господь, но не усердствуй в этом попусту. Не спи и не оставайся в доме твоем, когда знаешь, что там змея малая или великая.

(Кекавмен. Стратегикон. С. 163—165)

Басня -«Моряк Был, говорят, у одного моряка сын, и моряк хотел, **и его сын»** чтобы он обучился грамматике. Поэтому он послал сына в школу, и через некоторое время сын там обучился грамматике до тонкости. Тогда и говорит юноша отцу: «Батюшка, вот я изучил всю грамматику до тонкости; но теперь мне хочется изучить и риторику». Понравилось это отцу; послал он опять сына в школу, и стал он там настоящим ритором. Вот однажды сидел сын дома и обедал вместе с отцом и матерью, рассказывая им про грамматику и про риторику. Перебил его отец и сказал сыну: «О грамматике слыхал я, что это есть основание всех искусств, и кто ее знает, тот без ошибок может и говорить и писать; а вот в чем сила риторики, я не знаю». Сын в ответ отцу говорит: «Верно ты сказал, отец, что грамматика есть основание всех искусств; но риторика еще того сильнее, потому что она может без труда доказать что угодно, и даже неправду представить правдой». Тогда отец сыну говорит: «Ежели в ней такая сила, то поистине она куда как сильна! Но покажи-ка ты мне ее силу вот сейчас!» А случилось так, что на столе у них было два яйца. Отец говорит: «Смотри, нас трое, а яиц на столе два; как сделаешь ты, чтобы их стало три?» А сын ему: «Без труда — с помощью арифметики». «Как же?» — спра-

шивает отец. «Сосчитай-ка их еще раз!» — говорит сын. Начал отец их считать и говорит: «Одно, два». А сын ему: «Так ведь один да два как раз и будет три!» Говорит отец: «Верно, сынок; а коли так, то одно съем я, другое твоя мать, а ты ешь то, которое сам изготовил своей риторикой».

(Памятники византийской литературы IX—XIV веков. С. 415—416)

Из поэмы «Плач Поэма написана в XV в. неизвестным автором, в ней **о падении Кон-** описываются **стантинополя»-** захват Константинополя турками, грехи византийцев, приведшие их к гибели, призывы к христианскому Западу о помощи.

О государь мой, Константин, как горько ты погибнул!
О, пусть Господь вооружит правителей Европы
На месть святую за тебя, в защиту правой веры.
Вы, сербы скорбные, и вы, усталые валахи,
О нашей вспомните судьбе! Вы, венгры, в вашем горе
О наших вспомните цепях, о муках, о позоре!
Вы, короли, и вы, князья, услышьте эти речи:
Вам ведом долг, святой ваш долг — так будьте же достойными
Всем сердцем рвитеся изгнать язычников отселе,
Единым сонмом гряньте в бой, исполнившись отваги,
Из вашей собственной земли извергните безбожных,
Из христианских рубежей, на радость христианам.
И пусть никто и никогда не ищет др'ужбы с турком,
С турецким псом, поганым псом, неукротимым зверем.
О если б знали вы, как он своей коварной дружбой
И оплетает христиан и, как дракон, глотает!
Он, как антихрист, вышел в мир и топчет в прах народы,
Он цепи рабские надел на попранных ромеев,
И он грозой теперь навис над франкскими краями.

(Плач о падении Константинополя. С. 418)

Историческая проза. *Лев Диакон* — один из крупнейших византийских авторов второй половины X в. В десяти книгах сво-**Диакона** ей «Истории» он описал **Из «Истории» Льва** события современной ему жизни.

Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а

больше всего оказывает нам услуги, является необходимой и полезной история. Она вскрывает разнообразные и многоразличные деяния, которые возникают и естественным порядком, под влиянием времени и обстоятельств, и в особенности по произвольному решению лиц, занимающихся государственными делами, и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и прово-
499
дилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток ввергнуть себя в ужасные и вредные начинания.

Таким образом, история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в пучине забвения, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей. В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: на небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-спасителя. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, но поведать о них в назидание потомкам, если провидению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить Образ мира сего.

Берясь за труд, превышающий мои силы, я хочу, чтобы меня не постигла в усердии моем неудача, хочу приблизиться к величию всего случившегося и подобающим образом о нем рассказать.
(Лев Диакон. История. С. 7)

Из «Хронографии»- *Михаил Шелл* (1018 г. — конец XI в.) — крупнейший **Михаила Пселла** ученый, писатель, историограф своего времени.

У Романа еще до восшествия на престол среди прочих находился в услужении некий евнух, происхождения простого и низкого, но характера весьма деятельного. Он был еще приближенным самодержца Василия, который доверял ему тайны, и хотя не возводил ни на какие высшие должности, питал к нему искреннее расположение. У него был брат, до начала царствования Романа еще мальчик, затем юноша во цвете лет с пробивающейся бородой. Был он и телом прекрасно сложен, и с лицом совершенной красоты, сверкающими глазами и воистину розоволатый. Этого юношу брат представил императору — такова была царская воля, — в то время как тот восседал вместе с императрицей. Когда оба они вошли, император взглянул на юношу, задал несколько коротких вопросов и велел выйти, но остаться во дворце. Что же до его супруги, то пламя, столь же яркое, как и красота юноши, ослепило ее глаза, и покоренная царица сразу же впитала в себя от этого сокровенного соития семя любви к нему. Однако до поры до времени ее любовь оставалась для всех тайной.

Не в силах ни отнестись к своей страсти по-философски, ни обуздать ее, она часто заговаривала с евнухом, которым раньше пренебрегала и, начиная издалека, как бы мимоходом заводила речь о его брате, внушала тому надежды и велела посещать ее, когда он только пожелает. Юноша же, еще не догадываясь о ее сокровенных желаниях, счел
500
это признаком благоволения и, повинуясь приказу, стал приходить к ней со смиренным и робким видом. Однако стыдливость озаряла его еще большей красотой, красила в пурпур и окружала багряным сиянием. Императрица старалась освободить юношу от страха, улыбалась, распрямляла на лбу грозные складки и, как бы намекая на любовь, побуждала к решительности. Когда же она дала возлюбленному явные доказательства любви, то и он стал отвечать ей тем же, сначала не очень смело, а затем все более откровенно и повел себя, как настоящий влюбленный: внезапно обнимал и целовал царицу, гладил ее руки и шею, действуя так, как его вышколил брат. Царица все сильнее льнула к юноше и отвечала на его любовные ласки, а он не испытывал к престарелой императрице никакого влечения и только зарился на царское достоинство, ради которого был готов на что угодно...

До поры до времени обитатели дворца строили одни только предположения и не шли дальше подозрений, но позднее, когда любовь их бесстыдно себя обнаружила, о ней узнали все и происходящее уже ни от кого не оставалось в тайне; начав с поцелуев, они дошли до сожительства, и многие заставали их покоящимися на одном ложе. Он при этом смущался, краснел и пугался, а она даже не считала нужным сдерживаться, на глазах у всех обнимала и целовала юношу и хвасталась, что не раз уже вкушала с ним наслаждения...

Очевидное для всех оставалось тайной от императора — такой туман застилал ему очи. Хотя его зрачки озаряло сверкание молний, а уши оглушало грохотание грома и он видел молнию и слышал

гром, тем не менее сам как бы добровольно закрывал глаза и затыкал уши...
Что же дальше? Тяжелая и необычная болезнь постигла самодержца. Все тело его вдруг подверглось гниению и порче, аппетит исчез, сон быстро отлетел, и все дурное на него наваливалось: жесткость нрава, неуживчивость характера, приступы гнева, ненависти и раздражения, ранее ему неизвестные. Человек с ранней юности общительный, он стал тогда недоступным и замкнутым. Улыбка покинула его вместе с обаянием души и приятностью нрава, он никому не верил и сам не внушал доверия, подозревал и вызывал подозрение...
Я не могу сказать, причинила ли какое-либо зло императору сама любовная пара и их сообщники, так как не Склонен обвинять, если не располагаю точными сведениями; остальные, однако, согласны в том, что они сначала одурманили императора снадобьями, а потом подмешивали ему в пищу и черемицу... Император совершал приготовления к нашему общему воскресению... Еще до рассвета он отправился в одну из бань... он бодро шел, чтобы умастить, умыть и специальными средствами очистить свое тело... Совершили ли они какое-нибудь насилие над ним, точно сказать не могу, но те, кто связывает это со всем случившимся, утверждают, что, когда самодержец по своей привычке опустил голову под воду, они сдавили ему шею и довольно долго держали
501
его в таком положении, а потом отпустили и ушли. Оставшийся внутри воздух, придав легкость членам, как пробку, вытолкнул из воды почти бездыханное тело, и оно, бесчувственное, вынырнуло на поверхность. Немного придя в себя, царь понял, в какой беде очутился, и протянул руку, ища поддержки и помощи. Кто-то пожалел его в несчастье, обхватил руками, вытащил из воды и в этом жалком виде водрузил на ложе. На поднявшийся тут крик сбежались люди, среди них Императрица без свиты, с выражением глубокой печали на лице. Едва взглянув на мужа, она тотчас ушла, удостоверившись по его виду в близкой кончине. А он, глубоко и горестно вздохнув, посмотрел по сторонам и, не в силах вымолвить ни слова, видом своим и движением головы постарался выразить волю души. Но никто ничего не мог понять, и он, закрыв глаза, задышал все чаще. Затем рот его неожиданно широко раскрылся, и оттуда вылилась темная, вязкая жидкость, после этого он еще раз или два вздохнул и расстался с жизнью...
Так умер Роман после пяти с половиной лет царствования. Императрица Зоя, узнав о кончине мужа (при самой смерти она не присутствовала), сразу волей небес получила в удел царство, однако власть мало ее заботила и старания она направила на то, чтобы передать ее Михаилу, о котором уже рассказывалось.
(Михаил Шелл. Хронография. С. 28—34)

Театр и драматургия

В первые века существования Византии широкой популярностью пользовались традиционные театральные представления эпохи эллинизма, в особенности выступления мимов. Церковь в целом относилась враждебно к театру, видя в нем дань языческому искусству. Трулльский собор (692 г.) резко высказался против театральных представлений. Но императоры-иконоборцы покровительствовали театру, используя его в борьбе против иконопочитателей. Однако и после восстановления иконопочитания отношение к театру не ухудшилось.
Но, говоря о средневековой Византии, нельзя не сказать, что театр, кроме своего традиционного существования, получает и иное: элементы театрализованных действий проникают в церковь, в богослужение. Так, уже в IV в. богослужение сопровождается пением (впервые это ввел Арий), в литургию вводятся диалоги на евангельские темы, священники используют ряд сценических приемов (жесты, манеру говорить и т.п.). В дальнейшем проникновение театра в церковь усиливается. При Константине VII Багрянородном появляется литургическая драма — *мистерия.* В XI—XII вв. мистерия практически полностью вытесняет светский театр, хотя он и продолжает существовать. Мистерии обычно показывались в дни крупных церковных праздников, их содержанием были различные эпизоды из Ветхого и Нового Завета.
502
Из драмы •«Христос-Страстотерпец» Драма была написана в XI—XII вв., автор неизвестен. Один из немногих сохранившихся образцов византийской драматургии. Интересно, что по крайней мере на треть стихи заимствованы из греческих трагиков.
Ангел
Богородица
Мария Магдалина
Воскресение
Не должно ни страшиться, ни смущаться вам: Восстал из гроба тот, кого вы ищете — Владыку Иисуса умерщвленного: Его здесь нет, в могиле не остался он, Но, пробудившись, в Галилею шествует, Дабы своим явиться тайнозрителям. Придите, оглядите опустевший гроб, Затем

ступайте и немедля молвите Ученикам ту тайну, что.открыл вам я, И возвестите и Петру, и братии: Христос воскрес из мертвых, и повержен ад, И камень сдвинут с гроба мышцей божьего, И стражи преисподней, помрачась в уме От страха, дверь открыли, и на божий свет Выходят мертвецы освобожденные, И узы силой господа расторгнуты!
О радость! О сияющего солнца свет! Ты скорби нашей чаянный кладешь предел: Христос восстал из гроба, и повержен враг! Зари встающей что найдется сладостней? Где сыщется для сердца весть отраднее? О чадо, где ты, ад осилив, шествуешь? О чадо, где же, где, когда мы свидимся? Явись! Явись! Гряди на радость матери!
Его ты узришь, верую, и вскорости.
Но должно нам повиноваться ангелу
И поспешить к ученикам, ко братии.
К Петру пойду и к девственнику славному
Неся друзьям усладу благовестил;
Ведь тот, кто нам явился, нас послал к Петру.
О полом гробе ясно им поведаю,
О вестнике преславном и речах его.
Рассказ услышав, к гробу поспешат они
И, полагаю, все увидят в точности.
Но что я зрю? Б обличьи новом господа?
Иль заблуждаюсь? Все же так помнилось, мне
Столь благороден образ, нам явившийся.
503
Христос Радуйтесь.
Мария Магдалина О сын святой святого отца,
Кем враг последний осилен — смерть!
Царю, царю нетленный! Ты еси мой бог!
Дозволь коснуться ног твоих трепещущей!
К земле мы припадаем, ко стопам твоим,
И радостью пронзенные, и ужасом.
Христос Не должно вам страшиться: прочь гоните страх,
К моим ступайте братьям и несите весть, Что должно в Галилею им направить путь, Где им явлюсь я по обетованию.
(Христос-Страстотерпец. С. 223—224)

Музыка

Особенности исторического развития византийского общества в IV—VI вв. привели к тому, что в музыкальном искусстве одновременно сосуществовали две противоборствующие и внешние как будто никак не связанные области. С одной стороны, — религиозная музыка, получившая широкое и чуть ли не общегосударственное распространение. Она звучала не только при богослужениях в многочисленных церквах и монастырях, но и проникала в самые различные сферы общественной жизни, начиная от официальных церемоний и кончая сферой домашнего музицирования! Основная причина столь широкого распространения религиозной музыки — громадное значение религии и церкви в жизни византийского общества. С другой стороны, несмотря на всяческие гонения и преследования, продолжала существовать народная музыка, истоки которой уходят в глубь веков. Она звучала там, где народные массы могли хотя бы ненадолго вырваться из тесных и канонизированных рамок церковного обихода, из-под опеки строгих блюстителей ортодоксальной религиозной нравственности: на народных гуляниях, во время древних свадебных обрядов и сохранившихся еще кое-где языческих праздников...
Многочисленные жанры народной музыки были приняты в самых различных слоях византийского общества и, естественно, постоянно находились «на слуху», оказывая влияние на музыкальные вкусы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что прихожане, посещая церковь, использовали интонации народных песен в музыке богослужений. 75-й канон Шестого Вселенского собора категорически запрещает какие бы то ни было проявления такого песнетворчества в церкви: «Мы желаем, чтобы присутствующие в церкви не применяли бессмысленных воплей, не принуждали [свое] естество к крикам, не добавляли
504
не подобающих и не свойственных церкви [звучаний], а с великим вни-манием и благочестием возносили псалмодии...

Необходимость в таком постановлении могла возникнуть только, когда в церковную музыку активно проникали чуждые ей элементы. Даже церковные певчие продолжительное время не могли освободиться от народных традиций. Это проявлялось и в непосредственных музыкаль-ных заимствованиях из фольклора, и даже в самой форме выступлений псалмов. Известно, что 16-й канон Карфагенского собора запретил пев- чим кланяться после исполнения песнопений. Значит, еще на рубеже V— VI вв. церковные певчие чувствовали себя подлинными актерами и по традиции поклонами благодарили слушателей-прихожан за внимание.

(Культура Византии. С. 557—559)

Из книги «О цере- мониях при визан- тийском дворе» императора Константина Порфирогенета

Когда распорядитель приносит бочонок с гроздь- ями, патриарх творит молитву и совершает цер- ковный обряд. И после молитвы патриарх берет одну гроздь и дает ее императору. А император, в свою очередь, дает ее патриарху, и затем так же по порядку подходят старшие чины синклита — магистры, проконсулы, патрикии, чиновники и ди-мархи и распорядитель, и каждому из них император дает-по одной грозди. Когда же император дает гроздь первому магистру, из двух партий начинают возглашать первые голоса: «Цвет, созревший на поле познания господней мудрости, священное сословие славных патрикиев! Под нескончаемые песнопения да увенчаем мы главу, как бы жилище благоуханных мыслей, получив взамен сладкое наслаждение от них! А ты, среди всех бессмертный царь, благочестивый помазанник божий, силой твоего единодержавного величия в мире, даруй нам этот праздник не один раз!»

Другая партия поет вторыми голосами:

«Добродетель твоя подобна плодоносной грозди, пускает она отпрыски радости, от нее зреет под солнцем всякий плод! Она — полный бокал вина, в ликовании воспевает и празднует она вместе с писцами твоими и подчиненным тебе сословием патрикиев немеркнущий блеск единодержавного могущества твоего, как бы неиссякаемый кладезь животворной силы!»

Третий голос: «Плодоносная гроздь, тебя приняли сильнейшие мира сего и разделили между всеми! Поэтому радуются и покои царские, и синклит, вкусив твоей зрелости в священном жилище! А мы все восклицаем: Радость несказанная мир наполняет!»

Церемониал при царской помолвке

Вечером приходят две партии с собственными органами каждая, и, когда приходит невеста и ее приветствует толпа и музыканты с кимва-

лами, а она, подъехав на лошади, останавливается, два полухория возглашают: «Прекрасен приход твой, раба благочестия!» Народ трижды повторяет: «Прекрасен приход твой!» Канторы: «Прекрасен приход твой, провозвестница милосердия!» Народ четыре раза повторяет: «Прекрасен приход твой!» Канторы: «Святый господи, помилуй жениха и невесту! Святой дух, помилуй их близких! Свят, трижды свят, помилуй спутников невесты! »

И поют в тоне первом: «Собрала я цветы в поле и поспешила в свадебный чертог. Видела я солнце на золотом брачном ложе; все благословляет желанный союз. Пусть радость будет союзником их ослепительной красоты, пусть они видят розы и красоту, подобную розам. Пусть радость, сияет над золотой четой!»

(Константин Порфирогенет (Багрянородный). Церемонии при византийском дворе. С. 78—79)

Архитектура и строительство

Константинополь и храм св. Софии

Время правления Юстиниана было отмечено боль- шой строительной активностью. Новые дворцы и храмы возводились в столице и других центрах. Константинополь в V—VI веках еще во многом сохранял дух античного города. Он был столицей в полном смысле этого слова: местом сосредоточения богатств и всевозможных развлечений, административным и культурным центром. Его называли Царьградом — царицей городов — и оком вселенной. Городской ансамбль Константинова града сложился в первой половине V века... Через многочисленные ворота, среди которых выделялись главные — Золотые, — проходили основные дороги, соединявшие столицу с другими центрами империи. Внутри города эти пути переходили в сеть константинопольских улиц. Магистраль, начинавшаяся за Золотыми воротами, подводила к центральной улице — Меси, к ней сходились проезды от всех сухопутных ворот. Главная магистраль вела к площади Августеон. Здесь были расположены Большой императорский дворец и ипподром. На основании описаний современников и по данным археологии можно в известной мере представить облик Большого константинопольского дворца. Его основные сооружения уступами спускались в сторону Мраморного моря, открываясь морским просторам

своими террасами и аркадами. Парадные залы, перекрытые куполами, группировались вокруг перистиль-ных дворов. Дошедшая до нас мозаика пола (первая половина V в.) пластической лепкой объемов и свободной композицией свидетельствует о живости античных традиций. Несколько лучше сохранился крупный дворец Константинополя Буколеон, выходивший фасадом к морю.
506
Рядом с ним возвышался маяк. Площадь около императорского двор-ца была средоточием всех городских магистралей, что отличало заст-ройку Константинополя от регулярной планировки римских городов с их строгими прямоугольными членениями. Неподалеку от площади Августеон, за постройками дворца, Мраморное море переходило в Бос-фор и бухту Золотой Рог — морской путь и главную пристань. Пло-щадь перед дворцом воспринималась поэтому как центр подвластного византийцам мира. Именно здесь, на месте сгоревшей во время восста-ния «Ника» старой базилики, честолюбивый Юстиниан повелел воз-двигнуть «храм храмов» — главный собор империи, посвященный св. Софии, «премудрости божьей»...
Возведение собора продолжалось пять лет, с 532 по 537 год. В качестве архитекторов были приглашены знаменитые зодчие Анфимий из Тралл и Исидор из Милета.
Грандиозность замысла — создать главный храм христианской «ойкумены», которую Юстиниан стремился объединить в границах «вселенской» империи, — едва ли когда в дальнейшем могла встать перед византийскими зодчими. От архитекторов требовалось выразить в архитектурных формах «непостижимость и неизреченность» христианского восприятия вселенной, ее сложность и гармонию, воплотить идею централизации-и могущества империи. Зодчие Софии блестяще решили эту задачу. Конструкция св. Софии Константинопольской объеди- нила центрический и базиликальный тип постройки при преобладающем значении купола. План св. Софии представляет собой слегка вытянутый прямоугольник, в центре которого выделен квадрат, обо-значенный мощными устоями. Они являются главными вехами, отделяющими центральный неф от боковых. С запада и востока от опорных столбов отходят по две полукруглые экседры. С востока они примыкают к алтарной нише, а с запада фланкируют центральный вход в храм, за которым следовал нартекс. Нартекс и боковые нефы были перекрыты цилиндрическими и крестовыми сводами, алтарная ниша и экседры завершались малыми полукуполами. Центральный купол был возведен на парусах. Подобная конструкция в столь грандиозном масштабе (диаметр центрального купола св. Софии — 31,5 м) была осуществлена впервые. Значительный распор, который развивал первоначально более плоский купол храма, передавался на два больших полу-купола, расположенных на продольной оси здания, и погашался, переходя на полукупола экседр и апсиды. С боков давление купола уравновешивалось скрытой системой распоров — контрфорсов. Решение конструктивной задачи в храме св. Софии шло рука об руку с поисками образной выразительности архитектуры. Каждая деталь храма, каждый новый аспект его внешнего вида и внутреннего пространства был призван донести главную мысль — явить миру образ вселенной таким, каким его родило сознание того времени.
507
Снаружи вид св. Софии внушителен и замкнут. Окруженный с трех сторон почти вплотную подступающими к его стенам постройками, собор возвышался над ними своей венчающей частью. С улиц Константинополя воспринимался поэтому в первую очередь мощный купол Софии. Лишь с восточной стороны храм можно было видеть от вершины до основания. Внешний вид св. Софии, с ее обращенными к городу стенами, поражал своим аскетизмом...
Интерьер св. Софии представал ярким и неожиданным контрастом к аскетической суровости ее внешнего облика. Перед входом в собор, как свидетельствуют уцелевшие фундаменты, существовал просторный двор-атрий, окруженный портиками с большим мраморным фонтаном в центре. Колоннада двора предваряла и оттеняла своим равномерным движением многообразие ритмов и аспектов, которое открывалось зрителю за дверями св. Софии. Нартекс встречал входящего мраморной облицовкой стен и золотой мозаикой сводов. Здесь разделялись на два рукава прихожане, готовились к торжественному выходу перед богослужением император и его свита. Девять дверей вели из нартекса внутрь храма. Право доступа через центральный вход, осененный высоким куполом, было предоставлено только императору и патриарху. Простой византиец попадал в храм через крайние двери и оказывался в боковом нефе. Своим видом боковые нефы напоминали продольные залы императорских дворцов, масштаб их членений был соразмерен человеку. Колонны, держащие своды, и выступы главных устоев в перспективе нефа закрывали стены, отчего пространство в боковых частях храма казалось словно расступающимся в стороны. Степень освещенности в различных частях храма была неодинакова. Это вносило

прерывистый, волнообразный ритм в восприятие его пространства. Движение по нефам открывало все новые и новые неожиданные аспекты и сочетания архитектурных форм, особенно при взгляде через колоннаду на центральный неф. Его грандиозный масштаб становился особенно ощутим прежде всего в контрасте с невысоким пространством боковых помещений. В центре храма возвышался огромный амвон — сложное сооружение из серебра и драгоценных камней, вокруг которого разворачивались литургические церемонии. Они должны были иллюстрировать историю вселенной в христианской интерпретации, а центральное помещение храма — служить ее идеальным окружением. Грандиозный по размерам подкупольный зал воспринимался именно как образ мироздания. Обладая особой подвижностью, пространство храма казалось безмерным, проникало за пределы боковых колоннад, отступало в полукружья экседр, обретало пластичность и плавность в очертаниях аркад, полукуполов и сводов. И при этом интерьер св. Софии был наделен удивительной логической ясностью: глаз четко фиксировал поверхности стен и перекрытий. Но эти поверхности утратили свою материальность. Создается впечатление, что здание

508

ограничивает хрупкая оболочка, сотканная из блеска цветных мрамо-ров, сверкающей золотой смальты и солнечных бликов. Стены, проре- занные аркадами и окнами, оказываются ажурными и просвечивающи- ми; массивные арки, несущие купол, воспринимаются из центрального нефа тонкими обводами; главные устои — как небольшие выступы по-чти бесплотных стен. Освещение центрального зала нарастало по мере подъема вверх от приглушенного свечения нижнего яруса, восприни-маемого сквозь аркады экседр и боковых нефов, к ярко освещенным. окнам апсиды и к сплетению солнечных лучей, которые падали сквозь многочисленные окна у основания полукуполов. В этом потоке света главный купол, облицованный изнутри голубой мозаикой с золотым крестом в центре, воспринимался как явившееся чудо. Сорок окон у его основания создавали иллюзию светового кольца. Не случайно у современников рождалась мысль, что купол подвешен к небу на золо- той цепи. Но тем самым была окончательно достигнута иная, чем в ан- тичности, ориентация архитектурного сооружения. Античная построй-ка воплощала идею равновесия сил и поднималась, подобно органи-ческому телу, снизу вверх, воспринимая все новые и новые нагрузки...

(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков. С. 56—59)

Крестово-куполь- В VIII—IX веках начинает главенствовать крестово-ный тип храма купольный тип храма. Главнейшей чертой этих зданий было появление крестообразно расположенных помещений, перекрытых сводами под прямым углом друг к другу, с куполом в центре. Интерьеры этих церквей отличались тяжеловесной статичностью, подкупольные опоры еще не порвали связи со стеной...

Достоинства крестовокупольной постройки заключались в том, что в таком архитектурном решении было достигнуто единство утилитарной и образной системы здания в соответствии с духом византийского мировоззрения и характером культового действия. Помимо этого пре-имущества крестовокупольной архитектуры состояли в том,что она позволяла создавать, в зависимости от условий, достаточно большое количество вариантов, менять масштабы здания при неизменности центрального ядра. Его составлял опиравшийся на четыре свободно стоящие опоры купол на барабане (в противоположность низким и плоским куполам предшествующего времени), от которого крестообразно, ориентируясь по сторонам света, расходились «рукава» равно-конечного «греческого» креста — прямоугольные помещения, перекрытые сводами, как правило, цилиндрическими. Этот крест с куполом в центре был вписан в квадрат плана; поэтому по углам здания, между наружными стенами и рукавами креста образовывались четыре малые ячейки квадратной формы; в развитом типе здания они также перекрывались сводами. Применение сводов, соприкасавшихся друг с другом, создавало взаимоуравновешивающееся распределение нагрузок, чем

509

облегчалось давление на опорные столбы и наружные стены. Сводчатые перекрытия благодаря различию размеров помещений завершались на разной высоте и повышались от углов к центру. В соответствии с этим менялась и освещенность здания. Криволинейные очертания сводов находили свое завершение в идеальной полусфере купола. Пересекающиеся оси крестообразно расположенных помещений стягивали все пространство храма к подкупольной зоне; она доминировала благодаря своей высоте и наибольшей освещенности.

Второй по значению акцент в крестовокупольном храме был поставлен на алтарной части,

обозначенной полукруглой или многогранной апсидой, выступавшей за пределы квадрата плана, или тремя, а в некоторых случаях и большим количеством апсид. Особое положение алтарной ниши акцентировали также оконные проемы. Но намеченная таким образом продольная ось здания нейтрализовалась наличием алтарной преграды, которая замыкала интерьер по квадрату плана. Отсутствие прямолинейных перекрытий, наличие лишь арок, куполов, сводов сохранило в крестовокупольной постройке отмеченный нами в св. Софии «свисающий» характер всей архитектуры. Поэтому пластические и пространственные ритмы крестовокупольного храма воплощали одновременно движение вверх, к куполу, и от купола, как центральной точки, вниз. Такая пространственная ориентация наглядно символизировала идею «лествицы» — библейской мистической лестницы, по которой совершается якобы общение земли и неба.
(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков. С. 70—78)

Изобразительное искусство

Вероятно, с V века как особый вид христианского искусства начала развиваться иконопись, существование которой было санкционировано церковью в VI веке. Икона (по-гречески eikon — образ) как предмет культа получила особое значение в среде восточного христианства. Поклонение иконам было подготовлено возникшим на протяжении IV века культом креста и мощей... Число дошедших до нас икон ранневи-зантийского времени невелико. Все они датируются главным образом VI—VII веками. Их стиль ясно отражает общие тенденции развития искусства этой эпохи и устремления отдельных школ...

Наиважнейшим видом изобразительного искусства этих переходных столетий была монументальная живопись. Она позволяет более последовательно проследить пути сложения византийской художественной системы, целью которой было создание на земле некоего образа небесного мира. Подобное решение могло возникнуть только на путях соединения архитектуры с живописной росписью. В теоретиче-

ском плане определяющее влияние на выработку византийской системы оказали идеи восточных отцов церкви и сочинения так называемого Псевдо-Дионисия Ареопагита (Ареопагитики). Центральным в произведениях этих теологов становятся понятия «возвышенного» и «образа». Исходя из противоположности земного и небесного, рациональной непознаваемости божества, христианские авторы обращались к иррациональной сфере человеческой психики и рассматривали образ как единственное связующее звено, которое возвышает человека над суетным миром и приближает «неизреченно и непостижимо к неизрекаемому и -непознаваемому». Чувственно воспринимаемый образ лишь намек на сверхреальное. У автора Ареопагитик это понятие впервые связывается с идеей стройной космической иерархии, которая предстает как «образ божественной красоты». Тем самым были заложены основы ориентации восточнохристианского искусства на отражение не реального и изменчивого, но извечного, возвышенно прекрасного и сверхреального (архетипа).

Излюбленной техникой монументальной живописи в Византии была мозаика. Византийцы ценили ее за драгоценность и своеобразие оптических эффектов, которые они виртуозно умели извлекать из мерцающей поверхности смальт.
(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков. С. 42—46)

Об обратной перспективе

С ориентацией пространственных ритмов крестовокупольного храма в тесной связи находилась особая система изображения живописного пространства, распространенная в средневековье и получившая, в противоположность прямой перспективе, разработанной в эпоху Возрождения, название «обратной». Явление обратной перспективы до сих пор служит предметом научных дискуссий, и не все в этом вопросе можно считать до конца решенным. Поэтому мы акцентируем внимание на основных аспектах этого живописного приема. В отличие от прямой обратная перспектива имеет точку схода не в глубине пространства и над предметом, а в пространстве зрителя и под предметом. Пространственная система оказывается как.бы вывернутой, обращенной,

Обратная перспектива спорадически встречалась в античном искусстве, ее можно видеть в памятниках ранневизантийской поры, но своего подлинного триумфа она достигает в XI—XII веках. Оговоримся, однако: ее применение не знало той последовательности, какой придерживались сторонники прямой перспективы. Истоки обратной перспективы многообразны: это желание выделить центральный персонаж различием масштабов и ориентацией на него пространства... как отражение средневековой идеи иерархии, это и результат стремления най-

511
ти контакт изображения со зрителем (в миниатюрах X века передний план решен средствами обратной перспективы, а архитектурный фон — прямой, встречаются также совмещения двух разнонаправленных систем пространства в пределах одного плана — обратной перспективы для главного персонажа, прямой — для второстепенных). Систему обратной перспективы рождали отмеченные нами выше свойства золотого фона и необходимые коррективы, поправки изображения, помещенного на сферическую или криволинейную поверхность архитектурных членений храма, так как оптический фокус в таком случае находится перед изогнутой плоскостью изображения. Но для существования обратной перспективы были предпосылки и иного, мировоззренческого порядка. В средневековье земной мир представал как отражение и подобие небесных сфер, при этом пространство небес противополагалось земному. Его нельзя было воспринять чувственным взором, оно открывалось, как верили, лишь внутреннему озарению. Поскольку не реальность являлась предметом византийского искусства, а лишь мир божественных сущностей, «обращенное» пространство средневекового изображения — это пространство небесного мира, символ сверхчувственного духовного зрения, вселенная, увиденная изнутри, отражение средневекового дуализма. Характерно, что явление обратной перспективы нашло наибольшее распространение в византийском искусстве и сопричастных ему культурах. Обращенность в себя, внутреннее созерцание, пребывание, а не движение составляли специфическую черту этого мироощущения.
(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков. С. 55—87)
Об иконостасе В XI—XII веках живописные иконы начали играть заметную роль в убранстве храма. Главным местом их сосредоточения оказывалась алтарная преграда, которая представляла собой своего рода портик между восточными столбами церкви. Рельефные изображения и иконы помещали на архитраве, где они образовывали вытянутый фриз, состоявший из ряда мелких икон. Иногда этот фриз представляла одна большая икона с несколькими изображениями. Среди них выделялись два наиболее важных для последующего сложения иконостаса цикла изображений — «Деисус», объединенный идеей попечительства за человечество Богоматери, Иоанна Предтечи, архангелов и апостолов, и изображения праздников. Наряду с живописными иконами, исполненными, как правило, яичной темперой на деревянной доске, существовали переносные мозаичные иконы. Изображение на них исполнялось на металлической доске из мелких кусочков смальты, скрепленных воском.
(Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков. С. 102)
512
Научные знания
Унаследованные от античности естественнонаучные знания продолжали усиленно изучаться и старательно усваиваться в византийском обществе и в VII—XII вв.
В соответствии с этим византийские ученые старались охватить все области тогдашнего знания. Круг их интересов был весьма широк. Их перу принадлежат сочинения по математике, механике, физике, астрономии, медицине. Энциклопедичность и универсальность знания были идеалом византийцев. Необычайно разносторонним ученым был Лев Математик. Он занимался разработкой проблем физики, практической механики, математики, акустики, астрономии и прикладного естествознания...
Стараясь овладеть сокровищами античной науки, византийские ученые многое сделали для сохранения трудов, дошедших из древности. Много внимания они уделяли переписке сочинений греко-римских мыслителей и их комментированию. Подготовленные ими новые списки творений классических и эллинистических мыслителей и составленные к ним толкования сделали возможным их современные критические издания. В IX—XII вв. были созданы лучшие греческие кодексы, содержащие сочинения древнегреческих авторов. Именно данные списки и были использованы учеными нового времени при подготовке публикаций трудов античных писателей. Благоговейное отношение к классическому наследию требовало, с одной стороны, его сохранения, с другой — приведения в порядок накопленных в прошлом знаний. От рассматриваемых столетий до нас дошли многочисленные попытки классификации материала, полученного от античности. На заре анализируемой эпохи один из крупнейших ученых своего времени Иоанн Дамаскин дал образец систематизации знаний, приобретенных человечеством в предшествующие исторические периоды, охарактеризовав в своем сочинении «Источник знания» сумму научных сведений, необходимых образованному христианину. Его главная цель заключалась в усвоении «высшей мудрости», уже открытой, по его мнению, человечеству, и в ознакомлении с ней христиан...
Систематизация античного наследия, проведенная виднейшими авторитетами, помогала византийцам осваивать колоссальный материал, собранный в трудах древнегреческих мыслителей,

в которых они могли найти ответы на волновавшие их вопросы. Вера в превосходство книжного знания над опытным, над экспериментом заставляла их отдавать предпочтение работе с книгой... Большой интерес проявляли византийцы к изучению астрономии и астрономических трактатов древности...

От конца XI—XII вв. до нас дошел анонимный трактат, названный его первым исследователем и издателем А. Делаттом «Учебником по

513

космологии и географии». В нем наряду с другими вопросами много места отведено обсуждению кардинальных проблем средневековой астрономии — таких, как формы и размеры Вселенной, природа небесных тел, количество сфер неба, форма, размеры и местоположение Земли. Автор учебника придерживается геоцентрической системы мира. Он отверг теорию ионийского происхождения о существовании множества миров. Учебник был весьма популярен в Византии, он сохранился в большом числе манускриптов, написанных в основном в XV в....

Взгляды византийцев на строение Вселенной формировались под воздействием, с одной стороны, древнегреческих теорий, а с другой — библейских воззрений. При этом образованная элита, как правило, придерживалась античных концепций о форме Земли, признавая ее шарообразной, а народные массы разделяли взгляды Священного писания, согласно которым Земля имела форму диска, а небо — полусферы...

Важное место в системе естественнонаучных знаний византийцев занимала астрология, которая изучала положение небесных светил (неподвижных звезд, зодиакальных созвездий, комет, Солнца, Луны, планет) и их влияние на судьбы народов, государств, отдельных людей, их поступки и исход предпринимаемых дел. Подметив бесспорный факт воздействия Солнца на органический мир, а Луны — на течение таких болезней, как сомнамбулизм и эпилепсия, на морские приливы и отливы, астрологи стали признавать зависимость всех земных событий и дел от того или иного расположения небесных тел...

Большой интерес проявляли византийцы к проблемам физики, которую они называли физиологией. Она охватывала всю совокупность средневековых наук о природе: собственно физику, механику, оптику, географию, зоологию, ботанику, минералогию, медицину... Коренным образом изменился и взгляд на природу. Если для человека поздней античности природа — реальная действительность, то для византийцев изучаемого периода она — творение бога, его символ, воплощение его идей. Во всех явлениях природы они видели действие божественного промысла, иллюстрацию религиозных и моральных истин...

Рассказывая о природных явлениях окружающего мира, византийцы большое внимание уделяли их описанию, а не изучению их закономерностей. Главным критерием истинного знания по-прежнему оставался не опыт, а абстрактные метафизические представления. Понятие об эксперименте и физическом законе было им чуждо. Все спорные вопросы решались умозрительно. Физика носила книжный характер...

Во времена императора Феофила были изготовлены автоматы: два больших органа из чистого золота, украшенные разноцветными камнями и завитками, золотой платан с поющими птичками, два льва и два грифона. Они были установлены в большом приемном зале (Хри-сотриклине) Магнаврского дворца и окружали императорский трон. Описание этих «чудес» византийской техники встречается во многих

514

памятниках... Золотой платан, львы, грифоны и птицы демонстрировались иноземным послам, чтобы поразить их воображение и вызвать у них изумление перед величием империи...

«Греческий огонь» был изобретен около 673 г. Каллиником, архитектором из Гелиополя в Сирии, перебежавшим к византийцам при Константине IV Погонате (668—685) и представлял собой горючую смесь, состоящую из смолы, нефти, селитры и серы. Это вещество легко воспламенялось и горело даже на воде. Его выбрасывали из устанавливаемых на носу кораблей сифонов-огнеметов, которые для устрашения неприятеля устраивали в виде бронзовых или железных чудищ с разинутыми пастями и направляли в сторону вражеских судов.

Хотя «греческий огонь» использовали главным образом в морских сражениях, однако не менее успешно его применяли и при обороне и осаде крепостей и городов. Наполненные горючим веществом глиняные сосуды бросали либо в осаждаемые укрепленные населенные пункты, чтобы вызвать в них пожары, либо на осадные орудия врага, чтобы сжечь их. Технология производства «жидкого огня» хранилась в глубокой тайне. Ее разглашение каралось смертной казнью. Однако секрет приготовления «греческого огня» стал со временем известен и арабам, и болгарам.

Особый интерес византийцы продолжали проявлять к алхимии, которую ее адепты рассматривали как «великое и святое искусство». По их представлениям, занятия алхимией помогали созданию неисчислимых богатств и избавлению человечества от нищеты и болезней, поскольку они верили, что при соответствующей обработке можно было превратить неблагородные металлы в благородные и приготовить универсальное средство, эликсир долголетия.
(Культура Византии. С. 296-333)

Быт и нравы

Семья И брак Брак в Византии был моногамный, с IX в. вводится церковный брак (венчание). Брачный возраст для юноши был 14—15 лет, для девушки — 13—14. Браку предшествовала помолвка, которая обычно заключалась между детьми по воле родителей; часто только на свадьбе муж и жена впервые видели друг друга. Повторные браки не запрещались, но и не одобрялись. Третий брак осуждался церковью, а четвертый мог повлечь разлучение супругов.
В богатых семьях женщины занимались управлением хозяйством; состоятельные женщины редко выходили на улицу, а если и делали это, то закрывали свое лицо покрывалом.
В Византии высоко ценилась женская красота, некрасивость воспринималась как трагедия. Красота играла решающую роль в выборе невесты для императора (василевса).
515

Феоктиста Феоктиста была женщина во вкусе многих мужей.
Она не любила туалетов, не любила светской жизни. Отвергая пустые украшения, она всегда была одета во все темное. Когда ей приходилось выезжать, когда она должна была присутствовать, например, на каком-нибудь свадебном пиршестве, она держала себя в обществе очень сдержанно, скромно и целомудренно опуская глаза, когда за десертом начинались комические интермедии, и едва осмеливалась касаться до подаваемых ей блюд. Не потому, что она была застенчива или неловка — прежде всего это была женщина добродетельная, больше всего думавшая об исполнении своего долга, ограничивавшая свои желания старанием нравиться своему мужу, хорошо вести свой дом и хорошо воспитывать своих детей.
Надо ли прибавлять, что она была благочестива? «Поклоняться Богу, любить исключительно Его» было для нее главной добродетелью...
При всем том это была натура энергичная, «женщина сильная», из тех, что любят управлять и подчинять себе все и всех. Подобно многим византийским семьям, она, по-видимому, играла у себя в доме гораздо большую роль, чем ее муж. Будучи прекрасной хозяйкой, она при всей своей набожности находила время заниматься всеми хозяйственными делами; она обо всем заботилась, за всем наблюдала, ко всему прикладывала свою руку, ничего не жалея, чтобы только все шло хорошо в доме и хозяйство процветало. Наблюдая за всем бдительным оком, она не давала никогда спуску прислуге.
Когда ей случалось побить свою горничную, она испытывала бесконечные угрызения совести; она уходила тогда к себе в спальню, ударяла себя по лицу, приносила покаяние и в конце концов, призвав побитую служанку и став перед ней на колени, она смиренно просила у нее прощения...
У нее было три сына и одна дочь. Чтобы дать им хорошее воспитание, будучи сама, как известно, довольно невежественной, она решила сделаться образованной; но так как она была добросовестной, ей при-, шлось посвящать ночи чтению, предаваясь долгим бдениям при свете свечи, для того чтобы не отнимать ни минуты времени у дня, посвященного заботам о муже и о хозяйстве. В особенности для образования молодых душ придавала она значение примеру; поэтому с самого детства она сделала свою дочь участницей в своих благотворительных делах, уча ее помогать бедным, заставляя ее ухаживать за прокаженными. В то же время она побуждала ее читать священные книги, воспламеняя ее благочестие, отвращая ее от мира, не показывая ей ни драгоценностей, ни пурпуровых одежд и уже заранее посвящая ее Богу.
В доме Феоктисты монахи стали постоянными и почетными гостями, и скоро от общения с ними набожная византийка уверила себя, что не может сделать лучше, как посвятить себя, а также и всех своих Богу. Старший ее сын с самого начала вполне сочувствовал таким намерени-
516
ям. Вдвоем они убедили отца, затем увлекли и других детей; в конце концов Феоктиста уговорила даже троих братьев своего мужа последовать за ними в монастырь, и все вместе решили отказаться от мира, его соблазнов и великолепия.
Когда об этом намерении стало известно, оно сильно поразило жителей столицы, и все бывшие в сношениях с семьей Феоктисты были глубоко взволнованы решением этих богатых, всеми уважаемых и счастливых людей отречься таким образом от всех радостей, от всех упований общественной и светской жизни, порвать со всеми дорогими человеческими привязанностями,

добровольно отказаться от возможности продолжать столь славный род.
Ее пострижение было торжественной и трогательной церемонией...
Размышлять непрестанно о божественном слове, день и ночь молиться за церковь, за своих близких, за собственное спасение, присутствовать с благоговением на бесконечных службах — такова была первая забота благочестивой женщины и ее истинная радость. Более чем когда-либо она предавалась аскетизму. Для умерщвления плоти она спала на короткой и узкой постели, одевалась в жалкое рубище, очень мало ела. Ей казалось постыдным есть досыта, и все, что она позволяла себе по слабости природы человеческой, — это принимать пищу раз в день, съедая немного овощей.отваренных в воде, без всякой приправы из масла; при этом никогда не полагалось вина за ее скудной трапезой. Точно так же обрекла она себя на безусловную нищету: у нее не было ни служанки, ни собственных денег, ни лишнего платья. Когда она умерла, весь ее гардероб или, вернее, все ее состояние заключалось во власянице и в двух жалких одеялах.
Но Феоктиста отнюдь не вдавалась в мистицизм. «Пребывая в уединении с Богом», по прекрасному выражению ее сына, она все время, как и тогда, когда жила в миру, чувствовала потребность действовать. Она не тратила времени на бесполезные мечтания; она придавала большое значение работе и вменяла себе в обязанность ткать одежды, в которые одевался весь монастырь. Она усиленно предавалась делам благотворительности, собирая в монастыре бедных женщин, ухаживая за ними и всячески изощряясь в добывании денег, чтобы помогать им в их нуждах. В особенности, как и раньше у себя в доме, она с любовью пеклась о своих близких, об их нравственном совершенствовании, об их вечном спасении...
Так жила она, «все покинув, чтобы все отдать Богу; она шла узким и трудным путем Господним». Ее все почитали, и в общине смотрели на нее как на истинную духовную мать, а в партии набожных людей — как на истинную мать церкви. И чтобы еще усилить ее ореол святости, ей приписывали дар ясновидения, ей будто бы снились пророческие сны, предвещавшие ее собственную судьбу, судьбу ее семейных и судьбу церкви. \
(Дилъ Ш. Византийские портреты. С. 86—94)
517
Одежда Византийская мода, наследница моды римской, сохранила как античную верхнюю одежду — тогу, пал-лиум, пенулу и т.д., изменив только их названия, так и нижнюю — тунику: эта последняя изменилась на далматику (dalmatica) и альбу (alba), из пенулы появилась касула альда (casula alda). Эти типы одежды стали постоянной составной частью церковного одеяния.
Иным переменам подверглась античная одежда при императорском дворе. Тога уже не драпируется, потому что она шьется из жесткой парчи, на которой нашиты металлические пластинки и, кроме того, она украшена многочисленной вышивкой, что делало ее еще более жесткой. Такая одежда стоит, как праздничная упаковка, вокруг фигуры. Посредством убранства одежды выражались титул владельца, его права и обязанности.
Одновременно изменяются и функции одежды. Где-то в VI веке консулы перестают носить тогу как официальный костюм. Теперь это плащ. Это знак привилегированного положения и достоинства, это символ, выделяющий данную личность из окружающего мира и замыкающий ее в жизни созерцательной. Этот плащ закрывает фигуру с головы до ног, срастается с ней, и человеческое тело по ним буквально исчезает...
Византийская мода является наследием моды античной и в то же время — предшественницей раннего средневековья. Именно здесь зародилась новая женская мода носить сразу цо нескольку одежд, которые одевались одна на другую. Это были широкие туники рубашкооб-разного покроя, которым Византия добавила еще рукава. Нижняя одежда имела прилегающие рукава, а верхняя — широкие. Поверх этих туник одевался еще женский плащ. Таким образом, для византийской моды тело человека и природа не представляют интереса, она создает из фигуры как бы стилизованный абстрактный треугольник, заполненный богатой декорацией и орнаментом. Основу этой моды создают знаки отличия — вышитая и украшенная золотом отделка, а на голове диадема — для императрицы и головной покров у придворной дамы. Женщина преобразилась с головы до ног, превратившись в сановницу. Шерсть и полотно забыты. Наступило господство парчи, затканной золотыми и серебряными нитями, украшенной богатой вышивкой, жемчугом и золотом, которая ценилась как драгоценность. Эти дорогие ткани вырабатывались в самой Византии, где уже с середины VI века знали тайну производства шелкового полотна. Производство парчи, сосредоточенное, главным образом, в Греции и Сирии, в то время уже не зависело от импорта по «шелковой дороге» из Индии и Китая. Изготовление шелковых тканей и пурпурового красителя

стало в Византии государственной монополией. Дорогие шелковые ткани, конечно, имели право носить только высокие сановники, а самые дорогие — только члены императорской фамилии. В Европу эти материалы попадали, прежде всего, как ценные дары для королевских дворов... Иногда эти
518
драгоценные материалы попали в Европу и другим путем: например, случайно во время крестовых походов либо через международную торговлю, осуществляющую обмен товарами между Востоком и Западом. Чаще всего парча была украшена геометрическими мотивами из кругов, квадратов, крестов и звездочек либо стилизованными животными и растениями. Эти образцы стали основой орнаментики средневековья.
(Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. С. 87)

Жилище Деревни, в которых обитала теперь большая часть подданных империи, были обычно невелики, насчитывая в среднем от 10 до 30 дворов. Дома строили из камня или камыша; земляной утрамбованный пол обмазывался глиной, крыши покрывали черепицей, тростником или соломой. В западной части Малой Азии стены домов делали из ивняка, обмазанного глиной. Жилища бедняков на Керкире походили на шалаши сторожей: на крышах были щели, через которые в помещение попадал дождь и проникал холод.

К крестьянскому дому обычно примыкали сад и огород, которые ограждали частоколом. Здесь выращивались огурцы, капуста, всякого рода зелень, различные сорта винограда...

В одном из документов XI в. сохранилось описание имения, подаренного императором Михаилом VII Дукой двоюродному брату Андронику Дуке. Оно состояло из нескольких земельных участков, содержащих в себе в целом 7300 модиев (более 700 га) пахотной земли. Сам магнат жил в усадьбе, называвшейся Варне, в большом господском доме, со всех сторон окруженном террасой. Полы в доме и на террасе были выложены мрамором. Возле дома находились просторные бани, местами также облицованные мрамором. В пределах усадьбы располагались и различного рода хозяйственные постройки: амбар, состоящий из двух отделений — подвала, где хранились скоропортящиеся продукты, и верхнего помещения, куда складывался хлеб; отдельные строения предназначались для ссыпки зерна, соломы и мякины. Имелись при усадьбе также конюшни, хлевы для скота.

К господскому дому обычно примыкал сад, где росли яблони, груши, вишни, сливы, персики, финиковые пальмы, лимонные деревья, айва, гранаты, смоковницы, фисташковые и миндальные деревья, каштаны, орехи. Все пространство между деревьями было занято цветами — розами, лилиями, фиалками, шафраном. Особенно любили розы, считая, что в их природе «есть что-то божественное». Разведение цветов преследовало не только эстетические цели. Их использовали как средство борьбы с болезнями. Считалось, что с помощью плюща излечивается больная селезенка, нарцисс «хорошо охлаждает», а розы «помогают больным глазам». Помимо того, из роз делали ароматические смеси.

Особое место в имениях занимали виноградники, где выраща-
519
вались многие сорта винограда, различавшиеся между собой цветом, размером и формой гроздьев, а также сроками созревания...

Центром господского дома в реальном имении того периода обычно являлся просторный зал — столовая. В поместье Филарета Милостивого в таком зале стоял большой круглый стол слоновой кости, отделанный золотом. За ним одновременно могли сидеть тридцать шесть человек. Господский дом в упоминавшейся выше усадьбе Варне располагал большим помещением с куполообразным потолком, опиравшимся на четыре колонны. Важная роль в ансамбле поместья отводилась церкви. Без нее усадьба была просто немыслима. В Варисе была большая церковь, с куполом, покоившимся на восьми колоннах, с хорами и мраморным полом.
(Культура Византии. С. 571—573)

Интерьер дома Скромному внешнему облику городов и их построек соответствовало и внутреннее убранство зданий. В жилищах бедняков зачастую было лишь убогое, покрытое лохмотьями ложе, но и в домах знати мебель заметно изменилась. В ней ощущается теперь значительное упрощение форм. На книжных миниатюрах того времени мы видим примитивно оформленную мебель для сидения, кровати, сундуки и столы. Иногда эти простые по своим конструктивным формам изделия дополнялись выточенными из дерева опорами и спинками, миниатюрными колоннадами и аркадами.

Распространены были табуреты и сундуки, крышки которых использовалась для сидения; имелись и складные стулья. Римский обычай возлежать во время трапезы и беседы безвозвратно ушел в прошлое. Спали на кроватях, застилаемых матрасами, набитыми чаще всего сеном. В богатых домах их покрывали дорогими яркими (красными, желтыми и т. д.) тканями и коврами. Для предметов домашнего обихода использовались грубо сколоченные сундуки.

У состоятельных людей мебель была вычурно украшена, отделана золотом, разноцветной эмалью, росписью и драгоценными камнями. В орнаментике нашли применение христианские мотивы:

монограмма Христа, голубь, рыба, барашек, павлин; из растений — гроздь винограда, колос пшеницы, лавровый венок, оливковая ветвь и пальмовый лист.
Из греческих мотивов были заимствованы и стилизованы лист аканта и пальметта. В мебели сказалось также и влияние германской (лан-гобардской и кельтской) орнаментики — вьющиеся растения и фриз из ленточного сплетения, а также «звериные» мотивы.
(Культура Византии. С. 576)

Пища Домашняя утварь была металлическая, стеклянная,
но основная масса населения пользовалась глиняной посудой. Ели руками, хотя в быт знати постепенно входила двузубая вилка.

520

Что касается самой пищи, то первое впечатление, которое возникает при чтении византийских источников того времени, — это ее богатство и разнообразие. Здесь и дичь (куропатки, утки), и домашняя птица (куры, гуси), различным образом приготовленное мясо и рыба, икра, молоко, сыр, масло, фрукты, овощи, всякого рода зелень, грибы, вино, сладости.
Одним из наиболее доступных и излюбленных продуктов питания являлась рыба — морская, речная, озерная...
Вино также было различных сортов. В зависимости от сорта винограда вино было золотистое, черное или белое, сладкое или кислое, легкое или крепкое, долго хранящееся или легко портящееся. Из черного винограда вино получалось более крепкое, из белого — среднее, из красного — несколько слаще, чем из черного. Помимо винограда, вино изготавливали из яблок, груш, кизила, граната, меда, полыни и т.д. Нередко его настаивали на копытнике, лавровых ягодах, укропе, дикой петрушке, сельдерее и других растениях. Известен напиток, при изготовлении которого смешивали яблочный сок, воду и мед, а также напиток, приготовленный из меда и роз.
Вместе с «варварами» в Византию пришло и получило известное распространение вино из хлебного зерна и ячменя; делали также напитки из полбы, овса и проса. Существовало вино, в состав которого как обязательный компонент входила смола.
Женщины разбавляли вино водой, а мужчины нередко добавляли в него пряности. Вином утоляли жажду, запивали пищу и использовали его в лечебных целях...
О качестве вина говорили, спорили, утверждали, что оно «веселит душу», однако чрезмерное его употребление служило предметом осуждения: понимали, что оно «отшибает память».
Из сладостей известны торты, изготовлявшиеся из муки и меда, муки и вареного муста, — десерт, известный ныне в Греции как... Маленькие пирожные, выпеченные из пшеничной муки высокого качества и имеющие форму колец, также являлись лакомством и даже как-то раз были посланы в подарок императором Константином VII митрополиту Ки-зика Феодору.
Немало в источниках разных жанров содержится упоминаний о фруктах...
Ели фрукты свежими, сушеными, вареными. Из овощей византийцы употребляли в пищу капусту, огурцы, зелень, в том числе и дикорастущую, которую использовали для салатов. Весьма распространены были маслины, обычно маринованные.
Но главным продуктом питания, без которого не обходилась ни одна трапеза, оставался хлеб, олицетворявший, по словам того же Михаила Пселла, «хлеб жизни». Он выпекался из пшеничной и ячменной муки. Пшеничным хлебом питались главным образом в Малой Азии, но и

521

здесь его порой не хватало. На Балканах употребляли в пищу просо, там же ели хлеб из ячменя. Рожь и овес, распространенные на западе Европы, встречались на территории Византийской империи лишь спорадически.
(Культура Византии. С. 572—580)

Литература

Аристенет. Любовные письма // Византийская любовная проза: Ари-стенет «Любовные письма». Евматий Макремволит «Повесть об Исминии и Исмине». М.-Л.: Наука, 1965.
ДильШ. Византийские портреты. М.: Искусство, 1994.
Жития византийских святых. СПб.: Terra Fantastica, 1995.
Кекавмен. Стратегикон // Памятники византийской литературы IX— XIV веков. М.: Наука, 1969.
Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия, 1988.
Константин Порфирогенет (Багрянородный). Церемонии при византийском дворе // Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969.
Культура Византии: вторая половина VII — XII в. М.: Наука, 1989.
Лев Диакон. История. М.: Наука, 1988.
Михаил Пселл. Хронография. М.: Наука, 1978.
Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969.

Плач о падении Константинополя // Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М.: Наука, 1969.
Тяжелое В.Н., Сопоцинский О.И. Искусство Средних веков: Византия. Армения и Грузия. Болгария и Сербия. Древняя Русь. Украина и Белоруссия. М.: Искусство,1975.
Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2 / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М.: Большая Рос. энцикл., 1995.
Христос-Страстотерпец// Памятники византийской литературы IX— XIV веков. М.: Наука, 1969.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Исторический В истории европейского Средневековья принято выделять **очерк** три основных периода: V—XI вв. *—раннее Средневековье,*
XII—XIII вв. — *зрелое Средневековье* и XIV—XV вв. — *позднее Средневековье.*
В раннем Средневековье в качестве самостоятельного периода выделяют еще V—VIII вв. — эта эпоха называется *«Темными веками»* или «периодом Великого переселения народов». В это время продолжались перемещения множества народов по всей территории Европы. В основном это были германские племена (на западе) и славянские (на востоке и юго-востоке). KIX в. переселение в основном закончилось, установились относительные границы вновь образованных государств-королевств (франков, бургундов, вестготов, лангобардов, англосаксов и т.д.).
Наиболее значительным (по территории) в VI в. было франкское королевство (при Меровингах). В 681 г. власть над франкскими королевствами захватил Пипин Короткий, основатель династии Каролингов, названной так по имени самого ее выдающегося представителя — Карла Великого (768— 814 гг.). Карлу Великому удалось создать громадную империю, объединившую практически все земли, занятые в Европе германцами. В 800 г. во время пребывания Карла в Риме папа Лев III короновал его императорской короной. Карл Великий высоко ценил образование и образованных людей, и к его двору они собирались со всей Европы, составив там придворное ученое общество. Этот период получил название *«Каролингское Возрождение».* При внуках Карла в 843 г. произошел раздел империи на три части, позднее осуществилось еще несколько разделов территорий на более мелкие государства.
IX—XI вв. — это время становления в Европе многих национальных государств. В 823—829 гг. шесть английских королевств объединяются, образовав единое королевство — Англию; в начале X в. образовалось Чешское княжество; в 933 г. произошло объединение Нижней и Верхней Бургундии в единое королевство Бургундия; в конце X в. возникает Польское королевство; в 1000 г. образовалось Венгерское королевство; в XI в. норманны завоевывают Англию и т.п.
В 911 г. прекращается каролингская династия в Германии. Представитель новой (саксонской) династии — Отгон I (936—972 гг.) сумел подчинить себе

все германские земли и славянскую Богемию, разбил венгров, по просьбе папы Иоанна XII (утесняемого его противниками) явился в Рим, восстановил власть папы и был им коронован императорской короной (962 г.). Так возникла *Священная Римская империя* германского народа, сыгравшая.большую роль в дальнейшей истории Средневековья.
В конце XI в. начинается *эпоха крестовых походов.* Успехи в первом походе привели к образованию на Востоке ряда отдельных христианских государств, но уже в 1291 г. крестоносцы утратили там свои последние владения. Однако крестовые походы сыграли важнейшую роль в развитии европейской культуры, познакомив европейцев с культурой мусульманского мира и приобщив их к наследию античного мира, сохранившегося в мусульманском мире и в Византии (Константинополь был захвачен крестоносцами в Четвертый Крестовый поход в 1204 г.). Не случайно XII век называют временем первого европейского Возрождения.
Зрелое и позднее Средневековье — это время роста и укрепления национальных государств в Европе и время бесконечных войн и столкновений между ними.

Религия и церковь

На протяжении V—XI вв. произошло принятие христианства практически всеми народами Европы, причем к XI в. вся Западная и Центральная Европа в религиозном смысле была однородна — подчинялась духовной власти папы римского. Арианство, представлявшее серьезную силу еще в VI—VII вв., к XI в. сошло на нет. В 1054 г. произошел официальный раскол христианской церкви на римско-католическую и греко-православную.

С IV в. на Западе (под влиянием и по примеру Востока) возникает монашество, а затем и монашеские ордена, сыгравшие важную роль в культуре Средневековья.

Сложный характер в Средневековье имела история папства. В результате войн с готами византийского императора Юстиниана (VI в.) Рим остался в подчинении Византии, и на протяжении VI—VIII вв. верховная светская власть в Риме принадлежала византийским императорам. В VIII в. папа Стефан III вступает в союз с франкским королем Пипином Коротким, и тот, в благодарность за оказанные папой услуги, дарит ему ряд территорий Италии (принадлежавших Византии). С этого момента папы римские официально становятся светскими властителями. Уже до этого церковь владела значительным количеством земли на территории Италии, теперь же возникло самостоятельное государство — *Папская область* (патримоний св. Петра). При Стефане III был изготовлен документ, так называемый «Константинов дар», якобы представляющий из себя грамоту Константина Великого, в которой тот дарит всю Западную Римскую империю римскому епископу (папе) — Сильвестру I. Основываясь на этой фальшивке, папы в дальнейшем будут претендовать на все эти территории.

Сложная политическая обстановка VIII в. привела к тому, что несколько пап были объявлены антипапами, казнены или убиты. Наконец, вмешатель-

ство Карла Великого привело к установлению относительного порядка, но Папская область оказалась в вассальной зависимости от франков.

В IX—XI вв. папский престол был всего лишь игрушкой в руках отдельных римских группировок. Падение нравов в церкви достигло величайших размеров. Достаточно сказать, что вопрос о том, кому быть папой, часто решался римскими куртизанками; широкое распространение получила симония (продажа должностей за деньги) и т.п. В X в. в Клюнийском монастыре во Франции началось знаменитое движение за восстановление в церкви апостольских порядков. Вокруг Клюни сплотился целый ряд монастырей Франции, Англии, Италии. *Клюнийская конгрегация* сыграла видную роль в духовной и политической жизни X—XII вв.

Решающие перемены в церковной жизни были связаны с папой *Григорием VII* (понтификат: 1073—1086 гг.). Именно Григорий VII первым выдвинул претензию папства на верховную светскую власть, т.е. он провозгласил тезис о том, что папы должны главенствовать над светскими государями. На протяжении всего своего правления он сам вел непрерывную борьбу за власть с германским императором Генрихом IV, одержав ряд побед (моральных и политических), но в конце концов был вынужден бежать из Рима (после захвата его войсками Генриха IV) и погиб в изгнании.

При папе *Урбане II (*1088-1099 гг.) начинаются крестовые походы. В 1095 г. на Клермонском соборе он призвал всех присутствующих к «освобождению Гроба Господня от неверных». Крестовые походы вызвали к жизни такое важное явление Средневековья, как *рыцарско-монашескйе ордена.*

В XII—XIII вв. борьба папства со светскими государями за верховенство продолжается. В начале XIV в. особенно острой становится борьба между папой Бонифацием VIII и французским королем Филиппом IV (Красивым). В этой борьбе королевская власть одержала победу. С 1303 г. папский престол был перенесен в Авиньон — город на юге Франции, где и находился до 1377 г. (Авиньонское пленение).

В IX—XII вв. в католической церкви утвердились *важные новшества:* был введен *целибат* (обет безбрачия) для всего духовенства, принято *учение о чистилище* (где, как и в аду, душа грешника подвергается страшным мучениям, но откуда — в отличие от ада — спустя некоторое время можно, искупив муками грехи, попасть в рай). С XI в. появляются *индульгенции.* Они понимались как полное или частичное освобождение от дел покаяния (за совершенный грех), даваемое епископом или папой. Они давались за участие (личное или денежное) в строительстве храмов, паломничество в Рим, позднее — за участие в крестовых походах. С XIV в. индульгенция понимается не только как освобождение от наказания за совершенный грех, но и как отпущение самого греха. Появляются индульгенции по поводу юбилейных дат. С XV в. стали даровать индульгенции душам умерших, находящимся в чистилище. Такие индульгенции могли купить родственники и друзья умерших. Именно продажа индульгенций стала позднее поводом для начала *Реформации.*

Эпоха зрелого и позднего Средневековья была временем *расцвета ересей.* Наиболее известной и сыгравшей особенно большую роль была *ересь катар,* или *альбигойцев* (по названию г. Альби на юге Франции, где находился центр движения катар). Катары учили, что у исходного Бога было два сына: старший — Сатана, а младший - Христос. Мир, по их мнению, был сотворен Сатаной, отсюда Сатаной же считался ветхозаветный Бог. Катары отрицали уче-

ние о чистилище, отрицали церковные таинства, осуждали взимание церковной десятины и т.п. Особенно сильно они нападали на нравы церковников. Движение катар превратилось в XII в. в серьезную силу. Не сумев иначе с ним справиться, папа Иннокентий III объявил против альбигойцев крестовый поход. В

результате катары были уничтожены. Но в дальнейшем на протяжении всей эпохи постоянно появляются все новые и новые ереси, особое место среди них занимают дьяволопоклонники. Для борьбы с ересями и еретиками в XIII в. была *учреждена инквизиция* (священный трибунал), которая позднее (особенно в эпоху Возрождения) снискала себе печальную славу в преследовании инакомыслящих, но даже костры инквизиции так и не сумели предотвратить появление протестантизма, а затем — вольнодумства, скептицизма и атеизма.

Из •«Саги 00 Олаве Трюггва- соне» Снорри Стурлусона

Снорри Стурлусон (1178—1241 гг.) — крупнейший средневековый исландский писатель и историк. Описываемые события относятся к IX—X вв.

И вот конунг Олав едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олав поднял отделанную золотом дубинку, которую он держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный.

Это совершили люди конунга.

Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, 'который подал бы знак к нападению на конунга Олава. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олав велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства. Затем конунг Олав приказал своим людям отправиться во все фюльки Транд-хейма. Ни один человек не возражал теперь против христианства. Так был крещен весь народ в Трендалаге.

(Снорри Стурлусон. Сага об Олаве Трюггвасоне. С. 669—670)

О военно-монашеских орденах

Ранее, чем Иерусалим был завоеван крестоносцами) в нем существовал «госпиталь», разросшийся вместе с торжеством христианства в Святой Земле. Стоявший во главе этого госпиталя Герард положил начало братству, первый устав которого был составлен уже его преемником и утвержден папами Иннокентием II, Евгением III и Луцием III. Устав этот с течением времени пополнялся и изменялся, приняв окончательный

свой вид лишь к началу XIV века. Первоначальною задачею братства была помощь больным и паломникам, почему братья и назывались гос-питалитами, и защита паломников от разбойников и неверных, что рано выдвинуло боевой, рыцарский элемент ордена. Особенно славился иерусалимский госпиталь, расположенный прямо против Гроба Господня, но вслед за ним появились госпитали и в других городах Востока. Долгое время забота о больных и паломниках стояла на первом месте... Но мало-помалу борьба с неверными все более выдвигала воинскую цель ордена, а благодаря этому росло значение рыцарского элемента: заботу о больных стали предоставлять отодвинутым на второе место братьям, специально посвящавшим себя ей. В 1259 году папа утвердил сложившееся деление ордена на три слоя: на рыцарей, священников и братьев-госпиталитов. В связи с расширением военных задач ордена у него появились замки и обширные владения, превратившиеся в своего рода орденское государство, павшее вслед за вытеснением христиан из Святой Земли (1291 г.), когда остатки госпиталитов перебрались на Кипр. Здесь они вновь усилились, приобрели Родос и создали новое островное государство, долгое время бывшее оплотом христианства на Востоке. Последним прибежищем теснимых турками госпиталитов была подаренная им в 1530 году Карлом V Мальта, что повело за собою наименование ордена мальтийским...

Высшая власть в ордене была поделена между магистром и собором. И в Палестине и потом на Кипре орден достиг значительного процветания, еще увеличившегося, когда в 1311 году ему была передана часть владений уничтоженного ордена храмовников. В начале XIV века доходы иоаннитов в 18—20 раз превосходили доходы французского короля, достигая 35 миллионов франков. Крупное значение имели ио-анниты для церкви, являясь настоящею церковною армией. Аналогично развитие и другого ордена — тамплиеров. В 1119 году несколько французов, руководимые Гюгом и Годфруа, решились защищать паломников от нападения сарацинов и разбойников, очищать дороги и охранять цистерны... Перед лицом иерусалимского патриарха принесли они торжественный обет «в послушании, целомудрии и бедности сражать» врагов Христовых. Но орден увеличивался очень медленно, и Гюг принужден был искать помощи во

Франции, где его ожидало полное сочувствие общества — сам граф Шампани Гюг вошел в число членов ордена, — церкви и, что, может быть, не менее важно, святого Бернарда (Св. Бернард Клервосский (1090—1153 гг.), настоятель монастыря Клерво, виднейший деятель католической церкви своего времени. — *Сост.).* Бернард в особом сочинении попытался оправдать существование рыцарских орденов, примирив воинскую деятельность со служением Богу. «Нет такого закона, — писал Бернард, — который бы запрещал христианину поднимать меч». Евангелие предписывает воинам сдержан-

527

ность и справедливость, но оно не говорит им: «Бросьте оружие и откажитесь от воинского дела!» Евангелие запрещает несправедливую войну, особенно между христианами. «Было бы запрещено убивать и язычников, если бы каким-нибудь другим образом можно было помешать их вторжениям и отнять у них возможность притеснять верных. Но ныне лучше их избивать, чтобы меч не висел над головою справедливых и чтобы зло не прельщало несправедливых. Нет для избравших себе воинскую жизнь задачи благороднее, чем рассеять этих жаждущих войны язычников, отбросить этих служителей скверны, мечтающих отнять у христиан сокрытые в Иерусалиме сокровища, осквернить святые места и захватить в наследие святилище Бога. О, да извлекут дети веры оба меча против врагов!»...

Подобными соображениями оправдывался немыслимый и внутренне противоречивый идеал «рыцаря Христова»...

Состав тамплиеров заставлял желать лучшего. Поиски Гюга во Франции увенчались несколько двусмысленным успехом. Число членов ордена увеличилось значительно: Гюг вернулся в Палестину с 300 новыми рыцарями, но в числе их было много «преступников, нечестивцев, хищников, святотатцев, убийц, клятвопреступников и прелюбодеев»... По самому существу своему рыцарские ордена еще сильнее монашества подлежали влиянию обмирщающих процессов, и единственным, пожалуй, оправданием их существования являлась священная война... И храмовники заняли не менее блестящее положение, чем иоанниты. Внутренне расслоившись на капелланов, составляющих ядро ордена рыцарей, и «служащих братьев», набираемых из городского сословия, они превратились в орден-государство, сначала в Палестине, потом на Кипре. Но в отличие от госпиталитов тамплиеры гораздо сильнее распространились по Европе, особенно по Франции.

Когда Восток был христианами потерян, рыцарствующим орденам пришлось приспособляться к новым условиям...

Вновь выдвинувшаяся каритативная цель часто прикрывала собою финансовые операции и, во всяком случае, легко совмещалась с быстрым ростом богатств ордена и далекою от его идеалов жизнью. Это особенно ярко выразилось в истории ордена тамплиеров, превратившегося в могущественнейшую финансовую силу эпохи, в неумолимого кредитора и предавшись денежным операциям. Обеты бедности и целомудрия сделались пустыми формулами, не прикрывавшими морального упадка ордена. В Германии «дома храмовников» сделались синонимами домов разврата; английские юноши боялись поцелуя храмовника; французские поговорки говорили: «пить, как храмовник», «гордость храмовника». Храмовники обмирщились, но орден неповинен в возведенных на нем усердными инквизиторами обвинениях в чудовищных ересях. Уничтожение тамплиеров в 1312 г. Филиппом IV было актом грубой силы, вызванным централизационными стремле-

528

ниями и финансовыми вожделениями королевской власти, но значение рыцарских орденов для Религиозного сознания эпохи было уже утрачено ими и без этого.

(Карсавин Л.П. Монашество в средние века. С. 114—119)

О жизни св. Франциска

Св. Фращиск Ассизский (1181/1182— 1226гг.) — основатель Ордена францисканцев, в 1228 г. причислен к лику **Ассизского** святых.

В молодости Франциск был очень богат; его отец вел торговлю сукном; юноша, получив воспитание в рыцарском духе, увлекался куртуазной лирикой, сочинением песен. Вдруг он услышал, как к нему обратился Распятый и повелел реформировать церковь, отказавшись ради этой цели от всех благ. Здесь возникает драматическая сцена: на большой площади в центре города Ассизи, перед патрициями, облаченными в богатые наряды, а еще более — в собственную гордыню, Франциск раздевается донага и заворачивается в мантию своего епископа, указывая тем самым, что он не отступник, не еретик, как многие адепты бедности, что он не противостоит клиру и сохраняет подчинение церковным властям. Папа Иннокентий III видит во сне, как он поддер-

живает своим плечом рушащуюся церковь. И он доверяет проповедь Евангелия этому человеку, не являющемуся ни ученым-теологом, ни священником — и не стремящемуся им стать. Человеку, разговаривающему с птицами и поющему хвалебную песнь всей природе, называя ее также благой, поскольку она вышла из рук Господа. Между тем слово, которое Франциск и следовавшие за ним друзья сеяли в городах Умбрии и Тосканы, призывало к покаянию, к жизни, подобной жизни Иисуса, к подражанию Ему — и Франциск так преуспел в этом уподоблении, что сподобился носить на своем теле стигматы Страстей Господних. И когда он умер, изможденный постом и оплаканный своей нищенствующей братией и своей сестрой Св. Кларой, подобно тому как изображалось оплакивание Христа на византийских фресках, все считали его святым и многие думали, что это был новый Христос. Церковь против воли вынуждена была признать его святым; стараясь, по мере возможности, нейтрализовать элемент радикального протеста и посюсторонних притязаний, содержавшийся в призыве, брошенном этим Божьим безумцем.
(Дюби Ж. Европа в средние века. С. 132-133)

Из «Завещания» Франциска Ассизского

И после того как Господь дал мне попечение о братьях, никто не указывал мне, что я должен делать, но Сам Всевышний открыл мне, что я должен жить по уставу святого Евангелия. И я велел записать это в простоте и в немногих словах, и господин Папа утвердил это. И

529

пришедшие, чтобы принять эту жизнь, все, что могли иметь..., отдавали бедным; и довольствовались одной рясой, изнутри и снаружи застегиваемой, с веревкой и рукавами. И большего мы не хотели иметь. Службу клирики исполняли вслед за другими клириками, а монахи читали «Отче наш»; и с радостью мы пребывали в церквах. И были невеждами и служили всем. И я трудился своими руками; и хочу трудиться; и хочу, чтобы и все другие братья трудились изо всех сил, потому что это приносит честь. И кто не умеет трудиться, пусть учится, но не из желания получить плату за работу, а для примера и для изгнания праздности. А когда не дастся нам плата за труд, прибегнем к столу Господнему, просить у дверей милостыню. Господь открыл мне приветствие, чтобы говорили мы: «Господь да подаст тебе мир». Пусть остерегаются братья оставаться в церквах, пристанищах и всех местах, для них устрояемых, иначе как пришельцы, гости и странники, как подобает святой бедности, которую мы обещали в уставе.
(Св. Франциск Ассизский. Сочинения. С. 143—144)

Об Ордене доминиканцев

Орден доминиканцев был основан испанским монахом св. Домиником в 1215 г. В 1232г. указом папы в ведение доминиканцев была передана инквизиция.

В начале XIII века вместе со своим епископом, папскими легатами и двенадцатью аббатами цистерцианского ордена Доминик обсуждал в Лангедоке меры борьбы с альбигойцами. Он думал, что для успеха дела церкви необходимо усилить энергию и экстенсивность проповеди и соединить ее с апостольскою жизнью. Проповедники должны отказаться от большой свиты и внешнего блеска своей миссии; по примеру апостолов должны они скитаться с места на место и воздействовать на альбигойцев не только проповедью, но и апостольским образом жизни. Доминик не отрицал и других способов борьбы: истребления закоренелых еретиков и деятельности церковных судилищ, еще не переродившихся в инквизиционные, но уже посылавших на костер врагов церкви. Новый орден, мысль о котором зрела в уме Доминика, должен был стать новым могущественным орудием борьбы наряду с уже испытанными. Члены его противопоставлялись в уме основателя проповедникам-альбигойцам как проповедники католической истины, словом, примером и молитвою побеждающие противников. Необходимые для достижения личной святости молитва, созерцание и аскеза, приспособленные к задачам борьбы, скитальчество и бедность должны быть соединены с глубоким и католическим знанием... Уже в 1216 году Доминик основал свой первый монастырь, за которым последовали другие. В этом первом монастыре (около Тулузы), служившем образцом для последующих, у каждого брата была своя

530

келья, чем обеспечивалась возможность научных занятий. Жизнь не отличалась существенно от жизни августинцев или премонстранцев, и доминиканцы были такими же «уставными канониками», Но в соответствии с планом Доминика и отчасти под влиянием францискан-ства в 1220 году на общем соборе в Болонье было провозглашено отречение от всякой собственности, и орден вошел в число нищенствующих. Однако ввиду особенных задач ордена бедность не могла быть доведена до таких пределов, как у ранних миноритов. Для борьбы с еретиками и за догму церкви требовались знания. Для приобретения знаний — обучение братьев, немыслимое без

относительной оседлости, без библиотек, трудно осуществимое без отдельных келий, предполагавших большой и благоустроенный монастырь, хотя бы и расположенный в центре города. Идеал добровольной нищеты и скитальчества приспособляется к целям ордена, смягчаясь, с одной стороны, приобретая значение орудия борьбы — с другой. Отсутствие безусловной оседлости и бродячесть способствовали расширению сферы деятельности ордена и необходимой для этого свободе передвижения доминиканских проповедников. Отсутствие личной и общей (в последнем случае только формальное) собственности придавало ордену удобоподвижность и сосредоточенность его на одной цели — заботе о душе ближних. Точно так же целям доминиканцев соответствовали и внесенные ими в жизнь каноников изменения. Отсутствие предписаний о необходимости физического труда позволяло посвятить более времени обучению братьев, аскеза и молчание содействовали внутренней подготовке проповедника. Существование монастырей, лишь формально примиримое с идеалом абсолютной бедности, сделало возможным систематическое обучение братьев и организацию преподавания...

Организация самого преподавания была завершена общим собором 1259 года, на котором присутствовали такие светила доминиканской науки, как Альберт Великий и его ученик Фома Аквинский. Курс обучения, имевшего главною целью подготовку проповедников, был рассчитан на 6—8 лет. Первые два года посвящались философии, вторые два — основному богословию, церковной истории и праву. Последние два — углубленному изучению богословия, руководством для чего служила Summa theologica Фомы Аквинского. Наиболее способные ученики по окончании этого шестилетнего курса делались лекторами, а через семь лет магистрами. Через тринадцать лет, пройдя степень бакалавра, они могли стать магистрами богословия — высший сан ордена, рядом с которым стоит сан «общего проповедника», получаемый после успешной двадцатипятилетней проповеднической деятельности.

(Карсавин Л.П. Монашество в средние века. С. 133—136)

531

Из «Истории альбигойцев»

Штурм крепости Брам Симоном де Монфором весной 1210 года

де **о де ерне** ^^ достигли крепости Брам, осадили ее и взяли приступом менее чем за три дня без осадных машин. Защитникам крепости, числом более сотни, выкололи глаза и отрезали носы, но одному из них оставили один глаз, чтобы он смог отвести остальных в Кабаре...

Как поступили с еретиками в Кастре в сентябре 1209 года

Мы не можем предать забвению чудо, свершившееся в этой крепости в присутствии графа. К нему подвели двух еретиков: один из них имел в этой секте сан «совершенного», другой же был еще новообращенным или учеником первого. Посоветовавшись со своими людьми, граф решил предать обоих огню. Однако второй еретик, тот, что был по-видимому учеником первого..., принялся каяться и пообещал отречься от ереси и во всем повиноваться Римской Церкви. Из-за этого среди наших возникло великое несогласие: одни говорили, что его не следовало предавать смерти, другие, наоборот, доказывали, что его необходимо казнить, ибо было ясно, что он еретик, а что до его обещаний, то можно было предположить, что они скорее продиктованы страхом близкой смерти, чем любовью к христианской вере. И что же? Граф согласился, что его следует сжечь — на том основании, что если он и в самом деле раскаялся, то огонь послужит искуплению его грехов, если же он солгал, то он будет наказан за свое вероломство. И вот их обоих крепко-накрепко связали, пропустив толстые и прочные веревки вокруг ляжек, живота и шеи, а руки связали за спиной. Затем у того, кто казался покаявшимся, спросили, в какой вере он хочет умереть; и он ответил: «Я отрекаюсь от безбожной ереси и хочу умереть с верою в Святую Римскую Церковь, и молюсь, дабы огонь сей послужил мне чистилищем». Тогда вокруг столба был разведен большой костер. Тот, кто был «совершенным» в среде еретиков сгорел в одно мгновение; другой же вышел из огня невредимым, связывавшие его весьма крепкие узы мгновенно расторглись, и он вышел из огня без малейшего следа ожогов, слегка пострадали лишь кончики пальцев».

(де Во де Серне Пьер. История альбигойцев. С. 135—137)

Философия

Средневековая европейская философия получила название *«схоластика»* (от «схола», т.е. школа), поскольку до появления университетов в XIII в. развитие философии шло в школах при соборах и монастырях. В истории схоластики выделяются следующие периоды, в целом соответствующие общей пе-

532

риодизации Средневековья: это предсхоластика — V—VIII вв. («эпоха Великого переселения народов», или «темные века», когда развития философии практически не было), ранняя схоластика — IX—XII вв., зрелая,

или высокая, схоластика — XIII в. и поздняя схоластика — XIV—XV вв. Существовавшая в эпоху безусловного господства в общественной жизни христианства, схоластика естественно заняла место «служанки богословия»: делом философии было разъяснение и обоснование религиозных истин. Это положение «служанки», представляющееся современному человеку унизительным, в те времена считалось, напротив, весьма высоким. Вся средневековая культура была пронизана идеей служения. И чем более высокое положение в иерархической структуре общества занимал сюзерен, тем почетнее было ему служить. Но высшим сюзереном, стоящим даже над королями, был Бог. Теология — наука о Боге — занимала высшее место среди всех наук, а философия как ее служанка — соответственно, второе.

В период ранней схоластики христианская философия в основном опиралась на учение Аврелия Августина, переработавшего платонизм, а точнее, даже . неоплатонизм, в духе христианства. Благодаря крестовым походам в руках западноевропейцев оказывается большое число книг, вывезенных с Востока. Активная деятельность по переводу позволяет европейцам познакомиться с широким кругом философских идей как античных (греческих и римских) философов, так и средневековых арабских и еврейских ученых. В XII—XIII вв. в Европу попадают труды Аристотеля (до этого были известны только его книги по логике) и многочисленные комментарии к ним арабских и еврейских авторов. Св. Фома Аквинский — крупнейший философ эпохи — сумел достичь *синтеза аристотелизма и христианства.* Постепенно его учение (томизм) получает всеобщее признание, и Аристотель (до конца Средневековья) становится крупнейшим авторитетом в философии.

Фома Аквинский *Фома Аквинский* (Аквинат) (1225/1226-1274 гг.)— крупнейший представитель средневековой европейской схоластики. Уже при жизни ему был присвоен титул «ангельский доктор», в 1323 г. он был причислен к лику святых, в 1567 г. признан «отцом церкви». В 1879 г. энцикликой папы Льва XIII томизм был провозглашен официальной философией католической церкви. Родом из Знатной графской семьи, он еще в молодости становится монахом нищенствующего Ордена доминиканцев. Учился в Париже, а затем в Кельне у выдающегося философа и теолога Альберта Больштедского (Великого), затем сам преподавал в Париже и других местах. Два его крупнейших произведения — «Сумма теологии» и «Сумма против язычников».

О философии и Откровении

Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на Божественном Откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом; в соответствии со словами Исайи...: «Око не зрело, Боже, помимо Тебя, что уготовал Ты любящим Тебя». Между тем должно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соот-

носили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через Божественное Откровение. Притом даже и то знание о Боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно быть преподано человеку через Божественное Откровение, ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом не сразу, притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в Боге. Итак, для того чтобы люди достигли спасения и с большим успехом, и с большей уверенностью, необходимо было, чтоб относящиеся к Богу истины Богом же и были преподаны в Откровении.

Итак, было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на Откровении.

(Фома Аквинский. Сумма теологии. С. 824—825)

Из «О презрении к миру, или 0 ничтожестве человеческого состояния» папы Иннокентия III

Иннокентий III (граф Сеньи) — папа римский с 1198 по 1216 г. Именно в его понтификат был совершен крестовыи поход против альбигойцев и захват Константинополя (1204 г.). Он отличался глубокими богословскими и юридическими познаниями, был глубоко религиозным человеком. Его перу принадлежит ряд философских и богословских трудов.

Итак, сотворил Господь Бог человека из праха земного, который ничтожнее прочих элементов, как подтверждено в Библии. Планеты и звезды Господь Бог сделал из огня, ветер и бури — из воздуха, рыб и пернатых сотворил из воды, людей и скот — из праха. Сравнивая себя с обитателями воды, человек обнаруживает, что он ничтожен, рассматривая небесных тварей, познает, что еще более ничтожен; рассматривая сотворенных из огня, приходит к мысли, что ничтожнее его нет. Он не смеет сравнивать себя с небесными тварями, не отваживается поставить себя впереди земных. Он полагает себя равным только вьючным животным и узнает в любом из них себе подобного. «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и

эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суета! Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах». Слова эти принадлежат не какому-нибудь безвестному человеку, но мудрейшему Соломону. Что же иное человек, если не грязь и пепел? По этой причине человек и говорит Богу: «Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня и в прах обращаешь меня?» Поэтому и Бог сказал человеку: «Прах ты и в прах возвратишься». Иов также говорит: «Он бросил меня в грязь, и я стал, как прах и пепел».
534
Грязь сотворяется из воды и праха, и то, и другое остается в ней; пепел же образуется из дерева и огня, когда и то, и другое распадается. Таинство творения известно, но все-таки должно быть разъяснено лучше. Что же ты гордишься грязью, из какого праха ты возвышаешься? Почему ты хочешь прославить пепел?..
(Иннокентий III. О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния. С. 93—94)

Государство и право

В эпоху Средневековья главенствующим принципом в отношении государственной власти был: «Нет власти иначе как от Бога». Но при всей бесспорности этого принципа для людей того времени споры о власти все-таки велись, и прежде всего это был спор о главенстве между светской и духовной (церковной) властями. Особую остроту этому спору придавали постоянные войны папства со светскими государями и феодалами. Крупнейшими богословами, разрабатывавшими учение о государстве и праве, были Аврелий Августин и Фома Аквинский, оба они доказывали примат духовной власти над светской. Наиболее выдающимся теоретиком, отстаивавшим противоположную точку зрения, был Марсилий Падуанский (около 1275 — около 1343 гг.). Он утверждал, что за все беды и несчастья мира несет ответственность церковь, и они могут быть устранимы только при условии, что церковь больше не будет вмешиваться в дела мира. Он требовал, чтобы церковь была подчинена светской политической власти.

Развитие права тоже проходило сложным путем. В период раннего Средневековья в большинстве вновь образовавшихся в Европе государств имело место смешение различных систем права. Так, среди потомков римлян действовало римское право, у салических франков — салический закон и т.п. И только постепенно, по мере развития национальных государств в каждой стра-не начала вырабатываться единая система законов. Важным шагом на пути разработки права стала при этом работа в области *церковного права* и в первую очередь — канонического.

Одной из особенностей права в период раннего Средневековья было частое *обращение к ордалиям* (Божьему суду), состоявшее в испытании огнем, водой и т.п.; в 1215 г. решением латеранского собора ордалии были запрещены.

Об испытании Железный брусок, предназначенный для испытания **раскаленным** в суде, должен быть примерно в четыре фута дли-**железом** ной, так чтобы человек, которому предстоит дока-
зывать свою невиновность, мог бы положить на него руку; шириной он должен быть в ладонь, а толщиной — в два пальца. Подвергаемый испытанию должен сделать с ним следующее: взять железо и пройти, держа его в руке, девять шагов, а затем медленно опустить его на землю; однако перед этим означенное лицо должно получить благословение священника...
535
Железный брусок должны нагревать Судья и священник, и в это время, во избежание порчи и сглаза, никто не должен приближаться к огню. Подвергаемого испытанию вначале следует тщательно осмотреть, чтобы убедиться в том, что при нем нет никакого предмета, используемого в колдовских целях; затем в присутствии свидетелей он должен вымыть руки и взять [раскаленное] железо сухими руками. Сразу после того, как он положит брусок, Судья должен смазать воском ту руку, в которой испытуемый держал железо, и обернуть ее паклей или льняными оческами, а сверху перевязать тканью. Свершив это, Судья должен отвести испытуемого в его жилище, а через три дня осмотреть руку: если на ней остались следы ожога, не выдержавшего испытания следует сжечь заживо или подвергнуть другому наказанию по решению суда. Испытанию раскаленным железом должно подвергать лишь женщин, уличенных в сводничестве или в преступной связи с пятью мужчинами; женщина же, подозреваемая в нанесении ран, убийстве или намеренном поджоге, должна поклясться [в своей невиновности] или выставить воина для судебного поединка, согласно установлениям Кодекса.
(Forum Conche (Fuero de Cuenca). С. 65—66)

Книги и библиотеки

В эпоху Средневековья на смену античному свитку приходит *кодекс* — рукопись, состоящая из сброшюрованных листов пергамента. Книги богато украшались иллюстрациями. В V в. получили распространение «пурпурные» кодексы — выполненные на окрашенном в пурпурный цвет пергаменте. Текст при этом нередко был написан золотом и серебром, в таких книгах имелось большое количество

иллюстраций (миниатюр). Переплеты для книг часто украшались драгоценными камнями. Книги в эпоху раннего Средневековья были предметами роскоши и стоили очень дорого. Ситуация принципиально изменилась в XII—XIII вв. с развитием системы образования и в особенности с появлением университетов.

О новом отношении ...Надо очень хорошо себе представлять: универ-**к книгам (XII в.)** ситетская книга и книга монастырская — весьма отличны друг от друга. Нельзя, конечно, отрицать, что и в монастырях книга была инструментом культуры... Но монастырская книга, в том числе и в своей духовной и интеллектуальной функции, играла прежде всего роль сокровища. В отличие от этого универ^ ситетская книга была прежде всего инструментом познания. До изобретения книгопечатания книга оставалась дорогой, несмотря на все технические ухищрения (скоропись, быстрое размножение с помощью так называемых рecia, отказ от миниатюр или же использование одних и тех же иллюстраций). Вспоминается чудо св. Бенуа, относящееся к
536
VI в.: ему удалось спасти упавший в воду железный заступ. Новые времена — новые орудия. И вот в XIII в. этому чуду соответствует чудо св. Доминика: « Как-то раз св. Доминик переправлялся через реку в окрестностях Тулузы, и-его книги упали в воду. Однако спустя три дня рыбак, забросивший удочку в этом месте, поймал что-то очень тяжелое, как он думал, огромную рыбу. Однако он вытащил из реки книги, принадлежавшие святому, и они были совершенно невредимы, как если бы их заботливо хранили в шкафу». Это не значит, впрочем, что св. Доминик поддался новому фетишизму книги — фетишизму, характерному для университетских людей. Он хорошо знал, что функция книги — вспомогательная...

Симптоматично притом, что даже члены странствующих орденов плохо осознавали новую роль книги. Св. Франциск проявлял большое недоверие к интеллектуальной культуре, он все еще рассматривал произведения культуры как сокровища, дороговизна книги казалась ему противоречащей той практике бедности, которую он проповедовал своим братьям. В XIII в. крупный деятель ордена доминиканцев Гумберт Роменский негодовал, что книга приобретала утилитарное значение и переставала быть предметом драгоценным: «Подобно останкам святых, их мощам, сохраняемым с таким благоговением, заворачиваемым в шелка, заключаемым в золото и серебро, следует хранить и книги, содержащие в себе столько святости. Пренебрежение к книгам достойно осуждения».

На самом же деле изменение функции книги было всего лишь частным случаем более общей эволюции: распространения письменной культуры и прежде всего обретения письменным текстом новой функции — функции доказательства...

В самом деле, это был момент, когда начали систематизировать ку-тюмы, когда множилось число писаных законов, когда феодальное право, так же как и римское, и каноническое право, оформлялось в договорах. Традиционное общество, в котором очень велика была роль слухов, устной передачи информации, медленно приучалось если не читать, то, во всяком случае, использовать письменное слово точно так же, как в экономической жизни оно привыкало иметь дело с деньгами.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 321—322)

Школа и обучение

В период раннего Средневековья школы имелись обычно только при монастырях и церквах. В XII в. особую роль стали играть школы при соборах. В конце XII — начале XIII в. в Европе возникли первые университеты, сыгравшие громадную роль в развитии европейской культуры.
537

Школы При каждом соборе имелась школа. Наиболее ак-
тивные из этих школ были расположены в районах, где процветало искусство Франции, готическое искусство. Конечно, школы существовали и при монастырях, но монастыри означали замкнутость. Школы при соборах, как и торговая деятельность, на протяжении XII века все более освобождались от стягивавших их пут. В самом деле, миссия епископа состоит в распространении слова Божия. В результате реформы [католической] церкви эта его^ функция на тот момент возобладала надо всеми остальными. При этом она стала слишком обременительной, чтобы епископ мог ее выполнять в одиночку. Ему потребовались помощники, способные проповедовать это слово вместе с ним повсюду, и чтобы готовить таких проповедников, — хорошо оборудованные мастерские, а в них — хорошие книги и хорошие наставники, умеющие их комментировать. По мере того как путешествия становились все более доступной вещью, в лучшие школы устремились охочие до приключений интеллектуалы. В результате сформировались центры, в которых была сконцентрирована наука и учебная деятельность, причем в тех самых местах, где были воздвигнуты шедевры готического искусства — в Лане, Шартре,

наконец, в Париже, который вскоре превзошел все остальные города. Наблюдалось, таким образом, совпадение очагов интеллектуальных поисков и передовых достижений в области искусства.

Круг изучаемых наук остался неизменным со времен первого возрождения античной культуры в каролингскую эпоху. Это были так называемые «семь свободных искусств»: три вводные дисциплины: грамматика, риторика — овладение красноречием, диалектика — овладение [правильным] рассуждением; четыре дисциплины высшего цикла, способствующие постижению тайных законов мироздания: арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Эти семь путей знания вели к теологии, царице наук, с помощью которой можно было попытаться проникнуть в Божественные тайны, истолковывая промысел Господа, Его слово, другие рассеянные в природе и доступные для восприятия знаки...

Между тем средства логического анализа постоянно совершенствовались. Целые полчища клириков шли вслед за рыцарями, отвоевывавшими у мусульман Испанию и Сицилию; они с жадностью набросились на книги великолепных библиотек Толедо и Палермо, они развили лихорадочную деятельность по переводу с арабского на латынь трудов, некогда переведенных арабами с греческого. В Париже изучили эти переводы. В них открывалось знание древних, которым пренебрегли римляне: Евклид, Птолемей; в них открывалось биение мысли более привлекательное, чем все логические трактаты Аристотеля. Была выработана и утвердилась методика исследования...

До нас дошел устав одного из парижских коллежей, коллежа Юбан. Этот документ, довольно поздний, — он датируется XIV веком — по-

лон подробностей, позволяющих судить о том, что собой представляла в то время школа. Это была дисциплинированная команда, вроде военного подразделения, возглавляемая наставником-командиром. Ученики — молодые люди, все до единого духовного звания, стриженые и носившие одеяние клириков; они жили одной общиной, совместно, как монахи, принимали трапезу, а их наставник был наподобие аббата. Не следует забывать о том, что все действия, которыми была наполнена их жизнь, это действия священнослужителей. Собственно учеба чередовалась с благочестивыми размышлениями и литургической службой. Учеба соединялась с молитвой и была неотделима от нее; учеба была лишь иным способом служения Господу.

(Люби Ж. Европа в средние века. С. 125—128)

Трудно найти в истории учебных заведений XII века более поразительный факт, чем резкое увеличение количества учащихся, которые устремились в них. Но нам мало что известно об их происхождении... В Англо-Норманнском мире высшее дворянство лишь за несколькими выдающимися исключениями имело, как кажется, предубеждение против того, что их сыновья становились учеными клириками (при этом они иногда оказывали щедрую поддержку сыновьям представителей других сословий для обучения в школах), и лишь немногие из студентов происходили... из высших сословий. В некоторых частях Европы имело место совсем иное отношение; например, в Кельне и вокруг него местный нобилитет занимал почти все места в школе при соборе...

О том, из каких слоев населения происходило большинство учащихся, мы ничего не знаем, но вряд ли мы совершим большую ошибку, если предположим, что большинство происходило из средних слоев: мелких землевладельцев, купцов, состоятельных ремесленников, свободного и зажиточного крестьянства. Многие, однако, если судить по их песням и письмам, были выходцами из более бедных слоев, но не забудем, что испокон веков раздавались жалобы на бедность студентов (равно как и жалобы людей старшего возраста на падение нравов молодежи)...

Довольно хорошо организованные учебные центры — зародыши университетов — существовали во многих городах, однако возникновение и развитие университетов, этих признанных центров учености, имевших особые права присваивать ученые степени, этих учебных заведений, куда будут стекаться массы студентов, независимо от репутации того или иного преподавателя, начнется в конце XII — начале XIII веков. Ранний XII век был временем par exellencee странствующего школяра, а мастера своего дела, которые могли чему-либо научить, встречались редко...

К концу XI века во многих частях Европы — и в Германии, и в Италии, и во Франции — мы обнаруживаем свидетельства новой, более

свободной, более богатой латинской литературы и видим, что все большие группы студентов

собираются у ног учителей, чья слава могла, тем или иным способом, быстро распространяться по разным землям.
(Брук К. Возрождение XII в. С. 133-135)

Университеты Истоки университетских корпораций зачастую столь же темны, как и у всех прочих ремесленных цехов. Они организуются постепенно, последовательными завоеваниями, происходящими по тому или иному случайному поводу. Уставы часто санкционируют завоеванное с большим опозданием. Мы не всегда можем сказать, что находящиеся в нашем распоряжении статуты были первыми. В этом нет ничего удивительного. В городах, где они сформировались, университеты являли собой немалую силу числом и качеством своих членов, вызывая беспокойство других сил. Они достигали своей автономии в борьбе то с церковными, то со светскими властями...

Сначала начинается борьба с церковными властями. Преподаватели университетов были клириками. Местный епископ считал их своими подданными. Преподавание было функцией церкви. Как глава всех школ епископ издавна делегировал свою власть кому-то из своих помощников, кто в XII в. обычно именовался scolasticus и кого вскоре стали именовать канцлером. Последнему совсем не хотелось расставаться со своей монополией. Там, где эта монополия не была абсолютной, где аббаты достигли прочных позиций со своими школами, они представляли собой других противников университетской корпорации. В конце концов культура есть дело веры, а потому епископ притязает на сохранение контроля над нею.

В Париже канцлер практически утрачивает привилегию вручать licence, т.е. право на преподавание, уже в 1213 г. Это право переходит к университетским мэтрам. В 1219г. канцлер в связи со вступлением в университет монахов нищенствующих орденов пытается противостоять этому новшеству. И тут он теряет все оставшиеся у него прерогативы. В 1301 г. он перестает быть даже официальным главой школы. Во время великой забастовки 1229—1231 гг. университет выходит из-под юрисдикции епископа.

В Оксфорде епископ удаленного от него на 120 миль Линкольна официально возглавляет университет через своего канцлера, тогда как аббат монастыря Осенэй и приор Фрайдсвайда сохраняют лишь почетные звания. Но вскоре канцлер поглощается университетом, его начинают здесь избирать, и он становится официальным представителем не епископа, но самого университета.

В Болонье ситуация была более сложной. Церковь долгое время не интересовалась преподаванием права, считая его мирским делом. Лишь в 1219 г. главой университета становится архидиакон Болоньи, функ-

ции которого напоминают функции канцлера (так его иногда и называли). Но его власть является внешней, он довольствуется тем, что председательствует на защитах и разбирается с оскорблениями, нанесенными членам университета...

Из светских властей борьба ведется прежде всего против королевской, власти. Суверены хотят наложить свою руку на корпорации, приносящие богатство и престиж их королевствам, на этот питомник, взращивающий для них чиновников и функционеров. Преподаватели университетов живут в городах их королевств, а потому им стремятся навязать свою власть, которая вместе с прогрессом монархической централизации в XIII в. становится вполне ощутимой для их подданных. В Париже автономность университета была окончательно обретена после кровавых столкновений студентов с королевской полицией в 1229 г. В одной из стычек несколько студентов были убиты полицейскими. Большая часть университета объявила забастовку и удалилась в Орлеан. На протяжении двух лет в Париже почти не было занятий. Лишь в 1231 г. Людовик Святой и Бланка Кастильская торжественно признали независимость университета, возобновили и расширили те привилегии, которые были признаны Филиппом-Августом в 1200 г.

В Оксфорде университет получил свои первые свободы в 1214 г., когда он воспользовался упадком власти отлученного Иоанна Безземельного. Серия конфликтов в 1232, 1238 и 1240 гг. между университетом и королем завершилась капитуляцией Генриха III, испуганного поддержкой, оказанной частью университета Симону де Монфору.

Но борьба шла также и с коммунальными властями. Возглавлявшие коммуну буржуа были раздражены тем, что обитатели университетов не подпадали под их юрисдикцию; их беспокоили ночной шум, грабежи, преступления отдельных студентов. Они плохо переносили и то, что преподаватели и студенты ограничивали их экономическую власть, устанавливая твердые цены на жилье и продукты питания, заставляя торговцев совершать свои сделки, не преступая законов.

В Париже именно в драку между студентами и буржуа грубо вмешалась королевская полиция. В Оксфорде первые шаги к независимости университета в 1214г. были следствием того, что в 1209 г. отчаявшиеся буржуа без суда повесили двух студентов, подозреваемых в убийстве женщины. Наконец, в Болонье конфликт между университетом и буржуа был еще ожесточеннее, поскольку тут коммуна вплоть до 1278 г. безраздельно правила городом под суверенитетом находившегося вдали императора (в 1158 г. Фридрих Барбаросса самолично даровал привилегии преподавателям и студентам). Коммуна навязывала профессорам пожизненный контракт, делая их своими чиновниками, она вмешивалась в присуждение степеней. Учреждение архидиаконства ограничило это вмешательство в университетские дела. Ряд конфликтов с последовавшими за ними забастовками, исходом преподавателей
541
и студентов в Виченцу, Ареццо, Падую, Сиену принудили коммуну пойти на соглашение. Последнее столкновение произошло в 1321 г. Университет более не страдал от вторжений коммуны в его дела.

Как сумели университетские корпорации выйти с победой из этих схваток? В первую очередь благодаря единству и решимости. Они угрожали грозным оружием и действительно его применяли — забастовку и уход. Гражданские и церковные власти видели слишком много преимуществ в наличии университета, который имел большое экономическое значение, был уникальным питомником, взращивающим советников и чиновников, источником немалого престижа, а потому он мог применять подобные средства для своей защиты.

К тому же университеты нашли могущественного защитника — папство. В Париже Целестин III в 1194 г. даровал университетской корпорации первые привилегии, а Иннокентий III и Григорий IX утвердили ее автономию. В 1215 г. кардинал и папский легат Робер де Курсон дал университету первые официальные уставы. В 1231 г. Григорий IX осудил парижского епископа за нерадение и принудил короля Франции и его мать пойти на уступки: своей буллой Parens scientiarum, которую поминают как Великую Хартию университета, он даровал последнему новые статуты. Еще в 1229 г. понтифик писал епископу: «Хотя ученый богослов подобен утренней звезде, которая сияет во мраке и должна освещать свое отечество блеском святых, умиротворяя разногласия, ты не довольствовался тем, что пренебрегал своими обязанностями, но, согласно сведениям заслуживающих доверия людей, своими махинациями сам способствовав тому, что поток преподавания свободных искусств, по милости Св. Духа орошавший и оплодотворявший рай вселенской церкви, иссяк в самом своем источнике, т.е. в городе Париже, где доселе он бил не переставая. Но затем это преподавание оказалось разбросанным по разным местам и сошло на нет подобно тому, как иссыхает разделившийся на множество рукавов поток».

В Оксфорде начало независимости университета было также обеспечено легатом Иннокентия III, кардиналом Николаем Тускуланским. Иннокентии IV выступает против Генриха III и ставит университет под защиту святого Петра и папы, поручая епископам Лондона и Солсбери защищать его от происков короля.

В Болонье Гонорий III ставит архидиакона во главе университета, чтобы тот оберегал его от коммуны. Университет окончательно освобождается, когда город в 1278 г. признает папу сеньором Болоньи.

Отметим значение такой поддержки со стороны понтифика. Безусловно, святой престол признавал важность и ценность интеллектуальной деятельности; но его вмешательства не были бескорыстными. Выводя университеты из-под светской юрисдикции, он подчинял их церкви. Так, чтобы получить эту решающую помощь, интеллектуалы должны были избрать путь церковной принадлежности — вопреки
542
сильному тяготению к мирскому пути. Если папа освободил преподавателей от контроля местной церкви — да и то не полностью, мы увидим, сколь серьезной была роль епископских осуждений на протяжении этого столетия, — то лишь с тем, чтобы подчинить их папскому престолу, вовлечь их в свою политику, навязать им свой контроль и свои цели.

Тем самым интеллектуалы, подобно новым орденам, оказались в подчинении у апостольского престола, оберегавшего их с тем, чтобы их же приручить. Известно, как эта защита со стороны папы изменила на протяжении XIII в. характер и первоначальные цели нищенствующих орденов. Известны, в частности, нерешительность и страдания Франциска Ассизского из-за тех искажений, которые претерпел его орден, все более вовлекаемый в интриги, в насильственное подавление ересей, в римскую политику. То же самое относится к интеллектуалам, к их независимости, к

бескорыстному исследовательскому духу и преподаванию. Даже если не брать крайний случай основанного в 1229 г. Тулузского университета — по ходатайству папы и для борьбы с ересью, — отныне все университеты идут по тому же пути. Конечно, они обрели независимость от местных властей, зачастую куда более тиранических; они смогли расширить горизонты всего христианского мира светом своей учености, покоряясь власти, которая не раз высказывала широту своих взглядов. Но за эти завоевания им пришлось заплатить дорогую цену. Интеллектуалы Запада в какой-то степени сделались агентами папского престола.

Организация университетской корпорации

Как правило, в структуре университетов можно было выделить начальный факультет Свободных искусств («art» — лат. «искусство», поэтому факультет еще носил название «артистический») и несколько высших факультетов: Права, Медицины и Теологии. Они образовывали отдельные корпорации внутри университета. Высшие три факультета — Права, Медицины и Теологии — управляются титулованными мэтрами, или регентами, во главе с деканом. Факультет Искусств, значительно более многолюдный, подразделяется на нации. Преподаватели и студенты входят в группы, образуемые согласно месту рождения. В Париже имелось четыре такие нации: *французская, пикардийская, нормандская* и *английская.* Во главе каждой нации стоял *прокуратор,* избираемый регентами. Четыре прокуратора были помощниками *ректора,* возглавлявшего факультет Искусств.

Тем не менее в университете имелись общие для всех факультетов службы. Но они были сравнительно слабыми, поскольку факультеты не имели большого числа общих для всех них проблем. У них не было ни общих зданий, ни общих для всей корпорации земель, исключая площадку для игр за пределами городских стен. Представители всех

факультетов и наций собирались в церквях и монастырях, где они были гостями...

Наконец, по ходу века появляется глава всего университета; им становится ректор факультета Искусств... Это преобладание ему (этому факультету. — *Сост.)* обеспечили многочисленность, вдохновлявший его дух, равно как и его финансовая роль. Ректор факультета искусств распоряжался финансами университета и председательствовал на генеральной ассамблее. К концу века он становится признанным главой корпорации. Этого положения он добивается в итоге длительной борьбы между белым и черным духовенством, о которой речь впереди. Но его власть все же остается ограниченной временными рамками. Он не только переизбирается, но и функции свои он исполняет лишь на протяжении триместра.

С немалым числом вариаций сходную структуру мы находим в других университетах... В Болонье самым оригинальным было то, что профессора не составляли части университета. Университетская корпорация включала в себя только студентов. Мэтры образовывали коллегию докторов. По правде говоря, в Болонье было несколько университетов. Каждый факультет образовывал собственную корпорацию. Но над всеми возвышались два юридических университета: гражданского и канонического права. Их влияние росло на протяжении всего века, поскольку эти два организма практически слились друг с другом. Чаще всего их возглавлял один и тот же ректор. Как и в Париже, он выдвигался от наций, система которых в Болонье была довольно сложной и весьма жизненной...

Могущество университетской корпорации опиралось на три главные привилегии: автономную юрисдикцию (в рамках церкви — при наличии местных ограничений, но с правом обратиться к папе), право на забастовку и уход,"монополию на присвоение университетских степеней.

Организация учебы

Университетские статуты регулировали также организацию учебы. Они определяли ее длительность, программы курса, условия проведения экзаменов. Сведения относительно возраста студентов и длительности учебы, к сожалению, неточны и зачастую противоречивы. Они менялись в зависимости от места времени, а разбросанные то тут, то там намеки показывают, что практика нередко далеко отходила от теории.

В каком возрасте и с каким интеллектуальным багажом поступали в университет? Конечно, очень молодыми, но как раз здесь мы сталкиваемся с проблемой: являлись ли грамматические школы частью университета, предшествовало ли обучение письму поступлению университет или же оно было... одной из важнейших его функций? С уверенностью можно сказать, что Средние века слабо различали уровни образования, а средневековые университеты не были учреждениями

'

одного лишь высшего образования. Отчасти там практиковалось наше начальное и среднее образование (либо они находились под универси- тетским контролем). Система коллежей... только

способствовала этой путанице, поскольку учиться в них могли с 8 лет.
Можно сказать, что в целом базовое университетское образование, а именно изучение свободных искусств длилось 6 лет и получали его где-то между 14 и 20 годами. В Париже это предписывалось статутами Робера де Курсона и включало в себя два этапа: примерно за 2 года получали степень бакалавра, а к концу учебы — степень доктора. Затем происходило обучение медицине и праву — где-то между 20 и 25 годами. Первые статуты медицинского факультета предписывали 6 лет учебы для достижения степени лиценциата доктора медицины после того, как становились магистром искусств. Наконец, богословие требовало большего времени: статуты Робера де Курсона назначали 8 лет обучения и, как минимум, 35 лет для получения звания доктора теологии. В действительности богословию учились примерно 15—16 лет. Простой слушатель на протяжении первых шести лет должен был проходить одну ступень задругой; в частности, на протяжении 4 лет изъяснять Библию и еще 2 года — Сентенции Петра Ломбардского.
Поскольку учеба в основном сводилась к комментированию текстов, то статуты указывают на труды, которые включались в университетскую программу. Авторы здесь также меняются в зависимости от места и времени. На факультете свободных искусств преобладают логика и диалектика, по крайней мере в Париже, комментируется почти весь Аристотель, тогда как в Болонье он представлен только в отрывках, зато программы уделяют большее внимание риторике... а также математическим и астрономическим наукам, включая Эвклида и Птолемея. Для изучавших право основным учебником был Декрет Грациана...
Наконец, регламентации подлежали экзамены на получение степени. Тут у каждого университета также имелись свои обычаи, которые изменялись со временем. Возьмем в качестве примера два типичных — юриста из Болоньи и парижского артиста.
Новоиспеченный болонский доктор получал степень в два этапа: собственно экзамен... и публичный экзамен... представлявший, скорее, церемонию вступления в должность.
Незадолго до личного экзамена consiliarius нации, к которой принадлежал кандидат, представлял его ректору. Кандидат клятвенно заверял последнего, что исполнил все что требуется уставами, и не пытался подкупить своих экзаменаторов. В предшествующую экзамену неделю один из мэтров представлял его архидиакону, ручаясь за его способность выдержать проверку. Утром в день экзамена кандидат, прослушав мессу Св. Духа, представал перед коллегией дикторов, один из которых давал ему два отрывка для комментирования. Он удалялся к себе, чтобы подготовить комментарий, который зачитывался вечером

в общественном месте (чаще всего в соборе) перед жюри из торов, в присутствии архидиакона, который, однако, не имел права вмешиваться. Вслед за комментарием он отвечал на вопросы докторов, которые затем удалялись для голосования. Решение принималось большинством голосов, архидиакон сообщал о результате.
Сдав этот экзамен, кандидат становился лиценциатом, но еще не получал докторского звания и права на преподавание — для этого требовалось пройти публичный экзамен. С помпой его сопровождали в собор, где произносил речь и зачитывал тезисы о каком-нибудь из правовых положений, а затем защищал их от напавших на него студентов. Тем самым он впервые играл роль мэтра на университетском диспуте. После этого архидиакон торжественно вручал ему лицензию, дающую право преподавать, и соответствующие знаки отличия: кафедру, раскрытую книгу, золотое кольцо, судейскую шапочку или берет.
От юного парижского артиста требовалось получение предварительной степени. Трудно утверждать с полной уверенностью, но вероятнее всего она была итогом первого экзамена: determinatio, в результате которого студент становился бакалавром. Determinatio предшествовали еще два экзамена. Сначала кандидат должен был выдержать дискуссию с мэтром во время responsiones. Дебаты происходили в декабре перед постом (во время которого происходил экзамен). Если кандидат успешно проходил эту проверку, то его допускали к ехатеп determinatium или baccalariandorum, где он должен был доказать, что удовлетворяет требованиям статутов, и продемонстрировать знания включенных в программу авторов, отвечая на вопросы жюри мэтров. Вслед за этим следовало determinatio: во время поста он читал ряд курсов, чтобы показать свою способность к университетской карьере.
Вторым этапом был собственно экзамен, который давал лицензию и степень доктора. Он также подразделялся на несколько этапов. Самый важный из них заключался в серии комментариев и ответов на вопросы перед жюри из четырех мэтров под председательством канцлера или вице-канцлера. Несколькими днями позже канцлер торжественно вручал кандидату лицензию во время

церемонии, включавшей в себя лекцию,.., которую он должен был прочесть, но она была чистой формальностью. Примерно через полгода кандидат действительно становился доктором во время inceptio, соответствующего болонскому conventus. Накануне этого дня он принимал участие в торжественной дискуссии, получившей название вечерни. В день inceptio он произносил перед факультетом инаугурационную речь, после чего ему вручались знаки отличия, соответствующие его степени.

Наконец, университетские статуты включали в себя целый ряд положений, которые, по примеру других корпораций, определяли моральный и религиозный климат университетской корпорации.

546

Они предписывали — и одновременно ограничивали — проведение празднеств и коллективных развлечений. Экзамены сопровождались подарками, увеселениями и банкетами — за счет получившего степень, которые укрепляли духовное единство группы, принимавшей в свое лоно нового члена. Как и попойки... первых гильдий, эти празднества представляли собой ритуалы, посредством которых корпорация утверждала сознание своей глубокой солидарности. Во время этих увеселений, в которые каждая страна привносила свои особенности (балы в Италии, бой быков в Испании), о себе заявляло единое племя интеллектуалов.

Добавим к ним ритуалы посвящения, которые не имели официального статуса, но которые ждали каждого нового студента университета, — новичка, первокурсника, именовавшегося тогда птенцом, молососом... Тексты по этому поводу известны нам по любопытному документу последующей эпохи, Manuale Scolarium конца XV в., по которому мы можем проследить далекие истоки этих студенческих обычаев. Инициация новичка описывается как церемония «чистилища», предназначенная для того, чтобы очистить юношу от его деревенской неотесанности, даже от первобытной дикости. Насмешке подлежат его звериный запах, блуждающий взгляд, его длинные уши, оскаленные зубы. Его избавляют от предполагаемых рогов и наростов. Его моют, ему подпиливают зубы. В пародийной исповеди признается в своей невероятной греховности. Так будущий интеллектуал покидает свое первобытное состояние, которое весьма напоминает образ крестьянина, деревенщины в сатирической литературе эпохи. От животности он переходит к человечности, от сельского мира к городскому. Эти выродившиеся и почти лишенные первоначального содержания церемонии напоминают интеллектуалу, что он вырван из деревни, из сельской цивилизации, дикого мира земли.

(Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. С. 84—104)

Литература

Литература Средневековья весьма разнообразна и по жанрам, и по имеющимся в ней течениям и направлениям. Всю эту литературу можно условно поделить на *литературу* на *национальных языках* и на *латыни.* К литературе на национальных языках в первую очередь можно отнести большой пласт легенд и сказаний языческих времен, сохранившийся у каждого европейского народа; но к ней же относятся и многие исторические хроники, и наиболее известные из рыцарских романов и т.п. На латыни обычно писали образованные люди, а значит, в каком-то смысле «люди церкви» — ученые клирики. Здесь мы тоже встречаем исторические хроники, жития святых, проповеди, «примеры», поучения, а также сочинения богословского характера, из которых особое место занимают труды мистиков, но на латыни же создавалась и поэзия вагантов.

547

Из «О Константине *Св. Григорий* (вторая пол. VI в.) был прозван «Двое-парамонаре церкви слов». Происходя из знатной римской семьи, он еще в ев Стефана» молодости принял монашеские обеты, был настояте-

Григория Двоеслова лея ряда монастырей, в 590 г. был избран римским епископом (папой римским) и пробыл им 14 лет. Из

его трудов особенно известен сборник рассказов о чудесах италийских подвижников и святых. Рассказы строятся в виде диалогов между самим св. Григорием и его учеником Петром.

Григорий... Близ города Анконы находилась церковь во имя св. мученика Стефана. При ней исправлял должность парамонаря человек, достоуважаемый по жизни, Константин. Слух о его святой жизни распространился очень далеко, ибо сей человек, совершенно презрев все земное, всею душою прилепился лишь к небесному. Однажды в этой церкви недостало масла и у раба Божия Константина не было вовсе, чем бы засветить лампады; но он, не смущаясь, налил в лампады воды и опустил светильню; потом, когда, принесши огня, засветил, вода стала гореть так, как будто в лампадах было налито масло. Подумай же, возлюбленный Петр, какой великий подвижник был этот Константин, когда, в крайности, мог изменять свойство стихий...

Как скоро молва о святости Константина далеко распространилась, множество народа из разных областей начало приходить с нетерпеливым желанием видеть святого. Однажды из отдаленной

страны пришел посмотреть на него какой-то поселянин. В то время св. Константин, стоя на деревянной скамье, поправлял лампады. Ростом святой был очень мал, на вид худ и лицом весьма невзрачен. Между тем, пришедший посмотреть на святого расспрашивал всех, где он, и с нетерпением просил указать на него. Знавшие святого исполнили желание поселянина. Но как люди невежественные часто судят о душевных добродетелях по внешнему виду, то и поселянин, видя пред собою этого малорослого и недоброзрачного служителя, не хотел думать, чтобы это был святой. Поселянину казалось, что слышанное им о святом противоречило тому, что он видел теперь сам. Не может быть, думал он, чтобы человек, по общей молве столь знаменитый, был так ничтожен по внешности. Когда же многие подтвердили ему, что это действительно знаменитый святой, он неуважительно и насмешливо сказал: «Я думал видеть важного человека, а этот и на человека-то не похож». Лишь только услышал эти слова св. Константин, тотчас оставил лампады, которые оправлял, быстро и с радостным видом подошел к поселянину, заключил его в свои объятия, с необыкновенною любовию начал его лобызать и от полноты сердца благодарил, что поселянин сделал о нем такой отзыв: «Один ты, — говорил святой, — сделал обо мне справедливый отзыв!» — Из этого можно заключить, как глубоко было смирение святого, когда он оказал так много любви к поселянину, несмотря

548

на невыгодный о себе отзыв. Душевные качества человека всего скорее познаются из того, как он переносит оскорбления от других. Ибо как гордые любят почет от других, так смиренные радуются своему унижению. Они остаются спокойны, когда другие презирают их, ибо видят, что мнение, составленное ими о самих себе, подтверждается и со стороны других.

Петр. Теперь я вижу, что как ни велик был этот святой по своим чудесам, но еще более велик по своему смирению.

(Григорий Двоеслов. Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. С. 33—36)

«О мученичестве» *Генрих Сузо* (ок. 1295—1366 гг.) — немецкий монах-до-**Генриха Сузо** миниканец, мистик.

В молодости он был живым от природы. Когда же последняя начала постигать самое себя, и он осознал, что является для себя тяжким бременем, это было для него горько и мучительно. Он перепробовал множество уловок и совершал великие труды покаяния, с тем чтобы подчинить тело духу. Некоторое время он носил власяницу и железную цепь, пока кровь не стала обильно сочиться, так что пришлось ему их снять. Тайно он заказал для себя исподнее, а в этом исподнем были ремни, унизанные ста пятьюдесятью остро заточенными латунными шипами, повернутыми к телу. Эта одежда плотно облегала его и была плотно стянута спереди, для того чтобы прилегание было как можно более тесным и шипы врезались в его плоть; одежда эта доходила ему до пояса. Раб Божий ночью ложился в ней спать. Летом, когда стояла сильная жара, когда, утомленный ходьбой, он чувствовал, что силы покидают его, или после кровопускания, когда он лежал в плену своих страданий, мучимый паразитами, он порой плакал в тишине, и скрежетал зубами, и не переставая ворочался, как жалкий червяк, в которого вонзают острые иглы. Часто ему казалось, что он лежит на муравейнике — столько насекомых ползало по нему. Когда его начинал окутывать сон или когда он уже спал, они беспрепятственно кусали и сосали его кровь. С тяжким сердцем он иногда взывал к Богу. «Боже милосердный, как ужасна смерть сия! Те, кого убивают разбойники или терзают крупные звери, умирают быстро, а я лежу, усыпанный этими жуткими насекомыми, умираю и не могу умереть»...

Эти мучения длились целых шестнадцать лет, но, поскольку жилы и тело его были ослаблены и изможденны, на Пятидесятницу явился ему Ангел небесный и объявил, что Господь не желает, чтобы он продолжал свои мучения. Тогда он прекратил и бросил все орудия в реку.

(Генрих Сузо. Проповеди. С. 310—311)

549

Из «Диалога о Я расскажу вам довольно необычную историю, про-чудесах» Цезария изошедшую в действительности в бытность мою в Гейстербахского Толедо. Множество школяров из разных стран сходились туда изучать искусство магии и заклинания духов. Несколько молодых баварцев и швабов, услышав от своего учителя вещи удивительные и невероятные и желая воочию в них удостовериться, сказали ему: «Учитель, мы хотим, чтобы ты показал нам то, чему ты нас учишь...» В подходящую пору он привел их в поле. Очертив вокруг них своим мечом круг, он приказал им не выходить из него под страхом смерти. Он наказал им также ничего не давать из того, что у них попросят, и ничего не брать из того, что им будут предлагать. Затем, отойдя немного в сторону, он с помощью заклинаний вызвал демонов.

Они тут же явились, приняв вид прекрасно вооруженных рыцарей, и устроили вокруг стоящих

юношей рыцарские игры и состязания. То они притворно падали на землю, то тянулись к ним копьем или мечом, тысячью способов стараясь выманить их из круга. Видя, что это им не удается, они превратились в прекрасных девушек и принялись водить вокруг них хоровод, стремясь увлечь их с помощью всяческих уловок. Самая соблазнительная из девушек выбрала одного из школяров, и всякий раз, когда, танцуя, она приближалась к нему, она протягивала ему золотое кольцо, приводя его душу в трепет и воспламеняя в нем движениями своего тела любовь к себе. Не раз возобновляла она эту игру. Наконец, побежденный, юноша потянулся к кольцу, и его рука вышла из круга. Призрак тотчас увлек его. Он исчез. Унося свою жертву, сонм злых духов закружился вихрем и рассеялся.

Школяры подняли крик и шум. Прибежал учитель. Ученики пожаловались на то, что их товарища похитили. «В этом нет моей вины, — ответил учитель, — вы заставили меня [вызвать духов]. А его вы больше никогда не увидите».

(Цезарий Гейстербахский. Диалог о чудесах. С. 72—73)

Из «Чина голиардского»

«Чин голиардский» можно считать программным стихотворением вагантов, «уставом» голиардского братства. *Ваганты* — бродячее племя школяров (средневековых студентов). Поэзия вагантов — это латинские стихи ученых клириков, в основном воспевающие радости жизни и бичующие церковные нравы.

Бог сказал апостолам: «По миру идите!» И по слову этому, где ни поглядите, Мнихи и священники, проще и маститей, Мчатся — присоседиться к нашей славной свите...

Саксы, франки, мейсенцы, свевы и батавы, В орден наш собравшие все концы державы,

550

Молвите, прослушавши ордена уставы: «Сгиньте, скряги алчные! Сгибните без славы!»

Образ милосердия мы одни являем: Бедного, богатого — всех мы принимаем: Знатных с низкородными, дельного с лентяем, Кто из монастырских врат в шею был толкаем.

Рады и монаху мы с выбритой макушкой, Рады и пресвитеру с доброю подружкой; Школьника с учителем, клирика со служкой И студента праздного — всех встречаем кружкой.

Принимает орден наш правых и неправых, Старых и измученных, молодых и бравых, Сильных и расслабленных, видных и плюгавых, И Венерой раненных, и всецело здравых...

Ордена бродячего праведна основа: Наша жизнь завидна есть, доля — несурова; Нам милей говядины жирный кус здоровый, Чем болтушка постная из крупы перловой...

Возбраняет орден наш раннее служенье — Встав, мы ищем отдыха, ищем угощенья, Пьем вино и кур едим, судьбам в посрамленье: Это нам угоднее времяпровожденье.

Возбраняет орден наш быть в двойной одеже — Сверху свитки плащ носить можно лишь вельможе; Мы же в кости спустим плащ, да и свитку тоже, А потом расстанемся с поясом из кожи.

Твердо это правило помнит мир дрсужный: Кто в рубахе чванится, тем штанов не нужно. Коль наденешь лишнее — если не недужный, — Будь под отлучением: мы с таким не дружны.

Сан не дозволяет нам уходить голодным: Выклянчив, дарением поживись угодным! Будет нам и медный грош нужным и доходным, Коли с ним ты сядешь в зернь игроком свободным...

(Поэзия ваттное. С. 2—4)

551 '

Из «Прения священников о безбрачии»

«Прение священников о безбрачии» — это язвительный отклик вагантов на введение целибата (обета безбрачия) для духовенства.

Слух прошел по Англии, ведомый и гласный, Всполошив пресвитеров области прекрасной: Всех, кто благоденствовал в жизни сладострастной, Призывал к смирению папы голос властный.

Слух прошел по городам, слух прошел по селам, Папские веления разгласил по школам; Клирики готовятся к судьбам невеселым — Всяк разлуку с милою мнит крестом тяжелым.

Тягостно предчувствуя оную утрату,
Зыблются в доверии к римскому легату
И решают клирики, рвением объяты,
Всем собором рассудить, можно ль быть женату.

Первый воздвигается иерей из круга, Движимый тревогою общего испуга: «Не желаю, — он гласит, — отпускать подругу — С ней в законе мы живем, словно два супруга.

Был вторым во прении глас, звучавший тихо, Мужа молчаливого и с повадкой мниха: «Будет мне, о братие, тягостно и лихо, Коль со мной не станет спать наша повариха»...

Встал девятый, говорит: «Тщетно, судьи, ждете: Кровь мою кипучую хладом не скуете! Оттого я и стремлюсь в жизненной заботе Не к спасению души, а к спасенью плоти!»...

Говорит пятнадцатый: «Винные.кувшины Осушив, я чувствую сон благопричинный, И хочу его

делить с девкой вполовину, — Нет мужскому здравию лучше медицины!»
И повел шестнадцатый счет причин и следствий: «Все в природе связано вязью соответствий: Коль откажут мне в одной, как в домашнем средстве, — Целых трех сожительниц заведу в соседстве!»...
552
И гласит последнего слово иерея:
«Грех — запреты класть на брак, блуд без брака сея!
Коль исполнят сей указ, власти не жалея, —
Не найдешь ни алтаря без прелюбодея!»
И раздался общий хор, завершая пренье: «Дева богородица, наше вспоможенье! Отврати от грешников папское решенье, Если наших ты подруг жалуешь моленье!»
А засим восстал монах с речью проповедной: «Неужели хочет бог, мощный и всеведный, Тот, чей сын за смертный род смерть попрал победно, — Чтоб без женственной любви сох священник бедный?
(Поэзия вагантов. С. 163—167)

Из «Приключений Легенды о короле Артуре и его рыцарях возникли в Анг-**короля Артура** лии в V в., они послужили основой как для образа иде-**И рыцарей Круг-** ального рыцаря, так и для многочисленной «рыцарской **лого Стола»** литературы». Ниже приводятся отрывки из первой легенды артуровского цикла. Артур — сын короля Утера и его жены, но сразу после его рождения ребенка забрал волшебник Мерлин, спрятавший его. После смерти короля Утера началась смута и борьба за власть, так как не осталось законного наследника престола.

Мерлин прибыл в Лондон и говорил с архиепископом; и на рождество созвано было большое собрание рыцарей — такое большое, что всем не хватило места в церкви аббатства, и некоторым пришлось остаться во дворе.
В середине службы ропот удивления внезапно поднялся во дворе: там увидели (хотя никто и не понял, как она появилась) большую мраморную плиту, на ней железную наковальню и обращенный острием вниз, глубоко уходящий под наковальню стальной меч.
— Не касайтесь ничего, пока не закончится служба, — повелел архиепископ, узнав об этом чуде. — И еще больше молю господа бога, чтоб найти нам лекарство, которое исцелит раны нашей земли.
Когда окончилась служба, архиепископ, и лорды, и рыцари, бывшие в аббатстве, вышли посмотреть на чудо-меч. Вокруг наковальни увидели они золотые письмена, выбитые в большом камне, и письмена эти гласили: «Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по рождению истинный король всей Британии».
Увидев это, многие и многие пытались вытащить меч, но никто не смог сдвинуть его ни на волос.
— Его нет среди нас, — сказал архиепископ. — Но отриньте сомнения: бог пошлет нам нашего короля. Пусть во все края направят гонцов
553
рассказать, что написано на камне. И в день Нового года устроим большой турнир и посмотрим, не явится ли наш король среди тех, кто прибудет сразиться. А до тех пор вот мой совет: назначим десять рыцарей охранять камень и возведем над ним богатый шатер.
Все это было исполнено, и в день Нового года съехалось множество рыцарей. Но никто из них не мог вытащить чудо-меч...
Случилось, что среди прибывших оказались добрый рыцарь сэр Эк-тор и сын его сэр Кей, посвященный в рыцари незадолго до этого; и с ними прибыл Артур, младший брат сэра Кея, юноша едва ли шестнадцати лет. В дороге сэр Кей вдруг обнаружил, что оставил дома свой меч, и попросил Артура вернуться и привезти его... [Когда Артур приехал домой, обнаружилось, что дом заперт. Тогда он вспомнил:] Я видел какой-то меч под наковальней в церковном дворе. Возьму его! Там от него никакой пользы!»
И Артур пришпорил своего коня и прискакал во двор церкви. Привязав коня у ограды, он подбежал к шатру, воздвигнутому над камнем, и увидел, что все десять рыцарей, назначенных стражами, тоже ушли на турнир. Не задерживаясь, чтобы прочитать надпись на камне, Артур легко, вытащил меч из каменной плиты, вернулся к своему коню и скоро догнал сэра Кея и передал ему меч.
Артур ничего не слыхал об этом мече, но сэр Кей уже пытался вытащить его из-под наковальни и с первого взгляда узнал его. Тотчас поскакал он к отцу, сэру Эктору, и сказал:
— Сэр! Смотрите, вот чудо-меч! Так что, видите, я и есть истинный король всей Британии!
Но сэр Эктор был не настолько глуп, чтобы сразу поверить сэру Кею. Он поскакал с ним обратно к

церкви и там заставил его, поклявшись на Библии, рассказать честно, как у него оказался меч.
— Мой брат Артур принес его мне, — сказал сэр Кей со вздохом.
— А вы откуда взяли его? — спросил сэр Эктор Артура.
— Сэр, я расскажу вам, — сказал Артур, опасаясь, что он сделал, что-то не так. — Кей послал меня за своим мечом, но я не смог добраться до него. Тогда я вспомнил, что видел этот меч торчащим понапрасну из-под наковальни в церковном дворе. Я подумал, что в руке моего брата он мог бы принести больше пользы, и взял его.
— И вы не обнаружили рыцарей, охранявших его? — спросил сэр Эктор.
— Ни единого, — ответил Артур.
— Что ж, положите меч обратно под наковальню и посмотрим, как вы вытащите его, — распорядился сэр Эктор.
— О, это нетрудно, — сказал Артур, озадаченный всем этим, и легко воткнул меч под наковальню. И сэр Кей схватил его за рукоятку и что есть силы потянул, но, как ни старался, не смог даже сдвинуть меча. Сэр Эктор тоже попытался, но тщетно.
554
— Ваша очередь, — сказал он Артуру.
И Артур, которого происходящее удивляло все больше и больше, положил руку на рукоять и вытащил меч, словно из хорошо смазанных ножен.
— А теперь, — сказал сэр Эктор, становясь на колени перед Артуром и почтительно склоняя голову, — я понимаю, что вы, и никто иной, являетесь истинным королем этой страны.
— Я? Но отчего я? И почему вы стали на колени передо мной, отец мой? — вскричал Артур.
— Такова воля бога: тот, кто может вытащить этот меч из-под наковальни на камне, есть законный король Англии, — сказал сэр Эктор. — Более того, хотя я вас глубоко люблю, я не отец вам. Ибо Мерлин принес вас ко мне, когда вы были маленьким ребенком, и повелел мне воспитать вас как собственного сына.
— Если так, если я действительно король, — сказал Артур, склоняя голову над мечом, который он держал как крест, — я сим обязуюсь служить богу и моему народу для искоренения несправедливости, для изгнания зла, для того, чтобы принести мир и изобилие моей стране... Добрый сэр, вы были мне как отец с тех пор, как я помню себя, будьте же подле меня с отцовской любовью и отцовским советом... Кей, мой молочный брат, будьте сенешалем над всеми моими землями и верным рыцарем моего двора.
(Грин Р.Л. Приключения короля Артура и рыцарей Круглого Стола. С. 12—15)

Из рыцарского устава *занимает*

В XII—XIV вв. важное место в европейской культуре *рыцарство.* Рыцари — это по сути дела воины,
но в различных районах мира сложились свои представления об идеале воина. Христианский рыцарь — это прежде всего боец за веру Христову, но рыцарь также — это верный вассал своего сюзерена (верность — одна из наиболее ценимых добродетелей эпохи), он же — защитник слабых и обиженных, он же — верный слуга своей Прекрасной Дамы. *Культ Прекрасной Дамы,* сложившийся в Европе под явным влиянием культа Девы Марии, не имеет аналогов в других районах мира — это чисто европейское явление.
«Рыцарям вменяется в обязанность иметь страх Божий, чтить Его, служить Ему и любить Его всеми силами своими, всей крепостью своей сражаться за веру и в защиту религии; умирать, но не отрекаться от христианства».
«Рыцари обязаны служить своему законному государю и защищать свое отечество, не жалея для него и самой жизни».
«Щит рыцарей должен быть прибежищем слабого и угнетенного; мужество рыцарей должно поддерживать всегда и во всем правое дело того, кто к ним обратится».
555
«Да не обидят рыцари никогда и никого и да убоятся более всего злословием оскорблять дружбу, непорочносгь отсутствующих, скорбящих и бедных».
«Жажда прибыли или благодарности, любовь к почестям, гордость и мщение да не руководят их поступками, но да будут они везде и во всем вдохновляемы честью и правдою».
«Да повинуются они начальникам и полководцам, над ними поставленным; да живут они братски с себе равными, и гордость и сила их да не возобладают над ними в ущерб правам ближнего».
«Они не должны вступать в неравный бой, следовательно, не должны идти несколько против одного, и должны избегать всякого обмана
и лжи».
«Да не употребят они никогда в дело острия меча в турнирах и других увеселительных боях».
«Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего чистого доверия

малейшею ложью; да сохранят они непоколебимо это доверие ко всем, и особенно к своим сотоварищам, оберегая их честь и имущество в их отсутствие».
«Да не положат они оружия, пока не окончат предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да преследуют они его денно и нощно в течение года и одного дня»...
«Да не принимают они титулов и наград от чужеземных государей, ибо это оскорбление отечеству».
«Да сохраняют они под своим знаменем порядок и дисциплину между войсками, вверенными их начальству; да не допускают они разорения жатв и виноградников; да наказуется ими строго воин, который убьет курицу вдовы или собаку пастуха или нанесет малейший вред на земле союзника».
«Да блюдут они честно свое слово и обещание данное победителю; взятые в плен в честном бою, да выплачивают они верно условленный выкуп или да возвращаются они по обещанию в означенный день и час в тюрьму; в противном случае они будут объявлены бесчестными и вероломными».
(Руа ЖЖ. История рыцарства. С. 52—55)

О рыцарских романах

Подвиги рыцарей прославлялись в песнях трубадуров и миннезингеров, им посвящаются целые поэмы. Самыми значительными из них являются «Песнь о Нибелун-гах» и «Парсифаль» Вольфрама, «Тристан и Изольда» Готфрида Страссбург-ского, «Роман о Розе».

Авторы эпосов конца XII века были людьми не совсем обычного склада; они выделялись тем, что владели секретами искусства и горели желанием показать нам большой диапазон интересов и идей в живой и легко воспринимаемой форме, которая делает их — если их свидетель-

ства использовать с долей воображения и осмотрительности — значительно более верными проводниками на пути к пониманию умонастроений их эпохи, чем официальная теология. «Парцифаль» был создан необразованным рыцарем, гордившимся этим своим статусом; в поэме нет никаких теологических изысков, и похоже, что Грааль здесь уже не чаша, а камень, и сделано это для того, чтобы невозможно было спутать его с потиром. И все же Вольфрам был глубоко религиозным человеком; Христианская критика мира «рыцарства», «рыцарственности», «куртуазности» близка его сердцу и вполне отвечает его устремлениям, и в «Парцифале», а еще больше — в «Вил-лехальме», другом его великом произведении эпического размаха, обнаруживается много такого, что отражает теологические течения XII века. Близка его сердцу и вполне отвечает его устремлениям — все это так, но еще ближе ему исследование сомнений и отчаяния, причем настолько проникновенное, что становится ясным, что эти настроения были прекрасно известны в мире Вольфрама и что «простая вера» не имела такого уж универсального распространения. «Тристан» Готф-рида несет явный отпечаток учености XII века; это произведение наиболее утонченное из всех трех эпических поэм. У читателя, пускающегося в странствие по этой поэме, складывается впечатление, что по мере того, как она разворачивается, представление о куртуазной любви преподносится намеренно ироничным и несколько шокирующим образом, как пародия на религиозную веру... Пещера Любви, в которой Тристан и Изольда верно соблюдают все заветы любви, описана так, словно то была богато украшенная церковь, а ложе кристально чистой Любви в центре, размеры и внутреннее убранство пещеры описываются через символику, распространенную в Готическом мире тех времен. Читателю постоянно напоминают о противоречиях между Христианской доктриной, Христианским долгом, Христианской практикой, с одной стороны, и идеями и событиями, описанными в поэме, с другой. Но тот, кто посчитал бы возможным на основе поэмы оценивать мнение самого Готфрида, поступил бы весьма опрометчиво.
(Брук К. Возрождение XII века. С. 128-130)

Из «Истории моих бедствий» Абеляра

Пьер Абеляр (1079— 1142 гг.) — крупнейший представитель европейской философии периода ранней схолас-тики, автор многих философско-богословских трудов.

Но его перу принадлежит еще и известнейшее литературное произведение — его автобиография. Пьер Абеляр был родом из небогатой дворянской семьи, еще в молодости увлекся учебой и пришел в Париж, где стал учеником знаменитого Гийома. Но вскоре он превзошел своего учителя и сам стал знаменитым педагогом, слава которого приводила к нему учеников со всей Европы. За свою жизнь он не раз подвергался преследованиям, вынужден был много скитаться. Но самый драматичный эпизод в его жизни

был связан с любовью к Элоизе — молодой девушке, домашним учителем которой он был.

Итак, под предлогом учения мы всецело предавались любви, и усердие в занятиях доставляло нам тайное уединение. И над раскрытыми книгами больше звучали слова о любви, чем об учении;

больше было поцелуев, чем мудрых изречений; руки чаще тянулись к груди, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным. Чтобы возбуждать меньше подозрений, я наносил Элоизе удары, но не в гневе, а с любовью, не в раздражении, а с нежностью, и эти удары были приятней любого бальзама. Что дальше. Охваченные страстью, мы не упустили ни одной из любовных ласк с добавлением и всего того необычного, что могла придумать любовь. И чем меньше этих наслаждений мы испытали в прошлом, тем пламенней предавались им и тем менее пресыщения они у нас вызывали. Но чем больше овладевало мною это сладострастие, тем меньше я был в состоянии заниматься философией и уделять внимание школе. Ходить в нее и оставаться там мне было в высшей степени скучно и даже утомительно, так как ночью я бодрствовал из-за любви, а дни посвящал научным занятиям.

Поскольку я начал тогда небрежно и равнодушно относиться к чтению лекций, то я стал излагать все уже не по вдохновению, а по привычке и превратился в простого пересказчика мыслей, высказанных прежде. И если мне случалось еще придумывать новое, то это были любовные стихи, а не тайны философии. Многие из этих стихов, как ты и сам знаешь, нередко разучивались и распевались во многих областях, главным образом теми, которых жизнь обольщала подобно мне. Но трудно и представить себе, как опечалились по этому поводу мои ученики, как они вздыхали и жаловались, догадавшись о моем состоянии или, вернее сказать, о помрачении моей души...

Немного позже девушка почувствовала, что она ожидает ребенка, и с великой радостью написала мне об этом, прося меня подать совет, как ей в этом случае поступить. И вот однажды ночью в отсутствие дяди, как между нами было условлено, я тайно увез ее из его дома и немедленно перевез к себе на родину, где она и проживала у моей сестры до тех пор, пока не родила сына, которого она назвала Астроляби-ем. Ее дядя после ее бегства чуть не сошел с ума; никто, кроме испытавших то же горе, не мог бы понять силу его отчаяния и стыда; но что ему сделать со мной и какие козни против меня устроить, этого он не знал. Он больше всего опасался, что если бы он убил или как-нибудь изувечил меня, то возлюбленнейшая его племянница поплатилась бы за это у меня на родине. Он не мог ни захватить, ни куда-нибудь силою заточить меня, так как я принял против этого все меры предосторожности, не сомневаясь, что он нападет на меня, как только сможет или посмеет это сделать.

558

Наконец, почувствовав сострадание к его безмерному горю и обвиняя себя самого в коварстве (и как бы в величайшем предательстве), вызванном моей любовью, я сам пришел к этому человеку, прося у него прощения и обещая дать какое ему угодно удовлетворение. Я убеждал его, что мое поведение не покажется удивительным никому, кто хоть когда-нибудь испытал власть любви и помнит, какие глубокие падения претерпевали из-за женщин даже величайшие люди с самого начала существования человеческого рода. А чтобы еще больше его успокоить, я сам предложил ему удовлетворение сверх всяких его ожиданий: а именно сказал, что я готов жениться на соблазненной, лишь бы это совершилось втайне и я не потерпел бы ущерба от молвы. Он на это согласился, скрепив соглашение поцелуем и честным словом, данным как им самими так и его близкими, однако лишь для того, чтобы тем легче предать меня.

(Абеляр П. История моих бедствий. С. 267—272)

Братья Элоизы и ее дядя (каноник Фульбер) наняли бандитов, которые ворвались в дом Абеляра, схватили его и изувечили (оскопили). И Абеляр, и Элоиза после этого приняли монашеские обеты, в дальнейшем практически не встречались, а только переписывались. Соединились они лишь в могиле, так как завещали похоронить себя вместе. Абеляр умер раньше, чем Элоиза, и согласно легенде, когда открыли его могилу, чтобы положить туда тело Элоизы, то скелет Абеляра распахнул объятья, принимая в них подругу. Переписка Элоизы и Абеляра сохранилась, эти письма оказали большое влияние на Петрарку, а позднее (в XIX в.) — на романтиков.

Данте — *Данте Алигьери* (1265—1321 гг.) — величайший поэт Средневековья и предшественник Возрождения. Уроженец Флоренции, он принимал участие в кипевшей тогда борьбе между «белыми» и «черными» гвельфами (гвельфы — политическая партия в Италии, поддерживавшая римских пап в борьбе с германским императором, в XIV в. гвельфы разделились на партию «белых» — партию богатых горожан и «черных» — партию «нобилей», старинной аристократии. — *Сост.)* на стороне «белых», был обвинен «черными» в различных политических и уголовных преступлениях и в 1308 г. изгнан из Флоренции, куда больше так никогда и не вернулся. Жизнь в скитаниях привела его от симпатий к «белым» гвельфам в лагерь гиббелинов (гиббелины — политическая партия в Италии, поддерживавшая германского императора в борьбе с римскими папами, гвельфы и гиббелины были двумя основными противоборствующими политическими партиями. — *Сост.),* что еще больше настроило флорентийцев против него. Умер в Равенне, где и находится до сих пор его могила.

Из «Божественной комедии»

В молодости Данте примыкал к поэтическому кружку Гвидо Кавальканти и был (наряду с последним) крупнейшим представителем так называемого «сладкого стиля» в литературе. Согласно требованиям «сладкого стиля» центральной темой литературы является облагороженная, духовная любовь.
559
Основной произведение Данте этого периода — книга «Новая жизнь», представляющая собой написанный прозой на итальянском языке рассказ о любви Данте к Беатриче, но при этом в прозу вставляются стихи (25 сонетов и 5 канцон), так что проза служит как бы обрамлением и комментарием к стихам. Заканчивается «Новая жизнь» пророческими словами о том, что после своей смерти его возлюбленная Беатриче становится путеводной звездой его
жизни.
После изгнания из Флоренции Данте пишет еще три крупных прозаических произведения: «Пир», представляющий из себя схоластически-богословский трактат о душе, затем политический трактат «О монархии» и лингвистически-философский трактат «О народной речи».
Главное произведение его жизни — это грандиозная «Комедия» (Божественной ее прозвали современники Данте), построенная как рассказ о странствиях Данте в ином мире, где он попадает в Ад, Чистилище и Рай, проводником Данте по Аду и Чистилищу становится душа Вергилия — любимого поэта Данте, но Вергилию как язычнику нет дороги в Рай, в Раю Данте встречает Беатриче. Ниже приводится отрывок, представляющий собой описание цент-
ра Ада.

Мы были там, — мне страшно этих строк, — Где тени в недрах ледяного слоя Сквозят глубоко, как в стекле сучок.
Одни лежат; другие вмерзли стоя, Кто вверх, кто книзу головой застыв; А кто — дугой, лицо ступнями кроя.
В безмолвии дальнейший путь свершив И пожелав, чтобы мой взгляд окинул Того, кто был когда-то так красив,
Учитель мой вперед меня подвинул, Сказав: «Вот Дит, вот мы пришли туда, Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».
Как холоден и слаб я стал тогда,
Не спрашивай, читатель; речь — убоже;
Писать о том не стоит и труда.
Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один:
Ни тем, ни этим быть — с чем это схоже.
Мучительной державы властелин Грудь изо льда вздымал наполовину; И мне по росту ближе исполин,
560
Чем руки Люцифера исполину;
По этой части ты бы сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.

О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!
И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно — над грудью; цвет его был красен;
А над одним и над другим плечом Два смежных с этим в стороны грозило, Смыкаясь на затылке под хохлом.
Лицо направо — бело-желтым было;
Окраска же у левого была,
Как у пришедших с водопадов Нила.
Росло под каждым два больших крыла, Как должно птице, столь великой в мире; Таких ветрил и мачта не несла.
Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,
Струи Коцита леденя до дна. Шесть глаз точило слезы, и стекала Из трех пастей кровавая слюна.
Они все три терзали, как трепала, По грешнику; так с каждой стороны По одному, в них трое изнывало.

(Данте Алиъери. Божественная комедия. С. 151—152)

Из «Жизни Данте» Боккаччо

Был наш поэт роста ниже среднего, а когда достиг зрелых лет, начал к тому же сутулиться, ходил всегда неспешно и плавно, одежду носил самую скромную, как подобало его годам. Лицо у него было продолговатое и смуглое, нос орлиный, глаза довольно большие, челюсти крупные, нижняя губа выдавалась вперед, густые черные волосы курчавились, равно как и борода, вид был неизменно задумчивый и печальный. Это, надо по-
561
лагать, и послужило причиной следующего случая. Когда творения Данте уже повсюду славились, особенно та часть его «Комедии», которую он озаглавил «Ад», и поэта знали по облику многие мужчины и женщины, он шел однажды по улице Вероны мимо дверей, перед которыми сидело несколько женщин, и одна из них, завидя его, сказала, понизив голос, но не настолько, чтобы слова ее не достигли слуха Данте и его спутников: «Посмотрите, вон идет человек, который спускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается, и приносит вести о тех, кто там томится», — на что другая бесхитростно ответила: «Ты говоришь истинную правду — взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма». Услышав эти речи, произнесенные за его спиной, и понимая, что подсказаны они простосердечной верой, Данте улыбнулся, довольный таким мнением о себе, и прошел дальше.

И дома, и на людях он всегда был на удивление спокоен и сдержан, и повадки его отличались замечательной благопристойностью и учтивостью.

В пище и питье он был очень воздержан, трапезовал всегда в одни и те же часы, никаким яствам не отдавал предпочтения: изысканные хвалил, но обходился самыми незатейливыми, сурово порицая тех, что отвлекаются от ученых занятий и расточают время на приобретение редкостных припасов, а потом на тщательное приготовление утонченных кушаний, и говорил про них, что эти люди не затем едят, чтобы жить, а живут, чтобы есть. Был неслыханно ревностен в ученых своих трудах, да и во всем, за что брался, так что его родители и жена горько сетовали, пока не привыкли и не перестали обращать внимание на это. Редко вступал в разговор первый, а если вступал, то речь его была медлительна, а голос всегда звучал в лад тому, о чем шел разговор; но когда требовалось, умел говорить гладко и красноречиво, отчеканивая каждое слово. В юности своей был страстно привержен к музыке и пению, дружески встречался со всеми лучшими певцами и музыкантами, и они, по его просьбе, слагали приятную и величавую музыку на многие стихи, которые он ради этого писал... По общему убеждению, любовь к Беатриче и побудила его обратиться к сочинению стихов на народном итальянском языке; сперва он просто подражал разным поэтам, а потом, неустанно упражняясь, стремясь как можно лучше выразить свои чувства и стяжать славу достиг величайшего искусства в складывании стихов на народном языке и не только превзошел всех своих современников, но, сверх того, так очистил и украсил этот язык, что с тех пор многие стремятся — да и будут стремиться — досконально его изучить...

Он страстно жаждал восхвалений и пышных почестей — более страстно, быть может, чем подобает человеку столь исключительных добродетелей. Но что из того? Покажите мне такого смиренника, которого не прельщала бы сладость славы. Думаю, как раз из-за славолюбия и
562
предпочитал Данте занятие поэзией всем другим занятиям, ибо понимал, что хотя нет науки благороднее философии, ее превосходные истины доступны лишь немногим, к тому же на свете немало знаменитых философов, тогда как поэзию понимают и ценят все, а хорошие поэты — наперечет. И потому в надежде заслужить лавровый венок — почесть редчайшую и пышно обставленную — он безраздельно отдался изучению поэзии и творчеству. И нет сомнений, его желание исполнилось бы, когда бы судьба благосклонно позволила ему возвратиться во Флоренцию, ибо только в этом городе, только под сводами крещальни Сан Джованни хотел он увенчаться лаврами: там, при крещении, получил поэт свое первое имя, там мечтал при увенчании получить и второе. Но обстоятельства обернулись против него, и, хотя слава Данте была такова, что, стоило ему сказать слово, и его где угодно увенчали бы лаврами (а они, если и не прибавляют учености, то, во всяком случае, свидетельствуют об уже приобретенной и служат высшей наградой за нее), он хотел принять их лишь во Флоренции, все ждал, когда же ему можно будет вернуться на родину, и умер, не дождавшись ни возвращения, ни столь желанных ему почестей.

(БоккаччоДж. Жизнь Данте. С. 525—528)

Из «О подражании Христу» Фомы Кемпийского

«О подражании Христу» — одна из самых известных и распространенных книг позднего Средневековья (она стала известна .около 1418 г.). Автором книги по традиции считается *Фома Кемпийский* — Томас Хемеркен, или Хамеркен (около 1380—1471 гг.), живший в Германии. Фома Кемпийский большую часть жизни провел

в монастыре, где занимался перепиской книг и писанием собственных трудов — не указывая при этом своего авторства; анонимность творчества — одна из характерных черт средневековой культуры в целом. «О подражании Христу» — это мистический трактат, главное здесь не рассуждения, а переживания, в нем ярко выражено стремление к экстазу, вызываемому ощущением присутствия Бога.

О Наисладчайший и Наивозлюбленнейший Господи! Благоговейно желаю без промедления принять Тебя! Ведомы Тебе немощь и нужда, в которых пребываю. Известны Тебе нечестие мое и пороки мои, в которых погряз я. Знаешь ты, как часто бываю я подвержен напастям, скорбям, искушениям, смятению и осквернению. К Тебе обращаюсь я за исцелением, Тебя прошу дать мне утешение и облегчение. К Тебе, Всеведущему, взываю! Тебе открыто все, что сокрыто в душе моей! Ты Один можешь дать мне истинное утешение и спасительную помощь. Ты ведаешь, как беден я добродетелями, и знаешь, чего мне больше всего недостает.

Вот, предстою пред Тобою, нищ и наг, прошу о благодати Твоей и умоляю о милосердии Твоем. Напитай нищего раба Твоего, алчущего духовной пищи, растопи лед души моей пламенем любви Твоей, устра-

563

ни слепоту мою светом Твоего присутствия! Сделай все земное для меня горьким, дай силы с терпением переносить все напасти и преодолевать все препятствия, позволь мне презреть и забыть все дольнее и все сотворенное. Вознеси сердце мое к небесам и не оставь блуждать по земле. Да буду устремлен я к Тебе Единому отныне и до скончания века, ибо только Ты Один для меня пища и питие. Ты Один любовь моя и радость моя, услада моя и благо мое!

О, как бы хотел я, чтобы охватило меня пламя Твоего присутствия, чтобы испепелило меня это пламя и чтобы преобразил Ты меня в Себя, дабы в благодати внутреннего единения с Тобой и всепоглощающей любви стать мне духом с Тобою единым. Не дай голоду моему духовному и жажде остаться после посещения Твоего неутоленными, прояви милосердие ко мне, как проявил Ты его столь благостно к святым Твоим. Ты — Огнь, вечно пылающий и никогда не угасающий, Ты — Любовь, очищающая сердца и просветляющая всякое понимание, как могу остаться незатронутым пламенем Твоим всепоглощающим?

(Фома Кемпийский. О подражании Христу. С. 380—381)

Театр и драматургия

В истории средневекового театра четко выделяются два периода: ранний — V—XI вв. и зрелый — XII—XIV вв. Для *раннего периода* характерны различного рода *народные праздники* с элементами театрализации, часто связанные с языческими обрядами (и потому часто преследуемые церковью), и *литургические мистерии* (аналогичные византийским). В XII в. практически во всех странах Европы существуют *профессиональные актеры,* переезжающие с места на место и чаще всего выступающие на площадях городов. Во Франции их называли гистрионами, в Германии — шпильманами, в Польше — франтами, в России — скоморохами и т.п. Постепенно в среде гистрионов происходит «разделение труда»: выделяются комики-буффоны, искусство которых близко к цирковому, и жонглеры, являющиеся рассказчиками, певцами и музыкантами, среди которых в свою очередь выделяются трубадуры — сочинители и исполнители стихов, баллад и поэм.

Первым средневековым драматургом принято считать Адама де Ла-Аль (около 1238 — около 1287 гг.), в пьесах которого перемешаны сказочные мотивы с сатирическо-бытовыми.

В XIV—XV вв. все более широкое распространение получают *театрализованные представления.* Это прежде всего *фарсы,* имеющие чисто светский и сатирический характер, *миракли* (от латинского — «чудо»), где изображение сатирических бытовых картин перемежалось с чудесным вмешательством святых и самого Бога, и *мистерии,* ставившиеся на религиозные сюжеты. Но в отличие от литургической драмы миракли и даже мистерии не были уже чисто церковными зрелищами: они показывались не в церквах, и даже не на церковной паперти, а на городской площади — известно, что заказчиками мисте-

564

рий были городские цеха и городские власти. Но, разумеется, ставились мистерии под контролем церкви. Известно три основные формы проведения мистерии. Во-первых, мимо зрителей могли проезжать телеги, на которых показывались отдельные эпизоды мистерии. Во-вторых, мистерия могла показываться на специальном кольцевом помосте: здесь действие проходило в разных местах помоста, а также на земле - в центре круга, образованного этим помостом. И в-третьих, на прямоугольном помосте, в этом случае на нем устанавливались *декорации* в виде беседки, которая изображала нужный объект; если по ее виду нельзя было понять, что это такое, на ней вешалась поясняющая надпись: «рай», «ад», «дворец» и т.п. Во время представлений использовались многочисленные сценические эффекты: проливалось море крови (актер прятал под одеждой бычий пузырь, наполненный кровью, который в нужный момент продырявливали; артиста быстро подменяли куклой, которой отрубали голову, и т.п.). Текст мистерий часто импровизировался, поэтому сохранившиеся тексты не дают подлинного представления о характере спектакля в целом. В 1548 г. во Франции мистерии были запрещены — из-за сильного критического элемента в них.

Музыка

Как и ранее, музыка в Средневековье играла важную.роль в духовной жизни общества. Можно различать светскую и духовную музыку, хотя они многое заимствовали друг от друга. Светская музыка была в первую очередь представлена народными песнями, а также песнями вагантов, трубадуров, актеров и других профессиональных исполнителей.

Музыка входила в число «семи свободных искусств», центрами обучения музыки в раннем Средневековье были монастыри, с XII в. — соборы и университеты. В XII в. в парижском соборе Нотр Дам на смену прежнему унисонному пению приходит сложное многоголосие, которое позднее будет широко применяться во всей церковной и светской музыке.

Архитектура и строительство

В архитектуре Средневековья господствовали два основных стиля: романский (в период раннего Средневековья) и готический — с XII в.

Романская архитектура Общие контуры романской «модели мира» очертила архитектура. В феодальной аграрной Европе того времени рыцарский замок, монастырский ансамбль и храм были главными типами архитектурных сооружений. Возникновение укрепленного жилища властителя было порождением феодальной эпохи. Деревянные цитадели в XI веке стали сменяться каменными донжонами. Это были высокие прямоугольные башни, служившие сеньору и домом и крепостью. Возводили донжоны, а за-

565

тем и комплексы замков на высоком холме или откосе у реки, иногда на искусственном возвышении, окружали палисадом и рвом с водой, через который перекидывали подъемный мост. Из оборонительного сооружения замок в зрелом средневековье превратился в средство феодальной экспансии. Этому во многом способствовали крестовые походы. Крепости, сооруженные крестоносцами в Сирии и Палестине, выгодно использовали рельеф местности и подчиняли ему планировку замка. Ведущую роль стали играть башни, соединенные стенами и сгруппированные на наиболее уязвимых участках, что позволяло вести борьбу даже немногочисленному гарнизону. Квадратные башни сменились круглыми, которые обеспечивали лучший радиус обстрела, получили распространение машикули, двойной ряд стен. В состав замка были включены хозяйственные сооружения, водопровод и цистерны для сбора воды.

Светское жилище феодала не стало художественным выражением эпохи, доминирующей оказалась утилитарность его назначения. Но сам образ крепости, столь неотъемлемый от того беспокойного времени, наложил неизгладимый отпечаток на все мироощущение эпохи. Основой романского синтеза явилась культовая архитектура, объединившая художественно-идеологические, функциональные и конструктивные принципы в единое целое. Господствующим типом культового здания была монастырская церковь, в ней с наибольшей полнотой выразился дух эпохи. В этом сказалась вся совокупность духовной и материальной жизни Европы романского времени, где церковь была главной идеологической силой, а культурным центром с умело налаженным хозяйством, располагавшим необходимыми для строительства силами и средствами, был монастырь. Каменщики, живописцы, скульпторы, плотники были по преимуществу светскими людьми. Они группировались вокруг монастыря, крупной епископской резиденции или замка властительного феодала. Возведение значительного здания, в первую очередь церковного, начиналось по инициативе высокопоставленного духовного или светского лица. Его именовали основателем, строителем, реставратором, завершителем. Зримый облик зданию придавал мастер или архитектор. Он создавал эскиз будущей постройки или, чаще, ее модель, вел топографическую съемку, производил разбивку плана. В его руках находилось руководство всеми практическими строительными работами. В подчинении главного мастера находились простые ремесленники — каменщики, каменотесы, плотники, кирпичники, кузнецы. Средневековые документы различают их по характеру и типу производимых работ. В строительную артель входили также скульпторы, которые наносили на подготовленные вчерне архитектурные детали декоративные фризы, высекали профили и сюжетные изображения...

566

Господствующим на Западе стал вытянутый в плане, базиликаль-ного типа храм. В основе его лежала идея пути как намек на «крестный путь», путь страданий и искупления, как выражение основной идеи католичества.

(Тяжелое В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. С. 30—31, 77—80)

О готической архитектуре Новое слово в искусстве западного средневековья было сказано во Франции в середине XII века. Со-

временники назвали новшество «французской манерой», потомки стали именовать готикой. Время восхождения и расцвета готики — вторая половина XII и XIII век — совпало с периодом, когда феодальное общество достигло апогея в своем развитии...

Готика как стиль была порождением совокупности общественных изменений эпохи, ее политических и идейных устремлений, выступавших в динамическом взаимодействии, возникла как результат их равнодействующей. Ни одно явление того времени, как бы значительно оно ни было, будь то «коммунальные революции» или борьба за упрочение центральной власти, папская теократия, схоластика или рыцарская культура, массовые движения, изменение пространственных представлений или рост строительного мастерства, не может по отдельности объяснить происхождение и развитие готики. Готика зародилась во владениях французских королей, и государи других стран — Англии, Испании, Чехии — внедряли готику как символ христианской монархии, но готическую архитектуру распространяли и монашеские ордены. Собор был важнейшим общественным местом города и оставался олицетворением «божественной вселенной». Во взаимоотношении его частей находят сходство с построением схоластических «сумм», а в изображениях — связь с рыцарской культурой. Сущность готики — в сопоставлении противоположностей, в способности объединить в духовном горении абстрактную идею и живой трепет жизни, космическую бесконечность универсума и выразительную конкретность детали, в умении пронизать земную плоть движением духовной энергии. Это балансирование на грани двух контрастных сфер придало готическому искусству особую остроту, захватывающую пронзительность. В единстве противоположностей, в многозначности готического феномена и следует искать причину противоречивости оценок, которых удостаивалась готика на протяжении веков.

Важнейшим достижением готической архитектуры стало выделение в здании строительного каркаса. Основу готической конструкции составлял крестовый нервюрный свод. Обычай подчеркивать ребра свода выступающими рядами камнзй, а также применение арок для поддержания сводов были известны задолго до готической поры. Не были новшествами и другие части готической конструкции, но, сведен-

ные воедино, они получили качественно новое звучание, оказались пронизанными внутренней строительной логикой.

В готике изменилась система кладки ребристого свода. Ребра теперь не завершали возведение свода, а предшествовали ему. Четыре опоры первоначально соединяли щековыми арками, затем перебрасывали две диагональные арки — оживы. Эта конструкция составляла скелет будущего свода. Образующие свод арки получили название нервюр. Они были призваны нести и скреплять распалубки, которые выкладывали из облегченных плит камня...

Важным нововведением готической архитектуры стало последовательное использование стрельчатых арок в качестве сначала торцовых, а затем и диагональных нервюр. Они обладали меньшим распором, главное давление было направлено вниз, на опору. Устои, а не стена, стали рабочей частью готической архитектуры. Для того чтобы снять возникавшие нагрузки, боковой распор сводов гасили за счет самостоятельного элемента конструкции, вынесенного за пределы наружных стен, — подпорного уступчатого столба, контрфорса. В зданиях с бази-ликальным разрезом, где средний неф был выше боковых и между наружной стеной бокового нефа и поднятой частью центрального существовал пространственный разрыв, становилось необходимым применение специальной соединительной арки — аркбутана, которая перебрасывалась от пяты свода главного нефа на контрфорс бокового. Помимо бокового распора сводов готические соборы испытывали давление арочных конструкций, расположенных по продольной оси. В погашении их распора определенную роль играли башни при входе и опоры средокрестия, кладка которых была массивнее остальных. Выделение строительного каркаса и изменение роли стены (она превращалась в заполняющий и ограничивающий элемент здания) открывали возможность для создания значительных проемов, что облегчало архитектуру, давало ей возможность стремительно расти вверх...

Динамика пронизала пространство готического храма, оно обрело ликующую одухотворенность, стало стремиться к единству. Особая роль в этом принадлежала свету. Огромные окна уничтожали в готике стену, ее заменила светящаяся преграда — витраж. Пронизанный солнечными лучами, он в наибольшей степени воплощал представления средневековья об одухотворенности материи. Но готика — искусство сосуществующих противоположностей. Бесплотному витражу противостояла начавшая возрождаться монументальная круглая пластика. Низкие боковые нефы подчеркивали

взлет центрального, массивные у основания башни завершались тающим на недосягаемой высоте кружевом шатров и шпилей. Готическое здание не существует, не покоится, как романское, оно рождается, развивается, становится на глазах у зрителя. У него появилась еще одна грань измерения — время. Но это время неотторжимо от движения пространства и витальных энергий
568
готических масс. Готика знает развитие и усложнение архитектурной темы, повторы и антитезы. Не случайно Виктор Гюго назвал готический собор «каменной симфонией».
(Тяжелое В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. С. 206—221)

Город и собор Согласно определению, собор — это церковь, в которой богослужение совершает епископ. С самого начала распространения христианства епископ избирался в каждом значительном городе. Собор, таким образом, — это городской храм. Возведение множества великолепных соборов в Европе означало прежде всего пробуждение городов. Многие из созданных в это время витражей были даром ассоциаций ремесленников; тем самым они демонстративно посвящали Всевышнему начатки недавно пришедшего к ним благополучия...

Горожане приходили туда не только затем, чтобы молиться. Там собирались их корпорации, да и вся городская община. Собор был домом народных собраний — собраний горожан.

Собор возносится высоко над городом, устремляясь ввысь над этим островком продуктивного изобилия, следя за всем, что производится и продается в этом людском гнездовище, которое, стоит лишь выйти из стен храма, представляет собой лабиринт узких улочек с бесчисленными сточными канавами и скотными сараями. Это было тесное нагромождение построек, город был, по нашим меркам, маленьким. Сколько человек жило в Лане в XII веке, когда был построен собор? Несколько тысяч, не более. Но многие из них были богаты, и это было новое, денежное богатство.,.

Города, однако, стремятся выделиться из глади окружающей их нивы. Горожанин презирает деревенщину. Кроме того, крестьяне внушают ему страх. И он отгораживается от них. Каждый город имеет укрепления, ворота, тщательно запираемые на ночь, стены, которые постоянно перестраиваются с учетом новейших усовершенствований, принимаемых на вооружение как военной, так и церковной архитектурой. Город становится замком еще более укрепленном, чем замки сеньоров (да и кем первоначально были эти торговцы и ремесленники, если не особыми слугами сеньорой, епископов, каноников, комендантов крепостей и рыцарей, составлявших гарнизон?). Город становится крепостью, потому что его богатства привлекут алчные взоры и ими легко завладеть, потому что те, кто властвует над ними, прекрасно сознают, что именно в городах собираются самые богатые подати и что необходимо защищать этот источник доходов: первой заботой короля Филиппа II Августа было укрепление Парижа, откуда поступала львиная доля его денежных доходов...
569
К городским воротам сходились все пути — наземные и водные. Между тем средства сообщения одновременно служили и средствами защиты: мост легко превращался в стену. Это хорошо видно на миниатюрах XIII века, иллюстрирующих житие Св. Дионисия. Парижские мосты, спасшие тремястами годами ранее город от норманнских грабителей, по-прежнему находились на своем месте с укрепленными башнями по бокам и являлись частью организованной системы укреплений. Под их арочными пролетами располагались мельницы — нельзя было не воспользоваться энергией текущей воды. Кораблям здесь не пройти: поэтому приходилось на Гревской набережной выгружать вино, следующее из Оксера в Нормандию и Англию, и переправлять его через Большой мост. На этом мосту, застроенном домами, так как он считается самым безопасным местом в городе..., был самый центр деловой активности, где встречались потоки товаров, перевозимых по воде и по суше, куда сходилось все, что где-либо производилось, все, чего можно было достичь с помощью наук или искусства, все, что могло служить предметом обмена и что вереницы повозок свозили из близлежащих деревень, самых богатых во всей известной в ту пору части мира. Выставляющий напоказ свое изобилие, кишащий людьми город был для моралистов из собора средоточием разврата. Они объявляли его погрязшим в алчности, обжорстве и похоти. Действительно, в городе можно было предаться удовольствиям, и многие рыцари стремились остаться там подольше. Радость жизни соседствовала там с крайней нищетой: за всем, что "могло быть роздано, брошено в толпу, за всем, что можно было украсть или присвоить в промежутке между честными занятьями, жадно следила огромная стая тех, кто был принесен в жертву прогрессу — калек, бродяг, бедняков. Внутри городского пространства, в обществе, разделенном

резкими контрастами, подвижном, плохо сдерживаемом еще недостаточно жесткими рамками, обнаруживается обескураживающая нищета...
Монастырь был замкнут в самом себе. Собор — открыт миру. Это была публичная проповедь, безмолвная речь, обращенная ко всем верующим, но прежде всего демонстрация власти. Своими фасадами, похожими на крепостные, неприступными башнями, служившими им продолжением, собор говорил о верховной власти, о Христе-Царе. И стены его украшали скульптурные вереницы царей и епископов. Собор и в самом деле утверждал, что спасения достигают, соблюдая порядок и дисциплину, под контролем власти, или, точнее, двух сотрудничающих властей — епископа и государя. Кафедральный храм, возведенный в городе, этом источнике самого подвижного богатства с тем, чтобы управлять им и использовать его, устанавливает соглашение между обновленными и возрожденными Церковью и монархией.
(Люби Ж. Европа в средние века. С. 114—119)
570

Изобразительное искусство

Росписи романских храмов сохранились лишь в редких памятниках, чаще провинциальных и сельских. Причина во многом заключалась в технике наложения краски. Романские мастера писали по мокрой и сухой штукатурке, применяли клеевые краски, использовали восковую темперу. Чаще всего страдали поверхностные, лессировоч-ные слои, краски со временем осыпались, как и сама штукатурка. Палитра романского фрескиста была, как правило, ограниченна. Живописцы пользовались чистыми тонами, но прибегали к двойному наложению краски: поверх приглушенного тона писали более ярким цветом. Варьировали при этом и технику: для матового слоя употребляли клеевую краску, для светлых, блестящих тонов в состав добавляли воск.
Тип базиликального храма, распространенный на Западе, не позволял охватить всю роспись единым взглядом. Составители программ и живописцы предпочитали поэтому библейские сюжеты исторического плана, располагая их в последовательности, обусловленной средневековой типологией священного текста и сложным движением по интерьеру к алтарю и обратно, включая обход столбов. В выборе и расположении сюжетов не было строго установленного канона — по отношению к росписи романского храма, скорее, можно говорить лишь об общих тенденциях. Главный акцент был поставлен на росписи центральной апсиды. Здесь помещали изображение Христа во славе, реже — фигуру Богоматери. Под ними располагались ангелы, апостолы, святые, аллегории и персонификации. Иногда писали отдельные агиографические сцены, они же были почти непременным мотивом росписей крипт. На западной стене храма, если она'была свободна от эмпор, возникала картина Страшного суда, но ее же можно было видеть и на триумфальной арке перед алтарем. В нижней, цокольной зоне живописали платы, она служила иногда прибежищем гротескных и фантастических фигур.
(Тяжелое В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. С. 85)
О Пляске смерти Смерть как персонаж была запечатлена на протяжении веков в пластических искусствах и литературе в нескольких вариантах: в виде апокалипсического всадника, проносившегося над грудой разбросанных по земле тел; в виде низвергающейся с высот эринии с крылами летучей мыши, как это изображено в церкви Campo Santo в Пизе; в виде скелета с косой или луком и стрелами, пешего, восседающего на запряженных волами дрогах или пере-
571
двигающегося верхом на быке или на корове. Но для создания персонифицированного образа Смерти все еще не хватает фантазии...
В представление о смерти вторгается новый, поражающий воображение элемент, содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, леденящего страха. Всевластная религиозная мысль тут же переносит все это в моральную сферу, сводит к momento mori, охотно используя подчиняющую силу страха, основанного на представлениях, окрашенных ужасом перед привидениями.
Вокруг Пляски смерти группируются некоторые родственные представления, связанные со смертью и также предназначенные служить для устрашения и назидания. Появлению Пляски смерти предшествует легенда о Трех живых и трех мертвых. Уже в XIII в. она отмечена во французской литературе: трое знатных юношей неожиданно встречают трех отвратительных мертвецов, указующих им на'свое былое земное величие — и на скорый конец, неминуемо ожидающий юношей, которые пока еще живы. Исключительно выразительные персонажи фресок в Кампо Санто в Пизе — самое раннее воплощение этой темы в серьезном искусстве, так же как и

ныне утраченное скульптурное изображение, выполненное в 1408 г. по указанию герцога Беррийского и украшавшее портал церкви Невинно убиенных младенцев в Париже. В XV в. миниатюры и резьба по дереву делают этот сюжет всеобщим достоянием; он становится широко распространенным в настенной живописи.

Изображение трех мертвецов вместе с тремя живыми образует связующее звено между отвратительной картиной тления и выражаемой Пляской смерти идеей всеобщего равенства в смерти. Стоит обратиться к истории искусств, говоря о развитии данной темы. Сюжет Пляски смерти тоже, по-видимому, возник во Франции. Но каким образом? Как разыгрывавшееся актерами представление — или в виде изображения? Известно, что тезис Эмиля Маля, считавшего мотивы, разрабатывавшиеся в изобразительном искусстве XV в., в основном заимствованием увиденного во время драматических представлений, в целом не устоял перед критикой. Однако, отвергая этот тезис, в отношении Пляски смерти можно было бы сделать исключение: здесь исполнение предшествовало изображению. Во всяком случае, до того или впоследствии, Пляску смерти исполняли так же, как ее изображали на картинах или в гравюрах. В 1449 г. она была исполнена во дворце герцога Бургундского в Брюгге. Если бы мы представили себе внешний обл^ик такого спектакля: краски, движения, скольжение света и тени по фигурам танцующих — мы ощутили бы гораздо лучше истовость страха, вызывавшегося Пляской смерти в душах людей того времени, чем это позволяют нам сделать гравюры Гюйо Маршана и Хольбайна...

•

572

«Пляска смерти» на кладбище des Innocents, погибшая в XVII в. вместе с обрушившейся галереей, была популярнейшим образчиком изображения смерти из всех, которые знало Средневековье. В этом странном, «макабрском» месте, каковое представляло собой кладбище Невинно убиенных младенцев, тысячи людей изо дня в день видели незамысловатые фигуры, рассматривали их, читали простые и доходчивые стихи, где каждая строфа оканчивалась всем известной пословицей, и трепетали перед неминуемой кончиной, утешая себя тем, что все они равны пред лицом смерти. Нигде эта смахивающая на обезьяну смерть не могла быть более к месту, осклабленная, передвигающаяся неверными шажками старенького учителя танцев и увлекающая за собой папу, императора, рыцаря, поденщика, монаха, малое дитя, шута, а за ними — все прочие сословия и ремесла...

В более древних изображениях Пляски смерти неутомимый танцор — это сам живущий, каковым он останется еще на ближайшее время, пугающий двойник его собственной личности, его собственный образ, его зеркальное отражение, а не какие-то другие, умершие ранее люди того же сана или сословия, как того бы хотелось. Именно «это ты сам!» сообщало Пляске смерти ее повергающую в дрожь жуткую силу. Так же и роспись, украшавшая сводчатое навершие надгробия короля Рене и его супруги Изабеллы в соборе в Анжере, фактически изображала самого короля Рене. Там можно было видеть скелет (но скорее всего, все-таки тело) в длинной мантии, который восседал на золотом троне и ногами отшвыривал от себя митры, короны, державы и книги. Головою опирался он на иссохшую руку, которая пыталась удержать пошатнувшуюся корону.

Первоначально в Пляске смерти участвовали только мужские фигуры. Намерение соединить предостережение о тщете и преходящем характере всего земного с уроком социального равенства по ходу вещей выносило на передний план именно мужчин как носителей профессий и выразителей того или иного общественного положения. Пляска смерти являла собой не только благочестивое предостережение, но и социальную сатиру, сопроводительные же стихи несли отпечаток легкой иронии. Но вот Гюйо Маршан в продолжении своего издания вводит в Пляску смерти и женщин; изображение сопровождается стихами Марциала Оверньского. Неизвестный автор гравюр следует образцу, который предлагает ему предшествующее издание; от себя добавляет он лишь отталкивающее изображение скелета с женскими волосами, развевающимися вокруг черепа. В тексте, сопровождающем Пляску смерти, теперь уже появляется чувственный элемент, привносящий сюда сожаление о былой красоте, которой суждено было обратиться в прах.

(Хейзинга И. Осень Средневековья. С. 156—159)

573

Научные знания

О вере в авторитет Средневековая наука, так же как и богословие, строилась на вере в авторитет — Священного Писания (Библии), Священного Предания (труды отцов церкви, постановления

соборов и т.п.), по мере знакомства с античными авторами к ним тоже стали относиться как к абсолютным авторитетам.

К авторитетам прибегали, по всей видимости, в той мере, в какой они не противоречили собственным воззрениям писавшего. Алену Лилль-скому принадлежит ставшая крылатой фраза, что, «у авторитета нос из воска, и форму его можно изменить в любую сторону». По всей вероятности, авторитетами для интеллектуалов Средневековья становились также такие неожиданные авторы, как языческие и арабские философы. Тот же Ален Лилльский утверждал, что нужно прибегнуть к авторитету «благородных» философов, чтобы пристыдить христиан. В X в. арабские писатели были до такой степени в моде, что Аделард Батский не без лукавства признавался, что многие свои собственные мысли он приписывал арабам, чтобы они лучше воспринимались читателями, что должно — подчеркнем это — побуждать нас к осмотрительности в оценке влияния арабов на средневековую христианскую мысль. Влияние это подчас преувеличивается. В действительности ссылки на арабов часто были лишь данью моде, маской, призванной привлечь внимание к оригинальной мысли. Как бы то ни было, ссылка на то, что то или иное высказывание заимствовано из прошлого, была в средние века почти обязательна. Новшество считалось грехом. Церковь спешила осудить nvitates (старофранцузское «novelletes»). Это касалось и технического прогресса, и интеллектуального прогресса. Изобретать считалось безнравственным. Самое важное, что почтенный «аргумент традиции», силу которого хорошо понимаешь, если говорят о «согласии явившихся из глубин веков свидетелей, чтобы давать единогласные показания», часто становился предметом спора. «Чаще всего, — пишет отец Шеню, — здесь ссылаются на одного автора, приводят один текст вне времени и пространства, не заботясь о том, чтобы сформировать систему свидетельств»...

К доказательству авторитетом, то есть доказанной древностью, прибавлялось доказательство чудом. Средневековые умы привлекало совсем не то, что можно было наблюдать и подтвердить естественным законом, регулярно происходящим повторением, а как раз, наоборот, то, что было необычно, сверхъестественно или, уж во всяком случае, ненормально. Даже наука более охотно избирала своим предметом что-то исключительное, чудеса. Землетрясения, кометы, затмения — вот сюжеты, достойные удивления и исследования. Средневековые искусство и наука шли к человеку странным путем, изобиловавшим чудовищами.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 303)

574

В поисках новых доказательств схоласты (по крайней мере некоторые из них) все шире применяли наблюдение и эксперимент. Чаще всего вспоминают в этой связи имя Роджера Бэкона, который первым, по-видимому, применил термин scientia experimentalis и который презирал парижских магистров за чрезмерный догматизм. Исключение он делал лишь для Пьера де Марикура, автора «Трактата о магните», которого называл «мастером эксперимента». Парижанам Бэкон противопоставлял оксфордских магистров, сведущих в науках о природе. На самом деле оксфордцы были (и останутся в дальнейшем) прежде всего математиками, и тут проявлялись трудности, представлявшие для средневековых интеллектуалов установление взаимосвязи между теорией и практикой. Причины трудностей были многосложны, но в полупровале этих попыток сказалась прежде всего социальная эволюция университетских кругов. Рождающаяся схоластика попыталась установить связь между свободными искусствами и механикой, между науками и техникой. А университетские профессора относили себя к социальным группам, гнушавшимся ручного труда. Последствия разрыва теории и практики были во многих областях огромны. Физики экспериментам предпочитали Аристотеля, медики и хирурги вместо вскрытий предпочитали ссылаться на Галена. Именно предрассудки докторов в гораздо большей степени, чем нерешительность и уклончивость церкви, задержали развитие практики вскрытий и прогресс анатомии, которая делала, однако, первые многообещающие шаги в Болонье и в Монпе-лье на рубеже XIII и XIV вв. Те же внутренние противоречия переживали в свою очередь и гуманисты.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 324—325)

Быт и нравы

Представления Красивым считалось разноцветное и блестящее, а **о красоте** чаще всего еще и богатое. Но вместе с тем красивое —
это было доброе. Обаяние физической красоты было так велико, что она являлась непременным атрибутом святости. Добрый Бог — это прежде всего прекрасный Бог, и готические скульптуры воплощали идеал людей Средневековья. Средневековые святые обладали не только семью духовными дарами — дружественностью, мудростью, способностью к взаимопониманию, честью,

одаренностью, уверенностью и радостностью, но также и семью телесными дарами — красотой, ловкостью, силой, свободой в движениях, здоровьем, способностью к наслаждению и долголетием. Это относится даже и к святым «интеллектуалам», в том числе и к Фоме Аквинскому. Рассказчик-доминиканец утверждал: «Когда св. Фома прогуливался на лоне природы, народ, ра-
575
ботавший на полях, бросив свои занятия, устремлялся ему навстречу, с восхищением созерцая его величественную фигуру, красоту его человеческих черт; в гораздо большей степени их толкала к нему его красота, чем его святость». В Южной Италии Фому звали «Bos Siciliae» — «Сицилийский бык». Таким образом, этот интеллектуал для народа своего времени был прежде всего «здоровяком».

Культ физической силы был свойственен, конечно, прежде всего представителям военной аристократии, рыцарям, страстью которых была война. Трубадур Бертран де Борн, прежде чем стать монахом-цистерцианцем, был сподвижником Ричарда Львиное Сердце, этого образцового рыцаря (Жуанвиль с восхищением рассказывает: «Когда лошадь сарацин пугалась кустарника, те говорили: "Ты что думаешь, это английский король?" А когда дети сарацинок начинали кричать, те говорили: "Замолчи, замолчи! А не то я пойду за королем Ричардом, и он тебя убьет!"»).

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 316—317)

Одежда Главным новшеством в мужской одежде в эпоху Средневековья стало широкое распространение варварской одежды — штанов (разной длины). Кроме штанов носили еще короткую рубашку и плащ.

Одежда из довольно'грубых домотканых материй, шерстяных, льняных и полушерстяных на пеньковой основе, по-видимому, была орнаментирована вышивкой, однако, об этом имеются лишь отрывочные сведения. Под плащом римского костюма у европейцев появились длинные туники и далматика, неизвестные варварам. Они сделались знаком привилегированного положения...

Женский костюм в начале средневековья находился под большим влиянием церкви, поэтому в течение VIII—X веков шенс и покрывало для всех женщин, а для знатных еще и далматика (древнеримская одежда позднего периода), остаются основными. Однако уже в X веке появляется стремление подчеркнуть фигуру. Эта тенденция с течением времени становится доминирующей и определяет весь характер европейского женского костюма на многие столетия... В это время европейцы еще не умели с помощью вытачек придавать одежде задуманную форму, но уже начали понимать, что разделение одежды на части дает возможность создать красивые и разнообразные фасоны. Прием, который, возможно, впервые был применен создателем женского костюма... — разделение лифа на две части, — получил широкое распространение в Европе...

В XIII веке европейцы продолжают носить длинные одежды.... Рост городской культуры, а вместе с ней и культуры одежды, сказывался и в том, что появилась рубашка не как верхняя одежда, а как прообраз белья. В этот период начинают носить четыре одежды одновременно.
576
Покрой сюрко имел много вариантов, но основными были четыре вида: с длинными до запястья рукавами, с полудлинными, совсем без рукавов или с откидными.

В XIII веке окончательно сформировалась и «гербовая одежда». Право носить такую одежду имели феодалы, которые заимствовали геральдику у восточных народов во время крестовых походов. Вассалы и слуги имели одежду цвета герба, поэтому костюмы у них были пестрые и чаще всего, как поле герба, состояли из четырех цветов. Из гербовой одежды вассалов произошла значительно позже ливрея слуг дворянства...

В начале XV века в бургундском костюме появляется много новых одежд неожиданных пропорций: низко опущенная, но тонкая талия, широкие воротники, большие поверхности костюма, разделенные на небольшие рельефные полосы. Края одежды были высечены узкими фестонами. Такая дробность возникла как подражание подвижным частям рыцарских лат, называвшихся за сходство с раковой шейкой «экревиссы», но в этой трактовке костюма сказывалось и влияние готического стиля с его отрицанием гладких поверхностей.

С конца 20-х годов изменяются общие пропорции костюма. Если раньше они соответствовали нормальному человеческому телу, то теперь люди всеми средствами стремятся создать впечатление непомерно высокой тонкой фигуры. Вертикаль, устремленность вверх определяют не только архитектуру, предметы быта «пламенеющей готики», но и костюм.

(Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. С. 158—190)

Пища Пища являлась, как мы видели, наваждением для средневекового общества. Крестьянская масса должна была довольствоваться немногим. Основу

ее пищи составляла жидкая каша, а главным дополнением к ней были плоды огородничества. Однако в XII в. среди всех социальных категорий стала традиционной еда с хлебом (companagium), и именно тогда хлеб приобрел на Западе поистине мистическое значение, которое санкционировала религия. Но у крестьянства был один праздник обильной трапезы: в декабре закалывали поросенка, и свинина составляла основу пиршеств до конца года, а потом доедалась в течение долгой зимы. Процедуру закалывания поросенка можно видеть на изображениях в календарях трудов каждого месяца.

Свое превосходство верхушка общества демонстрировала прежде всего в области питания. Излишество в пище было первым из излишеств. Тут напоказ выставлялись особые продукты: дичь из сеньориальных лесов, деликатесы, стоившие очень дорого, пряности и диковинные кушанья, которые готовили повара. Сцены пиршеств занимают большое место в поэмах о героических деяниях...

577

В иконографии пороков обжорство, гурманство, gula, изображались исключительно на примерах сеньоров. Однако настоящее развитие гастрономия получила в городе, вместе с буржуазией. Первые поваренные книги стали появляться в середине XIII в. в Дании; в XIV и XV вв. они распространились во Франции, Италии, а затем в Германии.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 332—333)

Кулинарные рецепты

Рагу из зайца

Вначале разрежьте зайца вдоль грудины, и если он забит недавно — день-два тому назад — не мойте его, а сразу положите жариться на гриле, id est на открытом огне хорошо разожженных углей или на вертеле; затем положите в горшок вареный лук и кабанье сало, а потом порежьте лук, сало и самого зайца на куски и жарьте их на огне, часто помешивая содержимое горшка, либо поджаривайте рагу на железной лопаточке. Затем доведите до румяной корочки и поджарьте хлеб, смочите его полученным бульоном с уксусом и вином, а перед тем измельчите имбирь, гвоздику, стручковый перец, мускатный орех и корицу, а измельчив, добавьте немного кислого виноградного сока и уксуса или мясного бульона; соберите и отложите [специи] в сторону. Затем измельчите хлеб, отожмите бульон, пропустите хлеб (но не специи) через кисею и поставьте тушиться бульон, лук с салом, специи и хлеб, а также зайца; тушите, пока рагу не станет коричневым, добавьте уксус и сдобрите солью и специями.

Примечание. Возраст зайца можно узнать по виду анального отверстия: число складок соответствует числу лет.

Цапля

Ощипайте и выпотрошите птицу; затем найдите [и удалите] шесть горьких частей на ее тушке и седьмую среди внутренностей; подогнув, уложите лапки вдоль мясистой части ножек, опалите тушку на огне, нашпигуйте, оберните шею бумагой, смазанной сливочным маслом, и затем зажарьте, а как будет готова — подавайте на стол.

(Дюби Ж. Европа в средние века. С. 229—230)

Жилище

Последним проявлением социальной дифференциации был дом. Крестьянский дом строился из самана или из дерева, если и употреблялся камень, то не выше фундамента. Обычно этот дом состоял из одной комнаты и не имел другого дымохода, кроме дыры в потолке. Бедно обставленный и оснащенный, он не привязывал к себе крестьянина. Убожество дома способствовало мобильности средневекового крестьянина.

Города тоже состояли еще главным образом из деревянных домов. Они становились легкой добычей пожаров. Огонь был тяжелым бедст-

578

вием Средневековья. В 1200—1225 гг. Руан горел шесть раз. Церковь положила немало усилий, чтобы убедить людей Средневековья, что они лишь странники на этой земле. Даже живя на одном месте, они редко имели время привыкнуть к своему очагу.

Другое дело — богатые. Укрепленные замки были символом безопасности, мощи, престижа. В XI в. повсюду топорщились донжоны, преобладала функция защиты. Затем стали появляться украшения. Оставаясь хорошо защищенными, замки стали иметь больше жилых помещений, жилые строения сооружались внутри стен. Вся жизнь концентрировалась в главном зале. Мебели было немного. Столы обычно были разборными, и после трапезы их убирали. Постоянную мебель составлял сундук, или ларь, куда складывали одежду или посуду. Поскольку жизнь сеньоров была бродячей, нужно было иметь возможность легко уносить багаж. Жуанвиль, отправляясь в кресто'-вый поход, обременял себя лишь драгоценностями и реликвиями. Другим функциональным предметом роскоши были ковры; их вешали как ширмы, и они образовывали комнаты. Ковры

возили из замка в замок; они напоминали воинственному народу его излюбленное жилище — палатку.

Но, возможно, знатные дамы, женщины-меценатки стремились к большей изысканности во внутренней отделке. Согласно Бодри де Бур-гейль, в спальне Адели де Блуа, дочери Вильгельма Завоевателя, стены украшали ковры с изображением сцен из Ветхого завета и «Метаморфоз» Овидия; обои представляли сцены завоевания Англии. Потолок был расписан под небо с Млечным Путем, созвездиями, знаками зодиака, солнцем, луной и планетами. Пол был вымощен мозаикой, изображавшей карту мира с чудовищами и зверями. Кровать с балдахином поддерживали восемь статуй: Философии и Свободных искусств.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 335—336)

О банях Наступала пора распространения гигиены, она входила в обиход прежде всего в городах. В 1292 г. в Париже существовало как минимум 26 банных заведений. Причем парильни являлись местом наслаждений и даже пристанищем разврата. Вот описание эрфуртских бань XIII в.: «Бани в этом городе доставят вам истинное удовольствие. Если вам необходимо помыться и вы любите удобства, то можете входить туда спокойно. Вас примут любезно. Красивая молодая девушка как следует разотрет вас своими нежными ручками. Опытный брадобрей побреет вас, не уронив вам на лицо ни капельки пота. Утомившись ванной, вы найдете кровать, чтобы отдохнуть. Хорошенькая женщина, которая не причинит вам беспокойства, с видом девственным искусно расчешет вам волосы. Кто же не сорвет у нее поцелуй, если только захочет, поскольку она отнюдь не сопротивляется? А когда у вас потребуют платы, то хватит и одного денье».

579

Впрочем, и монастырская литература внесла свой вклад в заботу о теле. Ценный эльзасский манускрипт 1154 г. представляет собой учебник по диетологии, написанный монахиней из Шварцентхана и иллюстрированный Зинтрамом, монастырским каноником из Мирбаха. Этот календарь предписывал особый режим для каждого месяца. В начале XIII в. был широко распространен «Справочник здоровья», написанный в Салерно.

(Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 331—332)

Литература

Абеляр П. История моих бедствий // Августин Аврелий. Исповедь. Абеляр Пьер. История моих бедствий. М.: Республика, 1992.

Боккаччо Дж. Жизнь Данте // Боккаччо Джованни. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1996.

Брук К. Возрождение XII в. // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине». 1992.

Де Во де Серне Пьер. История альбигойцев // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Генрих Сузо. Проповеди // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Григорий Двоеелов. Святого отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского собеседование о жизни италийских отцов и о безсмертии души. М.: 1996.

Грин Р.Л. Приключения короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М.: Молодая гвардия, 1981.

Данте Алшъери. Божественная Комедия. М.: Наука, 1968.

Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994.

Иннокентий Ш. О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М.: Юрист, 1996.

Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М.: Высшая школа, 1992.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.

Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1997.

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: В 2 т. Т. 1. М.: АО «Академия моды», 1993.

Поэзия вагантов. М.: Наука, 1975.

Руа Ж. Ж. История рыцарства. М.: Алейтейа, 1996.

Снорри Стурлусон. Сага об Олаве Трюггвасоне // Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1961.

Тяжелое В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Ев-Done. М.: HrKvrr-TRo 1Q81

580

Фома Аквинский. Сумма теологиии // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1.М.: Мысль, 1969.

Фома Кемпийский. О подражании Христу // Богословие в культуре Средневековья. К.: Христианское братство «Путь к истине», 1992.

Св. Франциск Ассизский. Сочинения. М.: Изд. Францисканцев — братьев меньших конвентуальных, 1995.
Хейзинга И. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988.
Цезарий Гейстербахский. Диалог о чудесах // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994.
Forum Conche (Fuero de Cuenca) // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск: Полиграмма, 1994.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Исторический Очерк

Эпоха Возрождения *(Ренессанс)* началась в Италии примерно в середине XIV в., в XVI—XVII вв. Возрождение приходит в другие страны Европы (Северный Ренессанс) — но в каждой европейской стране оно протекает в своих временных рамках и по-своему. В начале XVI в. начинаются *протестантские реформы* и *религиозные войны,* потрясавшие Европу на протяжении XVI—XVII вв., из-за чего этот период также получил название *эпохи Реформации.* Условно концом этой эпохи и началом Нового времени многие исследователи считают первую английскую революцию — 40-е годы XVII в.

Возникшая в XV в. в восточном Средиземноморье могущественная Османская империя сумела захватить всю сохранившуюся к этому времени территорию Византии, а в 1453 г. и Константинополь, переименованный отныне в Стамбул. Греко-турецкие войны привели к бегству (в том числе — в Италию) большого количества образованных греков, которые вывезли с собой множество античных и средневековых текстов. Это способствовало более широкому знакомству итальянских ученых с древнегреческим языком и с подлинными трудами греческих философов, поэтов, писателей и историков и усилило общий интерес к античной культуре. Войны между Османской империей и европейскими государствами играли важную роль в политической жизни Европы эпохи Возрождения.

Важнейшие политические события в жизни Европы произошли на Пиренейском полуострове, где в XIV—XV вв. проходила реконкиста: христиане сумели отвоевать свои территории, вытеснив с полуострова арабов (мавров). На отвоеванных территориях возникло несколько государств: Арагон, Кастилия, Португалия. В 1479 г. произошло объединение в единое государство Кастилии и Арагона — благодаря династическому браку между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской; здесь раньше, чем в других странах, начала формироваться абсолютная монархия. После открытия и завоевания Нового Света Испания становится в XVI в. самым мощным и влиятельным государством Европы и ведет непрерывные войны за всеевропейскую гегемонию.

Политическая карта остальной Европы остается почти такой же, как и в Средневековье: продолжается процесс становления национальных государств

во Франции, Англии, Венгрии, Польши и т.п. *Германия* по-прежнему представляет собой конгломерат различных княжеств, формально объединенных в Священную Римскую империю германского народа, в которую также входит Чехия и ряд территорий Северной Италии. *Швейцарский союз,* образовавшийся в середине XIII в., в течение двух столетий ведет с Габсбургами борьбу за свою независимость и в конце концов побеждает.

В 1453 г. заканчивается Столетняя война между Англией и Францией, из которой Франция вышла победительницей. В XVI в. *Франция* пережила серьезное потрясение, связанное с религиозными войнами и сменой династии. К власти приходит Генрих Наварский, ставший французским королем под, именем Генриха IV, и династия Бурбонов правит в стране вплоть до Великой французской революции.

В *Англии* в 1455 г. начинается война Белой и Алой розы (Йорки и Ланкастеры), которая заканчивается в 1485 г. победой Ланкастеров: на престол восходит Генрих VII, основатель династии Тюдоров. В XVI в. происходят серьезные столкновения между Англией и Испанией: в первую очередь борьба ведется за обладание Новым Светом (Америкой). Кульминацией этой борьбы становится поход Непобедимой Армады (флотилии из нескольких сотен испанских кораблей) в Англию. Поход закончился гибелью испанского флота (1588 г.), и с этого момента Англия (и вплоть до XX в.) является «владычицей морей».

Италия в эпоху Возрождения представляет собой множество самостоятельных государств, самыми влиятельными из которых были Флоренция, Венеция, Неаполитанское королевство, Папская область,

Милан, Генуя. На протяжении всей этой эпохи в Италии идут войны и столкновения между различными итальянскими государствами, кроме того, периодически на территорию Италии вторгаются войска французских королей и германских императоров. *Родина Возрождения — Флоренция.*

В итальянском Ренессансе обычно выделяют следующие основные периоды: *проторенессанс* (предренессанс) — конец XIII — начало XIV вв. — переходная эпоха между Средневековьем и собственно Возрождением; *Раннее Возрождение* — период с середины XIV в. до примерно 1475 г.; зрелое, или *Высокое, Возрождение* — последняя четверть XV —начало XVI в. (квадроченто); и период XVI — начало XVII вв. — *Позднее Возрождение* (чинквеченто).

Начало Возрождения обычно связывается с творчеством Петрарки и Бок-каччо, т.е. с деятельностью поэтов и писателей. Уже в творчестве Данте (в период проторенессанса) сквозит неприкрытый интерес к античной культуре, который становится ведущим в культуре Возрождения. Неудивительно, что такой интерес античность вызвала первоначально в Италии — стране, где уцелело множество памятников древней культуры. И если Петрарка собирал в основном древние рукописи, то позднее объектом внимания коллекционеров становятся статуи, мозаики, ювелирные изделия, монеты и любые другие предметы старины. Античностью увлекаются настолько, что многие гуманисты даже свой быт пытаются уподобить античному. Возрождение античной культуры (но людьми, обладающими Евангелием) становится девизом эпохи, откуда и ее название — данное, правда, уже позднее.

Общим для культуры Ренессанса во всех странах является не только интерес к античности, но и появление особого мировоззрения и образа жизни, получившего название *гуманизма;* формирование нового типа личности — так

называемый «ренессансный человек»; выдающиеся личности Ренессанса отличаются *титанизмом* (каждый совершает за свою жизнь столько, что не под силу многим) и *универсализмом* (практически все творцы этой эпохи реализуют себя сразу в нескольких областях, так, Леонардо да Винчи — художник, скульптор, ученый, инженер, Микеланджело — художник, скульптор, архитектор, поэт и т.д.). Меняется само представление о человеке: он теперь не просто «сосуд греха», как считалось в Средневековье, но прежде всего — *«венец творения»,* созданный по образу и подобию Бога. Акцент делается на то, что все существующее — и природа, и человек — есть создания Божьи, и как таковые обладают красотой и совершенством, достойным восхищения и любви. Чтобы приблизиться к Богу, надо теперь не уходить в пустыню, не предаваться подвигам аскезы, а быть художником, уподобляясь Богу в творчестве. В эту эпоху культура выходит из-под опеки церкви, начинается триумфальное развитие светского искусства (живописи, архитектуры, музыки, театра,
литературы).

Важнейшую роль в развитии европейской культуры сыграли Великие географические открытия, начавшиеся в конце XV в. с плаванья Колумба в Америку (1495). Они положили начало европейской экспансии, которая привела к значительному расширению рамок «христианского мира», и принципиально изменили географию. Так, кругосветное плаванье Магеллана опровергло антично-средневековые утверждения, что Земля плоская, доказав, что Земля — шар.

В XVI—XVII вв. произошла революция в астрономии, изменившая космологию: на смену представлениям о том, что центром мира является Земля (геоцентризм), пришли представления о том, что центр мира — Солнце (гелиоцентризм — Николай Коперник, Галилео Галилей), и даже о том, что во Вселенной нет никакого центра (ацентризм — Джордано Бруно). В работах Иоганна Кеплера и Галилео Галилея получил обоснование *экспериментальный метод,* ставший основой новой науки — науки Нового времени, на которой базируются достижения всей современной цивилизации.

Культуре Возрождения посвящено множество книг отечественных авторов, а еще больше — зарубежных исследователей, причем большое количество последних переведено на русский язык и доступно нашим читателям.

Религия и церковь

Период Возрождения стал для католической церкви периодом серьезных потрясений; два самых главных из них - это *«Великий раскол»* и Реформация.

Только в 1377 г. заканчивается период «авиньонского пленения», и папский престол возвращается Рим. Это произошло в конце понтификата Григория XI, который был вынужден сделать это из страха потерять свои итальянские владения. В 1378 г. после смерти Григория XI в Риме состоялись выборы нового папы. Избран был Урбан VI (1378-1389 гг.), вызвавший всеобщее недовольство. Тогда часть кардинальской коллегии, опираясь на поддержку французского короля, в небольшом городе Фокли, выбрала второго папу -Роберта Женевского - под именем Климента VII (1378-1394 гг.), который поселился в Авиньоне. Так было положено начало *двоепапству:* оба папы про-

клинали друг друга и каждый считал только себя истинным папой. После смерти Урбана VI на его место был избран Бонифаций IX (1389—1304 гг.), затем — Иннокентий VII (1404—1406гг.), после него — Григорий XII (1406—1415гг.), а после смерти Климента VII — Бенедикт XIII.

В среде верующих все громче раздавались голоса, требующие созвать собор и устранить двоепапство, с защитой этой идеи выступили парижский и болонский университеты, а также многие кардиналы. И в 1409 г.

в Пизе был собран собор. Оба папы (Бенедикт XIII и Григорий XII) заранее прокляли тех, кто на него собрался. Пизанский собор начал свою деятельность с того, что низложил обоих пап, а вместо них избрал нового — Александра V (1409— 1410 гг.). Но так как прежние папы не признали решений собора, то вместо двоепапства возникло *троепапство.* После смерти Александра V был избран папой бывший неаполитанский пират Балтасаро Косса — под именем Иоанн XXIII (1410—1415 гг.), который зарекомендовал себя так, что после него ни один папа не решался (вплоть до XX в.) назвать себя Иоанном. На понтификат Иоанна XXIII приходится начало гуситского движения в Чехии, возглавляемого Яном Гусом (1369—1415 гг.). В проповеди Яна Гуса прозвучали уже многие идеи протестантизма (осуждение продажи индульгенций, требование причастия для мирян не только хлебом, но и вином, и т.п.). В 1413 г. в Констанце начинает работать новый собор, на который был приглашен Ян Гус и его соратник Иероним Пражский; несмотря на то что у них были охранные грамоты от императора и папы, гарантирующие им безопасность, они были схвачены и сожжены на костре (1415 г.). Кроме борьбы с ересями основной задачей Констанцского собора было покончить с троепапством. Иоанн XXIII в конце концов согласился отречься, Григорий XII, хотя и считал собор незаконным, но прислал заявление о своем отречении (оба они получили солидную компенсацию). Бенедикт же XIII так до конца жизни и не согласился на отречение и не признавал других пап до самой смерти в 1424 г., но вся его паства составляла несколько сотен человек и никакого значения он уже не имел. В 1417 г. на соборе был избран новый папа — Мартин V (умер в 1431 г.), и период «многопапства» закончился. Но зато середина XV в. узнала новое явление — *«двусоборие»,* когда заседали параллельно Базельский и Ферраро-Флорентийский соборы.

С Евгения IV (1431 — 1447 гг.) открывается список так называемых пап-меценатов, которые покровительствовали искусству, сами были ценителями античных раритетов, заказчиками многих выдающихся произведений искусства эпохи Возрождения. Однако их нравы были таковы, что не выдерживали никакой критики. Самый яркий пример этого— Родриго Борджиа•— папа Александр VI (1492—1503 гг.). Роскошная жизнь, которую вели папы, и их «меценатство» требовали громадных средств, добывать которые было все труднее. Одним из источников доходов была широкая продажа индульгенций, ставшая в Германии поводом для выступления немецкого священника Мартина Лютера.

31 октября 1517г. *Мартин Лютер* прибивает к дверям церкви лист бумаги с 95 тезисами, вызывая тем самым на диспут всех желающих. «Почему папа, который несомненно богаче Креза, строит церковь св. Петра не на свои деньги, а на деньги нищих и бедных христиан Германии?» — этот казалось бы наивный вопрос Мартина Лютера мгновенно сделал его известным во всей Германии. Вокруг Лютера группируются представители различных сословий, в

том числе его поддерживает ряд немецких князей, желающих ликвидировать свою зависимость от Рима. Лютер выдвигает все более радикальные требования: перевод Библии и проповедь на национальных языках — и сам переводит Библию на немецкий, заложив тем самым основы немецкого литературного языка; право каждого по-своему верить и по-своему истолковывать Библию; требование «дешевой церкви» — упрощение богослужения, отказ от пышного оформления церквей, от икон, мощей; от таинства священства, брака (сам женится на бывшей монахине) и т.п. Во всей Европе разгорается *протестантское движение* (гугеноты во Франции, цвинглианцы и кальвинисты в Швейцарии и т.д.).

Католическая церковь отвечает на это *Контрреформацией* — усиливается деятельность инквизиции, составляется «Индекс запрещенных книг», создается орден иезуитов. Религиозные войны и столкновения во всех странах были на редкость жестокими и кровавыми. В некоторых странах победила католическая церковь, в других — протестанты (в Англии, Нидерландах, Швейцарии, в ряде княжеств Германии и т.д.).

На теологию данного периода оказали заметное влияние и Великие географические открытия XV—XVII вв. Так, во весь рост встала проблема новой теодицеи (оправдания Бога): если Христос приходил на землю чтобы спасти всех, то почему большинство народов на земле не только не «спасены» к настоящему времени — спустя 1500 лет после прихода Христа, но даже ничего о нем не знают? Если, скажем, арабов-мусульман еще можно было обвинить в том, что они знали об учении Христа, но в силу своего нечестия отвергли его, то обвинить в этом же, например, аборигенов Новой Гвинеи или американских индейцев было в принципе невозможно.

О папе Александ- *Родриго Борджиа* родом из знатной арагонской семьи, **ре VI (Родриго** получил юридическое образование и сначала работал **Борджиа)** адвокатом, затем становится военным. После того как его

дядя (брат его матери и, возможно, он же — подлинный отец Родриго) стал папой римским (Каликст III), Родриго приезжает в Рим и быстро делает церковную карьеру, получив даже сан кардинала. В 1492 г. он избирается папой. Он был виновником многочисленных убийств, имел множество любовниц, причем развратил еще в детстве всех своих детей от своей любовницы Розы (графини кастильской), и его дочь Лукреция на протяжении всего понтификата была одной из его основных фавориток, своих сыновей он сделал светскими властителями в Италии, для чего велись многочисленные войны. Ниже приводится всего один эпизод из записей епископа Бур-харда, бывшего свидетелем происходящих событий, посвященный второй свадьбе Лукреции.

Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, которой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем каждый из них

имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, — сначала одни, потом с кардиналами. Наконец по сигналу Лук-
586
реции накидки были сброшены, и танцы продолжались под рукоплескания святого отца. Затем перешли к другим забавам.-Его святейшество подал знак, в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости кидали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала вместе с папой на высокой эстраде, держа в руках приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику.
(Таксилъ Л. Священный вертеп. С. 262)

Об инквизшщии Хотя инквизиция возникла в Средневековье, но кульминация ее деятельности — Возрождение. Важным этапом в развитии инквизиции стала булла Иннокентия VIII, приводимая ниже. Особенностью деятельности «священных трибуналов» в эпоху Возрождения было то, что она в основном была направлена не против массовых еретических движений, а против отдельных людей — прежде всего «ведьм» и колдунов, а также против ученых (многие из которых занимались магией и демонологией или подозревались в этом) и вольнодумцев.

Булла Иннокентия VIII

Всеми силами души, — как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие далеко искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии, особенно в Майнском, Кельнском, Трирском, Зальцбургском и Бременском округах, очень многие лица обоего пола, принебрегши собственным спасением и отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних животных и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно мучат как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных; что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что сверх того они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода
587
человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество вся-кого рода несказанных злодейств и преступлений, к погибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Институрис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богосло-вия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами, первый — в вышеназванных частях верх-ней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и горо-да, и земли, и епархии, и другие такого рода местности, а второй — в некоторых областях вдоль Рейна; однако некоторые клирики и миря- не в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, не стыдясь упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименно и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышеназванных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению помянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах и епархиях, землях и местностях подобные провинности и преступления остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов; а дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность к вере, применить соответству- ющие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей

апостольской властью постановляем: да ни чинится никакой помехи названным инквизито- рам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им ис- правлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления. С великим попечением мы распространяем эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех цер-
квях, где они найдут то потребным, проповедовать слово божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым. Особым посланием мы повелеваем почтенному собрату нашему епископу Страс-бургскому, дабы он, поскольку названным инквизиторам сие потребу-
588
ется, торжественно заявлял, чтобы никто и ни в чем не чинил им никакой помехи и не наносил никакого вреда; тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, он должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослуже-нии, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребуется, то и привлекать к содействию против них руку светской власти. Никто не должен нарушить это наше послание или дерзновенно поступить противно ему. Буде же кто-либо попытаться это сделать, то пусть знает, что он навлечет на себя гнев всемогущего бога и апостолов Петра и Павла.
Дано в Риме, у св. Петра, от воплощения господа в 1484 г., нашего первосвященства 1-м году, 5 декабря.
(Иннокентий VIII. Summis desiderantis («Всеми силами души»). С. 174—176)

Из «Молота ведьмы»

«Молот ведьм» — это составленное в XV в. двумя монаха-
ми — Я. Шпренгером и Г. Инсисторисом — практическое руководство для инквизиторов, описывающее, как распознавать различную нечистую силу и как бороться с ведьмами и колдунами.

Из главы «Могут ли быть порождены люди инкубами и суккубами?»

Инкубы — это демоны, принимающие облик мужчин, суккубы — женщин.
Богословы считают их нечистыми духами, хотя и не нечистоплотными по своей природе. По словам Дионисия, им присущи: неистовство, безудержная алчность, безграничная фантазия в гордости, зависти и злобе. Поэтому они — враги рода человеческого. Они духом разумны, легко понимают, опытны в б,есполезных делах, алчны до вредительства, всегда готовы на новые обманы. Они извращают чувства, исследуют потребности, мешают бодрствующим, вспугивают спящих в сновидениях, приносят болезни, вызывают бури, превращают себя в ангелов света, всем несут ад, требуют от ведьм божеского почитания, с их помощью совершаются чародейства. Они хотят господствовать над добрыми и теснить их по мере сил. Избранным бога они посылаются для испытания. Они всегда ищут путей сократить жизнь человека. Пусть дьявол знает тысячи способов вредить людям, пусть он старается со дня своего падения разрушать единство церкви, оскорблять любовь, забрасывать желчью зависти деяния святых и всячески уничтожать род человеческий. Однако его сила заключается лишь в чреслах и в пупе. Смотри предпоследнюю главу кн. Иова. Это происходит потому, что дьявол лишь через излишество плоти господствует над людьми. У мужчин центр этих излишеств лежит в чреслах, т.к. оттуда выделяется семя. У женщин же семя выделяется из пупа.
589

Из главы « Четырнадцатый вопрос о том, как обвиняемая приговаривается к пыткам, как она пытается в первый день, и можно ли ей обещать сохранение жизни. Десятый акт судьи»

Если судья безуспешно ждал некоторое время признаний обвиняемой, которая была неоднократно увещеваема, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает запираться в правде, он приступает к умеренным пыткам, не прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пыткою обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата. Перед началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надежными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса, когда они пользуются членами тела некрещеного мальчика. Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает

обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

Спрашивается, может ли судья обещать жизнь человеку, о котором ходит дурная молва и который имеет против себя как показания свидетелей, так и улики, но который еще не сознался в своих злодеяниях? Мнения ученых здесь различны.

Одни думают, что подобная ведьма может быть оставлена в живых и приговорена к пожизненному заключению на хлебе и на воде, если только она выдаст других ведьм и снимет наведенную порчу. Но только не надо сообщать ей, что она будет содержаться в тюрьме. Ее надо лишь уверить, что жизнь будет ей сохранена и что на нее будет наложено некоторое наказание. Другие ученые полагают, что это обещание надо держать лишь некоторое время, а потом ведьму все же следует сжечь. Некоторые считают возможным, чтобы судья обещал такой ведьме жизнь, но смертный приговор обязан вынести уже другой судья, а не тот, который уверил ее в сохранении жизни.
(Шпренгер Я., Инсисторис Г. Молот ведьм. С. 99,297-298)

О пытках Хотя пытки применялись церковниками по отношению к подозреваемым в ереси и до установления инквизиционных трибуналов, узаконил их Иннокентий IV, предписав в булле «Ad extirpanda» «заставлять силой, не нанося членовредительства и не ставя под угрозу жизнь всех пойманных еретиков как губите-

лей и убийц душ и воров священных таинств и христианской веры с предельной ясностью в своих ошибках и выдавать известных им других еретиков: верующих и их защитников, так же воров и грабителей мирских вещей заставляют раскрыть их соучастников и признаться в совершенных ими преступлениях»...

Но если у мужчин, обвиненных в колдовстве, были ничтожные шансы на спасение, то у женщин таких шансов вовсе не было. Обвиняемую в колдовстве женщину, попадавшую в адскую машину инквизиции, никто и ничто не могло спасти. Ее участь была заранее предрешена. Иезуит Фридрих Шпе, исповедовавший сотни «ведьм» прошедших через застенки инквизиции в Вюрцбурге, писал в своем трактате «Cautio criminalis» (1631): «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, то, разумеется, это доказывало ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Если она обнаруживает на допросе страх, то ясно, что она виновна: совесть выдает ее. Если же она, уверенная в своей невинности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против возводимых на нее обвинений, это свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности возводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности... Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это означает, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остается напряженной, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что ее необходимо терзать еще сильнее. Если же она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол умертвил ее, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны»...
(Григулевич И.Р. История инквизиции. С. 124, 172—173)

Философия

Философия эпохи Возрождения во многом основана на новом прочтении трудов античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля. В эту эпоху появляются новые, более правильные переводы известных текстов и в научный оборот вводятся ранее неизвестные работы античных философов, привезенные из Византии. Все это способствует возникновению ренессансного аристотелизма (Падуанский университет и, в частности, Петр Помпонацци) и ренессансного платонизма (Платоновская академия во Флоренции и, в частности, Марсилио Фичино, Пико де ла Мирандолла и др.). Ренессансный пла-

тонизм был тесно связан с магией, пантеизмом[1] и натурфилософией. В качестве оригинальных явлений в философии эпохи Возрождения можно отметить *гуманизм и натурфилософию.*

Гуманизм *Гуманизм* — особое явление в духовной жизни эпохи Возрождения, и смысл данного термина по отношению к эпохе Возрождения принципиально иной, нежели в современную эпоху, в которую «гуманизм» близок к «гуманности» — «человеколюбию».

В XIV—XV вв. было принято деление наук на «науки божественные» (studia divina) и «науки человеческие

(гуманитарные)» (studia humana), причем к последним обычно относили грамматику, риторику, литературу и поэзию, историю и этику. Гуманистами называли образованных людей, особенно хорошо знавших именно эти науки. Со второй половины XIV в. особое значение стало придаваться классической (древнегреческой и римско-латинской) литературе. Греческие и латинские писатели считаются истинными учителями человечества, особенно высок был авторитет Вергилия (Данте в «Божественной комедии» сделал его своим проводником по Аду и Чистилищу) и Цицерона. Симптоматичен в этом смысле тезис Гермолая Варвара (1453— 1493): «Признаю только двух господ: Христа и литературу».

В центре внимания гуманистов находится человек, но не как «сосуд греха», что было характерно для Средневековья (вспомним название известного средневекового трактата папы Иннокентия III «О презрении к миру, или о ничтожестве человеческого состояния»), а как самое совершенное творение Бога, созданное по «образу Божьему». Человек, как и Бог, является творцом, и в этом его высшее предназначение. Программным в этом смысле можно считать трактат Джаноццо Манетти (1396—1459) «О достоинстве и превосходстве человека», открывший длительную дискуссию о «достоинствах человека». К основным чертам гуманизма относится преклонение перед античной культурой, убеждение в превосходстве человека над всеми тварями, оценка личности не по ее знатности или богатству, не по заслугам предков, а только по тому, чего достиг сам человек, возвышение человека-творца и т.п. Высокая оценка личности, индивида неизбежно вела к индивидуализму. К гуманистам принадлежал ограниченный круг людей (праобраз интеллигенции), языком их общения была латынь, многих из них связывала дружба (иногда — только по переписке), у них существовал определенный этикет общения и т.п.

Первым гуманистом считается Франческо Петрарка (1304—1374). К виднейшим итальянским гуманистам принадлежат Джованни Боккаччо, Лорен-цо Балла, Пико де ла Мирандола, Петр Помпонацци, Забарелла и др. В Северном Возрождении необходимо в первую очередь назвать Эразма Роттердамского, Эразма Рейхлина, Себастиана Бранта, Ульриха фон Гуттена в Германии, Томаса Мора в Англии, Франсуа Рабле и Мишеля Монтеня во Франции.

Гуманизм — это не только и не столько течение в философии, сколько определенное умонастроение, система ценностей и даже образ жизни, но мы поместили соответствующие тексты в данном разделе потому, что осмысление

[1] *Пантеизм* — это философское учение, в котором Бог и природа отождествляются, т.е. считается, что нет природы вне Бога, но и нет Бога вне природы. Идеи пантеизма получили развитие в трудах Николая Кузанского, Джордано Бруно и т.д.

сущности мира и человека, новое отношение к человеку особенно хорошо видно по философским текстам.

О гуманизме Термин «гуманизм» впервые применил, по-видимо-му, в 1808 г. педагог Ф. Нитхаммер, друг Шиллера и Гегеля; но только Г. Фойгг выделил «первый век гуманизма», т.е. то, что затем сочтут временем «раннего» гуманизма, в узком, «этико-филологическом», значении. За прошедшие с тех пор сто лет содержание понятия «итальянский гуманизм» не раз менялось — и неизбежно продолжает меняться. Ведь «Возрождение» и «гуманизм» не просто некие факты, засвидетельствованные источниками, откуда мы могли бы извлечь их в готовом виде. Они насквозь проблематичны. Притом проблематичны по-разному... Ренессанс — это гуманистический тип культуры. Гуманизм же — это ренессансный и только ренессансный феномен. В этой работе под «гуманизмом» будут подразумеваться отнюдь не «все те приятные и туманный вещи, которые сегодня называют гуманизмом» (П. Кристел-лер). Речь пойдет не об «интересе к человеку» и не о «возвышении ценности человеческой личности» — в таком общем виде «гуманизм» действительно встречается в той или иной форме в разные времена и в разных цивилизациях, и его понятие становится надысторическим (а точнее — принадлежащим нашему современному словарю). Мы будем обозначать словом «гуманизм» совершенно конкретное и неповторимое западноевропейское духовное явление XIV—XVI вв., родиной которого была Италия и, особенно, Флоренция. '

...*Э.* Гарен развил истолкование гуманизма как нового миропонимания, которое привело к всестороннему изменению культуры и явилось важным этапом в истории не только философствования, но и мышления в целом. Гарен также делает отправным пунктом своего анализа гуманистическую «словесность» — филологию и риторику раннего Возрождения. Но итальянский исследователь расценивает излюбленные интересы и приемы гуманистов (могущие показаться ныне наивно-напыщенными, утомительно-мелочными, отвлеченно-литературными или, в лучшем случае, ограниченными текстологическими и эрудитскими достижениями) с широко содержательной, мировоззренческой стороны, как тип философствования, проникнутого особым историцизмом и критицизмом и преследующего практически-жизненные цели.

В центре этого философствования было Слово, культ прекрасной и чистой классической речи. Слово отождествлялось со «знанием» и «добродетелью». Оно, таким образом, воплощало универсальную и божественную человеческую природу, оно появлялось в мире как реальность

интеллекта и воли, как гармонический этос. В качестве инструмента общения оно заключало в себе гражданственность, идеал и вело к социально-политической доктрине раннего гуманизма. *(Боткин Л.М. Итальянское Возрождение, С. 48—53)*

593

Из книги «О досто- **инстве и превосход-** **стве человека»**

Джаноццо Манетти и

Итак, если мы тщательно и со вниманием рассмотрим особенности нашего тела и некоторые отличительные качества его, то найдем, что и фигурой, общим назначением, и необходимым отсутствием некоторых излишних частей — тремя отличительными и выдающимися дарами — тело человека во многом превосходит все остальные тела и отличается от них. Скажем немного о каждом отличии в отдельности. Фигура, благороднейшая среди всех прочих, — такой предстает она перед внимательно смотрящими на нее, так что относительно нее не может быть вообще никаких неясностей и сомнений. Ведь фигура человека так пряма и стройна, что, в то время как все другие одушевленные существа склонены и пригнуты к земле, человек кажется единственным господином, царем и повелителем над всеми ними, властвующим, царствующим и повелевающим во Вселенной по всей справедливости. Отыскивая причины его прямого положения и роста, мы находим их у медиков по крайней мере четыре. Первая — легкость материи; будучи пенистой и воздушной, особенно в сравнении с материей прочих живых существ, эта материя возносится вверх с помощью других свойств. Вторая — выделение значительного количества тепла; считается, что человеческое тело, по сравнению с животными того же размера, содержит большее по объему и более интенсивное тепло. На третье место ставят совершенство формы, так как совершеннейшая форма человеческого разума (intelligentia) требует такой же совершенной и прямой фигуры. Четвертая причина предусматривает цель: ведь человек по своей природе рожден и устроен к познанию (ad intelligendum), и именно в этом особом его назначении ему служат благородство и превосходство его зрения и слуха — чувств, так сказать, умных и тонких; и они не смогли бы выполнять своих функций,если бы соответствующие органы чувств не располагались на возвышенном и выступающем месте. Подобное можно наблюдать у наместников и правителей городов и крепостей: они обычно устраивают для стражей города жилища в высоких и больших башнях и вздымающихся вверх искусственных укреплениях...

Итак, не подлежит сомнению, что заблуждались и эпикурейцы, уничтожившие вообще божественное провидение, и перипатетики, отрицавшие создание мира, и стоики, смешивавшие Бога с творением. Мы же, хотя и людишки невежественные, особенно в сравнении с такими великими философами, однако наученные небом через Священное Писание и просвещенные божественным светом, предполагая говорить против ложной мудрости языческих мужей, заявляем и утверждаем без всяких сомнений, что мир создан всемогущим Богом из ничего и ради людей...

В конце концов, мне показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и

594

какой жребий был уготован ему среди прочих судеб, завидный не только для животных, но и для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения. Но что бы там ни было, выслушайте отцы, и снисходительно простите мне эту речь.

Уже всевышний Отец, Бог-Творец создал по законам мудрости мировое обиталище, которое нам кажется августейшим храмом божества. Наднебесную сферу украсил разумом, небесные тела оживил вечными душами. Грязные, загаженные части нижнего мира наполнил разнородной массой животных. Но, закончив творение, пожелал мастер, чтобы был кто-то, кто оценил бы смысл такой большой работы, любил бы ее красоту, восхищался ее размахом. Поэтому, завершив все дела, как свидетельствуют Моисей и Тимей, задумал наконец сотворить человека. Но не было ничего ни в прообразах, откуда творец произвел бы новое потомство, ни в хранилищах, что подарил бы в наследство новому сыну, ни на скамьях небосврда, где восседал сам созерцатель вселенной. Уже все было завершено; все было распределено по высшим, средним и низшим сферам. Но не пристало отцовской мощи отсутствовать в последнем потомстве, как будто она истощена, не подобало колебаться его мудрости в необходимом деле из-за отсутствия совета, не приличествовало его благодетельной любви, чтобы тот, кто в других должен был восхвалять божескую щедрость, осуждал бы ее в самом себе. И установил наконец лучший творец, чтобы тот, кому он не смог дать ничего собственного, имел общим с другими все, что было свойственно

отдельным творениям. Тогда согласился Бог с тем, что человек — творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные». О, высшая щедрость Бога-Отца! О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет!

(Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека. С. 139-142,215-216)

595

Натурфилософия В XV—XVI вв. интерес к изучению природы привел к зарождению *натурфилософии* (философии природы).

Первоначально натурфилософия развивалась в рамках магических представлений, и только позднее произошло размежевание магии и науки, причем последнюю еще длительное время называли «натуральной магией». Для современных людей, в глазах которых магия и наука представляются непримиримыми противниками, это утверждение выглядит странным. Но наука и магия имеют ряд общих идейных предпосылок, а именно прочное убеждение в том, что: 1) существуют объективные и постоянно действующие законы бытия в сфере как естественного, так и сверхъестественного; 2) человек в состоянии познать эти законы; 3) на базе этих законов могут быть разработаны технологии, позволяющие человеку воздействовать на природные и/или сверхприродные силы и объекты ради достижения своих целей. В этом смысле процесс выплавки железа из руды и процесс вызова Дьявола — это лишь две различные технологии. В эпохи Средневековья и Возрождения особенно важную роль играла симпатическая магия (магия подобия), основанная на идее единой природы и внутренней связи сходных объектов, на философском уровне такое сходство объяснялось тем, что все сходные объекты причастны одной и той же универсалии. В магико-натурфилософских воззрениях того времени необходимо также отметить представление о существовании космических сил «симпатии» и «антипатии» между, соответственно, сходными и различными предметами. В силу внутренней связи между сходными объектами или действующей между ними силы «симпатии» можно, воздействуя на один объект, подействовать и на другой. Отсюда столь поражающие современных людей приемы медицины того времени, когда болезни сердца лечили с помощью листьев, имеющих форму сердца, болезни почек — листьев, имеющих форму почек; аналогично, посредством красных камней лечили Кровотечения, желтых — желтуху и т.д.

Весь мир при таком подходе оказывался единым целым, в котором различные его части есть подобия друг друга и мира в целом. Объяснялось это на базе пантеизма, а также идущего от античности принципа: все есть во всем.

Особую роль в этих воззрениях играла астрология, устанавливающая связи земных тел и событий с небесными (прежде всего с положением на небе планет и зодиакальных созвездий). Значение такого параллелизма земного и небесного можно оценить как прогрессивное, учитывая, что в эту эпоху господствовала аристотелевско-птолемеевская картина мира, в которой земной (подлунный) мир принципиально противопоставлялся небесному (надлунному). Эти две части бытия считались у Аристотеля состоящими из различных элементов (подлунный мир — из четырех стихий: воздуха, воды, земли и огня, а надлунный мир — из пятого — эфира), общепринятым было убеждение, что в них действуют различные законы природы и т.д.

Одна из важнейших идей натурфилософии состояла в том, что человек есть «микрокосм», и потому связан сО всей Вселенной: на ладони выделяли «холмы», соответствующие планетам, с зодиакальными созвездиями соотносились различные части человеческого тела. В «Герметическом корпусе» появление семи первых людей, а отсюда и семи типов людей, связано с влиянием семи Управителей планетными сферами; лечение больных часто осуществлялось в соответствии с положением звезд и т.д. Астрологическими идеями была пронизана и алхимия, широко распространенная в эту эпоху. Алхимики

596

ставили перед собой две основные цели: добиться превращения одних веществ в другие (например, свинца — в золото и серебро), а также получить эликсир вечной молодости (интересно отметить, что эти же две основные задачи ставили перед собой и китайские — в основном даосские — алхимики, хотя решить их, особенно вторую, они пытались несколько иначе). Основные химические вещества, используемые алхимиками, отождествлялись с определенными небесными телами (ртуть — с Меркурием, серебро — с Луной и т.д.); время для алхимических реакций выбиралось в соответствии с положением планет, звезд и созвездий и т.д.

Ярчайшие представители ранней натурфилософии — платоники Фичино и Пико делла Мирандола, а также

Парацельс. Во второй половине XVI в. формируется поздняя натурфилософии, главной задачей которой становится изучение природы. Натурфилософию развивали Дж. Кардано, Дж. Бруно, Т. Кам-панелла и др. Наиболее выдающийся представитель поздней натурфилософии — Б. Телезио.

Парацельс Теофрастфон Гогенгейм(1493—1541 гг.) в основном известен под псевдонимом *Парацельс.* Родился в Швейцарии, окончил Феррарский университет; был известным врачом, химиком, философом, внес большой вклад в развитие научной методологии. Медицина того времени полностью опиралась на авторитет Гиппократа, Галена и Авиценны. Но, как говорил Парацельс своим студентам-медикам: «Чтение никогда еще не создало ни одного врача». Свое преподавание в Базельском университете он начал с публичного сожжения книг по медицине и химии. Он был первым, кто привел студентов к постелям больных, заставляя их изучать течение болезней на практике, а не по книгам. Преподавал Парацельс не на латыни, а на родном языке, и яростно отстаивал право на это. Но в то же время он был алхимиком и имел репутацию чернокнижника (и позднее послужил для Гете праобразом Фауста). Его естественно-научные взгляды были пронизаны магическими идеями.

Пролог

Из книги «Маги-ческий Архидоко-Парацельса»

Прежде всего, воззвав к Имени Господа Иисуса Христа — Спасителя нашего, — мы предпримем попытку выполнить эту работу, где станем учить не только, как обратить любой худший металл в лучший — железо в медь, медь в серебро, а серебро в золото и т.д., но также излечивать все немощи, лечение коих предвзятым и самонадеянным врачам кажется невозможным, и даже более того, помогать смертным сохранять здоровье до глубокой и совершенной старости. Это Искусство было начертано нашим Господом Богом Творцом Всевышним от начала творения, словно в книге, в телах металлов. И по ним мы должны усердно учиться этому Искусству. Следовательно, когда любой человек желает прилежно и совершенно освоить это Искусство от его истинной основы, будет необходимо, чтобы он учился ему от Мастера, то есть от Бога, который сотворил все вещи и единственный знает, какую природу и свойство он вложил в

каждое создание. Посему Он может научить каждого бесспорно и в совершенстве, и от Него мы можем научиться, ибо Он сказал: «От Меня вы узнаете все вещи». Ведь нельзя найти ни на Небе, ни на Земле таких тайн, чьи свойства Он, сотворивший все, не постигает, не знает и не видит наиболее точно. Мы, следовательно, примем Его как нашего Наставника, Руководителя и Ведущего в этом самом истинном Искусстве. Поэтому Ему одному будем мы подражать, и через Него будем учиться и обретем знание того, что Он сам перстом своим выгравировал в телах металлов. И так получится, что Всевышний Господь Бог благословит все творения для нас и освятит все наши пути, дабы в труде том мы могли привести Начало наше к желаемому Завершению, и в результате произвести чрезвычайную Радость и Любовь в сердцах наших.

Но если кто-либо последует единственно своему разумению, он введет в великий грех не только себя, но и всех остальных, принявших это мнение, и приведет их к ущербу. Ибо, конечно же, человек рожден в невежестве, так что он не может ничего знать или понять сам, помимо того, что получает от Бога и постигает от Природы. Тот, кто ничего не узнает от них, подобен языческим учителям и философам, следующим тонкостям и искусствам личных изобретений и мнений — таких как Аристотель, Гиппократ, Авиценна, Гален и пр., основывавших свои искусства лишь на собственных мнениях. И если когда-либо они чему-то и научились у Природы, то погубили это своими фантазиями, грезами или выдумками, прежде чем постигли что-либо окончательно; так что ни у них, ни у их последователей невозможно найти ничего совершенного.

Все это заставило и побудило нас написать особую книгу по алхимии, основанную не на человеческом, но на самой Природе и на тех достоинствах и силах, которые Бог своим перстом запечатлел в металлах. Меркурия Трисмегиста, подражавшего этому запечатлению, не без заслуги называют отцом всех мудрецов и всех, кто следует Искусству этому с любовью и искренним желанием. И человек этот показывает и учит, что только Бог — единственный автор, причина и источник всех творений в этом Искусстве. Но он не приписывает творениям или видимым вещам силу и добродетель Бога, подобно помянутым язычникам. Теперь же, видя, что всему Искусству необходимо учиться у Троицы, то есть у Бога Отца, Бога Сына — спасителя нашего Иисуса Христа — и у Бога Духа Святого, трех различных ипостасей единого Бога. Посему мы разделим наш труд об алхимии на три части, или трактата: в первой части мы установим то, что содержит в себе Искусство и что является свойством и природой каждого металла. Во второй — каким образом человек может воздействовать и выявлять подобные силы и крепость металлов. В третьей — какие тинктуры (настойки. — *Сост.)* приготовляются из Солнца и Луны.

598

О простом огне

Во-первых, мы попытаемся установить, что содержит в себе это Искусство, каков его предмет и каковы его свойства.

Главный и основной предмет, принадлежащий этому Искусству, есть огонь, который всегда живет в одном и том же качестве и действии и не может получить жизнь от чего-либо иного. По этой причине ему свойственны возможность и сила оживлять, как и всем огням, сокрытым в тайных вещах, подобно Солнцу, назначенному Богом согревать все вещи в мире, как сокрытые, так и видимые, проявленные, такие как сферы Марса, Сатурна, Венеры, Юпитера, Меркурия и Луны, не способные дать света иного, помимо заимствованного у Солнца, ибо сами они мертвы. Тем не менее, когда их зажигают, они приходят в движение и действуют в соответствии со свойствами своими. Но само Солнце получает свой свет ни от кого другого, кроме Бога, который управляет им, горит и сияет в нем. Иначе и быть не может в Искусстве сем.

Огонь, накаляющий печь и сосуды, сравним с Солнцем в огромном мире; ибо как ничто не появится в мире без Солнца, подобным же образом в этом Искусстве ничего нельзя создать без простого огня; ни одно действие невыполнимо без него. Он — величайшая тайна, заключающая в себе все вещи, понимаемые в этом Искусстве. По-другому огонь нельзя постичь, ибо он пребывает сам по себе, и нет ничего, чего бы ему недоставало, но другие вещи хотят его, наслаждаются им и имеют жизнь от него. Потому мы должны были объявить это прежде всего.

Множественность огня, от коей появляются различные металлы

Мы написали сначала о простом огне, живущем и питающемся от себя самого. Теперь же мы станем говорить о многообразном духе или огне, который есть причина разнообразия и различия созданий, так что нельзя найти одно в точности похожее на другое и одинаковое во всех частях. Это можно видеть на примере металлов, из коих нет ни единого, который бы имел точный аналог. Солнце производит свое золото. Луна производит металл весьма отличный, а именно серебро, Марс — другой, то есть железо, Юпитер производит иной вид металла, а именно олово, Венера — медь, а Сатурн — свинец; так что все они разные, и каждый отдельно взятый отличается от других. То же самое кажется справедливым и среди людей, как и всех прочих созданий. Причина тому — множественность огня. Подобно тому, как некоторое количество тепла образует, искажаясь, одно следствие, движение моря — другое, пепел — третье, песок — четвертое, пламя огня — пятое, уголь — шестое и т.д.

599

Это разнообразие творений не происходит от первого простого огня, но из множества разнообразных элементов; не от Солнца, а от хода семи планет. И в этом причина того, что мир не содержит ничего одинакового в своих индивидуальных особенностях, ибо подобно теплу, преобразующемуся и изменчивому каждый час и каждую минуту, изменяются и все прочие вещи, ибо трансмутация огня проходит в элементах, в чьих телах она запечатлена этим огнем. Там, где элементы менее всего сгущены, проявляется Солнце; где немного более — Луна; где элементы еще более плотны — Венера; и таким образом в соответствии с разнообразием соединений производятся всевозможные металлы; так что ни один металл не появляется на руднике другого. Таким образом, необходимо знать, что разнообразие металлов происходит от смешения элементов, ибо субстраты их столь же разнообразны и не проявляют сходства, которым бы они обладали если б происходили от простого огня. Из этого можно легко понять, почему существует так много металлов и в таких разнообразных формах, и по какой причине один металл не похож на другой.

(Парацелъс Т. Магический архидокс. С. 19—28)

Государство и право

В эпоху Возрождения произошли серьезные изменения в области социально-политических воззрений, в особенности на сущность государства и государственной власти. В Средневековье господствовали теократические взгляды, обоснованные в учении Августина, Фомы Аквинского и других теологов. Согласно им считалось, что власть Папы Римского, являющегося через посредство апостола Петра преемником самого Иисуса Христа, выше власти любого светского государя. Любой государь есть «избранник Божий», но власть он получает только из рук церкви: чтобы стать истинным королем, императором и т.п., необходима процедура «помазания», совершаемая священником. В XIV-^XV вв. папство потерпело ряд серьезных поражений в борьбе за верховную светскую власть, и в это же время получила теоретическое обоснование идея главенства светской власти над церковной (Уильям Оккам и Марсилий Падуанский), и даже необходимости отделения церкви от государства (Марсилий Падуанский). Однако радикальный переворот в социально-политических воззрениях произошел только в XVI—XVII вв., во многом он был связан с развитием протестантизма и религиозными войнами в Европе.

Одним из первых теоретике! зарождающегося абсолютизма стал французский юрист Жан Воден (1530—1596). В эпоху религиозных войн он отстаивал идею веротерпимости и выступал с требованиями сильной королевской власти. Лучшая форма правления — наследственная монархия; король — источник закона и права, но и сам он должен уважать законы. Интересна идея Бо-дена о том, что для разных народов подходят различные способы правления: северными народами необходимо управлять посредством силы, южными —

посредством религии, народами страны с умеренным климатом — посредством разума.

Идея «естественного права» выдвигается и развивается в работе голландского юриста Гуго Греция (1583—1645). Эта концепция оказала большое влияние на социальные воззрения начала Нового времени и эпохи Просвещения.[4]

К наиболее интересным новациям в учениях о государстве и праве относятся следующие. Во-первых, получает распространение «утопическая» литература, в которой строятся модели идеальных государств. К наиболее известным относятся романы «Утопия» английского гуманиста Томаса Мора и «Город-Солнце» итальянского гуманиста Томмазо Кампанеллы и несколько позже — «Новая Атлантида» англичанина Фрэнсиса Бэкона. Во-вторых, возникает социально-политическое учение Никколо Макиавелли, в котором мы сталкиваемся с беспримерным для данной эпохи реалистичным и даже порой циничным отношением к людям, политике и государству.

Из «Города-Солнца» Томмазо Кампанеллы

Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или, по-нашему, Мощь, Мудрость и Любовь.

В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира...

Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее, потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой...

Метафизик же наблюдает оа всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четыры«я лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные...

Философский образ жизни общиной..., общность жен... принята на том основании, что у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить...
601

...В Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно...

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т.д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т.д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

(Томмазо Кампанелла. Город-Солнце. С. 181—183)

Из книги «Госу-дарь» Макиавелли

Никколо Макиавелли (1469—1527 гг.) — родился и большую часть жизни прожил во Флоренции. Многие годы он был секретарем коллегии по иностранным делам флорентийской республики. После возвращения Медичи к власти он был отстранен от работы и сослан в деревню, где и создает свои наиболее замечательные труды. Трактат «Государь» есть по сути дела практическое руководство для политика, где главной целью является благо государства, и совершенно отсутствуют ссылки на божественное происхождение власти и законов или на какие-либо моральные нормы. •

Переходя к другим из упомянутых выше свойств, скажу, что каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием. Цезаре Борджиа многие называли жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица, новый государь еще меньше, чем всякий другой, может избежать упрека в жестокости, ибо новой власти угрожает множество опасностей...

Однако новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмот-

602

рителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость, не озлобила подданных. По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддержи- вается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренеб-речь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы, если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти. Чтобы избежать ненависти, государю необходимо воздерживаться от посягательств на имущество граж- дан и подданных и на их женщин. Даже когда государь считает нужным лишить кого-либо жизни, он может сделать это, если налицо подходящее обоснование и очевидная причина, но он должен остерегаться посягать на чужое добро, ибо люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества. Тем более что причин для изъятия имущества всегда достаточно и если начать жить хищничеством, то всегда найдет- ся повод присвоить чужое, тогда как оснований для лишения кого-либо жизни гораздо меньше и повод для этого приискать труднее.

(Макиавелли Н. Государь. С. 340—348)

Книги и библиотеки

В культуре эпохи Возрождения важнейшую роль играли книги. Уже Пет-рарка создает свою знаменитую коллекцию (в ее описи значилось более тысячи названий). Перед смертью он завещал свои книги собору св. Марка в Вене-ции, но при условии, что все желающие будут иметь к ним доступ. Собирал книги и Боккаччо, его собрание попало после его смерти в один из флорен-тийских монастырей. Крупнейшими собирателями рукописей были Поджо Браччолини и Никколо Никколли — советник по библиотечным делам Кози-

603

мо Медичи. Все свое состояние Никколли истратил на книги, которые завещал родной Флоренции. Библиотеки собирали и многие правители: Козимо Медичи, урбинский герцог Федериго да Монтефельтро, венгерский король Матьяш Хуньяди, папа Николай V и др. Большинство этих библиотек были открыты для широкой публики, читальни находились в удобных, хорошо освещенных залах. В ватиканской библиотеке при папе Сиксте IV появилось важное новшество — выдача книг на дом (то, что мы сейчас называем абонементом). Но книги в этих знаменитых библиотеках часто еще оставались прежде всего предметом роскоши: написанные на пергаменте вместо дешевой бумаги, с прекрасными иллюстрациями, в роскошных переплетах.

Благодаря собиранию древних рукописей европейцы познакомились с античной литературой в подлиннике, а не в мусульманских переводах. После падения Византии, спасаясь от турок, в Италию хлынуло множество образованных греков, которые привезли с собой греческие и латинские (а не переводные) тексты античных авторов. Но книги тем не менее все еще оставались редкостью, работа переписчиков стоила дорого и часто была некачественной. Поэтому, если вы хотели иметь хорошую копию какого-то текста, то должны были сами заняться его перепиской.

Подлинную революцию в книгоиздании произвело *книгопечатание.* Еще в эпоху крестовых походов европейцы увидели у мусульман тексты и картинки, отпечатанные ксилографическим образом (арабы позаимствовали это изобретение у китайцев). Среди подобных картинок были игральные карты, и именно их и стали тем же методом прежде всего воспроизводить в Европе (в конце
XIV в.). Чуть позже ксилография стала использоваться для производства изображений святых, затем изображения начали сопровождать текстами; печаталось все это на дешевой бумаге. Не потребовалось особо много времени, чтобы от вырезанного на доске (перевернутого) текста перейти к использованию разборного шрифта. Но это еще не привело бы к появлению книгопечатания, если бы не был бы найден удобный и дешевый способ отливки отдельных знаков. В середине XV в. во многих городах Европы работали мастера книгопечатания, использующие разборный шрифт. Кто первым его применил, установить сейчас невозможно. Скорее всего это был *Йохан Гуттенберг* (в середине
XV в.), за кем и закрепилась слава первопечатника.
Книгопечатание оказало серьезное влияние на всю последующую культуру: книги стали массовыми, а значит, дешевыми и доступными, следовательно, доступными стали источники знания. Массовое тиражирование способствовало сохранению книг. Оценить это можно только бросив взгляд на историю культуры: ведь, скажем, в пожаре, уничтожившем Александрийскую библиотеку, бесповоротно погибли десятки тысяч книг, которые существовали в те времена в единственном экземпляре!

Школа и обучение

В эпоху Возрождения основными центрами образования оставались по-прежнему школы и университеты. Но в большинстве из них сохранялись (вплоть до Нового времени) прежние схоластические методы обучения и си-
604
схема образования: изучались тривиум и квадриум, а в университетах можно было еще специализироваться по медицине, праву и теологии.
Для гуманистов же было характерно деление всех наук на *науки божественные* (studia divine) и *человеческие* (studia humanitatis). И именно эти последние стали для них объектом основного внимания.
О понятии «studia Ввели его сами гуманисты, перетолковав по-свое-humanitatis» му Цицерона. Значило оно тогда примерно следующее: «Ревностное изучение всего, что составляет целостность человеческого духа». Потому что «humanitas» — это именно полнота и неразделенность природы человека. Леонардо Бруни определял studia humanitatis как «познание тех вещей, которые относятся к жизни и нравам и которые совершенствуют и украшают человека». Салютати указывал на полисемичность слова «humanitas», полагая, что в нем соединились «добродетель и ученость»... Но каждый из двух смыслов включал в себя много других. Например, «ученость» предполагала универсальность знаний на основе владения «словесностью», а «добродетель», помимо душевной кротости и благожелательности, означавшая способность правильно себя вести, была неотторжима от классической образованности и, следовательно, оказывалась не врожденным свойством или благодатью, а чем-то индивидуально достигнутым благодаря неусыпным бдениям над латинскими и греческими рукописями. «Ничего нет для тебя почтенней, ничего прекрасней, ничего похвальней, чем посредством этой учености подняться на ступень над другими и столь почтенными трудами возвыситься над самим собой». Сказанного довольно, чтобы убедиться: выражение «studia humanitatis», *в* сущности, непереводимо...
[Некоторые ученые понимают] под «гуманизмом» «профессиональную область» деятельности примерно между 1280—1600 гг., которая заключалась в занятиях и преподавании известного набора дисциплин (грамматика, риторика, поэзия, история и моральная философия, включая сюда философию политическую) на основе классической греко-латинской образованности. Это... studia humanitatis в совершенно осязаемых, практических и документально засвидетельствованных границах.
Жестко очерченные подобным образом границы гуманизма не совпадают со средневековым квадривиумом, очень отличаются от традиционной номенклатуры «свободных искусств» и показывают серьезный разрыв между гуманизмом и тогдашним университетским обучением. Вне этих границ непременно остаются юриспруденция, медицина, естествознание, философия (под которой схоласты понимали именно натурфилософию), логика и теология... это вовсе не означает, будто гуманизм не воздействовал с большой силой на традиционно схоластические дисциплины или что гуманисты не могли заниматься любой из них; но тогда и постольку они выступали уже не в роли гуманистов,
605
выходили за пределы «гуманизма в собственном смысле слова», использовали гуманистические знания и приемы на другом поприще.
(Боткин Л.М. Итальянское Возрождение. С. 48—52)
Неудовлетворенность существующей системой образования привела гуманистов к созданию собственных

центров обучения: ими прежде всего становились стихийно возникающие кружки гуманистов, а кроме того — особые учреждения. Наиболее известной из них стала *Академия,* учрежденная во Флоренции *Козимо Медичи* (по инициативе грека *Георга Гемиста Плетона* (около 1355—1450 гг.)) и достигшая своего расцвета при *Лоренцо Медичи* (Великолепном). В Академии читались лекции, велась большая переводческая и комментаторская работа, регулярно проводились чтения и беседы.

«Перед школою» *Дезидерий Эразм* (1467—1536 гг.), прозванный по месту **Эразма** рождения Роттердамский, — крупнейший представитель **Роттердамского** гуманизма Северного Возрождения. Он писал на латинском языке, часто путешествовал (побывал почти во всех странах Европы). Он был учеником Лоренцо Баллы и другом Томаса Мора. Особую роль в культуре Возрождения сыграли сатиры Эразма «Похвала глупости» и «Разговоры запросто», где жестоко высмеивается лицемерное и невежественное духовенство, высокомерные и продажные придворные, человеческая глупость. Ниже приводится его сатира на современную ему школу.

Сильвий. Иоганн

Сильвий Почему ты бежишь сломя голову, Иоганн?

Иоганн f Шкуру свою спасаю, как говорится.

Сильвий При чем здесь шкура?

Иоганн А при том, что если я не поспею вовремя, — пока еще не прочли список, — с меня не одну, а семь шкур спустят.

Сильвий Ну, тогда тебе не о чем тревожиться. Пятый час едва миновал. Взгляни на часы: стрелки еще не коснулись отметки между пятым и шестым.

Иоганн Не очень-то я верю часам — врут они постоянно.

Сильвий Хорошо, поверь мне: я слышал голос колокола.

Иоганн И что же он говорил?

Сильвий Пробил пять.

Иоганн Но есть и еще причина для страха. Надо прочитать на память вчерашний урок, очень длинный, а я едва ли сумею.

Сильвий Эта опасность не твоя, а общая. Я тоже помню урок неважно.

Иоганн А ведь ты знаешь, какой свирепый у нас учитель. Он бы каждую провинность карал смертью. Так отхлещет, словно бы зады наши обтянуты бычьею кожей.

Сильвий Но его не будет в школе.

Иоганн А кого он оставил вместо себя?

Сильвий Иоганн
Сильвий Иоганн
Сильвий
Иоганн
Сильвий
Иоганн
Сильвий
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий
Андрей
Корнелий

Андрей.
Корнелий
Андрей
Корнелий
Корнелия.
Этого косоглазого? Бедные наши ягодицы! Он до того драчлив, что и самого Орбилия посрамит.
Да, правда, и я часто молюсь, чтоб у него рука отнялась. Это нехорошо — проклинать учителя. Скорее самим надо остерегаться, чтобы не попасть в лапы к тирану. Давай почитаем друг другу. Один будет говорить, другой — следить по книге. Прекрасная мысль!
Успокойся, соберись с духом. Страх отшибает память. Я бы легко стряхнул с себя робость, да ведь опасность какая! В этакой крайности кто сохранит присутствие духа? Конечно. Но все же рискуем мы не головою, а как раз противоположною частью.
Корнелий. Андрей
Водить пером ты умеешь, но у тебя бумага протекает: влаж-
новата она, вот чернила и расплываются.
Пожалуйста, очини мне это перо.
Ножа перочинного нет.
Вот, возьми.
Да он совсем иступился.
На тебе точильный камушек.
Как ты любишь писать — чтоб острие потверже было или
помягче?
Примеряй по своей руке.
Мне нравится помягче.
Пожалуйста, напиши мне все буквы по порядку.
Греческие или латинские?
Сперва попробую списать латинские.
Ладно. Давай бумагу.
Бери.
Но у меня чернила слишком жидкие, оттого что воду часто подливал.
А у меня листок совсем высох.
Ну, так высморкайся на него, а если хочешь — пописай. Нет, нет, я сейчас у кого-нибудь попрошу. Лучше иметь дома свое, чем просить об одолжении. Что такое школьник без пера и чернил? То же, что воин без меча и щита.
Эх, были бы у меня пальцы такие же проворные!.. А то я не поспеваю за учителем, когда он диктует. Главное — это чтобы писать хорошо, а уж потом — чтобы скоро. Если достаточно хорошо, — значит, и достаточно быстро.
607
Андрей Отлично сказано. Только песенку эту — насчет «хорошо» и «скоро» — ты спой учителю за диктовкою.
(Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. С. 243—245)

Литература

Особенно ярко культура Возрождения проявилась в изобразительном искусстве и литературе. Литература этого периода настолько богата и разнообразна, что почти невозможно ее коротко охарактеризовать. К основным ее чертам относятся жизнеутверждающий характер, восхищение красотой мира, человека и его свершений, важнейшей темой поэзии становится любовь.
К крупнейшим писателям Италии относятся Петрарка, Боккаччо, Арио-сто; *Германии* — Эразм Роттердамский, Гуттен, Рейхлин, Брант; *Франции* — Рабле, Вийон, Ронсар, Агриппа д'Обинье, Лабе, Монтень; *Англии* — Чосер, Сидни, Спенсер, Шекспир; *Испании* — Сервантес, де Кеведо.
В эпоху Возрождения сначала в Италии, а затем и в Северных странах возникают литературные объединения: Камеры риторов в Нидерландах, Ареопа-гус — в Англии, Плеяды — во Франции; на базе объединения «Плеяды» во Франции возникает первая *Академия поэзии и музыки.* В литературе Северного Возрождения важное место заняла сатира и пародии на современные нравы, на человеческую глупость, на средневековые идеалы и средневековую литературу.
Из ПОЭЗИИ *Франческа Петрарка (*1304—1374 гг.) — это тот человек,
Фрамческо с жизнью и творчеством которого связывается обычно
Петрарки начало эпохи Возрождения. Петрарка —великий гума-
нист и гражданин, но он еще и родоначальник новой современной поэзии. Его написанные на итальянском языке стихи получили широкое признание. На торжественной процедуре в Риме Петрарка был увенчан

лавровым венком.

Из сонетов (На жизнь Мадонны Лауры)

Не раз, моя врагиня дорогая, Я в знак того, что боя не приму, Вам сердце предлагал, но вы к нему Не снизошли, гордыне потакая.

О нем мечтает, может быть, другая, Однако тщетно, не бывать тому: Я не хозяин сердцу своему, Отринутое вами отвергая.

Когда оно, отторгнутое мной, Чужое вам, не может быть одно, Равно как предпочесть другие двери,

608

Утратит путь естественный оно,
Мне кажется, и этому виной
Мы будем оба — правда, в разной мере.

Из сонетов (На смерть Мадонны Лауры)

Уходит жизнь — уж так заведено, — Уходит с каждым днем неудержимо, И прошлое ко мне непримиримо, И то, что есть, и то, что суждено.

И позади, и впереди — одно, И вспоминать, и ждать невыносимо, И только страхом божьим объяснимо, Что думы эти не пресек давно.

Все, в чем отраду сердце находило, Сочту по пальцам. Плаванью конец: Ладье не пересилить злого шквала.

Над бухтой буря. Порваны ветрила, Сломалась мачта, изнурен гребец И путеводных звезд как не бывало.

Из «Письма к потомкам»

Коли ты услышишь что-нибудь обо мне — хотя и сомнительно, чтобы мое ничтожное и темное имя проникло далеко сквозь пространство и время, — то тогда, быть может, ты возжелаешь узнать, что за человек я был и какова была судьба моих сочинений, особенно тех, о которых молва или хотя бы слабый слух дошел до тебя. Суждения обо мне людей будут многоразличны, ибо почти каждый — говорит так, как внушает ему не истина, а прихоть, и нет меры ни хвале, ни хуле. Был же я один из вашего стада, жалкий смертный человек, ни слишком высокого, ни низкого происхождения. Род мой (как сказал о себе кесарь Август) — древний. И по природе моя душа не была лишена ни прямоты, ни скромности, разве что ее испортила заразительная привычка. Юность обманула меня, молодость увлекла, но старость меня исправила и опытом убедила в истинности того, что я читал уже задолго раньше, именно, что молодость и похоть — суета; вернее, этому научил меня Зиждитель всех возрастов и времен, который иногда допускает бедных смертных в их пустой гордыне сбиваться с пути, дабы, поняв, хотя [• бы поздно, свои грехи, они познали себя. Мое тело было в юности не очень сильно, но чрезвычайно ловко, наружность не выдавалась красотою, но могла нравиться в цветущие годы; цвет лица был свеж, между белым и смуглым, глаза живые и зрение в течение долгого времени не-

609

обыкновенно острое, но после моего шестидесятого года оно, против ожидания, настолько ослабло, что я был вынужден, хотя и с отвращением, прибегнуть к помощи очков. Тело мое, во всю жизнь совершенно здоровое, осилила старость и осадила обычной ратью недугов...

В юности страдал я жгучей, но единой и пристойной любовью и еще дольше страдал бы ею, если бы жестокая, но полезная смерть не погасила уже гаснущее пламя. Я хотел бы иметь право сказать, что был вполне чужд плотских страстей, но, сказав так, я солгал бы; однако скажу уверенно, что, хотя пыл молодости и темперамента увлекал меня к этой низости, в душе я всегда проклинал ее. Притом вскоре, приближаясь к сороковому году, когда еще было во мне и жара и сил довольно, я совершенно отрешился не только от мерзкого этого дела, но и от всякого воспоминания о нем, так, как если бы никогда не глядел на женщину; и считаю это едва ли не величайшим моим счастием и благодарю Господа, который избавил меня, еще во цвете здоровья и сил, от столь презренного и всегда ненавистного мне рабства...

С наибольшим рвением предавался я изучению древности, ибо время, в которое я жил, было мне всегда так не по душе, что, если бы не препятствовала тому моя привязанность к любимым мною, я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век и, чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках. Поэтому я с увлечением читал историков, хотя их разногласия немало смущали меня; в сомнительных случаях я руководствовался либо вероятностью фактов, либо авторитетом повествователя.

(Петрарка. Сонеты. С. 42,255,394-396)

Из «Декамер» она*Джованни Боккаччо* (1313—1375 гг.) — это второй (по-**Боккаччо** сле

Петрарки) человек, идеи и творчество которого оказали решающее воздействие'на формирование самого духа эпохи Возрождения. Боккаччо, как Данхе и Петрарка (с которым они были друзьями), был флорентийцем. Он был автором многих серьезных произведений, среди которых стоит отметить и такие, как «Жизнь Данте» или его диалог с Аврелием Августином. Мало кому известно, что Боккаччо пытался создать новый перевод Библии.

Но, конечно, самым знаменитым произведением Боккаччо является «Декамерон» — сборник из ста новелл — веселых и грустных, поучительных и развлекательных. Строится «Декамерон» по принципу обрамленной или рамочной прозы (прием, восходящий к древнеиндийской литературе и через мусульманскую литературу ставший известным в средневековой Европе). К особенностям «Декамерона» можно отнести то, что он был написан на разговорном языке, а не на латыни, действие происходит не в вымышленном мире и не в давние времена, а в Европе, современной рассказчику. Поэтому, помимо всего прочего, эти рассказы обладают еще большей ценностью как источник сведений о быте и нравах данной эпохи. Важное место в сборнике занимают новеллы, бичующие нравы церкви и церковников, из-за чего позднее «Де-

камерон» окажется в «Индексе запрещенных книг»; ниже приводится одна из таких новелл.

По дошедшим до меня слухам, обворожительные дамы, в Париже проживал богатый купец Джаннотто ди Чивиньи; человек он был добрый, наичестнейший и справедливый, вел крупную торговлю сукнами и был в большой дружбе с иудеем по имени Абрам, тоже купцом, богачом, человеком справедливым и честным. Зная справедливость его и честность, Джаннотто сильно сокрушался, что душа этого достойного, рассудительного и хорошего человека из-за его неправой веры погибнет.

Дабы этого не случилось, Джаннотто на правах друга начал уговаривать его отойти от заблуждений веры иудейской и перейти в истинную веру христианскую, которая, именно потому, что это вера святая и правая, на его глазах процветает и все шире распространяется, тогда как его, Абрама, вера, напротив того, оскудевает и сходит на нет, в чем он также имеет возможность убедиться. Иудей отвечал, что, по его разумению, вера иудейская — самая святая и самая правая, что в ней он рожден, в ней намерен жить и умереть и что нет такой силы, которая могла бы его принудить отказаться от своего намерения. Джаннотто, однако же, на том не успокоился и несколько дней спустя вновь повел с иудеем такую же точно речь и начал в грубоватой форме, как то водится у купцов, доказывать ему, чем наша вера лучше иудейской. Иудей отлично знал догматы своей веры, однако ж то ли из лучших чувств, которые он питал к Джаннотто, то ли на него подействовали слова, вложенные Святым Духом в уста простого человека, но только он начал очень и очень прислушиваться к доводам Джаннотто, хотя по-прежнему твердо держался своей веры и не желал оставлять ее.

Итак, иудей упорствовал, а Джаннотто наседал на него до тех пор, пока наконец иудей, сдавшись на уговоры, сказал: «Ин ладно, Джаннотто. Тебе хочется, чтобы я стал христианином, — я готов, с условием, однако ж, что прежде я отправлюсь в Рим и погляжу на того, кто, по твоим словам, является наместником бога на земле, понаблюдаю, каков нрав и обычай у него самого, а также у его кардиналов. Если они таковы, что я на их примере познаю, равно как заключу из твоих слов, что ваша вера лучше моей, — а ведь ты именно это старался мне доказать, — я поступлю согласно данному тебе обещанию; если ж нет, то я как был иудеем, так иудеем и останусь».

Послушав такие речи, Джаннотто сильно приуныл и сказал себе: «Тщетны все мои усилия, а между тем мне казалось, что они не напрасны, я был убежден, что уже обратил его. И то сказать: если Абрам съездит в Рим, там насмотрится на окаянство и злонравие духовных лиц, то ни за что не перейдет в христианскую веру — какое там: если б даже он и стал христианином, то потом все равно вернулся бы в лоно веры иудейской»...

Иудей сел на коня и с великою поспешностью поехал в Рим, а как скоро он туда прибыл, тамошние иудеи приняли его с честью. Он никому ни слова не оказал о цели своего путешествия и стал украдкой наблюдать, какой образ жизни ведут папа, кардиналы, другие прелаты и все придворные. Из того, что он заметил сам, — а он был человек весьма наблюдательный, — равно как из того, что ему довелось услышать, он вывел заключение, что все они, от мала до велика, открыто распутничают, предаются не только разврату естественному, но и впадают в грех содомский, что ни у кого из них нет ни стыда, ни совести, что немалым влиянием пользуются здесь непотребные девки, а равно и мальчишки и что ежели кто пожелает испросить себе великую милость, то без их посредничества не обойтись. Еще он заметил, что здесь все поголовно обжоры, пьянчуги, забулдыги, чревоугодники, ничем не отличающиеся от скотов, да еще и откровенные потаскуны. И чем пристальнее он в них вглядывался, тем больше убеждался в их алчности и корыстолюбии, доходившем до того, что они продавали и покупали кровь человеческую, даже

христианскую, и всякого рода церковное имущество, будь то утварь или же облачение, всем этим они бойко торговали, посредников по этой части было у них больше, чем в Париже торговцев сукном или же еще чем-либо, и открытая симония называлась у них испрашиванием, обжорство — подкреплением, как будто Богу не ясны значения слов, — да он видит и намерения злых душ, так что наименованиями его не обманешь! Все это, вместе взятое, а равно и многое другое, о чем мы лучше умолчим, было противно иудею, ибо он был человеке воздержанный и скромный, и, полагая, что насмотрелся вдоволь, он порешил возвратиться в Париж, что и было им исполнено. Джаннотто, как скоро узнал об его приезде, поспешил к нему, хотя меньше всего рассчитывал на его обращение в христианство, и они очень друг другу обрадовались. Джаннотто дал иудею несколько дней отдохнуть, а затем приступил к нему с вопросом, как ему понравились святейший владыка, кардиналы и другие придворные.

Иудей, не задумываясь, ответил: «Совсем не понравились, разрази их господь! И вот почему: по моим наблюдениям, ни одно из тамошних духовных лиц не отличается ни святостью, ни богобоязненностью, никто из них не благотворит, никто не подаст доброго примера, словом, ничего похожего я не усмотрел, а вот любострастие, алчность, чревоугодие, корыстолюбие, зависть, гордыня и тому подобные и еще худшие пороки,.— если только могут быть худшие пороки, — процветают, так что Рим показался мне горнилом адских козней, а не горнилом богоугодных дел. Сколько я понимаю, ваш владыка, а глядя на него, и все прочие стремятся свести на нет и стереть с лица земли веру христианскую, и делают это они необычайно старательно, необычайно хитроумно и необычайно искусно, меж тем как им надлежит быть оплотом ее и опорой. А выходит-то не по-ихнему: ваша вера все шире распрост-

612

раняется и все ярче и призывней сияет, — вот почему для меня не подлежит сомнению, что оплотом ее и опорой является Дух Святой, ибо эта вера истиннее и святее всякой другой. Я долго и упорно не желал стать христианином и противился твоим увещеваниям, а теперь я прямо говорю, что непременно стану христианином. Идем же в церковь, и там ты, как велит обряд святой вашей веры, меня окрестишь».

(Боккаччо Джвванни. Декамерон. С. 38—41)

Из автобиографии *Бенвенуто Челлини* (1500—1571 гг.) — известный ху-**Бенвенуто Челлини** дожник, скульптор и ювелир. Осознание ценности человеческой личности, характерное для эпохи Возрождения, приводит к тому, что не только в обязательном порядке начинает указываться автор созданного произведения (в литературе, изобразительном искусстве и т.п.), но и к повышению интереса к самой личности автора. Это привело к возникновению жанра биографий, посвященных теперь не жизни святых, что было характерно для Средневековья, а жизни художников-творцов. Так, Петрарка пишет «Жизнь Данте», в начале XV в. неизвестный автор создает жизнеописание Филиппе Брунелески — знаменитого архитектора, позднее Вазари напишет собрание жизнеописаний всех известных художников своего времени. Но кроме биографий появляются еще и автобиографии — первой была автобиография Лоренцо Гиберти, знаменитого скульптора и архитектора. К этому же ряду произведений относится и книга Челлини. Особенно интересна она тем, что дает образ полнокровной и разнообразной жизни художника Возрождения. Челлини не только работает в мастерской, создавая свои шедевры, но он и путешествует, дерется на дуэлях, сражается в качестве солдата, оказавшись по приказу папы в тюрьме, он бежит оттуда (единственный, кому удалось бежать из-замка св. Ангела!). Короче, жизнь Челлини похожа на увлекательный роман. Ниже приводятся два эпизода из его автобиографии: один — описывающий воинские подвиги Челлини, другой — рассказывающий о его участии в сеансе некромантии, что высвечивает для нас непривычную грань жизни и верований людей эпохи Возрождения.

Я продолжал стрелять из моих орудий и с ними каждый день совершал что-нибудь замечательное; так что у папы я снискал доверие и милость неописуемые. Не проходило дня, чтобы я не убил кого-нибудь из врагов с воли. Как-то раз среди прочих папа разгуливал по круглой башне и увидел в Прати испанского полковника, какового он узнал по некоторым приметам, потому что тот когда-то состоял у него на службе; и, рассматривая его, он о нем разговаривал. Я, который был наверху у Ангела и ничего об этом не знал, а видел человека, который там стоит и распоряжается рытьем окопов, с копьецом в руке, одетый весь в розовое, раздумывая, что бы такое я мог ему сделать, взял один мой кречет, который там у меня был, а это такое орудие, больше и длиннее сак-ра, вроде полукулеврины, это орудие я разрядил, затем зарядил его изрядной долей мелкого пороха, перемешанного с крупным; затем отлично навел его на этого красного человека, взяв изумительную дугу,

613

потому что тот был настолько далеко, что по науке нельзя было бы попасть на таком расстоянии из подобного рода орудия; я запалил и угодил прямо в середину этому красному человеку, каковой

из щегольства привесил себе шпагу спереди, на некий свой испанский манер; и вот, когда мое ядро, долетев, ударилось об эту шпагу, то видно было, как сказанного человека разрезало пополам. Папа, который ничего такого не ожидал, пришел в великое удовольствие и изумление как потому, что ему казалось невозможным, чтобы орудие могло попасть в такую далекую цель, так и потому, что этого человека разрезало пополам, он не мог уразуметь, как это могло случиться; и, послав за мной, стал меня,спрашивать. Поэтому я ему рассказал, какое я приложил тщание, производя выстрел; но почему человек оказался разрезанным пополам, тому ни он, ни я не понимали причины. Преклонив колена, я попросил его благословить меня во отпущение этого человекоубийства и других, которые я учинил в этом замке на службе церкви. На это папа, воздев руки и осенив широким крестным знамением мою фигуру, сказал мне, что он меня благословляет и что он мне прощает все человекоубийства, которые я когда-либо совершил, и все те, которые я когда-либо совершу на службе апостольской церкви. Удалившись, я пошел наверх и с усердием безостановочно стрелял; и почти ни один выстрел не попадал мимо. Мое рисование, и мои прекрасные занятия, и моя красота музыкальной игры — все ушло в игру на этих орудиях, и, если бы я рассказал подробно все те чудесные дела, какие в этой адовости жестокой я совершил, я бы изумил мир; но, чтобы не быть слишком длинным, я их опускаю...

О некромантии

Когда мы пришли на назначенное место, некромант, сделав те же свои приготовления тем же и даже еще более удивительным образом, поставил нас в круг, каковой он снова сделал с самым изумительным искусством и с самыми изумительными церемониями; затем этому моему Винченцио он поручил заботу о куреииях и об огне; взял ее на себя также и сказанный Аньолино Гадди; затем мне он дал в руки пентакул, каковой он мне сказал, чтобы я его поворачивал сообразно местам, куда он мне укажет, а под пентакулом у меня стоял этот мальчуган, мой ученик. Начал некромант творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество этих самых демонов, начальников этих легионов, и приказывал им силой и властью бога несотворенного, живого и вечного, на еврейском языке, а также немало на греческом и латинском; так что в короткий промежуток весь Кулизей наполнился в сто раз больше, нежели они то учинили в тот первый раз. Винченцио Ромоли разводил огонь, вместе с этим сказанным Аньолино, и великое множество драгоценных курений. Я, по совету некроманта, снова попросил, чтобы мне можно было быть с Анджеликой. Обернувшись ко

мне, некромант.сказал: «Слышишь, что они сказали? Что не пройдет и месяца, как ты будешь там, где она». И снова прибавил, что просит меня, чтобы я у него держался твердо, потому что легионов в тысячу раз больше, чем он вызывал, и что они самые что ни на есть опасные; и так как они установили то, о чем я просил, то необходимо их улестить и потихоньку их отпустить. С другой стороны мальчик, который стоял под пентакулом, в превеликом испуге говорил, что в этом месте миллион свирепейших людей, каковые все нам грозят; потом он сказал, что появилось четыре непомерных великана, каковые вооружены и показывают вид, что хотят войти к нам. Тем временем некромант, который дрожал от страха, старался, мягким и тихим образом, как только мог, отпустить их. Винченцио Ромоли, который дрожал, как хворостинка, хлопотал над куреииями. Я, который боялся столько же, сколько и они, старался этого не показывать и всем придавал изумительнейшего духу; но я считал себя наверняка мертвым, из-за страха, какой я видел в некроманте. Мальчик спрятал голову между колен, говоря: «Я хочу умереть так, потому что нам пришла смерть». Я снова сказал мальчику: «Эти твари все ниже нас, и то, что ты видишь, — только дым и тень; так что подыми глаза». Когда он поднял глаза, он опять сказал: «Весь Кулизей горит, и огонь идет на нас». И, закрыв лицо руками, снова сказал, что ему пришла смерть и что он не хочет больше смотреть. Некромант воззвал ко мне, прося меня, чтобы я держался твердо и чтобы я велел покурить цафетикой; и вот, обернувшись к Винченцио Ромоли, я сказал, чтобы он живо покурил цафетикой. Пока я так говорил, взглянув на Аньолино Гадди, каковой до того перепугался, что свет очей вылез у него на лоб, и он был почти вовсе мертв, каковому я сказал: «Аньоло, в таких местах надо не бояться, а надо стараться и помогать себе; поэтому подбросьте живее этой цафетики». Сказанный Аньоло, чуть хотел тронуться, издал громогласную пальбу с таким изобилием кала, каковое возмогло много больше, нежели цафетика. Мальчик, при этой великой вони и при этом треске приподйяв лицо, слыша, что я посмеиваюсь, успокоив немного страх, сказал, что они начали удаляться с великой поспешностью. Так мы пробыли до тех пор, пока не начали звонить к утрене. Мальчик опять нам сказал, что их осталось немного и поодаль. Когда некромант учинил весь остаток своих церемоний, разоблачился и забрал большую кипу

книг, которые приносил с собой, мы все вместе с ним вышли из круга, теснясь друг к дружке, особенно мальчик, который поместился посередине и держал некроманта за рясу, а меня за плащ; и все время, пока мы шли к себе по домам в Банки, он нам говорил, что двое из тех, которых он видел в Кулизее, идут перед нами вприпрыжку, то бегом по крышам, то по земле. Некромант говорил, что сколько раз он ни вступал в круги, еще ни разу с ним не бывало такого великого дела, и убеждал меня, чтобы я согласился заклясть вместе с ним книгу, из чего мы извлечем бесконечное богатство, пото-
615
му что мы потребуем у демонов, чтобы они указали нам клады, каковыми полна земля, и таким образом мы станем пребогаты; а что эти любовные дела суета и вздор, каковые ничего не стоят. Я ему сказал, что, если бы я знал латынь, я бы весьма охотно это сделал. Но он меня убеждал, говоря мне, что латынь мне ни к чему не нужна и что, если бы он захотел, он нашел бы многих с хорошей латынью; но что он никогда не встречал никого с таким стойким духом, как у меня, и что я должен придержаться его совета. За такими разговорами мы пришли к своим домам, и каждому из нас всю эту ночь снились дьяволы.

(Бенвенуто Челлини. Жизнь Бенвенуто. С. 95-96,146-148)

Из «Корабля дураков» Бранта

Себастиан Брант (1457/8-1511 гг.) - знаменитый немецкий гуманист, сын страсбургского трактирщика, он получил хорошее образование и стал профессором канонического и римского права Базельского университета. «Корабль дураков», опубликованный им в 1494 г. в Базеле, представляет собой сатирико-дидактическую поэму (написанную на немецком языке, а не по латыни), в которой ярко и беспощадно высмеиваются пороки современного ему обще-
ства.

О танцах

Как благо танцев не признать:
Вперед шага четыре-пять
И столько же проходишь вспять!
* * *
Я объявляю дураками Всех тех, кто, дрыгая ногами, В прыжках дурацких и круженье Находят удовлетворенье. Но лишь помыслю я о том, Что танец порожден грехом, Я в выводе суровом тверд: Людей навел на танцы черт, Создав для них тельца златого, Дабы унижен был Иегова. От танцев много есть последствий, Весьма тлетворных в младолетстве: Заносчивость и самохвальство, Распутство, грубость и нахальство. Стыдливость в танцах не в чести, — Как тут невинность соблюсти?!
На танцах сверх обычной меры Нас тянет в дом мадам Венеры,
616
Амур нас дразнит, шалопут,
И добродетели — капут!
На всем на этом свете, право,
Я не видал вредней забавы
И омерзительнее срама
В дни сельских праздников в честь храма,
Когда, забыв и стыд и страх,
Не только поп, но и монах
С толпой мирян во грех сей тяжкий
Впадает, оголяя ляжки, —
Кой-что еще назвать я смог бы!
Им танцы — лакомее смоквы!

Об астрологах

Глупцов безмозглых предсказанья Мозг обрекают на терзанья. Что бог судил нам в мире этом, То по созвездьям и планетам, Забыв, что ими правит бог, Предречь нам тщится астролог, Как будто мы постигнуть можем, Что уготовил промысл божий... Да, чернокнижья лжеученье Теперь для многих — увлеченье! Как простолюдье, так и знать Все тайное хотят познать — И обязаться чем угодно. Но все напрасно, все бесплодно!

(Брант С. Корабль дураков. С. 77— 78,85)

Из «Фацетии» Г. Бебеля

Генрих Бебель (около 1472 — около 1518 гг.) немецкий гуманист. Его « Фацетии» написаны на основе фольклор-
ного материала.

Рыцарь и мельник

Был один рыцарь, который решил повесить своего мельника, уличенного *в* воровстве. Когда мельник уже взошел на виселицу, рыцарь стал просить заклинать и умолять его, чтобы он назвал ему хоть одного мельника, честного и надежного. Мельник клятвенно заверил, что никого не может назвать. «Если это так, — сказал рыцарь, — сойди с помоста и живи! Мне лучше иметь дело с тобой, чем с другим, может быть, еще более жадным вором».

617

О *человеке, которого на море застала буря*

Один человек, когда на море поднялась буря, начал жадно есть солонину, говоря, что сегодня он сможет пить больше, чем когда-либо.

О человеке, которого должны были повесить!

Когда одного вора вели на виселицу, то священник, приставленный к нему для поддержки и утешения (как полагается), пообещал ему вечное блаженство и обнадежил, что тот будет ужинать со всевышним, если пойдет на смерть, очистившись от своих грехов. Вор, обратившись к священнику, сказал: «...Если так, благой отец, поужинай за меня ты, а я тебе за оказанную услугу подарю два богемских талера»...

Король и нищий

...Нищий попросил у Альбрехта, герцога Саксондкого, пфенниг во имя родства, которое их связывает. «Откуда взялось это родство?» — спросил герцог. Тот ответил: «От Адама — нашего всеобщего родителя». « Пошел прочь! — сказал герцог. — Если я стану давать всем таким родственникам хоть по одному пфеннигу, то мне не хватит ни герцогства, ни моего отцовского наследства».

(Бебель Г. Фацетии. С. 28,86, 144-145)

Театр и драматургия

С самого начала итальянского Возрождения драматургия античных авторов изучалась столь же внимательно, что и другие литературные произведения. Но они скорее считались предназначенными для чтения, нежели для постановки в театре. В кружке профессора римского университета Помпо-ния Лето (1427—1497 гг.) впервые при чтении античных драм Плавта вслух их начали читать в лицах. Затем возникает мода при итальянских дворах разыгрывать комедии Плавта и Теренция на латинском языке. В конце XV в. итальянский гуманист Батиста Гуарини начал переводить эти произведения на современный ему итальянский язык. Подобного рода спектакли превращались в пышные зрелища с роскошными декорациями, играли в них обычно молодые придворные. В начале XVI в. в Италии возникает так называемая *«ученая комедия»* — это пьесы, написанные по-итальянски учеными-гуманистами, обычно использующие сюжеты и персонажи античной драматургии. Творцом новой драматургии по праву считают Лудовико Ари-осто (автора прославленной поэмы «Неистовый Роланд»), написавшего пьесы «Комедия о сундуке», «Подмененные», «Студенты» и др. Внесли свой вклад в развитие итальянской комедии и Никколо Макиавелли, написавший «Мандрагору», Джордано Бруно и многие др. Важным этапом в развитии этого жанра стали комедии Пьетро Аретино (1492—1556 гг.), который далеко отошел от античных образцов.

618

Еще два жанра гуманистического театра — это *трагедия* и *пастораль.* Трагедия была еще ближе, чем комедия, к античным образцам, для нее характерно было нагромождение ужасов и диких страстей, потому в эту эпоху она так и не обрела собственное лицо. Пастораль имела своей основой римскую (восходящую к александрийской) буколическую поэзию. Героями пасторали были изнеженные и благородные пастухи и пастушки, действие разворачивалось на фоне природы, воспевалась любовь избранных натур. Место рождения пасторали — Феррара, а наиболее известный драматург, работавший в этом жан-j ре, — Торкватто Тассо. •

I

Из народного фарса и городского карнавала в Италии к середине XVI в. вырастает и оформляется театр импровизационной комедии — *комедия делъ арте.*

Из "Комедии о придворных нравах» Аретино

Пьетро Аретино (1492—1557 гг.) — сын сапожника из Перуджи, в молодости занимался переплетным делом, живописью, самоучкой выучил латынь, переехал в Рим • и занялся литературной деятельностью. Прославился как самый остроумный и беспощадный насмешник своего времени, он даже получил прозвище «Бич государей». Свой острый язык использовал для вымогательства подарков и пособий, действуя совершенно беспринципно. Спасаясь от врагов, которых сам себе нажил; перебрался в Венецию (которую остерегался задевать). Он написал пять комедий на итальянском языке на современном СМУ МЯТРПИЯ по менном ему материале.

В «Комедии о придворных нравах» действие происходит в Риме, куда по настоянию родителей приехал молодой провинциал, чтобы сделать карьеру — стать кардиналом (а то и папой). Главными героями комедии являются по сути дела слуги, которые всех дурачат и над всеми издеваются — здесь уже заметен серьезный отход от древнеримской традиции, где рабы и слуги всегда благородны и преданы своим господам. Ниже приводится отрывок, где слуги рассуждают о господах.

Россо Наш хозяин самый благородный палач, самый отменный негодяй и самый почтенный осел во всей Италии. Что бы там ни говорили, но не прошло и тысячи лет, как он был в одной компании с Сарапика, а теперь можно с ним разговаривать только в полнолуние.
Канна И, уж, конечно, соврал бы тот, кто вздумал бы утверждать, будто он не сволочь. Да я и сам заметил одну его вшивую подлость — он говорит слугам, которые к нему нанимаются: «За месяц вы испытаете меня как хозяина, а я за месяц испытаю вас как слугу; если я вам понравлюсь, вы останетесь в доме, а если вы мне не понравитесь, вам придется уйти», а в начале следующего месяца он говорит: «Вы мне не подходите».
Россо А, понимаю, в чем хитрость: таким способом он достигает того, что его хорошо обслуживают, а жалованья он не платит.
Канна Хорош гусь! Вроде смешно и жутко, потому как и в бога-то перестаешь верить, когда видишь этакую скотину, которая, опершись на двух лакеев, заставляет шнуровать ему башма-
619
ки, и, если шнурки оказываются разной длины и концы их не сходятся, он начинает орать благим матом.
Россо А ты забыл про надушенную бумагу, которую ему приносят в нужник на серебряном подносе, и о том, что он не станет ею подтираться, покамест ее предварительно не пригубят?
Канна Ха-ха! Мне смешно, когда в церкви за каждую «Богородицу», прочитанную стоящим перед ним пажем, он отсчитывает столько же «Отче наш» на своих четках. И разве не потешно, когда означенный паж, прежде чем зачерпнуть святой воды, целует собственный палец и, погрузив его в воду и отвесив самый что ни на есть испанский поклон, подносит хозяину кончик этого пальца, которым мерзавец крестит себе лоб?
Россо Ха-ха! Это, пожалуй, почище бывшего приора в Капуе, который, когда собирался помочиться, заставлял одного пажа развязывать ему гульфик, а другого — вытаскивать оттуда соловья, а когда ему расчесывали бороду, он ставил перед собой лакея с зеркалом в руке, и, если, на беду, какой-нибудь волос выбивался, цирюльнику было худо.
Канна Скажи, а ты не обращал внимания на те фиговины, какие он выкидывает, когда чистит зубы после еды?
Россо Как — не обращал? Конечно, обращал. Прямо не наглядишься, с каким старанием он это делает. В течение чуть ли не трех часов он растирает их водой, салфеткой и пальцем, а потом на любую услышанную шутку он нарочно разевает рот до отка- зу, чтобы видны были его белые зубы. А разве не уморитель-
но, с какой важностью он расхаживает, закручивает себе волосы на бороде и похотливым взором разглядывает других? *Канна* Давай как-нибудь темной ночью стукнем его топориком по башке. А там будь что будет.
Россо Что ж, стукнем, и пусть послужит это в назидание другим, подобным ему. Однако вот и Валерио. Боюсь, не подслушал ли OHL Пошли-ка отсюда.
(Аретино Пьетро. Комедия о придворных нравах. С. 338—339)
Итальянский театр дал начало еще двум интереснейшим явлениям — испанскому*! английскому театру. *Испанский театр* возникает в XV в., его первыми драматургами были Хуан дель Энсиса (1469—1534 гг.), писавший пасторали, и Торрес Наарро (ум. ок. 1531 г.), писавший «ученые комедии». Но подлинным основоположником национального театра стал *Лопе де Руэда* (1510—1565 гг.) — актер, драматург и директор труппы, которая в течение двадцати лет разъезжала по всей Испании. Большой вклад в развитие испанской драматургии внес *Мигель де Сервантес Сааведра* (1547—1616 гг.), автор прославленного «Дон-Кихота». Ярчайшим драматургом Испании был *Лопе де Вега* (1562—1635 гг.). Работоспособность его была легендарной: по подсчетам современников, он написал около 1800 пьес светского характера и около 400 на
620
религиозные темы. До наших дней дошло около 500 пьес, но и это число не превзойдено поныне ни одним драматургом мира. В пять лет он уже читал по-испански и по-латьни, с детства сочинял стихи и пьесы. Сын дворянина, он вел жизнь богатую приключениями: воевал, дрался на дуэлях (и сидел за это в тюрьме), участвовал в походе «Непобедимой Армады», к счастью, вернувшись из него живым. Язык Лопе де Вега, сохраняя поэтичность, впитал простоту разговорной речи, фабула в его пьесах обрела логику развития, он избавился от искусственного нагромождения ужасов старой трагедии и вульгарности прежней комедии; многие его пьесы строятся на эпизодах национальной истории. До сих пор пьесы Лопе де Вега идут на сценах лучших театров мира.
Английский театр возникает только в. конце XVI в. Протестантские реформы, проведенные Генрихом VIII, и борьба с папством при Елизавете Великой привели к запрещению мистерий, популярностью пользовались в Англии моралите и фарсы. Проникновение в страну идей итальянского Возрождения привело сначала к подражанию итальянским пасторалям, но уже скоро возникает национальная комедия и трагедия. Конец XVI — начало XVII в. характеризуется появлением *«университетских умов».* Это прозвище получила группа драматургов (Марло, Кид, Грин и др.), так как все они учились в университетах и были очень образованными людьми. Истинным родоначальником английской драматургии является *Кристофер Марло*

(1564—1593 гг.) — сын сапожника, он окончил Кембриджский университет, отказывается от открывшейся для него духовной карьеры и поступает актером в труппу (профессиональные актеры в Англии, как и в других европейских странах, считались людьми «второго сорта» и в королевских указах приравнивались к бродягам). Позднее он полностью переходит к литературной деятельности. Наиболее известные его пьесы — «Тамерлан Великий», «Трагическая история доктора Фаустуса», «Эдуард II», последняя написана на тему из английской истории. Популярность театра все время росла, и в Лондоне было построено несколько специальных театральных зданий — -но все за чертой города, так как театр считался злостным рассадником «непристойных, неприличных, бесстыдных речей». В одном из этих зданий помещался «Глобус» — театр, с которым были связаны жизнь и творчество *Вильяма (Уильяма) Шекспира* (1564—1616 гг.). Творчество Шекспира — это вершина ренессансной драматургии. Родом из семьи состоятельного торговца, около 1587 г. Шекспир покидает свой дом (в Стратфорде-на-Эйвоне) и присоединяется к одной из актерских трупп. Вскоре он уже в Лондоне, и на сцене ставятся его первые пьесы. Шекспир как актер и драматург работает до 1612 г. в труппе «Слуги лорда Камергера» (позднее — «Слуги короля»), после чего возвращается в родной город. Шекспир написал 37 пьес, некоторые — на сюжеты «Декамерона» («Гамлет», «Ромео и Джульетта»), ряд — на темы английской истории («Ричард III», «Генрих IV», «Генрих V», «Генрих VI» и др.), на античные и сказочные сюжеты и т.п. Шекспир остается до сих пор самым современным из всех ренессансных драматургов.

Из «Гамлета» Шекспира

Быть иль не быть — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы Иль, ополчась на море смут, сразить их,
621
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть. Уснуть. Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность!
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бренный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленье века
Гнет сильного, насмешку подлеца,
Боль презренной любви, судей медливость,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти —
Беззвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...

(Шекспир В. Гамлет. С. 194-195)

Музыка

Музыка Возрождения в своих первоначальных формах сложилась в XVI в. ...как направление *Аре нова* в Италии и Франции. В последующие столетия оно выдвинуло ряд новых полифонических школ: английскую (Данстейбл, XV в.), нидерландскую школу (XV—XVI вв.), римскую, венецианскую, французскую, немецкую, польскую, чешскую и др. (XVI в.). Профессиональное многоголосие развилось на почве национального народного творчества,

влиявшего на светскую и церковную музыку. Церковь утратила прежнюю монополию в профессиональной музыке. Получили самостоятельное развитие различные жанры
622
светского... музыкального искусства, наполненные гуманистическим содержанием и яркой образностью...
В пышном и выразительном стиле *духовных* мотетов и месс франко-фламандских мастеров (Жоскен Депре, Орландо Лассо), в праздничном и красочном культовом искусстве венецианцев (А. и Дж. Габриели) об-наруживаются светские гуманистические устремления Возрождения настолько сильные, что в период контрреформации ставится вопрос об изгнании многоголосия из религиозного культа. И только музыкальная реформа главы римской школы Палестрини... спасла полифонию для католической церкви. Освободительное движение народных масс в эпоху Возрождения породило протестантские гимны — чешские (гуситские песни), немецкие (лютеровский хорал), французские (гугенотские псалмы Гудимеля), польские (псалмы Гомулки) и др. Возрождение дало мощный толчок развитию инструментальной музыки... Эпоха Возрождения завершилась возникновением самостоятельного стиля оркестрово-ан-самблевой и органно-клавирной музыки (А. и Дж. Габриели) и созданием новых музыкальных жанров — оперы, кантаты, оратории, сольной песни, с которыми связано утверждение гомофонии и возрастание роли основных ладов современной музыки — мажора и минора.
(Штейнпресс Б.С., Ямпольский И.М. Энциклопедический музыкальный словарь. С. 95—96)

Архитектура и строительство

Возникновение нового архитектурного стиля — *стиля Возрождения* — связано в первую очередь с именем знаменитого флорентийского архитектора *Брунеллески.* Особенностью нового стиля является обращение к античным образцам, но не их копирование. Архитектура Возрождения вызывает впечатление равновесия, гармонии и покоя. Еще одной центральной фигурой в архитектуре Раннего Возрождения был Леон Батиста Альберта (1404—1474 гг.), который первым стал воплощением гуманистического идеала «универсального человека». Он написал несколько трактатов, посвященных теории живописи и архитектуры. Наиболее известное здание, возведенное по его проекту, это палаццо Ручеллаи во Флоренции. Главным его нововведением стала ордерная декорировка фасада.
В период Высокого Возрождения ведущее положение в развитии архитектуры занимает Рим. Крупнейший архитектор — *Донато дАнжело Браманте* (1444—1514 гг.), который перестроил Ватикан и создал проект самого значительного архитектурного сооружения эпохи — собора св. Петра. При Браманте только началось его строительство, продолжили его Рафаэль, Перуцци, Ан-тонио да Сангалло Младший, а закончил Микеланджело, и каждый из них внес что-то свое в архитектурный облик собора (в частности, возведение перекрытия над громадным куполом собора — заслуга Микеланджело).
В конце XVI в. появляется новый стиль — *барокко,* получивший развитие в XVH-XVIII вв.
623
О Брунеллески *Филиппа Брунеллески* (1377—1446 гг.) — флорентиец, скульптор и архитектор. Известно, что в молодости увлекался математикой и геометрическими методами построения иллюзорного пространства: на площадях Флоренции он устанавливал декорации, которые с определенного места выглядели как настоящие здания. Любил шутки и розыгрыши, из-за чего, возможно, его долго не принимали всерьез. С 1404 г. уча-ствует в разработке проекта по возведению купола строящегося во Флорен-ции собора Санта Мария дель Фиоре, в конце концов-получает заказ на вы-полнение работы и становится ее руководителем.
Начиная с 1418 года жизнь Брунеллески оказывается прочно спаянной с историей флорентийского зодчества его времени. Если до конкурса на строительные леса для купола Брунеллески оставался «частным» человеком, свободным в выборе занятий и развлечений, если он мог позволить себе иногда вести жизнь «гуляки праздного» (Пушкин), то теперь он становится человеком государственным, жизнь которого расписана по часам, который работает сразу на нескольких объектах, руководит большими группами мастеров и рабочих.
Параллельно со строительством собора в том же, 1419 году Брунеллески начинает работы по созданию комплекса Воспитательного Дома; через три года берет на себя перестройку церкви Сан Лоренцо; в это же время работает на менее ответственных строительных площадках — в капелле Барбадори в церкви Сайта Феличита по другую сторону Арно и в Палаццо Барбадори; с 1424 года начинается реконструкция крепостных стен Флоренции; с 1429-го — работы в монастыре Сайта Кроче; с 1432-го —перестройка жилых кварталов вокруг Собора — создание разного рода служебных помещений для Опера дель Дуомо; 1442 году кардинальная перестройка Палаццо дель Парте Гвельфа; реконструкция помещений в Палаццо Синьории (дата не установлена); наконец, 1446 году, перед самой кончиной мастера, открывается строительная площадь Санто Спирито. Ни одно из начатых Филиппе больших строительств не было им закончено, на всех он был занят,

всеми руководил одновременно. При этом следует иметь в виду, что работа в Соборе не ограничивалась для Брунеллески возведением купола, он участвовал в создании гробницы святого Зинобия, строил крипту под алтарем святого, помогал при установке нового органа, монтировке и креплении певческих трибун и выполнял множество других менее ответственных ' дел. И это только во Флоренции. Параллельно он строил в Пизе, Пис-тойе, Прато — в эти города ездил регулярно, иногда несколько раз в год; в Сиене, Лукке, Вольтерре, в Ливорно и его окрестностях, в Сан Джованни Ва д'Арно он возглавляет фортификационные работы. Он заседает в различных советах, комиссиях, дает консультации по вопросам, связанным с архитектурой, строительством, инженерным делом; его приглашают в Милан в связи с постройкой собора, спрашивают его совета относительно укрепления Миланского замка; он ездит в каче-
624

стве консультанта в Феррару, в Римини, в Мантую, проводит экспер-тизу мрамора в Карраре, куда выезжает неоднократно.

(Данилова И.Е. Брунеллески и Флоренция. С. 48)

Описание Венеции XVII в.

Симеон Лехаци — армянский путешественник, объехавший в XVII в. многие страны Европы и Ближнего Восто-**у Симеона Лехаци** ка и описавший свои впечатления в «Путевых заметках»

Наконец, мы достигли красивого порта, известного и прославлен-ного, удивительного города и богом созданного острова — великой Ве- неции. Уже в двух днях пути по морю показались словно Медный го- род колокольня св. Марка и церкви...

Этот город [кажется] всем людям удивительным и чудесным, ибо он не остров, но не море и не суша, а подобно памятнику Гераклу пост- роен на дорогостоящем и очень прочном основании. Таких строении и зданий человек нигде не увидит, и, кроме бога, никто не может [их] . построить. Они воздвигнуты на воде из нетесанных камней величиной в человеческий рост, а улицы — все вода...

Сан Марко (Собор св. Марка)

Сперва мы вошли в [собор] Сан Марко, то есть Марка Евангелиста — это главная и большая церковь. Наверху перед куполом стояли три медные колонны. В торжественные дни там ставили церковную хо- ругвь, а над ними (колоннами) — четыре отлитых из бронзы диких коня. Вереи врат Сан Марко, верх [их] и все врата [сделаны] из меди и изу- крашены такой искусной резьбой и изваяниями, что их нельзя ни пером описать, ни изобразить как-нибудь иначе. И сколько бы человек ни смотрел, не насытится [этой] красотой. А те кони, сверкающие золотом, смотрят друг на друга, как живые. Еще выше, вокруг куполов, вырезаны и изваяны из белого мрамора двенадцать апостолов и четыре евангелиста и другие удивительные вещи.

Войдя внутрь, мы увидели удивительное сводчатое сооружение. На четырех основных стенах церкви чистым золотом, ляйис-лазурью и другими красками были изображены страсти Христа и святых. Подойдя к главному алтарю, мы поклонились богу и святому евангелисту и попросили отпущения грехов нам и нашим усопшим. Мы прошли вперед, где в часовне из редкостного белого благородного мрамора лежало тело Марка. На трех колоннах устроен купол, который, говорят, подобен золоту, а вечером светится сильнее янарташа. На куполе сделано из чистого золота изображение св. Марка, на которое зрители смотрят с разинутыми от изумления ртами. Весь пол также был выложен мозаикой. Все, что только ни произошло на свете, там увидишь; какие только ни есть на свете животные, звери, твари, птицы — там увидишь. От пестроты мрамора в глазах рябило, и жаль было человеку попирать
625

ногами столь чудесное искусство мудрецов, какого теперь никто не сумеет создать. Нам сказали, что казны Сан Марко не счесть, ибо несметны его сокровища, и казна, и его деньги имеют хождение по всем городам. В переднюю [стену] главного алтаря были вправлены три больших рубина величиной с яйцо; нам сказали, что каждый стоит 100 тысяч грошей. Там была лампада, которая представляла собой светящийся камень; сказали, что он взят из казны царя Константина и нет ему ни цены, ни стоимости; он стоит трижды 300 тысяч красных золотых и даже больше, ибо подобно огню излучает свет. Мы увидели также десять подвешенных жемчужин каждая величиной с голубиное яйцо. Не говорю уже о яхонтах, разноцветных алмазах, изумрудах и других драгоценных камнях, бесценных и бесподобных. Мы увидели также настоящий и подлинный рог носорога, который стоит целой казны. Такие невиданные и дорогие каменья достают только в торжественные дни, а в другие дни прячут. А кто может перечислить золотую и серебряную утварь? Там находился один стамбульский ювелир; он с удивлением сказал, что

каждый камень стоит одного вилайета. Увидев это, мы воздали благодарственную хвалу богу, который дал христианам такую славу и величие, пышное великолепие и власть. Мы же из-за грехов наших лишены в своей горестной жизни всего этого и стали пленниками иноземцев и мусульман.

Колокольня

На следующий день мы поднялись на колокольню; высота ее до колокола — триста ступеней, а оттуда до верхнего купола, где находится крест, [еще] сто ступеней. А на верхушке купола был сделан искусно отлитый из бронзы ангел в рост человека, который снизу казался птицей; в одной руке он держал меч, а пальцем другой указывал, ибо это был ангел — водитель мореплавателей и всех [людей]. Талисман был так мудро устроен, что он показывал пальцем в ту сторону, куда дул ветер.

(Симеон Лехаци. Путевые заметки. С. 65—67)

Изобразительное искусство

Живопись и скульптура Возрождения — это новая фаза в развитии изобразительного искусства. В отличие от Средневековья, когда изображался в первую очередь «горний мир» и его персонажи, теперь объектом внимания становится земной человек. И даже святые, Богородица и сам Иисус изображаются как прекрасные, возвышенные, но люди — в их земной жизни. Отсюда принципиально *меняются приемы изображения:* появляются прямая перспектива, светотень, в картины вводится пейзаж, правильно передается человеческое тело (со всеми его мускулами, костями, жилами) и т.п. Наряду с фресками теперь начинает развиваться станковая живопись, появляется *свет-*

626

екая живопись (в частности, портретная). В XV в. получает распространение *гравюра* (связанная с развитием ксилографического способа печати), фламандский художник Ян ван Эйк разрабатывает технику масляной-живописи.

Важнейшим достижением изобразительного искусства стало создание (после тысячелетнего перерыва) *круглой скульптуры* (обработанной со всех сторон).

Одно перечисление знаменитых художников и скульпторов Возрождения • заняло бы несколько страниц. Поэтому назовем только несколько, так ска-' зать, «суперзнаменитых».

/

В Италии: Джотто, Гиберти, Донателло, Ботичелли, Джорджоне, Тициан,' Веронезе, Тинторетто, Караваджо. Но, конечно, звездами первой величины в этом созвездии великих художников были Леонардо да Винчи, Рафаэль и Ми-келанджело.

В Германии: Дюрер, Кранах Старший, Гольбейн Младший.

В Нидерландах: братья Губерт и Ян ван Эйк, Босх, Брейгель.

В Испании: Веласкес, Мурильо, Эль Греко.

Во Франции: скульптор и архитектор Гужон.

В Англии во время протестантских реформ были уничтожены (при закрытии монастырей) и старые живописные мастерские. Поэтому изобразительное искусство — уже как чисто светское — возникает там позднее.

В конце эпохи Возрождения в изобразительном искусстве получают распространение стили *«маньеризм»,* имеющий внутреннюю связь с барокко, и «караваджизм» (по имени художника Караваджо).

Из «Жизнеописания *Леонардо да Винчи (Ы56*— 1519гг.) — самый «универ-**Леонардо да Винчи,** сальный» из всех универсальных гениев Возрожде-**флорентийского** ния величайший художник, скульптор, архитектор,

живописца»- Вазари ученый.

Он делал рисунки мельниц, сукновальных станков и прочих машин, которые можно привести в движение силой воды, но, так как он хотел, чтобы его профессией стала живопись, он много упражнялся в рисовании с натуры, а подчас и в изготовлении глиняных моделей фигур, одевая их в мягкие, пропитанные глиной тряпки, а затем терпеливо принимался их срисовывать на тончайших, уже сносившихся реймских и льняных тканях, выполняя на них кончиком кисти в черном и белом цвете чудесные рисунки, о чем можно и сейчас судить по некоторым из них, сделанным его рукой и имеющимся в нашей Книге рисунков. Рисовал он и на бумаге столь тщательно и так хорошо, что нет никого, кому в этих тонкостях когда-либо удалось с ним сравняться; такова принадлежащая мне голова, божественно исполненная серебряным карандашом и светотенью. И этот гений был от Бога преисполнен такой благодати и такой потрясающей силы ее проявления, в согласии с разумом и послушной ему памятью, и он своими рисующими руками так прекрасно умел выражать свои замыслы, что рассуждения его побеждали, а доводы ставили в тупик любого упрямца. Он постоянно делал модели и рисунки, чтобы показать, как возможно с легкостью сносить горы и прорывать через них переходы из одной долины в другую

и как возможно поднимать и передвигать большие тяжести при помощи рычагов, воротов и винтов, как осушать гавани и как через трубы выводить воду из низин, ибо этот мозг никогда в своих измышлениях не находил себе покоя, и множество рисунков со следами подобных его мыслей и трудов мы видим рассеянными среди наших художников, да и сам я видел их немало... В числе этих моделей и рисунков был один, при помощи которого он не раз доказывал многим предприимчивым гражданам, управлявшим в то время Флоренцией, что он может поднять храм Сан Джован-ни и подвести под него лестницы, не разрушая его, и он их уговаривал столь убедительными доводами, что это казалось возможным, хотя каждый после его ухода в глубине души и сознавал всю невозможность такой затеи. Он был настолько приятным в общении, что привлекал к себе души людей. Не имея, можно сказать, ничего и мало работая, он всегда держал слуг и лошадей, которых он очень любил предпочтительно перед всеми другими животными, с каковыми, однако, он обращался с величайшей любовью и терпеливостью, доказывая это тем, что часто, проходя по тем местам, где торговали птицами, он собственными руками вынимал их из клетки и, заплатив продавцу требуемую им цену, выпускал их на волю, возвращая им утраченную свободу. За что природа и решила облагодетельствовать его тем, что, куда бы он ни обращал свои помыслы, свой ум и свое дерзание, он в творениях своих проявлял столько божественности, что никогда никто не смог с ним сравняться в умении доводить до совершенства свойственные ему непосредственность, живость, доброту, привлекательность и обаяние.

...Ему казалось, что в тех вещах, которые были им задуманы, рука не способна достигнуть художественного совершенства, поскольку он в своем замысле создавал себе разные трудности, настолько тонкие и удивительные, что их даже самыми искусными руками ни при каких обстоятельствах нельзя было бы выразить. И столько было в нем разных затей, что, философствуя о природе вещей, он пытался распознать свойства растений и упорно наблюдал за вращением неба, бегом луны и движениями солнца...

Написал он также в Милане для братьев доминиканцев в Сайта Ма-риа делле Грацие Тайную вечерю, прекраснейшую и чудесную вещь, придав головам апостолов столько величия и красоты, что голову Христа оставил незаконченной, полагая, что ему не удастся выразить в ней ту небесную божественность, которой требует образ Христа. Произведение это, оставшееся в этом виде как бы законченным, неизменно пользовалось величайшим почитанием миланцев, а также иноземцев, так как Леонардо задумал и сумел выразить то сомнение, которое зародилось в апостолах, захотевших узнать, кто предавал их учителя. Недаром во всех их лицах видны любовь, страх и негодование, вернее, страдание из-за невозможности постичь мысль Христа, и это вызывает не меньшее удив-

ление, чем когда в Иуде видишь обратное, — его упорство и его предательство, не говоря о том, что мельчайшая подробность в этом произведении обнаруживает невероятную тщательность, ибо даже в скатерти самое строение ткани передано так, что настоящее реймское полотно лучше не покажет того, что есть в действительности:

Говорят, что настоятель этой обители упорно приставал к Леонардо с тем, чтобы тот закончил эту роспись, так как ему казалось странным видеть, что Леонардо иной раз целых полдня проводил в размышлениях, отвлекаясь от работы, а настоятелю хотелось, чтобы он никогда не выпускал кисти из рук, как он это требовал от тех, кто полол у него в саду. Не довольствуясь этим, он пожаловался герцогу и так его накалил, что тот был вынужден послать за Леонардо и вежливо его поторопить, дав ему ясно понять, что все это он делает только потому, что к нему пристает настоятель. Леонардо, поняв, что этот государь человек проницательный и сдержанный, решил обстоятельно с ним обо всем побеседовать (чего он с настдятелем никогда не делал). Он много с ним рассуждал об искусстве и убедил его в том, что возвышенные таланты иной раз меньше работают, но зато большего достигают, когда они обдумывают свои замыслы и создают те совершенные идеи, которые лишь после этого выражаются руками, воспроизводящими то, что однажды уже было рождено в уме. И добавил, что ему остается написать еще две головы, а именно — голову Христа, образец для которой он и не собирался искать на земле, что мысль его, как ему кажется, недостаточно мощна, чтобы он мог в своем воображении создать ту красоту и небесную благость, которые должны быть присущи воплотившемуся божеству, а также, что ему не хватает и головы Иуды, которая тоже его смущает, поскольку он не верит, что способен вообразить форму, могущую выразить лицо того, кто после всех полученных им благодеяний оказался человеком в душе своей настолько жестоким, что решился предать своего владыку и создателя мира, и хотя для второй головы он будет искать образец, но что в конце концов, за неимением лучшего, он всегда

может воспользоваться головой этого настоятеля, столь назойливого и нескромного. Это дело на редкость рассмешило герцога, который сказал, что Леонардо тысячу раз прав, а посрамленный бедный настоятель стал усиленно торопить полольщиков своего сада и оставил в покое Леонардо, который спокойно закончил голову Иуды, кажущуюся истинным воплощением предательства и бесчеловечности. Голова же Христа осталась, как уже говорилось, незаконченной...

Засим он приступил, но с еще большим усердием, к анатомии людей, пользуясь в этом деле помощью превосходного философа, читавшего в то время в Павии лекции и писавшего об этом предмете, а именно Маркантонио делла Торре, которому он взамен этого и сам помогал и который был (насколько я слышал) одним из первых, кто начал изучать медицину в свете учения Галена и освещать истинным светом ана-

629

томию, остававшуюся до того времени окруженной густым и величайшим мраком невежества. В этом он чудесно использовал гений, труд и руку Леонардо, который составил книгу из рисунков красным карандашом, заштрихованных пером, с изображением трупов, мышц и костей, с которых он собственноручно сдирал кожу и которые срисовывал с величайшей тщательностью. На этих рисунках он изображал все кости, а затем по порядку соединял их сухожилиями и покрывал мышцами: первыми, которые прикреплены к костям, вторыми, которые служат опорными точками, и третьими, которые управляют движениями, и туг же в разных местах он вписывал буквы, написанные неразборчивым почерком, левой рукой и навыворот, так что всякий, у кого нет навыка, не может их разобрать, ибо читать их можно не иначе как с зеркалом... И тому, кто читает эти рукописи, кажется невозможным, чтобы этот божественный дух так хорошо рассуждал об искусстве, мышцах, сухожилиях и Сосудах, причем обо всем с такой обстоятельностью...

Возвращаясь к произведениям Леонардо, скажу, что в его время в Милан прибыл французский король. Когда же в связи с этим попросили Леонардо сделать какую-нибудь диковинную вещь, он сделал льва, который мог пройти несколько шагов, а затем у него разверзалась грудь и он оказывался весь полон лилий...

(Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. С. 16—26)

Научные знания

Эпоха Возрождения есть эпоха, во многом подготовившая зарождение современной науки, на которой базируются достижения всей современной цивилизации. Именно в Возрождение *возникает стремление к рациональному осмыслению всего созданного, поиску теоретических основ в любой форме деятельности.* Так, изучение античной литературы породило классическую филологию, в среде художников (Брунеллески, Донателло, Мазаччо) разрабатывается теория линейной перспективы, а Леонардо да Винчи вводит понятие воздушной перспективы и т.д. Методы рационального анализа были распространены даже на религию: протестантские теологи в своем анализе религиозных идей и текста Священного писания опирались на методологию, выработанную классической филологией, а девиз М. Лютера «каждый имеет право сам читать и истолковывать Библию» предполагает невиданное в Средневековье уважение к силе человеческого разума.

В этот же период принципиально изменяется картина мира: сначала представления о Земле (благодаря *географическим открытиям),* а несколько позднее — и о Вселенной. Публикация в 1543 г. книги Николая Коперника, а затем дальнейшее развитие астрономии Иоганном Кеплером, Джордано Бруно, Галилео Галилеем и др. стали серьезным ударом не только по аристоте-левско-птолемеевской картине мироздания, но и по авторитету церкви, при-

630

нимавшей эту картину, и что самое главное — по самому догматическому методу мышления. На смену веры в авторитет церкви приходит вера в авторитет науки. Но утвердится она по-настоящему только в Новое время. Насколько непрост был этот процесс, ярко показывает случай с Галилеем, к которому однажды пришел монах — посмотреть на небо в созданный Галилеем телескоп. Глянув в телескоп и увидя своими глазами что-то из открытий Галилея (пятна на Солнце? горы и моря на Луне?), монах перекрестился и закричал, что на другом конце этой трубы сидит черт, искажая изображение — дабы ввести в заблуждение верующих!

Особую роль в дальнейшем развитии науки сыграла разработка экспериментального метода исследования, в чем главная заслуга принадлежит Галилею.

О мореплавании В VIII веке в Китае и в XIII веке в Европе появилось рулевое управление современной конструкции. Руль начали прочно навешивать на ахтерштевень, являющийся продолжением киля и образующий таким образом единое целое со всем судном. Его устанавливали на достаточной глубине под водой, чтобы укрыть от мешающего действия волн. Теперь можно было сделать руль довольно боль- шим по размерам и строить более крупные корабли с хорошими море- ходными качествами, позволявшими плавать и против ветра. Усовер-

шенствование рулевого управления позволило улучшать оснастку судов (очень медленно развивавшуюся после падения Римской империи), полностью завершенную к XV веку. За период с XIII по XV век в развитии мореплавания было сделано больше, чем за предшествующие четыре , тысячелетия. Со времени появления первых парусников до конца древнего мира навигация развилась от речного плавания лишь до пересечения Средиземноморья и каботажного мореходства вдоль побережий континентов (если не считать одного случая пересечения с попутными муссонами Индийского океана). И только в 1492 году, спустя два-три столетия после появления в Европе современного рулевого управления, человеку удалось пересечь Атлантический океан.

Компас — еще один важный вклад... в развитие мореплавания — тоже раньше появился в Китае. Там начиная уже с I столетия до н. э. постепенно накапливались сведения о свойствах магнитных стрелок, «использовавшихся» при гаданиях, пророчествах и т.п. Китайские мо-реплаватели стали пользоваться компасом с XI или самое позднее с на-чала XII века. Европейский компас появился к концу XII столетия и по своей конструкции настолько отличался от китайского, что едва ли мог быть его простой копией. Не исключено, что мысль о компасе была подсказана сообщениями (поступавшими, вероятно, через страны ис- лама) о том, что уже было сделано в Китае...

Уже в 1530 году предпринимались попытки создать механические часы. Но на этом пути стояло много трудностей. Существовавшие в то время часы с балансовым шпиндельным спуском не обеспечивали достаточно точного хода. Первым шагом к созданию надежных часов было включение в их механизм маятника в качестве регулятора. В 1581 году

631

Галилео Галилей (Италия) открыл, что период колебаний маятника с небольшим размахом не зависит от амплитуды этого размаха. В 1641 году он сконструировал маятниковые часы, предназначавшиеся для использования в навигации. После смерти Галилео их частично построил его сын в 1649 году. Гюйгенс (Голландия) посвятил работе над маятниковыми часами около двадцати лет своей жизни (помимо другой широкой деятельности), пытаясь приспособить их к нуждам мореплавания. Он дополнил их многими ценными приспособлениями и начиная с 1657 года создал несколько часов повышенной точности. Но все его попытки, как и многие последующие усилия других механиков, не приводили вплоть до 1726 года к достижению основной цели — заставить маятник правильно качаться в условиях качки судна в открытом океане.

(Лилли С. Люди, машины и история. С. 68—87)

Быт и нравы

Идеалы красоты Эпоха Возрождения провозгласила в конечном счете идеальным типом человека — чувственного человека, того, кто лучше всякого иного в состоянии вызвать у другого пола любовь, притом в строго животном смысле, следовательно, сильное половое чувство. Это применимо не только к целому, но и к частям, т.е. к оценке отдельных красот и мужчины и женщины.

В этом смысле целесообразная красота и восторжествовала в эпоху Возрождения, которая была эпохой революционной. После падения античного мира эта красота здесь праздновала свои высочайшие триумфы. Ибо творческие эпохи не только здоровы, но прямо насквозь пропитаны здоровьем. Мужчина считается совершенным, т.е. красивым, если в нем развиты признаки, которые характеризуют его половую активность: сила и энергия. Женщина объявляется красивой, если ее тело обладает всеми данными, необходимыми для выполнения предназначенного ей материнства, прежде всего грудью, питательным источником жизни. Груди придается все больше значения с развитием Ренессанса. В противоположность Средним векам, когда красивыми считались женщины с узкими бедрами и стройным станом, предпочтение стало отдаваться женщинам с широкими бедрами, крепкой талией, толстыми ягодицами.

В книге Дж. Б. Порта «Физиономия человека», появившейся в XVI в. во Франции, внешность мужчины описывается следующим образом:

«Вот ради чего мужчины от природы имеют крупный стан, широкие лица, немного загнутые брови, большие глаза, четырехугольный подбородок, толстые жилистые шеи, крепкие плечи и ребра, широкую грудь, впалый живот, костистые и выступающие бедра, жилистые крепкие ляжки и руки, твердые колени, крепкие голени, выступающие икры,

632

стройные ноги, крупные, хорошо сложенные жилистые кисти рук, крупные, далеко друг от друга отстоящие лопатки, большие сильные спины, место между спиной и талией равноугольным и

мясистым, костистую и крепкую талию, медленную походку, сильный и грубый голос и т.д. По своему характеру они великодушны, неустрашимы, справедливы, честны, простодушны и честолюбивы».
Идеал красивой женщины Ариосто рисует в лице одной из героинь поэмы «Неистовый Роланд» следующими словами:
«Шея ее бела, как снег, горло подобно молоку, прекрасная шея кругла, грудь широка и пышна. Подобно тому как морские волны набегают и исчезают под легкой лаской ветерка, так волнуются ее груди. Угадать то, что скрыто под светлым платьем, не сумел бы взор самого Аргуса. Но каждый поймет, что оно так же прекрасно, как то, что видно. Прекрасная рука кончается белой кистью, точно выточенной из слоновой кости, продолговатой и узкой, на которой не выступает вперед ни одна жилка, ни одна косточка, как бы она ее ни повернула. Маленькая, круглая, изящная ножка завершает чудесную, полную величия фигуру. Сквозь густую ткань вуали сияет ее пышная ангельская красота...».
И Ренессанс довел свой идеал физического человека до уровня героической расы. В мужчине ценят не только широкую грудь, но прямо геркулесовское сложение. Он должен, как уже сказано, быть Аполлоном и Геркулесом в одном лице. Лицо его должно быть энергично, и потому предпочтение отдается орлиному носу. Такие могучие люди взращиваются с успехом даже искусственно. В своей книге о Шекспире Брандес следующими словами характеризует англичанина эпохи Ренессанса:
«Молодой английский лорд того времени был одним из самых благородных продуктов человечества, чем-то средним между бельведерским Аполлоном и премированным жеребцом в образе человека. Он чувствовал себя настолько же человеком действия, сколько и художником».
В женщине любили пышные формы, превышающие миловидность и грациозность. Женщина должна была быть, как уже замечено, в одном лице Юноной и Венерой. Женщина, корсаж которой предвещает роскошную грудь, ценится выше всего. Вот почему уже девушка щеголяет своей пышной грудью. По мнению Брантома, величественно сложенная женщина заслуживает глубочайшего преклонения. Она должна быть высокого импозантного,роста, должна обладать пышной, прекрасной грудью, широкими бедрами, крепкими ягодицами — как Венера Каллипига, — полными руками и ногами, «способными задушить гиганта». Такова, по мнению Брантома, прекрасная, царственная женщина. Таковы женщины Рубенса в лице трех граций, созданные им для бессмертной жизни. Созерцание таких женщин доставляет величайшую радость, ибо обладание ими сулит мужчине глубочайшее наслаждение.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С. 119—124)
633
Игры и развлечения Игры взрослых имели во все времена в большинстве случаев эротическую подкладку или, во всяком случае, в них всегда звучала эротическая нотка. Содержанием большинства игр, пользующихся симпатией взрослых, служит шутливое ухаживание друг за другом молодых людей обоего пола или процесс взаимного завоевания одного другим.
В Средние века и в эпоху Ренессанса это эротическое содержание игр выступает еще совершенно откровенно. Яснее всего в тех играх, в которых речь шла не о чем другом, как об аллегорическом изображении грубого чувственного удовольствия. Мужчины и женщины хотели как следует и как можно удобнее насладиться удовольствием, доставляемым такими шутками. А проще всего это можно было сделать именно в рамках игры, в которой участвовали оба пола. Характерными примерами таких игр являются «опрокидывание», «похищение поцелуя», «пастух из нового города» и др. Все эти игры были одинаково популярны и распространены.
Игра «опрокидывание» состояла в комическом единоборстве мужчины и женщины. Каждая из сторон должна была попасть поднятой ногой в пятку другого, чтобы вывести его из равновесия и повалить на пол. Дама сидела при этом верхом на спине мужчины, стоявшего на коленях, а кавалер свободно стоял на ногах. Так как женщины тогда не носили нижних юбок, то все единоборство было со стороны дамы беспрерывным добровольным обнажением перед взором зрителей ног и бедер. Это декольтирование снизу вверх достигало своего апогея, когда победа оставалась за кавалером и дама падала на пол. Аналогично содержание игры «похищение поцелуя». Поцелуй играл главную роль во многих играх. В той, которую мы имеем здесь в виду, примитивно грубый характер развлечения бросается прямо в глаза. Борющиеся пары сидели верхом: женщина на плечах мужчины, мужчина на плечах женщины. Очевидно, это была не очень салонная игра, так как конь и всадник то и дело падали и парочки катались по полу или на траве в пестрой сутолоке, в чем и состояло главное удовольствие.

Игра «пастух из нового города» описана Мурнером. В ней тоже все вертелось вокруг поцелуя как награды. Эта игра требовала от женщины такой же силы, как от мужчины, так как и она должна была поднять и кружить его в воздухе. Только та способна участвовать в этой игре, которая «может поднять парня на воздух, когда он принимается скакать и прыгать». Мужчина мстил тем, что поднимал свою партнершу еще выше и вертел ее в воздухе еще отчаяннее. Мурнер замечает по поводу этой игры:

«В ней нет ни приличия, ни пристойности. Когда парни поднимают девиц, то доводят игру до того, что у них все видно». Игра кончалась, по-видимому, массовыми поцелуями.

Так как эти игры были, как нам достоверно известно, в ходу у всех классов и у всех классов пользовались одинаково большой популяр-

634

ностью, то отсюда можно сделать тот важный вывод, что даже в среде богатого бюргерства и дворянства не считалось неприличным, если дамы обнаруживали перед всеми свои тайные прелести или если мужчины и женщины открыто наслаждались подобным зрелищем...

Танец представлял тогда высшее напряжение тенденций, олицетворенных в выше описанных играх. И если сама пляска не приводила к этому, то пытались достигнуть цели с помощью разных экстравагант-ностей. Большинство танцев Ренессанса, и притом самые излюбленные, состояли в диких прыжках, в бешеном кружении и вращении дамы так, чтобы юбки ее поднимались как можно выше. Подобные танцы еще теперь в ходу среди горного населения... Поведение танцора было постоянным сладострастным топанием и криком и представляло, таким образом, наиболее подходящий аккомпанемент к теме...

Парень, сумевший смелее других кружить в воздухе свою партнершу, пользовался славой лучшего танцора, так как позволял ей до дна испить сладкую чашу безумия. Многие девушки поэтому сами побуждали своих кавалеров вести себя как можно смелее. Современник пишет:

«С парнем, не умеющим или не желающим как следует крутить девку, последняя ни за что не хочет плясать и называет его дураком, не способным двигать своими членами. Многие парни не плясали бы так бесстыдно, если бы сами девки не побуждали их к этому, даже более, теперь сами девки кружат в воздухе парней, если последние оказываются слишком ленивыми».

Для девицы, женщины и вдовы — все они одинаково усердно танцевали — не было большей чести, как если ее приглашали с каждому танцу и кавалер поднимал ее выше других.

Когда безумие пляски охватывало девушку, она переставала скупить; ся на те щедрости, которых так жаждали мужчины и юноши. Более стыдливая расстегивала тайком для своего кавалера одну пуговицу в корсаже, более смелая делала это открыто и не ограничивалась одной.

Генрих фон Миттенвейлер говорит в одном стихотворении:

«Девушки бойко прыгали так высоко, что видны были их колени. У Гильды лопнуло платье так, что показалась вся грудь. Гюделейн стало так жарко, что она сама раскрыла спереди свое платье и все мужчины могли насладиться ее красотой».

Главным пунктом тогдашних танцев было так называемое Verkodern (приманка). Автор вышедшего в 1580 г. «Дьявола пляски» описал нам этот прием. Он состоял в том, что кавалер вертел в воздухе свою даму и бросал ее на землю, причем падал сам, другие пары спотыкались, так что в конце концов образовывалась целая куча тел.

«Кто любит непристойности, тому весьма нравится такое кружение, падение и развевание платьев. Он смеется и веселится, ибо ему устраивается настоящее bel videre (прекрасный вид) на иностранный манер» и т. д.

Наибольшее удовольствие получала при этом публика, не участвовавшая в танцах. Многие мужчины отправлялись на пляску специаль-

635

но с тем, чтобы насладиться лицезрением. Поэтому пословица говорила: «Зритель хуже танцора». Не только женщины обнажались при этом непристойным образом, но и мужчины, особенно если они приходили на пляску без штанов или в короткой куртке. В одном полицейском уставе, опубликованном в 1555 г., содержится особая глава о непристойных танцах, в которой говорится, что было бы лучше, если бы все танцы были запрещены, так как «мужчины участвуют почти голыми и вообще позволяют себе невозможно непристойные выходки».

Так как танцорки ничего не имели против того, что их опрокидывали на пол или на землю, то эта забава в некоторых местах вырождалась в настоящую оргию, без которой вообще не обходилась ни одна пляска.

(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. С. 469—476)

Мода Из всех аспектов быта наиболее яркое отражение куль-

тура Ренессанса обрела в моде, поэтому ниже приводится большой фрагмент, посвященный итальянской моде. Кроме итальянской в этот же период широкое распространение имела и испанская мода — гораздо более суровая. Испанский наряд напоминал костюм-броню.

Итальянская мода Мода Ренессанса также возникает во Флоренции, процветание которой было в значительной степени связано с производством тканей и модных изделий.

Общая гуманистическая идея Возрождения со своим открытием человека, с воспоминаниями об античном мире находит выражение в ре-нессансноп моде, в ее ритмичном членении, в умеренном членении основных частей тела. Новая мода отвергла от прошлого все, что не отвечало ее гармоничному пониманию симметрии и умеренности, она также сумела избежать излишне экстравагантных деталей в моде предшествующего периода. Она отказалась от неестественного положения пояса, иногда расположенного слишком низко на бедрах, иногда — слишком высоко над талией, отвергла длинные остроносые башмаки, глубокие остроконечные вырезы платья, вытянутые углами рукава, и все высокие шляпы. Вместо всего этого мода Ренессанса установила новые каноны, которые соответствовали тогдашним идеалам. Больше того, она продиктовала точные правила красоты, которые действительны до сих пор: высокая фигура, широкие плечи, тонкая талия, красивый рот, белые зубы, красный рот, благородные движения и статная фигура. Новая мода обращала также внимание на прическу и цвет волос, на форму груди и рост человека. Основными при этом были человеческие критерии и поэтому, естественно, что она выступала против неестественности готической моды.

Важнейшим условием красоты, как ее понимали в Италии, и до Ренессанса, и во времена ее расцвета и впоследствии были, например,

белокурые волосы. Это требование осуществлялось различными средствами. В то время итальянские женщины знали несколько способов изменения цвета волос. Волосы красили в нужный цвет путем их окраски либо одевали на голову нечто вроде современных париков из накладных волос ярко желтого цвета, чем и достигался нужный эффект. Итальянская светская архитектура Ренессанса учитывала этот момент и при постройке лоджий в домах предусматривались такие удобные места, где можно было обесцвечивать волосы естественным путем — при помощи солнца. Для этой цели женщины использовали специальные шляпы, называемые солана, которые охраняли лицо от солнца и одновременно способствовали обесцвечиванию волос, которые клались на поля этой шляпы. Однако главным требованием новой моды был неестественно высокий лоб, не обрамленный волосами. Плавность линии лба не должны были нарушать даже брови, которые выщипывали не только женщины, но и мужчины, как предписывала мода, о чем сообщает Балтазар Кастильоне в своих записках от 1516 года. Гримировка лица была искусством, которым владела каждая женщина. Руководство Екатерины Сфорца знакомит нас со всеми приемами, которые использовались при наложении грима налицо. В волосы вплетались нити жемчуга и кораллов, волосы украшались специальными сеточками и накидками...

Как все, так и мода в период Ренессанса была научно детализирована. Ренессанс создал первую литературу об одежде, первые руководства о том, как одеваться и гримироваться, как наилучшим образом отвечать требованиям современной моды...

Женское платье XV века присборено таким образом, чтобы создать широкие, симметричные фалды, напоминающие спокойный ритм ре-нессансной архитектуры.

Впервые в этот период женская одежда стала строго делиться выкройкой на длинную юбку и лиф, часто зашнурованный, с маленьким овальным вырезом. Пропорциональным соотношением лифа и юбки итальянская мода выражает свой идеал равновесия различных частей тела, т.е. тенденции, аналогичные тем, что мы видим в итальянской архитектуре, которая как бы «сшита по мерке человека».

С начала своего возникновения лиф женского платья был снабжен простым прилегающим рукавом. Затем было покончено с пережитками средневековья, в том числе и с длинными углообразными полосками материи, отходящими от рукавов. Эти «углы», мешающие движению, стали только как бы эмблемой высших слоев общества... Узкий элегантный рукав ренессансного платья XV века во второй половине столетия, сначала на'локтях, а потом и в пройме, был разрезан и, таким образом, в некоторых местах обнажил нижнее белое белье. Вероятно, эту капризную деталь в ее первоначальном виде можно объяснить требованием времени особое внимание ловкости, подвижности и гибкости. В начале этими разрезами была намечена «механика» человеческо-

го тела, ибо рукава были освобождены именно в местах наибольшего напряжения ткани. В конце концов этой тенденции был подчинен весь покрой платья, в результате чего лиф был отделен от юбки. Сначала разрезы делались по швам. Первоначально они были вертикальные и имели форму фруктовой косточки или яйца и только позже, в XVI веке, рукава стали разрезаться во всех направлениях и делиться на разные части — в виде квадратов, морских звезд и других фигур. В это же время появляется сочетание двух красок в одежде, двух материалов — это, собственно, начало деформации платья, что является особенностью маньеризма. Нижнее белье теперь становится наиболее роскошной частью одежды, т.к. материал белого цвета до сих пор остается одним из самых дорогих. В конце XV века дорогостоящие и трудоемкие рукава, которые шились для дорогих платьев, отделились от лифа и теперь стали прикрепляться к нему на плече только полосками из ткани или лентами. Кроме того, ренессансный рукав стал теперь играть и новую роль, а именно — роль знака сословного отличия, которую он уже исполнял ранее в готической и византийской моде...

В мужской моде Ренессанса господствовали две линии. Так же, как в античное время, в период Возрождения молодые люди и франты ходили в коротком весьма броском костюме; основой его постоянно являлась античная туника, которую средневековая мода снабдила рукавами, а также дополнила различными эксцентричными деталями. Эта одежда... обычно достигала колен, но иногда она была на много короче и открывала облегающие эксцентричные штаны, сшитые из материи разного цвета...

К, другой линии относится мужской плащ с вшитыми рукавами и ширрким воротником, богато присборенный и ниспадающий с плеч до самой земли. Это как бы дальнейшее развитие и продолжение античной тоги. Хотя это и была целевая одежда, однако она сохранила и символическое значение, этот плащ из-за своего «достойного» характера стал эмблемой ученых, пожилых людей и интеллигенции. И неудивительно, что эта классическая одежда вершины Ренессанса сохранилась и до наших дцей и во всем мире используется как официальная университетская одежда для различных церемоний.

(Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова И. Иллюстрированная энциклопедия моды. С. 139—153)

Ш Литература

Аретино П. Комедия о придворных нравах // Комедии итальянского Возрождений: Пер. с итал. М.: Искусство, 1965.

Боткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М.: Изд-во «Российский государственный гуманитарный университет», 1995.

Бебель Г. Фацетии. М.: Наука, 1970.

БоккаччоДж. Декамерон// Боккаччо Джованни. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Пер. с итал. М., 1996.

638

Брант С. Корабль дураков // Брант. Корабль дураков. Эразм. Похвала глупости. Разговоры запросто. Письма темных людей. Гуттен. Диалоги: Пер. с нем. и лат. М.: Худож. лит., 1971.

ВазариДж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: В 5 т. Т. 3: Пер. А.И. Бенедиктова и А.Г. Габричевского. М.: Терра, 1994.

Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII—XX вв.). М.: Наука, 1970.

Гуттен У. *фон.* Диалоги // Брант. Корабль дураков. Эразм. Похвала глупости. Разговоры запросто. Письма темных людей. Гуттен. Диалоги: Пер. с нем. и лат. М.: Худож. лит., .1971.

Иннокентий VIII. Summis desiderantis («Всеми силами души») // Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII—XX вв.). М.: Наука, 1970.

Кампанелла Томмазо. Город-Солнце // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия, 1988.

Лилли С. Люди, машины, история: Пер. с англ. В.А. Алексеева. М.: Прогресс, 1970.

Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Никколо. Избранные сочинения: Пер. с итал. М.: Худож. лит., 1982.

Манетти Дж. О достоинстве и превосходстве человека // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., автор вступ. ст. и коммент. О.Ф. Кудрявцев. М.: Юрист, 1996.

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: В 2 т. Т. 1. М.: АО «Академия моды», 1993.

Парацелъс Т. Магический архидокс. М: Сфера. 2002.

Петрарка Фр. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М.: Правда, 1984.

Симеон Лехаци. Путевые заметки. М.: 1965.

ТаксилъЛ. Священный вертеп: Пер. с франц. Л. Большинцовой. Минск: Беларусь, 1987.

Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: эпоха Ренессанса. Пер. с нем. М.: Республика, 1993.

Челлини Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Чел-лини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции: Пер. с итал. М. Лозинского. М.: Худож. лит., 1987.
Шекспир У. Гамлет // Шекспир У. Трагедии: Пер. с англ. М. Лозинского. Ереван: Айастан, 1986.
Шпретер Я., Институрис Г. Молот ведьм: Пер. с лат. Н. Цветкова. М.: Интербук, 1990.
ШтейнпрессБ. С.,ЯмпольскийИ.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
Эразм Роттердамский. Разговоры запросто // Брант. Корабль дураков. Эразм. Похвала глупости. Разговоры запросто. Письма темных людей. Гуттен. Диалоги: Пер. с нем. и лат. М., Худож. лит., 1971.

КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Исторический очерк Условным *рубежом Нового времени* считается первая английская революция — 1640—1660 гг., во время которой был свергнут и казнен король Карл I (1649 г.); в Англии была провозглашена республика, а с 1653 г. — военная диктатура Оливера Кромвеля. После смерти Кромвеля происходит реставрация монархии: к власти приходит сын Карла I — Карл II (в 1660 г.). Период Реставрации — это расцвет абсолютизма в Англии. Вторая английская революция, так называемая «Славная», 1688—1689 гг.: король Яков II Стюарт был свергнут и изгнан, в качестве короля приглашается Вильгельм III Оранский, устанавливается конституционная монархия. Время «Славной революции» принято считать *началом эпохи Просвещения. Конец эпохи* Просвещения датируется Великой французской революцией — 1789—1794 гг. (хотя в ряде стран, например в Германии, эпоха Просвещения захватывает и начало XIX в.). К важнейшим революционным событиям эпохи относится и Американская революция: во время Войны за независимость, которую вели английские колонии в Северной Америке (1775—1783 гг.), появилось новое государство — Соединенные Штаты Америки («Декларация независимости» была принята Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г.).

XVII—XVIII вв. были временем *господства абсолютизма.* Абсолютизм зарождается еще в середине XV в. в Испании, но его расцвет приходится на два последующих века. Свою классическую форму он обретает во Франции во время правления Людовика XIV и ярко проявляется в период Регентства Филиппа Орлеанского и в период правления Людовика XV.

Философия

Обычно первым философом Нового времени считают англичанина Фрэнсиса Бэкона (1561—1626 гг.), который провозгласил тезис о том, что наука должна приносить практическую пользу и строиться на основании опыта (эксперимента), а не на бесплодных схоластических спекуляциях. Этот же период характерен возникновением целого ряда новых течений в философии: Рене Декарт (1596— 1650 гг.) закладывает *основы рационализма,* затем его идеи получают развитие у

Бенедикта Спинозы (1632—1677 гг.); Джон Локк (1632—1704 гг.) — основоположник *сенсуализма;* Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716 гг.) создает уникальную для европейской философии *монадологию* (в чем-то перекликающуюся с идеями буддийской философии); Джордж Беркли (1685—1753 гг.) — родоначальник европейского *субъективного идеализма;* его ученик Дэвид Юм (1711— 1776 гг.) возрождает (на современной основе) античный *скептицизм.*

В конце XVII—XVIII вв. ведущее положение занимает *философия просветителей.* Философия Просвещения зарождается в Англии, где ее виднейшими представителями были (кроме Локка) Джон Толланд (1670—1722 гг.), Ан-тони Коллинз (1676—1729 гг.) и Джозеф Пристли (1733—1804 гг.). Среди американских просветителей в первую очередь необходимо назвать Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона, Томаса Пейна; среди немецких — Готхоль-да Эфраима Лессинга (1729—1781 гг.). Но

наибольшую известность снискали деятели французского Просвещения: Шарль Луи Монтескье, Вольтер, Дени Дидро, Жан-Жак Руссо, Жюльен Офре де Ламетри (1709— 1751 гг.), Клод Адриан Гельвеции (1715— 1771 гг.), Поль Анри Гольбах (1723—1789 гг.) и др.

Важную роль в распространении и популяризации идей просветителей сыграло *издание* во Франции - *«Энциклопедии,* или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» — в 17 томах текста и 11 томах иллюстраций — 1751— 1780 гг.; практически все виднейшие французские просветители участвовали в этой работе.

Главная идея просветителей — это вера в мощь и силу человеческого разума, который один только и способен изменить жизнь человечества к лучшему, поэтому в деятельности просветителей важное место и занимает критика религии и церкви, которые препятствуют свободному развитию человека. Просветители считали, что главная причина человеческих несчастий состоит в невежестве людей. Следовательно, для устранения всех бедствий необходимо просвещать людей, — отсюда и само название эпохи. Эпоху Просвещения часто называют веком философии, и действительно, в это время именно она — • а не религия — играет ведущую роль в духовной культуре общества, что было связано не только с самими философскими идеями, но и с тем, что просветители излагали их в доступной для широкого общества форме. Деятельность просветителей во многом идейно подготовила Великую французскую революцию; именно в их идеологии сформировался и знаменитый лозунг: «Свобода. Равенство. Братство».

К счастью для них, никто из великих философов этой эпохи не дожил до самой революции и не увидел, во что на практике вылились их призывы к свободе, равенству, братству, основанные на торжестве разума. Конец эпохи ознаменовался принципиально новым шагом в развитии европейской философии — появлением *трансцендентального идеализма* И. Канта (1724-1804 гг.).

Дидро о морали верующих и атеистов

Дени Дидро (1713—1784 гг.) — виднейший представитель французского Просвещения, инициатор издания «Энциклопедии», по своим философским воззрениям — *материалист и атеист.* Ниже приводится отрывок из одной его работы, интересный не только как пример пропаганды атеизма, но и как пример того, как просветители «просвещали» светское общество.

642

Мне нужно было поговорить по одному делу с маршалом де***. Утром я отправился к нему. Его не было дома, и я велел доложить о себе герцогине. Это очаровательная женщина; она прелестна и набожна, как ангел; кротость написана у нее на лице; притом интонация голоса и наивность ее речи — все это так гармонировало с ее наружностью. Она была за туалетом. Мне предлагают сесть; я сажусь в кресло, и мы начинаем разговор. В ответ на несколько замечаний с моей стороны, осведомивших ее о моей личности и изумивших ее (ибо она была убеждена, что человек, не признающий пресвятой троицы, — каторжник, который кончит виселицей), она говорит мне:

Вы не господин ли Дидро?

Дидро. Да, мадам.

Герцогиня. Так это вы ни во что не верите?

Дидро. Я.

Герцогиня. Но ведь у вас мораль верующего человека.

Дидро. Почему бы нет, если этот верующий — честный человек?

Герцогиня. И в своей жизни вы сообразуетесь с этой моралью?

Дидро. Как только могу.

Герцогиня. Как! Вы не воруете, не убиваете, не грабите?

Дидро. Очень редко.

Герцогиня. Что же выигрываете вы, не веруя в бога?

Дидро. Ничего, мадам. Разве веруют ради какой-нибудь выгоды?

Герцогиня. Не знаю; но соображения выгоды нисколько не вредят делам ни этого, ни иного мира... Если вы не вор, не убийца, то согласитесь, по крайней мере, что вы непоследовательны.

Дидро. Почему же?

Герцогиня. Мне кажется, что если бы не на что было надеяться и нечего было бояться, когда меня здесь не будет, то я не отказывалась бы от тех маленьких удовольствий, которых так много представляется в этой жизни. Признаюсь, я ссужаю богу деньги под ростовщические проценты...

Дидро. Что касается меня, то я получаю со своего капитала пожизненную ренту.

Герцогиня. Нищенский доход.

Дидро. Разве вы предпочитаете видеть во мне ростовщика?

Герцогиня. Ну да, ведь с богом можно заниматься ростовщичеством сколько угодно, его не разоришь. Я знаю, что это несколько неделикатно, но что же делать. Вся суть в том, чтобы попасть на небо, хитростью или силой; нужно все поставить в счет, не пренебрегать никакой выгодой. Увы! Мы напрасно стараемся, наш вклад всегда очень скуден по сравнению с ожидаемым доходом. А вы ничего не ждете?

Дидро. Ничего...
Герцогиня. Что может побудить неверующего быть добрым, если он не безумен? Я очень хотела бы это знать.
643
Дидро. Я вам скажу.
Герцогиня. Вы меня обяжете.
Дидро. Не думаете ли вы, что можно быть так счастливо рожденным, что будешь находить большое удовольствие в том, чтобы делать добро...
Герцогиня. Думаю.
Дидро. ...Что можно получить превосходное воспитание, укрепляющее естественную склонность к добрым поступкам...
Герцогиня. Конечно.
Дидро. ...И что в более зрелом возрасте мы по опыту узнаем, что для нашего собственного счастья в этом мире лучше быть, в конце концов, честным человеком, чем мошенником?
Герцогиня. О, да, но как можно быть честным человеком, когда дурные принципы, объединяясь со страстями, влекут нас ко злу?
Дидро. Из-за непоследовательности; что может быть проще, чем быть непоследовательным?
Герцогиня. Увы, к несчастью, нет ничего проще: веруешь, а ведешь себя каждодневно как неверующий!
Дидро. И, не веруя, ведешь себя почти как верующий... Но думаете ли вы, что ужасные опустошения, произведенные религией в истекшие времена, и те, которые она произведет в будущем, в достаточной мере компенсируются этими нищенскими выгодами? Подумайте: она создала и поддерживает самую неистовую вражду между нациями. Нет мусульманина, который не воображал бы, что, искоренив христиан, которые, со своей стороны, столь же нетерпимы, он делает угодное богу и святому пророку дело. Подумайте: она создала и поддерживает такие раздоры среди народов одной и той же страны, которые редко утихают без пролития крови. Наша история представляет в этом отношении совсем недавние и весьма мрачные примеры. Подумайте: она создала и питает сильнейшую и упорнейшую вражду в обществе между гражданами, в семье между родными. Христос сказал, что он пришел отделить мужа от жены, мать от детей, брата от сестры, друга от друга; его предсказание исполнилось слишком точно.
*(Дидро Д. Разговор философа с женой маршала де * * *. С. 453—456)*

Франклин О христианской нравственности

Бенджамин Франклин (1706-1790 гг.) - выдающийся американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости и Конституции США.

Моя вера такова. Я верю в единого бога — творца Вселенной, в то, что он правит ею с помощью провидения, что ему следует поклоняться, что самое угодное служение ему — это делать добро другим его детям, что душа человека бессмертна и к ней отнесутся справедливо на
644
том свете соответственно ее поведению в этом. Таковы основные пункты всякой здравой религии, и я уважаю их, как и Вы, в какой бы секте ни встретился с ними.
Что касается Иисуса из Назарета, мое мнение о котором Вам особо хотелось бы узнать, то я думаю, что его учение о нравственности и его религия — лучшее из того, что мир когда-либо знал или может узнать. Однако, мне кажется, оно подверглось различным вредным изменениям, и у меня, вместе с большинством нынешних английских диссидентов, есть некоторые сомнения в его божественности. [...] Я не усматриваю, однако, вреда в том, чтобы в это учение верить, если эта вера имеет хорошие последствия, как, вероятно, это и имеет место, когда делают его учения более уважаемыми и более почитаемыми; тем более, что я не вижу, чтобы всевышний дурно истолковывал ее, выделяя тех, кто не верит в его мироправление, особыми знаками нерасположения. [...]
(Франклин Б. Письмо к Э.Стайлсу. С. 695—696)

Наука

Если эпоха Возрождения была открытием реального, земного мира как сферы бытия и деятельности человека, то человечеству XVII века открылась огромность, безграничность земли и вселенной. Впервые человек узнал всю землю от Арктики до Австралии (лишь Антарктида стала известна позже) с бесчисленными новыми племенами людей, видами животных и растений; телескоп и микроскоп, позволившие увидеть лунные горы и жизнь микробов, направили умы к бесконечно далекому и бесконечно малому; работы Галилея и Кеплера позволили увидеть землю не центром вселенной, а одним из бесчисленных небесных тел, затерянных среди множества

миров. Но еще более важным, чем понятие о бесконечно многообразном, было открытие единства сущего, общих законов, управляющих многообразием мира. Галилей, Ньютон и Кеплер установили законы движения всех тел, в том числе и небесных, а усилиями Ньютона, Лейбница и Декарта были созданы математические методы, позволившие точно определять и рассчитывать различные явления, казавшиеся еще недавно непостижимыми. Среда, окружение человека становятся предметом не только интереса, но и научного анализа. Торричелли, Паскаль, Бойль, Мариотт положили начало научному изучению жидкостей и газов, а Декарт и Ньютон сделали важные шаги в объяснении света, его природы, законов его движения и преломления. Открытие Гарвеем кровообращения как бы приобщало и человека к картине единого, движущегося по общим законам мира.

(Прусс И.Е. Западноевропейское искусство XVII в. С. 14)

645

Франклин о науке Быстрый прогресс истинной науки иногда вызывает у меня сожаление, что я родился так рано. Невозможно представить себе той высоты, которой достигнет власть человека над материей через тысячу лет. Мы, возможно, научимся лишать огромные массы их тяжести и придавать им абсолютную легкость для более удобной перевозки. Уменьшатся затраты труда в сельском хозяйстве и удвоится его продукция; всякие болезни благодаря надежным средствам будут либо предотвращаться, либо излечиваться, не исключая даже болезни старости, а наша жизнь будет по желанию продлена даже за пределы глубокой старости. Наука нравственности пойдет по верному пути усовершенствования, так что уже не будет, как теперь, человек человеку волк и люди наконец узнают то, что они сейчас неверно называют человеколюбием [...].

(Франклин Б. Письмо кДж. Пристли. С. 695—696)

О развитии науки С начала цивилизации общественным укладам причиняло вред не только и не столько деление на угнетателей и угнетенных, сколько деление на людей мысли и людей труда. Образованные люди были выходцами из правящих кругов или их привилегированных прислужников. Подобно самим правителям никакого или почти никакого прямого отношения к производству они не имели (мы уже упоминали об отдельных исключениях из этого правила в случае греческих инженеров последнего античного периода и некоторых монастырских орденов средневековья). Поэтому наука (или то, что считалось наукой) интересовалась чисто схоластическими теориями о Вселенной и вещах, в ней существующих, не заботясь о совершенствовании или даже простом осмысливании производственных процессов. Но когда капиталисты, непосредственно заинтересованные в производстве, разбогатели и стали влиятельными, тогда ученые, зависящие от их расположения или покровительства, также были вынуждены (разумеется, это относилось не ко всем) заняться вопросами промышленного производства и торговли. Отсюда возникли новые взаимоотношения между ремесленником и ученым: первый стал понимать, что научная теория способна принести ему пользу в делах практических, а второй в свою очередь осознавал, что трудовые навыки ремесленника помогают ему в научном раскрытии природы вещей. Таким образом, теория и практика стали друг к другу значительно ближе. А что, кроме науки, может объединять теорию и практику к их взаимной выгоде?..

Начиная с XV века повсюду в Европе, где зарождался капиталистический способ производства, мы обнаруживаем даже в недрах феодализма все больше практически мыслящих ученых и теоретически более подкованных практиков. Иными словами, это был сдвиг к современной науке. Подобная тенденция дала первые плоды уже в 1450—1660

646

годы... Но полное свое выражение это движение обрело в Англии после революции 1640 года.

(Лилли С. Люди, машины, история. С. 112—113)

Религия и церковь

В XVII—XVIII вв. господствующей религией в Европе остается христианство, но наряду с католической церковью теперь уже действует новая сила — *протестантизм.* Но если католическая церковь остается единой (с жесткой иерархической структурой, с единым главой), то протестантизм с самого начала своего существования не имел единой организации и представлял собой *ряд течений* и направлений (лютеранство, кальвинизм, анабаптизм, англиканство и т.п.). В рассматриваемый период в протестантизме продолжался процесс образования новых течений и сект; многие из них преследовались, поэтому большое количество протестантов эмигрирует из Европы — в основном в Северную Америку. «Смешение вер» среди переселенцев способствует установлению там большей веротерпимости, чем в Старом Свете.

Уже в конце XVI в. папство, правильно оценив расклад сил на политической арене, неоднократно ставило свои светские интересы выше религиозных: в XVII в., несмотря на то, что французский король Генрих IV опубликовал Нант-ский эдикт, даровавший протестантам право исповедовать свою религию во Франции, папа идет на союз с

ним против католического испанского короля; позднее папство выступает против католического французского короля Людовика XIV на стороне протестантской коалиции (Англия, Голландия) и т.п.
Большое распространение в XVII—XVIII вв. среди католиков получает *янсенизм*- учение, разработанное профессором Корнелием Янсением (1585-1638 гг.). Главным его тезисом (восходящим к учению Аврелия Августина) было отрицание свободы воли и предопределенность к спасению или гибели (раю или аду), что полностью подрывало церковное учение о спасении «добрыми делами». Особенно большой популярностью пользовался янсенизм во Франции. Одновременно в Европе распространяется и *квиетизм* — мистическое учение, разработанное испанским богословом Михаилом Молиносом (1627—1696 гг.). Оно также отрицало спасение «добрыми делами» и требовало мистического слияния человеческой души с богом. Оба этих учения преследовались церковью и членами Ордена иезуитов, деятельность которых в это время широко развернулась. Однако методы иезуитов вызвали столь широкое возмущение, что папа Климент XIV был вынужден в 1773 г. объявить о роспуске и запрещении ордена на «вечные времена».
В XVIII в. в обществе широко распространяются *идеи скептицизма,* вольнодумства и *атеизма.* В адрес католической церкви звучит знаменитый призыв Вольтера: «Раздавить гадину!», и никакие преследования вольнодумства больше не помогают с ним справиться, авторитет католической церкви стремительно падает. Начавшийся в эту эпоху научный анализ Библии создает теоретический фундамент для критики религии. Великая французская революция нанесла удар не только по абсолютизму, но и по церкви: была отменена церковная десятина, конфискованы церков-

ные и монастырские земли и прочее церковное имущество, священники получили статус государственных чиновников и должны были приносить теперь присягу на верность революционному порядку. Обострившаяся борьба привела к тому, что декретами Конвента (1793 г.) католическая церковь была упразднена во Франции как самостоятельный институт. Атеистическое крыло Конвента попыталось ввести новую религию — *«Культ разума»,* но успеха она не имела; сторонники *деизма* (во главе с Робеспьером) пытались ввести культ Верховного Существа, но тоже без особого успеха.

«Билль об установлении религиозной свободы»

Д-*-ргЬЛрпгг>нЯ

^

Томас Джефферсон (1743-1826 гг.) - видный американский общественно-политический деятель, представитель американского Просвещения. Его перу принадлежит проект Декларации независимости США, принятый в **жефферсона** г _ президент США·

Хорошо понимая, что взгляды и вера людей зависят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму, что всемогущий бог создал разум свободным и выразил своим высшим желанием, чтобы он и впредь оставался свободным, для чего сделал его совершенно невосприимчивым к обузданию; что все попытки воздействовать на ум временными наказаниями, или возложением тягот, или лишением гражданской правоспособности приводят лишь к приобретению привычки лицемерить и совершать нечестные поступки, что далеко от намерений святого творца нашей религии, который, являясь господином духа и тела, предпочел, однако, распространять ее не принуждением над тем или другим, что было в его силах, но распространять ее, воздействуя лишь на разум; что нечестива презумпция законодательной власти и правителей, гражданских и церковных, которые, хотя они могут ошибаться, как простые люди, взяли на себя руководство верой других, выдавая свои собственные взгляды за единственно правильные и безошибочные, начали навязывать их другим, создали и поддерживали ложные религии в большей части мира во все времена; что заставлять человека вносить денежные суммы на распространение взглядов, которых он не разделяет и которые ему ненавистны, — грех и тирания; что даже заставлять кого-либо поддерживать того или иного проповедника собственных религиозных убеждений — значит лишать человека утешительной свободы помогать тому пастору, добродетели которого он хотел бы взять за образец и сила которого ему кажется наиболее убедительной и справедливой, а также лишать духовенство тех мирских вознаграждений, которые, исходя из одобрения личного поведения, являются дополнительным стимулом для серьезного и упорного труда с целью обучения человечества; что наши гражданские права не зависят от наших религиозных взглядов, так же как они не зависят от наших взглядов в области физики или геометрии; а поэтому объявлять гражданина недостойным общественного доверия, лишая его возможности занимать ответственное поло-

жение и получать за это вознаграждение, если он не исповедует или не признает то или иное религиозное учение, — значит несправедливо лишать его тех привилегий и преимуществ, на которые он, как и его другие сограждане, имеет естественное право; что это приводит также к искажению основ той самой религии, которую предполагали поддерживать, подкупая монополией на мирские почести и вознаграждение тех, кто внешне исповедует и признает ее; что хотя в действительности преступник тот, кто не противостоит такому соблазну, однако и того нельзя считать невиновным, кто кладет приманку на пути человека; что взгляды людей не подчиняются

гражданской власти и не входят в ее юрисдикцию; что дозволять гражданским властям вмешиваться в область мировоззрения людей и ограничивать исповедание или распространение принципов, считая их неверными, — опасное заблуждение, которое сразу разрушает всю религиозную свободу, поскольку, являясь, несомненно, судьей такой тенденции, [гражданская власть] сделает свои взгляды критерием суждения и будет одобрять или осуждать взгляды других исключительно по тому, насколько они согласуются с ее собственными или отличаются от них; что в справедливых целях гражданской власти должностным лицам надлежит вмешиваться тогда, когда чьи-либо принципы приводят к открытым действиям, направленным против мира и надлежащего порядка; и наконец, что истина сильна и восторжествует, если ее предоставить самой себе; что она — верный и надежный противник заблуждения и ей нечего опасаться конфликтов, если только людское вмешательство не лишит ее естественного оружия — свободной дискуссии и спора; что ошибки перестают быть опальными, если разрешается их открыто опровергать, [...] мы, Генеральная ассамблея Вирджинии, утверждаем закон, согласно которому никого нельзя заставить регулярно посещать или поддерживать какое-либо религиозное богослужение, место [культа] или священнослужителя, а также нельзя принуждать, ограничивать, досаждать или причинять ущерб его личности или имуществу или заставлять его как-то иначе страдать по причине его религиозных воззрений или убеждений; закон, согласно которому все люди свободны в исповедании веры и вольны отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и что это не должно ни в коем случае уменьшать или увеличивать их гражданскую правоспособность или как-то влиять на нее...
(Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы. С. 698—700)

Государство и право

Эпоха Просвещения — это время господства абсолютизма в большинстве стран Европы, но это и время активного развития политических учений, оправдывающих свержение монархии.
649
Великие географические открытия XVI—XVII вв. обнаружили перед европейцами тот факт, что значительная часть населения земного шара живет (и неплохо живет!), обходясь без какого-либо государственного устройства. Это открытие заставило отбросить прежнюю христианскую периодизацию человеческой истории (от создания людей — до грехопадения и изгнания из рая... — от первого пришествия Христа — до второго) и привело к выводу о существовании двух стадий в человеческой истории: догосударственного (естественного состояния) и государственного (гражданского общества). Соответственно возник вопрос о происхождении государства: если оно есть не божественное установление, а человеческое, то существовали естественные причины, которые вызвали данный переход от одной стадии к другой.
Революции XVII—XVIII вв. (голландская, две английские, американская, а затем и Великая французская) также потребовали теоретического обоснования возможности свержения одного правительства (чаще всего — королевской власти) и замены его на другое — возможно, республиканское. Все это стало мощным стимулом для разработки *новых учений* (как *философских,* так и *политических, юридических) о государстве и праве.*
У истоков учения о государстве и праве эпохи Просвещения стоит выдающийся голландский юрист и политический мыслитель Гуго Гроций (1583— 1645 гг.). Он был энциклопедически образованным человеком и занимался не только изучением юридических и политологических проблем, но и общей историей, этнографией, античной культурой. Главная его работа — это фундаментальный труд «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права». Гроций — один из первых представителей «юридического мировоззрения», столь характерного для Нового Времени. Он четко различает две самостоятельные дисциплины: юриспруденцию (предмет которой — право и справедливость) и политику (где главные проблемы — целесообразность и польза). Право он делит гіа естественное и волеустановленное; естественное право базируется на самой разумной сущности человека, которому свойственно стремление к спокойному общению с себе подобными; волеустановленное право в конечном счете базируется на естественном праве, поэтому между ними не может быть принципиальных противоречий. Гроций первым выдвигает договорную концепцию происхождения государства и утверждает, что соответствующий договор также базируется на естественном праве.
Большой вклад в развитие учений о государстве внесли и философы: Спиноза, Гоббс, Локк, Монтескье, Руссо и др. В этих учениях можно выделить две крайние позиции в понимании естественного состояния. Так, Гоббс считал, что изначально все люди равны и имеют «одинаковое право на все». Но так как люди по своей природе — существа эгоистичные, жадные, честолюбивые (короче, «человек человеку волк»), то отсюда в естественном состоянии каждый ведет войну против всех. В этом смысле очевидная польза государства состоит в том, что оно охраняет и гарантирует права каждого гражданина. По Локку же, в естественном состоянии нет никакой войны каждого против всех, но в естественном состоянии не

существует никаких органов, которые могли бы решать споры между людьми, осуществлять наказание тех, кто нарушает естественные права человека и т.п. И, ради надежного обеспечения естественных прав каждого, люди и учреждают государство. Руссо же утверждал, что в естественном состоянии все были свободны и равны, но с появлением част-
650
ной собственности и социального неравенства началась борьба между бедными и богатыми.

Об абсолютизме Именно в эпоху абсолютизма сложилось убеждение, что только начиная с барона человек имеет право называться человеком.

На этом основании государь окружал себя только дворянами, был доступен только дворянам, и только дворянство имело права. «Король абсолютен только по отношению к народу, к мещанству и крестьянству, а также к отдельным представителям дворянства (к которому можно вполне отнести и высшее духовенство), но не по отнршению к дворянству как сословию. Государство становится собственностью короля, причем, однако, доходы — собственность дворянства. Дворянство все: на него работает крестьянин и ремесленник, для него содержится армия, для него создаются должности и ему принадлежат доходы государства.

Подобное презрение к ротюре (roture (чернь. — *Сост.))* было неотделимо от соответствовавшего ему прямо противоположного умонастроения, выливавшегося в своем крайнем выражении в чувство собственного богоподобия. Абсолютный государь становится в своих глазах, а также в глазах всего мира высшим земным существом, становится владыкой «божьей милостью». Власть его не от народа, и он ответственен только перед Богом... Из такого воззрения само собой возникает убеждение, что единственный и высший закон для страны — его благо, его удовольствие: ...воля короля — высший закон. Этот принцип становится во всех странах общим мнением, получает всеобщее признание, возводится в догмат, который в продолжение столетий принимается на веру и если критикуется, то только украдкой и тайком. Фраза ...«Потому, что нам так хочется» все оправдывала или же опровергала.

Наука и искусство обязаны прославлять лишь короля, и они в самом деле поют только ему — всемогущему — хвалу. История становится описанием героизма и подвигов его и его предков. В его и их лице на землю спустился самый блестящий и гордый род. Монарх полон мудрости и добродетели. Никогда раньше мир не видал подобного соединения в одном человеке благородства, величия и возвышенности...

Официальная любовница вызывала презрение разве только в сердце ее конкуренток. Раз ее красота и любовь заслужили королевское внимание, то она сама становилась «божьей милостью». И это положение пытались даже научно обосновать. В своей «Придворной философии» знаменитый Томазиус из Галле говорит: «Когда речь идет о князьях и господах, то нет места odium in concubinas (ненависти к метрессам), ибо князья и господа обязаны отдавать отчет в своих поступках только Богу, в силу чего на любовницу видимым образом падает некий отсвет от ореола ее любовника»...

Так как смертный не в состоянии прямо смотреть на солнце, то к воплотившемуся в земном теле божеству подходят не иначе, как скло-
651
нив голову и колена, а речь становится заглушенной, так как слишком громкое слово нарушило бы почтение. Аудиенция, милостиво дарованная, превращается в акт боготворения... Склонив колена, приветствуют монарха даже придворные, как и прохожие на улице. Когда по дороге мчится королевская карета, кавалеры и дамы бросаются в ров и ждут на коленях, пока она проедет. Мимоходом брошенный на них случайный взгляд служит им достаточным вознаграждением за то, что они встают с земли, покрытые грязью. И даже если в карете никого нет, ей оказывается такое же почтение...

Абсолютный монарх под гипнозом своего видимого всемогущества, очутившегося в его руках только благодаря противоположности интересов боровшихся общественных сил, в самом деле искренне верил, что все это так и быть должно. Он нисколько не сомневался, что в нем живет и действует само божество. Французские короли одним прикосновением руки лечат болезни и недуги, порой действительно исцеляя больных: чудо это творила вера.

В этом — ключ к разгадке и логическое оправдание всех поступков самодержавного государя. Божество может распорядиться всем. Оно вольно над жизнью и свободой подданных, в особенности же над их собственностью. Все принадлежит по праву королю. Все государство — его личное владение. При Людовике XIV не раз серьезнейшим образом обсуждался вопрос, «не следует ли королю фактически взять в свои руки все земли и доход Франции». К этой удивительной мысли все снова и снова возвращались. В инструкции, составленной по поручению

короля для дофина, говорится:
«На том же основании все, что находится в пределах наших владений, принадлежит нам, что бы оно ни было. Вы должны быть убеждены в том, ч^о короли от природы имеют право свободного и полного распоряжения всем имуществом клира и мирян и могут каждую минуту, подобно мудрым управляющим, им воспользоваться для нужд государства»...
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 11—35)

Монтескье о влиянии климата

Шарль Луи Монтескье (1689—1755 гг.) — знаменитый французский *философ-просветитель,* один из сотрудников «Энциклопедии», много внимания уделял проблемам **политического устройства** сущности государства, выдвинул идею о том, что законы государства и формы политического устройства зависят от природных условий, в частности от климата (это учение получило название географический детерминизм).

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров. [...]
652
Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость. Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т.е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т.е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т.е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши...

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою...

В Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды. Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны.
(Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 542—544)
653

Руссо о происхождении неравенства между людьми

Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.) - один из самых знаменитых философов-просветителей. Родом из Женевы (из семьи часовщика), большую часть жизни провел во Франции, сотрудничал в «Энциклопедии». Известность и признание к нему пришли, когда его сочинение победило на конкурсе, объявленном Дижонской Академией на тему: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1755 г.). Особенно большое влияние оказали на современников педагогические идеи Руссо и его революционные выводы из учения об общественном договоре как источнике государственного устройства.

Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое» — и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что. плоды земные

принадлежат всем, а земля — никому!» Но весьма вероятно, что дела не могли уже тогда оставаться дольше в том положении, в каком они находились. Идея собственности, зависящая от многих идей предшествующих, которые могли возникнуть лишь постепенно, не внезапно сложилась в уме человека. Нужно было далеко уйти по пути прогресса, приобрести множество технических навыков и знаний, передавать и умножать их из века в век, чтобы приблизиться к этому последнему пределу естественного состояния.
(Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о происхождении и основания неравенства между людьми. С. 562—563)

Руссо о свободе и равенстве Общественный договор устанавливает между все-ми гражданами такое равенство, что они вступают в соглашение на одних и тех же условиях и должны все пользоваться одними и теми же правами. Таким образом, из самой природы договора вытекает, что всякий акт суверенитета, т.е. всякий подлинный акт общей воли, обязывает или благодетельствует одинаково всех граждан, так что верховная власть знает только совокупность народа и не делает различия между теми, кто ее составляет...

Я называю республикой всякое государство, управляемое законами, какова бы ни была форма управления, потому что только в этом случае управляет общественный интерес и общественное дело имеет какое-нибудь значение. Всякое законное правительство есть правительство республиканское...

Если исследовать, в чем именно состоит наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законодательства, то мы найдем, что благо это сводится к двум важнейшим вещам: свободе и

654

равенству; свободе — потому, что всякая частная зависимость равносильна отнятию у государственного организма некоторой силы; равенству — потому, что свобода не может существовать без равенства.
(Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. С. 571)

Джефферсон об общественном устройстве Общества существуют в трех весьма различных формах: 1) без правительства, как у наших индейцев; 2) с правительством, на которое желание каждого имеет прямое влияние, как в случае с Англией в меньшей степени и в наших Штатах — в большей; 3) с правительством силы, как во всех других монархиях и в большинстве других республик. Чтобы получить представление о бедственном существовании последних, их следует рассмотреть. Это правление волков над овцами. Для меня не ясен вопрос, не является ли лучшим первое общественное положение. Но, думаю, что оно неприменимо к многочисленному населению. Во втором состоянии много блага. При нем массы людей наслаждаются драгоценной свободой и счастьем. Оно также имеет свои пороки; основной из них — беспокойство. Но сравните его с притеснением при монархии, и этот порок окажется ничем... Этот порок даже порождает добро. Он предотвращает вырождение правительства и питает общий интерес к общественным делам. Я считаю, что небольшой бунт время от времени — хорошее дело и так же необходим в политическом мире, как бури в мире физических явлений. Неудачные восстания действительно выявляют те нарушения прав народа, которые их породили. Учет этой истины сделает честных республиканских правителей настолько мягкими при наказании мятежников, чтобы не очень сильно обескураживать их. Это — лекарство, необходимое для доброго здоровья правительства.
(Джефферсон Т. Письмо к Д. Медисону. С. 700-701)

Пейн О монархии и республике *Томас Пейн* (1737—1809 гг.) — известный американский политический деятель, родом из Англии, из семьи ремесленника, он в 1774 г. по совету (и с помощью) Франклина переехал в Америку. Написал ряд памфлетов, призывающих к установлению республики, участвовал в Войне за независимость, занимал видные государственные посты в США, во время Французской революции приехал во Францию, принял французское подданство, был избран членом Конвента, во время якобинского террора оказался в тюрьме, после освобождения еще несколько лет прожил во Франции, а затем вернулся в США.

Чем ближе форма правления к республике, тем меньше дела у короля. Довольно трудно найти подходящее имя для английской формы правления. [...] Ведь это республиканскую, но не монархическую часть

655

Конституции Англии прославляют англичане, а именно свободу выбора палаты общин из своей

среды. И нетрудно увидеть, что с падением республиканских добродетелей наступает рабство. Потому-то и несостоятельна Конституция Англии, что монархия отравила республику, а корона поглотила палату общин.
В Англии король только и делает, что воюет и раздает должности; иначе говоря, разоряет нацию и сеет в ней ссоры. Хорошенькое занятие для человека, получающего в год восемьсот тысяч фунтов стерлингов и вдобавок боготворимого! Один честный человек дороже для общества и для господа, чем все коронованные негодяи, когда-либо жившие на земле.
(Пейн Т. Здравый смысл. С. 705)

Школа и обучение

На педагогические идеи эпохи Просвещения наибольшее влияние оказали идеи Руссо, который считал, что естественный человек, близкий к природе, намного выше по своим моральным качествам, чем цивилизованный: цивилизация портит людей. Поэтому, если хотите правильно воспитать ребенка, воспитывайте его в близости к природе и давайте свободно проявляться имеющимся в нем положительным задаткам.

Книги и библиотеки

В XVII—XVIII вв. активно развивается книгопечатание: усовершенствуется процесс печати и оформления книги. Возникают все новые типографии, в том числе в колониях.
Большой объем накопленных знаний требует их систематизации в удобной форме; так появляются первые энциклопедические словари.
Самая знаменитая из всех книг — «Энциклопедия», основанная Дидро и Д'Аламбером.
Энциклопедии Энциклопедия не сразу получила тот вид, который привычен нам теперь. В XVI—XVII вв. энциклопедиями назывались систематические обзоры какой-либо науки или нескольких наук, знакомящие с их проблематикой. Почти одновременно с такими «энциклопедиями» сформировались энциклопедические словари, где разнообразные сведения располагались в алфавитном или ином порядке, чтобы облегчить поиск нужной информации...
Одним из родоначальников нового типа энциклопедических словарей, в которых материал расположен в алфавитном порядке, явился представитель знаменитого семейства французских лексикографов и

издателей — Шарль Этьен. Он подготовил и издал в Париже несколько лексикографических и энциклопедических словарей: в 1544 г. словарь личных имен, в 1553 г. греко-латинско-французский словарь по вопросам гончарного ремесла и судоходства, в том же году — составленный им самим словарь, касающийся истории, географии и поэтики...
(Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. С. 170)

Газеты и журналы

В эпоху Просвещения возникает периодическая печать — газеты и журналы. Прообразом газет были рукописные сводки новостей, в Венеции XVI в. за такую сводку платили мелкую монету — gazzetta — отсюда и само название «газета». Печатные сводки новостей — газеты — появились в начале XVII в. Название «журнал» происходит от французского «journal», т.е. «дневник». Первым журналом принято считать французский «Журналь де саван», который начал выходить в 1665 г. В широком распространении газет и журналов большую роль сыграло развитие почты.
Во всех странах правительство или местные власти старались контролировать печать, т.е. существовала цензура.

Литература

Большое влияние на литературу эпохи оказали идеи просветителей, многие из которых сами были прекрасными писателями. XVII и особенно XVIII в. сделали очень популярным такой жанр, как роман. К наиболее знаменитым писателям эпохи относятся: в Англии — Даниель Дефо, Джонатан Свифт (1667-1745 гг.), Генри Филдинг (1707-1754 гг.), Джон Мильтон (1608-1674 гг.); во Франции — Вольтер, Жан-Жак Руссо; в Германии — Готхольд Эф-раим Лессинг и Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832 гг.), расцвет творчества которого пришелся на XIX в.
Из «Орлеанской *Франсуа-Мари Аруэ* (1694-1778 гг.), известный более **девственницы»'** по его псевдониму — *Вольтер,* один из самых блестящих **Вольтера** представителей французского Просвещения; писатель,
поэт, драматург, историк, философ — в течение нескольких десятилетий он был *«властителем дум»* в Европе. Одной из основных своих жизненных задач Вольтер считал борьбу с церковью и клерикализмом, но не с религией как таковой; ему принадлежат слова: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Ниже приводится отрывок из поэмы, в котором монах Грибурдон попадает в ад и видит там не только язычников и грешников, но и римского императора Константина Великого, при котором христианство стало государственной религией, и короля Хлодвига, при котором произошло крещение Франции, пап и даже христианских святых.

657
Но Грибурдон был крайне удивлен,
Когда в большом котле заметил он
Святых и королей, которых ране
Себе примером чтили христиане.
Одним из первых был король Хлодвиг.
Я вижу, мой читатель не постиг,
Как может статься, что король великий,
Который в рай открыл дорогу нам,
В аду кромешном оказался сам.
Я признаюсь, бесспорно, случай дикий.
Но объясняю это без труда:
Не может освященная вода
Очистить душу легким омовеньем,
Когда она погибла навсегда.
Хлодвиг же был ходячим преступленьем,
Всех кровожадней слыл он меж людьми;
Не мог очистить и святой Реми
Монарха Франции с душой вампира...
Но тот дивиться каждый миг готов, Встречая в сумраке ущелий диких Повсюду казуистов, докторов, Прелатов, проповедников великих, Монахов всяческих монастырей, Духовников различных королей, Наставников красавиц горделивых, В земном раю — увы! — таких счастливых! Вдруг он заметил в рясе двух цветов Монашка от себя довольно близко, Так, одного из набожных скотов, С густою гривой, с ряшкою, как миска, И, улыбаясь: «Эй, кто ты таков? — Спросил наш францисканец у монашка. — Наверное, изрядный озорник!» Но тень ответила, вздыхая тяжко: «Увы, я преподобный Доминик».
Услышав это, точно оглушенный, Наш Грибурдон попятился назад. Он стал креститься, крайне пораженный. «Как, — он воскликнул, — вы попали в ад? Святой апостол, божий собеседник, Евангелья бесстрашный проповедник, Ученый муж, которым мир велик,
658
В вертепе черном, словно еретик! Коль так — мне жаль мою земную братью, Обманутую лживой благодатью. Подумать только: за обедней им Велят молиться этаким святым!»
Тогда испанец в рясе бело-черной
Унылым голосом сказал в ответ:
«Мне до людских ошибок дела нет.
Их болтовне я не внимаю вздорной.
Несчастные, мы изнываем тут,
А люди нам акафисты поют.
Иному церковь строится до смерти,
А здесь его поджаривают черти.
Другого же осудит целый свет,
А он в раю, где воздыханий нет.
Что до меня, то вечные мученья
Я по заслугам на себя навлёк.
На альбигойцев я воздвиг гоненья,
А в мир был послан не для разрушенья,
И вот горю за то, что сам их жег».
О, если б я имел язык железный,
Я б говорил, покуда время есть,
И не успел бы — подвиг бесполезный
Святых, в аду горящих, перечесть.
(Вольтер. Орлеанская девственница. С. 82—85)

Из «Кандида» **Вольтера** В знаменитой философской повести «Кандид, или Оптимизм» рассказывается о приключениях простодушного юноши Кандида, его возлюбленной Кунигунды и их учителя философии Панглоса. Оптимистическое учение Панглоса — это злая (и неправильная) пародия на философское учение немецкого философа идеалиста Готфрида Лейбница (1646—1716 гг.); Вольтер пользуется идеями Лейбница о том, что наш мир — это лучший из возможных миров, и что все в мире имеет свое основание (закон достаточного основания) для

беспощадной сатиры на действительность. Поэтому в самых жутких и ужасных ситуациях герои постоянно повторяют, что наш мир — лучший из возможных.
Кандида, изгнанного из замка Кунигунды, хитростью завербовали в армию, и он оказывается на войне:
Что может быть прекраснее, подвижнее, великолепие? и слаженнее, чем две армии! Трубы, дудки, гобои, барабаны, пушки создавали музыку столь гармоничную, какой не бывает и в аду. Пушки уложили сначала около шести тысяч человек с каждой стороны; потом ружейная перестрелка избавила лучший из миров не то от девяти, не то от десяти
659
тысяч бездельников, осквернявших его поверхность. Штык также был достаточной причиной смерти нескольких тысяч человек. Общее число достигало тридцати тысяч душ. Кандид, дрожа от страха, как истый философ, усердно прятался во время этой героической бойни.
Наконец, когда оба короля приказали пропеть «Te Deum», каждый в своем лагере, Кандид решил, что лучше ему уйти и рассуждать о следствиях и причинах в каком-нибудь другом месте.
Наступая на валявшихся повсюду мертвых и умирающих, он добрался до соседней деревни; она была превращена в пепелище. Эту аварскую деревню болгары спалили согласно законам общественного права. Здесь искалеченные ударами старики смотрели, как умирают их израненные жены, прижимающие детей к окровавленным грудям; там девушки со вспоротыми животами, насытив естественные потребности нескольких героев, испускали последние вздохи; в другом месте полусожженные люди умоляли добить их. Мозги были разбрызганы по земле, усеянной отрубленными руками и ногами.
Кандид поскорее убежал в другую деревню; это была болгарская деревня, и герои-авары поступили с нею точно так же...
После ряда приключений Кандид встречает (в самом жалком виде) своего бывшего учителя философии Панглоса и узнает от него, что замок, в котором он вырос, уничтожен, его бывшие хозяева погибли, его возлюбленная Куни-гунда изнасилована и убита:
Во время этого рассказа Кандид снова лишился чувств; но, придя в себя и высказав все, что было у него на душе, он осведомился о причине, следствии и достаточном основании жалкого состояния Панглоса...
Панглос ответил так:
— О мой дорогой Кандид, вы знали Пакету, хорошенькую служанку высокородной баронессы; я вкушал в ее объятьях райские наслаждения, и они породили те адские муки, которые, как вы видите, я сейчас терплю. Она была заражена и, быть может, уже умерла. Пакета получила этот подарок от одного очень ученого францисканского монаха, который доискался до первоисточника заразы: он подцепил ее у одной старой графини, а ту наградил кавалерийский капитан, а тот был обязан ею одной маркизе, а та получила ее от пажа, а паж от иезуита, который, будучи послушником, приобрел ее по прямой линии от одного из спутников Христофора Колумба. Что касается меня, я ее не передам никому, ибо я умираю.
— О Панглос, — воскликнул Кандид, — вот удивительная генеалогия! Разве не диавол — ствол этого дерева?
— Отнюдь нет, — возразил этот великий человек, — это вещь неизбежная в лучшем из миров, необходимая составная часть целого; если бы Колумб не привез с одного из островов Америки болезни, заражающей источник размножения, часто даже мешающей ему и, очевидно,
660
противной великой цели природы, — мы не имели бы ни шоколада, ни кошенили; надо еще заметить, что до сего дня на нашем материке эта болезнь присуща только нам, как и богословские споры. Турки, индейцы, персы, китайцы, сиамцы, японцы еще не знают ее; но есть достаточное основание и им узнать эту хворь, в свою очередь, через несколько веков. Меж тем она неслыханно распространилась среди нас, особенно в больших армиях, состоящих из достойных, благовоспитанных наемников, которые решают судьбы государств; можно с уверенностью сказать, что когда тридцать тысяч человек сражаются против войска, равного им по численности, то тысяч двадцать с каждой стороны заражены сифилисом...
После ряда приключений Кандид и Панглос попадают в Лиссабон, где как раз в это время произошло страшное землетрясение:
После землетрясения, которое разрушило три четверти Лиссабона, мудрецы страны не нашли способа более верного для спасения от окончательной гибели, чем устройство для народа прекрасного зрелища аутодафе. Университет в Коимбре постановил, что сожжение нескольких человек на малом огне, но с большой церемонией, есть, несомненно, верное средство остановить содрогание земли.

Вследствие этого... были схвачены сразу после обеда доктор Панглос и его ученик Кандид, один за то, что говорил, другой за то, что слушал с одобрительным видом. Обоих порознь отвели в чрезвычайно прохладные помещения, обитателей которых никогда не беспокоило солнце. Через неделю того и другого одели в санбенито и увенчали бумажными митрами. Митра и санбенито Кандида были расписаны опрокинутыми огненными языками и дьяволами, у которых, однако, не было ни хвостов, ни когтей; дьяволы же Панглоса были хвостатые и когтистые, и огненные языки стояли прямо. В таком одеянии они прошествовали к месту казни и выслушали очень возвышенную проповедь под прекрасные звуки заунывных песнопений. Кандид был высечен в такт пению... а Панглос был повешен, хотя это и шло наперекор обычаю. В тот же день земля с ужасающим грохотом затряслась снова.

(Вольтер. Кандид, или Оптимизм. С. 413—420)

Из «Молль Флендеро Дефо

ДаниельДефо (ок. 1660—1731 гг.) известен в первую очередь как автор «Робинзона Крузо», но он написал еще целый ряд блестящих романов; один из них — «Молль Флендерс» или «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс, которая родилась в Ньюгетской тюрьме и в течение шести десятков лет своей разнообразной жизни (не считая детского возраста) была двенадцать лет содержанкой, пять раз замужем (из них один раз за своим братом), двенадцать лет воровкой, восемь лет ссыльной в Виргинии, но под конец разбогатела, стала жить честно и умерла в раскаянии. Написано по ее собственным заметкам». Приводимый ниже

фрагмент рассказывает о начале первой любовной связи Молль Флендерс; он достаточно показателен для характеристики героини, которая при каждом повороте судьбы обязательно подсчитывает свои доходы и убытки.

Посидели мы немного, вдруг он поднялся и, чуть не задушив поцелуями, снова повалил меня на кровать; но при этом позволил себе такие вещи, о которых неприлично рассказывать, а я в ту минуту не в силах была отказать ему в чем-либо, даже если бы он зашел гораздо дальше.

Но хоть он и допустил эти вольности, все же дело не дошло до так называемой высшей благосклонности, которой, нужно отдать ему справедливость, он и не добивался; эта сдержанность послужила оправданием всех вольностей, которые он впоследствии допускал со мной. В этот раз он очень скоро ушел, отсыпав мне чуть ли не целую горсть золота и рассыпаясь в уверениях, что любит меня безумно, больше всех женщин на свете.

Не удивительно, что после этого я начала размышлять, но, увы! размышления мои были не очень основательны. Тщеславия и гордости у меня было хоть отбавляй, о добродетели же я почти не думала. Правда, иногда я спрашивала себя, чего собственно хочет молодой барин, но на уме были только ласковые слова да золото; есть ли у него намерение жениться, или нет, казалось мне делом маловажным; не думала я также, какие ему поставить условия, пока он не сделал мне определенного предложения, о чем вы скоро услышите.

Так шла я к падению, не испытывая ни малейшего беспокойства; пусть моя участь послужит уроком девушкам, у которых тщеславие торжествует над добродетелью. Оба мы натворили кучу глупостей. Если бы я вела себя благопристойно и оказала сопротивление, как того требовали честь и добродетель, он или отказался бы от своих приставаний, видя, что нечего рассчитывать на успех, или честно предложил бы мне руку; за это его, может быть, кто-нибудь и порицал бы, зато мне никто не сделал бы упрека. Словом, если бы он знал меня, знал, как легко добиться пустяка, которого он желал, то, долго не задумываясь, сунул бы мне четыре или пять гиней и овладел бы мной в следующую же нашу встречу. С другой стороны, если бы мне были известны его мысли, если бы я знала, какой кажусь ему неприступной, то поставила бы условия, потребовав от него или немедленно жениться, или содержать меня до женитьбы, и получила бы все, чего хотела: ведь мой обожатель был очень богат да еще ожидал наследства. Но мне и в голову не приходило подумать об этом, я только гордилась своей красотой да тем, что меня любит такой барин. По целым часам любовалась я золотом, пересчитывала гинеи тысячу раз в день. Никогда еще бедная тщеславная девушка не пребывала в таком заблуждении, как я; мне не было никакого дела до того, что ждет меня; не помышляя о гибели, я стояла

на краю пропасти; мне даже кажется, что я скорее бы бросилась в нее, чем постаралась обойти.

(Дефо Д. Молль Флендерс. С. 31-32)

Из •«Мемуаров д'Артаньяна»

В эпоху Просвещения большое распространение получил эпистолярный жанр (даже многие романы строятся в форме переписки героев), сохранившиеся письма того времени — ценный источник сведений о культуре. Но еще более интересны в этом смысле мемуары. Ниже приводятся фрагменты мемуаров капитана королевских мушкетеров д'Артаньяна, написанные им самим. Именно они послужили основой для

знаменитого романа А. Дюма «Три мушкетера».

Едва прибыв в Париж, я отправился на поиски Месье де Тревиля, жившего прямо возле Люксембурга. Я вез рекомендательное письмо для него от моего отца. Но, к несчастью, у меня его забрали в Сен-Дие, и кража только увеличила мой гнев против Росне...

Я расположился в его (де Тревиля.— *Сост.)* квартале, чтобы быть поближе к нему. Я снял маленькую комнатку на улице Могильщиков... На следующее утро я отправился к утреннему туалету Месье де Тревиля; вся его прихожая была забита Мушкетерами. Большая часть из них была моими земляками, что я прекрасно услышал по их разговору; и, оказавшись таким образом почти в родной стране, я счел себя сильнее наполовину, чем был прежде, и подошел к первому, кто попался мне под руку...

Истратив часть денег Монтигре, я хорошенько отчистился и не забыл обычай страны, гласивший — когда не имеешь ни су в кармане, позаботься хотя бы о плюмаже над ухом и о цветном банте на галстуке. Тот из Мушкетеров, к кому я подошел, звался Портос и оказался соседом моего отца, жившим от него в двух или трех лье. У него было два брата в Роте; одного из них звали Атос, а другого Арамис. Месье де Тревиль вызвал их всех троих из страны, потому что они провели там несколько битв, чем заслужили большое уважение в Провинции. Впрочем, ему было очень просто подбирать себе людей, потому что существовала такая ревность между Ротой Мушкетеров и ротой Гвардейцев Кардинала де Ришелье, что схватывались они врукопашную ежедневно...

Портос спросил меня, кем я был с тех пор, как прибыл, и с каким намерением я явился в Париж. Я удовлетворил его любопытство. Он сказал мне, что имя мое не было ему неизвестно, он часто слышал от своего отца о бравых людях из моего Дома, и я, должно быть, на них похожу, или же мне следует незамедлительно вернуться в нашу страну. Рекомендации родителей, данные мне перед отъездом, сделали меня столь щепетильным во всем, относящемся к вопросам чести, что я не только начал пристально вглядываться ему в глаза, но еще и спросил его довольно резко, почему это именно ко мне он обращается с подобной речью, уж не сомневается ли он в моей отваге, я не замедлю ему ее

показать; стоит ему лишь спуститься со мной на улицу, и вскоре все будет закончено.

Он расхохотался, выслушав мое обращение к нему, и сказал мне, что при быстрой ходьбе обычно преодолевают большую дорогу, но, может быть, я еще не знаю, больнее всего расшибают себе ноги как раз слишком торопясь вперед; если надо быть бравым, то для этого совсем не нужно быть задирой; обижаться же некстати — столь же позорная крайность, как и слабость, какой хотят избежать таким путем. Но раз уж я не только из его страны, но еще и его сосед, он хотел бы послужить мне наставником, а не драться со мной; однако, если мне так приспичило напороться, он предоставит мне такую возможность в самом скором времени...

Портос сообщает д'Артаньяну, что он вместе с Атосом и Арамисом должен драться с гвардейцами кардинала, и пригласил его поучаствовать в этой схватке. Дальнейшая блестящая победа над Бернажу довольно точно описана у А. Дюма.

(Д'Артаньян. Мемуары. С. 17—20)

Из «Заметок о северо-американских дикарях»

Мы называем их дикарями потому, что их обычаи отличны от наших, а наши мы почитаем вершиной цивилизованности. Они, в свою очередь, почитают Франклина вершиной цивилизованности — свои.

Я думаю, что, если мы беспристрастно рассмотрим обычаи разных народов, мы не найдем настолько диких народов, чтобы у них нельзя было усмотреть благовоспитанности; равным образом мы не найдем и ушедших вперед народов, у которых не сохранились бы грубые нравы...

Индейцы часто созывают совет, проводят свои собрания в строгом порядке и очень достойно. Старики сидят в первых рядах, воины — за ними, женщины и дети — в последнем ряду. На женщин ложится обязанность запоминать, что говорят на совете (у индейцев нет письменности), чтобы затем передать своим детям. Их память служит протоколом совета. Когда мы однажды сравнили текст заключенных сто лет назад соглашений в сохранившихся у нас записях и в их изустном предании, то убедились в совершенстве их памяти.

Оратор, желающий говорить, поднимается с места. Слушатели соблюдают полную тишину. Когда он заканчивает речь и садится на место, все сохраняют молчание еще пять или шесть минут. Это время дается оратору, чтобы он вспомнил, не упустил ли чего в своей речи. Если он пожелает добавить что-либо к сказанному, то встает и говорит снова. Прервать говорящего даже в обычной беседе считается невоспитанностью. Как это отлично от нравов английской Палаты общин, где и дня не проходит, чтобы спикер до хрипоты не призывал бы к порядку расходившихся членов

Палаты. Как это отлично от манеры беседовать,
664
принятой во многих весьма цивилизованных салонах в Европе, где вам приходится выпалить в спешке что вы хотите сказать или смириться заранее с тем, что вас на половине прервут недослушав.
Учтивость, принятая у этих дикарей в разговоре, доводится ими до крайности. Так, они не позволят себе выразить недоверие, что бы им ни рассказал собеседник, тем более оспорить рассказ. Так поступая, они избавляют себя от излишних споров, но притом вы не знаете, что они в действительности думают о том, что вы им рассказали...
Ты знаком с нашими правилами. Если белый человек, путешествуя, зайдет отдохнуть к индейцу, каждый примет его к себе в дом, как я принял тебя. Если он промок под дождем, мы обсушим его, если голоден, то дадим поесть и попить. Он отоспится на мягких звериных шкурах, и мы ничего с него за то не возьмем. Но если я приду в Олбани к белому человеку и скажу, что я голоден, он меня спросит: «А деньги есть?» — и когда я отвечу, что нет, он мне скажет: «Вон отсюда, индейский пес!»
Получается так, что они и не начинали учиться хорошему. А ведь это начальные правила. Чтобы знать их, нет надобности ходить на собрания. У нас мать внушает их детям, пока те еще маленькие.
(Франклин Б. Заметки о североамериканских дикарях. С. 518—524)

Театр и драматургия

Эпоха Возрождения была временем расцвета театра в таких странах, как Италия, Испания и Англия. Но контрреформация в католических странах — Испании и Италии — привела к упадку театральной деятельности уже в начале XVII в.; в Англии же, где в результате революции «законодателями нравов» стали пуритане, правительство вообще запретило все виды театральной деятельности, и только после реставрации монархии началось новое развитие театра.
Во второй половине XVII в. ведущее положение занял французский театр или, как его обычно называют, *театр французского классицизма.* Его расцвет связывается в первую очередь с именами Пьера Корнеля (1606—1684 гг.), Жана Расина (1639— 1699 гг.) — оба работали в жанре трагедии, и Жана-Батиста По-клена (1622—1673 гг.), вошедшего в мировую культура под псевдонимом Мольер, который по праву считается создателем жанра «высокой комедии». Особенностью трагедии Корнеля, Расина и их подражателей была идеализация человека: герои трагедий представляли из себя сильные, деятельные личности (чаще всего — полководцы, императоры и т.п.), драматический конфликт разворачивался как борьба между общественным долгом и личными чувствами. Эти трагедии писались стихами определенного поэтического размера — так называемый александрийский стих. Комедии Мольера, включившие в себя элементы народного фарса, интересны яркими сатирическими типами и беспощадной критикой (с позиции разума) социальных уродств его времени. И комедии, и трагедии французского классицизма строились по *«закону трех*
665
единств», сформулированному еще Аристотелем: единство действия запрещало малейшее отклонение сюжета от основной событийной линии, единство времени и места требовало, чтобы все содержание пьесы происходило в одном месте и относилось к событиям, которые происходят на протяжении одних суток.
В XVIII в. в развитии театра (уже собственно эпохи Просвещения) происходят большие изменения: театр становится одним из мощнейших средств просветительской идеологии и пропаганды. В 30-е годы XVIII в. в Англии появляется новый жанр в драматургии — *мещанская драма,* где главными героями являются уже простые обыватели. К крупнейшим английским драматургам XVIII в. относятся романист Генрих Филдинг (1707—1754 гг.) и Ричард Бринсли Шеридан (1751—1816 гг.), работавшие в основном в жанре комедии; к актерам— великая Сара Сиддонс (1755—1831 гг.) и ее брат Джон-Филипп Кембл (1757—1823 гг.). Во французской драматургии в первую очередь необходимо отметить Вольтера, Дидро и Бомарше. В итальянском театре реформу осуществляет Карло Гольдони (1707—1793 гг.), которому удалось создать литературную *комедию нравов;* а Карло Гоцци (1720—1806 гг.), начавший свой творческий путь драматурга с пародирования Гольдони, впервые ввел на сцену *сказку* («Любовь к трем апельсинам», «Принцесса Турандот» и др. принадлежат именно его перу). Громадную роль в дальнейшем развитии мировой драматургии сыграли немецкие авторы: Лессинг, Гете и Иоганн Кристофор Фридрих Шиллер (1759—1805 гг.).
Из •«Женитьбы *Пьер Огюстен Карон* (1732—1799 гг.), который боль-**Фигаро» Бомарше** ше известен по прибавленному позднее им самим к своему имени — дворянскому — *де Бомарше,* был сыном часовщика и сам умелым мастером-механиком. Он изобрел одну важную деталь в часовом механизме, но его изобретение попытались украсть. Само изобретение и процесс по этому поводу, который он выиграл, сделали его известным человеком. С детства увлекавшийся музыкой, он становится учителем музыки у дочерей короля Людовика XV, в этот же период он создал новую конструкцию арфы, которая до сих пор является общепринятой. Пользуясь своим положением при дворе, Бомарше пускается в различного рода финансовые махинации и быстро богатеет. Одним из его авантюрных проектов стало снабжение оружием американских повстанцев (во время Войны за независимость). Жизнь его полна перемен: он то богатеет, то разоряется, то

сидит в тюрьме, то на вершине славы. Наибольшую известность снискали ему две его пьесы: «Севильский цирюльник» (поставлена в 1775 г.) и «Женитьба Фигаро» (поставлена в 1781 г.). «Женитьбу Фигаро» многие называли самой революционной из пьес, о ней говорили, что она в большей степени подготовила Французскую революцию, чем все тома, написанные философами.
В этой пьесе граф Альмавива, которому когда-то (эти события описаны в «Севильском цирюльнике») его слуга Фигаро помог обрести любимую жену, покушается теперь на невесту самого Фигаро. Фигаро проявляет чудеса ловкости и спасает невесту от сластолюбивого хозяина. Бомарше вкладывает в уста Фигаро жесточайшую (по тем временам) критику «высшего сословия» и его пороков. Ниже приводится знаменитый монолог Фигаро.

666

Нет, ваше сиятельство... думаете, что если вы — сильный мира сего, так уж, значит, и разумом тоже сильны?.. Знатное происхождение, состояние, положение в свете, видные должности — от всего этого не мудрено возгордиться! А много ли вы приложили усилий для того, чтобы достигнуть подобного благополучия? Вы дали себе труд родиться, только и всего. Вообще же говоря, вы человек довольно-таки заурядный. Это не то что я, черт побери! Я находился в толпе людей темного происхождения, и ради одного только пропитания мне пришлось выказать такую осведомленность и такую находчивость, каких в течение века не потребовалось для управления Испанией. А вы еще хотите со мною тягаться... Какая у меня, однако, необыкновенная судьба! Неизвестно чей сын, украденный разбойниками, воспитанный в их понятиях, я вдруг почувствовал к ним отвращение и решил идти честным путем, и всюду меня оттесняли! Я изучил химию, фармацевтику, хирургию, и, несмотря на покровительство вельможи, мне с трудом удалось получить место ветеринара. В конце концов мне надоело мучить больных животных, и я увлекся занятием противоположным: очертя голову устремился к театру. Лучше бы уж я повесил себе камень на шею. Я состряпал комедию из гаремной жизни. Я полагал, что, будучи драматургом испанским, я без зазрения совести могу нападать на Магомета. В ту же секунду некий посланник... черт его знает чей... приносит жалобу, что я в своих стихах оскорбляю блистательную Порту, Персию, часть Индии, весь Египет, а также королевства: Барку, Триполи, Тунис, Алжир и Марокко. И вот мою комедию сожгли в угоду магометанским владыкам, ни один из которых, я уверен, не умеет читать и которые, избивая нас до полусмерти, обыкновенно приговаривают: «Вот вам, христианские собаки!» Ум невозможно унизить, так ему отмщают тем, что гонят его. Я пал духом, развязка была близка: мне так и чудилась гнусная рожа судебного пристава с неизменным пером за ухом. Трепеща, я собираю всю свою решимость. Тут начались споры о происхождении богатств, а так как для того, чтобы рассуждать о предмете, вовсе не обязательно быть его обладателем, то я, без гроша в кармане, стал писать о ценности денег и о том, какой доход они приносят. Вскоре после этого, сидя в повозке, я увидел, как за мной опустился подъемный мост тюремного замка, а затем, у входа в этот замок, меня оставили надежда и свобода. (Встает.) Как бы мне хотелось, чтобы когда-нибудь в моих руках очутился один из этих временщиков, которые так легко подписывают самые беспощадные приговоры, — очутился тогда, когда грозная опала поубавит в нем спеси! Я бы ему сказал... что глупости, проникающие в печать, приобретают силу лишь там, где их распространение затруднено, что где нет свободы критики, там никакая похвала не может быть приятна и что только мелкие людишки боятся мелких статеек. (Снова садится.) Когда им надоело кормить неизвестного нахлебника, меня отпустили на все четыре стороны, а так как есть

667

хочется не только в тюрьме, но и на воле, я опять заострил перо и давай расспрашивать всех и каждого, что в настоящую минуту волнует умы. Мне ответили, что, пока я пребывал на казенных хлебах, в Мадриде была введена свободная продажа любых изделий, вплоть до изделий печатных, и что я только не имею права касаться в моих статьях власти, религии, политики, нравственности, должностных лиц, благонадежных корпораций, Оперного театра, равно как и других театров, а также всех лиц, имеющих к чему-либо отношение, — обо всем же остальном я могу писать совершенно свободно под надзором двух-трех цензоров. Охваченный жаждой вкусить плоды, столь отрадной свободы, я печатаю объявление о новом повременном издании и для пущей оригинальности придумываю ему такое название: Бесполезная газета. Что тут поднялось! На меня ополчился легион газетных щелкоперов, меня закрывают, и вот я опять без всякого дела. Я был на краю отчаяния, мне сосватали было одно местечко, но, к несчастью, я вполне к нему подходил. Требовался счетчик, и посему на это место взяли танцора. Оставалось идти воровать. Я пошел в банкометы. И вот тут-то, изволите ли видеть, со мной начинают носиться, и так называемые порядочные люди гостеприимно открывают передо мной двери своих домов, удерживая, однако ж,

в свою пользу три четверти барышей. Я мог бы отлично опериться, я уже начал понимать, что для того, чтобы нажить состояние, не нужно проходить курс наук, а нужно развить в себе ловкость рук. Но так как все вокруг меня хапали, а честности требовали от меня одного, то пришлось погибать вторично. На сей раз я вознамерился покинуть здешний мир, и двадцать футов воды уже готовы были отделить меня от него, когда некий добрый дух призвал меня к первоначальной моей деятельности. Я снова взял в руки бритвенный прибор и английский ремень и, предоставив дым тщеславия глупцам, которые только им и дышат, а стыд бросив посреди дороги, как слишком большую обузу для пешехода, заделался бродячим цирюльником и зажил беспечною жизнью. В один прекрасный день в Севилью прибыл некий вельможа, он меня узнал, я его женил, и вот теперь, в благодарность за то, что я ему добыл жену, он вздумал перехватить мою!
(Бомарше. Женитьба Фигаро. С. 312—316)

О театре **и нравах** К числу главных развлечений эпохи абсолютизма принадлежит и театр...

Этим целям и служили комедия и фарс, содержание которых было часто не чем иным, как драматизированной порнографией и притом часто порнографией грубейшего сорта, о которой мы в настоящее время едва можем себе составить представление. Англичанин Дж. Коллье начал свой памфлет против царящей на сцене безнравственности, изданный им в 1698 г., не без основания следующими словами: «Так как я убежден, что в наше время нигде не господствует в такой мере безнравствен-

668

ность, как в театрах и игорных домах, то я не сумею лучше использовать свое время, как направляя против нее свое сочинение».

Эта оценка вполне приложима к театру всех стран, то есть к большинству пьес, которые особенно нравились публике. Стиль большинства комедий и фарсов, даже более приличных, лучше всего можно охарактеризовать тем, что в них обыкновенно речь идет лишь о мимической перифразе флирта, начинавшегося дерзкими жестами и грубыми ласками и заходившего даже дальше полового акта... Обычным содержанием всех комедий было Avant, Pedant и Apres акта со всеми их случайностями, разочарованиями и — в особенности — триумфами. В более серьезных пьесах на особенный успех могли всегда рассчитывать сцены насилия. Главной задачей автора было не только как можно больше приблизиться к действительности, но и как можно больше подчеркнуть гротескным преувеличением каждую эротическую ситуацию и каждый эротический вариант. Если слов было недостаточно, то жест и мимика должны были быть тем откровеннее, кроме того, они должны были рельефнее оттенять каждое слово.

Что эти мимические жесты стояли в центре внимания, видно хотя бы уже из того, что главным действующим лицом всегда была одна и та же фигура — арлекин, преимущественно отличавшийся такими сальностями. Чтобы иллюстрировать характер мимики одним классическим примером, упомянем, что один из излюбленнейших трюков арлекина долгое время состоял в том, что в момент любовного объяснения или других пикантных положений он неизменно терял на сцене штаны. Родиной этих мимических и словесных скабрезностей была Англия, откуда они зашли и в Германию. Развитие в сторону открытого цинизма совпало здесь, как и во Франции и Италии, с развитием абсолютизма.

Первоначально единственными актерами были мужчины, исполнявшие также женские роли. Это вполне отвечало стилю и гротескным намерениям фарса. Мужчина в женской роли мог гораздо сильнее отвечать на дерзкие авансы партнера или же ограждать себя от них. Однако в один прекрасный день выяснилось, что без женщины-актрисы не обойтись... Это произошло во второй половине XVII в., сначала в Англии, в 1660 г., потом во Франции и около того же времени и в Германии.

И женщина как нельзя лучше выполняла предъявленные к ней «утончившимся» вкусом требования, и прежде всего в Англии. Об английских комедиях эпохи Реставрации и исполнявших в них женские роли актрисах говорит Маколей в своей истории Англии: «Эпилоги отличались крайней разнузданностью. Их произносили обыкновенно наиболее популярные актрисы, и ничто так не приводило в восхищение испорченную публику, как если самые скабрезные стихи произносились красивой девушкой, о которой все были убеждены, что она еще невинна»...

669

Серьезный поворот от этого господства на сцене скабрезности произошел только тогда, когда буржуазные идеи победили и в жизни. Там, где это случилось раньше, и театр раньше был очищен от грязи и сальностей.

Наряду с комедиями и фарсами особенно привлекали публику танцы и балет. Одно время они даже возбуждали в ней еще больший восторг, чем драматизированные в комедии сальности, так что в каждой даже небольшой труппе комедиантов имелась пара танцоров, а в более значительных — и целый балет...

История театра всех стран рассказывает о настоящих оргиях, устраивавшихся в этих ложах во многих театрах. В романе «Английский шпион» говорится, что однажды, когда в одном из парижских театров произошла паника, вызванная пожаром, и публика темных лож была извещена о грозящей опасности, то в некоторых из них все дамы оказались голыми, «если только галантность не требует назвать даму одетой, раз она в чулках и башмаках».

(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 459—463)

Музыка

XVII—XVIII вв. — это время расцвета музыкальной культуры. У истоков ее стоят Иоганн Себастьян Бах (1685—1780 гг.) и Георг Фридрих Гендель (1685—1759 гг.). Величайший вклад в развитие музыки внесли так называемые «венские классики»: Йозеф Гайдн (1732—1809 гг.), Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791 гг.) и Людвиг Ван Бетховен (1770—1827 гг.). Музыка венских классиков по своему характеру в целом близка к классицизму. Крупнейшим представителем классицизма в опере был Кристоф Виллибальд Глюк (1714-1787 гг.).

Архитектура и строительство

В истории архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства XVII—XVIII вв. ведущими являются три стиля: *барокко* (от итальянского — «причудливый»), возникший еще в конце эпохи Возрождения,*рококо* (от французского — «раковина»), пришедший на смену барокко примерно в 30-е годы XVIII в., и *классицизм* — этот термин часто применяют для обозначения стиля, сложившегося только в конце XVIII — начале XIX в., но ряд исследователей говорят и о классицизме конца XVII—XVIII в.

Искусство барокко Искусство барокко возродило некоторые общие признаки ренессансной культуры — ее широкий утверждающий характер, энергичный оптимизм, цельный, последова-

тельный взгляд на мир, приверженность к ансамблю и синтезу искусств. При этом выявляется иной пафос барокко, строящийся на напряженных контрастах, антитезах, драматическом противоположении земного и небесного, реальности и фантазии, духовного и телесного, изысканного и грубого, аристократического и народного. Из этих антитез рождается патетически приподнятый тон прославления, превознесения, переплетения крайностей, бурной динамики, безудержных гипербол, захватывающих страстей и внезапных аффектов. Барокко утвердилось в пору интенсивного складывания наций и национальных государств. Но не буржуазная Голландия и не абсолютистская Франция стали центрами рождающегося барокко. Этот стиль расцвел сначала в странах, где господствовала землевладельческая знать, где торжествовали феодальная реакция и католицизм, где основная масса народа была крестьянской массой. Такими странами были Италия, Фландрия, Испания и Португалия, Южная Германия, Австрия. Отсюда барокко распространялось в страны Нового Света, на север Германии, в Скандинавию, Восточную Европу...

...Особенно характерны для барокко живописность и иллюзорность, балансирование на грани реального и воображаемого, стремление к обману глаз, к выходу из изображенного пространства в реальное пространство, где находится зритель, к слиянию видов искусств, образующих торжественное эффектное зрелище, монументально-декоративное единство, поражающее своим размахом воображение. Улица, площадь, городской ансамбль с фигурными площадями, с веером расходящихся улиц, с привольно раскинувшимися, широкими, как бы растекающимися лестницами, парковые ансамбли с дворцами, с чередованием террас, нимфеев, водоемов, гротов или же с геометрическими узорами зеленых партеров и бассейнов, с подстриженными деревьями и боскетами — все это стало пониматься как стройно организованное развивающееся в пространстве целое, многообразие которого раскрывается зрителю при движении по ансамблю. Дворцы, виллы, церкви барокко благодаря сложным, часто криволинейным, планам и очертаниям, слитности как бы подвижных, текучих форм, роскошной, причудливой пластике фасадов, обилию архитектурных и скульптурных украшений, беспокойной игре светотени приобретают живописность и изменчивость; завязывается сложное взаимодействие динамичной массы барочных сооружений и бесконечного мирового пространства. Особенно великолепны парадные залы и внутренние лестницы: архитектура здесь сливается с многоцветной скульптурой, лепкой, резьбой; зеркала и росписи создают иллюзию бесконечно расширяющегося, не имеющего границ пространства, расписные потолки-плафоны изображают разверзшиеся своды, где среди облаков теснятся многочисленные летящие фигуры. Столь же бурного движения, напряженных контрастов

света и тени, масштабов, ритмов, материалов и фактур исполнены скульпту-
671
ра и живопись барокко, где все дышит, движется, как бы меняется на глазах.
(Прусс И.Е. Западноевропейское искусство XVII в. С. 23—25)

Барокко, рококо и абсолютизм Стиль барокко — художественное отражение княжеского абсолютизма, художественная формула величия, позы, представительности. Абсолютизм создал особый стиль дворцовых построек. Дворец уже не крепость, как в Средние века, пробуждающая в обитателях чувство безопасности от нападений и неожиданностей, а низведенный на землю Олимп, где все говорит о том, что здесь обитают боги. Обширная передняя, огромные залы и галереи. Стены покрыты сверху донизу зеркалами, ослепляющими взоры. Без зеркал не могут обойтись ни поза, ни жажда предста-вительствования. Ничто не должно быть скрываемо; все должно стать выставкой богоподобия — даже сон государя. Сады и парки, окружающие на значительном расстоянии дворец, выстроенный в стиле барокко, — сверкающие поляны Олимпа, вечно смеющиеся и вечно веселые. Весна превращена в отягченную плодами осень, зима становится напоенным ароматами летом. Опрокинуты все законы природы, и только воля государя повелевает ею...

Выше монарха ни в идее, ни на практике нет никого. Вот почему дворец в стиле рококо, последнего звена в развитии архитектуры эпохи абсолютизма, всегда одноэтажен, ибо никто не должен и не может стоять или ходить над его головой: он — церковь, идея божества в переводе на мирской язык. В лице абсолютного государя на земле шествует само божество. Отсюда великолепие, отсюда золотом сверкающая пышность, в которую облекается абсолютный монарх. Золото и драгоценные каменья — его одежда; золотом и блеском сверкает ливрея его придворных лакеев. Из золота сделаны: стул, на котором он сидит, стол, за которым он обедает, тарелки, с которых он ест, приборы, которыми он пользуется. Золотом и серебром затканы занавески над его ложем, обои на стенах. Со, всех сторон, заливая его своим блеском, окружает его золото. Золотом украшена упряжь его лошадей, и он едет по улицам города в золотой колеснице. Вся его жизнь, весь его придворный штат облачены в золото. Все залито светом, а свет стал золотым. Ослепительно сияют тысячи свечей в его хоромах в праздничные дни, и все снова и снова отражают покрытые зеркалами стены. Он сам есть свет, и вот почему он всегда окружен светом. Этим объясняется также чопорный, до мельчайших подробностей предусмотренный церемониал, которым обставлена каждая услуга, оказываемая ему с момента пробуждения и до минуты погружения в сон. Этот церемониал превращает самое ничтожное действие в акт первостепенной государственной важности, лишает даже самую противную услугу ее унизительного характера. Ежедневный присмотр за убор-
672
ной французских королей — почетная должность, исполняемая доподлинным герцогом. Вот почему государь далее постоянно окружен плеядой придворных. Одинок только ничтожный и бессильный. Знаку всемогущего повинуется вся Вселенная. Придворные — вестники его могущества.
(Фукс Э. Иллюстрированная энциклопедия нравов: Галантный век. С. 13—15)

Искусство клас- Классицизм — законная гордость французской сицизма культуры XVII века; он свидетельствует о порази-
тельной целеустремленности ее корифеев. Философия Декарта поставила краеугольным камнем мироздания мысль, а его дедуктивный математический метод мышления позволял как бы воссоздать идеальную логическую конструкцию вселенной и человеческой природы. Классические драмы Корнеля дали обществу программу, ставящую выше всего разум и долг, интересы общества и государства. Наконец, Пуссен стал создателем наиболее универсальной доктрины классицизма, связывающей идеалы красоты, истины и добра с разумом, закономерностью, целесообразностью и справедливостью. Этот триумф рационализма, безграничной веры в организующие силы разума не приходится, однако, на время расцвета абсолютизма, экономической и политической стабильности.
(Прусс И.Е. Западноевропейское искусство XVII в. С. 27)

Изобразительное искусство

Семнадцатый век — одна из наиболее грандиозных эпох во всей истории искусства. Располагаясь между эпохой Возрождения, обнимающей примерно три века, с XIV по XVI, и эпохой Просвещения — XVIII веком, она не уступает им ни в своем историческом значении, ни в обилии великих художников и бессмертных шедевров. При этом лишь условно можно было бы

рассматривать XVII век как время перехода от Возрождения к Просвещению, хотя он действительно многое унаследовал от первого и завещал второму. В целом XVII век — совершенно самостоятельная фаза в развитии мировой художественной культуры, обладающая своими неповторимыми особенностями в мировоззрении, общественном и культурном укладе, образном мышлении. Караваджо и Бёрнини, Веласкес и Рембрандт, Рубенс и Пуссен, Франс Хальс и Якоб Рейсдаль, Ян Вермер и ван Дейк — далеко не все из великих имен, определяющих непреходящее значение искусства XVII века. Многие из них чрезвычайно внимательно изучали живопись Возрождения: это яснее видно в картинах Рубенса и Пуссена и не столь явно в больших

полотнах Рембрандта и Веласкеса. Живописцы XVIII века в свою очередь часто отталкивались от своих предшественников. Гойя многим обязан Веласкесу; Ватто, Буше и Фрагонар — Рубенсу, Давид — Пуссену. Этой связью эпох лишь подчеркивается особое значение культуры XVII века, оказавшей и продолжающей оказывать мощное воздействие на всю культуру человечества. В XVII веке, открывающемся творчеством Шекспира и Сервантеса, увидели свет философские системы Фрэнсиса Бэкона, Декарта и Спинозы, трагедии Корнеля и Расина, комедии Мольера, поэмы Мильтона, оперы Монтеверди. Не все искусства пережили столь блестящий расцвет в XVII веке; так, декоративная скульптура явно имела больше успеха, чем станковая, пришла в упадок гравюра на дереве, вытесненная офортом и резцовой гравюрой на меди. Но в целом поразительны расширение кругозора, обогащение старых жанров, возникновение новых и — говоря шире — необычайно интенсивная художественная деятельность. Возникли наиболее величественные и цельные архитектурные ансамбли, как площадь Святого Петра и Пьяцца дель Пололо с трезубцем расходящихся улиц в Риме, Версальский дворец французских королей с грандиозным парком и скульптурными композициями.

Распространению пышных росписей, панно и многофигурных холстов сопутствует интерес к.углублению в душевный мир человека, в мир природы, в предметный мир, что вызвало небывалый расцвет станковых форм живописи и интимной графики. Никогда еще так разителен не был контраст искусства официального, полного велеречивого пафоса, и последовательного, глубокого реализма, проникнутого сильнейшими демократическими устремлениями. Вместе с тем никогда еще эти два направления, отчетливо выявившиеся уже к концу XVI века, не переплетались так сложно между собой, присутствуя почти неразделимо, скажем, в творчестве Рубенса. Это и было естественно в период, когда складывались новые формы общественного строя, сталкивались и приучались к сосуществованию феодально-монархические государства и буржуазные республики, до того непримиримые вероучения, философские доктрины, вековые традиции и небывалые новшества.

(Прусс И.Е. Западноевропейское искусство XVII в. С. 6—7)

Изобразительное искусство Франции XVIII в.

...Наступление эпохи Регентства — правление Филиппа Орлеанского, стоявшего у власти до совершеннолетия своего племянника Людовика XV, -внешне выглядит резкой сменой декораций. Прежняя атмосфера удручающей скованности, ханжества, педантизма сменяется открытым разгулом, оргиями, презрением к любым приличиям, - слово «Регентство» надолго становится синонимом предельно развращенной и циничной эпохи. Но как ни внезапен этот перелом, он

остается только наружным: за непрерывными праздниками, карнавалами, пьянством и азартом картежной лихорадки скрываются все те же опустошенность, безволие, безразличие. Современники начинают все тревожнее ощущать их, пытаясь осмыслить духовный кризис, парализующий страну, и найти из него выход.

Эта короткая противоречивая эпоха легкомысленных маскарадов и нарастающего беспокойства выдвигает на сцену одного из лучших художников во всей истории французского искусства — Жана-Антуана Ватто (1684—1721). Его короткая жизнь была драматичной: в юности ему довелось пережить все лишения начинающего художника, пришедшего в Париж пешком, без денег, без работы, без покровителей; но даже и завоевав известность, он продолжает страдать от постоянной неудовлетворенности собой, от одиночества, наконец, от болезней. Эту вечную тревогу и беспокойство он переносит в свое творчество, делая его таким личным, таким исповедующимся перед зрителем, что во всем столетии ему можно в этом найти лишь одну параллель — Жан-Жака Руссо. Но Руссо неизмеримо сильнее и цельнее его, Ватто выглядят рядом с ним раздвоенным,

мятущимся, принадлежащим и старому, уходящему веку, и приближающейся эпохе обновления. Ватто известен прежде всего как мастер «галантных празднеств»... Влюбленные кавалеры и дамы танцуют, музицируют или прогуливаются в парках, на лугах, дворцовых верандах (Ватто ненавидит замкнутость интерьера и упорно избегает ее). Композиция картины лишена устойчивости: группы или отдельные фигуры расходятся в разные стороны, то устремляются в глубину, то, нарушая невидимую черту, разделяющую картину и зрителя, обращаясь прямо к нему с жестами или взглядами. Это чувство зыбкого, неуловимого и непрекращающегося движения передается самой живописи. Краски Ватто, мерцающие и струящиеся, переливаются друг в друга, свет не падает единым потоком, а разбивается на сотни дрожащих бликов и рефлексов. Все это создает изысканную и грустную феерию, невольно внушающую мысль о тревоге и неуверенности художника перед действительностью...

(Кантор А.М., Кожина Е.Ф., Лифшиц НА., Зернов Б А., Воронихина Л.Н., Некрасова ЕА. Искусство XVIII века. С. 77—89)

Об искусстве рококо

Впервые заявив о себе к 1720-м годам, оно (рококо. — *Сост.*) бурно развивается в следующие десятилетия и достигает высшего подъема в середине столетия, когда подчиняет себе все французское искусство. Рококо завоевало не слишком почетную и не вполне заслуженную репутацию изысканного, манерного, самого эфемерного и легковесного стиля в истории искусства. Внешне такое представление о нем закономерно. Действительно, рококо складывается под сильнейшим влиянием аристократии. В нем причудливо соединяются гедонизм, пресыщенность, откровенная фри-

675

вольность, тяготение к экзотике, пренебрежение ко всему разумному, конструктивному, естественному, нарочитые алогизмы, парадоксальность, но и высшая утонченность, блистательная художественная культура, неисчерпаемая изобретательность. Казалось бы, искусство рококо, отгороженное от проблем эпохи, замыкается в кругу рафинированного эстетизма.

И все же видеть в рококо только легкомыслие и гедонизм — значило бы повторить знаменитую ошибку, совершенную в конце века аристократией и самой Марией-Антуанеттой, которые с восторгом играют «Свадьбу Фигаро», не замечая за каскадами остроумных шуток, фарсовых ситуаций, немыслимых поворотов сюжета грозной сути монологов графского камердинера. Ибо рококо — не прихоть аристократии: главной творческой силой здесь выступают поиски новых путей переломной эпохой. Не удивительно, что после долгих лет застоя — последней трети XVII и начала XVIII века — Франция не в состоянии сразу дать своей культуре положительную программу. Она начинает с отрицания. За своеволием и анархичностью рококо кроется дерзость и независимость воображения, идущего наперекор не столько разумным, сколько привычным и бесплодным нормам. Даже тогда, когда рококо выглядит неудержимой фантастической игрой, внутренне оно не порывает со здравым смыслом...

Мебель, посуда, предметы утвари не только украшены расточительно и изобретательно, они сами превращаются в украшения благодаря своим причудливым формам..., но как ни маскируется в них полезное начало, мастер никогда не позволит себе им пренебречь: все эти вещи максимально удобны... В это время расцветает искусство изящной моделировки и яркой сочной росписи «мягкого» фарфора на мануфактурах в Шантийи (1725—1801), Венсенне (1738— 1756), знаменитом Севре (с 1756 г.); мебельщики создают все новые типы легкой, свободной и изящной мебели, как никогда подчиняясь требованиям быта. Вошли в моду экзотические мотивы, особенно китайские («шинуазери»).

Новый стиль оказывается во власти острого противоречия: чуткость к здравому смыслу и практическому назначению сталкивается с их маскировкой. Художник как бы старается убедить себя и зрителя, что искусство — это стихия беспредельной игры фантазии, что единственно возможная в нем интонация — это насмешливая ирония, отрицающая все серьезное, что реальный мир ограничен одной чувственностью, либо в грубо материальных, либо в рафинированно-отвлеченных формах. Однако все эти формулы следует рассматривать не только сами по себе, но и как дерзкую, сознательно заостренную полемику против ходульной академической традиции. И в этом качестве они играют полезнейшую роль: освобождают искусство от предрассудков, приучая его ориентироваться не на абстрактные доктрины, а на требование и вкус современника. Это установление живого контакта со зрителем

676

было одним из величайших завоеваний рококо, немедленно подхваченным эпохой. Совсем не случайно Монтескье перенес в «Персидские письма» заимствованную у этого стиля нарядную

экзотику восточного маскарада: она ничуть не заслонила глубоких размышлений автора о судьбах Франции или о правах человека и лишь придала этим размышлениям доступность, увлекательность. Если бы вслед за Монтескье Вольтер, Гельвеции и даже Дидро не заговорили о самых серьезных проблемах философии, морали, эстетики с такой же блестящей легкостью и непринужденным остроумием, эти проблемы никогда не стали бы достоянием столь широкой аудитории. Дерзкий скепсис рококо преломлялся в сознании лучших его современников как независимость мысли; умение превратить все вокруг в источник удовольствия становилось в руках тех же современников магнитом, который сообщал притягательную силу идеям, прежде не занимавшим широкую публику, но теперь вдруг властно охватившим ее. Как ни много парадоксов заключено в самом рококо, величайшим парадоксом оказалась его историческая судьба: этот легкомысленный, изысканно-аристократический стиль подготовил почву для мощной демократической эпохи Просвещения...

Демонстративное легкомыслие рококо нередко оборачивается... внутренней неуверенностью и тревогой. Даже в знаменитом девизе эпохи — «после нас хоть потоп» — за самоуверенной бравадой ясно ощущается предчувствие чего-то угрожающего — неопределенного, но страшного «потопа». Правда, такие тревожные предчувствия почти всегда непроизвольны: сознательная программа рококо — это жизнерадостная стихия праздника, не знающего конца. Вероятно, нигде, если не считать прикладного искусства, она не вылилась с такой яркостью, как в живописи.

Здесь, безусловно, первое место должно быть отведено Франсуа Буше (1703—1770). Это очень талантливый мастер, одаренный и чувством колорита, и виртуозной точностью рисунка, и редкой композиционной изобретательностью. Его ранние пейзажи обаятельны своей тонкостью живописи и мягкой элегичностью настроения. Но Буше никогда не отличался артистической независимостью и самобытностью: свои первоклассные качества художника он легко подчинял заказчику или моде. Начиная с выбора сюжета, он следовал стереотипу, уже выработанному современным вкусом. «Пастушеская сцена» или «Купание Дианы»... бесконечные апофеозы и триумфы — Венеры, Аполлона, Галатеи, аллегории, разыгрываемые детьми или обнаженными амурами, — такие мотивы он без конца варьировал в том нарядно-салонном духе, который вызывал негодование Дидро и восторг аристократической публики.

Картина Буше уже не подчиняется законам станковой живописи. Она становится прежде всего декоративным панно, украшением ин-

терьера. Поэтому автор заботится не столько о художественной цельности полотна, сколько о его внешней эффектности и красочности. На стенах сегодняшних музеев его картины — например, многочисленные варианты «Триумфа Венеры» и «Туалета Венеры»... — бесконечно проигрывают: их цветовая пестрота, хаотичность и загроможденность композиции, однообразие типов и аксессуаров бросаются в глаза; но если представить себе, как органично и живо входили такие вещи в интерьер эпохи рококо, в салоны парижских отелей де Субиз, де ла Бородь-ер, сразу же становясь в них красивым, звучным акцентом, мы легко поймем огромный успех Буше у современников...

Однако подлинное обновление портретного жанра окончательно совершает лишь Морис-Кантен Латур (1704—1788). Это и большой художник и яркая личность, всеми своими качествами знаменующая громадные сдвиги в положении художника, во взглядах на искусство. Латур полон гордого сознания своего таланта, своей значимости, ценности своего творчества: он не только не чувствует себя слугой аристократов, делающих ему заказы, но держится с ними независимо и дерзко, будь то даже члены королевской семьи. Совсем не случайно именно такой человек, с его презрением к любым условностям и традициям, оказался одним из самых смелых новаторов во французском искусстве XVIII века.

(Кантор А.М., Кожина Е. Ф., Лифшиц НА., Зернов Б А., Воронихина Л.Н., Некрасова ЕА. Искусство XVIII века. С. 77—89)

Быт и нравы

О женщинах **XVIII в.** В своей известной книге «Женщина в XVIII в.» братья Гонкуры прекрасно охарактеризовали этот золотой век женщины.

«В эпоху между 1700 и 17819 гг. женщина не только единственная в своем роде пружина, которая все приводит в движение. Она кажется силой высшего порядка, королевой в области мысли. Она — идея, поставленная на вершине общества, к которой обращены все взоры и устремлены все сердца. Она — идол, перед которым люди склоняют колена, икона, на которую молятся. На женщину обращены все иллюзии и молитвы, все мечты и экстазы религии. Женщина производит

то, что обыкновенно производит религия: она заполняет умы и сердца. В эпоху, когда царили Людовик XV и Вольтер, в век безверия, она заменяет собою небо. Все спешат выразить ей свое умиление, вознести ее до небес. Творимое в честь ее идолопоклонство поднимает ее высоко над землей. Нет ни одного писателя, которого она не поработила бы, ни одного пера, которое не снабжало бы ее крыльями. Даже в провинции
678
есть поэты, посвящающие себя ее воспеванию, всецело отдающиеся ей. И из фимиама, который ей расточают Дора и Жентиль Бернар, образуется то облако, которое служит троном и алтарем для ее апофеоза, облако, прорезанное полетом голубей и усеянное дождем из цветков. Проза и стихи, кисть, резец и лира создают из нее, ей же на радость, божество, и женщина становится в конце концов для XVIII в. не только богиней счастья, наслаждения и любви, но и истинно поэтическим, истинно священным существом, целью всех душевных порывов, идеалом человечества, воплощенным в человеческой форме».

Удовлетворение чувственности — таков общий закон морали: нравственности противоречит только отказ. Женщина поэтому с самого начала готова уступить. Ее колебания — только средство увеличить наслаждение мужчины. Один из величайших мастеров по части галантности, граф Тилли, говорит в своих мемуарах: «Во Франции необходимо пустить в ход немало прилежания, ловкости, внешней искренности, игры и искусства, чтобы победить женщину, которую стоит победить. Приходится соблюдать формальности, из которых каждая одинаково важна и одинаково обязательна. Зато почти всегда есть возможность насладиться победой, если только нападающий не болван, а женщина, подвергшаяся нападению, не олицетворение добродетели»...

Все грубое и опасное должно быть исключено из любви. Страстная ревность считается смешной. Если обнаруживается это чувство, оно вызывает только недоверчивое и неодобрительное покачивание головой. Соперники скрещивают шпаги, но они редко прокалывают сердце, обыкновенно оставляя на коже лишь царапину. Подобно шипам розы, любовь должна наносить лишь моментальную боль, а не — подобно кинжалу в бешеной руке — опасные для жизни раны, еще менее убивать. Кровь только символ, а не удовлетворение мести. Не нужно бойни, достаточно одной капли, чтобы создался этот символ.

Желания обнаруживаются всегда элегантно и грациозно, а не бурно и разрушительно. Никто не позволит себе жеста циклопа. С руки никогда не снимается перчатка. Люди садятся за стол наслаждения как беззаботные жуиры, а за их стульями, в качестве прислужника, стоит радость».

(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 67—71)

Салоны Салон представлял собой специфическую форму...

общественности. Однако интеллектуальная культура, воплощенная в салоне, переоценивалась большинством исследователей. Нет никакого сомнения, что существовал ряд салонов, где остроумие вспыхивало каждый день новым фейерверком, где рождались все те смелые идеи, которые должны были привести к преобразованию общества, где происходили аванпостные стычки новой эпохи. Таковы были знаменитые парижские салоны, где царили энциклопедисты, са-
679
лон г-жи Дюдефан, где бывал Д'Аламбер, г-жи Д'Эпине, где тон задавали Дидро и Гримм, г-жи Жоффрен, где можно было встретить Монтескье, и десяток других. Но вот и все...

Из «Анекдоты и остроумные выражения XVIII в.» мы заимствуем следующие два места, из которых одно характеризует господствовавший в этих салонах после ужина развязный тон, а второе — те активные шутки, которые разрешали себе их посетители.

В обоих случаях речь идет о кружке регента Франции герцога Орлеанского. Первое место гласит: «Однажды регент ужинал с г-жой Парабер, архиепископом Камбре и Лоу. После ужина ему принесли бумагу для подписи. Он хотел взять перо, но был так пьян, что не мог его держать. Он передал перо г-же Парабер и сказал ей: «Подпиши, б..> Она возразила, что не имеет права подписывать. Тогда он вручил архиепископу и сказал: «Подпиши, сутенер». Тот тоже отказался. Тогда регент передал перо Лоу со словами: «Подпиши, мошенник!» Но и он отказался. Тогда регент пустился в следующие меткие размышления: «Что за превосходно управляемое государство! Оно управляется проституткой, сутенером, мошенником и пьяным». И подписал бумагу».

(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 471—474)

Об идеале красоты Так как бледный цвет лица и кожи считался признаком красоты, то в XVIII в. тратили огромную массу пудры. Впрочем, на то существовала и другая причина, о которой речь впереди. Лишь розовым налетом должна быть подернута кожа, точно сквозь нее просвечивает

тайный огонь желаний, ни на минуту не потухающий, как доказательство постоянной готовности к галантным похождениям. То огонь, только электризующий, а не сжигающий ни очага, на котором он горит, ни предмета, которого он коснется.
Пикантен и потому красив ротик, похожий на бокал, наполненный до краев сладострастием, бокал, из которого можно вкушать одно только наслаждение. Губы должны быть такой формы, чтобы они каждого возбуждали к поцелуям, а при поцелуе они должны трепетать от затаенного желания... Красота губ заключается в том, чтобы они были покрыты тонкой кожею, сквозь которую, как сквозь стекло, просвечивает приятно красный цвет или красная коралловая тинктура. Они та нива, на которой любовь сеет сахар и мед, за которым, как пчелы, гоняются влюбленные, усердно облизывая друг друга...
Венерой считается та женщина, груди которой подобны «двум чудесным сахарным головам наслаждения», а бедра — «двум сладострастным полушариям блаженства». Члены ее должны быть подобны «плю-щу нежности»...
Тогда все пудрились, даже дети, не для того, чтобы выглядеть старше, а для того, чтобы все казались одинакового возраста. Все стреми-
680
лись остановить время. В этом была главная проблема. Этими соображениями объясняется также и употребление румян — тоже одной из особенностей XVIII в. Так как повелевать природой человек не в силах, то искусственно был создан цвет, считавшийся типическим цветом красоты. С этой целью румянились не только женщины, но и мужчины. Впрочем, конечно, и тогда уже румяна были для женщин единственным средством остановить время и сохранить путем соответствующей ретушевки подобие вечной весны...
Мужской идеал, ценимый эпохой, обнаруживается только в костюме. Элегантный придворный — совершеннейший тип мужчины. Первоначально, в эпоху восходящего абсолютизма, он принимает позу величия. Каждый хотел изобразить Бога, в его лице ступающего по земле...
В эпоху упадка абсолютизма он становится все более женоподобным. Женственность становится его характернейшей сущностью. Женоподобными становились его манеры и костюм, его потребности и все его поведение. ...Этот модный во второй половине XVIII в. тип зафиксирован в следующих словах:
«Мужчина теперь более, чем когда-либо, похож на женщину. Он носит длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, и старается их сделать еще более длинными и густыми при помощи парика. Пряжки на башмаках и коленах заменены для удобства шелковыми бантами. Шпага надевается — тоже для удобства — как можно реже. На руки надеваются перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Мужчина ходит пешком и даже разъезжает в коляске как можно реже, ест легкую пищу, любит удобные кресла и покойное ложе. Не желая ни в чем отставать от женщины, он употребляет тонкое полотно и кружева, обвешивает себя часами, надевает на пальцы перстни, а карманы наполняет безделушками».
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 88—92)

Прически Введение парика Allonge было тем средством, на которое прежде всего напали, чтобы дать возможность мужчине принять позу величественного и могущественного земного бога... В нем голова мужчины становилась величественной головой Юпитера. Или как выражались тогда: лицо выглядывало из рамки густых светлых локонов, как «солнце из-за утренних облаков». Для усиления этого впечатления, для доведения его до крайности пришлось пожертвовать главным украшением мужчины — бородой. Борода в самом деле исчезла вместе с воцарением парика и снова появилась, лишь когда он исчез.
В женском костюме идея величия была осуществлена, с одной стороны, удлинением шлейфа, с другой — при помощи фонтанжа. Введение последнего обыкновенно приписывается метрессе Людовика XVI. На самом деле этот чудовищный головной убор только заимствовал
681
свое название у этой дамы. Введение его было не простым случайным капризом, а, как всякая мода, царившая более или менее продолжительное время, неизбежным звеном в развитии известной категории явлений, постепенно подготовлявшихся. Фонтанж, с одной стороны, логическое дополнение парика Allonge, а с другой — столь же естественный противовес огромному шлейфу, длина которого колебалась от двух до тринадцати метров. А чем длиннее был шлейф, тем

выше становился и фонтанж.
Современные моралисты-проповедники дают нам всегда больше всего сведений о сущности мод и нравов эпохи...: «Женщины одеваются так, чтобы остаться голыми, и надевают фонтанж, чтобы их лучше было видно». Что моралисты не преувеличивали, нападая на чудовищные размеры фонтанжа, видно хотя бы из того, что, например, в Вене он достигал порой... 1,3 метра...
Юбка превратилась в настоящее чудовище, и официальный придворный костюм делал каждую даму похожей на огромную движущуюся бочку. Только протянув руку, могла она коснуться руки спутника. А прическа становилась настоящей маленькой театральной сценой, на которой разыгрывались всевозможные пьесы. Мы вовсе не преувеличиваем. Все, что порождало в общественной и политической жизни сенсацию, искусно воспроизводилось на голове дамы (сцены охоты, пейзажи, мельницы, крепости, отрывки из пьес и т. д.). Даже казни доставляли мотивы и сюжеты. Так как эпоха требовала прежде всего позы, то все демонстрировали в самой смешной форме свои чувства. Мечтательное возвращение к природе символизировалось построением на голове фермы с коровами, овцами, розами и пастухами, все, конечно, в миниатюрном виде, или воспроизведением сеющих и пашущих мужиков. Увлечение пасторалями в свою очередь переносило на дамские головы идиллические и галантные пастушьи сценки: Селадон совращает Хлою, Филида и Тирс объясняются в нежных чувствах и т.д.
Дама, желавшая показать, что она преисполнена мужества, выбирала сражающихся солдат, галантная дама, кокетливо выставлявшая напоказ свои успехи, предпочитала носить на голове любовников, дерущихся из-за обладания ею на дуэли, и т.д.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 115—116)

Каблуки В эпоху Средневековья и Возрождения использовались специальные подставки под башмаки.
Они должны были помогать пешеходу идти по всегда грязной улице, не загрязняя самих башмаков. Необходимо принять во внимание, что тогда нигде не существовало тротуаров, что даже улицы были в большинстве случаев немощеные, в лучшем случае мостились лишь некоторые главные из них, все же остальные в продолжение года были
682
покрыты грязью, превращавшейся после каждого дождика в огромные бездонные лужи. До нас дошли известия, касающиеся разных городов, о том, что там то и дело лошади уходили по колено в грязь, что иногда в грязи тонули и погибали животные и люди.
Нечистоты выбрасывались за дверь даже еще в XVI в., и так как уборные существовали лишь в немногих домах, то люди обычно отправляли свои естественные потребности на улице. Поэтому даже на мощеных улицах протекал мутный ручеек нечистот, проходимый лишь в известных местах. Так обстояло дело еще в XVIII в....
Первые каблуки отличались неуклюжей формой, как показывают не только изображения, а еще яснее — хранящиеся в разных музеях башмаки начала XVII в. Очень скоро стали, однако, появляться и более изящные. Люди научились пользоваться этим изобретенным ими для осуществления их специфических целей средством, выявлять все скрытые в нем возможности. Вплоть до наших дней поэтому постоянно производились эксперименты с каблуком. С одной стороны, он становился средством придать фигуре больше гордости и величия, с другой — позволял ноге казаться маленькой...
Первоначально широкий и неуклюжий, он постепенно достиг такой высоты, что на нем нельзя уже было ходить, а можно было только подпрыгивать.
В эпоху Людовика XIV он был вышиною в шесть дюймов и продержался на этой высоте почти без изменения до самой революции.
Какое впечатление производили дамы в таких башмаках, видно, например, из одного места в мемуарах Казаковы. Он сообщает, что видел однажды, как французские придворные дамы переходили из одной комнаты в другую вприпрыжку, подобно согнувшимся кенгуру. Такую позу дамы должны были принять, если хотели сохранить равновесие...
Первоначально такие каблуки носили как женщины, так и мужчины...
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 129—131)
Чулки и подвязки По мере того как метод retrousse, т.е. «искусство показывать ногу», принимал все более рафинированные формы, стали все больше обращать внимание и на нижние части костюма, les dessouss (нижнее белье. — *Сост.).* Начали с башмаков, чулок и подвязок. Долгое время ограничивались этими тремя аксессуарами. Очень скоро поняли, что при помощи фасона

башмаков и цвета чулок можно по желанию исправить форму ноги до самого колена, и очень скоро научились пользоваться этими средствами для увеличения красоты ноги. Чулки украшались лентами разной формы и разного цвета, чтобы сделать, смотря по необходимости, ногу или более стройной, или более полной. Выбирали также особый рисунок и особую форму чулок, чтобы придать слишком полным икрам более грациозный вид и наоборот.
683
Подвязка, которую раньше носили ниже колена, была постепенно перенесена выше колена, чем сразу было достигнуто несколько важных результатов. Во-первых, таким образом эффективно удлинялась нога, а во-вторых, границы для добровольного retrousse были перенесены как можно выше. Теперь нога выше колена оказывалась не обнаженной, а приличие требовало только скрывать наготу. Там, где начиналась она, retrousse находило свою естественную границу. И многие женщины здесь только и усматривали границу. Они позволяли мужчине видеть как можно больше, и эта уступка доказывала, что они в душе шли навстречу желаниям мужчин.
Чулки и подвязки стали вследствие этого наиболее важными составными частями костюма в эту эпоху. И каждая такая мода приносила с собою новые комбинации. Постепенно, совершенно логически последствие стало причиной. Если обычай retrousse привел к рафинирован-нейшим заботам о нижних частях костюма, то прследние, в свою очередь, побуждали теперь к возможно частым и смелым retrousse. Теперь на каждом шагу находили повод к retrousse. Дама, не прибегавшая к этому приему, вызывала подозрение, что она не одевается по моде. Что было невозможно сделать во время прогулки, садясь в носилки или в карету, для того представлялся удобный случай во время игры. (Поэтому в моду входит качание на качелях. — *Сост.)*
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 150—151)

Декольте Целый ряд случаев доказывает, что красивые жен-
щины не довольствовались тем, что показывали так смело свою грудь или дома, или в праздничной зале, а любили в таком виде выходить на улицу. Красавица жена шотландца Депортера часто прогуливалась в Париже под руку с мужем с совершенно обнаженной грудью. Хотя подобные зрелища и не были редкостью, но иногда, как нам сообщают, происходили настоящие скопища. То были отнюдь не враждебные демонстрации, напротив, «каждый хотел вблизи насладиться прекрасной грудью, возбуждавшей в зрителях сладострастные чувства». О вышеупомянутой мисс Чадлей также сообщают, что она любила на улицах Лондона «выставлять напоказ алчным и восхищенным взорам мужчин прелести своей несравненной груди». Другой современник рассказывает о трех молодых англичанках, которые каждый день прогуливались вместе по аллеям вокзала: груди их производили сенсацию, потому что ни одна не походила на другую. «Каждый день люди спорили, кому присудить пальму первенства, и никак не могли столковаться.» Впрочем, такое смелое декольте, по-видимому, было исключением уже по одной той важной причине, что при частичном декольте легче симулировать впечатление постоянно приподнятой груди, чем при полном ее обнажении; последнее было в моде, например, при дворе Карла II, в Англии.
684
О степени декольте мы больше и лучше всего узнаем от современных моралистов-проповедников. Если для большинства других писателей декольте — дело настолько понятное, что они вспоминают о нем лишь вскользь, то для моралистов оно было «причиной всякого зла». Глубокий вырез на груди кажется им входом в адскую пасть, в геенну огненную, которая всех поглощает и всем грозит — юноше, мужчине, старику, которая уничтожает все лучшие намерения и т.д. О размерах выреза в XVII в. говорится: «Женщина хочет, чтобы он был по крайней мере настолько велик, чтобы две мужские руки могли удобнее проскользнуть, хотя они ничего не имеют и против того, чтобы он был еще немного больше». По словам сатириков, выходит, что под этим «немного» следует подразумевать возможность для женщины все показать, а для мужчины все видеть, ибо если как следует заглянуть в сердце женщины, то очень скоро станет ясно, что они сами предпочли бы ходить совсем голыми.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 135)

Кринолин Кринолин является дальнейшим развитием того
Wulstenrock (юбка-подушка, юбка-валик), который вошел в моду еще в эпоху Ренессанса, чтобы достигнуть своих наиболее гротескных форм в период восходящего абсолютизма...
Как видно, главная цель при создании кринолина заключалась в преувеличенном подчеркивании узкой талии, считающейся также одной из главных женских красот. Даже более, это впечатление хотели еще усилить в направлении современного понятия «женственности», то есть в смысле распадения тела на грудь, лоно и бедра. При помощи лифа эта задача была блестящим образом

решена. Вошла в моду тонкая талия, положительно разрезавшая тело на две половины — на грудь и нижнюю часть тела. Оставалось еще только подчеркнуть лоно... А это было достигнуто путем заостренного книзу лифа, сосредоточившего взоры невольно... на месте, наводящем на мысли. Уже раньше встречается подобный прием. Но только в XVIII в. удалось полностью решить эту сокровенную задачу. Длинный острый угол, которым заканчивался лиф, угол, прозванный одним сатириком «путеводителем в долину радости», служил вместе с тем необходимым соединительным звеном между обеими половинами тела, созданным тонкой талией, звеном, по крайней мере косвенно восстанавливавшим естественное единство.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 142)

О красках В искусстве Барокко краски поэтому теряют свой блеск и свое сияние. Только холодная пышность говорит уму и сердцу, только она в почете. Правда, все еще преобладают цвета темно-голубой и ярко-красный, однако в сочетании с холод-
685
ным золотом — эмблемой величия, сверхсилы. Золото заменяет собой сверкающий огонь. Холодным золотом затканы одежды. Золотом усеяны стены дворцов и внутренности церквей. Золото на черном или белом фоне — такова скала абсолютизма в период его расцвета, на высоте его мощи и власти. Она же доминирующая нотка в искусстве эпохи.

В период Рококо холодное величие сменилось фривольным наслаждением. В моду входят теперь нежные краски — чувственность без огня и без творческой силы. Светло-голубой и нежно-розовый вытесняют цвета пурпурный и фиолетовый: сила истощилась. На место ярко-оранжевого цвета ставится бледно-желтый: мелочная зависть господствует там, где когда-то свирепствовала разнузданная ненависть необузданных натур. Сверкающая зелень изумруда уступила матово-зеленому цвету: эпоха похоронила светлую надежду на будущее, ей остались только лишенные творческих порывов сомнения.

Нет больше места и резким контрастам; светло-лиловый, серовато-голубой, серо-желтый, светло-розовый, блекло-зеленый — вот наиболее любимые цвета как в искусстве, так и в моде. Чувства не распадаются на свои враждебные элементы. Зато шкала цветов имеет сотни делений, тысячу оттенков, как и наслаждение. Одно время в ходу был блошиный цвет, рисе, и все одевались в этот цвет. И, однако, этот цвет имел полдюжины утонченнейших оттенков. Различали между цветами: блохи, блошиной головки, блошиной спины, блошиного брюшка, блошиных ног, и даже существовал цвет блохи в период родильной горячки.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 145—146)

Веер, маски, мушки Веер, ставший ныне в Центральной Европе лишь деталью бального туалета, был в эпоху старого режима, как во все времена в южных странах, неизменным спутником женщины. Он относился к числу самых важных туалетных принадлежностей не только светских дам, но и жен и дочерей среднего и мелкого бюргерства. Вполне естественно, что он с самого начала сделался важным средством кокетства, так как уже пользование им для естественной цели давало кокетству благодарнейший материал. Красивую руку, изящную кисть, грациозный жест, изящную линию — все это можно было при помощи веера выгодно подчеркнуть или дольше продемонстрировать публике, чем иным каким-нибудь способом. Так же рано и так же естественно возник и знаменитый разговор при помощи веера, позволяющий женщине в любой момент вступить с мужчиной в интимную беседу, непонятную для непосвященных. Путем известных движений веера женщина могла пригласить мужчину подойти, сказать ему, что она готова пойти навстречу его намерениям, назначить время свидания, сообщить, придет ли она или нет. Нежным жестом опуская веер, дама признается побежденной, гордым движением развертывая его, она хочет сказать, что непобедима. Нежность, любовь, отчаяние —
686
всю шкалу аффектов может передать веер. Этим искусством, в котором и теперь еще испанки мастерицы, в эпоху старого режима владели почти все женщины.

Широкое распространение получил обычай носить маски, что позволяло успешнее скрывать галантные похождения.

Употребление маски позволяло, далее, и порядочным дамам посещать пьесы и спектакли настолько непристойные, что, казалось бы, в театре не должно было быть места женщинам.

Одним из важнейших средств кокетства, относящихся к тому же специально к эпохе галантности, так как оно вместе с ней и исчезло, были так называемые... мушки. Первоначально они должны были скрывать портившие красоту пятна на лице и других обнаженных частях тела. Во «Frauenzimmerlexicon» под рубрикой «Венерин цветочек» говорится: «Так называется вскочивший на лице женщины прыщик, который она закрывает мушкой». Очень скоро, однако, эти мушки вошли в моду, так как их чернота

особенно хорошо оттеняла белизну кожи, ставшую высшим признаком красоты; отсюда другое их название — «пластырь красоты», так как они, кроме того, фасцинировали взоры, как всякая неправильность. А эта последняя особенность открывала рафинированности самые пикантные возможности. Стоило только наклеить мушку на таком месте, на которое в особенности хотели обратить внимание, и можно было быть уверенным, что взоры всех то и дело будут обращаться на это именно место. Так и поступали.

Кто хотел обратить внимание на красивую шею или на плечо, помещал мушку именно там; галантная дама наклеивала ее наверху груди, бесстыдница — как можно ниже между обоими полушариями. Такова была главная, но не единственная цель мушки. То, что первоначально предназначалось только для глаз, становилось постепенно также пикантной игрой для ума, становилось — хотя и не очень глубокомысленной — наукой, которой пользовались тогда все женщины. Так как эти пятнышки придавали лицу, смотря по тому месту, где их помещали, определенное выражение, то с их помощью искусственно и создавали то выражение, в котором хотели позировать. Кто хотел прослыть плутовкой, помещал мушку около рта, кто хотел подчеркнуть свою склонность к галантным похождениям, помещал ее на щеке, влюбленная — около глаза, шаловливая — на подбородке, дерзкая — на носу, кокетка — на губе, высокомерная — на лбу. Таким образом, ярко подчеркивались все те черты характера, постоянные или преходящие, которые хотели выставить напоказ...

Даже мужчины часто употребляли такие мушки.

(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век. С. 198-199,202-203)

687

Литература

Д'Артаньян. Мемуары мессира д' Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты мушкетеров короля, содержащие множество вещей, личных и секретных, произошедших при правлении Людовика Великого: В 3 т. Т. 1 / Пер. с франц. М. Поздняков. М.: Антанта-Лтд., 1995.

Бомарше. Женитьба Фигаро // Бомарше. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1966.

Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. М.: Книга, 1988.

Вольтер. Кандид, или Оптимизм // Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М.: Худож. лит., 1971.

Вольтер. Орлеанская девственница // Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М.: Худож. лит.,1971.

Дефо Д. Молль Флендерс / Пер. с англ. А. Франковского. М.: Худож. лит., 1955.

Дидро Д. Разговор философа с женой маршала де *** // Дидро Д. Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986.

Джефферсон Т. Билль об установлении религиозной свободы // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Джефферсон Т. Письмо к Д. Медисону // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Кантор АМ., Кожина Е.Ф., Лифшиц НА., Зернов Б.А., Воронихина Л.Н., Некрасова Е.А. Искусство XVIII века. М.: Искусство, 1977.

Лилли С. Люди, машины, история / Пер. с англ. В. А. Алексеева. М.: Прогресс, 1970.

Монтескье Ш. Л. О духе законов // Антология мировой философии:
В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Пейн Т. Здравый смысл // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Прусс И.Е. Западноевропейское искусство XVII в. М.: Искусство, 1974.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

РуссоЖ.-Ж. Рассуждения о происхождении и основания неравенства между людьми //Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Франклин Б. Заметки о североамериканских дикарях // Бредфорд У. История поселения в Плимуте: Пер. с англ. М.: Худож. лит., 1987.

Франклин Б. Письмо к Дж. Пристли // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Франклин Б. Письмо к Э. Стайлсу // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век: Пер. с нем. М.: Республика, 1994.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА

Исторический очерк

XIX в. начался для Европы с потрясений, вызванных наполеоновскими войнами. Вторжение Наполеона в Россию и последовавший затем его разгром привели в результате к реставрации монархии во Франции (королем становится Людовик XVIII — из династии Бурбонов). Однако на протяжении всего века во Франции продолжались бурные события, связанные со становлением новых форм правления. В 1830 г. был свергнут с престола Карл X (брат Людовика XVIII), а на смену ему приходит представитель младшей ветви Бурбонов — король-буржуа Луи-Филипп, но и он оказался свергнут революцией 1848 г. После этого в стране была установлена республика (Вторая республика), президентом которой был избран Луи Наполеон Бонапарт (племянник Наполеона I), провозгласивший себя в 1852 г. императором (под именем Наполеона III). Во время франко-прусской войны его войска потерпели поражение под Седаном, и он со своей армией сдался в плен. Во время сентябрьской революции 1870 г. император был низложен. В 1871 г. в Париже произошло новое восстание, породившее Парижскую Коммуну. После ее поражения *во Франции* установилась *республиканская форма правления* (Третья республика), которая постепенно приобрела современный вид. Франко-прусская война способствовала и завершению *образования* в Европе *двух* крупных *национальных государств: Италии* и *Германии,* на территории каждого из которых до этого существовал конгломерат более или менее крупных самостоятельных государств.

Во второй половине XIX в. Австрия утратила положение великой державы: в результате войны с Пруссией и Италией в 1866 г. Австрия потеряла Венецию и вынуждена была признать прусскую гегемонию в Германии. Но в 1867 г. по соглашению с Венгрией было образовано единое государство — *Австро-Венгрия* (империя Габсбургов), в составе которой кроме австрийцев и венгров было еще множество других народов (чехи, словаки, хорваты и др.).

В *США* главными событиями века была *война Севера и Юга* (1860— 1865 гг.), закончившаяся победой северян; официально война велась за освобождение негров (уничтожение рабства), но за этим лозунгом скрывались серьезные противоречия экономического характера. Вторым важным событием было освоение «Дикого Запада» (позднее оно нашло широкое от-

ражение в художественной культуре, прежде всего в литературе и кино — в жанре «вестерн»).

На Ближнем 'Востоке по-прежнему крупнейшим государством оставалась *Османская Турция,* она участвовала вместе с Англией и Францией в войне против России (Крымская война— 1853—1856 гг.). Национально-освободительная борьба народов Балканского полуострова и помощь им со стороны России привела в конце XIX в. к *освобождению Балкан* от турецкого владычества и возникновению там нескольких самостоятельных национальных государств. К началу XX в. Турция превратилась в полуколонию европейских держав.

На протяжении XVI—XIX вв. европейцам удалось колонизировать значительное число территорий в Азии, Африке, Америке и Австралии. *Крупнейшими колониальными государствами* в XIX в. были Англия (колонии которой имелись в Азии, Африке, Австралии и в Америке) и Испания. Испанские колонии находились в Центральной и Южной Америке (Латинская Америка). Но *Испания* в XIX в. была отсталой, экономически не развитой страной. В первой четверти XIX в. в испанских колониях Америки началась борьба за освобождение, в результате которой все они (кроме Кубы и Пуэрто-Рико) обрели независимость. *Англия* же почти до конца века сохраняла положение мирового лидера и в промышленности, и в торговле. Но в конце века ее начинают теснить другие государства: Германия, Франция, США. Столкновение экономических и политических интересов между этими странами, и прежде всего борьба за сферы влияния (колонии) станет причиной ряда войн начала XX в.

Наука и техника

XIX в. для Европы и Северной Америки — это время бурного развития науки и техники, внедряемых в промышленное производство. Происходит *научно-промышленная революция,* оказавшая серьезнейшее влияние на всю мировую культуру.

В XIX в. активно строились железные дороги, появились пароходы и подводные лодки, был изобретен двигатель внутреннего сгорания и создан автомобиль, в конце века начинается эра воздухоплавания; были

открыты электричество и радио, началось их практическое применение, был изобретен телефон и телеграф, фонограф и граммофон; возникли фотография и кино. Все открытия этого времени невозможно даже просто перечислить. Эти научные достижения породили особое умонастроение: *сциентизм,* т.е. веру в неограниченные возможности человеческого разума и науки, в то, что с помощью науки удастся решить все социальные проблемы.

В XIX в., как и в эпоху Средневековья, центрами развития науки опять становятся университеты, но это уже новые реформированные университеты.

Реформа немец- Реформа немецких^ниверситетов проводилась под **ких университетов** лозунгами единства и самоценности знания. Образцом их стал Берлинский университет. Его создание в 1809 г. было вдохновлено идеями В. фон Гумбольдта — в то время министра прусского правительства...

690

Согласно первоначальному замыслу университеты были ориентированы на единое, неутилитарное, целостное теоретическое знание. Особо акцентировались базисные принципы познания и связи целого. Ценность знания связывалась *с* его теоретической основательностью и неутилитарностью.

Эти установки были ярко выражены в гумбольдтовском проекте организации научных учреждений в Берлине... По Гумбольдту, науки ценны тем, что воплощают сущность моральной культуры нации. Научные институты должны быть верны чистой идее науки. Поэтому их главная задача — обеспечить свободу исследований и устранить отвлекающие моменты. Одновременно они обязаны обеспечивать общение и сотрудничество ученых.

Стремление к познанию по своей сути не подлежит управлению. Государство должно понимать, что оно не может сделать исследования плодотворными. Поэтому ему следует всячески ограничивать свое вмешательство. В то же время, поскольку в современном мире для любой широко практикуемой деятельности нужны ресурсы и организационный каркас, государству надлежит предоставлять их. Оно обязано способствовать поддержанию интеллектуальной активности на самом высоком и продуктивном уровне, осознавая вместе с тем, что его активность должна быть очень осторожной, чтобы не принести вред вместо пользы.

Государству необходимо позаботиться только о том, чтобы соответствующие люди собрались в научных институтах, чтобы институты были подобающим образом оборудованы, а затем предоставить исследователям полную свободу. Научные институты, в сущности, должны быть наиболее полным и свободным выражением духовной жизни человека.

Главная ценность науки прочно связана с ее глубиной. Наука ни в коем случае не может превратиться в простое накопление фактов. Нет, в ней всякое понимание явлений природы нужно осуществлять на основе фундаментальных общих принципов и направлять к идеалу, причем принципы и идеалы должны образовывать цельную единую систему. Односторонности, как был убежден Гумбольдт, нет места в научных институтах.

Цель преподавания наук состоит в сочетании научного познания и морального развития личности. Поэтому уже на школьном уровне оно должно включать в себя обучение началам самостоятельной исследовательской деятельности. Задача обучения заключается в гармоничном развитии всех способностей учеников. Не нужно слишком много учебных предметов, но каждый следует изучать как можно глубже и обширнее. Ученику надо дать возможность почувствовать точность, гармонию и красоту наук. При этом одна из важнейших обязанностей государства в отношении гимназической ступени образования состоит в том, чтобы действительно подготовить учащихся к обучению в университете.

691

Что же касается университетов, то в них учитель и ученик должны совместно служить общему делу обретения знания. Зрелость и компетентность одного, юность и воодушевление другого представляют собой наиболее плодотворное для научных исследований сочетание. При этом, как подчеркивал Гумбольдт, государству ни в коем случае не следует подходить к университетам как к специализированным техническим школам. Оно вообще не должно ожидать от научных институтов удовлетворения своих потребностей. Государству надлежит осознать, что научные институты служат высшим целям. Только сохраняя верность им и не подменяя эти цели ничем другим, университеты прино--сят пользу и государству, однако на неизмеримо более высоком уровне, на котором действуют такие силы и механизмы, которыми государство управлять уже не в состоянии.

Университетское преподавание согласно замыслу Гумбольдта оказывается как бы квинтэссенцией духовной жизни человека, которая не может не быть творческой. Поэтому преподаватель обязан быть исследователем; но таковым обязан быть и студент. А непременным условием этого является

свобода интеллектуального поиска. Государство должно предоставить ее во имя того, чтобы университет выполнял свое высшее предназначение...
Обратим внимание также и на некоторые черты организации научно-исследовательской и преподавательской деятельности в Германии, отличающиеся от французской системы. Прежде всего, надо упомянуть характерное для Германии XIX в. противопоставление чистой и прикладной наук и более высокую оценку именно чистого, неутилитарного знания. Последнее ценно своей теоретической основательностью и абстрактностью, а вовсе не материальной полезностью. Далее, в Германии выше ценилось неспециализированное знание. Так, выпускники высших технических школ не могли преподавать в гимназиях, потому что, как считалось, у них недостаточно широкий кругозор. Специализированное, практически полезное знание ставилось ниже, потому что не могло воспитывать душу и чувства. Все учащиеся и профессура университетов заканчивали гимназии, где изучали классические языки и древнюю литературу, поскольку образование такого рода считалось способствующим развитию личности и потому более высоким, чем профессиональное и специальное.
Некогда низший факультет традиционного университета — свободных искусств — в результате реформ начала XIX в. превратился в философский факультет, доминирующий в университетской системе Германии. На нем и реализовывалось единство преподавания и исследования, ибо предполагалось, что лектор основывает свой курс на собственных оригинальных изысканиях. После защиты диссертации и получения venia legendi, т.е. права читать лекции в университете, молодой ученый в Германии становился
692
приват-доцентом. В этом качестве он не получал от государства ника- кого жалованья. В его распоряжении была только плата студентов, по- сещавших его лекции. Предполагалось, что приват-доценты занимаются научными исследованиями, однако у них не было для этого необходимого оборудования или материалов, не получали они и никакой платы за эту работу. Венцом карьеры приват-доцента, достижимым далеко не для всех, было положение профессора, имевшего постоянное и хорошее жалованье.
Приват-доценты вели свою научно-исследовательскую деятельность частным образом, свободно выбирая для себя тему. Это было одним из важных проявлений «академической свободы», которой так гордились немецкие университеты. «Академическая свобода» включала также свободу выбора предмета преподавания и дополнялась свободой студентов в выборе профессоров и лекционных курсов...
После осуществления реформы образования возможность научной карьеры, открывающая перспективу достижения статуса профессора, начинает привлекать молодежь, желающую получить в университетах подготовку, которая позволила бы приступить к самостоятельным научным исследованиям. В университетских курсах появляются специальные семинары и лабораторные занятия, на которых студентов приобщают к исследовательской деятельности. В лабораториях немецких университетов делается в XIX в. мировая наука, лидерство в которой к середине века переходит к Германии... Лаборатория немецкого университета становится для всего мира эталоном подлинно научного учреждения... Когда в конце XIX в. встал вопрос о создании научных лабораторий в Лондонском университете, то соответствующие просьбы о государственном финансировании мотивировались необходимостью достичь уровня немецких университетов. Во второй половине XIX в. престиж немецких университетов как научных центров был настолько высок, что желающая посвятить себя науке молодежь разных стран устремляется в немецкие лаборатории. «Лаборатории некоторых немецких университетов становились центрами и средоточием мировых научных сообществ с середины XIX в.... К концу века лаборатории некоторых профессоров стали столь знамениты, что наиболее способные студенты со всего мира приезжали сюда на тот или иной срок. Список студентов, работавших в таких местах, зачастую включал практически всех значительных ученых следующего поколения»...
Тем не менее, как показывает Бен-Дэвид, в конце XIX в. в исследовательских лабораториях немецких университетов происходит именно то, чего с самого начала стремились избежать реформаторы, делая научно-исследовательскую деятельность приват-доцентов неоплачиваемой: бюрократизация организованных для научных изысканий структур. Университеты начинают готовить исследователей так же, как и специалистов любой другой специальности, будь то врачи или юристы. Диссерта-
693
ция — Habilitationsschrift — оказывается все более формальной и программируемой, а звание

приват-доцента становится профессиональной научной степенью. Самой характерной чертой организации научно-исследовательской деятельности в Германии было особое положение профессоров, которые обладали неограниченным влиянием и монополизировали все средства для исследований. «Академическая свобода» немецких университетов фактически являлась свободой только для профессоров.

К середине XIX в. практически все ученые Германии работали в университетах. Оригинальные научные исследования были необходимым условием университетской карьеры и составляли часть функций профессора...

Согласно Бен-Дэвиду университетская система как целое выработала внутри себя противовес олигархическим тенденциям университетского самоуправления, которое на деле было не чем иным, как властью профессорских советов. В соответствии с исходной идеей единства знания эти советы объединяли всех профессоров университетов, независимо от их специальности. Поэтому членов советов сплачивали не научнйе, а корпоративные интересы профессуры, т.е. привилегированных, высокооплачиваемых государственных служащих. В большинстве университетов советы профессоров активно сопротивлялись введению новых научных дисциплин и областей исследования, видя в этом ущемление своих привилегий.

Поэтому, как утверждает Бен-Дэвид, деятельность профессорских советов могла не ускорять, а, скорее, тормозить развитие науки, если бы им не противодействовала новая сила, никак не предусмотренная проектами реформаторов: конкуренция, обусловленная ростом числа университетов. Студенты имели возможность свободно выбирать университеты и профессоров. А потоки государственного финансирования двигались вслед за потоками студентов. Студенты же все чаще были заинтересованы в том, чтобы получить самое современное образование, способствующее научной карьере. В этой ситуации университетская свобода преподавания сыграла положительную роль. Она обеспечила возможность подготовки учебных курсов, предназначенных для малого числа талантливых и перспективных студентов. Таким образом складывалась особая форма образования — подготовка к самостоятельной научно-исследовательской деятельности как вполне определенной профессии. В университетских лабораториях профессора выполняли собственные научные исследования, связывая их с преподаваемыми курсами, и так осуществляли подготовку будущих исследователей...

Научно-исследовательская деятельность стала к тому времени реальной самостоятельной карьерой, и студенты стремятся подготовить себя к ней. Это дает толчок к повышению уровня научно-исследова-

тельской деятельности в университетах, им требуются новые профессора-исследователи, а наличие спроса на научные кадры поощряет студентов в их стремлении получить хорошее научное образование. Складывается счастливый круг взаимной стимуляции. Понятно, однако, что он может существовать только за счет внешнего воздействия, сообщающего динамизм всей системе. Таковым, в конечном счете, было государственное финансирование.

Именно поддержка государства и неуклонный рост государственного финансирования привели к расширению возможностей профессионального устройства и к формированию устойчивых траекторий научной карьеры... Постепенно важными потребителями научной продукции становятся политехнические институты и промышленность. Последняя начинает выступать и спонсором научных исследований. А Прусское государство в конце XIX — начале XX в. создает в дополнение к университетам и новые, специализированные структуры — исследовательские институты.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что эволюция немецких университетов, о которой говорит Бен-Дэвид и которая уводила их в сторону от первоначальных философских замыслов реформаторов, явилась непреднамеренным следствием финансового и организационного воздействия государства (позднее и в меньшей степени — частных промышленных компаний). Целью государства в его щедром финансировании университетов был не только и не столько духовный подъем нации, сколько интересы военные и экономические. Естественно, что такое воздействие меняло характер университетов...

Таким образом, реально осуществившаяся в Германии университетская реформа существенно отошла от первоначальных идеалов единого и неутилитарного знания. Статус и привилегии университетов были определены военно-аристократическим правящим классом. В конечном счете университеты явились для государства средством воспитания определенных полезных профессионалов. Идея воспитания целостной духовной личности, единственно достойной

преподавать в немецкой гимназии, отходила на второй план по сравнению с этой задачей. *(Сокулер ЗА. Знание и власть: наука в обществе модерна. С.154—163)*

Философия

Наиболее значительное развитие в первой половине XIX в. философия получила в Германии. Прежде всего здесь необходимо отметить школу *немецкой классической философии.* Ее основоположником был Иммануил Кант (1724—1804 гг.), а другими ее виднейшими представителями — Иоганн Гот-либ Фихте (1762—1814 гг.), Фридрих Вильгельм Шеллинг (1775—1854 гг.), Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831 гг.), Людвиг Фейербах (1804—

695

1872 гг.). Одной из заслуг этой школы, в частности Шеллинга и Гегеля, было философское осмысление идеи историзма, которая теперь играет важную роль во всей современной культуре. Из этой же школы немецкой классической философии, можно сказать, вышли Карл Маркс (1818—1883 гг.), принадлежавший в молодости к младогегельянцам, и Фридрих Энгельс (1820—1895 гг.), также отдавший дань увлечению гегельянством. Оба этих философа явились основоположниками нового философского учения — *марксистской философии* (диалектического и исторического материализма), — которое сыграло важную роль в культуре XIX—XX вв. в силу широкого распространения марксизма как идеологии революционной борьбы.

Еще одним важнейшим философским течением, возникшим в Германии, была философия жизни. У истоков этого учения стоял Артур Шопенгауэр (1788—1860 гг.) со своим учением о мире как воле и представлении. Многие идеи Шопенгауэра нашли свое развитие в учении одного из оригинальнейших философов века — Фридриха Ницше (1844—1900 гг.).

В середине XIX в. во Франции возникает *позитивизм,* основоположник которого Огюст Конт (1798—1857 гг.). Само возникновение позитивизма во многом было обусловлено развитием и успехами естественных наук. Особенностью позитивизма была ориентация на методы естественных наук в решении философских проблем. Позитивизм оказал серьезное влияние на распространение в обществе умонастроения, известного под названием «нигилизм», и был тесно связан со сциентизмом.

О философии Жизнь Ницше был проста. Отец его был протестант-**Ницше** ским пастором, и Ницше получил очень религиозное воспитание. Он учился в университете на классическом и филологическом отделениях настолько блестяще, что в 1869 году, еще до получения степени, ему предложили быть профессором филологии в Базеле; это место он принял. Он никогда не обладал хорошим здоровьем и после периодических отпусков по болезни был вынужден в 1879 году уйти в отставку. После этого Ницше жил в Швейцарии и Италии. В 1888 году он сошел с ума и в таком состоянии пребывал до самой смерти. Ницше страстно любил Вагнера, но поссорился с ним после написания оперы «Парсифаль», которая показалась Ницше слишком христианской и слишком полной самоотречения. После ссоры он жестоко ругал Вагнера и даже дошел до того, что обвинил Вагнера в .том, что он еврей. Однако общее мировоззрение Ницше оставалось очень схожим с мировоззрением Вагнера, которое отразилось в его музыкальном цикле «Кольцо Нибелунгов». Сверхчеловек Ницше во всем сильно напоминает Зигфрида, за исключением того, что он знает греческий язык...

Несмотря на то, что Ницше критикует романтиков, его мировоззрение многим обязано им: это аристократический анархизм байронов-ского типа, и никто не удивится, узнав, что Ницше восхищался Байроном. Ницше пытался соединить два рода ценностей, которые нелегко гармонируют между собой: с одной стороны, ему нравятся безжалост-

696

ность, война, аристократическая гордость; с другой стороны, он любит философию, литературу, искусство, особенно музыку. Исторически эти ценности сосуществовали в эпоху Возрождения...

Естественно сравнить Ницше с Макиавелли, несмотря на важные различия между этими двумя людьми. Различия эти состоят в том, что Макиавелли был человеком действия, его мнения формировались в тесном контакте с делами общества и шли в ногу с веком; он не был ни педантичным, ни систематичным, и его философия политики не образует непротиворечивого целого. Ницше, напротив, был профессором, в сущности книжником, философом, находящимся в сознательной оппозиции к доминирующим политическим и этическим течениям своего времени. Однако сходство их глубже. Философия политики Ницше аналогична философии политики, изложенной в книге «Князь» (Государь. — *Сост.),* хотя она разработана и применена более широко. У обоих — и у Ницше, и у Макиавелли — этика нацелена на власть и носит умышленно антихристианский характер, причем антихристианский характер у Ницше выступает более выпукло. Наполеон был для Ницше тем же, чем Чезаре Борджа для Макиавелли: великим человеком, побежденным мелкими противниками...

Ницше очень любит говорить парадоксами, желая шокировать рядового читателя. Он делает это, употребляя слова «добро» и «зло» в обычных им значениях, а потом заявляет, что предпочитает зло добру. В своей книге «По ту сторону добра и зла» он на самом деле стремится изменить понятия

читателей о добре и зле, но при этом стремится, за исключением отдельных моментов, представить дело так, будто он восхваляет зло и порицает добро-Истинная добродетель, в противоположность обычной, не для всех, она должна оставаться свойством лишь аристократического меньшинства. Она ни выгодна, ни благоразумна; она отделяет ее обладателя от других людей; она враждебна порядку и причиняет вред тем, кто стоит ниже. Высшим людям необходимо воевать с массами и сопротивляться демократическим тенденциям века, так как во всех направлениях посредственные люди объединяются, чтобы захватить господство...

Этика Ницше не является этикой самооправдания ни в каком обычном смысле этого слова. Он верит в спартанскую дисциплину и в способность терпеть, так же как и причинять боль ради важной цели. Он ставит силу воли выше всего «Я оцениваю силу воли, — говорит он, — по количеству сопротивления, которое она может оказать, по количеству боли и пыток, которые она может Е нести, и знаю, как обратить ее к ее собственной выгоде. Я не указываю на зло и боль существования пальцем укора, но, напротив, я питаю надежду, что жизнь может однажды стать еще более злой и еще более полной страданий, чем когда-либо». Он рассматривал сострадание как слабость, с которой надо бо-роть'ся: «Задача в том, чтобы достичь той огромной энергии величия,

697

которая сможет создать человека будущего посредством дисциплины, а также посредством уничтожения миллионов «недоделанных и неполноценных» и которая сможет все же устоять и не погибнуть при виде страданий, тем самым создаваемых, подобных которым никогда не видели раньше». С ликованием пророчит он эру великих войн; интересно, был бы ли он счастлив, если бы дожил до осуществления своего пророчества.

Однако он вовсе не почитатель государства, он далек от этого. Он страстный индивидуалист и верит в героя. Несчастье целой нации, говорит он, значит меньше, чем страдания великой личности: «Все невзгоды этих маленьких людей, взятые вместе, не суммируются в целом, иначе как в чувствах могучих людей».

Ницше не националист, он не проявляет излишнего восхищения Германией. Ему нужна интернациональная правящая раса, которая должна будет господствовать на земле, — «новая широкая аристократия, основанная на наиболее суровой самодисциплине, в которой воля философов-властителей и художников-тиранов будет запечатлена на тысячи лет»...

Он никогда не устает яростно поносить женщин. В своей псевдопророческой книге «Так говорил Заратустра» он пишет^что женщины еще не способны к дружбе: они все еще кошки и птицы или, в лучшем случае, коровы. «Мужчина должен воспитываться для войны, женщина — для отдохновения воина. Все остальное — вздор». Это отдохновение воина должно быть довольно-таки своеобразным, если судить по наиболее выразительному афоризму Ницше на этот счет: «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!»

...Привлекательные свойства можно обнаружить в женщинах только до тех пор, пока их держат в повиновении мужественные мужчины; как только женщины достигнут какой-то независимости, они становятся невыносимы. «У женщин так много оснований для стыда; в женщине скрыто столько педантизма, поверхностности, повадок классной наставницы, мелкой самонадеянности, распущенности и нескромности... Все это лучше всего сдерживалось и подавлялось до сих пор страхом перед мужчиной». Так пишет он в «По ту сторону добра и зла» и добавляет, что женщину надо рассматривать как собственность, следуя примеру жителей Востока. Все его поношения женщин предлагаются как самоочевидные истины; они не подкреплены ни свидетель- -ством истории, ни его собственным опытом знания женщин, который почти полностью ограничивался его сестрой.

Ницше возражает против христианства, потому что оно принимает, как он выражается, «рабскую мораль»... Ницше не заинтересован в метафизической истинности ни христианства, ни любой другой религии; будучи убежден, что никакая религия в действительности не истинна, он судит обо всех религиях только по их социальным следствиям. Он

698

согласен с французскими философами в их протесте против подчинения предполагаемой божьей воле, но он заменяет ее волей земных «ху-дожников-тиранов». Покорность хороша (для всех, кроме этих сверхче-ловеков), но не покорность христианскому Богу. А что касается союза христианских церквей с тиранами и врагами демократии, то, говорит он, это прямо противоположно истине. Согласно ему, Французская рево- люция и социализм, в сущности, по духу своему тождественны христи- анству. Все это он отрицает и все по той же причине: он не желает рассматривать всех людей как равных ни в каком отношении...

Нельзя отрицать, что Ницше оказал огромное влияние, но не на философов-специалистов, а на людей литературы и искусства. Надо также признать, что его пророчества о будущем до сих пор оказываются более правильными, чем предсказания либералов и социалистов. Если Ницше —

просто симптом'болезни, то, должно быть, эта болезнь очень широко распространена в современном мире. Тем не менее в нем много такого, что надо отвергнуть просто как манию величия.

(Рассел Б. История западной философии. С. 245—250)

Из работы «Антихристианин» Что хорошо? — Все, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество. **Ницше** Что дурно? — Все, что идет от слабости.

Что счастье? — Чувство возрастающей силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие. Не удовлетворяться, нет, — больше силы, больше власти! Не мир — война; не добродетель, а доблесть (добродетель в стиле Ренессанса, virtu, — без примеси моралина).

Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь нашего человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть.

Что вреднее любого порока? — Сострадать слабым и калекам — христианство...

Нечего приукрашивать христианство — оно вело борьбу не на жизнь, а на смерть с высшим типом человека, оно предало анафеме все основные его инстинкты и извлекло из них зло — лукавого в чистом виде: сильный человек — типичный отверженец, «порочный» человек. Христианство принимало сторону всего слабого, низкого, уродливого; свой идеал оно составило по противоположности инстинктам сохранения жизни, жизни в силе; христианство погубило разум даже самых сильных духом натур, научив чувствовать заблуждение, искушение, греховность в самых высших ценностях духовного. Самый прискорбный случай — Паскаль, испорченный верой в то, что разум его испорчен первородным грехом, тогда как испорчен он был лишь христианством!..

(Ницше Ф. Антихристианин. С. 19—20)

699

Маркса О философии События его жизни частично объясняют сложный характер его философии. Он родился в Трире, как и Святой Амвросий, в 1818 году. Трир подвергся сильному французскому влиянию во время революционных лет и наполеоновской эры и был более космополитичен по сравнению с большей частью других областей Германии. Его предки были раввинами, однако родители перешли в христианство, когда он был ребенком. Женился он на аристократке нееврейского происхождения, с которой прожил всю свою жизнь. В университете он находился под влиянием тогда еще распространенного гегельянства, а затем подпал под влияние материалистического бунта Фейербаха против Гегеля. Он занимался журналистикой, но его «Рейнская газета» была закрыта властями за радикализм. После этого он в 1843 году уехал во Францию изучать социализм. Здесь он встретил Энгельса, который был управляющим фабрики в Манчестере. Через него он познакомился с положением рабочих в Англии и с английской экономической школой. Еще до 1848 года он приобрел, таким образом, необычно интернациональный багаж знаний. В отношении Западной Европы он не высказывал никаких национальных предпочтений. Этого нельзя сказать о Восточной Европе, потому что он всегда презирал славян.

Он принял участие в обеих французской и немецкой революциях 1848 года, однако реакция вынудила его искать убежища в Англии. Всю остальную жизнь он провел, с краткими перерывами, в Лондоне, преследуемый нищетой, болезнями и смертями детей, но тем не менее неустанно сочиняя и накапливая знания. Стимулом к работе у него всегда была надежда на социальную революцию, если не при его жизни, то не в таком уж отдаленном будущем.

Маркс... ничего не хотел иметь общего с романтизмом и всегда стремился проводить научную точку зрения. Его экономические воззрения были результатом классической английской экономики, в которой изменена лишь движущая сила. Классические экономисты, сознательно или бессознательно, заботились о процветании капиталиста — в противоположность землевладельцу и наемному работнику. Маркс, напротив, был на стороне интересов наемного работника. В юности, как это видно из «Коммунистического манифеста» 1848 года, у него было много пыла и страсти, нужных для нового революционного движения... Но он всегда стремился апеллировать к фактам и никогда не полагался на какую-либо вненаучную интуицию.

Он называл себя материалистом, но не в духе XVIII века. Свой материализм он, под влиянием Гегеля, назвал «диалектическим»; этот материализм существенно отличается от традиционного и гораздо ближе тому, что сейчас называют инструментализмом...

Философия истории Маркса есть смесь гегельянства и английских экономических концепций. Подобно Гегелю, он полагает, что мир раз-

700

вивается согласно диалектической формуле, но совершенно расходится с Гегелем относительно движущей силы этого развития. Гегель верил в мистическую сущность, называемую «Духом»... По Марксу, движущей силой является не дух, а материя. Но материя в весьма своеобразном смысле этого слова, совсем не похожая на полностью лишенную человеческого участия материю атомистов. Это означает, что, для Маркса, движущей силой на самом деле является отношение человека к материи, наиболее важная часть которого — способ производства. Таким образом, материализм Маркса на практике становится экономическим учением.

Политика, религия, философия и искусство любой эпохи человеческой истории являются, согласно Марксу, продуктами способа производства, присущего времени, и в меньшей степени, распределения. Я думаю, что он должен был бы применять этот тезис только к самым общим очертаниям культуры, но не к ее тонкостям. Сама доктрина называется «материалистическим пониманием истории». Это очень важный тезис; в частности, для историка философии. Сам я не принимаю этого тезиса в трм виде, как он изложен Марксом, но полагаю, что он содержит очень важные элементы истины...

Как чистый философ Маркс обладает рядом серьезных недостатков. Он чрезмерно практичен и слишком прикован к проблемам своего времени. Взгляд его ограничен этой планетой, и на ней — Человеком. Со времени Коперника стало ясно, что Человек не обладает той космической важностью, которую он прежде приписывал себе. Ни один человек, который не смог усвоить этот факт, не имеет права называть свою философию научной.

При этой привязанности к делам земным у Маркса есть готовность уверовать в прогресс как в универсальный закон. Эта готовность характерна для XIX века и она свойственна Марксу в той же мере, в какой и его современникам. Именно вера в неизбежность прогресса позволяла Марксу думать, что можно избавиться от этических рассмотрений. Если социализм наступит, то это будет улучшением. Он должен был бы с готовностью допустить, .что это будет улучшение не для по-мещиков и капиталистов, но это лишь показало бы, что они не в гармонии с диалектическим движением времени. Маркс провозглашал себя атеистом, но придерживался космического оптимизма, который может быть оправдан только теистически...

История репутации Маркса весьма любопытна. На его родине его доктрины инспирировали программу социал-демократической партии, которая постоянно росла до тех пор, Пока на всеобщих выборах 1912 года не набрала одной трети всех голосов. Сразу после окончания Первой мировой войны Социал-демократическая партия оказалась у власти, и Эберт, первый президент Веймарской республики, был ее членом. Но к тому времени партия порвала с марксистской ортодоксией. Между тем в России фанатичные сторонники Маркса пришли к влас- ти. На Западе ни одно крупное рабочее движение не было полностью

701

марксистским; Британская Лейбористская партия время от времени двигалась в этом направлении, но при этом она все-таки придерживалась эмпирического типа социализма. Однако огромное число интеллектуалов подпало под влияние Маркса, как в Англии, так и в Америке. В Германии всякая пропаганда его взглядов была подавлена силой... Следует, однако, признать, что в некоторых своих аспектах рационализм Маркса ограничен... Он возлагает мало надежд на убеждение и полагается на классовую борьбу. Таким образом, на практике он привержен политике захвата власти, а также доктрине господствующего класса, хотя и не господствующей расы. Верно, что можно ожидать в результате социальной революции исчезновения разделения на классы и наступления полной политической и социальной гармонии. Но это отдаленный идеал, подобный Второму Пришествию, а пока что существуют война и диктатура и навязывание идеологической ортодоксии. *(Рассел Б. История западной философии. С. 265—271)*

Религия и церковь

В XIX в. в европейском обществе довольно активно проходил процесс *секуляризации жизни,* т.е. освобождения от власти религии и церкви. Ведущую роль в этом играло развитие науки, так как научное мировоззрение в те времена многим представлялось несовместимым с религиозным. В XIX в. начался систематический критический анализ религиозных идей и учений. В частности, в Германии сформировалась так называемая «мифологическая школа», сторонники которой считали библейские, коранические и т.п. рассказы только мифами, т.е. вымыслами.

XIX век — это *время бурного развития археологии,* а ее успехи стимулировали значительный интерес к древней истории. Во второй половине века формируется особое направление— «библейская археология», занимающаяся раскопками в библейских местах. Совершенные при этом открытия имели двойственное влияние на религиозные взгляды. Так, например, открытие Джоном Смитом глиняных табличек из Месопотамии с описанием всемирного потопа (в эпосе о Гильгамеше) подрывало значение Библии как

уникальной и богодухновенной книги, ибо соответствующий рассказ о Ное оказался заимствованием из более древней литературы. В других случаях раскопки подтверждали правильность информации, имеющейся в Библии, — о древних городах, о войнах и др.

Государство и право

В развитие учения о государстве и праве начала XIX в. большой вклад внесли представители немецкой классической философии — Кант, Фихте, Гегель; в целом их идеи о государстве находятся еще в русле общих представлений

702

Просвещения, и для них право является результатом деятельности разума. Оригинальная концепция государства и права была разработана Марксом и Энгельсом, по учению которых государство есть аппарат насилия, орудие господства большинства над меньшинством; а после победы социалистической революции и по мере приближения к коммунистическому обществу государство должно отмереть.

Во второй половине века в развитии западноевропейской политико-юридической мысли можно выделить в качестве основных течений *либерализм* (английский, французский и немецкий), *социалистические* и *позитивистские учения.*

Периодическая печать

Хотя возникновение периодической печати относится еще к началу XVII в., если только не к еще более ранней поре, все же она может считаться истинным продуктом буржуазного века. Ибо только в буржуазную эпоху периодическая печать получила свою специфическую физиономию и сделалась чем-то большим, нежели примитивной формой информации, а именно пульсом времени.

В тот самый момент, когда буржуазное общество вступило в серьезную борьбу за власть, и развилось газетное дело в современном смысле слова. Печать сделалась важнейшим средством пропаганды буржуазных идей, важнейшим средством борьбы за них, она сделалась тем фактором, который духовно объединял массы, осведомлял и направлял их. И эта роль осталась за периодической печатью вплоть до наших дней. Трудно представить себе более великую роль. Ее значение усиливалось по мере того, как интересы отдельной страны, отдельного города, даже отдельной личности все теснее сливались благодаря эволюции общественной жизни с интересами всех стран и всех частей света. Так как ныне уже нет такой хотя бы ничтожной человеческой общины, которая могла бы сказать о себе, что она живет и может жить самодовлеющей жизнью, то каждый связан со всеми. Звено, духовно всех связующее, позволяющее им постоянно входить в соприкосновение с мировой жизнью, сообщающее этому соприкосновению длительный характер, и есть газета. Именно эта важная функция и создала ее огромное могущество.

И все-таки мы сумеем правильно оценить периодическую печать только в том случае, если уясним себе предпосылки, которым она обязана своим возникновением в каждом отдельном случае. Исполнять вышеуказанную функцию в интересах свободы и прогресса человечества — такова обязанность печати в идеале. Издание газет, однако, в большинстве случаев прежде всего коммерческое дело. Ограничимся здесь только этой одной, зато фундаментальной предпосылкой. Становясь коммерческим делом, газета подчиняется вместе с тем специ-

703

фическим законам, руководящим вообще коммерческими предприятиями. Содержание газеты получает чисто товарный характер, а это прямая противоположность ее идеального назначения. *(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 409)*

Школа и обучение

XIX в. унаследовал от эпохи Просвещения внимание к проблемам воспитания и образования. Можно сказать, что именно в XIX в. формируется *педагогика как* самостоятельная *наука.* Ее проблемы обсуждались и теоретиками-философами, и практиками, которые пытались на деле внедрить новые принципы и методы обучения. Ниже приводятся четыре текста XIX в.: теоретические рассуждения И. Канта о значении воспитания для становления человеческой личности, размышления знаменитого швейцарского педагога И. Г. Песталоц-ци (1746—1827 гг.) о сути воспитании, результат наблюдений и практические рекомендации по поводу школьного образования знаменитого немецкого педагога, снискавшего славу «учителя учителей», А. Дистервега(1790— 1866гг.) — последователя Песталоцци и, наконец, рассказ Ф. Энгельса о реальном положении вещей относительно воспитания и образования детей низшего класса в Англии начала XIX в.

Кант о воспитании Человек может стать человеком только через воспитание. Он — то, что делает из него воспитание. Следует заметить, что человек может быть воспитан только человеком, — людьми, точно так же получившими воспитание. Поэтому недостаток в дисциплине и обучении у некоторых людей делает их в свою очередь плохими воспитателями их питомцев. Если бы когда-нибудь за наше воспитание взялось существо высшего порядка, тогда действительно увидали бы,

что может выйти из человека. Но так как воспитание одному научает человека, другое только развивает в нем, то и нельзя знать, как далеко простираются у него природные способности. Если бы в данном отношении сделан был, по крайней мере, опыт, при содействии правителей и при соединенных условиях многих лиц, то уже одно это дало бы нам разгадку относительно того, до чего приблизительно в состоянии дойти человек. Но, — замечание настолько же важное для философа, насколько печальное для филантропа; мы видим, как правители по большей части заботятся только лишь о себе и не принимают участия в важных опытах по части воспитания с целью заставить природу подойти на шаг ближе к совершенству.

Нет никого, кто, быв в юности оставлен без призора, в более зрелом возрасте не заметил бы сам своих пробелов, будет ли то относительно дисциплины или культуры (так можно назвать обучение). Тот, кто не культивирован, груб; кто не дисциплинирован, дик. Упущение в дисциплине — большее зло, нежели упущение в культуре, ибо последнее

704

можно наверстать еще и впоследствии; дикость же нельзя искоренить, и упущение в дисциплине возместить невозможно. Может быть, воспитание будет постепенно улучшаться, и каждое последующее поколение будет делать шаг дальше по пути к усовершенствованию человечества, ибо в воспитании кроется великая тайна усовершенствования человеческой природы. Теперь это может осуществиться. Ибо лишь теперь начинают судить правильно и давать себе ясный отчет в том, что собственно принадлежит к хорошему воспитанию. Заманчиво представить себе, что благодаря воспитанию человеческая природа будет развиваться все лучше и лучше, и что ей можно придать такую форму, которая соответствовала бы идеалу человечности. Эта надежда открывает перед нами в перспективе будущее более счастливое поколение людей...

(Кант И. О педагогике. С. 86-90)

Песталоцци о системе обучения

Я не мог скрыть от себя, что школьное обучение в том виде, в каком я его наблюдал, вовсе не годится для большинства и для низших классов, — по крайней мере, повторяю, в том виде, в каком оно мне представлялось. Насколько я знал это обучение, оно представлялось мне в виде большого дома, верхний этаж которого бросается в глаза как образец высокого, совершенного искусства; только обитает в нем немного людей. В среднем этаже живет уже гораздо больше людей, но им недостает лестниц, по которым можно было бы входить в верхний этаж, как прилично человеку; когда же некоторые выкажут желание, в крайнем случае, вскарабкаться в этот верхний этаж несколько наподобие животных, то, когда это заметят, по большей части бьют их по пальцам, и случается, что по временам рука или нога, которую они напрягали при этом лазании, ломается пополам. Наконец, в третьем, нижнем этаже живет бесчисленная толпа людей, имеющих совершенно одинаковое с людьми верхнего этажа право на солнечный свет и чистый воздух; между Тем они не только предоставлены самим себе в этом ужасном мраке лишенных окон нор, но посредством завязывания и ослепления им сделали глаза не пригодными даже для того, чтобы взирать на этот верхний этаж.

(Песталоцци И. Г. Как Гертруда учит своих детей. С. 173—174)

Дистервег о школьной дисциплине

Педагогика — это наука необходимая для воспитателя лично. Но, кроме того, он должен знать науки, которые будет передавать питомцу. И я теперь же признаюсь, что не представляю себе воспитания без преподавания, и обратно, не признаю такого преподавания, которое бы не было воспитывающим. Те искусства и навыки, которые молодой человек-заимствует у учителя, только ради их практической пользы, для

705

воспитателя являются столь же безразличными, как и тот цвет, который он выбирает для своего платья. Но то, каким образом определяется круг его мыслей, всецело должно занимать воспитателя, потому что из мыслей вытекают чувствования, а из них принципы и поступки. Обдумывание в этой связи всего того, что может быть предложено питомцу, как достойное запечатлеться в его душе, и исследование того, каким образом все это может быть соединено друг с другом, в какой последовательности дано и каким образом расположено, чтобы служить основанием для последующего, — порождают бесконечный ряд задач при разработке отдельных предметов и дают воспитателю бесконечный материал для постоянного продумывания и просмотра всех доступных ему знаний и книг, а также и всех постоянно продолжающихся занятий и упражнений...

Я не в состоянии указать более вредного, губительного обычая, чем приучение юноши или

девушки к неправильному, произвольному, неточному исполнению обязанностей. Они... таким образом, не приучаются ни к внешнему порядку, ни к умению подчинять так называемые мелочи самой сущности дела.

Эти дурные качества, столь вредно отзывающиеся впоследствии на практической жизни и при практической деятельности, прививаются учащимся во всех тех случаях, когда нет твердо установленных правил как во внешнем, так и во внутреннем устройстве школы, когда, например, не безусловно точно установлено — в каком именно часу должны начинаться утренние или послеобеденные занятия. Я говорю об абсолютно точном установлении момента начала занятий, которые должны начинаться не спустя 15,10, или даже 5 минут после звонка, а как раз в то время, когда замер последний звук боя часов...

Под внешней выправкой я разумею умение держать свое тело в бодром положении и состоянии, управлять своими жестами, манерами и движениями. Как ученик входит в класс: лениво, волоча ли ноги, с угловатыми ли движениями ног, головы и рук? Как он встает, когда его спрашивают, как он подымает руку, когда желает отвечать, как он себя держит, когда читает, рассказывает или доказывает? Все это очень важно, ибо тело есть не только оболочка, но проявление духа должно управляться внутренним его состоянием. Поэтому, когда мы возбуждаем в ученике внимание или мысль, когда мы ободряем его дух и прогоняем от него скуку и т.д., — то мы тем самым приводим в бодрое состояние его тело, поясницу, шею, голову, глаза. Исключительно внешняя дисциплина, конечно, печальна, ее не напрасно называют парадной, мундирной, солдатской дисциплиной; но внутренний мир не только взрослого, но главным образом именно ребенка тесно связан с внешней выправкой тела. Поэтому воспитатель юношества должен обращать свое внимание также на внешнее проявление духа, на приличествующую месту и обстоятельствам внешность воспитанников, хотя глав-

ное внимание, конечно, должно быть обращаемо на внутренние факторы внешнего поведения...
(Дистервег А. О внешнем школьном порядке. С. 420—422)

Из работы Энгельса «Поло-жение рабочего класса в Англии»

В отчете центральной комиссии рассказывается, что на фабриках дети начинают работать редко с пяти-семилетнего возраста, чаще с шестилетнего, очень часто с восьми-девятилетне-го возраста, что рабочее время продолжается часто 14-16 часов (не считая времени на еду), что фабриканты позволяют надзирателям бить детей и часто сами дают волю рукам. Приводится даже один случай, когда фабрикант-шотландец поскакал верхом за сбежавшим шестнадцатилетним рабочим и, догнав его, заставил вернуться и бежать все время впереди лошади, подгоняя его длинным бичом...

Последствия такой системы обнаружились довольно скоро: комиссары рассказывают о множестве встреченных ими калек, обязанных этим исключительно слишком длинному рабочему дню. Калеки эти страдают обыкновенно искривлением позвоночника и ног...

Следствием этого отчета был фабричный закон 1834 г., запретивший ставить на работу детей моложе 9 лет (за исключением шелковых фабрик), ограничивший рабочее время детей от 9 и до 13 лет 48 часами в неделю или — самое большее — девятью часами в день, а работу подростков от 14 до 18 лет — 69 часами в неделю или — самое большее — двенадцатью часами в день, установивший минимальный перерыв в полтора часа для еды и еще раз запретивший ставить на ночную работу рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно с этим было введено обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет и был установлен штраф для фабриканта, если он примет на работу детей без удостоверения от фабричного врача о возрасте или без удостоверения от учителя о посещении школы. За это он мог удерживать еженедельно из жалования ребенка 1 пенни на учителя. Кроме того были назначены фабричные врачи и инспектора, которым предоставлено было право во всякое время являться на фабрику, допрашивать рабочих под присягой и которые в случае нарушения закона должны были возбуждать жалобу против фабриканта перед мировым судьей.
(Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. С. 635—638)

Литература

Литературу XIX в. трудно охарактеризовать несколькими словами, здесь мы встречаем не только множество имен выдающихся и даже гениальных пи-

сателей и поэтов, но и множество идейных течений, направлений, писательских группировок. И так как эта эпоха была относительно недавно, то подавляющая часть данной литературы сохранилась и находится в нашем распоряжении.

Основные течения и направления, существовавшие в литературе XIX в., нельзя считать исключительно литературными явлениями. Они выражали определенные умонастроения, бытовавшие в обществе, умонастроения, которые нашли свое выражение также в музыке, живописи, театре и других видах искусства. Важнейшими среди этих течений являются: классицизм; романтизм (с такой его разновидностью, как сентиментальный романтизм); реализм, на базе которого в конце века вырастает новое течение — натурализм; и, наконец, в конце XIX — начале XX в. возникает символизм. Виднейшими представителями этих течений были следующие писатели и поэты (в скобках указаны годы жизни).

Классицизм: в Германии — Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832), Иоганн Фридрих Шиллер (1759-1815).

Романтизм: в Германии - Генрих фон Клейст (1777-1811), Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776-1822), с оговорками Генрих Гейне (1797-1856); в Англии - Вальтер Скотт (1771-1832), Джордж Ноэль Гордон Байрон(1788— 1824), Джон Ките (1795-1821), Перси Биш Шелли (1792-1822); во Франции - Жорж Санд (Аврора Дюдеван) (1804-1876).

Реализм: во Франции - Оноре де Бальзак (1799-1850), Виктор Гюго (1802-1885), Гюстав Флобер (1821-1880), Проспер Мериме (1803-1870), Стендаль (Анри Мари Бейль) (1783-1842); в Англии- Чарльз Диккенс (1812-1870), Уильям Мейкпис Теккерей (1811-1863), Джон Голсуорси (1867-1933), Джордж Бернард Шоу (1856-1950).

Натурализм: во Франции- Эмиль Золя (1840-1902), братья Эдмон (1822-1896) и Жюль (1830-1870) Гонкур.

Символизм: в Австрии — Райнер Мария Рильке (1875—1926); в Бельгии — Морис Метерлинк (1862-1949); во Франции - Поль Верлен (1844—1896), Артюр Рембо (1854-1891).

Кроме того, говоря о литературе этого периода, особо надо отметить еще два момента. Во-первых, конце XIX в. на всю западноевропейскую литературу сильное влияние оказали произведения норвежских писателей и драматургов - Генрика Ибсена (1828-1906) и Кнута Гамсуна (1859-1952), а также русских писателей - И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др. И во-вторых, в XIX в. возникают два новых жанра, которые в XX в. займут ведущее место в «массовой» литературе: это *фантастика* — Жюль Берн (1828-1905), Герберт Уэллс (1866-1946), и *детектив*- Эдгар По (1809-1849), Конан Доил (1859-1930).

Из романа Гете *Иоганн Вольфганг Гете* (1748—1832 гг.) — величайший **«Страдания моло-** немеций поэт, писатель, драматург Германии начала **дого Вертера»** *XIX* в. За свою долгую жизнь он прошел сложный путь

творческого развития, и его творчество различных периодов может быть отнесено к различным течениям в литературе (классицизм, сентиментальный романтизм и т.п.). Громадное воздействие на духовную куль-
ТУРУ и умонастроение тогдашней молодежи оказал его роман * Страдания мо-

лодого Вертера». Герой этого романа не выдерживает мук безнадежной любви и заканчивает жизнь самоубийством. Роман не только повлиял на развитие художественного жанра (сентиментального романтизма), но и способствовал созданию «моды» на самоубийства в реальной жизни. Ниже приводятся два последних письма Вертера его другу.

12 декабря

Дорогой Вильгельм, я сейчас уподобился тем несчастным, о которых говорили, что они одержимы злым духом. Временами что-то находит на меня: не тоска, не страсть, а что-то непонятное бушует внутри, грозит разорвать грудь, перехватывает дыхание! Горе мне, горе! В такие минуты я пускаюсь бродить посреди жуткого, в эту неприветную пору, ночного ландшафта.

Вчера вечером меня потянуло из дому. Внезапно наступила оттепель, мне сказали, что река вышла из берегов, все ручьи вздулись и затопили милую мою долину вплоть до Вальхейма. Ночью, после одиннадцати, побежал я туда. Страшно смотреть сверху с утеса, как бурлят при лунном свете стремительные потоки, сваливая все вокруг; рощи, поля и луга, и вся обширная долина — сплошное море, бушующее под рев ветра! А когда луна выплывала из черных туч и передо мной грозно и величаво сверкал и гремел бурный поток, тогда я весь трепетал и рвался куда-то! Стоя над пропастью, я простирал руки, и меня влекло вниз! Внизу! Ах, какое блаженство сбросить туда вниз мои муки, мои страдания! Умчаться вместе с волнами! Увы! Я не мог сдвинуться с места, не мог покончить разом со всеми муками! Я чувствую, срок мой еще не вышел! Ах, Вильгельм! Я без раздумья отдал бы свое бытие за то, чтобы вместе с ветром разгонять тучи, обуздывать водные потоки. О, не-ужто узнику когда-нибудь выпадет в удел это блаженство?

С какой грустью смотрел я вниз, отыскивая глазами местечко под ивой, где мы с Лоттой после прогулки отдыхали от зноя, я едва узнал иву, все кругом тоже было затоплено, Вильгельм! «А луга и все окрестности охотничьего дома! — думал я. — Как, должно быть, пострадала от этого потопа наша беседка!» И прошлое солнечным лучом согрело мне душу, как пленника — сон о стадах, лугах и почестях! А я стоял! Я не браню себя, у меня достанет мужества умереть. Но лучше бы... И вот я сижу, как старая нищенка, которая собирает щепки под заборами и выпрашивает корки хлеба у дверей, чтобы хоть немного продлить и скрасить свое жалкое, безрадостное существование.

14 декабря

Друг мой, что же это такое? Я боюсь самого себя. Неужто любовь моя к ней не была всегда благоговейнейшей, чистейшей братской любовью? Неужто в душе моей таились преступные желания? Не смею отрицать... К тому же эти Сны! О, как правы были люди, когда припи-
709
сывали внутренние противоречия влиянию враждебных сил! Сегодня ночью — страшно сознаться — я держал ее в объятиях, прижимал к своей груди и осыпал поцелуями ее губы, лепетавшие слова любви, взор мой тонул в ее затуманенном негой взоре! Господи! Неужто я преступен оттого, что для меня блаженство — со всей полнотой вновь переживать те жгучие радости? Лотта! Лотта! Я погибший человек! Ум мой мутится, уже неделю я сам не свой, глаза полны слез. Мне повсюду одинаково плохо и одинаково хорошо. Я ничего не хочу, ничего не прошу. Мне лучше уйти совсем.

(Гете И.В. Страдания молодого Вертера. С. 82—83)

Из «Предисловия к Человеческой комедии» Бальзака *ОпоредеБальзак(\799-* 1850гг.) — великийфранцузский писатель, создавший грандиозный цикл романов (95 томов), посвященный нравам современного ему французского общества. Ниже приводятся отрывки из его предисловия к этому циклу романов, раскрывающие суть его замысла и его творческие установки.

Называя «Человеческой комедией» произведение, начатое почти тринадцать лет тому назад, я считаю необходимым разъяснить его замысел, рассказать о его происхождении, кратко изложить план, притом выразить все это так, как будто я к этому не причастен...

Идея этого произведения родилась из сравнения человечества с животным миром...

Ведь Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире. Различие между солдатом, рабочим, чиновником, адвокатом, бездельником, ученым, государственным деятелем, торговцем, моряком, поэтом, бедняком, священником так же значительно, хотя и труднее уловимо, как и то, что отличает друг от друга волка, льва, осла, ворона, акулу, тюленя, овцу и т.д. Стало быть, существуют и всегда будут существовать виды в человеческом обществе так же, как и виды животного царства. Если Бюффон создал изумительное произведение, попытавшись в одной книге представить весь животный мир, то почему бы не создать подобного же произведения об Обществе? Но разнообразию животного мира природа поставила границы, в которых Обществу не суждено было удержаться. Когда Бюффон изображает льва-самца, ему достаточно всего нескольких фраз, чтобы определить и львицу, между тем в Обществе женщина далеко не всегда может рассматриваться как самка мужчины. Даже в одной семье могут быть два существа, совершенно не похожие друг на друга. Жена торговца иной раз достойна быть женой принца, и часто жена принца не стоит жены художника. Общественное состояние отмечено случайностями, которых никогда не допускает Природа, ибо общественное состояние складывается из Природы и Общества...

710

Случай — величайший романист мира; чтобы быть плодовитым, нужно его изучать. Самим историком должно было оказаться французское Общество, мне оставалось только быть его секретарем. Составляя опись пороков и добродетелей, собирая наиболее яркие случаи проявления страстей, изображая характеры, выбирая главнейшие события из жизни Общества, создавая типы путем соединения отдельных черт многочисленных однородных характеров; быть может, мне удалось бы написать историю, забытую столькими историками, — историю нравов. Запасшись основательным терпением и мужеством, я, быть может, доведу до конца книгу о Франции девятнадцатого века, книгу, на отсутствие которой мы все сетуем и какой, к сожалению, не оставили нам о своей цивилизации ни Рим, ни Афины, ни Тир, ни Мемфис, ни Персия, ни Индия.

(Бальзак О. Человеческая комедия. С. 21—26)

Из романа -«При-ключения Оливера Твиста»- Диккенса *Чарльз Диккенс* (1812—1870 гг.) — знаменитый английский писатель, оказавший большое влияние на английскую и в целом европейскую культуру. Характерной чертой его творчества являлось сострадания к беднякам и тонкий «английский» юмор в описании «сильных мира сего». «Приключения Оливера Твиста» — один из лучших его романов; ниже приводится эпизод, рассказывающий о том, как совершалась благотворительность в это время.

— Ненастная погода, мистер Бамбл, — сказала надзирательница.

— Да, сударыня, ненастье, — отозвался бидл. — Такая погода во вред приходу, сударыня. Сегодня после полудня, миссис Корни, мы раздали двадцать четырехфунтовых хлебов и полторы головки сыра, а эти бедняки все еще не довольны.

— Ну конечно. Когда же они бывают довольны, мистер Бамбл? — сказала надзирательница,

попивая чай.
— Совершенно верно, сударыня, когда? — подхватил мистер Бамбл. — Тут одному человеку, ради его жены и большого семейства, дали четырехфунтовый хлеб и добрый фунт сыру, без обвеса. А как вы думаете, почувствовал он благодарность, сударыня, настоящую благодарность? Ни на один медный фартинг! Как вы думаете, что он сделал, сударыня? Стал просить угля — хотя бы немножко, в носовой платок, сказал он! Угля! А что ему с ним делать? Поджаривать сыр, а потом прийти и просить еще. Вот какие навыки у этих людей, сударыня: навали ему сегодня угля полон передник, он, бессовестный, послезавтра опять придет выпрашивать.
Надзирательница выразила полное одобрение этому образцовому суждению, и бидл продолжал свою речь.
— Я не представлял себе, до чего это может дойти, сказал мистер Бамбл. — Третьего дня — вы были замужем, сударыня, и я могу это
711
рассказать вам, — третьего дня какой-то субъект, у которого спина едва прикрыта лохмотьями (тут миссис Корни потупилась), приходит к дверям нашего смотрителя, когда у того гости собрались на обед, и говорит, что нуждается в помощи, миссис Корни. Так как он не хотел уходить и произвел на гостей ужасающее впечатление, то смотритель выслал ему фунт картофеля и полпинты овсяной муки. «Ах, бог мой, — говорит неблагодарный негодяй. — Что толку мне от этого? С таким же успехом вы могли бы дать мне очки в железной оправе!» — «Отлично, — говорит наш смотритель, отбирая у него подаяние, — больше ничего вы здесь не получите.» «Ну, значит, я умру где-нибудь на улице!» — говорит бродяга. «Нет, не умрешь», — говорит наш смотритель...
— Ха-ха-ха! Чудесно! Как это похоже на мистера Гранта, правда? — перебила надзирательница.
— Дальше, мистер Бамбл!
— Так вот, сударыня, — продолжал бидл, — он ушел и так-таки умер на улице. Вот упрямый нищий!
— Никогда бы я этому не поверила! — решительно заметила надзирательница. — Но не думаете ли вы, мистер Бамбл, что оказывать помощь людям с улицы — дурное дело? Вы.— джентльмен, умудренный опытом, и должны это знать. Как вы полагаете?
— Миссис Корни, — сказал бидл, улыбаясь, как улыбаются люди, сознающие, что они хорошо осведомлены, — оказывать помощь таким людям — при соблюдении надлежащего порядка, надлежащего порядка, сударыня! — это спасение для прихода. Первое правило, когда оказываешь помощь, заключается в том, чтобы давать беднякам как раз то, что им не нужно... А тогда им скоро надоест приходить.
(Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. С. 152—153)

Из «Бремя Белых»- Киплинга

Редъярд Киплинг (1865—1936 гг.) — известный английский поэт и писатель. В конце XIX в. он был признанным властителем дум англичан. В своем творчестве он прежде всего воспевает Империю. Приводимое ниже стихотворение во многом является показательным, характеризующим идеалы колонизатора — Белого Человека.

Твой жребий — Бремя Белых! Твой жребий — Бремя Белых!
Как в изгнанье пошли Терпеливо сноси
Своих сыновей на службу Угрозы и оскорбленья
Темным сынам земли; И почестей не проси;
На каторжную работу — Будь терпелив и честен,
Нету ее лютей, — Не ленись по сто раз —
Править тупой толпою Чтоб разобрался каждый —
То дьяволов, то детей. . Свой повторять приказ.
712
Твой жребий — Бремя Белых! Мир тяжелей войны: Накорми голодных, Мор выгони из страны; Но даже добившись цели, Будь начеку всегда: Изменит иль одурачит Языческая орда.
Твой жребий — Бремя Белых! Но это не трон, а труд: Промасленная одежда, И ломота, и зуд Дороги и причалы Потомкам понастрой, Жизнь положи на это — И ляг в земле чужой.
Твой жребий — Бремя Белых! Награда же из Наград — Презренье родной державы И злоба пасомых стад. Ты (о, на каком ветрище!)
Светоч зажжешь Ума,
Чтоб выслушать: «Нам милее
Египетская тьма!»
Твой жребий — Бремя Белых! Его уронить не смей! Не смей болтовней о свободе Скрыть

слабость своих плечей! Усталость не отговорка, Ведь туземный народ По сделанному тобою Богов твоих познает.
Твой жребий — Бремя Белых! Забудь, как ты решил Добиться скорой славы, — Тогда ты младенцем был. В безжалостную пору, В чреду глухих годин Пора вступать мужчиной, Предстать на суд мужчин!
(Киплинг Р. Бремя Белых. С. 469-470)

Из повести «Трое *Джером Клапка Джером* (1859—1927 гг.) — один из из-**в лодке (не считая** вестнейших английских юмористов. Его повесть «Трое **собаки)» Джерома** в лодке (не считая собаки)», написанная в 1889 г., до сих пор остается одним из лучших юмористических произведений во всей мировой литературе.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, — кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно; а потом, от нечего делать, начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, — з,наю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, — и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что эта болезнь гнездится во мне.

Несколько минут я сидел, как громом пораженный; потом, с безразличием отчаяния, принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого

713

Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю; тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал прямо по алфавиту. Прочитал об анемии и убедился, что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдал лишь в легкой форме, и будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

Вначале я даже обиделся; в этом было что-то оскорбительное. С чего это вдруг у меня нет родильной горячки? С чего это вдруг я ею обойден? Однако спустя несколько минут моя ненасытность была побеждена более достойными чувствами. Я стал утешать себя, что у меня есть все другие болезни, какие только знает медицина, устыдился своего эгоизма и решил обойтись без родильной горячки. Зато тифозная горячка совсем меня скрутила, и я этим удовлетворился, тем более что ящуром я страдал, очевидно, с детства. Ящуром книга заканчивалась, и я решил, что больше мне уж ничто не угрожает.

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собой, какой находкой я был бы для медицинского факультета. Студентам незачем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них был я. Я сам — целая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня и сразу же отправляться за дипломами.

Тут мне стало любопытно, сколько я еще протяну. Я решил устроить себе врачебный осмотр. Я пощупал свой пульс. Сначала никакого пульса не было. Вдруг он появился. Я вынул часы и стал считать. Вышло сто сорок семь ударов в минуту. Я стал искать у себя сердце. Я его не нашел. Оно перестало биться. Поразмыслив, я пришел к заключению, что оно все-таки находится на своем месте и, видимо, бьется, только мне его не отыскать. Я постукал себя спереди, начиная от того места, которое я называю талией, до шеи, потом прошелся по обоим бокам с заходом на спину. Я не нашел ничего особенного. Я попробовал осмотреть свой язык. Я высунул язык как можно дальше и стал разглядывать его одним глазом, зажмурив другой. Мне удалось увидеть только самый кончик, и я преуспел лишь в одном: утвердился в мысли, что у меня скарлатина.

Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной.

Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель; когда мне почудится, что я нездоров, он щупает у меня пульс, смотрит мой язык, разговаривает со мной о погоде, — и все это бесплатно; я подумал, что теперь моя очередь оказать ему услугу. «Главное для врача — практи-

714

ка», — решил я. Вот он ее и получит. В моем лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семисот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберется и двух болезней на брата. Итак, я пошел прямо к нему; и он спросил: и,. ---- >•

— Ну, чем ты заболел? Я сказал:
— Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я не заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Все остальное у меня есть.
И я рассказал о том, как сделал свое открытие.
Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье, и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, — по-моему, это просто свинство, — и вдобавок боднул головой в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сложил ее и отдал мне, и я ушел, спрятав в карман полученный рецепт.
Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.
Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:
— Вы аптекарь? Он сказал:
— Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.
Я прочитал рецепт. В нем значилось:
Бифштекс.....1 фунт
Пиво.....1 пинта (принимать каждые *6* часов)
Прогулка десятимильная.....1 (принимать по утрам)
Постель.....1 (принимать вечером, ровно в 11 часов)
И брось забивать себе голову вещами, в которых ничего не смыслишь.
Я последовал этим предписаниям, что привело к счастливому (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.
(Джером Дж. К. Трое в одной лодке... С. 6—9)

Театр и драматургия

Для западноевропейского театра начала XIX в. наиболее характерным явлением была борьба между сторонниками классицизма и романтизма, особенно остро она протекала во Франции, породив знаменитые «литературно-теат-
715
ральные бои» между сторонниками этих двух течений. Во второй половине века, когда в литературе ведущие позиции занял реализм, на сцене еще долго продолжал торжествовать романтизм. И только в конце века, благодаря творчеству Генриха Ибсена (1828—1906 гг.), Юхана Августа Стриндберга (1849— 1912 гг.), Джорджа Бернарда Шоу (1856—1950 гг.), реализм становится ведущим течением в драматургии.
В XIX в. на сценах европейских театров выступали прославленные актеры, открывшие новую эру в сценическом искусстве: Эдмунд Кин (1787— 1833 гг.) — Англия, Сара Бернар (1844-1923 гг.) — Франция, Элеонора Дузе (1858—1924 гг.) — Италия и многие другие.

Балет

В XIX в. происходит становление классического балета как особого вида искусства. В основе балета лежат танец и пантомима, поэтому корни балета уходят в глубь веков — при желании их можно обнаружить даже в первобытной культуре. Но балет в современном смысле слова — как самостоятельное театральное действие, драматически осмысленное, построенное по определенному сюжету на основе соединения хореографии с музыкой, зарождается только в Европе XVIII в. У истоков его создания стоял английский хореограф Джон Уивер. Он первым начал создавать целые балетные спектакли на античные сюжеты; но главное революционное новшество, введенное им, состояло в полном отказе от пояснительных слов к танцу — их заменила пантомима. Но выразительные способности пантомимы — громадные, когда надо выразить человеческие чувства, и далеко не всегда достаточны, когда надо передать определенные повороты сюжета и абстрактные идеи. Тогда в балете начинается выработка особого балетного языка.
Расцвета классический балет достигает во Франции, в Париже. В середине вика в балете происходят важные изменения: появилась *техника танца на пальцах* (пуантах), получила развитие *техника прыжка* и т.п. В балете XIX в. ведущее место занимал романтизм.
О языке балета Вместо понятного каждому жизненного жеста на балетной сцене распространился совсем другой жест, который можно было понять, только заранее зная, что он означает. Такой жест позднее назвали условным. Он дожил чуть ли не до наших дней и все усложнялся. В начале века в петербургском Мариин-ском театре, если надо было сказать, что кто-то умер, скрещивали руки на груди, — следовало понимать, что это покойник лежит в гробу со скрещенными руками. А то объясняли знаками и вещи позамыслова-тей. Например, чтобы сказать: «Тебя здесь будут судить!» — надо было вытянуть руку с указательным пальцем, что

означало «ты», потом указать на пол, что означало «здесь», и, наконец, покачать руками, изображая весы. А весы — это всякий, кто ходил в балет, знал — были не просто весы, а весы Фемиды, греческой богини правосудия, и обозначали
716
они суд. Уразуметь все это было трудновато. Но зрители выучивались понемногу такой грамоте, а с ее помощью можно было, не произнося ни слова, показать целый спектакль, изобразить действие и положить начало самостоятельному танцевальному театру.
Конечно, в восемнадцатом веке балетный театр еще не был таким, как в начале двадцатого, сценические жесты были совсем иными, но и тогда зрителю надлежало знать употребляемые жесты и то, какие страсти они выражают...
Величайшие балерины французского театра той поры не были француженками. Тальони — итальянка, Фанни Эльслер происходила из Австрии и совершенствовалась в Италии, Фанни Черрито — итальянка, Люсиль Гран — датчанка. Это не случайность. На французской сцене господствовал мужчина, а романтический балет отдал первое место женщине, наделив ее новой, не свойственной прежде женщинам техникой. Достоянием французских женщин на сцене была грация, плавность и чарующая выразительность движений. Итальянки побеждали почти мужской силой и точностью танца. Но все они непременно обучались французской грации: Мария Тальони — у Кулона в Цари-же, Фанни Эльслер — у Омера в Вене, с Карлоттой Гризи занимался Жюль Перро. Они не то чтобы отбрасывали французскую манеру, но прибавляли к ней новый танец. Пора нашествия иностранок была величайшей эпохой французского балета. Не будем удивляться, такое повторится не раз и не только во Франции.
(Карп П.М. Младшая муза. С. 62)
Когда в конце XVIII в. в лондонском Drury Lane-театре подвизались с огромным успехом танцовщицы Паризо, Каро и Кемп, то в выходившей в Веймаре газете «London und Paris» им посвящалось больше места, чем французской революции. Обычным явлением было тогда, что свихнувшиеся поклонники выпрашивали у балерины старый изношенный башмак, обещая хранить его как святыню, или если из-за туфельки, слетевшей с ноги танцовщицы в партер, в публике начиналась такая драка, что многие получали серьезные повреждения, и успокоение наступало только после того, как туфелька была разорвана на части и каждый из участников драки мог назвать своим какой-нибудь обрывок трофея.
Портреты знаменитых балерин продавались в виде драгоценнейших гравюр. Эта помешанность на балете длилась очень долго. Выступление Фанни Эльслер, «балерины двух миров», Тальони, Пепиты и т.д. вызывали «взрывы восторга». Каждый их шаг отмечался газетами, каждый успех увековечивался ими, об их огромных гонорарах с триумфом докладывалось всему миру. «Когда Фанни Эльслер впервые выступала в Ричмонде, ее приезд в город встретили пушечными выстрелами. Ее въезд напоминал триумфальное шествие: балерину сопровождала
717
длинная вереница лиц, среди которых находились городской мэр, государственные советники, судьи и т.д.».
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 390—391)

Музыка

Из всех течений духовной культуры *в музыке* наиболее яркое воплощение в эту эпоху нашел *романтизм.* Крупнейшие композиторы эпохи: Роберт Шуман (1810-1856 гг.) и Рихард Вагнер (1813-1883 гг.) - Германия, Гектор Берлиоз (1803-1869 гг.) - Франция, Ференц Лист (1811-1886 гг.) - Венгрия, Фридерик Шопен (1810—1849 гг.) — Польша. Во второй половине века происходят серьезные *изменения в оперном искусстве,* выдающуюся роль в этом сыграл итальянский композитор Джузеппе Верди (1813—1901 гг.), а позднее — Руджеро Леонковалло (1857—1919 гг.), Джакомо Пуччини (1858—1924 гг.), Жорж Визе (1838-1875 гг.) и др.
О Вагнере и Мане Между Вагнером и Мане существует глубокое сродство, мало кем ощущаемое, но давно уже обнаруженное таким знатоком всего декадентского, как Бодлер. Из красочных штрихов и пятен выколдовывать в пространстве мир — к этому сводилось последнее и утонченнейшее искусство импрессионистов. Вагнер достигает этого тремя тактами, в которых уплотняется целый мир души. Краски звездной полуночи, тянущихся облаков, осени, жутко-унылых утренних сумерек, неожиданные виды залитых солнцем далей, мировой страх, близость рока, робость, порывы отчаяния, внезапные надежды, впечатления, которые ни один из прежних музыкантов не счел бы достижимыми, — все это он с совершенной ясностью живописует несколькими тонами одного мотива.
(Шпенглер О. Закат Европы. С. 472)
Из «Дневника Около половины четвертого сопровождал Шопена **1848 г> Делакруа** в коляске на

прогулку. Несмотря на усталость, был счастлив оказаться ему в чем-либо полезным... Авеню Елисейских полей, арка Звезды, бутылка вина в кабачке; остановка у заставы и т.д.
На прогулке он говорил мне о музыке, и это воодушевляло его. Я спросил его, на чем основывается логика в музыке. Он разъяснил мне, что такое гармония и контрапункт, почему фуга является истинной логикой в музыке, и добавил, что быть знатоком фуги — значит познать стихию причин и следствий в музыке. Я подумал, как бы я был счастлив ознакомиться со всем этим, с тем, что приводит в отчаяние вульгарных музыкантов. Возникла мысль о наслаждении, которое черпают в науке ученые, достойные этого звания. Подлинная наука — не то, что обычно понимают под этим словом, не отличная от искусства область
718
познания, нет! Наука, так рассматриваемая, представленная таким человеком, как Шопен, — само искусство. Зато и искусство уже не таково, каким его представляет себе чернь, — не вдохновение, которое приходит неизвестно откуда и шествует наугад, не живописная только внешность вещей. Это — сам разум, украшенный гением, следующий по непреложному пути, установленному высшими законами.
Это увлекает мою мысль к различию между Моцартом и Бетховеном. В тех местах, сказал мне Шопен, где Бетховен не ясен и как бы утрачивает последовательность, причиной является не нарочитая и немного дикая оригинальность, за которую его прославляют, а то, что он отвертывается от вечных принципов; Моцарт же — никогда. Каждая из частей его марша, всегда согласуясь со всеми другими, образует мелодический напев и в совершенстве его выдерживает; вот где контрапункт «punto contrapunto». Он мне также сказал, что аккорды обычно изучались до контрапункта, т.е. до последовательности нот, которая и ведет к аккордам... Берлиоз лепит аккорды и, как умеет, заполняет интервалы. Эти люди, страстно увлеченные стилем, предпочитают оказаться в глупом положении, лишь бы не лишиться важного вида.
(Делакруа Э. Дневник. 1848. С. 320-321)

Архитектура и строительство

Ведущим стилем в архитектуре начала XIX в. был классицизм, но в середине века (под влиянием идей романтизма, которому свойственно было увлечение прошлым и его идеализация) возник интерес к готике, итальянскому Ренессансу, барокко и т.п., а кроме того, появились архитектурные сооружения, в которых соединялись элементы различных стилей. Такое сознательное смешение элементов различных стилей само стало особым стилем, получившим название -*«эклектика*.* В конце XIX — начале XX в. формируется новый стиль — *модерн.*
Еще одной особенностью архитектуры XIX в. *было развитие промышленной архитектуры,* т.е. строительство вокзалов, мостов, фабрик и т.п.
Из «Отрывков Чем заменить музеи? — Вокзалами железных дорог: **из бесед и речей»-** они уже стали храмами прогресса и станут храма-**Курбэ** ми искусства. Войдите в залы ожидания и, увидев
эти прекрасные помещения, большие, высокие, светлые, полные воздуха, признайте, что достаточно повесить в них картины, чтобы сделать из них незаменимые музеи, единственные, где искусство может жить. Ибо жизнь там, куда идет толпа... В скором времени, говорил я инженеру Гитторфу, ваши железные дороги избороздят Францию; дайте задание художникам дать историю наших департаментов, и где бы ни пробегал ваш локомотив — область железа или страну ржи, — гений художника найдет себе материал. Пускай пишет один леса, другой равнины, третий цветы, четвертый море, и вы признаете,
719
что для того чтобы давать работу художникам, незачем им внушать всяческое величие, греческие каски и римские тоги. Побуждайте их перенести на холст типы, нравы, характер и индустрию их народа.
(Курбэ Г. Отрывки из бесед и речей. С. 457)

Изобразительное искусство

В изобразительном искусстве XIX в. господствуют примерно те же стили, что в других видах духовной культуры: *классицизм, романтизм, реализм,* но в конце века появляются еще сыгравшие важное место в развитии искусства — *импрессионизм* (1874—1886 гг.) и *постимпрессионизм.*
Особых успехов живопись в XIX в. достигла во Франции. Виднейшими представителями классицизма были Жан Луи Давид (1748—1825 гг.) и Жан Огюст Энгр (1780-1867 гг.); романтизма - Теодор Жерико (1791-1824 гг.) и Эжен Делакруа (17,98—1863 гг.), Камиль Коро (1796—1875 гг.); реализма — Гюстав Курбэ (1819—1877 гг.); импрессионизма — Клод Моне (1840—1926 гг.), Огюст Ренуар (1841—1919 гг.), Эдгар Дега (1834—1917 гг.), во многом был близок к импрессионизму гениальный фрнцузский скульптор Огюст

Роден (1840—1917); постимпрессионизма — Поль Сезанн (1839—1906 гг.), Поль Гоген (1848-1906 гг.) и Винсент Ван Гог (1853-1890 гг.).

Из «Отрывков из бесед и писем» Коро

Я молю каждый день бога, чтобы он сделал меня ребенком, т.е. чтобы он дал мне умение видеть природу и передавать ее, как это делает ребенок, — без предвзятости. Природа прежде всего.

Всегда бываешь в выигрыше, когда подражаешь природе. Когда я отступаю от воспроизведения ее хотя бы только на сантиметр, я всегда вновь обращаюсь к ней.

(Коро К. Отрывки из бесед и писем. С. 398)

Из письма Моне

И сильно расстроен, я получил глубокое отвращение к живописи. Решительно это непрерывная пытка! Не ожидайте увидеть что-нибудь новое, — та малость, которую я смог сделать, уничтожена, соскоблена или прорезана. Вы не можете себе представить этой ужасной погоды, не прекращающейся в течение месяца. Это может довести до бешенства, когда стараешься передать час дня, воздух, среду. К тому же все неприятности. Теперь я глупо захвачен ревматизмом. Я расплачиваюсь за свои стоянки под дождем и снегом; меня приводит в отчаяние мысль, что мне придется отказаться от работы во всякую погоду и работать на воздухе только в хорошие дни. Какая глупость жизнь! Ну, довольно жалоб...

(Моне К. Письмо к Гюставу Жеффруа. С. 149)

Из «Письма к брату»- Ван Гога

...Ах, ...иногда я так хорошо знаю, чего я хочу. Я могу свободно обойтись в жизни и в живописи без господа бога, но не могу я, страдающее существо, обойтись без того, что выше меня, что есть моя истинная жизнь, — моя творческая мощь. И если, разуверившись в ней физически, вы будете создавать мысли вместо детей, вы все-таки останетесь среди человечества.

В картине я хотел бы передать нечто утешительное, как музыку. Я хотел бы писать мужчин и женщин с печатью вечности, символом которой был раньше нимб и которую мы стремимся передать сиянием и вибрацией наших цветовых тонов...

У меня постоянно два различных потока мыслей: первый — материальные затруднения, необходимость всячески изворачиваться, добывая средства к существованию; второй — изучение цвета. У меня постоянная надежда чего-нибудь достигнуть в этой области. Выразить любовь двух влюбленных путем сочетания двух дополнительных цветов, их смешения и контрастов, таинственных вибраций близких тонов. Выразить мысль, осеняющую чело, сиянием светлого тона на темном фоне.

Выразить надежду какой-нибудь звездой. Пылающее сердце сиянием заходящего солнца. Конечно, это не натуралистический обман глаз, но разве это не самая подлинная действительность?..

(Ван Тог. Письмо к брату. С. 277)

Из "Мыслей Родена об искусстве в передаче Гзелля"

Я же, в вечной погоне за правдой, подстерегаю жизнь во всех мелочах и потому я не могу работать так, как мои коллеги.

я стараюсь уловить движение, когда оно проявляется само собой, но я не вызываю его искусственно.

Даже когда определенный сюжет заставляет меня требовать от натурщика известной позы, я ее указываю, но никогда не трогаю и не устанавливаю его. Я беру только то, что жизнь мне добровольно дает.

Я подчиняюсь во всем природе и вовсе не хочу подчинять ее себе.

Моя единственная задача — рабски следовать ей.

В слепке меньше правды, чем в моей скульптуре.

Разве может 4 натура» удержать живое движение, пока я с нее буду брать слепок? А в моем представлении остается совокупность позы, и я постоянно прошу натурщика соображаться с моими воспоминаниями.

Скажу больше.

Слепок передает только внешнее, я же передаю и духовную сущность, составляющую, без сомнения, тоже часть природы.

Я постигаю всю правду, а не только ту, которая дается глазу.

Я подчеркиваю черты, наиболее выражающие настроение, которое я передаю.

721
Я не изменил природы. А если б даже изменил, то бессознательно, в момент творчества. В это время на мой глаз влияло чувство, и я видел природу сквозь его призму.
Если бы я захотел изменить то, что вижу, и «сделать красивее», то ничего бы не вышло.
— Я допускаю, — продолжал он после минутного молчания, — что художник видит природу иначе, чем простые смертные, потому что его возбужденное чувство под внешним покровом воспринимает и внутреннюю правду.
Но в конце концов единственный принцип в искусстве — точное воспроизведение, копия с того, что видишь. Не в упрек будет сказано учителям эстетики: всякий другой метод пагубен. Нет рецепта для украшения природы.
Надо только уметь «видеть».
(Роден О. Мысли Родена об искусстве в передаче Гзелля. С. 375)

Фотография В середине XIX в. возникает новый вид изобразительного искусства — фотография (от греческих слов фото — «свет» ь графио - «писание»). Фотография - синтез двух наук: физики и химии, на протяжении их эволюционирования, развивалась и фотография. К физике относится оптика и камера-обскура (от латинского «темная комната»), к химии - процессы окисления серебра, его восстановления и закрепления. Камера-обскура была известна еще в Средневековье и была очень популярна у художников эпохи Возрождения, в частности Леонардо да Винчи оставил ее подробное описание и чертежи. Но возникновению фотографии мешал тот факт, что никто не мог закрепить изображение — для этого потребовалось дальнейшее развитие химии. Официальная **дата рождения** фотографии - 7 *января 1839 года,* в этот день Доминик Араго (французский астроном и историк науки) доложил Парижской Академии наук об изобретении художника Дагерра: «с помощью светового луча получать прочное изображение на серебряной пластинке в камере-обскуре». Этот процесс по имени изобретателя получил название «дагерротип».
Фотографические снимки чрезвычайно редко выходят похожими, и это понятно: сам оригинал, то есть каждый из нас, чрезвычайно редко похож на себя. В редкие моменты мгновения человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он списывает, и не было ее вовсе в лице. Фотография же застает человека как есть, и весьма возможно, что Наполеон, в иную минуту, вышел бы глупым, а Бисмарк — нежным.
(Достоевский Ф.М. Дневник писателя. С. 271)
«При писании с фотографий, — говорил Шишкин, - частью познается степень даровитости человека: бездарный будет рабски копире-
722
вать с фотографии все ее ненужные детали, а человек с чутьем возьмет то, что нужно»
(Комарова А. Лесной богатырь-художник. С. 56)
Всякому живописцу случалось встречать людей, которые отличались необыкновенным выражением лица ... как ни быстро было это выражение, фотография может схватить и выразить его, и таким образом, представить художнику неисчезающий образец такой красоты, которая для него пропала бы безвозвратно.
(Бланкар-Эврар Л. Об участии искусства в фотографии)

Кинематограф

28 декабря 1895 года в Париже, на бульваре Капуцинов, в «Гранд кафе» состоялся первый публичный платный киносеанс. Именно это событие принято считать датой рождения кинематографа.
Братья Огюст и Луи Люмьер, показав зрителям свои короткометражки в тот памятный день, не сразу осознали значение этого события. Среди более двух десятков показанных коротких фильмов, особое впечатление на зрителей произвели две картины: «Прибытие поезда» и «Политый поливальщик», которые наметили дальнейшее развитие кино, разделенное на игровое и документальное. В США над проблемой создания «движущихся картинок» работал Эдисон.
В свой начальный период кинематограф носил по преимуществу трюковый характер, сюжеты были в основном сказочные и фантастические.

Быт и нравы

Мода В моде конца XIX века господствуют действительно великие модные салоны: сыновья Борта Жан Филипп и Гастон, английская фирма Редферн, Жак Дусе, Пакен, сестры Калло и ряд других. Каждый из этих салонов имел свой стиль. (На Всемирной выставке 1900 года французская мода победила по всем статьям. По словам искусствоведа Мейер-Графа, никто из иностранцев не отваживался показывать свои экспонаты рядом с ними). Фирма Чарлза Редферна специализировалась на английских костюмах, сестры Калло — на кружевах и серебряной ткани ламэ для вечерних туалетов. Эта же фирма поставляла высокие каблуки а ля

Мария Антуанетта и воланы для юбок, которые напоминали моду эпохи Людовика XIV. Модели Дусе были как бы вариациями из произведений Ватто, Фрагонара и Ла Тура, картины которых были представлены в коллекции картин Дусе.
723
В моде конца XVIII века отражались политические и эстетические тенденции своего времени, в моде XIX века господствуют два противоположных направления: одно подчинено спорту, другое — модным салонам. Требованием консервативной моды была стилизованная женщина-цветок, женщина салонов, театров и различных вечерних развлечений, это женщина, еще стянутая корсетом. С другой стороны начинается настоящее движение против корсета, сторонники которого говорили о его вредности и стремились запретить его ношение (например, английское общество «Рэшионал Дреесс Ассоусиэйшн», основанное в 1882 г. по американскому образцу).
С одной стороны входит в жизнь велосипед и костюм, который дает женщинам свободно двигаться, с другой стороны — проводятся анкеты на тему о том, не вреден ли спорт для женщины, не повредит ли он женской морали. Сторонникам второго направления кажется, что женщина должна носить перчатки и дома и т.д.
Только в конце XIX века мода создает новый тип одежды с юбкой клеш и «ветчинообразными» рукавами, помогающий созданию как спортивной, так и вечерней одежды в стиле модерн (придающей фигуре «5»-образную форму), единый стиль которой смирит все противоположности. Этот костюм отказывается от всего старого и присягает новой вере. «Искусство, строительство и мода — все было ко столу», — как сказал Сальвадор Дали...
(Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. С. 293—300)

О канкане Именно эта эпоха изобрела канкан, один из самых диких и бесстыдных танцев, когда-либо придуманных. В сравнении с ним кажутся бледными даже испанские и итальянские народные пляски фанданго и тарантелла, представляющие именно поэтому и более благородные формы танца. Канкан — это переложенная на язык танца непристойность. Именно поэтому он истинный продукт своей эпохи. Она отражается в нем, она живет в нем со всей своей беззастенчивой дикостью, не знавшей ни меры, ни цели для своих вожделений, не знавшей никаких идеалов, разве только один — глумиться и издеваться над всем благородным и чистым. Все это ярко обнаруживается и в канкане.
Как пикантно поднять юбку у красивой женщины! Насколько пикантнее, если красивая женщина делает это сама в порыве разнузданности! И притом для удовольствия не одного, а зараз целой сотни, и не благодаря желанной случайности, а преднамеренно и демонстративно, так что зритель видит решительно все, не только белые, украшенные кружевами нижние юбки, не только красивые чулки, полные икры, кокетливую подвязку, но и кальсоны, обтягивающие крепкие бедра, и
'724
в особенности как можно больше тела, голого тела, точно говоря ему бесстыднейшими жестами, которые яснее слов:
«Смотри! Все это я показываю тебе, потому что ты так любишь это видеть! Да и для меня величайшее удовольствие обнажаться перед тобой, показывать тебе все мои секреты, и вот я не раз, а десятки раз поднимаю юбки. Ногой я касаюсь кончика твоего носа. Я попридерживаю юбки, чтобы они опустились не слишком рано. Я кружусь перед тобой, показываюсь тебе со всех сторон, чтобы ничто от тебя не ускользнуло!» Все это, доведенное до бешенства, — таков смысл канкана.
Так как канкан был в самом деле лучшим отражением духа времени, то неудивительно, что из среды тогдашних любительниц танцев выходили настоящие канканные гении. Такова была, например, знаменитая танцовщица Ригольбош, описавшая, между прочим, свои ощущения во время пляски:
«Для канкана существует один только синоним — бешенство. Ученые утверждают, что канкан изобретен неграми. Это неверно. Негры жестикулируют, но не танцуют канкана. Канкан по существу французский танец и сделается со временем национальным танцем. Он — воплощенная парижская фантазия. Канкан пренебрегает с презрением всем, отзывающимся правилами, правильностью, методичностью... Чтобы уметь танцевать его, надо иметь совершенно особый талант, совершенно исключительный ум. Душа танцующего должна быть такой же фантастичной, как его ноги, так как речь идет не о том, чтобы воспроизвести нечто традиционное, нечто согласованное с правилами. Необходимо изобретать и создавать, и притом создавать в одно мгновение. Правая нога не должна знать, что делает левая. В какой-нибудь данный момент вы должны быть неизвестно почему мрачны, угрюмы, меланхоличны, чтобы в следующую минуту

безумствовать, как менада. В случае надобности необходимо испытать все это одновременно. Необходимо быть и веселой и грустной, равнодушной и страстной, — словом, необходимо rigolbocher (плясать, веселиться, «гулять». — *Сост.)*...
Канкан может быть всем или ничем. Он мир или деревня, трагедия или песенка. Канкан — это бешенство ног».
О том, с каким бесстыдством иногда танцевали канкан — многие разнузданные танцовщицы, например, танцевали его без кальсон, — можно судить по тому, что тогда в Париже было издано полицейское постановление, в силу которого в зале должен был находиться sergente de ville (городовой), обязанный предупреждать самое худшее, выводя из залы даму, которую канкан вдохновил к слишком смелым вольностям...
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 368)
725
Варьете и шантан Эпоха абсолютизма изобрела оперу. Буржуазный век демократизировал ее сначала в виде оперетки, потом в виде варьете...
Начало этой формы публичного увеселения, в центре которого стоит скабрезность, относится, правда, к давнему времени. Его надо искать в примитивных шантанах, возникших еще в XVIII в., простую программу которых составляли музыкальные пьесы, пение, а потом и танцы. Уже тогда предпочтение отдавалось фривольному жанру, двусмысленным шансонеткам, подчеркнуто-эротическим танцам...
Колыбелью шантана был Париж Второй империи, где нашли свое первое яркое выражение вообще все формы удовольствий. Вскоре подобные предприятия возникли повсюду, повсюду находя восторженную публику. В Германии, разумеется, прежде всего в новой столице, в Берлине. Здесь шантаны вошли в моду особенно в 70-х гг. Несколько лет спустя они насчитывались уже десятками. «Обыкновенно то были пивные, где в углу на невысокой эстраде сильно декольтированные женщины в коротеньких пёстрых юбках распевали двусмысленные песенки». Прошло еще десятилетие, и уже не оставалось на свете значительного города, в -котором не имелось бы одного или нескольких таких всегда переполненных увеселительных учреждений. В более значительных городах, и в особенности в портовых, они насчитываются даже десятками и сотнями. Во всех этих шантанах вовсю царила скабрезность. Подражали Парижу. Французы считались в этой области непревзойденными мастерами...
Главными номерами программы шантана были долгое время куплеты, более или менее плохо исполняемые двусмысленные песенки, или, вернее, для знатоков вовсе не двусмысленные. Секрет публично произносимой скабрезности в том именно и заключается, что она облекается в невинную внешнюю форму.
Скабрезность состоит в скрытом двойном смысле ловко подобранных слов, в рафинированных паузах, в подчеркивании известных мест, в мимических движениях, сопровождающих шансонетку...
С цинизмом слов соединяется цинизм жестов. При помощи соответствующих жестов все перекидывается в область эротики, все получает, таким образом, порнографический характер. При плясовой песне и вообще при пляске было особенно удобно решать эту задачу, так как здесь непристойность получала сильного союзника в виде музыки. Без музыки, отданной с середины прошлого столетия в особенно широких размерах на служение скабрезности, шантан и варьете не сыграли бы своей огромной роли. Как уже упомянуто, музыка способна звуками выразить самое общее и самое рискованное и к тому же изобразить это чрезвычайно подробно и пластично. Эта способность музыки и была планомерно использована театрами-варьете. Слова и жесты сопровождаются рафинированно живописующей музыкой, идущей на помощь
726
воображению там, где слова и жесты упираются в непреодолимые преграды. Ни одно искусство поэтому не было так беззастенчиво тесно слито с непристойностью, как шантанная музыка.
Служил непристойности с самого начала и костюм. Главным образом, хотя и не исключительно, здесь речь идет о женском костюме. Первоначально — то была форма еще примитивная — шансонетные певицы появлялись на эстраде или на сцене в коротеньких платьицах, так что публика видела всегда по крайней мере икры ног, а при известных движениях и кое-что еще. К откровенной нижней части костюма вскоре присоединилась такая же откровенность верхней его части. Эти пробелы костюма и должны были вознаграждать публику за недочеты в пении и декламации, и публика была в самом деле вполне удовлетворена, так как большинство предпочитает не слушать, а смотреть, и только немногие протестуют, если пение служит лишь средством развернуть эротически-пикантное зрелище. Во всяком случае, обратное явление

никогда не имело места: красивое пение, хорошая декламация никогда не примиряли публику со скромностью костюма. Это обстоятельство привело постепенно к такой рафинированности в костюме, которая превосходит всякие границы. Каждый цвет, каждый оттенок должны воздействовать на эротическое чувство зрителя.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 392—395)

О балах-маскарадах До какой смелости доходят порой и в настоящее время праздники и балы-маскарады, устраиваемые художниками, доказывают классическим образом балы... парижских художников Монмартра. На этих празднествах дамы обычно щеголяют почти полным отсутствием костюма. Считается совершенно естественным, чтобы красивая грудь и красивые ноги не скрывались. Бывали и случаи, что особо красивые дамы появлялись совсем обнаженными. Впрочем, они не были, конечно, совсем голыми, «этого бы они постыдились». На одном процессе, вызванном таким балом, одна дама серьезнейшим образом заявила, что она была вовсе не голой, так как повыше правого колена на ней была кокетливая лента шириной в три сантиметра, а на пальцах ноги — золотые кольца. «Можно ли при таких условиях говорить о наготе?» Можно возразить, что большинство этих дам, блиставших отсутствием костюма, были натурщицами, и, однако, среди них были и законные жены художников, а зрителем на этих балах бывает... весь богатый праздный Париж, смотрящий на танцы из лож, куда потом устремляются и все участники.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 373)

727

О спорте как общественном развлечении Спорт занял главное место среди общественных развлечений: сначала процветал велосипедный спорт, а теперь процветают главным образом летом теннис, а зимой катание на санках, на лыжах и т.д., и в ограниченном размере катание на коньках, когда-то бывшее единственным зимним спортом. Мы привели только наиболее известные виды спорта. Но именно они и должны быть приняты в расчет при оценке публичной и частной нравственности. Для ее характеристики они даже весьма важны. Официально спорт служит прежде всего здоровью, укреплению нервов; кто хочет закалить себя, похудеть и т.д., тот занимается спортом. Несомненно, спорт преследует эту цель, но именно потому, что перечисленные его виды вместе с тем очень удобные случаи для флирта, и занимаются ими не только так планомерно, но и с таким фанатическим рвением. Удобство, предоставляемое этими видами спорта для флирта, и служит звеном, связующим отдельные пары, колонны и группы.
Житейский опыт давно сделал поэтому из этих видов спорта правильный вывод. Между тем как прежде матери таскали дочерей-Невест с одного бала на другой, теперь они посылают их играть в теннис или туда, где зимою спорт практикуется в широких размерах. Обергоф, С.-Мориц и десяток других зимних курортов представляют ныне международные брачные биржи. А летом ими служат все скверы и площадки в большом городе, где играют в теннис.
(Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. С. 379)

Литература

Бальзак О. Предисловие // Бальзак О. Собрание соч.: В 24 т. Т 1. Человеческая комедия. М.: Правда, 1960.
Бланкар-Эврар Л. Об участии искусства в фотографии. Спб.: Фотограф, 1864.
Ван Тог. Письмо к брату // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 3. М.-Л.: Гос. изд. изобр. искусств, 1936.
Гете И.В. Страдания молодого Вертера // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6; Пер. с нем. М.: Худож. лит., 1978.
Делакруа Э. Дневник. 1848 // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 2. М.-Л.: Гос. изд-во изобр. искусств, 1936.
Джером К. Джером. Трое в одной лодке. Рассказы / Пер. с англ. М.: Худож. лит., 1977.
Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста / Пер. с англ. А. Кривцовой. М.: Худож. лит.,1980.
Дистервег А. О внешнем школьном порядке // Хрестоматия по истории педагогики: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940.

728

Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1982.
Кант И. О педагогике // Хрестоматия по истории педагогики: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР. 1940.
Карп П.М. Младшая муза. М.: Дет. лит., 1986.
Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия,

1988.
Киплинг Р. Бремя Белых // Киплинг Р. Избранное. Л.: Худож. лит., 1980.
Комарова А. Лесной богатырь-художник. СПб., 1899.
Коро К. Отрывки из бесед и писем // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 2. М.-Л.: Гос. изд-во изобр. искусств, 1936.
Курбэ Г. Отрывки из бесед и речей // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 2. М.-Л.: Гос. изд-во изобр. искусств, 1936.
Моне К. Письмо к Гюставу Жеффруа // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 3. М.-Л.: Гос. изд-во изобр. искусств, 1936.
Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов: Пер. с нем. / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989.
Песталоцци И. Г. Как Гертруда учит своих детей // Хрестоматия по истории педагогики: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940.
Рассел Б. История западной философии: В 2 т. Т. 2 / Подгот. текста В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994.
Роден О. Мысли Родена об искусстве в передаче Гзелля // Мастера искусства об искусстве. Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: В 4 т. Т. 3. М.-Л.: Гос. изд-во изобр. искусств, 1936.
Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: Изд. Российского Христианского гуманитарного института, 2001.
Фукс Э. Иллюстрированная история нрйвов; Буржуазный век: Пер. с нем. М.: Республика, 1994.
Шпенглер О, Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993.
Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Хрестоматия по истории педагогики: В 4 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940.

МИРОВАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА

Исторический очерк

Начало XX в. характеризуется столкновением политических интересов между крупнейшими странами Европы. Борьба за сферы влияния (колонии) явилась причиной крупнейшего политического события начала XX в. — Первой мировой войны.

Результатом Первой мировой войны стало крушение монархии в Германии, Австро-Венгрии (и распад ее на ряд самостоятельных национальных государств) и России (Февральская революция 1917 г.).

Октябрьская революция в России 1917 г. и образование СССР (1922) стали началом главного политического противостояния XX в. — между капиталистическим и социалистическим миром. Это же послужило мощным стимулом для подъема национально-освободительного движения во многих колониальных странах.

Победа во Второй мировой войне, которую СССР вместе со своими союзниками (Англией, Францией, США и др.) одержал над коалицией Германии, Италии, Японии, Венгрии и других стран, привела к образованию «лагеря социализма» во главе с СССР и «лагеря капитализма» во главе с США.

Лидерство в мировой экономике и политике на Западе в XX в. принадлежало США, которые и сохраняли его до 1970—1980-х гг. СССР в 1960-х — начале 1970-х гг. занимал второе место в мире (после США) по показателям развития промышленности. В 1970—1990-е гг. на первое место по ряду показателей вышла Япония, потеснив США и СССР.

В 1960-е гг. происходит крушение системы колониализма, и на мировой политической арене появляется новая сила — страны, освободившиеся от колониальной зависимости.

В конце XX в. произошло не только крушение «лагеря социализма», но и распад СССР. В

результате на первый план в мировой политике вышли противоречия между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами, между Востоком (Япония, Корея и т.п.) и Западом (США, европейские страны), между США и европейскими странами, между христианским и мусульманским миром.

Основные черты мировой культуры Говоря о мировой культуре XX в., необходимо иметь в виду, что в разных районах Земли и у разных народов культуры не просто различные, но это культуры разных типов и уровней. Иначе говоря, на Земле сейчас сосуществуют пер-

730

вобытные (традиционные) культуры, культуры средневекового типа, культуры Нового времени, кроме того, во многих странах, переживших эпоху колониальной зависимости, возникли синкретические культуры, соединяющие элементы культур различного типа. Поскольку все эти явления невозможно охватить в одной главе, в ней главным образом будет представлена культура высокоразвитых стран (как новое явление в мировой культуре). При этом основное внимание будет уделено нескольким ее важнейшим аспектам:

во-первых, развитию *науки и техники,* которые, собственно, и стали основой большинства принципиальных изменений в современной культуре и мен-тальности людей;

во-вторых, появлению *массовой культуры,* которая стала доминирующей в культуре высокоразвитых стран и распространяемой ими во все остальные регионы мира;

в-третьих, *синтезу культур,* возникающему как стихийно, так и в результате сознательного и целеустремленного постижения иных культур (чаще всего речь идет о синтезе культур Востока и Запада);

в-четвертых, становлению *глобальной культуры;*

в-пятых, *секуляризации* современного общества и появлению нетрадиционных религий;

в-шестых, *феминизации* современной культуры, связанной как с борьбой женщин за свои права (равные с мужчинами), так и с все увеличивающейся ролью женщин в развитии современной культуры;

в-седьмых, -*«бунту»* против предшествующей культуры, особенно ярко проявившемуся в начале XX в. в таких направлениях художественной культуры, как «модерн» и «авангард», а в конце века — в *«молодежныхреволюциях»* и в движении *«постмодерна».*

Конец XX в. многие исследователи считают новым периодом в культуре: эпохой «постиндустриального общества», «сверхиндустриальной цивилизации», «технотронного общества», «информационного общества», «посткапиталистического, или постбуржуазного, общества». Но в культурологии чаще всего называют его эпохой постмодерна.

Термины «постмодерн» и «постмодернизм» происходят от латинских «post» — «после» и «modernus» — «современный». Сам по себе термин «модерн» («современный»), его аналоги и производные от него слова относятся к числу выражений с переменным значением, зависящим от времени его использования. Поэтому не удивительно, что термин «модерн» или «модернити» в смысле «современная эпоха» неоднократно применялся в истории культуры разными авторами, жившими в различное время.

Существенно, что само использование этого термина служило всегда для указания на принципиально новый характер культуры, проявившийся-в современную этим авторам эпоху. (Так, этот термин употреблялся в V в. христианскими теологами для противопоставления новой христианской эпохи прежней языческой, а в Новое время — философами-просветителями для противопоставления новаций эпохи Просвещения прежним феодальным порядкам.) Соответственно термин «постмодерн» служил для фиксации неких новаций, указывающих на разрыв с традициями эпохи модерна в «еще более новую», следующую за модерном эпоху.

731

В начале XX в. термин «модерн» получил распространение в европейской и североамериканской культуре, став названием особого стиля в искусстве. Широкое же использование[1] терминов «постмодерн» и «постмодернизм» фиксируется примерно с середины века. В 1960-е гг. термин «постмодерн» связывался в первую очередь с архитектурой, позднее он начал применяться в самых различных сферах культуры (в изобразительном искусстве, литературе, философии, психологии, теории языка, и т.д.). При этом различные авторы указывали разные временные рамки эпохи модерна (Новое время в целом, XIX—XX вв., начало XX в. и т.д.), соответственно сдвигалось и начало эпохи постмодерна. Но чаще всего начало последней относилось к какому-то периоду XX в. (начало века, конец Первой мировой войны, конец Второй мировой войны, 1970-1980-е гг. и т.д.).

В настоящее время термин «постмодернизм» обычно используется для обозначения особого направления в философии конца XX в., а термин «постмодерн» — для обозначения особой эпохи современной цивилизации, а также специфического направления в художественной культуре и науке в эту эпоху.

Наука и техника

В XX в. развитие науки и техники шло еще более быстро, нежели в XIX в. Но если в XIX в. все новые открытия и изобретения порождали безудержный оптимизм и сциентистские умонастроения, то в XX в. ситуация изменилась. Серьезный удар по этим настроениям нанесла Первая мировая война, на которой использовались такие «достижения» науки, как ядовитые газы, самолеты, танки, подводные лодки. Но подлинным потрясением для человечества стало изобретение и применение ядерного оружия: в конце Второй мировой войны (в августе 1945 г.) американцы сбросили атомные бомбы 'на японские города Хиросиму и Нагасаки, что привело к мгновенной гибели более 100 000 человек. Гонка вооружения,

продолжавшаяся во второй половине XX в. (в период «холодной войны» между «лагерем социализма» и «лагерем капитализма»), привела к созданию такого количества смертельно опасного оружия, что в случае новой мировой войны практически все люди на Земле погибли бы (большинство сразу, а оставшиеся — в результате последующей за ядерными взрывами «ядерной зимы»). К концу века человечество все больше осознавало, что развитие науки породило такие силы, которые могут уничтожить его полностью.

В конце XX в. были обнаружены еще две проблемы мирового значения: во-первых, современная промышленность разрушительно влияет на природную среду (экологический кризис), и если не принять специальные меры, то скоро жизнь на Земле станет невозможной для людей; во-вторых, на Земле заканчиваются многие полезные ископаемые, от которых зависит жизнь со-

[1] Его использование имело место и раньше, например, в книге Р. Ранвица «Кризис европейской культуры» (1917), в работах Тойнби 1940-х гг. и т.д.

временной цивилизации. Особенно опасно истощение нефтяных месторождений, ибо нефть в настоящее время является основным источником энергии — это «кровь» современной цивилизации. Именно поэтому во второй половине XX в. шел активный поиск новых источников энергии, развивалась атомная энергетика, несмотря на всю ее опасность (яркими свидетельствами этой опасности стали аварии на Чернобыльской АЭС в СССР, на атомной электростанции Три-Майл-Айленд в США и др.). Все это привело к антисциентистским настроениям в обществе, подозрительному и даже негативному отношению к науке и ученым со стороны значительного количества «простых» людей, далеких от науки.

В то же время развитие науки и техники радикальным образом изменило жизнь людей к лучшему: благодаря достижениям медицины и фармакологии значительно увеличился срок жизни людей, впервые в истории перед человечеством отступила угроза голода — развитие биологии, агротехники и агрохимии привело к невиданному ранее росту урожаев и кардинальному уменьшению количества людей, занятых в сфере сельского хозяйства (в высокоразвитых странах сейчас это около 3% населения); развитие транспорта сделало возможным посещение почти любых уголков Земли даже для обычных туристов, появилось большое количество техники, облегчающей быт людей, и т.д. К важнейшим достижениям, оказавшим особое влияние на культуру и мировоззрение людей современной цивилизации, можно отнести создание новых материалов (пластмасс), открытие генетического кода и механизма наследственности (ДНК и РНК), развитие космонавтики, изобретение компьютеров, в том числе персональных, телевидения, магнитофонов и видеомагнитофонов, усовершенствование средств связи (в том числе появление спутниковой связи, Интернета и мобильных телефонов) и т.п.

При этом можно отметить следующие закономерности: развитие средств массовой информации (газет и журналов, радиовещания, телевидения и т.д.) способствовали становлению массовой культуры в западном обществе, а развитие средств связи (появление Интернета, спутниковой связи, глобального телевидения и т.д.) и системы транспорта — синтезу культур, распространению массовой культуры высокоразвитых стран на другие регионы мира и становлению глобальной культуры, причем в значительной степени вестернизованной (американизированной).

Принципиальное изменение образа жизни и характера труда на протяжении XX в., ставшее особенно заметным в конце века (благодаря распространению персональных компьютеров), увеличило «разрыв» между поколениями. Можно сказать, что в настоящее время, впервые в истории человечества, жизненный опыт старшего поколения в значительной степени стал непригодным для младшего, и это во многом объясняет молодежные «бунты» и появление «молодежных субкультур».

Развитие науки, и прежде всего физики микромира (квантовой механики) и астрономии, привело к общему изменению научной картины, на смену прежней механистической (ньютоно-картезианской) пришла новая — боров-ско-эйнштейновская, переворачивающая все наши представления о мире и о месте человека в нем. В настоящее время она мало известна широким слоям населения, но постепенно начинает оказывать все большее влияние на представителей интеллигенции.

Космонавтика Когда писались эти строки, веку космоса еще не минуло и семи лет. Однако за ракетами, которые положили ему начало, стоит гораздо более длительная история. Принято думать, что ракеты появились в Китае, возможно, в XI в., хотя эту точку зрения никоим образом нельзя считать достоверно доказанной. По-видимому, ракеты использовались как боевое оружие в Китае, а также в странах Ислама и Европы еще в XIII в. С тех пор их совершенствовали главным образом для фейерверков и иногда для военных целей, пока в 1760 г. одно неожиданное событие не обратило на них внимание. В том году индийский принц Хайдар Али вооружил специальный отряд численностью 1200 человек ракетами (с дальностью действия около 1,6 километра), который наголову разгромил англий-скую колониальную армию в битве под Ган-туром. Его сын увеличил численность ракетного корпуса и несколько раз наносил поражения английским войскам. Интерес к ракетам как к оружию возрос. В 1805 г. сэр Уильям Конгрев создал гораздо более усовершенствованную боевую ракету с дальностью действия до 2,75 километра. Эта ракета внесла свой вклад в разгром Наполеона Однако интерес к ракетам постепенно угасал. Они не выдержали конкуренции с новой нарезной артиллерией, так что на протяжении XIX в. больших

достижений в области ракет не было.
Еще со времен Древней Греции и особенно после зарождения современной науки в XVII в. люди мечтали о путешествии на Луну и планеты. Однако первым, кто подвел под межпланетные путешествия научную основу, был Константин Эдуардович Циолковский, бедный школьный учитель из России. После многих лет работы он опубликовал в 1903 г. статью, в которой весьма обстоятельно проанализировал проблему. Помимо всего прочего, он доказал преимущества жидкого топлива перед твердым и дал теоретический анализ уравнения движения ракеты, выявив зависимость скорости ракеты от относительной скорости выбрасываемых из нее газов, ее веса и веса топлива. Однако его работа не приносила никаких плодов целых 20 лет.
В1919 г. американец Р. Годдард опубликовал результаты своего изучения возможностей ракет как средства подъема на большие высоты в исследовательских целях. Он высказал попутно ряд замечаний и об исследовании космоса. Свои опыты он начал с пороховых ракет, но, ознакомившись со статьей К.Э. Циолковского, перешел на использование жидкого топлива. Его первая ракета на таком топливе была запущена 16 марта 1926 г. и пролетела около 60 метров. Годдард продолжал свои исследования, а дальнейшими экспериментами занялось Американское межпланетное общество. Однако эта работа не пользовалась большой поддержкой и фактически не получила официального признания, так что к исследованиям ракет в Соединенных Штатах приступили только с окончанием Второй мировой войны.
734
Новое Советское государство проявило большой интерес к идеям К.Э. Циолковского, свидетельством чему служит запуск в 1933 г. первой советской жидкостной ракеты с тягой 20 килограммов. Эта ракета поднялась на высоту около 10 километров. В своей книге, изданной в 1929 г., К.Э. Циолковский раскрыл важную роль многоступенчатых ракет в достижении высоких скоростей, необходимых для космического полета. В итоге через десятилетие советские рабочие первыми построили двухступенчатую ракету. Неослабный интерес в Советском Союзе к ракетам увенчался созданием тактического ракетного оружия «Катюша», которое сыграло важную роль при обороне Сталинграда и Харькова и которое в корне отличалось от немецкого «оружия запугивания» — ракеты «Фау-2»...
4 октября 1957 г. весь мир был изумлен, узнав о запуске «Спутника- 1» весом 84 килограмма. Это сообщение не должно было быть неожиданностью, так как о своих планах запуска искусственного спутника Земли Советский Союз заявил за несколько месяцев до этого события. Однако заблуждения относительно «технической отсталости русских» помешали Западу серьезно отнестись к советскому заявлению. Запуск 3 ноября «Спутника-2» весом 907 килограммов с полезным грузом в полтонны изумил мир еще больше. Ведь тогда в США думали о запуске искусственных спутников весом всего в несколько фунтов и не на столь далекие орбиты. В стремлении не быть побитыми Соединенным Штатам удалось (после нескольких неудач) вывести на орбиту искусственные спутники Земли «Эксшюрер-1» (весом 14 кг) 31 января 1958 г., «Авангард-1» (весом 1,5 кг) 17 марта того же года и «Эксшюрер-111» (весом 14 кг) девятью днями позднее. Затем 15 мая был запущен «Спутник-3» весом 1320,3 килограмма с приборным оснащением общим весом 966 килограммов.
(Лилли С. Люди, машины, история. С. 348—351)
Первый полет в космос человека — Ю. Гагарина (СССР) — состоялся 12 апреля 1961 г.
Первая высадка человека на Луну — Н. Армстронга и Э. Олдрина (США) — произошла 21 июля 1969 г.
К настоящему времени автоматические космические корабли уже проследовали к Марсу, Венере, Меркурию, Сатурну и другим планетам Солнечной системы.
В 1970—1980-е гг. начались разработка и Осуществление программ по поиску сигналов внеземных цивилизаций (пока безуспешные).
После крушения СССР развитие космических исследований затормозилось. У России нет на это средств, а США не торопятся вкладывать деньги в эту отрасль, не обещающую пока особой выгоды.
735
Компьютеры Электронные вычислительные машины окажут на будущее человека, вероятно, такое же глубокое воздействие, как и ядерная энергия. Они вышли на сцену почти одновременно. Но если для того, чтобы сделать ядерную энергию действительно полезным слугой человека, требуются годы утомительного и тяжелого труда, то создание электронных вычислительных машин шло очень быстро, и они уже проникли почти во все отрасли жизни. И этому не стоит удивляться. Достаточно вспомнить, что ядерная энергия отражает овладение первой принципиально новой силой природы, которую человек покоряет с того времени, как он научился добывать огонь, тогда как электроника представляет собой лишь самый

последний этап в использовании человеком тех сил, которые огонь предоставил в наше распоряжение.

Вычислительные машины в их доэлектронном виде имеют замечательно длительную историю. Всякий, кому доводится производить утомительные и сложные вычисления, убеждается в том, что такие вычисления должны производиться в определенном порядке, который можно выразить последовательностью точных команд, подлежащих механическому исполнению, чтобы отыскать необходимый результат...

Вычислительные машины, способные механически производить действия сложения, вычитания, умножения и деления, существуют с XVII в. Когда на такой машине производят длительные вычисления, сам оператор ничего не вычисляет, а просто организует вычисления, действуя согласно заранее составленной инструкции, какие два числа ввести в машину на той или иной операции вычислений, какое арифметическое действие произвести с ними и где записать ответ. Его работа в принципе тоже полностью автоматична.

Первым, кто понял, что весь этот процесс можно сделать сплошь автоматическим, был английский математик Чарльз Бэббидж (это случилось приблизительно в 1833 г.). Для этого необходимо только соединить механизмы, производящие арифметические действия, с другими механизмами, воспроизводящими действия оператора согласно командам, присовокупить к ним «запоминающее устройство», или «память», то есть устройство, регистрирующее полученные при вычислениях числа (подобно тому как оператор записывает их на бумаге) и выдающее их снова, когда они требуются. Принципы действия такой машины были почти полностью разработаны Бэббиджем. Однако при наличии в его распоряжении только таких механизмов, как зубчатые колеса и храповые механизмы, ему так и не удалось сконструировать практически действующую машину... До Второй мировой войны никаких практических шагов по созданию электронной счетной машины не предпринималось...

736

И все же в любое время после 1919 года можно было бы создать практически действующую электронную счетную машину. Ведь ,еще в 1919 году Икклс и Джордан изобрели свой триггер, это ключевое устройство, представляющее собой схему на двух электронных лампах... Подходящее (хотя несколько замедленно действующее) запоминающее устройство уже существовало в виде магнитного записывающего устройства Паульсена. Наконец, в 1937 году Говард Г. Айкен из Гарвардского университета приступил к созданию машины на электромагнитных реле, воплощающей многие мысли Бэббиджа (кроме команды условного перехода). Другие исследователи разрабатывали в 30-е годы теоретические основы действия вычислительных машин. Но как мы уже убеждались на многих других примерах, только нужды войны дали достаточный толчок и средства, необходимые для полной разработки таких машин. Машина Айкена — автоматическая вычислительная машина с программным управлением - была пущена в апреле 1944 года (на ней производились вычисления для военно-морского флота США). По современным стандартам это была медленно действующая машина, требовавшая одну треть секунды на операцию сложения и шесть секунд на операцию умножения.

Тем временем Артиллерийское управление армии США субсидировало работу по созданию электронной вычислительной машины ENIAC. Она была построена в 1946 году и предназначалась главным образом для управления артиллерийским зенитным огнем. Однако скоро выяснилось, что ее можно использовать (с некоторыми ограничениями) для всяких вычислений. Она осуществляла 5000 операций сложения в секунду и рассчитывала за 30 секунд баллистическую таблицу ведения огня, для чего ранее требовалось до 20 часов. Фактически это была первая электронная вычислительная машина. Однако она была очень сложна по своему устройству, обладала слишком малой емкостью запоминающего устройства («памятью») и во многих отношениях сильно отличалась по принципу и способу действия от электронных вычислительных машин сегодняшнего дня.

Основные идеи и принципы построения последних были сформулированы в теоретических работах Джона фон Неймана, которые он начал в 1945 году...

С этого времени наступила пора весьма быстрого прогресса благодаря применению более совершенной техники: транзисторы заменяли электронные лампы, внедрялась микроминиатюризация, разрабатывались более совершенные запоминающие устройства и т.д.

(Лилли С. Люди, машины, история. С. 289-293)

737

Хронология развития компьютеров (1950—1984)

1950-1951гг.	Фирма J. Lyons and Co. выпускает первый компьютер LEO для обработки коммерческих данных. Основан на разработанном в Кембриджском университете (Великобритания) компьютере EDSAC. В США продается UNIVAC 1 — первый компьютер с программами, хранящимися в памяти
1954 г.	Фирма IBM начала массовое производство своего первого коммерческого компьютера 701.
1956г.	Разработан первый компилятор для языка Fortran 1
1959 г.	Американская фирма «Тексас Инстраментс» создала первую монолитную интегральную схему.
1963 г.	Серийный выпуск Атласа — первой Современной большой ЭВМ
1971 г.	Первый коммерческий микропроцессор Intel 4004 американской фирмы Intel. Фирма Bell представляет UNIX — первую широко распространенную операционную систему
1975г.	Первый коммерческий персональный компьютер Altair американской фирмы MITS
1976г.	Первый суперкомпьютер Cray-1
1977г.	Из Швеции, Италии и Канады поступает информация об усталости глаз и других проблемах со здоровьем, возникающих при работе с компьютерными мониторами
1978г.	Разработка английской фирмой INMOS транспьютера (высокопроизводительного компьютера), в котором на одной микросхеме располагаются процессор и память
Начало 1980-х гг.	Созданы микросхемы RISC (Reduced Instruction Set, с сокращенным набором команд), на основе которых построены компьютеры работающие в десятки раз быстрее, чем все предыдущие модели
1981 г.	Первый персональный компьютер (ПК) фирмы IBM — широкомасштабное применение ПК в бизнесе
1984 г.	Создан компьтер Аппл Макинтош: для стандартных операций вместо клавиатуры используются мышь и экранные меню
1988 г.	В США принят законопроект, в котором предусмотрены регулярные перерывы на отдых для операторов компьютерных систем

(Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. С. 145)

Появление персональных компьютеров произвело революцию в современной жизни. Если вся техника, ранее созданная человечеством, освобождала

человека от части физического труда, то компьютер в значительной степени облегчил умственный труд (хотя бы черновую работу). Одной из фундаментальных проблем современной кибернетики является создание «думающих машин», или «искусственного интеллекта».

Важнейшим шагом в компьютеризации мира стало создание глобальных компьютерных сетей (Интернет). Она дает возможность любому пользователю подключаться к крупнейшим мировым хранилищам информации (библиотекам), в «реальном времени» общаться с людьми, находящимися в любой точке планеты, передавать и получать информацию в визуальной и акустической форме и т.д.

Создание компьютеров породило и особые «компьютерные преступления»: мошеннические действия с информацией внутри компьютерной системы; чаще всего целью при этом являются электронные банковские счета. Особую угрозу порождает промышленный шпионаж с применением компьютерных технологий.

Одним из «знаков времени» стало создание вирусов — особых программ, способных размножаться и портить действующие в компьютерах программы. Такого рода «подарки» обычно рассылают через Интернет, прикрепляя их к рекламе, письмам и т.п.

Интернет Интернет — глобальная компьютерная сеть, охватывающая весь мир. По разным данным доступ в Интернет имеют от 15 до 30 млн людей в более чем 150 странах мира. Ежемесячно размер сети увеличивается на 7—10%. Интернет образует как бы ядро, обеспечивающее связь различных информационных сетей, принадлежащих различным учреждениям во всем мире, одна с другой. Если ранее сеть использовалась исключительно в качестве среды передачи файлов и сообщений

электронной почты, то сегодня решаются более сложные задачи распределения доступа к ресурсам. Интернет, служивший когда-то исключительно исследовательским и учебным группам, чьи интересы простирались вплоть до доступа к суперкомпьютерам, становится все более популярным в деловом мире. Компании соблазняют быстрота, дешевизна, удобство для проведения совместных работ, доступные программы, уникальная база данных сети Интернет. При низкой стоимости услуг пользователи могут получить доступ к коммерческим и некоммерческим информационным службам США, Канады, Австралии и многих европейских стран. В архивах свободного доступа сети Интернет можно найти информацию по любым сферам деятельности человека, начиная с новых научных открытий до прогноза погоды.

История сети Интернет

В 1961 г. Defense Advanced Research Agency (DARPA) по заданию министерства обороны США приступило к осуществлению проекта по созданию экспериментальной сети передачи пакетов. Эта сеть, названная ARPANET, первоначально предназначалась для изучения методов обеспечения надежной связи между компьютерами различных типов. Многие методы передачи данных через модемы были разработаны в ARPANET. Тогда же были разработаны и протоколы передачи данных

739

в сети -TCP/IP. TCP/IP — это множество коммутационных протоколов, которые определяют, как компьютеры различных типов могут общаться между собой.

Эксперимент с ARPANET был настолько успешен, что многие организации захотели войти в нее с целью использования для ежедневной передачи данных. И в 1975 г. ARPANET превратилось из экспериментальной в рабочую сеть. Ответственность за администрирование сети взяло на себя Defense Communication Agency (DCA), в настоящее время называемое Defense Information Systems Agency (DISA). Но развитие ARPANET на этом не закончилось, протоколы TCP/IP продолжали развиваться и совершенствоваться.

В 1983 г. вышел первый стандарт для протоколов TCP/IP, вошедший в Military Standards (MIL STD), т.е. в военные стандарты, и все, кто работал в сети, обязаны были перейти к этим новым протоколам. Для облегчения этого перехода DARPA обратилась с предложением к руководителям фирмы Berkley Software Design — внедрить протоколы TCP/ IP в Berkley (BSD) UNIX. С этого и начался союз TCP/IP и UNIX.

Спустя некоторое время TCP/IP был адаптирован в обычный, т.е. в общедоступный стандарт, и термин Интернет вошел во всеобщее употребление. В 1983 г. из ARPANET выделилась MILNET, которая стала относиться к Defense Data Network (DDN) министерства обороны США. Термин Интернет стал использоваться для обозначения единой сети: MILNET плюс ARPANET. И хотя в 1991 г. ARPANET прекратила свое существование, сеть Интернет существует, ее размеры намного превышают первоначальные, так как она объединила множество сетей во всем мире.

(www.referat.su)

Мультимедиа

Термин «мультимедиа» восходит к латинским словам multum (много) и media, medium (средоточие, средство, способ), дословнб «мультимедиа» означает «многие среды»! В большинство современных языков этот термин вошел с английского, где возник в результате соединения «multy», «multiple» (множественный, складной, состоящий из многих частей) и «media» (среда, средство) — «multymedia». Поэтому иногда его произносят как фонетическую кальку английского слова — «малтимедиа».

Идеологи постиндустриального общества в своих социально-философских построениях, отмечая специфику информационного общества, именуют его обществом «третьей волны». Если первая волна определяется доминированием технологий агрикультуры, вторая — индустриальными технологиями, то третья — технологиями электронной культуры.

740

Характерным признаком третьей волны является культ знания, отождествление уровня культуры с количеством и качеством информации, системой ценностей, доступных человеку для ее практического применения. С этой точки зрения прогресс культуры совпадает с накоплением информации, ее созданием, освоением и распространением.

Смена медиатехнологий означает смену парадигмы, что влечет за собой смену технологий культурной коммуникации. Не являются исключением и мультимедийные технологии. Они формируют особую социокультурную и технологическую возможность для создания сверх-насыщенного информационного поля, которое практически повсеместно окружает современного человека. В эпоху электронных преобразований увеличивается социальная и культурная роль мультимедиа, наступает век «цифрового Ренессанса», в котором люди получают различные типы

культурной информации в качестве нового ресурса активации интересов и уровня компетентности с помощью самых разнообразных средств, в том числе и электронных.
Непременная установка на прогресс и инновацию, заложенная в самой логике развития технологий, позитивно и стимулирующе воздействует на культуру, на всех, кто активно обращается к их услугам. Мультимедиа, совершенствуясь и оттачивая свой язык, начинают обособляться от тех искусств и технологий, которые вызвали их к жизни. Поэтому правы те исследователи, которые полагают, что нашу эпоху будут знать как время, когда человек постигал современные информационно-коммуникативные технологии, влияющие на его восприятие культурных текстов и артефактов. При этом зачастую молодое поколение овладевает новыми технологиями лучше, чем взрослое. Так, 61% детей когда-либо помогали осваивать Сеть взрослым, в том числе своим родителям и учителям. В этом смысле очень точно заключение А. Милле: «Те, кто моложе, быстрей всего приспособятся, недоумевая, почему нам, представителям старшего поколения, так трудно перестроиться. Нам же понадобится и специально готовиться, может быть, проходить в учебном заведении по месту жительства курсы "цифрового языка как второго и иностранного". Если мы все усердно займемся этим вопросом и если повезет, то мы можем стать последним поколением, которое на цифровом языке говорит с акцентом».
Как любое прогрессивное явление, мультимедиа несет с собой наряду с огромными завоеваниями и негативные моменты. Так, при его несомненных преимуществах как средства обучения (возможность сочетания логического и образного способов освоения информации; активизация образовательного процесса за счет усиления наглядности и т.п.) нельзя не отметить такие факты, появляющиеся в результате триумфального вхождения Сети в реальную практику образования, как: мозаичность культуры, пришедшей на смену просветительской моде-

ли культуры; эклектичность сферы знаний в противовес системному мировоззрению; ориентация на репродуцирование вместо творчества. К недостаткам «виртуальной культуры», задающим новые проблемы, относят также и: 1) труднодоступность нахождения определенной информации, 2) неточность ряда материалов, 3) обилие рекламы, приводящей к «информационному шуму», и др....
Благодаря одновременному воздействию на потребителя графической, аудиальной (звуковой) и визуальной информации, мультимедийные средства обладают большим эмоциональным зарядом и активно включаются как в индустрию развлечений, так и в практику информационных учреждений и в домашний досуг. Отдельным направлением развития мультимедийных средств является их использование в так называемых «бизнес-приложениях» — программах для специалистов различного профиля...
Мультимедийные ресурсы отличаются от «немультимедийных» прежде всего тем, что:
1) данные (информация) хранятся и обрабатываются в цифровой форме с применением компьютера;
2) они могут содержать различные виды информации (не только текстовую, но и звуковую, графическую, анимационную, видео и т.д.);
3) их существенной особенностью является интерактивность — активное взаимодействие ресурса, программы, услуги и человека, их взаимовлияние. Пользователь может взять тот или иной Интернет-продукт, например, и тут же добавить в него свои материалы, тем самым выступая его соавтором, сотворцом;
4) наличием гипертекста.
Однако чисто компьютерная, «техническая» составляющая мультимедиа не является ее единственным признаком...
Американские исследовательницы Л. Дж. Скибб, Сюзэн Хэйфмей-стер, Анжела М. Чеснат... трактуют мультимедиа как «комбинацию платформ, инструментов коммуникации, людей и влияния на культуру». При этом характер этих влияний может быть различным. Мультимедиа может улучшить способ работы (повысить эффективность и производительность), а может изменить используемые методы коммуникации, что, безусловно, не может не влиять и на самого человека. В этом смысле прав Ж. Бодрийяр: *«Человеческое,* слишком человеческое, и *функциональное,* слишком функциональное, действуют в тесном сообщничестве: когда мир людей оказывается проникнут технической целесообразностью, то при этом и сама техника обязательно оказывается проникнута целесообразностью человеческой — на благо и во зло».
Будучи информационно-коммуникационной технологией, мультимедиа позволяет преодолевать физическое пространство и через интенсификацию обмена информацией способствует

постепенному ни-
742
велированию разрыва между центром и периферией по концентрации культурной жизни исключительно в мегаполисах. В результате мультимедийные и, в частности, Интернет-технологии (которые по сути своей мультимедийны) позволяют российскому, и не только российскому, сообществу все более свободно интегрироваться в мировые культурные процессы. Мультимедийные средства обладают большим постоянно развивающимся креативным потенциалом, позволяющим находить самые разнообразные и действенные формы и методы самореализации.

Тотальная технологизация охватила все сферы жизнедеятельности современного общества. Непременная установка на прогресс и инновацию, заложенные в самой логике развития технологий, должны позитивно и стимулирующе воздействовать на культуру и искусство, все активней обращающихся к их услугам...

В настоящий момент современные информационно-коммуникационные технологии, в особенности интенсивно развивающийся Интернет, становятся все более эффективным средством как реализации индивидуального творческого потенциала, так и продуктивного коллективного сотрудничества для решения общих проблем. Образование на основе совместных интересов локальных и интернациональных сообществ благодаря легкодоступной и непосредственной коммуникации, а также свободе доступа к информации (культурные и арт-серверы, листы-рассылки, видеоконференции и т.д.) в целом ускоряет развитие культуры и общественных связей, делает их динамичными.

Отличительной чертой современных информационных, прежде всего мультимедийных, технологий является их способность не только производить некий предназначенный для употребления продукт, но и, что гораздо важнее, оказывать косвенное влияние на пользующегося ими человека, меняя его представления о самом себе. Эту антрополог гическую функцию информационные технологии способны выполнять потому, что в производимом ими цифровом продукте человек, как в зеркале, распознает элементы своей собственной интеллектуальной деятельности. Подобное овеществление событий и явлений «внутреннего мира» заставляет по-новому взглянуть на то, что казалось уже хорошо известным, наметить иные аспекты его осмысления.

Рассмотренная ситуация — результат таких достижений технологий информационного общества, как изобретение аппаратуры «виртуальной реальности» и превращение Интернета в глобальную компьютерную сеть. И в том и в другом случае речь идет не столько об особенностях той аудиовизуально-тактильной среды, в которую погружает пользователя аппаратура виртуальной реальности, или о конкретных возможностях общения, получения информации, трансакций и т.д., которые предоставляет сегодня Интернет потребителю, сколько о том необычном ра-
743
курсе рассмотрения, казалось бы, достаточно удаленных от сферы информационных технологий проблем, само возникновение которого было спровоцировано именно этими технологическими новшествами...

Принципиальным отличием информационального общества от индустриального является то, что в нем главное — не попытка насытиться производством товарной массы из всех доступных сырьевых источников, а богатство знаний, черпаемых из информационных ресурсов в целях максимального использования высокоразвитой техники для удовлетворения материальных и духовных потребностей общества...

Совершенно очевидно, что в информационный век увеличивается социальная и культурная роль мультимедиа, наступает век цифрового Ренессанса, в котором люди получают знания в качестве нового ресурса. Мультимедиа позволяет говорить о новой трансформации общества.

(Шлыкова О.В. Феномен мультимедиа. С. 3—17)

Философия

Современная западная философия представляет собой множество течений, направлений и школ, различающихся по количеству приверженцев, характеру поставленных задач и способам их решения. Все они тесно связаны с культурой XX в., являясь ее порождениями и в свою очередь влияя на нее. Каждое из них предлагает свое осмысление различных сторон и тенденций развития современной культуры. К числу виднейших направлений принадлежат: позитивизм и постпозитивизм, феноменология, экзистенциализм, герменевтика, психоаналитическая философия (фрейдизм, неофрейдизм и юнгианство), структурализм, постструктурализм и постмодернизм. Характерными чертами современной философии стали эволюционизм, релятивизм и иррационализм.

Эволюционизм. Получившая философское обоснование в XIX в. учениях Фихте, Шеллинга и Гегеля, концепция развития, начиная со второй половины XIX в., обрела твердое обоснование в естествознании: в биологии (эволюционная теория Дарвина), геологии (от концепции формирования различных слоев Земли и до учения о планетарной эволюции Вернадского), астрономии (от концепции «тепловой смерти Вселенной» до теории «Большого взрыва») и т.д. В области социальных наук и философии, в частности, важнейшей новацией стало понятие объективного исторического времени, и социальная реальность стала описываться как историческая.

Релятивизм, или идея относительности всякого человеческого знания, т.е. его неполноты, частичности, фрагментарности на каждом этапе; развития человечества, и, соответственно, недостижимости абсолютной истины как полного набора знания обо всем бытии в целом. Впервые сформулированная в позитивизме О. Конта (1830-е гг.), эта идея затем утверждается практически во всех направлениях и школах современной философии, проявляясь в каждом из них по-своему. При этом в ряде течений акцент был сделан на субъективности истины и на равноценности различных субъективных истин (философия жизни, постструктурализм, постмодернизм и т.д.).

744

Иррационализм. Для многих течений философии XX в. характерна идея о принципиальной непознаваемости бытия и отсюда о необходимости обратиться к единственно доступному для философии миру явлений человеческого сознания (феноменам и ноуменам) и к человеческим переживаниям. Но и они часто объявляются недоступными рациональному познанию и постижимыми только интуитивно.

Развитие иррационализма в философии было связано с целым рядом факторов культуры и науки XX в. Так, хотя в области естественных наук доминировал рационализм, само развитие этих наук в некоторой степени способствовало усилению иррационалистических тенденций в культуре. Например, математизация и дифференциация наук привела к тому, что каждая «узкая» научная дисциплина становилась все более «закрытой» и непонятной для всех, кто не специализируется в данной области (в частности, для философов-гуманитариев), приобретая в их глазах характер чуть ли не «эзотерического» знания. Следствием этого стало, с однрй стороны, принципиальное размежевание методологии естественных и «чисто» гуманитарных наук (впервые теоретически осмысленное в неокантианстве в конце XIX — начале XX в.), а с другой — усиление тенденции иррационализма в философии. Крушение прежней механистической картины мира (ньютоно-картезианской), подрыв сциентистских настроений в западной культуре, а также открытия в области психиатрии способствовали подъему интереса к проблемам бессознательного и иррационального в человеческой психике и к феноменам сознания. Все это нашло отражение в философии жизни (Дильтей, Бергсон, Шпенглер и др.), феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер, Сартр и др.), психоаналитической философии (Фрейд, Юм, Фром и др.), экзистенциализме (Бердяев, Шестов, Яс-перс, Хайдеггер, Сартр, Камю и др.), а в конце XX в. — в постструктурализме и постмодернизме. Кроме того, это способствовало росту интереса к тем течениям восточной (индийской и китайской) философии, в центре которых находятся феномены человеческого сознания (в первую очередь, к буддизму и веданте).

Философия и другие науки

Конкретные открытия в естествознании и ряде гуманитарных наук и основанные на них различные концепции и учения оказали значительное влияние на современную философию: одни подтверждали какие-то философские идеи[1], другие стимулировали возникновение особых школ и направлений в философии или хотя бы особых идей внутри этих школ[2],

[1] Например, эволюционная теория Дарвина, «стрела времени» в термодинамике, концепция «Большого взрыва» и т.д. подтверждали философские представления о развитии мира; выделение структурных уровней организации материи в биологии подтверждали философские идеи структурализма и общей теории систем, и т.д.

[2] Например, открытия в области психиатрии прямо повлияли на становление психоаналитической философии, а открытия в области семиотики (общей теории знаков) и лингвистики оказали значительное влияние на появление и развитие структурализма, герменевтики, неопозитивизма, постпозитивизма и т.д.

745

третьи способствовали становлению общего «духа времени» и современной научной парадигмы и через нее влияли на те или иные философские учения.

Можно проследить ряд интересных соответствий, говорящих об общих тенденциях и параллелях в развитии философии и других наук. Особенно интересным и принципиально важным оказывается то обстоятельство, что и естественные науки, и философия пришли к выводу о важнейшей роли субъекта и человеческого сознания в общей картине мира...

Субъект в современной картине мира. В 1927 г. Нильс Бор для описания объектов микромира, изучаемых в квантовой механике, сформулировал принцип дополнительности. Его предпосылкой стал вывод о невозможности однозначным образом решить проблему природы света. Дело в том, что в некоторых отношениях свет ведет себя как поток частиц (корпускул), а в других — как волна. Данный принцип постулирует корпускулярно-волновой дуализм света и требует его «дополнительного» описания через взаимоисключающие понятия (и как потока частиц, и как волны). Сам Бор считал, что появление этого принципа связано с попытками объяснить явления микромира, находясь при этом в макромире, а именно:

во-первых, с попытками объяснить явления микромира посредством понятий, возникших при изучении макромира (т.е. в каком-то смысле как продолжение ньютоновской традиции недифференцированного отношения к миру, отказу от выделения принципиально различных структурных уровней бытия);
во-вторых, с общими сложностями образования понятий в сознании человека, связанных с разделением бытия на субъект и объект (здесь интересно отметить, что об отрицательных последствиях разделения на субъект и объект в европейской философии говорил уже Ницше, и эта идея оказалась подхвачена в феноменологии, экзистенциализме, прагматизме и т.д.);
в-третьих, с тем, что при наблюдении и описании явлений микромира мы не можем абстрагироваться от относящихся к макромиру наблюдателя и средств наблюдения.
Бор полагал, что «принцип дополнительности» является подходящим не только для описания объектов микромира, но и имеет общеметодологическое значение[1], и действительно, в современной науке он получил широкое распространение в самых различных сферах знания. В философии же с ним можно сопоставить в первую очередь концепцию, имевшую место еще в джайнизме и суфизме, о том, что каждое философское учение правильно описывает только отдельную грань бы-

[1] Сам Бор говорил о его применимости в психологии (опираясь при этом на учение Джемса) и биологии.

тия, а к пониманию его в целом можно приблизиться, только принимая все эти учения. В современной западной философии аналог этого принципа можно усмотреть в учениях, признающих существование только субъективной или интерсубъективной истины, а также в общем духе «плюрализма» в XX в., готовности признать возможность сосуществования различных взаимоисключающих учений.
Другая очевидная аналогия состоит в следующем. Неустранимость наблюдателя и средств наблюдения из физической картины мира, так же как сложности образования понятий в сознании наблюдателя, превращают любую картину мира в заведомо субъективную, т.е. картину мира, «увиденную глазами субъекта». Любая попытка приблизиться к объективной картине мира, уменьшить налет субъективности требует изучения субъекта и особенностей его сознания. Тем самым в центре внимания оказываются сам субъект, его познавательные способности и структура сознания. Именно это и произошло в современной западной философии. В восточной философии (и особенно индийской) субъект с его сознанием изначально находился в центре рассмотрения, и это также стало одной из причин того, что современная западная философия стала все более пристальное внимание обращать на восточную.
Тезис о неустранимости субъекта из современной картины мира подтверждается еще одним знаменитым принципом, появившимся в 1930-е гг. в современной физике — **«принципом неопределенности»** Пауля Гейзенберга. Согласно этому принципу для любой микрочастицы невозможно одновременно строго определить ее координаты (положение в пространстве) и импульс; то же относится и к другим парам сопряженных величин (энергия и время, момент количества движения и угол).
И, наконец, в 1970-е гг. изучение так называемой «тонкой подстройки» Вселенной, т.е. соотношения между различными физическими константами, привело к формулировке «антропного принципа». Суть проблемы заключается в том, что численные значения физических постоянных, образующих «тонкую подстройку» (таких как безразмерные константы четырех фундаментальных взаимодействий или размерные константы типа гравитационной постоянной, постоянной Планка, заряда электрона, массы электрона и протона, скорости света и т.п.) теоретически не обоснованы, они получены экспериментально и независимо друг от друга, и признание какой-либо конкретной величины физической постоянной происходит в основном на интуитивных началах. Но тогда возникает вопрос: а какой бы была Вселенная, если бы эти величины были бы иными?
Оказалось, что даже при небольшом изменении этих величин (на 10—15%) известная нам Вселенная вообще не возникла бы. Иначе говоря, в этом случае не образовалась бы Вселенная, в которой существует человек — наблюдатель мира. В таком случае получается, что появле-

ние человека неразрывно связано с фундаментальными законами Вселенной. Отсюда и следует «антропный принцип». В настоящее время существуют две его формулировки.
Слабый антропный принцип: то, что мы предполагаем наблюдать, должно удовлетворять условиям, необходимым для присутствия человека в качестве наблюдателя.
Сильный антропный принцип: Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некоторой стадии

эволюции мог существовать наблюда-
тель.
Таким образом, развитие современного естествознания и физики в частности, шло в определенном смысле параллельно философии: ставя познающего субъекта в фокус внимания.
(Гриненко Г.В. История философии. С. 434—437)

Из работы «Буду- *Зигмунд Фрейд* (1856-1939 гг.) - австрийский врач-пси-**щее одной иллю-** хиатр и психолог, а также философ. Исследования Фрей-**зии» Фрейда** дом проблем подсознания (бессознательного), а также
сексуальности и созданный им метод психоанализа оказали большое влияние на всю культуру XX в.
В структуре человеческой психики Фрейд выделял три основные составляющие:
«Оно» (Ид) — сфера бессознательного, наполненная различными вытесненными из области сознательного («Я») желаниями и влечениями, главное место среди которых занимают сексуальные. Это аморальное и эгоистическое начало в человеке. Господствует в нем «принцип удовольствия».
«Сверх-Я» (Супер-Эго) — сфера моральных и поведенческих установок и запретов, налагаемых обществом на своих членов, это сфера долга и совести, внутренний цензор, который формируется за счет переноса «внутрь» различных внешних авторитетов (например, авторитета отца). «Сверх-Я» «перехватывает» агрессивные и сексуальные импульсы, идущие из «Оно», трансформируя их в угрызения совести из-за несоответствия этих стремлений требованиям авторитетов. Формируется к пяти годам, когда у ребенка появляется чувство вины и стыда.
«Я» (Эго) — сфера сознательного, находящаяся «между двух огней»: с одной стороны, на нее давит «Оно», а с другой — «Сверх-Я». Именно «Я» направляет импульсы, идущие из «Оно» в приемлемые для общества рамки, позволяет их реализовывать цивилизованным путем. Когда это не удается, тогда возникают различные неврозы. Если в «Оно» господствовал «принцип удовольствия», то в «Я» имеет место «принцип реальности».
Свой метод анализа человеческой личности, созданный на основе изучения различного рода неврозов и психопатологии, Фрейд применял и для понимания культуры в целом. Для фрейдизма характерна трактовка социальных катаклизмов (войн, революций и т.п.) как проявлений общественных неврозов. Постижение с помощью психоанализа тайн «Оно» позволяет «Я» взять над ним вверх, усмирить его. Отсюда лозунг Фрейда: «Там, где было «Оно», должно стать «Я»!».
748
Неверно, что человеческая психика с древнейших времен не развивалась и, в отличие от прогресса науки и техники, сегодня все еще такая же, как в начале истории. Мы можем здесь привести один пример этого психического прогресса. Наше развитие идет в том направлении, что внешнее принуждение постепенно уходит внутрь, и особая психическая инстанция, человеческое Сверх-Я, включает его в число своих заповедей. Каждый ребенок демонстрирует нам процесс подобного превращения, благодаря ему приобщаясь к нравственности и социальности. Это усиление Сверх-Я есть в высшей степени ценное психологическое приобретение культуры. Личности, в которых оно произошло, делаются из противников культуры ее носителями. Чем больше их число в том или ином культурном регионе, тем обеспеченнее данная культура, тем скорее она сможет обойтись без средств внешнего принуждения. Мера интериоризации, однако, очень различна для отдельных запретов. В отношении вышеупомянутых древнейших требований культуры интериоризация, если оставить в стороне досадные случаи неврозов, похоже, в значительной мере достигнута. Ситуация меняется, когда мы обращаемся к другим импульсивным желаниям. С изумлением и тревогой мы обнаруживаем тут, что громадное число людей повинуется соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, то есть только там, где нарушение запрета грозит наказанием, и только до тех пор, пока угроза реальна. Это касается и тех так называемых требований культуры, которые в равной мере обращены ко всем. В основном с фактами нравственной ненадежности людей мы сталкиваемся в этой сфере. Бесконечно многие культурные люди, которые отшатнулись бы в ужасе от убийства или инцеста, не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох.
(Фрейд 3. Будущее одной иллюзии. С. 100—101)

Из статьи Сартра *Жан Поль Сартр* (1905—1980 гг.) — один из видней-•«**Экзистенциализм** — ших представителей философии французского экзи-**ЭТО гуманизм»** стенциализма. В центре внимания экзистенциализ-
ма стоит человек, проблема его существования. Каждый человек в своей жизни делает выбор: стать ли ему личностью или быть «человеком толпы», «массовым человеком». Акцент на трагичности существования («заброшенности человека в мир», неизбежности смерти как конца существования) делает экзистенциализм «философией отчаянья», а понимание творчества как «способа прорыва» из этого мира позволяет называть

его «философией творчества». Экзистенциализм оказал большое влияние на художественную культуру 1950—1970-х гг., идеи экзистенциализма разделяли Хэ-мингуэй, Сент-Экзюпери, Пикассо и многие др.

749

Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Ибо мы хотим сказать, что человек прежде всего существует, что человек — существо, которое устремлено к будущему и сознает, что оно проецирует себя в будущее. Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того; как они из себя что-то сделали. Я могу иметь желание вступить в партию, написать книгу, жениться, однако все это лишь проявление более первоначального, более спонтанного выбора, чем тот, который обычно называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование. Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей. Слово «субъективизм» имеет два[1] смысла, и наши оппоненты пользуются этой двусмысленностью. Субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой стороны — что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Именно второй смысл и есть глубокий смысл экзистенциализма. Когда мы говорим, что человек сам себя выбирает, мы имеем в виду, что каждый из нас выбирает себя, но тем самым мы также хотим сказать, что, выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, — всегда благо. Но ничто не может быть бла-

750

гом для нас, не являясь благом для всех. Если, с другой стороны, существование предшествует сущности и если мы хотим существовать, творя одновременно наш образ, то этот образ значим для всей нашей эпохи в целом. Таким образом, наша ответственность гораздо больше, чем мы могли бы предполагать, так как распространяется на все человечество.

(Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм. С. 323—324)

Из работы Камю **«Абсурдное рассуждение»**

Альбер Камю (1913—1960 гг.) — писатель и философ, один из виднейших представителей французского экзистенциализма. Камю часто называли «певцом абсурда», ибо в центре его внимания находится проблема абсурдности человеческого существования.

Чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо в своей скорбной наготе, в тусклом свете своей атмосферы. Заслуживает внимания сама эта неуловимость. Судя по всему, другой человек всегда остается для нас непознанным, в нем всегда есть нечто не сводимое к нашему познанию, ускользающее от него...

Начало всех великих действий и мыслей ничтожно. Великие деяния часто рождаются на уличном перекрестке или у входа в ресторан. Так и с абсурдом. Родословная абсурдного мира восходит к нищенскому рождению. Ответ «ни о чем» на вопрос, о чем мы думаем, в некоторых ситуациях есть притворство. Это хорошо знакомо влюбленным. Но если ответ искренен, если он передает то состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий и сердце впустую ищет утерянное звено, то здесь как будто проступает первый знак абсурдности...

О смерти все уже сказано, и приличия требуют сохранять здесь патетический тон. Но что удивительно: все живут так, словно «ничего не знают». Дело в том, что у нас нет опыта смерти,

испытанным, в полном смысле слова, является лишь то, что пережито, осознано. У нас есть опыт смерти других, но это всего лишь суррогат, он поверхностен и не слишком нас убеждает. Меланхолические условности неубедительны. Ужасает математика происходящего. Время страшит нас своей доказательностью, неумолимостью своих расчетов. На все прекрасные рассуждения о душе мы получали от него убедительные доказательства противоположного. В неподвижном теле, которое не отзывается даже на пощечину, души нет. Элементарность и определенность происходящего составляют содержание абсурдного чувства.
(Камю А. Абсурдное рассуждение. С. 28—31)

Постмодернизм Как особое направление в европейской и североамериканской философии постмодернизм сформировался в конце XX в. Впервые этот термин в области философии применил Жан Фран-
751
суа\Лиотар (род. в 1924 г.) в работе «Состояние постмодерна» (1979), в которой он предложил говорить о «постмодернистском состоянии» современного общества. У истоков постмодернизма стоят французы Р. Барт, М. Фуко, Ж. Ла-кан, Ж. Делез и др. В 1980—1990-е гг. в духе постмодернизма начинает действовать уже гораздо более широкий круг исследователей: французы Ж. Дер-рида (считающийся основоположником «философии деконструкции») и Ж. Бодрийяр, американец Р. Рорти, ранее действовавший в рамках аналитической философии, и т.д.

В настоящее время постмодернизм представляет собой крайне разнородное течение, так и не получившее организационного оформления. Зародившись в рамках философии, оно стало междисциплинарным и международным культурным явлением. Особое распространение постмодернизм получил во Франции и США.

Постмодернизм можно рассматривать и как попытку философского осмысления человеческой культуры конца II тысячелетия (эпохи постмодерна) и одновременно как выражение самоощущения человека этой эпохи.

В основе идеологии постмодернизма лежит сознательный отказ от фундаментальных идей и идеалов культуры Нового времени («эпохи модерна»). Своей главной целью постмодернисты провозгласили свободу, причем свободу от чего бы то ни было, и в первую очередь от любого давления, ответственности, диктата. Поэтому в постмодернизме имеет место отрицание любых норм и традиций (религиозных, политических, этических, эстетических, методологических и т.д.), провозглашен отказ от любых авторитетов (начиная с государственной власти и кончая правилами поведения людей в обществе). Особое место в постмодернизме заняла борьба с «диктатом» разума, традицией рациональности, утвердившейся в эпоху Нового времени. Лозунг об абсолютной свободе, нежелание подчиняться каким-либо правилам, привел постмодернистов к провозглашению своим идеалом спонтанной человеческой деятельности, в том числе сознания. Эта деятельность стала рассматриваться не как «работа» (по постижению и преобразованию мира, людей, общества), а как «игра», и в частности, деятельность сознания как «языковая игра». Идея «игры» как собственно человеческой деятельности получила различное выражение у разных авторов и в различных сферах применения.

Постмодернизм отрицает и естественно-научную картину мира, построенную на выявление причинно-следственных связей; она объявляется догмой, вымыслом, служащим орудием власти. Постмодернисты считают, что возможно построение бесконечного количества таких картин, причем ни одна из них не может быть истинной, так как всегда зависит от человеческих желаний, потребностей, используемого языка и т.п. Сам процесс построения картины мира, так же как и любая другая интеллектуальная деятельность, объявляется игрой.

Один из интереснейших аспектов постмодернизма — это «бунт» против власти языка и дискурса. Как отмечал Барт, язык предлагает собственную классификацию мира, задает границы того, что может и не может быть сказано, а для того, что может быть сказано, язык детерминирует то, как это может быть сказано (например, благодаря грамматическим и стилистическим нормам). В качестве способа спасения от диктатуры языка Барт предлагал ввести «языковую анархию», т.е. использовать для общения сразу множество различных национальных языков, отказаться от твердых значений слов и широко использовать многоименность вещей (т.е. называть одну и ту же вещь различ-
752
ными именами) и т.д. Наука о знаках, по мнению Барта, должна стать наукой об игре со знаками.
/

Подхватив идею «игры со знаками», в постмодернистских произведениях искусства заведомо смешиваются стили и жанры, намеренно забываются имена и даты, в литературных произведениях отсутствуют герои, последовательность изложения постоянно нарушается за счет бесконечных отступлений и т.д: Целью становится л^изнь при забвении традиций, жизнь не по правилам, ироническое отношение ко всему, ранее созданному, и пародирование его. Высшей ценностью объявляется новизна как то, что способно принести наслаждение. Постмодернизм становится апологией случайного, а философия, утратив всякую глубину, превращается в литературу, причем литературу для развлечения.

В настоящее время интерес к постмодернизму, громадный в 1980—1990-е гг., значительно снизился. Многие авторы утверждают, чтотс началу XXI в. постмодернизм в основном себя исчерпал.

Из книги Делёза «Различие и повторение»

Жиль Делёз (1926—1995 гг.) — известный французский философ. В своих работах он провозгласил, что философия больше не должна докапываться до сути бытия, а • всего лишь ползать «по поверхности» как клещ или блоха. Тем самым философия утрачивает всякое серьезное значение и превращается в игру. Его книга «Различие и повторение» (1969) — одна из первых работ складывающего постмодернизма. Приводимый ниже отрывок из нее хорошо иллюстрирует его способ философствования. Однако данный текст весьма сложен для понимания, поэтому читатель может его пропустить.

Слабости книги часто бывают проявлениями бессодержательности неосуществленных намерений. Заявление о намерениях в этом смысле свидетельствует о подлинной скромности по отношению к идеальной книге. Нередко говорят, что предисловие следует читать лишь в конце. Заключение же, напротив, — вначале; это верно для нашей книги, в которой заключение могло бы сделать ненужным чтение всего остального.

Обсуждаемый здесь сюжет явно присутствует в воздухе нашего времени. Можно выделить знаки этого явления: все более и более подчеркнутая ориентация Хайдеггера на философию онтологического Различия; применение структурализма, основанное на распределении различительных признаков в пространстве сосуществования; искусство современного романа, вращающееся вокруг различия и повторения не только в наиболее отвлеченных размышлениях, но и в результативных техниках; открытия в разнообразных областях присущей повторению силы, свойственной также бессознательному, языку, искусству. Все эти признаки могут быть отнесены на счет обобщенного антигегельянства: различие и повторение заняли место тождественного и отрицательного, тождества и противоречия. Происходит это потому, что различие не включает отрицание, позволяя довести себя до противоречия лишь

753

в той мере, в которой его продолжают подчинять тождественному. Главенство тождества, как бы оно ни понималось, предопределяет собой мир представления. Однако современная мысль порождается крушением представления, как и утратой тождеств, открытием всех тех сил, которые действуют под воспроизведением тождественного. Современный мир — это мир симулякров. Человек в нем не переживает Бога, тождество субъекта не переживает тождества субстанции..Все тождества только симулированы, возникая как оптический «эффект» более глубокой игры — игры различия и повторения. Мы хотим осмыслить различие само по себе и отношения различного с различным независимо от форм представления, сводящих их к одинаковому, пропускающих через отрицание. Современная жизнь такова, что, оказавшись перед лицом наиболее механических, стереотипных повторений вне нас и в нас самих, мы не перестаем извлекать из них небольшие различия, варианты и модификации. И наоборот — тайные, замаскированные, скрытые повторения восстанавливают в нас и вне нас голые, механические, стереотипные повторения. В симулякре повторение уже нацелено на повторения, различие — на различия. Именно повторения повторяются, различающее различается. Цель жизни — добиться сосуществования всех повторений в пространстве распределения различия; у истоков этой книги — два направления исследований: первое относится к понятию различия без отрицания, потому что именно различие, не подчиненное тождественному, не дойдет, «не должно бы дойти» до оппозиции и противоречия; второе направление исследования касается понятия повторения, когда физические, механические или голые повторения (повторение Одинакового) обнаруживают свою причину в более глубоких структурах скрытого повторения, где маскируется и смещается «дифференциальное» (differentiel). Оба эти направления исследования спонтанно соединились, потому что понятия чистого различия и сложного повторения во всех случаях, казалось, совпадают и смешиваются. Постоянному расхождению и смещению различия непосредственно соответствуют смещение и маскировка в повторении.

Есть немало опасностей в обращении к чистым различиям, свободным от тождественного, ставшим независимыми от отрицания. Самая же большая опасность — впасть в прекраснодушные представления: имеются, мол, только различия, примиримые и соединимые, далекие от кровопролитной борьбы. Прекраснодушие говорит: мы разные, но не противостоящие... Понятие проблемы, связанное, как мы увидим, с понятием различия, также как бы питает состояние прекраснодушия: только задачи и вопросы имеют значение... Однако мы счирем, что как только проблемы достигают степени свойственной им положительности, как только различия становятся предметом соответствующего утверждения, они высвобождают силы агрессии и отбора, которые раз-

754

рушают прекраснодушие, лишают его самотождественности, разбивая его благие намерения. Битвы и разрушения, вызываемые отрицательным, — лишь видимости по сравнению с теми, которые определяются проблематичным и различающим, а прекраснодушные — только видимые мистификации. Симулякру свойственно не быть копией, а опрокидывать все копии, опрокидывая

также и образцы: всякая мысль становится агрессией.
Философская книга должна быть, с одной стороны, особым видом детективного романа, а с другой — родом научной фантастики. Говоря о детективном романе, мы имеем в виду, что понятия в некой зоне присутствия должны вмешиваться в разрешение локальной ситуации. Они сами меняются вместе с задачами. У них есть сферы влияния, где, как мы увидим, они осуществляются в связи с «драмами» и путем известной «жестокости». У них должно быть соответствие, но оно не должно исходить от них. Соответствие должно прийти извне.
Таков секрет эмпиризма. Эмпиризм ни в коей мере не противодействует понятиям, не взывает просто к пережитому опыту. Напротив, он предпринимает самую безумную из ранее известных попыток создания понятий. Эмпиризм — это мистицизм понятий и их математизм. Но он трактует понятие именно как объект встречи, здесь—сейчас, или, скорее, как Erewhon *(обратное прочтение no where — нигде),* откуда появляются неисчерпаемые «здесь» и «сейчас», всегда новые, иначе распределенные. Только эмпиризм может сказать: понятия есть сами вещи, но вещи в свободном и диком состоянии, по ту сторону «антропологических предикатов». Я составляю, переделываю и разрушаю свои понятия, исходя из подвижного горизонта, из всегда децентрированного центра и всегда смещенной периферии, их повторяющей и дифференсирующей. Современной философии свойственно преодолевать альтернативу временного — вневременного, исторического — вечного, частного — универсального. Вслед за Ницше мы открываем вневременное как более глубокое, чем время и вечность, — философия не есть философия истории или вечности, она вневременна, всегда и только вневременна, то есть «против этого времени, в пользу времени, которое, я надеюсь, придет». Вслед за Сэмю-элом Батлером мы открываем Erewhon как означающее одновременно исходное «нигде» и «здесь—сейчас», смещенное, замаскированное, измененное, постоянно пересоздаваемое. Ни эмпирические частности, ни абстрактное универсальное, а Cogito для распавшегося мыслящего субъекта (moi). Мы верим в мир, в котором индивидуации лишены персонификации, особенности — доиндивидуальны: великолепие «безличного» (on). Вот откуда тот аспект фантастики, который необходимо вытекает из Erewhon. Цель этой книги — выявить приближение к связности, не более присущей нам, людям, чем Богу или миру.
755
В этом смысле это скорее апокалиптическая книга (третье время временного ряда).
Научная фантастика присутствует здесь еще ив другом смысле, выявляющем слабости. Как можно писать иначе, как не о том, чего не знаешь или плохо знаешь? Воображают, что именно об этом и есть что сказать. Берутся писать лишь в той точке знания, его высшей точке, которая разделяет наше знание и наше невежество и переводит одно в другое. Только так и решаются писать. Восполнить незнание значит лишь отложить письмо на завтра или, вернее, сделать его невозможным. Может быть, для письма это более опасная связь, чем та, которую оно будто бы поддерживает со смертью, с молчанием. Итак, о науке, к сожалению, говорилось, мы это чувствуем, явно не научным образом.
Приходит время, когда писать философские книги так, как это делалось издавна, будет невозможно: «О, старый стиль...». Поиск новых средств философского выражения был начат Ницше и должен быть сегодня продолжен в связи с обновлением некоторых других искусств, например, театра и кино. По этому поводу мы уже сейчас можем поднять вопрос о применении истории философии. История философии, как нам представляется, должна играть роль, во многом аналогичную роли коллажа в живописи. История философии является воспроизведением самой философии. Следует, чтобы изложение истории философии действовало как подлинный двойник и включало присущее двойнику максимальное изменение. (Можно представить философски бородатого Гегеля, философски безволосого Маркса на том же основании, что и усатую Джоконду.) В реальной книге надлежит так рассказать о философии прошлого, как будто это книга — воображаемая и мнимая. Известно, что Борхесу великолепно удаются пересказы воображаемых книг. Но он идет еще дальше, рассматривая реальную книгу, например «Дон Кихота», как воображаемую, воспроизведенную воображаемым автором, Пьером Менаром, рассматриваемым в свою очередь в качестве реального. Таким образом, корреляция самого верного и точного повторения — максимум различия (текст Сервантеса и текст Менара словесно идентичны, однако 'второй бесконечно более богат...). Изложения истории философии должны представлять собой некое замедление, застывание и остановку текста: не только текста, с которым они соотносятся, но также текста, в который они включаются. Так что у них двойное существование, в идеальном двойнике — чистое повторение старого и современного текста, одного в другом. Вот почему мы

должны были иногда включать в наш текст исторические заметки ради приближения к этому двойному существованию.
(Делёз Ж. Различие и повторение. С. 9—12)

756

Из книги Бодрий- *Жан Бодрийяр* (род. в 1929 г.) — известный француз-**яра«Система** ский философ, социолог и культуролог, один из видней-**вещей»** ших представителей постмодернизма. В центре его исследований находятся культура повседневной жизни, мир вещей и общества потребления.

На пути к социологии расстановки?

Сегодня жилище ценится не за его удобство и уют, а за его информативность, насыщенность изобретениями, контролируемость, постоянную открытость для сообщений, вносимых вещами; ценность сместилась в сторону синтагматической исчислимости, которая, собственно, и лежит в основе современного «жилищного» дискурса.

Действительно, изменилась вся концепция домашнего убранства. В ней более нет места традиционному вкусу, создававшему красоту через незримое согласие вещей. То был своего рода поэтический дискурс, где фигурировали замкнутые в себе и перекликавшиеся между собой предметы; сегодня предметы уже не перекликаются, а сообщаются между собой; утратив обособленность своего присутствия, они в лучшем случае обладают связностью в рамках целого, в основе которой — их упрощенность как элементов кода и исчислимость их отношений. Через их неограниченную комбинаторику человек и осуществляет свой структурирующий дискурс.

Такой новый тип обстановки повсеместно утверждается рекламой: «Оборудуйте себе удобную и рациональную квартиру на площади 30 метров!», «Умножьте свою квартиру на четыре!» Вообще, интерьер и обстановка трактуются рекламой в понятиях «задачи» и «решения». Именно в этом, а не во «вкусе», заключается ныне умение обставить свой дом — не в создании с помощью вещей театральной мизансцены или особой атмосферы, а в решении некоторой задачи, в нахождении наиболее остроумного ответа в сложно переплетенных условиях, в мобилизации пространства.

На уровне серийных вещей возможности такого функционального дискурса ограниченны. Вещи и предметы обстановки представляют собой рассеянные элементы, для которых не найдено правил синтаксиса: если их ра'сстановка и обладает исчислимостью, то это исчислимость от нехватки, и вещи предстают здесь скудными в своей абстрактности. Однако такая абстракция необходима: именно благодаря ей на уровне модели элементы функциональной игры получают однородность. Человек прежде всего должен перестать вмешиваться в жизнь вещей, вчитывать в них свой образ, — и тогда, по ту сторону их практического применения, он сумеет спроецировать в них свою игру, свой расчет, свой дискурс, а эту игру осмыслить как некое послание другим и себе самому. На такой стадии вещи, образующие «среду», совершенно меняют свой способ существования, и на смену социологии, мебели, приходит социология расстановки.

757

Об этой эволюции свидетельствует реклама — как ее образы, так и дискурс. В дискурсе субъект непосредственно фигурирует как актер и манипулятор, в индикативе или императиве; напротив, в образах его присутствие опускается — действительно, в известном смысле оно было бы анахроничным. Субъект есть порядок, который он вносит в вещи, и в этом порядке не должно быть ничего лишнего, так что человеку остается лишь исчезнуть с рекламной картинки. Его роль играют окружающие его вещи. В доме он создает не убранство, а пространство, и если традиционная обстановка нормально включала в себя фигуру хозяина, которая яснее всего и коннотировалась всей обстановкой, то в «функциональном» пространстве для этой подписи владельца уже нет места.

Человек расстановки

Нам ясно теперь, какой новый тип обитателя дома выдвигается в качестве модели^ «человек расстановки» — это уже не собственник и даже не просто пользователь жилища, но активный устроитель его среды. Пространство дано ему как распределительная структура, и через контроль над пространством он держит в своих руках все варианты взаимоотношений между вещами, а тем самым и все множество их возможных ролей. (Он, следовательно, и сам должен быть «функционален», однороден своему пространству, — только тогда он может отправлять и принимать сообщения от своей обстановки.) Для него самое важное уже не владение и не пользование вещами, но ответственность — в том точном смысле, что он постоянно заботится о возможности давать и получать «ответы». Вся его деятельность экстериоризирована. Обитатель современного дома не «потребляет» свои вещи. (Здесь опять-таки нет места «вкусу» — двусмысленному слову, подразумевающему замкнутые по форме и «съедобные» по субстанции предметы, предназначенные для внутреннего усвоения.) Он доминирует над ними, контролирует и упорядочивает их. Он обретает себя в манипулировании системой, поддерживая ее в тактическом равновесии.

Разумеется, в такой модели «функционального» домашнего жильца есть доля абстракции. Реклама пытается убедить нас, что современный человек, по сути, больше уже не *нуждается* в вещах, а лишь

оперирует ими как опытный специалист по коммуникациям. Однако домашняя обстановка есть одно из проявлений *переживания* жизни, а потому большой абстракцией является приписывать ей модели исчисления и информации, заимствованные из области чистой техники. К тому же такая чисто объективная игра сопровождается целым рядом двусмысленных выражений: «на ваш вкус», «по вашей мерке», «персо-нализация», «эта обстановка станет вашей» и т.д., — которые по видимости противоречат ей, а фактически составляют ее алиби. Предлагаемая человеку расстановки игра с вещами всякий раз получает свое место в двойной игре рекламы. Вместе с тем в самой логике этой игры

содержится прообраз некой общей стратегии человеческих отношений, некоторого человеческого проекта, модуса вивенди новой технической эры — подлинного переворота во всей цивилизации, отдельные проявления которого прослеживаются даже в повседневном быту.

В традиционном быту вещь переживалась и вплоть до наших дней изображалась во всем западном искусстве как скромный, пассивный фигурант, раб и наперсник человеческой души, отражая в себе целостный порядок, связанный с некоторой вполне определенной концепцией убранства и перспективы, субстанции и формы. Согласно этой концепции форма предмета есть абсолютный рубеж между внутренним и внешним. Это неподвижный сосуд, внутри которого — субстанция. Таким образом, все вещи, и в частности предметы обстановки, помимо своих практических функций имеют еще и первичную воображаемую функцию «чаши»[1]. Этому соответствует их способность вбирать в себя душевный опыт человека. Тем самым они отражают в себе целое мировоззрение, где каждый человек понимается как «сосуд душевной жизни», а отношения между людьми — как соотношения, трансцендентные их субстанциям; сам дом становится символическим эквивалентом человеческого тела, чья мощная органическая система в дальнейшем обобщается в идеальной схеме его включения в структуры общества. Все вместе дает целостный образ жизни, чей глубинный строй — строй Природы, первозданной субстанции, откуда и вытекает всякая ценность. Создавая или изготавливая вещи, придавая им некоторую форму, которая есть культура, человек преобразует субстанции природы; первозданная схема творчества зиждется на возникновении одних субстанций из других — от века к веку, от формы к форме; это творчество ab utero[2], со всей сопровождающей его поэтико-метафоричес-кой символикой[3]. Итак, поскольку смысл и ценность возникают из процесса взаимонаследования субстанций под общей властью формы, то мир переживается как дар (по закону бессознательного и детской психики), который должно раскрыть и увековечить. Тем самым форма, ограничивающая собой предмет, все же сохраняет в себе частицу природы, присущую человеческому телу; то есть всякая вещь в глубине своей антропоморфна. При этом человека связывает с окружающими его вещами такая же (при всех оговорках) органическая связь, что и с органами его собственного тела, и в «собственности» на вещи всегда

[1] Однако в этой символической структуре, судя по всему, действует как бы закон размера: любой, даже фаллический по своему назначению предмет (автомобиль, ракета), превысив некоторый максимальный размер, оказывается вместилищем, сосудом, маткой, а до некоторого минимального размера относится к разряду предметов-пенисов (даже если это сосуд или статуэтка).

[2] Из материнской утробы (лат.).

[3] Его эквивалентом всегда было и интеллектуально-художественное производство, традиционно мыслившееся под знаком дара, вдохновения, гения.

виртуально присутствует тенденция вбирать в себя их субстанцию через поедание и «усвоение». В современных же интерьерах намечается конец такого природного строя; через разрыв формы, через разрушение формальной перегородки между внутренним и внешним и всей связанной с нею сложной диалектики сути и видимости возникает некоторое новое качество ответственного отношения к вещам. Жизненный проект технического общества состоит в том, чтобы поставить под вопрос самую идею Генезиса, отменить любое происхождение вещей, любые изначально данные смыслы и «сущности», еще и по сей день конкретно символизируемые мебелью наших предков; в том, чтобы сделать вещи практически исчислимыми и концептуализированными на основе их полной абстрактности, чтобы мыслить мир не как дар, а как изделие, как нечто доминируемое, манипулируемое, описываемое и контролируемое, одним словом *приобретенное*[1].

Этот современный строй вещей, принципиально отличаясь от традиционного строя вещей порожденных, также, однако, связан с некоторым фундаментальным символическим строем. Если прежняя цивилизация, основанная на природном строе субстанций, соотносима со структурами оральной сексуальности, то в современном строе производства и функциональности следует видеть строй фаллический, основанный на попытках преодолеть и преобразовать данность,

прорваться сквозь нее к объективным структурам, — но также и фекальный строй, который основан на поисках квинтэссенции, призванной оформить однородный материал, на исчислимости и расчлененности материи, на сложной анальной агрессивности, сублимируемой в игре, дискурсе, упорядочении, классификации и дистрибуции.

Даже тогда, когда организация вещей предстает в техническом проекте сугубо объективной, она все равно образует мощный пласт, в котором спроецированы и зарегистрированы бессознательные импульсы. Лучшим подтверждением этого может служить нередко проступающая сквозь организационный проект (то есть в нашем случае сквозь волю к расстановке) обсессия: необходимо, чтобы все сообщалось между собой, чтобы все было функционально — никаких секретов, никаких тайн, все организовано, а значит все ясно. Это уже не традиционная навязчивая идея домашнего хозяйства — чтобы все вещи были на своем месте и в доме всюду было чисто. Та страсть носила моральный, со-

[1] Впрочем, такая модель человеческой деятельности с ясностью проступает лишь в сфере высокой технологии или же наиболее сложных бытовых предметов — магнитофонов, автомашин, бытовой техники, где отношения господства и распределения наглядно выражаются в циферблатах, приборных досках, пультах управления и т.д. В остальном же повседневный быт все еще в значительной степени регулируется традиционным типом практики.

временная же — функциональный характер. Она получает объяснение, если соотнести ее с функцией испражнения, для которой требуется абсолютная проводимость внутренних органов. Возможно, именно здесь глубинная основа характерологии технической цивилизации: если ипохондрия представляет собой обсессиональную заботу об обращении субстанций в организме и о функциональности его первичных органов, то современного кибернетического человека можно было бы охарактеризовать как умственного ипохондрика, рдержимого идеей абсолютной проводимости сообщений.

Лучшее из домашних животных

Комнатные животные образуют промежуточную категорию между людьми и вещами. Собаки, кошки, птицы, черепахи или канарейки своим трогательным присутствием означают, что человек потерпел неудачу в отношениях с людьми и укрылся в нарциссическом домашнем мирке, где его субъективность может осуществляться в полном спокой-ствии. Отметим попутно, что эти животные лишены пола (нередко специально кастрированы для жизни в доме), — подобно вещам, они бесполые, хотя и живые, именно такой ценой они могут стать аффективно успокоительными; лишь ценой собственной кастрации, реальной или символической, они способны играть для своего владельца регулятивную роль в отношении страха кастрации — ту роль, которая в высшей степени присуща и всем окружающим нас вещам. Ибо вещь — это безупречное домашнее животное. Это единственное «существо», чьи достоинства возвышают, а не ограничивают мою личность. В своей множественности вещи образуют единственный разряд существующих объектов, которые действительно могут сосуществовать друг с другом, не ополчаясь друг на друга своими взаимными различиями, как живые существа, а сходясь покорно к средостению моей личности и без труда слагаясь вместе в моем сознании. Вещь лучше, чем что-либо другое, поддается «персонализации», а вместе с тем и количественному пересчету; и эта субъективная бухгалтерия не знает исключений, в ней все может стать предметом обладания и психической нагрузки или же, при коллекционерстве, предметом расстановки, классификации, распределения. Таким образом, вещь в буквальном смысле превращается в зеркало: отражаемые в нем образы могут лишь сменять друг друга, не вступая в противоречие. Причем это безупречное зеркало, так как отражается в нем не реальный, а желанны!, образ. Одним словом, собака, от которой осталась одна лишь верность. Я могу смотреть на нее,.а она на меня не смотрит. *Вот почему вещи получают всю ту нагрузку, что не удалось поместить в отношения с людьми.* Вот почему, человек столь охотно идет на регрессию, «отрешаясь» от мира в своих вещах. Не будем, однако, обманываться этой отрешенностью, породившей целую сентиментальную литературу о неодушевленных предметах. Эта отре-

шенность есть регрессия, эта страсть есть страсть к бегству. Конечно, вещи играют регулятивную роль в повседневной жизни, они разряжают немало неврозов, поглощают немало напряжении и энергии траура; именно это придает им «душу», именно это делает их «своими», но это же и превращает их в декорацию живучей мифологии — идеальную декорацию невротического равновесия.

(БодрийярЖ. Система вещей. С. 20-24, 75-76)

Религия и церковь

В XX в. по мере развития современной цивилизации в странах Европы и Северной Америки продолжался процесс секуляризации общества. В настоящее время многие люди в этих странах — атеисты, а большое число верующих являются таковыми скорее «по привычке», часто даже не веря в догматы христианства (например, в рай и ад). Тем не менее религия и церковь играют еще заметную роль в жизни общества во

многих странах. В слаборазвитых странах (например, в мусульманском мире, в Латинской Америке и т.д.) религии по-прежнему принадлежит доминирующая роль в культуре.

К важнейшим событиям религиозной жизни XX в. можно отнести следующие.

Во-первых, в начале века по инициативе протестантских церквей возникло *экуменическое движение* за объединение всех христианских церквей. Во второй половине XX в. в борьбе за мир, социальный прогресс и гуманизм начали объединяться религиозные деятели различных церквей и вероучений (христиане, мусульмане, буддисты и т.д.).

Во-вторых, произошли значительные изменения в вероучении католической церкви — крупнейшей на сегодняшний день религиозной организации. Особенно это проявилось в деятельности Второго Ватиканского собора (1962— 1965), на котором были приняты решения о реформе литургии (теперь службу разрешается вести на национальных языках, а не латыни), об экуменизме, о задачах церкви в современном мире и т.д.

В-третьих, в ряде районов мира продолжался процесс появления и развития *синкретических религий:* чаще всего это стихийно возникающий синтез насаждаемого европейскими колонизаторами христианства и местных верований (например, афро-бразильские кандомбле и умбанда — см. с. 764). Тенденция к синтезу всех религий мира в единую нашла своих защитников и во многих религиозных и мистических учениях XX в. — от теософии Е.П. Бла-ватской до Унифицированной церкви Муна.

И, в-четвертых, интереснейшей особенностью культуры высокоразвитых стран XX в. является расцвет (с середины 1960-х гг.) так называемых *«нетрадиционных»* или *«молодежных» религий.* Их бурный рост связан прежде всего с молодежными движениями последней трети XX в., содержанием которых были «сексуальная» и «психоделическая» («наркотическая») революции, борьба против войны во Вьетнаме (в США), борьба с конформизмом буржуазного мира и т.п. В рамках этих нетрадиционных религий можно выделить

ряд направлений: различные типы неохристианства (например, движение «Иисус-революция»), неоориентализма (восточные культы, «пересаженные» на западную почву, скажем, «кришнаизм»), возрожденные первобытные формы верований (например, шаманизм[1]), синкретические культы (скажем, Унифицированная церковь Муна) и др. Особое место среди них занимают сциен-' тология — секта, учение которой имеет псевдонаучное содержание, а также различные колдовские и сатанинские культы и секты. Последние довольно часто — по форме или содержанию — оказываются связаны с различными молодежными музыкальными группами.

Католическая церковь об экуменизме

Способствовать восстановлению единства между всеми христианами — одна из главных задач Свя-щенного Вселенского Второго Ватиканского Собора Ибо Христом Господом была основана одна и единая Церковь, хотя многие христианские Общины представляют себя истинным наследием Иисуса Христа; все они исповедуют себя учениками Господа, но воспринимают это по-разному и идут различными путями, словно Христос Сам разделился. Очевидно, такое разделение явно противоречит воле Христа, является соблазном для мира и вредит самому святому делу — проповеди Евангелия всей твари.

Но Владыка веков, который мудро и долготерпеливо преследует замысел Своей благодати по отношению к нам грешникам, начал в наши дни обильнее вливать на разъединенных между собой христиан дух покаяния и желание единства. Везде в большом числе есть люди, вдохновленные этой благодатью; также и среди разъединенных с нами братьев, по действию споспешествующей благодати Духа Святого, возникло движение, все более и более расширяющееся и стремящееся к восстановлению единства всех христиан.

В этом движении к единству, называемом экуменическим, участвуют призывающие Триединого Бога и исповедующие Иисуса как Господа и Спасителя, не только отдельные лица, но и объединенные в Общины, в которых они услышали Евангелие и которые они называют Церковью своей и Божией. При этом почти все, хотя и по-разному, стремятся к единой и видимой Церкви Божией, которая была бы подлинно вселенской, посланной ко всему миру, чтобы мир обратился к Евангелию и таким образом спасся во славу Божию.

Итак, с радостью принимая во внимание все это, возвестив уже учение о Церкви, сей Священный Собор, проникнутый желанием восстановить единство между всеми учениками Христовыми, намерен предложить всем католикам средства, пути и способы, которыми они могли бы отозваться на этот Божий призыв и эту благодать.

(Постановление об экуменизме. С. 121—122)

[1] Особую роль в распространении этих верований сыграли книги К. Кастене- ды о доне Хуане.

Афро-бразильские религии

К настоящему времени в Бразилии возник целый ряд синкретических верований, представляющих собой уни-кальное слияние христианства (католицизма), африканских верований (черных рабов, завезенных из

Африки) и первобытных верований индейцев — коренного населения страны. Кроме того, на эти верования оказал большое влияние еще и спиритизм.

Жаркий вечер в Рио-де-Жанейро. Пятница. По широкой Авенида Атлантика, пролегающей вдоль пляжа Копакабана, сплошным потоком движутся автомобили. Не обращая внимания на проносящиеся мимо машины, хорошо одетая молодая женщина опускается на колени прямо посреди дороги, на разделительной полосе, чтобы совершить молитву перед двумя свечами, семью красными розами, сигаретой и открытой бутылкой крепкого напитка. Все эти предметы она старательно расставляет и раскладывает на специальной салфетке. Неподвижно постояв некоторое время на коленях, женщина поднимается на ноги и уходит, не оглядываясь.

На соседнем кладбище, в мерцающем свете поставленных в круг свечей, силуэт с мордой шакала припадает к земле перед тесным кольцом собравшихся вокруг могилы людей, посылая им в лица клубы дыма.

В покосившейся хижине на другом конце города живописно одетые танцоры раскачиваются на размеченном мелом полу под равномерный бой барабана.

Во вместительной гостиной роскошной квартиры в фешенебельном районе Барра-да-Тихука группа людей собирается в круг. Держась за руки, они начинают монотонно произносить по слогам слова на незнакомом языке, в то время как один из них опускается на колени, полностью сосредоточив внимание на стакане воды и старательно раскладывая вокруг него лепестки розы.

Подобные сцены можно наблюдать в Бразилии каждую ночь. Все это — проявления народных магических традиций. Хотя государственной религией в этой стране является католицизм, бразильцы (в отличие от своих испаноязычных соседей) очень веротерпимы. Они не имеют ничего против иудеев и протестантов. Кроме того, в Бразилии много приверженцев местных афро-американских религий, таких как умбанда, кимбанда, макумба, катимбо и кандомбле.

Верования этих религий проникли во все слои бразильского общества. Без них немыслима бразильская культура. По оценкам государственных и церковных организаций, в Бразилии существует около 300 000 «центров» *(сентру),* или «храмов» *(террейру),* где регулярно совершаются магические ритуалы. Но эти данные следует считать заниженными, потому что местонахождение многих храмов известно лишь узкому кругу посвященных. По-видимому, те, кто принимают активное участие в ритуальной магии, составляют примерно одну треть сташестидесятимиллионного населения Бразилии.

(Дау К.Л. Афро-бразильская магия. С. 15—16)

764

Самым знаменитым бразильским культом является умбанда. Его характерная черта — вера в возможность общения с духами и богами (оришами), которые могут вселяться в особых людей-посредников, т.е. медиумов. Большинство умбандистов верит в существование единого Бога-Творца Олоруна. Но считается, закончив творение мира, Олоруна удалился на небо, перепоручив все дела младшим богам — ориша. Ориша воплощают различные природные и социальные силы, а ряд из них слился в представлениях верующих с католическими святыми.

Ошала — это больше, чем просто *ориша.* Он канонизирован как отец всех *ориша* и Повелитель Планеты Земля. Подобно Омулу и Ошума-ре, он имеет два облика и, кроме того, в нем может проявляться еще одно загадочное свойство.

В облике молодого бога Ошагуйи, благородного воина, он, куда бы ни шел, держит в руках *пилау* (пестик). Его второй облик — согнувшийся старик Ошалуфа, опирающийся на палку, которой он ударяет трижды о землю всякий раз, когда человек умирает, определяя этим дальнейшую судьбу его души.

Хотя Ошала и синкретизируется с образом Иисуса Христа, он олицетворяет некоторые понятия, совершенно непохожие на христианское *спасение.* Он — конец пути, начало смерти. Вот почему он и его почитатели всегда одеты в белое — цвет скорби. Однако конец жизни в афро-бразильских учениях не столь страшен, как в некоторых других религиях мира. Поскольку смерть неразрывно связана с жизнью (ею неизбежно завершается жизнь), одно понятие не может существовать без другого. Поэтому смерть, которую предлагает Ошала, — это просто последний отдых, то есть покой. Покой же в свою очередь представляет положительное равновесие Вселенной, окончательное слияние человека с природой;

Как воплощение святости, Ошала председательствует на церемониях очищения и торжественно открывает сезон народных празднеств. Его приверженцы ежедневно меняют воду у его алтаря, заменяя ее самой чистой жидкостью, какую им удается найти.

Загадочное свойство Ошала состоит в том, что, несмотря на то что он считается Отцом Богов и женат на Нане, одет он как женщина.

(Дау К.Л. Афро-бразильская магия. С. 55—56)

Иисус-революция Многие западные ученые мужи утверждают, что наркомания, получившая распространение среди известной части молодежи развитых капиталистических стран, часто приводит молодых людей к «новым» культам. Одни становятся их приверженцами, пытаясь таким образом излечиться от этого порока, других толкает к религии сам характер «психоделических» галлюцинаций, третьи, начав потреблять идущие с Востока наркотики, затем заинте-

765

ресовываются и «восточными» культами, которые переживают ныне своеобразное «второе рождение» в США и Западной Европе.

Несомненно, что так называемое психоделическое ощущение является одним из компонентов «нового» мистического мировосприятия, культивируемого в рамках контркультуры. Зачастую его рассматривают как неотъемлемый признак религиозности. Поэтому у идеологов контркультуры критика объективного научного познания нередко дополняется призывами к «психоделическому расширению сферы сознания» с помощью наркотических средств.

Своим происхождением слово «психоделизм» обязано основоположнику «религии ЛСД» американскому психологу Тимоти Лири. Но еще в начале XX в. один из родоначальников прагматизма, В. Джемс (1842— 1910), указал на единый психологический механизм классических религиозно-мистических переживаний и «озарений», с одной стороны, и искусственных наркотико-экстатических состояний — с другой...

«Религия ЛСД» получила особое распространение в связи с движением хиппи, этих главных носителей идей контркультуры» которых одно время называли третьей, наряду с протестантами и католиками, американской религиозной силой...

Сам основатель «религии ЛСД» Т. Лири в одной из своих работ писал, что «религия — это экстаз, это свобода и гармония», и так охарактеризовал религиозно-мистическое значение наркотиков: «ЛСД — это западная йога. Цель восточных религий, как и цель ЛСД, — высшая благодать, то есть расширение границ сознания и достижение экстаза и удовлетворения»...

Одним из проявлений контркультуры следует считать и «движение Иисуса» (или «Иисус-революцию»), возникшее в США в конце 60-х годов в молодежных кругах, пресыщенных наркотиками и прочими допингами «свободного мира»...

Репортер французского журнала «Пари матч» так описывал свою встречу с обращенными в новую веру американцами.

В Сан-Франциско на Сансет-бульваре можно встретить очень странных людей. Перед Китайским театром меня останавливает какой-то очкастый хиппиобразный субъект. Лицо его искажено гримасой неистовой ярости, но он восклицает:

— Любовь!

— Мир, — отвечаю я, чтобы отделаться.

— Нет, — рычит он, — любовь!

— Любовь, любовь... — разозлившись, ворчу я.

— О'кей! Мир, человек, любовь!

Таковы его последние слова, и мы расходимся, полные недоверия, в разные стороны.

Не успеваю пройти и десяти шагов, как меня обгоняют парень и девица в длинном платье. Эти явно робеют.

766

— Спасли ли вы свою душу? — спрашивают они меня.

— Да, все в порядке.

— Вы познали Иисуса?

— Ну конечно. Я же христианин.

— Мы не верим, что вы обрели спасение. Придите к Иисусу, пока не поздно, — строго советует девица. Они суют мне в ладонь какую-то записку. Это адрес...

Из окон дома рвется фанатическое пение, сопровождаемое поп-музыкой. Триста хиппи теснятся в маленьком зале, воздев руки к небу и устремив взоры на изображение Христа, красующееся на кафедре. В оркестре поп-музыки — пятнадцать электрических гитар, две флейты, гармоника и тамбурин. На тамбурине играют мужчина и женщина с просветленными лицами: Сьюзи и Тони Аламо, основатели «движения Иисуса»...

Новое движение, захлестнувшее всю страну, докатилось до Нью-Йорка. Его размах превзошел все ожидания. В нем — и некий «бунтарский» аспект: его легко заметить в плакатах, продающихся по 50 цен-тов. На одном из них лозунг «Отдайте Вашингтону Вашингтоново, а Христу — Христово!» и увеличенное изображение доллара. Есть и такой плакат: на фоне американского флага — сжатый

кулак с устремленным в небо указательным пальцем, подпись: «Вся власть Иисусу!»
«Движение Иисуса» начиналось так. Тони и Сьюзи Аламо, бывшие артисты мюзик-холла, помогали неимущим юношам и девушкам, а также наркоманам. У них возникла мысль, что мистический экстаз молитвы, усиленный и «дисциплинированный» ритмичной музыкой, может заменить наркотики. «Воспарите с Христом!» — призывали молодежь супруги Аламо. «Восп'арять» — значит впадать в экстаз, утрачивать ощущение собственного «я», без наркотиков переживать состояния своеобразного транса, «опьяняться любовью к Христу». Это обеспечит «спасение». Появился знаменитый плакат: «Иисус был хиппи». Вскоре чета Аламо приобрела часовню и разработала литургию «новой религии». Все, что могло служить их целям, они заимствовали где только можно: у негров — музыку и ритмы, у протестантов — публичное покаяние и совместные трапезы. Небольшими группами они спускались в подвал — оттуда не так слышен шум — и стонали, вопили, оплакивая муки Христа. Они поклонялись Иисусу, который стал их героем и идолом. Вскоре у «новой церкви» было уже 300 тыс. прихожан. Сотнями принимали они крещение на побережье Атлантического океана. Об-ряд исполняли священники их же возраста, похожие на них. У «новой церкви» есть свои группы поп-музыки, фирма пластинок «Иезус-ре-корд» и печатный орган «Голливуд фри пресс».
«Движение Иисуса», весьма противоречивое по своей направленности, в основном функционировало как своего рода «пересадочная станция на пути к респектабельности», через которую многие молодые

люди, «выбившиеся из колеи» (дропауты), отфильтровывались обратно к нормальной семейной жизни, продолжению образования и регулярной работе.
Успех «движения Иисуса» у определенных слоев американской молодежи был оценен по достоинству правящими кругами. Средства массовой информации не скупились на его рекламу. В известной степени этому успеху способствовали рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда», фильмы на ту же тему, радио- и телепередачи. Поклонение Иисусу становилось своего рода модой. Его изображения красовались на рубашках, кофтах, сумках. Буржуазные религиоведы стали с удовлетворением отмечать, что наконец-то американская молодежь вместо демонстраций в защиту гражданских прав устраивает религиозные шествия во славу Иисуса.
Вскоре «новая мода» перекинулась из США в Европу. Буржуазная печать восприняла ее с явным удовлетворением, отмечая, что речь идет о весьма доходном для многих крупных компаний бизнесе...
В общем, мода на Христа оказалась великолепнейшим бизнесом. И первыми это обнаружили, естественно, американцы.
(Григулевич И.Р. Пророки «иовой *истины». С. 61—65)*

Кришнаизм Кришнаизм — одна из сект, возникших в средневековой Индии (в XV—XVI вв.) в рамках индуизма, а точнее, такого его направления, как вишнуизм (о возникновении данной секты см. с. 380—382). В XVII—XX вв. кришнаизм широко распространился в Индии, а в последней трети XX в., благодаря активной пропагандистской деятельности его представителей, и по всему «высокоцивилизованному миру» — в основном, среди молодежи.
В 1965 г. в одном из скверов Нью-Йорка можно было часто видеть сидящего на скамейке бритоголового старика в оранжевой хламиде, который под звуки индийского музыкального инструмента громко повторял: «Харе Кришна!» — «Привет тебе, Кришна!» Вокруг него собирались зеваки и всякого рода бродяги, которые с увлечением вторили ему. Так в США впервые узнали о существовании учения Кришны и его проповеднике А. К. Бхактивендате Свами Прабхупаде. Год спустя движение «Харе Кришна» (теперь оно более известно под таким названием) уже имело свои филиалы в 22 американских городах. 90% его участников — это молодые люди не старше 25 лет, в основном выходцы из семей среднего достатка. Негры и чиканос составляют в движении «Харе Кришна» незначительное меньшинство. Живут последователи этого движения общинами по 12 или 24 человека.
Основоположником учения движения «Харе Кришна» считается бенгальский брамин Шайтания Махаправху (родился в 1486 г.).
Основу этого учения составляет вера в бога Кришну и проповедь беззаветного служения ему для установления с ним «прочного любое-

ного союза». К этой конечной цели можно прийти лишь путем достижения «сознания Кришны» (отсюда другое название движения — «Международное общество сознания Кришны»). «Сознание Кришны» достигается с помощью аскетического образа жизни и бесконечного (вплоть до вхождения в экстаз) повторения молитв (мантр). Оно характеризуется восприятием окружающего мира и собственного тела как иллюзии, отрицанием деятельности, направленной на

удовлетворение чувств и желаний, нигилистским отношением к достижениям цивилизации. Шайтания Махаправху первым стал славить Кришну, танцуя и распевая в честь его гимны на улицах и площадях городов. Нынешний глава секты — Прабхупада (настоящее имя — Абхай Ширан Де) родился в 1896 г., изучал английский язык, философию и экономию в Калькуттском университете, потом служил в одной химической фирме. С 1954 г. целиком посвятил себя служению Кришне. Прабхупада много путешествует по свету (был и в Советском Союзе), проповедуя свое учение. В частности, он утверждает, что, применяя различные приемы йоги, может заставить душу дойти до выхода (шакра) в черепе, позволить человеку перенестись на любую выбранную им планету.

Движение «Харе Кришна» имеет своих сторонников во Франции, ФРГ, Канаде, Италии и других странах Запада[1]. Как правило, последователи этого культа порывают со своими семьями, отказываются от сложившихся привычек и образа жизни, бросают школу или работу, поселяются в ашрамах (своего рода монастырях), бреют головы, мужчины одеваются в шафрановые туники, женщины — в сари, мало спят, соблюдают умеренность в еде, занимаются изучением ведийских текстов, поют гимны на бенгальском языке и санскрите в честь Кришны, часами выкрикивают в его честь славословия, попрошайничают на улицах. И так изо дня в день. Постепенно такой образ жизни отупляет людей, превращает их в автоматы, в послушное орудие руководителей секты, которые часто занимаются темными делами.

Нередко против кришнаистов выдвигаются обвинения в контрабанде, распространении наркотиков, других противозаконных действиях. В декабре 1974 г. полиция произвела обыски в ашрамах секты в ФРГ. При этом были обнаружены оружие и большие суммы денег. В июне 1979 г. во Франции проходил процесс над руководителями французского филиала «Международного общества сознания Кришны», в котором насчитывалось от 500 до 700 членов. В феврале 1981 г. деятельность секты во Франции была запрещена.

Несомненно, самый большой успех имело движение «Харе Кришна» в США, где обосновался его верховный руководитель Свами Праб-1 хупада и находится штаб-квартира «Международного общества сознания Кришны». Там же издается главный орган секты «Back to Godhead»

1 В настоящее время — и в России *(Прим. сост.).*

(«Назад к божественности»), который выходит якобы миллионным тиражом. Из 80 храмов «Харе Кришна» половина находится в США. В секте много бывших наркоманов. Они осуждают употребление наркотиков и «бесполезные удовольствия» — кино, телевидение.

(Григулевич И.Р. Пророки «навой истины». С. 112—115)

Массовое общество и массовая культура

Важнейшая черта культуры высокоразвитых стран XX в. — возникновение «массового общества» и «массовой культуры». Некоторые предпосылки для них сформировались еще в XIX — начале XX в., но становление их в значительной степени связано с развитием средств массовой информации и приходится в основном на вторую половину XX в. В рамках массовой культуры и в некотором смысле как ее противоположность возникают молодежные субкультуры.

Массовый человек. *Хосе Ортега-и-Гассет* (1883—1955 гг.) — крупнейший испанский философ XX в. По своим воззрениям был близок к философии жизни и к экзистенциализму. Он был одним из основоположников теории «массового общества» и в своей работе «Восстание масс» (1930) сумел впервые выявить и проанализировать особенности психологии современного человека высокоразвитых стран — «человека массы». Его идеи и выводы во многом сохраняют актуальность и сейчас.

Из книги Ортега-и-Гассета «Восстание масс»-

Введение в анатомию массового человека

Кто он, тот массовый человек, что главенствует сейчас в общественной жизни, политической и неполитической? Почему он таков, каков есть, иначе говоря, он получился таким?

Оба вопроса требуют совместного ответа, потому и взаимно проясняют друг друга. Человек, который намерен сегодня возглавлять европейскую жизнь, мало похож на тех, кто двигал девятнадцатый век, но именно девятнадцатым веком он рожден и вскормлен...

Какой представлялась жизнь той человеческой массе, которую в изобилии плодил XIX век? Прежде всего и во всех отношениях — материально доступной. Никогда еще рядовой человек не утолял с таким размахом свои житейские запросы. По мере того как таяли крупные состояния и ужесточалась жизнь рабочих, экономические перспективы среднего слоя становились день ото дня все шире. Каждый день вносил лепту в его жизненный standard *(стандарт).* С каждым днем росло чувство надежности и собственной независимости. То, что прежде считалось удачей и рождало смиренную признательность судьбе, ста-

ло правом, которое не благословляют, а требуют. С 1900 года и рабочий начинает ширить и упрочивать свою жизнь. Он, однако, должен за это бороться. Благоденствие не уготовано ему заботливо, как среднему человеку, обществом и на диво слаженным государством.
Этой материальной доступности и обеспеченности сопутствует житейская — confort *(фр. — комфорт)* и общественный порядок. Жизнь катится по надежным рельсам, и столкновение с чем-то враждебным и грозным малопредставимо.
Столь ясная и распахнутая перспектива неминуемо должна копить в недрах обыденного сознания то ощущение жизни, которое метко выражено нашей старинной поговоркой: «Широка Кастилия!»[1] А именно — во всех ее основных и решающих моментах жизнь представляется новому человеку лишенной преград. Это обстоятельство и его важность осознаются сами собой, если вспомнить, что прежде рядовой человек и не подозревал о такой .жизненной раскрепощенности. Напротив, жизнь была для него тяжкой участью. Он с рождения ощущал ее как скопище преград, которые обречен терпеть, с которыми принужден смириться и втиснуться в отведенную ему щель.
Контраст еще отчетливей, если от материального перейти к аспекту гражданскому и моральному. С середины прошлого века средний человек не видит перед собой никаких социальных барьеров... Не существует ни «сословий», ни «каст». Ни у кого нет гражданских привилегий. Средний человек усваивает как истину, что все люди узаконенно равны.
Никогда за всю историю человек не знал условий, даже отдаленно похожих на современные. Речь действительно идет о чем-то абсолютно новом, что внес в человеческую судьбу XIX век. Создано новое сценическое пространство для существования человека — новое и в материальном, и в социальном плане. Три начала сделали возможным этот новый мир: либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность. Два последних фактора можно объединить в одно понятие — техника. В этой триаде ничто не рождено XIX веком, но унаследовано от двух предыдущих столетий...
XIX век был революционным по сути. Суть не в живописности его баррикад — это всего лишь декорация, — а в том, что он поместил огромную массу общества в жизненные условия, прямо противоположные всему, с чем средний человек свыкся ранее... Человек, порожденный XIX столетием, социально стоит особняком в ряду предшественников... Для «плебея» всех времен «жизнь» означала прежде всего стеснение, повинность, зависимость, одним словом — угнетение. Еще короче — гнет, если не ограничивать его правовым и сословным, забывая о стихиях. Потому что их напор не слабел никогда, вплоть до прошлого века,

[1] Ободряющее восклицание, отчасти схожее с русским: «Гуляй душа!».

с началом которого технический прогресс — материальный и управленческий — становится практически безграничным. Прежде даже для богатых и могущественных земля была миром нужды, тягот и риска[1].
Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно бередит его аппетиты, которые в принципе могут расти бесконечно. Ибо этот мир XIX и начала XX века не просто демонстрирует свои бесспорные достоинства и масштабы, но и внушает своим обитателям — и это крайне важно — полную уверенность, что завтра, словно упиваясь стихийным и неистовым ростом, мир станет еще богаче, еще шире и совершенней. И по сей день, несмотря на признаки первых трещин в этой незыблемой вере, по сей день, повторяю, мало кто сомневается, что автомобили через пять лет будут лучше и дешевле, чем сегодня. Это так же непреложно, как завтрашний восход солнца. Сравнение, кстати, точное. Действительно, видя мир так великолепно устроенным и слаженным, человек заурядный полагает его делом рук самой природы и не в силах додуматься, что дело это требует усилий людей незаурядных. Еще трудней ему уразуметь, что все эти легко достижимые блага держатся на определенных и нелегко достижимых человеческих качествах, малейший недобор которых незамедлительно развеет прахом великолепное сооружение.
Пора уже наметить первыми двумя штрихами психологический рисунок сегодняшнего массового человека. Эти две черты — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и — второе — врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад — избалованного ребенка. И в общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат. Наследница незапятнанного и гениального былого — гениального по своему вдохновению и

дерзанию, — современная чернь избалована окружением. Баловать — это значит потакать, поддерживать иллюзию, что все дозволено и ничто не обязательно. Ребенок в такой обстановке лишается понятий о своих пределах. Избавленный от любого давления извне, от любых столкновений с другими, он и впрямь начинает верить, что существует только он, и привыкает ни с кем не считаться, а

[1] При любом относительном богатстве сфера благ и удобств, обеспеченных им, была крайне сужена всеобщей бедностью мира. Жизнь среднего человека сегодня много легче, изобильней и безопасней жизни могущественнейшего властителя иных времен. Какая разница, кто кого богаче, если богат мир и не скупится на автострады, магистрали, телеграфы, отели, личную безопасность и аспирин? — *Прим. авт.*

главное — никого не считать лучше себя. Ощущение чужого превосходства вырабатывается лишь благодаря кому-то более сильному, кто вынуждает сдерживать, умерять и подавлять желания. Так усваивается важнейший урок: «Здесь кончаюсь я и начинается другой, который может больше, чем я. В мире, очевидно, существуют двое: я и тот, другой, кто выше меня». Среднему человеку прошлого мир ежедневно преподавал эту простую мудрость, поскольку был настолько неслаженным, что бедствия не кончались, и ничто не становилось надежным, обильным и устойчивым. Но для новой массы все возможно и даже гарантировано — и все наготове, без каких-либо предварительных усилий, как солнце, которое Не надо тащить в зенит на собственных плечах. Ведь никто никого не благодарит за воздух, которым дышит, потому что воздух никем не изготовлен — он часть того, о чем говорится «это естественно», поскольку это есть и не может не быть. А избалованные массы достаточно малокультурны, чтобы всю эту материальную и социальную слаженность, безвозмездную, как воздух, тоже считать естественной, поскольку она, похоже, всегда есть и почти так же совершенна, как и природа.

Мне думается, сама искусность, с какой XIX век обустроил определенные сферы жизни, побуждает облагодетельствованную массу считать их устройство не искусственным, а естественным. Этим объясняется и определяется то абсурдное состояние духа, в котором пребывает масса: больше всего ее заботит собственное благополучие и меньше всего — истоки этого благополучия. Не видя в благах цивилизации ни изощренного замысла, ни искусного воплощения, для сохранности которого нужны огромные и бережные усилия, средний человек и для себя не видит иной обязанности, кроме как убежденно домогаться этих благ единственно по праву рождения. В дни голодных бунтов народные толпы обычно требуют хлеба, а в поддержку требований, как правило, громят пекарни. Чем не символ того, как современные массы поступают — только размашистей и изобретательней — с той цивилизацией, что их питает?...

Почему массы вторгаются всюду, везде и всегда не иначе как насилием

Начну с того, что выглядит крайне парадоксальным, а в действительности проще простого: когда для заурядного человека мир и жизнь распахнулись настежь, душа его для них закрылись наглухо. И я утверждаю, что эта закупорка заурядных душ и породила то возмущение масс, которое становится серьезной проблемой для человечества...

Человек обзаводится кругом понятий. Он полагает их достаточными и считает себя духовно завершенным. И, ни в чем извне нужды не чувствуя, окончательно замыкается в этом кругу. Таков механизм закупорки.

Массовый человек ощущает себя совершенным... Самосознание у него поистине райское. Природный душевный герметизм лишает его главного условия, необходимого, чтобы ощутить свою неполноту, — возможности сопоставить себя с другим. Сопоставить означало бы на миг отрешиться от себя и вселиться в ближнего. Но заурядная душа не способна к перевоплощению — для нее, увы, это высший пилотаж...

Речь не о том, что массовый человек глуп. Напротив, сегодня его умственные способности и возможности шире, чем когда-либо. Но это не идет ему впрок: на деле смутное ощущение своих возможностей лишь побуждает его закупориться и не пользоваться ими. Раз и навсегда освящает он ту мешанину прописных истин, несвязных мыслей и просто словесного мусора, что скопилась в нем по воле случая, и навязывает ее везде и всюду, действуя по простоте душевной, а потому без страха и упрека... Специфика нашего времени не в том, что посредственность полагает себя незаурядной, а в том, что она провозглашает и утверждает свое право на пошлость, или, другими словами, утверждает пошлость как право.

Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни, быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым. Прежде в европейской истории чернь никогда не заблуждалась насчет собственных «идей» касательно чего бы то ни было. Она наследовала

верования, обычаи, житейский опыт, умственные навыки, пословицы и поговорки, Но не присваивала себе умозрительных суждений, например, о политике или искусстве — и не определяла, что они такое и чем должны стать. Она одобряла или осуждала то, что задумывал и осуществлял политик, поддерживала или лишала его поддержки, но действия ее сводились к отклику, сочувственному или, наоборот, на творческую волю другого. Никогда ей не взбредало в голову ни противопоставлять «идеям» политика свои, ни даже судить их, опираясь на некий свод «идей», признанных своими. Так же обстояло с искусством и другими областями общественной жизни...

Сегодня, напротив, у среднего человека самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной. Поэтому он разучился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе? Нет никакого смысла выслушивать, и, напротив, куда естественней судить, решать, изрекать приговор. Не осталось такой общественной проблемы, куда бы он не встревал, повсюду оставаясь глухим и слепым и всюду навязывая свои «взгляды».

Но разве это не достижение? Разве не величайший прогресс то, что массы обзавелись «идеями», то есть культурой? Никоим образом. Потому что «идеи» массового человека таковыми не являются, и культурой он не обзавелся. Идея — это шах истине. Кто жаждет идей, должен прежде них домогаться истины и принимать те правила игры, которых она требует. Бессмысленно говорить об идеях и взглядах, не признавая

системы, в которой они выверяются, свода правил, к которым можно апеллировать в споре. Эти правила — основы культуры. Неважно, какие именно. Важно, что культуры нет, если нет устоев, на которые можно опереться. Культуры нет, если к любым, даже крайним взглядам нет уважения, на которое можно рассчитывать в полемике. Культуры нет, если экономические связи не руководствуются торговым правом, способным их защитить. Культуры нет, если эстетические споры не ставят целью оправдать искусство.

Если всего этого нет, то нет и культуры, а есть, в самом прямом и точном смысле слова, варварство. Именно его — не будем обманываться—и утверждает в Европе растущее вторжение масс.

Далее Ортега-и-Гассет пишет о том, что вторжение масс в общественную жизнь всегда есть «прямое действие» или насилие, и в настоящее время из случайного и эпизодического оно стало правилом. Особо радикальным является влияние масс в странах с либеральной демократией.

Повсюду аморфная масса давит на государственную власть и подминает, топчет малейшие ростки оппозиционности. Масса — кто бы подумал при виде ее однородной скученности! — не желает уживаться ни с кем, кроме себя. Все, что не масса, она ненавидит смертно.

Варварство «специализма»

Понятие «масса», как я уже предупреждал, не подразумевает рабочих и вообще обозначает не социальную принадлежность, а тот человеческий склад или образ жизни, который сегодня преобладает и господствует во всех слоях общества, сверху донизу, и потому олицетворяет собой наше время...

Кто сегодня правит? Кто навязывает эпохе свой духовный облик? Несомненно, буржуазия. Кто представляет ее высший слой, современную аристократию? Несомненно, специалисты: инженеры, врачи, финансисты, педагоги и т.д. Кто представляет этот высший слой в его наивысшей чистоте? Несомненно, человек науки... В итоге «человек науки» оказывается прототипом массового человека. И не эпизодически, не в силу какой-то сугубо личной ущербности, но потому, что сама наука — родник цивилизации — закономерно превращает его в массового человека; иными словами, в варвара, в современного дикаря...

Экспериментальная наука возникла на закате XVI в. (Галилей), сформировалась в конце XVII (Ньютон) и стала развиваться с середины XVIII... Физика, собирательное имя экспериментальных наук, формируясь, нуждалась в унификации, и к этому вели усилия Ньютона и других ученых его времени. Но с развитием физики начался обратный процесс. Для своего развития науке необходимо, чтобы люди науки специализировались. Люди, а не сама наука. Знание не специальность. Иначе оно ipso facto *(уже поШму)* утратило бы достоверность. И даже

эмпирическое знание в его совокупности тем ошибочней, чем дальше оно от математики, логики, философии. А вот участие в нем действительно — и неумолимо — требует специализации...

Специализация возникла именно тогда, когда цивилизованным человеком называли «энциклопедиста». XIX в. выводили на дорогу специалисты, чей жизненный кругозор оставался энциклопедическим. Но от поколения к поколению центр тяжести смещался, и специализация

вытесняла в людях науки целостную культуру. К 1890 г. третье поколение интеллектуальных властителей Европы представлено типом ученого, беспримерным в истории. Это человек, который из всей совокупности знаний, необходимых, чтобы подняться чуть выше среднего уровня, знает одну-единственную дисциплину, и даже в этих пределах — лишь ту малую долю, в которой подвизается. И даже кичится своей неосведомленностью во всем, что за пределами той узкой полоски, которую он возделывает, а тягу к совокупному знанию именует дилетантизмом.
При этом, стесненный своим узким кругозором, он действительно получает новые данные и развивает науку, о которой сам едва помнит, а с ней — и ту энциклопедическую мысль, которую старательно забывает. Как это получается и почему? Факт бесспорный и, надо признать, диковинный: экспериментальное знание во многом развивается стараниями людей на редкость посредственных, если не хуже. Другими словами, современная наука, опора и символ нашей цивилизации, благоприятствует интеллектуальной посредственности и способствует ее успехам.
Причиной тому наибольшее достижение и одновременно наихудшая беда современной науки — механизация. Львиная доля того, что совершается в биологии или физике, — это механическая работа мысли, доступная едва ли не каждому. Для успеха бесчисленных опытов достаточно разбить науку на крохотные сегменты, замкнуться в одном из них и забыть об остальных. Надежные и точные методы позволяют походя с пользой вылущивать знание. Методы работают как механизмы, и для успешных результатов даже не требуется ясно представлять их суть и смысл. Таким образом, наука своим безграничным движением обязана ограниченности большинства ученых, замерших в лабораторных кельях, как пчела в ячейке или вертел в пазу.
Но это создало крайне диковинную касту. Человек, открывший новое явление природы, невольно должен ощущать силу и уверенность в себе. С полным и безосновательным правом он считает себя «знающим». И действительно, в нем есть частица чего-то, что вкупе с другими частицами, которых он лишен, окончательно становится знанием. Такова внутренняя коллизия специалиста, в начале нашего века достигшая апогея. Специалист хорошо «знает» свой мизерный клочок мироздания и полностью несведущ в остальном.
Пред нами образец того диковинного «нового человека», чей двойственный облик я пытался обрисовать. Я утверждал, что этот челове-

ческий силуэт еще не встречался в истории. По специалисту легче всего определить эту новую породу и убедиться в ее решительной новизне. Прежде люди попросту делились на сведущих и невежественных — более или менее сведущих и более или менее невежественных. Но специалиста нельзя причислить ни к тем, ни к другим. Нельзя считать -его знающим, поскольку вне своей специальности он полный невежда; нельзя счесть и невеждой, поскольку он — «человек науки» и свою порцию мироздания знает назубок. Приходится признать его сведущим невеждой, а это тяжелый случай, и означает он, что данный господин к любому делу, в котором не смыслит, подойдет не как невежда, но с дерзкой самонадеянностью человека, знающего себе цену.
И действительно, специалист именно так и поступает. В политике, в искусстве, в общественных и других науках он способен выказать первобытное невежество, но выкажет он его веско, самоуверенно и — самое парадоксальное — ни во что не ставя специалистов. Обособив, цивилизация сделала его герметичным и самодовольным, но именно это сознание своей силы и значимости побуждает его первенствовать и за пределами своей профессии. А значит, и на этом уровне, предельно элитарном и бесконечно удаленном, казалось бы, от массового человека, сознание остается примитивным и массовым.
Это не общие фразы. Достаточно приглядеться к тому скудоумию, с каким судят, решают и действуют сегодня в искусстве, в религии и во всех ключевых вопросах жизни и мироустройства «люди науки», а вслед за ними, само собой, врачи, инженеры, финансисты, преподаватели и т.д. Неумение «слушать» и считаться с авторитетом, которое я постоянно подчеркивал в массовом человеке, у этих узких профессионалов достигает апогея. Они олицетворяют ив значительной мере формируют современную империю масс, и варварство их — самая непосредственная причина европейского упадка.
С другой стороны, они — нагляднейшая демонстрация того, как именно в цивилизации прошлого века, брошенной на собственный произвол, возникли ростки варварства и одичания. Непосредственным же результатом узкой и ничем не восполненной специализации стало то, что сегодня, когда «людям науки» нет числа, людей «просвещенных» намного меньше, чем,

например, в 1750 г. И что хуже всего, эти научные вертела не могут обеспечить науке внутреннего развития. Потому что время от времени науке необходимо согласованно упорядочивать свой рост, и она нуждается в реформации, в восстановлении, что требует, как я уже говорил, унификации — и все более трудной, поскольку охватывает она все более обширные области знания. Ньютон сумел создать свою научную систему, не слишком углубляясь в философию, но Эйнштейну для его изощренного синтеза пришлось пропитаться идеями Канта и Маха. Кант и Мах —всего лишь символы той огромной массы философских и психологических идей, что повлияла на Эйнштейна, — помогли освободиться его разуму и най-

ти путь к обновлению. Но одного Эйнштейна мало. Физика испытывает самый тяжелый за всю свою историю кризис, и спасти ее сможет только новая энциклопедия, намного систематизированней прежней... И если даже специалисту неясен организм его науки, то уж тем более неясны исторические условия ее долговечности, то есть неведомо, какими должны быть общество и человеческое сердце, чтобы в мире впредь совершались открытия. Современный упадок научного призвания, о котором я упоминал, — это тревожный сигнал для всех* кому ясна природа цивилизации, уже недоступная своим хозяевам — «людям науки». Они-то уверены, что цивилизация всегда налицо, как земная кора или дикий лес. *(Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С.47—53,61—64,99—105)*

Массовый чело- Последние десятилетия развития современного об-**век эпохи инфор-** щества привели к становлению феномена так назы-**мационного** ваемого массового человека, сознание которого от-

общества личается рядом специфических особенностей. Безусловно, факт существования массового сознгГния был известен задолго до XX в., а сама «масса» всегда составляла (и составляет) неотъемлемую часть населения всякого государства. Однако современный феномен массового человека обладает определенной новизной в силу целого ряда причин, которые в своей совокупности, характерной для современности, никогда прежде не выступали. Во-первых, никогда прежде человек массы не представлял по своей численности столь большой группы, которая бы реально была способна оказывать на социокультурные процессы весьма заметное влияние. Во-вторых, характер объединения в массу обусловлен факторами, которые прежде не существовали: наличием информационного поля, включающего в себя и всепроникающее воздействие СМИ. В-третьих, современный массовый человек отнюдь не тяготится своей массовостью и не ощущает какой-либо «культурной недостаточности» в плане уровня своего развития, своих вкусов и т.п. В-четвертых, именно массовый человек оказывается сегодня востребован современным укладом жизни и наиболее приспособлен к нему..

Таким образом, ***массовый человек*** — это не столько человек *из* массы, сколько человек с *массовым сознанием,* и его главной характеристикой является то, что он «как все». При этом его массофикация осуществляется вполне направленно — с помощью моды, рекламы, организации информационных воздействий, хотя, конечно, в любом случае человек сам, своим сознанием субъективно участвует в этом процессе, внутренне осуществляя (в крайнем случае, осознанно фиксируя) свой «выбор». Такой человек, ставший реальностью современного информационного общества, есть одновременно и его продукт, и само условие его существования, сохранения и воспроизведения.

Трудно говорить о личности массового человека, ибо сам он делает все, чтобы утратить те черты, которые определяют понятие личности. В то же время современная масса — это не прежнее «множество неразвитых, но способных к развитию отдельных существ; она с самого начала подчинена иной структуре: нормирующему закону, образцом для которого служит функционирование машины. Таковы даже самые высокоразвитые индивиды массы. Более того, именно они отчетливо сознают этот свой характер, именно они формируют этос и стиль массы», — так характеризует современную массу Р. Гвардини. Современный массовый человек является новым — и социально, и психологически — образованием. Это своего рода законченное, завершенное в самом себе образование без стремления к какому-либо внутреннему изменению и движению. Размышления заменены спонтанным проявлением бессознательного, мотивы — импульсами, определенность — нетерпимостью.

Массовый человек стал выражением существенных изменений, произошедших в современном

обществе и его культуре. Бурное развитие техники и технологии сделало культуру общедоступной и повсеместно присутствующей в жизни общества. Искусство, по утверждению Г. Лебона, становится в подобных условиях лишь низшим родом промышленности, что и определяет его банальность и отсутствие индивидуальности.

Человек без лица, без индивидуальности — массовый человек в то же время остается индивидуалистом. Он — в массе людей-атомов, особо-отдельных, но одинаково неразличимых. Индивидуализм, однако, отнюдь не означает становления индивидуальности, личности; на фоне процессов омассовления это означает рождение толп, состоящих из людей-атомов, где каждый один и сам по себе, но во всем подобен другим. Личность, как известно, представляет собой системное и целостное образование, не сводимое к какой-либо одной стороне проявления человека или какой-либо конкретной форме его социального поведения. Массовая культура, во-первых, фрагментирует личность, лишая ее целостности, и, во-вторых, сужает ее ограниченным набором стереотипных проявлений, которые все с меньшим основанием можно считать *поступками.* Иными словами, из фундамента личности выбивается единый стержень, интегрирующий совокупные проявления личности и составляющий ее идентичность; остается лишь некая специфическая «реактивность» в заданном направлении, т.е. складывается конформизм. Происходит парадоксальный процесс одновременного и омассовления людей, и распадения их общности, которая может основываться на взаимодействии личностей, но не на изоляции индивидуализмов...

Это новое явление современного общества — человек без лица в массе таких же, как он сам, и в то же время он один — один на один со своим телевизором, своей газетой, которые не оставляют его *с самим собой,*

лишают настоящего досуга, заполняя его время принудительным развлечением, ни к чему не ведущими многословными обсуждениями, суетливыми шоу-программами. Сознание массового человека характеризуется дезориентированностью относительно ценностей и приоритетов даже жизненно важного плана. Одновременное распространение противоречивых, порою взаимоисключающих суждений приводит к тому, что сознание оказывается погружено как бы в «бульон» из непроваренной и взаимонесовместимой информации, что затрудняет адекватное восприятие действительности, порождает апатию и безразличие.

Массовый человек обладает пониженной способностью к рассуждению, у него ослаблены моральные запреты, он склонен к иррациональным действиям, руководствуется сиюминутными стимулами и мотивами. Особенностью его становится то, что он не только отвыкает от отвлеченных размышлений, систематизированных умственных усилий, но и часто вместо действительности предпочитает иллюзии. Правда становится ему фактически безразлична и даже неудобна, ибо разрушает состояние спокойного полусна, в котором он предпочитает пребывать. Этот своеобразный транс становится для него формой защиты от нарастающего потока разного рода информации, которую он не может уложить в какую-либо непротиворечивую систему. Постепенно самостоятельная духовная жизнь человека, которая не была бы поглощена «организованной» жизнью информационного общества, становится невозможной. Человек оказывается заключен в круг функционирования массовой психологии, из которой выбраться можно, лишь сознательно приложив для этого значительные личные усилия.

В то же время человеку предлагается как бы новая, достаточно упорядоченная и привлекательная реальность, которую создает современный маскульт с его непритязательной системой развлекательно-[1] успокоительных образов. Человек начинает воспринимать настоящую реальность через систему созданных маскультом и СМИ мифов, и уже эта система мифов представляется ему новой ценностью и подлинной реальностью. Активно вторгаясь в структуры подсознания, широко используя символику, имеющую опору в глубинах подсознательного, средства массовой информации комбинируют сознательные и подсознательные воздействия, создавая и распространяя социальные мифы, эту своеобразную культурную форму описания и объяснения действительности, получившую новое специфическое бытие в XX веке. Совокупность мифов, трансформирующая систему представлений и мотиваций личности, выступает как тотальное средство модификации представлений о жизни у управляемых мифами людей. Таким образом, создается способ управления жизнью через сознание, которое наполняется нужными смысловыми матрицами, оживающими в нужных идеях и образах. Совокупность управляющих мифов создает пространство и задает доминанты формирования массовой психологии, она не толь-

ко внушает определенный тип поведения, но и программирует определенный тип мышления. Создаваемые СМИ мифы тиражируются, раздуваются, выдаются за истинную реальность, заменяя собою исходную в сознании человека. Эта искусственная реальность не только подчиняет себе исходную, но трансформирует всю систему традиционных способов восприятия и мышления, причем делает это сходным образом одновременно для больших масс людей. Люди входят

разными в пространство такой мифопорождающей машины, но выходят оттуда одинаковыми и одинаково безликими, ибо сами лица становятся отражением общей идеи, заложенной в эту «машину». *Мифологизирован-ностъ* мышления становится еще одной характерной чертой современного массового человека, пребывание в сфере мифов — характерной особенностью его жизни.

(Самохвалова В.И. Культурология. С. 228—232)

Массовая культура Возникновение массовой культуры непосредственно связано с развитием средств массовой информации, и

прежде всего, радио и телевидения. Массовая культура впервые возникает в 1930-е гг. в США, во второй половине XX в. она уже формируется во всех высокоразвитых странах и постепенно проникает во многие слаборазвитые страны, способствуя тем самым глобализации и вестернизации культуры.

Термины «массовая культуры» и «массовое искусство» возникли еще в эпоху Просвещения, в частности, их использовали Гете и Шиллер. Но, при их употреблении в XVIII—XIX вв. имелась в виду культура и искусство «для масс», т.е. для широкой публики, включающей в себя не только высшие слои общества, но и средние, уровень образования которых в этот период стремительно повышался.

Исследование феномена «массовой культуры» и ее места в художественной культуре XX в. сопряжено с рядом трудностей. Одна из них заключена уже в самом термине «массовая культура», который обладает обманчивым смыслом. По своему буквальному значению он предполагает, что «массовая культура» — это культура масс, культура, предназначенная для потребления народа, или, иными словами, что это народная культура. Западная культурология и эстетика охотно используют это понятие, потому что оно объясняет многие недостатки западной культуры неспособностью масс к пониманию истинного искусства, хотя на самом деле «массовая культура» — это создание не народа, а коммерческой индустрии культуры...

Подлинно народная культура не имеет ничего общего с «массовой культурой», напротив, эта последняя по своему содержанию и социальным функциям враждебна подлинно народной культуре.

Всякая народная культура имеет древние корни, уходящие в глубь веков, она основана на длительных исторических традициях, отражающих мечты, обычаи, склад характера того или иного народа. «Массо-

78.1

вая культура» таких традиций не знает, ее вкусы и идеалы меняются с головокружительной быстротой в соответствии с потребностями моды.

Народная культура всегда национальна, тогда как «массовая культура» не имеет национальности, она космополитична, рассчитана на любые национальные характеры и вкусы.

По своему характеру народная культура, как правило, реалистична, отражает трезвый, земной характер народного мышления. Напротив, «массовая культура» — псевдореалистична, она основывается на иллюзиях, вымыслах, мифах и призывает не к познанию жизни, а к бегству от нее...

Поэтому модернизм и «массовая культура» враждебны не друг другу, а всякому истинно реалистическому искусству.

Существуют довольно противоречивые точки зрения по вопросу о времени возникновения «массовой культуры». Некоторые считают ее извечным побочным продуктом культуры, своего рода отдушиной, которая существовала уже в античную эпоху. Однако гораздо более обоснованными являются попытки связать возникновение «массовой культуры» с научно-технической революцией, породившей широкодоступные средства распространения и потребления культуры...

В 1957 г. под редакцией Д. Уайта и Б. Розенберга вышел сборник «Массовая культура. Популярные искусства в Америке». Составители сборника стояли, правда, на противоположных позициях: Розенберг выражал критическое отношение к «массовой культуре», Уайт стремился апологетизировать ее.

«Не может быть никакого сомнения, — писал Розенберг, — в том, что средства массовой коммуникации представляют собой большую -угрозу для независимого человека... Никакая художественная форма, никакой объем знаний, никакая эстетическая система не являются достаточно сильными, чтобы противостоять вульгаризации. Своего рода культурная алхимия трансформирует их в тот же самый ходовой товар. Никогда прежде священное и мирское, возвышенное и низкое, подлинное и показное не перемешивались до такой степени, чтобы стать совершенно нераспознаваемыми».

Иной подход к пониманию «массовой культуры» сформулировал Д. Уайт. Он отмечал достижения

«массовой культуры», которые, по его мнению, проявляются в повышении качества фильмов и телевизионных постановок, в улучшении звукозаписи и т.д. Однако в целом в 1950-х гг. господствующим оставалось критическое отношение к «массовой культуре»...

Аналогичную позицию занимал и Дж. Селдес, который в своей книге «Большая аудитория» признавал, что «массовая культура» ориентируется на самые примитивные, низкие вкусы, приспосабливая современную культуру к «нормам жизни несовершеннолетних»...

В 1960-х гг. признанным авторитетом в области исследования «массовой культуры» выступил канадский социолог Маршалл Маклюэн. В

782

своих работах, отличающихся, правда, не столько теоретическим, сколько афористическим характером, Маклюэн доказывал, что «массовая культура» является естественным, органическим следствием развития средств массовой коммуникации. По его мнению, «массовая культура» снимает конфликт «слухового» и «зрительного» восприятия, который был характерен для всей истории мировой культуры, когда на первый план выдвигался то один, то другой тип сенсорной ориентации. По определению Маклюэна, «культура — это набор сенсорных предпочтений». В соответствии с этим канадский социолог делил средства массовой коммуникации по способу их воздействия на чувства человека на «горячие» и «холодные». «Холодные» средства, по его мнению, в отличие от «горячих», не обладают конкретной детальной информацией, а требуют домысливания.

Применяя эту классификацию, Маклюэн противопоставляет такие «горячие» средства, как радио и кино, «холодному» телевидению, потому что телевизионное изображение состоит из большого числа светящихся точек и волн, из которых воображение зрителя должно дорисовывать образы.

Вся история мировой цивилизации предстает у Маклюэна как последовательная смена «типов технологии», средств и способов коммуникации. Суть своей концепции он выразил в афоризме: «Средство есть само сообщение». Это означает, что на человека оказывает влияние не содержание информации, а само средство сообщения; последнее и определяет характер и содержание той специальной информации, при помощи которого она передается.

По мнению Маклюэна, «массовая культура» является высшей формой прогресса, связанного с электронными средствами массовой коммуникации. Она делает ненужными такие «устаревшие» формы культуры, как книгопечатание, и знаменует собой установление власти «глобальной деревни», в которой все продукты и средства культуры являются общедоступными. По его словам, современную культуру можно гибридизировать, консервировать, фасовать в банки так же, как фрукты и овощи.

Следует отметить, что многие идеи Маклюэна, несмотря на их парадоксальность, продолжают разрабатываться и в современных работах о «массовой культуре»...

Характерно, что в начале 1970-х годов критический тон в оценках феномена «массовой культуры» постепенно исчезает из западной социологии и эстетики. В это время большинство исследователей приходят к выводу, что «массовая культура» не только не противоречит «высокой» культуре, но в какой-то мере даже оплодотворяет и обогащает ее. Идея противоположности «высокой» и «массовой» культуры сменяется идеей их конвергенции...

«Массовая культура» — это не только произведения дешевого китча, подделки, искусство второго сорта. Напротив, довольно часто она

783

обладает утонченной и изощренной техникой... «Массовая культура» не имеет какого-либо определенного предмета или социальной жанровой структуры. Главное ее условие — создание такого культурного контекста, в котором любое художественное произведение стереотипизи-руется и по способу потребления, и по своему содержанию. «Массовая культура» — это не просто китч, это искусство, сознательно стремящееся к тривиальному.

Одна из важных функций современной «массовой культуры» состоит в мифологизации общественного сознания. Воспитывая в человеке потребителя, лишая его самостоятельного, критического отношения к реальности, создавая культовые, чуть ли не оргиастические формы поклонения своим героям, «массовая культура» выступает в роли современной мифологии...

Характерной особенностью современной «массовой культуры» является уход от реальной действительности в область фантазии, наркотического наслаждения и нарциссического самолюбования.

(История эстетической мысли. С. 621—632)

Молодежная субкультура

Одним из своеобразных феноменов современной жизни стало появление молодежной субкультуры. Ее формирование активно шло во второй половине XX в. и было тесно связано с научно-технической революцией, становлением информационного общества и массовой культуры. Молодежные «бунты» 1960— 1970-х гг., движения хиппи, панков, рокеров и т.д. стали значительным социальным явлением. В последней трети XX в. в рамках «молодежных революций» произошли сексуальная и психоделическая революции, значительно

сказавшиеся на образе жизни многих современных людей высокоразвитых стран. Многие молодежные движения оказались тесно связаны с современной музыкой (и прежде всего роком в различных его течениях) и нетрадиционными религиями.

Термин «молодежная субкультура», изрядно к месту и не к месту использовавшийся в последнее время в средствах массовой информации, на сегодня оказался настолько размытым, что его смысл и проблемы, связанные с феноменом молодежной субкультуры, ускользают от внимания и тонут в громких звуках музыки, причудливых «прикидах» молодых, их неординарном поведении, надоевшем старшим и манящем младших. И действительно, существует ли феномен молодежной субкультуры или же это ловкий трюк массовой культуры, ориентированной на ту часть общества, которую легче всего «завести», «раскрутить» и за счет которой легче всего разбогатеть? И если молодежная субкультура все-таки существует не как результат рекламной кампании в средствах массовой информации, то что это — отклонение от нормы, с которым надо так или иначе бороться (милиции, педагогам, врачам-психиатрам, психологам и т.д.), или же это нормальное явление, свойственное всем индустриально развитым обществам, а потому не-

784

обходимо проявлять терпимость к нему и научиться жить в новой социальной реальности, структурным элементом которой является в том числе и молодежная субкультура? Эти и многие другие вопросы возникают всякий раз, когда разговор начинает касаться молодежной субкультуры.

Для нее характерно следующее: .

— молодежная субкультура представляет собой социальную общность, каждый представитель которой сам причисляет себя к ней, то есть идентифицирует себя с ней. Члены такой общности могут формировать группы как непосредственного контакта (компании, объединения, тусовки), так и виртуального общения (например, киберпанки);

— вхождение молодого человека в ту или иную молодежную субкультуру означает принятие им и разделение ее норм, ценностей, мировосприятия, манер, стиля жизни, а также внешних атрибутов принадлежности к данной субкультуре (прическа, одежда, украшения, жаргон и т.п.);

— как правило, молодежные субкультуры возникают вокруг какого-либо «центра», либо инициатора тех или иных инноваций, либо выразителя тех или иных пристрастий к музыкальным стилям, образу жизни, отношения к определенным социальным явлениям и т.д.;

— «центр» (а это слово мы ставим в кавычки, поскольку в молодежных субкультурах он очень размыт и лабилен (нестоек, неустойчив, изменчив) и то, что вчера было «центром», сегодня уже может им не быть), вокруг которого группируются молодые люди, формирует субкультурное мировоззрение данной группы и закрепляет его в крылатых выражениях, лозунгах, возможно, каких-либо (писаных или неписаных) текстах, проясняющих основополагающие ценности данной группы. Если то, что делает «центр», привлекает внимание молодых людей, вокруг него появляется группа последователей, и данная субкультура растет в количественном отношении;

— значимые для той или иной молодежной субкультуры идеи и ценности получают внешнее выражение в обязательной для ее членов символике и атрибутике группы:

— посредством нее молодые люди узнают «своих»;

— она выделяет данных молодых людей среди «чужих»;

— она работает на объединение и сплочение группы;

— она позволяет молодым людям демонстрировать и отстаивать свою позицию в социальной среде...

С первых шагов молодежную субкультуру отличает невписыва-емость, невовлеченность в базовую культуру общества. А поскольку базовой в то время становилась массовая культура, то молодежная субкультура не вписывалась именно в нее. При этом «невписываемость» при одновременном желании привлечь к себе внимание окружающих обернется странным соединением, симбиозом эпатажных, эскапист-

785

ских и протестных форм данной субкультуры. Эти формы предоставят возможность молодежной субкультуре исполнять роль своеобразного компенсаторного механизма, решающего задачу противовеса мощному нивелирующему давлению массовой культуры, и проявиться как своеобразной защитной реакции культуры от самоуничтожения, одним из механизмов самосохранения культуры...

На протяжении всего времени существования молодежной субкультуры она никогда не вписывалась в массовую культуру. И в подтверждение сказанному приведем следующие доводы:

— различные молодежные субкультуры, несмотря на перманентные попытки массовой культуры

вовлечь их в свою сферу, сохраняют «контрстатус». Как только та или иная конкретная молодежная субкультура начинает движение навстречу массовой культуре, она распадается и прекращает свое существование в качестве молодежной субкультуры, будучи поглощенной массовой культурой;

— молодежные субкультуры «закрыты» *для* и *от* внешнего мира, эзотеричны, в то время как массовая культура «открыта» и, более того, агрессивна: трудно быть в стороне от нее, когда она везде и всепрони-кающа;

— поскольку молодежные субкультуры объединяют в основном учащуюся молодежь с различным образовательным уровнем, то эти субкультуры различаются по своей направленности; массовая культура, напротив, единообразна и намеренно занижает требования к образовательному уровню ее потребителя.

Уже отмеченные здесь отличия массовой культуры и молодежной субкультуры дают нам основание говорить, что последняя «выпадает» из-под единообразной власти первой и является хотя и не очень значительным, но определенного рода ее противовесом...

Молодежная субкультура ... служит своеобразным механизмом добровольной самоизоляции, ухода из мира в любом его проявлении (мира взрослых, учителей, родителей и т.д.). Тот бунтарский пафос, который присутствует у носителей молодежных субкультур, носит не деструктивный, а конструктивный характер, поскольку направлен не на глобальные изменения или разрушения существующей общественной системы, а на создание своего мира, отличающегося от общего. При этом главным для субкультурной молодежи становятся общение, определенная разделяемая всеми внутри субкультуры система представлений, общий стиль жизни и, возможно, деятельности, нравы и быт тусовки.

Молодежная субкультура начинает перерастать в контркультуру, когда появляется некий общий враг. Этим врагом может стать либо общество в целом, либо определенные социальные несоответствия реалиям времени, а не какая-либо социально-демографическая группа или конкретный человек (например, представители какой-либо наци-

овальности, спортивные болельщики и т.п.), поскольку в противном случае мы будем иметь дело не с контркультурой, а с криминальными группировками.

Когда появляется некий общий значительный (в указанном смысле) враг, тогда атмосфера игры отодвигается на второй план, а на первый выходит стихия уличного митинга. Закрытая молодежная субкультура раскрывается, ее эскапизм уходит в прошлое, превалирующим в субкультуре становится чувство агрессии, и молодежная субкультура начинает бороться до победного конца. Конструктивный субкультурный период заканчивается, и начинается деструктивный период, который часто приводит к террористическим действиям.

(Левикова С.И. Молодежная субкультура. С. 3,32—33, 44—46)

Наркотики и молодежная субкультура

В обыденном сознании молодежная субкультура прочно увязывается с наркоманией. И действительно, хотя бы то, что наркоманов-стариков практически не существует и наркотики потребляются прежде всего молодыми людьми, превращающими все, что связано с наркотиками, в проблему и для себя и для старших поколений, невольно наводит на мысли, что здесь не обходится без молодежной субкультуры. Однако юный возраст наркоманов определяется в первую очередь не их принадлежностью к молодежной субкультуре, а тем, что мало кому из них, как правило, начинающих потреблять наркотики вовсе не на старости лет, удается излечиться от наркотической зависимости и банально дожить до преклонных лет. Ведь никому же не приходит в голову на основании того, что алкоголь потребляется практически «в любом сознательном возрасте», утверждать, что молодежной субкультуры как феномена не существует.

Да, употребляющие наркотики молоды, однако далеко не все наркоманы входят в какую-либо молодежную субкультуру. Наркоманов намного больше, чем субкультурных молодых людей, и тому есть много серьезных социальных причин... При этом нельзя сказать, что и молодежная субкультура обходится без наркотиков. Даже более того, именно в рамках молодежной субкультуры были созданы специальные наркофилософия, наркорелигия и особая наркокультура, предполагавшие «нерутинное» отношение к наркотикам и к их применению. Но все это было в далеких 60-х годах XX столетия в Соединенных Штатах Америки. Создателя этих религии, философии и культуры, американского ученого Тимоти Лири, уже нет в живых. Однако еще задолго до своей смерти он пришел к выводу, что ни наркотики, ни наркомания не могут привести

человека ни к счастью, ни к мировой гармонии, ни к расширению сознания. Он отрекся от утверждения, сделанного им ранее: «Горизонты современного поколения молодежи, благодаря расширению его сознания, чрезвычайно широки в сравнении с ее родителя-
787
ми. Переворот произошел,-нет пути назад. Психоделическая битва выиграна»[1], и столь же азартно, как в свое время наркотики, стал пропагандировать иной мир — виртуальный.
Личность Тимоти Лири уникальна во многих отношениях. Он был ученым — биологом и психологом, который вначале в рамках своих служебных обязанностей, а затем, когда с ним расторгли договор, уже по собственной инициативе изучал воздействие ЛСД на организм человека, на его сознание. Как и Кен Кейси[2], автор книги, по которой впоследствии был снят фильм «Пролетая над гнездом кукушки», Лири пришел к выводу, что «когда-нибудь ЛСД спасет Америку». Однако после того, как он испробовал на себе действие многих наркотиков, создал наркоцерковь, написал книгу «Политика экстаза», многие годы «нес крест» наркогуру и практически богоподобного существа для многих молодых людей, а затем за все это отбыл наказание в тюрьме, где узнал о компьютерах и о том, что сознание можно расширять и не столь вредным для здоровья способом, каким был прием наркотиков. Он сумел излечиться от наркозависимости и стать пропагандистом здорового образа жизни и виртуального расширения сознания. При этом оба дела Тимоти Лири не пропали: и то, которое было до «исцеления», и то, что пришло ему на смену. И по сей день «осколки» наркофилософии и наркорелигии Лири продолжают будоражить умы части субкультурной молодежи, в то время как другая часть, возможно, и не подозревает, что следует заветам Тимоти Лири, расширяя собственное сознание посредством компьютера, позволяющего оказываться в ином измерении — в виртуальном мире.
Вопрос о наркотиках и наркомании в контексте молодежной субкультуры вовсе не однозначен, как это, вероятно, может показаться с первого взгляда. Так, в одних неформальных молодежных объединениях и peer groups употребление наркотиков обязательно для их членов; в других оно не запрещается и не навязывается, а решение потреблять или не потреблять наркотики остается за каждым молодым человеком; в третьих же потребление наркотиков подпадает под строжайший запрет и условием пребывания в составе такого неформального объединения является полное соответствие так называемому здоровому образу жизни и отсутствие «вредных привычек и пристрастий»...
Наркотики, как и многое другое, в рамках молодежной субкультуры играют сразу несколько ролей и в различных ситуациях выполняют различные функции: от разделения, дифференциации до соединения и уравнивания молодых людей. Так, в одних случаях наркотики и их потребление оказываются лишь фоном (в зависимости от контекста — положительным или отрицательным), на котором разворачиваются
[1] *Leary T.* The Politics of Ecstasy. NY, 1968. P. 103, 370.
[2] Более распространенное написание этой фамилии в русскоязычной литературе — Кизи.
788
события, и их роль аналогична «массовке» в театре. В других случаях роль наркотиков возрастает, в том числе и с их помощью молодежная группа отделяет «своих» от «чужих». В иных ситуациях наркотики помогают молодым людям стереть все различия и барьеры между собой, дабы возникло не объединение большого количества «Я», а одно общее большое «Мы». Ведь недаром американский хиппи Реймонд Мангоу в свое время сказал: «Я понимаю теперь, марихуана, эта бесцветная "травка", приводила нас к общему знаменателю».
Да, феномен молодежной субкультуры довольно тесно связан с наркоманией. Причина обращения молодых нонконформистов к наркотикам кроется в самой специфике молодежного протеста, насквозь пронизанного иллюзиями, придающего первостепенное значение нравственно-психологической трансформации личности. Наркотики как бы «раздвигают» границы сознания, благодаря чему появляется возможность совершать невероятные путешествия внутри самого себя, когда время, кажется, останавливается, а все предметы реального мира воспринимаются лишь фрагментарно или же в ином обличье. Однако наркоманию в общество привнесла вовсе не молодежная субкультура. И наркотические вещества, и их потребление стары как мир. Но пристрастившаяся к наркотикам уже на начальных стадиях своего существования молодежная субкультура, умудрившаяся еще в 1960-х гг. XX столетия ввести моду на наркотики среди молодежи, практически выпустила джинна из кувшина, способствуя приданию наркомании статуса молодежной проблемы мирового масштаба.
Мода на наркотики в молодежной среде пошла из Соединенных Штатов Америки периода Студенческой революции, несмотря на то, что и на начальных стадиях существования

молодежной субкультуры, в 1950-х гг. XX столетия, ее первые представители — битники и хипстеры — вовсе не чуждались наркотиков. Однако они и представить себе не могли, каких масштабов достигнет наркомания в США периода Студенческой революции — периода контркультуры, хиппи и «новых левых». Тимоти Лири в книге «Политика экстаза» отмечал, что в США каждый четвертый регулярно использовал «успокоительные средства»: «Наше общество уже на пути к превращению в измученного наркомана». И помог обществу в этом в том числе и сам Тимоти Лири, не без помощи которого молодежная культура получила не просто наркоманию, а наркокультуру, наркорелигию и наркофилософию.
(Левикова С.И. Молодежная субкультура. С. 369—372)

Средства массовой информации

Наряду с ранее существовавшими средствами массовой информации (газетами и журналами) XX в. породил новые — радио и телевидение, а в конце
789
века появляется еще и Интернет. Средства массовой информации (СМИ) оказывают решающее влияние на формирование «массовой культуры» и «массового человека», делая из него «идеального потребителя», формируя определенный образ жизни и систему идеалов. Интернет в этом смысле предоставляет человеку большую свободу выбора, способствуя некоторой его активности и самостоятельности.

СМИ Развитие информационных технологий, утверждение СМИ в качестве особого вида власти, основанной на «безличных» технологиях управления, по-особому разобщает людей, в то же время создавая основу для омассовления их сознания. Программирующие возможности СМИ значительно усиливаются за счет использования новейших средств техномодификации, одинаково применимых и в общестратегических целях управления, и в конкретно-практических целях рекламы. Масс-медиа образуют в современном обществе нечто вроде всепроникающей нервной системы, которая пронизывает социальный организм общества и управляет его деятельностью через сеть информационных потоков.

Средства массовой информации активно формируют общественное мнение и определенный общественный настрой. Маскульт и СМИ проповедуют внешнюю, потребительскую и бездуховную жизнь, раздувая мнимые потребности, провоцируя неадекватные социальные самоидентификации дезориентированного массового человека. В своей совокупности они создают определенные представления о мире и оперируют ими, формируют нужные представления о человечески наиболее значимых ценностях и понятиях, при этом могут эффективно способствовать разрушению традиционно ценимых, но актуально ставших ненужными качеств. СМИ могут подвергать факты специальной обработке и монтажу; повтор информации обеспечивает возможность ее подпоро-гового (происходящего в подсознании и как бы неосознаваемого) суммирования, что многократным своим повторением, с одной стороны, убеждает, что данное сообщение есть истина, с другой стороны, обеспечивает эффект внушения ее...

Средства коммуникации начинают не просто влиять на массы, но и производить их. И если в доинформационном обществе человек массы был скорее тенденцией, то информационные технологии перевели ее в действительность, производя массового человека в массовом же масштабе.

Развитие и совершенствование информационных технологий, мас-сифицируя публику, в то же время разобщают ее, ибо вытесняют традиционные непосредственные контакты, собрания, встречи и т.п., заменяя личное общение телевидением или компьютером. В конечном счете образуется своеобразная «толпа на дому», когда каждый вроде бы один, но в то же время в составе невидимой, однако вездесущей массы. При этом внимание, его распределение и организация управляют-
790
ся техномодификатором, и человек пребывает в своеобразном управляемом состоянии, которое современный писатель Виктор Пелевин удачно именует «опытом коллективного небытия».
(Самохвалова &.И. Культурология. С.224—228)

Телевидение Идея телевидения возникла еще в середине XIX в. после изобретения электромагнитного телеграфа. В 1884 г. немецкий изобретатель П.И. Нипков применил принцип разверстки изображения на элементы в своем «электрическом телескопе». Но только в середине 1930-х гг. появились первые системы электронного телевидения. У истоков современного телевидения стоят американские ученые В.К. Зворыкин и Ф. Фарнсуорт, англичанин К.Свинтон, советские — И.А. Адамиан, А.П. Константинов и др. Уже в 1935 г. в Германии существовала служба регулярного телевещания, хотя качество изображения было не очень хорошим. Но уже в 1937 г. в Великобритании компания Би-Би-Си сумела создать высококачественное телевещание. В 1953 г. появляется цветное телевидение.

После Второй мировой войны телевидение широко распространяется в быту и становится мощнейшим и

влиятельнейшим средством массовой информации. Для многих представителей современного массового общества телевидение стало разновидностью «наркотика»: их жизнь проходит на фоне телевизионных передач, люди едят, пьют, работают, развлекаются — и все это при включенном телевизоре. Рост числа национальных телекомпаний и постоянное увеличение количества каналов, появление кабельного телевидения, а благодаря спутниковой связи, и глобальной системы телевещания, кардинально изменили «ситуацию выбора» для зрителя: для него стали доступными сотни каналов. А появление пультов дистанционного управления привело к своеобразному явлению, получившему название «зеппинг»: телезрители почти непрерывно переключаются с программы на программу, лишь ненадолго задерживаясь на некоторых передачах. Таким образом, зритель как бы создает особый телевизионный коллаж — попурри из различных передач. Одна из причин этого явления — насыщенность телепередач рекламой, нарушающей смысловую и художественную целостность любого фильма, спектакля, видовой или учебной передачи и т.д. Причем на западном телевидении не принято давать заставку или какой-нибудь иной знак, выполняющий роль «разделителя»: реклама непосредственно вторгается в основной текст передачи, так что часто даже трудно понять, где кончается одно и начинается другое. Так в сознании зрителя возникает особая мультипликативная действительность (один из важнейших «симптомов» эпохи постмодерна), иллюзия собственной активности и сопричастности творчеству, а также своей власти над этой реальностью.

Основная система тележанров сформировалась в 1960—1970-е гг. Условно их можно поделить на две группы: восходящие к прежним формам коммуникации (новости, фильмы, спектакли, спортивные передачи и т.п.) и порожденные техническими особенностями собственно телевидения (документальные передачи «с места событий», видовые и зрелищные программы, телевизионные дискуссии, сериалы, видеоклипы и т.д.). Причем передачи первой группы со временем все сильнее изменялись, адаптируясь к новым возможностям. Так,

791

в настоящее время «изюминка» телевизионных новостей — документальные кадры о происходящих событиях. В последние годы проявилась тенденция по размыванию границ между жанрами и созданию синтетических жанров.

Важным в культурологическом смысле является изобретение видеотехники (видеомагнитофонов, DVD, CD и т.д.). Благодаря ей имеется возможность просматривать любые телевизионные передачи в записи в удобное для зрителя время (что снимает «привязанность» зрителя к экрану), возвращаясь к любым моментам телетекста, «проматывая» неинтересные куски, например рекламу. Тем самым «видеоряд» телевизионной передачи (аналогично кинофильму в видеозаписи) обретает некоторые черты печатной продукции, которую читатель всегда может изучать в желаемом порядке.

Видеоклипы Волшебно омолодили рок родившиеся в начале 80-х годов видеоклипы. Мини-фильм лишь отдаленно соответствовал тексту. В этом цель и заключалась. Ведь непонятное кажется великим, говорили древние.

Сюжет клипа может быть совершенной абстракцией или смонтирован «под хронику». Клип за несколько секунд расскажет трогательную любовную историю... или откровенно продемонстрирует физические совершенства красавицы... Объединяет их одно — отсутствие монотонности. Клип моментален, увлекателен и часто непонятен.

Видеоклипы значили для рока то, что звук для немого кино. Музыка стала изображением. Кроме того, клип, который ежедневно смотрят миллионы зрителей, превратился в невиданную по размаху рекламу. В США с 1981 г. ведет передачи MTV — канал, передающий видеоклипы рока 24 часа в сутки. Новый канал французского ТВ М6 в основном посвящен року и видеоклипам.

В чем причина успеха клипов? Отнюдь не только в низком общекультурном уровне публики. Скорее, она заключается в прекрасном знании «нижних этажей» человеческой психики и умелом овладении теми богатейшими возможностями, которые предлагают для манипуляции психикой современные технические средства. Загипнотизированный клипами зритель приучен не понимать происходящего, а сверхтемпы видеосюжета привели к тому, что любые другие съемки кажутся ему замедленными, устаревшими, скучными...

И если под развлечением понимать отключение от действительности, то клип стал для этого идеальным средством.

Зрелищные традиции рока легче осмыслить, если вспомнить, что многие исполнители, особенно английские, учились в художественных школах. Среди них — Джон Леннон, Эрик Клаптон', Дэвид Боуи и др. Стоит ли удивляться маскарадности рока, буйству его красок, впечат-

[1] Более распространенное написание этой фамилии в русскоязычной литературе — Клэптон.

792

ляющей графике, умелой сценической постановке выступлений? Рокеры участвуют в оформлении конвертов собственных дисков, столь интересных по рисунку, цвету, манере исполнения. Художественность лучших образцов рока несомненна, его развлекательный характер очевиден.

(Корзун Н.В. Рок, игры, мода и реклама. С. 16—17)

«Мыльные оперы» Едва ли не самый сильный магнит, влекущий к неподвижности перед телевизором, — желание забыться, увидеть другую, интересную и счастливую жизнь. И вот Оказалось, что жизнь «как в кино» лучше всего не в кинофильме, а в сделанном на заказ телесериале. Он проще, понятнее, короче, так как разбит на 45—50-минутные серии, а сюжет и актеры подобраны в соответствии со вкусами самой широкой публики.

Так взошли на пьедестал популярности так называемые «мыльные оперы» (в английском слово опера означает масштабную, «богатую» постановку), в просторечии «мыльники», то есть многосерийные телефильмы-постановки с протяженным, почти бесконечным «продолжение следует». «Мыльники» размножаются почкованием. Сериал «Вся семья» породил «Семью Джефферсонов», из которой выросла «Проверка» и т.д. Классическим примером «мыльников» считаются «Даллас» и «Династия», и чтобы понять тот интерес, который вызывают они у мадам Бертони и мсье Гишара, поговорим о них подробнее.

Начнем с начала, с возникновения этого жанра. В конце 30-х годов в США большой популярностью пользовались радиопостановки, действие которых происходило в кругу одной семьи, вернее, одного семейного клана. Персонажи пьесок по ходу действия упоминали продукцию тех компаний по производству мыла и стиральных порошков, которые финансировали эти передачи. Голоса ставших привычными персонажей постоянно звучали дома, а с развитием ТВ на домашнем экране появились и сами герои. К концу 70-х годов «мыльники» превратились в любимую дневную телепередачу. Домохозяйки вязали, гладили, возились у плиты, не выключая телевизор. Семейные дела героев были выставлены на всеобщее обозрение, их личную жизнь, как жизнь соседей, можно было не спеша, со вкусом и в подробностях обсудить (кто произнес слово «сплетни»?).

Теперь для «мыльников» покупают и самое дорогое вечернее время. За ужином или после него «мыльные оперы», а вернее, шикарные многосерийные телесериалы смотрит уже вся семья. О мыле было забыто. Но не о рекламе. «Даллас» и «Династия» рекламируют особый образ жизни, целый мир — богатый, блистательный и беспощадный. Под звуки эстрадно-симфонической музыки в герои протаскивали чело-

века, который писал слово «кот» с ошибками, но становился миллионером.

Не будем говорить о техническом совершенстве съемок: кустарщину на современном западном ТВ вообразить трудно. Составители серий («создатели» было бы менее точным словом) самым тщательным образом учитывают запросы широкой публики и никогда не нарушают законы жанра. Первое: зрителя нельзя сердить, иначе он может неблагосклонно отнестись к товарам, которые рекламируются в ходе сериала. Второе: он должен нравиться максимальному числу зрителей (опросы зрителей после просмотра очередного эпизода). В полной мере учтен свойственный человеческой натуре интерес к жизни за закрытыми дверями. Бытовая мелодрама как жанр всегда пользовалась симпатией широкой публики...

На экране перед зачарованным зрителем (чаще — зрительницей) раскатывают бесконечное телеполотно красивой жизни. Тождество «красивое — богатое» сомнению не подлежит. Небедствующие герои «мыльников» — как на подбор: хорошо выкормленные, загорелые, белозубые, с отличной спортивной выправкой. Положительные персонажи прекрасны по-положительному (светловолосые, улыбчивые, благородно-седые), отрицательные — по-отрицательному (жгучие брюнеты с коварным прищуром, обольстительные, как змеи, женщины, крупные, говоря словами Салтыкова-Щедрина, «полные гвардейской правоспосрбности» мужчины). Границы добра и зла определены четко, разбираться не требуется: в обществе хилых неврастеников выгодно выделяется сильный и спокойный «мэн», среди женщин-мегер — нежная и чувствительная героиня.

Волшебно прекрасна окружающая действительность: роскошные, как дворцы, особняки, слепящий блеск спортивных автомобилей, голубая гладь собственных бассейнов, цветы магнолий размером с капусту, телефон в туалете и золотые краны в ванной из розового мрамора... А сногсшибательные туалеты, которые меняются десятками за серию! Как же не смотреть, бросив все?!

(Корзун Н.В. Рок, игры, мода и реклама. С. 36—38)

Интернет как источник новостей Одна их важных черт современного Интернета — сформировавшаяся индустрия новостей «он лайн» (online news industry). Так, в США на февраль 1999 г. ее потребителями был 41% взрослых американцев. Опросы общественного мнения, проведенные во многих странах мира, показывают, что аудитория людей, регулярно получающая новости из Интернета, постоянно растет.

Новости «он лайн» сочетают в себе достоинства практически всех видов традиционных СМИ: так, Интернету присуща оперативность радио и телевидения, в нем имеет место подача визуальной и акустической информации как
794
на телевидении, вдобавок в Интернете информацию можно выбирать, «листая страницы», как в газете. Входя в Интернет, пользователь, скажем, за полчаса (среднее время выпуска новостей на телевидении), имеет возможность перебрать большое количество источников, выбирая интересующий его материал и пропуская неинтересный. Кроме того, пользователь сам выбирает, когда узнавать новости, не завися от расписания радио или телевизионных выпусков. В настоящее время большинство пользователей считает, что новости в Интернете более подробные и более точные, чем в традиционных СМИ.

Школа и обучение

В XX в. во всех высокоразвитых странах существует обязательное низшее, а в некоторых и среднее образование. При этом государственные бесплатные школы соседствуют с частными платными. Во всех странах имеется и система высшего образования, но большинство высших учебных заведений платные, и плата весьма значительна. В настоящее время во всех высокоразвитых странах существует система стипендий (государственных и частных) для одаренной молодежи, которая позволяет получать высшее образование талантливым представителям неимущих слоев.

В сфере высшего образования в последнее время наметились тенденции к его унификации, что можно рассматривать как *глобализацию в образовании.* В частности, такой процесс — так называемый Болонский — протекает сейчас в Европе. В 1997 г. в Лиссабоне была принята конвенция «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе»[1]. В 1998 г. была принята Сорбонская декларация (подписанная Францией, Германией, Великобританией и Италией), в которой была поставлена цель по гармонизации европейской системы образования. Эти идеи нашли свое развитие в Болонской декларации 1999 г., в которой была поставлена уже конкретная цель конвергенции образовательных систем европейских стран (первоначально подписали ее 29 стран[2]). Суть предлагаемой реформы состоит в принятии удобной и упорядоченной системы четких и сопоставимых степеней, что достигается в частности, за счет приложений к дипломам, в которых указывается специальность со списком прослушанных курсов и так называемых кредитных учебных (зачетных) единиц. Предполагается, что все это облегчит трудоустройство выпускников вузов как в Европе, так и во всем мире, снизит социальное неравенство в доступе к образованию, расширит академические программы по обмену преподавателями и приведет к мобильности студентов, поскольку различные курсы можно слушать в различных учебных заведениях разных стран и т.д. В каком-то смысле это выглядит как воскрешение средневековой системы образования, когда школяры свободно переходили из одного европейского университета в другой (см. с. 539). Но, с другой стороны,

[1] В 2001 г. к этой конвенции присоединилась и Россия.

[2] Россия присоединилась к ней в сентябре 2003 г. в Берлине, и теперь имеется 40 стран — участников Болонского процесса.

795 -

связано с характерной для современности стандартизацией образования, хотя согласно Болонской декларации процесс конвергенции и должен осуществляться на о'снове принципов университетской автономии и мультикультура-лизма в европейском образовании (национальных языков, культур, национальных систем образования).

В современные методы обучения внесли весомый вклад достижения современной науки и техники: в учебном процессе широко используются слайды, учебные кино- и видеофильмы, имеются специальные образовательные программы на радио и телевидении, широко применяются аудио- и видеокассеты с записями учебных курсов, по многим дисциплинам разработаны обучающие компьютерные программы и т.д. Важное место в современном педагогическом процессе заняли активные и интерактивные формы обучения, чаще всего — игровые.

Литература

Мировая литература XX в. содержит множество имен блестящих писателей, она весьма разнообразна по жанрам и направлениям. Важное место в литературе заняла тема войны — сначала Первой, а затем и Второй мировой. Люди, прошедшие войну, восприняли ее как жестокую и бесполезную бойню, что нашло свое отражение в творчестве писателей так называемого «потерянного поколения», ярчайшими представителями которого были Э.М. Ремарк, Э. Хэмингуэй, У. Фолкнер. Вторая мировая война получила в литературе еще и иную интерпретацию — здесь главной становится тема борьбы с фашизмом.

К ведущим жанрам литературы XX в. можно отнести социальный роман (Г. Манн, Т. Драйзер, Р. Роллан, Д.Ж. Голсуорси, Ф.С. Фицджеральд и др.), исторический роман (Л. Фейхтвангер, Т. Уайлдер, Т. Манн и др.), философские романы, новеллы и рассказы (М. Пруст, Г. Гессе, Ж.П. Сартр, А. Камю, Дж. Фаулз, У. Эко и др.). Ярчайшим явлением мировой культуры середины и конца XX в. стала *латиноамериканская литература,* породившая особый жанр «фантастического реализма».

Для конца XX в. особенно примечательны появление *«постмодернистской»* литературы с характерной для нее «игрой с текстом», и в ее рамках — под влиянием компьютеризации — создание литературных произведений в форме *гипертекста.*

Кроме того, для культуры XX в. характерно явление так называемой *«массовой литературы».*

Из романа Джойса «Улисс»

Джемс Джойс (1882—1941)— известный английский писатель (ирландского происхождения). Его роман «Улисс» (1922) наряду с книгами М. Пруста положил начало литературе «потока сознания». Понимание человеческой жизни как потока переживаний займет позднее важное место в философии экзистенциализма. Этот же роман является одним из первых в современной литературе, где сознательно воплощаются психоаналитические идеи Фрейда. Текст романа настолько сложен, что комментарии литературоведов к нему занимают четыре тома.

796

Продолжая ощупывать письмо в кармане, он вытащил из него булавку. Простая булавка? Он бросил ее на землю. Откуда-нибудь из одежды: что-то закалывала. Это немыслимо, сколько на них булавок. Нет розы без шипов.

Грубые дублинские голоса взвыли у него в голове. В ту ночь в Куме, две девки, обнявшись под дождем:

Эх, у Мэри панталоны на одной булавке. А булавка упадет — Как домой она дойдет, Как домой она дойдет?

Кто? Мэри. Ужасно болит голова. Наверно, их месячные розы. Или целый день за машинкой. Вредно для нервов желудка. Зрительное напряжение. Какими духами душится твоя жена? Додумалась, а?

Как домой она дойдет?

Марта, Мэри. Мария и Марфа. Где-то я видел эту картину, забыл уже, старого мастера или подделка. Он сидит у них в доме, разговаривает. Таинственно. Те девки из Кума тоже слушали бы.

Как домой она дойдет?

Приятное вечернее чувство. Скитанья кончены. Можешь расслабиться — мирные сумерки — пусть все идет своим чередом. Забудь. Рассказывай о тех местах, где ты был, о чужих обычаях. Другая, с кувшином на голове, готовила ужин: фрукты, маслины, прохладная вода из колодца, хладнокаменного, как дырка в стене в Эштауне. В следующий раз, как пойду на бега, надо будет прихватить бумажный стаканчик. Она слушает с расширенными глазами, темные ласковые глаза. Рассказывай — еще и еще — все расскажи. И потом вздох: молчание. Долгий — долгий — долгий покой.

Проходя под железнодорожным мостом, он вынул конверт, проворно изорвал на клочки и пустил по ветру. Клочки разлетелись, быстро падая вниз в сыром воздухе: белая стайка, потом все попадали.

(Джойс Д. Улисс. С. 62)

Из романа Гессе «Нарцисс и Гольдмунд»

Герман Гессе (1877— 1962 гг.) — знаменитый швейцарский писатель, всегда проявлял большой интерес к культуре Востока, особенно религиозным учениям Индии. Ряд его романов («Сиддхартха», «Паломничество в страну Востока» и др.) представляет попытку европейца понять культуру Востока. Ниже приводится отрывок, в котором Гессе говорит о творческом пути художника.

Он часто заходил в мастерскую, подбадривая помощника Эриха, который продолжал работать над алтарем и очень ждал возвращения мастера. Иногда настоятель отпирал комнату Гольдмунда, где стояла

797

фигура Марии, осторожно снимал покрывало с фигуры и оставался возле нее. Он ничего не знал о ее происхождении: Гольдмунд никогда не рассказывал ему историю Лидии.

Но он все чувствовал, он видел, что образ этой девушки долго жил в душе его друга. Может быть, он ее соблазнил, может, обманул и покинул. Но он взял ее в свою душу и сохранил вернее, чем любой супруг, и в конце концов, возможно, много лет спустя, не видя ее больше, он воссоздал ее трогательную фигуру, вложив в ее лицо, позу, руки всю нежность, восхищение и страсть любящего. И в фигурах кафедры для чтеца в трапезной он всюду читал историю своего друга. Это была история бродяги и раба страстей, бездомного и неверного, но все, что осталось от этого здесь, было полно добра и верности, живой любви. Как таинственна была эта жизнь, как мутно и бурно неслись ее потоки, и вот какое благородство и какую чистоту она породила!...

Мадонна-Лидия стояла в комнате и смотрела на них.

— Ты все время думаешь о смерти? — спросил Нарцисс.

— Да, я думаю о ней и о том, что вышло из моей жизни. Мальчиком, когда я был еще твоим учеником, у меня было желание стать таким же исполненным духовности человеком, как ты. Ты мне показал, что у меня нет призвания к этому. Тогда я бросился в другую сторону жизни — в чувства, и женщины помогали мне найти в этом наслаждение: они так сговорчивы и страстны. Но

мне не хотелось бы говорить о них презрительно и о чувственных наслаждениях тоже, я ведь часто бывал очень счастлив. И я имел также счастье испытать одухотворение чувственности. Из этого возникает искусство. Но сейчас угасли оба пламени. У меня нет больше животного желания счастья, и оно не появилось бы, даже если бы женщины бегали за мной. И творить мне больше не хочется: я сделал достаточно фигур, дело не в количестве. Поэтому для меня пришло время умирать. Я не хочу противиться, мне даже любопытно.
— Почему любопытно? — спросил Нарцисс.
— Ну, пожалуй, это немного глупо. Но мне действительно любопытно. Речь не о потустороннем мире, Нарцисс, об этом я мало думаю и, откровенно говоря, уже не верю в него. Нет никакого потустороннего мира. Засохшее дерево мертво навсегда, замерзшая птица никогда не вернется к жизни, а тем более человек, если умрет. Какое-то время его будут помнить, когда его не станет, но и то недолго. Нет, смерть любопытна мне потому, что я все еще надеюсь или мечтаю оказаться на пути к моей матери. Я верю, что смерть — это большое счастье, да, счастье, такое же огромное, как счастье первой любви. Я не могу отделаться от мысли, что вместо смерти с косой придет моя мать, которая возьмет меня к себе и вернет в невинность бытия.
(Гессе Г. Нарцисс и Гольдмунд. С. 255—262)
798
Латиноамериканская В середине XX в. в мировой культуре появилось но-литература XX в. вое значительное явление: латиноамериканская литература. Ее наиболее известные представители — Хорхе Луис Борхес (1899-1986) и Хулио Кортасар (1914-1984) - Аргентина, Жорджи Амаду (1912—2001) — Бразилия, Габриель Гарсиа Маркес (р. 1928) — Колумбия. Так как латиноамериканские страны в течение нескольких столетий представляли из себя колонии (в основном — Испании и Португалии), то не удивительно, что культура этих стран является синкретической: в ней перемешались элементы местной (традиционной) культуры южноамериканских индейцев, традиционной культуры африканских племен (негры были завезены сюда во времена рабовладения) и европейской культуры (особенно хорошо это смешение видно в религиозных верованиях населения). Все это нашло отражение и в литературе. Этих писателей, и в первую очередь Борхеса, литературоведы относят к постмодернистам.
'«Восток»- Борхеса
Рука Вергилия минуту медлит
Над покрывалом с ключевой струей
И лабиринтом образов и красок,
Которые далекий караван
Довел до Рима сквозь песок и время.
Шитье дойдет строкой его «Георгик».
Я не видал, но помню этот шелк.
С закатом умирает иудей,
К кресту прибитый черными гвоздями,
Как претор повелел, но род за родом
Несчетные династии земли
Не позабудут ни мольбы, ни крови,
Ни трех мужчин, распятых на холме.
Еще я помню книгу гексаграмм
И шестьдесят четыре их дороги
Для судеб, ткущих бдения и сны.
Каким богатством искупают праздность!
И реки золотых песков и рыбок,
Которыми Пресвитер Иоанн
Приплыл в края за Гангом и рассветом,
И хайку, уместивший в три стиха
Звук, отголосок и самозабвенье,
И джина, обращенного дымком
И заключенного в кувшин из меди,
И обещанье, данное в ночи.
Какие чудеса таит сознанье!
Халдея, открывательница звезд;
799
Фрегаты древних лузов, взморье Гоа. Клайв, после всех побед зовущий смерть, Ким рядом с ламой в рыжем одеянье, Торящий путь, который их спасет. Туманный запах чая и сандала. Мечети Кордовы, священный Аксум И тигр, который зыбится как нард. Вот мой Восток — мой сад, где я

скрываюсь От неотступных мыслей о тебе...
(Борхес Х.Л. Письмена бога. С. 306)

Из романа Амаду -«Лавка чудес»-

(Об афро-бразильской религии умбанду, которую исповедуют описываемые ниже герои, см. с. 764)

Афоше означает «волщба» (от «волшебство». — *Сост.),* потому Пед-ро Аршанжо и явился к главной жрице, грозной Маже Бассан, испросить у нее благословения и с'овета. Он рассказал ей, что Лидио Корро, Жозе Аусса, Мануэл де Прашедес, Будиан, Сабина и он сам вместе со всеми прочими неугомонными жителями Тороро затеяли вывести на карнавал группу «Африканское посольство», чтобы показать всем тот мир, откуда пришли в Бразилию негры и мулаты.

Матушка Маже Бассан бросила ракушки, чтобы узнать, кто из бо-гов-ориша и демонов-эшу окажет им покровительство. Оказалось, Иеманжа, царица морей, и эшу Аксан. Потом она принесла оправленный в серебро бараний рог. Без него, молвила она, никакое шествие на улицу выходить не должно.

— Вот оно, афоше, — повторила она и отдала талисман Аршанжо.

«Африканское посольство», первое афоше, которое решилось бросить вызов другим группам... — впервые вышло на карнавал в 1895 году... «Двор Ошала» — тема, выбранная для процессии, — имел такой успех, что уже на следующий год афоше «Африканские весельчаки», созданное анголезцами и помещавшееся в Санто-Антонио-Ален-до-Кармо, присоединилось к нему. Еще через год целых пять групп запели песни негров и мулатов, песни, которые до тех пор звучали только на макумбах. Самба вышла на улицы Баии.

Как же было не запретить афоше, если песни негров, и их круговая самба, и пляски, и батуке, и все магические церемонии пришлись народу по вкусу?!

Газеты выступили против них, потому что «праздник карнавала, праздник нашей цивилизации все более приобретает африканские черты». В первые годы нового века яростная и систематическая газетная кампания разгоралась всякий раз, когда «африканские группы» брали верх над ан-

тичной Грецией, над Людовиком XIV, над Екатериной Медичи — словом, над всем, что приводило в умиление людей состоятельных и образованных. «Власти обязаны запретить все эти кандомбле и батуке, которые в дни карнавала заполняют улицы, производя оглушительный и безобразный шум, превращая город в Кинту-дас-Беатас или в Эн-кеньо Вельо, где полуголая толпа отплясывает омерзительную самбу. Афоше несовместимы с тем уровнем цивилизации, которого мы достигли», кричал «Жорнал де Нотисиас»», влиятельный орган консервативных кругов.

Но афоше по-прежнему заполняли улицы и площади, будоража народ, который в бешеных ритмах самбы забывал об аллегорических колесницах Больших обществ, об их костюмах времен того же Людовика.

В 1903 году, когда тринадцать афоше негров и мулатов прошли по улицам великолепной процессией («Огласив воздух пронзительными звуками наших инструментов, мы победим соперников и докажем клеветницам, что культура черного континента — не выдумка» — так на- - чинался один из их манифестов) и карнавал кончился, журналисты посыпали голову пеплом и покраснели от стыда: «Если кто-нибудь станет судить о Баие по карнавалу, он, несомненно, сочтет наш город африканским. К нашему стыду, надо сказать, что именно сейчас у нас гостит делегация австрийских ученых, и, разумеется, они не преминут расписать все это в газетах цивилизованной Европы, — они только того и ждут». Так куда же смотрит полиция? Что она предприняла «для того, чтобы доказать: Баия — цивилизованный город»? Все эти африканские безобразия продолжают выставляться напоказ, атабаке гремят, колонны цветных всех оттенков — от величественных креолок до изящных мулаток — продолжают отплясывать неистовую бешеную самбу. Сколько еще будет продолжаться это надругательство, эта волшба, это шаманство? Что станет с нашей латинской культурой? Да, мы наследники латинской культуры, и пусть все помнят об этом, а для забывчивых есть полицейская дубинка и плеть.

И в конце концов полиция вступилась за цивилизацию, мораль и семейные устои, за порядок и добропорядочность, защитила оказавшееся под угрозой общество и богатые процессии привилегированных Больших обществ вместе с их аллегорическими колесницами. Были запрещены афоше, самбы, батуке и «выступления групп с африканскими обычаями». Лучше поздно, чем никогда! Приезжайте,.австрий-ские ученые, приезжайте, немцы, бельгийцы, французы или белокурые жители Альбиона! Приезжайте, теперь можно!

(Амаду Ж. Лавка чудес. С. 73-76)

Из рассказа Кортасара -«Лукас и его больницы*

Так как больница, куда лег Лукас, высшего разряда, где больной-всегда-прав и сказать «нет», даже

когда он просит невесть что, куда как серьезная проблема для медсестер, всем они обворожительно и наперегонки отвечают «да» — по причинам, указанным выше.
801
Конечно, невозможно удовлетворить просьбу толстяка из 12-й палаты, который в разгар цирроза печени требует каждые три часа бутылку джина, зато с каким удовольствием девушки сказали «да», «само собой», «ну конечно», когда Лукас, увидевший во время проветривания палаты букетик ромашек в холле, почти застенчиво попросил разрешения унести одну ромашку в палату, чтобы хоть как-то скрасить обстановку.
Положив ромашку на тумбочку, Лукас нажимает на кнопку звонка и просит принести стакан с водой, чтобы придать растению более свойственное ему положение. Не успевают принести стакан и поставить туда цветок, как Лукас замечает, что тумбочка загромождена склянками, журналами, сигаретами и почтовыми открытками, так что нельзя ли поставить какой-нибудь столик к изножью кровати, это позволит наслаждаться видом ромашки, не рискуя вывихнуть шею в процессе обнаружения цветка среди различных предметов, размножающихся на тумбочке.
Медсестра тут же приносит требуемое и помещает стакан с ромашкой в наилучшем для обозрения ракурсе, за что Лукас тут же ее благодарит, замечая вскользь, что его посещают многочисленные друзья, а стульев маловато и было бы весьма кстати, воспользовавшись тем, что столик уже принесен, добавить два-три удобных кресла, что создало бы более располагающую к беседе атмосферу.
Не успевают медсестры появиться со стульями, как Лукас говорит, что чувствует себя крайне обязанным по отношению к друзьям, которые должны делить с ним его горькую участь, в силу чего большой стол был бы как нельзя кстати, предварительно покрытый, конечно, скатеркой под две-три бутылки виски и полдюжины бокалов, желательно граненого стекла, не говоря уже о термосе со льдом и нескольких бутылках содовой.
Девушки разбегаются в поисках всех этих предметов и художественно располагают их на принесенном столе, при этом Лукас позволяет себе заметить, что присутствием бокалов и бутылок значительно снижается эстетический эффект ромашки, она прямо-таки затерялась в ансамбле, хотя выход из положения весьма прост — ведь если чего-то и не хватает в помещении, так это шкафа для одежды и обуви, кое-как сваленных в стенном шкафу в коридоре, так что достаточно поместить стакан с ромашкой на шкаф, и цветок будет доминировать в палате, придав ей тот таинственный шарм, который является ключом к любому успешному выздоровлению.
Сверх всякой меры уставшие, но верные правилам больницы, девушки с трудом вдвигают в палату огромный шкаф — на нем в конце концов и водружается ромашка, напоминающая несколько удивленный, но доброжелательный глаз. Медсестры карабкаются на шкаф, чтобы подлить немного воды в стакан, и тогда Лукас закрывает глаза и
802
говорит, что теперь все в полном порядке и он попытается уснуть. Как только закрывают дверь, он вскакивает, вытаскивает ромашку из стакана и выбрасывает ее в окно, потому что ромашка не самый любимый его цветок.
(Кортасар Х. Лукас и его больницы. С. 346—347)

Постмодернистская литература Последняя треть XX в. — время расцвета постмодернистской литературы. Наиболее характерная ее черта — игра с текстами, отсюда — обильное цитирование и даже конструирование своего текста из чужих цитат. Так, например, в 1979 г. Ж. Ривэ выпускает экспериментальный роман-цитату «Барышни из А», состоящий из 750 цитат из 408 произведений. Правильно понять такого типа литературу может только человек, знакомый с соответствующими произведениями, образующими *интертекст* для данного текста. Отсюда — погруженность в культуру вплоть до того, что вне каких-то базовых знаний, подчас весьма значительных, понять эту литературу вообще невозможно.
Другая характерная особенность постмодернистской литературы — *«авторская маска».* Термин предложен американским критиком К. Мамгреном. Он и другие исследователи выявили различные способы создания преднамеренного повествовательного хаоса, в котором восприятие мира выступает как разорванное, отчужденное, лишенное смысла, закономерности и упорядоченности. В качестве связующего центра для этого хаоса Мамгрен и предложил понятие авторской маски. В литературе постмодернизма автор посягает на свободу читательской интерпретации, непосредственно вмешиваясь в восприятие читателя, и посредством мета-текста комментируя свое произведение. Этот комментарий чаще всего имеет нарочито иронический характер, высмеивая не только шаблоны классической, а чаще — массовой литературы, но и читательские ожидания.
С авторской маской связан и так называемый *«двойной код».* Целью «двойного кодирования» повествования

в постмодерне, включающего в себя «иронический модус», является разрушение языковых и отождествляемых с ними мыслительных стереотипов восприятия читателя. Посредством этого приема постмодернисты пародируют жанры и приемы массовой литературы, иронически переосмысляя их стиль. При этом постоянно подчеркивается условная, игровая природа словесного искусства. Двойное кодирование оказывается стилистическим проявлением «познавательного сомнения», *«эпистемологической неуверенности».*

«Эпистемологическая неуверенность» — наиболее характерная черта мировоззрения постмодернизма. Ее возникновение связано с кризисом веры во все ранее существовавшие ценности («кризис авторитетов»), при этом на первое место выходит (с точки зрения постмодернистов) «крах» научного детерминизма и историзма, а также научной картины мира в целом. Для таких теоретиков постмодернизма, как Деррида, Фуко, Лакан, Делёз, Барт, типично общее представление о мире как о хаосе — бессмысленном, децентризированном и непознаваемом.

Одним из приемов разрушения центризма у постмодернистов стала *деперсонализация* — то, что у различных авторов получало названия «смерть

803

субъекта», «смерть автора», «растворение характера в романе», «кризис индивидуальности» и т.д. В сфере литературной критики «смерть автора» впервые была провозглашена Бартом в одноименном эссе 1968 г. Он утверждал там, что в произведении «говорит» не автор, а язык, и потому читатель слышит голос не автора, а текста, организованного в соответствии с правилами «культурного кода» (или кодов) своего времени и своей культуры.

Из статьи Барта -«Смерть автора»

Письмо — та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего.

Очевидно, так было всегда: если о чем-либо *рассказывается* ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть в конечном счете вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой, — то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо. Однако в разное время это явление ощущалось по-разному. Так, в первобытных обществах рассказыванием занимается не простой человек, а специальный медиатор — шаман или сказитель; можно восхищаться разве что его «перформацией» (то есть мастерством в обращении с повествовательным кодом), но никак не «гением». Фигура *автора* принадлежит Новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием Средних веков это общество стало открывать для себя (благодаря английскому эмпиризму, французскому рационализму и принципу личной веры, утвержденному Реформацией») достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, «человеческой личности». Логично поэтому, что в области литературы «личность» автора получила наибольшее признание в позитивизме, который подытоживал и доводил до конца идеологию капитализма. *Автор* и поныне царит в учебниках истории литературы, в биографиях писателей, в журнальных интервью и в сознании самих литераторов, пытающихся соединить свою личность и творчество в форме интимного дневника. В средостении того образа литературы, что бытует в нашей культуре, безраздельно царит автор, его личность, история его жизни, его вкусы и страсти: для критики обычно и по сей день все творчество Бодлера — в его житейской несостоятельности, все творчество Ван Гога — в его душевной болезни, все творчество Чайковского—в его пороке; *объяснение* произведения всякий раз ищут в создавшем его человеке, как будто в конечном счете сквозь более или менее прозрачную аллегоричность вымысла нам всякий раз «исповедуется» голос одного и того же лица — *автора.*

Хотя власть Автора все еще очень сильна (новая критика зачастую лишь укрепляла ее), несомненно и то, что некоторые писатели уже давно пытались ее поколебать...

804

Ценнейшее орудие для анализа и разрушения фигуры Автора дала современная лингвистика, показавшая, что высказывание как таковое — пустой процесс и превосходно совершается само собой, так что нет нужды наполнять его личностным содержанием говорящих. С точки зрения лингвистики, автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как «я» всего лишь тот, кто говорит «я»; язык знает «субъекта», но не «личность», и этого субъекта, определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы «вместить» в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности.

Удаление Автора (вслед за Брехтом здесь можно говорить о настоящем «отчуждении» — Автор делается меньше ростом, как фигурка в самой глубине литературной «сцены») — это не просто исторический факт или эффект письма: им до основания преображается весь современный текст,

или, что то же самое, ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется. Иной стала прежде всего временная перспектива. Для тех, кто верит в Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге: книга и автор сами собой располагаются на общей оси, ориентированной между *до* и *после; считается,* что Автор *вынашивает* книгу, то есть предсуществует ей, мыслит, страдает, живет для нее, он так же предшествует своему произведению, как отец сыну. Что же касается современного скрипто-ра, то он рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бы- • тия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом, остается только одно время — время речевого акта, и всякий текст вечно пишется *здесь* и *сейчас...*

Современный скриптор, покончив с Автором, не может более полагать согласно патетическим воззрениям своих предшественников, что рука его не поспевает за мыслью или страстью и что коли так, то он, принимая сей удел, должен сам подчеркивать это отставание и без конца «отделывать» форму своего произведения; наоборот, его рука, утратив всякую связь с голосом, совершает чисто начертательный (а не выразительный) жест и очерчивает некое знаковое поле, не имеющее исходной точки,— во всяком случае, оно исходит только из языка как такового, а он неустанно ставит под сомнение всякое представление об исходной точке.

Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. Писатель подобен Бувару и Пекюше, этим вечным переписчикам, великим и смешным одновременно, глубокая комичность которых *как раз и знаменует собой* истину письма; он может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось

не впервые; в его власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них; если бы он захотел *выразить себя,* ему все равно следовало бы знать, что внутренняя «сущность», которую он намерен «передать», есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности...

Коль скоро Автор устранен, то совершенно напрасным становятся и всякие притязания на «расшифровку» текста. Присвоить тексту Автора — это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо. Такой взгляд вполне устраивает критику, которая считает тогда своей важнейшей задачей обнаружить в произведении Автора (или же различные его ипостаси, такие как общество, история, душа, свобода): если Автор найден, значит, текст «объяснен», критик одержал победу. Не удивительно поэтому, что царствование Автора исторически было и царствованием Критика, а также и то, что ныне одновременно с Автором оказалась поколебленной и критика (хотя бы даже и новая). Действительно, в многомерном письме все приходится *распутывать, но расшифровывать* нечего, структуру можно прослеживать, «протягивать» (как подтягивают спущенную петлю на чулке) во всех ее повторах и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла. Тем самым литература (отныне правильнее было бы говорить *письмо),* отказываясь признавать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-либо «тайну», то есть окончательный смысл, открывает свободу контртеологической, революционной по сути своей деятельности, так как не останавливать течение смысла значит в конечном счете отвергнуть самого Бога и все его ипостаси — рациональный порядок, науку, закон...

(Барт Р. Смерть автора. С. 384-390)

Гипертекстовая литература — Одно из оригинальнейших явлений в литературе конца XX в. — произведения, носящие характер гипертекста.

Само понятие «гипертекстовая литература» в некотором смысле парадоксально и внутренне противоречиво. Литературный текст по своей природе одномерен — «линеен», так как последовательно разворачивается во времени, тогда как гипертекст всегда «многомерен». Определенные предпосылки для многомерного литературного текста существовали раньше. Так, уже в Древней Индии (см. с. 187) использовался прием «обрамленного рассказа», который стал ведущим в «1001 ночи» (см. с. 460), в романах XVIII— XIX вв. можно найти параллельные линии в изложении событий, используется прием «возвращения в прошлое» в виде воспоминаний героев и т.д. Однако рождение литературных произведений, построенных в форме гипертекста, безусловно, связано с появлением компьютера с его многомерным

электронным пространством и возможностью легкого перехода от одного «измерения» к другому.

В настоящее время в рамках гипертекстовой литературы возникло и еще одно интересное явление:

«интерактивная литература». В ней допускается развитие событий по разным линиям, выбор которых осуществляется самим читателем, что сближает такого рода литературу с компьютерными играми.
К числу наиболее известных в мире авторов, работающих в жанре гипертекста, принадлежит сербский писатель Милорад Павич.

О романах Павича

Роберт Кувер, известный писатель, профессор Университета Браун (Нью-Йорк), в публикации «Конец книг» («The End of Books», «Нью-Йорк Тайме», 21 июня 1992 г.), которую можно назвать в некоем специфическом смысле программной, и в большой статье под названием «Гиперлитература: рассказы для компьютера» («Hyperfiction: Novels for Computer», «Нью-Йорк Тайме», 29 августа 1993 г.) говорит о явлении, возникшем в Америке в рамках постмодерна и распространившемся на Европу и Японию.

О чем на самом деле идет речь? Явление это связано не только с отбрасыванием некоей технологии, в данном случае — полиграфической, но и с радикальным изменением процесса написания, публикации, чтения и критики литературного произведения. Сегодня[1] литературный текст — это не обязательно книга. Он может находиться на компакт-диске, а не под книжной обложкой, и использование возможностей электронного посредника неизбежно изменяет форму повествования и восприятия.

Книжный текст перерастает в текст электронный, писание и чтение происходят на компьютере, что дает возможность нелинейного и нехронологического рассказа, подобно тому архаичному, свойственному устному творчеству повествованию, когда рапсоды по своей воле организуют и связывают фрагменты в некое подвижное целое, у которого нет ни начала, ни конца в классическом смысле и где текст подвержен постоянным изменениям.

Жизнь художественного текста сегодня, в конце XX в., продолжается в кажущейся бесконечности, свойственной компьютеру, в гиперпространстве, где технология электронной записи, так называемый гипертекст, приводит к созданию более сложных и многомерных связей между сегментами текста, образуя в данном случае некую специфическую сеть. Создание многочисленных вариантов и версий произведения, новых слоев и соединений смысловых центров через читательскую диги-тальную организацию текстовых фрагментов позволяет и читателю, по-мимо писателя, стать творцом текста. Думаю даже, с появлением гипертекста и гипербеллетристики стало возможным говорить о том, что

многие постмодернистские теоретические построения впервые получили практическое воплощение. Термин «гипертекст» я использую в зна-. чении, которое сформулировал Роберт Кувер: «Гипертекст — это электронный текст, написание и чтение которого осуществляется на компьютере, где не властен порядок типографской печати, его тирания и его ограничения, поскольку текст существует в нелинейном пространстве, создаваемом процессором. В отличие от печатного текста с однонаправленным движением вместе с перелистыванием страниц гипертекст — радикально иная технология, интерактивная и многоголосная, которая утверждает плюрализм дискурса над строго определенной фиксацией текста» («Нью-Йорк Тайме», 21 июня 1992 г.).

Конечно, следует подчеркнуть тот факт, что существует два вида литературных произведений, чье компьютерное издание может произвести желаемый эффект. Первый — литература, которая изначально была написана для компьютера и не может быть перенесена с CD в книгу. Второй — те произведения, напечатанные классическим способом, художественная ткань которых при этом обладает свойствами гипертекста. Это происходит именно потому, что лабиринт гиперпрост-ранства дает им более адекватную возможность раскрытия всех слоев и смыслов, чем печатная версия. Что касается литературных текстов с классическими линейно-хронологическими свойствами, то перенос их на компьютер привел бы лишь к традиционному чтению с экрана.

Хороший пример этого второго вида литературных произведений представляет собой проза Милорада Павича. Так называемые электронные писатели считают этого автора одним из предтеч гиперлитературы. Вот что об этом говорит Роберт Кувер в «Нью-Йорк Тайме»: «В долгой истории книгопечатания было выработано без числа стратегий, пытающихся ограничить силу и господство печатной строки, избавить текст от полей до творческих новаций таких романистов, как Лоренс Стерн, Джеймс Джойс, Реймон Кено, Итало Калвино и Милорад Павич» («Нью-Йорк Тайме», 21 июня 1992 г.). Электронные писатели считают своими предтечами Сервантеса и Борхеса.

Конечно, не возникновение гиперлитературы (около 1990 г., когда появился первый роман на дискете — Michael Joyce, «Afternoon») впервые соединило произведения Милорада Павича с миром компьютера. Сам Павич в ранних отзывах на восприятие «Хазарского словаря» связывал чтение этого произведения с началами «бейсика». Эти параллели чувствовались поначалу редко,

затем — все чаще. Майкл Джойс сразу после выхода нью-йоркского издания «Хазарского словаря» (1988) попытался установить контакт с Павичем. Патриция Сере (Patricia Serex) в отзыве на «Хазарский словарь», озаглавленном «Книга XXI

века» («Le livre du XXI siecle» — «24 heures», 31 марта 1988 г.), писала: «Это некая разновидность "Илиады", нечто вроде компьютерной "Одиссеи", открытая, интегральная книга». Роберт Кувер, рецензируя «Хазарский словарь» в «Нью-Йорк Тайме» в 1988 г., предсказал целый ряд литературных явлений, грядущих в ближайшие несколько лет, и место книг Павича среди них: «Со времени, когда поборник и пророк компьютера Тед Нельсон придумал слово "гипертекст", чтобы почти двадцать лет назад описать это явление, начался верный, а сейчас уже и быстрый прирост учеников, заинтересованных этим новым отрядом охотников за сновидениями. Сейчас пишется новый вид "книг" без обложки, интерактивных, подверженных расширению; без сомнения, на данный момент целый ряд их существует в гиперпространстве; и "Хазарский словарь" может легко занять свое место среди этих вдохновленных всадников» («He Thinks the Way We Dream», «Нью-Йорк Тайме Бук Ревью», 20 ноября 1988 г.).

В опубликованной в 1987 г. рецензии на «Железный занавес», сборник рассказов Милорада Павича, я высказала следующую мысль: «Структуру рассказов Павича можно условно сравнить с компьютерной видеоигрой. В них пространство с виду не ограничено, так что создается иллюзия бесконечности. Переходом с уровня на уровень, вперед-назад, влево-вправо решаются загадки и собираются сведения, чтобы из мозаики получилось целое, а это могут лишь мастера игры» («Кижевност». 1987. № 12. С. 2108).

Тот, кто держал в руках руководства по текстовым процессорам, обладая толикой фантазии, мог трактовать их и как своеобразный клюя или инструкцию к использованию книг Милорада Павича. Структура этих книг вносит в сегодняшнюю литературу некую систему, которая полностью соответствует системе работы не только текстового процессора, но и компьютера в целом, И это, разумеется, происходит независимо от чьих-либо осознанных и просчитанных намерений.

Я коснулась здесь некоторых характеристик гипертекста в прозаических произведениях Павича и проверила возможность конвертации его книг в компьютерную среду...

Как могла бы выглядеть гипертекстовая версия «Хазарского словаря»? Словарные статьи создали бы в гиперпространстве подвижную сеть, а указатели, то есть узловые точки, которые читатель определил, прокладывая свое прочтение, сделали бы возможным движение с различными входами и выходами, началами и концами. Например, в алфавитном порядке, по временным сегментам, религиозным триадам или любому другому заданному принципу. Могу сослаться на чисто отсылочные знаки, данные в печатной версии «Хазарского словаря», которые уже дают возможность перескоков, переходов и создания читательских вариантов. В компьютерной же версии романа система связей между рассказами-статьями была бы построена легче. Перескоки были бы возможны без мучительного перелистывания книги с несколькими

пальцами между страницами, без вложенных бумажек или перечеркивания прочитанных статей в содержании и т.д., и так на всех уровнях, от самого конкретного до самого абстрактного. Кроме того, существует возможность сохранения порядка чтения, так что читатель может вспомнить свои версии прочитанного, различающиеся разными по смысловой организации фрагментами. Вероятно, имеется огромное, но конечное число возможных комбинаций статей, однако существенно не это. Существенно то, что перенос книги, подобной «Хазарскому словарю», в компьютерную среду, которая дает возможность такого комбинирования фрагментов, помогает более эффективному, по сравнению с традиционным чтением, постижению всех слоев этого произведения. Некоторые статьи можно было бы обработать визуально, с помощью анимации или фильма, а некоторые — при помощи звука (например, в сцене разбрасывания зерен сеятелем музыка была бы совсем не лишней!). Творчество читателя, таким образом, осуществлялось бы в большем количестве направлений, а гиперсреда — это трехмерное представление текста, этот пространственный текст — содействовала бы тому, чтобы больше органов чувств было включено в восприятие.

Схема и метод переноса «Пейзажа, нарисованного чаем» в компьютерную среду, как мне кажется, уже даны в начале содержания «романа для любителей кроссвордов» и в указаниях писателя («Как читать этот роман горизонтально», «Как читать этот роман вертикально»). Думаю даже, что это произведение — наиболее простое для перевода в гипертекстовый формат как раз благодаря примечаниям, ясно указывающим на целое: по темам, персонажам, событиям, любовным историям и т.д. Разумеется, здесь

читатель кроме различных комбинаций сегментов текста и установления новых связей между ними и их новых значений мог бы, как и в книге, меняя начало и конец романа, влиять на судьбу персонажей...
Четвертый роман Милорада Павича «Последняя любовь в Константинополе» с подзаголовком «Пособие по гаданию» составлен из 22 (0—21) глав, носящих названия карт таро. Это произведение — своеобразная романическая интерпретация карт таро, некоего ожившего таро, где каждая карта стала отдельным рассказом, потому что каждая глава корреспондирует на глубоком уровне с основными значениями и символикой отдельной карты.
Через этот роман-таро читатели пройдут на этот раз от начала до конца, ступень за ступенью, но зато смогут, сложив книгу, разложить карты и узнать свою судьбу в соответствующих главах, прочитав их еще раз по-новому, согласно раскладу.
Существуют два основных уровня чтения. Первый, можно сказать, классический способ, а второй — тот дополнительный уровень — прочтение собственной судьбы каждым отдельным читателем. Книга как руководство, как пособие по гаданию, на этом другом уровне чтения входит в саму жизнь, вмешивается в нее, а это делает возможным и

сегментарное чтение текста, и пропитывание текста в другом ключе, нежели в самоочевидном, данном на уровне событий романа. Роман-таро Павича легко представить в компьютерной версии как еще одну из видеоигр с картами, которых полно во всем мире. Но здесь наряду с картами шел бы текст целого романа, включенный в игру.
Из всего сказанного можно заключить, что в литературе XX века с появлением произведений, которым присущи характеристики гипертекста с освоением литературой новой технологии, происходит важный перелом и поворот, так что литература может разделиться на два направления — на традиционную, неинтерактивную и интерактивную литературу, и, во всяком случае, будущее беллетристики лежит в этом русле.
(Михайлович Я. Павич и гипербеллетристика. С. 194—206)

Из романа Павича •«Ящик для письменных принадлежностей*

Отправной точкой романа является покупка главным героем романа старинного ящика для письменных принадлежностей, изготовленного по-видимому в XIX в. для какого-то капитана. В ящике три уровня (верхний, средний и нижний) и 25 ящичков (во всяком случае, обнаруженных героем, но он допускает, что нашел не все). Каждому ящичку и его содержимому посвящен отдельный рассказ. Роман в своей линейной (книжной) проекции состоит из трех глав (в соответствии с уровнями ящика) и постскриптума. Перед каждой главой дан чертеж ящика на данном уровне. Читатель может читать текст в произвольном порядке — по своему желанию чередуя рассказы. В электронной форме романа возможно обращение к общему чертежу и выбор рассказа путем указания на соответствующий ящичек (курсором или мышью).

10. Отделение, обитое сукном

Среднее отделение этого «этажа» капитанского ящика, в котором некогда хранили оружие (судя по следам, оставшимся на суконном дне, это был двуствольный револьвер), сейчас содержит «любовные часы» и сложенный вчетверо лист бумаги.
«Любовные часы» — это стеклянный предмет, наполненный жидкостью, своего рода водяные часы. Из верхней емкости, имеющей форму колокольчика, жидкость капля за каплей падает в нижний колокольчик и отмеряет продолжительность любовного акта. Потом стеклянную вещицу переворачивают, и все начинается сначала. Следует напомнить, что такая клепсидра изобретена довольно давно, еще в древности, но функционирует и по сей день, правда, один ее полный цикл невозможно измерить нашей нынешней системой исчисления времени. Кроме того, она представляет собой и своеобразную разновидность рассказа без слов

о том, что такое любовь. Потому что в таких часах моменты жизни и страсти не просто текут, чередуясь друг с другом. Иногда одна или несколько капель времени падают вместе, иногда одна капля любовного времени крупнее, а следующая мельче, некоторые падают быстрее, а другие медленнее, или же капли наших страстей обгоняют друг друга. А иногда они столь мелки, что превращаются в непрерывную нить времени. Наконец, бывают и стремительные любовные дожди, которые пробивают медленные капли, если такие окажутся на их пути. Однако они не могут влиться в вечность на той же скорости, с которой падают сквозь время. В своей исходной точке и резвые и вялые капли, и продолжительные и недолгие страсти оказываются на мгновение приостановлены и уравнены. Все это мельтешение застревает в самом начале пути, на месте впадения в вечность, и именно здесь достигается равновесие между быстрым и медленным течением, всё капли оказываются у одного и того же устья, а страсть здесь, на самом своем дне, угасает.
Необходимо знать и еще кое-что. Мудрый грек, который три тысячи лет назад измерил, сколько

длится любовное соединение мужчины и женщины, и придумал описанное здесь устройство, дал любовникам еще одну возможность. Любовный акт может продолжаться и дольше, чем требуется для *того, чтобы* жидкость из верхнего стеклянного колокольчика перелилась в нижний. Так любовники могут измерять не свою, а чужую любовь и получать подтверждение того, что их страсть длится дольше, чем чужие страсти. Тогда их охватывает такое чувство, будто они поднялись над временем и продолжают любить друг друга даже после того, как время угасло в вечности...

* * *

Как уже сказано, под клепсидрой лежит лист бумаги. Этот лист представляет собой не что иное, как письмо. Послание, отправленное по электронной почте и отпечатанное на бумаге компьютерным принтером фирмы «Эпсон». Послано оно неизвестной особой (по имени Лили?), написано по-французски и адресовано некоей мадемуазель Еве. Из Парижа в Париж.

Электронное письмо

Subject: Босния

From: L. T. <Lilly@rosini.com.fr >

To: E. T. <Eva@deville.com.fr>

Сегодня я вспомнила Тимофея. Помнишь того моего странного любовника на белом быке, о котором уже давно нет ни слуху ни духу? Если как следует вдуматься, станет ясно, что он обладал некоторыми познаниями и в моей профессии, правда, довольно странными. Напри-

812

мер, он говорил, что печь старее дома, то есть что человек сначала построил печь и только потом, по ее образцу, выдумал дом.

Теперь представь себе, звонит сегодня консьержка и приносит мне почту. Среди всего прочего нахожу странное письмо. Из Боснии! От Тимофея! Не поверишь, но он воюет в Боснии, причем на стороне сербов. Ужас! Пишет, что его буквально вытащили из машины посреди Белграда, узнали из документов, что он родился в Сараеве, и тут же отправили на фронт. Он даже сигарет не успел купить.

Сейчас на столе передо мной находятся компьютер, соленый чай из хрена и его письмо. Письмо написано, разумеется, по-французски, но меня изумило, что это совсем не тот французский, которым мой любовник изъяснялся в Париже и в Греции, когда мы были вместе. В письме я просто не могу узнать его. Это какой-то другой язык, как будто бы кастрированный, и только мысль, передаваемая этим мертвым языком, иногда подает признаки жизни. Он пишет, что те, кто знают, что происходит в Боснии,— молчат, а те, кто не знают,— кричат во весь голос. «Если будешь писать мне, — добавляет он, — не называй меня при обращении господином. Это слово не соответствует моему реальному положению. На войне господ не бывает...»

В качестве post scriptum он добавил совершенно невероятную вещь. Представляешь, он пишет, давно прислал бы мне письмо, но не знал, как подписаться, потому что забыл свое имя!

(Павич М. Ящик для письменных принадлежностей. С. 84—88)

Массовая литература *Массовая беллетристика* (литература для широких масс) как особое социальное явление зародилась в

XIX в., но подлинный ее расцвет приходится на XX в. В общем объеме издаваемой литературы ныне она занимает ведущее место, поэтому ее невозможно игнорировать, говоря о современной культуре. Ее предпосылками стали и повсеместное распространение грамотности, и прогресс в книгопечатании, значительно снизивший стоимость книг. Она тесно связана со средствами массовой информации и рекламой. Ее специфическими проявлениями служат дайджесты (краткие «выжимки» из книг, в том числе классической литературы), комиксы (рассказы в картинках), покет-бук — дешевые издания малого формата, удобные для чтения в дороге. Высшее место в любой классификации такой литературы всегда занимают бестселлеры — «чемпионы» по продаже (впрочем, иногда бестселлерами становятся и произведения «высокой» литературы).

В массовой литературе активно развились свои жанры: фантастика (научная, а во второй половине XX в. — еще и жанра фэнтэзи, у истоков которого стоял Дж. Р. Р. Толкиен с романом «Властелин колец»), детектив, шпионский роман, вестерн, триллер, любовный роман (в особенности «женский») и т.д. Необходимо отметить, что лучшие произведения этих жанров (например, детективы А. Перес-Риверте, триллеры С. Кинга, фантастика С. Лема, К. Воннегута, Р. Брэдбери и т.д.) отвечают критериям «высокой» литературы.

813

Из вестерна Ламура -вГанфайтер»

Луис Ламур — один из известнейших авторов, работавших в жанре «вестерн». В произведениях, написанных в этом жанре, описывается покорение Дикого Запада (XIX в.). Эти романы повествуют о схватках переселенцев с индейцами, о столкновениях с бандитами и т.п. Главными героями у Ламура чаще

всего являются ганфайтеры (непревзойденные стрелки), стоящие на страже закона. Ниже приводится отрывок, дающий ясное представление о его героях и о морали этого времени.

Ладно, с чего начнем?

— Уволим прежнего маршала. Вернее, я его уволю, а ты будешь свидетелем.

Проверив револьверы, мы не торопясь пошли к офису маршала, и я был рад, что Мустанг идет рядом со мной...

Офис маршала представлял собой небольшой деревянный дом напротив тюрьмы. В нем было две комнаты: одна, побольше, служила приемной, а другая, поменьше, была одновременно и кабинетом маршала, и его спальней.

Джон Лэнг сидел в приемной, положив ноги на стол. У стены, на железном сейфе, сидел его помощник, грузный и бородатый. Рядом стояла деревянная пирамида с ружьями. Пол был заплеван, и множество окурков валялось у стола.

Я распахнул дверь, вошел в комнату и остановился у стола. Лэнг мельком взглянул на меня, но, увидев звезду маршала, взглянул еще раз, уже внимательнее.

— Ты кто?

— Я новый маршал, так что ты уволен. Бородатый засмеялся.

— Мотай отсюда, паренек, пока можешь. Нас уже пытались уволить. Помнишь, Джон?

С некоторыми людьми лучше действовать, чем говорить. Поэтому я схватил Лэнга за сапоги и сдернул на пол. Он тут же вскочил, рука его метнулась к револьверу, но я коротко и тяжело ударил его в подбородок. Лэнг осел на стул и перевернулся вместе с ним на пол. Все это произошло так быстро, что бородатый только начал подниматься с места. Но я уже развернулся, и мой удар пришелся ему в лоб. Голова его с грохотом ударилась о стену, и он тихо сполз на пол.

— Мустанг! — позвал я Робертса, стоявшего на улице. — Возьми у них оружие и звезды.

Лэнг между тем пришел в себя, и его револьвер уже был у него в руке, когда я выхватил свой «смит-и-вессон» и дважды выстрелил. Первая пуля попала ему в горло, вторая — в грудь. Лэнг ткнулся головой в пол и замер.

Я повернулся к бородатому, который пришел в себя.

— Хочешь тоже попробовать или уберешься из города? — Он хотел бы попробовать, но не хотел умирать...

— Как только утихнет вьюга, я уеду.

— Ты уедешь сейчас. Если я застану тебя в городе через час, то пеняй на себя.

— Ладно, приятель, посмотрим, что ты запоешь, когда Биллингз узнает об этом! Он живо вправит мозги и тебе, и городскому собранию.

Я дал ему затрещину и вытолкнул за дверь.

— Знаешь, — сказал Мустанг, взяв сигарету. — Когда ты впервые присоединился к нам, многие ребята были уверены, что ты пай-мальчик. Видели бы они тебя сейчас!

Я прошелся по офису.

— Значит, так, Мустанг. Поскольку мы теперь представляем закон в этом городе, то пора взяться за дело серьезно. Больше никаких грабежей, шулерства, насилий и пальбы. Предупреждать будем только один раз.

— Драки?

— Если не наносят ущерб частной или городской собственности, один на один и обходятся без поножовщины, то не вмешиваемся...

Когда мы с Мустангом пришли в Алту, здесь каждый день и каждую ночь были грабежи и убийства. Мы установили здесь жесткий закон револьвера, но все же это был закон. Да и времена тогда были такие, что везде на Диком Западе правил шестизарядный револьвер. И только из-за моих револьверов дети в Алте могли спокойно ходить в школу, а женщины — в магазины.

(ЛамурЛ. Ганфайтер. С. 55—67)

Театр и драматургия

Одной из особенностей театра и драматургии начала века было декадентское мироощущение. Декадентскому искусству (драматургии Г. д'Аннунцио, О. Уайльда и др., режиссура Г. Крэга) были присущи гипертрофия эмоций, склонность к эстетизации эротики, поэтизации насилия и аморализма, а также чисто формалистические тенденции. Значительное влияние на театр этого периода оказал также символизм (М. Метерлинк, А. Стриндберг, К. Гамсун), имевший в начале века широкое распространение в литературе и поэзии. В 1910-е гг. в Германии возникает экспрессионизм, правда, просуществовал он недолго и уже в середине 1920-х гг. пошел на убыль. Но тем не менее его влияние на дальнейшее развитие театра было велико. В 1916г. возник дадаизм, а к началу 1920-х гг. сложилось такое специфическое художественное

направление, как сюрреализм. В 1920—1930-е гг. в Германии начинается драматургическая и режиссерская деятельность Б. Брехта (1898—1956). После прихода к власти фашизма Брехт эмигрировал. Вернувшись через 15 лет на родину,

815

он создал свой собственный театр («Берлинер ансамбль»). Сам Брехт считал, что открыл новое направление в театральном искусстве, которое называл «эпическим театром».

К 1930-м гг. складывается неомифологизм, которому в дальнейшем отдают дань многие драматурги, принадлежащие к различным художественным направлениям (Ю. О'Нил, Ж. Кокто, Т. С. Элиот, У. Б. Йетс, Ж. Жироду, Ж. Ануй, Ж. П. Сартр, А. Камю и др.). К числу известных режиссеров, ставивших пьесы такого рода, принадлежат П. Брук (Англия), Дж. Трелер (Италия), Ж. Вилар (Франция), Ш. Дюллен (Франция). Известным постановщиком пьес Сартра и Камю был Дж. Стреллер (Италия). Драматургия неомифо-логизма была связана с новым прочтением и интерпретацией древних мифов.

В 1930-е гг. начинается деятельность французского драматурга Ж. Ануя (1910—1987), пьесы которого до сих пор составляют значительную часть репертуара французского театра.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. возникает европейский, и прежде всего французский «театр абсурда» (Ж. Жене, С. Беккет, Э. Ионеско, Н. Пирандел-ло). На 1960-е гг. приходится начало творческой деятельности знаменитого швейцарского драматурга Фр. Дюрренматта.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в драматургию вторгаются «рассерженные молодые люди», что породило, в частности, такое интересное явление как «документальная драма», в фокусе которой находились социально-политические события и проблемы. Деятели театра практически всей Европы и США отреагировали и на молодежное движение конца 1960—1970-х гг. В это время рождается молодежный театр: французский «театр улиц», английский «фриндж», американский «радикальный театр». В молодежном театре имели место сознательный разрыв с традицией, а также установка на пересмотр театрального языка («Наш театр — это антитеатр», — заявил руководитель известного американского театра «Брэд энд Паппет»). Широкое распространение получают так называемые «динамические формы»: кинетическое искусство, хэппенинг, эвент, флукус, перформенс (перформанс), экшн (искусство действия), искусство жеста и компортеман (поведение), саморазрушающееся искусство. Сюда же можно отнести некоторые варианты боди-арта и энвайронмента (окружения). 1960—1970-е гг. — время, когда в театр, как и в культуру в целом, приходит постмодернизм.

На развитие театрального искусства в XX в. непосредственное влияние оказало как развитие киноиндустрии, так и (во второй половине XX в.) широкое распространение телевидения. Здесь можно говорить о появлении синтетических феноменов (например, телевизионных спектаклей), о взаимопроник-новении художественных и стилистических особенностей театра и кино, но можно и отметить тот факт, что кино и телевидение значительно «потеснили» театр в массовом сознании. Театр конца XX в., особенно постмодернистский, в значительной степени оказался элитарным искусством.

Из •«Манифеста *Дадаизм* — это яркое явление начала века (1916—1923) **Дада 1918 года»** в литературе и театре. Особенностью дадаистского теат-**Тцара** ра является полный разрыв с традиционным театром:

здесь нет персонажей, фабулы, движения времени, даже язык, на котором говорят актеры, — это уже не обычный язык. С помощью

816

языка ничего нельзя объяснить, ничего нельзя выразить, поэтому само говорение оборачивается языковыми играми, отсюда и общий вывод: «Дада ничего не обозначает». Французский поэт и драматург *Сами Розенштоκ* (1896— 1963), известный под псевдонимом Тристан Тцара — виднейший представитель дадаизма и его теоретик. Дадаизм — это один из примеров «революций» в искусстве, характерных для XX в.

Д АД А — вот слово, которое отправляет мысли на охоту; всякий буржуа — это маленький драматург, он изобретает различные тезисы, вместо того, чтобы усаживать подходящих персонажей на уровень своего понимания, словно куколок бабочек на стулья, — он ищет причины и цели (следуя практикуемому им психоаналитическому методу), чтобы укрепить свою интригу, — историю, которая говорит и определяет себя. Каждый зритель плетет свою интригу, если пытается объяснить слово (узнать!). Из укутанного убежища змеящихся осложнений нужно управлять инстинктами. Отсюда — все несчастья супружеской жизни. Разъяснять: развлечение краснобрюхих среди мельниц пустых черепов.

ДАДА ничего не означает.

Если бы это посчитали пустым и если бы не теряли времени на слово, которое ничего не означает... Первая мысль, которая возникает в этих головах, относится к бактериологическому уровню: необходимо найти свое этимологическое, историческое или, по крайней мере, психологическое происхождение. Из газет можно узнать, что негры племени Кру называют хвост священной коровы: ДАДА. Кубик и мать в определенной местности Италии: ДАДА. Деревянная лошадка, кормилица, двойное согласие по-русски и по-румынски: ДАДА. Ученые журналисты усматривают в этом

искусство для младенцев, другие — «свя-тые-иисусы-зовущие-малых-детей» в наши дни — возвращение к примитивизму, сухому и шумному, шумному и монотонному. Но нельзя строить чувственность на основе одного слова; всякое строительство стремится к совершенству, которое наскучивает, к застывшей идее из позолоченной трясины, относительному человеческому продукту. Произведение искусства не должно само по себе быть красотой, ибо красота мертва; она не бывает ни веселой, ни грустной, ни ясной, ни смутной, она не должна веселить или мучить индивидов, предлагая им пирожки священных нимбов или потоки пота от траектории, изогнутой сквозь атмосферу. Произведение искусства никогда не бывает прекрасным по указу, объективно, для всех. Стало быть, критика бесполезна, она существует лишь субъективно, для каждого отдельно, — и без малейшей черты всеобщности. Или вы верите, что обнаружили психическую основу, общую для всего человечества? Опыт Иисуса и Библия покрывают своими широкими и благожелательными крылами все: дерьмо, животных, дни.

(Тцара Т. Манифест Дада 1918 года. С. 29 -30)

817

Из статьи Кокто "0 театре"

Жан Конто (1889-1963 гг.) - представитель французского авангарда, писатель, художник, театральный деятель, кинорежиссер, по своим воззрениям близок к сюрреализму.

Начиная с самого детства и ухода матери и отца в театр, я подхватил эту заразу в алом и золотом. Никогда мне к этому не привыкнуть. Всякий раз, когда занавес поднимается, я возвращаюсь к той торжественной минуте, когда занавес театра «Шатле», поднявшись перед началом спектакля «Вокруг света за восемьдесят дней», позволил соединиться безднам тени и света, разделенным рампой. Благодаря этой рампе вспыхнуло освещенное основание стены из крашеного холста. Поскольку эта легкая стена не касалась подмостков, можно было угадать там щель люка, словно зев огромной печи. Помимо этой щели только суфлерская яма, обитая медью, оставалась тем жерлом, посредством которого сообщались две вселенные. Одна была представлена запахом цирка. Другая была узенькой ложей, уставленной неудобными стульями. И подобно комнатам в гостинице «Мена-хаус», окна которых выходят на пирамиды, маленькая ложа бросала вам прямо в лицо океанский шум публики, крики служительниц: «Мятные пастилки, помадки, леденцы!», пурпурную пещеру и тот особый блеск, который Бодлер предпочитал самому спектаклю.

С течением времени театр, в котором я работаю, вовсе не теряет своего обаяния. Я его уважаю. Он заставляет меня робеть. Он меня чарует. Я раздваиваюсь в нем. Я поселяюсь в нем и становлюсь ребенком, которому придирчивый суд позволил войти в Преисподнюю...

Театр — это огромная печь. Тот, кто и не подозревает об этом, все равно медленно поджаривается там или же сгорает мгновенно. Но театр и охлаждает рвение ледяным душем. Он действует против тебя огнем и водой.

Публика — это бурное море. Она вызывает морскую болезнь. Эту легкую тошноту называют еще сценической боязнью. Легко сказать: вот театр, а вот публика, в общем ничего особенного. Обещаешь себе, что больше не попадешься на эту удочку. Потом вдруг оборачиваешься. Нет, это игорный зал. Здесь разыгрывают все, что имеют. Это мучение весьма утонченно. Если только ты не самодовольный фат, ты это ощущаешь. От этого мучения невозможно исцелиться.

Когда я повторяю, я становлюсь зрителем. Я плохо умею исправлять что-либо. Я люблю актеров, и им удается меня обмануть. Я прислушиваюсь к чему-то иному помимо себя самого. Накануне спектакля все мои слабости бросаются мне в глаза. Но уже слишком поздно. Вследствие этого, оказавшись добычей такой морской болезни, я слоняюсь по кораблю, по всем его отсекам, каютам и палубам. Я не осмеливаюсь взглянуть на море. И уж тем более я в него не окунаюсь. Мне кажется, что стоит мне пойти в зал — и судно даст течь.

818

Но вот я стою за кулисами навострив уши, укрывшись за декорациями. Пьеса больше не кажется мне написанной маслом, — она рисована карандашом. И она демонстрирует мне все погрешности рисунка. Я выхожу. Мне хочется прилечь и вытянуться у ног моих актрис. Если они что-то оставляют вам, меняя душу, так это разверзшуюся роковую пустоту. Я задыхаюсь. Я поднимаюсь снова. Я прислушиваюсь. На каком месте они остановились? Я слушаю под дверью. Между тем мне хорошо известно, что это море подчиняется неким правилам. Волны его накатываются и отступают по моему приказу. Новый зал может ослабить пружину и сбросить напряжение ради тех же самых реакций. Но бывает, что одно из этих следствий длится несколько дольше, и актер попадает в ловушку. Он с трудом и как бы против своей воли отказывается от смеха как опоры. Этот жестокий смех должен бы его ранить, а он ему льстит. «Я страдаю и внушаю смех, — говорит он себе, — значит, я побеждаю в этой игре». И вот тотчас подворачивается такая опора, и

за нее быстро цепляются, — а автор оказывается позабыт. Корабль снесен течением и разбивается на рифах. Если актеры слушают этих сирен, драма становится мелодрамой, а нить, что связывала сцены, рвется. Ритм теряется.
Издали я плохо слежу за своей командой. Едва уловимые тонкости ускользают от моего внимания. Что я могу тут изменить? Вот актеры-толкователи, которые прекрасно управляют собой и совершенствуют механизм. А вот те, кто живет на сцене и пытается победить тот механизм. Дидро говорит об этом слишком легковесно. Тут это не годится.
Я знал авторов, которые наблюдали за актерами, а потом писали им замечания. Они, конечно, добивались дисциплины. Они парализовали актеров. Они закрывали на ключ ту дверь, которая может открыться от порыва ветра.
Две великие расы сталкиваются на подмостках. И одной они мешают обогатить свою прямую линию движения какой-нибудь находкой, а другую насильно пробуждают от гипноза. Я предпочитаю пойти на риск, допустив их химическую реакцию между собой, а в результате выходит либо красное, либо черное.
Когда я писал этот последний абзац, мне казалось, что я сижу в ложе с одним из своих толкователей, Марселем Андре, с которым я люблю поболтать о чем-нибудь подобном. На сцене перед нами — Ивонна де Брей и Жан Маре. Их внутренние сущности сочетаются друг с другом. Спрашиваешь себя невольно, благодаря чему они так серьезно относятся к диалогу, который вместе проживают, позабыв, что в комнате, где они говорят, недостает одной стены? Марсель Андре говорит. Я слушаю его. Я прислушиваюсь также к молчанию этого огромного здания. Он же ждет только сигнала колокольчика, который ввергнет его в игру. Мы существуем лишь наполовину.
Восхитительные минуты, от которых я страдаю и которые я не променял бы ни на что иное...
(Кокто Ж. О театре. С. 53—56)

819

Из статьи Арто «Театр и жестокость»

Антонен Арто (1896—1948 гг.) — основоположник *«театра жестокости"*. В культуре XX в. (и особенно массовой) важное место занимает культ силы, жестокости. Но для многих художников, как и для Арто, жестокость — это прием, позволяющий добраться до сердца зрителя или читателя, защищенного толстой шкурой обывателя.

Идея театра утрачена. И по мере того как театр все более ограничивается проникновением в святая святых каких-то жалких марионеток, где публика должна довольствоваться ролью соглядатая, вполне естественно, что элита от него отворачивается, а большая часть зрителей отправляется в кино, мюзик-холл или в цирк на поиски яростных удовольствий, содержание которых никогда их не обманет.
В той точке истощения, до которой дошла наша восприимчивость, стало совершенно ясно, что нужен прежде всего театр, который нас разбудит: разбудит наши нервы и наше сердце.
Ошибки психологического театра, идущего еще от Расина, отучили нас от непосредственного и яростного действия, которым должен быть наделен театр. В свою очередь, кино, которое убивает нас отражениями, которое не способно более коснуться нашей восприимчивости, поскольку тщательно отфильтровано машиной, уже в течение десяти лет удерживает нас в состоянии бесцельного оцепенения, поглотившего все наши способности.
В переживаемый нами мучительный и катастрофический период мы вновь ощущаем настоятельную необходимость в театре, не обгоняемом событиями, отзвук которых в нас был бы глубок, — и вместе с тем, в театре, который возвышался бы над непрочностью времени. . Долгая привычка к развлекательным спектаклям заставила нас позабыть об идее театра серьезного, — театра, который, опрокидывая все наши представления, вдохнул бы в нас страстный магнетизм образов и в конечном счете действовал бы как некая терапия души, влияние которой трудно забыть.
Единственное, что реально воздействует на человека — это жестокость. Театр должен быть обновлен именно благодаря этой идее действия, доведенной до крайности и до своего логического конца.
Будучи пронизан идеей, что толпа постигает прежде всего с помощью чувств и что бессмысленно, как это происходит в традиционном психологическом театре, взывать к разуму толпы, Театр Жестокости намерен обратиться к постановке массовых зрелищ. Он собирается отыскать в бурных волнениях больших масс, которые часто взаимопротиворечивы или конвульсивны, хоть немного той поэзии, которая отчетливо проявляется по праздникам, а также в те дни, — по нынешним временам все более редкие, — когда народ выходит на улицы.

820

Если театр действительно хочет вновь стать необходимым, он должен дать нам все то, что можно найти в любви, в преступлении, в войне или в безумии.
(Арто А. Театр и Жестокость. С. 65)

Из -«Театра Но» **Клоделя** Своеобразие восточного театра (индийского, китайско-го и — особенно — японского) привлекло в XX в. внимание многих театральных деятелей Европы и Северной Америки. Крэг, Арто, Мейерхольд, Брехт и многие другие не только внимательно изучали восточный театр, но и многое из него заимствовали. Ниже приводится отрывок из работы французского писателя и драматурга Поля Клоделя (1868—1955 гг.) о японском театре Но.

Драма — это нечто, что приходит, а Но — это некто, кто приходит. Это немного напоминает ту дверь в раннем греческом театре, благодаря которой общение с невидимым пробивается через стену, дверь, к которой подходят один за другим персонажи Орестеи. Здесь же сцена состоит из двух частей: Дороги, или Моста, и Возвышения. Дорога — это длинная крытая галерея, примыкающая к заднику и разделенная на три равные части вертикальными опорами. Возвышение, обрамляемое четырьмя колоннами, несущими крышу, — это деревянная платформа, отполированная до зеркального блеска. Под этим возвышением вкопано в землю несколько больших кувшинов из обожженной глины; горлышки их открыты, чтобы увеличить звучность планок пола, по которым ступают — слегка касаясь или, наоборот, резко стуча, — голые ступни актеров. Скажем, чтобы выманить богиню Солнца, Аматэрасу, из пещеры, где та укрылась, ужасная Небесная женщина Амэ-ноудзумэ танцует на перевернутой бочке. Возвышение расположено в правом углу зала, под углом к партеру и поднимаясь Над ним. Такова основная диспозиция. Ибо спектакль играется здесь не для зрителя, который оказывается подавленным и оттесненным в тень, а потому и выпадающим из действия на сцене; здесь драма и публика не обращены друг к другу, подобно двум сторонам пропасти, которая разделяет вымысел и воодушевление. Они скорее совмещены друг с другом, так что актеры проходят'и располагаются по отношению к нам сбоку и как бы в двух планах, с которыми каждый зритель со своего места образует собственное геометрическое отношение сообразно углу зрения и слуха. Все происходит внутри, среди публики, и она никогда не теряет ощущения, будто действие объемлет ее и одновременно происходит на расстоянии: оно разворачивается одновременно с нами, рядом с нами. Кроме того, тут есть элемент непостоянства. Даже когда торжественные призраки уже перестают проходить по Мосту, он отнюдь не утрачивает своих величественных возможностей представления и ухода персонажей. Да и Возвышение с навесом, являющее собой беседку мечты, подобную тем павильончикам, окрашенным в цвет киновари и ко-

ралла, в которых на китайских картинах пируют над облаками блаженные в лазурных и бирюзовых одеждах, — это Возвышение не перестает беспрерывно подчеркивать их присутствие или отсутствие.

Справа и слева на деревянных планках цвета свежего масла нарисованы зеленые стебли бамбука,, на заднике — высокая сосна. Этого довольно, чтобы была представлена природа.

Все происходит в следующем порядке.

Мелкими скользящими шажками в зал входят музыканты и хор. Первые располагаются в глубине помоста в специальном месте, отведенном для них и помеченном изменением рисунка настила; это место называется «коза». В оркестре одна флейта и два двойных тамбурина в форме песочных часов: один маленький, который музыкант держит на правом плече, а другой большой, располагающийся на левом колене музыканта. По тамбуринам резко ударяют расправленными пальцами, и раздается сухой взрывной звук. Наконец, чтобы возвещать о появлении богов, демонов и духов применяется барабан с палочками. Это все. Ударные инструменты задают ритм и движение, погребальная флейта доносит до нашего слуха модуляции, отражающие протекающее время, — диалог времени и мгновения, разворачивающийся за спиной у актеров. К их согласованным звукам часто присоединяются долгие вопли, издаваемые музыкантами на два тона — низкий и высокий, — хуку, ху-ку. Все это создает странное и драматическое впечатление пространства и удаленности, — как если бы в полях ночью звучали некие голоса, бесформенные зовы природы, или же крик какого-то животного, с трудом продирающийся к слову; это бесконечно разочарованные порывы голоса, отчаянные попытки, болезненное и смутное свидетельство.

Хор не принимает участия в действии, он просто добавляет свой безличный комментарий к нему. Он повествует о прошлом, описывает местность, где происходит действие, развивает общую идею, разъясняет сущность персонажей, отвечает и поддерживает действие поэзией и пением, он видит сны и шепчет, сидя на корточках рядом с говорящей Статуей.

В Но только два персонажа: ваки и сите. Каждого из них могут сопровождать многочисленные

цуре, то есть прислужники, вспомогательные персонажи, советники, тени, — торжественный эскорт, следующий за шлейфом одежды.
(Клодель П. Театр Но. С. 46-47)

Кинематограф

Наиболее важно для кинематографа *начала XX в.* — появление первого *«короля экрана»* — комического героя в исполнении Макса Линдера,рассеет *скандинавского кинематографа,* уникального по силе выразительности, и *рож-*
822
дение итальянского кинематографа, славившегося своими пышными историческими постановками. В целом можно сказать, что в этот период кинематограф еще слишком тесно соприкасался с театром, боясь обрести свое лицо. Но уже стали складываться жанры, появились режиссеры со своим авторским стилем и вкусовыми пристрастиями. Очень медленно кинематограф обретал свой собственный язык. В эти же годы в Америке возникает Голливуд, начинается формирование «системы звезд», на экране появляется Ч. Чаплин в комических фильмах.

Война нанесла удар национальному кинематографу стран Европы, подорвав его экономическую базу. Но уже в 1920 г. в Германии Робертом Вине была создана картина «Кабинет доктора Калигари», ставшая фильмом-манифестом нового кинематографического течения, получившего название *«немецкий экспрессионизм»,* так как главной целью здесь становится показ на экране душевных переживаний человека. В *1920-е гг.* в европейском кинематографе ведущую роль играют представители *французского авангарда:* Ж. Дюллак, Ф. Леже, Л. Деллюк, Р. Клер. Новым словом в искусстве стали сюрреалистические фильмы Л. Бунюэля и С. Дали «Андалусский пес» и «Золотой век». В США 1920-е гг. были *«золотым веком американской комедии»* (фильмы Ч. Чаплина «Малыш», «Парижанка», «Золотая лихорадка» и т.п., комедии с участием Б. Китона, Г. Ллойда, Г. Лэн-гдона и др.). Этот период можно назвать *временем расцвета Великого Немого.*

Но уже в 1927 г. в США вышел на экраны первый звуковой фильм — «Певец джаза». За несколько лет звуковые фильмы полностью вытеснили немые с экрана.

В *1940— 1950-е гг.* новым словом мирового киноискусства стал *«итальянский неореализм»* («Рим — открытый город» Р. Росселини, «Похитители велосипедов» В. Де Сика). Для этого направления характерны стремление к до-кументализму, преобладание социальных мотивов и внимание к «маленькому человеку».

В 1960-е гг. возникает так называемая *«новая французская волна»,* воплотившая интеллектуальные поиски в развлекательном жанре и создавшая новую, особую эстетику кино («На последнем дыхании» и «Безумный Пьеро» Ж. Л. Годара, «400 ударов» Ф. Трюффо и т.д.). В этот период происходит *расцвет кинематографа стран Восточной Европы* (А. Вайда, М. Янчо). Особо заслуживает упоминания *метафорический кинематограф* итальянского режиссера *Ф. Феллини* («Сладкая жизнь», «8 1/2»),

На рубеже *1960— 1970-х гг.* американский кинематограф характеризуется стилевым и жанровым многообразием, *расцветом авторского кино,* способного быть коммерческим (Ф. Ф. Коппола, М. Скорсезе, Дж. Лукас, В. Аллен, Д. Хоппер).

Впериод *1980-хгг.* на смену революционному кинематографу I960—1970-х пришли по большей части ровные, *спокойные, добротные* профессиональные *картины,* не претендующие на то, чтобы сказать новое слово в искусстве.

С началом *1990-х гг.* в кино вернулся бунтарский дух 1960-х в сочетании с респектабельностью 1980-х. Зритель Америки и Европы открывает для себя кинематограф стран Азии и Ближнего Востока. Фильмы Ч. Имоу, Ч. Кайге, А. Киаростами становятся фаворитами кинофестивалей. Это явление получило название *«Азиатское чудо».*
823
В целом в 1990-е гг. наметились две тенденции: с одной стороны — видоизменение и смешение старых жанров, насыщение их иронией и «черным юмором» (Д. Джармуш, К. Тарантино), с другой стороны — возрастающий интерес к социальным проблемам (Д. Бойл, Г. ван Сэнт, М. Ли).

В первой половине XX в. кино было самым «массовым» из всех искусств, — если руководствоваться критерием посещаемости кинотеатров. Однако с распространением телевидения возникла несколько парадоксальная ситуация: возможность смотреть фильмы, сидя дома перед телевизором, резко уменьшила количество зрителей в кинотеатрах, но увеличила число людей, регулярно смотрящих художественные фильмы. Изобретение видеомагнитофонов, DVD, CD и т.п. наделило кинофильмы для зрителя некоторыми свойствами печатного текста: теперь зритель в любой момент может остановить просмотр фильма, перескочить через какие-то эпизоды или вернуться к более ранним. И если ранее во многих домах имелись домашние библиотеки, то сейчас появилось большое количество домашних видеотек. Изобретение компьютеров, позволяющих активно работать с видео- и звукорядом, использовать компьютерную графику, анимацию и т.п., привело к расширению художественных возможностей кино, обогащая его компьютерными эффектами.

Во все времена своего существования кино носило характер коллективного искусства: в создании фильма всегда участвует целая группа людей (режиссер, актеры, сценарист, оператор, звукорежиссер и т.д.), кроме того, в силу технических условий создание фильма требует значительных материальных затрат (съемки

некоторых фильмов обходятся в десятки миллионов долларов). Поэтому в каждом фильме изначально закладывается установка на «окупаемость» и получение прибыли, что делает кино коммерческим и влияет на художественную сторону фильмов. Так, в угоду «массовому зрителю», голливудские фильмы обязательно имеют «хэппи энд» (счастливый конец), при экранизации литературных произведений допускается их серьезное искажение и т.д. Значительная часть кинопродукции вообще не имеет никакой художественной ценности, являясь продуктом массовой культуры и ее важнейшей составляющей. Распространение по всему миру голливудских фильмов (в кино- и видеопрокате, по телевидению) — один из существенных факторов вестернизации и европейской культуры, и культуры других регионов мира: Азии, Африки, Южной Америки.

Деятели кино о кино Монтаж воздействует на материал фильма так (из интервью, речей, же, как смерть воздействует на жизнь *(Пьер Па*-статей ит.п.) *оло Пазолини).*

Фильм можно рассматривать как приключение или своего рода поиски самого себя *(Вим Вендерс).*

Слово и звук принесли элемент реального в кинематографический спектакль, и чувство, будто нам снится сон, исчезло навсегда *(Рене Клер).*

Кино — это правда двадцать четыре раза в секунду (Жан -*Люк Годар).*

Фильмы успешно помогают вам открывать материальный мир с его психофизическим соответствиями. Своими попытками постичь его через объектив кинокамеры мы буквально выводим этот мир из состояния небытия *(Зигфрид Кракауэр).*

824

...Чаплин первый в нашей первой эпохе кино повинен в том, что забава, которая называется кинематографом, стала искусством *(ЛуиДеллюк).*

...Чтобы сделать фильм, я должен создать целый мир (*Чарльз Чаплин).*

Больше всего в кинематографе мне нравится невообразимая аудитория, что представляет режиссеру чудодейственную свободу *(Орсон Уэллс).*

Фильм занял такое же место в фантазии и в жизни городского населения, какую прежде играли мифы, легенды и народные сказки *(Бела Балаш).*

Музыка

Так же, как и другие виды искусства, музыка XX в. не может быть коротко охарактеризована в силу богатства стилей, направлений, имен и т.п. К числу выдающихся композиторов можно отнести Б. Бриттена, М. Равеля, К. Сен-Санса, А. Шёнберга и др. В истории мировой музыки XX в. занял особое место. Необходимо отметить, что именно в это время искусство музыкальной импровизации достигает высочайших художественных вершин. Кроме того, именно в этот период музыканты обратились к наследию других, неевропейских музыкальных культур. Это позволило обогатить традиционную музыку новыми, необычными гармониями и неслыханными доселе тембрами разнообразных этнических инструментов.

В XX в. в музыке (как и в других видах искусства) имел место модернизм и авангардизм, т.е. течения, для которых характерен разрыв с прежними традициями, стремление радикально пересмотреть основы своего искусства. XX в. стал временем невиданного ранее «омассовления» музыки, и музыка стала важнейшей составляющей массовой культуры.

Первой важной новацией в музыкальной культуре стало рождение на рубеже XIX—XX вв. *джаза,* получившего широкое распространение в первой половине XX в. В нем ярко проявилась тенденция к синкретизму, поскольку *джаз* представляет собой сплав европейской и африканской музыкальных культур. С 1930-х гг. в США широкое распространение получают мюзиклы (зародившиеся в конце XIX в.), в постановке которых много от кинофильмов. Своего расцвета этот жанр достиг в 1950-е гг.

Вторая половина XX в. — принципиально новый этап в развитии поп-музыки, ставшей супермассовой благодаря распространению телевидения, появлению различных средств передачи, записи и тиражирования музыки. Важную роль в ее распространении сыграло развитие шоу-бизнеса, а также тот энтузиазм, с которым отнеслась к ней молодежь. Начиная с 1950—1960-х гг. поп-музыка и,молодежные движения OKI. тлись тесно связанными.

В рамках поп-музыки возникает фольклорное движение («кантри мьюзик», стили «хилбилли», «блугресс» и др.), а также фолк-рок, имеющий социальную направленность. Несколько позднее возник подпольный рок — андеграунд. Важнейшей вехой в развитии рок-музыки были выступления молодежных ансамблей «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Пинк Флойд» и др. Такого рода ансамбли широко используют электроинструменты и усилители, а также — при записи — цифровую обработку аудио- и видеоряда.

825

Развитие науки и техники привело к созданию не только электроинструментов, играющих сейчас важную роль в музыкальной культуре, но и синтезатора, а также музыкального компьютера.

4Beatles» «Битлз» произвели революцию в поп-музыке 60-х,

Клише? Конечно. Но это стало клише просто потому, что именно в нем мы находим единственно возможное объяснение такого великолепного, ошеломляющего явления, как карьера группы «Битлз». В музыкальном мире 90-х, где имиджи чаще создаются средствами массовой информации, не учитывающими реальные способности групп, «Битлз» отнюдь не превратились в преуспевающую в финансовом отношении команду, оставшись далеко позади исполнителей,

имеющих лишь толику их таланта и артистичности. Но достижения последних были бы невозможны без «Битлз», которые поистине спасли поп-музыку, находившуюся в состоянии летаргического сна, и превратили эту музыку в бизнес, приносящий миллионы долларов, и более того — в Искусство. Это и стало главной причиной невероятного успеха музыкантов. Работая в условиях неимоверного напряжения, по графику, свалившему бы с ног современных суперзвезд, «Битлз» выпустили тринадцать великолепных альбомов и более двадцати синглов — и это немногим более чем за семь лет.

Музыканты постоянно расширяли палитру современной поп- и рок-музыки, органически дополняя ее проникновенной лирикой фольклорных исполнителей типа Боба Дилана, психоделическими экзерсисами музыки западного побережья США, мелодиями фолк-рока, элементами блюза и кантри, — и при этом оставались сами собой. «Битлз» были оригинальными и смелыми экспериментаторами в истории рока — всегда готовыми выйти за пределы стандартного и, например, выяснить, что произойдет, если сыграть в незнакомой комнате на незнакомом инструменте, при этом запустив пленку в обратном направлении, а предрассудки оставив за дверью.

(РобертсонДж. Битлз. С. 6)

Музыка как пред- Мы являемся свидетелями наиболее масштабного мет потребления омассовления сферы музыки за всю историю ее существования. Этот процесс обладает многими специфическими особенностями, характерными для ползучей экспансии, осуществляемой в XX в. массовой культурой по отношению практически ко всем видам искусства и любым областям совокупной деятельности социализированного индивида. Музыка в своих самых разнообразных проявлениях заявляет о себе практически во всех сферах жизни современного общества, что позволяет говорить о подлинной музыкальной пандемии. Неизменно возрастает общественная роль музыки, ежедневные и все более масштабные «вливания» которой во

многом обеспечивают устойчивое функционирование социального организма. По существу, происходящие качественные изменения привели к формированию ранее не существовавшего социокультурного образования — звучащего, озвученного, «омузыкаленного» социума... Термин «массовая музыка» явно неудовлетворителен, поскольку ряд связанных с музыкой жанров искусства (например, симфоническая музыка, опера, балет, кино) предполагает в качестве практически обязательного условия собственного существования наличие многочисленной — массовой — аудитории: на оперных и балетных спектаклях зачастую присутствуют несколько тысяч слушателей, полные залы собирают и концерты симфонической музыки. Таким образом, массовость — отнюдь не та черта, которая могла бы выразить суть анализируемого явления... А ту музыку, которую мы относим сейчас к так называемой массовой культуре, называли «легкая», «эстрадная», «развлекательная». Но каждый из этих терминов оказывается явно недостаточным, а более адекватным представляется понятие «потребительская музыка».

«Атомарной единицей» потребительской музыки является так называемый *шлягер — в достаточной степени эклектичная и безлико-«кос-′мополитичная» песня танцевального характера, в основе которой лежит текст любовного содержания.* Немецкое существительное Schlager обозначает примерно то же, что имеется в виду в английском bestseller («ходкий, хорошо продающийся товар») или в английской метафоре hit («попадание», «хорошо продающийся диск»). В то же время у него есть и собственное, интересующее нас в первую очередь значение «модная песенка» (а также «модный фильм», «модная книга» и плюс к этому «боевик»). Интересно отметить, что однокоренной немецкий глагол schlagen в качестве основных имеет значения «бить, колотить, вколачивать», что выражает сущностную черту обсуждаемого масс-культовского понятия. Дело в том, что от этого глагола естественным образом перебрасывается смысловой «мостик» к самому «действу», с ним связанному, т.е. к акту исполнения, которое опирается на жесткую ритмическую фигуру, обычно повторяемую на значительном или даже на предельном уровне громкости. Иными словами, музыканты «бьют» и «колотят» и по своим инструментам — буквально, и по ушам своих слушателей — в переносном смысле...

Наряду с сознательно примитивизируемым текстом, музыкальной эклектичностью и предельной структурной простотой отличительными чертами шлягера являются его вненациональный характер и использование определенного набора клише. Понятие «шлягер» становится синонимом понятий «стандарт», «шаблон». Например, припев типичного американского шлягера состоит из 32 тактов и завершается bridge *(англ, мост),* т.е. связкой, ведущей к повторению куплета. Схема задана, и перед нами отлаженное производство «культуры», поставленной на поток...

827
Характерной чертой музыкантов — участников бесчисленных ансамблей поп-музыки являлось и является принципиальное нежелание получать специальное музыкальное образование. В этом можно увидеть выражение некоего «снобизма снизу», подчеркнутого и даже преувеличенного нонконформизма музыкантов, с презрением относящихся как к общепризнанными нормам быта буржуазного общества, так и к довольно строгим требованиям, предъявляемым академическим искусством к любому профессиональному исполнителю. (Это обстоятельство становится типичным не только для музыкантов — исполнителей потребительской музыки, но и для современных авангардистов, представляющих самые разные виды и жанры искусства.) Молодой человек начинает свою музыкальную карьеру, обладая музыкальными способностями, выучившись определенному набору исполнительских приемов и штампов и объединившись с себе подобными. При этом он не без основания рассчитывает, во-первых, на невзыскательность и отнюдь не ббльшую, чем у него самого, общую музыкальную культуру той аудитории, перед которой ему предстоит выступать; во-вторых, на то, что качество его исполнения благодаря совершенной в техническом отношении и сверхмощной аппаратуре, которую должен иметь в своем распоряжении каждый солист или ансамбль, вряд ли будет способен оценить слушатель, подавленный и физически, и психически, оглушенный обрушившимися на него десятками децибелл; в-третьих, на превращение того или иного исполнителя в поп-звезду предприниматели в шоу-бизнесе затрачивают огромные средства, которые надеются возместить в случае успеха своего подопечного...

Пассивный развлекающийся слушатель оказывает заметное влияние на музыкальную ситуацию в обществе, одна из наиболее характерных черт которой заключается в том, что современный человек становится нетерпим к «звуковым паузам», к молчащей среде. Ему необходимо заполнять ее звуками, и даже элементы и фрагменты самой высокой и прекрасно исполняемой музыки воспринимаются им как нечто служебное, вторичное, «полезное». В развлекательно-потребительской музыке пауза, как и тихая звучность, практически лишены права на существование. Эта музыка обычно звучит непрерывно и громко; естественные паузы в партии солиста заполняются таким плотным звучанием сопровождающих его пение инструментов, что повторное его вступление нередко воспринимается как ослабление звуковой интенсивности. Музыка, чаще всего полностью обессмысленная, в самом худшем смысле шлягерная и электронная, заполняет событийные паузы во время спортивных состязаний (например, хоккейных матчей), не оставляя своих адептов в пугающем их одиночестве; ожидание телефонного соединения «сопровождает» абсолютно неуместная в подобной ситуации, но нередко замечательная классическая музыка; практически любой современный автомобиль оборудуется музыкальной
828
аппаратурой; наш современник, занятый домашними делами, даже требующими внимания и сосредоточенности, нередко испытывает дискомфорт из-за отсутствия звукового сопровождения и т.д....

Сейчас есть все основания утверждать, что искусственно озвученный и постоянно звучащий мир представляет огромную опасность для человека, что возникли серьезные социальная, антропологическая и экологическая проблемы, которым до сих пор не уделяется внимания. *(Массоваякулътура.С.142—178)*

Архитектура и строительство

В начале XX в. в архитектуре, как и других видах искусства, широкое распространение получает *стиль модерн,* но наряду с ним идет обращение и переосмысление прошлого: расцветает *нео(псевдо)готическш стиль* (в Восточной Европе — *неовизантийский),* а также *национальный романтизм.* Для модерна, наиболее своеобразного течения, характерны отсутствие симметрии, разнообразие декора, изощренное оформление фасадов и т.п.

В период между Первой и Второй мировыми войнами на первый план выходит *жилищная архитектура.* Именно относительно нее провозглашается программа новой рациональной архитектуры. Самым знаменитым представителем этого течения является швейцарец Ш. Э. Жаннере (Ле Корбюзье). На мировую архитектуру при этом серьезно воздействует научно-технический прогресс: появляются железобетонные конструкции, позволяющие возводить здания повышенной этажности (небоскребы), каркасные конструкции,. где возможным становится сплошное остекление стен, и т.п.

Во второй половине XX в. наиболее ярким течением является постмодерн.

О постмодерне На сегодняшний день постмодерн в философии и искусстве представляется еще открытой ареной столкновений конкурирующих друг с другом сил. Однако среди них все же можно выделить три основных течения:

1) поздний модерн, или трансавангард;

2) постмодерн как анархизм стилей и направлений мышления;
3) постмодерн как постмодерный классицизм в архитектуре и пост-модерный эссенЦиализм, или неоаристотелевский синтез учения о естественном праве с либерализмом в философии.
Поздний модерн представляет собой постмодернизм как усиление модерна, как эстетика предбудущего времени и превосхождение идеала современности. Примат нового требует от модерна, который грозит стать классическим, преодолеть, превзрйти самого себя. Демон модернизации требует от нового, грозящего стать старым, усиления нового. Нововведения в позднем модерне имеют значение нового в новом. Так возникают варианты превосхождения авангарда в трансавангарде и у «новых Новых» — nuovi-nuovi (как называет себя одна итальянская
829
группа), — варианты усиления авангарда, в которых заметны как следы диктата модерна, так и определенная ироническая дистанция по поводу давления со стороны нового.
Второй, анархический, вариант постмодерна следует лозунгу Поля Файерабенда Anything goes — все дозволено — с его раскрепощающим потенциалом эстетического и методического анархизма и опасностью вседозволенности и эклектицизма, которые свойственны анархическому плюрализму. После господства функционалистского пуризма в архитектуре и алогических «испанских сапог» в научно-теоретическом исследовании возможности расширения опытной и изобразительной сферы за счет новой колоритности необозримы. Вседозволенность, вероятно, представляет опасность для художника и философа тоже, так как сюжет и форма выражения больше не оказывают ему сопротивления и не устанавливают ограничений, которые могли бы отрицательно повлиять на субъективность...
Для модерна, ставшего классическим, функционализм имел двойственное значение — значение эстетически притязательной программы оформления и технико-экономическое значение, направленное на удешевление продукции. И то и другое требование китч хозяйственно-строительного функционализма уже не выполняет. Эстетический стиль, который 60—70 лет тому назад выступал в роли освободителя, поскольку он оказался в состоянии разбить оковы историцизма, сегодня, в условиях угрожающей утраты исторического аспекта вообще, становится уже не критическим, но усиливающим ложное направление развития. Не выполняется сегодня и второе историческое условие для эстетической и социальной правомерности функционализма — удешевление продукции. Производство больше не требует функционального, стандартизированного дизайна для налаживания простых технологических процессов массового производства. Управление производством с помощью микропроцессоров дает возможность запустить более сложные и мелкосерийные производственные процессы, поэтому сегодня больше нет и прежних преимуществ блочного строительства — большей гибкости и большего простора для индустриальных методов. Использование в строительстве готовых блочных деталей сегодня дороже, чем традиционный способ, поскольку транспортные расходы превышают экономию, возникающую из массового производства (economies of scale).
Модуль, включаемый в различные комбинации, и заранее готовая строительная деталь утратили свое архитектурное и оформительское значение. Тот факт, что все это напоминает неорганический мир молекул и атомных моделей, производит во все более технизированном, удаляющемся от природы городском мире отнюдь не освобождающее впечатление, а, напротив, усиливает чувство отчужденности вследствие невыразительной произвольности блочных конфигураций. Модернист-
830
екая программа единства техники и искусства утратила в технизированной среде свой прежний потенциал раскрепощения. Идеал бдно-временности технического и художественного развития утрачивает свою привлекательность, люди больше не воспринимают технику как нечто освобождающее, а ощущают, что им все больше приходится приспосабливаться к техническому миру или даже становиться в этом мире лишними. Сегодня требуется не приспособление искусства к технической среде, а приспособление технического развития к культурной и человеческой среде.
(Козловски П. Культура постмодерна. С. 36—60)

Изобразительное искусство

Наиболее ярким и своеобразным течением в искусстве начала XX в. (до Первой мировой войны) является *модерн,* зародившийся еще в конце предыдущего столетия. Для модернизма характерно резко отрицательное отношение к традиционному опыту искусства. Эта тенденция особенно ярко проявилась в движении *фовистов* (диких) во Франции и *«Мост»* в Германии. В противовес этому настрою и, как это ни парадоксально, в его же русле возникает течение *примитивизма:* обращение к примитивному искусству, например лубку или живописи вывесок, есть и отрицание профессионального искусства прошлого и одновременно ностальгия по прошлому, «не испорченному» цивилизацией и профессионалами, по искренности чувств, свежести взгляда на жизнь. Так, с примитивизма начинал М. Шагал[1], и его творчество даже на самом зрелом этапе несет следы этого юношеского увлечения. В канун Первой мировой войны возникает *кубизм* (основоположники — П. Пикассо, Ж. Брак), в котором человеческие тела и любые другие

объекты изображаются как наборы геометрических фигур или их составляющих, и *футуризм* (Маринетти, Дж. Балла, К. Карра и др.) с его апологией динамики и скорости («Гоночный автомобиль прекраснее Ники Самофракийской!») и анархическим призывом к разрушению предшествующей культуры. В этот же период зарождается абстракционизм, расцвет которого придется на более позднее время — середину века. У истоков этого течения стоял В. Кандинский[2]. Господствующей в это

[1] Марк Шагал (1887—1985) — российский художник (еврей по национальности), один из известнейших художников XX в. Через несколько лет после Октябрьской революции эмигрировал в Западную Европу, где оказал большое влияние на развитие изобразительного искусства.

[2] Василий Кандинский (1866—1944) — русский художник, еще до начала Первой мировой войны живший и работавший в разных странах Западной Европы (1907—1914), в 1921 г. окончательно покинул Россию. Будучи теоретиком и прак^ тиком абстракционизма, оказал большое влияние на европейское и североамериканское изобразительное искусство.

831

время стала идея о том, что искусство существует ради самого искусства («Искусство для искусства!»).

В период Первой мировой войны и сразу после нее зарождаются и активно развиваются еще несколько течений: конструктивизм (особое значение имел русский конструктивизм), *дадаизм* и *сюрреализм,* которые выступают против «искусства для искусства» и стремятся к особому синтезу искусства и жизни.

Для ряда течений художественной культуры XX в. характерно то, что они вышли за пределы одного вида искусства и развивались сразу в нескольких, например, сюрреализм имел место не только в живописи и скульптуре, но и в литературе, театре, кино. Стремление к такому «разрушению границ» впервые стало сознательной целью в дадаизме.

Конец века характеризуется постмодернистскими настроениями в изобразительном искусстве и в рамках массовой культуры — развитием «китча» и «поп-арт».

С появлением компьютеров возникло электронное изобразительное искусство: комьютерная графика и анимация. В последней «статичное» изобразительное искусство уже тесно сливается с «динамическим» искусством кино.

О стиле «модерн» «Стиль модерн» поставил задачу создания нового большого стиля и предложил свой частичный, ограниченный в пространстве и времени опыт ее осуществления. Этот стиль заключает в себе вполне отчетливую эстетическую программу, замысел всеобщих эстетических преобразований. В «чистом» и, стало быть, схематизированном виде она может быть представлена как идея сотворения прекрасного, которое не содержится в неудовлетворительной окружающей жизни. Такая программа может быть устремлена в сторону искусства для искусства, эстетства, воспаряющего над скверной жизнью, и направлена на преобразование этой жизни эстетическими средствами, на излечение ее болезней красотою. И то и другое известно в истории «стиля модерн». Но и в том и в другом случае единственным носителем прекрасного для него служило само искусство, только в мире искусства создается (а не воссоздается, воплощается, отражается) истинная красота, прикосновение которой озаряет собой неэстетичное бытие, творческая деятельность понимается как художественная фантазия, уподобленная творящим силам природы. Художник мыслится демиургом, который словно с мягкой глиной обращается с камнем, деревом, металлом, преобразуя их в некую эстетическую субстанцию', соединяющую духовное и вещное начала.

(Полевой В.М. Искусство XX в. С. 35)

Дадаизм В наиболее полном смысле слова дада представлял собой мировоззрение, особое видение мира. В этом движении с неистовой силой заявляет о себе не только отказ от канона цивилизационных клише, не только питаемое апокалипсическим со-

832

знанием военной катастрофы убеждение, что искусство, которое цепляется за традиции станковой живописи, способно охватить лишь часть действительности, лишь ее фрагмент, — в нем проявляет себя решение отказаться от прошлого, сорвать покров с любых словесных клише, вернуть искусство в начальную точку, в точку, в которой оно еще не отличается от всего «регистра проявлений жизнедеятельности человека» (Баадер). Именно вожделенная связь жизни и искусства дает дадаистам основание для того, чтобы включить в искусство любое проявление жизнедеятельности человека и попытаться придать ему определенный смысл...

К каким инструментам обратился дадаизм, чтобы «разрушить искусство средствами искусства» (Тцара)? Сами по себе они предстают вполне эклектичными... Особенно отчетлива роль воздействия со стороны футуристического анархо-динамизма. Отсюда

заимствуется фонетическая поэзия («звуковой стих»), «взрывное» шрифтовое оформление, ко-мендиантски-издевательский тон в кабаретистских постановках, презрительное отношение к искусству, застывшему на пьедестале, и использование различных материалов в трехмерной конструкции. От кубистов пришли коллаж и монтаж, их влияние заметно и в некоторых осколочно перекрещивающихся формах... Дадаизм даёт простор не только твердой трехмерной действительности. Когда Арп случайно располагает клочки бумаги, он тем самым не только вступает в сферы Великой Абстракции, но и в ту многозначную пограничную сферу, в которой «искусство без фактов» оборачивается в «факты без искусства».

Существеннее, чем отдельные признаки и изучение их источников, представляется общее для них направление — стремление к тотальности. Оно находит выражение в сознательном взрывании автономизи-ровавшейся действительности искусства с помощью взаимопроникновения средств жизни и средств искусства. Нечто подобное имел в виду Швиттерс, когда мечтал о том, чтобы стереть заносчивую черту, разделяющую эстетическое и профанное, и когда он установил, «что любое ограничение определенным материалом односторонне и малодушно. Из этого понимания я создал МЕРЦ, сначала как сумму отдельных жанров искусства, живопись МЕРЦ, поэзия МЕРЦ... Моим последним стремлением является соединение искусства и не-искусства в целостный образ мира МЕРЦ. Цитаты в поэзии, китчевые картинки как часть полотен, включение явно китчевых и явно дурных частей в произведение искусства...» Еще. до того, как Курт Швиттерс принялся за создание своих картин из отслуживших предметов, за написание своей «Звуковой сонаты» и за строительство в своем доме МЕРЦ-конструкции, своеобразной тотемной пещеры-лабиринта, Хуго Балль, вдохновленный театральными проектами Кандинского, сформулировал идею дадаистского освоения мира: «Европа пишет картины, книги и музицирует совер-

шенно новым образом. Слияние всех регенеративных идей, и не только идей искусства'... Нужно лишь вызвать к жизни из подсознания все подоплеки, все краски, слова и звуки, чтобы они поглотили обыденность со всеми ее несчастьями». Очевидно, что эта постановка цели родственна устремлениям югенд-стиля: миру следует придать некую уютность, банальная серость буден подлежит дадаизации, т.е. ее следует расцветить яркими красками бессмыслицы — жизнь должна вновь обрести свою изначальную красоту и таинственность, должна быть провозглашена ее неделимая целостность...

Дада на широком пространстве показал, где скрываются возможности творческого изменения мира, ставящего делание выше подражания, а создание действительности выше описания ее. Такое изменение мира не связано в своем мышлении с узкими категориями произведения искусства или же с категориями определенного жанра: оно в своем экспансионизме потенциально безгранично, оно использует все наличествующие «регистры» (Лафорг) и смешивает друг с другом все возможные слои материала, реальности и значений: «Отказавшись от предубеждения по отношению к любым процессам и техническим приемам, мы в последующие годы довольно часто выходили за границы отдельных искусств: от живописи к пластике, от картины к типографии, к коллажу, к фотографии и фотомонтажу, от абстрактных форм к жанровой картине, от жанровой картины к фильму, к рельефу к objet trouve (франц. — *найденный предмет),* к ready-made. Стирая границы между искусствами, художник обращался к поэзии, а поэт к живописи. Повсеместно находила отражения новая безграничность. Клапан был сорван...» (Рихтер).

(Хофман В. Основы современного искусства. С.415—417)

Сюрреализм В 1919 г. Тцара и Пикабиа перебрались в Париж, через три года туда же из Кёльна приехал Make Эрнст. Тцара встретился с Бретоном, который вместе с Арагоном и Супо основал журнал «Litterature». Журнал выходил до 1924 г. и стремился к высмеиванию и разрушению того, на что QH, судя по названию, должен был опираться. Это полемически-критическое предприятие было зародышем сюрреалистического движения. Непосредственным поводом для его возникновения явился распад в 1922 г. парижского кружка дадаистов. Из этого кризиса, сопровождавшегося многочисленными разрывами отношений, выделилась группа, возглавляемая Бретоном. В 1924 г. в нее, помимо Арагона и Супо, входили поэты

Элюар, Пере, Деснос, Витрак, Кревель и художники Пикабиа, Ман Рэй, Эрнст и — если его можно отнести к художникам — Марсель Дюшан.
К наиболее сильным впечатлениям, повлиявшим на Бретона, относится его знакомство с Аполлинером, который в 1917 г. назвал свою пьесу «Les Mamelles de Tiresias» сюрреалистической драмой, а также

контакты с Дюшаном, в личности которого он видел проявление новейшего научного отношения к фактам, философский ум и поэтическую приподнятость, и психоанализ Фрейда, которого он посетил в 1922 г. в Вене, как и направление «Pittura Metafisica» (итал. — *метафизическая живопись),* созданное итальянцем Джордже де Кирико совместно с Карло Каррав 1915 г....
В 1924 г. Бретон, с этой поры — духовный лидер и координатор движения, опубликовал первый сюрреалистический манифест. Через год в первой выставке сюрреалистов приняли участие следующие художники: Арп, де Кирико, Эрнст, Клее, Ман Рэй, Массой, Миро и Пикассо. В 1926 г. была открыта галерея сюрреалистической живописи. В 1927 г. к движению примкнул Ив Танги, а в 1930 г. — Сальвадор Дали. В1929 г. Бретон опубликовал второй манифест сюрреализма, а с 1930 по 1933 г. выходил в свет журнал «Le Surrealisme au service de la Revolution», отражавший политические амбиции движения. В то время как парижская группа в тридцатые годы обнаружила первые симптомы художественного распада и мировоззренческого саморазрушения, многочисленные манифестации в разных городах Европы способствовали пропагандистскому распространению сюрреалистической мысли.
Сюрреализм подтверждает справедливость наблюдения, в соответствии с которым восприятие и истолкование духовных течений приобретает дополнительную окраску в связи с ожиданиями, с которыми интерпретатор подходит к предмету. Тот, кто ограничивает сферу «реального» лишь осязаемыми и видимыми фактами эмпирического мировосприятия, принимая этот мир внешних фактов за разумный, раз и навсегда установившийся и взаимосвязанный, тому сюрреализм предстанет воплощением отказа от действительности и бегства в непостижимые и неподконтрольные сферы воображения. Отсюда создается генеалогическое древо сюрреализма в истории искусств и духовной истории... Антииллюзионистический аспект сюрреализма при этом выводится из права художника на то, чтобы подняться над эмпирическими фактами, открыть для себя миры воображения и изобразить события, которых «нигде и никогда не происходило». По поводу этой трактовки следует заметить, что сами сюрреалисты давали ей повод, обозначая — подобно Бретону — свое движение как триумф искусства воображения и сотворения над подражательным искусством. В противоречии с этим находится однако их требование, в связи с которым «production» (англ. — *изготовление)* должно прийти на смену «creation» (англ. — *творение).*
Неправильно выводить сюрреализм за пределы реальности и помещать его на ничейной земле фантастики. Потому что тем самым сюрреализм оказывается в ситуации противоречия, которое могло бы быть полезным в крайнем случае лишь рационализму в его отношении к миру, с точки же зрения сюрреалистического восприятия действительности

предстает как нечто преодоленное. Лишь тот, кто не допускает фантастическое в сферу реального, должен помещать его в особую сферу, тот же, кто не ограничивает пределы реального лишь эмпирическими фактами, вполне в состоянии поместить в нем и так называемое «фантастическое». Это — исходная оггуация сюрреалистов: они намерены преодолеть все антиномии мышления и ощущения, сплавить воедино все разрозненные категории восприятия и сознания, коротко говоря, воспринимать реальность как нечто большее и всеохватное, т.е. обратиться к тому «уровню духа», «с позиций которого реальное и воображаемое, прошлое и будущее, высокое и низкое, выразимое и невыразимое перестанут восприниматься как противоречия» (Бретон, 1930 г.)...
Бретон подчеркивал, что сверхреальность, которая его занимает, присуща самой реальности, и он понимал сюрреалистическую деятельность в меньшей степени как связанную с изобретением и фантазированием, а в большей — как отыскание, раскрытие и обнажение, которое отказывается от морализаторского приукрашивания и эстетического преобразования. Он определяет сюрреализм как чисто психический автоматизм, «с помощью которого, в устной ли, в письменной ли форме или каким-либо иным образом, стремятся выразить действительный (!) ход мышления, диктат мышления без контроля разума вне всех эстетических или этических постановок вопроса».
Сюрреализм, имеющий энциклопедическую ориентацию и движимый безграничной жаждой знаний, срывающей все покровы, предпринимает попытку всеохватного изображения того, что он понимает под действительностью. Все, что попадает в поле его «поисков истины», должно просто регистрироваться, а не подвергаться экспрессивному изменению или стилизации. Он отказывается

от традиционных, подтвержденных прогрессом и цивилизацией аналитических методов, так как они расщепляют цельность действительности на искусственные антиномии и дихотомии. Сон для сюрреалиста не является противоречием действительности, а, наделенный силой закона, является основным инструментом для ее просвечивания. Лишь условно сюрреализм вступает при этом в сферы абсурдного, так как при ближайшем рассмотрении оно предстает как «высвобождение всего допустимого, существующего в мире». Если иллюзионистский натурализм удовлетворял свой интерес к действительности путем по возможности полного, намеренно непредвзятого воспроизведения внешнего эмпирического мира, то сюрреализм стремится к тому, чтобы с помощью новых документальных способов «воссоздать сновидение во всей его многосоставности». Он отбрасывает как искусственную картезианскую модель реальности и отказывается проводить разделительную черту между дневной и ночной сторонами сознания. Как совпадают друг с другом реальность и воображение, так должна исчезнуть и граница между сознанием и несознанием. Поэтому Бретон восхищается сумасшедшими, в которых наивность соединяется с чрезвычайной искренностью.

836

Эта претензия на документальность, на научную основательность отказывается от подхода к действительности на основе заранее сформированных убеждений и намерений/Сюрреализм презирает искусство, воображающее, будто оно — выше действительности, от которой оно гордо отделяет себя. Такое антитетичное мышление не может удовлетворить сюрреалистов, поскольку речь для них не идет о «легком беспокойстве», которое порождает то или иное произведение искусства, а следовательно, и не о дадаистских представлениях об антиискусстве и антипоэзии, но «о самой действительности» (Бретон). Доверяя силе законов сновидения, сюрреализм поступает так потому, что ему в его сновидческом опыте становится очевидной та неразделенная целостность, которая позволяет человеку насытить себя всем, что встречается ему на пути. С помощью сознания, зонды которого проникают много глубже, чем зонды рассудка, сюрреалисты намерены освободить мышление от рассудочной узости, воссоздать его в его «изначальной чистоте» и вернуть на «путь тотального понимания». Они стремятся не к коротким вылазкам в область фантазии, а к прямому и достоверному регистрированию, фиксированию, т.е. к «простому подражанию природе» в смысле сплошного выведения в область осознания. Эта «природа», конечно же, столь же многослойна, как и многообразны сюрреалистические методы ее освещения. Она простирается на взаимопроникающие сферы «природного» и «живого», в которых случай и инстинкт, жестокость и извращение, сновидение и помешательство, предчувствие и страсти существуют еще в том состоянии невинности и изначальное™, которое предшествовало грехопадению рассудка. Тем самым сюрреализм возводит на новый, предельный уровень одну из самых важных идей современного искусства, связанную с требованием изначальное™ и истинности.
(Хофман В. Основы современного искусства. С. 417—424)

Из «О себе и обо Пикассо говорил мне: «Искусство — дитя сиротства **всем прочем»** и тоски. Другие пишут свою жизнь, я пишу карти-Дали ны».

* * *

В детстве я был злым, злым я и рос, и оттого до сих пор еще страдаю.

* * *

Всю жизнь моей навязчивой идеей была боль, которую я писал бессчетно.

* * *

Страдая, я развлекаюсь. Это мой давний обычай.

* * *

Вот уже пятьдесят лет я развлекаю человечество.

837

— Дон Сальвадор, на сцену!
— Дон Сальвадор всегда на сцене!

* * *

Трудно привлечь к себе внимание даже ненадолго. А я предавался этому занятию всякий день и час. У меня был девиз: главное — пусть о Дали говорят. На худой конец пусть говорят хорошо.

* * *

Надеюсь, никто не посягнет на мой высший титул — титул шута. Шутом был Чарли Чаплин, а ведь повсеместно признано, что он воплотил эпоху. Так вот, вообразите, что Чарли Чаплин не только шут, а кроме того рисует, пишет картины, ставит спектакли, то есть делает все то, что делаю я. Это уже непревзойденная степень гениальности. Надеюсь теперь понятно, почему мне так дорог титул шута!
(Дали С. О себе и обо всем прочем. С. 358—360)

Быт и нравы

Одна из важнейших новаций эпохи постмодерна — «сексуальная революция» — важнейшая составляющая

«молодежных революций» 1960—1970 гг. Следствиями ее стали свобода в сексуальных отношениях (не требующих теперь в обязательном порядке брака), легализация гомосексуализма (который ранее во многих странах преследовался по закону) и лесбиянства, групповых браков и попросту сексуальных оргий, а также появление целой порноиндустрии (журналы, книги, кинофильмы и т.д.) и широкой сети сексмагазинов. В конце века нетрадиционные сексуальные отношения стали модными, развернулось широкое движение против дискриминации сексменьшинств, в некоторых странах в настоящее, время уже легализованы гомосексуальные браки, в других этот вопрос обсуждается.

Из книги А. Лауна «Любовь в современном мире»

Андреас Лаун (род. в 1942 г.) - известный католический богослов и философ, епископ Зальцбурский.

Гомосексуальные браки?

В некоторых странах гомосексуально предрасположенные люди уже могут вступать в «брак», в других — разрешения «голубых браков» яростно требуют, особенно заинтересованные лица.

Хотя сообщения по телевидению о подобных «свадебных торжествах» и заставляют многих людей качать головами, но, по-видимому,, скоро во многих странах именем ложно понятого принципа равноправия примут законы как раз в этом смысле! Требование разрешить браки между гомосексуалистами (это относится и к лесбиянкам) являет-

ся лишь самой броской, зрелищной частью той борьбы, которая ведется против любой формы «дискриминации» гомосексуалистов и призвана отвоевать их права как «подавляемого меньшинства». Аргументом служит то, что гомосексуальность представляет собой всего лишь *иную* и более редкую, но никак не *худшую* форму сексуальной ориентации, чем гетеросексуальность. Говорить здесь о «болезни» или даже об «извращении» — это, якобы, уже начало дискриминации и повод для ее углубления. Если вспомнить, как часто на протяжении истории гомосексуалисты страдали из-за своей сексуальной ориентации и каким жестоким преследованиям подвергались, например, во времена нацизма, то следует согласиться: к желанию этих людей нужно отнестись серьезно, а на такой сложный вопрос можно дать только дифференцированный ответ.

Прежде всего нужно задать принципиальный вопрос: что такое сексуальность? В поисках ответа человечество хотя и совершало ошибки, однако в конце концов мировое распространение получил иудейско-христианский ответ: сексуальность — это плодотворный телесный язык любви между мужчиной и женщиной, и ее подлинное место — в браке.

На этом фоне гомосексуальность представляется, несомненно, не каким-то безобидным вариантом естественного, а чем-то болезненным, своего рода карикатурой на подобающие отношения между мужчиной и женщиной. Гомосексуальные отношения стерильны, а на биологическом уровне главный смысл половой жизни — в продолжении рода. Кроме того, строение человеческого тела не допускает настоящей любовной близости двух одинаковых в половом отношении тел: ее можно «желать», но осуществить невозможно...

Этот вопрос отсылает нас к таинственному аспекту человеческого тела: «грамматику» телесного языка невозможно произвольно изменить. Не всякий половой акт можно одухотворить любовью, и даже естественная близость не обязательно является выражением любви. Взаимная помощь в сексуальном удовлетворении — это нечто иное, чем слияние в любви. Конкретно это означает: анальный секс или любой другой неестественный половой акт никакой волей или половым желанием не превратить в телесное выражение любви — ни между гете-росексуалами, ни между гомосексуалами, даже тогда, когда они любят друг друга. Судорожное желание подчинить действительность идеологии всегда оказывалась в истории человечества фатальной. Только исходя из этого можно осмысленно обсуждать, с одной стороны, законодательные меры против пропаганды гомосексуализма и вовлечения в него молодежи, а с другой стороны — законность браков между гомосексуалами.

Точно так же об упреке в том, что гомосексуалисты еще и сегодня «продолжают подвергаться дискриминации», можно говорить лишь в тбм случае, если мы знаем, что такое гомосексуализм и уяснили значе-

ние понятия «дискриминация». Поскольку это понятие в любом случае означает нечто незаконное, мы должны отставить в сторону пустые призывы не «дискриминировать» гомосексуалистов, и обратиться собственно к вопросу о том, *в чем же* они «дискриминируются». Ибо само собой разумеется, что нельзя дискриминировать никого, в том числе и гомосексуалистов. Поэтому вопрос наш в следующем: кто дискриминирует гомосексуалистов? Законодатели? Церковь с ее моралью? Или те люди, которые считают ориентацию гомосексуалистов «извращенной»? А может

быть те, кто не желает доверять своих детей воспитате-лю-грмосексуалу? Или дискриминация гомосексуалистов заключается в том, что им «не разрешено вступать в брак»?...

Аргументы в пользу -«браков»- *между* ***гомосексуалистами***

Требование гомосексуальных браков рассматривается многими как проявление терпимости, и оно, как считают, претендует на три солидных аргумента в свою пользу.

— Первым следует назвать принципиальное стремление к равноправию. Если все люди заслуживают действительно «равного» к себе отношения, — аргументируют сторонники таких браков, — то гомосексуалистам также должно быть разрешено жениться.

— Гомосексуальные браки желательны еще и в связи с эмпирическими исследованиями, которые показывают (что, впрочем, может прийти в голову и так), что промискуитет создает больше проблем, чем стабильные отношения между гомосексуалистами. Отсюда делается вывод, что этим отношениям следует оказывать поддержку, а именно разрешая гомосексуальные браки.

— Третий аргумент связан со СПИДом: случайные половые отношения представляют собой гораздо больший риск с точки зрения опасности заражения, чем верность в браке, и это тем более относится к гомосексуальной группе риска. Гомосексуальные браки в качестве профилактики СПИДа позволили бы не только избежать многих человеческих трагедий, но и сэкономить обществу много средств.

Гомосексуальный брак — это противоречие

Тот, кто говорит о браке между гомосексуалами, должен сначала сказать, что он, собственно, подразумевает под «браком»: ведь под «браком» может пониматься либо специфический союз мужчины и женщины, либо хотя бы ряд прав, которые в силу особого уважения, оказываемого институту семьи, до сих пор закреплялись только за супругами.

Правовые последствия вступления в брак можно, кроме того, подразделить на такие, которые человек может и без заключения брака оговорить в законном договоре у нотариуса, и такие, которые в законодательном порядке закреплены за браком. Отсюда вытекает:

840

a. Гомосексуалисты не могут вступать в брак, поскольку они не в состоянии этого сделать.

,

Брак как союз мужчины и женщины невозможен между гомосексуалистами, поскольку гомосексуальная пара — это как раз не мужчина и женщина. Не религиозно-мировоззренческие или юридические причины препятствуют «гомосексуальному браку», а сама действительность как таковая делает противоречивым и невозможным «брак» между гомосексуалистами. Если бы у какого-нибудь правительства возникла идея по закону дать мужчинам право на беременность и роды, то все равно ни один мужчина не смог бы забеременеть!...

Иначе говоря, гомосексуалисты не могут жениться, потому что они не в состоянии этого сделать! Поэтому бессмысленно и спрашивать, можно ли им это разрешить.

По этим же причинам они не могут стать и «родителями», и сделать возможным усыновление детей гомосексуалистами или даже по идеологическим соображениям преднамеренно оказывать им предпочтение перед готовыми к усыновлению нормальными парами — как это, говорят, уже происходит в США, — было бы новой, дикой формой насилия над детьми...

Людям с гомосексуальной ориентацией можно на основании еще подлежащих обсуждению причин предоставить то или иное право, однако невозможно понять, почему вдруг две столь разные вещи, как брак и гомосексуальные отношения, хотят обозначить одним понятием. Идея называть браком и гомосексуальные отношения привела бы не только к обеднению языка, но и явилась бы источником постоянной путаницы.

b. Способность «гомосексуальных браков» взорвать общественно-политическую ситуацию.

Разрешить гомосексуалистам «заключать браки» — это не только нелепость, это было бы прежде всего очень серьезным вмешательством в основы культуры. Ибо, если «вступать в брак» могут и гомосексуалисты, то в этом случае то, что иудейско-христианская традиция и вместе с ней законодатели в большинстве стран мира называют «браком», теряет свое определение и исчезает из сферы того, что может быть названо с помощью языка... Даже подобное нелепое законотворчество не смогло бы привести к вымиранию человечества. Но при подобном духовном загрязнении общества ситуация такая же, как и в случае обычных экологических проблем: лишь спустя годы видны катастрофические последствия!

c. *Вред для самих гомосексуалистов.*

Закон, разрешающий гомосексуальные «браки», вреден и для самих гомосексуалов, потому что он способствует вытеснению реальности, вместо того чтобы противодействовать ей... Нет никаких гомосексуалов, есть только люди, которым наряду со многими другими хорошими и менее хорошими качествами свойственно и нарушение в половой сфере.

841
d. Правовые гарантии гомосексуальных отношений.
Мы показали внутреннюю противоречивость и невозможность «гомосексуальных браков», но остается вопрос о «законодательно урегулированном партнерстве».
— *Правовые гарантии для гомосексуалистов посредством договора:* если требование «браков для гомосексуалистов» по своему содержанию направлено лишь на то, чтобы предоставить им в их отношениях действительно желательные правовые гарантии, то ответ звучит так: многие права — от права наследования до права посещения больницы — люди могут оговорить посредством договора, и гомосексуалы должны использовать все эти возможности — никто не может и не должен им в этом препятствовать. Если подобные договоры внесут в существование людей с гомосексуальной ориентацией больше стабильности и тем самым защитят их и от СПИДа, то это следует приветствовать.
— *Супружеские привилегии для гомосексуалов?* Разумеется, совершенно другой вопрос, обязано ли общество в законодательном порядке предоставить гомосексуалистам права, которые оно раньше признавало лишь за супружескими парами.
Ответ на это исходит как раз из той посылки, которой вооружились гомосексуалисты, а именно принципа равноправия, и звучит так: если мы уподобим гомосексуальные отношения браку в отношении правовых последствий, то таким образом будем относиться к неравному как к «равному» — а это противоречит принципу равноправия.
Определение социально-политической несправедливости как раз и состоит в том, что какой-либо человек или группа людей претендуют на услугу без ответной услуги. Ведь брак и семья имеют преимущет ственное положение не в результате политически ловко полученных привилегий, причины которых за давностью уже никто больше не знает, а благодаря их необыкновенной услуге обществу — услуге, которую не может оказать никто другой и уж тем более гомосексуалисты!
Да, к гомосексуалистам следует относиться как к «равным», т.е. как к «другим» по сравнению с супружескими парами, и так, как ко всем остальным не состоящим в браке гражданам! Ибо на супружеские и семейные привилегии — во многих странах и без того выхолощенные — может претендовать лишь тот, кто состоит в браке, причем законодатели ради соблюдения принципа равноправия должны относиться к бездетным супружеским парам и многодетным семьям иначе. Поскольку гомосексуалисты, к сожалению, не в состоянии вступать в брак и, кроме того, дополнительно обременяют общество своей нестабильной жизнью и высоким уровнем ВИЧ-инфицированности, — непонятно, почему государство должно предоставлять им привилегии, в которых оно отказывает людям, не имеющим по каким-либо причинам собственных семей. Неужели оно должно «вознаграждать» их за счет других только зато, что они практикуют гомосексуальные отношения? В этом
842
случае гомосексуальные пары возмутительным образом имели бы преимущество перед другими, живущими совместно без всяких сексуальных мотивов, а это в высшей степени противоречило бы принципу равноправия, который гласит: относиться к одинаковому одинаковым образом, а к иному— иначе! Это касается и вопроса о «равном» возрасте охраны прав молодежи для нормальных подростков и гомосексуально предрасположенных: на самом деле законодатели должны защищать молодежь от гомосексуальных контактов дольше, чем от гетеросексуальных, а мальчиков иначе, чем девочек. Поскольку гомосексуальные отношения как раз и нельзя поставить на одну доску с гетеросексуальными и поэтому к ним нельзя относиться *также...*
«Равное положение для гомосексуалистов», как того требуют, было бы не «равным положением», а ничем не обоснованным лучшим положением! При этом следует иметь в виду, в первую очередь самим гомосексуалистам: необоснованные привилегии вызывают агрессию и могут спровоцировать такие реакции в определенных кругах, которых воистину никто бы не пожелал! Гомосексуалисты должны обладать всеми правами, которыми обладают и другие граждане, однако не *потому,* что они гомосексуалисты, а — и это важно подчеркнуть — *независимо* от этого! Гетеросексуалы имеют не больше прав, чем гомосек-суалы. Истина, напротив, заключается в том, что первые могут то, чего к сожалению не могут гомосексуалисты и некоторые другие люди, а именно сочетаться браком. Можно привести сравнение из другой области: слепые не могут управлять автомобилем, но не потому, что они имеют «меньше прав», чем зрячие, а потому, что они этого просто не могут! Если бы гомосексуалы признали это, то тем самым заложили бы хорошую основу для спокойного, без агрессии, обсуждения с ними вопроса о «дискриминации» и ее искоренении.
(Лаун А. Любовь в современном мире. С. 194—204)

Компьютерные игры В конце XX в. появился и широко распространился новый вид игр, оказывающий значительное влияние на формирование психики ребенка, — компьютерные игры. В настоящее время существует уже множество их видов.

Пользуясь языком рядового пользователя, их можно условно поделить их на «стрелялки», ролевые игры (РПГ), квесты, симуляторы транспортных средств, гонки, стратегии (экономические и военные), головоломки (включая карточные игры и тетрисы) и т.п. Одни из них предназначены для отдельного пользователя, другие являются сетевыми, в третьи можно играть и одному, и вместе с коллегами по сети. Некоторые игры являются чисто развлекательными («стрелялки», карточные игры, гонки), другие можно отнести к «развивающим» (например, стратегии, некоторые ролевые игры и головоломки).

Компьютерные игры, как и любое новое социальное явление, имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Так, например, они позволя-

ют с высокой степенью реалистичности моделировать различного рода ситуации, в которых игрок никогда не смог бы оказаться в действительности (например, реалии жизни уже «канувших в лету» народов, а то и инопланетных цивилизаций), и дают возможность пользователю активно участвовать в них, расширяя его социальный опыт. Очевидно, они обладают богатым потенциалом в плане знакомства пользователя с другими культурами и иными мен-тальностями, что могло бы стать мощным средством для развития общей толерантности по отношению к представителям иных культур.

К числу отрицательных характеристик, несомненно, относится вред для здоровья и психики детей и подростков, буквально «прилипающих» к монитору на долгие часы в ущерб'другим занятиям. Психологи отмечают и повышение их агрессивности, проявляющейся как при попытках родителей «оторвать» детей от компьютера, так и в различных жизненных ситуациях: привычка бездумно «убивать» своих врагов, вырабатываемая «стрелялками», ведет к тому, что такие пользователи и в жизни пытаются решить свои проблемы с помощью насилия. Привычка к компьютерному общению способствует развитию общей асоциальное™ у подрастающего поколения и к выработке неадекватного восприятия реального мира как одной из «виртуальных реальностей», из которой в любой момент можно «выйти», перезагрузить ее и переиграть ситуацию и т.д.

Компьютерные, игры тесно связаны с рядом других культурных феноменов, и прежде всего с литературой и кино. Некоторые игры создаются по мотивам литературных и кинопроизведений, но есть и обратное явление: создание романов и кинофильмов на базе каких-то популярных игр.

Доминирование компьютерных игр у подрастающего поколения создает еще одну неожиданную опасность для современной культуры: усиливает разрыв со вёеми предшествующими поколениями. Как установлено рядом культурологов[1], многие детские игры восходят к древним (средневековым и даже первобытным) реалиям жизни. Тем самым через них частично осуществляется «перенос» неких культурных ценностей и установок, социального опыта, особенностей ментальное™ и т.п. Нынешние же игры такого заряда не несут. Впрочем, персонажи древних сказок — эльфы, гоблины, орки, драконы и т.д. уже проложили себе дорогу не только в современную литературу (фэнтези) и кино, но и в компьютерные игры.

Но этот культурный феномен очень молод, не насчитывает и двух десятков лет, поэтому трудно прогнозировать дальнейшие тенденции его развития.

Современная воспитание

Получив в подарок смешного мохнатого медвежон-коммерция и ка, девочка вежливо поблагодарила меня, но в ее глазах мелькнуло разочарование. Оказалось, что она ждала иного подарка — все ее подружки играют с куклой Барби и хвастают друг перед дружкой ее новыми туалетами. Барби длинноногая, голубоглазая, с распущенными золотыми волосами и томным взглядом. Томность, видимо, от пресыщения славой и признанием, выпавшими на ее долю. Эта красавица — продукция амери-

[1] В частности, И. Хейзинга в книге «Homo ludens» («Человек играющий»).

канского концерна «Маттель», главного производителя игрушек в мире. «Я пыталась убедить дочь, что эта розовая американка слащава, невыразительна, что играть с ней совсем неинтересно, но куда там! — жаловалась мать Франчески. — С подружками они только об этой кукле и говорят. А на днях с утренней почтой прислали рекламное объявление, обращенное напрямую к ребенку, которое наставляет: попроси папу или маму дать тебе столько-то денег и вступай в клуб друзей Барби; ты получишь значок с ее портретом, носи его не снимая, чтобы тебя узнавали все ее друзья; будешь получать все новые каталоги нашей фирмы, журнал и маленькие подарочки. Как вам это нравится?»

Конкурентоспособная кукла, при умело организованной системе сбыта, вышла на первое место по продаже. Она доступна по цене (в Швейцарии Барби стоит 12,9 франка, хотя обычно куклы такого типа почти вдвое дороже... У Барби есть «приятель» Кен, собственные лошади, попугай, пудель Милорд и котенок Флюфли. Вся эта синтетическая компания живет, одевается, питается, развлекается в специальных кукольных домах. Весь окружающий куклу мир Копирует сферу обитания мыльных персонажей и выполнен в строго реалистической манере. Что это: уроки домоводства или школа потребления?

Шутливую, но правдивую историю «про Барби» рассказал известный американский фельетонист Арт Бухвальд. «Моя дочь попросила куклу, — начинает он свое повествование. — Она выбрала Барби, а так как цена была вполне подходящей (10 долларов 95 центов), я

сделал дочери этот подарок». Через неделю девочка подошла к отцу и сказала, что Барби нужен халатик. «Маме тоже нужен халатик», — ответил отец. «Но в каталоге есть такой красивый халатик, и всего за 10 долларов», — приготовилась заплакать девочка. «В каком каталоге?!» -«- закричал отец. Оказалось, что в коробке вместе с куклой лежал и каталог «Милого семейства».., «Я схватил его, — продолжает Бухвальд, — и с ужасом понял замысел производителей Барби. Они «уступают» куклу всего за 10,95, но каждый из ее туалетов (а их в каталоге 200 наименований) стоит в среднем 12 долларов. Положение моей дочери в ее обществе будет зависеть от того, как будет одета Барби». Любящий отец не смог подвергнуть свое дитя общественному остракизму: был куплен Кен, потом пиджак для Кена, плащ, электробритва, пижама, костюмы. Куклам купили дом, обставили его и... «Папа, на следующей неделе в гости к Барби и Кену придет Мидж (новая модель фирмы «Маттель»), и ей совершенно нечего надеть!» — папина любимица протягивала ему каталог, заложенный на странице «Платьица для Мидж».

Изготовители Барби моментально учитывают любое модное поветрие. Возросла популярность рока? И кукла тут же начала карьеру рок-звезды. Продаются музыканты из ее оркестра, отдельно костюмы, отдельно музыкальная аппаратура. Купив комплект, вы получите кассету с рокзаписями. В Нью-Йорке, в знаменитом магазине Харриса есть

специальный отдел одежды для девочек «под Барби», где продаются одинаковое платья для куклы и ее маленькой владелицы. Тщательный учет вкусов еще несовершеннолетних покупательниц, скажут одни. Продуманная система формирования покупательских вкусов, начиная с самого раннего возраста, скажут другие. И не только покупательских, добавим мы...

(Корзун Н.В. Рок, игры, мода и реклама. С. 54—56)

Мода Около 1900 г. пестрые краски Востока совершенно овладевают Парижем. В том же году здесь выступает с русским балетом Сергей Дягилев, костюмы и декорации для. которого создает Леон Бакст. Молодой модный модельер, больше художник, чем портной, Поль Пуаре, который сначала работал у Ворта, очень внимательно следит за всеми этими импульсами,-носящими как отпечаток истории — предлагает платье в виде туники и пеплос, — так и отпечаток Востока. В его эскизах чередуются японское кимоно, персидская вышивка, пестрая батика и восточные тюрбаны с мехом и парчой...

После больших потрясений, которые принесла Первая мировая война, жизнь в корне изменилась. Вместе с этим пришли перемены и в моду, новые тенденции которой наметились уже в ходе войны. «Военный кринолин» дожил, примерно, до 20-х годов: это выражалось в юбках с воланами на боках, в полудлинных и полуприлегающих платьях неопределенной формы, ближе всего приближающихся к эллипсу. Однако в это же время в моде наступает коренной перелом — совершенно преобразился силуэт женской фигуры из-за сокращения длины юбки и длины волос. Новая мода основана на чистой геометрии, ее тенденции явно антинатуралистические. Костюм теперь совершенно умышленно разделяется на две части — на лиф и юбку. Некоторое время длина юбки еще резко не меняется; Но с 1924 года она заметно сокращается, а в 1928 году — едва прикрывает колени. Одновременно линия талии опускается на бока, поэтому лиф намного становится длиннее. В это время можно говорить о проникновении кубизма в моду. Основой ежедневных, светских и вечерних дамских туалетов стала так называемая сэк-линия (sack-lime) — ровная рубашка с двумя швами на боках, которая разделялась на две части одним пояском. Платья отличаются друг от друга только материалом. Лиф имеет глубокий вырез, а руки, спустя много десятилетий, опять обнажены, но все эти элементы, во все времена подчеркивающие желское обаяние, теперь использовались для нового явления — теперь подчеркивается неопределенность пола, в моде какая-то полудевичья, полумальчишеская фигура.

Эта женщина-мальчик находит себе применение во всех профессиях, прилежно занимается спортом, страстно танцует фокстрот, чарльстон и джазовые танцы. Она борется с лишним весом, ибо идеалом те-

перь является высокая, стройная женщина без бедер и груди/со стройными ногами и руками, курящая сигареты в длинном мундштуке. Воплощением этих представлений и самым модным женским типом стала северянка Грета Гарбо, героиня всех наиболее известных фильмов своего

времени. Коротко остриженные волосы, маленький рот с ярко накрашенными губами, брови резко подчеркнутой формы и глаза с опущенными веками сошли с подмостков театров и киноэкранов и вышли на улицы. Но самой большой новостью в истории моды стали открытые ноги, на которых теперь сосредотачивалось внимание. Премыш-ленным производством начали выпускаться в огромном количестве шелковые прозрачные чулки телесного цвета и элегантные остроконечные туфли с большим вырезом из тонких сортов кожи — для повседневной носки и золотые и серебряные туфли, парчовые либо кожаные, — для вечерних туалетов. К этим нарядам носили шляпки с широкими полями, глубоко посаженные на голову, либо как бы шляпы-колокола, полностью закрывающие волосы.

Но наряду с этой модой-люкс в женскую моду проникают длинные брюки, как спортивные, так и домашние, юбки, свитера, белье и трикотажные платья, выпускаемые промышленным производством, которые до сего времени остаются в ней.

Дальнейшие перемены в моде происходят в 1936—1937 гг., когда женская фигура опять несколько стилизуется. Рукава поднимаются с помощью плечиков, талия сужается, юбки расширяются, округлый силуэт как бы сменился на два треугольника, соединяющихся вершинами в поясе. Женская мода до некоторой степени огрубела. Этому способствуют некоторые детали: например, обувь с ремешками на высокой пробковой или деревянной подошве, сумки, носимые на плече, шлемовидные шляпы с узкими полями, но прежде всего — плечики под рукавами. В течение Второй мировой войны все эти детали стали еще более выразительными. Женское платье укорачивается, плечи увеличиваются, вся одежда скорее напоминает форменную одежду. Модные нововведения касались, прежде всего, укладки волос, в сеточки и шляп, которые приобрели странные формы, ибо недостаток материала не позволял больших перемен...

Резкий поворот в моде произвел в 1947 году Кристиан Диор, продемонстрировавший новые интересные модели одежды, которые, правда, сначала были предложены только узкому кругу высшего общества. Поначалу реакция многих была отрицательная. Например, французские и американские женщины выступали против этой дорогой моды в то время, когда здоровью их детей еще угрожали нищета и голод. Но несмотря на это, уже в 1948 году вся Европа и Америка приняли новый стиль Диора, получивший название «нью лук» (новый силуэт). Это была романтическая линия с новым вариантом кринолина, тонкой талией и прилегающим лифом. Наряду с этой основной линией, однако предназначенной исключительно для молодежи, Диор вскоре создает

целый ряд других модных линий, которые также стали всеобщим до-стоянием, — это стилизация одежды под буквы «Н», «Х», «Y», «А» и т.д. Само собой разумеется, что мода 1950-х гг. создавалось не одним Диором. Это время наибольшего расцвета и славы парижского «от ку-тюр», когда процветают модные салоны Юбера де Живанси[1], Жака Фата, Кристобальда Баленсиажи, Ива Сен Лорана, когда опять открывается дом моды Шанель и др.

Однако в послевоенные годы в Европе все больше чувствуется влияние американского образа жизни, а вместе с ним появился более свободный стиль в одежде. Отныне неотъемлемой частью женского дневного и вечернего туалета становятся брюки. На мужскую моду, да и на женскую, налагают свой отпечаток некоторые типы военной одежды (например, морской). К послевоенному периоду относится и дальнейшее развитие конфекции, но это уже производство костюмов не из эрзац-материалов, а наимоднейших платьев, быстро следующих всем сезонным переменам, а также бутика и торговли первоклассными модными новинками в единичном количестве экземпляров и одновременно — различными модными аксессуарами в большом количестве, что расширяет влияние «от кутюр» на более широкие круги общественности. Пятидесятые годы связаны также с развитием производства новых искусственных материалов, которые временно оттесняют материалы естественные благодаря своим практическим особенностям, прежде всего — несминаемое™.

Пятидесятые и шестидесятые годы являются также временами, когда известные артисты, певцы и общественные деятели становятся также образцами и подражателями и в моде (Б. Бардо, Фара Диба, Э. Пресли, М. Брандо и др.). Это говорит об усиливающемся интересе молодого поколения к одежде, который быстро начинают поддерживать и использовать в своих интересах большие торговые дома, специальные модные журналы и бутик.

Но и на этот раз конфликты между поколениями не заставили себя долго ждать — самоуверенная молодежь (во Франции — приверженцы философии экзистенциалистов, в Англии — «сердитые молодые люди» типа Дж. Осборна) хочет отличаться от всех окружающих не только

поведением,«о и костюмом. Их одеждой являются пришедшие из Америки джинсы, которые все более распространяются, несмотря на сопротивление официальных мест (школ, учреждений). Цвет джинсов — черный, наиболее притягательный материал — натуральная и искусственная кожа; дополнением к ним являются ковбойские шляпы, широкие пояса, в качестве отделки моды металлические заклепки. Эти отчаянные парни, которые без цели носятся на ревущих мотоциклах, самоуверенность которых недалеко ушла от насилия, постепенно становятся социальной

[1] Более распространенное в русскоязычной литературе написание этой фамилии — Живанши.

проблемой больших городов. (В 1970—1980-х гг. молодое поколение доходит до определенной агрессии; взять к примеру хотя бы т.н"грубый стиль», панк, который отдает предпочтение скорее именно грубости и шокированию окружающих небрежной одеждой, курьезной'стрижкой, окраской волос и т.д., нежели каким-то решительным действиям.) В 1960-х гг. появляются и первые хиппи с их совершенно неконфекционной одеждой — намеренным вызовом господствующей моде. Однако мода не отступает перед этим, а наоборот быстро использует этот новый стиль, чтобы нажиться на нем. Теперь тон в одежде задает все более молодое поколение; в 1967 г. девушки в возрасте от 17 до 20 лет приобрели 60 процентов всех модных Товаров. В этом принимают участие и новые, близкие молодежи стили в искусстве — оп арт, поп арт, новый реализм, хеппенинг, которые находят в моде выразительное отображение.

Это период, когда именно в такой консервативной до сего времени стране, как Англия, начинают продавать в большом количестве все то, что является «поппинг» и «шокинг» (шокирующим). Майки с разнообразными актуальными текстами и рисунками, часто политического звучания, становятся неотъемлемой частью костюма молодежи того времени и в различных вариантах остаются популярными до наших дней. Поэтому не удивительно, что именно в Англии зародилась мода на мини-юбки и что их создательнице, американке Мэри Куант, в этом совершенно непридворном наряде в 1966 г. в Букенгемском дворце вручили орден британской империи за заслуги в британском экспорте. Завоевание космического пространства также оказало влияние на развитие моды — модными дополнениями становятся не только шлемы, но и очки в виде месяца.

В конце 60-х годов в моде появляются черты, отражающие повышенный интерес к сексуальным вопросам. Свободная мораль, сопровождающая наводнение стран порнографическими фильмами и журналами, отразилась в моде «топлес» (женский купальный костюм без верха), тогда плавки этого стиля — монокини — распространились по всему побережью Лазурного берега, а сегодня совершенно обычный купальный костюм на большинстве мировых пляжей; распущенные нравы нашли свое выражение также в «транспарантном» стиле, в блузках из прозрачных тканей (Лоран, Унгаро, Курреж) и т.д.

В противовес этим тенденциям в конце 60-х и в начале 70-х годов появляется новый романтический стиль (непосредственным импульсом для этого был мюзикл Бернстайна «Волосы» и фильм «Вива Мария»). Но на этот раз речь идет не о романтизме диоровских салонов, а о романтизме, вдохновленном народным фольклором, который принес с собой в моду пестрые шерстяные ткани и простой крой одежды далеких стран (штаны гаучо, пончо, вышитые афганские куртки, индийские шали, затем в 70-х годах — зуавские штаны и мексиканские пончо, перуанские вязаные шапки и варежки, арабские одежды и т.д.).

Область моды все более интенсивно ориентируется на одежду для свободного времяпрепровождения, для отдыха, для спорта; с распространением аэробной гимнастики и других видов спорта возникают костюмы джоггинг (jogging) которые могут быть использованы как для спорта, так и для выхода, что вносит в одежду 80-х годов большую свободу, живописность ^предоставляет большие возможности для личного творчества. /

(Кйбалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. С. 302—321)

Литература

Амаду Ж. Лавка чудес // Амаду Ж. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. / Пер. с португ. М.: Худож. лит., 1982.

Арто А. Театр и жестокость // Как всегда — об авангарде: Антология французского театрального авангарда: Пер. с франц. М.: Союзтеатр, 1992.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

БодрийярЖ. Система вещей: Пер. с фр. М.: Рудомино, 1995.

Борхес Х. Л. Письмена бога. М.: Республика, 1992. ',

Гессе Г. Нарцисс и Гольдмунд // Гессе Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3: Пер. с нем. СПб.: Северо-Запад, 1994.

Григулевич И.Р. Пророки «новой истины»: Очерки о культах и суевериях современного капиталистического мира. М.: Политиздат, 1983.

Гриненко Г.В. История философии. Учебник. — М.: Юрайт-Издат, 2004.
Дали С. О себе и обо всем прочем // Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. О себе и обо всем прочем: Пер. с англ., исп. и франц. Н. Малиновской. М.: Сварог, 1996.
Дау К. Л. Афро-бразильская магия. К.: «София», 199.7.
ДелёзЖ. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
Джойс Д. Улисс: Пер. с англ. В.Хинкиса, С.Хоружего. М.: Республика, 1993.
История эстетической мысли: В 6 т. Т. *5.* Буржуазная эстетика XX века. М.: Искусство, 1990.
Камю А. Абсурдное рассуждение // Альбер Камю. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990.
Кйбалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артия, 1988.
Клодель П. Театр Но // Как всегда — об авангарде: Антология французского театрального авангарда: Пер. с франц. М.: Союзтеатр, 1992.
КозловскиП. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития: Пер. с нем. М.: Республика, 1997.
Конто Ж. О театре // Как всегда — об авангарде: Антология французского театрального авангарда: Пер. с франц. М.: Союзтеатр, 1992.
Корзун Н.В. Рок, игры, мода и реклама. М.: Сов. Россия, 1989.

Кортасар Х. 62. Модель для сборки: Роман. Рассказы: Пер. с исп. М.: Радуга, 1985.
Ламур Л. Ганфайтер: Романы-вестерны: Пер. с англ. М.: Центрполи-граф, 1994.
Лаун А. Любовь в современном мире. СПб.: Алетейя, 2002.
Левикова СМ. Молодежная субкультура: Учеб. пособ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.
Липли С. Люди, машины, история: Пер. с англ. В.А. Алексеева. М.: Прогресс, 1970.
Массовая культура. Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004.
Михайлович Я. Павич и гипербеллетристика // Павич М. Ящик для письменных принадлежностей: Пер. с серб. Л. Савельевой. СПб: Азбука, 2003.
Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Т.6. Изобретения и технологии. М.: Издат. Дом «Инфра-М». Издательство «Весь мир», 2000.
Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гас-сет. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.
Павич М. Ящик для письменных принадлежностей: Пер. с серб. Л. Савельевой. - СПб: Азбука, 2003.
Полевой В.М. Искусство XX в.: 1900-1945. М.: Искусство, 1991.
Постановление об экуменизме // Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель: Изд. «Жизнь с Богом», 1992.
РобертсонДж. Битлз. М.: Локид, 1997.
Самохвалова В.И. Культурология. Краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2002.
Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.
ТЦара Т. Манифест Дада 1918 года // Как всегда — об авангарде: Антология французского театрального авангарда: Пер. с франц. М.: Союзтеатр, 1992.
Фрейд3. Будущее одной иллюзии// Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.
Хофман В. Основы современного искусства. СПб.: Академический проект, 2004.
Шлыкова О.В. Феномен мультимедиа. Технология эпрхи электронной культуры: Монография. М.: МГУКИ, 2003.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Исторический - Расселение славянских племен в Европе — составная **очерк** часть процесса великого переселения народов I тыс. н.э.

Принято выделять три основные ветви славян, основываясь на районах их расселения: *южные* славяне, которые осели в районах Южной Европы, и прежде всего на Балканах; *западные* славяне — предки чехов и поляков; *восточные* славяне — предки русских, украинцев и белорусов.

В IX в. сложилось единое восточнославянское государство — *Киевская Русь.* Возникновение ее обычно связывают или с призванием на княжение в Новгород в 862 г. варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, или же с походом легендарного князя Олега, который в 882 г. захватил Киев и объединил киевские и новгородские земли в единое государство, в составе которого кроме славян были еще летто-литовские, балтийские, финно-угорские и другие племена. Расцвет Киевской Руси приходится на княжение Ярослава Мудрого (1019—1054 гг.). В середине XII в., после смерти Владимира Мономаха (1113— 1125 гг.), начинается период феодальной раздробленности. В середине XIII в. произошло вторжение татаро-монгол, результатом которого было почти двухсотлетнее татаро-монгольское иго.

В XIV в. начинается новый процесс объединения русских земель — теперь уже вокруг Москвы. Куликовская битва (1380 г.), а затем Великое Противостояние на Угре (1480 г.) сыграли решающую роль в обретении независимости возникшего Московского *государства.* В период княжения Ивана III (1462— 1505 гг.) и Василия III (1505—1533 гг.) великий князь московский становится верховным правителем всей>Русской земли. Брак Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог — племянницей последнего византийского императора — позволил русским царям (особенно после падения Константинополя) считать себя наследниками Византии и, в частности, использовать герб Восточной Римской империи — двуглавого орла.

Особое усиление царской власти происходит при Иване Грозном (1533— 1584 гг., с 1547 г. — царь), но после смерти его сына — Федора (1584—1598 гг.) — династия Рюриковичей прекращается. Конец XVI — начало XVII в., характеризующиеся длительной борьбой за власть между боярскими родами в самой России и нашествием поляков, поддерживавших в борьбе за престол Дмитрия Самозванца, выдаваемого за сына Ивана Грозного, получили название Смутного времени.

853

В 1613 г. Земский собор избирает новым царем России Михаила Федоровича Романова (1596—1645 гг.). Представители *династии Романовых*^ царствовали в России вплоть до Февральской революции 1917г.'

XVII в. — это время серьезных изменений в русской культуре, нового сближения с европейской культурой, преобразований, подготовивших реформы Петра I.

Религия и церковь

Древние славяне были *язычниками,* верили во многих богов и духов. Известно, что в период, непосредственно предшествовавший крещению Руси, в пантеон богов входили *Перун* — бог грозы и молнии, по-видимому, покровитель княжеской дружины; *Сварог* — бог неба, Солнца, небесного огня и мужского начала, сыновья его: *Сварожич, Дажбог,* бог земного огня, и *Белее* (Во-•лос), бог богатства и покровитель скота; богиня *Макошь* — возможно, богиня земли и женского начала в природе и ряд других. Из духов природы объектами поклонения были русалки, берегини, лешие, водяные и т.п. Древнеславян-ское язычество в настоящее время, к сожалению, еще плохо изучено, так как о нем сохранилось мало надежных сведений.

При князе Владимире Красном Солнышке происходит *Крещение Руси* — в 988 г., но, как отмечают даже церковные историки, вплоть до XVII в. на Руси существовало двоеверие: наряду с христианством продолжало существовать и язычество. Принятие Русью христианства оказало большое влияние на развитие всей^русской культуры, которая через христианство оказалась приобщенной к культуре античного мира и к культуре Византии.

Первоначально Русская православная церковь находилась в подчинении Константинопольской, и именно Константинопольский патриарх назначал (а позднее — утверждал) митрополита — главу русской церкви. Но в 1439 г. Константинопольская церковь, надеясь на помощь Запада в борьбе с турками, заключила с римско-католической церковью Флорентийскую унию, по которой признавалось главенство над всей христианской церковью папы римского. Тогдашний митрополит Руси — грек Исидор также подписал этот документ. Этим воспользовался Великий князь Московский Василий Васильевич Темный (1415—1462 гг.), чтобы ликвидировать зависимость русской церкви от Константинопольской, которая была обвинена во впадении в латинскую ересь. Исидор был смещен со своего поста, и решением церковного собора митрополитом был избран Иона. С этого

момента Русская православная церковь становится *автокефальной* — самостоятельно избирающей своего главу (хотя Флорентийская уния была вскоре разорвана). В 1589 г. Борис Годунов сумел воспользоваться визитом в Россию Константинопольского патриарха (приехавшего с просьбой о помощи) и добился его согласия на установление *пат-риаршества* в России (позднее это решение утвердили и другие патриархи православных церквей). С этого момента и до 1721 г. в России существовало патриаршество, пока Петр I в 1721 г. своим указом не ликвидировал его (восстановлено оно было только в 1917 г.).

В эпоху Средневековья на Руси, как и в других европейских странах, возникали многочисленные еретические движения и секты. К наиболее извест-

ным из них относятся ереси стригольников и жидовствующих, а также движение нестяжателей.

Серьезнейшим событием в истории Русской православной церкви стал в XVII в. *Раскол.* Так как за столетия в богослужебных (рукописных) книгах накопилось большое количество ошибок, то по приказу патриарха Никона эти книги стали сверяться с греческими и исправляться в соответствии с ними. Кроме того, в культ были внесены некоторые незначительные изменения (самое знаменитое из них — крещение тремя перстами вместо двух). Реформы стали поводом для выступления раскольников, объединивших вокруг себя всех недовольных. Раскольничество представляло из себя широкое и многоплановое явление, в дальнейшем распавшееся на множество течений, направлений и толков. Преследования царского правительства вынудили многих раскольников бежать на окраины страны, в частности многие из них ушли в Сибирь.

О крещении Руси И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором... И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими... Был же Владимир побежден вожделением, и ... (было у него пять жен — *Сост.),* а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона бьию семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение...

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю,"звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — про-

сто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; "если кто пьет или ест, то все это во славу божию", — как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа...

И этот философ произносит вдохновенную речь, восхваляющую христианство (греко-православный вариант). Владимиру понравилась эта вера, но он решил разузнать подробнее обо всех этих верах и посылает своих послов к болгарам, немцам, а затем — в Цареград (Константинополь), потом они явились к царю.

Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь

обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, пред-стояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они *же* вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»... И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре:

856

«Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей».

(Повесть временных лет. С. 156—162)

Философия

В период Средневековья на Руси философские идеи развивались в основном в религиозной литературе в русле христианского богословия. И хотя на Руси было известно большое количество произведений как древнегреческих, так и христианских философов, но философия (любомудрие) как самостоятельная научная дисциплина не получила особого развития. К важнейшим философским идеям, широко распространенным в древнерусской культуре и оказавшим серьезное воздействие на русскую философию XIX—XX вв., можно отнести идеи тождества микрокосма (человека) и макрокосма (мира), идеи космизма — взаимосвязи всех событий человеческой истории с мировой, космической историей, понимание временного (исторического) как проявление вечного.

Государство и право

Древнейшим произведением Древней Руси, где рассматриваются политико-правовые проблемы, является *«Слово о Законе и Благодати»* митрополита Иллариона (XI в.). Уже в названии работы отражена ее основная проблематика: соотношение Закона, данного евреям Богом в Ветхом Завете, и Благодати, данной всем людям в Евангелии (в Новом Завете). Закон при этом рассматривается как средство организации человеческого общества, спасающее людей от взаимоистребления. Но по-настоящему выполнять Божественный Закон могут только те, кто постиг и принял в свое сердце истину христианской веры.

Значительным этапом в развитии русской политической мысли стали произведения Владимира Мономаха (1053—1125 гг.) *«Послание Олегу Черниговскому», «Отрывок»* (Автобиография) и особенно его *«Поучение детям».* Важное место занимает в этих работах проблема организации и осуществления верховной власти, суда «по правде». Интересно отметить, что Владимир Мономах призывает к милосердию по отношению к вдовам, сиротам, бедным смердам и другим наименее защищенным сдоям населения. Другой любопытный момент — это отрицание кровной мести (призыв «не мстить») и отказ от смертной казни даже для тех, кто считается ее заслуживающей (по традиционному праву).

Политико-правовые идеи активно развивались в период возвышения и расцвета Московского государства. Проблема *взаимоотношения церкви и государства* становится центральной в полемике нестяжателей (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек и др.) и стяжателей (Иосиф Волоцкий и иосифляне). Нестяжатели требовали отказа церкви от владения частной собственностью и особенно землей, разграничения сфер деятельности церкви и

857

государства. В учении Иосифа Волоцкого кроме защиты монастырского «стяжания», которое необходимо для совершения добрых дел (строительства церквей и монастырей, помощи бедным, кормления монахов), интересны идеи о верховной власти. С точки зрения иосифлян, царь должен реализовывать божественное предназначение, но государь — это всего лишь человек со своими слабостями, недостатками и, как любой человек, может совершать ошибки. И если царь отклонился от истинного пути, не заботится о своих подданных, а особенно если он впал в неверие, то такому царю подданные уже не обязаны подчиняться.

В XVI в. возникает концепция *«Москва — третий Рим».* Автор ее — монах Псковского Елизарова монастыря *Филофей,* по своим убеждениям он принадлежал к иосифлянам. После захвата в 1453 г. турками Константинополя Московское царство осталось единственным крупным и независимым православным государством. Как считал Филофей, произошло это в силу древнего пророчества: «два убо Рима падоши, а третий стоит, а четвертому не быти» (первый Рим пал в том смысле, что отпал от православия, второй Рим

— Константинополь — захватили неверные-мусульмане). При этом необходимо подчеркнуть, что концепция Москвы как третьего Рима вовсе не является обоснованием каких-то претензий на мировое господство, главный пафос ее совсем в другом: Москва должна хранить в чистоте православную веру и давать защиту и поддержку всем православным людям любых стран и национальностей.
Интересные политические и правовые идеи можно найти у Федора Карпова, Зиновия Отенского, Ивана Семеновича Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского и др.

Книги и библиотеки

Письменность существовала на Руси еще в дохристианский период, сохранились упоминания о «чертах и резах» — до сих пор непонятной и даже не идентифицируемой точно системе записи, есть упоминания иностранцев о «русских письменах». Так, арабский путешественник Ахмед ибн-Фадлан в 920— 921 гг. побывал у волжских булгар; описывая погребение знатного руса, он указал, что на надгробии было написано имя умершего и имя царя русов. В «Житии св. Кирилла», которого часто называют автором кириллицы и создателем славянской письменности, говорится, что когда он приехал в Корсунь, то увидел там Евангелие, написанное русскими письменами. Древнейшие известные понятные нам виды письменности — это *глаголица* и *кириллица.* Они полностью совпадают по алфавитному составу, расположению и звуковому значению букв, различаясь только графически. Большинство букв кириллицы восходят к греческому алфавиту, в глаголице же только часть букв похожа очертанием на буквы греческого письма, остальные резко отличаются, и до сих пор не ясно их происхождение. Не решен также и вопрос о том, создателем какой из этих двух систем письменности был св. Кирилл. И хотя его имя носит кириллица, многие ученые предполагают, что на самом деле он создал глаголицу. Кириллица получила на Руси более широкое распространение, чем глаголица, а позднее полностью вытеснила последнюю.
858
Древнейшее упоминание о библиотеке на Руси содержится в «Повести временных лет», где под 1037 г. значится запись о том, что Ярослав Мудрый создал в храме св. Софии собрание книг. В дальнейшем крупнейшие библиотеки мы находим в монастырях, которые были и центрами по изготовлению книг. Но мастерские по созданию книг существовали и в городах, и при княжеских дворах. Книги богато украшались орнаментами, виньетками, миниатюрами, переплеты часто представляли из себя произведения ювелирного искусства.
В XIV в. книги начинают писать вместо дорогого пергамента (назывался он «мех», «кожа» или чаще — просто «телятина») на более дешевой бумаге, которая доставлялась в основном из Италии и Франции. В XIV—XV вв. упрощается графика письма, появляется скоропись, облегчающая написание. -
В 1563 г. по приказу царя Ивана Грозного и на средства казны в Москве устраивается дом для производства печатного дела (хотя возможно, что уже лет за 10 до этого в Москве анонимно издается несколько книг.) Руководили этой первой государственной типографией Иван Федоров и Петр Тимофеев Мсти-славец, в ней в 1564 г. была напечатана первая русская книга — «Апостол».

Школа и обучение

Первые известные нам школы на Руси были созданы после крещения Руси в 988 г., когда князь Владимир приказал собрать детей знатных лиц на «ученье книжное». Особого размаха достигает «учение книжное» при Ярославе Мудром. Известно, что в школах преподавали не только письмо, счет и церковное пение, но и греческий язык (а в некоторых — и латинский), философию, риторику, грамматику, а также давались знания по истории, географии и естествознанию. В XI-XIII вв. грамотность была широко распространена на Руси, о чем свидетельствует большое количество найденных в Новгороде берестяных грамот на бытовые темы, надписи на предметах быта (например, в Новгороде сапожники записывали имена заказчиков на колодках). Для обучения детей из княжеских семей часто приглашали специальных учителей, причем обучались не только мальчики, но и девочки. Интересно отметить, что во Франции сохранился документ — дарственная французского короля Генриха I Суассонскому монастырю, которую кроме короля и королевы должны были подписать и ряд влиятельных феодалов, но все они вместо подписей поставили крестики, так как были .неграмотны, единственная подпись принадлежит королеве — Анне Ярославне, дочери киевского князя Ярослава Мудрого.
Татаро-монгольское нашествие нанесло большой ущерб и школам, тем не менее в XIV-XVI вв. они, хотя и в значительно меньшем количестве, продолжали существовать. Основными центрами обучения грамотности были церкви и монастыри. Обучение в школах начиналось с 7 лет.

Образование в России XVII в. Если говорить о системе образования в общегосударственном масштабе (мы не оговорились, речь идет именно о системе), то оно было начальным...
Из содержания азбуковников видно, что русские школы XVII века были
859
частными учебными заведениями, а учителя, которыми были духовные лица, вознаграждались за свою работу главным образом натуральными продуктами. Ученики не жили при школах, они посещали их утром, а затем снова после обеда; остальное время они находились дома. Учились дети людей «всякого чина... и сана, славных и худородных, богатых и убогих, даже и

до последних земледельцев».
Большую роль в жизни школы играли старосты. Они выдавали книги, назначали дежурных по отоплению школы и уборке помещения, следили за дисциплиной. Иногда ст-аросты замещали учителей, что имело важное значение для подготовки учительских кадров. Эта особенность принятой у нас в то время формы обучения оказалась настолько устойчивой, что вошла в практику созданной позднее высшей школы — Славяно-греко-латинской Академии.
В школах существовала своя особая этика, что также предполагает необходимость достаточно длительной традиции. Правила поведения требовали от учеников бережного отношения к книгам и школьному имуществу, соблюдения чистоты и порядка. Неписаные законы запрещали кляузничать, давать обидные клички товарищам, устанавливали нормы своеобразной корпоративной солидарности...
Дисциплина в русской школе XVII века была строгой. Однако из дифирамбов розге мы не вправе заключить, что в обучении тогда преобладало неумеренно суровое обращение с учениками...
Что касается предметов, изучавшихся у нас в тот период в начальной школе, то они находят полную аналогию с тем, что изучалось в соответствующих школах Греции и Западной Европы. Это — чтение, письмо, пение, счет. Кроме того, начальные школы на Руси сообщали ученикам основы религии, некоторые сведения по Священной истории, давали представление о семи свободных науках, составлявших тогда курс университетского обучения (грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия). Написанные стихами азбуковники — ученики их учили наизусть — давали образцы стихосложения и писем, адресуемых высокопоставленным лицам и благодетелям.
Таким образом, азбуковники XVII века, излагавшие одни и те же «уставные правила» и зафиксировавшие единообразную форму обучения, позволяют вполне определенно говорить о наличии системы, единой методики образования, повсеместно распространенной на территории государства и, возможно, восходящей к периоду домонгольской Руси.
Начальное образование на Руси носило церковный характер. Занятия в школе начинались и заканчивались молитвой. Занималось образованием, как уже говорилось, духовенство. И это вполне понятно, поскольку духовенство видело свою важную миссию в распространении грамотности и знаний, которые были необходимы для внушения пастве понятий о христианской вере и нравственности. Ему важно было

дать верующим возможность самим читать Священное Писание и понимать истинный смысл евангельского учения. Не случайно, конечно, устройство школ повсеместно следовало за введением христианства...
В 1640 г. митрополит Петр Могила предлагал царю Михаилу Фео-доровичу устроить в Москве для киевских ученых старцев монастырь, в котором бы они «детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили». Это предложение'не было принято правительством: возможно, в Москве вызывало настороженность латинское направление в коллегиуме Петра Могилы. Через некоторое время все же, по инициативе окольничего Федора Михайловича Ртищева, при Андреевском монастыре в Пленницах, близ Воробьевых гор, было основано ученое братство из киевских старцев... Любопытно, однако, что это были представители старого, греческого направления в Киевской школе, и их ученость воспринималась в Москве как ученость греческая. В 1664 г. в Москву приезжает Симеон Полоцкий, поборник латинской системы образования. Летом 1665 г., по указу царя, в Спасском монастыре ... сооружаются деревянные хоромы, куда направляют учиться у Полоцкого грамматике и латыни молодых подьячих Приказа тайных дел, то есть канцелярии государя. К маю 1668 г. Спасская школа, по-видимому, была уже закрыта, поскольку с этого момента прекращается запись денег, выдававшихся из Приказа тайных дел на ее содержание.
Нужно полагать, что создание школы Полоцкого преследовало узкую утилитарную цель — обучить латинскому языку, являвшемуся тогда языком международной дипломатии, государственных чиновников. И как только необходимое число таких лиц было подготовлено — четыре года вполне достаточно для этого, — школа была закрыта. Другое дело, что ученики Полоцкого могли получить там... более широкое образование, что, однако, не дает нам права делать далеко идущие выводы относительно цели и характера данного учебного заведения...
В Москву вернулся русский иеромонах Тимофей, около 14 лег проведший на Востоке и ставший ближайшим сподвижником Иерусалимского патриарха Досифея. Он прибыл в Москву в январе 1681 г., а уже в марте по указу патриарха Иоакима и с санкции царя им было открыто греческое училище —

срок, невероятно короткий для разработки, согласования и реализации проекта, если не признать, что Тимофей заранее тщательно продумал его и ехал на родину, имея перед собой вполне определенную цель — основать здесь греческую школу. Нет сомнений, что эта задача была согласована им с Иерусалимским патриархом, а может быть, и внушена ему патриархом Досифеем, проявлявшим глубокую заинтересованность в этом вопросе...
Патриарх Иоаким взял к себе Тимофея в крестовые иеромонахи, назначил для помещения училища три верхние палаты в типографии и набрал из разных сословий до 30 учеников. Тимофей стал ректором училища...
861
В январе 1684 г. в школе Тимофея учился уже 191 человек: 23 — греческому «диалекту» и 168 — «словенскому языку». В июле 1685 г. там было 200 учеников: из них 54 старших, обучавшихся «греческого языка книжному писанию», и 146 младших, которых учили славянской грамоте.
В 1683 г. для Типографской школы были построены каменные палаты.
Основание школы Тимофея явилось выдающимся событием в истории русского образования. Но это еще не была высшая школа. Училище Тимофея было основано при типографии и для типографии, «чтоб при смотрении и правлении книжному делу были в ней люди ученые и православные, а не новегласи и раскольники»... Для учреждения высшей школы нужны были учителя, сами прошедшие подготовку в «правильной» высшей школе. Таких учителей патриарх Досифей и нашел в лице братьев Лихудов.
Типографское училище явилось важным шагом на пути к созданию в Москве высшей школы, что во многом предопределило успех осуществления этого проекта. Преемственность между ними выражается даже в том, что именно ученики Тимофея составили первый контингент студентов Славяно-греко-латинской Академии. И если после двух лет обучения у Лихудов они легко могли переводить греческие книги (что обычно приводится как пример образцовой постановки учебного дела в новой школе, а она действительно была образцовой), то нельзя все же забывать, что они перед этим четыре года учились у Тимофея...
Школа, основанная Лихудами, первоначально была очень невелика. По свидетельству Феодора Поликарпова, одного из первых учеников Лихудов, «поведено им [учителям] жити в Богоявленском монастыре, что за Ветошным рядом, к ним же переселена школа из типографии, и дано им в научение типографских учеников первого класса пять человек... Но поскольку школу предполагалось с самого начала создать в более значительных масштабах, было принято решение о строительстве для нее специального помещения... В это время построить деревянный дом в Москве не представляло никакой трудности: в городе свободно продавались уже готовые срубы на любой вкус и любых размеров, а потому через 3 месяца здание для школы было готово. 12 декабря 1685 г. патриархом Иоакимом был выдан образ в новую Богоявленскую школу, и этот день (25 декабря по новому стилю) можно считать днем основания Московской богословской школы...
Новое помещение было построено, по-видимому, к октябрю 1687 г. 12 октября патриарх Иоаким посетил «новопостроенные-каменные школы, что строены в Китае, подле Спасского монастыря»... С переходом в новое здание число учеников у Лихудов быстро увеличивается. К ним переводятся ученики Типографской школы. Судя по записям Патриаршего приказа, к Рождеству 1687 г. в академии числилось 76
862
учащихся: 2 иеромонаха, 2 иеродиакона, один монах; бельцов: учеников верхней школы — 5 человек (верхней статьи) и 9 (второй статьи). В средней школе было 35 учеников, в нижней, — 27...
Академия разделялась на 3 класса или, ка* обозначается в расходной книге Патриаршего приказа, на 3 школы: верхнюю, среднюю и нижнюю. Каждый класс подразделялся на 2 отделения, или статьи.
Академический курс открывался обучением русской грамоте в своего рода подготовительном классе, который назывался «русская школа», или «школа словенского книжного писания», где преподавали старосты, бывшие ученики Типографской школы: Федор Никитин, Максим Григорьев, Логинов, Василий Иванов.
В низшей школе, или «школе греческого книжного писания», ученики обучались греческому чтению и письму. В средней школе переходили к изучению грамматики. В апреле 1688 г. ученики верхней школы приступили к изучению риторики. В марте 1690 г. Со-фроний Лихуд начал преподавание логики и до 11 августа этого года прочитал обширное введение в эту науку. После логики следовал курс физики, то есть естественной философии. Наконец, в 1693 г. — на восьмом году обучения — Лихуды приступили к преподаванию пиитики. Следующего курса — богословия — они прочитать уже не успели.

Грамматику и пиитику Лихуды преподавали на греческом языке, а риторику, логику и физику — на греческом и латинском.
Преподавание в академии шло по учебникам, составленным самими Лихудами. При этом они следовали в целом системе, принятой тогда в Падуанском и других европейских университетах. В логике и физике Лихуды в значительной мере ориентировались на Аристотеля, который был тогда главным авторитетом в европейской науке...
В 1694 г. братья Лихуды вынуждены были покинуть академию. Их место заняли подготовленные ими ученики Феодор Поликарпов и Николай Семенов. Разумеется, они не могли в полной мере заменить Лихудов. Уход из школы талантливых учителей и выдающихся богословов не цог не привести к снижению уровня образования в академии, но то, что она продолжала существовать и выполнять стоявшие перед ней задачи, является прежде всего их заслугой, ибо они подготовили себе смену и создали систему, способную обеспечить преемственность.
В 1701 г. в Московскую Академию приехали киевские учителя, и характер школы изменился. Преподавание греческого языка в ней прекратилось, а его место занял латинский язык. Академия утратила свое прежнее название греческих, или «Славяно-греко-латинских» школ и стала называться Латинскими, или Славяно-латинскими школами.
(Экономцев И.Н. Православие, Византия, Россия. С. 59—97)
863

Литература

О древнерусской Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна литературе из самых древних литератур Европы. Она древнее,
чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой».
Литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, потребовавших письменности и церковной литературы. Скачок к литературе был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность...
Что же представляла собой русская литература в первые семьсот лет своего существования? Попробуем рассмотреть эти семьсот лет как некое условное единство.
Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена. Прошло уже около полувека с тех пор, как была открыта (и продолжает раскрываться) в своих эстетических достоинствах древнерусская живопись: иконы, фрески, мозаики. Почти столько же времени восхищает знатоков и древнерусская архитектура — от церквей XI—XII вв. до «нарышкинского барокко» конца XVII в. Удивляет градостроительное искусство Древней Руси, умение сочетать новое со старым, создавать силуэт города, чувство ансамбля. Приоткрыт занавес и над искусством древнерусского шитья. Совсем недавно стали «замечать» древнерусскую скульптуру, само существование которой отрицалось, а в иных случаях продолжает по инерции отрицаться и до сих пор...
То, что вот-вот скажет нам древнерусская литература, не таит эффектов гениальности, ее голос негромок. Авторское начало было приглушено в древней литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон. И тем не менее эта литература поражает нас своей монументальностью и величием целого. Она имеет право на заметное место в истории человеческой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств...
Древняя русская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей нового времени. Мы восхищаемся изумительным шитьем народных мастериц, но искусство их — искусство великой традиции... То же и в древнерусской живописи. Правда, мы знаем имена Рублева, Феофана Грека, Дионисия и его сыновей. Но и их искусство прежде всего искусство традиции и лишь во вторую очередь — искусство индивидуальной творческой инициати-
864
вы. Впрочем, не случайно эпоху Рублева и Феофана мы называем в древнерусском искусстве эпохой Предвозрождения. Личность начинала уже играть в это время заметную роль. Имен крупных писателей в Древней Руси также немало: Иларион, Нестор, Симон и Поликарп, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский, Епифаний Премудрый, Ермолай Еразм, Иван Грозный, Аввакум и многие другие. Тем не менее литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она,

как и народное творчество, была искусством надындивидуальным. Это было искусство, создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей — в основном безымянной — письменности.

Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем. Они обладали замечательным «чувством плеча», создавали циклы, своды и ансамбли произведений, в свою очередь слагавшиеся в единое здание литературы, в котором и самые противоречия составляли некое органическое явление, эстетически уместное и даже необходимое-Чувство значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе... Литература обладала всеохватывающим внутренним единством, единством темы и единством взгляда на мир. Это единство разрывалось противоречиями воззрений, публицистическими протестами и идеологическими спорами. Но тем не менее оно потому и разрывалось, что существовало. Единство было обязательным, и потому любая ересь или любое классовое или сословное выступление требовали нового единства, переосмысления всего наличного материала. Любая историческая перемена требовала пересмотра всей концепции мировой истории — создания новой летописи, часто от «потопа» или даже от «сотворения мира».

Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни...

Мировая история, изображаемая в литературе, велика и трагична. В центре ее находится скромная жизнь одного лица — Христа. Все, что совершалось в мире до его воплощения, — лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после, сопряжено с этой жизнью, так или иначе с ней соотносится. Трагедия личности Христа заполняет собой мир, она живет в каждом человеке, напоминается в каждой церковной службе. События ее вспоминаются в те или иные дни года. Го-

865

дичный круг праздников был повторением священной истории. Каждый день года был связан с памятью тех или иных святых или событий. Человек жил в окружении событий истории. При этом событие прошлого года не только вспоминалось — оно как бы повторялось ежегодно в одно и то же время-История не сочиняется. Сочинение, со средневековой точки зрения, — ложь. Поэтому громадные русские произведения, излагающие всемирную историю, — это по преимуществу переводы с греческого: хроники или компиляции на основе переводных и оригинальных произведений. Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события. В дальнейшем новые произведения о событиях прошлого — это только комбинации, своды предшествующего материала, новые обработки старого. Таковы в основном русские летописи. Летописи — это не только записи о том, что произошло в годовом порядке; это в какой-то мере и своды тех произведений литературы, которые оказывались под рукой у летописца и содержали исторические сведения. В летописи вводились исторические повести, жития святых, различные документы, послания. Произведения постоянно включались в циклы и своды произведений. И это включение не случайно. Каждое произведение воспринималось как часть чего-то большего. Для древнерусского читателя композиция целого была самым важным. Если в отдельных своих частях произведение повторяло уже известное из других произведений, совпадало с ними по тексту, это никого не смущало...

Исторических сочинений великое множество. Но одна их особенность изумляет: говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах. Либо повесть начинается с упоминания о главных мировых событиях (сотворении мира, всемирном потопе, вавилонском столпотворении и воплощении Христа), либо повесть непосредственно включается в мировую историю: в какой-нибудь из больших сводов по всемирной истории.

(Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы. С. 5— 11)

Из «Жития ФеоДо- *Феодосии Печерский* был иноком, а затем игуменом **сия Печерского»** Киево-Печерского монастыря. «Житие Феодосия» было написано в 80-е годы XI в. монахом той же обители Нестором. Это одно из древнейших произведений жанра житийной литературы.

Рос он телом, а душой тянулся к любви божьей, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. Не приближался он к играющим детям, как это в обычае у малолетних, но избегал их игр. Одежду носил старую и залатанную. И

866

не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он отдать его учителю поучиться

божественным книгам, что и сделали. Скоро постиг он всю грамоту, так что поражались все уму его и способностям и тому, как быстро он всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими от личался.он в учении не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?
В это время истекли дни жизни отца его. А было тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усерднее трудиться и вместе со смердами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая работать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он и себя срамит, и семью свою. Но тот не слушал ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала она сына, ибо была телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и подумает, что это мужчина...
Вот тогда и услышал Феодосии о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил в пещеру. Придя к преподобному Антонию и увидев его, пал ниц и поклонился со слезами, умоляя разрешить остаться у него. Великий Антоний, указывая ему на пещеру, сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту: уныло место и непригляднее всех других. А ты еще молод и, Думается мне, не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам создаст на этом месте славный монастырь, куда соберется множество чернецов. Боговдохновенный же Феодосии отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому, что повелишь мне исполнить — исполню». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосии снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел великому Никону постричь его; был тот Никон священником и умудренным черноризцем, он и постриг блаженного Феодосия по обычаю святых отцов, и облек его в монашескую одежду.
Отец же наш Феодосии всей душой отдался богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал истязать плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился, не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и такому его — в юные годы — благонравию, твердости духа и бодрости. И неустанно славили за все это бога.
(Житие Феодосия Печерского. С. 281—286)
867
Из «Слова Дании- *Даниил Заточник* — это один из наиболее загадочных **ла Заточника»-** авторов древнерусской литературы. Он жил примерно в XII—XIII вв., одни исследователи считают его дворянином знатного происхождения, другие — княжеским дружинником, третьи — простым холопом. Уже ,по тексту «Слова» видно, что Даниил был широко образованным человеком. Особенностью стиля «Слова» является его специальная заниженность, широкое использование терминов бытового языка, автор позволяет себе даже пародировать Священное писание и переделывать цитаты из псалмов, что можно оценить как скоморошеские приемы.
Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.
Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь кидают; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей. :
' Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в напасти обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека; печаль человеку кости сушит.
. Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.
Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию еврею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.
Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.
Когда услаждаешься многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в укрытом от ветра месте; когда же лежишь на мягкой посте ли под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.
Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

(Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу. С. 421 —422)
868
О преподобном Сергии Преподобный *Сергий Радонежский* (около 1321 — 1391 гг.) — один из величайших святых Древней Руси, основатель Троице-Сергиевой лавры.

Преп. Сергий, в миру Варфоломей, был младшим сыном ростовских бояр Кирилла и Марии... Раз, во время Божественной литургии, когда мать носила его еще под сердцем, он трижды вскрикнул — перед чтением Евангелия, во время пения Херувимской и при возгласе «Святая святым». И мать его, и все присутствовавшие были поражены ужасом. Когда мать его ела мясо, новорожденный не принимал молоко, так что она перестала есть мясо, а в среду и пятницу он не ел совсем.

С раннего детства он любил молиться и посещать церкви, но ему много пришлось перенести горя и дома и в школе из-за того, что грамота ему не давалась. Наконец, Господь" услышал его горячую молитву. Раз, разыскивая пропавших лошадей, он увидел в поле старца, молившегося под дубом. Отрок подошел к нему под благословение, рассказал о своей скорби и просил его молитв. По окончании молитвы старец сказал ему: «Отныне Бог даст тебе чудо уразуметь грамоту!» Затем он дал ему часть просфоры и сказал так: «Не смотри, что часть сия так мала, велика буде сладость, когда вкусишь от нее!» По просьбе Варфоломея старец посетил дом его родителей, и велико было их изумление, когда по благословению его Варфоломей стал перед трапезой стройно читать псалмы; и тогда старец предсказал им будущее духовное величие отрока, избранного сосуда Духа Святого, служителя Пресвятой Троицы. С тех пор Варфоломею Сам Бог отверз ум разуметь писания, и он погрузился в изучение Божественных книг.

Он стал питаться хлебом и водой, воздерживаясь от принятия всякой пищи в среды и пятницы. Мать свою он убедил не мешать ему. Когда Варфоломею было 15 лет, родители его, сильно обедневшие от татарских набегов, оставили древний Ростов и переселились в Московское княжество, в маленький город Радонеж, под покровительство московских князей. Двадцати лет Варфоломей стал просить родителей благословить его постричься, но родители умоляли его не оставлять их до кончины. И любящий сын повиновался. Перед кончиной своей Кирилл и Мария постриглись в Покровском Хотьковском монастыре.

Похоронив их, Варфоломей и старший брат его Стефан, к тому времени уже овдовевший и принявший монашество, решили уйти на отшельничество. Свою часть наследства Варфоломей отдал женатому брату Петру, оставив лишь для раздачи нищим, на помин усопших родителей. В дремучем глухом лесу, в 60 верстах от Москвы, братья нашли полюбившееся им место, называемое Маковец, и поставили здесь церковь во имя Пресвятой Троицы, с благословения митрополита Фе-огноста, очень ласково принявшего пустынников. Но Стефан не вы-
869
держал тягости пустыннической жизни и очень скоро ушел в московский Богоявленский монастырь. Варфоломей остался один.

Когда ему было 23 года, игумен ближайшего монастыря Митрофан постриг его 7 октября в день святых муч. Сергия и Вакха и нарек Сергием. Семь дней провел новопостриженный инок в церкви, ежедневно* причащаясь Св. Христовых Тайн и вкушая лишь — одну просфору. Затем Митрофан, преподав новоначальнику иноку наставление, вернулся в свой монастырь, и Сергий остался один. Тяжела была его пустынническая жизнь: бесы пытались устрашить его страхованиями; иногда целое полчище их с яростными угрозами окружало его, но подвижник осенял себя крестным знамением и усиливал молитву, и бесы исчезали...

Целые ночи проводил преподобный, углубившись в теплую сердечную молитву, днем же он трудился, рубил дрова, возделывал огород и читал слово Божие. Но вот проведали о нем иноки, ревнители благочестия; один за другим стали они приходить к нему, прося принять их в сподвижники. Не сразу уступал преподобный их желанию: указав на трудности пустынножительства, он говорил им: «Приготовьте сердца ваши не на покой и беспечалие, а на терпение, чтобы переносить всякое искушение и всякий труд, приготовьтесь на пост, на подвиги духовные и на многие скорби!» Всего в Радонежской пустыни собралось 12 иноков. Так возник монастырь, превратившийся в великую Лавру... [v] Тогда преподобный заповедал братии дела милосердия — нищелю-бие, страннолюбие, уход за больными, обещав, что обитель будет стоять, пока эта заповедь будет исполняться...

Всячески уклонялся преподобный Сергий от славы человеческой, но слава его возрастала: его почитали как единого от древних; иноки стремились спасаться под его руководством, князья и простолюдины жаждали его видеть. А в обители все было «худостно, нищенски, сиро-тински», как

выразился один крестьянин, желавший увидеть прославленного игумена. Велико было его разочарование, когда ему показали святого старца, копавшего гряды в худой заплатанной одежде. Но в это время в обитель прибыл князь с многочисленной блестящей свитой и смиренно поклонился святому игумену в ноги. Пораженный виденным, богомолец вскоре вернулся в обитель, чтобы остаться в ней трудником навсегда...

Однажды ночью преподобный молился Пресвятой Богородице о своей обители. Прочитав канон, он сел отдохнуть и вдруг сказал ученику своему Михею: «Чадо, бодрствуй и трезвись: в сей час будет нам неожиданное и чудное посещение». И внезапно послышался голос: «Се грядет Пречистая!» Преподобный поспешно вышел в сени кельи, и свет -ярче солнечного осиял его: он узрел Пречистую Владычицу, окруженную необычайным блеском. С ней были святые Апостолы Петр и Иоанн. Святой пал ниц, но Пречистая коснулась его руками Своими и изрек-

870

ла: «Не ужасайся, избранник Мой! Я пришла посетить тебя: услышана молитва твоя об учениках твоих. Не скорби более и об обители твоей; отныне она будет иметь изобилие во всем и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоем к Богу. Я же неотступна буду от места сего!» И Пресвятая Богородица стала невидима. Святой был в великом страхе и трепете, ученик же его Михей лежал на земле как мертвый. Святой поднял его, и Михей упал ему в ноги, говоря: «Отче, Господа ради расскажи мне, что это за чудное явление. Едва душа моя не разлучилась с телом, столь блистательно было сие видение!» Святой же был объят великой радостью, друже лицо его сияло. Он мог только сказать: «Чадо, помедли немного, ибо и во мне от чудного явления трепещет душа». И помолчав немного, прибавил: «Позови ко мне Исаака и Симона». И когда они пришли и он все рассказал им, все они вместе совершили молебен Пречистой. Преподобный же Сергий всю ночь провел в богомыслии без сна...

В 1380 году, перед походом против татарского хана Мамая, грозившего новым нашествием на Русь, Великий Князь Димитрий Иоанно-вич посетил Троицкий монастырь, чтобы помолиться и принять благо-сЛовение преподобного игумена. Преподобный осенил его крестом, окропил его и сподвижников святой водой и предрек ему победу. По просьбе князя преподобный послал с ним в поход двух иноков, бывших в миру боярами, Александра Пересвета и Андрея Ослябю, и благословил его еще раз иконой Господа Вседержителя; 7 сентября 1389 года русское воинство переправилось через Дон и расположилось на Куликовом поле. Перед самым боем преподобный послал князю благословение, Богородичную просфору и грамоту, в которой утешал его надеждой на помощь БожиЮ и предсказывал победу. Знаменитая Куликовская битва произошла 8 сентября и окончилась полным разгромом татар и бегством Мамая. Во время боя преподобный Сергий собрал братию и молился о победе и об упокоении павших воинов, называя их по именам, и, наконец, поведал братии о победе. По возвращении. Своем в Москву Великий^ Князь Отправился к преподобному, чтобы рассказать ему о бое, просил поминать павших и сделал щедрый вклад в обитель. Тогда и была установлена поминальная Дмитровская суббота. А во исполнение обета, данного им перед походом, Великий Князь с помощью преподобного Сергия воздвиг на реке Дубенке монастырь в честь Успения Божьей Матери...

За шесть месяцев до своей кончины прей. Сергий поставил настоятелем молодого еще, но уже духовно опытного ученика своего Никона (17 ноября), а сам ушел в затвор, готовясь к кончине. В сентябре он захворал предсмертным недугом. Наставив братию в последний раз, он поручил ее Господу и Его Пречистой Матери. Ученики благоговейно поддерживали его под руки, когда он в последний раз причащался Святых Христовых Тайн. Затем, воздев руки, он с молитвой предал Господу свою чистую душу 25 сентября 1392 г.

871

Несказанное благоухание разлилось по келье. Лик праведника сиял небесным блаженством. Казалось, он уснул глубоким сном. Братия погребла его в обители Пресвятой Живоначальной Троицы.

Вскоре по его блаженной кончине начались чудесные явления и исцеления.

(Преподобный Сергий, Радонежский чудотворец. С. 154—164)

Из -«Повести и смерти» (XVI в.)

. Некий человек, удалой воин, ездил по полю чис-тому, по раздолью широкому. И пришла к нему смерть, и был вид ее страшен, как у рыкающего льва, ужасен он для человеческой природы. Носит смерть с робой всякие орудия: меч, ножи, пилы, рожны, серпы, топоры И другие неведомые предметы, которыми по-разному вершит свои злодеяния. Увидав ее, смиренная моя душа сильно устрашилась. И я спросил смерть: «Кто ты, лютый зверь?

о споре жизни

Очень уж страшен облик твой: вид у тебя человеческий, а поведение звериное».
Ответила ему смерть: «Пришла к тебе, хочу тебя взять».
Говорит тогда человек тот: «Да я не хочу, а тебя не боюсь».
Смерть же ему в ответ: «О человече, почему меня не боишься?
Цари и князья, и воеводы, и священнослужители меня боятся.
Я славлюсь по всей земле, а ты меня не страшишься».
Говорит ей человек тот: «Ведь я удалой воин, в ратном деле многочисленные полки побеждаю, а в одиночку ни один человек не может со мной сразиться, ни выйти против меня. А ты ко мне одна пришла и всяких орудий с собой много носишь. Нет в тебе удали, только страшна: облик твой пугает меня, и все во мне трепещет, когда смотрю на тебя. Уходи от меня прочь, пока не пронзил тебя мечом своим».
Тогда говорит ему смерть: «Я ни сильна, ни хороша, ни пригожа, а вот сильных и пригожих забираю. Вот что скажу я тебе, человече, послушай меня. От Адама и до сегодняшнего дня сколь много было богатырей удалых, а ведь никто не осмелился со мной сразиться, да и не знаю никого, кто бы со мной сразиться мог. Да еще скажу тебе, послушай меня: от Адама и до сегодняшнего дня сколь много было людей, царей и князей, и священнослужителей, женщин и девиц, — всех их я. забрала...»
И начал человек рыдать и стенать в сердечной тоске, так говоря: «Ох, ох, ох! Смерть-злодейка, кто тебя может избежать? Увы, увы мне, не готов я, о горе мне, грешному, пришел за мной неумолимый злодей! По праву дано ей имя смерть, о, немилосердная злодейка!»
Смерть же, подступив к нему, подсекла ему ноги косой и, взяв серп, схватила его за шею, взяла маленький топор и начала отсекать ноги, а потом и руки. И иными орудиями стала дробить все части тела моего, одними одни, а другими другие члены тела моего, и окоченели жилы
872
мои, и вырвала она двадцать ногтей моих. И отнялся язык, и омертвело все тело мое, не мог никак пошевельнуться от страха перед всеми орудиями, которыми терзала она меня. Потом взяла она топор острый и отрубила голову мою. После этого налила чего-то в чашу, а чего — не знаю и не ведаю, и дала мне пить против моего желания. Так ведь, братья, столь было горько и тошно в это время, что и описать нельзя беду эту великую.
И исторгнула мою душу, и стремительно вылетела душа из меня, из тела моего, как птица из тенет. И тотчас прекрасные юноши взяли душу мою на руки свои и держали ее, а я оглянулся назад и увидел тело мое, лежащее бездушно и неподвижно, как если бы кто-нибудь снял с себя одежду свою и бросил ее и стоял бы и смотрел на нее, так и я видел тело свое очень гнусным, от которого, как от трупа, исходил ужасный смрад. Так же как кто-нибудь испустил из себя нечистоты и, гнушаясь их, отбежал прочь, так и мертвая человеческая плоть омерзительна. Аминь...
(Повесть о споре жизни и смерти. С. 49—53)

Театр и драматургия

Истоки древнерусского театра, так же как и у других народов, лежат в языческих обрядах и мистериях. В Средневековье на Руси в народных праздниках и обрядах, сохраняющих в период двоеверия многое от-язычества, важную роль играли *скоморохи* (иные их названия — игрецы, глумцы, глумотвор-цы, смехотворцы, прелестники). Скоморохи существовали оседлые и бродячие. Оседлые скоморохи выступали в качестве организаторов и заводил в дни местных праздников, а в будние дни они вели обычный образ жизни земледельцев, ремесленников, торговцев. Бродячие скоморохи — это уже профессиональные артисты: они были песенниками, плясунами, рассказчиками сказок, исполнителями былин, вожаками медведей и устроителями «медвежьих потех», в которых «ученый» медведь имитировал чьи-то действия. Из-за связи скоморошьих представлений с языческими обрядами сама их деятельность вызывала постоянные преследования церкви. Позднее сатирические элементы в представлениях скоморохов привели к тому, что в 1648 г. царским указом были запрещены скоморошьи игры на территории всей страны, ослушников же предписывалось бить батогами и ссылать в «украйные грроды за опалу», но скоморошества это не искоренило.
В XVII в. возникает кукольный народный театр — «театр Петрушки». Управлял куклами обычно один человек. Петрушка — это персонаж, который с виду кажется простачком, но на самом деле это хитрец и насмешник, который неизбежно выходит победителем из столкновений с различными персонажами, в том числе с чертом и смертью.
Особым видом театрализованных действий, существовавших в Средневековье на Руси, были (как и в Западной Европе) *церковные мистерии.* В XVI— XVII вв. особой популярностью пользовалось так называемое «Пещное действо», представляющее из себя драматургически оформленную иллюстрацию
873
к ветхозаветному рассказу о том, как вавилонский царь Навходоносор (искаженное от «Навуходоносор») приказывает бросить в печь трех отроков, которых из огня спасает ангел.

На рубеже XVI—XVII вв. (во времена правления Бориса Годунова и Василия Шуйского) при царском дворе существовала особая *«Потешная палата»,* представлявшая отдельное ведомство, к которому принадлежали все лица, имеющие отношение к придворным развлечениям. В 1613 г. при дворе царя Михаила было построено особое здание — «Потешные хоромы», где выступали придворные скоморохи, русские и иностранные «потешники». В документах зафиксировано, что мысль о создании придворного театра по образцу европейских высказывалась еще царем Алексеем Михайловичем в 1660 г. Но собственно история русского *придворного театра* начинается в 1672 г. Немецкому пастору Иоганну Готфриду Грегори былс! поручено «учинить комедию» на сюжет библейской «Книги Есфирь». 17 октября 1672 г. в специально построенном здании в селе Преображенском (летней резиденции царя) был показан спектакль «Артаксерсово действо», который длился десять часов. Первыми исполнителями ролей в спектаклях придворного театра были юноши — дети иноземцев, проживавших в Москве в Немецкой слободе, но вскоре Иоганну Грегори было поручено обучать актерскому мастерству русских детей (из мещан и подьячих). Большинство пьес в репертуаре придворного театра было на религиозные сюжеты (библейские и житийные), но были там и комедии, и исторические пьесы. Первый придворный театр просуществовал до смерти царя Алексея Михайловича.

В конце XVII в. возникает в России и школьный театр, его рождение связано с деятельностью Симеона Полоцкого.

Музыка

Говоря о музыке средневековой Руси, необходимо различать музыку церковную и народную. Церковное пение (музыкальные инструменты в православных храмах не используются) было основано на византийской традиции. До XVII в. в русской церковной музыке господствовало одноголосие — знаменный распев, и только в конце XVII в. московские певчие (патриаршие и государевы) осваивают многоголосное партесное пение.

Народная музыка в первую очередь была связана с обрядовой поэзией и эпосом, музыка представляла из себя важнейшую составляющую искусства скоморохов.

««Слово святого «Слово святого Нифонта о русалиях» является одной из **Нифонта** глав широко распространенного на Руси сборника «Из-

0 русалиях» марагд» (от греч. «смарагд» — «изумруд»). «Измарагд» предназначался для домашнего чтения, в нем понятным языком, часто в форме притчи или сюжетного рассказа давались наставления о правилах морали и христианских добродетелей. Данный текст приводится потому, что он хорошо иллюстрирует отношение церкви к скоморошеству и музыке скоморохов.

874

Однажды шел блаженный Нифонт в церковь святой Богородицы на заутреню и увидел идущего мимо церкви демона, князя бесам, и с ним двенадцать бесов. И они, услышав церковное пение, пришли в ужас и в ярость и стали поносить князя своего, говоря ему: «Видишь ли, как славим Иисус рабами своими! Когда слышим мы пение это, лишь ужас охватывает нас. Горе нам, окаянным, ибо сила и крепость наша погибла. Пока царь наш был с нами, успешно одолевали мы христиан, но когда поднялись евреи против Христа и распяли его, с тех пор сокрушена сила наша. Иисус ведь, связав его, в огненной преисподне повелел его заточить. С той поры сила царя нашего сокрушилась и надежда наша растоптана». Так бесы укоряли князя своего. Он же сказал им: «О том ли вы печалитесь, что славим Иисус в церкви Марииной? Напрасно об этом скорбите. Очень скоро все переменится, а нас многие станут славить мирскими песнями и плясками. И теперь подождите немного, увидите, что славить начнут нас, а о Христе и не вспомнят».

И после обедни случилось так, чТо пошел человек, приплясывая под звуки сопели, и за ним — множество народа: одни пели и в ладоши били, а другие плясали. И, увидев это, окаянные бесы обрадовались радостью великой и начали прельщать кого на игры и на пляски, а кого — на песни. А некий муж богатый смотрел из палат своих, и подучил его бес — велел перед собой играть и плясать. И, достав серебряную монету, дал ее музыканту. Тот же положил ее в суму. А бесы, вытащив ее, послали к отцу своему сатане в бездну. И сказали посланному бесу: «Иди и скажи отцу нашему, связанному там Иисусом Назарянином: «Этот дар послав тебе Алазион-князь. Будет он тебе в знак чести, отец, мы — рабы твои и многих соблазнили христиан, врагов наших»». И сказав так, вручили бесу серебро и медь, полученные музыкантом за игру. И возгордились этим коварные бесы.

Дойдя до адского жилища, вошел туда посланный бес и принес пагубные дары сатане. Тот же, взяв, очень обрадовался и сказал: «Всегда получаю я жертву от поклоняющихся идолам, но не могут они так меня порадовать, как эти — принесенные от христиан». Так изрек сатана и вернул посланному к нему бесу все, что Тот принес ему, и сказал: «Иди, и призывай христиан к играм и к пляскам и к иному, мною любимому». И поспешил бес к пославшим его, и поведал им слова сатаны, и серебро и Медь снова вложил в суму Оптиолу-музыканту.-Бесы же отправились искушать и других людей.

Все это блаженный Нифонт видел очами сердца своего, и сетовал о заблуждениях христиан, и

многих наставлял, чтобы сторонились игр и не ходили смотреть на них. Ибо как труба собирает воинов, так чтение книг ангелов божьих собирает, а сопели и гусли собирают вокруг себя бесстыдных бесов, а любящий сопели и гусли сатану славит, а кто чтит и одаривает музыкантов — тот беса коварного одаривает. Если кто не
875
оставит деяний этих проклятых, то осужден будет с иноверцами и с идолопоклонниками. Богу нашему слава!
(Измарагд.С.57-59)

Архитектура и строительство

О языческих святилищах

Наиболее развернутое описание святилища (это святилище прибалтийских славян на о. Рюген) было дано Саксоном Грамматиком, автором конца XII в.
Сопоставление текста с материалом раскопок позволяет предположить, что это было деревянное сооружение на каменном фундаменте, имевшее сложный объем и силуэт. Наружные стены из вертикально поставленных бревен покрывала ярко раскрашенная резьба (Сак-сон Грамматик назвал стены изгородью). Внутри их квадрата со стороной около 20 м поднималась на четырех мощных столбах баш-неподобная сень над огромным столпообразным кумиром Святовита высотой в 9—10 м, лица которого были обращены на все четыре стороны. Кровля над сенью, возможно, имела очертания высокого шатра (автор описания выделяет «багряную кровлю» как особенно поразившую его часть постройки). Пространство под сенью отделялось от кругового обхода лишь ниспадающими пурпурными завесами. Храм возвышался над морем на оконечности высокого крутого мыса, обращенного к востоку...
Следы языческих святилищ восточных славян в недавние годы найдены и исследованы в Поднестровье Б.А. Тимощуком и И.П. Русановой. Располагались они на холмах среди гнезд славянских поселений. Святилище у села Ржавинцы, отнесенное к IX—X вв., опоясано концентрическими кольцами двух валов. По всей окружности внутреннего шла каменная вымостка для «крады», ритуального костра, который огненным кругом охватывал площадку диаметром 24 м с каменным столбом — идолом в центре. К внешнему валу изнутри примыкают следы круговой постройки — «хором», по Б.А. Рыбакову, где совершались некие обряды, возможно ритуальные пиры.
До XI в. существовало большое святилище на горе Богит у реки Збруч, занявшее древнее скифское городище с валами, сложенными из камня. Внутренний вал отделял верхнюю его часть. Там было капище с кольцом из восьми круглых ям-жертвенников. Внутри крльца, как установили Тимощук и Русанова, стоял знаменитый Збручский идол, четырехгранный столб, завершенный круглой шапкой, под которой — четыре обращенных в разные стороны человеческих лица...
*(Иконников А.В*1 *Тысяча лет русской архитектуры. С. 25—26)*
876

Русский средневековый город

Для своеобразия структуры и облика средневекового русского города особенно важны отношения его главных частей — детинца и посада — в их отличии от тех, что складывались между замком и городом западноевро- пейского средневековья... Коллектив горожан в борьбе за самоуправление и ограничение повинностей противостоял феодальному сеньору. Это противостояние выражалось материально — поясу городских стен противостоял замок. Его высокий грузный массив часто занимал вершину холма или скалы, у подножия которой располагался город (как, например, в Таллинне, Альтенбурге, Вюрцбурге, Эйзенахе, Кведлинбурге). Если замок и город стояли на равнине или вместе занимали вершину холма, укрепления замка вклинивались в непрерывность городских стен, угрожая в равной мере как внешнему врагу, так и городу (Милан, Феррара, Парма, Кремона, Каркассон, Нанси, Антверпен, Вена, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Баутцен, Сити оф Лондон и др.)... Замок мог быть обиталищем феодала и его дружины, оставаясь относительно компактным, но мог разрастись в обширный укрепленный комплекс, если служил оплотом этнически чуждых завоевателей, создававших свой замкнутый мир... В том и другом случае замок оставался недоступен для горожан, не был для них убежищем или местом общественной жизни... - На Руси, напротив, детинец (кремль) не противостоял городу, не выделялся из его общей оборонительной системы. Он был ее внутренним ядром, которое защищали после падения внешних линий обороны. В

кремле и посадах социальный состав постоянного населения был различен, но при осаде внешним врагом посадские жители, сжигая свои дома, уходили под защиту стен детинца. Даже и главный въезд в него всегда был обращен к посадам и через них сообщался с внешним миром (что невозможно для замка)... Кремль русского города представлял собой укрепленный комплекс учреждений, осуществлявших высшую политическую,,административную и церковную власть; он заключал в себе главнейшие святыни, места для хранения богатств населения и всяческих запасов... И кремль был, соответственно, изначальным ядром и центром тяготения всего городского организма, занимавшим главное место в его композиции и силуэте. Такую роль его обеспечивало уже само положение в ландшафте, обычно — на возвышенности, выделенной слиянием рек или речной излучиной. Направления дальнейшего роста городского организма подчинялись притяжению этого центрального ядра; его господство в системе целого поддерживалось и развивалось. Пояс укреплений и ритм башен, выделяя j кремлевский комплекс, подчеркивали его целостность и значение для города и всей волости.

В детинце сосредоточивались крупные монументальные сооружения. Главным среди них, подчинявшим себе пространственную систему, был

877

собор, поднимавшийся посреди площади. Для Древней Руси это не только культовое сооружение: здесь «сажали на стол» князя, принимали послов; здесь хранилась городская казна; здесь создавалась библиотека и работали расширявшие ее переписчики. Был храм и последним прибежищем обороны в борьбе за город. Словом, это — главное общественное здание, служившее многим функциям и мыслившееся принадлежащим всему городу. Почитавшийся городом храм был символом суверенности местной общины. Где святыня — там и город, сердце городовой волости. Разорение в междоусобных войнах храмов и монастырей противника — дело обычное для Древней Руси — с точки зрения христианства безмерно греховно. Но разрушить храм врага — значило лишить его высшего покровительства, нанести ему удар, который, как казалось, будет иметь особенно долговременные последствия.

Общегородской символ («где Святая София — там и Новгород») получал отклик в объемах приходских церквей, вокруг которых складывались социальные и пространственные членения городского организма. Система иерархически связанных ориентиров, подчиненных собору и кремлю, определяла ориентацию в пространстве города и раскрывала его внутреннее устройство в силуэте и внешних панорамах. Целостность города, подчиненная кремлю, благодаря этому становилась всепроникающей...

(Иконников А.В. Тысяча лет руеской архитектуры. С, 36—37)

Киев Расцвет Киева приходится на княжение Ярослава Владимировича (1016—1054). В это время — с 1017 или 1037 г. (летописи указывают разные даты) — южнее города Владимира начат постройкой невиданный по тем временам комплекс укреплений: Его валы высотой в 14—16 м, завершенные деревянными рублеными клетями-городнями с заборолами поверху, охватили территорию более 70 га. Тысяча человек, работавших одновременно, должны были потратить на такую работу не меньше четырех лет. Если принять предположение..., что Михайловская гора, примыкающая с востока, имела особую линию валов, город Ярослава имел общее очертание в виде почти симметричного ромба с округленными углами. Положение четырех ворот, открывавших доступ в город, совпадало с вершинами этой фигуры. Оно свидетельствует о былых главных улицах, которые их соединяли, пересекаясь почти точно под прямым углом. Крест этих улиц отклонялся от строгой ориентации по странам света на 20, так что его восточная ветвь была обращена к восходу солнца в летнее время. У пересечения главных осей, на одной из самых высоких точек плато, вместе с началом строительства укреплений заложен собор св. Софии — главная доминанта панорамы Киева, его символ.

Схема плана с крестообразным пересечением главных улиц лежит вне традиций средневекового русского градостроительства. Исключе-

878

ние в данном случае можно объяснить византийским влиянием. Планы, подчиненные перекрестью главных улиц, но при этом свободно вписанные в живописный ландшафт, обычны для городов Византийской империи, унаследовавших античные градостроительные традиции... В Киеве могли работать мастера «от грек», приглашенные еще Владимиром, могли быть и специально привлеченные к такой беспрецедентной работе, как создание новой столицы самого обширного в то время государства Европы.

Очевидна закономерность, подчиненность единому замыслу и в размещении остальных крупных построек города Ярослава. Каменные церкви княжеских монастырей св. Ирины и св. Георгия,

церковь неизвестного святого, руины которой открыты в 1911 г., расположились южнее длинной оси в параллельный ей ряд. Главным въездом, торжественным порталом стали южные Золотые ворота. Только их упоминают летописи, только над ними сооружен надвратный храм. Поперечную главную улицу, направленную к ним, симметрично обрамляли объемы Ирининского и Георгиевского монастырей. Все престижное строительство, начатое Ярославом, обращено на южную сторону нового детинца, между Софией и Золотыми воротами (здесь, у монастыря св. Ирины, был поставлен и каменный дворец).

В сторону сухопутных дорог, подводящих к городу, развернулись величественные панорамы. К западным подходам город обращен поясом валов и стек, над которыми поднимались только сложные завершения храмов. Восточнее же Золотых ворот линия укреплений, опускаясь по рельефу к Лядинским воротам и вновь поднимаясь по Михайловской горе, приоткрывала вид на жилые кварталы, лежащие на склоне, завершенном монументальными зданиями. Панорамы со стороны Днепра держал ансамбль города Владимира, продолженный в середине XI в. городом князя Изяслава Ярославича, занявшим вершину Михайловской горы. Здесь был основан Дмитриевский монастырь, создана церковь ев, Петра (70-е гг. XI в.) и Михайловский Златоверхий собор (1108).

При всей сложности системы очевиден ее главный замысел — нарастание к центру, к объединяющему и венчающему целое огромному храму Софии, близ которого располагались митрополичий двор и место вечевых собраний. Этому служат и рельеф, и расположение меньших церквей. Идея целого основана на сознании единства города и окружения, в данном случае — не просто города и волости, но столицы и государства, Киева и Русской земли. Отсюда — особое внимание к восприятию извне, к внешним визуальным связям, построению панорам. Утверждению «столичности» служит древний символ центра мира — «рукотворная гора». Он воплощен в храме Софии через такие свойства формы, как центричность и нарастание массы к центру, пирамидальный силуэт, в котором получает кульминацию динамика городского ландшафта...

879

Притязая на создание нового центра мира, Ярослав открыто и вызывающе соперничал с византийской столицей — Константинополем. Названия храмов и воротных башен его города нарочито повторяют имена прославленных цареградских построек — София, Золотые ворота, церковь св. Ирины.

(Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. С. 41—46)

Москва Вместе с ростом городов усложнялась их структура. Более определенно и развернуто выступали принципы русского средневекового градостроительства.

Самым совершенным их воплощением стала планировка Москвы, сформировавшаяся к началу XVII в. В это время первый город России имел население около 100 тыс. жителей (Новгород, второй по населенности, — 27 тыс., Псков и Казань — по 15 тыс.). Составитель так называемого Сигизмундова плана Москвы (1610) назвал ее четвертым по величине городом Европы после Константинополя, Парижа и Лиссабона.

Городок «Москов», превратившийся в русскую столицу, возник на Боровицком холме у слияния рек Москвы и Неглинной. Население здесь концентрировалось с VII—IX вв. н.э., и уже с VIII в. по реке Москве проходил Волжский торговый путь, связывавший Восток и Запад. Частью этого пути была сухопутная Волоцкая дорога к Новгороду, у брода под Боровицким холмом пересекавшаяся с дорогой из Киева и Смоленска на северо-восток Руси. В XI—XII вв. на холме выросли два укрепленных поселка вятичей: один, больший, на месте современной Соборной площади и второй — на оконечности мыса. В устье Неглинной сложился первоначальный торг, переходивший с подола холма в Занеглименье. Двухчастность поселка постепенно стиралась и во время княжения Юрия Долгорукого (1162) была окончательно уничтожена возведением общей линии городских стен. Посад начал развиваться на узком подоле холма по берегу Москвы-реки в сторону Яузы. Складывалась линейная система планировки, подчиненная реке. Полоса земли, заливаемая в высокие половодья, была, однако, неудобна, и посад повернул в гору, занимая междуречье Москвы и Неглинной.

По мере роста значения города Москвы увеличивалось и его укрепленное ядро. В 1339 г. Калита построил новый «град дубов», расширив к северу и востоку территорию крепости, которую с начала 1330-х гг. стали называть Кремлем. При Дмитрии Донском в 1367 г. необычайно быстро, всего за один сезон, были возведены новые мощные укрепления из белого мячковского камня.

После этого Москва получила постоянный эпитет «белокаменной» (основная застройка ее оставалась деревянной, да и каменной была, возможно, лишь приступная стена, но именно этот элемент был особенно существен для образа города). Линия стен, протяженность которой достигла двух километров, про-
880
двинулась при этом еще дальше на восток, охватив почти всю территорию современного Кремля. Посад, распространившийся до Неглинной, прорезали три улицы, веером расходящиеся от проездных башен Кремля. Первоначальная линейная структура посада перерастала в веерную. В то же время посад стал складываться и за Неглинной. Его полосу прорезали улицы, связывающие торг, переместившийся под приступную стену Кремля, с Новгородской дорогой (перемещение торговища к востоку по мере расширения крепости стало причиной появления трех таких улиц). Радиальная организация стала, таким образом, распространяться на Занеглименье.

Грозные укрепления, надежность и величие которых отвечали значению Москвы как столицы единого Русского государства, построены из кирпича в 1485-1495 гг. Кремль стал монументальным ансамблем, центр которого определял мощный объем Успенского собора, главного храма Руси. После опустошительного пожара 1493 г. полоса в 110 сажен перед восточной стеной Кремля освобождена от посадских строений, чтобы обезопасить крепость от пожаров и внезапных нападений. Здесь развернулось главное торговище, самое оживленное место города, средоточие не только его экономической, но и общественной жизни. Подобные «полые места», или «застенья», были расчищены вдоль Неглинной и в Замоскворечье против Кремля.

Главный торг разрастался и занимал все большее место в городской жизни. Его дополняли торги в Замоскворечье и Занеглименье, а зимой — и торговля на льду рек; тогда все торговища сливались в огромное целое. Торговля образовала как бы сердцевину городского плана, притягивающую к себе дороги; застроенные, они превращались в улицы. Двухчастная структура города преобразовалась в трехчастную — торг стал ее третьим основным элементом, наиболее активно влияющим на формирование уличной сети. Веер улиц между Москвой-рекой и Неглинной дополнили радиальные улицы Занеглименья и Замоскворечья...

Установление в начале XVI. в. юридической власти московских князей над всей территорией Москвы позволило в 1520-е гг. провести «раз-мерение» (регулирование) улиц. Ширина их была установлена в 12, переулков — 6 сажен. Однако если во внутренних частях города они были непрерывными, то во внешних зонах долго еще сохранялась раздробленность — обособленные «кусты» застройки соединялись незастроенными дорогами.

После завершения кирпичного Кремля началось строительство каменных стен, защищающих Великий посад между Москвой-рекой и Неглинной (дерево-земляные укрепления он имел, как и посад за Неглинной, уже в конце XIV в.). К1538 г. выросли невысокие, но мощные стены, приспособленные для «огненного боя» — Китай-город. Назва-
881
ние это перешло на территорию охваченного ими посада, который становился аристократической частью города. Ремесленники вытеснялись в местность восточнее Китайгородских стен и в Занеглименье, которое росло особенно быстро.

(Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. С. 113— 114)

О куполах рус- Византийский купол над храмом изображает собою **ских церквей** свод небесный, покрывший землю. Напротив, готический шпиц выражает собою неудержимое стремление ввысь, подъемлющее от земли к небу каменные громады. И, наконец, наша отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма — как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся. При взгляде на наш московский Иван-Великий кажется, что мы имеем перед собой как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а многоглавые кремлевские соборы и многоглавые церкви суть как бы огромные многосвещники. И не одни только золотые главы выражают собою эту идею молитвенного подъема. Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе, как дальнее потустороннее видение града Божьего.

(Трубецкой Е. Умозрение в красках. С. 198—199)

Изобразительное искусство

Возникновение изобразительного искусства на Руси связывается обычно с приходом христианства. (О

дохристианском периоде мы знаем только, что существовали идолы языческих богов, обычно вырезанные из дерева.) Для украшения строящихся церквей и монастырей использовались фрески, мозаики и иконы, существовала и деревянная скульптура, но особого распространения она не получила. Техника живописи и иконографический канон были позаимствованы из Византии. Но уже в XII—XIII вв. начинается формирование местных школ живописи, отличающихся своими стилистическими особенностями. К наиболее известным школам относятся новгородская, псковская, московская. XIV—XV вв. называют «золотым веком» русской иконописи. В это время жили и работали такие выдающиеся мастера, как Феофан Грек (около 1340 — после 1405 гг.; грек по происхождению, приехавший на Русь из Византии), Андрей Рублев (1360 — около 1430 гг.), Даниил Черный (около 1360-1430 гг.), Дионисий (1440-1502/1503 гг.) и др. В XVII в. общий процесс обмирщения культуры затронул и живопись, самый яркий представи-

тель этого направления — Симон Ушаков (1626—1686 гг.), который при написании икон стал, в частности, использовать светотень. В конце же XVII в. начинается развитие первого жанра светской живописи — портрета (парсуны).

В XVIII—XIX вв. древняя иконопись становится все менее доступной для восприятия из-за потемнения слоя олифы, которым покрывались иконы. И только в начале XX в. был найден способ снять этот слой, и древние русские иконы как бы пережили второе рождение: сначала Россия, а затем и весь мир открыли для себя их красоту.

• **О русских** иконах Нет ни малейшего сомнения в том, что эта иконопись выражает собою глубочайшее, что есть в древнерусской культуре; более того, мы имеем в ней одно из величайших, мировых сокровищ религиозного искусства. И, однако, до самого последнего времени икона была совершенно непонятною русскому образованному человеку. Он равнодушно проходил мимо нее, не удостои-вая ее даже мимолетного внимания. Он просто-напросто не отличал иконы от густо покрывавшей ее копоти старины. Только в самые последние годы у нас открылись глаза на необычайную красоту и яркость красок, скрывавшихся под этой копотью. Только теперь, благодаря изумительным успехам современной техники очистки, мы увидели эти краски отдаленных веков, и миф о «темной иконе» разлетелся окончательно. Оказывается, что лики святых в наших древних храмах потемнели единственно потому, что они стали нам чуждыми; копоть на них нарастала частью вследствие нашего невнимания и равнодушия к сохранению святыни,-частью вследствие нашего неумения хранить эти памятники старины.

С этим нашим незнанием красок древней иконописи до сих пор связывалось и полнейшее непонимание ее духа. Ее господствующая тенденция односторонне характеризовалась неопределенным выражением «аскетизм» и в качестве «аскетической» отбрасывалась как отжившая ветошь. А рядом с этим оставалось непонятым самое существенное и важное, что есть в русской иконе, — та несравненная радость, которую она возвещает миру. Теперь, когда икона оказалась одним из самых красочных созданий живописи всех веков, нам часто приходится слышать об изумительной ее жизнерадостности; с другой стороны, вследствие невозможности отвергать присущего ей аскетизма, мы стоим перед одной из самых интересных загадок, какие когда-либо ставились перед художественною критикою. Как совместить этот аскетизм с этими необычайно живыми красками? В чем заключается тайна этого сочетания*высшей скорби и высшей радости? Понять эту тайну и значит — ответить на основной вопрос настоящего доклада, — какое понимание смысла жизни воплотилось в нашей древней иконописи...

Когда в XVII веке в связи с другими церковными новшествами в русские храмы вторглась реалистическая живопись, следовавшая западным образцам, поборник древнего благочестия известный прото-

поп Аввакум в замечательном послании противополагал этим образцам именно аскетический дух древней иконописи. «По попущению Божию умножилось в русской земле иконного письма неподобнаго. Изографы пишут, а власти соблаговоляют им, и все грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившеся. Пишут Спасов образ Эммануила — лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, р'уки и мышцы толстыя; тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко Немчин учинен, лишь сабли при бедре не написано. А все то Никон враг умыслил, будто живых писати»... «Старые добрые изографы писали не так подобие святых: лицо и руки и все чувства отончали, измождали от поста и труда и всякия скорби. А вы ныне подобие их изменили, пишете таковых же, каковы сами».

Эти слова протопопа Аввакума дают классически точное выражение одной из важнейших тенденций древнерусской иконописи; хотя следует все время помнить, что этот ее скорбно аскетический аспект имеет лишь подчиненное и притом подготовительное значение. Важнейшее в ней, конечно, — радость окончательной победы Богочеловека над зверо-человеком, введение во храм всего человечества и всей твари; но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав Божьего храма таким, каков он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовлеющей плоти в этом храме нет места: и вот почему иконы нельзя писать с живых людей.

Икона — не портрет, а прообраз грядущего храмового человечества. И, так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем; — икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истонченная телесность? Это — резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь. Ведь именно этой заповедью оправдывается не только грубо утилитарное и жестокое отношение человека к низшей твари, но и право каждого данного народа на кровавую расправу с другими народами, препятствующими его насыщению. Изможденные лики святых на иконах противополагают этому кровавому царству самодовлеющей и сытой плоти не только «истонченные чувства», но прежде всего — новую норму жизненных отношений. Это — то царство, которого плоть и кровь не наследуют.

Воздержание от еды и в особенности от мяса тут достигает двоякой цели: во-первых, это смирение плоти служит непременным условием одухотворения человеческого облика; во-вторых, оно тем самым подготовляет грядущий мир человека с человеком и человека с низшею тварью. В древнерусских иконах замечательно выражена как та, так и другая мысль...

.

Говоря об аскетизме русской иконы, невозможно умолчать и о другой ее черте, органически связанной с аскетизмом. Икона в ее идее со-

884

ставляет неразрывное целое с храмом, а потому подчинена его архитектурному замыслу. Отсюда — изумительная архйтектурность нашей религиозной живописи: подчинение архитектурной форме чувствуется не только в храмовом целом, но и в каждом отдельном иконописном изображении: каждая икона имеет свою особую, внутреннюю архитектуру, которую можно наблюдать и вне непосредственной связи ее с церковным зданием в тесном смысле слова.

Этот архитектурный замысел чувствуется и в отдельных ликах и в особенности — в их группах — в иконах, изображающих собрание многих святых. Архитектурному впечатлению наших икон способствует та неподвижность божественного покоя, в который введены отдельные лики: именно благодаря ей в нашей храмовой живописи осуществляется мысль, выраженная в первом послании св. Петра. Неподвижные или застывшие в позе поклонения пророки, апостолы и святые, собравшиеся вокруг Христа, «камня живого, человеками отверженного, но Богом избранного», в этом предстоянии как бы сами превращаются в «камни живые, устрояющие из себя дом духовный». *(Трубецкой Е. Умозрение в красках. С. 201—206)*

Об иконе Влади- По древнему преданию, св. Евангелист Лука напи-**мирской Божией** сал три иконы Божией Матери. Посмотрев на них, **Матери** Пресвятая Богородица сказала: «Благодать Роди-

вшегося от Меня и Моя да будет со святыми иконами» (Месяцеслов, 21 мая). Одной из трех этих икон была та, которую мы знаем как Владимирскую.

Икона Владычицы до 450 года находилась в Иерусалиме, а затем была перенесена в Константинополь. В половине XII столетия константинопольским Патриархом Лукою Хризоверхом святая икона была послана в дар Великому Князю Юрию Владимировичу Долгорукому, основателю первопрестольного города Москвы, и поставлена им в Вышгород-ском девичьем монастыре. Село Вышгород некогда принадлежало св. равноапостольной княгине Ольге, а с 1155 года было уделом сына князя Юрия, Андрея Боголюбского> весьма благочестивого и набожнрго.

Многочисленные чудеса от иконы Владычицы сообщались князю. Между прочим было рассказано князю и о том, что святая икона несколько раз сходила со своего места и пребывала на воздухе: из этого князь понял, что надлежит переменить местопребывание иконы...

Решив переселиться из Вышгорода на свою родину, землю Суздальскую, князь Андрей Боголюбский без ведома отца взял с собой чудотворную икону Божией Матери. По пути он постоянно служил перед ней молебны. Во Владимире на Клязьме жители встретили князя с усердием и радостию. Из Владимира князь направился в Ростов. Проехав от Владимира десять верст, лошади остановились на берегу реки Клязьмы и, несмотря на понукания, не хотели идти дальше. Запрягли све-

885

жих, но и они не пошли. Пораженный этим, князь пал в страхе перед иконой Богоматери и слезно молился. Пресвятая Богородица явилась князю со'свитком в руке и повелела оставить икону Ее во Владимире, а на этом месте построить храм в честь Рождества Ее.

Князь поставил икону во Владимире. С этого времени — 1160 года — святая икона стала именоваться иконой Божией Матери Владимирской...

Были дивные чудеса и с самой иконой. В1135 г. соборный храм, где находилась икона Божией Матери Владимирская, сгорел дотла, но святая икона осталась совершенно неповрежденной. В 1237 году вместе с другими святынями чудотворная икона пострадала от нашествия татар, с нее была сорвана драгоценная риза, но сама она осталась цела и невредима. В 1395 году Тамерлан с полчищами татар вступил на Русскую землю и приближался к Москве. У русского народа осталась надежда только на помощь Божию. Великий Князь Московский Василий Димитриевич отдал распоряжение принести икону Божией Матери Владимирскую из Владимира в Москву. Десять дней продолжался путь иконы от Владимира до Москвы. По сторонам дороги стоял народ на коленях и, протягивая руки к иконе, взывал: «Матерь Божия, спаси землю Русскую!» В Москве икону ждала торжественная встреча. Крестный ход со всем духовенством Москвы, семья Великого Князя, бояре и московское население вышли за город на Куликово поле и провожали икону до Успенского собора.

Москва встретила икону 26 августа... Богоматерь не отвергла уповавших на Нее. В час встречи святой иконы в Москве Тамерлан спал в своем шатре. Вдруг видит он во сне высокую гору, с которой к нему спускаются святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе в несказанном величии, в сиянии ярких лучей стоит Лучезарная Жена. Бесчисленные тьмы Ангелов окружают Жену и держат в руках огненные мечи. Подняв их, Ангелы устремились на Тамерлана... Он проснулся, трепеща от ужаса. Созванные им мудрецы, старейшины и гадальщики заявили, что виденная им во сне Жена есть Заступница русских, Матерь Христианского Бога и что сила Ее неодолима. «Тогда нам с ними не сладить!» — воскликнул Тамерлан и отдал своим полчищам приказ повернуть назад. И татары, и русские были глубоко изумлены этим событием. А летописец, описав происшедшее, прибавляет: «И бежал Тамерлан, гонимый силою Пресвятой Девы!»

Благодарные'за свое освобождение русские люди построили Сретенский монастырь на месте встречи св. иконы: «Да не забудут людие дел Божиих», — как повествует об этом летописец.

Итак, после 242-летнего пребывания во Владимире икона Божией Матери Владимирская перешла в Москву и была установлена в построенном в честь Успения Пресвятой Богородицы соборе.

Благодатной помощи иконы Божией Матери Владимирской приписывается избавление Москвы: в 1408 г. от набега ордынского хана Еди-

гея, в 1451 г. от нападения ногайского царевича Мозавши ив 1459 г. от нападения его отца хана Седи-Ахмета, пошедшего войной на Москву...

При таких знамениях и благодеяниях, излитых на Русскую землю через чудотворную икону Божией Матери Владимирскую понятно то благоговение, которым она была окружена со стороны русского народа. Перед ней молились русские князья и цари, выступая в поход. При избрании московских митрополитов, а впоследствии Патриархов, жребии избираемых клались в пелену этой иконы. Перед ней знатнейшие люди Московского государства приносили присягу на верность своим Государям.

В 1547 году в Московском Кремле произошел сильный пожар. Икону Божией Матери Владимирскую собирались вынести, но никакими силами не удалось сдвинуть ее с места. В этот момент многие увидели на небе над Успенским собором светозарную Жену, осенявшую храм. Вскоре пожар утих, не тронув Успенского собора.

С тех пор святая икона Владимирской Божией Матери всегда находилась в Успенском Кремлевском соборе. Перед ней помазывались на царство наши цари и избирались первосвятители земли Русской. Теперь эта икона — в Третьяковской галерее.

(Икона Владимирской Божией Матери. С. 214—219)

Научные знания

Древнерусские Древнерусские представления о человеке основы-**представления** вались в первую очередь на христианском вероуче-**о человеческой** нии. В силу этого обстоятельства нравственные сто-**природе** роны человеческой природы представляли неизме-римо больший интерес, чем физическое строение тела и т.п. Это не означает, однако, что элементов естественнонаучного взгляда по вопросам анатомии, физиологии и антропологии у нас вовсе не было.

Основным книжным источником сведений о строении человеческого тела в Древней Руси был «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского. В 6-м его слове не только сообщалось, в соответствии с ветхозаветной традицией, о том, что человек создан «по образу и подобию бо-жию», но и давались, например, определенные краниологические сведения (наличие черепных швов, позволяющих различать пол умершего), сообщалось о составе мозгового вещества и т.п....

Широко была распространена статья «Галиново на Ипократа» — сокращенный перевод комментария Галена на сочинения Гиппократа. Уже в 1424 г. ее собственноручно переписывал Кирилл Белозерский, а в XVI в. она вошла даже в Великие Минеи Четьи митрополита Мака-

рия. В этот универсальный свод был включен и ряд других статей антропологического и медико-биологического содержания.

В XVI в. был сделан также ряд новых переводов, вошедших в древ нерусскую книжность под названиями «Лечебников», «Благопрохлад-ных вертоградов» и т.п. ... Все названные сочинения являются переводными, и о существовании какого-либо оригинального древнерусского сочинения по данной тематике сведений к настоящему времени небыль...

Тем большее значение приобретает известный нам в четырех списках XVII в. трактат «О человечестем естестве, о видимем и невидимей», который по целому ряду признаков можно считать самостоятельным древнерусским произведением. Общая направленность этого сочинения характеризуется стремлением сочетать «внешнее» анатомо-физио-логическое знание с патристической традицией...

Рассмотрим вкратце содержание трактата. К «видимому» составу в нем относятся главным образом внутренние органы — сердце, печень, селезенка, диафрагма («препона»), артерии («кровавицы») и т.д., но названы также «перси» и «корень» (пенис), «ребра» и «чресла» (поясница). К «невидимому» же человеческому составу здесь отнесены духовные сущности и состояния: «душа», «смысл», «храбрость», «веселие» и т.д.

В последующем изложении намечается немаловажное расхождение между двумя редакциями трактата. Одна из них, после перечисления положительных душевных качеств, отмечает, что они «навершают» естество человека, и только вследствие их «оскудения» появляются «чрезестественная»: «лесть», «ненависть», «злоба», «зависть» и т.п. Иными словами, в этой редакции отрицательные душевные свойства и состояния не считаются врожденными человеческой природе. В другой же редакции этого разведения «естественного» и «чрезестественного» душевного («невидимого») состава человеческого мы не находим.

Далее в тексте трактата рассматривается взаимосвязь («видимого» и «невидимого» составов, причем настоятельно проводится восходящая к древнейшим традициям (псевдогиппократовский трактат «О числе 7» и др.) микро-макрокосмическая аналогия («очи же во главе сотворени, аки светила, солнце и месяц, на видение добру и злу»):..

Рассматривая назначение отдельных внутренних органов и их связь с «невидимым» составом, автор трактата связывает с селезенкой — гнев, с желчью — вражду, с печенью — печаль. Но далеко не все приводимые им параллели выглядят наивными. Так, он пишет о том, что мочевой пузырь («михирь») дан человеку «на разсуждение телесных и внутренних болезней»: «..яко почюет михирь телесныя болезни утешение и мочию вся являет человеку».

Довольно подробно рассматриваются в трактате причины кашля и мокроты, объясняемые строением легких («яко на воздушную часть
сотворена суть легка») и их расположенностью к заболеваниям от простуды («студени»), неправильного питания и т.д....

Немаловажное место в трактате уделяется реминисценциям из пат-ристической литературы, посвященным обузданию «плотской похоти». Однако автор трактата не усматривает в ней самой отрицательного свойства, напротив, «хотение кормли и пития», «хотение и жажда от проходна естества», а также «похотное совокупление» существуют в человеке «от зачатка»: «без тех человек не может быти жив».

(Гаврюшин Н.К. Древнерусский трактат «О *человеческом естестве». С. 220—223)*

О естественно-научных представ-Потоцкого

Симеон Полоцкий — видный публицист и общественный деятель России XVII в. **лениях Симеона**

В Москве до конца XVII в. не было напечатано ни одной книги естественнонаучного содержания, а в весьма популярных у грамотного демократического читателя азбуковниках утверждалось, что небесные светила движутся непосредственно ангелами. Подобные представления об устройстве мироздания попали в азбуковники из Толковой Палеи, книги Козьмы Индикоплова.

В основе этой космологии... лежит библейское представление о плоской Земле с распростертым над .нею неподвижным небом — шатром, под которым ходят небесные светила, направляемые волею ангелов. Этот мир окружен со всех сторон высокими стенами, наподобие об-, ширной тюрьмы. В нем нет места законам природы, все управляется непосредственным действием бога и подчиненных ему сил, причем божество находится вне и выше этой мировой «комары» —. замкнутого мира-ящика.

”
Симеон Полоцкий был сторонником другой, западнолатинской традиции, известной на Руси лищь с XVI в., в основе которой лежала натурфилософия Аристотеля. Опираясь на трактат Симеона «Венец веры кафолическия», можно реконструировать его космографию. По мнению ученого монаха, существует три неба: эмпирейское, неподвижное, самое высшее, кристальное, движущееся с неизреченною скоростию, и твердь, разделяющаяся на два пояса, первый — звезд неподвижных, второй — планет. Планетное небо разделяется на семь кругов или поясов по числу планет, известных в то время (Крон — Сатурн, Дей — Юпитер, Ар — Марс, Солнце, Афродита — Венера, Ермий — Меркурий, Луна). Симеон Полоцкий указывает расстояния от каждой планеты до другой. Планеты по местоположению ниже звезд. Иногда они ходят по одному пути со звездами, а иногда по противоположному. Самая малая звезда в 80 раз больше Земли, а следующая по величине звезда превосходит пространство Земли в 170 раз. Солйце в 166 раз больше Земли (по современным данным, напомним — в 110 раз по ди-

889

аметру), Луна же в 30 раз меньше. Всякий час Солнце совершает 7 х 160 миль, из которых каждая требует человеческой ходьбы два часа. Земля представляется круглою^черною, тяжелою, холодною, она — центр всего мира и содержит в себе ад. Землетрясения происходят от терзания заключенных в ее недре духов.

(Звонарева Л.У. Натурфилософские представления Симеона Полоцкого. С. 231-232)

Быт и нравы

Одежда Вообще одежда была одинакова по покрою как у царей, так и у крестьян, носила одни и те же названия и отличалась только степенью убранства. Обувь простого народа была лапти из древесной коры — обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кроме лаптей из коры, носили башмаки, сплетенные из прутьев лозы; вероятно, эту обувь разумели под названием «пленицы»;-некбторые же носили подошвы из • кожи и подвязывали их ремнями, обмотанными вокруг ноги. Как крестьяне, так и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей с достатком составляли сапоги, чеботы, башмаки и ичетыги. Все эти виды делались из телячьей кожи, из коровьего опойка, из конской кожи, из юфти, у богатых из персидского и турецкого сафьяна. Сапоги носились до колен и служили вместо штанов для нижней части тела и для того под-кладывались холстиною; их снабжали высокими железными подборами и подковами со множеством гвоздей по всей подошве; у царей и у знатных лиц эти гвозди были серебряные. Чеботы были полусапожки с остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщин, но и мужчин; при них носили ичетыги, или ичеготы, иначе ноговицы (ныне еще употребляют кое-где эту старую, заимствованную от татар обувь под именем ичег и ноговиц), это были сафьяновые чулки, они разделялись на два вида: полные, достигавшие до колен, и полуполные. При сапогах и чеботах носились чулки, шерстяные или шелковые, а зимою подбитые мехом. Женская обувь была почти та же, что и мужская; башмаки были с такими высокими подборами, что перед ступни не касался земли, если стать на каблук. При них были шерстяные или шелковые чулки. Посадские жены носили также большие сапоги до колен, но дворянки ходили только в башмаках и чеботах.

Бедные крестьянки ходили в лаптях, как и мужья их.

Сапоги, чеботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые, иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета; они расшивались золотом, особенно-в верхних час-

890

тях на голенищах, с изображениями единорогов, листьев, цветов и прочего, и унизывались жемчугом; особенно женские башмаки украшались так густо, что не видно было сафьяна. В зажиточных русских домах обувь вообще делалась дома, и для этого держали во дворе знающих холопов.

Рубахи у простонародья были холщовые, у знатных и богатых — шелковые. Русские любили красные рубахи и считали их нарядным бельем. «Домострой» советует обращать особое внимание на мытье красных рубах как на принадлежность лучшей одежды. Русские мужские рубахи делались широкие и короткие и едва достигали до ляжек, опускались сверх исподнего платья и подпоясывались низко и слабо узким пояском, называемым опояскою. В холщовых рубахах под мышками делали трехугольные вставки из другого полотна, расшитого пряжею или шелком, или же из цветной тафты. По подолу и по краям рукавов рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотом и шелками, шириною пальца в два; у знатных и богатых вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою из-под платья. Такие вышитые рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали внимание на воротник рубахи, который выпускался из-под верхних одежд пальца на два и окружал затылок вроде нынешних мундирных воротников.

Этот воротник назывался ожерельем. Его делали особо от рубахи и пристегивали к ней, когда было нужно, у богатых золотыми и серебряными золочеными, у бедняков медными пуговицами, иногда же вместо пуговок употреблялись запонки с петлями. Такое ожерелье, кроме вышивки золотом и шелками в виде разных узоров, унизывалось жемчугом. Это-то ожерелье собственно в старину называлось рубашкою; но в XVII веке называли его сорочкою, а рубашкою, или рубахою, одежду, к которой оно пристегивалось.

Русские штаны, или порты, шились без разрезов, с узлом, так что посредством его можно было делать их шире и уже. У бедных они делались из холста, белого или крашеного, из сермяги — грубой шерстяной ткани; у зажиточных из сукон; летом богатые надевали тафтяные штаны или из какой-нибудь другой легкой шелковой материи. У царей (вероятно, и у бояр) иногда были штаны из тяжелых шелковых тканей, например, из объяри. Вообще русские штаны были не длинны и достигали только до колен, делались с карманами, называемыми зепью, и были разных цветов, например, желтые, лазоревые и чаще всего красные.

На рубаху и штаны надевались три одежды: одна на другую. Исподняя была домашняя, в которой сидели дома; если же нужно было идти в гости или принимать гостей, то надевалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существует много названий одежд, но все эти названия относятся к какому-нибудь из этих трех видов.

(Костомаров Н.И. Русские нравы. С. 54—55) ,

891

Пища

Обычай свято сохранять посты, соблюдаемый как бедными поселянами, так и царями и боярами, разделял русский стол на два отдела: скоромный и постный, а по припасам, из которых готовились кушанья, они могут быть разделены на пять отделов: мучнистые, молочные, мясные, рыбные и растительные.

Русские ели хлеб преимущественно ржаной; он был принадлежностью не только убогих людей, но и богатогб стола. Русские даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название «хлеб» значило собственно ржаной. Иногда, впрочем, к ржаной муке примешивали ячневую, но это не могло быть постоянным правилом, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просторы, а в домашнем быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомством в праздничные дни — от этого и пословица: калачом не заманишь...

Из кушаний, приготовляемых из теста, занимают первое место пироги. По способу печения они были пряженые и подовые. Подовые были всегда из квасного теста, пряженые иногда из квасного, иногда из пресного. Мука для них употреблялась пшеничная крупитчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Все вообще русские пироги в старину имели продолговатую форму и различную величину; большие назывались пирогами, малые пирожками. В скоромные дни они начинивались бараньим, говяжьим и заячьим мясом, несколькими видами мяса разом, например, бараниной и говяжьим салом, также мясом и рыбою вместе с прибавкою каши или лапши. На масленицу пекли пряженые пироги с творогом и с яйцами на молоке, на коровьем масле, с рыбой вместе с искрошенными яйцами или с тельным, как называлось рыбное блюдо, приготовляемое вроде котлет. В постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнейшими родами рыб, особенно с сигами, снетками, ло-догой, с одними рыбными молоками или с визигой, на масле конопляном, маковом или ореховом; крошеная рыба перемешивалась с кашей или с сарацинским пшеном. В постные нерыбные дни пеклись они с рыжиками, с маком, горохом, соком, репою, грибами, капустою, на каком-нибудь растительном масле или сладкие с изюмом и другими разными ягодами. Сладкие пироги пеклись и не в пост вместо пирожных. Вообще пироги, за исключением сладких, подавались к горячему...

Другой вид печенья из теста был каравай — сдобный хлеб с различными способами приготовления. Был каравай битый, который взбивался с маслом в сосуде, ставленный — вроде кулича на молоке; яц-кий — на большом количестве яиц, каравай с сыром, каравай братский и прочее...

Блины делались красные и молочные: первые из гречневой, вторые — из пшеничной муки; молоко и яйца входили в последний сорт. Блины не составляли принадлежности масленицы, как теперь, — сим-

892

волом масленицы были пироги с сыром и хворосты — вытянутое тесто с маслом. Пекли также тестяные шишки, левашники, перепечи, орешки: все эти виды подавались в масле; такие же кушанья готовились в пост с растительным маслом. Кисели делались из овсяной и пшеничной муки и

подавались в скоромные дни с молоком, в постные — с постным маслом. Каша приготовлялась из круп, овсяных или гречневых, пшенная каша была редко. Из молочных кушаний в употреблении была вареная лапша с подливом в нее свежего топленого молока, варенца, молочная каша разных видов, губчатый сыр из творога со сметаною, кислый сыр.

Мясные кушанья были вареные или жареные. Вареные подавались в щах, ухе, рассоле и под взварами; щи забеливались сметаной во время варения, а не при столе. Обыкновенный приварок к щам была кочанная и крошеная, свежая и кислая капуста. К щам подавалась гречневая каша. Ухой назывался суп или похлебка. Огромное количество разных пряностей составляло принадлежность русской ухи в разных видах: уха с гвоздикою называлась черною ухою, с перцем — белою, а без пряностей — голою. Рассол был род нынешней солянки: варилось мясо в огуречном рассоле с примесью пряностей. Взваром назывался всякого рода соус. Жареные мясные кушанья были верченые, шестные, печеные, сковородные. Баранина составляла самый обычный вид мясных кушаний в скоромные дни с весны до поздней осени... Купив целого барана, следовало облупить его и распределить на несколько дней части его мяса; грудинка подавалась на уху или щи; лопатки и почки на жареное; крюки подавались под взваром; ножки начинялись яйцами; рубец кашею; печенку иссекали с луком и, обернув перепонкою, жарили на сковороде; легкое приготовляли со взболтанным молоком, мукою и яйцами; из головы вынимали мозги и делали из них особую похлебку или соус с пряностями, а из густосваренной с бараньим мясом ухи, ставя ее на лед, приготовляли холодный студень. Для говядины служили яловые коровы, поэтому говядина вообще носила в старину название яловичины. Яловиц покупали осенью и убивали; мясо солили впрок, а потроха, к которым причисляли губы, уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обыденной пищи и подавались под студнем, под взварами, с кашей, на жареное. Вообще свежей говядины русские ели мало, а употребляли более соленую. Многие содержали во дворах своих свиней и откармливали их в течение года, а перед праздником Рождества кололи. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимние щи, а голова, ноги, кишки, желудок подавались свежими в разных приготовлениях, как-то: голова под студнем с чесноком и хреном; из кишок делали колбасы, начиняя их смесью мяса, гречневой каши, муки и яиц. Русские в старину любили свинину, кажется, больше, чем теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), рассольные (в рассоле вареные) и под взварами, особенно сладкими...

893

Куры подавались в щах, ухе, рассоле, жаренные на рожнах, вертелах, называемые по способу их приготовления нарожными и верченными, Щи с курицей назывались богатыми щами и всегда забеливались. К жареной курице обыкновенно подавали что-нибудь кислое: уксус или лимон... Другие птицы, употребляемые в пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки — в щах и жареные, гуси — шестные, .начинялись гречневой крупой и приправлялись говяжьим салом; из гусей приготовляли полотки, которые ели зимою с хреном и уксусом: гусиные потроха шли в уху или в особые кушанья под взварами. Рябчики, тетерева и куропатки — кушанья зимние — обыкновенно подавались: первый приправленный с молоком, прочие жареные со сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканным блюдом: их подавали под взваром с топешками, то есть изрезанными ломтиками калача, опущенными в коровье масло; потроха лебяжьи, как и гусиные, подавались под медвяным взваром, иногда же с говядиной или в пирогах и перепечах. Прочей дичи в Московии было много и она была дешева, но вообще русские не очень любили ее и мало употребляли. Каждое.мясо имело свои огородные и пряные приправы; так, репа шла к зайцу, чеснок к говядине и баранине, лук к свинине.

Исчисляя мясные кушанья, нельзя не упомянуть об одном оригинальном кушанье, которое называлось похмелье; это изрезанные ломтики холодной баранины, смешанной с мелко искрошенными огурцами, огуречным рассолом, уксусом и перцем; его употребляли на похмелье.

Московское государство изобиловало рыбою, составлявшею половину года обычную пищу.

(Костомаров Н.И. Русские нравы. С. 70—73)

Образ жизни Предки наши, как знатные, так и простые, вставали рано: летом с восходом солнца, осенью и зимою — за несколько часов до света. В старину счет часов был восточный, заимствованный из Византии вместе с церковными книгами. Сутки делились на дневные и ночные часы; час солнечного восхода был первым часом дня; час заката — первым часом ночи. Само собою разумеется, что при таком времяисчислении количество дневных и ночных часов на самом деле могло быть одинаково и равно только во время равноденствия, а потому это время и принималось за норму: из двадцати четырех суточных часов двенадцать относили к дню, а другие двенадцать к ночи; несмотря на то, что на самом деле во время летнего солнцестояния число дневных, а во время зимнего — число ночных часов доходило до семнадцати. Седьмой час утра по нашему часоисчислению был первым часом дня; седьмой час вечера — первым часом ночи. Исчисление это находилось в связи с восточным богослужением: на исходе ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третий, шестой

и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня — окон- чание дня. Русские согласовали свой домашний образ жизни с бого- служебным порядком и в этом отношении делали его похожим на монашеский. Разумеется, что такой порядок мог иметь место только гам, где спокойная и обеспеченная жизнь на одном месте позволяла располагать временем по произволу. Вставая от сна, русский тотчас искал глазами образ, чтобы перекреститься и взглянуть на него; сделать крестное знамение считалось приличнее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставая от сна, крестился, обращаясь на восток. Тотчас, если нужно было, после оставления постели надевалось белье и начиналось умыванье; зажиточные люди мылись мылом и розовой водой. После омовений и умываний одевались и приступали к молению...

В комнате, предназначенной для моления, — крестовой или, если ее не было в доме, то в той, где стояло побольше образов, собиралась вся семья и прислуга; зажигались лампады и свечи; курили ладаном. Хозяин как домовладыка читал пред всеми вслух утренние молитвы; иногда читались таким образом заутреня и часы, смотря по степени досуга, уменья и благочестия; умевшие петь пели. У знатных особ, у которых были свои домашние церкви и домовые священнослужители, семья сходилась в церковь, где молитвы, заутреню и часы служил священник, а пел дьячок, смотревший за церковью или часовней, и после утреннего богослужения священник кропил святою водою.

Окончив молитвословие, погашали свечи, задергивали пелены на образах и все расходились к домашним занятиям. Там, где муж жену допускал до управления домом, хозяйка держала с хозяином совет, что делать в предстоящий день, заказывала кушанье и задавала на целый день уроки в работах служанкам. В таких домах на хозяйке лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою пример служанкам, раньше всех вставать и других будить, позже всех ложиться: если служанка будит госпожу, это считалось не в похвалу госпоже. При такой деятельной жене муж ни о чем не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дело лучше тех, которые работали по ее приказанию: и кушанье сварить, и кисель поставить, и белье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочники постлать, и таким своим уменьем внушала к себе уважение. Но не всех жен уделом была такая деятельная жизнь; большею частью жены знатных и богатых людей по воле мужьев вовсе не мешались в хозяйство; всем заведывали дворецкий и ключник из холопов. Такого рода хозяйки после утреннего моления отправлялись в свои покои и садились за шитье и вышивание золотом и шелками со своими прислужницами; даже кушанье к обеду заказывал сам хозяин ключнику...

После всех домашних распоряжений хозяин приступал к своим обычным занятиям: купец отправлялся в лавку, ремесленник брался

за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказные избы, а бояре в Москве стекались к царю и занимались делами. Приступая к началу дневного занятия, будь то приказное писательство или черная работа, русский считал приличным вымыть руки, сделать пред образом три крестных знамения с земными поклонами, а если предстоит случай или возможность, принять благословение священника.

В десять часов по нашему счету... служились обедни.

В полдень наступало время обеда. Холостые лавочники, парни из простонародья, холопы, приезжие в городах и посадах наполняли харчевни: люди домовитые садились за стол дома или у приятелей в гостях. Цари и знатные люди, живя в особых покоях в своих дворах, обедали отдельно от прочих членов семь.и: жены с детьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дети боярские, посадские и крестьяне — хозяева оседлые ели вместе с женами и с прочими членами семьи; иногда семейные члены, составлявшие со своими семьями одно семейство с хозяином, обедали от него и особо; во время же званых обедов особы женского пола никогда не обедали там, где сидел хозяин с гостями. Стол накрывался скатертью, но не всегда это соблюдалось: очень часто люди незнатные обедали без скатерти и ставили на голый стол соль, уксус, перец и клали ломтями хлеб. Двое домашних служебных чинов заведывали порядком обеда в зажиточном доме: ключник и дворецкий. Ключник находился в доварне при отпуске кушаний, дворецкий— при столе и при поставце с посудой, стоявшей всегда против стола в'столовой. Несколько слуг носили кушанья из поварни; ключник и дворецкий, принимая их, разрезали на куски, отведывали и тогда уже отдавали слугам ставить пред господином и сидевшими за столом...

После обычного обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный и освященный народным уважением обычай. Спали, пообедавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворив свои лавки;

уличная чернь отдыхала на улицах. Не спать или по крайней мере не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от обычаев предков...
Вставши от послеобеденного сна, русские опять принимались за обычные занятия. Цари ходили к вечерне, а часов с шести вечера по нашему счету предавались уже забавам и беседам.
Впрочем, смотря по важности дела, иногда бояре собирались во дворец и вечером, сидели там заделами часов около трех... Вечер в домашнем быту был временем развлечений; зимою собирались друг к другу родные и приятели в домах, а летом в палатках, которые нарочно раскидывались перед домами. Русские всегда ужинали, а после ужина благочестивый хозяин отправлял вечернее моление. Снова затепливались лампады, зажигались свечи перед образами; домочадцы и прислуга собирались на моление. После такого молитвословия считалось уже непозволительным есть и пить: все скоро ложились спать...
896
Русские вообще ходили в баню очень часто; она была первою потребностью в домашней жизни, как для чистоплотности, так и для какого-то наслаждения. Почти в каждом зажиточном доме была с^оя мыльня, как уже сказано об этом; сверх того для простонародья и Для приезжих всегда по городам существовали общественные, или Царские, мыльни, где за вход платили деньги, составлявшие во всем государстве ветвь царских доходов.... Каждогодно собиралось таким образом до двух тысяч рублей со всех мылен, находившихся в ведомстве Конюшенного дворца. Мыльни вообще топились каждую неделю один, а иногда и два раза. В летние жары запрещалось их топить в предупреждение пожаров, с некоторыми исключениями для больных и родильниц, по воле воевод... Баня для русского была такою необходимостью, что по поводу запрещения топить их жители грозили правительству разбрестись врозь из своих домов.
Обыкновенно ходили в мыльню после обеда, не страшась от этого вредных последствий. Жар был нестерпимый. На скамьях и полках постилалось сено, которое покрывали полотном. Русский ложился на него и, приказывал себя бить до усталости, потом выбегал на воздух и бросался летом в озеро или реку, подле которых обыкновенно строились мыльни, а зимой катался по снегу или обливался холодною водою на морозе. Всегда, кто ходил в мыльню, тот и парился: это было всеобщим обычаем.
В общественных мыльнях было два отделения, мужское и женское; они отделялись одно от другого перегородками, но вход и в то, и в другое был один; и мужчины, и женщины, входя и выходя в одну дверь, встречались друг с другом нагишом, закрьша-,лись вениками и без особенного замешательства разговаривали между собою, а иногда разом выбегали из мыльни и вместе катались по снегу. В более отдаленную старину было в обычае и мужчинам, и женщинам мыться в одной мыльне, и даже чернецы и черницы мылись и парились вместе.
(Костомаров Н.И. Русские нравы. С. 79—84)
Семейные нравы Все иностранцы поражались избытком домашнего деспотизма мужа над женою. В Москве, замечает один путешественник, никто не унизится, чтоб преклонить колено пред женщиною и воскурить пред нею фимиам. По законам приличия, порожденным византийским аскетизмом и глубокою татарскою ревностью, считалось предосудительным даже вести с женщиною разговор. Вообще женщина считалась существом ниже мужчины и в некоторых отношениях нечистым; таким образом, женщине не дозволялось резать животное: полагали, что мясо его не будет тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухам. В известные дни женщина считалась недостойною, чтоб с нею вместе есть.
897
\ В одном старинном поучении так отзываются о прекрасном поле: «Что есть жена? сеть утворена прелыцающи человека во властех, светлым лицем убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, делы убивающи, многы бы уязвивши низложи, темже в доброти женстей мнози прельщаются и от того любы яко огнь возгорается... Что есть жена? святым обложница, покоище змиино, диавол увет, без увета болезнь, поднечающая сковрада, спасаемым соблазн, безисцельная злоба, купница бесовская». Русская женщина была постоянною невольницею с детства до гроба. В крестьянском быту, хотя она находилась под гнетом тяжелых работ, хотя на нее, как на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднее, но по крайней мере не держали взаперти. У казаков женщины пользовались сравнительно большею свободой; жены казаков были их помощницами и даже ходили с ними в походы. У знатных и зажиточных людей Московского государства женский пол находился взаперти, как в мусульманских гаремах. Девиц содержали в уединении, укрывая от человеческих взоров; до замужества мужчина должен быть им совершенно неизвестен; не в нравах народа было, чтоб юноша высказал девушке свои чувства или испрашивал лично ее согласия на брак. Самые благочестивые люди были того мнения, что родителям следует бить почаще девиц, чтобы они не утратили своего девства. Чем знатнее был род, к которому принадлежала девица, тем более строгости ожидало ее: царевны были самые несчастные из русских девиц; погребенные в своих

теремах, не смея показываться на свет, без надежды когда-нибудь иметь право любить и выйти замуж, они, по выражению, Котошихина, день и ночь всегда в молитве пребывали и лица свои умывали слезами. При отдаче замуж девицу не спрашивали о желании; она сама не знала, за кого идет, не видела своего жениха до замужества, когда ее передавали в новое рабство. Сделавшись женою, она не смела никуда выйти из дома без позволения мужа, даже если шла в церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не предоставлялось права свободного знакомства по сердцу и нраву, а если дозволялось некоторого рода обращение с теми, с кем мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставления и замечания: что говорить, о чем умолчать, что спросить, чего не слышать. В домашнем быту ей не давали права хозяйства, как уже сказано. Ревнивый муж приставлял к ней шпионов из служанок и холопов, а те, желая подделаться в милость господину, нередко перетолковывали ему все в другую сторону каждый шаг своей госпожи. Выезжала ли она в церковь или в гости, неотступные стражи следили за каждым ее движением и обо всем передавали мужу. Очень часто случалось, что муж по наговору любимого холопа или женщины бил свою жену из одного только подозрения.

(Костомаров Н.И. Русские нравы. С. 87—89)

898

Наказ мужу, и Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и дойо-жене, и работни- чадцам — не красть, не блудить, не лгать, не клёве-кам, и детям, как тать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на подобает жить чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовию принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд, — все вместе по делам своим примут; зло сотворившие — муку вечную, а добро сотворившие, угодно богу прожившие, — жизнь вечную получат в царствии небесном.

(Домострой. С. 93)

О неправедной А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чи-жизни нит всякую неправду и насилие, и обиду наносит

большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекосил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище и всякие ловчие угодья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села или сады, или дворы и всякие угодья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или корчемной прибылью, или процентами, и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве, — сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбраняют

899

им и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них, — обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к богу. И своей душе на погибель, и дому в запустение, и все проклято, а не благословлено: и владеть, и есть, и пить — то все прибыли и доходы не от бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное и впредь обещай обиженному не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже

страшные грехи прощает»...
Но если слову жены, или сына, или дочери слуга не внимает, и наставление отвергает, и не послушается, и не боится их, и не делает того, чему муж, или отец, или мать учат, тогда плетью постегать, по вине смотря, а побить не перед людьми, наедине поучить, да приговаривать, и попенять, и простить, но никогда не гневаться ни жене на мужа, ни мужу на жену. И за любую вину ни по уху, ни по глазам не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колоть, ничем железным или деревянным не бить; кто в сердцах или с кручины так бьет, многие беды от того бывают: слепота и глухота, и руку и ногу вывихнут и палец, могут быть и головные боли, и выпадение зубов, а у беременных женщин и преждевременные роды. Плетью же в наказании осторожно бить, и разумно и больно, и страшно и здорово, но лишь за большую вину и под сердитую руку, за великое и за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях, рубашку содрав, плеткой тихонько побить, за руки держа и по вине смотря, да, поучив, попенять: «А и гнев бы не был, и люди бы того не ведали и не слыхали, жалобы бы о том не было». Да никогда бы не были брань и побои и гнев на ссору слуг или их наговор без справедливого следствия, и если были оскорбления или нехорошие речи или свои подозрения, — виновного наедине допросить по-хорошему: покается искренне, без всякого лукавства— милостиво наказать да простить, по вине смотря; но если оговоренный не виноват, оговорщиков уж не прощать, чтобы и впредь распрей не было, да и судить лишь по вине и по справедливому розыску; если же виновный не признается в грехе своем и в вине, тут уже наказание должно быть жестокое, чтобы был виноватый в своей вине, а правый в правоте: повинную голову меч не сечет, а покорное слово кость ломит...
• *(Домострой. С. 101-123)*

Литература

Гаврюшин Н.К. Древнерусский трактат «О человеческом естестве» // Естественно-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988.
900
Домострой // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985.
Житие Феодосия Печерского// Повести Древней Руси. XI—XII века. Л.: Лениздат, 1983.
Звонарева Л.У. Натурфилософские представления Симеона Полоцкого//Естественно-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988.
Измарагд // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985.
Икона Владимирской Божией Матери // Московский патерик. М.: Столица, 1991.
Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры: Развитие традиций. М.: Искусство, 1990.
Костомаров Н.И. Русские нравы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995.
Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы: В 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987.
Повесть временных лет// Повести Древней Руси. XI—XII века. Л.: Лениздат, 1983.
Повесть о споре жизни и смерти // Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985.
Преподобный Сергий, Радонежский чудотворец // Московский патерик. М.: Столица, 1991.
Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу//Повести Древней Руси. XI-XII века. Л.: Лениздат, 1983.
Трубецкой Евгений. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи (1916)// Философия русского религиозного искусства. XVI—XX вв. Антология. М.: Прогресс—Культура, 1993.
Экономцев ИМ. Православие, Византия, Россия. М.: Христианская литература, 1992.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Исторический очерк Хотя на протяжении всего XVII в. шли медленные преобразования, формирующие культуру Нового Времени, но

> явно обозначенным рубежом новой эпохи являются Петровские реформы, которые не только сделали особо заметным этот процесс, но и существенно ускорили его. Начало данного периода естественно датировать рубежом XVII—XVIII вв., а конец — Октябрьской революцией 1917 г,; этот период можно назвать эпохой Российской империи. На территории империи проживали десятки народов и народностей, каждый из которых имел свою самобытную культуру. К сожалению, за неимением места невозможно даже кратко охарактеризовать здесь хотя бы некоторые из них. В данном разделе речь пойдет исключительно о русской культуре — и дело не в том, что русские (великороссы) были ведущей нацией по количеству, а скорее в том, что русская культура — наиболее яркая, мощная и, наконец, господствующая в Российской империи. Данная Хрестоматия создана в первую очередь для граждан России, и автор-составитель надеется на основательное знакомство читателей с русской культурой этого периода. Те же, кто хочет приобрести или пополнить свои знания в данной области, легко могут это сделать в силу широкой доступности большого количества книг и статей по этой проблеме. Поэтому цель этого раздела (в отличие от всех предшествующих) состоит скорее в том, чтобы дать справочный материал, позволяющий читателю сопоставить процессы развития мировой и отечественной культуры в данный период. Поэтому во многих разделах вообще не приводятся никакие оригинальные тексты.

В XVIII в. Россия становится могущественным государством, одним из сильнейших в Европе. Россия ведет победоносные войны с Турцией и Швецией, к территории страны присоединяются придунайские, донские и причерноморские земли и т.п. В России устанавливается абсолютная монархия. В конце XVIII в. получают распространение идеи Просвещения, которые, в частности, нашли поддержку у Екатерины II, претендовавшей на звание просвещенной государыни. В библиотеках многих дворянских семей имелась знаменитая «Энциклопедия», издаваемая Дидро и Д'Аламбером. Но после начала Великой французской революции отношение к просветителям и идеям Просвещения резко изменилось: были осознаны их опасность, их революционный потенциал.

902

Важнейшим событием начала XIX в. стала война с Наполеоном (1812 г.). Она способствовала подъему национального самосознания во всех слоях русского народа, а на офицеров русской армии, участвовавших в освобождении Европы от захватчиков, она оказала еще и особое влияние: показала им процесс и результат ломки феодально-абсолютистского строя в Европе. Все это стало важным стимулом для развития движения декабристов. Поражение Восстания декабристов в 1825 г. привело к господству реакции на протяжении всего царствования Николая I (1825—1855 гг.). В этот же период формируются официальные лозунги русской культуры: «Православие. Самодержавие. Народность.» Во второй половине XIX в. в политической жизни большую роль играет борьба за освобождение славян от турецкого ига.

Поражение в Крымской войне (1853—1856 гг.) и приход к власти Александра II (1855—1881 гг.) положили начало реформам в России, важнейшей из которых стала отмена в 1861 г. крепостного права. XIX век и особенно вторая его половина были временем широкого развития различного рода революционных движений. И Александр II — «царь-освободитель» становится жертвой покушения народовольцев.

Важнейшим политическим событием начала XX в. была русско-японская война (1904—1905 гг.), окончившаяся поражением России и ставшая одной из причин Первой русской революции 1905 г. Участие России в первой мировой войне (1914—1918 гг.) в свою очередь стало одной из причин сначала Февральской, а затем и Октябрйжой революции 1917 г.

Характерной особенностью российской культуры Нового времени стал ее по преимуществу светский характер, а также активное взаимодействие с культурами других народов. С XIX в. русская культура занимает важное место в мировой культуре и оказывает на последнюю серьезное влияние: прежде всего в литературе, музыке, балете, живописи.

Государство и право

В XVIII в. в России среди социально-политических идей важнейшее место занимает *обоснование абсолютизма,* во второй половине века широкое распространение получают идеи «просвещенного абсолютизма». Отсюда — сама направленность общественно-политической мысли, стремление «учить царствовать монарха» (Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и др.). В то же время А.Н. Радищев утверждал, что самодержавие есть «наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

В начале царствования Александра 1(1801—1825 гг.) вокруг молодого царя складывается кружок либерально мыслящих людей (получивший название «Негласный комитет» и ироническое прозвище «якобинская шайка»), составивших и реализовавших ряд реформаторско-конституционных проектов; виднейший представитель его — ММ. Сперанский (1772—1839 гг.).

Социально-политические идеи разрабатываются декабристами, часть из которых была сторонниками конституционной монархии, другие же — сторонники республиканской формы правления. В 30-40-е годы XIX в. сложились два основных течения в общественной и политической мысли: *славянофильство* и *западничество.* Виднейшими представителями славянофильства

903

были А.С. Хомяков (1804-1860 гг.), И.В. Киреевский (1806-1856 гг.), К.С. Ак-саков(1823-1886 гг.), западничества - К.Д. Кавелин (1818-1885 гг.), на стороне западников были и В.Г. Белинский (1811-1848 гг.), А.И. Герцен (1812-1870 гг.), Н.П. Огарев (1813-1877 гг.), Т.Н. Грановский (1813-1855 гг.), П.В. Анненков (1813—1887 гг.) и др. И славянофилы, и западники были противниками крепостного права, но по-разному

видели и оценивали судьбу России. Западники в общем считали, что Россия идет по тому же пути, что и Запад, но только несколько отстает; славянофилы же придерживались мнения, что у России свой собственный путь развития, связанный с коллективистским началом русского народа (община в деревне, артель у ремесленников).

Во второй половине XIX в. в России появляется и распространяется *анархизм* — учение, отрицающее необходимость государства и призывающее к его уничтожению. Виднейшими теоретиками анархизма были М.А. Бакунин (1814-1876 гг.) и П.А. Кропоткин (1842-1921 гг.).

В конце XIX — начале XX в., в связи с общим распространением марксизма в России, обретает популярность и марксистское учение о государстве, согласно которому после победы социалистической революции государство должно постепенно отмереть.

Аксаков о поло- Современное состояние России представляет внут-жении в России ренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отдалилось от народа и стало ему чужым. И народы и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. Не только не спрашивается мнения народа, но всякий честный человек опасается говорить свое мнение. Народ не имеет доверенности к правительству; правительство не имеет доверенности к народу. Народ в каждом действии правительства готов видеть новое угнетение; правительство постоянно опасается революции и в каждом самостоятельном выражении мнения готово видеть бунт... Правительство и народ не понимают друг друга, и отношения их не дружественны. И на этом-то внутреннем разладе, как дурная трава, выросла непомерная, бессовестная лесть, уверяющая во всеобщем благоденствии, обращающая почтение к царю в идолопоклонство, воздающая ему, как идолу, божескую честь.

(Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России. С.110)

Бакунин об обще- Бунт индивида против общества по трудности от-**стве и государстве** личается от его бунта против государства. Государство есть исторически преходящее учреждение, временная форма общества, как сама церковь, младшим братом которой оно является... Общество одновременно и предшествует и переживает всякого человеческого индивида, как сама природа. Оно вечно, как природа, или, скорее, рожденное на земле, оно продлится, пока будет существовать наша земля. Коренной бунт против общества был бы, следовательно, так же невозможен для человека, как и бунт против

904

природы, ибо человеческое общество есть в общем не что иное, как последнее великое проявление или создание природы на нашей земле...

Не так обстоит дело с государством. И я не колеблюсь сказать, что государство есть зло, но зло, исторически необходимое... Государство вовсе не однозначаще с обществом, оно есть лишь историческая форма, столь же грубая, как и отвлеченная. Оно исторически возникло во всех странах от союза насилия, опустошения и грабежа...

Бунт против государства гораздо легче, потому что в самой природе государства есть нечто провоцирующее на бунт. Государство — это власть, это — сила, это — хвастовство и самовлюбленность силы.

(Бакунин МЛ. Социология. С.360)

Религия и церковь

Русская православная церковь неодобрительно отнеслась к петровским реформам, поэтому, чтобы взять церковь под больший государственный контроль, Петр I в 1721 г. своим указом ликвидирует патриаршество, а во главе церкви ставит Святейший Синод, состоящий как из священников, так и из светских чиновников. Возглавляет Синод обер-прокурор — светский чиновник. В дальнейшем, на протяжении всего рассматриваемого периода, церковь находится под жестким контролем государства.

В XVIII в. в Россию проникает масонство (примерно с 1730 г.), в 1822 г. распоряжением правительства масонские ложи были закрыты, но неофициально существовали даже и в XX в.

В правление Павла I (1796—1801 гг.) в России была разрешена деятельность ордена иезуитов, стремившегося к распространению католицизма в России (запрещена в 1820 г.). Павел дал в стране убежище мальтийским рыцарям и сам принял пост главы ордена.

В правление Александра I правительство придерживалось принципа конфессиональной веротерпимости. Но после восстания декабристов (причину которого усматривали в «зараженности» западными идеями) правительство Николая I занимает более жесткую позицию по отношению ко всем конфессиям, кроме православия, которое признается единственно верным и господствующим вероучением.

Философия

В XVIII в. зарождается русская философия. К первым русским философам можно отнести Григория Сковороду (1722—1794 гг.), М.В. Ломоносова (1711-1765 гг.), А.Н. Радищева (1749-1802 гг.). В начале XIX в. в области философии работают П.Я. Чаадаев (17Э4—1856 гг.), декабристы, затем — славянофилы и

западники. Вторая половина XJX в. и начало XX в. стали временем бурного и плодотворного развития философии в России. Идеи материа-
905
лизма и позитивизма развивают Н.Г. Чернышевский (1828—1889 гг.), Н.К. Михайловский (1842-1904 гг.), П.Л. Лавров (1823-1900 гг.) и др.; идеи марксизма - Г.В. Плеханов (1856-1918 гг.), В.И. Ленин (1870-1924 гг.). Но особенно интересной и оригинальной является русская идеалистическая философия. Это и религиозно-философские учения великих русских писателей Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, и «философия общего дела» Н.Н. Федорова (1828—1903 гг.), давшая начало идеям русского космизма, но самой крупной фигурой русской философии является В.С. Соловьев (1853—1900 гг.). Он не только оказался основоположником школы и целого течения философии — «софиологии», но оказал большое влияние на русскую культуру начала XX в. в целом, в частности на такое его течение, как символизм.

О Владимире Соловьеве Владимир Соловьев родился 16 января 1853 г. в Москве в семье знаменитого русского историка и профессора Московского университета С. Соловьева. Дед В. Соловьева, горячо веривший в бога, был священником, добрым человеком и подлинным христианином. Однажды он подвел восьмилетнего Володю к алтарю и в искренней молитве благословил его на служение богу.

,

По совету своего отца семилетний Владимир начал чтение житий святых. Религиозное чувство Соловьева было очень сильным. Еще мальчиком он совершал аскетические поступки. Мать часто находила его спящим без одеяла в зимнее время. Этим Соловьев хотел победить плоть.

Склонность к поэзии проявилась у Соловьева еще в детстве. Он наизусть знал много песен и стихотворений русских поэтов, интересовался народным творчеством.- Он любил бывать в среде крестьян, кучеров и странников. В Соловьеве было сильно развито мистическое отношение к природе... Иногда юный Соловьев видел вещие сны и видения...

Тринадцатилетний Соловьев пережил религиозный кризис. Кризис начался в 1866г. и окончился в 1871 г. Соловьев выбросил в сад иконы и стал страстным последователем материалиста Бюхнера и нигилиста Писарева. Социализм и даже коммунизм стали его социальными идеалами. Соловьев преодолел эту упрощенную философию благодаря чтению Спинозы, Фейербаха и Дж.С. Милля, раскрывших ему всю несостоятельность материализма. После чтения Спинозы Соловьёв обратился к Шопенгауэру и Гартману, а затем к Шеллингу и Гегелю. Только после изучения сочинений этих мыслителей Соловьев создал свою собственную философскую систему.

Одновременно в этот период жизни (1869—1873) Соловьев изучал естественные науки, историю-и филологию в Московском университете. После окончания университета Соловьев в течение года учился в Московской духовной академии.

Первой значительной работой Соловьева была магистерская диссертация «Кризис западной философии (против позитивистов)», которую он защищал в 1874 г. Во вступительном слове перед защитой
906
диссертации Соловьев заявил, что неверие в бога опустошает душу человека и доводит его до самоубийства. Несомненно, что все это пережил сам Соловьев. После преодоления религиозного кризиса Соловьев писал, что рациональная философия — темнота, «смерть при жизни», но что «темнота» обусловливает начало понимания жизни, ибо, сознавая свое «ничтожество», человек приходит к мысли — «бог есть все». Человек получает ответ на свои вопросы лишь в христианском учении, твердыня которого существующий бог, а не абстрактные заключения разума.

Для изучения «индийской гностической и средневековой философии», проблем Софии, а также для завершения своих исследований Соловьев побывал в Лондоне, где работал в Британском музее... Во второй раз видение явилось Соловьеву в Лондоне. Оно не было полным. Эта незаконченность не удовлетворила его. В то время как он размышлял над видением и страстно желал его повторения, внутренний голос сказал ему: «В Египте будь!»

Прервав работу в Лондоне, Соловьев спешит в Египет. Приехав в Каир, он остановился в одном из отелей. Однажды вечером Соловьев был уже на пути к Фиваиде. Он отправился туда пешком в европейском платье (цилиндре и пальто) и без провизии. В пустыне, в 12 милях от города, Соловьев повстречал бедуинов. Сначала кочевники испугались, приняв его за дьявола. Оправившись от испуга, они, по-видимому, ограбили странника и скрылись. Была ночь. Выли

шакалы. Соловьев ничком лежал на земле. В стихотворении «Три свидания» он рассказывает о случившемся на рассвете:

Что есть, что было, что грядет вовеки — Все обнял тут один недвижный взор... Синеют подо мной моря и реки, И дальний лес, и выси снежных гор. Все видел я, и все одно лишь было, — Один лишь образ женской красоты... Безмерное в его размер входило, — Передо мной, во мне — одна лишь ты.

По общему мнению, философскую систему Соловьева следует назвать философией вечной женственности.

В 1880 г. в Петербургском университете Соловьев защитил диссертацию «Критика отвлеченных начал» и получил степень доктора философских наук. Однако профессорская деятельность Соловьева была весьма кратковременной. До осени 1881 г. он преподавал в Московском и Петербургском университетах и на Высших женских курсах. В марте 1881 г., после убийства Александра II, Соловьев прочитал в Петербурге публичную лекцию, закончившуюся смелым призывом к царю простить убийц своего отца во имя высшей правды и не приговаривать

907

их к смертной казни. Сказанное Соловьевым поставило его в неудобное положение по отношению к официальным сферам. Он счел необходимым подать в отставку и оставить службу в Ученом комитете при Министерстве народного просвещения. Министр, принимая его отставку, заявил: «Я этого не требовал»...

В 80-х годах Соловьев особенно интересовался проблемой воссоединения церквей... Католики полагали, что Соловьев отошел от православия и примкнул к римско-католической церкви. В действительности Соловьев никогда не порывал с православием. Он был убежден, что западная и восточная церкви тесно связаны нерушимыми мистическими узами, несмотря на внешний разрыв...

Подробная биография Соловьева все еще является делом будущего. Такая биография необходима, ибо Соловьев был великим философом. Она будет ценной, потому что он был исключительной личностью и, несомненно, находился в соприкосновении с высшим миром...

Изнуренный вид Соловьева говорил о его крайне беспорядочном образе жизни. Он не был женат и не имел постоянного жилья. У него не было никакого режима для сна, работы, питания. Будучи постоянно в разъездах, Соловьев жил то в какой-либо гостинице в Петербурге, то в имении своих друзей, то где-либо в пансионе на берегах озер Иматры или Саймы в Финляндии...

К материальной стороне жизни и деньгам Соловьев относился крайне пренебрежительно. Заработанные деньги он раздавал, не задумываясь, всем, кто у него просил. Если не было достаточно денег, то Соловьев раздавал свои вещи...

Великодушие Соловьева не обходило животных и птиц. Они, казалось, чувствовали его любовь ко всему живущему. В Петербурге Соловьев часто останавливался в одной из гостиниц. Едва он успевал туда приехать, как к окну его комнаты уже слеталась стая голубей.

У него были близкие друзья и знакомые из всех слоев народа. Глубина мысли, широта интересов, огромная эрудиция и особенно остроумие, столь характерные для Соловьева, влекли к нему людей всех классов...

Основным делом жизни Соловьева стало создание христианской православной философии, раскрывающей богатство и жизненную силу основных догматов христианства, которые в умах многих людей превратились в мертвую букву, оторванную от жизни и философии. Он указал на огромное значение этих догматов как философских основ естествознания, как руководства нравственной жизни личности и как отправного пункта для разработки идеала христианской политики. Теоретические изыскания Соловьева всегда преследовали практические цели: совершенствование мира, преодоление себялюбия, осуществление христианских идеалов любви к ближнему, достижение абсолютных ценностей.

(Лосский Н. О. История русской философии. С. 111—127)

908

Наука и техника

Петровские реформы в значительной степени способствовали развитию науки и техники в России. По указам Петра I в России создаются Российская Академия наук, ряд светских школ, в которых преподавались естественные науки, из Европы приглашается большое количество ученых. Начинается активная работа как в сфере теоретических, так и в сфере прикладных наук. У истоков развития науки в России стоял М.В. Ломоносов. На основе научных знаний развивается и техника, в первую очередь она нашла применение в горнорудном деле и на мануфактурах. Гениальный самоучка И.И. Ползунов (1728—1766 гг.) создал паровую машину в 1765 г., другой — И.П. Кулибин (1735—1818 гг.) — множество оригинальных приборов. В 1815 г. по Неве поплыл первый

русский пароход, в 30-е годы крепостными механиками Е.А. и М.Е. Черепановыми был построен первый русский паровоз и железная дорога (на нижнетагильском заводе).
На протяжении всего рассматриваемого периода русскими учеными было совершено множество экспедиций по изучению географии, ботаники, природных ресурсов. Уже в 1745 г. выходит первый «Атлас Российской империи».
В XIX — начале XX в. российские ученые заняли достойное место в мировой науке. Достаточно только вспомнить разработку неэвклидовой геометрии Н.И. Лобачевским (1792—1856 гг.), открытие системы периодических элементов Д.И. Менделеевым (1834—1907 гг.), изобретение радио А.С. Поповым (1859—1905 гг.), создание первой электрической лампы («русский свет») и т.п.
В XVIII—XIX вв. получает развитие русская историческая наука, выходят в свет многотомные исследования по истории России: В.Н. Татищева (1686-1750 гг.), Н.М. Карамзина (1766-1826 гг.), В.О. Ключевского (1841-1911 гг.), С.М.Соловьева (1820-1879 гг.).

Книги и периодическая печать

В 1708—1710 гг. в России была проведена реформа азбуки и печати, появились гражданская азбука (упрощенный вариант кириллицы) и соответствующий ей новый типографский шрифт. Это способствовало не только развитию грамотности и книгопечатания, но также и отделению светской культуры от религиозной (для последней сохранились прежние азбука и шрифт). В XVIII в. издается большое количество учебников, справочников, словарей, руководств по различным наукам. Особое место среди них занимает «Арифметика» 1703 г. Л.Ф. Магницкого (1669-1739 гг.).
Первая русская газета — «Ведомости» — начала выходить с 1702 г., с 1708 г. начался регулярный выпуск календарей, содержащих разнообразную информацию из различных сфер деятельности. В Москве в 1705 г. была открыта первая гражданская типография.
В 1721 г. в России возникает официальная цензура, так как запрещается печатать книги и картинки без разрешения Синода.
Важную роль в развитии просвещения и науки в России сыграла университетская типография, которая была по сути дела первой вольной типогра-

фией в России. Здесь печатались учебники, труды ученых — как отечественные, так и переводные (в частности, сочинения западноевропейских просветителей), здесь же стал издаваться первый журнал для детей, первый естественно-научный журнал, первая неправительственная газета («Московские новости») и многое другое. В конце XVIII в. газеты и журналы издают во многих городах России. Периодика и публицистика начинают играть важную роль в русской культуре.
Особая роль в развитии просвещения, издании и распространении книг в России на рубеже XVIII—XIX вв. принадлежит знаменитому русскому просветителю Н.И. Новикову (1744—1818 гг.), издателю сатирических журналов «Трутень» и «Живописец». Около трети всех печатных изданий, выходивших в России в 1779—1789 гг., были напечатаны в арендуемой им тогда типографии Московского университета.
Первая библиотека Нового времени была создана при Академии наук, затем появляются библиотеки при университетах, гимназиях и других учебных заведениях. В конце XVIII в. в ряде городов появились первые публичные библиотеки.
В 1814 г. была открыта первая государственная публичная библиотека в Санкт-Петербурге (в настоящее время — библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

Школа и обучение

Важнейшая мера, примененная Петром I для преобразования России, — создание слоя образованных людей. Для этого он начал посылать для учения за границей юношей из дворянских семей, а также приглашать учителей из-за границы. Следующим шагом стало создание системы светского образования в самой России. Первым таким учреждением стала открытая в Москве в 1701 г. Школа математических и навигацких наук, затем появляются школы Артиллерийская, Инженерная, Медицинская. В начале XVIII в. в ряде городов России появляются школы, по типу близкие к общеобразовательным. В соответствии с указами Петра I в светских школах в обязательном порядке должны были обучаться дворянские юноши (дворянин не имел права жениться, если у него не было аттестата об окончании школы), но в петровские времена в этих же школах обучались и дети других сословий (подьячих). Позднее эти школы стали чисто дворянскими. Для духовного сословия была создана своя система образования — епархиальные училища, и священник, не окончивший такого училища, не мог получить, приход.
В 1725 г. в Петербурге была создана Академия наук, при которой существовали университет и гимназия. Этот университет закончил, в частности, М.В. Ломоносов. В 1755 г. был основан Московский университет— по инициативе М.В. Ломоносова и при активной поддержке графа И.И. Шувалова, который стал первым куратором университета.
В середине и во второй половине XVIII в. в России возникает ряд специальных учебных заведений для дворян. Это шляхетский корпус (1731 г.), Морской Шляхетский корпус (1752 г.), Пажеский корпус (1759 г.). В 1764 г. в Петербурге был открыт Смольный институт благородных девиц (первое в

Европе светское учебное заведение для девушек дворянского происхождения), затем в ряде городов были открыты аналогичные институты, однако все они (кроме Смольного) пришли в упадок, когда во второй половине XIX в. возникла широкая-сеть гимназий. В 1779 г. на средства П.А. Демидова в Москве возникло Коммерческое училище. Особое значение в системе дворянского образования имели лицеи — закрытые учебные заведения университетского типа. Самым знаменитым из них был Царскосельский лицей, в

котором учился А.С. Пушкин.
Во второй половине XVIII в. в России складывается система общеобразовательной школы (двух- и четырехклассные училища). В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, образования юношества и распространения наук, которое выполняло функцию государственного руководства школами (гимназиями и училищами). Эта сложившаяся система образования претерпела некоторые изменения в пореформенный период, когда получили распространение земские школы и училища.
В XVIII—XIX вв. для дворянских семей было характерно домашнее образование.

Литература

В XVIII в. активно идут процессы, подготовившие бурное последующее развитие русской литературы. Середина века характеризуется повышенным интересом к античности, и переводы произведений древнегреческих и древнеримских авторов пользуются болыпо'й популярностью. Начал складываться новый литературный язык, появилась новая система стихосложения, в чем важную роль сыграл В.К. Тредиаковский (1703—1768 гг.); возникает «новая словесность». Важную роль в развитии русской культуры сыграло творчество И.А. Крылова; крупнейшим поэтом конца XVIII — начала XIX в. был Г.Р. Державин. Ведущим направлением в литературе этого времени был классицизм. Заметное место в литературе начала XIX в. заняли произведения Н.М. Карамзина, основоположника сентиментального романтизма; особенно прославилась его повесть «Бедная Лиза», а его «История государства российского» стала первым сочинением по истории России, заинтересовавшим широкую публику. В.А. Жуковский выступил как родоначальник романтизма, и романтизм как направление в литературе стал ведущим на протяжении большей части XIX в.
XIX в. часто называют «золотым веком русской поэзии» (или литературы в целом). В это время живут и творят такие поэты, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет (настоящая фамилия Шеншин), Ф.И. Тютчев, Н.М. Языков и многие другие. Творчество писателей Л.Н. Толстого, Ф.М. До^ стоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и других получают мировое признание.
Начало XX в. получило название «серебряного века русской поэзии», его представители — Александр Блок, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Анна Ахматова, Николай Гумилев, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Игорь Северянин, Владимир Маяковский и многие другие. В этот период получили распространение такие течения как декадентство, мо-

дернизм, символизм. Философско-религиозные искания нашли свое отражение в творчестве писателей В. Розанова, Д. Мережковского, признанным выразителем идей революционной борьбы стал М. Горький. В литературу приходят такие молодые писатели как И. Бунин, А. Куприн, В. Набоков и многие другие.
Русская литература XIX — начала XX вв. — это безусловно крупнейшее явление всей мировой литературы данного периода. Причем в отличие от, скажем, русской иконописи, которая получила мировое признание только спустя столетья после своего возникновения, творчество Л. Толстого, Ф. Достоевского и др. завоевало признание практически сразу и оказало серьезное влияние на дальнейшее развитие литературы во всем мире. Русская литература — явление удивительное не только по богатству идей, тонкому психологизму и человечности, но и по количеству выдающихся авторов, что делает практически невозможным ее адекватное представление на нескольких страницах хрестоматии. И так как вся эта литература доступна читателю, то ниже приводится только один фрагмент одного автора. Текст Ф.М. Достоевского выбран как образец философской прозы, где герои бьются над одним из «проклятых» вопросов человечества.

Из 4Легенды о «Легенда о Великом инквизиторе» — это рассказ Ивана **Великом инквизи-** Карамазова Алеше. Согласно «Легенде» в Испанию, где **торе» Ф.М. Дос-** царит инквизиция, приходит сам Иисус **тоевского** Христос. Он тихо и молча проходит по улицам, и его узнают. Он исцеляет больных и воскрешает умершую девочку. Но в этот момент мимо проходит Великий инквизитор, он видит совершившееся чудо и приказывает стражникам схватить Христа, и ночью он приходит в тюрьму к Христу. Он понял, кто перед ним, но говорит Христу, что завтра того сожгут на костре как злейшего из еретиков. И далее следует его речь, в которой он обвиняет Христа за то, что тот не дал людям счастья, которое им нужно, и поэтому им — небольшой группе людей (инквизиторов) — пришлось взять на себя ответственность за людей. Самое тяжелое для людей — свобода, поэтому именно ее в первую очередь они отняли у других людей и взвалили ее груз на себя.

Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хо-

912
ром, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести — все, все понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостию, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастия будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее «гадкое» тело. Но я тогда встану и укажу тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которою ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили подвиг твой. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру твоему» на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi»...

— Чем же кончается твоя поэма? — спросил (Алеша. — *Сост.)* вдруг, смотря в землю, — или уж она кончена?

— Я хотел ее кончить так: когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он ви-

913

дел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» И выпускает его на «темные стогна града». Пленник уходит.

— А старик?

— Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее.

(Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 236—239)

Театр и драматургия

В XVIII в. развитие русского театра продолжается, ведущую роль при этом играет придворный театр (драматический и оперно-балетный одновременно). Но наряду с ним существуют школьный и университетский театры, народный кукольный театр и театр «охочих комедиантов». В 1702 г. в Москве открылся первый государственный публичный театр, в котором играла сначала немецкая труппа, но она быстро пополнилась русскими актерами, которые здесь же проходили обучение. Спектакли шли на немецком языке и особого успеха не имели. В 1706 г. этот театр прекратил свое существование. В 1719 г. в Петербурге выступал еще один немецкий театр, но и он продержался недолго.

На базе театра «охочих комедиантов» и школьного театра возникает театр частных антреприз. Крупнейший из них был создан в Ярославле Ф.Г. Волковым (1728—1763 гг.), который стал первым профессиональным актером русской сцены. По приказу Елизаветы Петровны ярославцы прибыли в столицу и показали несколько пьес. Обнаруживших незаурядные способности актеров отправили на несколько лет в Шляхетный корпус для обучения театральному делу и другим наукам. После завершения из обучения в 1756 г. правительственным указом был создан «Русский публичный театр для представления трагедий и комедий». В

XVIII—XIX вв. театры возникают во многих городах России. Одним из своеобразных явлений русской культуры стали крепостные театры, некоторые из которых вполне успешно соперничали с императорской сценой.

Национальная русская драматургия в XVIII в. формируется под влиянием французского классицизма, ее виднейшие представители — А.П. Сумароков, М.В. Ломоносов, Д.И. Фонвизин. Ведущим направлением в этот период был *классицизм,* но после Отечественной войны 1812 г. на русской сцене начинают утверждаться *романтизм* и *критический реализм.* Важную роль в развитии русской драматургии сыграли комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» и трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов». Популярными драматургами того времени были В.А. Озеров, А.А. Шаховский, М.Н. Загоскин, свой вклад в развитие русской драматургии внесли декабристы — К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер, П.А. Катенин, А.А. Жандр и др.

914

Вторая половина XIX и начало XX в. характеризуются деятельностью великих русских драматургов А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толского, А.П. Чехова, А.М. Горького, А. Блока, Л. Андреева. В 1824 г. в Москве был открыт Малый театр, на его сцене выступали такие прославленные актеры, как П.С. Мочалов, М.С. Щепкин, М.Н. Ермолова. В 1832 г. в Петербурге был открыт Александрийский театр, который быстро занял положение ведущего театра столицы. В 1898 г. был открыт Московский художественный театр под руководством К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, деятельность которого создала особую эпоху в истории русского театра. К.С. Станиславский — создатель системы театрального искусства, получившей позднее мировое признание.

Балет

В 1738 г. в Петербурге была открыта первая русская танцевальная школа. Возглавлял ее преподаватель танцев Шляхетного корпуса — Ж.-Б. Ланде. В 1742 г. воспитанники этой школы показали первое самостоятельное представление. С 1756 г. начинается профессиональное обучение танцам при Московском университете, а с 1773 г. — при Воспитательном доме в Москве. Балетные классы при Воспитательном доме дали начало знаменитому хореографическом училищу, существующему до нашего времени; с 1805 г. эта балетная школа перешла на попечение казны и стала называться императорской (сейчас это «Московское академическое хореографическое училище»). Русский балет развивался и в крепостных театрах. Первыми учителями и балетмейстерами были в основном итальянцы и французы, но вскоре появились и русские; одним из первых стал Иван Иванович Вальберх (1788—1819 гг.), ставший во главе петербургской балетной школы. В 1801 г. в Петербург был приглашен известный французский балетмейстер Ш.Л. Дидло (1767—1837 гг.), и конфликт между ними затянулся на много лет. Впервые мировую известность русский балет получил благодаря деятельности Ш.Л. Дидло (в 1809 г. он все-таки признал заслуги И.И. Валь-берха). Ш.Л. Дидло воспитал целую плеяду выдающихся русских исполнителей, самой знаменитой из которых была А.И. Истомина.

О балете Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит; В райке нетерпеливо плещут, И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина; она, Одной ногой касаясь пола, Другою медленно кружит, И вдруг прыжок, и вдруг летит,

915

Летит, как пух от уст Эола; То стан совьет, то разовьет И быстрой ножкой ножку бьет.
(Пушкин А.С. Евгений Онегин. С.15)

О возникновении Мариус Петипа — а он больше чем кто бы то ни было **русского класси-** сделал балет искусством, которое, пусть в иных **ческого балета** формах, завоевало мир в XX веке, — в 1847 году приехал в Петербург танцевать. Но он смолоду испытывал склонность к сочинительству и так или иначе им занимался. Первое десятилетие его пребывания в России в петербургской труппе работал великий Жюль Перро, приобщивший наш балет к достижениям романтизма на Западе. Перро мечтал о романтической драме, о сложном взаимодействии драматических пластов танца... Петипа эти устремления были по душе, и позднее он показал, что многому научился у старшего собрата. Но как ни горько это говорить... петербургской публике... великий Перро скоро стал в тягость. Она ходила в балет развлекаться. В 1859 году Перро пришлось покинуть Петербург... А в Петербурге его место занял ловкий и одаренный мастер развлечений Ар-тюр Сен-Леон. Он развлекал петербургских балетоманов десять лет, пока тоже не надоел. А уж он-то всегда шел навстречу публике. И, угождая ей, растратил свой явно незаурядный талант. И Перро, и Сен-Леон, хоть совсем по-разному реагировали на вкусы публики, оказались ее жертвами. Ее победил Мариус Петипа, возглавивший петербургский балет после Сен-Леона на тридцать с лишним лет. Он прежде всего оказался мудрее своих предшественников в простом житейском смысле. Он сознавал связывающую по рукам и ногам зависимость от власть имущей публики, в которой находился. Он сознавал, что гордо отмахиваться от ее пожеланий, как великий Перро, и творить исключительно по своему побуждению и замыслу невозможно. Но он так же ясно сознавал, что

одним угодничеством от этой публики ничего не добьешься, только потеряешь себя. Мариус Петипа навсегда останется примером художника, постигшего, что такое свобода в оковах, и умевшего этой свободой пользоваться...

Публика хотела развлекаться, и Мариус Петипа развлекал ее, демонстрировал ей виртуозный танец. Только незаметно для публики он переменил лицо виртуозного танца, вернее, завершил те перемены, которые шли исподволь и до него. А перемены эти вели к обогащению и расширению единой унифицированной системы театрального танца. Набираясь виртуозного разнообразия, классический танец все больше и все эффективнее подчинял себе другие видь! танца. Входившие в балетный театр национальные и всякие иные его разновидности, связанные с какой-то конкретной жизнью, все более и более подчинялись нормам классического танца, стилизовались под него, усваивали его принципы

916

композиции, составляющие их движения так или иначе приближались к классическим. Даже экзотические танцы, китайские или японские, стали танцевать на пальцах, что ни японским, ни китайским танцам не свойственно. В самом же классическом танце все большее место занимал «стальной носок» — стремительные вращения на пальцах, бег на пальцах, внезапная и точная остановка на пальцах. Все эти приемы, наряду с прыжками, принесенными романтизмом, заполняли сцену.

Дело, однако, не сводилось к возрастающему разнообразию индивидуального танца... Петипа... широко пользовался танцем кордебалета, исполняемым всеми его участниками вместе. Но у него... все большее значение приобретал групповой, ансамблевый танец. Два солиста, три, а то и больше танцевали группой, потом танцевали по очереди каждый свой кусок, свою вариацию, и снова соединялись в общем танце. Женский танец в ту пору преобладал, что тоже способствовало унификации и единообразию танцевальной стихии, и балерина со своим танцем, своей вариацией составляла как бы центр всей текучей танцевальной картины. Ее вариация по установившимся нормам состояла из трех частей, последняя обычно совпадала по темпу с первой, а вторая, наоборот, отличалась от обеих. И вот внутри всех этих сольных, ансамблевых и общих танцев, исполняемых уже на весьма высоком уровне виртуозности, привлекавшей жаждущую развлечений публику, возникали содержательные внутренние переклички. Движения в разных танцах совпадали или отличались друг от друга, переклички и противопоставления в танцевальном потоке обретали эмоциональную осмысленность. Танцевальная труппа превращалась как бы в оркестр, исполнявший музыку для глаз, и эта музыка, подобно музыке для слуха, начинала образовывать целые картины чувства и настроения...

Именно музыка придала танцу способность быть вместилищем движущегося чувства. В этой связи обычно называют имя великого русского композитора Петра Ильича Чайковского, после которого роль музыки в балете и в самом деле возросла, и композитора даже стали считать самым главным автором балета. И впрямь, Чайковскому балет обязан бесконечно многим. И впрямь, Чайковский лучше других музыкантов увидел и понял возможности балетного театра как музыкального.

(Карп П. Младшая муза. С. 75—77)

«Дягилевские Сергей Дягилев не был ни танцовщиком, ни хоре-**вечера» в Париже** ографом, ни композитором, ни драматургом, ни художником, и, однако, если за пределами России спросить любого причастного к балету человека, кому балет XX века более всего обязан, имя Дягилева почти наверняка будет названо первым. Что же он такого сделал? И почему сделанное им, если уж заслуги его и впрямь так велики, не принесло ему на родине столь же бесспорного признания, как в остальном мире? Говоря вкратце, Дягилев

917

открыл Европе русский балет, он продемонстрировал, что покамест в европейских столицах, начиная с Парижа, куда он и стал привозить русских танцовщиков, балет приходил в упадок и погибал, в Петербурге он укрепился и стал искусством более значительным, чем можно было ожидать.

Великое здание, выстроенное Петипа, Ивановым и Чайковским, оставалось мало кому известным за пределами Петербурга и Москвы. Да и в русских столицах его замечал небольшой круг избранной публики, значительная часть которой ходила в театр, совершая обряд светской жизни... Труппа Дягилева... дома... свои спектакли практически не показывала. Да и выезд ее за границу свершился не потому, что Дягилев понял, что в русском балете произошли перемены, о которых всему человечеству необходимо узнать, что он сразу догадался, что в балете русское искусство добилось наибольшего и фактически уже заняло лидирующее положение, с которым ни одна

страна не могла в ту пору соперничать.
До ошеломляющего успеха русского балета в Париже в 1909 году ни сам Дягилев, ни кто-либо другой этого не понимал и даже не подозревал.
Сергей Павлович Дягилев в... 1898 году... начал вместе с художником Александром Бенуа издавать в Петербурге журнал «Мир искусства», вокруг которого группировалась часть нового поколения русских художников и деятелей других искусств... Дягилев руководил «Ежегодником императорских театров», превратив казенное издание в художественный журнал. Но устремления Дягилева показались не в меру вызывающими директору Волконскому и, тем более, всей казенной театральной системе, и он был уволен без права поступления на государственную службу. Теперь его неукротимая энергия направилась на пропаганду русского искусства за рубежом. Сперва он организовал в Париже выставку русского изобразительного искусства, начиная с иконописи. На следующий год познакомил парижан с русской музыкой. Еще через год показал им целиком оперу Мусоргского «Борис Годунов» с Шаляпиным в главной роли. На следующий год, это и был 1909-й, в программу гастролей наряду с оперой попали балетные сцены. И именно благодаря им дягилевские гастроли стали, наконец, событием культурной жизни Франции. О них спорили, но о них говорили все.
Так определилась вся дальнейшая деятельность Дягилева, с этих' пор посвятившего себя прежде всего балету.
Года три его балетная труппа все еще была временной и состояла по преимуществу из русских артистов, работавших у Дягилева во время отпуска. Потом она стала постоянным коллективом и существовала до смерти Дягилева в 1929 году. С Дягилевым труппа прожила двадцать лет, и след, ею оставленный, неизгладим. Но что именно сделал Дяги-

лев? Об этом спорят по сей день и не находят приемлемого для всех ответа. Слишком уж разные и враждебные друг другу течения находили себе приют в дягилевской труппе и растекались от нее. Блестящий организатор художественной жизни, Дягилев не столько насаждал собственные вкусы и устремления, весьма переменчивые, сколько проявлял удивительную чуткость к художественным вкусам публики. Вот он и подхватывал едва ли не все тенденции балета XX века, раз уж увидел, что именно балет публике по вкусу.
Уже в 1909 году, в первый, еще не полностью балетный, но именно благодаря балету прошедший с ошеломляющим успехом сезон, парижская публика была потрясена самой по себе дягилевской труппой. Виртуозные примы-балерины в Париже еще попадались, да и русская премьерша Кшесинская уже с успехом танцевала в парижской Опере. Но никто не предполагал столь высокого мастерства в массовых танцах, никто не предполагал столь высокого мастерства в мужских танцах — в Париже ни того ни другого давным-давно не было. Мы вправе поэтому считать успехи труппы Дягилева прямым следствием достижений академического балета, тем более что именно его возрождению на Западе труппа Дягилева в конечном счете более всего и способствовала. Но нельзя не видеть, что спектакли, которые Дягилев вез на Запад, были как раз прямым возражением тому, что делалось в Мариинском театре. Артисты и хореографы Дягилева пришли по преимуществу оттуда, но там они были, как правило, бунтарями, протестантами.
(Карп П. Младшая муза. С. 90-91)

Кино

До образования национальной российской кинематографии на отечественных экранах господствовала иностранная (в основном немецкая и французская) кинопродукция. Кинопроизводство существовало в следующем виде: показ иностранной проекции на ярмарках, съемка хроникальных сюжетов иностранными операторами и отечественными любителями, появление стационарных кинотеатров и возникновение системы проката фильмов.
Официальным годом рождения отечественного кино считается 1907, когда на экраны выходит фильм «Понизовая вольница» (реж. В. Ромашов). Фильм снимался на деньги русского предпринимателя А. Дранкова, русским режиссером и на русском историческом материале (на сюжет песни о С. Разине).
Следующей важной вехой в истории русского дореволюционного кинематографа стало создание в 1911 г. первого полнометражного фильма «Оборона Севастополя» (режиссер 3. Гончаров, продюсер А. Ханжонков).
К этому моменту сформировалась национальная кинопромышленность, произошло разделение кинопрофессий, сложилась система киножанров, наибольшее распространение из которых приобрели хроникально-документальные фильмы, салонные мелодрамы, экранизации отечественной литератур-

ной классики и «разумные» фильмы (прообраз научно-популярного кино). Среди выдающихся деятелей русского дореволюционного кино можно назвать: оператора А. Левицкого, режиссеров Е. Бауэра и Я.

Протазанова, «звезд» кино В. Холодную, И. Мозжухина, В. Полонского. Дореволюционный кинематограф России прославил также режиссер В. Старевич — изобретатель объемной мультипликации.

Из «Дневника Я неоднократно указывал, что кинематографиче-**Николая II»** ские балаганы — опасные заведения. Там негодяи
могут черт знает что натворить, благо, народ, говорят, толпами валит туда, чтобы смотреть всякую ерунду. Не знаю, что придумать против таких балаганов.
(Дневник Николая II, 1908 г.)

Музыка

Решающий перелом во всем укладе русской музыкальной жизни происходит в XVIII в.: получает преобладание светская музыка, вводятся современные формы профессиональной музыки — музыкальный театр, камерные и симфонические оркестры, развивается домашнее музицирование (на клавесине и других инструментах), реорганизуется военная музыка. В последней четверти XVIII в. формируется национальная композиторская школа, опирающаяся на народную песню. Комическая опера, лирический романс, вариации на русские темы — характерные жанры того времени...

Во второй четверти XIX в. русская музыка вступила в период бурного расцвета. Родоначальник русской классики М. Глинка поднял русскую музыку на уровень высших достижений современной ему отечественной и мировой культуры. Творчество Глинки сочетает глубокую реалистическую содержательность, народность языка и образов со стройностью формы, богатством и разнообразием выразительных средств. Основополагающее значение имели оперы, романсы, симфонические и камерные инструментальные произведения. Завоевания Глинки продолжил А. Даргомыжский, представитель критического реализма в музыке. Общественный подъем 50—60-х гг. дал мощный стимул росту национальной музыкальной культуры. Основанное А. Рубинштейном Русское музыкальное общество (1859) способствовало приобщению широких кругов слушателей к серьезной классической музыке. Создание консерваторий в Петербурге (1862) и в Москве (1866) положило начало систематической подготовке профессиональных музыкальных кадров. Большое значение имела деятельность критика и композитора А. Серова. Выразительницей идей демократического движения 60-х гг. в музыкальном творчестве явилась группа композиторов, известная под назва-
920
нием «Могучая кучка». Ее руководителем был М. Балакирев, идейным вдохновителем и пропагандистом - художественный критик В. Стасов, глашатаем идей - критик и композитор Ц. Кюи, наиболее яркими представителями - М. Мусоргский, А.Бородин и Н. Римский-Корсаков...

Одна из вершин реализма в русской и мировой музыке - многогранное творчество П. Чайковского... Общественные настроения, связанные с революционным подъемом в России начала XX в., преломились в поздних операх Римского-Корсакова, нашли своеобразное отражение и в музыке С. Рахманинова, А. Скрябина. В период между двумя русскими революциями творчество Скрябина приобретает символистскую окраску. В эти годы появляются первые новаторские произведения И. Стравинского.
(Штейнпресс В.С., Ямполъский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. С.447)

Архитектура и строительство

Основными стилями в архитектуре рассматриваемого периода были «русское барокко» - XVII-XVIII вв., затем - классицизм - конец XVIII - начало XIX в., в конце XIX в. появляются эклектика, модернизм, «неорусский
стиль».

Русское барокко В зодчестве, как и во всей русской культуре, признаки наступления нового времени можно заметить со второй четверти XVII в. К середине столетия перемены уже столь значительны, что можно говорить о переходном периоде...

Признаки переходности зодчество сохраняло... до 60-х гг. XVIII в. Таким образом, между средневековой русской архитектурой и архитектурой нового времени лежит более чем столетний переходный период, начало которого можно условно отнести к 1650-м гг. Столь длительный, он не мог быть однородным. Начало его не обозначено четко; примерно до 1680 г. уже заметные отличия от зодчества более раннего времени еще не позволяют определить общий характер наступающего периода. Далее, в 80-90-е гг. XVII в. и первые десятилетия XVIII в., признаки нового сложились в стилистическую систему, которую... (сначала называли. - *Сост.)* «русским барокко»; несколько позже... использовали прочнее привившийся термин «московское барокко», который имел более жесткое хронологическое ограничение (московское - подразумевалось «допетербургское», предшествовавшее времени активного вовлечения зодчества в сферу петровских реформ). В явлении этом отразилась историческая ситуация, влиявшая и на другие области художественной культуры: живопись, уже не сводившуюся к церковному искусству,

литературу, рождавшийся российский театр. «Русское
921
барокко» стало если не стилем времени, то его важнейшим художественным направлением...
В архитектуре 1630-1680 гг. еще невозможно не только выявить сложившуюся стилистическую систему, но и говорить о преобладании какого-то определенного, единого направления в формообразовании. Никогда еще не создавалось так много значительных каменных построек, и никогда строительная активность не захватывала так широко провинцию. Но, главное, никогда не возникало так много новых типов сооружений и новых приемов композиции. Почти каждое здание несло в себе что-то новое.
И все-таки за этой пестротой различимы устойчивые тенденции... Назовем эти тенденции. Первой и главной среди них была секуляризация архитектуры, становление в ней активного светского начала. К XVII в. окончательно определился тип русского народного жилища. На его основе складывался новый жанр — каменное жилое зодчество, специфика которого претворялась в особые формы и приемы композиции. С его появлением в кругу задач монументального культового зодчества обретала конкретность метафора «церковь — дом божий», популярная уже в посадском строительстве XVI в. Теперь ее воплощению могли служить ассоциации, возникавшие на всех уровнях композиционной системы — от пространственной структуры до декора. Элементы жилой архитектуры, переведенные в план метафоры, в культовом зодчестве развивались свободно и динамично, подчиненные поиску образной выразительности. Противопоставление духовного и светского, столь резкое в средневековом зодчестве, стиралось. Открылась возможность активного взаимодействия жанров, способствовавшая развитию зодчества. Тенденция эта отвечала общему направлению развития культуры.
Второй тенденцией была антинормативность, «живописность». XVI в. создал своеобразную и цельную систему общерусского зодчества, с развитой системой жанров и типов, с определившимся кругом форм и приемов художественного языка. На этой основе созданы произведения, относящиеся к высшим достижениям художественной культуры средневековья. Однако рамки системы были уже тесны для новых потребностей, нового восприятия мира... Антинормативность побуждалась стремлением сделать архитектурные образы более эмоциональными, отражающими крепнущее личностное начало человека, особые пристрастия заказчика и зодчего. Обусловленность выразительной формы конструкцией и функцией, потерявшая обязательность уже в XVI столетии, еще более ослабела.
Эти тенденции дополняла и третья — стремление к крайностям, к обострению выразительности форм, пластической и орнаментально-декоративной насыщенности композиций. Через нее прорывалась в зодчество «неистовость» характеров, свойственная эпохе. Вместе со
922
стремлением к антинормативности, живописности она вносила в русскую архитектуру барочную тональность. Подобная тенденция развивалась в западном барокко; там ее воплощение выливалось в трагическую напряженность, а иногда — истерическую взвинченность... Русской архитектуре XVII в. чужда эмоциональная окраска подобного рода. В ее образах преобладает жизнелюбие — иногда наивно-радостное, иногда полнокровное, энергичное. Тяготам реальности, памяти о подлинных трагедиях и разорениях, которыми был отмечен XVII в., противопоставлены идеальные образы «вертограда многоцветного», изобильного цветущего рая.
Новые средства для воплощения этих основных тенденций искали в двух источниках: во-первых, в народной традиции, которую подспудно питали древние земледельческие мифы, связанные с семантикой жилища и бытовых обрядов, прочно осевшие в памяти народа, во-вторых — в тех произведениях иноземной художественной культуры, которые казались отвечающими новым идеалам. В числе последних — орнаментально-декоративные мотивы немецкой, датской и особенно голландской архитектуры конца XVI — начала XVII в.; с ними знакомились по гравюрам и книгам (что-то, возможно, перенимали и у приезжих мастеров). Во второй половине столетия стало ощутимым влияние украинского и белорусского искусства. Большую роль сыграло, по-видимому, и новое прочтение наследия Алевиза Нового и Аристотеля Фьораванти.
(Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. С. 177—184)

Классицизм — Без видимой борьбы и полемики в России измени-**XVIII—XIX вв.** лись общественные вкусы. За пять — семь лет русское барокко как господствующий стиль было сменено классицизмом; конец 1750-х — еще время расцвета первого, середина 1760-х — уже начало широкого распространения второго. Барокко уходило, не дожив до стадии упадка, не растратив своего художественного потенциала. В 1761 г. еще достраивались такие его шедевры, как Зимний

дворец и Никольский собор в Петербурге, но уже развернулся конфликт вокруг столичного Гостиного двора. Купечество настояло на отстранении от этой работы Растрелли и передаче ее А.Ф. Кокоринову (1726-1772) и Ж.-Б. Валлен-Деламоту (1729-1800), которые первыми обратились к строгости нового стиля.

С утверждением классицизма не только сменились господствующие стили — в России окончательно утвердилось зодчество нового времени. Русское барокко оставалось явлением локальным. Классицизм был принят как система международной художественной культуры, в рамках которой развивался национальный вариант стиля. Растянувшаяся на столетия эпоха культурного одиночества русской архитектуры закончилась.

923

Среди причин, ускоривших утверждение классицизма в России, кроме увлечения образованного слоя российского дворянства рассудочными просветительскими утопиями были и причины практические, связанные с расширением круга задач зодчества. Развитие промышленности и рост городов вновь, как и в петровское время, вывели на первый план проблемы градостроительства и множившихся типов зданий, нужных для усложнявшейся городской жизни. Но для торговых рядов или присутственных мест неуместен жанр мажорно-праздничной архитектуры, за пределы которого барокко выйти не умело; великолепие дворца нельзя распространить на весь город. Художественный язык классицизма был, в отличие от барокко, универсален. Его можно было использовать и при сооружении импозантнейших дворцовых построек и для «обывательских» жилищ, вплоть до скромных деревянных домиков на окраинах.

Современники не почувствовали всей значительности рубежа. Перемены казались ограниченными прежде всего сферой вкусов и воспринимались как следствие их естественных сдвигов. Это объясняется и особым характером русского барокко, вплотную подошедшего к клас-сицистическому рационализму в построении структуры зданий — достаточно вспомнить простоту планов и тектоническую ясность построек Растрелли. Перемены в круге архитектурных форм затронули прежде всего декор. По-новому было осмыслено отношение здания к городскому пространству. Однако каких-то принципиально новых схем классицизм не предложил. Различным функциям по-прежнему служили немногие варианты простых планов, уже использовавшиеся русским барокко.

Важно было то, что вместе с новым стилем окончательно утвердились новые методы творчества. Гармонизация произведения архитектуры, его частей и целого осуществлялась уже не при «размерении основания» и не на строительных лесах (где сотрудники Растрелли по месту лепили или резали из дерева элементы декора), а в работе над проектным чертежом. Тем самым окончательно закреплялось разделение труда, сменившее былую «артельность». Замысел и разработка формы, несущей образ, стали делом одного архитектора, выступающего в роли автора...

Для архитектурной формы, во всех деталях предопределенной проектом, образцами служили уже не столько здания, сколько их изображения, аналоги проектного чертежа. Нормы классицизма были сведены в строгую систему. Все это вместе позволяло полно и точно осваивать стиль по чертежам и текстам теоретических трактатов, что было почти невозможно для барокко с его капризной индивидуалистично-стью. Классицизм поэтому легко распространился на провинцию. Он стал стилем не только монументальных сооружений, но и всей городской ткани. Последнее оказалось возможно потому, что классицизм со-

924

здал иерархию форм, позволившую подчинить его нормам любые сооружения, выражая при этом место каждого в социальной структуре.

(Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. С. 266—267)

Музеи

В русской культуре рассматриваемого периода важную роль играли коллекции и музеи. Во второй половине XIX — начале XX в. особенно активно идет процесс создания публичных музеев, в чем решающую роль сыграли меценаты (в основном из купеческой среды). Так, значительный вклад в развитие русской живописи внес знаменитый коллекционер П.М. Третьяков (1832— 1898 гг.), который в 1892 г. передал свое собрание картин русских художников Москве, заложив тем самым основы коллекции Третьяковской галереи. Другой крупнейший музей Москвы — в настоящее время называемый Музеем изобразительного искусства им. А.С. Пушкина — возник благодаря подвижнической деятельности Ивана Цветаева и пожертвованиям Нечаева-Мальцева. Отрывок из рассказа о создании этого музея приводится ниже.

Из книги Марины Цветаевой «Отец и его музей»

Звонили колокола по скончавшемуся императору Александру III, и в это же время отходила одна мос-ковская старушка. И,

слушая колокола, сказала:
«Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя». Состояние было небольшое: всего только двадцать тысяч. С этих-то двадцати старушкиных тысяч и начался музей». Вот в точности, слово в слово, постоянно, с детства мной слышанный рассказ моего отца, Ивана Владимировича Цветаева, о происхождении Музея изящных искусств имени императора Александра III.
Но мечта о музее началась раньше, намного раньше, в те времена, когда мой отец, сын бедного сельского священника села Талицы, Шуйского уезда, Владимирской губернии, откомандированный Киевским университетом за границу, двадцатишестилетним филологом впервые вступил ногой на римский камень. Но я ошибаюсь: в эту секунду создалось решение к бытию такого музея, мечта о музее началась, конечно, до Рима — еще в разливанных садах Киева, а может быть, еще и в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за лучиной изучал латынь и греческий. «Вот бы глазами взглянуть!»
Слово «музей» мы, дети, неизменно слышали в окружении имен: великий князь Сергей Александрович, Нечаев-Мальцев, Роман Иванович Клейн и еще Гусев-Хрустальный. Первое понятно, ибо великий князь был покровителем искусств, архитектор Клейн понятно тоже (он же строил драгомиловский мост через Москва-реку), но Нечаева-Мальцева и Гусева-Хрустального нужно объяснить. Нечаев-Мальцев был
925
крупнейший хрусталезаводчик в городе Гусеве, потому и ставшем Хрустальным. Не знаю почему, по непосредственной ли любви к искусству или просто «для души» и даже для ее спасения (сознание неправды денег в русской душе невытравимо), — во всяком случае, под неустанным и страстным воздействием моего отца ...Нечаев-Мальцев стал главным, широко говоря — единственным жертвователем музея, таким же его физическим создателем, как отец — духовным...
Нечаев-Мальцев в Москве не жил, и мы в раннем детстве его никогда не видели, зато постоянно слышали. Для нас Нечаев-Мальцев был почти что обиходом. «Телеграмма от Нечаева-Мальцева». «Завтракать с Нечаевым-Мальцевым». «Ехать к Нечаеву-Мальцеву в Петербург»...
— Что мне делать с Нечаевым-Мальцевым? — жаловался отец матери после каждого из таких завтраков. — Опять всякие пулярды и устрицы... Да я устриц в рот не беру, не говоря уже о всяких шабли. Ну, зачем мне, сыну сельского священника — устрицы? А заставляет, злодей, заставляет! «Нет уж, голубчик вы мой, соблаговолите!» Он, может быть, думает, что я — стесняюсь, что ли? Да какое стесняюсь, когда сердце разрывается от жалости: ведь на эту сторублевку — что можно для музея сделать! Из-за каждой дверной задвижки торгуется — что, да зачем — а на чрево свое, на этих негодных устриц ста рублей не жалеет. Выкинутые деньги! Что бы мне — на музей! И завтра с ним завтракать, и послезавтра, так на целые пять сотен и назавтрака-ем. Хоть бы мне мою долю на руки выдал! Ведь самое обидное, что я сам музей объедаю...
С течением времени принципом моего отца с Нечаевым-Мальцевым стало — ставить его перед готовым фактом, то есть счетом. Расчет был верный: счет — надо платить, предложение — нужно отказывать. Счет для делового человека — судьба. Счет — рок. Просьба — полная свобода воли и даже простор своеволию. Все расстояние от: «Нельзя же не» до: «Раз можно не». Это мой отец, самый непрактичный из неделовых людей, учел. Так Нечаев-Мальцев кормил моего отца трюфелями, а отец Нечаева-Мальцева — счетами. И всегда к концу завтрака, под то самое насильное шабли. «Человек ему — свой счет, а я свой, свои...» — «И что же» — «Ничего. Только помычал». Но когда мой отец, увлекшись и забывшись, события (конец завтрака и свершившийся факт заказа) опережал: «А хорошо бы нам, Юрий Степанович, выписать из-за границы...» — настороженный жертвователь, не дав договорить: «Не могу. Разорен. Рабочие... Что вы меня — вконец разорить хотите? Да это же какая-то прорва, наконец! Пусть государь дает, его же родителя — имени...» И чем меньше предполагалась затрата — тем окончательнее отказывался жертвователь. Так, некоторых пустяков он по старческому, и миллионщикову упорству не утвердил никогда. Но кргда в 1905 году его заводы стали, тем нанося ему несметные убытки, он ни рубля не урезал у музея. Нечаев-Мальцев на музей дал три мил-
926
лиона, покойный государь триста тысяч. Эти цифры помню достоверно. Музей Александра III есть четырнадцатилетний бессеребреный труд моего отца и три мальцевских, таких же бессребреных миллиона.^.
(Цветаева М. Отец и его музей. С. 7—12)

Изобразительное искусство

В начале XVIII в. ведущую роль в русской живописи играл портрет, который постепенно освобождался от условности и схематизма иконы, унаследованных парсуной. В эти годы в России работал ряд иностранных мастеров, но наиболее интересными являлись работы русских художников: А.М. Матвеева (1701-1739 гг.), И.Н. Никитина (1690-1741 гг.), А.П. Антропова (1716-1795 гг.) и И.П. Аргунова (1727—1802 гг.). Наиболее значительные достижения в скульптуре этого времени принадлежали К.Б. Растрелли (1675—1744 гг.). В 1757 г. по инициативе М.В. Ломоносова и при непосредственном участии И.И. Шувалова, который стал ее первым президентом, в Петербурге была создана Академия художеств, существующая до наших дней. Академия художеств стала крупнейшей школой профессионального мастерства в стране, она готовила живописцев, скульпторов, граверов и архитекторов.

Во второй половине XVIII в. особых успехов достигла историческая живопись, запечатление героических образов прошлого, и в особенности русской истории, было ее основной задачей, связанной с общим подъемом национального самосознания. В этот же период получает развитие бытовая и пейзажная живопись, подлинного расцвета достигает портретная живопись, особенно в творчестве Ф.С. Рокотова (1735-1808 гг.), Д.Г. Левицкого (1735-1822 гг.) и В.Л. Боровиковского (1757—1825 гг.). В скульптуре наиболее интересными были работы французского мастера Э.М. Фальконе (1716—1791 гг.), автора «Медного всадника». Из русских скульпторов необходимо упомянуть Ф.И. Шубина (1740-1805 гг.) и М.И. Козловского (1753-1802 гг.).

В первой половине XIX в. продолжается развитие исторической живописи: А.И. Иванов (1776-1848 гг.), О.А. Кипренский (1782-1836 гг.); жанровой живописи: А.Г. Венецианов (1780—1847 гг.); пейзажной живописи: С.Ф. Щедрин (1791—1830 гг.). Но крупнейший живописец этого времени — К.П. Брюллов (1799-1852 гг.). Середина и вторая половина XIX в. дают нам целую плеяду блестящих художников, это А.А. Иванов (1806—1858 гг.), И.К. Айвазовский (1817—1900 гг.), П.А. Федотов (1815—1852 гг.) и многие другие. Особую роль в развитии живописи конца XIX в. сыграли художники-передвижники и созданное ими в 1870 г. «Товарищество передвижных художественных выставок». В него входили В.Г. Перов (1833-1882 гг.), И.Н. Крамской (1837-1887 гг.), И.Е. Репин (1844-1930 гг.), В.И. Суриков (1848-1916 гг.), В.Д. Поленов (1844-1927 гг.), И.И. Шишкин (1832-1898 гг.), В.М. Васнецов (1848-1926 гг.), А.И. Куинджи (1842-1910 гг.), И.И. Левитан (1860-1900 гг.) и т.п. Одним из основных теоретиков передвижников был известный художественный критик В.В. Стасов (1824-1906 гг.).

С 1898 по 1904 г. три известных художника — А.Н. Бенуа (1870—1960 гг.), К.А. Сомов (1869-1939 гг.) и Л.С. Бакст (1866-1924 гг.) - издавали журнал

927

«Мир искусств», который стал рупором идей сформировавшегося в это время в рчсской культуре модернизма. К мирискусникам были близки и такие ху-доЦшки, как В.А. Серов (1865-1911 гг.), Б.М. Кустодиев (1878-1927 гг.), И.ЯДБилибин (1876-1942 гг.), Н.К. Рерих (1874-1947 гг.) и другие. Идеи импрессионизма нашли свое выражение в творчестве К.А. Коровина (1861 — 1939 гг.). Одним из наиболее своеобразных художников этого времени был М.А. Врубель (1856-1910 гг.).

В период между первыми русскими революциями (1905—1917 гг.) появ-ляетсящелый ряд довольно воинственных течений и групп, провозглашающих необходимость разрушения старого искусства и создания совершенно нового, |в частности, формалистского и абстрактного. Особенно известны в этом смысле группы «Бубновый валет» и «Ослиный хвост».

Об Александре Как художник я хочу говорить здесь главным обра-**Иванове** зом о мастерстве и сознательно ограничиваюсь ана-

лизом тех качеств профессионального мастерства, которые делают работу Александра Иванова беспримерным шедевром, Не религиозные замыслы интересны сейчас для нас, равнодушных к богословской мудрости. Нас интересует в «Явлении Христа народу» способность человека во имя познанной истины пойти на героический подвиг, на смерть во имя той идеи, которой он служит беззаветно и преданно. Пусть нам теперь бесконечно далеки эти религиозные эк-стазы, речь идет лишь о степени и силе душевного накала и об умении художника это состояние передавать.

Начнем обзор картины слева, от группы вылезающих из воды старика и юноши. Склонились к зеленым водам прозрачного Иордана ветви дерев. Струится река, колебля в себе отражение древесных ветвей и человеческих тел. Лица, движения людей полны жизни, мысли, экспрессии.

Сухое, аскетическое тело старца и гармонически развитое прекрасное тело юноши дают образцы такой глубокой трактовки формы, сочетаются в такую законченную группу, что одна эта деталь уже представляет собой самостоятельную высокую ценность. Такие торсы можно встретить только в творениях великих греков. А сколько таких находок встретим мы при дальнейшем анализе живописных качеств картины. И как мудро, не нарушая композиционного единства, сольются в картине отдельные группы в единое величаво-прекрасное целое.

Вот группа апостолов, окружающая Иоанна Крестителя. Каждая отдельная фигура — своего рода шедевр. Каждый участник изображаемого события принимает в нем активнейшее участие, говорит, мыслит, сомневается или восторженно верит или еще только хочет поверить. Центр этой группы —

фигура экстатически величавого Иоанна из Галилеи. Не Христос, а он является центром картины. Может быть, тут и крылись для Иванова источники душевных сомнений и неудовлетворенности творца.

928

Иоанн Предтеча — фигура могучая, страстная и живая, способная во имя своих убеждений на высокий моральный подвиг, на стоййую защиту своих убеждений. Таков его внутренний облик. Каковы же его внешние признаки, каков тот язык, к которому прибегает художник для изображения Иоанна Предтечи? Душевная сила, переходящая в полную одержимость, в исступление — вот что стремится в первую очередь рассказать о своем центральном герое художник. Экстазом; горящие глаза; спутанная грива черных жестких волос; жил истые/руки, воздетые горе. Тело, закутанное в овечью шкуру, напряжено единым и страстным порывом. Весь он тугой, как натянутый лук, неукротимый, как полет стрелы. Это не иконописно-слащавый образ некоторых мастеров Ренессанса, изображавших Иоанна Крестителя сентиментально-элегическим мечтателем. Исступленный, безудержный порыв, непреклонная воля — так решает его образ великий художник. В поисках этого образа делает он ряд чудесных этюдов.

(Яковлев В.Н. О великих русских художниках. С.26-2Т)

Об Иване Айвазовском

Айвазовский, так мастерски умевший рисовать кружевные узоры волн, фактуру блестящих от пенистой влаги мшистых камней, плотную поверхность утрамбованного морским приливом песка, изумрудную прозелень волн, воздушный лёт разметанных ветром облаков, такелажное оснащение кораблей, корветов, фрегатов и бригов, всю сложную орнаментику морской поверхности, — мало имеет соперников. Светосила и блеск его красок столь поразительны, словно он писал другими какими-то материалами. Широкий, уверенный, артистический мазок послушно передает все замыслы художника, повинуясь его творческой воле. Краска и холст перестают быть лишь техническими материалами, образуя единое целое, в совершенстве передавая изображаемую стихию с ее глубиной, блеском и сиянием...

Секрет мастерства Айвазовского заключается в том, что он умел глубоко и прочно сочетать уловленное взволнованным чувством с трезвыми расчетами памяти. Великолепно и точно фиксирует он на холсте все законы сложной морской стихии, расшифрованной трезвой логикой мастера формы; все элементы его композиции объединены в стройную систему благодаря продуманному и строгому рисунку. А рисовать таких непослушных и непоседливых «натурщиков», как буйные волны или гонимые вихрем облака, то освещенные серебристым сиянием луны, то расплавленные, словно закатная медь, — для всего этого нужен особенный глаз и призвание, виртуозная техника и необыкновенная зрительная память. Всеми этими качествами обладал Айвазовский в полной мере.

(Яковлев В.Н. О великих русских художниках. С. 58-59)

929

Об Илье Репине Вскоре после безумной выходки Абрама Балашова, когда он с диким криком «довольно крови!» ринулся на Цртину Репина «Иван Грозный» и острым ножом поранил драгоценный холст, кучка злобствующих эстетов, футуристов и разного рода подозрительных типов решила отметить чудовищный поступок психопата особым чествованием, устроив в большой аудитории Политехнического музея публичный диспут под интригующим названием: «Кто убийца — Балашов или Репин?»...

Аудитория шумела, волновалась и пенилась, как морской прибой. Внезапно все смолкло. Из-за кулис вышли желтые кофты, размалеванные лица, а приклеенными к носу и лбу цветными картинками, с деревянными ложками в петлицах. В черном засаленном сюртуке — Давид Бурлюк, презрительно озиравший всех в лорнет. Председательствовал на этом бесовском шабаше поэт Максимилиан Волошин.

Обратившись к настороженно притихшей аудитории, он рассказал, что в Париже, на бульваре Гревен, есть «музей ужасов», где восковые фигуры изображают сцены убийств и пыток. Картине Репина, по его кощунственным словам, место в этом музее. В тон ему

визгливо вторил Бурлюк и прочие единомышленники этой своры.
Эти невежды пытались доказать археологическую неточность, допущенную Репиным; что-де ковер в картине не XVI, а XIX века, ссылались на указания профессора анатомии Зернова, который утверждал, что при ранении в висок не может вылиться столько крови. Обвинения сыпались одно нелепее другого. Как сорвавшиеся с цепи, кидались они на произведение Репина, стремясь своим блудословием докончить то, чего не успел сделать нож безумца.
Но вот слово попросил художник Щербиновский. Высокий, сухощавый и широкоплечий — он держался смело и вызывающе. Поигрывая тростью, он иногда в такт своим словам угрожающе ударял ею по кафедре. Он страстно говорил о Репине как о великом сыне русского народа,, о его мастерстве. Щербиновский был замечательным оратором; он сумел быстро и доказательно разбить сумбурные обвинения футуристов. Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами и одобрительными криками: «Браво! Спасибо за Репина!» Видя, что настроение слушателей после смелого выступления Щербиновскрго резко изменилось, компания желторубашечников ответила на рукоплескания Репину двупалым хулиганским свистом. Щербиновский еще стоял на трибуне и резко угрожающе размахивал тростью, когда неожиданно в зале погас свет. Но на экране для демонстрации диапозитивов осталось освещенным круглое пятно. И вдруг на фоне этого пятна появился силуэт всклокоченной головы. Все сразу узнали Репина.
— Репин здесь! Зажгите свет! Дайте ему говорить! - раздались со всех сторон дружественные крики.
930
Вспыхнули лампы, и через несколько человек от себя я увидел Рег пина, с детства ставшего мне дорогим и любимым. Но в каком он был виде! Растрепанный, задыхающийся, бледный... он пытался говорить.
Пронзительный свист из зала был ему ответом. Он продолжал срывающимся голосом что-то кричать, но в поднявшемся шумеи гвалте нельзя было расслышать его слов.
Щербиновский, все еще не покидавший трибуну, стал резко и сильно бить своей тростью по деревянной кафедре и зычным голосом, перекрывая крики, свист и топанье ног, закричал: «Дайте же Репину слова!»
Шум постепенно затих. Репин махнул было безнадежно рукой и стал пробираться к выходу, на один момент очутившись рядом со мной.
Сердце мое замерло от восторга и безмерной жалости к старому из-. мученному художнику.
— Не уходите! Пусть Репин говорит! Ответьте негодяям! — подобные возгласы неслись со всех сторон.
Убедившись в том, что большинство на его стороне, Репин несколько успокоился, поднял руку и начал говорить прерывающимся от вол^ нения голосом.
Он говорил о вандализме, ведущем к анархии, о безумцах, которые подобно Балашову в наше время, Герострату — в древности разрушали произведения искусства. «Этак вы и Рафаэля начнете резать».
Последние слова Репина потонули в наглых выкриках: «Нашел с кем сравнивать себя, да у вас с Рафаэлем только первая буква общая! Вашей картине место в Паноптикуме, а не в Третьяковке. Кто виноват, что Балашов при виде вашей картины сошел с ума? Кто же вандал? Кто убийца? Балашов или вы? Это вы его погубили!» Подобные гнусные выкрики, как камни, летели на седую голову великого художника.
В аудитории творилось что-то неописуемое. Скандал готов был перейти в драку...
Старый художник, потрясенный всем пережитым ..., стал быстро пробираться к выходу, сопровождаемый громкими криками, в которых смешались возгласы хулы и одобрения.
Вдруг на экране появился портрет Ильи Ефимовича, по-видимому, приготовленный Волошиным с целью надругательства над Репиным. Но зал буквально задрожал от аплодисментов и громких одобрительных возгласов.
(Яковлев В.Н. О великих русских художниках. С. 136—139)

О -«Бубновом валете»-

Интересно, что оба этих названия были придуманы им в конце того же 1911 года, когда находилась в разгаре работа над солдатскими сюжетами. «Были "Бубновый валет", — говорил Ларионов (М.Ф.

Ларионов (1881—1964), русский живописец, создатель лучизма. — *Сост.)* в одном из интервью
931
конца 1911 года. В этом году будем "Ослиным хвостом", в следующем появился как "Мишень"». «Ослиный хвост» был связан с известным эпизодом парижской художественной жизни 1910 года, когда противники нового искусства пытались выдать полотно, испачканное хвостом осла, за произведение «левой» живописи.'Впечатление, произведенное на московскую публику этим новым ларионовским ярлыком, было ещё более ошарашивающим, чем годом раньше — «Бубновый валет». Газеты опять захлебывались от возмущения, а полиция снимала со стен полотна Гончаровой на религиозную тему («Евангелисты») как несовместимые с названием выставки. «Мишень» уже и совсем непосредственно соединялась с солдатскими сюжетами, и ее снижающий смысл — в самом сближении искусства с выражением из грубого солдатского обихода. Возможно, впрочем, что Ларионов как бы бросал этим названием открытый вызов враждебным фельетонистам, заранее объявляя свою выставку «мишенью» для газетного обстрела...

По словам газет, «позорища», именуемые диспутами «Бубнового валета», заключались в сплошном «инсценировании скандалов». При этом публика не обманывалась в своем щекочущем ожидании скандала, ибо «перлы "бубнового" красноречия вызывали "гомерический хохот"». Доклады представляли «бестолковое бурлюканье» «бубновых валетов» или «наездничество по различным вопросам искусства», в процессе которого публика встречала «картины нового искусства дружным смехом». Но основная изюминка диспутов заключалась в прениях, когда, по обыкновению, и «начинался кавардак». «Смеявшаяся публика требовала прекратить балаган», однако из этого ничего не выходило. «Два часа, — как пишет газетчик, — длилось сплошное безобразие, два часа сторонники и противники "валетов" свистели, галдели, топали ногами, ни одному из ораторов, что бы он ни говорил, не дали договорить до конца». И, наконец, все увенчивалось особо красочными анекдотами, до которых были столь охочи газетные хроникеры. На одном из диспутов выступал, например, «некто Маяковский, громадного роста мужчина с голосом, как тромбон», и требовал у публики защиты от «группки» «валетов», «размазывающих слюни по студню искусства», а на другом «оппонент г. Шатилов предлагал художнику Лентулову нижеследующее любопытное пари: если г. Лентулов объяснит значение своей картины "Отечественная война", то он, Шатилов, готов отсидеть 6 месяцев в кутузке»...

Пропаганда здоровья и силы, а отсюда и искусства в полный голос и в самом деле входила тогда в «позицию» «бубновых валетов», помогая им противопоставить свое искусство тому салонному символизму вполголоса (да и символическому течению вообще), который еще недавно процветал не только на «Голубой розе», но и на «Золотом руне». Характерно, что требование физического здоровья и силы тот же Машков сохранял и в более поздние годы, когда составлял программу своей
932
мастерской во Вхутемасе. Теперь же сюда прибавлялась и проповедь радостей жизни, начиная от испанских романсов и скрипки и кончая портретами жен художников (рассказывали, что, когда эти жены запротестовали, их головы в овалах уже почти перед выставкой пришлось поспешно переписывать на вазы с фруктами).

(Поспелов Г.Г. Бубновый валет. С. 103-120)

Литература

Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Антология мировой философии: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1972.

Бакунин МЛ. Социология //Антология мировой философии- В4т Т 4 М.: Мысль, 1972.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф М Сочинения: В 30 т. Т. 14. М.: Наука, 1976.

Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры: Развитие традиций М.: Искусство, 1990.

Карп П. Младшая муза. М.: Дет. лит., 1986.

Лососий И.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.

Поспелов ГГ. Бубновый валет: Примитив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов. М.: Сов. художник, 1990.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1954.

Цветаева М. Отец и его музей (Рождение музея) // Цветаева Марина. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1980.

Яковлев В.Н. О великих русских художниках: Литературно-художественные заметки. М.: Изд-во акад. художеств СССР, 1962.

ШтейнпрессБ.С.,ЯмполъскийИ.М. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

При изучении отечественной истории можно использовать различную периодизацию, но при рассмотрении истории культуры необходимо выделить *три эпохи,* когда имели место культуры различного типа. *Первая* из них начинается с принятия христианства на Руси, события, оказавшего серьезнейшее влияние на всю средневековую культуру в нашей стране; *вторая* — с реформ Петра I, определивших доминирующие черты русской культуры Нового времени; и, наконец, *третья* — с революций 1917 г. — Февральской и, особенно, Октябрьской, что придало специфические черты русской культуре XX века.

Одна из характерных особенностей отечественной культуры в том, что все кардинальные реформы в России проводились «сверху», т.е. государственной властью. Все они были связаны с насильственной ломкой прежней системы ценностей, принципиальным изменением идеологии, старого уклада жизни. Все они вызывали в свое время сопротивление, жестоко подавлявшееся властями. О значении каждой из них для нашей страны велись и до сих пор ведутся споры. Но в настоящее время самый сильный накал страстей, наибольшие расхождения в оценках, самые ожесточенные споры связаны с Октябрьской революцией и русской культурой советского периода. Причем большинство оценок — диаметрально противоположные: от крайне негативных до предельно восторженных. Но как бы далеко ни заводили нас споры о значении этой революции для истории России, ее решающее влияние на отечественную культуру всего последующего периода несомненно.

По-разному отнеслись к Октябрьской революции и сами деятели культуры, жившие в то время. Одни из них (по-видимому, составлявшие меньшинство) с самого начала ее приняли (А. Блок, В. Маяковский, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов, К. Тимирязев) и начали сотрудничать с Советской властью, другие заняли резко отрицательную позицию —,от пассивного неодобрения и отказа сотрудничать до непосредственного участия в Белом движении и Белой Армии, третьи (большинство) — были нейтральны, отстаивая позицию «невмешательства в политику». При этом часть интеллигенции оттолкнул сам факт «узурпации власти» большевиками, другую — ужасы гражданской войны. Но отношение к Советской власти не всегда и не у всех оставалось постоянным. Так, во время интервенции у многих представителей интеллигенции

возобладали патриотические чувства, и, не принимая идеологию большевиз-ма, они тем не менее встали на защиту России (в том числе и в рядах Красной Армии). После победы в гражданской войне и изгнания интервентов Советская власть прочно утвердилась почти на всей территории бывшей Российской империи (за исключением Польши, Финляндии, Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и некоторых других районов). В 1922 г. был образован Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Сформировавшаяся в 20—30-е гг. система государственного управления культурой, государственная монополия в сфере образования и идеологии не оставляли выбора интеллигенрии: одни добровольно, другие вынужденно должны были': сотрудничать с Советской властью.

После смерти В.И. Ленина в руководстве страны развернулась ожесточенная борьба за власть. Победу в ней одержал И.В. Сталин. Был принят курс на индустриализацию и коллективизацию страны. Экономическое развитие страны шло очень быстро. Однако в этот же период укоренились репрессивные методы управления страной, и жертвами репрессий стали не только полити-ческие противники И.В. Сталина, но и люди далекие от политики, в том числе — многие видные деятели науки и культуры (И. Бабель, Н. Вавилов, Н. Кондратьев, О. Мандельштам, В. Мейерхольд, П. Флоренский и др.)

Экономическое, политическое, культурное развитие страны было прервано Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. Война привела не только к гибели большого количества советских граждан (по современными данным, около 30 млн человек), но и к разрушению многих памятников культуры, разграблению музеев, коллекций и т.п. Многие сокровища русской культуры до сих пор не найдены — пребывают в тайниках или в частных коллекциях далеко на Западе.

Война оказала влияние на духовный климат общества. Перенесенные тяготы рождали надежды, что после победы жизнь будет устроена намного лучше. Но надеждам на ослабление административно-командных методов руководства страной не суждено было сбыться. Репрессии были проведены против целых народов. Идеологические кампании: борьба против «безродных космополитов», «формалистов» в искусстве, против

«лженаук» — генетики, кибернетики; постоянный поиск врагов и их разоблачения поддерживали в обществе атмосферу страха.

Новый период развития общества наступил после смерти Сталина (1953 г.). Он продлился до середины 60-х гг. и получил название «оттепели» (или «хрущевской оттепели»). На XX съезде КПСС были оЬуждены культ личности Сталина, массовые репрессии, было принято решение об пересмотре дел несправедливо осужденных людей. Период «оттепели» характеризуется подъемом в культурной и общественной жизни страны, восстановлением культурной преемственности, международного культурного обмена. Но к середине 60-х гг. в сфере культуры вновь господствующим становится грубое администрирование. Период от середины 60-х до середины 80-х гг. получил название «периода застоя», или «брежневского периода» (так как большую его часть у руководства страны находился Л .И. Брежнев). Характерная черта этого периода — наличие «подземной» культуры («андеграунда»): Самиздата — копирования и распространения не разрешенных для публикации литературных произведений, а также магнитофонных записей — от музыки «Битлз» до песен популярных бардов — Б. Окуджавы, Ю. Визбора, А. Галича и других, особое место

935

среди которых по известности занимал В. Высоцкий. Характерной чертой культуры этого периода было широкое распространение «городского фольклора» — анекдотов (анекдот 70-х гг.: «Три периода развития советского искусства: ранний Репрессионализм, поздний Реабилитанс, современный Сю-сюреализм.»)

В 1985 г. к власти приходит М.С. Горбачев, с именем которого связана «Перестройка». В это время получает распространение лозунг: «Разрешено все, что не запрещено», и начинается широкое обнародование произведений, которые долгие годы до этого пролежали на полке. В 1991 г., после событий, связанных с ГКЧП, М.С. Горбачев подписал документы о выходе из состава СССР трех прибалтийских республик. 8 декабря того же года президенты трех республик — России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.М. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич), собравшись в Беловежской пуще, договорились о создании Содружества независимых государств, что означало распад СССР и становление нашего отечества в современном виде — «Российская Федерация (Россия)».

Отрицание предшествующей культуры, стремление к созданию культуры нового типа является одной из характерных черт XX века (см. *Мировая культура XX в.).* Но в нашей стране эта общая тенденция мировой культуры получила своеобразную окраску. Во-первых, возникающая новая культура должна была быть «пролетарской» и соответствовать идеологии марксизма-ленинизма. Во-вторых, создание «пролетарской культуры» проводилось под эгидой государства административными методами, а значит, шло целенаправлено, систематично, сразу по всем возможным направлениям, а противоборствующие тенденции насильно подавлялись. К важнейшим достижениям Советской власти в сфере культуры несомненно можно отнести ликвидацию безграмотности (в основном это произошло еще в 20—30-е гг.) и создание системы высококачественного образования: доступ[1] к высшему образованию был открыт для большинства желающих. В стране действовала и развивалась сеть музеев, библиотек, театров и других учреждений культуры, хотя финансирование культуры велось по «остаточному принципу» и было недостаточным. Активно развивались в эти годы в стране отрасли науки, которые имели оборонное значение, к величайшим достижениям относятся создание космонавтики, овладение ядерной энергией и т.п. Но административное вмешательство в науку нередко тормизило и ее развитие (история борьбы с генетикой, а точнее — генетиками — хорошо описана в романе В. Дудинцева «Белые одежды»).

Своеобразный характер приобрела в нашей стране и такая особенность мировой культуры XX века, как тенденция к синтезу культур разных народов. Лозунг «интернационализма» и политика «подъема национальных окраин» способствовали развитию национальных культур, а ограничивали его «борьба с национализмом» и насильственное втискивание культуры любого народа в рамки марксистско-ленинской идеологии. Сейчас, после распада СССР, перед историками культуры стоит сложный вопрос: можно ли представителей народов, которые ныне проживают в других самостоятельных государствах, отнести к деятелям российской культуры. Но, во всяком случае, необходимо отметить, что целый ряд представителей национальных культур внесли серьезный вклад в развитие русской культуры (Ч. Айтматов, Г. Дане-лия, Ф. Искандер и др.)

936

Еще одна отмечаемая ранее тенденция мировой культуры — возникновение молодежной субкультуры — не получила особого развития в нашей стране вплоть до падения СССР.

В течение периода Советской власти несколько тем доминировали во всех видах художественного творчества: это, прежде всего, Революция и Гражданская война, Строительство Светлого будущего, Великая Отечественная война, Репрессии.

Тема Революции и Гражданской войны стала одной из основных в художественном творчестве уже в 20—30-е гг. Это фильмы С. Эйзенштейна «Стачка», •«Броненосец «Потемкин»», В. Пудовкина «Мать», братьев Васильевых «Чапаев», роман М. Шолохова «Тихий Дон», трилогия А. Толстого «Хождение по мукам» и др. Постепенно произошло формирование мифа о Революции с характерной для мифа резкой поляризацией «Сил добра» — Красные и «Сил зла» - Белые. Типичное для русской культуры космическое видение мира придало борьбе этих двух сил вселенский характер. Октябрьская революция понималась как начало Мировой революции («Я хату покинул, пошел воевать / Чтоб землю в *Гренаде* крестьянам отдать» М. Светлов); цель этой борьбы — построение коммунизма — соответствовала христианской мечте о царстве

Божьем на земле. Зарождающаяся «пролетарская идеология» впитала из христианства идеал мученичества и жертвенности («Смело мы в бой пойдем за власть Советов / И как один *умрем* в борьбе за это»), а также — аскетизма и отрицания «царства жирных», Марксизм, который изначально представлял из себя социально-политическое учение, за годы Советской власти обрел в нашей стране определенные черты религии. Многие исследователи отмечали, что накал страстей в борьбе за утверждение идей коммунизма в России соответствовал тому, который имел место в Западной и Центральной Европе во время религиозных войн в эпоху Реформации. Это в определенной степени объясняет сложные отношения между Советской властью и церковью, в первую очередь — Русской православной церковью. С одной стороны, они представляли конкурирующие идеологии, что и вызвало их борьбу, а с другой, были и «точки соприкосновения», что в условиях господства государственной власти вылилось в создание доктрины «христианского коммунизма» в церкви. Мифологизация Революции и Гражданской борьбы породила канонические образы вождей революции в изобразительном искусстве: это прежде всего серия скульптур Н. Андреева «Лениниана», серия портретов героев и вождей Революции И. Бродского, а также его полотно «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна» и др.

Строительство Светлого будущего — это следующий этап Революции, поэтому он несет в себе черты того же мифа: идеал жертвенности в борьбе за Общее дело, пафос утверждения нового Светлого мира («Я знаю — город будет, / я знаю — саду цвесть, / когда такие люди / в стране в советской есть!» В. Маяковский). Особо яркое выражени. эта тема находит в кино в фильмах «Волга-Волга», «Светлый путь» режиссера Г. Александрова с музыкой И. Дунаевского и участием В. Орловой, «Трактористы», «Кубанские казаки» И. Пырьева, «Семеро смелых» С. Герасимова и др. В 50—60-е гг. тот же пафос прослеживается в теме освоения Целины, Великих строек и т.п.

Изображение Великой Отечественной войны, так же как и Революции, в художественном творчестве несет в себе черты мифа космической борьбы Сил Добра с Силами Зла (это борьба за освобождение Человечества «с фашист-

ской силой *тёмною*).* Здесь, в противовес преобладающему в теме Революции интернационализму, появляются патриотические мотивы. Это проявилось и в призыве в первый же день войны патриаршьего престолоблюстителя Сергия ко всем православным людям встать на защиту Отечества, и в знаменитом обращении в речи Сталина «Братья и сестры!», и в напоминании о традиции защиты Отечества в той же речи. Насколько это было своевременно, можно судить уже по тому, какой популярностью пользовался в эти годы фильм «Александр Невский». Не случайно мгновенную любовь читателей завоевала поэма А. Твардовского «Василий Теркин», где образ самого Теркина соответствует фольклорному образу бывалого и смышленого солдата, который способен «сварить суп из топора» и перехитрить саму Смерть. В послевоенные годы происходит постепенная эволюция от мифологического ко все более реалистическому изображению войны (трилогия Ю. Германа «Дорогой мой человек», романы Ю. Бондарева «Берег», А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...», В. Некрасова «В окопах Сталинграда», В. Богомолова «Момент истины» и др.).

И, наконец, *тема Репрессий* — самая болезненная для всех нас. В сталинский период она вообще находилась под запретом, и публикаций по ней не было. В период «хрущевской оттепели» появляются в печати «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и еще несколько произведений, но очень быстро эта тема опять оказывается «нежелательной» для властей. И только в период «перестройки» лагерная тематика обретает свое законное место в культуре. Среди всех произведений на эту тему необходимо, в первую очередь, отметить «Колымские рассказы» В. Шаламова и фильм Т. Абуладзе «Покаяние».

Говоря о русской культуре послеоктябрского периода, нельзя не упомянуть еще об одном феномене — *русской культуре зарубежья.* После разгрома интервентов и Белой Армии многие деятели культуры уехали в эмиграцию, другие были высланы насильно за рубеж как враги Советской власти. Русские ученые, поэты, художники, артисты и другие деятели культуры, составившие «первую волну русской эмиграции», находясь за рубежом, продолжали и там оставаться творческими личностями, развивали традиции русской культуры и оказали значительное влияние на всю мировую культуру XX века. "Достаточно вспомнить Владимира Набокова, который считается одним из лучших англоязычных писателей мира, Николая Бердяева, чьи философские идеи оказали серьезное влияние на возникновение и развитие экзистенциализма, Михаила Чехова — одного из создателей Голливуда. Во время второй мировой войны большинство эмигрантов из России заняло антифашистскую и патриотическую позицию. После окончания войны часть советских граждан (в основном из числа пленных, или угнанных фашистами на работу на Запад, или проживавших на оккупированных территориях и сотрудничавших с немцами) остались на Западе. Они составили «вторую волну эмиграции», но среди них практически не было крупных деятелей культуры. «Третья волна эмиграции» приходится на последние двадцать лет Советского периода, когда некоторые диссидентски настроенные представители интеллигенции получили возможность уехать из СССР, получив на Западе «политическое убежище».

Отношение к «добровольным» эмигрантам в общественном сознание двоякое: от презрительного до одобрительного. Но зато без колебаний можно ска-

зать, что те, кто остался, заслуживают безусловного уважения. Различен их вклад в культуру, различна их

судьба: кто сам был репрессирован, у кого в лагерях сгинули близкие. Одним пришлось пережить идеологические «проработки», другим — творить для будущего, не надеясь на то, что их произведения скоро увидят свет... Пророческим в этом смысле оказалось стихотворение Анны Ахматовой, написанное еще в 1922 г.:

Не с теми я, кто бросил землю На растерзание врагам. Их грубой лести я не внемлю, Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник, Как заключенный, как больной. Темна твоя дорога, странник, Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара Остаток юности губя, Мы ни единого удара Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней Оправдан будет каждый час... Но в мире нет людей бесслезней, Надменнее и проще нас.

И та же мысль прозвучала в новое время и на новый лад в песне В. Высоцкого 70-х годов: «Не беспокойтесь — я не уехал, / И не надейтесь — я не уеду...». И большинство не уехало, жило и творило в России. И именно они — создатели русской культуры нашего времени.

Знание истории русского народа и его культуры позволяет нам надеяться, что и ныне Россия сумеет справиться со всеми своими бедами и обретет свой путь к Истине.

Литература

Истории русской культуры послеоктябрьского периода (как общим, так и частным ее проблемам) посвящено большое количество работ, в основном, эти книги и статьи общедоступны (имеются в массовых библиотеках). Ниже приводится список литературы, посвященный как в целом развитию русской культуры Послеоктябрьского периода, так и отдельных ее сторон.

Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР. М.: Книга, 1980. • *Аронов АЛ.* История отечественной культуры. Век XX. М.: Аз, 1998.

Балет. Энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981.

Говоров АЛ. История книжной торговли в СССР. М.: Книга, 1976.

Есаков В Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления госруководства наукой. М: Наука, 1971.

939

Зименко В.М. Советская историческая живопись. М.: Сов. художник, 1970.

Зингер Л.С. Советская портретная живопись 1917 — начала 1930 годов. М.: Изобраз. искусство, 1978.

Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры: Развитие традиций. М.: Искусство, 1990.

История русской советской литературы: Учебник для вузов / Под ред. П.Ф. Выходцева. М.: Высшая школа, 1974.

История политических и правовых идей: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-кор. РАН В.С. Нерсесянца. М.: Изд. группа ИНФРА-М—Кодекс, 1995.

Кино. Энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1986.

Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. М.: Наука, 1986.

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962—1975.

Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ой-зермана, И.Я. Щипанова. М.: Мысль, 1967.

Культурная жизнь в СССР: 1928-1941 (Хроника) / Сост. С.Н. База-нов, Н.П. Жилина, В.А. Козлов и др. М.: Наука, 1976.

Культурная жизнь в СССР: 1941-1980 (Хроника) / Сост. С.Н. База-нов, Н.П. Жилина, В.А. Козлов и др. М.: Наука, 1977.

Лебедев НА. Очерки истории кино в СССР. М.: Искусство, 1965.

Лебедев П.И. Русская советская живопись: Краткая история. М.: Сов. художник, 1963.

Лебедянский М.С. Становление и развитие русской советской живописи. 1917 - начало 1930 гг. Л.: Художник РСФСР, 1983.

Лосский И.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1995.

Народное образование в СССР / Под ред. М.А. Прокофьева. М.: Педагогика, 1985.

Народное образование в СССР: Сб. нормат. актов / Сост. Н.Е. Голубев. М.: Юрид. лит., 1987.

О партийной советской печати, радиовещании и телевидение: Сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1972.

Педагогическая энциклопедия: В 4 т. М.: Сов. энцикл., 1964—1968.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989.

СадулъЖ. Всеобщая история кино: В 5 т. М.: Искусство, 1958—1964.

Советские писатели. Автобиографии: В 4 т. М.: Худож. лит. 1959—1972.

Советский балетный театр 1917—1967: Сб. ин-та театра, музыки и кинематографии / Ред. В.М. Красовская. М.: Искусство, 1976.

Соколов-Каминский А.А. Советский балет сегодня. М.: Знание, 1984.

Театральная энциклопедия: В 5 т. М.: Сов. энцикл., 1961—1967.
Хайченко ГА, Страницы истории советского театра. М.: Искусство, 1983.

Червонная С.М. Современное советское изобразительное искусство: Живопись. М.: Знание, 1986.
Штейнпресс Б.С., Ямпольский ИМ. Энциклопедический музыкальный словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.
Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Р. Культура России IX—XX вв.: Учеб. пособие. М.: Простор, 1996.
Яхот И. Подавление философии в СССР (20—30-е годы) // Вопросы философии. 1991.№9-11.
Учебное издание **Гриненко Гйлина Валентиновна**
ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ Учебное пособие
Подписано к печати 16.06.2005. Формат 60x90'/16
Гарнитура «Antiqua». Печать офсетная. Усл. печ. л. 59,0. Тираж 3 000 экз. Заказ № 3327
Издательство «Юрайт-Издат»
140004, Московская область, г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, дом 1 Тел. (095) 744-00-12. E-mail: publish@urait.ru, www.urait.ru
Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Всероссийская академия
внешней торговли

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ

Гриненко Галина Валентиновна — доктор философских наук, профессор. Закончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в настоящее время — зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Института международных экономических отношений, профессор Всероссийской академии внешней торговли.

Книга, которую Вы держите в руках, — 3-е издание бестселлера на рынке учебной и научной литературы, посвященной истории мировой культуры.

Высоко оцененная не только российской, но и международной научно-педагогической общественностью, «Хрестоматия по истории мировой культуры» вошла в число 40 лучших российских книг последнего десятилетия по гуманитарной тематике, отобранных экспертами Фонда Сороса.

В этом издании Г.В. Гриненко практически заново разработала и представила читателям важнейший раздел, посвященный истории развития культуры XX века — бурного, противоречивого, богатого событиями мирового масштаба.

ISBN 5-9692-0019-0

9 785969 200197

www.urait.ru